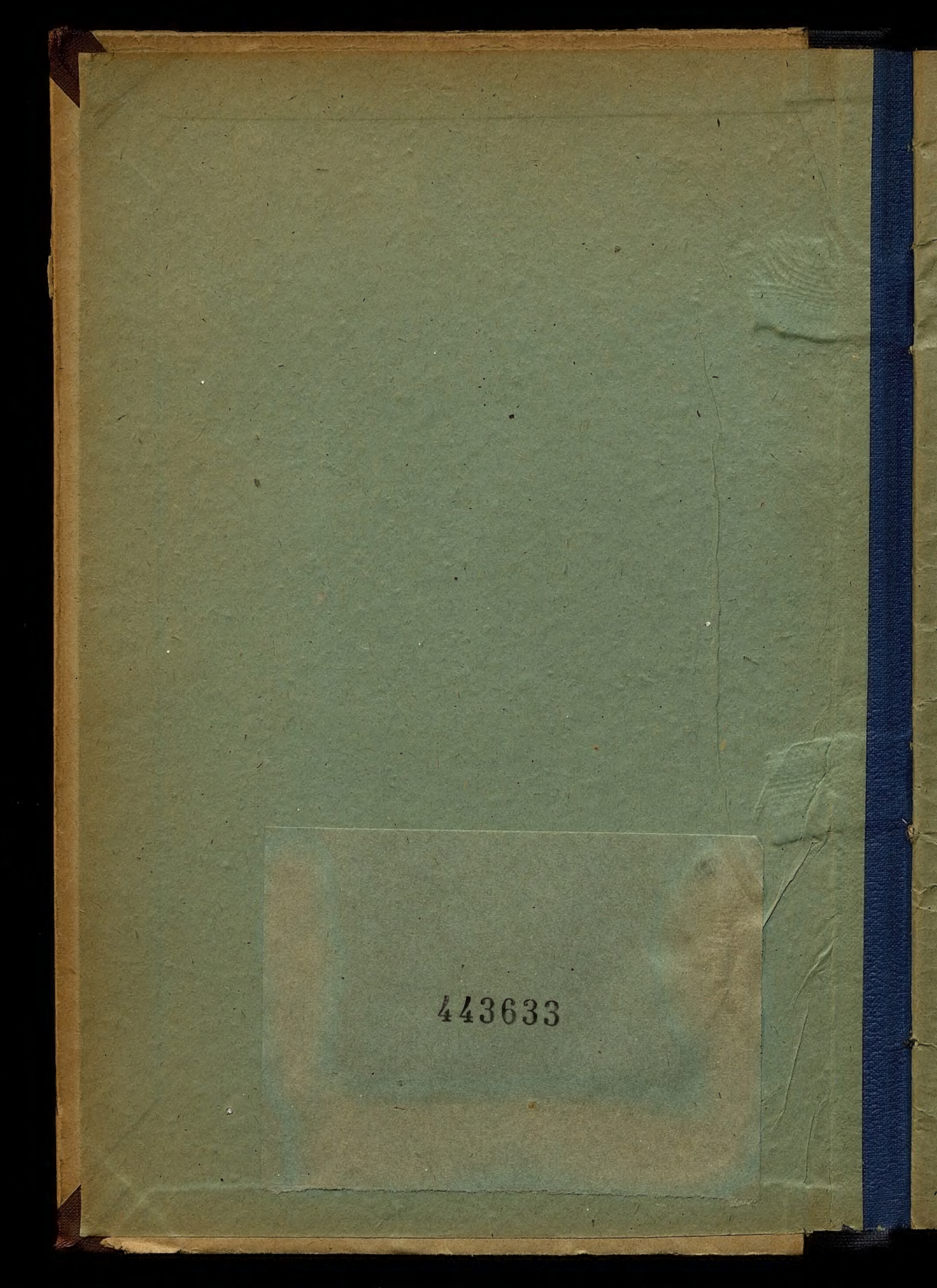
Процесс „Промпартии".

ПРОЦЕСС „ПРОМПАРТИИ"

(25 ноября—7 декабря 1930 г.)

СТЕНОГРАММА
СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА
И МАТЕРИАЛЫ,
ПРИОБЩЕННЫЕ К ДЕЛУ

1931
ОГИЗ—„СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО"—МОСКВА

С 3—I кв. 1931 г.

Общая редакция секретаря Специального присутствия Верхсуда СССР по делу „Промпартии“ Г. И. Иваненко.

Главлит А 88766 34 п. л. Тираж 25.000 экз.

Типо-литография им. Воровского, Москва, ул. Дзержинского, 18.

Состав Специального судебного присутствия Верховного суда СССР по делу контрреволюционной организации—„Союза инженерных организаций“ („Промышленная партия“):

Председатель — А. Я. **Вышинский**

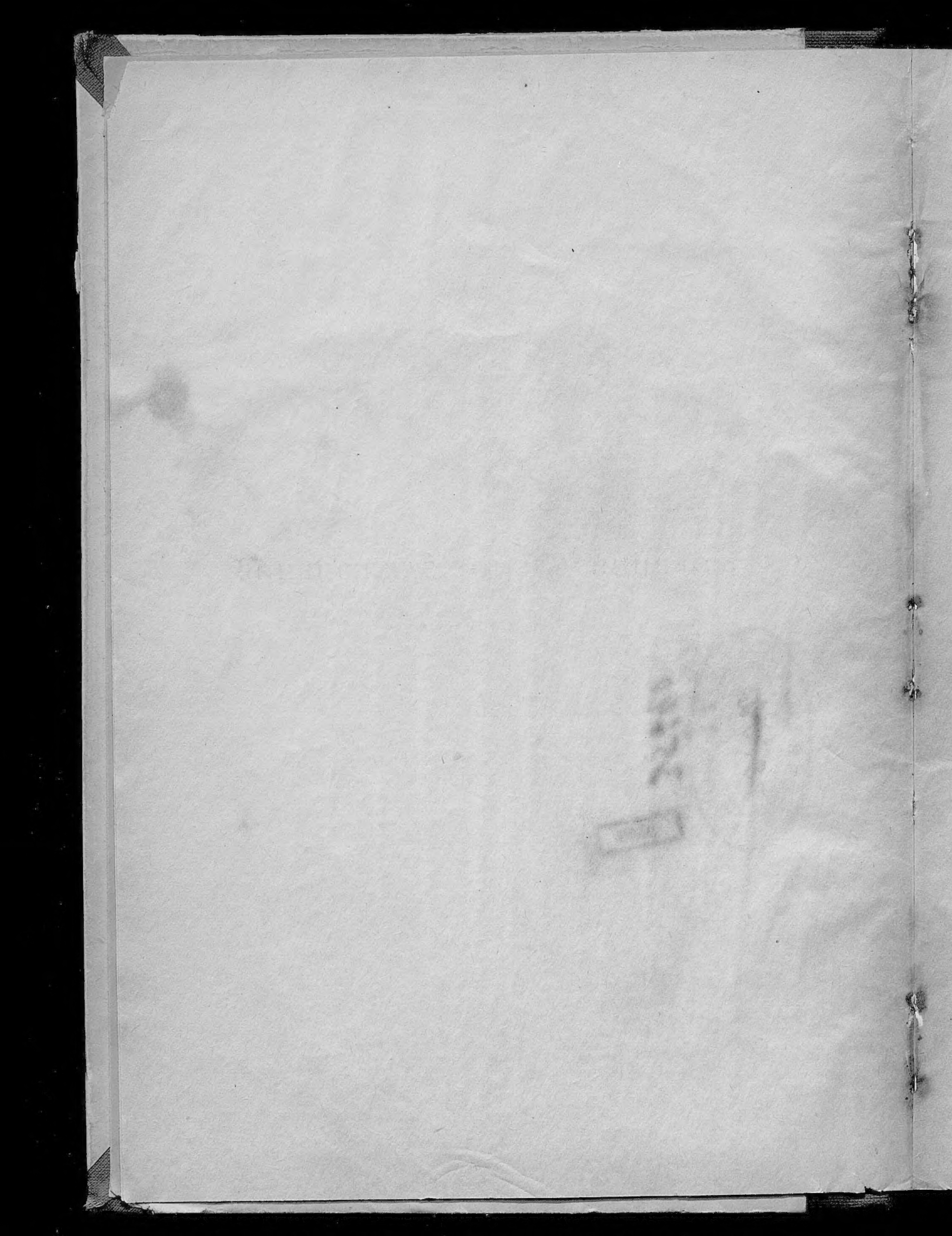
Члены: **В. П. Антонов-Саратовский**
В. Л. Львов
П. А. Иванов

Государственные обвинители:

Н. В. Крыленко
В. И. Фридберг

Защита: **И. Д. Брауде**
М. А. Оцеп

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по делу контрреволюционной организации „Союза инженерных организаций“ („Промышленная партия“) по обвинению Рамзина, Калинникова, Ларичева, Чарновского, Федотова, Куприянова, Очкина и Ситнина по ст. 58, пп. 3, 4 и 6 Уголовного кодекса РСФСР

Одна за другой в целом ряде отраслей промышленности за истекшие два года раскрывались усилиями ОГПУ вредительские организации. Вслед за шахтинской вредительской группировкой была раскрыта вредительская организация в НКПС. За вредительством на транспорте последовало раскрытие вредительских организаций в военной, текстильной, судостроительной промышленности, в машиностроении, в химической, золотой, нефтяной и других отраслях промышленности.

О ряде вредительских организаций и принятых мерах борьбы советское правительство считало нужным путем официальных уведомлений поставить в известность широкие массы трудящихся.

Почти по всем материалам этих дел следствие систематически приходило к выводу о наличии единого организованного руководящего центра всей вредительской работы, натыкаясь сплошь и рядом на вредителей в основном управляющем аппарате всем народным хозяйством — в ВСНХ и в основном планирующем органе — Госплане (об этом говорили уже данные следствия по шахтинскому процессу).

Многочисленность этих организаций, длительный период их существования, внутренняя организованность их и спайка, а главное постоянно устанавливавшийся следствием почти в каждом из дел теснейший контакт их с контрреволюционной организацией скрывшихся за рубеж бывш. собственников национализированных предприятий, связь с международным капиталом и наконец теснейшая связь со шпионской работой военных штабов иностранных государств, — все это давно заставило советскую власть расценивать вредителей не как случайную контрреволюционную группировку инженеров, а прежде всего как определенный метод классовой борьбы со стороны буржуазии *как класса в целом*, организованно действующей во всех областях нашего хозяйственного строительства, и сверх того *искать руководящий центр и рычаг всей вредительской работы не только в среде тех или иных организаций международного капитала, но непосредственно в правительственных сферах крупнейших буржуазных государств Европы*, фактически руководивших действиями вредительских организаций и определенно *использовавших их как свою военную и политическую агентуру*.

К этому выводу систематически приходила следственная власть при разработке данных о вредительских организациях на основе непосредственных материалов следствия. Мощный поступательный ход вперед Советского Союза на хозяйственном фронте, успехи социалистического строительства исключали для всех этих вредительских организаций осуществление их замыслов *без помощи извне*, без вмешательства в проводимую ими классовую борьбу против Советского Союза более мощных сил организованного международного капитала в лице его буржуазных правительств, опирающихся на вооруженную силу. Возрастающая по мере тех же успехов Союза враждебная активность буржуазных государств по отношению к Советскому Союзу, непрекращающиеся провокационные попытки втянуть его в войну, наконец оголтелый шум, который всякий раз поднимала буржуазная пресса после

актов репрессии советской власти против открытых вредителей,—все это с неумолимой логикой приводило к тем же выводам и говорило о наличии определенной органической связи между работой вредителей и антисоветской политикой буржуазных государств. Сюда поэтому неизбежно должны были вести нити от вредительских организаций.

Таковы были выводы об организационных основах и тактических перспективах вредительства, к которым систематически приходила следственная власть при разработке отдельных конкретных дел.

Однако лишь материалы по делу раскрытой наконец ОГПУ контрреволюционной организации, называвшей себя «Промышленной партией» или «Советом союза инженерных организаций», объединившей в единую организацию все отдельные вредительские организации по различным отраслям промышленности и действовавшей не только по указаниям международных организаций бывш. русских и иностранных капиталистов, но и в связи и по прямым указаниям правящих сфер и генерального штаба Франции по подготовке вооруженного вмешательства и вооруженного свержения советской власти,—подтвердили целиком эти выводы. Показания привлеченных по настоящему делу вскрывают в достаточной степени именно этого рода связь.

Считая исключительно важным немедленно предать гласному суду лиц, поставивших в результате своей антигосударственной преступной деятельности широчайшие массы трудящихся СССР и Западной Европы под прямую угрозу в ближайшем же будущем новой войны против народов СССР,—прокуратура республики предлагает вниманию Верховного суда СССР в настоящем деле эту именно сторону преступной деятельности, оставляя пока в стороне другие, нуждающиеся в дополнительной следственной разработке, стороны дела. Прокуратура республики пред'являет привлеченным по делу лицам обвинение по ст. 58, пп. 3, 4 и 6 УК РСФСР.

I. ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЦЕНТРА КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫХ ВРЕДИТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Возникновение и личный состав об'единенного вредительского центра

Основной работник центра контрреволюционных организаций—проф. Московского высшего технического училища Леонид Константинович Рамзин в показании, написанном собственноручно от 21 сентября 1930 г., показал:

«Признавая себя виновным в участии в контрреволюционной организации «Инженерном центре» (или в «Совете об'единенных инженерных организаций»), я окончательно и бесповоротно прекращаю всякую борьбу с советской властью, полностью разоружаюсь и приношу мое искреннее и чистосердечное раскаяние в совершенных мной преступлениях...

Насколько мне известно из отрывочных сообщений, возникновение «Инженерного центра» можно отнести к 1926 году. Сколько-нибудь точных и подробных сведений по этому вопросу я не имею, ибо я начал принимать участие в «Инженерном центре» лишь в начале 1927 г....

Инициатором, вдохновителем и основным организатором при создании «Инженерного центра» является П. А. Пальчинский, причем наиболее активными сотрудниками его являлись Л. Г. Рабинович и И. И. Федорович»[1].

Основные предпосылки для возникновения «Инженерного центра» в его первоначальном виде обвиняемый Рамзин рисует следующие:

«а) Одной из исходных причин создания контрреволюционной организации являются прежде всего политические настроения в рядах старого инженерства, колебавшегося обычно в границах от кадетских до крайних правых монархических убеждений. Таким образом по своему политическому облику старое инженерство в своей массе не принимало советского строя и принципов коммунистической партии.

б) Указанные политические настроения подкреплялись и разницей в деловом и бытовом положении инженеров до и после Октябрьской революции; естественное недоверие советской власти к инженерству, политический и общественный контроль за их работой лишили инженерство того командного положения, которое многие из них занимали до революции; вместе с тем после революции бытовое и материальное положение крупных инженеров сильно ухудшилось.

в) Влияние прежних владельцев предприятий на старых инженеров, имевших и частично сохранивших связи с прежними хозяевами, также было постоянным стимулом для борьбы против советского строя с целью возврата прежним владельцам их предприятий или компенсаций за них.

г) Наметившийся переход от нэпа к социалистическому наступлению был

---

[1] Пальчинский расстрелян по приговору коллегии ОГПУ по делу о вредительстве в золото-платиновой промышленности. Федорович осужден по вредительству в угольной промышленности. Рабинович осужден по шахтинскому процессу на 6 лет, дополнительно по делу о золото-платиновой промышленности осужден на 10 лет. Последние к настоящему процессу не привлечены, как не принимавшие участия в работе контрреволюционной организации последних двух лет, к каковому периоду относятся тягчайшие из совершенных преступлений.

также одной из причин, побудивших к активным действиям против советской власти, ибо надежды на постепенное перерождение последней и дальнейшее углубление нэпа постепенно рушились.

д) Разгоравшаяся борьба внутри ВКП(б) возбуждала надежды на более успешные результаты контрреволюционных выступлений в расчете на ослабление коммунистической партии внутренней борьбой».

В то же время, продолжает он:

«е) Враждебность и ненависть к советской власти со стороны капиталистических стран создавали реальную базу для расчета на активную помощь извне вплоть до военной интервенции и таким образом позволяли надеяться на полную осуществимость контрреволюционного переворота в недалеком будущем.

ж) Наметившееся уже в 1927 г. ухудшение бытового положения, недовольство в крестьянских массах, определившиеся признаки кризисов и экономические затруднения с перспективами их прогрессирования создавали внутри страны благоприятную почву для контрреволюционного переворота».

Рамзин не договаривает здесь основной причины — того, что почти все из главных заправил центра были до революции либо сами крупными промышленниками и капиталистами (Рабинович), либо занимали наиболее крупнооплачиваемые командные должности у крупнейших промышленных заправил, были, так сказать, их вторым лицом. Что же касается «кризисов», то последующие данные по делу укажут роль, какую сыграла в создании этих «кризисов» работа непосредственно самих обвиняемых и созданной ими контрреволюционной организации.

Личный состав центральной вредительской организации Рамзин определяет из следующих лиц:

«В состав «Инженерного центра» входили:

1. П. А. Пальчинский — основной руководитель всего центра, в ведении которого, кроме общего руководства работой всей организации, были вопросы военные, финансовые и основных заграничных связей.

2. Л. Г. Рабинович — угольная промышленность, мелкие отрасли промышленности и общий сводный промышленный план.

3. Инж. Хренников [1] — металлургия.

4. Проф. Чарновский — металлургия и металлообрабатывающая промышленность.

5. Инж. Федотов — текстильная промышленность.

6. Инж. Куприянов — текстильная промышленность.

7. Инж. Ларичев — нефтяная промышленность и топливоснабжение.

8. Проф. Л. К. Рамзин — топливоснабжение и энергетика».

Кроме того Рамзин относит к данному центру П. И. Красовского [1], ведавшего вредительством на путях сообщения, хотя и затрудняется, как он говорит, «окончательно отграничить членов самого центра от членов его отраслевых групп», тем более, что формальных выборов как самого центра, так и его президиума не было. Однако центр фактически имел президиум, состоявший из следующих лиц: инж. П. А. Пальчинского, инж. Л. Г. Рабиновича и инж. Хренникова, причем после ареста Рабиновича, по показаниям Рамзина, его фактически заменил Федотов (показание от 21 октября). Несколько иначе по этому последнему пункту о лидерстве во вредительской организации показывает обвиняемый Ларичев. Подтверждая в общем и целом показания Рамзина о составе руководящего центра, он тем не менее говорит:

«Руководящая группа фактически играла роль центрального комитета, в состав которого входили: Хренников, Калинников, Рамзин, я, Чарновский, Федотов. Хотя никаких выборов председателя нами не производилось, но по преемственности и широкому знанию общего положения руководящую роль играл Хренников. После его ареста деятельность организации резко свернулась, и в этот последний период руководство перешло к Рамзину» (показания от 21 сентября).

Организационная структура вредительских об'единенных организаций

Организационная структура центра всей вредительской организации была, по Рамзину, следующая:

«В целях максимальной конспирации вся организация была построена по принципу обособленных цепочных связей, а именно — по отдельным отраслям промышленности существовали отдельные головные звенья, игравшие роль соответствующих отраслевых центров, которые устанавливали связь далее книзу; т. е. к низовым и периферийным ячейкам.

Благодаря такой организации члены различных цепочек не знали друг друга и даже верховные и низовые звенья одной и той же цепочки также не находились в непосредственном контакте.

---

[1] Хренников умер во время следствия.

[1] Красовский осужден за вредительство на транспорте на 10 лет и по тем же основаниям, что и Рабинович, к делу не привлечен.

Такая система цепочных связей обеспечивала минимальные разрывы организации в случае провала отдельных ее членов...

...По моему впечатлению, общий объем московской организации, непосредственно связанной с центром, можно оценивать около 40—50 человек, а суммарное количество членов организации, тяготеющих непосредственно к центру, — цифрового порядка 400—500 человек. Общее же количество участников организации, включая низовых работников, доходило до 2 тыс. человек» (показания от 21 сентября).

По отдельным отраслям промышленности во главе указанных высших цепочек стояли, кроме упомянутых выше обвиняемых, по показаниям Рамзина, следующие лица:

«Угольная промышленность — И. И. Федорович, инж. Скорутто, Назимов и А. Д. Волкович.

Нефть — проф. И. Н. Стрижов, инж. Покровский (Госплан СССР) и инж. Н. Н. Смирнов (ВСНХ СССР).

Металл — Гржимайло, Белоножкин, Юлманов, Кауфман, Неймайер, инж. П. М. Кутский, инж. Р. Я. Гартман, Лист, Липгарт и Подьяконов.

Текстильная — Куприянов, Лебедев, Лопатин, Нольде.

Химическая — инж. В. П. Кравец (ВСНХ СССР) и инж. В. Н. Камзолкин, проф. И. С. Шведов, проф. Шпитальский, Лотавский, Лебедкин, Булгаков.

Торфяная — В. Н. Вальяжников, Кирпичников.

Лесная—В. П. Майер и Квятковский.

Цементная — М. М. Поросов и А. И. Ставровский.

Электротехническая — В. И. Упримов.

Экономическая группа — Гуревич, Белоцерковский, Соколовский (ВСНХ СССР).

Топливоснабжение — Прошвич и Покровский (ВСНХ СССР), Цванцигер, С. Н. Украинцев-Целибель.

Общая увязка промышленного плана в целом и мелкие отрасли промышленности — проф. И. А. Калинников.

Энергет — М. Л. Каменецкий, Н. Н. Вашков, проф. А. А. Горев, инж. Кукель-Краевский, Н. И. Осадчий, Сушкин.

Ленинградские группы — проф. М. В. Кирпичев, А. А. Фомин, В. Н. Шрегель.

МОГЭС — Кирпичников, Яновицкий, Крылов, Я. Савельев.

Энергетика военной промышленности — инж. Е. Ф. Евреинов и инж. В. Н. Домонтович (Теплотехнический институт).

Энергетика транспорта — А. К. Бесядовский и Н. Ф. Лавров.

НКПС — Мекк, И. Н. Борисов, П. И. Красовский, П. С. Янушевский, М. Е. Правосудович, А. Ф. Величко, Шухов.

Профсоюз инженерно-технических работников — С. Д. Шейн.

ВАИ и Политехническое общество — Н. Н. Львов, А. А. Шадрин[1].

В общем можно сделать вывод, — заключает Рамзин, — что, за исключением сельского хозяйства, почти все секции Госплана СССР и директораты ВСНХ СССР были охвачены центром». Сельское хозяйство впрочем в свою очередь было охвачено контрреволюционной группой Кондратьева.

Состав периферийных центров Рамзин не указывает, так как его могут указать лишь «члены отраслевых центров, поскольку они были непосредственно связаны с периферией».

Общая картина сказанного выше в достаточной степени рисует силу вредительской организации, какую она приобрела приблизительно к 1928 г. — началу шахтинского дела, когда впервые ей был нанесен удар провалом шахтинского филиала вредительства в угольной промышленности.

Политическая и тактическая программа вредительского центра

Политическая и экономическая программа вредителей в этот момент была следующая.

Обвиняемый Рамзин показывает:

«Форма правления намечалась в виде буржуазно-демократической республики. По этому вопросу имелись различные предложения, вплоть до монархической реставрации. Однако в процессе обсуждения такая постановка была отвергнута, ибо старая династия совершенно дискредитирована; выдвигать же какую-либо новую династию заставило бы итти на опасную авантюру, а главное, монархическая реставрация встретила бы энергичный отпор со стороны широких масс населения, оттолкнув их от центра.

Законодательный орган намечен был в виде парламента, избираемого путем всеобщего избирательного права, но при помощи соответствующей сложной системы выборов, которая обеспечила бы желательный состав парламента.

Оба вышеуказанных положения мыслились однако лишь после окончательного укрепления нового строя; на первое же время после контрреволюционного переворота считали необходимой военную диктатуру.

В области промышленности основной принцип сводился к возврату предприятий прежним их владельцам. При реализации этого однако были

---

[1] Все перечисленные лица либо уже осуждены ОГПУ, либо привлечены ОГПУ каждый по соответствующей отрасли промышленности и в настоящий процесс не включены.

очевидны громадные затруднения, ибо большинство прежних предприятий коренным образом изменилось, часть их совершенно ликвидирована или находится в нерабочем состоянии, наоборот другая часть старых предприятий настолько расширилась или подверглась столь радикальной реконструкции, что их ценность увеличилась иногда в несколько раз. Наконец после Октябрьской революции появилось большое количество совершенно новых предприятий, общая мощность и ценность коих значительно превосходят суммарную ценность прежних дореволюционных предприятий. Поэтому после согласования с эмигрантскими промышленными руководящими кругами был намечен своеобразный путь акционирования новых и сильно реконструированных предприятий. При таком подходе подобные предприятия обезличиваются и прежние владельцы ликвидированных или радикально изменившихся предприятий компенсируются выдачей им соответствующего количества акций. Благодаря общему значительному возрастанию суммарной капитальной стоимости предприятий к моменту контрреволюционного переворота по сравнению с дореволюционной стоимостью, а также путем искусственных оценочных мероприятий, такой путь открывал возможность после компенсации прежних владельцев сохранить в руках государства еще значительное количество свободных акций и средств. Эти свободные средства и намечено использовать на частичную компенсацию прежних владельцев и на общегосударственные нужды.

В области сельского хозяйства основная установка делалась на крепкие индивидуальные хозяйства с частичным выкупом земли у прежних владельцев. Таким образом возврат земли прежним владельцам отвергался, земля закреплялась за крестьянами в виде индивидуальных отрубных хозяйств. Компенсация же прежних землевладельцев намечалась вышеуказанным образом. Подобные установки в области сельского хозяйства должны были обеспечить в центре энергичную поддержку со стороны широких крестьянских масс, особенно при проведении соввластью коллективизации, которая, по расчетам центра, должна была вызвать их сильное недовольство и даже открытые выступления.

Вопрос местного самоуправления, насколько мне известно, не получил еще сколько-нибудь полного освещения, ибо на почве контрреволюционного переворота, как уже отмечалось, мыслился период военной диктатуры с назначением начальников губерний, уездов и т. п. в административном порядке.

В области налогового обложения намечалась комбинированная система прямых и косвенных налогов, тоже не получившая, по моим сведениям, достаточной проработки.

В области внешней торговли — отмена ее монополии и система покровительственных пошлин.

Таким образом вышеизложенная программа защищала интересы промышленной буржуазии и крепкого единоличного крестьянского хозяйства.

Для осуществления этой программы основная политическая задача сводилась прежде всего к свержению советской власти при помощи вооруженного контрреволюционного переворота со ставкой на интервенцию извне».

Эта программа стоит того, чтобы на ней остановиться. Фраза о демократической республике не может скрыть того основного, о чем мечтали вредители,— установления военной диктатуры на первый период после переворота, в целях беспощадной расправы с рабочим классом и конечно с коммунистами. Точно так же фраза о всеобщем избирательном праве и парламенте не может скрыть основной задачи — иметь такой парламент, который был бы «желателен» для промышленников. Реставрация не только капитализма вообще, но и реставрация прежних собственников или во всяком случае та или иная компенсация последних,— вот что составляло ядро этой программы, защищавшей, по словам Рамзина, «промышленную буржуазию и крепкое единоличное (читай — кулацкое) крестьянское хозяйство». Содержание этой программы было таково, что оно объективно приводило к неизбежности «ставки», как пишет тот же Рамзин, «на интервенцию» извне. Внутри страны для осуществления такой программы найти союзников среди широких масс трудящегося населения вредители не могли.

Впрочем почему именно члены контрреволюционных организаций считали необходимым прибегнуть к помощи внешнего вооруженного вмешательства и почему они рассчитывали необходимым соответственно с этим направить и согласовать свою деятельность, для чего и вошли в сношения с представителями иностранных государств, сами вредители излагают достаточно откровенно.

Проф. Рамзин показывает:

«В начальное время существования «Инженерного центра», совпавшего с концом восстановительного периода в народном хозяйстве, поскольку мне известно с чужих слов, основная тактическая установка центра сводилась к

максимальной охране предприятий крупных промышленников, связанных с центром. Кроме сохранения от разрушения таких предприятий центр в это время добивался и их улучшения за счет государства, чтобы таким образом прежние промышленники после контрреволюционного переворота не только получили обратно имевшиеся у них капитальные ценности, но и с возможно большим приростом последних.

Начавшийся после восстановительного периода успешный ход реконструкции страны, быстро растущее укрепление ее экономического состояния и соввласти делали совершенно безнадежными расчеты на контрреволюционный переворот внутренними силами путем крестьянских или военных восстаний, а вместе с тем сильно уменьшали шансы на благоприятный результат интервенции, ибо параллельно с ростом экономической мощи Союза росла и его военная мощь, а следовательно и сопротивляемость интервенции. Поэтому центр изменил свою тактику и пришел к выводу о необходимости активного ускорения контрреволюционного переворота путем искусственного ухудшения экономической жизни Союза, т.-е. стал на путь вредительства. Характер и методы последнего менялись в связи с общей ситуацией» (показания от 21 сентября 1930 г.).

В другом месте (показания от 16 октября) он говорит еще более четко:

«Основной целью деятельности «Промышленной партии», выросшей из об'единенной инженерно-вредительской организации, являлось свержение советской власти при помощи контрреволюционного переворота. С самого начала деятельности «Промпартии» ее основной ставкой была ставка на интервенцию против Советского Союза, ибо лишь интервенция признавалась верным и быстрым способом совершения контрреволюционного переворота. Поэтому, — продолжает он дальше, — от прямого технического вредительства центр быстро пошел к «плановому вредительству», которое сводилось к таким способам планирования отдельных отраслей народного хозяйства, которое искусственно замедляло бы темп экономического развития страны, создавало диспропорцию между отдельными участками народного хозяйства и приводило к экономическим кризисам, охватывающим уже все народное хозяйство...

Отмеченный выше охват плановых органов центром создавал ему почти неограниченную свободу действий в плановой области».

В связи с этим примерно с 1928 г., с усилением надежд на близость контрреволюционного переворота, стал специально применяться и еще один метод вредительства:

«...Путем длительного омертвления капиталов, вкладываемых в строительство, т.-е. вкладывания народных средств в сооружения с длительными строительными периодами или же в предприятия, которые по наличию других необходимых факторов можно использовать лишь в более далеком будущем... Такой метод омертвления капиталов и использования их с низкой эффективностью: 1) отрывал капитальные средства, сокращал масштаб эффективного строительства и темп экономического развития страны, 2) за счет сокращения удовлетворения текущих потребностей, благодаря отрыву средств на мало эффективные в данный момент строительства, увеличивал советское наследство для нового правительства вызывая в то же время рост недовольства широких масс населения» (показания от 21 сентября).

Насколько твердо были уверены вредители в своей конечной победе показывают следующие характерные два факта из жизни исследуемой контрреволюционной организации — ее политически-партийное оформление, имевшее место в 1928 г., и формирование состава будущего правительства. Глубоко убежденные в том, что именно им должна будет принадлежать руководящая роль после контрреволюционного переворота вредители немало споров и времени потратили на заблаговременное распределение между собой портфелей решив открыто выступить как политическая партия промышленного капитала.

Рамзин показывает:

«Постепенный рост охвата организацией центра отдельных отраслей промышленности и одновременно увеличение количества членов заставило поднять в «Инженерном центре» вопрос относительно партийного оформления всей организации.

Этот вопрос возник в конце 1927 г. и был поднят П. А. Пальчинским, Л. Г. Рабиновичем и др.

Толчком к этому послужило совещание с проф. Чаяновым, ознакомившим центр о наличии и о программных установках своей организации. Последующая работа центра шла в направлении оформления новой партии, каковая вначале имела ряд вариантов названий.

Наиболее употребительным названием для вновь организуемой партии было «Промышленная партия» (показания от 21 сентября).

Более подробно об этом показывает обвиняемый Ларичев в показании от 12 октября 1930 г., где он говорит:

«...Поскольку «Инженерно-вредительский центр» ведет определенную борьбу за свержение советской власти, то естественно в случае контрреволюционного переворота инженерные круги, представляющие в данное время интересы промышленного капитала, должны выступить как единая политическая сила и занять определенную и даже руководящую роль в оформлении будущего правительства... Это диктовалось также теми соображениями, что в политической борьбе с советской властью принимают участие и другие круги населения в лице «Крестьянской партии», и вопрос о влиянии на формирование будущего правительства и, следовательно, его тактики и политики будет сопряжен с внутренней борьбой антисоветских сил...».

«...Эти общие соображения были достаточно вески, чтобы ставить конкретно вопрос об образовании партии, определяющей определенную классовую группу инженерно-технических кругов (сохранивших свой кастовый характер). Поскольку эта группа в данный момент являлась политической силой, защищающей интересы промышленного капитала, Рабиновичем и другими предлагалось назвать ее «Промышленной партией».

По вопросу об образовании «Промышленной партии», ее программе и тактических перспективах показывает и Чарновский от 9 октября 1930 г.:

«С 1928 г., когда организация отраслевых вредительских центров закончилась и состав этих групп увеличился, причем уже был установлен контакт с вредительскими группами экономистов через Чаянова, Громана, Кондратьева и др., «Инженерно-вредительский центр» стремился к превращению в партию. При незаконченности этого превращения в формальном отношении фактическое его превращение в политическую партию по существу уже состоялось к началу 1929 г. Об'единяя широкие технические и экономические круги многих учреждений, партия эта по характеру сочетавшихся в ней сил получила наименование «Инженерно-промышленной», или, как сокращенно называли, «Промышленной партии». «Инженерный центр», об'единявший ряд отраслевых центров, становится об'единенным центром для всей партии.

...Полный состав руководящего центрального комитета, стоявшего во главе организации и обладавшего директивными функциями, охватывал членов «Инженерного центра» по отраслям топливной, металлургической, машиностроительной, в каковые входил и я — Чарновский. Руководящую роль играл в центральном комитете Хренников, а после ареста — Рамзин, имевший связи с наибольшим числом учреждений и отраслей».

Программа партии изложена Чарновским приблизительно в тех же положениях, что и Рамзиным.

На чем конкретно договорились вредители по вопросу о составе будущего правительства наиболее четко показывает тот же Рамзин:

«Вопрос о составе будущего правительства, — говорит он, — обсуждался в разных совещаниях в период 1927/28 г. Окончательного состава правительства выработано не было; в отдельных совещаниях назывались следующие кандидатуры на министерские посты:

Премьер-министр — П. А. Пальчинский.

Военный министр — П. А. Пальчинский и генерал Лукомский.

Промышленности и торговли — П. П. Рябушинский и Л. Г. Рабинович, инж. Хренников и проф. Калинников.

Внутренних дел — П. П. Рябушинский, проф. Вормс и вскользь предполагалась кандидатура проф. Н. Ф. Чарновского.

Финансов — Вышнеградский, проф. И. Х. Озеров, проф. Давидов, Л. Г. Рабинович.

Путей сообщения — И. Н. Борисов, П. И. Красовский, Мекк.

Земледелия — кандидатура по предложению «ТПК» — А. В. Чаянов, Вилимович.

Иностранных дел — академик Тарле.

На период военной диктатуры — в качестве диктатора намечался П. А. Пальчинский.

Как и программа промышленной вредительской партии, этот состав также чрезвычайно характерен. Имена Рябушинского, царского генерала Лукомского и наконец Пальчинского — бывш. диктатора буржуазии перед Октябрьской революцией в Ленинграде — сами говорят за себя. Для восстановления власти капитала были подобраны наиболее яркие его представители, с одной стороны, и наиболее махровые черносотенные царские генералы — руководители гражданской войны — с другой.

Не менее характерен второй список проектируемого правительства, датируемый началом 1929 г. Он показывает, во-первых, что надежды на скорое свержение советской власти у вредителей за это время не поблекли; во-вторых, что классовые вожделения их за это время лишь усилились. В новом списке, по показаниям Рамзина от 3 ноября 1930 г., намечались следующие кандидатуры:

«Премьер — Осадчий, Милюков или Рамзин.

Военный — Лукомский или Деникин.

Торговли и промышленности — Калинников, Хренников, Ларичев, Коновалов, Денисов, Третьяков.

Финансов — Озеров, Боголепов или Рабинович.

Путей сообщения — Красовский, Коган-Бернштейн.

Иностранных дел — Тарле, Милюков.

Земледелия — А. В. Чаянов».

Так образовалась «Промышленная партия».

В то же время она отличалась уже от прежнего «Инженерно-технического центра» в смысле большего заострения вопроса об иностранной военной интервенции.

Постановка вопроса об интервенции «Промпартией»

Рост успехов хозяйственного строительства Союза, несмотря на весь размах вредительской работы, заставил «Промпартию» не только выдвинуть на первый план и поставить гораздо более остро, чем ставил прежний «Инженерно-технический центр», вопрос о вооруженном вмешательстве со стороны — об интервенции, но и подчинить ему всю свою работу по вредительству.

Вот как по этому вопросу показывает Рамзин:

«При основной ставке на интервенцию, которая ожидалась примерно в 1930 г., основной целью являлось естественно приурочивание всеобщего кризиса и паралича хозяйственной жизни страны к моменту интервенции, значительно облегчая последнюю и обеспечивая уверенность в ее успехе с минимальными усилиями» (показания от 16 октября).

Опять-таки в полном соответствии с показаниями Рамзина более подробно по этому поводу показывает Ларичев:

«Несмотря на ведущуюся на местах вредительскую деятельность в различных отраслях народного хозяйства, восстановительный процесс протекал довольно успешно, и приостановить этот процесс не удавалось, несмотря на то, что вредительская деятельность получила уже в лице «Инженерно-технического центра» определенное руководство и направление. По мере того как расширялось восстановление отдельных отраслей народного хозяйства, укреплялось внутреннее положение страны и советской власти. В соответствии с этим все меньше оставалось надежды на возможность внутреннего краха советской власти и сдачи ею прежних позиций. Кроме того остался неоправданным расчет на широкое привлечение концессионного капитала, в котором контрреволюционное инженерство видело возможность, так сказать «мирной интервенции».

В связи с этим:

«Промышленная партия», объединившая все вредительские и контрреволюционные организации «Инженерно-технического центра», с самого начала своей деятельности видела в интервенции главную реальную силу, могущую привести к свержению советской власти. Это положение полностью разделялось и идейным вдохновителем и руководителем «Промышленной партии» — «Торгово-промышленным комитетом» в Париже (так называемым «Торгпромом»), являвшимся об'единением бывш. собственников царской России...» (показания от 16 октября 1930 г.).

О том же говорит в показаниях от 16 октября 1930 г. обвиняемый Калинников:

«Когда выяснилось в 1926 г., что объявленная Советским Союзом программа широкого привлечения иностранных концессий не может быть реализована ввиду неприемлемости требований бывш. владельцев — иностранцев, а в то же время народное хозяйство Советского Союза невиданно быстрыми темпами заканчивало свое восстановление, в особенности в промышленности и на транспорте, идея интервенции и за границей и в «Инженерном центре», а затем и в «Промышленной партии», стала крепнуть и усиливаться, так как быстрое усиление экономической мощи Советского Союза и рост авторитета коммунистической партии и советской власти среди населения Советского Союза становились грозными противниками на пути осуществления будущей интервенции...

Так возникла и сформировалась идея интервенции, и с этого момента стали усиленно к ней подготовляться правительственные и русские эмигрантские круги во Франции. В это примерно время происходит оформление политических концепций в рядах контрреволюционных вредительских организаций об'единенных в «Инженерном центре», и они превращаются в «Промышленную партию» с центральным комитетом. С этого момента идея иностранной интервенции все более и более стала занимать ЦК «Промышленной партии».

Наконец о том же показывает обвиняемый Чарновский (16 октября 1930 г.):

«Вредительский «Инженерно-промышленный центр», или «Промышленная партия», в которую он сформировался, в деле свержения советской власти ставил свою ставку с 1927 г. главным образом на военную интервенцию, всеми путями стремясь к выяснению перспектив в этом направлении и сроков ее подготовки и реализации через

своих наиболее осведомленных сочленов.

...Пальчинский и Рабинович через членов вредительского «Инженерно-промышленного центра» и фактического его руководителя Хренникова, а также через других членов центра сообщали о надеждах бывш. промышленников на военную интервенцию, осуществляемую военными силами Польши, Румынии и других лимитрофных государств, опираясь на помощь Франции и при поддержке Англии, причем Франции должна была принадлежать в этом деле главная инициативная и руководящая роль, с оказанием широкой военно-технической помощи».

Так создался из прежних отдельных вредительских отраслевых центров единый руководящий центр и политически оформился в политическую партию крупного капитала. Подгоняемый успехами социалистического строительства, все свои упования он возложил теперь на внешнее вооруженное вмешательство, увязав с ним и с его инициаторами и вдохновителями всю свою практическую вредительскую работу. Подробное рассмотрение организационных возможностей, какими располагала эта политическая партия промышленного капитала, ее связи с инициаторами будущей интервенции на территории Союза и за границей и наконец рассмотрение того, что конкретно было проделано ею по подготовке интервенции у нас и за границей, составляют содержание дальнейшего изложения.

II. СВЯЗИ ВРЕДИТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА В СССР С ЗАРУБЕЖНЫМИ АНТИСОВЕТСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ БЫВШИХ РУССКИХ И ИНОСТРАННЫХ ПРОМЫШЛЕННИКОВ И С ИНОСТРАННЫМИ ИНТЕРВЕНТАМИ

«Торгпром» и его связи с вредительскими организациями

Октябрьская революция смела мощь капитала в СССР и ниспровергла политическое и экономическое господство буржуазии как класса. Скрывшиеся за рубеж от'явленные враги народа и ненавистники рабочего класса — бывш. промышленники — не потеряли тем не менее надежд на восстановление своей прежней власти и образовали там «Торгпром» («Торгово-промышленный комитет») — заграничное об'единение крупнейших заправил дореволюционной промышленности, поставивший своей задачей политическую работу по борьбе с советской властью за возвращение своих бывш. предприятий. С ними и завязали сношения вредительские организации в СССР.

«Промышленная партия», — говорит Рамзин, — была тесно связана в своей деятельности с об'единением бывш. промышленников в лице русского «Торгпромкомитета» («Торгпром») в Париже, в состав коего входили: Денисов, Нобель, Гукасов, Манташев, Мещерский, Рябушинский, Каштанов, Третьяков, Старинкевич и др. «Торгпром», помимо охраны интересов промышленников-белоэмигрантов за границей, ставил своей основной задачей возврат принадлежащих им ранее русских предприятий или получение компенсации за них; для достижения этой цели «Торгпром» стремился к осуществлению интервенции против СССР» (показания от 3 ноября).

Лишенные в основном своей экономической мощи все эти Манташевы и Денисовы, Мещерские и Рябушинские представляли собой все же достаточно крупную в политическом и экономическом отношении силу, поскольку крупные средства, сохранявшиеся ими в заграничных банках до революции, давали им возможность играть определенную политическую роль. Тесные связи, об'единявшие одновременно их с организациями международного капитала по соответствующим отраслям промышленности, куда они по большей части входили в качестве акционеров еще в дореволюционное время, равным образом превращали их в довольно весомую в политическом отношении величину.

В противоположность белоэмигрантским кругам из других слоев населения эта группа промышленной буржуазии была силой, с которой считались, как показывают следственные данные, и правительственные круги буржуазных государств. Имена деятелей «Торгпрома», приводимые обвиняемыми, в достаточной степени иллюстрируют это утверждение. Тот же Рамзин показывает:

«Мне известны, — говорит он, — следующие связи с бывш. русскими промышленниками:

по металлической промышленности — с Мещерским (бывш. владельцем Сормовского предприятия) через Пальчинского и, кажется, Чарновского, с Демидовым через Чарновского и Хренникова;

по текстильной промышленности — с П. П. Рябушинским через П. А. Пальчинского и А. А. Федотова, с Коноваловым и Морозовым через Федотова, с Бардыгиным через Ларичева и Федотова;

по нефтяной промышленности — с Нобелем, Манташевым и Гукасовым через И. Н. Стрижова;

по угольной промышленности — с Дворжанчиком через Л. Г. Рабиновича.

Кроме того на одном совещании центра Пальчинский назвал фамилию Крестовникова — жировая промышленность; однако была ли реализована эта связь и через кого, для меня неизвестно...»

«Связь с бывш. промышленниками осуществлялась через разных лиц, ез-

дивших за границу, в частности в 1927 г. я по поручению Пальчинского и, кажется, Федотова имел один разговор в Париже с П. П. Рябушинским, касающийся согласования основных положений программы центра и в частности описанного выше способа акционирования предприятий» (показания от 21 сентября).

О связи отдельных групп вредителей по отдельным отраслям промышленности с представителями иностранного капитала говорит Калинников в показании от 10 октября 1930 г.

«Поскольку мне известно, Пальчинский находился в связи с французским и английским капиталом. Рабинович через Дворжанчика поддерживал связь с Польшей, Хренников находился в связи с Гляссом — акционером Сталинского, бывш. Юзовского, завода и «Виккерсом» в Англии, Федорович — с Урквартом».

На связь вредителей с Урквартом следственные власти натолкнулись совершенно точно еще раньше по делу цветной металлургии.

По показаниям обвиняемых сам Уркварт следующим образом выражался тогда о нашем техническом составе: «Большинство нашего технического состава и административно-технического управления, — говорит Уркварт, — находится на предприятии и ждет нашего возвращения». Связи вредителей с нефтяным королем Детердингом и роль последнего будут выяснены в дальнейшем.

Первое время однако эти сношения вредителей и бывш. собственников не носили в достаточной мере организованного и четко выраженного политического характера.

Крайне заинтересованные в соответствующем направлении работы своих бывш. предприятий в СССР, круги эмигрировавших промышленников использовали свои прежние связи для этой цели в первую голову. Шахтинский процесс дал достаточно характерную картину заграничного руководства нашими предприятиями в виде конкретных указаний, как проводить или не проводить те или иные технические рационализаторские мероприятия на том или ином заводе, как поступить с тем или иным пластом или шахтой и т. д. Лишь с началом реконструктивного периода, когда все лицо промышленности начало резко меняться и когда бывш. промышленники, как говорит Рамзин, «часто не находили в живых своих прежних предприятий», получаемые директивы стали утрачивать свой конкретный характер, превращаясь большей частью лишь в подтверждение и одобрение предложений «Промпартии». Зато с тем большей четкостью начали выступать тенденции и директивы чисто политического характера. В связи с общей установкой вредительской организации на интервенцию они получали теперь свое законченное выражение в своеобразном разделении труда по подготовке интервенции между «Промышленной партией» и «Торгпромом», ибо и тот и другие (т. е. «Торгпром» и вредители) начали видеть теперь в интервенции единственное средство свержения советской власти и единственный способ осуществления плана восстановления капитализма в СССР. Вот что по этому поводу показывает обвиняемый Рамзин:

«...Будучи тесно связана в своей деятельности с об'единением бывш. промышленников в лице русского «Торгово-промышленного комитета» («Торгпрома»), также стремившегося к осуществлению интервенции против СССР, «Промышленная партия» в общем по договоренности с «Торгпромом» разделила работу по подготовке интервенции между «Торгпромом» и собой следующим образом: «Торгпром» вел всю внешнюю подготовку интервенции, а именно все переговоры с иностранными правительствами, главным образом с Францией и Англией, проводил заграницей агитацию и пропаганду интервенции, должен был изыскать средства для ее финансирования, а также брал на себя и организацию военной ее части при помощи иностранных держав. «Промпартия» же проводила внутреннюю подготовку интервенции в СССР путем искусственного создания и углубления экономических кризисов и всевозможной помощи интервенции изнутри. С этой целью по указанию «Торгпрома» и по собственной инициативе ЦК «Промпартии» вступил в связь с иностранными генштабами» (показания от 16 октября).

Новая установка резко оформилась уже к концу 1927 г., а еще через год — к концу 1928 г. — она стала не только преобладающей, но подчинила себе все остальные, превративши всю деятельность вредителей в подсобную и подчиненную работу по подготовке интервенции. Обвиняемый Ларичев показывает:

«...Более или менее определенные сведения об отношении заграничных кругов по вопросу об интервенции были получены к концу 1927 г. по возвращении из-за границы Рамзина, где он по этому вопросу вел переговоры с «Торгпромом». Из его рассказов мне известно, что «Торгпром» добился определенной поддержки французского правительства в отношении интервенции и что имеются соглашения между Францией и Англией в этом вопросе. Разрыв дипломатических сношений с Англией рассматривается «Торгпромом» как определенный шаг к подготовке антисоветского блока и последующей интервенции. Антисоветский блок прежде всего должен об'единить и коор-

лировать действия Польши, Румынии и прибалтийских держав. Они должны явиться той реальной вооруженной силой, которая должна осуществить интервенцию при участии экспедиционного корпуса из эмигрантских сил, организуемого и поддерживаемого Францией...» (показания от 12 октября).

Чарновский показывает (16 октября 1930 г.):

«...Установивши связь с бывш. владельцами и с кругами, способными активно поддерживать интервенцию, «Промышленная партия» (вредительский инженерный центр) видела в интервенции уже с 1927 г. основное и конечное средство к свержению советской власти. Этой конечной цели должно было способствовать проведение вредительским инженерным центром («Промпартией») вредительства в различных отраслях народного хозяйства и промышленности путем создания диспропорции при выполнении плана реконструкции по обслуживающим друг друга отраслям, углубления кризисов в результате этих диспропорций, в том числе кризисов продовольственного, транспортного, топливного и в прочих отраслях хозяйства СССР. В таком направлении, по сообщению Хренникова, были даны также директивы и со стороны зарубежного об'единения промышленников—«Торгпрома», принятые инженерным вредительским центром («Промпартией») в лице его руководителя Хренникова в качестве основной линии деятельности с 1927 г. Это сообщение Хренникова было позднее значительно дополнено проф. Рамзиным, впоследствии заступившим место Хренникова в качестве руководителя вредительского промышленного центра («Промышленной партии»).

И наконец еще конкретнее показывает Федотов:

«...Подробный разговор я имел в Лондоне с Крестовниковым, который был у меня в гостинице по поручению Коновалова [1]... Об интервенции он тогда мне сообщил, что в Париже в «Торгпроме» по этому поводу ведется усиленная работа как по подготовке общественного мнения, так и по связи с общественными, правительственными кругами Франции. С целью повлиять на общественное мнение ведется травля советского правительства, используется всякий случай и повод, и не только в русско-эмигрантской печати, но также и во французской, что стоит больших денег. Он сообщил мне между прочим, что «Торгпром» дает субсидию газете «Последние новости».

Об отношениях «Торгпрома» с кругами Англии он сказал, что поддерживается связь с «Комитетом русских кредиторов» в Лондоне, во главе которого стоит Уркварт, а также с Детердингом и через посредство их с консервативной партией Англии, и что есть основание ожидать со стороны Англии если не активного участия в интервенции, то финансовой и дипломатической поддержки. Однако для успешности и возможности интервенции необходимо, — указал дальше Крестовников, на что просил обратить внимание Коновалов, — чтобы почва для нее была подготовлена в России всякими мерами, которые могут вызывать недовольство рабочих масс и крестьянства, расстройством промышленности, расстройством снабжения товарами населения и т. д.

...В конце 1927 г., — указывает Федотов, — инж. Хренников имел со мной разговор на ту же тему и указал, что работа по подготовке идет недостаточно быстро, что нет тех проявлений недовольства, которые ожидались в этом направлении, и что «Торгпром» просит работу усилить тем, чтобы сделать интервенцию возможной к 1931/32 г. или даже ранее — к 1930/31 г. Поручение «Торгпрома» совету было передано Рамзиным, который только что вернулся из-за границы.

Этот разговор был передан мною директивной группе текстоорганизации — Куприянову, Кирпотенко, Державину и Нольде...» [1].

Так по мере успехов социалистического строительства внутри СССР оформлялись и консолидировались реакционные силы вредителей-инженеров с организацией русской промышленной буржуазии за границей. Место отдельных изолированных связей по отраслям промышленности занял единый, организационно увязанный фронт бывш. капиталистов и технических специалистов промышленности СССР. Окончательное закрепление, оформление и деловую детализацию их совместная работа по подготовке интервенции получила в 1928 г.

Окончательное закрепление организационных связей вредителей и «Торгпрома» и договоренность о совместной работе между ними

В октябре 1928 г. два члена ЦК «Промпартии» Рамзин и Ларичев вошли в связь с П. П. Рябушинским и устроили совместное совещание с руководящим центром «Торгпрома».

На этом совещании, имевшем место в Париже, участвовали:

«Председатель «Торгпрома» Денисов, П. П. Рябушинский, Нобель, Гукасов, Старинкевич, Мещерский, Ларичев и я — Рамзин...» (показания Рамзина от 21 сентября).

[1] Крестовников и Коновалов—бывшие промышленники, скрывшиеся за границу.

[1] Кирпотенко, Державин и Нольде привлечены к ответственности по линии вредительства в текстильной промышленности и в настоящий процесс не включены.

Далеко не раскрывая в этих своих показаниях всего содержания этого важного совещания, Рамзин говорит:

«...После сообщения моего и Ларичева об общем положении дела мы подробно останавливались на росте деятельности «Промпартии» и увеличении ею охвата инженерных масс, но отметили в то же время и значительное увеличение опасности работы ввиду ряда арестов членов «Промпартии». Ларичев несколько остановился на положении нефтепромышленности. Представители «Торгпрома» в общем одобрили направление и темп работы «Промпартии» и указали, что теперь надо приложить главные усилия к сохранению руководящего ядра, по возможности ведя однако работу согласно прежним директивам и меняя тактику сообразно условиям момента. Вместе с тем члены «Торгпрома» сообщили о том, что им удалось уже добиться значительных успехов у французского и английского правительств, что общее руководство интервенцией возьмет вероятно Франция, а выполнение военных операций Польша и Румыния с привлечением лимитрофов, что надо ориентироваться на интервенцию в 1930 г. и в крайнем случае на 1931 г.

Далее были уточнены вопросы финансирования: намечены ежегодные суммы около одного миллиона в год с доставкой Ларичеву на квартиру, а в его отсутствие мне через...

Вечером состоялась встреча Ларичева и моя с членами «Торгпрома» в кабинете ресторана на Больших бульварах уже неофициального характера».

Так окончательно оформился контакт обеих организаций, реально оформилось финансирование и в то же время окончательно определились те соединительные каналы, которые затем использовали вредители. Одновременно эти каналы явились впоследствии каналом и для другой работы по использованию заданий по подготовке интервенции.

Устанавливая конкретно индивидуальную роль каждого из обвиняемых в области получения денег, Рамзин показывает (от 21 сентября):

«...Приблизительное распределение денег за период конца 1928 г. до весны 1930 г. таково:

Нефтяная промышл.	через	Ларичева	около 100 т. р.
Угольная	„	„	„ 150 „ „
Торфяная	„	„	„ 50 „ „
Лесная	„	„	„ 50 „ „
Металлическая	„	Гартмана и Чарновского	„ 300 „ „
Текстильная	„	Федотова и Куприянова	„ 200 „ „
Разные отрасли промышленности	„	Калинникова	„ 300 „ „
НКПС	„	Ларичева	„ 300 „ „
Энергетика	„	Вашкова и Каменецкого	„ 100 „ „
Экономгруппа	„	Ларичева и Калинникова	50 „ „
		Всего...	1.600 т. р.

О договоренности как по общеполитическим установкам, так и о методах дальнейшей деятельности, о новом порядке получения финансовых средств Рамзин и Ларичев немедленно поставили в известность своих соратников в Москве.

В показаниях от 16 октября 1930 г. Рамзин более детализирует свое сообщение об этом заседании в Париже, точно датируя его между 5—10 октября 1928 г. Перечисляя тех же лиц — Денисова, Нобеля, Гукасова, Мещерского, Старинкевича и Рябушинского и добавляя Коновалова,—Рамзин показывает, что разговор носил гораздо более конкретный характер, чем это было ясно из его первого сообщения.

По вопросу об интервенции Рамзин говорит:

«...На этом заседании Денисов сообщил, что всю работу по подготовке интервенции необходимо разделить на две части: подготовку за границей и подготовку внутри СССР, что первую работу, а именно дипломатические переговоры с правительствами, финансирование интервенции и организацию ее военной части берет на себя «Торгпром», наоборот, на обязанности «Промпартии» ложится вся внутренняя подготовка интервенции внутри страны путем создания и углубления экономических кризисов и помощи интервентам изнутри; что «Торгпром» уже имеет поддержку Франции и Англии в этом вопросе; что основное руководство интервенцией берет на себя Франция, которая рассчитывает выдвинуть военные силы Польши и Румынии, а также лимитрофов, а Англия поддержит интервенцию своим флотом; что сроком интервенции попрежнему намечается лето 1930 г., как наиболее благоприятное для интервенции (с чем я и Ларичев согласились), и лишь в крайнем случае 1931 г.; что поэтому всю работу «Инженерного центра» надо вести с расчетом на разгар кризиса в 1930 г.».

По существу это было таким образом совещание о способах и сроках проведения военной интервенции в СССР. Совещание это продолжалось вечером в той

якобы неофициальной встрече в ресторане на бульварах.

Тот же Рамзин заявляет:

«...При следующей нашей встрече (моей и Ларичева) в тот же день вечером в кабинете ресторана в районе Больших бульваров были Денисов, Нобель, Гукасов, Мещерский, Третьяков и Каштанов. Я разговаривал главным образом в это время с Денисовым. Денисов говорил, что у них имеется полная уверенность в успехе интервенции, ибо на этот раз интервенция будет поставлена солидно как с военной стороны, так и со стороны снабжения, и прежние ошибки теперь не повторятся. Кажется, Третьяков сказал, что при использовании войск Польши, Румынии, прибалтийских стран и врангелевской армии — около 100 тыс. человек — интервенция будет располагать прекрасно оборудованной армией, что, по мнению многих бывших промышленников, при морской поддержке на юге и на севере можно рассчитывать на успех даже с небольшой армией в 600—800 тыс. человек; что здесь считают наиболее успешным комбинированный двойной удар на Москву и Ленинград. На мой вопрос относительно финансирования интервенции Денисов не дал четкого ответа, сказав, что этот вопрос пока конечно не вполне ясен; я понял из слов Денисова и Нобеля, что средства для интервенции даются нефтяными промышленными кругами и в частности Детердингом, правительствами Франции и Англии, а частью — бывш. русскими промышленниками...»

Несколько иначе, более останавливаясь на вредительстве, а не на интервенции, но в основном подтверждая полностью сообщения Рамзина, Ларичев показывает:

«...В сентябре — октябре 1928 г. Рамзин и я были командированы на мировую энергетическую конференцию в Лондоне. Этой командировкой мы воспользовались, чтобы на обратном пути побывать в Париже и переговорить с нашей руководящей организацией — «Торгпромом». По приезде в Париж 8 октября 1928 г., после телефонных переговоров Рамзина председатель объединения бывш. собственников в «Торгпроме» Денисов пригласил нас приехать к нему для переговоров. По приезде к нему у него в кабинете состоялось совещание, на котором кроме Денисова присутствовали: Рябушинский, Нобель, Гукасов, Старинкевич. Рамзин сделал доклад о работе нашей организации и об общих мероприятиях вредительской деятельности, проводившейся в Союзе, и дал оценку, насколько они соответствуют директивам «Торгпрома» и задачам подготовки к интервенции. Особенно много внимания уделялось событиям, нарушившим деятельность «Промышленной партии», — раскрытию вредительской деятельности в Донбассе и шахтинскому процессу, а также провалу транспортной вредительской организации. Эти вопросы сильно интересовали представителей «Торгпрома» (Денисова, Рябушинского и др.), так как осложняли дальнейшую нашу работу и цельность проводимых мероприятий по подготовке общего кризиса в стране. Денисовым был сделан упор на то, чтобы теперь обратить внимание на металлопромышленность, добиваясь здесь резких диспропорций и ослабляя эффект производимых капиталовложений. Нобелем и Гукасовым мне был задан ряд вопросов о положении нефтяной промышленности, о прочности нефтяной вредительской организации, а также о проведении вредительских мероприятий по задержке нового строительства и сокращению экспорта. Они указали, что общие директивы в отношении работы в нефтяной промышленности ими даны Стрижову при его пребывании в Париже. В отношении общего положения «Торгпрома» в нашей организации Денисов нам указал, что несмотря на провал отдельных вредительских организаций работу нашу необходимо во что бы то ни стало продолжать и сохранить организацию «Промышленной партии». Денисов особенно подчеркивает, что «Торгпром» имеет определенную и твердую поддержку со стороны французского и английского правительств и что вопрос об интервенции, хотя и отложенный с 1928 г. в силу ряда соображений на 1930 г., ни в коем случае не снимается, а, наоборот, к интервенции идет деятельная подготовка за границей, и следовательно особенно важной является работа «Промышленной партии» внутри Союза...» (показания от 16 октября).

Свиданию в октябре 1928 г. необходимо придать решающее значение с точки зрения:

1) окончательного определения и согласования основных линий в работе вредительских организаций и «Торгпрома» единым фронтом по всем отраслям промышленности, в то время когда до сих пор связи с «Торгпромом» носили параллельный характер отдельно по отраслям промышленности;

2) установления совершенно точно на будущее время форм этой связи и внутреннего разделения ролей по подготовке интервенции; наряду с этим определились окончательно порядок и средства финансирования, что также до сих пор носило разрозненный характер, и

3) окончательно определилась основная установка на интервенцию и согласование всей вредительской работы с упором на эту последнюю.

Хотя до октября 1923 г. «Торгпром» информировал «Инженерный центр» через отдельные связи — Хренникова, Федотова, Пальчинского, Рамзина и Коно-

валова о своих замыслах и планах в отношении интервенции и, наоборот, «Инженерный центр» сообщал через те же связи «Торгпрому» о проводимой им вредительской работе, причем, как будет ясно из дальнейшего, одновременно же устанавливались связи членов «Инженерного центра» через тот же «Торгпром» и с представителями генеральных штабов Франции и Англии по подготовке интервенции, тем не менее эта работа получила централизованный и единый для всех отраслей промышленности характер только с октября 1928 г.

Об этих первоначальных отдельных связях показывает, например, Ларичев (16 октября 1930 г.):

«...В конце 1927 г. во время пребывания в Париже проф. Рамзина, одного из деятельных членов «Инженерно-технического центра» и позднее председателя ЦК «Промпартии», — им были получены более определенные указания от «Торгпрома» и французского военного штаба о необходимости форсирования мероприятий, проводимых вредительскими организациями по подготовке к интервенции, общая схема проведения интервенции и возможные сроки ее осуществления, причем первоначально этот срок намечался в 1928 г. Одновременно с этим проф. Рамзиным была установлена связь с . . . . в Москве для ведения переговоров и сношений с заграничными кругами».

К числу такого же рода связей надлежит отнести имевшее место за несколько дней до заседания в Париже свидание Рамзина и Ларичева в Лондоне на квартире инж. А. А. Симона—директора фирмы «Виккерс»—с ним и с некиим эсером Филипп (руководитель фирмы «Виккерс») и свидание Ларичева и Рамзина с английским полковником Лоуренсом:

«...Инж. А. А. Симон и сэр Филипп сообщили, что центром подготовки интервенции является в данное время Франция, предполагающая действовать военными силами Польши, Румынии и лимитрофов, что Англия тоже принимает участие в этой подготовке совместно с Францией, помогая деньгами, снаряжением и пр.; что Англия предполагает также оказать и военную поддержку интервенции своим флотом; что душой интервенции является лорд Черчилль, что Англия особенно заинтересована в русских нефтяных делах и охотно выступит со своим флотом на Черном море...» (показания Рамзина от 16 октября 1930 г.).

Ларичев соответственно говорит в своем показании от 16 октября 1930 г.:

«...Во время нашего пребывания в Лондоне, т.-е. в сентябре 1928 г., Рамзиным была организована встреча в отеле «Савой» с известным полковником Лоуренсом. При этом свидании был и я. Разговор шел вокруг общего отношения английских военных кругов к интервенции. Эту идею полковник Лоуренс всячески поддерживал и уверял, что английские военные круги также относятся вполне положительно к общему участию в интервенции против СССР и что ими разрабатываются определенные мероприятия и кроме того принимаются серьезные шаги для парализации ведущейся со стороны СССР пропаганды и влияния на Востоке и в Китае. Деталей этой работы он не сообщал».

На упомянутом выше заседании в Париже в октябре 1928 г. был подведен итог всем этим до сих пор отдельным сношениям членов ЦК «Промпартии» по своей линии с деятелями «Торгпрома» и генеральных военных штабов Франции и Англии и установлен на будущее время единый центр.

В то же время октябрь 1928 г. явился моментом, когда «Торгпром» окончательно утвердился в убеждении о необходимости форсировать интервенцию в возможно короткий срок. В этом отношении чрезвычайно интересно следующее показание Калинникова.

По показаниям последнего, еще в 1927 г.

«...Хренников и Федотов из командировок своих за границу в 1927 г. привезли в «Инженерный центр» сведения о том, что правительственные круги Франции и Англии считают нужным спешить с проведением интервенции; что же касается русских белоэмигрантских кругов во Франции, то у этой стороны повидимому еще не созрело убеждение в своевременности спешить с проведением интервенции, так как русским эмигрантам «Торгпрома» не хотелось получить после интервенции еще недостаточно, по их мнению, восстановленные их прежние промышленные предприятия. Однако по настояниям правительственных кругов Франции «Торгпром» согласился примерно к концу 1927 г. с необходимостью развернуть работы по подготовке интервенции; об этом «Инженерный центр» был осведомлен Хренниковым и Рамзиным... Сообщения Хренникова, Федотова и Рамзина были сделаны осенью 1927 г. на групповом собрании «Инженерного центра» в составе: Пальчинского, Рабиновича, Янушевского, Красовского, Хренникова, Федотова, Рамзина, Чарновского, Ларичева и меня — Калинникова» (показания от 16 сентября 1930 г.).

Это показание Калинникова чрезвычайно важно еще в том отношении, что вскрывает исключительно активную инициативную роль правящих кругов Франции и Англии в форсировании интервенции и соответствующее для этой цели

использование ими и «Торгпрома» и русских вредительских организаций в СССР. При этом, как это видно из показаний Рамзина, Ларичева и др., руководящая роль в деле подготовки интервенции была взята на себя правящими кругами Франции. Последнее должно быть особо отмечено при анализе сообщений обвиняемых. Эта активная инициативная роль получает подтверждение и в ряде других фактов.

Французское правительство и его роль по подготовке интервенции

Если «Торгпром», как об'единение бывш. русских промышленников, ставил своей основной задачей возвращение принадлежавших им предприятий, французские правящие круги ставили себе более общую задачу — укрепление позиций мирового империализма через свержение советской власти путем военной интервенции. Советский Союз является бельмом на глазу буржуазии Франции. Она, как гегемон общеполитической реакции в Западной Европе, ставила своей задачей уничтожение Советского Союза путем военной интервенции, исходя из своих общеполитических интересов, совершенно независимо от такой же инициативы в среде «Торгпрома» и русских вредителей. И если «Торгпром» хотел в своих целях использовать вооруженную силу международной и прежде всего французской буржуазии, то эта последняя также стремилась использовать для своих целей как «Торгпром», так и в особенности разветвленную организацию вредителей внутри СССР.

На этой почве в проведении своей самостоятельной политики французские правительственные круги пошли целиком навстречу «Торгпрому», а заграничные поездки обоих руководителей ЦК «Промпартии»—Рамзина и Ларичева—были использованы именно этими кругами через посредство «Торгпрома» полностью в своих собственных целях. Октябрьское совещание и в этом отношении сыграло определенную роль.

Впрочем и прямую заинтересованность правящих кругов Франции в скорейшем осуществлении интервенции — непосредственную заинтересованность в смысле империалистических захватов для эксплоатации богатств СССР со стороны иностранного капитала — достаточно ярко обрисовывает в своих показаниях Федотов 21 октября 1930 г.:

«Чарновский сообщил мне, — показывает Федотов, — что от Рамзина поступило секретное сообщение, что ему во время пребывания в Париже пришлось от имени союза вредительских организаций согласиться на те уступки интервентам за счет России, которые сделал «Торгпром», как то: часть Кавказа, главным образом где нефтяные промыслы, уступить Англии, часть Правобережной Украины—Польше и Франции».

«Я указал Чарновскому, — продолжает Федотов, — что, наоборот, Карпов[1] от имени «Торгпрома» уверял нас, что интересы государства в случае интервенции не пострадают, и специально просил передать это инженерам текстильной группы, и что это сообщение Рамзина не отказываюсь передать в нашу вредительскую организацию, а прошу Чарновского лично сообщить Куприянову и Нольде».

В другом своем показании, от 20 октября 1930 г., Федотов говорит, что Карпов, с которым он лично виделся в 1928 г. в Берлине, указал ему, что

«...и Франция и Польша, по его словам, рассчитывают впоследствии на возможность эксплоатации внутренних богатств России: Франция — в виде разного рода концессий, Польша рассчитывает на сбыт в Россию своих товаров, но что ни в коем случае никто из членов «Торгпрома» не считает возможным предать интересы России как государства, превратить ее в колонию и что, если такие опасения есть в отдельных кругах, их нужно успокоить».

В последних своих показаниях от 31 октября 1930 г. Федотов говорит еще более точно:

«...Затем Чарновский сообщил мне крайне важное секретное сообщение от Рамзина, что ему в бытность в Париже в переговорах с французским генштабом и «Торгпромом» пришлось от имени СИО[2] согласиться на те уступки интервентам, которые уже раньше обещал «Торгпром» за счет России. Франция претендует на уплату долгов как царских, так и военных полным рублем и на обширные концессии по разработке рудных и горных богатств России; Англия — на нефтяные промыслы на Кавказе, Польша — на Киев и часть Правобережной Украины. Я был очень поражен этим сообщением и напомнил Чарновскому, что Карпов специально уверил меня, что ничего подобного не будет, что «Торгпром» не продаст интересов России, что никаких уступок территории не будет, что уплачены будут полным рублем только частные личные претензии, а также счета заводов, доставивших в Россию машины, а царские и военные долги будут оплачены только номинально по 5 коп. за рубль для сохранения в силе принципа признания долговых обязательств, на чем настаивает Франция, и все это он просил официально передать всем инженерам вредительских организаций. Выходит, что Карпов нас заведомо обманывал, чтобы заставить работать по

---

[1] Карпов—белоэмигрант, промышленник текстильной промышленности.
[2] СИО—„Союз инженерных организаций".

указке «Торгпрома», или что его обманули. В обоих случаях ясно, что «Торгпром» не понимает, как такое известие отражается на настроениях, а затем и на составе инженерных организаций. Непонятно, как проф. Рамзин мог такую свою уступку держать столько времени «в секрете». Несомненно, что это известие подорвет у целого ряда лиц желание работать в организации, и я просил Чарновского переговорить лично с Куприяновым и Нольде по этому поводу» (показание от 31 октября 1930 г.).

Не подлежит таким образом сомнению, что цели империалистического захвата тех или иных областей СССР руководили действиями иностранных интервентов. Навстречу этим целям шли и «Торгпром» и вредительские организации в СССР.

Личные переговоры Пуанкаре и Бриана с «Торгпромом»

Желая как можно реальнее обеспечить новую военную интервенцию, руководители «Торгпрома» поставили своей задачей взять непосредственно быка за рога и получить личную аудиенцию у главы французского правительства. Пуанкаре и Бриан, бывшие в то время руководителями французской политики, — один — премьер-министр, а другой—министр иностранных дел, — были теми лицами, к которым еще до совещания в 1928 г. адресовался «Торгпром».

По показаниям Федотова (от 20 октября 1930 г.), Карпов сообщил ему на свидании в 1928 г., что

«...основной целью его приезда в Берлин была необходимость переговорить о подготовке интервенции, которая намечается «Торгпромом» уже в 1930/31 г., что к этому времени уже должны в полной мере проявиться разруха в промышленности, недостаток товаров и недовольство населения. Он сообщил, что «Торгпром» ведет в последнее время особенно усиленную деятельность и рассчитывает на успех, хотя в Англии шансы на ее вмешательство все уменьшаются, зато во Франции увеличиваются».

По рассказу Карпова:

«...Представители «Торгпрома» были с визитом у Пуанкаре; были Рябушинский, Третьяков и Лианозов, что Пуанкаре выразил готовность серьезно рассмотреть этот вопрос и передал его на изучение генерального штаба, в котором «Торгпром» имеет свои непосредственные связи через военные эмигрантские круги, и что нет сомнения, что генштаб даст Пуанкаре благоприятный для интервенции ответ. Практически интервенция предполагается главным образом силами Польши, Румынии, Эстонии и Латвии, с небольшим участием французских войск и флота, под руководством французского штаба и офицеров.

Но наряду с обещанием разработать вопрос об интервенции Пуанкаре особенно настойчиво указал на необходимость более длительной подготовки в России. Хотя в Союзе уже замечаются проявления разрухи и особенно недостатка товаров, но обещанного эмиграцией недовольства населения не проявляется в должной мере, поэтому вредительскую работу нужно всемерно усилить.

Ввиду этого «Торгпром» специально просит усилить разрушение плановой работы и особенно пятилетнего плана индустриализации. Неосуществление пятилетки должно дискредитировать советскую власть, что особенно важно для успеха интервенции» (показание от 20 октября 1930 г.).

Это сообщение Федотова и было повторено Денисовым на совещании «Торгпрома» с Рамзиным и Ларичевым в октябре 1928 г. в доказательство того, что у них имеется полная уверенность в успехе интервенции.

Об этом свидании с представителями французского правительства говорит равным образом Чарновский в показании от 16 октября 1930 г.:

«Надежды на интервенцию, питаемые этими промышленниками (Рябушинским и Коноваловым), основывались на личных переговорах их с представителем французского правительства Брианом и французским генеральным штабом».

Наконец подтверждение о том же мы находим в показаниях других деятелей вредительской организации, имевших возможность непосредственно войти в сношение с заправилами «Торгпрома»; последние не преминули им сообщить об успешности этих своих шагов.

Так, Ситнин показывает (18 октября 1930 г.), что «в 1928 г. перед от'ездом за границу С. В. Куприянов просил меня проездом через Париж зайти к его бывш. хозяину И. А. Коновалову, чтобы узнать у него, как обстоят дела за границей». Ситнин был у Коновалова, и последний ему рассказал, что

«...Пуанкаре вызывал недавно и дал аудиенцию Третьякову и Рябушинскому... Согласно этому он предложил Третьякову и Рябушинскому, как представителям «Торгпрома», дать указания советским инженерным организациям о подготовке почвы для интервенции» (показания от 18 октября 1930 г.).

В показании от 29 октября 1930 г. Ситнин еще раз заявляет:

«...что Пуанкаре обещал полную поддержку интервенции и считает, что к 1930/31 г. можно надеяться на полный успех интервенции».

Тот же Ситнин подтверждает сообщение Федотова, со слов Карпова, что Пуан-

каре во время визита членов президиума «Торгпрома»... сказал, что практическая работа по подготовке интервенции поручена французскому генштабу».

Сообщения Ситнина и Федотова о визите к Пуанкаре подтверждает и другой вредитель — Державин, получивший сведения об этом уже в Москве после возвращения Федотова. Пуанкаре, по словам Державина, «обещал начать активную политику в смысле интервенции», но «потребовал предварительной подготовки внутри СССР для дезорганизации наладившегося экономического положения, чтобы вызвать внутри страны недовольство властью».

Из этих сообщений ясно, что «Торгпром» действительно имел что пред'явить со своей стороны, как доказательство своей работы по подготовке интервенции, на совещании в октябре 1928 г.

В свете изложенных выше фактов нет никакого сомнения, что инициатива «Торгпрома» сыграла скорее формальную роль. По существу французские правящие круги в лице Пуанкаре использовали «Торгпром» и вредительские организации в этих целях. Недаром обвиняемые показывают, что Пуанкаре настаивал на необходимости усиления работы вредительской организации в СССР.

То же самое явствует из второго сообщения Денисова на совещании в октябре 1928 г., о котором также умолчал первоначально Рамзин. В показании от 31 октября Рамзин пишет:

«Денисов сообщил, что работа «Торгпрома» по подготовке за границей интервенции против СССР уже дала конкретные результаты, ибо при французском генеральном штабе образована специальная комиссия по подготовке интервенции против СССР, причем во главе этой комиссии стоит генерал Жанен. Далее Денисов сказал, что одним из наиболее активных деятелей по подготовке интервенции является полковник французского генштаба Жуанвиль, который и будет поддерживать непосредственную связь с намеченным военным руководителем интервенции — генералом Лукомским».

Таким образом еще до октября 1928 г. Пуанкаре, обещавший на свидании передать вопросы подготовки интервенции на изучение генштабу, это обещание сдержал, продиктовав для успеха интервенции соответствующую линию поведения «Торгпрому». Сообщение об организации комиссии Жанена подтверждает также Калинников в показании от 16 октября:

«Рамзин сообщил, — говорит Калинников, — что при французском штабе была создана международная комиссия под председательством генерала Жанена в составе представителей Франции, Англии и Польши по поводу распределения ролей в руководстве и проведении русской интервенции. Этой комиссией было принято, что руководство проведением интервенции берет на себя Франция, она же будет вести заготовку и поставку боевых снаряжений и вооружений интервенирующих армий. Оперативную подготовку и роль застрельщика берет на себя Польша...»

Далее Калинников дает еще одно важное показание (16 октября 1930 г.):

«...После принятого комиссией Жанена решения Англия несколько охладела к интервенции, так как отпал ее главный экономический интерес—дать своей промышленности хорошо подработать на поставках вооружения и снаряжения интервенирующим армиям...»

Такова была работа «Торгпрома», подытоженная на совещании в октябре 1928 г. и сообщенная членам ЦК «Промпартии».

Сообщенные факты о личных переговорах промышленников с Пуанкаре, обещаниях последнего и образовании при французском генштабе специальной комиссии Жанена по подготовке интервенции целиком подтверждают в то же время сделанные выше выводы о самостоятельной активной роли бывш. главы французского правительства Пуанкаре по подготовке интервенции. Только в свете этих фактов становится понятной та исключительная легкость и быстрота, с какою были на другой же день после октябрьского совещания реализованы принятые решения в виде непосредственных на этот раз сношений Рамзина и Ларичева с деятелями генштаба Франции по вопросам выработки планов интервенции.

Совместная работа «Торгпрома» и вредителей с французским генштабом

«...Узнав, — говорит в своих показаниях 31 октября Рамзин, — таким образом, что военным центром по подготовке и руководству интервенцией является французский генеральный штаб, я предложил Денисову устроить до моего от'езда из Парижа совместное совещание с генералом Лукомским и полковником Жуанвилем, чтобы обсудить вопрос о координировании деятельности «Промпартии» с французским генштабом в деле подготовки интервенции и установить с этой целью связь между ЦК «Промпартии» и французским генштабом.

Денисов устроил это свидание на частной квартире одного из белоэмигрантов в первой половине октября 1928 г. Денисов заехал за мной на автомобиле в условленное время в кафе, и мы отправились вместе на эту квартиру, где застали генерала Лукомского и полковника Жуанвиля. На этом совещании и была установлена постоянная

связь между ЦК «Промпартии» и французским генеральным штабом. А именно, по указанию Денисова, прямую связь со мной должен осуществлять в Москве г. А...[1], а связь с членами ЦК и проф. Калинниковым—г. К... В дальнейшем связь с французским генштабом обычно и осуществлялась инж. Ларичевым и проф. Калинниковым через г. К... и в отдельных случаях мной через г. А...»

Ларичев в своих показаниях от 16 октября 1930 г. рассказывает о том же совещании следующее:

«...На следующий день, — говорит Ларичев, — Рамзин имел свидание с председателем «Торгпрома» Денисовым, белоэмигрантским генералом Лукомским и представителем французского штаба Жуанвилем (фамилию эту назвал мне Рамзин). На этом совещании Рамзиным были получены определенные указания и подтверждения о сроках намечаемой интервенции (т.-е. на лето 1930 г.), о методах подготовки к ней, а также сообщения о формировании экспедиционного корпуса во главе с генералом Лукомским. Вечером этого же дня у Рамзина должна была состояться встреча с полковником французского штаба Ришаром; на это свидание он пригласил и меня. Состоялось оно у него на квартире. Так как я французского языка, на котором шли разговоры, не знал, то могу сообщить, по словам Рамзина, что речь шла о подготовке Польши и Румынии к выступлению и что французский штаб принимает в этом направлении энергичные шаги. Со своей стороны Ришар интересовался как общим направлением нашей работы, так особенно деталями нового строительства, могущего иметь оборонное значение, а также положением военной и химической промышленности».

Характер беседы достаточно показателен, чтобы видеть, как всерьез отнеслись к реализации совместных намерений обе стороны: и представитель французского правительства Пуанкаре вместе с представителями французского генштаба, и «Торгпром», и русские белогвардейские генералы.

В другом своем показании Рамзин, сообщая о встрече с Жуанвилем, заявляет о том, какие именно требования были пред'явлены французскими генералами русским вредителям:

«При встрече моей в промежутке 5—10 октября 1928 г. в Париже с Денисовым, Лукомским и полковником Жуанвилем на квартире, как я уже показывал, основным вопросом являлся деловой вопрос о создании военной организации «Промпартии», которого я здесь не буду касаться. Разговор происходил по-русски вследствие моего очень плохого знания французского языка. Время от времени Денисов и Лукомский переводили по-французски сущность разговора. Полковник Жуанвиль больше всего интересовался возможностью получения военных сведений о Красной армии и возможной помощи изнутри СССР путем диверсий и т. п. На мой вопрос о располагаемых силах и плане интервенции генерал Лукомский ответил, что, пока не закончились переговоры, рано еще считать силы и составлять планы, но что повторенный мной план, слышанный в «Торгпроме», почти единственный, что при хорошем снабжении и вооружении армии никакого сомнения в успехе быть не может, особенно при активной помощи со стороны «Промпартии», ее военной организации, которой будут даны конкретные указания и планы действий.

В конце свидания Денисов сообщил еще, что основные переговоры об организации интервенции ведутся во Франции с Брианом, а в Англии с Черчиллем, что переговоры об организации интервенции затрудняются аппетитами ее участников; так например Польша претендует конечно на Правобережную Украину» (показания от 16 октября).

Именно на этом совещании возникла мысль о создании специальной военной комиссии «Промпартии» в СССР для подготовки изменнических актов со стороны отдельных частей Красной армии, и для этого была установлена и укреплена соответствующая связь с французским генеральным штабом. Рамзин показывает 16 октября 1930 г.:

«На этом совещании Лукомский выдвинул предложение о создании при ЦК «Промпартии» специальной военной комиссии и связи его с ним через французский генштаб. После обсуждения были намечены основные задачи военной комиссии, о коих подробно изложено в других моих показаниях. Здесь же была установлена и постоянная связь с французским генштабом и... в Москве. А именно прямую связь со мной должен был осуществлять по указанию Денисова г. Р..., а прямую связь с членом ЦК «Промпартии» инж. Ларичевым — г. К... При этом Денисов сообщил, что соответствующие указания будут даны в Москве. Связь с французским генштабом должна была нормально итти и осуществлялась впоследствии... через Ларичева и председателя промсекции Госплана СССР проф. Калинникова».

Сообщение об этих заданиях французского генштаба подтверждает и Калинников.

Шпионская работа этого рода по непосредственной связи с французским ген-

[1] В других показаниях Рамзина этот А... фигурирует под псевдонимом Р...

штабом должна была продолжаться и в дальнейшем. По показанию Калинникова, Рамзин

«...должен был, по его собственному заявлению в ЦК, в ближайшую поездку за границу установить непосредственную связь с правительственными кругами Франции и Англии по военным вопросам интервенции. Со слов Рамзина мне известно, что он предполагал использовать связь Рябушинского с Лушером, который покровительствует «Торгпрому» (так Рябушинский передавал Рамзину на последнем с ним свидании); Рамзин предполагал установить связь с генералом Лукомским для получения руководящих указаний для военного штаба «Промпартии» (показания Калинникова от 16 октября 1930 г.).

Федотову также было известно о полученном задании по организации вредительских ячеек в армии. Так, Федотов показывает:

«Целью образуемых ячеек ставилась прежде всего информация о положении дел и настроений в Красной армии и флоте, разработка мероприятий по понижению боеспособности Красной армии, разработка мер по расстройству сообщений, выработка мер по понижению обороноспособности страны, вплоть до проведения диверсионных актов, выведения из строя наиболее важных заводов, электростанций, фабрик и т. п., захват влияния в мобилизационных отделах снабжения армии и расстройство этого снабжения, а также и в мобилизационных отделах промышленности» (показания от 21 октября).

Так конкретно уже ставили вопрос о своей работе по подготовке интервенции вредители. От «мирной» вредительской работы первых времен не осталось и следа.

Связь с английским генштабом

На фоне активной роли правящих кругов Франции роль Англии представляется в несколько ином свете. Поскольку правящие круги Франции, имея в Париже под рукой и «Торгпром» и военный центр белоэмигрантских русских военных организаций, захватили полностью руководство делом интервенции против СССР, роль Англии была естественно отодвинута на второй план.

Такова картина заграничной работы «Торгпрома» и «Промпартии» по подготовке иностранной интервенции.

Планы и сроки интервенции

Картину этой работы можно закончить изложением т о ч н о г о п л а н а и н т е р в е н ц и и, который был вывезен вредительской организацией из-за границы, с р о к а и н т е р в е н ц и и в его отдельных изменениях и т о й р а б о т ы, к о т о р у ю, п о у к а з а н и я м и з - з а г р а н и ц ы, д о л ж н ы б ы л и с о в е р ш и т ь в р е д и т е л и в СССР для обеспечения успеха намеченного вооруженного вторжения.

Вот что конкретно заявляет о намеченном плане интервенции Рамзин в показаниях от 21 сентября:

«По сообщениям П. А. Пальчинского, основной руководительницей интервенции должна была являться Франция; но непосредственное осуществление последней намечалось при помощи военных сил Польши и Румынии с привлечением прибалтийских государств. По указаниям Пальчинского, существовали также, но весьма сомнительные, надежды на вовлечение Чехо-Словакии и Югославии. В основном построения шли однако на Польшу и Румынию».

Именно в этом смысле, по показанию Рамзина, велись переговоры Мещерским и Рябушинским с Пуанкаре и Брианом:

«Основной смысл переговоров сводился к тому, что имеются реальные надежды на интервенцию, причем вероятным сроком ее намечался примерно 1930 г. Во главе военных сил при интервенции намечался генерал Лукомский. Для пропаганды интервенции за границей предполагалось установить связь с Гессеном и Каминкой» (газета «Руль»).

Именно об этом плане и предполагаемом сроке шли дебаты на совещании «Торгпрома» и вредителей в Париже и еще раньше на совещании вредительского центра в Москве. Об этом совещании в Москве в первой половине 1928 г. в другом месте тех же показаний говорит Рамзин:

«Пальчинский сообщил, что согласно сведениям, полученным им из-за границы, можно ориентироваться на интервенцию примерно через 2 года, т. е. в 1930 г., поэтому необходимо вести работу с таким расчетом, чтобы приурочить к этому времени момент всеобщего кризиса. Руководительницей интервенции будет Франция, ибо бывш. русские промышленники уже имели благоприятные разговоры с Брианом и Пуанкаре, но непосредственное проведение военных операций будет выполнено вероятно Польшей и Румынией с привлечением лимитрофов; участие Чехо-Словакии и Югославии не исключено, но сомнительно; непосредственным военным руководителем интервенционных войск выдвигается за границей генерал Лукомский».

На этом же заседании, видимо в связи с радужными надеждами, вредители обсуждали и состав правительства.

Мотивы намечения срока интервенции на 1930 г., по сообщению Рамзина, были следующие:

«Согласно сообщений из белоэмигрантских промышленных кругов через Пальчинского, Федотова, а также непосредственно от Рябушинского через Рамзина и от «Торгпрома» через Рамзина и Ларичева переговоры белоэмигрантов с французским правительством как руководителем интервенции, а так-

же и английским правительством, давали основание рассчитывать на возможность реально подготовить и осуществить интервенцию примерно к 1930 г. Таким образом этот срок определялся политическими и военными соображениями».

Мотивом таким образом служила невозможность раньше этого времени подготовить вооруженные силы интервенции:

«В 1928 г., — сообщает Ларичев, — от «Торгпрома» были получены указания, что срок интервенции отодвигается и повидимому должен быть отодвинут на 1930 г. Во время нашего с Рамзиным пребывания в Париже и посещения «Торгпрома» мне стало известно, что сложность политической обстановки за границей, главным образом двойственная политика Германии, торговавшейся с обеими сторонами за свою ориентацию, а также позиция, занятая Литвой в отношении Польши, делали несвоевременным открытое выступление против Советского Союза. Но, несмотря на это, представитель французского штаба Жуанвиль и Денисов при личном их свидании с Рамзиным заверяли, что позиция французского правительства относительно поддержки интервенции останется неизменной, и французским штабом энергично ведутся работы по усилению военной мощи Польши и Румынии и производятся формирование и подготовка экспедиционного корпуса белогвардейских эмигрантских сил. Руководство этой работой осуществляется также французским штабом (комиссией под председательством Жанена) и имеются соответствующие материальные и финансовые средства, получаемые в значительной мере от французского военного министерства. Возглавление экспедиционного корпуса поручается генералу Лукомскому» (показания от 16 октября).

К этому сроку склонялись и сами вредители, только по другим соображениям. Тот же Рамзин продолжает:

«По естественным условиям развития народного хозяйства и осуществления пятилетки операционный 1929/30 г., как промежуточный год пятилетки, являлся наиболее трудным, ибо в этом году требовалось большое напряжение народнохозяйственных средств на новое капитальное строительство, и в то же время вложения не могли еще давать заметного реального эффекта. Тяжелое положение в 1930 г. усугублялось еще и неизбежными трудностями при проведении коллективизации сельского хозяйства, при котором «Промпартия» надеялась как на продовольственные затруднения, так и на сильное недовольство широких крестьянских масс, вместе с ростом недовольства широких слоев населения вообще.

Таким образом, по построениям «Промпартии», 1930 г. являлся наиболее благоприятным для контрреволюционного переворота: а) по военно-политическим соображениям подготовки и осуществления интервенции; б) вследствие наибольших трудностей в народном хозяйстве и в) вследствие разгара недовольства широких масс населения в результате экономических затруднений» (показания Рамзина от 31 октября).

К 1930 г. вредители направили поэтому свою работу на создание кризиса в основных отраслях народного хозяйства — в области транспорта, электроснабжения, топливоснабжения, металлоснабжения, механизации сельского хозяйства и усиления диспропорции между отдельными отраслями народного хозяйства.

В своих показаниях от 16 октября 1930 г. Рамзин еще более детализирует тот же план. Срок интервенции — лето 1930 г. — намечался «Промпартией», кроме указанных выше соображений, еще по следующим:

«При большом напряжении на капитальное строительство оборонные расходы неизбежно в начале пятилетки должны были отставать от общего темпа экономического развития страны, почему условия обороноспособности СССР в 1930 г. расценивались ниже, чем в последующие годы...»

Те же соображения Рамзин повторяет и в показании 31 октября.

План интервенции

Конкретный план интервенции был принят следующий:

«...Интервенция должна была начаться выступлением Румынии под предлогом придирки, например, к пограничному инциденту с последующим формальным об'явлением войны Польшей и выступлением лимитрофов. В интервенции должны были принять участие врангелевские войска, проходящие через Румынию. Англия должна была поддержать интервенцию своим флотом: а) на Черном море, имея целью отрезать кавказские нефтяные месторождения, и б) в Финском заливе в операциях против Ленинграда. Предполагалось также высадить на Черном море десант красновских казаков, которые должны были поддержать и усилить восстание на Дону. Весьма серьезные расчеты строились на восстание на Украине и, как результат его, перерыв сообщения между Донбассом и Москвой.

Общий план сводился к комбинированному двойному удару: главный — на Москву и вспомогательный — на Ленинград, с движением южной армии, опираясь на правый берег Днепра. Изнутри операции интервентов должны были быть поддержаны, кроме массовых восстаний, помощью со стороны «Промпартии» путем углубления и усиления

кризиса диверсиями на военных заводах, электростанциях и т. п.» (показания от 16 октября 1930 г.).

Об этом же сообщают и другие обвиняемые. Калинников показывает, что

«...правительствами Франции и Англии и русской белой эмиграцией «Торгпрома» намечался ближайший срок интервенции — середина 1930 г. Эти сведения получил Рамзин из . . . . . от г. К. . . во второй половине 1928 г., одновременно ему же был сообщен приводимый мною схематический план проведения интервенции» (показания от 16 октября 1930 г.).

То же говорит Ларичев в показании от 16 октября 1930 г.:

«Руководящая роль в организации интервенции принадлежит Франции, проводившей свои планы подготовки при активном участии английского правительства, при этом в деятельности последнего имелось в виду проведение определенных мероприятий, диктуемых группой Детердинга (захват Баку и Грозного)» (показания Ларичева от 16 октября 1930 г.).

Ларичев подтверждает также мотивы, в силу которых на 1930 г. остановились и вредители:

«Годом наибольшего кризиса должен быть 1930 г. благодаря диспропорции в развитии отдельных отраслей, особенно металла, и неоконченности большинства начинаемых строительством новых крупных предприятий. Такая директива о подготовке интервенции к 1930 г. была нами дана различным членам «Промпартии» и составила главный момент политической борьбы при составлении пятилетки» (показания от 16 октября).

Чрезвычайно характерно в этом отношении, между прочим, следующее данное Ларичевым показание о роли французского генерального штаба в провокации конфликта на КВЖД:

«Возникший летом 1929 г. конфликт на КВЖД, как я узнал от Рамзина и Калинникова, явился диверсионным шагом французского и английского штабов: с одной стороны, выявить наши мобилизационные способности и боеспособность Красной армии, с другой стороны — выяснить отношение широких кругов населения к вопросу о возможности войны и о степени прочности советской власти и ее влияния на рабочую и крестьянскую массу в моменты внутренних и внешних затруднений» (там же).

Первоначальные сроки и планы интервенции подтверждает и Чарновский. По его словам, Рамзин еще осенью 1927 г. информировал вредительский центр о своем свидании с Рябушинским, где

«...собравшиеся у Рябушинского промышленники и военные с своей стороны сообщали о планах интервенции, как-то: начало ее в форме пограничных инцидентов, спровоцированных на румынской границе, переход от этих инцидентов к военным действиям, вмешательство Польши в качестве союзницы Румынии; действия на море и побережьи — десантные операции против Ленинграда, поддерживаемые воздушными силами, и т. д. Таким образом, в соответствии с развитой в этом направлении программой военного наступления, директивы, полученные ранее Хренниковым, значительно расширялись и были дополнены в направлении содействия интервенции, которое должно было последовать в форме соответствующих мер военного значения» (показания от 16 октября 1930 г.).

Новая отсрочка интервенции

Однако и надежды на 1930 г. не сбылись, и в результате наступила новая отсрочка, на этот раз более короткая, на 1931 г. По поводу этой новой отсрочки Рамзин показывает (от 16 октября 1930 г.):

«Уже во второй половине 1929 г. стали поступать из-за границы сообщения о невозможности интервенции в 1930 г. и о переносе ее на следующий год.

Основные причины этого переноса таковы: 1) рост революционной активности пролетарских масс; 2) осложнения военного положения Франции в виду обострения отношений с Италией; 3) невыясненность позиций Германии и противоречивость ее интересов с Польшей; 4) неудача дальневосточной авантюры, доказавшей трудность борьбы с Красной армией, и 5) отсутствие соглашений между основными участниками интервенции.

В связи с изменением общей обстановки начал выясняться несколько видоизмененный план на 1931 г. В этом плане уже учитывали малую вероятность крупных внутренних восстаний и особенно на Украине под влиянием разгрома контрреволюционных организаций, как СВУ[1], и общего улучшения экономического положения в будущем году. Поэтому в новом плане к внутренней помощи со стороны «Промпартии» выдвигались уже гораздо более серьезные требования, с упором на развитие диверсионной, шпионской и явно изменнической деятельности. Для предварительного возможного ослабления Советского Союза и частичной компенсации этим его экономического и военного укрепления, по сравнению с 1930 г., в новый план вводилась экономическая блокада СССР.

В новом плане значительно усиливалась роль северного кулака, долженствующего ударить по Ленинграду, за счет участия Финляндии, при чем в этой операции должны были принять участие

[1] СВУ — „Союз освобождения Украины“ — контрреволюционная организация на Украине, главные деятели которой осуждены Украинским верховным судом.

сухопутные, морские и воздушные силы. Южная группа из польских, румынских, врангелевских войск, захватив Правобережную Украину, должна была двигаться к Москве, по возможности по кратчайшей линии. Неопределенным оставалось в этой операции участие Германии, ибо Польша естественно опасается пропустить германские войска через Восточную Пруссию, несмотря на имеющуюся возможность мобилизовать в Германии значительные массы из среды, например, «Стального шлема» (показания от 16 октября).

Это показание представляется чрезвычайно характерным, рисующим настойчивость и упорство руководящих кругов известных иностранных держав в деле организации военной интервенции в СССР.

Калинников показывает:

«Возвращаясь с Лондонской всемирной энергетической конференции через Париж в СССР, Рамзин и Ларичев установили связь с «Торгпромом» в лице Рябушинского, поддерживавшего сношения с французским правительством через Лушера. Они узнали, что в виду происшедших задержек в снаряжении и вооружении армии для интервенции и взаимной недоговоренности лимитрофных государств по проведению интервенции, а также в виду того, что Советский Союз не начнет сам военных действий, так как это сорвало бы удачно осуществляемую пятилетку, придется вероятно отсрочить интервенцию на год или полтора года. «Торгпром», со своей стороны, мотивировал необходимость переноса интервенции на год еще тем, что, по многолетним статистическим наблюдениям, можно ожидать в 1931 г. неурожая большого размера в Советском Союзе» (показания от 16 октября 1930 г.).

Ларичев в качестве основной причины отсрочки указывает на неудачу конфликта на КВЖД.

«Создавшееся положение вызвало еще более озлобления в иностранных кругах против СССР, но, с другой стороны, привело к необходимости еще раз вернуться к вопросу о сроках интервенции, отложив намечавшийся срок с 1930 г. по крайней мере на год... Без надежной опоры в частях Красной армии в лице контрреволюционных организаций и без руководства их деятельностью наша работа по подготовке к интервенции была явно недостаточна... Этот вопрос им[1] был поставлен перед ЦК «Промпартии» как очередная важнейшая работа по подготовке к интервенции. Самый же срок интервенции, насколько мне было известно до моего ареста, отодвигался на 1931 г.

Общий же план выступления интервентов в общем не менялся. Попрежнему французским штабом указывалось, что инициатива выступления будет за Польшей и Румынией. Как на возможность такого выступления указывалось, что Польша путем открытого захвата Литвы, продолжавшей свою советскую ориентацию, создаст международный конфликт, в который должен быть вовлечен и СССР, и приведет к вооруженному столкновению Союза как с Польшей, так и с Румынией, связанной с ней военным договором» (показания от 16 октября 1930 г.).

То же самое говорит о причинах отсрочки Чарновский:

«...опыт на КВЖД дал доказательство обратного — усиления боеспособности частей Красной армии. Пришлось намечать момент интервенции на более дальний срок. Такому отдалению срока, как сообщал Рамзин, способствовал также ход внешнеполитических комбинаций в отношениях между Францией и Германией в связи с попыткой Франции оторвать Германию от существующих договорных отношений с СССР и с попыткой ликвидировать Литву как государство, введя ее в состав Польши. Неудача этих планов, выяснившаяся к лету 1930 г., также затянула и отдалила момент начала интервенции, о чем Рамзин имел сведения при поездке его на международный конгресс в июне с. г. в Берлин... На основании этих информаций момент военной интервенции откладывался на год до лета 1931 г. Этот год представлялся благоприятным в двух отношениях: во-первых, по предсказанию некоторых агрономов этот именно год ожидается неурожайным для СССР; во-вторых, с этим годом совпадают, как думают в «Торгпроме» на основании дополнительных данных, полученных от Рамзина, о ходе реконструкции, максимальные затруднения финансового характера по импортным заявкам, сосредоточиваемым в виду запоздания многих закупок на период 1931 г. Кроме того в связи с политическим положением внутри Германии и Англии ожидалась лучшая для интервенционистов политическая кон'юнктура в Европе именно в 1931 г.» (показания от 16 октября 1930 г.).

Что касается остальных вредителей, менее посвященных в точные планы ЦК «Промпартии» по их показаниям, они знали одно, что срок интервенции близок, намечался на 1930 г., максимум на 1931 г., и соответственно с этим направляли свою работу.

От заграничной работы вредителей по подготовке интервенции можно теперь перейти к непосредственно связанной с подготовкой интервенции работе внутри СССР.

---

[1] Речь идет о Рамзине.

III. ПРЕСТУПНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «ПРОМЫШЛЕННОЙ ПАРТИИ» ПО ПОДГОТОВКЕ ИНТЕРВЕНЦИИ В СССР

Работа вредительского центра по исполнению указаний, получаемых из-за границы от «Торгпрома» и французских правительственных и военных организаторов интервенции, продолжалась до последнего времени, вплоть до ареста вредителей. Важно сравнить характер этой работы до и после 1928 г.

За этот период, по показаниям Рамзина, имели место следующие заседания центра еще до переорганизации его в «Промышленную партию».

Содержание антигосударственной работы ЦК „Промпартии" до 1929 г.

Первая половина 1927 г.

1. Заседание в начале 1927 г. в помещении Госплана в кабинете Ларичева. Присутствовали: Ларичев, Пальчинский, Рабинович и Рамзин; имела место информация о существовании центра со стороны Пальчинского и Рабиновича и определялась программа работы, исходя из неизбежности экономического кризиса и контрреволюционного переворота. Ставился вопрос о необходимости заблаговременной подготовки к принятию власти и управлению народным хозяйством, поскольку руководящая роль в управлении экономической жизнью, по мнению информаторов, должна принадлежать инженерству.

2. Совещание весною того же года в помещении Госплана в том же составе. Указывалось на полную реальность интервенции.

3. Заседание центра в том же году, весною, в составе Пальчинского, Рабиновича, Хренникова, Ларичева, Рамзина, Чарновского и Федотова. Слушался доклад Пальчинского о директивах из эмигрантских кругов о работе по линии задержки темпов развития промышленности и создания кризисов путем диспропорции между основными частями хозяйства. Дебатировался вопрос о целесообразности прямого вредительства. Решено подработать вопрос по отдельным отраслям промышленности; шли споры о монархических принципах, либо о буржуазно-демократической республике. Все однако соглашались по вопросу о необходимости после контрреволюционного переворота на первый период установить военную диктатуру.

4. Заседание в помещении ВАИ в составе Пальчинского, Рабиновича, Хренникова, Ларичева, Федотова, Чарновского, Рамзина и Чаянова. Обсуждались вопросы о блоке с контррреволюционной группой Кондратьева — Чаянова.

5. Заседание в помещении ВСНХ в составе Рабиновича, Хренникова, Чарновского, Пальчинского, Ларичева, Рамзина и Стрижова. Обсуждались конкретные линии работы в области топливоснабжения и металлопромышленности. Были намечены минимальные программы на пятилетку и на годовые планы; задержка развития местного топлива, в особенности торфа и подмосковного угля, а также и Кузбасса, и ухудшение металлургического топлива. По металлической промышленности приняли установку на задержку выплавки чугуна и выпуска проката — не более 6—8 млн. т. на конец пятилетки; на создание диспропорции между производством и потребностью в металлоизделиях и на задержку постройки новых металлозаводов и новых цехов. По политическим вопросам обсуждался земельный вопрос и вопрос об уплате царских долгов, в первую очередь Франции.

6. Совещание в помещении ЦЕКУБУ в составе Пальчинского, Рабиновича, Хренникова, Рамзина, Федотова, Чарновского и Чаянова. Обсуждались вопросы двух вариантов тактики:

1) медленного и постепенного обволакивания отдельных ответственных работников-коммунистов влиянием «Инженерно-технического центра» и 2) насильственного контрреволюционного переворота путем вооруженного восстания. Вторая тактика была признана предпочтительной, поскольку,— как говорил Рамзин,— центр был уверен в близости переворота путем интервенции. Срок и потребные силы для последней участники совещания считали возможным сильно сократить, если параллельно с интервенцией пойдет и вооруженное восстание.

7. Заседание также в помещении Госплана в составе Рабиновича, Ларичева, Рамзина, Федотова, Чарновского, Хренникова и Чаянова. Указывалось, что благодаря кастовой замкнутости центра и отсутствия у него больших масс единственная его реальная установка может быть только на интервенцию. Получить массы рассчитывали от группы Кондратьева — Чаянова, что и было аргументом за тесный блок с ней.

8. Заседание центра весной в помещении ВСНХ в составе Пальчинского, Хренникова, Рабиновича, Федотова, Ларичева, Красовского и Чарновского. Обсуждались вопросы работы по текстилю. Намечались задержки развития текстильной промышленности и постройки новых фабрик, недостаточное использование существующих вложений, торможение введения новых текстильных материалов и создание диспропорций между полуфабрикатами. Красовский наметил основные линии по НКПС, сводившиеся к ухудшению использования состава и в частности паровозов; к задержке развития провозоспособности основных направлений и замедление разви-

тия водного транспорта и нефтеналивного флота. Пальчинский сообщил о желательности установления связи с группой «Руля» за границей, а Рабинович — о наличии связи с Дворжанчиком и польским правительством.

9. Заседание центра в помещении Госплана в составе Пальчинского, Рабиновича, Хренникова, Стрижова, Ларичева, Чарновского и Рамзина. Слушался доклад Рабиновича по угольной промышленности; намечали замедление темпов путем торможения механизации добычи, задержки капитального и жилищного строительства, разведочных работ и электростроительства в Донбассе. По докладу Стрижова по нефтяной промышленности намечены также задержка добычи, отставание нефтеразведок и отдельные задержки крэкинг-установок для сокращения выхода экспортного бензина. По докладу Рамзина в области энергохозяйства приняты линии на создание кризисов электроснабжения в наиболее важных пунктах — Донбасс, Ленинград, Москва, Кизел, Кузбасс, нерациональное проектирование электростанций; требование заграничных машин и растягивание сроков постройки электростанций.

Такова была работа вредительского центра за период 1927 г.

Анализ этих совещаний показывает, что за весь 1927 г. до окончательного оформления «Промпартии» вопросы вредительской работы, занимая основное место в работе центра, главным образом шли по линии задержки строительства. Интервенция рассматривалась без соответствующей конкретизации и выработки планов.

В 1927 г. однако имело место уже первое свидание в августе Рамзина с Рябушинским и установление первых связей с французским генштабом. Это свидание уже уточнило и укрепило связь с «Торгпромом» и согласование методов и целей работы.

Содержание работы вредительского центра за 1928 и 1929 гг.

Положение изменяется в 1928 г. сообразно тому общему изменению политической обстановки, о котором говорено выше.

В первой половине 1928 г. вредительская работа центра еще носит прежний характер. Совещание центра зимой состоялось в помещении ВСНХ, присутствовали Пальчинский, Хренников, Чарновский, Калинников, Ларичев и Рамзин, при чем Пальчинским и Рамзиным были сделаны сообщения о директивах из-за границы, подтверждающих прежнюю тактику.

Следует отметить, что арест шахтинской группы, имевший место как раз в первые месяцы 1928 г., не остановил вредителей. Наоборот, именно тут был поставлен вопрос о превращении центра в политическую партию, так как арест ряда членов центра, как говорит Рамзин, «не повлиял на деятельность последнего». Отмечалась только необходимость большей осторожности и конспирации в связи с арестом Рабиновича.

Последующие три заседания, а именно: в помещении ВАИ, в составе Пальчинского, Хренникова, Рамзина, Федотова и Чарновского, весной в помещении Госплана, где присутствовали Хренников, Калинников, Ларичев, Федотов, Рамзин и Пальчинский, и опять же в помещении Госплана, где были Хренников, Пальчинский, Рамзин, Ларичев, Федотов и Калинников, обсуждался как раз этот вопрос.

На этих трех последних заседаниях уже вместе с тем дебатировались следующие вопросы: сообщение Пальчинского о том, что можно, по его сведениям из-за границы, ориентироваться на интервенцию через 2 года — к 1930 г., причем необходимо вести работу с таким расчетом, чтобы приурочить к этому времени момент всеобщего кризиса. Сообщалось о том, что руководителем интервенции будет Франция, о свидании русских промышленников с Брианом и Пуанкаре и о том, что военным руководителем интервентов будет генерал Лукомский. Вместе с тем обсуждались кандидатуры министров контрреволюционного переворота. На следующем заседании опять-таки обсуждались кандидатуры и рассматривался новый метод вредительства, сводящийся к возможному омертвлению капиталов путем вкладывания их в длительные и дорогие сооружения. Наконец на последнем (пятом) заседании этого периода основным вопросом был вопрос о блоке с группой Кондратьева — Чаянова.

Вопросы интервенции в этот период начинают уже переплетаться с вопросами вредительства и подчиняют себе их, но преобладающего значения еще не имеют.

Резкое изменение наступает в работе центра со второй половины 1928 г. Аресты Пальчинского, Хренникова, Красовского, Стрижова, в дополнение к ранее произведенному аресту Рабиновича, обезглавили первый состав ЦК «Промпартии» и создали временный перерыв. В результате этого совещание было только в конце 1928 г. в составе Ларичева, Федотова, Чарновского и Рамзина, где было решено продолжать работу и организовать новый ЦК «Промпартии». К этому времени как раз относятся упомянутые выше заграничные поездки Рамзина и Ларичева, совещание с «Торгпромом» и военными кругами Франции. С этого момента вопрос интервенции резко выдвигается на первый план, и вся работа направляется по этой линии. Рамзин пока-

зывает, что весной 1929 г. состоялось совещание нового ЦК в составе Федотова, Рамзина, Чарновского, Ларичева и Калинникова, где пришли к следующему выводу:

«Главной задачей является теперь додержаться до начала интервенции; поэтому основная тактика должна быть направлена на сохранение головки «Промпартии» и ее кадров, хотя бы ценою ослабления руководства отраслевыми и низовыми ячейками, тем более, что кризис уже начался и будет неизбежно углубляться сам собою. Поэтому необходимо вести работу с максимальной осторожностью. В целях такой осторожности решено совершенно отказаться от прежней тактики минималистских планов как неосуществимой и явно опасной и, наоборот, если удастся, без риска перегибать планы в сторону их преувеличения. Перенести работу виднейших членов организации в плоскость рациональных технических построений, ибо их результаты будут полезны для будущего государства» (показания от 21 сентября 1930 г.).

Разгром 1928 г. не прекратил работы центра, впрочем, и по другим соображениям. В показаниях от 16 октября Рамзин заявляет:

«Вторым не менее сильным побудителем было привезенное Ларичевым и Рамзиным в конце 1928 г. заверение «Торгпрома» о твердых надеждах на интервенцию в 1930 г., т.-е. в непродолжительном времени. Разгоревшаяся партийная борьба внутри ВКП(б), появление крупных затруднений при проведении коллективизации, прогрессирующий экономический кризис, рост недовольства широких масс, быстро растущий охват масс через «ТКП», финансирование «Промпартии» белоэмигрантами — все эти факторы создавали почву для расчетов на успех контрреволюционного переворота, являвшегося ближайшей задачей «Промпартии».

При таких условиях деятельность «Промпартии», естественно, продолжалась, заметно однако понизившись в своей активности. Главной задачей ставилось здесь сохранение и осторожный рост кадров «Промпартии», укрепление тактических связей с «ТКП» и стремление додержаться до начала интервенции» (показания от 16 октября 1930 г.).

Новый разгром ЦК последовал весной 1930 г. в связи с арестами Федотова и Ларичева. Однако и он не привел к прекращению деятельности ЦК «Промпартии», как это хотел показать Рамзин в показаниях от 21 сентября:

«В течение всего последующего времени я не помню больше, — говорит Рамзин, — пленарных собраний ЦК «Промпартии», ибо до последнего разгрома организации с арестом Федотова и Ларичева я имел лишь встречу с отдельными членами ЦК или небольшими группами».

Преступная работа ЦК «Промпартии» в 1930 г.

Это утверждение Рамзина опровергается рядом показаний о пленарных заседаниях в 1929/30 г. со стороны других обвиняемых. Так, Калинников показывает (31 октября 1930 г.):

«ЦК «Промпартии» по собственной инициативе организовал два совещания: одно для заслушания доклада Гинзбурга по экономике промышленности в 1930 г. в присутствии Соколовского и Белоцерковского в кабинете Шейна [1] в НТУ ВСНХ под его председательством в присутствии Чарновского, Ларичева и меня — Калинникова. Второе совещание было организовано в Госплане в кабинете Ларичева для выслушания доклада Громана по общей кон'юнктуре на 1930 г. Я не присутствовал на втором совещании и не могу назвать состав.

Оба эти совещания пришли к одному близко совпадающему выводу в оценке ожидаемой кон'юнктуры в 1930 г., а именно производство и капитальное строительство будут испытывать значительное затруднение в отношении обеспечения основным сырьем — строительными материалами и главным образом в отношении финансовом и продовольственном. Этот кон'юнктурный анализ 1930 г. не был неожиданностью для ЦК «Промпартии», так как его членам было это обстоятельство известно еще при составлении пятилетки, когда еще большие экономические затруднения нужно ожидать летом 1931 г.» (показания от 31 октября 1930 г.).

И он же показывает дальше:

«...сообщения К... были Ларичевым доложены на ближайшем заседании ЦК «Промпартии» в начале января 1930 г. в составе Рамзина, Ларичева, Чарновского и меня — Калинникова.

На этом заседании ЦК «Промпартии» принял и последнее свое решение в связи с интервенцией, а именно, по предложению Рамзина, принято развернуть работу по организации военных ячеек из членов «Промпартии» в учреждениях Красной армии...» (показания от 31 октября 1930 г.).

И точно так же показывает Федотов (30 октября):

«В конце 1929 г., — говорит он, — по просьбе Чарновского я встретился с ним в НТУ и имел продолжительный разговор.

Прежде всего он сообщил мне, что СИО существует, несмотря на бывшие

[1] По поводу деятельности всех этих лиц ведется особое расследование.

ресты, что он преобразовался в «Промышленную партию» (ПП), что председателем ЦК партии состоит Рамзин, а в ЦК избраны Чарновский, Ларичев, Калинников и Федотов. Я выразил удивление, как меня избрали без моего согласия, но он успокоил меня тем, что бюро ЦК ни разу не собиралось и пока не собирается заседать в виду необходимости быть очень осторожным и ради этого постановлено не выдвигать работу названного бюро» (показания от 30 октября 1930 г.).

Наконец следственные материалы по еще одной стороне деятельности обвиняемых совершенно точно говорят об экстренном заседании ЦК в мае 1930 г. Особая конспиративность этого заседания была причиной того, что о нем умалчивали в своих первоначальных показаниях все — Рамзин, Калинников и Чарновский (Федотов и Ларичев были к этому времени уже арестованы в марте и апреле 1930 г.).

Под влиянием этих показаний Рамзин должен был признать, что 21 сентября он не говорил всей правды: мотивы его поведения вполне понятны. Для этого достаточно обратиться к содержанию заседаний этого периода.

Вот что в конце концов показывает сам Рамзин 3 ноября 1930 г. Прежде всего он дополняет 1928 г. рядом заседаний с участием новых членов ЦК, где главными вопросами являются заслушание докладов Рамзина и Ларичева о поездке в Париж осенью 1928 г. и доклад об исполнении тех заданий, которые обязались исполнить Ларичев и Рамзин на совещании с работниками французского генерального штаба после установления личной связи их с агентами французской службы в Москве.

Что касается 1929 г., то из указываемых теперь Рамзиным пяти заседаний за 1929 г. устанавливается, что

на первом заседании заслушивались соответствующие информации Рамзина и Ларичева об интервенции на основании полученных ими сообщений из французской агентуры в Москве, подчеркивалась установка на интервенцию в 1930 г., указывалось на необходимость добиться к этому времени разгара хозяйственного кризиса и рассматривались методы совместных действий с контрреволюционной группой Кондратьева — Чаянова — метод обострения продовольственного кризиса к лету 1930 г. и метод организации крестьянских восстаний;

на втором заседании слушались сообщения Рамзина о настойчивых требованиях агентов французской службы и французского генштаба об ускорении создания военной организации в Красной армии; дано поручение о разведывательной работе «Промпартии»;

на третьем заседании обсуждался вопрос о создании диверсионной организации; согласно специального поручения французского генерального штаба были розданы соответствующие поручения членам ЦК по энергетике, военной промышленности, железным дорогам и т. д.;

на четвертом заседании слушалось сообщение об отсрочке интервенции на 1931 г.;

на последнем заседании заслушан доклад о создании военной организации и намечен новый состав правительства контрреволюционного переворота (см. начало обвинительного заключения).

Таким образом мало того, что вся работа за 1929 г. ставится под углом подготовки интервенции, самая деятельность приобретает лихорадочный характер.

Наконец за 1930 г. Рамзин дает в своих последних показаниях указание на два заседания, одно из них — о новых течениях в «Промпартии» в пользу переворота внутренними силами путем вооруженного восстания. Это течение однако было отклонено. Вместе с тем обсуждалось сообщение о систематической организации террористических актов против деревенских коммунистов, используя настроение кулачества. Решено вернуться к обсуждению этого вопроса с группой Кондратьева — Чаянова весной, когда выяснится общее положение.

Наконец в мае 1930 г. имело место еще одно заседание такого же характера.

Таким образом ставка на интервенцию, шпионскую работу, диверсионную работу, военную работу и вредительскую работу под углом зрения оказания помощи иностранной военной интервенции — такова характеристика последнего периода деятельности контрреволюционной организации. Вредительская работа уступила место новым, более острым, методам, поскольку, как говорит Рамзин, «кризис уже начался».

Преступная работа ЦК «Промпартии» по подготовке экономического кризиса в 1930 г.

На роли и влиянии работы обвиняемых, на создании этого кризиса надлежит сейчас остановиться.

Вот что сообщает Рамзин прежде всего об общей картине работы, предшествовавшей постановке специальной задачи по созданию кризиса в 1930 г.

«Основная общая директива для всех отраслей народного хозяйства сводилась прежде всего к сокращению темпа их развития. Кроме того на известных мне совещаниях центра и отдельных групп членов организации намечались следующие мероприятия:

1. Металл: а) замедление темпа развертывания, что особенно ясно из сопоставления старой пятилетки, составленной под влиянием центра, с 7 млн. т. чугуна и последней пятилетки 18 млн. т., т.-е. старая пятилетка была сужена в 2,5 раза;

б) несоответствие ассортимента металла потребности в нем;

в) диспропорция между производством и потреблением отдельных металлоизделий;

г) запоздание с постройкой и расширением заводов и коксовых установок.

2. Текстиль: а) медленный темп развертывания;

б) постройка новых фабрик при недостатке сырья;

в) диспропорция между наличием и потребностью отдельных видов сырья;

г) задержка с введением новых текстильных материалов.

3. НКПС: а) неправильное и нерациональное использование подвижного состава и паровозов;

б) передача годных паровозов на кладбище;

в) задержка с развитием провозоспособности по наиболее важным линиям, например Донбасс — Москва, Кузбасс — Урал, ставящая под удар и вопросы топливоснабжения;

г) несмотря на полную неизбежность в ближайшем будущем острого дефицита спекающихся каменных углей в Донбассе, не принято никаких мер к подготовке паровозов для сжигания неспекающихся углей, между тем как этот вопрос является одним из центральных и наиболее решающих проблемы топливоснабжения;

д) не проводилась работа по радикальному улучшению экономичности использования топлива в паровозах путем выработки новых типов и конструкций для постройки новых паровозов;

е) сильное отставание в развитии нефтефлота, являющегося узким местом нефтеснабжения.

4. Нефть: а) замедление темпа развития путем сокращения об'ема буровых работ;

б) сильное отставание нефтеразведок, являющееся также фактором замедления развития нефтедобычи, и одновременно неизбежно увеличивающееся количество пустых скважин;

в) неправильное использование нефтяных газов;

г) медленный темп нефтепроводного строительства;

д) замедление развития рационального нефтеперегонного оборудования и получение поэтому менее выгодного ассортимента нефтепродуктов;

е) сильная задержка в развитии крекинг-установок.

5. Уголь: а) значительное замедление темпа добычи во всех районах, особенно в Подмосковном бассейне и Кузбассе;

б) сильное отставание разведок, ограничивающее темп развития добычи и увеличивающее количество невыгодных шахт;

в) сильное отставание капитальных работ и жилстроительства, являющееся основным тормозом развития угледобычи;

г) кризис электроснабжения в Донбассе, Кузбассе и в Кизеле, ограничивающий добычу и степень механизации;

д) замедление механизации угледобычи, усиливающее рабочие и жилищные кризисы.

6. Энергетика: а) замедление темпа электрификации;

б) создание кризисов электроснабжения в наиболее ответственных пунктах — Донбасс, Ленинград, Москва;

в) медленность постройки электростанций в 2—3 раза по сравнению с возможными сроками постройки, что вызвало омертвление значительных капиталов, и в значительной части валютных, создавая временные кризисы в электроснабжении;

г) несоответствие сроков окончания отдельных частей станции и сроков поступления отдельных элементов оборудования, ведущее также к омертвлению капиталов;

д) дорогая стоимость электростанций вследствие нерациональной проектировки их;

е) задержка теплофикации.

7. Топливоснабжение: а) сильное сокращение темпов добычи топлива;

б) сокращение добычи местных топлив — особенно торфа и подмосковного угля;

в) сокращение темпов развития Кузбасса;

г) задержка мероприятий по улучшению качества угля для металлургических целей и, как следствие этого, ухудшение кокса и качества металла» (показания от 21 сентября 1930 г.).

Вредительская работа в этих направлениях была начата еще старым «Инженерным центром». Новый вредительский центр, начавший работать со второй половины 1928 г., в связи с новой установкой на создание кризиса в 1930 г. усилил работу главным образом по созданию диспропорции, тем более, что осуществление прежней тактики, в особенности в плановой работе, делалось почти невозможным, как говорит Рамзин, «вследствие энергичного проведения в жизнь генеральной линии ВКП(б)».

«...Основные мероприятия, — говорит Рамзин, — в области промышленности должны были итти в сторону углубления и без того неизбежных экономических затруднений...»

«...Определенного конкретного плана, — продолжает Рамзин, — народнохозяйственного кризиса к моменту интервенции, насколько мне известно, не было. Основная задача «Промпартии» заключалась в таком планировании народного хозяйства, чтобы путем осуществления вышеуказанных мероприятий обострить до предела экономические затруднения

и таким образом создать благоприятную почву для интервенции» (показания от 21 октября 1930 г.).

В общем картина кризиса в 1930 г. рисовалась вредителям в следующем виде:

«Так, в области топливоснабжения должен был возникнуть особенно острый кризис в Центрально-промышленном районе и Северо-западной области, который должен превратиться в топливную катастрофу, немедленно после военного перерыва сообщения с Донбассом, вследствие слабого и явно недостаточного развития добычи местных топлив — торфа и подмосковного угля и неподготовленности потребителей к их широкому и рациональному использованию. Подобный же острый кризис должен был наступить и по линии металла, особенно для военной промышленности, вследствие задержки развития металлопромышленности, при чем перерыв связи с металлургическим югом и здесь должен был создать неизбежную катастрофу. Такие же катастрофические последствия должен был создать отрыв Донбасса с его коксо-бензольной промышленностью и для военно-химической промышленности. В области текстильной промышленности к 1930 г. определенно намечались и были осуществлены диспропорции между производственными возможностями текстильных фабрик и наличным сырьем, особенно отечественного происхождения, что неизбежно должно было привести к простоям фабрик, а после прекращения доставки иностранного текстильного сырья — к замиранию текстильной промышленности. В области транспорта — развитие последнего настолько отставало от общего темпа роста народного хозяйства, особенно по линии связи на юг и на восток, что транспортные затруднения неизбежно должны были резко обостриться к 1930 г., и кризис топливоснабжения при полной неподготовленности железных дорог к широкому использованию местных топлив должен был создать транспортную катастрофу.

Таким образом система мероприятий «Промпартии» должна была привести примерно в 1930 г. к экономическому кризису страны, создавая базу для острого недовольства широких масс населения; в свою очередь восстания, забастовки должны были окончательно привести к параличу народнохозяйственную жизнь страны. При этом основную роль в деле окончательного завершения кризиса должен был сыграть отрыв промышленного юга от центра страны» (показания от 31 октября 1930 г.).

Рамзин дальше показывает, что конкретно успел сделать каждый из вредителей по каждой из этих отраслей промышленности. Сам ведавший непосредствено энергетикой, он говорит:

«1. Создание кризисов электроснабжения. Общее направление работы «Промпартии» и здесь шло прежде всего по линии минималистских темпов электростанции; достаточно указать, что в госплановской пятилетке выработка районных станций запроектирована лишь 10—14 млрд. квт-ч, в то время как теперь потребная выработка их выявляется около 20 млрд. квт-ч. Но особенное внимание «Промпартия» обращала на создание кризисов электроснабжения в наиболее ответственных центрах, а именно в Донбассе, Ленинграде, Москве, на Урале и Кузбассе.

а) Донбасс все время переживал и особенно остро ощущает теперь кризис электроснабжения благодаря плановой задержке с постройкой Штеровской и Зуевской станций. Постройка последней станции усиленно тормозилась Госпланом СССР, в лице главным образом проф. А. А. Горева, под предлогом возможности покрытия потребности в энергии путем передачи ее с Днепростроя. Постройка же Штеровской станции была сильно растянута на ряд лет благодаря заказу нерационального оборудования (недостаточная мощность мельниц, крайне сложная и неудачная система пылеприготовления, применение нерациональных топок французской системы вместо испытанного американского типа и т. п.), несоответствию в сроках доставки и монтажа отдельных частей оборудования, беспорядочным заказам его за границей и т. п.

В результате Донбасс остается необеспеченным электростанцией, что замедляет механизацию угледобычи, усугубляя трудности рабочего и жилищного вопросов, и является тормозом развития бассейна в целом.

б) Ленинград находится уже ряд лет в состоянии перманентного кризиса электроснабжения благодаря недостаточной мощности электростанции, при крайней изношенности и ненадежности оборудования и в особенности турбогенераторов старых станций. Имевшие место выходы из строя отдельных машин неоднократно вызывали необходимость выключения потребителей. Этот кризис вызван задержкой своевременного расширения существующих станций и начала постройки Ленинградской станции.

в) Московское об'единение (МОГЭС) находится в подобном же положении, отставая с мощностью станций от потребности в энергии; благодаря этому

приходится отказывать в присоединении новым абонентам и допускать крупные нерациональные затраты на постройку мелких станций. Такое положение создалось вследствие растянувшегося расширения и модернизации Каширской станции и задержки постройки Бобриковской станции. Для Каширской станции были заказаны мельницы «Резолютор», не могущие работать на колчеданистом подмосковном угле и требующие каждые 150—200 часов работы остановок на ремонт; кроме того здесь же были построены нерациональные топки.

В результате после дорогой и длительной переделки котлы Каширской станции дают весьма низкую экономичность при очень малой производительности.

г) Подобные же кризисы электроснабжения имеют место на Урале и Кузбассе.

2. Удорожание электростанций. Удорожание станций достигалось путем систематического проведения при проектировании их ряда приемов...» Перечислив их, Рамзин говорит:

«...Не касаясь других технических деталей, можно в общем указать, что стоимость наших станций колебалась обычно около 350 руб. за киловатт-час, доходя иногда до 400—450 руб. за киловатт-час против возможной стоимости около 250 руб. за киловатт-час; таким образом стоимость станции получалась обычно процентов на 40 дороже, чем можно сделать, при чем значительная доля этого перерасхода падала на валюту.

3. Задержка теплофикации. Теплофикация представляет один из наиболее рациональных и эффективных путей в области энергетики, давая большую экономию топлива и капитальных затрат. Не выступая поэтому против бесспорных экономических преимуществ теплофикации, «Промпартия» сумела создать вначале, так сказать, насмешливое, несерьезное отношение к этой проблеме, указывая например по Москве возможные теплофикационные мощности порядка 40—50 тыс. квт-ч., вместо вполне реальных 300—400 тыс. квт-ч. Точно так же по Ленинграду «Электроток» отстаивал цифру около 40 тыс. квт против возможных около 150 тыс. квт.

Опираясь главным образом на МОГЭС и «Электроток», «Промпартия» достигла задержек теплофикации по крайней мере на 2 года...

...Осуществление основных установок «Промпартии» в области энергетики обеспечивалось тем, что основные органы, решающие данные вопросы, целиком находились в руках «Промпартии»...

...Общее руководство работой «Промпартии» в области энергетики осуществлялось мною» (показания от 3 ноября 1930 г.).

По топливу Рамзин в показании от 3 ноября указывает на следующие минималистские планы вредительского центра, принятые в Госплане, которые были потом изменены и расширены оперативными госорганами:

«Основным направлением в области топливоснабжения являлось прежде всего замедление темпов добычи топлива и связанных с этим подготовительных, капитальных и разведочных работ. Чтобы характеризовать здесь достигнутые «Промпартией» результаты, достаточно сопоставить цифры добычи топлива по проведенной «Промпартией» пятилетке Госплана на 1932/33 г. с последними проектировками на тот же год:

	План Госплана (в млн. *т*),	Последняя наметка (в млн. *т*).	Увеличение (во сколько раз).
Донбасс	50	75	1,5
Кузбасс	6	19	3,1
Подмосковный уголь	4	10	2.5
Уральский уголь	6	11	1,8
Торф	15	33	2,2
Нефть	20	42	2,1
Вся добыча (в условном топливе)	—	—	1,8

Эти цифры показывают, что темп добычи топлива был взят почти в два раза ниже» (показания от 3 ноября 1930 г.).

Непосредственный исполнитель вредительской работы по топливу Ларичев со своей стороны показывает:

«Мне была поручена разработка вопросов, связанных с топливоснабжением, и разработка мероприятий, которые приводили бы к топливному кризису. В основном эти мероприятия сводились к следующему. Составление ежедневных и перспективных планов топливоснабжения велось с таким расчетом, чтобы положение с топливом оставалось все время напряженным, а запасы топлива в стране держались на весьма низком уровне. Такое положе-

ние при малейших перебоях в работе транспорта неизбежно приводило бы к срыву топливоснабжения и остановке предприятий.

Основным мероприятием вредительской деятельности в этом направлении явилось преуменьшение планов развития топливодобычи и диспропорция с общим ростом потребления и в первую очередь планов развития основных топливных баз Союза — Донбасса и Кузбасса.

В топливоснабжении Союза Донбасс занимает наиболее ответственное место...

...Вредительская деятельность была направлена к преуменьшению плана развития Донбасса, к задержке его нового строительства и реконструкции существующих шахт. Созданное еще шахтинской вредительской организацией положение с новым шахтным строительством в Донбассе (особенно крупных шахт) не было восстановлено и выправлено в последующие годы. Вследствие этого Донбасс в своем дальнейшем развитии не мог базироваться на эту группу шахт, и число новых шахт, находящихся в проходке с 1925 по 1929 г., не только не увеличивалось, но даже сокращалось...

...При таком планировании развития Донбасса и фактическом его осуществлении наибольший кризис в топливоснабжении должен был наступить в 1930 г., что соответствовало общим директивам «Промышленной партии» о подготовке к интервенции именно к этому году.

Особое значение, как важнейшая и мощная мобилизационная база, должен иметь Кузнецкий бассейн с его громадными возможностями быстрого развития. Как глубокая топливная тыловая база, застрахованная от опасности захвата или разрушения в период военных действий, Кузнецкий бассейн должен был быть подготовлен в любой момент к добыче, значительно превосходящей размер местных нужд, и получить значение района общесоюзного и особенно мобилизационного значения. Эта роль Кузбасса по директивам «Промышленной партии» мною и всей вредительской организацией Госплана была аннулирована при разработке планов его развития и даны явно преуменьшенные темпы при составлении пятилетки и в частности задания на 1930/31 г. Кроме развития основных топливных баз — Донбасса и Кузбасса — для всего плана топливоснабжения, и в особенности в оборонном отношении, имеет громадное значение развитие местных топлив (местных каменноугольных районов, торфа и пр.). В особенности это важно в отношении районов, находящихся в большой зависимости от дальнепривозных топлив, как например Ленинградский, Центрально-промышленный и Уральский районы...

...На основе проводимых Рамзиным экономических расчетов доказывалась нецелесообразность интенсивного развития Подмосковного бассейна, в то время как он должен был быть важнейшей энергетической базой Московской области и приобрести громадное значение как мобилизационная база. То же имело место и в отношении развития торфодобычи для такого района, как Ленинградский и др....

...Слабость существующей транспортной связи этих основных топливных баз, усугубляемая общей дезорганизационной работой «Промпартии» в период кризиса или военных действий, привела бы быстро к полной парализации топливоснабжения и лишила бы возможности использования такого района мобилизационного значения, как Кузбасс.

...К числу вредительских мероприятий, направленных к срыву топливоснабжения, относится также задержка в развитии нефтяного транспорта и создание явной диспропорции между добычей нефти и наличием транспортных средств — водных и железнодорожных» (показания от 3 ноября 1930 г.).

По металлу Рамзин показывает:

«Минимальные темпы, проведенные «Промпартией» в области металла, ярко характеризуются сопоставлением цифр выплавки чугуна по госплановской пятилетке — 8—10 млн. т. — с последней проектировкой в 17 млн. т., т. е. почти в два раза выше. Это замедление темпа развертывания металлургии и металлопромышленности, при одновременном увеличении размаха капитального строительства, неизбежно приводило в 1930 году к резкому дефициту металла и кризису металлоснабжения; достаточно указать, что дефицит в кровельном железе, увеличиваясь из года в год, в 1929/30 г. достиг уже 37%.

Металлический голод усиливался еще несоответствием ассортимента металла потребности в нем, а также диспропорцией между производством и потреблением отдельных металлоизделий. Дефицит металла еще более усиливался нерациональным его использованием».

Непосредственный исполнитель вредительства по металлу — Чарновский — показывает:

«В области снабжения металлами металлообрабатывающей промышленности основная установка заключалась в создании дефицита по снабжению всеми видами и сортами металла и полуфабрикатами для нужд НКПС и других ведомств. Для этого служило в первую очередь замедление темпа развития черной металлургии: а) так называемой «большой металлургии», т. е. производства металлургических заводов Донбасса и Урала, и б) «малой металлур-

гии», имеющейся при механических и машиностроительных заводах ЦПО и Северо-западной области.

Дефицитность по снабжению металлом создавала прямую угрозу развитию всех потребляющих промышленных отраслей и транспорта, этого важнейшего фактора обороны страны, тем самым кроме кризисов и перебоев в производстве создавала опасные условия для защиты страны в момент интервенции, когда кроме снарядов и орудий каждый паровоз и вагон имеет значение в качестве оборонного ресурса.

В частности запоздание в деле восстановительного ремонта и реконструкции цехов для производства бандажей и осей для паровозов и вагонов на заводах «большой металлургии» уже в течение последних 3—4 лет являлось существенным тормозом в деле ремонта единиц подвижного железнодорожного состава, так как сохранившееся на заводах «малой металлургии» производство этих частей упиралось в общие недостатки металла и уже не могло удовлетворить растущие потребности НКПС и вагоностроительных заводов, значительно расширяющих свой выпуск. То же самое относится и к прочим деталям подвижного состава железных дорог — рессорам, частям сцепного тягового устройства и пр., между тем своевременное разрешение этой задачи устройством специальных цехов для централизованного изготовления путем прокатки и проковки осей, прокатки безбандажных колес (или отливки колес по системе Грифона из сталистого чугуна), а также цехов для централизованного производства рессор, пружин, сцепных приборов и пр. способствовало бы полному развитию средств транспорта, обеспечило бы развитие вагоностроения и отчасти паровозостроения и благодаря своевременному централизованному методу производства способствовало бы также значительной экономии металла по этим изделиям.

Запоздание в разрешении указанных задач ставит наш железнодорожный транспорт в хроническое состояние дефицитности по этим частям, а в острый момент интервенции лишает возможности быстрого выхода из затруднения вследствие неминуемого увеличения запросов по этой части.

...В вагоностроении, паровозостроении и речном судостроении — замедление темпа развития этих отраслей также имеет существенное отрицательное значение в случае интервенции...

...Развитие многих машиностроительных производств для обслуживания химической промышленности также было сильно задержано в ущерб обороннной способности в случае войны или интервенции. Производство химаппаратуры упирается, с одной стороны, в неподготовленность нашей металлургии к производству специальных качеств стали — кислотоупорной, нержавеющей, способной выдерживать высокие давления и температуры при одновременном действии кислот. Запаздывание в подготовке этих производств создает весьма неблагоприятные условия для ряда производств, обслуживающих военную промышленность, в том числе производств взрывчатых веществ...

...Не менее запоздалым является также развитие у нас отрасли станкостроения, имеющего самое существенное значение в производствах не только общего характера, но и в производствах по обороне, как например по изготовлению орудий, снарядов и пр., — в чем мы убедились на опыте мировой войны. Такое же значение в этом смысле имеет и инструментальное дело, также сильно отставшее своим развитием. Обе эти отрасли, как имеющие существенное значение в случае войны или интервенции, требуют к себе самого серьезного внимания, но на деле получили толчок к развитию лишь в самое последнее время. Так, проекты четырех станкостроительных заводов представлены на утверждение только в 1930 г., что следует приписать вредительству в самом планировании отраслей...

...Общий вывод можно сделать тот, что при тесной связи решительно всех отраслей с металлопромышленностью и в частности с машиностроением нет ни одной, которая бы не страдала от неправильного планирования машиностроительных отраслей, а в том числе в случае интервенции страдают как непосредственно отрасли военного снаряжения, так и отрасли, обслуживающие тыловые работы и связи» (показания от 3 ноября 1930 г.).

Наконец Федотов по вопросу о текстиле показывает:

«Основной работой вредительских организаций в последние годы стала работа по подготовке кризисов в промышленности, которые должны были привести к остановке фабрик, к недостатку товаров и следовательно к недовольству населения.

Отдельные вредительские акты были признаны слишком опасными и недостигающими цели, наоборот, расстройство плановых предположений приводило к глубоким потрясениям.

Для подготовки почвы для интервенции необходимо было ускорить и вызвать кризис уже к 1930 г. В текстильной организации работа в этом направлении началась еще в 1927 г. и усилилась в 1928 г. по указаниям и требованиям из-за границы и директивам СИО...» (показания от 2 октября 1930 г.).

Такова была работа вредителей по созданию кризисов.

Эта работа параллельно дополнялась другой работой, все более и более полу-

чавшей преобладавшее значение и в 1929/30 г. фактически сделавшейся основной работой «Промышленной партии». Анализ этой работы окончательно дает возможность определить, чем стала в конце концов «Промышленная партия» в итоге своей тесной связи с организаторами интервенции.

По характеристике самих вредителей эта работа определялась ими так:

«Задания и поручения, полученные из-за границы, — говорит Рамзин, — можно разбить на четыре категории:

1) информационные задания, преследовавшие цель получения сведений о политическом, экономическом и военном положении СССР;

2) организационные задания — по некоторым организационным вопросам;

3) оперативные и плановые задания;

4) диверсионные задания» (показания от 31 октября 1930 г.).

Курс на шпионаж и предательство в работе «Промпартии» этого периода ясен из одного перечисления этих заданий.

Для проведения этой работы, с одной стороны, и согласования ее с руководящими кругами за границей нужны были, во-первых, денежные средства и, во-вторых, правильно поставленный организационный аппарат связи. Этим двум вопросам и было уделено максимальное внимание со стороны руководителей ЦК «Промпартии». Работа эта продолжалась до самого последнего времени.

Данные по вопросу об организационных связях с иностранными организаторами интервенции для шпионской и изменнической работы представляются по материалам дела в следующем виде.

Связи ЦК «Промпартии» с французской агентурой в Москве

Уже в первую встречу Рамзина с Рябушинским в августе 1927 г. в Париже Рябушинский указал на некоего проживающего в Москве г. К..., как на лицо, через которое можно поддерживать связь с «Торгпромом». Эта связь была Рамзиным реализована. Рамзин познакомил в Москве того же К... в середине 1928 г. с обвиняемыми Калинниковым и Ларичевым. По национальности К... француз и занимает, по его словам, определенное место в должностной иерархии французской службы в СССР.

Вторая связь шла через другого проживающего в Москве француза Р... и была установлена при помощи председателя «Торгпрома» Денисова в октябре 1928 г. в Париже. Р... также принадлежал, по словам Рамзина, к числу должностных лиц французской службы в СССР.

Эти два лица были основной связью ЦК «Промпартии» с «Торгпромом» и непосредственно с генштабом Франции.

В 1929 г. во время одного из свиданий с Р..., по показаниям Рамзина, Р... передал ему от имени в достаточной степени высокопоставленного официального лица Франции, что существующий способ сношения с генштабом Франции последний считает мало удовлетворительным, ибо связь идет через длинное посредство штатских лиц, поэтому французский генеральный штаб считает необходимым установить прямую связь с военными членами «Промпартии» и выдвигает для этой цели полковника французского генштаба Ришара, с которым Рамзин виделся в октябре 1928 г. после утреннего свидания с полковником Жуанвилем.

Знакомство с К... было обусловлено еще в 1927 г. на свидании с Рябушинским, при чем К... должен был сам найти Рамзина в Москве. Так оно и случилось в начале 1928 г., где в ЦЕКУБУ Рамзина познакомил с К... Пальчинский. После этого, — показывает Рамзин, — он встречал К... два раза в середине 1928 г. у себя на квартире, где он познакомил К... с Калинниковым, и в конце 1928 г. на квартире Ларичева, где находился Р... Этот последний по договоренности с Денисовым в Париже должен был также сам найти Рамзина в Москве, где он должен был притти к нему в Теплотехнический институт под предлогом получения разрешения на осмотр института, и пред'явить ему письмо от некоего французского официального учреждения. Так и случилось в ноябре 1928 г., где в письме, написанном по-русски, заключалась просьба дать разрешение французским инженерам на осмотр института и оказать содействие подателю письма.

После этого, по словам Рамзина, он имел три встречи с Р... во второй половине ноября 1928 г., когда он познакомил Р... с Очкиным на квартире у Калинникова, весной 1929 г. и на квартире у Очкина — в конце 1929 г. На первом же свидании с Р... были установлены пути для осуществления письменной связи с французским генштабом через некое французское учреждение в Москве. Кроме личных встреч была установлена связь через посредство третьих лиц, в данном случае Очкина и инженера «Электроимпорта» Гордона. Р... взял на себя также пересылку писем вредителей в «Торгпром» (показание Рамзина от 31 октября). Наконец, по показаниям Рамзина от 25 октября, последнее извещение от Р... он получил в феврале или марте 1930 г. с сообщением о временном выезде его из Москвы за границу. Таким образом письменная связь с Р... у Рамзина продолжалась до самого последнего времени (март 1930 г.).

Упоминаемые Рамзиным в этих показаниях привлеченные по делу Калинников, Ларичев и Очкин подтверждают показания Рамзина полностью: Калинников в детальных показаниях от 31 октября, — что связь с французскими правительственными кругами и русскими белыми эмигрантами «Торгпрома» поддерживалась сначала Хренниковым и Федотовым и отча-

сти Рамзиным, а позднее, с 1928 г., и в особенности с 1929 г., главным образом Рамзиным, Ларичевым и частично им, Калинниковым.

«Связь, — говорит он, — осуществлялась в Москве через... при посредстве гг. К... и Р... и Рамзиным сверх этого и при посредстве более высокого лица...» (показания от 31 октября 1930 г.).

О своих личных встречах с указанными лицами Калинников сообщает, что встреча с К... состоялась осенью 1928 г. на премьере «Наталья Тарнова», в фойэ Камерного театра. Почему он встретил К... именно в Камерном театре, он объясняет довольно своеобразно:

«При встрече с К..., — говорит он, — у Рамзина мне стало известно, что персонал... очень интересуется постановками Камерного театра и не пропускает премьер, поэтому, отправляясь смотреть премьеру, я рассчитывал встретить К... И на самом деле, в первом же антракте в фойэ я встретил К... в обществе двух дам и одного мужчины, которого К... представил мне, назвав мосье Р...

В следующем антракте К... сообщил мне, что он недавно имел свидание с Рамзиным и Ларичевым, которым сделал подробное сообщение о сроке иностранной интервенции и планах ее проведения. К... подробно повторил содержание сообщения Рамзина на ЦК «Промпартии», только что мною выше изложенное

Новое, что я узнал от К..., — это его желание узнать мнение ЦК «Промпартии» относительно назначенного срока интервенции, какая хозяйственная кон'юнктура ожидается в середине 1930 г. в Советском Союзе» (показания от 31 октября 1930 г.)

Руководство связями с заграницей, — говорит Ларичев в показаниях от 31 октября, — т.-е. с «Торгпромом» и французским генштабом, было сосредоточено в руках Рамзина.

«Все переговоры о подготовке к интервенции велись лично Рамзиным через посредство некоего г. Р... Кроме Рамзина связи с Р... были и у Калинникова, на квартире которого я однажды (осенью 1928 г.) видел Р... Через Р... Калинниковым передавались сведения и данные по подготовке экономической блокады против СССР, инициатором которой также являлась Франция.

Меня Рамзин весной 1928 г. (в конце апреля или начале мая) познакомил с . . . . . вторым агентом Франции—К... Свидание было на квартире Рамзина, у него в кабинете, часов около 11 вечера. По указанию Рамзина я с К... должен был поддерживать связь для получения переписки и денег от «Торгпрома», а также для обратной передачи посылаемых «Промышленной партией» сведений и ответов по отдельным вопросам... Деньги и переписка доставлялись К... ко мне или Рамзину на квартиру обычно вечером около 11 часов. Чтобы увеличить круг лиц, через которых могли итти сношения, и не возбуждать подозрения частыми посещениями одного лица, я познакомил К... с Калинниковым в ноябре 1928 г. во время одного из посещений моей квартиры К...» (показания от 31 октября).

Третий из лиц, указанных Рамзиным, Очкин также показывает:

«Проф. Рамзин лично мне рассказывал о том, что в одну из своих поездок в Париж он получил из французских правительственных кругов указания на то, что для связи «Промпартии» с Францией он должен установить в Москве знакомство с К...

В конце 1929 г. проф. Рамзин познакомил лично меня с К... Это произошло в служебном кабинете Рамзина в Теплотехническом институте. Вызвав меня к себе, кажется, через своего секретаря Спорову, Рамзин представил меня ранее неизвестному мне гражданину, которого он назвал сотрудником . . . . — К... Здесь же в присутствии К..., который говорил недурно по-русски, Рамзин мне сообщил, что я должен буду передавать К... письменные сообщения от него, Рамзина. О том, что эти сообщения будут носить характер шпионажа в пользу Франции, Рамзин мне не сказал, но по общему тону нашей краткой совместной беседы с К... я понял, что Рамзин дает мне поручения чисто шпионского характера.

Добавляю, что свое предложение об установлении мной связей с К... Рамзин сделал в безапелляционном, чисто начальническом тоне. О технике своей связи с К... на этом свидании с ним я не уславливался.

Приблизительно через месяц Рамзин вызвал меня к себе в кабинет и передал мне большой закрытый пакет, на котором не было никаких надписей. Передавая мне этот пакет, Рамзин мне сообщил, что я должен отдать этот пакет К... На мой вопрос о том, как я найду К..., Рамзин добавил, что К... позвонит мне по телефону.

Действительно в этот же день, приблизительно через полчаса после того, как я получил от Рамзина пакет для передачи К..., меня вызвала секретарь Рамзина Спорова и сообщила, что меня просят к телефону. Неизвестный мне по голосу человек, в котором я не узнал К..., сообщил мне здесь же, что со мной говорит то лицо, с которым я познакомился с месяц тому назад в кабинете Рамзина, и что я должен передать ему пакет, который я только что получил от Рамзина. Далее мой собеседник предложил мне явиться ровно в 6 часов вечера к Главному почтамту, где он будет меня ожидать.

Ровно в 6 часов я явился к почтамту (по Мясницкой), где и встретил К...

К... попросил у меня пакет Рамзина, я ему его передал, и после этого мы разошлись в разные стороны.

Месяца через два после этого Рамзин передал мне в своем кабинете второй пакет для К... К... опять вызвал меня по телефону через секретаря Рамзина Спорову; я с ним условился, по его предложению, встретиться в этот же день в 5 час. вечера, — угол Метрополя по Свердловской площади. Здесь произошло второе мое свидание с К..., которому я передал второй пакет Рамзина. Кроме этих двух встреч, с К... я больше не встречался.

С сотрудником . . . . . . Р... я познакомился во второй половине ноября 1928 г. при следующих обстоятельствах. Рамзин вызвал меня к себе на квартиру вечером. Когда я приехал к нему, то застал у него неизвестного мне раньше гражданина, которого Рамзин представил мне — Р...

Далее Рамзин мне предложил организовать для французских инженеров в Теплотехнический институт экскурсию.

Экскурсия эта была мною организована через дежурного инженера Теплотехнического института дня через два-три после моего знакомства с Р... Был ли среди экскурсантов Р... — не помню.

Вторая моя встреча с Р... имела место приблизительно через год после этого, т.-е. в конце 1929 г.

Приблизительно в ноябре — декабре 1929 г. (точно время не помню) Рамзин позвонил мне как-то вечером на квартиру и спросил меня, может ли он приехать ко мне с Р... для деловой беседы.

Так как в это время в квартире не было никого, даже жены, то я ответил Рамзину утвердительно. Приблизительно через минут 15—30 после этого Рамзин приехал ко мне на квартиру на своей машине вместе с Р...

Для того, чтобы не мешать этому разговору, я оставил Рамзина с Р... с глазу на глаз и ушел в другую комнату.

Эта беседа Рамзина с Р... продолжалась приблизительно полчаса. После этого Рамзин и Р... уехали от меня на машине Рамзина. Добавляю, что во время второго свидания Рамзина с Р... Р... на моих глазах получил от Рамзина какой-то пакет; что было в этом пакете — не знаю.

Об этой своей встрече с Р... Рамзин просил меня никому не рассказывать. Больше с Р... я не встречался» (показания от 31 октября 1930 г.).

Другие члены ЦК «Промпартии» — Федотов и Чарновский—также подтверждают наличие этих связей Рамзина с упомянутыми французскими агентами.

Шпионская работа ЦК «Промпартии»

Что касается шпионской работы «Промпартии, то данные о такой работе имеются в показаниях Рамзина. Рамзин говорит:

«Информационные задания». 1. По заданию «Торгпрома», полученному в Париже в октябре 1928 г., с конца 1928 г. ЦК «Промпартии» направлял «Торгпрому» примерно через каждые три месяца, т.-е. квартальные, экономические сводки об экономическом положении СССР. Эти сводки составлялись под руководством проф. П. С. Осадчего, Ларичева и Калинникова, главным образом специалистами Госплана. Сводки содержали кон'юнктурные обзоры народного хозяйства СССР, с главнейшими показателями по отдельным отраслям — топливо, металл, текстиль, химия, пищевая и лесная промышленность, стройматериалы, электрификация, общий обзор промышленности, транспорт, сельское хозяйство и т. п., давая добычу и производство, число рабочих, цены, индексы их и т. д. Экономические сводки состояли главным образом из отдельных цифровых таблиц с кратким пояснительным текстом, выводами и перспективами. Помимо этих сводок посылались и печатные издания по статистике и кон'юнктуре народного хозяйства СССР. Общее редактирование экономических сводок делалось обычно проф. П. С. Осадчим, а отправки их в «Торгпром» — В. А Ларичевым через К...

2. Помимо периодических экономических сводок, ЦК «Промпартии» по просьбе К... давал «Торгпрому» записки по отдельным отраслям народного хозяйства. Перечень этих записок, порядок их составления и содержание известных мне записок приведены в моем показания от 15 — 27 октября с. г. о «разведывательной» деятельности «Промпартии» (показание от 31 октября 1930 г.).

Вместе с тем информация, передаваемая через французских агентов, вовсе не ограничивалась только «кон'юнктурными сводками».

«Весной 1929 г. г. А...[1] обратился ко мне, — заявляет Рамзин в показаниях от 31 октября, — с просьбой дать записку хотя бы о техническом состоянии авиации в СССР. По моей просьбе проф. Б. С. Стечкин составил такую записку, которую я передал затем в конце 1929 г. г. А... Записка эта давала в сжатой форме обзор типов аэропланов, применяющихся в СССР, со сведениями об их подъемной силе, скорости, высоте полета, мощности моторов и т. п.; были отмечены успехи металлического самолетостроения и некоторые специальные вопросы из области теории и техники авиации, как например достижения ЦАГИ».

[1] А...—другой псевдоним Р..., по показаниям Рамзина.

Еще ранее:

«...в середине 1928 г. при свидании моем и Калинникова у меня на квартире с К... последний обратился с просьбой давать ему сведения о состоянии положения и перспективах военной промышленности СССР. Во исполнение данного нами обещания согласно постановлению ЦК «Промпартии» и по моему личному указанию подготовка и составление таких сведений производились под руководством Калинникова и Чарновского; по сообщениям последних эти сведения 3—4 раза передавались Калинниковым К... Подробности относительно содержания таких сведений могут дать Калинников и Чарновский. К указанным общим сведениям по военной промышленности Евреинов, Е. Ф.[1] по моему поручению давал Калинникову специальные справки об энергетическом оборудовании некоторых военных заводов. Насколько мне известно из сообщений Пальчинского, ранее сведения о «Военпроме» давались французскому генеральному штабу... Михайловым.

...В конце 1929 г. при моем свидании с А... последний просил разработать вопрос о создании аэробаз в районе Ленинграда. Выполнение этого поручения было передано мною проф. Б. С. Стечкину[2], который проработал вопрос, и последний передал затем материалы Калинникову для пересылки во французский штаб.

... От французского генштаба через К... к Калинникову и Ларичеву, а через А... ко мне неоднократно поступали просьбы организовать получение и доставку им материалов чисто военного характера. С такой же просьбой обращались ко мне в Париже генерал Лукомский и полковник Жуанвиль, а к Ларичеву в Лондоне от английского штаба гр. Патрик и полковник Лоуренс. В целях возможности получения таких сведений французский штаб — «Торгпром» торопили «Промпартию» созданием военной комиссии» (показание от 31 октября).

Эта шпионская работа, которую подтверждают полностью остальные обвиняемые, содержит полный состав ст. 58[6] УК РСФСР. Одновременно через тех же лиц «Промпартия» получала и задания военно-организационного характера от французского генерального штаба. Ей указывали, как надлежит построить свою организацию, для того, чтобы надлежаще обслужить интервенцию и подготовку к ней.

В последние два года своего существования «Промпартия» таким образом совершенно утратила свой первоначальный характер контрреволюционной вредительской организации только русских граждан, а превратилась не только в типичную шпионскую, но и типичную военную агентуру правящих кругов иностранного государства. Больше того, даже «Торгпром» теперь отступил на задний план. Иностранные интервенты, от которых все зависело, распоряжались теперь их деятельностью. Они и заказывали, они и требовали исполнения.

Русские контрреволюционеры фактически превратились в шпионов и агентов иностранных держав. По прямым заданиям военного генерального штаба Франции через указанных лиц «Промпартия» создала при себе, во-первых, военную организацию и, во-вторых, — диверсионную организацию.

Не распространяясь подробно об этих сторонах деятельности, по которым производится соответствующая следственная разработка для доказанности основного обвинения, формулированного выше, достаточно лишь установления этого факта — получения и исполнения этих заданий. О получении и исполнении таких заданий совершенно точно и недвусмысленно показывается всеми обвиняемыми.

Диверсионная работа ЦК «Промпартии»

«Задание по созданию диверсионной организации, — показывает Рамзин 31 октября, — «Промпартией» было получено от «Торгпрома» еще в конце 1928 г. Наиболее настойчивые указания на необходимость создания диверсионной организации стали поступать с середины 1929 г., особенно когда выяснилась невозможность интервенции в 1930 г.

...Во исполнение этих заданий, примерно к середине 1929 г., «Промпартия» приступила к созданию диверсионной организации, охватывающей энергетическое хозяйство; создание подобной же организации в промышленности и разработка промышленных планов диверсий были поручены Калинникову и Чарновскому, а в области транспорта— Ларичеву и Коган-Бернштейну. Подробности об организационной стороне дела по диверсионной организации «Промпартии» изложены в специальном моем показании.

...Третье крупное организационное задание касалось создания военной организации «Промпартии». Впервые, поскольку мне известно, это задание было выдвинуто в конце 1928 г. генералом Лукомским при свидании моем в Париже, а также полковником Лоуренсом при свидании с ним моем и Ларичева в Лондоне в октябре 1928 г. С середины 1929 г., так же как и относительно диверсионной организации от «Торгпрома» и французского штаба, стали поступать просьбы ускорить создание

[1] Привлечен по другому делу.
[2] То же.

военной организации. К созданию ее «Промпартия» приступила с весны 1929 г., выделив специальную военную комиссию при ЦК «Промпартии». При этом руководство военной группой военной организации и дальнейшая вербовка ее членов были возложены в начале 1930 г. на...... Подробности по этому вопросу имеются в моем специальном показании» (показания от 31 октября).

Этих двух признаний совершенно достаточно для установления полного состава преступлений указанных лиц по ст. 58^3 УК РСФСР.

Общую характеристику производимой выше работы дает Рамзин в том же показании:

«Вопросы диверсии во время интервенции неоднократно подвергались обсуждению и прорабатывались «Промпартией» преимущественно по трем направлениям: 1) по военной промышленности; 2) по электростанциям, и 3) по железным дорогам.

Эти вопросы начали особенно усиленно обсуждаться с весны 1929 г. как среди «Промпартии», так и с представителями иностранных генеральных штабов.

Основной принцип производства диверсионных актов, согласованный «Промпартией» с «Торгпромом», сводился к достижению длительных остановок промышленности, но с минимумом капитальных разрушений. Этот принцип преследовал цель по возможности сохранить для будущего правительства по окончании интервенции промышленность в работоспособном состоянии, чтобы ее можно было снова пустить в ход с минимальными затратами времени и средств. Для этой цели предполагалось заранее наметить объекты диверсионных разрушений и заготовить за границей запасные части для быстрой их замены по окончании интервенции.

Военная промышленность. ...Во исполнение этих директив Калинниковым и Чарновским был разработан и согласован с французским генеральным штабом через К... список военных заводов в смысле очередности диверсионных мероприятий; об этом Калинников сообщил и г. А... при нашем свидании с ним весною 1929 г. Одновременно с этим я дал поручение... технически проработать диверсионные мероприятия на электростанциях... в соответствии со списком очередности, имевшимся у Калинникова, и согласовать эту работу с последним; это... и было им выполнено...» (показание от 31 октября).

Наконец,

«В области транспорта диверсионные задачи сводились к нарушению железнодорожной связи по важнейшим направлениям... Нарушение движения предполагалось осуществлять путем создания искусственных пробок различными способами и в крайнем случае путем разрушения железнодорожных сооружений... Одновременно Ларичев получил поручение проработки диверсионного вопроса и в области топливоснабжения...» (показания от 31 октября).

Что касается военной контрреволюционной работы, то по указанным выше соображениям обвинение также ограничивается указанием заданий из-за границы и признанием со стороны привлеченных лиц, что ими они были приняты к исполнению. Так, Чарновский в показании от 16 октября говорит:

Изменническая работа ЦК «Промпартии» в Красной армии

«На основании полученных Рамзиным в этот раз и дополненных позднее указаний от того же «Торгпрома», а через него также от французских военных специалистов, Рамзин в 1929 г. осенью представляет членам ЦК «Промпартии» предварительный, а несколько позднее детально разработанный им план военной организации «Промпартии». Мне пришлось познакомиться только с предварительными соображениями Рамзина по этому плану в беседе в кабинете у Калинникова, еще до ареста Хренникова, в присутствии последнего весной 1929 г. Но тогда Рамзиным была представлена лишь идея и схема организации. О плане же организации, разработанном Рамзиным, я узнал уже из разговора у Калинникова в конце 1929 г. или начале 1930 г. Эта военная организация должна была служить целям диверсионных действий в момент интервенции, поддержке восстаний, завладению важнейшими пунктами связи и сообщений и т. д.» (показания от 16 октября).

Ларичев по тому же поводу в показаниях от 31 октября показывает:

«В конце 1929 г. Рамзин нам сообщил, что... наша работа по линии технической подготовки к интервенции внутри страны является недостаточной, и предложил расширить ее путем охвата частей Красной армии и организацией военного ядра в «Промпартии». Задачами его должно быть получение и передача иностранным штабам более точных сведений о состоянии различных частей Красной армии и, самое главное, — вовлечение в работу по подготовке к интервенции военных специалистов, которые активно противодействовали бы ведущейся технической и политической подготовке армии и содействовали бы ее разложению» (показания от 31 октября).

Сообщение К... по вопросу о помощи для внутренней подготовки к интервенции по военной линии было Ларичевым, как говорит Калинников, «доложено на

ближайшем заседании ЦК «Промпартии» в начале января 1930 г. в составе Рамзина, Ларичева, Чарновского и меня — Калинникова».

«На этом заседании ЦК «Промпартии» принял и последнее свое решение в связи с интервенцией, а именно, по предложению Рамзина, принято развернуть работу по организации военных ячеек из членов «Промпартии» в учреждениях Красной армии...» (показания от 16 октября 1930 г.).

Одновременно через те же связи проходило и финансирование вредительской группы. Рамзин показывает:

«...благодаря личному свиданию моему и Ларичева в Париже в 1928 г. с основными руководителями «Торгпрома», уже удалось наладить четкую и правильную денежную связь между ЦК «Промпартии» и «Торгпромом». Общий об'ем финансирования «Промпартии» был намечен около 1 млн. руб. в год. При этом во избежание провалов при крайне опасных сношениях в Москве с... с «Торгпромом» было условлено, что деньги будут переводиться порциями по 100—200 тыс. руб., главным образом в советской, а частью в заграничной валюте через... в Москве. Дабы не искать каждый раз случайных и ненадежных связей... при получении денег через выбранное им лицо должно доставлять их, как правило, на квартиру Ларичеву, а в случае его отсутствия или его указания при последнем получении денег, следующая посылка денег должна направляться ко мне на квартиру. В курсе этих операций находился г. К... Таким образом после возвращения моего и Ларичева из-за границы в течение около полутора лет и шло получение денег. Деньги поступали по 100—200 тыс. руб., привозились по распоряжению из-за границы прямо на квартиру Ларичеву и в редких случаях ко мне...

В результате за последние полтора года, т. е. в период деятельности нового ЦК «Промпартии», последняя получила из-за границы около 1,5 млн. руб.» (показания от 21 сентября).

То же самое подтверждает Ларичев — деньги шли, как видно, не только от «Торгпрома», но и непосредственно от французских официальных кругов (распределение денег было указано выше).

Итог

Преступная противогосударственная деятельность ЦК «Промпартии» за последние два года выражалась:

а) в продолжении и усилении общего вредительства для создания расстройства хозяйственной жизни — работа, начатая еще «Инженерно-техническим центром» до образования ЦК «Промпартии»;

б) в специальной вредительской работе по срыву планового строительства путем создания кризисов в топливоснабжении, металлоснабжении, энергетическом хозяйстве, текстильной промышленности и других отраслях, направленной к созданию общего хозяйственного кризиса в 1930 г., — год, предназначенный для иностранной военной интервенции, — в целях облегчения и помощи этой интервенции;

в) в специальной шпионской работе по заданиям французского генерального штаба и находящегося во Франции «Торгпрома» по сообщению данных об экономике нашей страны и специальных секретных сведений, касающихся обороны, — в целях облегчения иностранной военной интервенции;

г) в военной работе, направленной к дезорганизации Красной армии и подготовке изменнических действий со стороны ее отдельных частей и командного состава — в тех же целях облегчения иностранной интервенции;

д) в диверсионной работе, направленной специально на разрушение производительных сил советской промышленности и тыла Красной армии уже непосредственно в момент интервенции.

Содержание этой преступной деятельности целиком и полностью обосновывает пред'явленное обвинение по ст. 58, пп. 3, 4 и 6 УК РСФСР.

На основании изложенного предаются суду Специального присутствия Верховного суда Союза ССР:

I. 1. Рамзин Леонид Константинович, род. 1887 г., гражданин СССР, профессор МВТУ и директор Теплотехнического института, по собственному признанию — член нелегальной «Промпартии».

2. Калинников Иван Андреевич, род. 1874 г., гражданин СССР, занимавший должность зампред. производственного сектора Госплана и профессор Военно-воздушной академии и других высших учебных заведений, по собственному указанию — член нелегальной «Промпартии».

3. Ларичев Виктор Алексеевич, род. 1887 г., гражданин СССР, инженер, занимал должность пред. топливной секции Госплана. По собственному признанию — член нелегальной «Промпартии».

4. Чарновский Николай Францевич, род. 1868 г., гражданин СССР, профессор различных высших технических учебных заведений, председатель Научно-технического совета ВСНХ, член нелегальной «Промпартии».

5. Федотов Александр Александрович, род. в 1864 г., гражданин СССР, профессор втузов, председатель коллегии Научно-исследовательского текстильного института, по собственному указанию — член нелегальной «Промпартии».

6. Куприянов Сергей Викторович, род. в 1871 г., гражданин СССР, технический директор Оргтекстиля ВСНХ СССР, инженер-механик, по собственному признанию — член нелегальной «Промпартии», — по обвинению в том, что:

1. Вступивши разновременно во вредительские организации в отдельных отрас-

лях промышленности и поставив себе целью путем применения различных форм вредительства нанести наибольший ущерб хозяйственному строительству СССР для подрыва советской власти и облегчения условий восстановления власти буржуазии, осуществляли в течение ряда лет эту вредительскую деятельность, об'единившись для этого по инициативе расстрелянного за участие в контрреволюционной организации и организованное вредительство Пальчинского и осужденного по шахтинскому процессу за вредительство Рабиновича в единую организацию, называемую ими «Инженерно-техническим центром», в целях систематического и планомерного руководства вредительством во всех отраслях промышленности.

2. В дальнейшем, убедившись на основе растущих успехов социалистического строительства в бесплодности своих попыток задержать это строительство и обеспечить исключительно путем вредительства восстановление экономического и политического господства буржуазии и придя к убеждению о необходимости вооруженного свержения советской власти и насильственного восстановления капиталистического порядка, реорганизовали в этих целях свою организацию в политическую партию, назвавшую себя «Промпартией», и расширив деятельность этой организации путем установления связей и согласования работы с другими контрреволюционными организациями, образовавшимися в то время, в частности с контрреволюционной группой Кондратьева — Чаянова, приняли на себя руководство «Промпартией», войдя в ее ЦК.

3. Убедившись затем в невозможности организации вооруженного восстания внутри страны, свержения советской власти и реставрации капитализма без помощи извне, вошли в сношения с создавшейся за рубежом об'единенной организацией бежавших за границу врагов народа, бывших собственников национализированных предприятий, об'единившихся там в так называемый «Торгпром», с отдельными членами которого они имели сношения и до этого времени на почве вредительства, и, по соглашению с последними, направили свою вредительскую работу на подготовление благоприятных условий для иностранного вооруженного вмешательства, используя для этого финансовую помощь от «Торгпрома» и иностранных государств.

4. Одновременно через «Торгпром» вошли в преступные сношения с подготовлявшими военное нападение на СССР правящими кругами Франции в лице бывшего главы французского правительства Пуанкаре и министра иностранных дел Бриана и разрабатывавшими по указанию последних план военного нападения на СССР офицерами генштаба Франции Жуанвилем, Жаненом и Ришаром, совершив тем самым акт прямой государственной измены.

5. В дальнейшем, в развитие задуманной изменнической деятельности:

а) направили свою вредительскую работу по расстройству хозяйственной жизни страны на создание кризиса в основных отраслях промышленности к 1930 г., т.-е. к сроку, указанному генштабом Франции для военной интервенции в СССР;

б) установив по договоренности с генштабом Франции личную связь через посредство специально условленных для этого должностных лиц французской службы гг. К... и Р..., получали и исполняли задания генерального штаба Франции по шпионажу, добывая, согласно заданиям этого штаба, нужные сведения секретного характера, касавшиеся военных сил СССР и обороноспособности СССР;

в) по предложению того же генштаба организовали специальную военную группу, имевшую задачей подготовить разложение Красной армии вплоть до отдельных изменнических актов со стороны отдельных частей во время интервенции;

г) по предложению того же генштаба Франции создали в своей организации диверсионную группу для оказания помощи иностранным военным интервентам путем взрыва общественных сооружений, электростанций, железных дорог, военных заводов и фабрик.

Все эти действия предусмотрены ст. 58, пп. 3, 4 и 6 УК РСФСР.

II. Очкин Владимир Иванович, род. в 1891 г., гражданин СССР, ученый секретарь Теплотехнического института и заведующий отделом руководства научно-исследовательского сектора ВСНХ СССР, по собственному признанию состоял членом нелегальной «Промышленной партии», по обвинению в том, что, войдя в организацию «Промпартии» и зная о целях и задачах последней, исполнял ее задания, в частности входил непосредственно в сношения в целях шпионской и изменнической деятельности с должностными лицами французской службы гг. К... и Р..., передавая нужные им секретные сведения, получая и исполняя их задания,—что предусмотрено ст. 58, пп. 3 и 6 УК РСФСР.

III. Ситнин Ксенофонт Васильевич, род. в 1878 г., гражданин СССР, инженер Всесоюзного текстильного синдиката, по обвинению в том, что, состоя членом той же контрреволюционной вредительской организации, заведомо зная о поставленных ею целях, принимал на себя исполнение соответствующих заданий в области вредительской работы и кроме того лично входил в сношения с деятелями «Торгпрома» в бытность свою за границей, в частности с Коноваловым, что предусмотрено ст. 58, пп. 3 и 4 УК РСФСР.

Обвинительное заключение, по согласованию с прокурором Верховного суда СССР, утвердил

прокурор Российской Социалистической Федеративной Советской Республики

Крыленко

Москва, 10 ноября 1930 г.

СТЕНОГРАММА СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА

25 ноября

Вечернее заседание

Председатель. Заседание Специального присутствия Верховного суда Союза советских социалистических республик об'является открытым.

Рассмотрению Специального присутствия подлежит дело контрреволюционной организации «Союза инженерной организации», так называемой «Промышленной партии», по обвинению Рамзина, Калинникова, Ларичева, Чарновского, Федотова, Куприянова, Очкина и Ситнина по статье 58, пп. 3, 4 и 6 Уголовного кодекса РСФСР.

Товарищ комендант, налицо ли подсудимые?

Комендант. Подсудимые все налицо.

Председатель. Налицо ли свидетели?

Комендант. Двое.

Председатель. Состав Специального присутствия: председатель — Вышинский, Андрей Януариевич, члены присутствия — тов. Антонов-Саратовский, Владимир Павлович, тов. Львов, Василий Львович, запасный член присутствия тов. Иванов, Павел Александрович. Имеются ли со стороны подсудимых какие-либо отводы против состава присутствия? (Голоса: «Нет»). Итак, отводов не имеется.

Подсудимый Рамзин? (Рамзин: «Здесь»). Подсудимый Калинников? (Калинников: «Здесь»). Подсудимый Ларичев? (Ларичев: «Здесь»). Подсудимый Чарновский? (Чарновский: «Здесь»). Подсудимый Федотов? (Федотов: «Здесь»). Подсудимый Куприянов? (Куприянов: «Здесь»). Подсудимый Очкин? (Очкин: «Здесь»). Подсудимый Ситнин? (Ситнин: «Здесь»).

Подсудимые, согласно 277 статье Уголовно-процессуального кодекса РСФСР я должен вам разъяснить ваше право в течение всего процесса задавать свидетелям и другим подсудимым, если вы считаете это нужным, любые вопросы, относящиеся к данному делу. Вам также предоставляется право давать объяснения как по существу всего дела, так и по поводу отдельных обстоятельств в любой момент судебного следствия. Этим правом вы можете пользоваться как непосредственно, так и через своих защитников. По данному делу защитниками назначены т. Оцеп по защите подсудимого Ситнина и тов. Брауде — по защите подсудимого Куприянова. Остальные подсудимые имеют ли желание иметь защитников или не имеют желания? (Голоса: «Нет»). Кто-нибудь из остальных подсудимых, кроме Ситнина и Куприянова, заявляют ли желание о необходимости иметь защитника? (Голоса: «Нет»).

Специальное присутствие приступает к заслушанию обвинительного заключения.

Секретарь Иваненко зачитывает обвинительное заключение.

Председатель. Подсудимый Рамзин, вы выслушали обвинительное заключение. Признаете ли вы себя виновным в пред'явленном вам в этом обвинительном заключении обвинении?

Рамзин. Да, признаю.

Председатель. Желаете ли вы дать об'яснение по этому вопросу?

Рамзин. Да, хочу.

Председатель. Пока садитесь на место. Об'яснения заслушаем позже.

Подсудимый Калинников, вы также выслушали обвинительное заключение?

Калинников. Да.

Председатель. Признаете ли вы себя виновным в пред'явленном вам в этом обвинительном заключении обвинении?

Калинников. Да.

Председатель. Желаете дать об'яснение?

Калинников. Да.

Председатель. Пока садитесь.

Подсудимый Ларичев, признаете ли вы себя виновным в тех обвинениях, какие вам пред'являются по обвинительному заключению?

Ларичев. Да, признаю.

Председатель. Об'яснение желаете дать?

Ларичев. Да.

Председатель. Дадите позже, садитесь пожалуйста.

Подсудимый Чарновский, признаете ли вы себя виновным в тех обвинениях, какие вам пред'явлены по обвинительному заключению?

Чарновский. Да, признаю.

Председатель. Об'яснение желаете дать?

Чарновский. Да, желаю.

Председатель. После опроса дадите об'яснения. Садитесь пожалуйста.

Подсудимый Федотов, вы выслушали обвинительное заключение?

Федотов. Выслушал.

Председатель. Признаете ли вы себя виновным в тех обвинениях, какие пред'являются вам по этому обвинительному заключению?

Федотов. Признаю.

Председатель. Желаете дать об'яснения?

Федотов. Да.

Председатель. Дадите потом, пока садитесь.

Подсудимый Куприянов, с таким же вопросом я обращаюсь к вам: признаете ли вы себя виновным в тех обвинениях, какие пред'явлены?

Куприянов. Да, признаю.

Председатель. Об'яснение желаете дать?

Куприянов. Да.

Председатель. Садитесь, потом вызовем.

Подсудимый Очкин, каков будет ваш ответ о том — признаете ли вы себя виновным в пред'явленных обвинениях? ния?

Очкин. Признаю.

Председатель. Желаете дать об'ясне-

Очкин. Да.

Председатель. После опроса дадите, садитесь пожалуйста.

Подсудимый Ситнин, к вам обращается вопрос суда — признаете ли вы себя виновным в тех преступлениях, которые вам инкриминируются по обвинительному заключению?

Ситнин. Да, признаю.

Председатель. Об'яснение желаете дать?

Ситнин. Да.

Председатель. Дадите потом. Пока садитесь.

Какой порядок стороны желают установить для дальнейшего ведения следствия? Сначала выслушать об'яснения подсудимых, а потом перейти к опросу свидетелей или нет?

Крыленко. В виду того, что обвиняемые сейчас подтвердили полностью данные обвинительного заключения, я полагал бы более целесообразным предоставить им возможность сейчас по их собственному усмотрению дать пояснения и об'яснения по существу. В зависимости от содержания их показаний прокуратура будет ходатайствовать перед Специальным присутствием Верхсуда об установлении определенного порядка ведения судебного следствия и, если это будет необходимо, о вызове специальных свидетелей для опроса и о приобщении и оглашении документов.

Председатель. Защита, какие у вас будут предложения?

Брауде. Защита не возражает против того порядка, который установлен обвинительным заключением, и против того ходатайства, которое выставляет прокуратура.

Председатель. Специальное присутствие Верховного суда определяет: принять порядок, предложенный государственным обвинением и поддержанный защитой.

ОБ'ЯСНЕНИЯ ПОДСУДИМОГО РАМЗИНА

Признаю себя виновным

Рамзин. Безоговорочно признаю себя виновным. Перед лицом Верховного суда и всей страны я не собираюсь защищаться и оправдываться. Ибо разве можно защищаться при совершенных мною величайших преступлениях? Смягчением моей вины могут служить лишь мои откровенные показания, мои честные и открытые признания в своих преступлениях и ошибках. Поэтому, принося здесь мое полное и чистосердечное раскаяние, решительно порывая с антисоветскими кругами как в СССР, так и за границей, окончательно разоружаясь и навсегда прекращая мою борьбу против советской власти, я хочу перед Верховным судом и перед широкими массами нашего Союза, перед мировым пролетариатом вскрыть с беспощадной ясностью всю правду.

Я не буду пытаться выгораживать себя или перелагать свою вину и ответственность на других. Прошедши вместе с «Промпартией» безумно тяжелый путь вредительства, предательства и измены, я хочу, не щадя себя, использовать наш тяжкий урок для достижения двух основных целей: во-первых, вскрыть нашу преступную работу по внешней подготовке интервенции и все пружины ее и этим облегчить Советскому Союзу борьбу против военных замыслов мирового капитализма. Ибо, работая в союзе с мировой буржуазией, я имел возможность видеть ее скрытые замыслы и планы и обнаружить ее искреннее стремление, выражающееся в территориальном разделе нашей страны и экономическом и политическом ее порабощении, и, во-вторых, развернув перед вами полностью, без утайки, всю картину преступной деятельности «Промпартии» внутри страны и основные контрреволюционные очаги в инженерной среде, я хочу показать на нашем позорном опыте всю мишурность контрреволюционных устремлений, показать их вопиющие противоречия с жизненными интересами нашей страны. Пол-

ной ликвидацией «Промпартии» я хотел бы достигнуть не только окончательного и бесповоротного прекращения дальнейшей борьбы известной части инженерства против советской власти, но преданной и самоотверженной работы всех без исключения инженеров Союза с твердой верой в успех социалистического строительства на базе полного и взаимного понимания и доверия между инженерством и советской властью.

Я хотел, чтобы в результате теперешнего процесса «Промпартии» на темном и позорном прошлом всей интеллигенции, как кастовой, обособленной прослойки, можно было поставить раз и навсегда крест, чтобы все инженеры, как один, вошли в дружную семью пролетариата, героически строящего социализм, и своей самоотверженной работой смыли то позорное клеймо вредительства и предательства, которое нанесла «Промпартия».

Вот те две цели, которые преследуют те мои дополнительные выступления и раз'яснения, которые я просил Верховный суд дать мне возможность представить.

А теперь позвольте мне перейти уже к показаниям по существу.

Возникновение «Инженерного центра»

Возникновение «Инженерного центра» происходило не на моих глазах, и, поскольку мне известна начальная история этого возникновения, его необходимо отнести к концу 1925 г. или началу 1926 г.

Чтобы яснее и понятнее была та почва, на которой возник «Инженерный центр» и выросла впоследствии «Промпартия», я хочу остановиться сейчас на освещении той атмосферы и настроений в инженерных кругах, которые господствовали к этому моменту, т.-е. к концу 1925 г. или началу 1926 г.

Представители старого инженерства, служившие у прежних капиталистов и сохранившие еще живые воспоминания о своем дореволюционном положении, составляли к этому времени, началу 1926 г., даже к 1927 г., и по своей численности большую часть кадров старых инженеров, а по своему авторитету и влиянию они бесспорно играли в этот момент доминирующую, руководящую роль в инженерных кругах. Эта часть старых инженеров, которая идейно руководила всей инженерной массой через посредство Всесоюзной ассоциации инженеров и клуба горных деятелей, а также при помощи своих служебных и персональных связей, эта часть инженерства определенно осознавала себя — инженерство в целом, как обособленную касту, как обособленную, кастовую прослойку с определенными классовыми интересами и идеологией.

После Октябрьской революции эти классовые интересы инженеров были нарушены ухудшением материального положения крупных инженеров, лишением старых крупных инженеров того прежнего командного положения, которое занимали они в промышленности, благодаря естественному недоверию советской власти к этому инженерству, благодаря партийному и общественному контролю за их работой.

Затем целый ряд мелких причин, как, например, стеснение в приеме детей в школу, — все это, вместе взятое, несомненно создавало определенное недовольство советской властью, определенные враждебные отношения к революции и к советской власти. Вместе с этим по своим политическим взглядам и убеждениям старое инженерство колебалось обычно в пределах от кадетских до монархических убеждений, будучи совершенно чуждым идеологии компартии. В рядах старых инженеров совершенно прочно и определенно господствовало и царило убеждение в спасительности частной инициативы, в спасительности и необходимости капиталистического строя, как единственной базы, на которой могут успешно и планомерно развертываться производительные силы страны.

Поэтому в рядах старых инженеров господствовало определенное убеждение в гибельности той политики, которая проводилась советской властью, в необходимости возврата к капиталистическому строю, как единственному способу быстрого развития и поднятия производительных сил. Поэтому стремление к изменению существующей политики тем или другим способом усиленно наблюдалось в среде старого инженерства. Эта пропаганда неправильности и гибельности политики советской власти усиленно велась в кругах инженерства. Благодаря отмеченному мною громадному влиянию, которым пользовалась эта часть старых инженеров, эта пропаганда имела достаточный успех.

В ожидании интервенции и контрреволюционного переворота

Вместе с тем необходимо будет отметить и еще одно обстоятельство, а именно твердую веру, твердую уверенность в близость интервенции или контрреволюционного переворота, которая весьма сильно охватила инженерские круги примерно в 1927 г. Эта уверенность в близости интервенции, а через нее в близости свержения советской власти в значительной степени поддерживалась теми информациями, которые получало старое инженерство от своих бывших хозяев — от белоэмигрантских заграничных кругов. К тому же связь с бывшими хозяевами поддерживало весьма большое количество старого руководящего инженерства. Эта связь со старыми хозяевами вначале выражалась в присылке денеж-

ной помощи со стороны прежних промышленников, при чем при присылке этой помощи обычно указывалось, что эта денежная помощь не связана ни с какими обязательствами со стороны инженеров и служащих, которые принимают эти деньги. После установления такой связи денежного характера естественно, что эта связь начала углубляться и расширяться. В компенсацию за эту денежную помощь инженеры начали уже оказывать некоторые частные услуги белоэмигрантам и бывшим промышленникам. Вначале эта помощь сводилась по преимуществу к охране предприятий прежних владельцев — к охране предприятий для хозяев и к их улучшению.

Здесь получались определенные директивы в смысле сокрытия наиболее ценных пластов, производства ненужных, дорогостоящих ремонтов, приобретения нового оборудования, расширения предприятий и т. д., — словом, основная цель и смысл этих директив сводились к возможному сохранению бывших предприятий или даже к их улучшению и росту за счет советского государства.

Совершенно ясно, что такие директивы уже неизбежно сами по себе вели к индивидуальному вредительству, потому что директивы о сокрытии пластов, о ненужном вкладывании денег, о непосредственном перераспределении перепроизводства между отдельными фабриками и заводами, об оставлении в работе ненужных предприятий, — такие мероприятия по существу, конечно, являются вредительством, но не планомерным, а индивидуальным вредительством.

В этот момент белоэмигранты определенно считали предприятия еще своими и давали конкретные, развитые, детальные указания относительно линии поведения в отношении этих предприятий.

Тем не менее этот первый период, совпавший с восстановительным периодом в народном хозяйстве, характеризуется, как период мирных настроений и в инженерных кругах, и в кругах белой эмиграции. У инженеров эти мирные настроения поддерживались улучшением материального положения в сравнении с первым периодом военного коммунизма, затем надеждой на перерождение советской власти под влиянием введения нэпа. А у промышленников эти мирные настроения и подходы обосновывались желанием возможно полнее улучшить свои предприятия и поднять таким образом их ценность.

Примерно с 1927 г., с переходом к решительной реконструкции народного хозяйства, после перехода к решительному социалистическому наступлению получился уже резкий перелом в настроениях и инженерства, и белоэмигрантских групп. Эти мероприятия — переход в социалистическое наступление и переход к реконструкции — сразу создали почву и базу для активной борьбы.

На самом деле, с переходом к решительной реконструкции народного хозяйства уже окончательно рушились надежды на перерождение советской власти. Во-вторых, менялось в корне все лицо промышленности, так что надежды на возврат прежних предприятий должны были окончательно рушиться. Вместе с этим наблюдается и обострение классовой борьбы под влиянием социалистического наступления...

Председатель. Подсудимый Рамзин, станьте так, чтобы ваши об'яснения были слышны остальным подсудимым. От них поступила жалоба, что вас не слышно. (Рамзин поворачивается).

Продолжайте, пожалуйста.

Рамзин. Обострение классовой борьбы вследствие социалистического наступления на буржуазные элементы и в городе и в деревне являлось также, несомненно, одним из стимулов, который приводил уже к активной борьбе. Затем ухудшение бытового положения и наметившиеся экономические и кон'юнктурные затруднения, а также разгоравшаяся борьба внутри коммунистической партии, — все это давало новые аргументы в пользу гибельности политики советской власти и необходимости активной борьбы и против этой политики и против власти в целом. Последовавший затем переход к коллективизации деревни, наступившее, как мы думали, недовольство крестьянских масс давали новые аргументы в том же направлении.

Страх перед пятилеткой

Следующий момент, который вел к обострению и активизации борьбы, это был момент успешного начатия реконструкции и успешного подхода к выполнению пятилетнего плана промышленности. Этот страх капитализма перед пятилеткой, страх и боязнь окончательного укрепления советской власти, несомненно, являлись также стимулом для более решительных действий и более решительных выступлений, и поэтому успешное начало периода реконструкции сопровождалось одновременно и растущей агрессивностью и растущей ненавистью к Советскому Союзу со стороны капиталистических стран, со стороны наиболее инициативных правительств, работавших в этом направлении. Здесь уже совершенно определенно, четко и ясно начинают поступать информации относительно подготовки интервенции, относительно близости этой интервенции, ибо первый срок указывался еще на 1928 г. Таким образом, все более крепла уверенность в инженерных кругах относительно близости контрреволюционного переворота, относительно близости свержения советской власти. В связи с этим выявилось е

новое соображение, новый момент, который сильно облегчил вербовку в ряды контрреволюционной организации — «Промпартии», а именно — стремление инженеров, принимавших участие в советском строительстве, известным образом застраховать себя на случай контрреволюционного переворота, застраховать себя от будущих репрессий как принимавших участие в советском строительстве. И вступление в «Промпартию» некоторые из инженеров рассматривали, как известный страховочный момент во избежание репрессии. Наконец, естественное усиление связи с прежними промышленниками, которые начали усиленно сами искать ее усиления, — это ставило инженерные круги в близкий контакт с ними, — несомненно, все более активизировало настроение инженерства и вызывало его уже на более активные планы, на более активные построения их, на более активные действия.

Вот та почва, те настроения, которые создались примерно в течение 1927 г., при чем эти активистские настроения постепенно все более и более усиливались под влиянием следующих моментов: определенное давление и напор со стороны бывших промышленников и со стороны правящих кругов, главным образом Франции и отчасти Англии. Затем ликвидация вредительских организаций позволяла довольно легко вести общую линию в инженерных кругах в том смысле, что пятилетний план является одновременно и планом ликвидации всего старого инженерства, и старое дореволюционное инженерство является, таким образом, обреченным на уничтожение. Поэтому инстинкт самосохранения этим самым толкал инженерство к более активным методам борьбы.

И наконец разгоревшаяся внутрипартийная борьба, ожесточенная критика со стороны правой оппозиции политики советского правительства окончательно утверждали убеждение в гибельности этой политики и в необходимости активной борьбы против нее.

Вот та атмосфера, та почва, на которой организовался сначала «Инженерный центр» или «Союз инженерных организаций», а затем вырос и в более мощную организацию в виде «Промышленной партии».

Состав «Инженерного центра»

По тем сведениям, которые я имею, организация «Инженерного центра» не произошла сразу как вполне законченная, оформившаяся организация. «Инженерный центр» создавался и конструировался постепенно. Основным ядром, из которого он вырос, по моим сведениям, был клуб горных деятелей, который был организован Пальчинским, Рабиновичем и Федоровичем для идеологической обработки инженерных масс, главным образом горняков. Из этого клуба горных деятелей и вышло основное активное ядро «Инженерного центра» в лице Пальчинского, Рабиновича и Федоровича. СИО тоже вносил свою лепту в создание «Инженерного центра». Отсюда «Инженерный центр» получил главных деятелей по линии НКПС — Красовского, Величко и Мекка. В дальнейшем эти две организации — клуб горных деятелей и ВАИ — служили теми организациями, на которых росла и развертывалась деятельность «Инженерного центра», а также той ширмой, которая прикрывала эту деятельность.

В момент моего вступления в «Инженерный центр», т. е. в первой половине 1927 г., состав его был таков: председателем и руководителем «Инженерного центра» являлся Пальчинский, затем дальше в состав его входили Рабинович, Хренников, Чарновский, Федотов, Ларичев, я и Красовский, при чем весьма близкими к «Инженерному центру» в 1927 г. стали Калинников, Янушевский, Стрижов, Куприянов и Федорович. Надо отметить, что формальных выборов самого «Инженерного центра», а также его президиума не было. Поэтому точно отграничить членов самого «Инженерного центра» от членов отраслевых организаций я несколько затрудняюсь. Считая напр. Красовского членом «Инженерного центра», я, может быть, делаю ошибку, потому что Красовский являлся по существу руководителем транспортной организации, являвшейся частью организации «Инженерного центра». То же самое я должен сказать и относительно Куприянова, потому что на тех заседаниях «Инженерного центра», на которых я присутствовал, я обычно Куприянова не встречал.

Распределение обязанностей между членами «Инженерного центра» шло по тем специальностям, которые имел каждый из его участников, потому что вся структура «Инженерного центра» носила отраслевой характер. Пальчинский руководил деятельностью в области горной промышленности, золото-платиновой промышленности и Геолкома. Кроме того, он руководил всей деятельностью центра в целом, имея в своих руках финансовые вопросы и вопросы заграничных связей. Рабинович руководил вопросами угольной промышленности и вопросами различных отраслей промышленности, с которыми он был близко связан по его тогдашней должности председателя промышленной секции Госплана.

Хренников и Чарновский ведали тяжелой металлической промышленностью, Федотов и Куприянов — текстильной промышленностью, Ларичев—вопросами топлива и в частности нефти, я — вопросами топлива и энергетики и Красовский — вопросами транспорта. Президиум «Инженерного центра» в это время уже офор-

вился, председателем его был Пальчинский и двумя его заместителями — Рабинович и Хренников. Организационная структура всего «Инженерного центра», как я уже указывал, строилась по отраслевым группам, по отдельным отраслям промышленности, при чем в каждой отраслевой группе выдерживался цепочный принцип. Таким образом были созданы такие руководящие центры во всех основных отраслях промышленности, которые играли роль отраслевых центров. Эти отраслевые центры связались с периферией, с местными организациями, при чем связь эта, как я уже указывал, шла по цепочному принципу, т.-е. по вертикальному управлению, так что горизонтальных связей очень часто не существовало. Поэтому члены двух различных отраслевых организаций очень часто друг друга не знали. Такая структура удовлетворяла, с одной стороны, тем задачам, которые ставились перед отдельными отраслевыми группами, и, с другой стороны, обеспечивала безопасность в случае провала, достаточную конспиративность.

Такая же структура выдерживалась в дальнейшем и в «Промпартии», с той только разницей, что за последнее время начали выделяться и горизонтальные связи, именно начали формироваться и областные центры, связывая между собой работников отдельных отраслевых групп, об'единяя их уже по географическому, территориальному признаку.

При такой структуре организации представляется весьма трудным учесть ее численный состав. Поэтому та оценка, которая была мною дана в моих показаниях, является суб'ективной оценкой. По моему мнению, общий об'ем московской организации, непосредственно связанной с центром, можно будет определить в количестве около 40—50, максимум 60 человек. Общий же об'ем всей организации в целом, примерно к середине 1928 г., когда уже произошло переформирование «Инженерного центра» в «Промпартию», я оцениваю общей численностью в 2.000 чел. Таким образом общая численность организации была относительно весьма невелика, подчеркивая тут замкнутый, кастовый характер этой организации.

По мере роста «Инженерного центра», по мере постепенного усиления охвата им различных отраслей промышленности, по мере роста его кадров постепенно начали выявляться и общие вопросы политической установки, вопросы общей идеологии, которые могли бы связать и об'единить между собой отдельных членов организации на какой-нибудь общей приемлемой политической базе. Вообще среди «Инженерного центра» и его работников наблюдалось весьма большое разнообразие политических взглядов и настроений.

Монархические настроения, скажем, представлял собой Пальчинский. Имелись в то же самое время представители буржуазно-республиканских настроений в лице, например, Рабиновича. Была группа, стоящая на позиции государственного капитализма, — Ларичев и я. Таким образом, общеполитического единства в «Инженерном центре», понятно, не было, и поэтому говорить о выработке единой политической программы, детально выработанной и удовлетворявшей различных членов «Инженерного центра», не приходилось. Приходилось говорить лишь о выработке тех основных положений, которые могли об'единить собой большинство активных работников центра. И это выявление постепенно и имело место в течение второй половины 1927 г. и первой половины 1928 г., так что примерно в середине 1928 г. эти основные контуры программы уже более или менее выявились и уже являлись более или менее общепризнанными и общепринятыми.

В главных чертах я для ясности повторю основные положения.

От монархистов до республиканцев

Прежде всего относительно формы правления. Вопрос о форме правления встретил довольно большие дебаты среди «Инженерного центра», потому что имелась группа сторонников монархического строя, которую приходилось достаточно долго убеждать в полной неприемлемости таких настроений, ибо старая династия окончательно дискредитирована в широких кругах населения, искание новой династии было связано с весьма опасной авантюрой и кроме того сама монархическая идея была настолько дискредитирована в широких кругах населения, что выходить с ней — означало бы оттолкнуть от себя широкие массы.

Этот аргумент привел к тому, что постепенно подавляющая масса «Инженерного центра» сошлась на буржуазно-демократической республике, как на той форме правления, которая является приемлемой для центра. И в то же самое время, как показали переговоры и связи с белоэмигрантами, довольно значительная и влиятельная часть, именно левая часть «Торгпрома», также считала для себя такую постановку вполне приемлемой. Дальше, выдвигался парламент, избранный на основе всеобщего и тайного голосования, но при соответствующей системе сложных выборов, которые могли бы обеспечить желательный состав парламента.

Относительно промышленной программы. Этот вопрос как раз естественно вызывал наибольший интерес, наибольшее количество различных предложений и наибольшее количество благоприятных для себя решений. В первый период еще сохранилось большинство старых предприятий и можно было говорить о физическом возврате промпредприятий к

прежним владельцам. К концу 1927 г. и в особенности в 1928 г. лицо промышленности настолько изменилось, что говорить о возможности какого-либо возврата промышленных предприятий старым владельцам не приходилось. Приходилось говорить об отыскании какой-то новой формы, конкретно и реально выполнимой, сохраняя все же тот единый принцип, который об'единял «Промышленную партию» и «Торгпром» — оставление капиталистического строя или возврат предприятий или по крайней мере компенсацию прежним владельцам, поскольку физический возврат отдельных предприятий оказался фактически невозможным. Настроение дальше направилось на отыскание формы возможной компенсации прежним владельцам.

Эти формы компенсации постепенно были найдены в смысле своеобразного акционирования предприятий, находящихся в советской промышленности. Это обезличивание и акционирование предприятий позволило бы, во-первых, компенсировать прежних владельцев за принадлежащие им предприятия, а во-вторых, в виду того, что ценность, суммарная ценность, всех советских предприятий значительно превышала уже прежнюю ценность предприятий, принадлежащих старым владельцам, — оставались довольно значительные резервы для общегосударственных нужд и, кроме того, для компенсации землевладельцев.

Эта форма, по мнению «Торгпрома», оказывалась также вполне приемлемой. При чем деятели «Торгпрома» выдвигали здесь такой момент, что при подобном акционировании предприятий «Торгпром» будет иметь значительное облегчение взаимных расчетов между отдельными фирмами для компенсации их денежного участия при организации интервенции и что участие отдельных фирм в организации интервенции можно будет впоследствии учесть при распределении акций. Таким образом, эта система акционирования, во-первых, конкретно разрешала трудную задачу компенсации, а во-вторых, она нашла поддержку и одобрение в белоэмигрантских кругах.

Что же касается сельского хозяйства, то здесь совершенно определенно считалось необходимым закрепление земли за крестьянами, потому что было совершенно понятно, что попытки возврата земли ее прежним владельцам никоим образом реально провести в жизнь невозможно. Более того, здесь говорилось даже о формальном закреплении этой земли за крестьянами с тем, чтобы утвердить у них полную уверенность в том, что эта земля остается за ними. Но рядом с этим мыслилась хотя бы частичная компенсация прежних землевладельцев из тех избыточных акций, которые оставались у государства. Таким образом, полностью реконструированные или ликвидированные предприятия и вообще старые предприятия уже переставали интересовать конкретно прежних владельцев. Поэтому с этого момента какие-либо конкретные директивы, касающиеся отдельных предприятий, совершенно исчезают. «Торгпром» уже перестает интересоваться отдельными фабриками, отдельными заводами и отдельными пластами. Вопрос уже переводится в более общую плоскость, — в плоскость возможности организации интервенции, возможности организации свержения советской власти и возможности организации контрреволюционного переворота.

«Сначала успокоение, а потом реформы»

Что же касается других деталей политической программы, а именно налогов, а затем вопросов местного самоуправления, то эти вопросы не получили, насколько мне известно, той или иной детальной и четкой проработки. Вопросы относительно местного самоуправления и относительно парламента не форсировались по другой причине, а именно потому, что на первое время все считали необходимым и неизбежным период военной диктатуры, т.-е. большинство стояло на известном столыпинском принципе — сначала успокоение, а потом реформы. Поэтому обещание свободы слова, совести, печати, собраний, союзов и т. д. мыслилось лишь как дальнейший этап после окончательного закрепления новой власти, нового строя, нового правительства. На первом же моменте считалось совершенно необходимым, как я говорил, введение военной диктатуры. Эта военная диктатура рассматривалась, как средство успокоения, после которой можно было бы говорить о реформах.

Поэтому в вопросах местного самоуправления этот первый период разрешался очень просто назначением начальников отдельных административных единиц — уездов, губерний и т. д. — в административном порядке.

Таким образом, из общего контура этой программы совершенно ясно видно, что эта программа защищала интересы крупной промышленной буржуазии и крепкого, единоличного крестьянского хозяйства.

Эти основные установки в значительной степени разделяла и «Трудовая крестьянская партия», что служило в значительной степени стимулом для искания взаимного контакта этих двух организаций, их блокировки с целью возможной поддержки и помощи при совершении контрреволюционного переворота.

«Вся власть инженерам»

Можно будет отметить еще одну, может быть, второстепенную, но тем не менее характерную деталь, которая характеризует общие настроения в инженер-

ных кругах в этот момент. Пальчинский в особенности пропагандировал идею, которая имела громадный успех в инженерных кругах, а именно — современное государство, опирающееся на высоко развитую технику, должно управляться инженерами, как представителями этой техники, т. е. что руководящая роль в управлении страной, в управлении народным хозяйством должна принадлежать инженерству. Если хотите, это является перефразой древне-греческого построения: как в древне-греческом государстве мыслилось, что руководящая роль должна принадлежать философам, так в теперешнем государстве с развитой техникой мыслилось, что руководящая роль должна принадлежать инженерству.

Между прочим эта идеология имела своих апологетов и проповедников в инженерных кругах еще и раньше, до революции. В соответствии с этим при построениях будущего состава правительства, на котором я остановлюсь несколько позже, как вы увидите, доминирующая роль действительно и отводилась инженерству.

«Партийное» оформление вредительства

Так вот те политические задачи, те политические установки, которые ставил перед собой «Инженерный центр», сформировавшийся уже в это время в «Промышленную партию». И вот этот момент, момент выявления общих политических планов, и приходится считать фактически моментом превращения «Инженерного центра» в «Промышленную партию».

Значит, первым стимулом для этого, как я уже говорил, было выявление общих политических задач и общих политических установок, об'единяющих собой массы промышленников около «Инженерного центра». Но таким деловым толчком к более живому обсуждению вопроса преобразования «Инженерного центра» в «Промышленную партию», по моему мнению, являлся ряд докладов, которые сделал проф. Александр Васильевич Чаянов на заседаниях «Инженерного центра» в течение главным образом 1927 и, может быть, начала 1928 гг.

И вот, в своих докладах в «Инженерном центре» проф. Чаянов ознакомил сторонников с общими абрисами политической программы своей партии, с ее ростом, с ее об'емом, который она получила за довольно короткий промежуток времени.

Вот этот факт, имевший место в агрономических и экономических кругах, являлся внешним толчком, чтобы поставить вопрос о партийном оформлении и в кругах «Инженерного центра». Но, помимо того, имелись и другие, конечно более серьезные, соображения относительно преобразования «Инженерного центра» в партию. Эти основные соображения сводились к тому, что, во-первых, необходимо дать более широкую базу для переключения инженерных масс в организацию, ибо русло «Инженерного центра» в тех формах, которые он имел в течение 1927 г., было слишком узким для вовлечения широких масс. И второе соображение говорило о том, что необходимо мобилизовать и об'единить инженерные силы в будущей борьбе за власть, ибо приходилось говорить уже не только о борьбе с советской властью, но приходилось говорить и о борьбе с антисоветскими силами, потому что численный охват, который имел место у «ТКП», заставлял многих инженеров уже сильно сомневаться в том, что после контрреволюционного переворота инженерство сумеет получить ту долю влияния и ту долю власти, на которую оно рассчитывало. Все это вело к необходимости консолидации «Инженерной партии» на более широкий путь. Поэтому в мое отсутствие, когда я был за границей, поскольку мне известно из последующих сообщений, вопрос относительно преобразования «Инженерного центра» в «Промышленную партию» был впервые поставлен Рабиновичем, и в течение первой половины 1928 г. и произошло фактическое превращение «Инженерного центра» в «Промышленную партию». Названия здесь предлагались различные — предлагалось назвать ее «Инженерно-промышленной партией», «Инженерной партией», «Национально-демократической партией», «Союзом освобождения», но в конечном итоге укрепилось это название — «Промышленная партия». Так что я считаю, что примерно с середины 1928 г. «Инженерный центр», как таковой, с его довольно узкой базой прекратил свое существование и на его место появилась «Промышленная партия», при чем «Инженерный центр» по существу превратился в центральный комитет «Промышленной партии».

«Промышленная партия» имела три довольно сильно отличающихся по своему составу центральных комитета. Это изменение в составе центрального комитета обусловливалось теми арестами и из'ятиями его членов, которые постепенно происходили в течение существования «Промышленной партии». Так как уже в первую половину 1928 г., если не ошибаюсь, Пальчинский был арестован, то первым составом центрального комитета «Промышленной партии» я считаю тот состав, который непосредственно имел место после ареста Пальчинского. Этот состав был такой: Хренников, Рамзин, Ларичев, Калинников, Федотов и Чарновский, при чем председателем центрального комитета этого периода был Хренников.

Деятельность центрального комитета этого первого периода обнимает собою время с середины 1928 г. и до ареста

Хренникова, кажется, в середине 1929 г. После ареста Хренникова состав центрального комитета «Промышленной партии» изменился и рисуется уже в таком виде: Рамзин, Ларичев, Федотов, Калинников и Чарновский. Кроме того, весьма близко к центральному комитету «Промышленной партии» в этот период стояли Осадчий, Шейн и Коган-Бернштейн, хотя формально в этот период их нельзя считать членами центрального комитета.

Этот период обнимал собою время с весны 1929 года до марта 1930 г., когда произошел арест двух членов ЦК — Ларичева и Федотова.

Состав последнего ЦК с его кратковременным и весьма малооживленным существованием в смысле собраний был такой: Рамзин, Калинников, Чарновский и к ним прибавились Осадчий, Шейн и Коган-Бернштейн. Этот последний состав работал до марта 1930 г., до последнего ареста. Руководителем ЦК двух последних составов был я.

Таким образом, последовательно руководство «Инженерным центром» и «Промышленной партией» постепенно переходило от Пальчинского к Хренникову и от Хренникова ко мне.

Четыре периода

Переходя теперь к тактике, которую применяла «Промышленная партия», необходимо будет сказать, что тактика эта весьма сильно менялась в зависимости от обстановки, в зависимости от условий момента и тех настроений и ближайших тактических задач, которые ставила перед собой «Промпартия». Всего в деятельности «Инженерного центра» и «Промпартии» можно наметить четыре основных периода.

Переходя теперь к тактике, которую применяла «Промышленная партия», необходимо будет сказать, что тактика эта весьма сильно менялась в зависимости от обстановки, в зависимости от условий момента и тех настроений и ближайших тактических задач, которые ставила перед собой «Промпартия». Всего в деятельности «Инженерного центра» и «Промпартии» можно наметить четыре основных периода.

Первый период — примерно с 1927 г., совпадающий с восстановительным периодом в советской промышленности. Этот период носил довольно пассивный характер. В это время существовали отдельные связи между отдельными крупными деятелями «Инженерного центра» и бывш. промышленниками (на этих связях я остановлюсь позже), при чем основная задача этого периода, как я уже говорил раньше, сводилась главным образом к охране и улучшению прежних предприятий, поскольку такая охрана и улучшение были связаны с вредительством с точки зрения народного хозяйства в целом и с индивидуальным вредительством, т.-е. сокрытием пластов угля, нефти, полезных ископаемых, усиленным ремонтом предприятий, ненужным оборудованием, противодействием в ликвидации и переносе оборудования отдельных фабрик и заводов и сохранением основного ядра старых служащих.

В этот период белоэмигранты твердо считали предприятия своими, надеялись на скорый возврат этих предприятий и довольно спокойно и мирно смотрели на процесс восстановления и улучшения этих предприятий. Так что первый период до 1927 г. был периодом довольно пассивным и во всяком случае достаточно мирным.

Второй период — примерно с весны 1927 г. и до конца 1928 г. Этот период совпадает с началом успешной реконструкции советского хозяйства, с быстрым укреплением экономического благосостояния страны и с быстрым укреплением советской власти. Он сейчас же привел основных деятелей «Инженерного центра» к сознанию полной безнадежности контрреволюционного переворота внутренними средствами. С этого момента начинается весьма оживленная информация, как я уже говорил, белоэмигрантов и об организации интервенции, о ее близости, поскольку первый период уже намечался в 1928 г. Поэтому примерно с 1928 г. в «Инженерном центре» уже возникает совершенно твердая, ясная и четкая установка на интервенцию как на единственное средство для реального выполнения контрреволюционного переворота и свержения советской власти.

При чем и в этом периоде можно будет наметить два различных подпериода. Самое начало этого периода характеризуется опять-таки достаточно пассивным ожиданием интервенции, пассивным ожиданием, которое можно вкратце сформулировать словами: «Барин наш приедет, барин нас рассудит».

Какие активные шаги в смысле подготовки интервенции мыслились? Уже во второй половине 1927 г. и в начале 1928 г. настроение меняется. В «Инженерном центре» начинает расти уверенность в необходимости помощи изнутри. Эта уверенность подстегивается и теми директивами, которые начинают поступать из-за границы, теми настойчивыми требованиями «Торгпрома», а также требованиями промышленных кругов, которые через «Торгпром» главным образом передавались. С этого периода уже начинается определенное построение в сторону возможной внутренней помощи интервенции, возможного ее ускорения. Вся информация, все директивы, шедшие из заграничных кругов, определенно говорили, что, чем скорее будет организована интервенция, тем лучшая почва будет для этого подготовлена, и чем хуже будут экономические условия Советского союза,

тем легче будет осуществить интервенцию.

В целях ускорения интервенции, в целях приближения этого срока, в целях практического ее осуществления начинается уже совершенно ясная и четкая установка на помощь интервентам изнутри путем искусственного ухудшения экономической жизни страны. Это искусственное ухудшение экономической жизни вначале пытались создать путем прямого экономического вредительства. Однако этот прием был брошен, ибо он давал чрезвычайно низкий эффект в смысле удара по народному хозяйству, представляя в то же время колоссальную опасность и колоссальные трудности. Поэтому очень скоро, еще в 1927 г., этот момент прямого технического вредительства, направленного к отдельным техническим об'ектам, был оставлен, и перешли к методу планового вредительства.

Дальше, если разрешите, я подробнее остановлюсь на том, как проводилось это плановое вредительство, что делалось «Промпартией» в смысле усиления кризиса. Сейчас только перечислю те основные направления, которые применялись в этом плановом вредительстве.

Во-первых, метод минимальных мер, т.-е. возможная задержка роста экономической жизни страны, возможная задержка темпов индустриализации, при чем этот период характеризуется упорной борьбой за проведение минимальной пятилетки, поскольку ее проведение целиком не отвечало основным задачам, которые ставились «Промпартией».

Во-вторых, создание диспропорции между отдельными отраслями народного хозяйства, а также между отдельными частями одной и той же отрасли.

Наконец, третье направление, которое начало все шире и шире применяться в течение последнего времени, это — метод омертвления капитала, т.-е. вложение капитала или в совершенно ненужное строительство, или в такое строительство, которое можно было бы отложить, которое не являлось необходимым для данного момента. Этот метод омертвления капитала отрывает необходимые средства, сокращая тем самым темп полезной индустриализации, с одной стороны, а с другой стороны, отрывая эти капиталы от народного хозяйства, в целом несомненно понижал и общий уровень экономической жизни страны, создавая тем самым недовольство широких масс населения.

Эти три основных момента проводились, как основные методы главного вредительства. Конкретизацию этих методов в применении к отдельным отраслям народного хозяйства и главным образом к тем, с которыми я ближе знаком, я дам позже.

Третий тактический период в работе «Промпартии» обнимает время с октября 1928 года. С конца 1928 года под влиянием поездок за границу меня и Ларичева, а также ряда поездок и других членов организации была установлена совершенно четкая, тесная и определенная связь как с «Торгпромом», так и главным образом с французским и отчасти английским генеральными штабами. С этого момента была налажена совершенно определенная связь, позволившая передачу военных информаций и сведений. С этого момента была налажена твердая система регулярного финансирования «Промпартии».

Таким образом, с конца 1928 г. «Промпартия» имела в своих руках уже совершенно другие средства для того, чтобы вести подготовительную работу по подготовке интервенции как внутри страны, так и за границей. И поэтому с конца 1928 года активность «Промпартии» в области подготовки интервенции весьма сильно возрастает скачком. С этого момента можно будет сказать, что этот третий период деятельности «Промпартии» характеризуется быстрым движением «Промпартии» навстречу интервенции. Если предыдущие периоды были ожиданием ее, если предыдущий период делал первые шаги в этом направлении, то в третий период своей деятельности «Промпартия» начинает уже итти быстрыми шагами навстречу интервенции.

Это быстрое движение навстречу интервенции шло и прежними методами — ухудшением экономического положения Союза и подготовкой кризиса с расчетом его максимального разгара в момент интервенции, но и кроме того рядом других приемов, действие которых было рассчитано на самый момент интервенции, а именно — развитие разведывательной деятельности «Промпартии» для «Торгпрома» и иностранных штабов, создание диверсионной организации, которая должна была выполнять диверсии по определенному плану в самый момент интервенции для того, чтобы облегчить действие армий, нападающих на наш Союз. И наконец приступили к созданию военной организации, о целях которой я скажу позже и которая имела прямой задачей прямую помощь интервентам как при подготовке, так и в особенности при самом выполнении интервенции.

Таким образом, этот период характеризуется чрезвычайной активностью деятельности «Промпартии».

И наконец последний, четвертый период, примерно с начала 1930 г. и до конца. Этот период характеризуется значительным ослаблением «Промпартии» под влиянием разгрома большого количества вредительских организаций, под влиянием арестов большого количества весьма активных членов «Промпартии» и кроме того уже определенным сообщением относительно невозможности интервенции в 1930 г., на которую делалось

все построение в течение прошлых двух лет.

Вот эти сообщения относительно невозможности интервенции в 1930 г. на ряду с сильной разбитостью организации под влиянием указанных арестов уже вселили известную растерянность, известное разочарование в рядах «Промпартии». Кроме того, к этому периоду—к 1930 г.—уже совершенно определенно и недвумысленно выяснились те аппетиты, которыми располагали иностранные капиталистические государства, и размеры той платы, которую пришлось бы заплатить за их участие в интервенции. До этого времени по понятным соображениям агитационного порядка эти аппетиты в достаточной степени вуалировались и они выявлялись лишь постепенно. К 1930 г. выявление этих аппетитов было уже в достаточной степени полное и подробное. Аппетиты эти сводились к значительным территориальным потерям с нашей стороны, к получению концессий, к оплате долгов и т. д. Они показали, что интервенция, если она будет осуществлена, должна быть куплена чрезвычайно дорогой ценой. Поэтому в рядах «Промышленной партии» примерно с начала 1930 г. начинает развиваться довольно сильное течение в пользу возможности выполнения контрреволюционного переворота внутренними силами без расчета на помощь извне.

Были возобновлены связи с «ТКП» в расчете использовать ту массу, которая имелась в ее распоряжении, для выполнения контрреволюционного переворота. Кроме того, у многих господствовало еще сомнение в осуществимости этой интервенции. Многие говорили: в 1930 г. обещали интервенцию, она не состоялась, — нет никаких гарантий в том, что она состоится в 1931 г. Но весьма сильным аргументом против интервенции и стремления обойтись внутренними силами были те колоссальные аппетиты со стороны иностранных участников интервенции, которые уже в 1930 г. выяснились полностью. Таким образом, здесь уже началось искание новых путей, но вместе с этим подготовка к интервенции все же продолжалась.

Таким образом четвертый период можно характеризовать, как период, при котором «Промышленная партия» имела по существу два варианта. Первый и основной вариант — расчет на интервенцию уже с отсрочкой на следующий 1931 г. и продолжение подготовки к этой интервенции. Второй вариант — это возможность переворота внутренними силами, не прибегая к помощи извне. При чем этот второй вариант большинством все же рассматривался, как вариант маловыполнимый или по крайней мере требующий для своего выполнения длительного промежутка времени.

Вот все четыре тактических периода, которые можно наметить в деятельности «Промпартии» за все время ее существования.

Чтобы закончить вопрос с тактической и организационной стороной «Промпартии», я скажу еще относительно проектировавшихся составов будущего правительства и как они намечались «Промпартией» в начале и в конечном периоде ее существования, а именно впервые вопрос относительно состава будущего правительства после выполнения контрреволюционного переворота обсуждался в течение начала 1928 г., и к середине 1928 г. намечался такой состав будущего правительства: премьер - министр — инженер Пальчинский, военный министр — тот же Пальчинский или Лукомский, белогвардейский генерал, который намечался как будущий руководитель интервенции. Затем министр промышленности и торговли — Рябушинский, Хренников, Рабинович, Калинников. Внутренних дел — Рябушинский, проф. Вормс, Третьяков из «Торгпрома» и называлась, правда весьма ненастойчиво, кандидатура проф. Чарновского. Министр финансов — Озеров, Рабинович, из эмигрантских слоев—Вышнеградский и Давыдов, а также кандидатура Денисова или кого-нибудь по представлению «ТКП». На пост министра путей сообщения—Красовский, фон-Мекк и И. Н. Борисов. Иностранных дел — академик Тарле. Министр земледелия — выставлялась кандидатура проф. А. В. Чаянова и из заграничных кругов — Филимовича или кандидатура по представлению «ТКП». И наконец в качестве диктатора на период военной диктатуры мыслился Пальчинский.

Вот тот состав будущего правительства...

Председатель. Подсудимые опять заявляют, что они не слышат ваших об'яснений относительно состава правительства. Повторите еще раз.

Рамзин. Состав правительства, который я здесь называл, почти не отличается от имен, приведенных в обвинительном заключении, за исключением некоторых пропущенных там имен.

Председатель. Повторите пропущенные имена.

Рамзин. На пост министра финансов среди других кандидатур намечалась еще кандидатура Денисова, председателя «Торгпрома», или кандидатура по представлению «ТКП». На пост министра внутренних дел, кроме тех, которые названы в обвинительном заключении, намечалась еще кандидатура Третьякова, одного из видных деятелей «Торгпрома». Вот два добавления по сравнению с обвинительным заключением.

Председатель. Подсудимые, вам слышно? Всем ли подсудимым слышно?

Федотов. Из речи Рамзина половины не слышно.

Председатель. Комендант, поставьте стулья подсудимых впереди барьера. (Подсудимые пересаживаются). Подсудимый, вы можете продолжать.

«Торгпром» финансирует «Промпартию»

Рамзин. Теперь я перейду к «Торгпрому», к «Русскому торгово-промышленному комитету», который занимал весьма видную роль во всей деятельности «Промпартии». «Торгпром», или «Русский торгово-промышленный комитет», находящийся в Париже, насколько мне известно, был организован в начале 20-х годов, в 1920 или 1921 г. Он представлял и представляет собою — ибо существует до сих пор — об'единение за границей бывших русских промышленников. Основные цели, которые имеет «Торгпром», сводятся, во-первых, к защите интересов бывших русских промышленников за границей и, во-вторых, к возврату прежних предприятий в СССР или по крайней мере к получению компенсации за них. Для достижения этой последней цели — возврат предприятий или компенсация за них — «Торгпром» и стремился к организации интервенции против СССР, видя в этом единственную возможность для достижения своей цели. В состав «Торгпрома» входит большое количество видных промышленников бывшей царской России, а именно: Денисов, Нобель, Гукасов, Манташев, Рябушинский, Третьяков, Мещерский, Коновалов, Крестовников, Карпов, Парамонов, Морозов, Демидов, Новиков и другие. Члены «Торгпрома», многие из них, сохранили денежные средства, участвуют в целом ряде предприятий за границей и сохранили поэтому известное влияние и политические связи. Эта организация, поскольку она ставила для выполнения своих целей ту же самую ближайшую тактическую задачу, а именно—организацию и осуществление интервенции против СССР, явилась естественно союзником «Промпартии» в ее работе. Этого об'единения искал прежде всего «Торгпром», как таковой, а с другой стороны, к тому же об'единению в дальнейшем стремилась и «Промпартия».

Связи «Инженерного центра» и «Промышленной партии» с «Торгпромом» и отдельными эмигрантами начали завязываться весьма давно, уже в первые годы после революции. Я не буду останавливаться на этих давнишних связях тем более, что они мне мало известны, и остановлюсь лишь на тех связях, которые имеют уже более близкое и прямое отношение к деятельности «Инженерного центра» и «Промпартии».

Первые связи с отдельными промышленниками, входившими в состав «Торгпрома», и сохранившиеся до последнего времени, относятся еще примерно к 1923—1924 гг., так например связи, которые имел Пальчинский, затем текстильщики, в частности Хренников. Из связей последнего времени наиболее рано завязались связи по линии текстильной промышленности и по линии нефтяной промышленности.

Относительно начального периода можно будет указать, что по нефтепромышленности эти связи шли у Стрижова с Нобелем. У Пальчинского с бывшими владельцами Коломенского завода, Выксунского завода, теперешней «Гомзы» с Мещерским. Такая же связь с Мещерским имелась у Хренникова, кроме того, у Хренникова и Пальчинского имелась давнишняя связь с Рябушинским.

У деятелей «Промпартии» и «Инженерного центра» весьма тесная связь по текстильной линии имелась у Лопатина, умершего в 1927 г., затем у инж. Федотова с Крестовниковым и Коноваловым, а также с Карповым. Была связь и с другими текстильщиками, но эти вторичные связи мне мало знакомы. У Рабиновича эти связи держались с Дворжанчиком в Польше. И, наконец, регулярные связи начались примерно с 1928 г. Мы встречу с Рябушинским имели при моей заграничной поездке в 1928 г., и окончательная регулярная связь с «Торгпромом» была установлена в октябре 1928 г. мною и Ларичевым при нашей заграничной поездке также через Париж. Здесь были свидания с членами «Торгпрома», была установлена четкая, постоянная и ясная связь, были установлены те промежуточные звенья, через которые связи дальше осуществлялись и поддерживались. В этом вопросе опять-таки на технике этих связей подробно остановлюсь позже.

Взаимоотношения с «Торгпромом» менялись. Не повторяя того, что я говорил относительно первоначального периода деятельности «Инженерного центра», в дальнейшем эти связи с конца 1928 г. примерно строились по одной линии, строились для достижения одной определенной цели, а именно: организации интервенции против Союза. Именно для достижения этой основной задачи взаимоотношения между «Торгпромом» и «Промпартией» установились следующие. При нашем свидании, моем и Ларичева, с членами «Торгпрома» в Париже были решительно, четко и определенно разграничены взаимные обязанности «Промпартии» и «Торгпрома» при подготовке интервенции, а именно: всю внешнюю подготовку интервенции за границей брал на себя «Торгпром», подготовку же интервенции внутри Союза взяла на себя «Промпартия».

Внешняя подготовка интервенции за границей сводилась, во-первых, к ведению переговоров с иностранными правительственными кругами и главным образом с французскими, ибо они являлись основным центром организации интервенции. Затем — ведение агитации и пропа-

ганды в пользу интервенции за границей, пользуясь как личными связями, так и печатью. И, наконец, подготовка и организация военной стороны интервенции, конечно, через иностранные правительственные круги. Вот эти все задачи по внешней подготовке интервенции целиком и брал на себя «Торгпром», тем более, что выполнение этих задач для «Промпартии» было практически почти неосуществимо.

Наоборот, всю работу по внутренней подготовке интервенции целиком брала на себя «Промпартия». Эта работа сводилась к помощи интервенции изнутри созданием всеобщего паралича народнохозяйственной жизни к моменту интервенции и, во-вторых, к прямой помощи интервенции путем диверсионных мероприятий, путем помощи со стороны военной организации «Промпартии» и т. д.

Таким образом, внутренняя помощь «Промпартии» должна была, во-первых, облегчить ориентировку за границей в смысле определения срока интервенции, технического ее выполнения и, во-вторых, создать такую внутреннюю обстановку, которая позволила бы осуществить эту интервенцию с наименьшими усилиями, с наименьшим риском и с наибольшей уверенностью. Вот та линия раздела работы в области подготовки интервенции, которая определила в дальнейшем весь характер взаимоотношений.

Финансовую часть работы по внутренней подготовке интервенции, т.-е. финансирование «Промпартии», взял точно так же на себя «Торгпром», который финансировал отчасти из своих средств, а отчасти из средств, которые получал от промышленных кругов Франции.

Финансирование «Промпартии» и вначале «Инженерного центра» тоже имеет два резко между собой отличающихся периода. Первый период — до конца 1928 г. — характеризуется общей нерегулярностью и случайностью финансирования. В начальный период существования «Инженерного центра» деньги обычно шли по тем отдельным связям, которые имелись у инженеров с прежними хозяевами, т.-е. финансирование носило раздробленный и в значительной степени случайный характер. После организации «Инженерного центра» Пальчинскому удалось добиться того, что часть денег стала поступать организованным порядком. В то же время значительная часть средств протекала прямо в низовые ячейки и не поддавалась контролю, воздействию и влиянию «Инженерного центра». В этот первый период существования «Инженерного центра» до конца 1928 г., т.-е. в начальный период существования «Промпартии», деньги распределялись Пальчинским, Хренниковым, Рабиновичем, Стрижовым и Федотовым. Получение денег из-за границы шло или через отдельных инженеров, ездивших за границу, или через иностранные связи, через иностранных агентов, находящихся в Союзе. Подсчитать сколько-нибудь точно денежные средства, полученные из-за границы, я думаю, не представляется возможным; я во всяком случае смогу дать лишь грубую глазомерную оценку того масштаба средств, которыми располагал «Инженерный центр». Именно общее количество денег, которое поступило в «Инженерный центр» в централизованном порядке, надо оценивать в среднем около полумиллиона рублей в год, так что за весь период до конца 1928 г. общую сумму денег, поступивших в централизованном порядке, можно оценить примерно около полутора—двух миллионов рублей. Вероятно, такая же сумма поступила прямо в низовые отраслевые ячейки «Инженерного центра», минуя центральную кассу. Таким образом, общее количество денег, поступивших за это время из-за границы, надо будет оценить цифрой в 4—3½ миллиона рублей.

С конца 1928 года уже начинается совершенно регулярное финансирование «Промпартии» из-за границы через посредство «Торгпрома». Всего за этот период, согласно намеченной сметы еще в Париже, должно было поступать уже около миллиона рублей ежегодно, причем эта смета вообще достаточно точно «Торгпромом» выдерживалась, потому что в течение периода с ноября 1928 г. и до марта 1930 г. получено денег около 1.600 тыс. р. из-за границы, т.-е. около одного миллиона рублей в год, что соответствует тем обещаниям, которые были даны «Торгпромом» в октябре 1928 г.

Доставка денег в этот момент точно так же была вполне упорядочена. Нам деньги доставлялись через французских агентов или Ларичеву, или мне. Я имел три получения этих денег в общей сложности на 350.000 р., остальные деньги поступали Ларичеву.

Что касается распределения этих денег, то при их распределении в соответствии с общей структурой «Промпартии» был применен тот же самый отраслевой принцип, т.-е. деньги распределялись по отдельным отраслям промышленности, постепенно или сверху вниз по нисходящей цепочке, растекаясь отсюда в местные периферийные организации.

В общем на основные три отрасли промышленности — по топливу, нефти и торфу—было через Ларичева израсходовано около 300.000 р. По лесной промышленности через Майера — около 50.000 р., по металлической промышленности через Хренникова, Чарновского, Гартмана и Кутского — около 500.000 р., по текстильной промышленности—около 200.000 р. через Федотова и Куприянова, затем по различным отраслям промыш-

ленности и различным расходам около 200.000 р. прошло через Калинникова — по химической и другим отраслям промышленности. Около 50.000 р. через меня для организации Теплотехнического института и около 50.000 р. пошло на оплату экономических сводок и отдельных записок, которые составлялись по поручениям главным образом «Торгпрома». Для НКПС было передано через Коган-Бернштейна около 200.000 р. По линии энергетики через меня 100.000 р. По экономической группе вместо тех 50.000 р., которые указаны в обвинительном заключении, нужно считать около 100.000 р. и остальные суммы пошли на мелкие расходы, которые имелись у «Промпартии».

Поскольку точного бухгалтерского учета не велось, постольку более точных сведений относительно распределения этих денег я, по крайней мере, дать затрудняюсь. Возможно, в этом отношении меня сможет пополнить Ларичев, ибо денежные операции находились в его непосредственном ведении, по крайней мере начальные операции по раздаче денег.

Я исчерпал этим все основные вопросы относительно организации, тактики, структуры «Промпартии» и финансирования и теперь перейду к следующему, второму основному разделу моих показаний, а именно к разделу относительно интервенции и ее организации, который является коренным моментом во всей деятельности «Промпартии», и ко второму разделу относительно внутренней подготовки интервенции «Промпартией», т.-е. относительно ее вредительской работы по созданию кризиса в народном хозяйстве.

Организация интервенции

Эти два раздела являются основными в моих показаниях, поскольку эти две стороны работы являлись главными направлениями всей работы «Промпартии». Уже о тех побуждениях и мотивах, которые заставляли «Промпартию» делать основную ставку на интервенцию, я частично излагал раньше. Быстрый и успешный период восстановления промышленности, успешно начатый период реконструкции, быстрое развитие экономической жизни Союза и успешный переход к социалистическому наступлению, — все это создавало совершенно определенную уверенность в том, что через некоторое время борьба с Советским Союзом даже при помощи интервенции будет совершенно невозможной. Укрепление экономической и военной мощи и обороноспособности страны шло чрезвычайно быстрыми шагами. Те темпы развития экономической жизни Союза, которые наблюдались за последний год, явились невиданными в мировой истории. Поэтому всякая надежда на производство контрреволюционного переворота внутренними силами в будущем становилась уже совершенно невозможной. Это заставляло говорить о необходимости организации интервенции как можно скорее, ибо дальнейшее ожидание могло сделать эту интервенцию неудачной. Таковы были построение и взгляды «Промышленной партии», которая в интервенции видела единственное средство для достижения своих конечных целей.

Для организации интервенции «Промышленная партия» естественно имела двух союзников: первым был «Торгпром», который стремился к тому же самому — к организации интервенции против СССР, а вторым — правительственные круги капиталистических стран, проявлявшие наибольшую активность в этом направлении, а именно — правительственные круги Франции, а в первый период — английские. Стремление со стороны французских правительственных кругов было совершенно понятным. Они стремились уничтожить Советский Союз, как единственное в мире социалистическое государство. Кроме того, это стремление об'яснялось и желанием получить определенные территориальные и экономические приобретения.

Таким образом, в организации интервенции против СССР имелись три действующие силы — «Промпартия», «Торгпром» и затем иностранные правительственные круги и главным образом, как это дальше будет видно из моих показаний, правительственные круги французские. Таким образом, является совершенно естественным и определенным этот тройственный союз по организации и проведению интервенции — из «Промпартии», «Торгпрома» и французских правительственных кругов, или, вернее сказать, французского генерального штаба.

Те сведения и информации, которыми располагала «Промышленная партия» относительно интервенции, первые из них восходят к периоду 1925—26 гг., каковой мне мало известен. Поэтому относительно этого периода я говорить не буду. Сведения и информации относительно интервенции, которые мне известны, относятся к периоду 1927 г., а именно достаточно определенные сведения относительно подготовки Франции и Англии к интервенции дал впервые Хренников, вернувшийся из своей заграничной поездки в 1927 г. и ведший там переговоры с Мещерским и Рябушинским. Это были первые известные мне конкретные сведения относительно реальной подготовки осуществления интервенции в СССР.

Второе сведение было получено мною от Рябушинского при моем свидании с ним во второй половине 1927 г., во время моей заграничной поездки. в Па-

риже. При этом свидании, которое я имел по поручению Пальчинского, точнее «Инженерного центра», разговоры с Рябушинским велись по следующим вопросам: относительно акционирования предприятий, о чем я рассказывал раньше, при чем этот вопрос и его постановка встретили, по словам Рябушинского, сочувствие и одобрение со стороны членов «Торгпрома». Здесь Рябушинский мне указал, что с точки зрения «Торгпрома» такая система является вполне реальной и желательной, ибо она обеспечивает, кроме прочего, взаимный расчет между членами «Торгпрома» и входящими в него фирмами. Затем другими пунктами программы, которые подверглись обсуждению, были вопросы относительно формы правления, что никаких возражений со стороны Рябушинского и, по его словам, со стороны «Торгпрома» не встречало. Было лишь некоторое сомнение относительно земельного вопроса, поскольку среди самого «Торгпрома» и белоэмигрантов не было полной договоренности. Поэтому возможность закрепления земли за крестьянами и отказ в возврате прежним владельцам, по словам Рябушинского, не были еще окончательно согласованы, и в этом вопросе «Торгпром» не имел окончательной и четкой установки.

Но что касается интервенции, то при этом свидании Рябушинский мне сообщил, что «Торгпром» уже ведет переговоры с отдельными членами французского правительства, при чем он мне назвал фамилию Лушера, через которого Рябушинский и пытался вести переговоры с французским правительством по вопросу об интервенции. Рябушинский указал, что те сведения, которые он имеет из французских правительственных кругов, дают полную надежду на осуществление интервенции при их помощи в ближайшее же время, может быть, даже в следующем 1928 г. Но при этом с самого начала Рябушинским было выдвинуто требование «Торгпрома» и французских правительственных кругов относительно возможного усиления внутренней подготовки интервенции в СССР путем углубления и создания экономических кризисов, усиления недовольства крестьянских масс и широких слоев населения вообще, что является непременным условием для ускорения организации интервенции за границей.

В общем в течение 1927 г. «Торгпром», как таковой, особенно большой активности в смысле интервенции сам еще не проявлял, и этим об'ясняется малое продвижение этого вопроса в течение 1927 г. и небольшое количество информаций за этот период. Основные соображения «Торгпрома» были здесь таковы, что необходимо еще дольше выждать улучшения и укрепления принадлежавших им разных предприятий для того, чтобы получить их с более повышенной ценностью. Так что в этот период, пожалуй, инициативная роль в смысле толкания идеи интервенции больше исходила не от «Торгпрома», а из правительственных кругов Франции и Англии, тем более, что в это время в 1928 г. Англия уже порвала дипломатические сношения с нашим Союзом. Решительный сдвиг в вопросе относительно организации интервенции, а также и в тех информациях, которые «Промпартия» начала получать, произошел в 1928 г., а именно в это время был целый ряд поездок за границу видных деятелей «Промпартии», которые виделись там с влиятельными членами «Торгпрома» и привезли оттуда уже более обстоятельные информации относительно организации интервенции за границей. Именно такую информацию привез Федотов, который виделся за границей с Карповым, — информацию относительно переговоров с представителями французских правительственных кругов Пуанкаре и Брианом по поводу организации интервенции. Такие же сведения привез Ситнин через Коновалова, с которым он виделся за границей, и, наконец, совершенно определенные информации и сведения об организации интервенции в том же 1928 г. получили я и Ларичев как в Англии, так и во Франции. В виду того, что я сам был участником этих переговоров, и в виду того, что эти сведения и информации об интервенции являются наиболее полными, я думаю, что будет целесообразно остановиться на этих переговорах более подробно, т.-е. изложить более подробно содержание этих переговоров и обстановку, в которой они происходили.

При нашем пребывании, моем и Ларичева, в Париже в октябре 1928 г. мы использовали поездку для свидания с руководящими членами «Торгпрома». Это свидание было подготовлено еще теми предварительными сообщениями о нашем приезде, которые были сделаны отсюда, из Москвы, до нашего выезда за границу. Еще в начале 1928 г. «Промпартия» имела тесную и регулярную связь через агентов французской службы в Москве, и через одного из них, г. К., я и дал предварительное сообщение в «Торгпром» относительно нашего приезда в Париж и относительно желательности использовать эту поездку для встречи и выяснения ряда вопросов. Затем точно так же перед самым выездом в Париж из Лондона я просил директора фирмы «Виккерс» инженера Симона уже точно сообщить срок нашего прибытия и затем название отеля, в котором мы должны остановиться; сообщить об этом в «Торгпром» и персонально Рябушинскому, что мы в определенный день должны быть в Париже и просим с нами свидеться.

Остановились мы в Париже в отеле «Термине», около вокзала С......-В.......

После приезда нашего в Париж вскоре ко мне позвонили по телефону из «Торгпрома» и условились относительно нашего участия в совместном заседании с членами «Торгпрома» в помещении «Торгпрома». Это совещание состоялось в середине дня, примерно около часу дня. На этом совещании принимали участие, помимо меня и Ларичева, следующие члены «Торгпрома»: председатель «Торгпрома» Денисов, затем Рябушинский, Нобель, Гукасов, Мещерский, Коновалов, Старинкевич и Манташев. Общее содержание этого совещания сводится к следующему: во-первых, мною был сделан доклад относительно положения работы в «Промпартии» и относительно усиления работы в смысле охвата промышленности и роста активных кадров в промышленности. Были сообщены мною и основные направления нашей работы, а именно: в это время главным было направление на минимальные темпы развития народного хозяйства и было указано конкретно о том, что было сделано в этом направлении, главным образом в смысле проведения минимальной пятилетки. Вместе с этим были указаны и другие тактические линии, которые «Промпартия» частью применяла, частью намеревалась более широко применять в этих рамках. Вместе с тем я указал, что уже начались провалы членов организации, а именно указал на провал шахтинской группы, на провал транспортной группы в НКПС и указал на более опасную обстановку для работы, которая в связи с этими провалами создалась. Меня дополнил в этом докладе о внутренней обстановке и о работе «Промпартии» Ларичев сообщением относительно положения в нефтепромышленности, которая интересовала присутствовавших на собрании нефтяников. При чем они раньше уже получили информацию от Стрижова, бывшего в Париже, и поэтому в значительной степени были в курсе дела и уже дали по этому поводу директивы. Поэтому доклад Ларичева был довольно краток. После обсуждения наших докладов общая линия деятельности «Промпартии» была целиком одобрена «Торгпромом» и была дана основная установка на осторожную работу и на сохранение основного руководящего ядра «Промпартии». Но вместе с этим настойчиво указывалось на безусловную необходимость продолжать работу по подготовке интервенции изнутри, ибо работа, которую в свою очередь взял на себя «Торгпром», выполнялась вполне успешно и дала вполне конкретные результаты.

«Торгпром» на приеме у Пуанкаре и Бриана

Следующим был доклад и сообщение Денисова относительно того, чего уже конкретно добился «Торгпром» в смысле общей подготовки интервенции за границей. Денисов в своем докладе сказал, что «Торгпром» в это время добился уже довольно конкретных, осязательных успехов. Он подтвердил сообщение, которое давал Федотов и Ситнин относительно приема членов «Торгпрома» Пуанкаре и Брианом. Мне здесь вспоминаются фамилии — Рябушинский, Третьяков, Коновалов, которые были на этих приемах. При этих аудиенциях, которые дал Пуанкаре деятелям «Торгпрома», Пуанкаре отнесся вполне сочувственно к идее организации интервенции против СССР и указал на то, что этот вопрос уже передан во французский генштаб для его проработки.

Но вместе с этим со стороны Пуанкаре было также заявлено жесткое и определенное требование вести усиленную подготовку к интервенции внутри страны, усилить вредительство, усилить внутренний кризис, главным образом к моменту интервенции, а также сорвать пятилетку для дискредитации советской власти и таким образом облегчить выполнение интервенции, как таковой. Таким образом, те сведения, которые были привезены из-за границы другими членами «Промпартии», получили полное подтверждение и в тех сообщениях, и в той информации, которые я и Ларичев имели в Париже. При этом на мой вопрос, насколько прочны все эти надежды на помощь французских правительственных кругов в смысле организации интервенции, так как состав правительства может меняться, и поэтому расчеты на два года вперед в этом смысле являются ненадежными, из среды «Торгпрома» нам заявили, что влияние Пуанкаре и Бриана настолько велико во Франции, что независимо от нахождения их у власти это влияние не будет меняться даже при смене французского правительства и что в этом отношении опасности нет.

Далее Денисов в том же докладе на заседании «Торгпрома» заявил, что при французском генеральном штабе уже организована специальная комиссия по организации интервенции против СССР под председательством генерала Жуанвиля. Кроме представителя французского генерального штаба, сюда входил также представитель английского генерального штаба. На основании тех связей, которые «Торгпром» имел с этой комиссией, Денисов дальше вкратце изложил те основные моменты в смысле плана интервенции, которые имелись.

Связь между «Торгпромом» и французским генеральным штабом осуществлялась через военные белоэмигрантские круги, а именно Денисов сообщил, что руководителем военной интервенции намечен генерал Лукомский, который в свою очередь находится в тесной связи с полковником этого штаба Жуанвилем.

Кроме этого «Торгпром» имел связь по той же самой линии с французским генеральным штабом в лице полковника Ришара.

Что касается самой обстановки и плана организации интервенции, то в довольно краткой форме на том же самом совещании мы получили информацию и по этому вопросу. Указано было, что сама Франция не предполагает выступить военной силой, в лучшем случае она обеспечит военный инструктаж, может быть, помощь морским и воздушным флотом, что реальные военные силы, которые предполагается использовать для осуществления интервенции, это—военные силы Польши и Румынии и затем лимитрофов, т. е. прибалтийских государств. Дальше были надежды на использование белоэмигрантских военных сил, а именно врангелевских войск, которые находились за границей. Некоторые дальнейшие подробности уже в частном разговоре эти вопросы получили в вечернем заседании с членами «Торгпрома». О них я скажу позже.

На утреннем совещании, насколько я помню, ограничились той информацией по части интервенции и ее организации, которую мы там получили.

На этом же совещании было установлено то разделение труда в области подготовки интервенции, о котором я сообщал раньше, именно—внешние работы по подготовке интервенции брал на себя «Торгпром», а внутреннюю работу—«Промпартия», при чем «Промпартии» особенно рекомендовали усилить работу в области вредительства, в частности по металлу.

Французский генштаб в роли руководителя интервенции

И последний вопрос, касающийся интервенции, который обсуждался на совещании, был относительно срока. Этот вопрос являлся коренным, поскольку приурочивание кризиса необходимо было связать с вполне определенным сроком. Относительно срока были высказаны соображения представителями «Торгпрома», которые указывали, что с их стороны наиболее приемлемым и желательным сроком представляется лето 1930 года для организации интервенции, при чем этот срок намечался в силу дипломатических и военных соображений, как время, достаточное, чтобы можно было практически организовать, во-первых, общественное мнение за границей, затем провести необходимые переговоры между правительствами отдельных стран, которые будут принимать участие в интервенции, и провести военно-техническую подготовку интервенции, как таковой. Считали, что остающихся полутора лет для этого будет достаточно, и срок—1930 год—определялся военными и политическими соображениями, которые выдвигались «Торгпромом» по согласованию главным образом с французским штабом, как основным центром по подготовке интервенции.

На этом совещании совершенно определенно было выявлено, что основным руководителем интервенции, создавшим ее, является Франция, а техническим ее руководителем — французский генеральный штаб, однако при участии, помощи и поддержке со стороны Англии.

С другой стороны, мною и Ларичевым было указано, что 1930 год точно так же определенно выдвигается и «Промпартией», ибо лишь этот год можно считать единственно возможным для интервенции и наиболее благоприятным в смысле организации всеобщего кризиса и наибольшей его силы.

Подробнее остановлюсь на тех мотивах, которые говорили за 1930 год, позже.

Таким образом, два основных соображения внешней подготовки интервенции за границей определяли 1930 год, как приемлемый и желательный срок. То же самое к необходимости этого срока приводили соображения относительно внутренней подготовки интервенции, как срока, в который наиболее легко было вызвать всеобщий кризис и паралич хозяйственной жизни страны и тем самым облегчить интервенцию, во всяком случае более чем другой год.

Таким образом, совещание при «Торгпроме» окончилось фиксированием 1930 года, как того срока, на который необходимо определенно ориентироваться в смысле подготовки интервенции как за границей, так и в особенности внутри Союза.

Этими вопросами было исчерпано содержание утреннего совещания в «Торгпроме». При чем в конце этого совещания, кажется по моей инициативе, мы договорились относительно организации свидания с работниками французского генерального штаба и с генералом Лукомским. Я предложил использовать присутствие в Париже мое и Ларичева для того, чтобы установить персональную связь с генералом Лукомским и с полковником Жуанвилем и с полковником Ришаром и договориться относительно дальнейшего продолжения этой связи, поскольку при основном руководстве интервенцией со стороны генштаба эта связь являлась совершенно необходимой. Денисов и другие члены «Торгпрома» поддерживали мое предложение. Условились осуществить эту встречу—мою и Ларичева—с сотрудниками французского генштаба. Дальше об этом свидании и о содержании разговора я тоже сообщу.

Председатель. На этом сегодня мы закончим.

Об'является перерыв до 10 часов завтрашнего дня.

26 ноября

Утреннее заседание

Председатель. Заседание Специального присутствия Верховного суда СССР возобновляется.

Подсудимый Рамзин. Угодно вам продолжать свои об'яснения?

Рамзин. Да, пожалуйста.

Председатель. Вчера вы остановились на изложении первого совещания в «Торгпроме», закончили свиданием с генералом Лукомским и, как вы выразились, с работниками французского генштаба. Очевидно, с этого момента вы пойдете дальше. Пожалуйста.

Рамзин. Вчера я изложил содержание первого совещания в «Торгпроме», в октябре 1928 г., в Париже. В ту же самую поездку я и Ларичев имели свидание с членами «Торгпрома» вечером в ресторане. С нами поехал Денисов, и мы вместе отправились в ресторан, где произошла встреча в отдельном помещении. При вечерней встрече принимали участие, кроме меня и Ларичева, Денисов, Нобель, Гукасов, Мещерский и Третьяков.

Неофициальные разговоры об интервенции

Вечерняя встреча не носила уже того официального характера, как утреннее совещание в «Торгпроме». Она носила характер отдельных разговоров между нами и членами «Торгпрома». Я главным образом разговаривал с Денисовым, потому что сидел рядом с ним. И вот здесь, на этой вечерней встрече, были сообщены еще некоторые дополнительные подробности, могущие представить интерес, которые я вкратце изложу.

Во-первых, при вечерней встрече определенно опять подчеркивалась полная уверенность в успехе интервенции, указывалось на то, что при новой организации интервенции уже не будет повторено старых ошибок: интервенция будет хорошо оборудована как военными силами, так и снаряжением и со стороны снабжения. Указывалось на то, что имеются расчеты мобилизовать врангелевские войска, находящиеся за границей, что переговоры ведутся, но еще не вполне закончены, тем не менее у «Торгпрома» имеется почти полная уверенность, что можно будет использовать врангелевские войска, количество которых, кажется, Третьяков оценивал в 100.000 человек.

Что касается военных планов интервенции, то точных, определенных планов нам не было сообщено по вполне понятным причинам, но тем не менее в тех наметках и разговорах, которые имели место, нам говорилось, что наиболее удачным планом считается осуществление двойного удара одновременно на Москву и на Ленинград, при чем оптимисты из среды «Торгпрома» и белоэмигрантских кругов нам рассказывали, что некоторые из них считают, что для проведения этой операции при энергичной поддержке на севере и на юге достаточно было бы иметь небольшой, но крепкий и хорошо вооруженный корпус в 600—800 тыс. чел. Правда, другие члены «Торгпрома» считали это количество недостаточным.

На наш вопрос относительно финансирования интервенции Денисов дал неопределенный и уклончивый ответ. Он и Нобель сообщили, что финансирование интервенции в значительной степени производится нефтяными кругами, поскольку они заинтересованы в получении нефтяных промыслов на Кавказе, и самое деятельное участие в этом деле принимает группа Детердинга.

Затем вторым источником финансирования, и, повидимому, главнейшим, считались средства, которые могли предоставить правительственные круги Франции и Англии по сметам своих военных министерств. И, наконец, небольшое количество средств должен был предоставить «Торгпром»... Вот то, что удалось выяснить относительно источников финансирования интервенции на этом совещании. Вот этим исчерпываются те

наиболее существенные сведения, которые были получены нами при вечернем свидании с членами «Торгпрома» в Париже.

Председатель. Позвольте вас просить раз'яснить более подробно в этой части, где происходило это вечернее совещание, по чьей инициативе оно было созвано и сколько времени оно продолжалось.

Рамзин. Вечернее совещание, как я уже говорил, происходило в ресторане в районе Больших бульваров, — точного названия этого ресторана я не вспоминаю. Вечернее совещание было договорено после утреннего свидания, а именно, когда закончилось утреннее совещание в «Торгпроме», то Денисов от имени «Торгпрома» пригласил меня и Ларичева встретиться вечером в более интимной обстановке, совместно провести вечер и заодно продолжить некоторые разговоры, которых мы не успели закончить. Так что вечером Денисов за нами заехал в автомобиле, и вместе с ним мы проехали в ресторан, где и происходила вечерняя встреча. Что касается длительности, то наверное она заняла 2—2½ часа. Можно продолжать?

Председатель. Пожалуйста, продолжайте.

Свидание с ген. Лукомским и полк. французского генштаба Жуанвилем

Рамзин. На другой же день произошла договоренная с «Торгпромом» моя встреча с генералом Лукомским и полковником французского генерального штаба Жуанвилем. Как мы условились с Денисовым, он заехал за мною на автомобиле (как мы договорились в кафе), и совместно с ним мы отправились на частную квартиру, где и произошло свидание, потому что мы встретили находившихся там генерала Лукомского и полковника французского генерального штаба Жуанвиля, как мне его рекомендовали. Разговор шел главным образом по-русски, при чем Денисов и Лукомский периодически переводили содержание разговора на французский язык полковнику Жуанвилю. Хотя я говорю по-французски, но не настолько хорошо, чтобы раз'яснить все детали.

Основное содержание этого разговора сводилось к следующему: полковник Жуанвиль интересовался главным образом возможностью получения сведений о состоянии военных сил в Союзе, т. е. о Красной армии, и, во-вторых, вопросом относительно возможности военной помощи интервентам изнутри, со стороны «Промпартии», в частности путем организации диверсии в момент интервенции. Я на это указал, что при теперешней структуре и организации «Промпартии» она лишена возможности непосредственно выполнить поручение по этой части, потому что соответствующей военной связью «Промпартия» не располагает. Тогда генералом Лукомским и был выдвинут впервые вопрос относительно создания в пределах «Промпартии» специальной военной организации, которая могла бы удовлетворить запрос французского генерального штаба относительно военной помощи интервенции. Одновременно с этим было предложено осуществить и более тесную и постоянную связь по военной линии между «Промпартией» и французским генеральным штабом. При дальнейшем обсуждении были вкратце намечены основные задачи военной организации, как они мыслились генералу Лукомскому и французскому генеральному штабу, о которых я скажу позже, когда буду говорить о военной организации.

«Промпартия» устанавливает постоянную связь с «Торгпромом» и французским генштабом

На том же совещании была установлена и постоянная связь с французским генштабом и с «Торгпромом», потому что одни и те же связующие лица служили для связи и в том и в другом направлении. А именно Денисов указал мне, что кроме той связи, которая уже существовала у «Промпартии» через французского гражданина К., необходимо будет иметь еще и вторую связь через одного из французов, проживающих в Москве, — г. Р. При чем одновременно были условлены способы начального осуществления этой связи, а именно по моей договоренности с Денисовым мы условились, что г. Р. первый раз сам явится ко мне в Москве в Теплотехнический институт с письмом, содержащим просьбу дать распоряжение на осмотр Теплотехнического института группе французских инженеров. Так как такие обращения в институт происходили весьма часто, то такой способ представлял наибольшую гарантию в смысле безопасности, не возбуждая никаких подозрений в смысле встречи с иностранцами.

Дальше, говоря о практическом осуществлении этой связи, я подробно расскажу, как эта связь была осуществлена. Эта связь осуществлялась таким образом: в конце совещания была договоренность, что связь с «Торгпромом» и французским генштабом будет поддерживаться через двух лиц французской службы — г. К. и г. Р. При чем со мною связь должен был поддерживать и фактически поддерживал г. Р., а г. К. должен был поддерживать, и фактически это делал, с Ларичевым и впоследствии с И. А. Калинниковым, которому эта связь в дальнейшем была передана мною.

Силы и предполагаемые участники интервенции

Затем на том же самом совещании я поставил вопрос относительно располагаемых сил для интервенции и военного плана интервенции. Генерал Лукомский сказал, что окончательно подсчитывать силы в данный момент еще преждевременно, потому что идут переговоры относительно организации всей военной части интервенции, но во всяком случае заверил меня, что у него лично и в белоэмигрантских кругах абсолютно нет никакого сомнения в успешности интервенции, поскольку имеется уверенность в хорошем ее снабжении и поддержке со стороны Франции и Англии. Что касается военного плана, то то же самое я получил несколько неопределенный ответ на этот вопрос. Генерал Лукомский сказал, что тот план, который я слышал в «Торгпроме» относительно двойного удара на Москву и Ленинград, является единственным, и здесь можно говорить лишь относительно детальной разработки этого плана, что будет сделано военной организацией.

Наконец, последняя существенная информация, которую за это время я получил на свидании с Лукомским, Денисовым и Жуанвилем, было сообщение Денисова о том, что уже начаты переговоры с отдельными странами, участниками интервенции, но эти переговоры встречают на первых порах препятствия из-за тех аппетитов, которые пред'являют отдельные страны с смысле дальнейшей компенсации. В частности он мне здесь указал, что Польша претендует на получение всей Правобережной части Украины. Этим и исчерпываются наиболее основные и интересные данные, которые я получил в течение свидания с генералом Лукомским и полковником Жуанвилем.

Наконец, на следующий, кажется, день после этого (в этом смысле я должен поправить показания Ларичева, которые имеются в обвинительном заключении,— это было не в тот же день, а на другой день или через день) произошло свидание с полковником французского генштаба Ришаром, на котором присутствовали мы оба вместе с Ларичевым — Ларичев и я.

Это свидание собственно носило характер знакомства с полковником Ришаром с нашей стороны, при чем для помощи проведения переговоров от «Торгпрома» был командирован, кажется, Нольде, который за нами заехал и отвез к полковнику Ришару. Полковник Ришар нам, собственно, ничего существенного не сообщил, — он интересовался главным образом направлением работы «Промпартии», в частности работой, касающейся оборонной промышленности, именно состоянием химической военной промышленности и дальнейшей возможностью получать сведения по этой линии. Но я не мог получить сколько-нибудь определенные сведения по этой части, поскольку мне эта отрасль промышленности была мало знакома. Я указывал, что эти разговоры имели место еще до середины 1928 г., до нашего свидания с г. К., при чем «Промпартия» организует соответствующее получение и доставление этих сведений по военной части.

Чтобы закончить с вопросом о Ришаре, позвольте указать, что примерно в конце 1929 г. при моем последнем свидании с г. Р., французским агентом в Москве, он указал, что существующая связь между «Промпартией» и французским генеральным штабом не удовлетворяет французские военные круги, что он настаивает на осуществлении прямой связи между военной организацией «Промпартии», которая в то время как раз начала организовываться, и французским генеральным штабом через полковника Ришара, который специально для этой цели выдвигается, чтобы осуществить постоянную тесную связь по военной линии. Однако организация тесной связи, насколько мне известно, не произошла.

Три свидания в Лондоне

Во время той же самой заграничной поездки в 1928 г. при нашем пребывании в Лондоне мы имели три свидадания, содержание коих я вкратце тоже изложу. Первое свидание происходило у меня с инженером Симоном, директором фирмы «Виккерс», на квартире инж. Симона. С инж. Симоном я давно знаком, больше 20 лет, и поэтому при разговоре с ним имел возможность получить достаточно откровенную информацию относительно настроения английских кругов в смысле подготовки интервенции. При этом свидании на квартире инж. Симона присутствовал также один из фирмы «Виккерс», его называли сэр Филипп, поскольку в английских кругах лордов называют по имени с прибавлением сэр. На этом заседании выяснилось следующее. Инженер Симон и сэр Филипп сообщили мне, что главным подготовителем интервенции являются Франция и французский генеральный штаб, и что Англия тоже примет участие в подготовке интервенции, а именно окажет поддержку деньгами и своим флотом, что в осуществлении интервенции заинтересованы в Англии нефтяные круги и особенно группа Детердинга. В Англии в этом направлении работает также комитет русских кредиторов, находящийся, насколько мне известно, под председательством Уркварта и находящийся в связи с «Торгпромом». Что касается тех кругов, на которые опирается подготовка интервенции в Англии, то, как естественно нужно было ожидать, это были консервативные круги, при чем

персональным двигателем идеи интервенции мне называли Черчилля.

Здесь также мне указывали относительно больших территориальных аппетитов, которые разгораются у Польши, и что это является одним из тех затруднений в организации интервенции, которые придется еще преодолеть.

Почти те же самые сведения получил Ларичев, который имел свидание через нефтяные круги с г. Патриком. Из того сообщения, которое мне сделал Ларичев, я не узнал ничего нового по сравнению с тем, что мне говорили инж. Симон и сэр Филипп, и поэтому на нем останавливаться не буду, потому что я на этом свидании лично не присутствовал.

Наконец, в Лондоне третье совещание было организовано с полк. Лоуренсом, на котором присутствовали инж. Симон, Ларичев и я. Встреча произошла в одном из английских автомобильных клубов, при чем встреча длилась около 40 минут, была довольно кратковременна и носила больше характер взаимного знакомства. При этой встрече мне сообщили, что английские военные круги поддерживают идею интервенции, начинают подготовку к ней, при чем на этом совещании была установлена связь через фирменные английские круги, находящиеся у нас в Москве, потому что дипломатические отношения с Англией были еще прерваны.

Этим были исчерпаны наши лондонские встречи и совещания за поездку за границу в 1928 г.

Руководящая роль в интервенции принадлежит Франции

Теперь, если на основании тех свиданий и информаций, которые получались из различных источников, подытожить, что было сделано французским правительством в этом отношении, то прежде всего выявляется, что основная руководящая роль в смысле организации интервенции за границей, несомненно, принадлежит Франции.

Если в первый период Англия еще принимала известное участие в организации интервенции, т.-е. в 1928 г., то затем, после восстановления дипломатических отношений, после того как Франция получила руководящую роль в этой международной комиссии Жанена, после смены английского кабинета интерес Англии к интервенции заметно упал и ее роль отодвигается действительно на второй план. Что касается участия французских правительственных кругов в организации интервенции, то оно было вначале, а за последнее время стало совершенно очевидно основным и доминирующим.

Первые сведения, как я уже говорил, относительно участия французских правительственных кругов в организации интервенции были получены Пальчинским и мною лично при моем первом посещении Парижа в 1927 г., на основании той информации, которая была получена от Рябушинского, а именно, что Рябушинский имел переговоры с Лушером, одним из членов французского кабинета. В 1928 г. уже имел место, как я указывал, ряд сообщений, а именно через текстильщиков, которые передавались ЦК «Промпартии» А. А. Федотовым, относительно свидания с Карповым и Коноваловым, и сообщение, которое сделал Пальчинский на основании информации, полученной за границей.

Вдохновитель идеи интервенции — Пуанкаре

Эти информации сообщали относительно приема тогдашним французским премьером Пуанкаре и затем Брианом делегации из отдельных членов «Торгпрома»— Рябушинского, Третьякова и, кажется, Лианозова и относительно тех обещаний, которые получил «Торгпром» в лице указанных людей, оказать свою помощь в поддержке идеи организации интервенции. Эти сообщения был подтверждены «Торгпромом» при мне и Ларичеве осенью 1927 г. По тем сообщениям, которые мы имели, создавалось определенное впечатление, что душой организации интервенции во Франции являлся персонально Пуанкаре, при чем весьма активную поддержку в этом отношении оказывал и Бриан. Конкретные результаты этой активной помощи французских правительственных кругов уже в конце 1928 г. выразились, во-первых, в организации комиссии Жанена и, во-вторых, в осуществлении постоянной связи между «Промпартией» и французским генштабом, и, наконец, активная помощь для осуществления денежной связи и для осуществления переписки, сношений и т. д. выражалась путем предоставления помощи агентами французской службы в Москве.

Вот конкретные результаты в смысле помощи французских правительственных кругов «Промпартии» для подготовки интервенции, которые получались в конце 1928 г. Но вместе с усилением помощи со стороны этих кругов, вместе с усилением их участия в подготовке интервенции начали одновременно расти требования к «Промпартии» в смысле обратной взаимной помощи, которую она должна была оказать в отношении подготовки и реализации интервенции. А именно, в середине 1929 г. начали поступать очень настойчивые требования о создании военной организации, весьма настойчивые требования о создании и развертывании диверсионной организации «Промпартией». Поступали весьма настойчивые требования к «Промпартии» о даче разведочных сведений, т.-е. шло постепенное

превращение «Промпартии» в разведочную агентуру французского генштаба.

Что же касается финансирования интервенции, то сведения, которые мы получили от «Торгпрома», вообще подтверждались и другими источниками, которыми мы располагали в этом отношении. А именно, в конце концов в этой сумме сообщений, которую мы имели, главная масса денежных средств должна была поступить по смете военного министерства Франции, а затем из нефтяных кругов. Небольшую долю в эти средства предполагалось вложить со стороны «Торгпрома».

Что же касается военных сил интервенции, которыми она должна была располагать к 1930 г., то эти военные силы рисовались в следующем виде: основными являлись военные силы Польши и Румынии, затем военные силы прибалтийских государств, врангелевской армии и небольшой корпус из красновских казаков, которые предполагалось через Румынию высадить десантом на Черноморском побережье в районе, например, Новороссийска.

Что же касается участия Франции, то по всем сообщениям, которые мы имели, Франция не предполагала выдвинуть сколько-нибудь значительные военные силы. Она предполагала обеспечить инструктаж и общее руководство военной частью интервенции. Кроме того, Франция брала на себя военное снабжение, снаряжение и вооружение армии и помощь своим воздушным флотом.

Что же касается Англии, то со стороны Англии, помимо некоторой денежной помощи, которая должна была итти главным образом от нефтяных кругов, в начале 1928 г., когда шли наши переговоры, предполагалось оказание помощи посредством морских сил, а именно флотом в Черном море и Финском заливе.

Что же касается Германии, то все время позиция Германии рисовалась в высшей степени неопределенно. В это время сведений относительно возможного участия Германии в интервенции не было. Говорилось относительно естественного расположения Польши и возможности пропустить германские войска, говорилось также относительно неопределенности политической ориентации Германии. Так что вначале никаких сведений относительно реальности расчетов на Германию, как на участника интервенции, не было. Единственное сообщение относительно надежды «Торгпрома» получить военную помощь в Германии было получено в июне 1930 г. в Берлине при моем свидании с одним из видных немцев, сообщение малообоснованное. Этот немец, желая поднять и ободрить настроение «Промпартии», рисовал положение в крайне оптимистических тонах и говорил, что, по его мнению, имеется надежда мобилизовать в Германии в среде «Стального шлема» и белоэмигрантов хотя бы небольшой экспедиционный корпус в порядке 300.000 чел.

Вот единственное сообщение, которое мне лично известно относительно участия Германии в подготовке интервенции.

Вопрос относительно участия Югославии или Болгарии вначале возбуждал чрезвычайно большое сомнение. При моем берлинском свидании с указанным выше немцем он мне сообщил, что «Торгпром» имеет надежду получить помощь и со стороны Югославии и Болгарии, но надежду неопределенную.

Как я уже говорил, в конце 1929 и в начале 1930 г. все информации, которые мы имели относительно роли и участия Англии в организации интервенции, постепенно падали, и за последнее время все построения в смысле организации интервенции за границей шли через Францию, базировались на Франции, как на главном организующем центре.

Почему менялись сроки интервенции

Теперь относительно сроков интервенции. Мне известны три срока намечаемой интервенции: первый срок — 1928 г., второй, основной срок—1930 г. и, наконец, последний срок — следующий 1931 г.

Сведения относительно первого срока— 1928 г. — начали поступать в конце или, вернее, во второй половине 1927 г., причем уже тогда стало ясно, что разговоры относительно интервенции в 1928 г. являются малообоснованными, и сколько-нибудь твердых расчетов в этом направлении ни у кого не было. Основным сроком для организации интервенции, как я уже говорил, намечался 1930 г. Еще в 1928 г. на одном из заседаний «Инженерного центра» Пальчинский впервые дал этот срок, как ту дату, на которую необходимо ориентироваться в смысле внутренней подготовки. Этот срок, по его словам, был им согласован с заграничными кругами.

Затем, как я рассказывал, относительно нашего свидания с членами «Торгпрома»: в октябре 1928 г. этот срок обсуждался и был установлен 1930 г. как срок, к которому необходимо готовиться в смысле организации интервенции изнутри. Наконец, целый ряд сообщений, которые мы получали в течение первой половины 1929 г., указывал тот же 1930 год.

Мотивы, которые говорили за этот срок, изложены в моих показаниях. Я вкратце их здесь повторю.

Первый мотив, выдвинутый из среды «Промпартии», сводился к тому, что 1930 год всеми расценивался как наиболее трудный, тяжелый год пятилетки, а именно трудности этого года усугублялись тем, что этот год, требуя весьма значительных вложений на капитальное строительство, не мог еще дать заметных воз-

вратов капитала в виду незаконченности постройки индустриальных гигантов и тех вложений в народное хозяйство вообще, которые были сделаны в предыдущие годы и в 1930 году.

Таким образом, 1930 г. требовал больших затрат и не давал еще возврата прежде затраченных сумм. Кроме того, та работа, которую вела «Промпартия», по созданию кризисов в народном хозяйстве, должна была еще больше усилить экономические затруднения, еще больше обострить их и привести к состоянию кризиса, даже катастрофы. В частности, этот кризис и катастрофа должны были не только сильно понизить обороноспособность страны, но должны были создать почву и для недовольства широких масс населения, в особенности крестьянских масс, где большие расчеты «Промпартия» строила на проведении коллективизации и на противодействующей работе в том направлении, в котором ее вела группа Кондратьева — Чаянова. Поэтому в 1930 г., помимо общего понижения экономического уровня жизни страны, «Промпартия» и заграничные круги весьма уверенно рассчитывали на волнения и восстания среди крестьян, на недовольство и волнения в рядах Красной армии, на возможность провокации рабочих забастовок, при чем все эти массовые приемы — вызывание волнений, восстаний, недовольств и мятежей — «Промпартия» рассчитывала осуществить силами группы Кондратьева—Чаянова, которая вела массовую работу, ибо для «Промпартии» эта работа была неподходящей в виду неимения подходящих связей и замкнутости, кастовости самой партии.

Затем следующее соображение, которое заставляло останавливаться на 1930 г., это — определенное отставание военной подготовки в смысле развития обороноспособности страны по отношению к общему темпу и развитию экономической жизни страны в целом, потому что при больших затратах на капитальное строительство оборонные расходы в начале пятилетки и в особенности в 1930 г. должны были отставать, и этим самым обороноспособность Союза в 1930 г. расценивалась ниже, чем в последующие годы, что создавало почву более благоприятную для интервенции именно в 1930 г.

И, наконец, последнее соображение — это соображение относительно возможности дипломатической и военной подготовки интервенции. Как я уже указывал, «Торгпром» считал, что полтора года являются тем достаточным, но вместе с тем и минимальным сроком, в который, по его мнению, можно было организовать интервенцию за границей с дипломатической и с военной стороны.

Вот те основные моменты, которые выдвигались относительно наметки срока интервенции на 1930 г., при чем во всей работе «Промпартии», начиная с конца 1928 г. и до второй половины 1929 г., вся работа строилась именно таким образом, чтобы создать наибольший разгар экономических кризисов и затруднений именно к лету 1930 г., что в известной степени и было достигнуто.

Однако уже во второй половине 1929 г. «Промпартия» начала получать сведения относительно невозможности организации интервенции в 1930 г. и необходимости ее переноса на следующий 1931 г. Первые сведения в этом отношении, насколько я вспоминаю, были получены Федотовым из-за границы и сообщены в центральный комитет «Промпартии». Эти же самые сведения были затем подтверждены сообщениями, которые получили Ларичев и Калинников из французских кругов, затем теми сообщениями, которые я непосредственно получил от «Торгпрома», — словом целый ряд дальнейших сообщений подтвердил информацию А. А. Федотова относительно невозможности организации интервенции в 1930 г. и необходимости ее переноса на следующий 1931 г.

Причины, которые вызвали такой перенос...

Председатель. Нельзя ли более детально услышать, что вы понимаете под так называемыми французскими кругами? Вы получали сведения из «французских кругов», — нельзя ли сказать более детально, что под этим понимать?

Рамзин. Сведения из французских кругов получались через тех двух основных агентов французской службы, с которыми поддерживались в Москве связи и которые давали информации как по линии генштаба, так и по линии «Торгпрома». Так что те информации, которые я имел в виду сейчас, были получены таким же образом. Помимо этого были информации, привозимые отдельными инженерами при их поездках за границу, но те информации я считал менее авторитетными и менее достоверными.

Так вот причины переноса интервенции на 1931 г. с 1930 г., на который шли все построения в течение полутора лет, сводились к следующему: первой и основной причиной являлась, прежде всего, дипломатическая неподготовленность интервенции за границей, в виду недоговоренности иностранных держав, долженствующих принимать в ней участие. Это основная и главная причина, которая, по моему мнению, заставила отсрочить интервенцию с 1930 г. и перенести ее на следующий 1931 г.

Вторая, тоже самая коренная причина, коренного значения, это была неподготовленность «Промпартии» к выполнению тех повышенных требований, которые ставились ей со стороны главным образом франц. генштаба, а именно неподготовленность «Промпартии» по ее военной

организации, а также неполная подготовленность «Промпартии» и со стороны диверсионных мероприятий. По крайней мере в этом направлении мы слышали нарекания и со стороны «Торгпрома», что «Промпартия» не могла подготовиться к 1930 г. для оказания той помощи, на которую они рассчитывали. Мы на это указывали, что в течение полугода произвести такую подготовку являлось задачей невыполнимой, поэтому говорить о выполнении всех поставленных нам требований в такой короткий срок было бы нереальной задачей.

Вот, по-моему, две основных причины, которые заставили перенести интервенцию с 1930 г. на 1931 г., при чем главной и основной причиной я все-таки считал внешнюю причину — недоговоренность иностранных государств, долженствующих принять участие в интервенции.

Следующие причины, которые можно считать, это усложнившееся политическое положение Франции в виду усложнившихся отношений с Италией, затем неопределенное отношение Германии, рост активности широких масс, в особенности в Германии, и затем неудача восточно-китайской авантюры, которая расценивалась как пробный шаг для зондировки подготовленности нашего Союза к военным действиям. Неудача восточно-китайской авантюры показала, что к интервенции приходится готовиться значительно более серьезно, более внимательно, более тщательно, чем мы предполагали до этого времени.

Вот сумма тех причин, поскольку я их себе уясняю, которые заставили перенести интервенцию с 1930 г. на 1931 г. При чем совершенно ясный отчет отдавали себе и «Промпартия» и заграничные круги в том, что организация интервенции в 1931 г. будет значительно труднее, чем в 1930 г., труднее потому, что экономическое положение Союза в 1931 г. будет несомненно лучше, чем в 1930 г. Кроме того расчеты на восстание, на волнения, в особенности на Украине, которая играла весьма видную роль в построениях 1930 г., эти расчеты к 1931 г. оказывались уже несостоятельными. При моей встрече в 1930 г. в Берлине с указанным мною выше видным немцем и Ясинским, я указывал, что по моему мнению и по мнению многих, хорошо знающих обстановку, 1931 год вызывает очень большие сомнения и во всяком случае будет представлять неизмеримо большие трудности, чем 1930 год.

Что касается дальнейшего откладывания интервенции на 1932 г., то я сообщил, что по мнению руководящих деятелей «Промпартии» отложить срок интервенции невозможно, потому что позже почва для организации интервенции станет невозможной.

Стратегические планы интервенции

Что касается планов интервенции, то, как я говорил, военные планы, понятно, нам не сообщали и не могли сообщать, но общие контуры, которые необходимо было дать «Промпартии» для того, чтобы ориентировать ее для внутренней подготовки интервенции, нам были сообщены. Таким образом, относительно планов интервенции нам было известно в тех пределах, в каких это было нам необходимо для внутренней подготовки интервенции. В каком масштабе нам это было известно, я об этом здесь сообщу.

Прежде всего начало военных действий в 1930 г. предполагалось выступлением Румынии, после того как будет спровоцирован какой-нибудь пограничный инцидент. За Румынией должна была выступить Польша, а затем лимитрофы, т. е. прибалтийские страны. Кроме того, в интервенции 1930 г. должны были принять участие врангелевские войска, проходящие через Румынию и присоединяющиеся к южной армии интервентов. Англия по тому плану, который строился в 1928 г., должна была подкреплять операции на Черном море и Финском заливе.

Морские операции на Черном море имели целью обеспечить высадку десантов и отрезать кавказские нефтяные месторождения. Во-вторых, морские операции Англии должны быть направлены к обстрелу южного побережья Черного моря.

Помимо этого, по сообщениям г. Р., в середине 1929 г., как я уже говорил, предполагалось использовать красновских казаков в количестве, насколько я помню, 20.000 человек. Этот небольшой корпус хотели провести через Румынию и высадить в качестве десантов на берегу Черного моря в районе Новороссийска и направить дальше на Дон. Главные расчеты шли на восстания на Дону и Украине. Как видите, были весьма серьезные расчеты на восстание на Дону и Украине, и корпус красновских казаков должен был это восстание подкрепить. Вот его главная задача.

Восстания на Украине и на Дону должны были перерезать сообщение между Донбассом и Москвой и увеличить кризис в снабжении металлом и топливом для создания топливной катастрофы, о чем я буду говорить позже.

Военный план сводился к одновременному удару на Москву и на Ленинград, при чем южная армия предполагала двигаться по правобережной части Украины, опираясь на правый берег Днепра, и дальше к Москве. Северная же армия при поддержке морского и воздушного флотов должна была действовать против Ленинграда.

Основной целью деятельности «Промпартии», вернее основной задачей, которую ставила «Промпартия», была подго-

товка разгара всеобщего кризиса в момент 1930 года и ряд более мелких заданий, которые должны были своим выполнением оказать помощь интервентам и о которых я скажу позже.

План интервенции 1931 г. в общем сохранялся тем же, что и план 1930 г., с той лишь разницей, что возможность провокации военных действий имела еще другой вариант, именно захват Польшей Литвы, что могло служить поводом для начала военных действий. Затем второй особенностью плана интервенции 1931 г. является отсутствие расчетов на сколько-нибудь серьезное восстание на юге нашего Союза — на Украине и Дону, и поэтому необходимый перерыв сообщения между Донецким бассейном и Москвой считали необходимым выполнить искусственными мерами, путем диверсионных операций.

И, наконец, третье отличие плана 1931 г., поскольку он начал вырисовываться, — это значительное сокращение роли Англии в военных операциях и, наоборот, усиление роли Франции.

Надо будет сказать, что план интервенции 1931 г., вообще говоря, значительно менее проработан и менее нам известен, потому что информацию о плане 1930 г. мы получали в течение полутора лет, а сведения и информацию относительно плана 1931 г. мы начали получать лишь за последнее короткое время.

Наконец, еще одна особенность плана интервенции 1931 г. сводилась к организации экономической блокады предварительно перед интервенцией, чтобы компенсировать этим рост экономической мощи Союза и улучшение его экономической жизни по сравнению с 1930 г. Сообщение относительно организации этой экономической блокады мы тоже получили через тех же агентов французской службы, с которыми все время поддерживали здесь связь.

В этом плане невыясненной осталась роль Германии, как я уже говорил, причем большинство сообщений не учитывало ее военной силы, за исключением одного авторитетного сообщения уже знакомого нам видного немца, и неясными оставались морские операции Германии и в плане 1931 г.

Аппетиты интервентов

Чтобы закончить с вопросами интервенции, я остановлюсь на тех сведениях и информации, которые удалось получить, и по поводу того, на что рассчитывали участники интервенции за те усилия, которые они должны были для этой цели употребить. Надо будет отметить, что по понятным соображениям агитационного характера сведения по этой линии давались в достаточной мере скупо. Вначале «Торгпром» определенно заверял через Карпова, по передаче А. А. Федотова, что «Торгпром» твердо стоит на позиции единой, неделимой России, относительно чрезвычайно легких условий оплаты старых долгов, так что вначале усиленно пропагандировалась такая идея, что интервенция не будет стоить стране сколько-нибудь значительных средств.

Однако те сведения, которые начали поступать с 1928 г., показывают, что дело в действительности обстоит далеко не таким образом, как это старался показать «Торгпром», а именно уже при нашем совещании с членами «Торгпрома» в октябре 1928 г., как я уже говорил, Денисов сообщил мне относительно весьма больших аппетитов Польши и Румынии, которые задерживали переговоры, и относительно их стремления получить Правобережную Украину, относительно тех споров, которые происходят между отдельными участниками интервенции по вопросу о разделе территориальных приобретений. Это же самое сообщение было подтверждено из английских источников при моей беседе с инженером Симоном и сэром Филиппом в Лондоне. Затем то же самое подтверждение этого сообщения я получил от инженера Симона в 1929 г. То же самое подтверждение относительно аппетитов Польши было сделано господином Р. в середине 1929 г. при моем личном свидании с ним. То же самое подтверждение я получил и от Ясинского. Это подтверждение было сделано и Сушкиным при его поездке в Париж в 1929 г. и при его пребывании в Берлине в 1930 г. Ряд сведений показывал, что территориальные аппетиты участников интервенции несомненно имеются и имеют вполне конкретные, определенные об'екты.

Второй об'ект — это кавказские месторождения, за которыми вначале достаточно усиленно охотилась группа Детердинга, а впоследствии и Франция, причем здесь, насколько мне известно из полученных информаций, не было речи о прямом захвате, а шла речь о концессиях, но о концессиях такого характера, которые были равносильны прямому захвату.

Наконец, сообщения, которые имел Хренников при его заграничной поездке, говорили относительно надежд на отложение Украины и Грузии, на использование тех сепаратистских тенденций, которые имелись в 1927—28 г. По тем информациям, которые мы имели, подытоживая их, можно представить себе картину весьма больших территориальных потерь для нашего Союза в случае организации и осуществления интервенции. Эти потери были бы тогда значительными: должна была быть потеряна вся или значительная часть Правобережья Украины и фактически потеряны кавказские нефтяные месторождения, ибо концессии в той форме, в какой они рисовались, по

существу сводились к прямым потерям нефтяных промыслов. Об этом сможет подробно сообщить Ларичев.

Третья потеря выражалась в отложении Грузии и Украины. Здесь имелось, правда, более раннее сообщение. Дальнейших подтверждений по этому вопросу мы не имели. Поэтому то, что написано в обвинительном заключении в отношении показаний А. А. Федотова о том, что «Торгпром» и затем ЦК «Промпартии» решительно делали свое построение на целостности и неделимости нашей страны, на отсутствии территориальных потерь или крупных денежных компенсаций, является неверным. Мне кажется, что здесь необходимо будет прямо сказать, что такого положения не было. Несомненно, что все обещания Карпова и др. членов «Торгпрома» имели в виду рост агитационной роли, они имели целью популяризацию идей интервенции в широких массах. Эти сообщения имели в виду широкие массы, а не руководителей «Торгпрома» или «Промпартии». Это было ясно как членам ЦК «Промпартии», так и несомненно «Торгпрому». В конце концов, какие же гарантии могли иметь «Промпартия» и «Торгпром» в том, что не будет территориального захвата? Ибо в случае осуществления интервенции вопрос относительно раздела, относительно территориальных комбинаций решался бы, конечно, не на основании обещания Карпова или других членов «Торгпрома», а на основе реального соотношения сил, а оно несомненно было бы на стороне интервентов. Поэтому даже при желании соблюсти невинность в этом вопросе, я думаю, что ни «Торгпром», ни «Промпартия» не могли иметь серьезной уверенности в том, что эти обещания, которые в этом отношении давались, имели бы какую-нибудь реальную ценность, имели бы какой-нибудь реальный смысл.

Поэтому, несмотря на всю тяжесть этого признания, я должен все-таки прямо и открыто признать, что, идя на интервенцию, и «Торгпром» и «Промпартия» совершенно открыто шли на определенные территориальные потери, довольно крупные экономические потери страны, то-есть и «Торгпром» и «Промпартия» определенным образом, ясно отдавая себе отчет, шли на раздел страны.

Связи с «Торгпромом» и иностранными генштабами

Наконец, последний вопрос, которого для полноты освещения, мне кажется, необходимо коснуться,— это вопрос относительно технического осуществления связи с «Торгпромом» и французским генеральным штабом здесь, в Москве... Говорить об этом?..

Председатель. Да, пожалуйста, но мы с вами уговоримся, что имена лиц, находящихся на официальной службе в Москве, вами полностью не называются, а только называется первая буква, до закрытого заседания, где полностью будут расшифрованы эти псевдонимы.

Рамзин. Связи с иностранными кругами, с иностранными штабами имелись у «Промпартии» еще примерно с 1927 г., а именно: связь с английскими кругами осуществлялась через Лопатина, Федотова. Затем за последний период после нашей поездки в Лондон эти связи осуществлялись через фирменные английские круги в Москве. Но главные связи шли по линии французского генерального штаба и «Торгпрома» при посредстве и помощи французских агентов в Москве. Эти связи через французских агентов были установлены еще раньше Пальчинским и затем текстильщиками. Насколько мне известно, первая связь была установлена Пальчинским и затем нашими текстильщиками.

Я получил первую связь с господином К. при первой моей поездке в Париж в 1927 г. через Рябушинского, который указал на г. К., как на надежное средство связи с «Торгпромом» в дальнейшем. Затем вторая связь была получена уже в 1928 г. Эту связь предоставил мне Денисов. Это был другой агент французской службы — господин Р.

Эти связи, которые я получил с г. К. и с г. Р., я частично передал сам, частично через других членов ЦК основным работникам ЦК «Промпартии». С г. К. меня познакомил Пальчинский в ЦЕКУБУ в ноябре 1927 г. Затем первый мой разговор, первое свидание с г. К. произошло на квартире у меня весной 1928 г., при чем при этом свидании я познакомил с г. К. Калинникова, Ларичева и Предтеченского. Второе мое свидание с г. К. происходило осенью или в конце 1928 г. на квартире у Ларичева. Таким образом, всего я имел два более или менее длительных свидания с К., сопровождавшихся разговорами, содержание которых дальше, если нужно, я изложу, и кроме того две кратковременные встречи. Первая кратковременная встреча, вернее знакомство, происходила в ЦЕКУБУ через Пальчинского и еще одна в конце 1928 г., когда г. К. привез мне очередную порцию денег, но в этот момент длительного разговора у нас не было.

С г. Р. я имел три разговора и затем четыре встречи, если считать опять и начальное знакомство. А именно знакомство произошло в Теплотехническом институте, в служебном кабинете у меня, в ноябре 1928 г., первая встреча у меня на квартире тоже в ноябре 1928 г., при чем при этой первой встрече я познакомил г. Р. с Очкиным, дабы в дальнейшем осуществлять через Очкина свя-

зи с г. Р., затем Калинникова с г. Р. познакомил К., насколько мне известно Относительно знакомства Ларичева с г. Р. я точно сказать не могу. Насколько мне известно, Ларичев познакомился с г. Р. у Калинникова или через Калинникова.

Теперь дальше я изложу основное содержание тех разговоров, которые имели место при моих встречах с агентами французской службы в Москве.

С г. К., как я уже говорил, связь мною была получена в конце 1927 г. от Рябушинского, и знакомство произошло через Пальчинского в ЦЕКУБУ в начале 1928 г. Первое свидание, первая встреча с г. К. произошла у меня на квартире весной или в середине 1928 г., при чем на этом свидании присутствовал Калинников, с которым я тогда же и познакомил г. К., и затем на этом свидании присутствовал Ларичев. Содержание первого разговора с г. К. сводилось к следующим вопросам: первый вопрос был относительно предстоявшей тогда нашей с Ларичевым поездки за границу, а именно в Лондон и Париж. При чем здесь я договорился с г. К. относительно использования этой поездки для свидания с руководящими членами «Торгпрома», чтобы выяснить часть вопросов, которые я излагал уже раньше. Госп. К. взял на себя заблаговременно известить «Торгпром» о нашем приезде, дабы они могли к этому времени подготовиться и быть в сборе. Затем основной вопрос, который подвергался здесь обсуждению и поставлен был г. К.,— это был вопрос относительно возможности получения через «Промпартию» сведений о военной промышленности. Я и Калинников дали обещания принять меры в этом отношении и в дальнейшем по поручению ЦК «Промпартии» это поручение выполнили, — об этом я опять скажу позже.

Затем в течение этого свидания мы получили от г. К. информацию относительно организации интервенции, при чем здесь, мне кажется, и было первое сообщение относительно возможного участия врангелевских войск. Госп. К. сообщил, что расчеты на участие врангелевских войск несомненно существуют, но пока еще полной уверенности в этом отношении не имеется, потому что врангелевские войска базируются на монархической части заграничной эмиграции. У «Торгпрома» полной договоренности с этими кругами не имеется.

Та информация, которую мы получили от Пальчинского, в общем эту информацию повторил и г. К., и никаких специальных новых сведений мы здесь не получили. Этим и исчерпывается содержание первой беседы с г. К. у меня на квартире в середине 1928 г.

Председатель. Таким образом, этот разговор пока вами передан односторонне, т.-е. то, что говорил г. К. А что вы говорили в этом разговоре, в чем проявилось ваше участие? Вы только слушали или что-нибудь говорили?

Рамзин. В этом разговоре наше участие, во-первых, выражалось в инициативе по поводу встречи с членами «Торгпрома» в Париже.

Председатель. Т.-е. просили, чтобы вам была гарантирована встреча?

Рамзин. Мы просили, чтобы г. К., пользуясь связями, сообщил об этом в «Торгпром», чтобы мы могли встретиться.

Второе наше участие — это обсуждение возможностей доставки тех сведений по военной промышленности, которые требовал г. К. Я сейчас на этом подробно не останавливаюсь, потому что коснусь этого в дальнейшем.

Председатель. Значит мы можем зафиксировать, что вы в этом разговоре также проявляли определенную активность в части обсуждения?

Рамзин. В части обсуждения возможности доставки тех сведений, которые нужны были французскому генштабу. Да, это можно зафиксировать. Что касается интервенции,— то в части обсуждения характера информационного обслуживания, о котором я только что говорил.

Последнее длительное мое свидание с г. К. (как я уже говорил раньше, основную связь поддерживали Ларичев и Калинников) было в 1928 г. на квартире у Ларичева. Это произошло уже после нашего возвращения из-за границы, почти непосредственно вслед за ним: мы переговорили относительно встречи в Париже и относительно новой дополнительной связи, которую мы получили с г. Р. Госп. К. сказал, что он в курсе этого дела, в курсе той связи с г. Р., которую мы должны были получить, так что он был осведомлен о том, что мы ему сообщили. В дальнейшем мы договорились относительно поддержания этих связей, а именно, что с г. К. будет поддерживать связь Ларичев и Калинников, я же буду держать связь с г. Р. И в дальнейшем этот порядок все время проводили в жизнь.

Следующий вопрос, который был поднят на этом свидании — это вопрос относительно экономических записок, которые «Торгпром» пожелал иметь в дополнение к тем экономическим сводкам, которые поквартально давал ему ЦК «Промпартии». А именно здесь по наиболее важным отраслям народного хозяйства «Торгпром» через г. К. просил ЦК «Промпартии» дать отдельные записки, освещающие более подробно положение отдельных отраслей народного хозяйства.

Затем последний вопрос, который по моим воспоминаниям обсуждался при этом свидании,— это вопрос относительно дальнейшего развития военной промышленности и относительно директив французского генштаба и «Торгпрома» принять все меры к возможной задержке

военного строительства, строительства военных заводов, при чем здесь указывалось, что этот вопрос будет проработан более конкретно, какие именно строительства и какие заводы нужно задержать. Этот план я думаю более подробно изложить.

Вот те две основных встречи с г. К., которые я имел, и тема тех разговоров, которые имели место.

С г. Р. я встречался три раза, вернее 4 раза, если считать первое знакомство. Первая беседа происходила в ноябре 1928 г. у меня на квартире вечером. Я пригласил в тот же самый день приехать ко мне Очкина с тем, чтобы пригласить его потом приехать к Р. и чтобы пользоваться этим знакомством для осуществления связи с Р.

Кроме этого, была осуществлена связь и через инженера Гордона для передачи письменных сообщений как в прямом, так и в обратном направлении.

При беседе с г. Р. довольно много внимания было уделено общему положению деятельности «Промпартии», общему экономическому положению Союза в целом и вопросам проведения минимальной пятилетки, ибо как раз в течение 1928 г. этот вопрос был доминирующим во всей плановой деятельности «Промпартии». Что касается интервенции и планов, то г. Р. не сообщил нам ничего нового, потому что мы только что приехали из-за границы и имели все сведения.

Планы диверсионных операций

Следующее свидание с г. Р. происходило в квартире Калинникова в середине 1929 г. Содержание беседы в это время сводилось к следующим вопросам. Прежде всего к вопросам диверсионной организации и плана диверсии. Я здесь сообщил ту основную установку, к которой пришла к этому времени «Промпартия». Именно направить диверсионную деятельность главным образом по линии электростанций, т.-е. по линии энергетического хозяйства, ибо таким образом можно было вывести из работы одновременно большой круг предприятий, не причиняя в то же время сколько-нибудь значительных капитальных повреждений и давая возможность потом быстро пустить предприятия в ход. При этом мною был развернут и намечен план этой диверсии. В первую очередь намечалась диверсия в электроснабжении Московского об'единения — МОГЭС и Ленинградского об'единения электростанций и затем об'единения электростанций Донбасса. Затем в первую очередь выдвигалась диверсия и на электростанциях военной промышленности.

Вместе с этим, говоря о диверсии, был дальше поднят вопрос и о диверсии на военных заводах. При обсуждении этого вопроса в ЦК «Промпартии» наилучшим методом диверсионных актов была признана диверсия по линии энергетики. На этом совещании был поднят вопрос относительно трудности производства диверсий в виду большого количества военных заводов и необходимости выделить ту первоочередную группу, которая должна была подвергнуться диверсионным актам в момент интервенции, а именно проф. Калинников сообщил здесь о той работе, которая была начата ЦК «Промпартии» относительно выработки специального списка военных заводов, которые в первую очередь должны были подвергнуться диверсии. Опять подробности в той мере, в которой мне известно, сообщу позже.

На этом свидании дальше г. Р. просил дать для «Торгпрома» и французского генерального штаба,— при чем я за последнее время затрудняюсь отделить одного от другого, очевидно, записки шли в оба адреса,— записку о техническом положении с авиацией в СССР. Это задание было принято мною к исполнению и в дальнейшем выполнено, о чем буду сообщать позже.

Наконец, в этом же самом совещании я получил информацию по поводу намерения использовать красновских казаков в том смысле, как говорил раньше, и в этом смысле г. Р. настойчиво торопил нас с созданием военной организации.

Это свидание в середине 1929 г. естественно имело главным образом центр тяжести в вопросах диверсии и военной организации, т.-е. их развертывание и скорейшую организацию.

И, наконец, третье свидание с г. Р., имевшее место на квартире Очкина в конце 1929 г. На этом свидании затрагивались следующие вопросы: г. Р. окончательно подтвердил невозможность интервенции в 1930 г. и перенос ее на 1931 г., при чем изложил и те причины, которые в общем перечне причин я уже сообщил. Здесь между прочим мы получили лишнее подтверждение тех территориальных аппетитов Польши и Румынии, о которых я говорил раньше. Вместе с этим мы получили от г. Р. и уже некоторую наметку нового плана интервенции 1931 г., которая включена мною была в предыдущие мои показания по этому вопросу, и сообщение относительно экономической блокады. В этом же свидании я получил сообщение и относительно необходимости установить прямую связь с французским генеральным штабом, а именно полковником Ришаром. На этом свидании я передал г. Р. записку относительно состояния авиации, которую он просил на предыдущем совещании.

Относительно самой техники знакомства с г. Р. я уже говорил раньше. Знакомство произошло в моем служебном

кабинете Теплотехнического института под предлогом получения разрешения на осмотр института группой французских инженеров.

Этими показаниями я думаю закончить ту часть, которая касается внешней подготовки интервенции, тех связей, которые в этом направлении имела «Промпартия» с «Торгпромом» и иностранными штабами, в частности французским генштабом, и техники осуществления этих связей в Москве.

Дальше я перейду к вопросу относительно внутренней подготовки интервенции, а именно — работе «Промпартии» по созданию внутренних кризисов, имевших целью максимум разгара кризисов к 1930 г., т.-е. к моменту предполагавшейся интервенции.

Председатель. Вы, может быть, устали?

Рамзин. Если позволите, я отдохну 5—10 минут.

Председатель. Об'является перерыв на 10 минут.

Председатель. Прежде, чем возобновить заседание, я считаю необходимым довести до сведения публики, что в виду частых перерывов, которые делает Верховный суд, при входе суда мы считаем необязательным вставание публики.

Заседание возобновляется.

Подсудимый Рамзин, если вы желаете, можете продолжать ваше об'яснение.

Рамзин. Таким образом, заканчивая эту часть моих об'яснений, касающуюся интервенции, я должен сказать, что в течение всего периода деятельности «Промпартии» интервенция все время стояла в центре ее внимания. С вопросов интервенции по существу началась и вся деятельность «Промпартии». При чем за последний четвертый период, как я его охарактеризовал, хотя и выявился целый ряд течений среди «Промпартии» об осуществлении контрреволюционного переворота внутренними силами, однако обсуждение этого вопроса с группой Кондратьева — Чаянова, на которую в этом вопросе главным образом можно было рассчитывать как на союзника, мы поняли, что эти расчеты являются весьма ненадежными и неверными. Во всяком случае подготовка такого переворота должна была потребовать много времени. Поэтому до самого последнего периода все же подготовка к интервенции оставалась основным вопросом в деятельности «Промпартии», и работа по подготовке интервенции продолжалась до самого последнего момента, до самого конца, до ликвидации головки «Промпартии» путем последних арестов.

Подготовка всеобщего кризиса

Теперь, переходя к следующей стороне деятельности «Промпартии», а именно к внутренней подготовке всеобщего кризиса к 1930 г., надо будет указать, что работа «Промпартии» была развернута по всем отраслям промышленности. Основное внимание уделялось здесь ведущим, главным отраслям промышленности. Основной принцип сводился прежде всего к всемерной задержке темпов развития народного хозяйства и особенно его ведущих отраслей, т.-е. топлива, металла, энергии главным образом, и затем транспорта.

Затем второй прием заключался в длительном омертвлении капиталов, которые вкладывались в виде валюты в такие сооружения, которые требуют длительного строительного периода, и в такие, которые не являлись непосредственно необходимыми и не могли быть использованы в данный момент или во всяком случае не могли быть использованы до момента интервенции. Предполагалось построить новые цехи, новые фабрики и заводы, которые нельзя было использовать. Этот прием давал весьма большой эффект в том отношении, что он отрывал капитальные средства на неэффективные строительства, сужая тем самым об'екты эффективного строительства, отнимая средства от огромных затрат на улучшение бытовых условий. Все это благоприятствовало созданию кризиса и его углублению. Затем шло удорожание самого строительства и растягивание строительства до возможно больших сроков. Это тоже преследовало цель омертвления капитала. Наконец, предполагалось осуществление диспропорции между отдельными частями народного хозяйства или между отдельными участками одной и той же отрасли.

Примерно до конца 1928 г. «Промпартия» по преимуществу пользовалась методами минималистских планов, и весь 1928 г. прошел в энергичной работе по проведению минимальной пятилетки.

С 1929 г., когда уже окрепли надежды на близость интервенции, особенно энергично начал проводиться второй метод — метод омертвления капитала, потому что капиталовложения, сделанные за этот период, рассчитывали дальше использовать после контрреволюционного переворота на пользу будущего правительства будущего строя.

Что касается способа обсуждения, проведения таких мероприятий в жизнь, то в ЦК «Промпартии», конечно, обсуждались лишь общие директивы, которые определяли собой направление отдельных отраслей народного хозяйства и их увязку в смысле достижения наиболее глубоких и наиболее быстрых кризисов. Более же конкретная проработка этих вопросов применительно к отдельным отраслям промышленности и к отдельным промышленным об'ектам производилась в соответствующих отраслевых органах «Промпартии» и в низовых ее ячейках.

Подготовка экономического кризиса к 1930 г., как основному сроку интервен-

нии, шла по главным участкам народного хозяйства следующим образом. Основным участком было топливо, на которое был обращен максимум внимания, при чем как в области топлива, так и в области других участков народного хозяйства осуществление кризиса 1930 г. намечалось при помощи простого, но тем не менее верного способа, а именно: в начальный период этого срока усиленно проводились минималистские тенденции и планы. В соответствии с этим строилась и вся подготовка работы по всем отраслям промышленности — в геологоразведочной, в горной работе, в жилстроительстве, в области электрификации. Все здесь строилось под углом зрения минимальных планов народного хозяйства, которые и проводились в 1928 г. при осуществлении минимальной пятилетки.

От минимализма к максимализму

Во второй половине 1929 г. и в начале 1930 г. был дан сигнал резко переменить тактику в сторону максималистских планов. Это было вызвано тем обстоятельством, что генеральная линия партии чрезвычайно энергично проводилась в жизнь и, кроме того, этот перелом давал возможность практически углублять работу в области создания кризисов. Поэтому был взят курс на преувеличение планов. Возьмем такой яркий пример, как увеличение планов в области нефтяной промышленности. Последние наметки были даны на увеличение добычи на 1930—31 г. вместо 20 млн. тонн на 42 млн. тонн. Это, конечно, было рассчитано на невозможность проведения в жизнь этого плана именно без специальной подготовки. Ибо оборудование было рассчитано на более низкий масштаб—около 20 млн. тонн, поэтому была дана цифра в 42 млн. тонн.

Такая же диспропорция между подготовительными работами и затем намечаемыми максималистскими планами имела место и в области других участков народного хозяйства.

Возьмем, например, торфяную промышленность. Для того, чтобы подготовить торфяники к добыче, для того, чтобы дать в топливный актив торф, как реальное топливо, необходимо начать подготовку торфяников примерно за два года. Если в 1928 г. весь темп подготовительных работ был взят из расчета на 15 млн. тонн, а в последний год он был перестроен на 33 млн. и даже дошел до 50 млн. тонн, то ясно, что добыча в 50 млн. тонн в 1933 г. при всех условиях становилась невозможной, потому что весь темп подготовительных работ был втрое меньше. Такой же момент имеется и по каменноугольной промышленности. Чтобы дать добычу угля в 1932 — 1933 г. в большем масштабе, необходимо было готовиться к этой добыче по крайней мере за 2 — 3, даже 3½ года путем закладки и проходки шахт. Поскольку все подготовительные работы шли в прошлом в значительно более пониженном темпе работ, то переход на максимальную деятельность создавал разрыв между производственными возможностями в угольном, нефтяном и других районах и теми планами, которые с этого времени начинали проводиться в жизнь.

Таким образом, вот этот разрыв между подготовительными мероприятиями и плановыми наметками последнего времени, он уже в самом себе таил неизбежно возможности кризиса. Достаточно указать, что в области топлива эти минималистские направления, проводимые в жизнь «Промпартией», дали сокращение первоначальной наметки по добыче топлива почти в 2 раза — в 1,8 раза. (В обвинительном заключении имеется опечатка — там общая сумма топлива по последней наметке не 100 млн. тонн, а 180 млн. тонн, так что получается увеличение в 1,8 раза или почти в 2 раза). По отдельным районам это увеличение значительно больше: по Кузбассу — втрое, по Подмосковному бассейну — в два с половиной раза, так что здесь эта диспропорция между подготовкой мощности и последними наметками, она еще более значительно затрудняет этот быстрый темп развертывания добычи.

Таким образом, вот этот переход от тактики минималистских планов к тактике, наоборот, максималистских планов уже в самом себе таил возможность рассчитывать на создание кризисов и на невозможность быстрого поднятия и развертывания отдельных отраслей промышленности в виду того, что все подготовительные операции строились на другом, сильно пониженном уровне.

Подготовка «Промпартией» топливной катастрофы

Второй установкой «Промпартии» в области добычи топлива была установка на максимальную задержку местных топлив и на слабые темпы в работе по подготовке потребителей к их рациональному использованию. Эта линия проводилась в жизнь очень резко в отношении подмосковного угля, в отношении торфа и в отношении Кузнецкого бассейна. При таком снижении добычи местных топлив совершенно естественно, — а также при одновременной неподготовке потребителей к их использованию, — в случае интервенции получалось весьма трудное топливное положение для Центрального промышленного района и для Северо-Западного района, потому что, поскольку топливное снабжение этих районов базировалось на донецком топливе, перерыв со-

общения с Донецким бассейном и увеличение потребителей топлива совершенно неизбежно, в случае начала военных операций, как показал опыт мировой войны, сейчас же приводил к топливному кризису и к топливной катастрофе.

Эта задержка развития торфа и подмосковного угля велась в значительной степени при помощи пропаганды явно невыгодных методов использования этого топлива, а именно метода сложной химической переработки топлива, устройства дальнего искусственного газоснабжения и т. д. Пропаганда невыгодных методов использования подмосковного угля отдельными московскими угольниками давала диалектический новый аргумент в пользу борьбы с местным топливом, — поскольку местное топливо фактически оказывалось дороже, чем дальнепривозимое топливо, эта борьба с добычей подмосковного угля получила под собой реальное экономическое обоснование. Но в свою очередь надежное экономическое обоснование было получено в той пропаганде, которая велась «Промпартией», которая отвлекала внимание от Подмосковного бассейна и торфяников, от насущной жизни и задач, а именно от возможности удешевления стоимости этого топлива. Поскольку это удешевление не удавалось и продолжало оставаться на своем уровне, постольку это служило аргументом в пользу свертывания добычи этих бассейнов.

По углю, благодаря деятельности «Промпартии», получился чрезвычайно большой разрыв в области разведочных подготовительных горных работ, которые и определяли собой к 1930 году недостаточно подготовленную добывную мощность и в Донбассе и в др. районах. Роль Донбасса оставалась, остается и несомненно будет оставаться в топливоснабжении страны основной и доминирующей. При каком бы ни было местном топливе все-таки Донбасс будет оставаться основным бассейном, на котором базируется промышленность европейской части Союза. Разрыв в этой области несомненно должен был отразиться на общем топливе и разрыв сообщения с ним неизбежно должен был привести к топливной катастрофе. Между тем в области развертывания добывной мощности в Донбассе мы имели за все время чрезвычайно большое отставание. Даже по тем минимальным планам, которые были проведены «Промпартией», при выполнении их получалось еще дальнейшее сокращение плана. Так, напр., по реконструкции 1929—30 г. было намечено 40 шахт, действительно в реконструкцию было введено 25 шахт. Так что тот минимальный план, который намечался, проводился в жизнь еще с большим сокращением. При новом шахтном строительстве было заложено около 85 проц. намеченного, так что при выполнении минимальных планов эти директивы еще больше углублялись за счет того, что минимальные планы получали урезку при фактическом выполнении.

Замедление жилстроительства и затем замедление электрификации Донбасса были весьма крупными рычагами для дальнейшей задержки развития добычи. Задержка электрификации задерживала механизацию Донбасса, по отношению к которому, вообще говоря, была дана вполне определенная директива в том же направлении. Это в свою очередь обостряло и рабочий и жилищный кризис и задерживало добычу.

Наконец, отставание обжигательного устройства, что приводило к ухудшению качества этого топлива, к ухудшению качества кокса и в дальнейшем к ухудшению качества получаемого металла.

Вот те директивы, которые нужно было проводить в жизнь и которые проводились в известной степени в отношении добычи угля.

По нефти то же самое имеем удар по подготовительным работам, сильное отставание разведывательных работ и поэтому значительное увеличение нефтяного плана, намеченного за последнее время, в значительной степени висит в воздухе, потому что разведывания районов, из которых можно было получить сильное увеличение добычи, по существу не имеется.

Точно так же подготовительные работы, горные работы в нефтяной промышленности построены были на минимальных темпах, не соответствующих тому новому темпу развития нефтедобычи, который был намечен за последнее время. Сильное замедление развития нефтедобычи снизило количество экспортного бензина и вместе с тем и количество получаемой валюты. В то же время в области нефтегонной промышленности выдвигалось развитие низкосортной продукции, что сокращало экспортные возможности и сокращало валютную выручку. К этому надо добавить резкий скачок с 20 млн. на 32 млн. тонн, к чему нефтяная промышленность не готовилась. Затем надо отметить задержку развития нефтяного транспорта — и колесного и водного, путем задержки развития судостроения, развития судоналивного флота. Кроме того необходимо отметить неподготовленность транспорта и потребителя к использованию большого количества парафинистого мазута.

По торфу, на ряду с отвлечением внимания торфяников в сторону сложных способов химической обработки торфа, в сторону брикетирования, коксования и т. д., одновременно было сильно задержано и введение в жизнь весьма выгодного и целесообразного метода добычи торфа, именно — фрезерного торфа. В

этом отношении велись большие переговоры, но добыча фрезерного торфа шла черепашьим шагом. Вместе с тем в области подготовки мы имеем скачок с 13 на 33 миллиона тонн, а по преувеличенному плану до 50 млн. тонн, при явной невозможности его выполнения без соответствующей заблаговременной подготовки. По этому плану все время намечалась перманентная напряженность.

По плану 1929—30 г., т.-е. того года, в котором намечалась интервенция, при малейшем нарушении снабжения должна была произойти топливная катастрофа, потому что ни по одному виду топлива не было соответствующей подготовки в целях обеспечения вполне реального плана. По всем остальным видам топлива план добычи был сделан с большим напряжением и без достаточного обеспечения возможности его реализации. Затем план был сверстан с сомнительным и весьма большим участием дров.

Дальше план топлива в 1930 г. был сверстан с большим снижением расходов по топливному снабжению на 13—14 проц., в то время как практика показала, что реально снижение на 7—8 проц.

Таким образом, получался разрыв между активом и пассивом по топливному бюджету. Нарушение это должно было нарушить план топливного снабжения.

С началом военных действий спрос на топливо должен был сейчас же сильно увеличиться. Если учесть то обстоятельство, что план интервенции включал в себя перерыв сообщения с Донбассом, то топливная катастрофа летом 1930 г., по мнению «Промпартии», была абсолютно обеспечена.

Вредительство в области металла и энергетики

В области металла основное начальное направление было также на минималистские темпы развертывания металлопромышленности и прежде всего металлургии. Начальный пятилетний план был составлен на 8—10 млн. тонн чугуна в год, в то время когда последняя проектировка давала не менее 17 млн. тонн, т.-е. почти в два раза выше отправного варианта Госплана. Это замедление развертывания темпов металлопромышленности по отдельным цехам и отдельным заводам с одновременным увеличением размаха строительства в 1930 г. должно было резко увеличить неизбежный дефицит металла как в области ходового металла, так и в области специальных сортов, необходимых для машиностроения и др. По отдельным сортам металла имеется из года в год растущая диспропорция между потребностями и производством металла. Так, например, в области листового железа: если посмотреть все цифры по годам, то видно, что с каждым годом дефицит листового железа увеличивается и достигает 35—40% даже по плану 1930 г.

Металлический голод, кроме того, осуществлялся несоответствием между производимыми ассортиментами металлов и потребностями в них. И, наконец, этот металлический голод в значительной степени вызывался нерациональным использованием металлопромышленности.

Я остановлюсь здесь на одном более близком мне примере, именно из области котлостроения, из области теплотехники. Мы имели все время большой дефицит в котлах и экономайзерах, в воздушных подогревателях и других машинах. Этот дефицит об'ясняется нерациональным использованием такого металла, который потребен заводу, значительным выгоном котлов и экономайзеров по квадратным метрам, в то время как важны не квадратные метры, а мощность пара, который может двигать экономайзер. Если ностью пара, все расчеты должны строиться не на количестве квадратных метров, производимых заводами, которые мы имеем котел в несколько квадратных метров, работающий с напряжением 40 квт, то совершенно очевидно, что этот котел неэквивалентен 40 кв. метрам. Поляются не квадратными метрами, а мощ- определяют их производственные возможности, а на количестве пара, который в состоянии котел двигать. И здесь мы имеем определенное замедление темпов. Такие передовые заводы котлостроения, как Ленинградский машиностроительный скольку потребности в котлах опреде- завод, все время держались прежних, устарелых типов котлов, при чем в этом отношении «Промпартия» оказывала ему активную и деятельную поддержку. Все время Ленинградский завод держался прежних типов котлов с небольшим напряжением пара 40 квт. вместо того, чтобы производить новые котлы с напряжением 70—80 квт. Такое же положение имеем в области воздушных подогревателей. При современном подходе к конструированию воздушные подогреватели должны работать с 15—17—20 квт, общие расчеты идут на 10—11 квт, а в среднем работают с коэфициентом 4—7 квт, т.-е. та же поверхность нагревания даст в 3—4 раза меньше, чем могла бы дать. И здесь мы имеем двойной-тройной перерасход металла в том же самом производстве. И эта линия направления в области металлопромышленности является наиболее важной и она в действительности создает наибольший дефицит там, где его можно было бы не иметь, а именно — металлический голод в значительной степени увеличивается, появляется не только недостаток металлических ресурсов, как таковых, но и неправильное использование металлов, которое имеются, т.-е. малоэффективное использование.

Я не буду продолжать этих примеров,

которые можно было бы привести дальше из области строительного дела, из области отдельных частей машиностроения и т. д. Но это являлось одним из коренных способов вредительства, ибо плохое, нерациональное использование металла давало довольно большие отрицательные результаты в смысле обострения металлического кризиса. Наконец, создание диспропорции между отдельными частями металлической и металлургической промышленности тоже имело место и проводилось в жизнь. Скажем, диспропорция между отдельными цехами завода, когда мощность одного цеха не могла быть полностью реализована за счет недостаточной мощности других связанных с ним цехов. Точно так же проводилось несоответствие мощности взаимообслуживающих заводов и т. д. Я в подробности здесь не стану вдаваться потому, что эти вопросы менее мне знакомы. Я думаю, что специалисты в области металла смогут меня в этом отношении дополнить и конкретизировать мои показания.

В области энергетики основная линия, которая проводилась в жизнь, сводилась прежде всего к созданию кризисов электроснабжения в основных узловых участках. Прежде всего по общему плану, по общим темпам развития электрификации мы уже имели, как и в других отраслях промышленности, весьма большое отставание. В то время как выработка районных станций по пятилетнему плану была проведена в 10—14 миллиардов киловатт-часов, за последнее время выяснилось, что эта потребность составляет около 20 миллиардов киловатт-часов, т. е. здесь была, примерно, такая же пропорция, как и в других частях народного хозяйства, — выработка намечалась, примерно, в два раза ниже потребности.

При общем отставании темпов электрификации особое внимание было обращено на то, чтобы создать недостаток энергии в узловых пунктах, а прежде всего в Донецком бассейне, который все время испытывал большую нужду в электроэнергии. На Донбасс было обращено соответствующее внимание. Здесь проводилась задержка, растягивание постройки Штеровской станции и в дальнейшем намечалась задержка постройки Зуевской станции. Все это направлено было к тому, чтобы Донбасс оставался в непрерывном кризисе электроснабжения. Меры, которые здесь принимались для этой задержки, шли по плановой линии, путем проведения соответствующих плановых строительств электростанций Донбасса и, кроме того, по технической линии — скажем, в области Штеровской станции, эта задержка в значительной степени была обусловлена неудачной системой токов, разрывом в сроках заказов на отдельные части оборудования — на котлы, турбины и т. д. В результате этого в Донбассе мы имеем весьма резко выраженный кризис электроснабжения, задерживающий механизацию Донбасса и углубляющий, таким образом, трудности дальнейшего развертывания его добычи.

Такие же больные узлы созданы и имеются в Ленинграде. Ленинградская промышленность за последние годы все время переживает чрезвычайно неустойчивое положение в области электроснабжения. Когда выходят из строя один-два турбогенератора относительно небольшой мощности, то уже ленинградское об'единение электростанций становится в кризисное положение — отдельные абоненты выключаются и здесь приходится прибегать к экстренным, решительным мерам. Таким образом, путем плановых мероприятий создана была задержка в развитии электрификации в Ленинграде, которая в свою очередь явилась задержкой для развития отдельных электростанций.

Такое же положение мы имеем и в Москве — в МОГЭС. Здесь то же самое имеется диспропорция между потребностью в энергии, между запросами на нее со стороны отдельных потребителей и их удовлетворением, что заставляет зачастую отказывать абонентам в присоединении их или же заставляет строить их свои отдельные мелкие станции, явно невыгодные.

Таким образом, эта задержка развития электрификации основных узлов по существу экономии государственных средств не давала, потому что раз потребителю энергия нужна, то, поскольку он ее не может получить от крупных районных станций, он будет ее получать путем постройки более мелких и вместе с тем более дорогих своих станций.

Такие же кризисы электроснабжения получались на Урале, в Кизеле, в Кузнецком бассейне.

Второй прием, который и задерживал развитие электрификации, и приводил к омертвлению капитала, — это был прием, бьющий на удорожание строительства электростанций. Удорожание достигалось путем применения целого ряда мероприятий еще в стадии проектирования станций. Скажем, если просмотреть проектировку наших станций этих годов 1927—28 и пожалуй даже частично 1929 г., то везде проходит красной нитью один и тот же прием, а именно установка большого количества мелких агрегатов, мелких единиц. Вместо того, чтобы поставить 6 котлов, ставят 10 более мелких, вместо 2 турбин ставят 3 и т. д. Вот сама установка большого количества мелких единиц вместо малого количества крупных с неизбежностью всегда приводит к удорожанию станций. Это удорожание станций можно оценивать в 10—20—30%.

Следующий прием — это слабое использование поверхности нагрева. Даже при закупке заграничного оборудования поверхность нагрева недостаточно использовалась. Такой случай имел место на Бобриковской станции, которая была сдана МОГЭС и проведена через ЦЭС в 1929 г. Там средняя рабочая нагрузка поверхности нагрева была около 40—45 кгр. при заграничной установке. Таким образом, это слабое использование поверхности нагрева по всем линиям — и по котлам, и по экономайзерам, и по нагревателям — давало значительное удорожание электростанций, при чем это удорожание в значительной степени падало на валютные расходы.

Следующая особенность, которая применялась при проектировке станций, это — ненужные и излишне большие резервы. Применение этих ненужных и излишних резервов сопровождалось ненужной и излишне большой стоимостью станций. Вместо этого просто можно и должно было применять использование парогрузочной способности отдельных агрегатов, сокращающих резерв до минимума.

По строительству за весь этот период мы имеем чрезвычайно громоздкие и дорого стоящие постройки зданий. Современная американская станция дает около 0,6 кубических метра на киловатт мощности, лучшие станции достигают 0,4 куб. метра на киловатт мощности. В наших станциях мы имели совсем другую цифру — 1,8 куб. м. на киловатт мощности, т.-е. мы имели вследствие этого увеличение кубатуры зданий, а следовательно и стоимости этих зданий.

Понятно, это не делалось таким образом, что здание строилось втрое больше чем нужно. Это является результатом всех тех технических мероприятий, которые я излагал, главным образом результатом применения большого количества мелких агрегатов и, кроме того, нерационального размещения оборудования. Вместе с тем при громоздких и больших зданиях у нас имеются тоже известные злоупотребления в смысле отделки этих зданий, так что в общем стоимость станции и по строительной части имеет весьма значительное преувеличение.

Я не буду останавливаться на отдельных технических деталях этого вопроса, но можно будет сказать, что, если подытожить отдельные перерасходы по стоимости станции, которые получались по сумме отдельных мероприятий, то эти перерасходы надо будет расценивать цифрой порядка 30—40%, т.-е. при возможной стоимости такой станции рублей в 250 за киловатт, фактическая стоимость доходила до 350—400 р., а имеются примеры, когда стоимость доходила и до 500 р.

Следующий момент — это задержка теплофикации. Теплофикация, несомненно, является крупным революционным сдвигом в области рационализации теплотехники; поэтому никто не вел работы по протесту против идеи теплофикации, как таковой, но фактическое проведение в жизнь теплофикации сильно тормозилось. Тормозилась, во-первых, оценка теплофикационной мощности, которая оценивалась чрезвычайно низкими цифрами даже, скажем, в 1929 г. по Москве и Ленинграду — всего на 40—50 тыс. квт, в то время как можно реально говорить о цифрах больших: по Москве порядка 400 тыс. квт, по Ленинграду — порядка 150 тыс. квт, так что в этих масштабах возможности были сильно преуменьшены. И затем задержка проведения теплофикации проводилась уже в порядке оперативной работы. Задерживались, например, работы по обследованию потребителей, раздувались отдельные затруднения и переговоры с отдельными заводами и потребителями. В результате я считаю, что минимум на год — на два проведение теплофикации в жизнь было задержано, при чем в этом отношении «Промпартия» пользовалась помощью тех двух основных организаций, от которых зависело фактическое проведение теплофикации — МОГЭС и Электротока.

Председатель. Позвольте просить вас уточнить этот вопрос. Вы говорите, что «Промпартия» пользовалась двумя организациями и помощью их: МОГЭС и Электротоком. Как это надо понимать — что в этих учреждениях были специальные ячейки, связанные с вами?

Рамзин. В этих учреждениях были специальные ячейки «Промпартии» и через их посредство «Промпартия» проводила в жизнь свои установки. В моих других показаниях состав этих ячеек тоже дан. Если угодно, я могу повторить.

Председатель. Сейчас не надо. Мне нужно было установить, что, следовательно, они не по собственной инициативе действовали, а действовали по плану, который им давали из центра.

Рамзин. Эти ячейки выполняли те директивы, которые им давал центральный комитет «Промпартии».

Председатель. Пожалуйста, продолжайте.

Рамзин. Следующий момент — растягивание времени постройки станции. Этот момент является тоже достаточно важным, ибо таким путем достигаются два результата: во-первых, растягивание постройки станции неизбежно удорожает станцию, как таковую, потому что растягивание строительного периода всегда ведет к повышению стоимости за счет увеличения накладных расходов, расходов по организации постройки и т. д. Кроме того, растягивание постройки станции, замедляя оборот государственного капитала, этим самым вызывает омертвление или частичное омертвление его. В этом отношении мы тоже видим

большую разницу в сроках постройки у нас и за границей. В то время как за границей часть крупных станций, мощностью в 150—200 тыс. квт., строится в срок 8—10 месяцев в год, у нас сроки постройки станций обычно растягивались на 2—3 года, на сроки, примерно, в 2½—3 раза превосходящие. При чем эти сроки постройки станции — необходимо будет по существу тоже сказать фактически еще более удлинялись потому, что обычно окончанием постройки станции считается срок ее торжественного официального открытия. Между тем после этого торжественного официального открытия проходит еще довольно значительный промежуточный период, знаменующийся так называемыми детскими болезнями, период процесса эксплоатации, который в этом отношении не знаменовал собою настоящую работу, а по существу был подготовкой ко вступлению в эту работу. Так что если срок окончания станции считать со времени вступления станции в нормальную работу, то эти сроки необходимо будет еще удлинить.

Среди причин, которые вызывали задержку в строительстве станций, необходимо будет отметить тот совершенно ненормальный порядок прохождения проектов через планирующие и утверждающие органы, который поддерживался в значительной степени усилиями «Промпартии», по ее директивам. А именно: требование представления сначала эскизного проекта, потом его утверждение, потом технического проекта, потом его утверждение, после чего только можно было приступить к заказу оборудования. Чрезвычайно растягивался период проектирования, а главное затягивался заказ оборудования, помимо тех камней преткновения, которые вообще имелись по линии заказов. Так что получалась чрезвычайно большая затяжка проектного периода и передача заказов. Все это чрезвычайно задерживало постройку электростанций.

Очень часто задержка производилась специальными мероприятиями, например, производилась перемена задания настолько коренным образом, что заставляла целиком и полностью переделывать этот проект. Так что этот способ проведения, ведения и утверждения заказов в значительной степени являлся причиной удлинения общего времени постройки станций, если считать таковой от начала проектировки.

Осуществление основной установки «Промпартии» в области энергетики обеспечивалось тем, что все основные органы целиком находились в руках «Промпартии». А именно: утверждение проектов проходило через ЦЭС, президиум которого и все основные работники состояли членами «Промпартии» — Осадчий, Каменецкий, я и др., — все принадлежали к числу активных членов «Промпартии».

Планирование электростроительства то же самое обеспечивалось в Электроплане тем, что руководство Электроплана также находилось в руках основных работников «Промпартии». Проектирующая организация также имела, в лице проф. Сушкина, активного деятеля члена «Промпартии», через которого она проводила свои установки по Энергострою. Точно так же по МОГЭС, по Электротоку «Промпартия» имела своих работников, проводя через них свои директивы. Таким образом, по всему фронту энергетики, по всем основным организациям энергетики «Промпартия» имела прочные, надежные опорные пункты, через которые имела возможность проводить свои директивные указания и установки. Общее руководство «Промпартии» в области энергетики непосредственно производилось мною.

Вредительство на транспорте и в химпромышленности

Теперь работа в области транспорта. Здесь общее руководство вначале велось Красовским (это еще в «Инженерном центре») и Янушевским. Затем, после их ареста — Коган-Бернштейном.

Основные директивные направления деятельности «Промпартии» в этой области сводились к неправильному использованию подвижного состава, в частности паровозов, к передаче годных паровозов на кладбище и т. д., а также задержке по основным направлениям. В этом направлении была комбинированная работа транспортников, топливников и химиков. А именно: вопрос относительно установления связи между Донбассом и Москвой, между Москвой и — на восток — с Кузбассом, — эти вопросы являются коренными вопросами в общей экономике страны и в частности в вопросах топливоснабжения; и здесь была выдвинута идея сверхмагистрали. Около этой идеи был поднят чрезвычайно большой принципиальный спор, длившийся несколько лет. В частности, по вопросу о сверхмагистрали Москва — Донбасс по линии НКПС было выдвинуто соображение о чрезвычайно высокой стоимости этой сверхмагистрали, которая оценивалась около миллиарда рублей, в то время как в действительности она во много раз ниже.

Кроме того, в противовес этому была выдвинута идея дальнего газоснабжения на искусственном газе, которое сокращало требования, пред'являемые транспорту с точки зрения перевоза грузов, и, таким образом, позволяло сократить темп работы в области развития провозоспособности транспорта. Комбинированное действие этих двух идей привело к тому, что при очень большой затрате

времени транспорт не приступил к разрешению этих двух проблем, потому что нет даже проектов по осуществлению транспортной связи, по установлению линии Донбасс — Москва, точно так же как нет усиления связи по линии Кузбасс—Урал.

Дальше, одной из важнейших проблем в области транспорта является проблема топливного снабжения. Все время эта проблема упиралась в широкое использование транспорта. В то же время даже при использовании спекающегося угля его не должно было хватать даже для металлургии, к использованию же в транспорте неспекающегося угля не готовились. Эта вторая проблема, к разрешению которой неизбежно должны были приступить, все время отодвигалась. В то же время к разрешению этой проблемы необходимо было приступить, потому что это есть решающая проблема и топливного снабжения транспорта и топливного снабжения в целом.

Затем, из других мероприятий необходимо отметить отставание развития вагоностроения, а в области нефтетранспорта — задержку развития нефтеналивного флота и парка цистерн. Вот те мероприятия, которые мне наиболее известны.

То же самое могу сказать в отношении химической промышленности. Основным вопросом являлось развитие коксобензольной промышленности. Связывая этот вопрос с общим темпом развития металлургии, здесь также пропорционально был снижен темп развития коксования, при чем здесь отставание было больше, чем в области металлургии. Задержка в развитии коксовой промышленности являлась определенным тормозом для развития как металлургической, так и бензольной промышленности и опирающейся на нее военной промышленности.

Второй вопрос, который являлся весьма важным и коренным, — это вопрос относительно места постройки коксовых заводов. Дело в том, что с точки зрения использования получающихся коксовых газов имеется весьма много аргументов, и весьма правильных, в пользу постройки коксовых печей на металлургических заводах, а не на рудниках, потому что на металлургических заводах коксовые газы могут быть целесообразно использованы. С другой стороны, надо иметь в виду, что вследствие особых свойств многих пластов донецкого угля и при перевозке угля на большие расстояния и хранении его ухудшается качество кокса, потому что уголь Донбасса обладает способностью потерь при его хранении.

Поэтому постройка коксовых заводов вдали от рудников, именно на металлургических заводах, при определенных свойствах части угля Донецкого бассейна была связана с определенным риском невозможности получения доброкачественного кокса в целом ряде случаев.

Пропаганда в теплоснабжении сложных переработок и увеличение низкосортного топлива — эта пропаганда привела к отвлечению внимания от коренной проблемы в области топлива — снижения себестоимости — и влекла к нерациональному вложению больших средств на очень долгое время.

В области химии одной из основных директив были задания по задержке серно-кислотной промышленности, как основной оборонной промышленности. Эта директива систематически проводилась в жизнь путем снижения планов и недовыполнения планов. Затем маленькая подробность, касающаяся химической промышленности в области огнеупорных материалов. При постоянном дефиците огнеупорных материалов именно в огнеупорном кирпиче этот дефицит увеличивался тем, что качество кирпича поддерживалось на низком уровне, в отдельных марках кирпич маркировался под разными названиями «каровоз», «К. В.» и т. д., хотя по существу эти кирпичи изготовлялись из одной и той же глины. И произведя анализ отдельных кирпичей, мы могли иметь абсолютно несовпадающие анализы у кирпичей одной и той же марки и абсолютное совпадение анализов у двух кирпичей различных марок.

Эта маркировка кирпича по существу являлась чисто внешней, и качество кирпича не определялось ни его маркой, ни его соответствием тем потребностям которые ставились современным производством. В результате этого мы имели чрезвычайно плохой кирпич и слабое его использование, потому что хороший кирпич может простоять 4.000 часов, 5 тысяч часов, в то время как плохой кирпич простоит 2.000 часов, т.-е. в два раза менее. Двойное увеличение продукции не было связано с ростом качества кирпича, что по существу создавало простое топтание и бег на месте, затраты на ремонт кирпичей, которые были совершенно излишни. И здесь коренное направление было как по линии задержки развития огнеупорной промышленности, так и, главным образом, по линии ухудшения качества этой огнеупорной промышленности, которая сильно увеличивалась за счет того, что продукция понижала качество, обращалась в два раза быстрее и требовала сильной разгонки.

В области текстиля поддерживалась диспропорция между сырьем и производственными возможностями текстильных фабрик. Затем, давалась директива о возможной задержке введения отечественных видов сырья в пользу импортных—джута, хлопка—и ряд других директив относительно скорейшего использования полученного материала путем

рассылки по местам потребления и диспропорции между ассортиментами товара и потребностями на отдельные его сорта.

Опять-таки в подробности этого вопроса я не могу вдаваться, поскольку в этом вопросе максимум содействия оказывал А. А. Федотов, который может осветить этот вопрос более подробно.

Остановлюсь на вопросах механизации и тракторизации сельского хозяйства. Здесь то же самое «Промпартией» были предприняты определенные шаги и в этом направлении. Прежде всего достаточно будет показать на задержку механизации в планах. Первый план проводимой пятилетки намечал количество тракторов около 150.000 в то время, когда последняя наметка дает 900—920 тыс. тракторов; это показывает сильное сокращение самого об'ема механизации примерно в 5—6 раз. В соответствии с этим, конечно, сейчас же получается целый ряд последствий, вызывающих подготовку других, связанных отраслей промышленности, — подготовку металлопромышленности, подготовку нефтепромышленности, которая должна обеспечить все эти тракторы соответствующим количеством бензина. Здесь получался чрезвычайно большой разрыв между нефтяной программой и между тракторной программой, заставивший, в конце концов, пойти на предложение явно невыгодное и установку невыполнимую, по моему глубокому убеждению, — на крекинг-бензин. Это вызывало громадное увеличение начальных затрат порядка полумиллиона рублей и увеличение ежегодных затрат, главным образом по экспортной выручке, того же порядка — около 500—600 миллионов ежегодно.

Таким образом эта линия в области механизации сельского хозяйства, основанная на диспропорции между тремя взаимно связанными отраслями промышленности, и привела по существу к тому неопределенному положению в этой области, которое имеется в настоящее время.

Связь «Промпартии» с группой Кондратьева—Чаянова

Таким образом, по всем основным, ведущим отраслям промышленности «Промпартией» была дана определенная директива, определенные указания своим отраслевым органам, своим периферийным местным группам, которые должны были конкретизировать и проводить в жизнь эти указания, имея определенные твердые задания проводить все мероприятия с расчетом на максимальный разгар кризиса к 1930 г. Вся подготовка в этом направлении была произведена. При чем окончательное создание всеобщего паралича народнохозяйственной жизни должно было быть дополнено военными и диверсионными операциями.

Наконец эта подготовка всеобщего кризиса, которая велась в области промышленности и транспорта «Промпартией», углублялась в сторону сельского хозяйства, продовольствия и финансов через ту связь и помощь, которую «Промпартия» имела с группой Кондратьева—Чаянова. Первоначальная связь с «ТКП» была завязана в начале 1927 г. Пальчинским лично с А. М. Чаяновым. При чем, как я указал, проф. Чаянов участвовал в целом ряде заседаний «Инженерного центра» в течение 1927 г. В конце 1928 г. после некоторого перерыва опять оживились сношения с «ТКП». Было намечено создание об'единенного центра, в который был выдвинут со стороны «Промпартии» я и затем Н. Ф. Чарновский, а со стороны «ТКП» — Кондратьев, Макаров и Громан. Эти пять человек должны были представлять собой об'единенный центр, основной задачей которого было создать координированные действия этих двух партий в области ближайших тактических задач и их проведения в жизнь.

Примерно в это же время начались разговоры относительно возможности создания коалиционного правительства, при чем внутреннее обсуждение в «Промпартии» приходило к таким выводам, что если участие группы Кондратьева — Чаянова в готовящемся контрреволюционном перевороте будет достаточно большим, то придется ей уступить в известном соответствии и большее количество мест в правительстве и, наоборот, если переворот будет совершен, как все время предполагали, военными силами, главным образом извне, при помощи военной интервенции, и поскольку участие «ТКП» здесь будет минимальным, можно будет ей дать и минимальное количество мест в правительстве, ограничившись, скажем, лишь местом министра земледелия.

В 1929 г. состоялось совместное заседание ЦК обеих партий в Госплане. Здесь обсуждался вопрос блокировки в смысле создания кризиса к интервенции 1930 г., а именно был поставлен вопрос относительно помощи «ТКП» в смысле создания кризисов в области крестьянского хозяйства, продовольствия, кооперации. Кроме того, подвергался обсуждению и финансовый вопрос, именно валютный вопрос. «Промышленная партия» все время держалась одних и тех же директив: максимального требования импортных заказов, т.-е. импорта машин и максимальных затрат на это дело. С другой стороны, «ТКП» должна была проводить директиву возможной придержки валюты. Таким образом, путем комбинированных действий этих двух организаций и должны были усилиться валютные затруднения, а также затруднения в выполнении импортных планов.

В начале 1930 г. было также совмест-

ное совещание двух ЦК, на котором обсуждались возможности осуществления контрреволюционного переворота и свержения советской власти внутренними силами, не прибегая к интервенции. Как я уже говорил, это обсуждение пришло к отрицательным результатам, а именно, что при наличии тех сил, которыми располагали обе партии, в ближайшем будущем произвести такой переворот представляется невыполнимым. Поэтому в рядах «Промышленной партии» попрежнему была определенная ставка на интервенцию и на возможную подготовку этой интервенции внутри Советского союза.

Что касается общего охвата, то в этом отношении «ТКП», по ее данным, весьма впрочем сомнительным, насчитывала больше приверженцев, чем кастово замкнутая «Промышленная партия». Сведений же об об'еме меньшевистской группы, которую возглавляли Громан и Суханов, я лично не имел, но по тем впечатлениям, которые у меня создались из разговоров с деятелями этой меньшевистской группы, повидимому, численность этой группы была невелика. Это были небольшие остатки и осколки меньшевистских организаций.

Организация диверсионной работы и связь с французским генштабом

Таким образом, помимо расчетов на промышленный и транспортный кризис в 1930 году и создание определенной катастрофы в области топлива, металлоснабжения и в других областях промышленности и транспорта, «Промпартия» совершенно определенно рассчитывала и на подобные же кризисы в области продовольственного снабжения, а также возбуждение недовольства крестьянских и красноармейских масс через «ТКП». Будущего 1931 г. эти расчеты не учитывали, и поэтому было признано необходимым усилить работу «Промпартии» помощью интервентам изнутри при помощи диверсионной и военной организаций.

Относительно состава диверсионной организации первые задания были получены от «Торгпрома» в 1928 г., по предложению французского генерального штаба, при чем, как я уже указывал раньше, особенно сильный напор в этом отношении производился со стороны «Торгпрома» и главным образом со стороны французского генерального штаба в 1929 г. — по тем сообщениям, которые были получены от «Торгпрома» и г. Р. при моей встрече с ним. Особенно усилились эти требования, когда выяснилась невозможность интервенции в 1930 г. и необходимость ее переноса на 1931 г., который считался гораздо менее благоприятным для осуществления интервенции, и поэтому считалось необходимым произвести более серьезную подготовку в этом направлении изнутри путем развития диверсионной деятельносты и диверсионной организации.

При подходе к этому вопросу — к вопросу об организации диверсии в области промышленности и транспорта — основная директивная линия сводилась к тому, что проведение таких диверсий не должно сопровождаться сколько-нибудь значительными капитальными разрушениями оборудования промышленности и транспорта, потому что при наличии серьезных капитальных разрушений и при надеждах на будущую интервенцию будущее правительство получило бы слишком разрушенное хозяйство, которое надо было бы долго чинить и восстанавливать. Поэтому основная установка сводилась к тому, чтобы выключить из работы отдельные участки промышленности и транспорта, но выключить с минимальными разрушениями, с тем, чтобы можно было в дальнейшем быстро пустить их в работу. Поэтому основные мероприятия здесь и были направлены прежде всего по линии энергетики, потому что выключение подачи тока от районной станции, во-первых, сразу выбрасывало из работы большую группу промышленных предприятий. С другой стороны, такое выключение было более легко осуществить технически, чем прямое выведение из работы всей этой группы предприятий. Так что в смысле технического осуществления диверсии, диверсия в области энергетики представлялась, во-первых, наиболее эффективной в смысле охвата одним диверсионным актом большего количества об'ектов, а с другой стороны, и в смысле легкости и удобства проведения в жизнь. Поэтому в основном деятельность диверсионной организации и должна была строиться именно по этой линии, по линии диверсии в области энергетики.

В общем диверсионная деятельность намечалась по трем основным направлениям, а именно: по военной промышленности, по электрическим станциям и затем по железным дорогам.

В области военной промышленности, как я уже указывал раньше, разрабатывался совместно с агентами французской службы в Москве специальный список заводов, которые должны были быть подвергнуты диверсионным актам в первую очередь. При чем здесь основное директивное указание сводилось к тому, чтобы в первую очередь произвести диверсионные акты на заводах, находящихся вне полосы интервенции, т. е. расположенных главным образом на восток и на север от Москвы, как не могущих быть непосредственно подвергнутыми военному удару и могущих служить тыловой базой для снабжения. Из военных заводов в первую очередь намечались заводы, производящие боевые припасы

и снаряжение, а именно снарядные заводы, пороховые, трубочные. Эти заводы намечались в первую очередь как об'екты диверсионных актов.

В соответствии с этим по линии энергетики военной промышленности по моему указанию был разработан Евреиновым план диверсионных мероприятий на этих заводах в соответствии с тем списком, который был выработан под руководством Калинникова и Чарновского совместно с представителями французского генштаба.

В области электростанций намечались диверсионные мероприятия, приводящие к остановке самих станций или их отдельных частей. Предполагалось это производить при помощи порчи трансформаторов, главных генераторов сети и, кроме того, при помощи расстройства диспетчерской службы. С целью согласования отдельных мероприятий по этой части была создана небольшая техническая комиссия. Затем было приступлено к организации диверсионных ячеек в отдельных пунктах, а именно по военной промышленности такая ячейка была создана в пределах Теплотехнического института. Такая же ячейка была создана в МОГЭС, в Электротоке, и было приступлено к созданию таких ячеек в других узловых местах, как, напр., в Донбассе и на других станциях.

Теперь относительно диверсий по железным дорогам. Разработка диверсионного плана по железным дорогам была поручена Коган-Бернштейну, по согласованию с Ларичевым, для выяснения тех направлений, которые являются здесь наиболее важными. При чем способ выполнения этих диверсий мыслился путем создания пробок, препятствующих движению, и в крайнем случае путем разрушения капитальных сооружений.

Что касается военной организации, то, как я уже говорил, первая мысль относительно создания такой организации было выдвинута ген. Лукомским и полк. Лоуренсом в 1928 г. при нашей поездке за границу. В особенности большой напор и требования в смысле создания военной организации опять начались с середины 1929 г., опять-таки после того, как выяснилась невозможность интервенции в 1930 г. Основные задачи этой военной организации были достаточно четко и определенно намечены еще в Париже при свидании с полк. Жуанвилем и ген. Лукомским.

В задачи военной организации в конечном итоге должно было входить: во-первых, информация «Промпартии» о положении и настроении в армии и флоте; во-вторых, установление тесной связи с интервентами и затем другими организациями, как, например, с «ТКП». Затем развитие и укрепление местных военных ячеек «Промпартии» и осуществление постоянной оперативной связи между ними. Затем разработка и проведение в жизнь мероприятий по понижению обороноспособности страны и, наконец, непосредственная помощь при контрреволюционном перевороте, т.-е. в момент самой интервенции путем целого ряда диверсионных мероприятий, скажем, порчи моторов, аэропланов, танков и т. д., то-есть порча военного имущества, разложение главным образом технических войск, доставка в момент интервенции соответствующих сведений интервентам, — вот те задачи, которые были сформулированы еще за границей и которые в конечном итоге должна была осуществлять военная организация «Промпартии».

При подходе к созданию такой организации вообще было намерение сохранить ту же самую структуру, тот же самый подход, как и при создании «Промпартии». Вообще здесь не мыслилось ведение массовой работы, а мыслилось вовлечение главных оперативных работников, через которых можно было бы проводить основные директивы и установки «Промпартии», при чем здесь построение шло главным образом на инженерные и технические войска, ибо, по мнению работников «Промпартии», здесь легче было бы эти связи осуществлять и завязывать. К этой работе было приступлено «Промпартией» во второй половине 1929 г., именно к отысканию необходимых связей и через эти связи к созданию соответствующих ячеек «Промпартии» в отдельных частях армии и флота. Работа эта продвигалась чрезвычайно медленно в виду трудности получения соответствующих знакомств и соответствующей обработки тех военных, которые попадались на знакомства, так что военная организация «Промпартии» находилась в самом начале своей работы.

Что касается разведывательной деятельности «Промпартии», то прежде всего, как я уже указал раньше, «Промпартия» доставляла «Торгпрому» периодические и регулярные поквартально сводки об экономическом положении Союза, которые освещали готовность и почву для интервенции. Такие сводки выполнялись обычно в Госплане и его сотрудниками под руководством Осадчего, Ларичева и Калинникова, при чем общее редактирование этих сводок производилось Осадчим, а пересылка за границу в «Торгпром» через г. К. делалась Ларичевым. Что касается содержания таких сводок, то эти сводки давали по отдельным отраслям промышленности основные кон'юнктурные показатели — по металлу, химической, лесной, текстильной и другим отраслям промышленности, добычу, производство, число рабочих, цены, индексы, — словом, те обычные кон'юнктурные сводки, которые освещают положение данной отрасли промышленности. Обычно эти сводки состояли из отдель-

ных таблиц с небольшим пояснительным текстом.

Помимо этих сводок, как я уже указывал раньше, по просьбе г. К., а затем по просьбе г. Р., составлялись сводки по отдельным отраслям народного хозяйства. Так, например, через Калинникова Майером была составлена такая записка относительно лесной промышленности, Громаном и Гинсбургом на 1930 г. под руководством Осадчего была составлена записка по энергетике страны, через Федотова — по текстилю, Коган-Бернштейна—по НКПС, Ларичева и Стечкина—по топливоснабжению, нефтяной и угольной промышленности. Через меня прошли три записки: Чаянова — относительно сельского хозяйства и перспектив его на 1930 г., записка Гордона и Каменецкого относительно состояния энергетического хозяйства и его перспектив на 1930 г. и записка Стечкина относительно технического положения с авиацией в СССР. Я не знаю, нужно ли говорить о содержании этих записок.

Председатель. Как вы считаете нужным. Это зависит от вас. Если вы считаете содержание этих записок непосредственно относящихся к делу, вы можете их привести.

Рамзин. Укажу очень кратко. Записка по энергохозяйству давала общее представление об энергетическом хозяйстве и о степени его изношенности, перспективы смен отдельных об'ектов энергетического оборудования, импортные возможности и производственные возможности внутри Союза. Вот основное содержание этой записки. Вторая записка была относительно технического положения авиации. Основное содержание этой записки изложено в обвинительном заключении. Там были указаны положение в авиации и некоторые достижения в области авиации. Наконец, последняя записка — в области сельского хозяйства — давала основные показатели в сельском хозяйстве и конкретную оценку на 1930 г., при чем здесь особенное внимание было уделено вопросам недовольства кулацкой части деревни, разрушения кулацких хозяйств, об'ема этого разрушения, волнений и затруднений на 1930 г.

Из других сведений, которые сообщались «Промпартией», как я уже указывал раньше, 3 или 4 раза по просьбе агента французской службы в Москве давались сведения относительно военной промышленности. Раньше регулярная связь по военной промышленности существовала до разгрома вредительской организации в военной промышленности. Насколько мне известно, по сообщению Пальчинского, эти сведения давались раньше генеральному штабу бывшим генералом штаба Михайловым. После этого связь была нарушена, и поэтому сведения, которые могли быть даны, носили разрозненный характер по отдельным случайным заводам, по отдельным случайным об'ектам. Получение таких сведений по химической и металлургической части военной промышленности ЦК «Промпартии» возложил на Калинникова и Чарновского, которые по тем сообщениям, которые они дали, 3 или 4 раза передавали такие сведения г. К., находившемуся с ними в связи.

Эти вопросы, если не повторять ранее сказанного, по-моему, исчерпывают разведывательную деятельность «Промпартии». Таким образом, я считаю исчерпанными основные стороны деятельности «Промпартии», которые были мне известны. Если я что упустил, я могу дать об'яснения по дополнительному допросу.

«Промпартия» — орудие в руках французского империализма

Заканчивая свое первое показание, я позволю себе подвести итоги деятельности «Промпартии». Подводя итоги деятельности «Промпартии», я, несмотря на тяжесть совершенных преступлений и на тяжесть ответственности за них, считаю своим долгом прямо и честно заявить, что деятельность «Промпартии», направленная к свержению советской власти при помощи интервенции в союзе с французскими правительственными кругами и белоэмигрантами, являлась изменой не только советскому правительству, но и родной стране, потому что в случае интервенции вся страна должна была бы подвергнуться ужасам войны и вместе с тем принести свои жизненные интересы в жертву организаторам и участникам этой интервенции.

Преступная работа «Промпартии» по внутренней подготовке интервенции путем создания и углубления кризиса в области промышленности и транспорта, а также деятельность блокировавшихся «Промпартии» и «ТКП», направленная на усиление создания кризисов в области сельского хозяйства, продовольствия, кооперации и финансов, значительно усилили временные кон'юнктурные экономические затруднения Союза и обострили классовую борьбу, нанося этим ущерб народному хозяйству страны, ибо при отсутствии этой вредительской деятельности и активного сопротивления контрреволюционных организаций экономические кон'юнктурные затруднения были бы, несомненно, гораздо менее чувствительными, а темпы индустриализации и соцстроительства были бы еще более быстрыми.

Далее я должен признать, что в период обостренной классовой борьбы и усиленной подготовки мирового капитализма к нападению на Советский союз «Промпартия» стремилась к свержению совласти и к созданию буржуазного государства. Этим самым она стала на

сторону активных врагов социализма и диктатуры пролетариата и сделалась в конечном итоге орудием в руках французских правительственных кругов и белой эмиграции.

Наконец, я должен признать, что вся тяжесть ответственности за вышеуказанную преступную деятельность «Промпартии» ложится на членов ее ЦК, и прежде всего на меня, как на идейного руководителя «Промпартии» и наиболее активного работника по подготовке интервенции. На этом я кончаю.

Председатель. Садитесь, пожалуйста, на место.

ОБ'ЯСНЕНИЯ ПОДСУДИМОГО ЛАРИЧЕВА

Председатель. Подсудимый Ларичев, желаете ли вы дать суду об'яснения по поводу тех обвинений, которые вам пред'явлены и вчера оглашены в обвинительном заключении?

Ларичев. Да, желаю. Я полностью признаю себя виновным в тех тяжелых преступлениях, которые пред'явлены мне обвинением. Став на путь полного признания своей виновности и полного раскаяния в преступной деятельности, я считаю своим долгом перед Верховным судом, а в его лице — перед советской властью и перед всей советской общественностью вскрыть все то, что мне известно из преступной деятельности организации, называвшей себя «Промпартией».

Еще раз история

Я являлся одним из активных участников этой партии, с момента оформления ее находился в рядах ее руководящего органа — центрального комитета. Но еще до оформления «Промышленной партии» я был в числе работников так называемого «Инженерно-технического центра», который явился первой стадией об'единения контрреволюционных, противосоветских настроений инженерных технических кругов. «Инженерно-технический центр» вел свою борьбу с советской властью на почве экономической контрреволюции, которая вылилась в форму широкого вредительства в различных отраслях народного хозяйства и в конце концов проникла чуть ли не во все важнейшие учреждения и организации Союза.

Позвольте сказать несколько слов именно об этой организации. Я не буду вдаваться во всю историю начала борьбы с советской властью и возникновения этой технической организации, но я хотел бы отметить, что основной причиной, побудившей технические круги и инженерство на эту борьбу, являлось прежде всего то, что Октябрьская революция была технической интеллигенцией, большинством старого инженерства встречена явно враждебно. Не говоря уж о верхушке инженерных кругов, которые своими корнями были самым тесным образом связаны с капиталистическими кругами и многие из них даже сами являлись промышленниками в царской России, и рядовое инженерство вступило на путь этой борьбы, на путь активного противодействия советской власти в силу того, что большинство из них было насквозь пропитано идеологией буржуазно-демократического строя, в силу того, что большинство из них было выходцами из буржуазии, а отчасти из мелкобуржуазных, разночинных элементов.

Большинство инженерства в силу указанных причин и в силу органического непонимания не в состоянии было принять основ пролетарского государства и тем более не в состоянии было воспринять пролетарскую диктатуру, в корне нарушавшую привычные формы, привычные условия существования и самое главное — пролетарская диктатура идеологически была им непонятна.

Когда начался период нэпа, то это послужило толчком к возрождению среди этих кругов надежды на осуществление опять-таки своего идеала — демократической республики, но уже не путем открытого сопротивления, путем возможного, как в данном случае надеялись, перерождения советской власти. При чем побудительным поводом к этому было то толкование, которое инженеры дали об'явленному в то время нэпу. Ясное дело, что толкование это было именно в том направлении, что советская власть идет на сдачу первоначальных, установленных при совершении Октябрьского переворота позиций, что допущение в некоторых областях частной собственности,— в частности в торговом обороте, мелкой промышленности,— влечет за собой вообще возможность восстановления в широких размерах частной промышленности и, кроме того, дает возможность говорить о сохранении привычных форм — форм капиталистического ведения хозяйства частной промышленности. Кроме того, техническая интеллигенция совершенно неправильно трактовала решение правительства о привлечении концессионного капитала для работы в Союзе. В этом отношении постановление советского правительства признавалось тоже как уступка, как невозможность вести своими силами народное хозяйство и в то же время рассматривалось как возможность мирной интервенции путем широкого внедрения концессионного капитала внутрь страны. При этом рассчитывали, что вот, мол, на ряду с советскими предприятиями будут существовать концессионные предприятия, и

тут-то сразу и выявятся разница и преимущество ведения капиталистического метода хозяйства перед тем методом, который намечался советской властью. Это сразу даст возможность расценить не только для инженерных кругов, но и для широких кругов населения выгоду и преимущества капиталистической системы. Поэтому, защищая восстановление капиталистического строя и капиталистического ведения хозяйства, инженерство в значительной своей части в первое время стремилось доказать, что советское хозяйство, советская власть не справятся с восстановлением народного хозяйства после той колоссальной разрухи, которая осталась в результате мировой и гражданской войн.

«Углубление» нэпа и вредительство

Притом при этих доказательствах, о которых я скажу дальше, рассчитывали, что под влиянием трудностей восстановления хозяйства естественным образом советское правительство должно и дальше еще итти на сдачу своих позиций, углублять нэп и тем самым осуществить тот идеал, к которому в данном случае стремились, т.-е. сохранение капиталистического строя и перерождение самых государственных форм, т.-е. образа правления. Вот это и дало начало раз розненной сначала, но потом довольно широко развернувшейся вредительской деятельности в разных отраслях промышленности и транспорта. При этом именно в доказательство невозможности справиться своими силами с восстановлением хозяйства общее направление вредительской деятельности пошло в сторону создания всевозможных препятствий восстановлению народного хозяйства и его дальнейшему развитию. С началом такой деятельности в различных отраслях промышленности естественным образом у верхушечной части инженерства появилась мысль об об'единении и направлении этой работы, в результате чего и возникла организация — так называемый «Инженерно - технический центр», или «Союз инженерных организаций».

Инициаторами, организаторами и идейными вдохновителями «Инженерно-технического центра» были Пальчинский, Рабинович и Федорович, как главные лица. Но они были не одиноки, около них был целый ряд других видных, крупных старых специалистов, так или иначе связанных с бывшим капиталистическим миром. Они по своему удельному весу среди инженерства в силу их технического авторитета и как видные общественные работники среди инженерных кругов вообще имели возможность влияния и на более широкие круги инженерно-технических масс.

Доверие к инженерству

К этому времени, т.-е. примерно к началу 1926 г., к которому можно отнести возникновение организации «Инженерно-технического центра», многие инженеры занимали весьма ответственные посты, и вообще правительство признавало необходимость широкого участия инженерных кругов не только в строительстве, но и в управлении промышленностью. Это был период довольно широкого доверия к инженерно-техническим кругам. В целом ряде учреждений многие видные специалисты занимали весьма ответственные должности, и это позволяло им иметь очень крупное влияние на направление хозяйственной политики страны. Эта группа лиц при том доверии верхушечной части, которое им было оказано, под видом весьма энергичной деятельности, которую они проявляли, естественно использовала свое положение как технических консультантов, так и исполняющих более широкие обязанности. Для характеристики этого можно было бы показать, насколько это положение влияло на их деятельность в сторону охвата своим влиянием широких кругов. Если не говорить про Пальчинского, который являлся довольно одиозной фигурой и быстро сошел со сцены, то возьмите фигуру того же самого Рабиновича. Он долгое время, работая и в ВСНХ и в Госплане на самых ответственных должностях, в частности заместителем председателя промышленной секции Госплана, пользовался доверием руководителей этих учреждений в весьма широкой степени. В то же время своим техническим авторитетом и своим знанием положения той отрасли хозяйства, с которой он соприкасался, имел возможность действовать и в направлении других инженерно-технических кругов, работавших или в этом учреждении или в тех отраслях промышленности, в которых им приходилось с Рабиновичем сталкиваться.

Возьмите такую фигуру, как Шейн. Старый специалист, человек, пользовавшийся весьма большим доверием, занимавший весьма ответственные посты, которому в частности было поручено руководство и направление идеологией, если хотите — и умами инженерства, в силу его положения как председателя ВОМБИТ,— и он оказался в тех рядах, которые вели борьбу с советской властью. Если Рабинович два года назад оказался раз'ясненным, то в отношении Шейна вы видите, что он сохранил до конца свое прежнее положение и влияние.

Я привожу этот пример и в частности остановился на Рабиновиче потому, что я лично попал в организацию «Инженерно-технического центра», будучи завербован Рабиновичем, при чем я это хочу сказать не с точки зрения какого-нибудь оправдания. Нет, не с точки зре-

ния оправдания,— тут не может быть и речи об этом, — тут важен последовательный ход событий и важно то влияние, которое распространял «ИТЦ» на сравнительно широкие круги инженерно-технических масс, и как пример такого влияния я и привел.

Образовался «ИТЦ», в котором я начал принимать участие, с конца 1926 г. и имел уже руководящую группу в лице Пальчинского, Рабиновича и Хренникова и последовательно, поскольку мне известно, в состав руководящей группы вошли: Федотов, Янушевский, я, Рамзин, Калинников, Чарновский. Вот собственно была та руководящая группа, которую можно назвать головкой «Инженерно-технического центра», при чем Рамзин здесь говорил, что на группе транспортных вопросов работал Красовский. Он тоже принимал активное участие, но я упоминаю Янушевского потому, что мне ближе была знакома его работа, как члена госплановской организации «Инженерно-технического центра».

Так вот, «Инженерно - технический центр», сорганизовавшись, начал уже систематически об'единять работу отдельных вредительских организаций, которые зарождались иногда самопроизвольно, иногда возникали под воздействием и влиянием связей с эмигрантскими кругами, с бывшими хозяевами, которые толкали на тот же самый путь об'единения. «ИТЦ» явился направляющей и руководящей организацией для проведения вредительской работы. А вредительская работа в тот период составляла основную борьбу с советской властью, именно за восстановление капиталистического строя. В этот период именно то разрушались, то возникали вновь надежды на перерождение советской власти, на возможное углубление нэпа, расширение концессионного капитала. В частности, тут же преследовались и другие интересы — возможность не только восстановления отдельных предприятий, но и улучшения их, а иногда это было и наоборот, в частности по нефтяной промышленности имело место страшное торможение развития промышленности именно в силу того, что наиболее выгодные и лучшие участки нефтяных районов были старательно оберегаемы от эксплоатации, поскольку это не фабрика и не завод и эти участки эксплоатируются в короткий срок.

Не удалось задержать рост народного хозяйства

Под руководством «ИТЦ» оформились отраслевые организации. Появился ряд отдельных фигур, связанных так или иначе с «Инженерно-техническим центром», и ряд группировок, которые аналогично общему «Инженерно-техническому центру» руководили и проводили вредительскую деятельность по отдельным отраслям промышленности. Но несмотря на то, что, скажем, в 1927 г. уже организационное оформление было закончено и более или менее широко развита руководящая деятельность «Инженерно-технического центра», восстановительный процесс народного хозяйства протекал довольно успешно и задержать рост народного хозяйства в конце концов не удалось ни скрытым и ни явным сопротивлением инженерских кругов той активной силе, которая двигала восстановительный процесс, той работе, которая производилась рабочим классом под руководством партии и советского правительства. Эта работа шла настолько успешно, что, в конце концов, даже, несмотря на наличие серьезных актов торможения и отдельных вредительских актов на предприятиях, как я уже сказал, задержать рост народного хозяйства не удалось. Восстановительный процесс прошел даже бурно, но он дал бы больше эффективности, если бы не было актов торможения со стороны вредительских организаций.

Это обстоятельство поставило перед «Инженерно-техническим центром» вопрос, что в конце концов, борясь за восстановление капиталистического строя и, следовательно, борясь с советской властью, недостаточно только одних методов экономической борьбы, — нужно иметь, очевидно, какую-то другую реальную силу, которая дала бы возможность осуществить основную установку «Инженерно-технического центра». Вот с этой поры, по инициативе идеолога и вдохновителя работы «Инженерно-технического центра» Пальчинского и его компании, появляется уже рассуждение о том, что в своей дальнейшей работе надо базироваться уже на том, что считалось к этому времени если не единственной, то весьма реальной силой для борьбы с советской властью, — на возможность интервенции. При чем эти надежды, эти расчеты на интервенцию весьма усиленно подогревались и белоэмигрантскими кругами, с которыми уже отдельные работники «Инженерно-технического центра» так или иначе связались. Уже то, что к этому времени «Инженерно-технический центр» вел борьбу не только за восстановление капиталистического строя, скажем, в форме государственного капитализма, но и делал определенную ставку на свержение советской власти, говорит за то, что это была организация не только кастовая, но что она носила определенный классовый характер защитников и идеологов крупного промышленного капитала, и этим самым уже вся эта организация и ее борьба начали принимать характер политической борьбы.

От «центра» к «партии»

Ясно, в особенности, когда уже ставились расчеты на возможность продол-

жения этой борьбы путем таких методов, как интервенция, что нужно было переходить к расширению платформы «Инженерно-технического центра». Поэтому среди его видных руководителей появились разговоры об оформлении политического лица этой организации, т.-е. о создании политической партии. Несмотря на разношерстность политических убеждений широких инженерных масс, а иногда и просто их политическое безличие, приведение в об'единение, в единую политическую партию при такой разношерстности представлялось как будто бы делом трудным, но был целый ряд моментов, который сделал это оформление и об'единение в политическую партию возможным.

Мотивы для такого об'единения, я считаю, были следующие: как я уже сказал, успешно закончившийся приблизительно в 1927 г. или в начале 1928 г. восстановительный процесс обосновывал переход к реконструктивному периоду, а реконструктивный период, как это было четко и ясно выражено генеральной линией коммунистической партии, означал собою, во-первых, широкую индустриализацию страны с переходом к новым формам строительства, к формам крупного социалистического строительства и к иным организационным формам как в смысле управления промышленностью и отдельными отраслями народного хозяйства, так и внутри — структуры и экономических сторон.

Вот этот переход к новым формам социалистического строительства, вдобавок еще связанный уже с иным размахом, с иными масштабами развертывания промышленности,— что же он означал? Он означал, что при проведении вот этой генеральной линии партии с подготовкой на индустриализацию страны и с переходом к социалистическому строительству в пределах пятилетки, которая уже к тому времени имела основные контуры, он означал бы и показал воочию, что возврата к капиталистическому строю не может быть, если эти установки будут проведены в течение 5 лет.

И вот общее положение этого периода и толкало именно на путь об'единения, консолидации всех защитников старых форм, к тому, чтобы вести уже не раздробленную и не чисто экономическую борьбу, а перейти на методы политической борьбы и образовать свою партию. При чем, поскольку эти группы считали себя защитниками именно крупного промышленного капитала внутри Союза, то и шла речь об организации партии, которая в конце концов и носила это название, т.-е. «Промышленной партии». Дело, конечно, не в названии, а дело в тех установках и в той идеологии, которая скрывалась за этим оформлением.

Побудительными методами к такому оформлению явилось также и то, что в этот период уже сформировались и выявили свое политическое лицо другие контрреволюционные и антисоветские группировки, в виде той же группы Кондратьева — Чаянова, известной под именем «ТКП», и меньшевистской группы Громана, которая в конечном счете ставила себе также целью борьбу с советской властью и ее свержение.

Следовательно, нужно было так или иначе, если разные группировки идеологически расходились, тактически их увязать; тактическая увязка была нужна и выгодна и толкала, конечно, на путь об'единения и оформления инженерно-технических сил. И, наконец, наличие этих группировок говорило за то, что если тем или иным путем (пока не останавливаюсь на этом), путем контрреволюционного переворота, свержение власти удастся произвести, то инженерство считало, что при формировании будущего правительства его роль должна быть весьма активной, с тем, чтобы обеспечить возможность проведения тех общих установок, о которых я говорил, т.-е. установок, обеспечивающих крупную роль в направлении ведения всего народного хозяйства именно за промышленным капиталом.

В этой борьбе, в участии в контрреволюционном перевороте и в борьбе за формирование правительства нужно было выступить как единая организованная сила с политическим кредо, чего, конечно, «Инженерно-технический центр» не мог бы сделать. Ну и конечно, о чем придется еще дальше говорить, к этому подготовлению настраивали и те эмигрантские круги, с которыми «Инженерно-технический центр» был связан. Это все дало основание к тому, чтобы произвести политическое оформление партии, назвав ее, несмотря на целый ряд вариантов, «Промпартией». Оформление началось в конце 1927 г., в начале 1928 и более или менее закончилось к середине 1928 г.

Попутно можно было бы сказать, что в своих разговорах, и не только разговорах, но уже и детальных обсуждениях, «Инженерно-технический центр» и позднее «Промпартия» не только мечтали, но уже конкретно ставили вопрос о возможном составе будущего правительства. При чем уверенность в возможности контрреволюционного переворота давала возможность ставить этот вопрос на почву более или менее детального обсуждения.

Я затрудняюсь точно припомнить все те фамилии, которые назывались как возможные кандидаты будущего правительства, но действительно те фамилии, которые указаны в обвинительном заключении, по крайней мере большинство тех фамилий, которые указаны в обвинительном заключении, мне было из-

вестно, что они предполагались как возможные кандидаты в состав будущего правительства. При чем, как это видно из того списка, который здесь оглашался, оно носило ярко выраженный характер представительства и засилия, полного засилия промышленных кругов в лице эмигрантов и в лице их представителей, а здесь—той верхушечной части инженерства, которая явилась проводником их идей. Важно отметить именно то, что само правительство контрреволюционного переворота мыслилось в первый период, при наличии военной диктатуры. При чем здесь и «Инженерно-технический центр», а по его информации и эмигрантские круги знали, что происходят колоссальнейшие сдвиги в психологии широких масс населения, идет их колоссальное политическое воспитание, и, следовательно, в какой бы форме ни был произведен контрреволюционный переворот, будущее правительство встретится здесь совершенно не с теми массами, с которыми приходилось иметь дело до Октябрьской революции.

На сочувствие масс было мало шансов

В этом отношении рассчитывать при таком перевороте на широкое сочувствие масс, не только рабочего класса, сочувствие которого вообще исключалось, но даже широких крестьянских масс, было мало шансов. Поэтому, поскольку ставка на интервенцию как реальное осуществление контрреволюционного переворота начала являться доминирующей, постольку необходимо было, чтобы первый период свержения советской власти был связан с военной диктатурой. В качестве такого диктатора намечался Пальчинский. Позднее этот вопрос детально не обсуждался, но во всяком случае речь шла о том, что принципиально вопрос о военной диктатуре не снимается тем более, что чем дальше, тем больше увеличивалось бы сопротивление масс этому контрреволюционному перевороту. Поэтому вопрос о военной диктатуре должен был являться основным при организации правительства. Здесь точная кандидатура не выдвигалась, но мыслилось, что это может быть такая фигура, как Осадчий или какой-нибудь руководитель военного центра. Повторяю, что это были лишь разговоры, но они характерны для того, чтобы уяснить себе, как мыслилось дальнейшее направление деятельности.

Оформившись в «Промпартию», эта организация получила в виде руководящего своего состава всю головку «Инженерно-технического центра», которую я и перечислил. Эта головка сделалась автоматически первым ЦК «Промпартии» и в таком виде существовала приблизительно до первого разгрома ЦК с арестом Рабиновича, Пальчинского и Хренникова, когда состав ЦК сильно уменьшился и в нем оставались последовательно Рамзин, Ларичев, Калинников, Чарновский и Федотов. Пополнение этого ЦК было необходимо уже просто потому, что целый ряд основных областей, на которые распространялась деятельность «Промпартии», должен был так или иначе иметь своего не просто представителя, а лицо, через которое можно было бы те директивы, которые намечались ЦК «Промпартии», проводить в жизнь. В этом отношении формально их нельзя, может быть, считать закрепленными, но, впрочем, должен оговориться, что формальных выборов вообще не было, а фактически было, с одной стороны, наследие руководящего «Инженерно-технического центра», а с другой стороны — наибольшая активность определяла и долю руководства в центре. Поэтому оставшийся после первого разгрома ЦК привлек к своей деятельности таких активных работников, как Шейн, Осадчий и Коган-Бернштейн.

Фигура Шейна, как я уже говорил, также давала нам возможность связаться через профессиональные организации, и не просто связаться, а использовать их для идеологического направления и руководства. Осадчий, фигура достаточно известная, был для нас весьма ценный работник. И, наконец, с провалом транспортной организации, с арестом многих видных ее членов связь с ней порвалась, восстанавливать ее было чрезвычайно трудно, и для этого был привлечен не в состав, а к участию в ЦК, Коган-Бернштейн.

Теперь позвольте остановиться на том, на какие собственно силы опиралась «Промпартия» и какова была ее основная установка в работе с момента ее оформления и в последующий период.

Председатель. Может быть, эта часть займет более или менее продолжительное время и ее удобнее будет перенести на вечернее заседание?

Ларичев. Как вам угодно, для меня это удобнее.

Председатель. Об'являю перерыв до 6 часов вечера.

Вечернее заседание

Председатель. Заседание Специального присутствия возобновляется. Подсудимый Ларичев, можете продолжать свое об'яснение. Постарайтесь только не особенно удаляться в далекое прошлое. Ближе держитесь сегодняшнего дня и вашей личной роли в этом деле.

Ларичев. Я и подхожу как раз к одному из существенных вопросов в жизни «Промпартии», именно к вопросу о том,

на какие же силы опиралась в своей деятельности «Промпартия» и какова основная установка была в ее работе.

В рядах «Промпартии» была только часть верхушки старого инженерства

«Промпартия», об'единявшая все организации «Инженерно-технического центра», естественным образом опиралась прежде всего на контрреволюционно настроенную часть старого инженерства. Поскольку многие работники-специалисты занимали в целом ряде учреждений, в хозяйственных органах и друг. организациях ряд ответственных и руководящих постов, то естественным образом они уже представляли из себя крупную силу, на которую можно было опереться в направлении проведения основных установок и основных директив ЦК «Промпартии». Примером в этом отношении может служить довольно широкая организация, которая имела место в Госплане — в высшем планирующем органе — и в том же самом ВСНХ: значительная часть директората имела в своем составе видных работников «Промпартии». В хозорганах точно так же наиболее видные места были заняты работниками «Промпартии». Таким образом, как я сказал, опора в этой области была довольно сильной.

В силу своей кастовой замкнутости и в силу того, что инженерская организация не могла рассчитывать опираться на широкие массы, силы оказались по существу немногочисленными. Я не берусь сделать точный подсчет сил «Промпартии», сделать это было бы довольно трудно, поскольку точный состав не был известен. Но, часто употребляя термин «широкие круги инженерных масс», я должен все-таки сделать одно определенное заявление: употребляя этот термин, нужно сказать, что далеко не все инженерство, не только не все, но даже далеко не все старые инженеры были в рядах «Промпартии». В этом отношении, чем дальше, тем больше ЦК «Промпартии» пришлось убедиться в том, что он переоценивал свое влияние на охват широких инженерно-технических кругов, и в этом отношении, главным образом, работников, занятых непосредственно на производстве, которым приходилось сталкиваться с живой действительной жизнью, участвовать непосредственно в строительстве и иметь гораздо большую связь с рабочими массами, далеко и далеко не всегда было возможно залучить в ряды «Промпартии», несмотря на то, что агитация в этом отношении была поставлена довольно широко.

Я скажу на личном примере: когда мне пришлось быть в 1929 г. в командировке в Кузбассе и вести разговоры с отдельными работниками, я натолкнулся на то, что нам определенно было поставлено на вид, что та политика, которую ведет Госплан (конечно не подразумевалось, что это ведет вредительская организация), неправильна, что роль Кузбасса преуменьшается и что производственные его возможности значительно выше. Эти заявления нам пришлось выслушивать со стороны рядовых работников на производстве. В этом отношении ЦК «Промпартии» приходилось констатировать во многих случаях, что главная его опора — это все-таки верхушечная часть инженерства и по преимуществу в центральных учреждениях.

Но как бы ни была сильна в экономической борьбе эта группа инженерства, работающая в центральных учреждениях или в хозорганах, все-таки необходимо было отдать себе ясный отчет в том, что эти силы для проведения основных целей в совершении контрреволюционного переворота, что эти внутренние силы были явно недостаточны. В этом отношении нужно было искать такие силы, на которые можно было бы рассчитывать как на более действительные в осуществлении контрреволюционного переворота, составляющего основную установку «Промпартии».

Для контрреволюционного переворота нужны внешние силы

Такими силами, конечно, должны были быть внешние силы. В первую очередь «Промпартия» ориентировалась здесь на эмигрантские круги бывших промышленников, при чем с ними еще при первой же возможности начали завязываться связи сначала через отдельных инженеров с их бывш. хозяевами, затем «Инженерно-технический центр» установил известный контакт с организацией этих собственников, т.-е. с «Торгпромом». Затем позднее уже «Промышленная партия» этот контакт реализовала в более прочные связи, и в конце концов эти связи вылились в то, что «Торгпром» являлся направляющим органом в работе «Промышленной партии», именно в достижении той основной цели, к которой стремились и «Торгпром» и «Промышленная партия»—это восстановление капиталистического строя, а в частности возвращение бывшей собственности отдельным бывшим владельцам царской России.

Но в своих более прочных связях, которые начались с конца 1927 и с начала 1928 г., «Торгпром» и «Промпартия» быстро убедились, что осуществление первоначальных наметок о совершении контрреволюционного переворота внутренними ресурсами или разного рода путями мирной интервенции окажется невозможным, и в их совместной деятельности уже сложилось определенно сформулированное отношение к вопросу о том, какова же может быть реальная сила для совершения этого переворота.

Такой реальной силой, естественно, являлась интервенция извне с помощью вооруженных сил иностранных держав. Такие указания относительно интервенции и надежды на возможно более быстрое ее осуществление, как я упоминал, были получены в 1927 г., и уже в первой половине 1928 г. они начали выливаться в форму реальных возможностей. Этот срок, совпадавший с моментом оформления «Промпартии», как я уже говорил, был решающим моментом в ее деятельности именно с такой точки зрения, что укрепляющееся внутреннее положение Советского Союза, укрепляющееся его экономическое положение делает естественными расчеты и ставку на интервенцию, делает естественной в значительной мере ту борьбу, которая велась на почве экономической контрреволюции. Жизнь уже показала, что небольшая кучка интеллигенции не в состоянии была затормозить того мощного роста и под'ема народного хозяйства, который совершался главной действующей силой — рабочим классом. Собственно говоря, эти надежды и расчеты на интервенцию дали толчок и смысл для продолжения вредительской деятельности и даже ее усиления, при чем теперь уже, с оформлением этих расчетов на интервенцию, самый характер вредительской деятельности уже сводился не только к замедлению роста народного хозяйства, но и к подготовке, к созданию таких условий, которые в общем и целом способствовали осуществлению интервенции. Имея связь с «Торгпромом» и рассчитывая на его активную помощь, в частности материальными средствами и возможностью установить тот или иной контакт с заграничными кругами, и чтобы делать действительные расчеты на интервенцию, нужно было быть, конечно, уверенными не только в работниках «Торгпрома», но и в отношении действительных участников этой интервенции, т.-е. представителей государств, которые так или иначе могли принять участие в этом деле.

В сущности говоря, что же «Торгпром» из себя представлял? В конце концов это тоже осколок царской России, как взятый сам по себе, но, поскольку он имел довольно крупные и тесные связи с иностранными промышленными и финансовыми кругами, он уже приобретал силу в том отношении, что он пользовался их поддержкой, также кровно заинтересованных в том, в чем был заинтересован «Торгпром», т.-е. в возвращении их бывшей собственности в бывшей России. С другой стороны, эти иностранные промышленные и финансовые круги, в значительной мере направлявшие политику буржуазных государств, имели возможность оказать на правительства этих государств серьезное давление. Ну, и наконец общее политическое положение, сводившееся к тому, что большинство или, можно сказать, почти все буржуазные государства были проникнуты совершенно определенной неприязнью и враждебностью к Советскому Союзу, главным образом, я бы сказал, в силу того, что выявлялась определенная боязнь роста Советского Союза, боязнь укрепления его политического и экономического положения, которое по вполне понятным соображениям делало их существование далеко не спокойным.

Наконец, в среде капиталистических кругов существовали определенные захватнические тенденции, которые толкали на путь агрессивной политики. Все это и привело к тому, что «Торгпром» не только получил поддержку в своих начинаниях и в своих происках в отношении усиления мероприятий по подготовке интервенции, но в конечном счете самая инициатива подготовки к этой интервенции и пропаганда в конце концов даже перешли к некоторым западноевропейским державам и в первую очередь к правительственным кругам Франции.

Таким образом, «Промпартия», хотя она и представляла собой небольшую сравнительно кучку в количественном отношении лиц внутри Союза, она имела довольно определенную и мощную силу в лице опоры извне. Она не только могла рассчитывать на эту опору, на эти силы, но под напором этих сил, как показала жизнь дальше, она быстро превратилась в послушное орудие инициатора и организатора интервенции. Таким образом, и основная установка «Промпартии» при наличии этих сил была вполне определенна, что единственной реальной силой, способной привести к падению советской власти, может быть лишь интервенция, с расчетом на которую в дальнейшем и должна быть построена деятельность «Промпартии».

Как установились связи с иностранными кругами и каким образом можно было сделать тот вывод, который я сейчас делаю?

1928 год — начало подготовки к интервенции внутри страны

Я уже сказал, что первые сведения о реальности и возможности интервенции начали поступать еще в 1927—28 гг. в результате командировки за границу ряда крупных работников тогдашнего «Инженерно-технического центра», позднее членов «Промпартии» Хренникова и Рамзина. Кроме того, уже из тех связей, которые были установлены в виде письменных отношений с «Торгпромом», было ясно, что можно и должно будет начать подготовку к интервенции внутри страны еще с начала 1928 года.

В первой половине 1928 г. ЦК «Промпартии» уже был ясен целый ряд момен-

тов по этому вопросу, а именно, что в настоящее время вопрос об интервенции стоит уже не в плоскости разговоров, а в плоскости деловой и серьезной разработки, что по этому вопросу имеется уже определенная поддержка со стороны некоторых государств. В частности, ЦК «Промпартии» было известно, что представители «Торгпрома» имели аудиенцию у Пуанкаре и Бриана, где им было определенно заявлено, что в этом вопросе им может быть оказана поддержка и что вопрос этот должен быть рассмотрен уже с технической стороны, т.-е. возможности его осуществления в том смысле, что он может быть прокорректирован отдельными кругами и француским штабом, которому это дело будет поручено. В соответствии с этим уже тогдашняя директива говорила о том, что мы уже должны начать внутри Союза действовать в смысле проведения тех мероприятий, которые действительно обеспечили бы возможность осуществления и проведения интервенции. В частности, тогдашнее более или менее устойчивое, твердое и все улучшающееся с каждым годом положение Советского Союза говорило о том, что не только нет того недовольства, о котором обыкновенно эмигрантские круги сообщали своим покровителям, но что в конце-концов и особых признаков недовольства не наблюдается. Поэтому для того, чтобы оправдать всю эту агитацию, газетную кампанию, ведущуюся среди видных работников иностранных кругов как промышленных и финансовых, так и правительственных, в это время был получен ряд указаний, что если ставится вопрос об интервенции, то он должен опираться внутри Союза в смысле подготовки того кризисного состояния, которое вызвало бы недовольство широких кругов населения, как верный залог того, что осуществление интервенции является и своевременным и безусловно возможным. Все это, правда, носило характер общих разговоров, при чем первые разговоры после возвращения Рамзина сводились к тому, что при кон'юнктуре и обстановке благоприятной была получена реальная почва и называли первый срок предполагаемой интервенции — 1928 год, потому что предполагали, что события в связи с разрывом дипломатических отно-Но решающее значение в направлении деятельности «Промпартии» и в укреплении необходимых связей с иностранными кругами и с «Торгпромом», главным образом с военными иностранными кругами, от шений с Англией могли принять оборот довольно быстрый и так или иначе привести к возможности, при создании антисоветского блока, быстрых действий. которых главным образом зависела подготовка интервенции, — решающее значение в этом отношении имела та поездка за границу, которая имела место в октябре 1928 года, — Рамзина и моя. Относительно этой поездки здесь подробно излагал Рамзин. И я считаю своей обязанностью в той части, в коей мне это известно, подтвердить его сообщение и дать ряд дополнительных указаний, которые, с моей точки зрения, имеют прямое отношение к нему. В результате этой поездки мы имели ряд свиданий и совещаний прежде всего с представителями «Торгпрома» — встреча и совещания в течение одного дня два раза, затем свидание и совещание Рамзина с представителем французского генерального штаба полк. Жуанвилем и эмигрантским генералом Лукомским в присутствии Денисова и третья встреча — моя и Рамзина с полк. Ришаром.

Важно в данном случае установить, что было следствием этих встреч и совещаний и какое они в дальнейшем имели влияние на направление нашей деятельности. Прежде всего, встреча с представителем «Торгпрома» в «Торгпроме» у Денисова в присутствии тех лиц, которые здесь назывались, т.-е. сам Денисов, Нобель, Гукасов, Старинкевич и Мещерский. Эта встреча имела, собственно, три момента: это — вопрос о положении «Промпартии», о положении самого «Торгпрома» и, наконец, основной темой разговора были вопросы интервенции.

Положение «Промпартии» после шахтинского процесса

В части, касающейся внутреннего положения «Промпартии», я считаю необходимым добавить следующие моменты. Когда нам пришлось говорить о нашем внутреннем положении, нам пришлось сказать о временном параличе нашей деятельности, вызванном разгромом первого ЦК, когда нам пришлось временно ослабить и руководство и направление всей деятельности, что явилось в значительной мере следствием раскрытия шахтинской и транспортной вредительских организаций. И вот, интересуясь этими вопросами, представители «Торгпрома» нас просили остановиться более подробно, в какой мере угрожает опасность существованию ЦК «Промпартии» в дальнейшем. В этом отношении указывалось, что тот главный процесс, шахтинский процесс, который происходил, в значительной мере обратит внимание широких кругов на всю нашу деятельность и заставит более бдительно и более осторожно относиться к тем мероприятиям, которые так или иначе проводятся на местах. В этом отношении мне пришлось указать на то, что хотя шахтинский процесс действительно нанес серьезный удар нашей организации — угольная организация в значительной мере распалась, но в конце концов основные корни вредительской деятельности, и в данном случае не только

одной вредительской деятельности, но корни, идущие дальше по линии «Промпартии», т.-е. основные установки ее работы, направленные к созданию возможностей совершения контрреволюционного переворота, — эти корни шахтинским процессом вскрыты не были. В этом отношении мы считали, что немалую помощь в том, что эти корни не были вскрыты, сыграли те два общественных обвинителя, которые выступали на процессе, т.-е. Осадчий и Шейн, которые, будучи членами «Промпартии» и определенно выступая общественными обвинителями и трактуя о ряде вредительских актов на местах, не коснулись и, по совершенно понятным и естественным соображения, завуалировали то обстоятельство, куда в конце концов вела эта вредительская деятельность, которая совершалась в Донбассе. Лишь краешком были задеты разговоры на шахтинском процессе о том, что существует московский центр, но этот центр не был обнаружен. ЦК «Промпартии» хотя и временно был парализован, но все-таки не был разрушен. Основные установки этого центра также не были выяснены. Это обстоятельство и послужило еще большим доводом к тому, что представители «Торгпрома», в частности Денисов, настаивали на сохранении нашей организации. Они указывали на то, что их положение в значительной мере укрепилось, так как, по заявлению Денисова, поддержка правительства Франции и в значительной мере Англии была обеспечена в направлении их работы и возможности их воздействия на нашу организацию.

Как характерный пример, который имел прямое отношение к нашей дальнейшей работе, можно указать на то, что, несмотря на существование принципа разделения обязанностей между «Торгпромом» и «Промпартией», которое было установлено на совещании, «Торгпром» не настаивал на детализации тех указаний и тех директив, которые были нужны для проведения этой работы. В этом отношении он целиком полагался на ЦК «Промпартии», которому на месте было виднее, какими методами и какими путями здесь можно действовать. В этом отношении характерно, что Денисовым было обращено внимание на то, что в данный момент необходимо сосредоточить все силы на вредительской деятельности по линии металла, как самого уязвимого места с точки зрения обороноспособности страны, и достижении путем этого общей цели, т.-е. создания кризиса.

Разговоры в Париже имели под собой серьезную почву

Вот эти два момента характеризуют ту часть беседы, которая велась по линии возможности дальнейшего существования ЦК и поддержки его со стороны «Торгпрома». Главной темой разговора была тема об интервенции. Уже не касаясь деталей — они изложены в обвинительном заключении, они изложены очень подробно Рамзиным, — я сделаю вывод, что в результате этих сообщений нам прежде всего дали понять, и недвусмысленно, что политика, которую ведут правительственные круги Франции в отношении СССР, такова, что эти круги занимают явную и определенно-враждебную позицию, несмотря на сохранение официальных отношений, что в этом отношении уже не только имеется поддержка со стороны французских правительственных кругов для интервенции, но что в конце концов они являются вдохновителями этой идеи. Положение в данном случае было таково, что подготовка и разработка мероприятий в этом отношении, инициатива этих мероприятий была поручена французскому генеральному штабу. Доказательством служили самое наличие комиссии Жанена, которая работала над техническим оформлением этого вопроса, определенная связь с генералом Лукомским, возможность организации и использования экспедиционного корпуса, который может быть поддержан и финансово и технически, и, наконец, то, что нам было сообщено, хотя и без особых деталей, то, что те реальные силы, которыми может располагать интервенция, — это армии Польши, Румынии и части прибалтийских держав, которые в техническом отношении и в материальном снабжении имеют поддержку и руководство со стороны французского генерального штаба. Уже детали этого дела доказывали серьезность всех этих предположений, а именно то, что уже имелась, хотя, может быть, и незаконченная, разработка определенного плана интервенции. Кроме того, предпринятая подготовка давала возможность рассчитывать по политическим, техническим и военным соображениям, что сроком интервенции будет 1930 год. Этот вопрос был и нам предложен, и мы по опыту целого ряда благоприятствующих этому делу моментов согласились, что он является наиболее приемлемым.

После того, как эти обстоятельства перед нами были выявлены в результате бесед, для нас стала ясна та поддержка и «Торгпрома» и в его лице и «Промышленной партии», о которой нас уверял Денисов. Действительно, у нас сложилось полное убеждение, что в этом отношении разговоры, имевшие место в Париже, имели под собой более чем серьезную почву. Но, с другой стороны, мы чувствовали тут же, что и на «Торгпром» и на «Промышленную партию» имеется уже определенный нажим в смысле не просто ускорения мероприятий по подготовке общего кризиса, а и в смысле

углубления работы по линии уже чисто военного характера.

Здесь можно было бы не повторять того, что уже достаточно ясно изложено Рамзиным, а именно, что первые разговоры о создании военных организаций, военных ячеек возникли еще в тот период. Кроме того, поступал уже целый ряд требований и относительно организации разведывательной работы, т. е. сообщения сведений о военной, химической и т. п. промышленности, как этого требовал Ришар.

Все было ясно и понятно

Кроме того, нужно отметить еще один важный момент, то, во что нас просто неохотно посвящали по целому ряду соображений, но что мы достаточно уловили (мы же не маленькие дети, все было ясно и можно было понять), — это то, что при осуществлении того плана интервенции, который намечался выступлением Польши, Румынии и прибалтийских держав, придется определенно столкнуться с серьезными захватническими стремлениями, в частности с претензиями Польши на Правобережную Украину. В разговоре неофициального порядка с представителями «Торгпрома» было видно, что они сами еще не знают, как выйти из положения, как эти аппетиты могут быть сокращены или в значительной мере ослаблены, если совершенно невозможно их устранить. Тут, может быть, были известные расчеты на внутренние противоречия, но в конце концов тенденция была совершенно ясна, и затушевывать этот вопрос было нельзя.

Еще более определенно ставился вопрос о том, что при осуществлении интервенции, возможности переворота и создании нового правительства придется, конечно, определенно считаться не только с возвратом собственности бывшим иностранным владельцам, но итти и на широкие концессии. Не детализируя этого вопроса, просто придется сказать, что пришлось бы столкнуться с определенным экономическим захватом целого ряда важнейших отраслей хозяйства Союза, — например, захват нефтяных районов Баку и Грозного. В этом отношении уже группа Нобеля, Гукасова и т. д. целиком и полностью работала по указке мощной группы Детердинга, который имел большое количество акций бывших нефтяных фирм и мог не только рассчитывать на возвращение ценностей, соответствующих этим акциям, но и на определенное, чуть ли не монопольное положение в нефтяных районах Кавказа.

Это один из типичных примеров, и ясное дело, что за ним следует целый ряд других подобных. В результате этих совещаний еще важно было установить, что с этого момента «Промпартия» не только получила определенное направление своей деятельности, но устанавливала два момента прочных связей уже не только с «Торгпромом», но и с французскими военными кругами через тех лиц, которые нам были указаны в Париже.

И наконец был урегулирован вопрос о финансировании «Промпартии». Вопрос этот был урегулирован тем, что предполагалось возможным — и это было осуществлено — финансирование «Промпартии» в размере около миллиона рублей в год, при чем во избежание всех тех неприятностей, с которыми было связано получение денег, с этого момента устанавливался порядок получения денег через агентов французской службы в Москве, с доставкой их ко мне или к Рамзину на квартиру. Таким образом, на этом совещании была внесена ясность в целый ряд вопросов, которые для нас были до сих пор не совсем ясны. Получилась договоренность по целому ряду существенных моментов и технического порядка и принципиального отношения к некоторым вопросам. Это и послужило к тому, что наша работа получила определенное направление и определенный смысл.

Вот итоги наших совещаний в Париже и отчасти в Лондоне. Может быть, стоит упомянуть встречу с полк. Лоуренсом и другим агентом английского штаба, с которым мне пришлось столкнуться по поручению Стрижова, который, будучи за границей, не мог побывать в Англии и передать те необходимые сведения, которые у него были по поводу подготовки баз в Черном море. Эти сведения я обязался передать и в одну из таких встреч сообщил эти данные. При чем в ответном разговоре и в частности в разговоре с полк. Лоуренсом мы, естественно, интересовались отношением английских кругов к вопросам интервенции. Во всяком случае, мы из этих разговоров могли сделать заключение, что если не активная помощь, то сочувствие к этому вопросу имеется определенное. Следовательно, заверение Денисова о поддержке их со стороны английских промышленных кругов и отчасти консервативного в то время английского правительства было налицо.

Установление регулярной связи с «Торгпромом» и французским генштабом

После нашего возвращения мы доложили об этих результатах центральному комитету «Промпартии», и с этого момента и было решено твердо, уже опираясь на основную установку, именно на интервенцию в 1930 г., повести нашу дальнейшую работу, при чем все наши дальнейшие сношения и с «Торгпромом» и с французскими военными кругами, с французским штабом, проводимые через определенных лиц французской службы

в Москве, получили регулярный характер. Это обеспечивало своевременное получение и передачу необходимых материалов как со стороны ЦК «Промпартии», так и соответственную своевременную информацию из-за границы, и не только информацию, но и руководящие указания.

Связь эта поддерживалась через двух лиц — г-на К. и г-на Р. тремя членами ЦК — Рамзиным, Калинниковым и мною. Лично мне, по согласованию с Рамзиным, поручалось иметь определенную связь с одним из этих агентов, именно с г. К., и на моей обязанности лежало получение денег, которые доставлялись ко мне на квартиру этим агентом, и через меня же обратно при получении денег передавался соответственным образом портфель с материалами, которые направлялись или в «Торгпром» или служили ответом на отдельные запросы со стороны французских военных кругов.

Председатель. Подсудимый Ларичев, ваши последние слова едва доносятся до суда. Прошу вас говорить громче и внятнее.

Ларичев. Постараюсь. С этим г. К. мне пришлось иметь шесть встреч после нашего возвращения из-за границы. Правда, знакомство с ним у меня было еще до нашей поездки в Париж; именно в мае 1928 г. я познакомился с г. К., при чем о нем я слыхал еще от Хренникова и от Пальчинского, которые, повидимому, первые установили с ним связь, так как он давно уже проживал в Москве.

Из моих встреч с г. К. я должен отметить, что четыре из них были очень коротки и заключались главным образом в выполнении технической стороны дела, т.-е. в передаче и получении от нас материалов и в короткой информации общего характера, которую он считал необходимым нам передать.

Большая часть основных инструкций была или в письмах «Торгпрома» или в указаниях французского штаба передана с тем материалом, который им приносился.

На двух из этих встреч я должен остановиться несколько более подробно. Это именно встреча, кажется, в декабре или январе 1928 года, когда кроме меня г. К. виделся у меня на квартире и с Калинниковым, и мы имели беседу по ряду технических моментов. Прежде всего, поскольку это была одна из первых встреч, шел разговор об организации нашей основной с ним связи, затем еще раз получены были через него из-за границы данные от «Торгпрома», подкрепляющие, что срок интервенции отодвигался на 1930 г., и ряд отдельных мелких указаний и заданий.

И, наконец, еще одно, более серьезное совещание, которое у меня было с ним в конце 1929 года вместе с Калинниковым. Здесь вопрос по существу касался очень серьезного момента, именно вопроса об отсрочке интервенции, поскольку таковая к этому времени выяснилась. По этому вопросу г. К. сообщил, что решено окончательно перенести срок интервенции на 1931 г. и что соответствующие указания, кроме нас, даются и Рамзину через другое лицо. Кроме того, когда зашла речь о том, почему и чем именно вызвана отсрочка интервенции, то в данном случае много внимания в нашем разговоре было уделено создавшемуся положению после неудачной дальневосточной авантюры, при чем из слов г. К. следовало, что французские круги были чрезвычайно заинтересованы в этом вопросе, поскольку сама Восточно-Китайская ж. д. их интересовала и поскольку, в конце-концов, это был известный «пробный шаг», как его называл Рамзин, т.-е., собственно говоря, тот диверсионный ход, который был по инициативе, в значительной мере, французского штаба, под давлением более широких кругов предпринят, при чем эта неудача политическая и военная вызвала весьма большое озлобление, хотя вопрос об отсрочке интервенции зависел не только от этого, но и от ряда других моментов. Выяснилось, что расчет на слабость Красной армии, — а такое представление было во французских кругах до сих пор, — далеко неоснователен, что нужна гораздо более серьезная подготовка к интервенции и работе чисто-военного характера, чтобы воздействовать на части Красной армии. Этот вопрос он просил меня и Калинникова поставить перед ЦК «Промпартии» в том смысле, чтобы ускорить фактическое осуществление той директивы, которая уже была дана и неоднократно подтверждалась.

Скажи мне, сколько тебе дадено...

Из других наших взаимоотношений, как я уже сказал, прежде всего вытекала моя обязанность по получению денег через его агента и их передаче в соответствующие организации. Я точно не берусь восстановить суммы, распределенные нами, поскольку, по чисто конспиративным соображениям, никакой бухгалтерии, конечно, не велось, но припоминаю приблизительно о следующем распределении этих сумм: для топливной промышленности — торфяной, угольной и нефтяной — около 350 тысяч было передано через меня в отраслевые организации, металлопромышленности — около 300 тысяч, при чем около половины этих денег было непосредственно передано Хренникову. Уже после этого деньги начали поступать через других лиц — через Чарновского и Гартмана. Калинников получил около 200 тысяч для химической и военной промышленности. Он, со своей стороны, действовал или через Шейна, или через других

лиц. Лесной промышленности, по согласованию с Калининковым, было передано около 50 тыс. р. Теплотехническому институту, я точно не помню, какая была передана сумма, так как Рамзин распределял деньги из тех средств, которые у него были, по, кажется, была дана сумма около 50—60 тыс. Наконец, через Коган-Бернштейна была передана сумма порядка полутораста тысяч рублей транспортной организации — железнодорожным и водным — и за экономические работы ВСНХовским работникам через Белоцерковского и группе Громана, поскольку эта группа руководила, главным образом, работой в Госплане по составлению кон'юнктурного обзора и давала нам возможность пользоваться этими материалами. На поддержку этой деятельности предназначалась часть сумм. Я, кажется, упустил текстильную промышленность. Текстильной промышленности около 200 тыс. р. было передано через Федотова. Если не ошибаюсь, всего в конечном итоге около 1.600 тыс. р. было получено нами за это время.

Теперь позвольте остановиться на характере той работы «Промпартии», который она получила после нашего возвращения из-за границы и после обсуждения с Рамзиным доклада ЦК «Промпартии».

Работа над созданием минимальной пятилетки

После нашего возвращения из-за границы ЦК возобновил свою работу и руководство различными организациями «Промышленной партии», при чем, как я уже раньше указывал, подкрепил себя участием таких крупных работников, как Осадчий, Шейн и Коган-Бернштейн. В получившемся составе, с участием этих лиц, в этот период времени — 1928—29 г. за первый и второй квартал, — основное, куда были направлены усилия «Промпартии», — это проведение тех директив, тех установок, которые мы имели при составлении пятилетнего плана. Основными мероприятиями и директивами, которые были даны в этом отношении ЦК «Промпартии», являлись минимальные темпы развития народного хозяйства и создание диспропорции в народном хозяйстве и внутренних диспропорций в пределах отдельных отраслей народного хозяйства с тем, что все эти мероприятия обеспечивали бы создание общего кризиса к 1930 г. прежде всего по линии основных отраслей — металла, топлива, электроснабжения и транспорта, так как дезорганизация в этих областях естественным образом и скорее всего ведет к дезорганизации всего народного хозяйства.

Работа в этом отношении была начата еще раньше «Инженерно-техническим центром», который, пользуясь своим влиянием, через госплановские круги уже, собственно говоря, эту установку проводил. Но теперь были уже более определенные и конкретные цели, как я сказал, — это подготовка к созданию общего кризиса и проведение мероприятий, которые били по наиболее чувствительным в оборонном отношении местам, т. е. обеспечивали осуществление интервенции.

Но, в данном случае, из старой практики можно было убедиться, что силами одной «Промпартии» и одними техническими кругами этой работы провести при составлении пятилетнего плана было невозможно, потому что на этот участок было обращено внимание всей советской общественности, так как эта работа шла на представление правительству. Чтобы обеспечить эту работу, «Промпартия» имела очень мощных и крупных союзников в лице других контрреволюционных группировок, а именно по линии группы Кондратьева—Чаянова и экономической группы Громана.

Тут мало было доказать, что невозможно по техническим соображениям поставить на известную высоту развитие металлической промышленности или топливной, тут нужно было убедить широкие круги советской общественности и правительственные круги, что вся экономика построения пятилетнего плана определялась известными лимитами, в частности вопросы накопления обусловливающие масштаб и темпы развертывания пятилетнего плана.

Вот именно помощь с этой стороны, когда не только техническими соображениями, но и якобы ограниченностью возможностей накопления, возможностей, определяющих собой размеры строительства, — эта помощь и была с успехом проведена той агитацией и теми доводами, которые развертывались экономическими группировками, в частности в вопросе о так называемой «затухающей кривой» в темпах развития народного хозяйства и т. д.

По сельскому хозяйству запроектированы были минимальные планы его развертывания, минимальные планы его индустриализации, минимальные планы машинизации сельского хозяйства; по линии выпуска предметов широкого потребления, обусловливающих собой снабжение населения, также были даны определенные минимальные задания, которые уже и приняты для исполнения по отдельным отраслям промышленности. Это все сводилось к тому, что 1930 год, при таких проектировках не только со стороны промышленности, но и сельского хозяйства и предметов широкого потребления, бесспорно давал возможность рассчитывать на создание общего кризиса, в том числе и продовольственного и прочего снабжения. Таким образом, при рассмотрении пятилетки как в фокусе сосредоточилась борьба всех антисо-

ветских сил, и в этом отношении «Промпартия» использовала целиком этот момент для проведения своих целей через разные группировки именно в плановых органах, поскольку был определенный смысл итти к проведению вредительской деятельности именно в этом направлении.

Мне лично поручено было руководить работой по проведению вредительской пятилетки по линии топливоснабжения. Рамзин очень подробно останавливался на этих вопросах. Я лишь должен их подвести под общую скобку, не касаясь отдельных деталей, которые, если понадобится в процессе дальнейшего рассмотрения этого вопроса, я постараюсь осветить. Вопрос здесь сводился к проведению начатой уже в этом отношении работы, а именно преуменьшению темпа развития топливной промышленности и, главным образом, углублению и заострению топливного кризиса в 1930 г. В этом отношении планы — и ежегодные и перспективные — были составлены с таким расчетом, что общее напряжение с топливоснабжением оставалось постоянным, запасы оставались минимальными, и, следовательно, малейшие перебои и в работе транспорта и в работе отдельных об'единений, ведающих топливом (в частности в период военных действий, когда мобилизации неизбежно отрывают часть рабочих кадров), давали возможность рассчитывать на то, что отдельные организации и тресты могут не дать нужного количества топлива.

Таким образом, при малейших перебоях в транспорте и в работе самих предприятий топливный кризис может быть вызван в любой момент, а о значении топливного кризиса нечего говорить, поскольку практика мировой войны показала, насколько это — уязвимое место в общем народном хозяйстве.

Тут же нужно упомянуть, что полученная нами от Денисова директива относительно металлопромышленности была нами передана Хренникову, Калинникову и Чарновскому и в той же мере была ими проведена, как и топливниками, по линии развертывания металлопромышленности, при чем ряд моментов теснейшим образом переплетался и в результате давал тот кризис, который нужен был всем вредительским организациям. Скажем, развитие топливной промышленности зависит, прежде всего, от наличия оборудования при постройке новой шахты. В этом отношении развитие горнозаводского снабжения в пятилетнем плане почти что не было запроектировано, не говоря о том, что мы к 1930 г. не могли базироваться на получение собственного оборудования, так как в основном приходилось рассчитывать главным образом на импортное оборудование. Не была организована в нужных размерах постройка врубовых машин, которые составляют сущность развертывания топливной промышленности, и т. д. Особенно стоило бы остановиться именно на диспропорции, которая получилась между развитием нефтетранспорта и теми размерами добычи, которые намечались даже по минимальному плану, не говоря уже о том, что последующие задания еще больше обостряли положение. Если вспомнить ту роль, которую играет нефть и может играть в военное время, как топливо более транспортабельное, то отсутствие транспортных средств сразу влечет чрезвычайно серьезные затруднения именно в военное время.

Аналогичная работа была развернута и в области электрохозяйства. Таким образом электрохозяйство и топливное хозяйство, составляющие основу энергетики, основу пятилетнего плана, оказались при проектировании в минимуме не только для пятилетнего плана, но и для 1930 г., с тем, чтобы обеспечить выполнение указанных мною выше условий.

Диверсионная и шпионская работа «Промпартии»

От этой работы по пятилетнему плану, являвшейся до некоторой степени продолжением той деятельности, которая велась «Промпартией» раньше, «Промпартии» постепенно пришлось переходить к другой работе, а именно уже с весны 1929 г. к нам начали поступать определенные требования об углублении и усилении нашей деятельности в области диверсионной работы. Опять-таки не останавливаясь на деталях этого вопроса, я должен сказать, что ко мне лично от г. К. в одно из наших свиданий (если память мне не изменяет, это было осенью, кажется, в сентябре 1930 г.) поступило уже определенное требование, чтобы подготовить диверсионные действия в направлении мобилизационного запаса топлива. Я не буду останавливаться на деталях этого вопроса, но скажу, что это задание было мною передано после Коган-Бернштейну, — задание по разработке плана диверсионных действий на железных дорогах. Мне, как не-специалисту в этом вопросе, не пришлось самому работать в этой области.

Наконец, ряд вопросов разведывательного характера мы обязаны были давать по указаниям и требованиям и «Торгпрома» и тех агентов французской службы, с которыми нам приходилось встречаться. Помимо тех общих сводок, которые мы более или менее регулярно поквартально составляли для «Торгпрома», они же в копии сообщались и французским кругам, интересующимся этими вопросами, — об этих сводках, указанных в обвинительном заключении, я должен подтвердить, что они составлялись главным образом работниками Госплана. Поскольку это дело касалось вопросов промышленности, они составлялись Ка-

линниковым. В части топлива мною давались сведения, и общая обработка сведений делалась Осадчим. Но главным образом нами использовались материалы, которые имела в своем распоряжении экономическая группа Госплана, занимавшаяся подготовкой кон'юнктурного обзора для доклада президиуму Госплана. При чем эти документы, шедшие в президиум Госплана, далеко были не официального порядка, они иногда не подлежали оглашению и, если этого требовали обстоятельства, перередактировались, — давались соответствующие пояснения и указания относительно тех моментов, на которые необходимо было обратить внимание «Торгпрому» и французскому штабу.

В частности мое участие выражалось в составлении сведений о топливном положении вообще, в составлении данных о положении в топливной промышленности и о положении топливных запасов в стране, в том числе мобилизационных.

Наконец со второй половины 1929 г. и в особенности с конца 1929 г. перед нами уже решительным образом был поставлен один из самых тяжелых вопросов о выполнении тех поручений, которые были нам даны во время нашего пребывания в Париже, — об организации военных ячеек. К этой работе ЦК «Промпартии» приступил не сразу, в силу трудностей ее осуществления, но в конце концов, когда нажим был достаточно силен, нужно было так или иначе принимать эту работу к исполнению. При этом, как уже говорил Рамзин, им были получены настойчивые указания на необходимость выполнения работы по организации военных ячеек «Промпартии» и по охвату отдельных специалистов в Красной армии, а также по получению сведений в этом направлении. Точно так же на этом свидании, которое имело место у меня на квартире, г. К. подтвердил, что это задание дается в более решительной форме, так как внутренняя работа по подготовке интервенции была признана явно недостаточной, ибо, несмотря на ряд предпринятых мероприятий как по проведению пятилетки и определенных участков по пятилетке, так и по годовому плану, все-таки, тот внутренний кризис, который должен был в результате нашей работы наступить, не наступил.

Успешное выполнение плана первого года пятилетки нанесло большой удар подготовке интервенции

Чем же было вызвано такое положение? Дело в том, что первый год пятилетки показал весьма успешное выполнение плана, и в конце-концов в результате вскрылось, что производственные возможности Союза в значительной мере больше тех возможностей, которые были определены в пятилетнем плане, иначе говоря, вскрыто было то, что было скрыто при вредительской пятилетке.

Председатель. Ваши последние слова были плохо слышны, пожалуйста повторите.

Ларичев. Я говорил, что в конце-концов в результате первого года пятилетки, когда подошли к составлению плана второго года пятилетки, вскрылось, что производственные возможности принятого пятилетнего плана по отдельным отраслям народного хозяйства явно преуменьшены и что производственные возможности могут быть значительно выше. Я и сказал фразу, что было вскрыто то, что было скрыто в вредительской пятилетке. Это было довольно серьезным ударом, разрушением широко ведущейся работы по внутренней подготовке интервенции. Это обстоятельство вызвало целый ряд нареканий на нашу деятельность, но в этом отношении причина лежала именно в том же, в чем она в конце-концов выразилась, когда я давал формулировку относительно хода восстановительного процесса, что под реальной действительностью фактическое выполнение этого плана понижалось, и в этом отношении, несмотря на тот мрачный прогноз, который давался летом 1930 года, имевшие место более или менее экономические обоснования кризиса были жизнью разрушены, и не просто жизнью были разрушены, а шла определенная борьба на целом ряде участков. Если вы вспомните, что за эти годы имел место ряд отдельных прорывов, а может быть и кризисов, но они были преодолеваемы теми усилиями, которые принимались и железной волей партийных руководителей и, в конце-концов, фактическими исполнителями плана, т.-е. всем трудящимся населением.

Должен признать, что с этой стороны наши результаты действительно оказались неудовлетворительными, и второй год пятилетки показал воочию, что конкретно может быть поставлен вопрос о пятилетке в четыре года, а по некоторым отраслям хозяйства и в три года. И в этом отношении я, может быть, расхожусь в той оценке наших мероприятий, которая была дана в этом направлении, т.-е. в преувеличении плана и перегибании палки в другую сторону. Иногда нам казалось, что мы перегибаем палку. Конкретный пример — о 40 миллионах, где Рамзин дает оценку, что это невозможная вещь, невозможная ни при каких условиях. Я незадолго до ареста разбирал этот вопрос и скажу, что это возможно, правда, при определенных условиях, технические средства к этому имеются. В данном случае вредительство было. Не то, что мы не располагаем техническими средствами и не можем фи-

вически этого сделать, а то, что общая обстановка, находившаяся под руководством и влиянием таких организаций, как Госплан и ВСНХ, способствовала тому, что нельзя было проявить эти возможности. С этой поправкой можно сказать, что максимальные план и темпы и нами самими рассматривались, как невозможные, но жизнью это опровергалось. В дальнейшем, если понадобится, по отдельным конкретным фактам эти моменты отчетливо выясню.

Карты вредителей биты по всему фронту

Такое положение и в 1929—1930 году приводило к тому, что обещанный нами кризис не наступает, недовольства населения нет, и даже труднейший момент в жизни Советского Союза — коллективизация сельского хозяйства—и то в конце-концов опять-таки громадной решимостью с этого момента начинает преодолеваться и становиться на прочную почву, так что карты, если можно так выразиться, были биты по всему фронту.

Эти обстоятельства естественным образом учитывались и всей зарубежной группой и естественным образом вызывали недовольство нашей работой и нажим на нас, чтобы мы быстрее меняли фронт нашей работы и направили его по линии мероприятий разведывательного, диверсионного и военного характера, при чем, несмотря на отсрочку интервенции, этот нажим не ослаблял внимания французских военных кругов к вопросу интервенции, и это общее создавшееся положение внутри Союза тоже нисколько не ослабляло внимания, а наоборот усиливало, потому что именно когда начали выясняться эти моменты, тут же начался и решительный нажим с конца 1929 г. и начала 1930 г. на перестройку работы, на иную подготовку интервенции, которая намечалась в 1931 году.

Это вытекало из того, что в конце-концов мы сами понимали, да и за границей прекрасно разбирались, что каждый год приводит все к большему и большему укреплению Советского Союза и медлить с нанесением определенного удара, который предполагался, не представляется возможным. Следовательно, если уже в силу и общеполитической обстановки, которая сложилась на Западе, и тех неудач, которые были с дальневосточной авантюрой, и неудач по подготовке к созданию кризиса внутри страны, отсрочка была всего лишь на год, то это о многом говорит. Именно к этому году и были приурочены те решительные методы борьбы и подготовка внутри Союза, на которые я указываю. Таким образом, если отсрочка интервенции была сделана только на короткий срок, то этим самым не снята в конце-концов та угроза, которая нависла над Советским Союзом в смысле опасности нападения, ужасов войны и т. д.

В этом отношении, давая свои показания, я считал необходимым главным образом остановиться на тех источниках, каналах, по которым проводилась эта подготовка к интервенции и которая привела к изменению методов работы «Промпартии» и толкнула ее на путь деятельности самого преступного характера, а именно — шпионской, диверсионной и военной, которая явилась одним из самых тяжких преступлений «Промпартии». Эта деятельность означала измену «Промпартии» государству. Эта измена становилась еще более тяжелой, так как она направлена была против государства, которое строилось пролетариатом, как одно из первых социалистических государств в мире. Это еще больше усиливает и без того чрезвычайно тяжелое преступление, которое было сделано «Промпартией», в том числе и мною.

Я заканчиваю тем, чем и начал, я полностью признаю себя виновным в совершении в числе участников и руководителей «Промпартии» тех преступлений, которые мною здесь формулированы и дополнительные сведения о которых, кроме моих показаний, я считал необходимым сделать по этому делу.

Председатель. Подсудимый Ларичев, можете сесть на место.

Об'является перерыв на 10 минут.

ОБ'ЯСНЕНИЯ ПОДСУДИМОГО КАЛИННИКОВА

Председатель. Подсудимый Калинников.

Калинников. Верховные судьи, чтобы вам было ясно, каким образом я, пользовавшийся высоким доверием советской власти, бывший член президиума Госплана Союза, этого экономического штаба строительства социализма в нашем Союзе, сделался государственным преступником, позвольте мне проанализировать вкратце мои отношения к советской власти в разрезе отношения к ней технической интеллигенции или инженерства.

Как я сделался государственным преступником

Всем известно, что инженерство у нас в России в массе своей являлось выходцем из среднего сословия. Только отдельные единицы происходили из дворян, служилой высшей бюрократии и бывшей буржуазии. Нужно сказать, что эти единицы не занимались инженерской деятельностью, а шли по другой линии— линии наследственной.

До революции жизнь этой технической интеллигенции и инженерства была тес-

ными узами связана с капитализмом, с капиталистической промышленностью и транспортом у нас в России, а потому волей-неволей она проникласъ буржуазной идеологией.

Крах русской буржуазии в октябре 1917 г. не мог не восстановить против новой власти технической интеллигенции, которая свое существование не мыслила без существования русской буржуазии.

В борьбе против Октябрьской революции верхи технической интеллигенции, которые тесно срослись с капитализмом, т.-е. промышленные инженеры, занимавшие высокоответственное положение в промышленности, на транспорте, приняли живейшее участие, что выразилось в открытом саботаже против мероприятий и распоряжений советской власти.

Октябрьская революция застала меня на службе в Московском высшем техническом училище в должности профессора и в Управлении московского уполномоченного по металлу в должности заведующего техническим отделом. В Управлении московского уполномоченного по металлу я оставался до смены уполномоченного профессора Ясинского и назначения коллегии Моссоветом. Это было в середине 1918 г. Я ушел, так как не хотел работать с коллегией из рабочих. Это был открытый саботаж. В МВТУ управление все время было в руках совета из профессоров и преподавателей технического училища. Это, так сказать, остатки академической автономии, которая продолжалась до 1922 г. Я был последним выборным ректором на 2 года: 1920—1921 и 1921—1922 гг. Когда по окончании первого года моего ректорства Главпрофобр уволил меня от ректорства и от должности председателя правления, я открыто не подчинился и перенес этот приказ об увольнении на заседание совета училища. Совет училища единодушно вынес в виде протеста решение прекратить ведение учебных занятий в училище. Небывалое в жизни высшей школы событие — прекращение занятий всей профессорско-преподавательской коллегии — вызвало быстро сочувствие студенчества. Студенты после выступления представителей совета единодушно поддержали профессорскую коллегию и прекратили учение, об'явив забастовку до восстановления меня в должности ректора. Я руководил этим движением, считая его не своим личным делом, а общественным, и таким образом вел открытую борьбу против советской власти.

Когда был об'явлен нэп в 1921 г., инженеры, уверенные, что восстановление промышленности неизбежно приведет к восстановлению буржуазии, так как они иначе не мыслили восстановления промышленности, а только средствами капиталистическими, охотно стали принимать участие в общей с советской властью работе по восстановлению народного хозяйства. За годы с 1921 по 1925 г., т.-е. в период восстановления промышленности и транспорта, работа советской власти протекала без перебоев и с большим успехом. Технической интеллигенции было непонятно такое быстрое восстановление народного хозяйства, в особенности промышленности и транспорта, так как она, как и весь старый мир, не знала и не верила в организационные возможности пролетариата.

В апреле 1921 г. при Совете труда и обороны была учреждена и начала свою работу Государственная плановая комиссия — Госплан. Постановлением Совета народных комиссаров я был назначен членом Госплана, а примерно в июле 1924 г. был назначен также постановлением Совнаркома членом президиума Госплана и был в этой должности до 1 января 1930 г. Одновременно в течение большей части своей службы в Госплане я занимал должность председателя промышленной секции.

При участии наркоматов, главным образом ВСНХ и НКПС, мы, члены Госплана, специалисты — инженеры, экономисты — составляли ежегодные планы восстановления народного хозяйства и с недоумением наблюдали, как жизнь неизбежно и каждый год опережала наши планы. Наша буржуазная идеология давала нам одно об'яснение для быстрого темпа восстановления, это — за счет громадных материальных и производственных ресурсов, которые после Октябрьской революции перешли от буржуазии к советской власти.

Мы в единении со всей верхушкой технической интеллигенции не знали и не видели и, лучше сказать, не хотели признавать нового мощного фактора в лице организационных возможностей рабочего класса, которыми была вооружена советская власть. В конце восстановительного периода, т. е. в 1926—27 хозяйственном году, в начале 1927 года, когда советская власть об'явила широкую программу сдачи в концессию промышленных предприятий на условиях не только расширения или реконструкции старых, но и постройки новых современных по своей технике промышленных, промышленно-транспортных, промыслово-сельскохозяйственных предприятий, инженерство и вместе с ним и мы — инженеры-экономисты Госплана — с охотой стали поддерживать новую политику советской власти, уверенные, что эта политика будет первым шагом к завоеванию нашей страны иностранным капиталом. Под лозунгом широкого привлечения иностранного капитала в Советский Союз на выгодных для него экономических и политических условиях мы, инженеры Госплана, как-то: Пальчинский, Рабинович, Федорович, Яковлев, Ларичев, Май-

ор, Камзолкин и др., принимали участие в работе комиссии Госплана под председательством Осадчего по подготовке списка предприятий, подлежащих сдаче в концессии, и по выработке нормальных технико-экономических условий, работая при этом в интересах иностранного капитала, а не в направлении защиты интересов советской власти.

Так мы, инженеры Госплана, а вместе с нами и инженеры-экономисты ВСНХ, также работавшие по подготовке списка предприятий, подлежащих сдаче в концессию иностранцам, способствовали завоеванию Советского Союза иностранным капиталом. Нам тогда не казалось возможным и целесообразным обратное, а именно, что советская власть, привлекая иностранный капитал в концессию, пользуется им для ускорения реконструктивного периода в области налаживания хозяйства Советского Союза.

В 1926 г. восстановительный период промышленности и транспорта был почти закончен, за исключением некоторых отставших отраслей. По ведущим отраслям он был закончен. Техническая интеллигенция, уверенная, что результатом нэпа в конце восстановительного периода будет переход к укреплению буржуазных начал в политике советской власти, встретила начало реконструктивного периода уже на новых, социалистических принципах крайне отрицательно. Здесь не оправдались ее надежды на то, что политика нэпа будет продолжаться в период реконструктивного восстановления народного хозяйства. Будучи проникнута в своей классовой сущности буржуазной идеологией, техническая интеллигенция была уверена, во-первых, в полном крахе строительства народного хозяйства на новых, социалистических началах, а во-вторых — и в нецелесообразности этого строительства даже и в случае его успеха. Первым этапом в это время у инженеров было признание принципа полной аполитичности при казенном отношении к своей работе на советской службе, так. наз. лойяльности. Тогда уже нельзя было открыто саботировать. Период открытого саботажа первого времени прошел навсегда, и нужно было свои чувства и отношения уже прятать. Вот этой ширмой, за которую большинство прятало свое отношение к советской власти, были лойяльность и аполитичность.

Потом, когда на ряду с реконструктивным периодом, как неизбежное его следствие, произошло обострение классовой борьбы в виде ликвидации остатков капитализма в городе и деревне, инженеры, связавшие свою судьбу с русским капитализмом, не могли оставаться пассивными. Отсюда и появилось и стало расти так называемое вредительство в промышленности и на транспорте.

В это время, в 1927 году, по приглашению Хренникова я вошел в «Инженерный центр». Мне тогда стало известно, что Пальчинский является идейным руководителем «Инженерного центра», он же руководил тогда и контрреволюционной организацией в золото-платиновой промышленности. Пальчинского я и раньше знал в Госплане, как идейного вдохновителя контрреволюционных настроений среди инженерства. Федорович и Рабинович работали в каменноугольной промышленности, Стрижов являлся руководителем организации вредительства в нефтяной промышленности, Хренников — в металлической промышленности, Иванов Андрей — в промышленности цветных металлов, Кравец — в химической, Михайлов — в военной, Федотов и Куприянов — в текстильной, Красовский и Янушевский — на транспорте.

Подсудимый получает конкретное задание по вредительству

Осень 1927 года была как раз периодом усиленных работ в Госплане Союза по составлению пятилетнего плана. Я получил от «Инженерного центра» задание проводить контрреволюционную вредительскую работу в промышленной секции Госплана по составлению пятилетнего плана промышленности. Основной директивой в этой работе были: минимальные темпы развития промышленности в целом, в особенности развития тяжелой промышленности, создание и углубление диспропорции в развитии отдельных отраслей промышленности как между собой, так и в соответствии с потребностями народного хозяйства, что должно несомненно привести к кризису; растягивание капитального строительства, что должно повести к возможно большему задержанию капитала и к его омертвлению, а это должно способствовать развитию финансового кризиса. В этой работе мы, инженеры и экономисты Госплана, использовали тот факт, что президиум Госплана дал нам задание разработать два варианта пятилетки — отправной и оптимальный.

Отправной план должен был быть реальным планом при обычных до сих пор условиях развития народного хозяйства (это было в 1927 году), даже при условии возможности одного неурожайного года за пятилетку. Этот вариант должен был быть разработан с минимальными темпами в производстве и строительстве, с медленным изживанием наличных диспропорций в развитии отраслей народного хозяйства.

Второй вариант — оптимальный — должен был иметь возможно максимальные темпы в развитии народного хозяйства, в особенности в промышленности и на транспорте, учитывая исключительно благоприятные условия развития народного хозяйства.

Оба эти варианта — отправной в Госплане и оптимальный в ВСНХ — разрабатывались одинаково в вышеприведенной контрреволюционной вредительской обстановке.

Задания по плановой работе мы получали одновременно: я в Госплане — по плановой линии, а все руководители контрреволюционных организаций по отдельным отраслям получали такие же задания, как уже мои товарищи излагали здесь перед вами, такие же задания получали и по оперативной части, и поэтому здесь не было противоречия между разработкой плана в ВСНХ и Госплане.

Вредительская организация в Госплане

Каков же был состав в это время контрреволюционной организации в самом Госплане? Перед вами прошли две разноперечисленные фамилии в разных промышленностях, принимавшие участие в контрреволюционной вредительской работе. Поэтому их повторять не буду. В самом Госплане вдохновителями организации контрреволюционого центра в Госплане были, как уже сказал, проф. Рамзин, Пальчинский, Рабинович, Федорович. К ним я прибавлю еще Янушевского. Эти четыре человека были вдохновителями контрреволюционной работы в Госплане. В промышленной секции работа была построена так: там были так называемые производственные группы, которые выставлялись отдельными отраслями промышленности — металлической, химической, лесной, текстильной и т. д. Во главе этих групп стояли отдельные руководители, а к ним присоединялись дополнительные работники — инженеры-экономисты и обыкновенные техники. Вот руководящая головка, помимо меня, на которую были возложены общие сводки промышленного плана и общее руководство по металлу — либо Гартман, либо Таубе, по химической, лесной и бумажной — Камзолкин и Майер, по текстильной — Чиликин, Петров работал по строительным материалам, Грамзин — по пищевой промышленности и отдельные: Масленников — по текстилю и Бернштейн — по кожевенной промышленности.

Вот та руководящая головка, которая получала указания не только от меня, но и сама могла получать их, входя в «Инженерный центр».

Председатель. Раз'ясните, пожалуйста, вы здесь назвали: по пищевой промышленности — Рамзин.

Калинников. Не Рамзин, а Грамзин, одной буквой отличаются.

Председатель. И больше ничем?

Калинников. Фамилия с прибавкой одной буквы.

Председатель. Другого отличия не существует?

Калинников. Его зовут С. Ф. Грамзин. В транспортной секции этой работой занимались Бернштейн, Струнин, по топливу — Ларичев, по энергетическому хозяйству — Машков, Горлов и Осадчий. Вот главная группа, которая работала над составлением производственных планов.

Должен сказать, чтобы было ясно для вас, каким образом устанавливался контакт между центром и периферией и каким образом протекала эта работа одновременно в Госплане и ВСНХ. Эти руководители производственных групп по определенным отраслям промышленности узкой специальности находились в контакте с соответствующими директоратами ВСНХ. Например по металлу Гартман и Таубе постоянно поддерживали контакт с Хренниковым и другими работниками, которые также составляли план металлопромышленности ВСНХ. Можно было бы сказать, что Чиликин был в контакте со всеми работниками ВТС или текстильного директората. Мне приходилось в своем руководстве опускаться ниже этих руководителей в пределах Госплана. Я, входя в «Инженерный центр», был осведомлен об основных установках, я был в курсе тех мероприятий вредительских, которые были положены в разработку планов ВСНХ.

Монтаж и сведение планов по отдельным отраслям промышленности проводились так называемым монтажным бюро промышленной секции, которое все время было под моим руководством. В чем, собственно говоря, заключался этот монтаж? Каждая группа, создававшая план, пыталась конечно по возможности учесть и производство, и потребление в данной отрасли. Но так как были некоторые секции вне ведения самой промышленной секции, то приходилось устраивать дополнительные совещания помимо технической проработки. Так, например, Ларичев в топливной секции разработал план топливной промышленности, главные потребители которой — транспорт и металлопромышленность, в особенности металлопромышленность на специальные виды топлива. Поэтому мне приходилось не довольствоваться тем, что они между собой в процессе текущей работы старались увязать их в порядке монтажа, — в порядке посредника приходилось еще раз все проверять и устанавливать.

Сущность вредительских планов — преуменьшенные темпы

Я должен сказать, что эта увязка промышленных планов внутри отдельных отраслей самой промышленности и внутри отдельных частей народного хозяйства является и являлась до сих пор самым слабым местом построения планов. Здесь трудности колоссальные и возможность всякого рода ошибок и

преступлений не ограничена. Дело в том, что мы до сих пор еще надлежаще составленных материальных балансов по промышленности в Госплане ни разу не видели. Допустим, второй или третий год представляются в СТО так называемые балансы потребления, расходов и производства металлов. Но кто хорошо знает эти балансы, скажет, что это — только предварительные попытки составить баланс, так как если мы знаем продукцию, которую дает металлопромышленность, то мы знаем и расходование. Вот эти особенности рационального потребления, расходования металла являются для нас до сих пор недоступными, и в этом отношении конечно может быть большой произвол. Это слабое место привело нас, я уверен, к тому, что мы не изживаем, а с каждым годом наоборот усиливаем так называемый металлический голод. Это усиливание идет по двум линиям. С одной стороны, мы имеем недопроизводство, — в этом никакого сомнения нет. Металлургия дает нам мало металла. Но, с другой стороны, заявки потребителей и рациональное расходование металлов находятся в самом хаотическом состоянии. В этом отношении, пока не будет упорядочения, нельзя говорить и о материальном балансе. В отношении расходования топлива, топливного баланса сделано довольно много. Но все-таки учет так называемых переходных запасов топлива на начало хозяйственного года, которые разбросаны у колоссального количества потребителей, этот учет не стоит на достаточно четкой высоте и поэтому является слабым местом самих балансов.

В планах обычно — и перспективных и текущих — так называемые контрольные цифры одновременно составлялись (такой уже установился обычай) и в ВСНХ, и в Госплане. Тому, кто незнаком с этой техникой составления планов, покажется странным, — Госплан мог бы вообще подождать, пока ВСНХ не даст своего плана. Но многолетний опыт показал, что если сам Госплан не будет хотя бы грубо ориентировочно прикидывать возможные наметки плана, то ему будет чрезвычайно трудно ориентироваться и разбираться в материале.

Так вот темпы и по госплановским контрольным цифрам, и по пятилетке ВСНХ одинаково низки и оказались, как вам известно, превзойденными в жизни. Это и есть вредительская особенность этих планов.

Но есть еще одна сторона в планах, это — так называемые качественные показатели. Если анализировать качественные показатели по отчетам, то они всегда были ниже качественных показателей, которые давали и Госплан, и ВСНХ. Что, собственно говоря, это значит, что жизнь опережала темпы развертывания производства, а в то же время жизнь не достигала тех качественных показателей, которые давались? Я из многочисленных наблюдений и оценки должен сказать, что качественные показатели давались посильные для промышленности, — она могла их выполнить, — и если они не выполнены, то я смею утверждать, что это за счет вредительства в низах, когда недостаточно организованная оперативная работа на заводах и фабриках при трестах не давала возможности получить лучшего качества продукцию.

Нужно отметить еще одно вредительское действие в планах, это — вредительское замедление доведения планов до треста, завода, фабрики, цеха по развертыванию не только продукции, но и качественных показателей. Уже и партия, и правительство обратили на это внимание, и, насколько мне известно, в этом году предполагалось обязательно к началу хозяйственного года, чтобы каждый цех имел у себя на руках план с полной разверсткой.

Чтобы уяснить себе, насколько вредительски была составлена пятилетка промышленности, достаточно посмотреть, как жизнь опередила запроектированные даже в оптимальном варианте темпы развития промышленности в целом. Темпы в принятой пятилетке, т. е. прирост продукции в процентах каждого года к предыдущему, были в среднем 20—22%, примерно равномерно, а мы имеем выполнение за первый год 24%, а за второй — почти 30. Но, что особенно замечательно, имеются все основания запроектировать прирост на 3-й год пятилетки в 56%. Отсюда мы видим, насколько большим оказался недоучет производственных возможностей.

Я не имел возможности принять участия, так как уже был из'ят из работы, не могу сказать, насколько обоснованы реально эти 56%, но так как они, по моему приблизительному подсчету, соответствуют 45%, которые предполагались весной в так называемых контрольных точках, — а контрольные точки были составлены на 40—45% по отношению к 33% по плану закончившегося года, — то мне кажется, что эта цифра более или менее вероятна.

Из диспропорции, которая была создана и углублена в результате вредительской работы контрреволюционной организации промышленности — в Госплане и ВСНХ, следует особенно заметить то, на что обращали внимание мои предшественники, это — дефицит топлива, металла и энергетики. Профессор Рамзин уже отметил, что по топливу оказалось необходимым, — и это принято, — увеличить пятилетку на 80%. По металлу это увеличение было также около 70%: вместо 10 млн. тонн принятых будет 17 млн. Мощность районных станций будет увеличена против запроектированных по крайней мере на 45—50%. Вот эти цифры

указывают, насколько неверно были намечены в Госплане те цифры которые были приняты по пятилетке этих ведущих отраслей.

Я здесь не буду останавливаться на некоторых подробностях, но позвольте мне все-таки указать на ту опасность, которая не устранена, — опасность, грозящую намеченной продукции в 17 млн. тонн чугуна.

Послевоенный опыт Америки и Европы, в особенности Германии, показал, что с той же самой аппаратурой металлургических заводов, с теми же самыми металлургическими печами — домнами и мартенами, идя только по линии улучшения качества подготовки исходного сырья, улучшения топлива, можно производственные возможности этих самых аппаратов увеличить на 30—50 и больше процентов. Вот это обстоятельство имеет колоссальное значение у нас. Вам известно, что за прошлый год на имеющемся у нас оборудовании на домнах мы выплавили 5 миллионов тонн чугуна. А подготовка наших руд, флюсов, топлива, все обслуживающее устройство воздухопродувки и т. д., — эта подготовка соответствует ли тем достижениям, которые имеются за границей? Никоим образом. Между ними, я бы сказал, колоссальнейшая дистанция. Чтобы получить вот этот эффект, увеличить почти на 50% продукцию с тех же самых аппаратов, и в Америке, и в Германии вопрос разрешили так. Там не приписывают определенных рудников к определенным домнам, чтобы получить одну и ту же руду и плавить ее в одних и тех же доменных печах, так как известно, что и в рудниках руда не может быть однородна по мере того, как вы прорабатываете ее. Там руду обезличивают, т.-е. выработка в руду из разных рудников прежде всего механически делает ее с физической стороны одинаковой, т. е. делают одинаковые куски, что имеет чрезвычайно важное значение в процессе. Затем подбирают из разных рудников и в химическом составе более или менее подходящую руду. В каком отношении? А в том, чтобы не попадалось вредных примесей, которые могут испортить все остальное. И вот эта руда физически как бы сделанная однородной, не пускается сразу на заводы в домны, а направляется в так наз. сортировочные промежуточные фабрики, на которых она тщательно перемешивается и там уже получается однородной не только по физическому, но и по химическому составу. Вот такая руда, поступающая в домну, прежде всего гарантирует непрерывный, одинаковый производственный процесс, что имеет колоссальное значение.

Отчасти такая же работа идет и по отбору топлива. Уже Л. К. Рамзин обратил ваше внимание на то, что у нас нет соответствующей мойки, сортировки, подготовки для металлургического топлива. Там на это обращается колоссальное внимание и также гарантируют однородность по физическому и химическому составу металлургического топлива.

Вот это отставание подготовительных процессов в сырье, значит в руде, в топливе, также по флюсам на железняках, это является необыкновенно тормозящим наше дальнейшее развитие. Для того, чтобы нам получить лишних 2½ млн. тонн, придется одновременно и строить новые домны, и строить эти новые фабрики, которые будут производить подготовительный процесс, и это нужно делать на ходу, что конечно чрезвычайно трудно. Если бы к этому строительству мы приступили с первого года пятилетки, конечно у нас этого не было бы.

Я мог бы на таком техническом вопросе остановить ваше внимание и в отношении выплавки стали, но он более или менее однороден. Разрешите только подчеркнуть, что там отставание идет в том, что неоднородный чугун, получающийся в домне, идет в переработку как неоднородный продукт в мартеновскую печь и этим самым не дает нам качественности продукта стали. Всем вам отлично известно, что у нас не только нехватает металла, но у нас нехватает качественности металла. Качественность металла в обычном нашем представлении в публике мыслится таким образом, что это есть качественность металла обязательно с какими-то специальными примесями. Под качественностью металла в широкой мировой характеристике разумеется однородное определенное физико-механическое свойство металла, которое может гарантировать лучшую машиностроительную продукцию. Там не может быть 20—30% брака, там, если есть брак, так он в пределах определенной гарантии — 2—3, может быть, 5%.

Крупнейшая вредительская работа

Я не буду останавливаться на тех диспропорциях, которые получились в результате вредительской работы в машиностроении.

Об этом подробнее вероятно расскажет профессор Чарновский. Но я должен подчеркнуть, где тут главная причина, почему у нас была та диспропорция, о которой он будет говорить. Я, по многолетнему опыту в Госплане, должен сказать, что основная причина заключается в том, что мы строим и строили до сих пор и металлургические заводы и машиностроительные заводы, не имея плана реконструкции по металлопромышленности. Это — крупнейшая вредительская работа, которая была проделана по ВСНХ, кроме вредительства в металлургической промышленности.

Я остановлюсь только на раз'яснении, что это, собственно говоря, значит. В

нашем распоряжении, как вы видите, имеются старые заводы, мощность которых выражается в выпуске 5 миллионов тонн чугуна, а нам нужно выпустить через несколько лет 17 миллионов тонн чугуна. Прежде всего нужно было разработать вопрос, что могут дать старые заводы, какова их производственная мощность. Этого мало. Нужно было знать, какой у них может быть ассортимент не только количественно, но и качественно, какого сорта продукцию эти заводы могут дать. Затем надо было распределить этот металл по производителям, чтобы его не приходилось перевозить из одного края Союза в другой, и соответственным образом увязать вопрос о местах строительства новых заводов. Вновь запроектированные заводы также должны были получить определенный ассортимент продукции определенного качества. Мы теперь не мыслим технически, чтобы каждый завод жил обособленно. Он должен жить в коллективе со всеми остальными заводами. Его продукция должна дополнять, как единое целое, продукцию всей металлургии. Поэтому вопросы ассортимента, специализация заводов и кооперирования их должны быть между собой увязаны. Эта работа не была проделана, несмотря на то, что мы эти заводы проектировали. По крайней мере ко дню моего ареста я еще не видел в Госплане разработанного плана реконструкции всей металлургии. Была представлена лишь попытка реконструкции южных металлургических заводов, а план реконструкции Урала не был сделан. Вы представляете, что это значит?

Реконструкция машиностроения

Еще большее внимание нужно обратить на реконструкцию машиностроения. В этом отношении у нас почти ничего не сделано, т.-е. проделана работа по изучению имеющихся заводов, их производственных возможностей,—это тоже очень большая работа, — но не запроектировано единого целостного плана реконструкции машиностроения. Отсюда получается, что нехватает машин для горной промышленности, нехватает станков, нехватает химической аппаратуры, неожиданно оказались безработными, т.-е. не имеющими заказов, заводы, развернутые на текстильное машиностроение. Тут как бы переработали. Это указывает на отсутствие плана реконструкции машиностроения. На этом я поставлю точку.

Еще об истории

С середины 1927 г., вернее, к концу 1927 г. — к началу назревающего провала шахтинской вредительской организации— началась переоценка методов борьбы с советской властью, была организована руководящая вредительскими организациями группа и тогда была более четко выявлена головка. Ее уже называли, я не буду здесь повторяться. В скором времени она под давлением жизни вынуждена была оформиться и с политической стороны, т.-е. разработать програму и превратиться в «Промпартию», и руководящий «Инженерный центр» занял руководящую роль — ЦК. Об этом уже подробно говорили, и я буду мельком касаться этих вопросов.

До образования «Инженерного центра» отдельная группа инженеров защищала интересы бывших владельцев предприятий, на которых она и до и после революции продолжала работать, а с образованием «Промпартии» защита интересов отдельных промышленников уступила место защите интересов уже капиталистического класса. Как вам уже подробно говорили мои предшественники, появилась идея и началась борьба за свержение советской власти, советского строя и замену его буржуазно-демократической республикой, при чем в основу этой борьбы была положена плановая работа с замедлением темпов индустриализации, созданием и углублением диспропорций и созданием кризисов, а главное, завершающее это — содействие иностранной интервенции и вооруженному нападению на Советский Союз. Об этом так исчерпывающе было доложено Рамзиным и Ларичевым, что я должен буду только вкратце пройти, придерживаясь той програмы, которую я себе наметил.

Идея иностранной интервенции и за границей, и внутри Союза в «Промпартии» стала усиливаться в связи с тем, что народное хозяйство, в особенности промышленность, невиданно быстрыми темпами закончило свое восстановление. Быстрое усиление экономической мощи Советского Союза и рост авторитета коммунистической партии и советской власти среди населения Советского Союза становились уже грозным противником на пути осуществления интервенции, и в то же время с укреплением советской власти и с уничтожением ее противников внутри страны, как остатков кулачества в городе и деревне, интервенция являлась единственным реальным оружием для свержения совласти, так как в успех внутреннего восстания никто серьезно не верил, несмотря на уверения Кондратьева и других из «ТКП».

Инженерные организации до образования «Промпартии» были разрозненно связаны с русскими белоэмигрантскими организациями в Париже — с «Торгпромом». Они оттуда руководились разрозненно и получали, как вам известно, субсидию. Это подчеркивали Ларичев и Рамзин. С образованием «Промпартии» она взяла на себя тесную связь с «Торгпромом», в особенности по подготовке интервенции. Эта связь поддерживалась, как я уже говорил, во время за-

граничных поездок Хренникова и Федотова, а в особенности Рамзина и Ларичева.

Я здесь быстро пробегу ряд заседаний ЦК партии, на которых принимались известные поручения и их реализовали в течение 1927, 1928, 1929 гг. На первых двух совещаниях ЦК осенью 1927 года в помещении ВАИ в составе Пальчинского, Федотова, Рабиновича, Янушевского, Хренникова, Рамзина, Ларичева и меня были заслушаны доклады Хренникова и Федотова о их заграничных командировках, а затем на двух заседаниях у Рамзина они рассказали о своем сношении с «Торгпромом», с французскими правительственными кругами по вопросу об интервенции. Правительственные круги Франции опасались быстро растущей экономической и оборонной мощи Советского Союза и не считали возможным откладывать вопрос об интервенции, тем более, что им было хорошо известно, что техника сооружений и вооружения Красной армии значительно отстает от современных достижений в военном деле за границей. Они подчеркивали, что это им известно косвенным образом по тем заказам, которые делались нашей военной промышленностью на станки и всякого рода машины и орудия. Опасения бело эмигрантских кругов, что поспешной интервенцией можно получить незаконченные и окончательно еще нереконструированные промышленные предприятия, по мнению правительственных кругов Франции, были несущественными. Таким образом, было установлено соглашение между правительственными кругами Франции и «Торгпромом» относительно развертывания широкой подготовительной работы за границей и привлечения инженерных организаций «Промпартии» к усилению деятельности в отношении подготовки интервенции внутри Союза.

ЦК «Промпартии» при обсуждении докладов Хренникова и Рамзина принял решение — усилить контрреволюционную работу инженерных организаций, в особенности при разработке пятилетнего плана промышленности и транспорта в указанных мною выше условиях. Это решение ЦК «Промпартии» легло в основу работы инженерских организаций на весь период 1928 года. Этим об'ясняется, я бы сказал, некоторое затишье в официальной работе ЦК. Как мне известно, за три почти квартала 1928 года было очень мало таких регулярных заседаний. Были лишь отдельные встречи. Известно, например, что были заслушаны доклады Чаянова. При этих докладах были сделаны попытки установить контакт и блок с «ТКП». Но, кроме разговоров, из этого ничего не вышло.

Усиление работы ЦК партии коллективной началось осенью 1928 г. после возвращения Рамзина и Ларичева с Лондонской энергетической конференции через Париж. Этих руководящих указаний, которые они получили, можно не повторять. Их можно резюмировать таким образом: правительственные круги Франции решительно взяли в свои руки проведение интервенции, подготовку в военном и дипломатическом отношении, а затем все руководящие указания о внутренней подготовке интервенции в Союзе. Все это исходило главным образом от Франции. «Торгпром» был отодвинут как бы на посредническое место. Для того, чтобы лучше увязать свои наблюдения и работу, правительственные круги Франции через генштаб, как уже докладывали Рамзин и Ларичев, установили определенные регулярные связи. Был установлен порядок сношений французского генштаба с «Торгпромом» и «Промпартией» при посредстве гг. К. и Р. Из переговоров Рамзина с Денисовым в Париже было установлено, что все разговоры о подготовке к интервенции будут вестись председателем ЦК Рамзиным через г. Р. и отчасти К. Обо всем этом было доложено на специальном заседании в присутствии почти всех лиц, входящих в состав ЦК,— Ларичева, Хренникова, Калинникова, Чарновского и кажется Широкова. ЦК это решение принял к неуклонному выполнению. Для того, чтобы проверить, насколько благоприятно намечен срок в 1930 г., ЦК партии организовал два совещания: одно совещание было по кон'юнктуре нар. хоз-ва, где слушали доклад Гинзбурга и содоклад Белоцерковского, а другое совещание — где был заслушан доклад Громана об общей кон'юнктуре, которая ожидается в 1930 году.

Оба доклада, или, вернее, анализы, данные Гинзбургом и Громаном, подтвердили, что 1930 год будет наиболее тяжелым годом для экономики народного хозяйства Союза в виду ожидаемого кризиса топливного, энергетического, сырьевого и, что особенно подчеркнул Громан, продовольственного. Эти доклады были в конце 1928 и в начале 1929 года.

Первая половина 1929 года и лето 1929 года также были угнетенным состоянием в работе ЦК «Промпартии». Последовал ряд арестов — Пальчинского, Хренникова. Пальчинского еще в 1928 г., а Хренникова — в 1929 г. С осени опять наступает некоторое оживление со вступлением в руководство ЦК партии профессора Рамзина. В виду установившихся сношений профессора Рамзина через гг. К. и Р. с генштабом Франции и «Торгпромом» мы имели возможность установить непрерывную связь.

И вот на двух собраниях осенью 1929 года в составе Рамзина, Ларичева, Чарновского и меня был заслушан доклад о сношениях Рамзина с французским генштабом и «Торгпромом». Шел разговор о намечаемой — еще тогда только намечаемой — отсрочке интервенции, в виду недоговоренности иностранных

государств, о чем говорил подробно профессор Рамзин, в виду необходимости использования еще некоторых данных, весьма ценных, по мнению генерального штаба Франции, в военном отношении. Это — данные об успешной ликвидации Красной армией авантюры на КВЖД. Нужно было учесть проявленную тактику и дух Красной армии с тем, чтобы разработать или внести поправки в намеченный оперативный план генштаба.

Чтобы покончить с вопросом об этой стороне деятельности ЦК, я остановлюсь на двух заседаниях в начале 1930 г. Как отмечали проф. Рамзин и инженер Ларичев, в течение 1929 года под настойчивым требованием генштаба от Р. поступило к Рамзину требование ускорить возможное проведение не только диверсионных планов, но и организации военных ячеек «Промышленной партии» в частях Красной армии.

Вот на одном из этих заседаний было заслушано окончательное сообщение о переносе интервенции на 1931 г., а на втором — был доклад организационного порядка: как правильнее построить и увязать согласно указаниям генштаба деятельность этих организаций и пополнить их военными лицами из членов «Промпартии». Как сказал Рамзин, реализовать это не удалось, так как встретились значительные препятствия в смысле подбора самих руководителей, а главным образом конечно эти препятствия вызывались глубоко-революционным духом, которым заражена Красная армия во всех своих учреждениях. Даже в технических ее войсках проводить такого рода линию было чрезвычайно трудно.

Я эту часть своего сообщения закончу так: руководство связями ЦК с заграницей (я это особенно подчеркиваю) было сосредоточено в руках председателя. Это организационно было правильно. Постоянная связь с ними — с французским генштабом и «Торгпромом» — поддерживалась ими как через г. Р., так и отчасти г. К. Вот это обстоятельство и ставило Рамзина в исключительно осведомленное и руководящее положение среди прочих членов ЦК и давало ему право действовать помимо ЦК в отношении отдельных поручений на основе одних принципиальных решений. Этим я об'ясняю, что у нас было сравнительно мало таких коллективных собраний центрального комитета, а мы довольствовались иногда групповыми заседаниями, и Рамзин имел право в этих групповых заседаниях после небольшой беседы и согласования давать уже на основании принятых принципиальных решений определенные указания.

«Промпартия» поставила себе целью во что бы то ни стало провести интервенцию, без чего было невозможно свергнуть советскую власть. Поэтому Рамзин, как председатель, особенное внимание уделял всем предложениям французского генерального штаба, что было видно из его сообщений, в особенности уделялось внимание тем предложениям, которые способствовали интервенции, он давал оперативные поручения от имени ЦК. Вот уже Ларичев подчеркнул, и я со своей стороны должен сказать, что на мою долю и на долю Ларичева приходилось выполнение поручений. Я не хочу снимать с себя, как бы то ни было, ответственность, я только хочу ясно изложить распределение работы в пределах ЦК. Мы выполняли определенные поручения, при чем участвовали предварительно с Рамзиным в групповых беседах, приходя к определенному соглашению.

Разведывательная работа

Вот на своем участии в разведывательной работе по поручению ЦК, переданной мне от Рамзина, я остановлюсь подробнее. Рамзин уже говорил, что было предложено составить экономические сводки о положении хозяйства Советского Союза для «Торгпрома» и для генштаба,—вкратце. Эту работу обязаны были выполнить мы, т. е. Осадчий, Ларичев и Калинников, вернее, эта работа должна была быть выполненной под нашим руководством, потому что сами мы ее выполнить не могли. За четыре квартала — последний квартал 1928 г. и первые 3 квартала 1929 г. — в основу составления сводок были положены кон'юнктурные поквартальные обзоры, не те, которые печатались в «Экономической жизни» для общего использования, а составленные более полно для президиума Госплана и, как подчеркнул Ларичев, в некоторых случаях не подлежащие оглашению. Эти материалы были в кон'юнктурной секции Госплана, и вот они были по-моему распределению между специалистами Госплана просмотрены по транспорту Коган-Бернштейном, по химии Камзолкиным, по текстильной промышленности Чиликиным и т. д. Я здесь прибавлю Громана и Первушина, как ответственных руководителей самой кон'юнктурной секции. После осмотра я их направлял Ларичеву для того, чтобы он их еще раз просмотрел по топливу и энергетике, так как эта часть оставалась специалистами непросмотренной. Для редакции он направлял их Осадчему, а от него передавал, согласно указания нашего комитета и Рамзина, г. К.

Вторая работа—сведения о состоянии и перспективах военной промышленности Союза. По поручению Рамзина от имени ЦК подготовка и составление этих сведений должны были проходиться под руководством профессора Чарновского и моим. Это было примерно осенью 1928 г.

Должен сказать, что уже на свидании Рамзина с г. К., на котором присутствовал я (я был с ним знаком), г. К. настаивал, — это было летом 1928 г., — на том, чтобы мы поторопились с этими сведениями для генштаба. Положение для нас

с Чарновским было весьма трудное, потому что (в этот период уже начался разгром организации военной промышленности) у нас не было производственных связей в военной промышленности. Но мы договорились все-таки, что собирание сведений по химической военной промышленности, а также основной химии, которая является базисом, что это беру на себя я, а по металлообрабатывающей промышленности—Чарновский. Для облегчения нашей работы Рамзин поручил Евреинову составить сведения об энергетическом хозяйстве военной промышленности. Кравец успел дать основные сведения, характеристики по основной химической промышленности и некоторым химическим военным заводам, а перспективы не мог дать, так как был арестован. Таким образом эти краткие сведения, которые мы имели возможность собрать, — материалы от Кравеца и Евреинова,— я в два приема передал г. К. при свидании с ним в театре. Должен здесь открыто заявить, что вот то своеобразное свидание, которое изложено в обвинительном акте и очень мягко названо «своеобразным», что оно умышленно мною не закончено. Там пропущено самое существенное. Это касается того момента, когда при выходе из фойэ уже при погашенных огнях, смешавшись с выходящей публикой, я передал К. материалы, которые получил от Кравеца по химической промышленности. Я, еще будучи у Рамзина, при первом знакомстве условился встретиться с К. и таким образом ему передать.

Сведения о промышленности, об энергетическом оборудовании я передал при втором свидании уже на квартире у Ларичева. Об этом свидании он говорил, так что я повторять этого не буду. Это было в конце 1928 г.

Собирание сведений по металлопромышленности Чарновским было очень задержано. Его попытка получить сведения от металлозаводов встретила большие препятствия со стороны металлических военных заводов. Поэтому он ограничился передачей сведений о проектируемых цехах, которые рассматривались под его руководством, которые должны были снабжать основными полупродуктами металлопромышленность. Эти сведения по согласованию с Рамзиным я направил Очкину для передачи К. Так как они поступили ко мне в мае 1929 г. перед от'ездом в отпуск, а я знал, что в июне—июле нельзя будет встретить К., так как он тоже уезжал в отпуск, то я не считал возможным затягивать это на 4 месяца.

Третья работа — составление диверсионного плана работы военной промышленности. Об этом уже говорил проф. Рамзин. Проф. Рамзин подчеркнул, что мы с Чарновским договорились с генеральным штабом об очередности составления плана вывода из строя. Я думаю, что он просто оговорился, потому что у нас прямых сношений не могло быть, так как сам Рамзин их вел через Р., и по существу очередность вывода из строя является сугубо секретной частью чисто оперативного плана военных действий.

Раз у вас имеется план, как можно вывести из строя топливный завод, нужно дать соответствующее распоряжение, с какого момента начать, и этот момент уже является моментом вывода из строя. Но мы по обсуждении этого вопроса на групповом совещании в составе Чарновского, Рамзина и меня остановились на следующем. Я предложил следующее: принимая во внимание, что расстройство производственного процесса на специальных заводах путем разрушения части специального оборудования особенно трудно восстановимо, а между тем по успешной реализации интервенции эти заводы должны быть в готовности, целесообразно план диверсии распространить лишь на металлургические заводы, которые с помощью заграницы можно привести в порядок в наименьший срок. Если станок, который можно привезти из-за границы лишь через несколько месяцев, выходит из строя, то такой план диверсии является неприемлемым. С этим согласился и Рамзин, который сказал, что план диверсии заводов будет проведен по энергетическим предприятиям. Это было осенью 1929 г.

Была еще у меня встреча с г. Р. Я уже показывал о том, что познакомил меня с г. Р.—К. Зачем я искал этого знакомства, когда прекрасно была организована связь Рамзина с генеральным штабом через К.? Конечно единственная цель — установление преемственности. Эта связь была организована не за тем, чтобы дублировать нашу работу, а чтобы в случае ареста Рамзина раньше меня можно было продолжить связь.

Вторая встреча с Р. состоялась осенью 1929 г. у меня на квартире. Рамзин обратился ко мне с просьбой разрешить ему встретиться с Р. у меня на квартире. Я согласился и попросил его пригласить Р. ко мне на квартиру, так как я видел Р. всего один раз и считал неудобным самому пригласить его. Эта встреча состоялась, и Рамзин в моем присутствии изложил план диверсии электроцентрали и указал на то, что разрабатывается план диверсии электрозаводов в энергетической части. Об этом говорил в своем показании и Рамзин. Я поддержал Рамзина, что план диверсии нужно разработать как раз в энергетической части. Затем в отношении очередности вывода заводов из строя г. Р. присоединился к той мысли, которую я распространял, что для составления списка очередности вывода заводов из строя нужно получить своевременно указания генерального штаба. На этой же встрече Р. настойчиво торопил нас с созданием военных ячеек.

Но несмотря...

Но, несмотря на упорное стремление «Промпартии» возможно скорее провести интервенцию и свергнуть советскую власть, жизнь народного хозяйства Советского Союза во всех его областях с каждым месяцем все более и более убеждала нас в неизбежном крахе контрреволюционной работы.

Невиданная по своим размерам во всем мире и непонятная для мировой буржуазии пятилетка успешно и с большим превышением заданий уже выполнена в первые два года и намечается превышение темпов в три раза больше. Этот успех был достигнут благодаря упорной энергии пролетариата, который осознавал, что борется за свое дело, и парализовал, без преувеличения можно сказать, почти все вредительство «Промпартии». В своей борьбе «Промпартия» была разбита. Разгром ее организации и моральное поражение дали возможность ее легко ликвидировать. Каждый член «Промпартии», попав в тюрьму и осознав победу новых, социалистических начал строительства и новой жизни, капитулировал перед советской властью. Однако, признавая надвигающееся поражение, каждому из нас нельзя было остановиться в своей контрреволюционной работе, так как классовая борьба все время обострялась и озлобляла нас. Наконец ОГПУ ликвидировало и ЦК и всю к.-р. организацию «Промпартии». В тюрьму мы пришли побежденные самой жизнью, развитием экономической и оборонной мощи Советского Союза и строительства новой жизни на социалистических началах. Мы неизбежно начали переоценивать наши взгляды и убеждения.

Воспитанный классом буржуазии в капиталистических условиях, я, как и всякий инженер, получил образование в интересах буржуазного строя и самого себя. Мне была внушена необходимость заниматься научной дисциплиной, научной чисто технической наукой и поменьше интересоваться политической наукой. Так, по крайней мере, было в мое время в Техническом училище. В силу этого я, как и всякий инженер, не мог даже себе представить, что для наивысшего развития промышленности инженеры должны быть не только в деловом контакте с рабочим классом, но и должны работать под руководством рабочего класса. Чтобы постигнуть этот принцип, нужно было либо быть тесно связанным с рабочим классом, т.-е. происходить из рабочей среды, используя, как говорят, классовый инстинкт, либо по своему образованию и воспитанию нужно быть вполне марксистски грамотным. Ни того, ни другого у меня, как и у большинства инженеров, не было и, смею думать, этого не было и у моих товарищей по скамье подсудимых. Тюрьма, как известно, является прекраснейшей политической школой, в ней всегда можно проанализировать всю совокупность фактов, приведших к тюрьме. Вот такой школой явилось для меня предварительное тюремное заключение. Тут я понял свои ошибочные и преступные стремления — итти против советской власти, содействовать восстановлению буржуазного строя.

Лойяльность и аполитичность оказались у меня лишь прикрытием злой язвы, которую я носил все время в душе. Это был контрреволюционный червь, который непрерывно и незаметно для меня и окружающих рос и наконец превратился в целого змея и превратил меня в изменника родной страны. Как много среди нас, когда я был на воле, думаю, и сейчас имеется лойяльных и аполитичных инженеров во всех отраслях народного хозяйства.

Я считаю своим долгом с этой высокой трибуны обратиться к ним с предупреждением и призывом. Мои ошибки и преступления являются типичными заблуждениями многих и многих наших инженеров. Они так же, как и я, должны осознать весь ужас своего положения. Я убежден, что большинство инженеров уже осознало свои заблуждения и преступления, и смело призываю их стать на путь решительного исправления. Но исправить свои заблуждения и преступления нельзя только словами. Здесь нужны дела. Недостаточно отказаться от принципа аполитичности, который, как вы видите, привел нас к контрреволюционной деятельности, следствием которой могло быть закабаление нашей страны, как колонии, во власти империализма. Настала пора, — я призываю вас, инженеры, которые еще находятся под прикрытием лойяльности и аполитичности, без колебания встать в ряды честных работников советской власти. Я призываю вас к строительству новой жизни на социалистических началах в нашей стране.

ОБ'ЯСНЕНИЯ ПОДСУДИМОГО ЧАРНОВСКОГО

Председатель. Подсудимый Чарновский.

Чарновский. Позвольте мне еще раз подтвердить свое признание вины перед рабочим правительством, вины участия в контрреволюционной организации — «Инженерном центре», впоследствии называвшемся «Промышленная партия».

Я приношу мое полное и чистосердечное раскаяние Верховному суду.

В основном моя вина установлена в обвинительном заключении и сводится к участию в руководстве, в качестве члена ЦК «Промпартии», ее вредительской деятельностью. Характер и степень моего участия в этой организации видны из моих показаний на следствии. Здесь я в сжатом виде повторю все выводы моих показаний и позволю себе также выявить мой взгляд на «Промпартию», на причины ее образования и на ее деятельность.

Ближайший помощник и преемник вредителя Хренникова

Я был привлечен к участию во вредительском «Инженерном центре» Хренниковым в 1927 г. Точно даты я не помню, но приблизительно могу определить это время, которое совпало с учреждением Центрального научно-технического совета при НТС (тогда еще НТО).

Этот совет разделялся в сущности на три совета — черная металлургия, цветные металлы и металлообработка. Я был назначен председателем по металлообработке.

Следовательно впервые я вступил в служебные отношения в ВСНХ с Хренниковым, который это использовал и привлек меня к совместной деятельности в «Инженерном центре». То же было сделано в отношении других НТС, входящих в состав научно-технического совета, и таким образом образовалось ядро организуемого тогда «Инженерного центра».

Хренников вначале завуалировал цели этой организации, убеждая меня в необходимости об'единения усилий инженерства для улучшения своего положения в промышленности, для возвращения инженерству его прежнего командного положения в промышленности, а затем указывал на необходимость борьбы общими силами против перегибов в промышленных заданиях, в промышленных планах, которые создавали для их исполнителей— инженеров — тяжелые условия в виду трудности выполнения таких заданий.

Лишь позднее, при последующих разговорах, выявилась для меня настоящая цель организации, а именно — содействие свержению советской власти путем постепенной подготовки кризисов в промышленности в результате ряда диспропорций в отраслях хозяйства и производства, с расчетом на внешнюю интервенцию.

Не повторяя всего того, что здесь говорилось, я вкратце коснусь того, что мне известно в отношении руководящего состава и в отношении принципа построения этой организации. Принцип — это был отраслевой центр по отраслям горно-разведочной работы, угольной промышленности, металлургии с металлообработкой, текстильной промышленности, нефтяной, топливной, химической и лесной.

Предполагалось присоединение также других отраслевых центров, и таким образом эта организация должна была естественно расти и развиваться. Отмечу только маленький, как бы редакционный, промах, который имеется в печатных материалах, но который может иметь существенное значение для оценки значения Хренникова и моего в металлическом секторе. Там на странице 6-й говорится: «металлургия и металлообработка—Хренников. Металлургия и металлообработка — Чарновский», как будто бы этот отраслевой центр имел 2 главы. На самом деле глава была одна — сначала был Хренников, и я был назначен его ближайшим сотрудником и впоследствии его заменил, когда он был арестован.

Московская организация «Промпартии»

Организация инженерно-вредительского центра была закончена в 1927 г., после ряда заседаний с привлечением руководителей отдельных отраслевых центров. В дальнейшем предполагалось, как я сказал, привлечение других, но, кроме этих возглавлявших лиц, которых я перечислил, которые были здесь названы все, к «Инженерному центру» привлекались постепенно все выдающиеся силы, которые группировались около «Центра», были ближе к нему, и таких было действительно около 40—50 человек в московской организации.

Так как система привлечения была от случая к случаю, цепочной, как ее называют, то все эти лица не были нам известны, и никогда они вместе в одном заседании не собирались. Руководство шло таким образом, что в сущности главой этого «Инженерного центра» был фактически Хренников, который по мере надобности и в соответствии с поставленным вопросом привлекал тех или иных специалистов из отраслевого центра и устраивал с ними небольшие компактные заседания. Таким образом все эти руководители отраслевых центров были в данном случае и членами ЦК «Инженерного центра», но фактически привлекались большей частью те, кто ближе стоял к Хренникову. В сущности это был его совет, к которому он постоянно обращался, и состав его был назван верно: Рамзин, Ларичев, Федотов, Чарновский и Калинников, который вошел позднее: он вошел в состав ЦК, будучи близок ко всем планам по работе в Госплане. Что касается роли Хренникова, то он был действительно самым крупным инженером по связям с другими организациями. Ему принадлежали функции планирования металлической промышленности и в других отраслях. Вместе с тем он был связан с Госпланом ВСНХ. Он работал в Главметалле. Он возглавлял металлургию и металлообработку вместе, пока это все было в Главметалле.

Что касается НКПС и секций НТС, то этим учреждениям не были присвоены ни плановые функции, ни производственно-оперативные, поэтому это были чисто экспертные учреждения, и роль их была ограничена в этом смысле. Роль же секций, находящихся в плановых учреждениях или в оперативно-производственных, была гораздо шире. В оперативно-производственных, чего коснулся Иван Андреевич [1]), план работы должен был доводиться до цеха, но для того

[1]) Калинников.

чтобы довести его до цеха, об этом нужно было иметь понятие на местах, и плановая работа и заканчивалась на местах.

Вот тут-то и крылись источники для всевозможного вредительства планового, или депланирования производства, потому что то, что делалось с планом, сводилось в конечном счете к оперативным сводкам, к балансам, но они не имели технического выражения, не имели выражения в виде проекта — сметы и расположения по времени. Что касается того, что нужно строить, в какой форме, в какие сроки и в какой последовательности, — вот это собственно и составляет технический план, и этого в центральных учреждения сделать не могли: это могли сделать только тресты и заводы, которые должны были подготовлять проекты и в этих проектах уже устанавливались календарные сроки.

Так что планы, в сущности наш пятилетний план в этом отношении постоянно доделывается, дорабатывается и сейчас. И вот в этой области наблюдалось и наибольшее практическое вредительство.

Звенья цепи предательства

Дальше коснусь исходных причин создания контрреволюционной организации. Коснусь почвы для создания такой организации. Почвой для создания контрреволюционной организации инженерства являлись враждебные советскому строю тенденции, настроения среди инженерства. Не останавливаясь на тех настроениях, которые вызывались вследствие политических убеждений и т. д., я должен сказать, что все-таки больше правы те, которые указывают на тяжелое, что ли, ухудшение положения инженерства, материальное и бытовое и служебное, с введением новых форм управления промышленностью. Они еще не переделались, не приспособились к новому строю. И вот в этом отношении наблюдались известная настороженность, известная враждебность. Далеко не все инженеры, примкнувшие к контрреволюционной организации, успели занять командное положение в бывшей частной промышленности. Некоторые до революции даже не работали в качестве инженеров в промышленности. Вот хотя бы на нашей скамье меньше половины работало в частной промышленности и достигло такого-то положения примерно три лица, если позволите коснуться pro domo sua. Я ушел из частной промышленности около 20 лет назад, не создавши себе карьеры. Таким образом, далеко не все, которые примкнули, по выражению Г. М. Кржижановского, имели «прошлые приманки», не все имели эти связи, но они все-таки как-то об'единялись. Что же было общего? Политические убеждения были различные, положение различное. Значит, об'единяло чувство неуверенности в своем положении при новых условиях промышленности, руководство ею, различные опасения и всякие дефекты бытового свойства.

С одной стороны, со стороны идеологической, никто лучше нас не понимал значения великой промышленной перестройки в СССР, которая поднимала нашу технику на высоту, не достижимую для прежней частной промышленности. Мы все прекрасно понимали, что нам с частной промышленностью в прежних ее формах не по пути. Нам по пути с промышленностью, стоящей на высокой технической базе. Но, с другой стороны, это непосредственное ощущение над собой постоянного политического контроля, неуверенность в завтрашнем дне давили на сознание непривычным образом, подталкивали на сопротивление этим новым формам. Это сопротивление могло быть просто пассивным, люди постепенно прилаживались бы, привыкли бы и устраивались бы как-то иначе. Но всего этого было недостаточно для того, чтобы инженерство стало на нелегальный путь борьбы, если бы не было главной и основной причины — надежды на какую-то перемену, на возвращение к старому в силу постоянного, непрерывного потока, волны тех сведений, тех влияний, тех воздействий, которые к нам приходили из-за границы с каждым нашим вестником, который успевал побывать там. Их было у нас немного, этих вестников. В ЦК мы насчитывали наших осведомителей всего четыре человека, не считая Пальчинского и Рабиновича. Это были Рамзин, Ларичев, еще ранее Хренников и потом отчасти, в малой мере Федотов и в последнюю поездку — Осадчий. Четыре человека было фактически. Но были, вероятно, и другие. В разных отраслях бывали инженеры, которые привозили разные сведения, которые они получали там. И вот этот непрерывный поток, это влияние, воздействие, толкавшие инженерство на путь активной борьбы с советской властью сначала путем саботажа, а потом вредительства в реконструкции, — все это действовало на психологию инженерства, заставило его чего-то ожидать, чего-то волноваться, и это волнение, как совершенно справедливо сказано в обвинительном заключении, принимало лихорадочную форму.

Тень империалистической Франции

Об'единение бывш. промышленников, которое действовало в Париже под названием «Торгпром», о котором я лично узнал впервые от Хренникова, стало ближайшим звеном этой связи. Но это звено, в сущности говоря, не имело в глазах инженеров сколько-нибудь серьезного значения. Ведь те имена, которые назывались — Рябушинский, Манташев, Лукашин, Мещерский и др., — это имена, которые когда-то чем-то звучали для

старых их работников, они уже не имели притягательного значения. Но значение имели те, кто за ними стоял. От «Торгпрома» поступали сведения, что за его спиной стоят более могучие силы и более могущественная держава — Франция. Следовательно, в первую очередь за спиной «Торгпрома» стояла Франция с ее финансовой и технической поддержкой, ее генеральным штабом и всеми средствами воздействия и далее — непосредственные исполнители: Польша, Финляндия и лимитрофы.

Вот это прямое воздействие и посягательство со стороны агентов, о которых мы сообщали, приходится признать как основную причину создания организации, имевшей целью раньше или позже свергнуть советскую власть. Не было бы этого воздействия и посягательства, не было бы, по моему мнению, несмотря ни на какие психологические моменты, внутри страны и контрреволюционной организации, не было бы «Инженерного центра» и оформления его в «Промпартию» с ее оформившейся тенденцией к явно преступным действиям — интервенции. Не было бы влияния группы «министров», которая указывала на необходимость оформления «Инженерного центра» в «Промпартию», такое официальное оформление не было бы закончено. Формального образования «Промпартии» не было, но фактически мы считаем, что превращение «Инженерного центра» в «Промпартию» состоялось уже в конце 1928 г. или к началу 1929 г.

Прежний состав руководителей «Инженерного центра» становится автоматически руководителем «Промпартии», но выборов в ЦК, в бюро или президиум никаких не было: этот переход совершился автоматически, по преемственности.

Программа реставраторов

Дальше — два слова о политической программе, о которой я уже здесь указывал. Форма правления намечалась буржуазно - демократическая. Законодательный орган — парламент с системой выборов, переходная форма — диктатура.

Отдельные мощные предприятия, имеющие наибольшее значение, об'единялись с тем, чтобы при акционировании наибольшая часть акцией поступала государству. Таким образом, принцип государственного капитализма, очевидно, был воспринят нашим инженерством, и это было известным достижением.

Затем в отношении крестьянского хозяйства, земледелия. Тут установка была на крепкого мужичка, о которой здесь уже говорили. Она не была дебатирована, не была проведена, она просто была принята. Я считал и теперь считаю, что она была подсказана и, если хотите, навязана «Торгпромом» по политическим соображениям. Но если бы сейчас поставить этот вопрос перед нашим инженерством, то, насколько я говорил уже со многими товарищами, у нас уже выросло убеждение, что мы сейчас переживаем эпоху революции в сельском хозяйстве, революции, которая ставит вопрос о машинизации на серьезную почву, что сейчас весь мир занят этой идеей, и идет вопрос о ее осуществлении. Идет борьба, с одной стороны, за приспособление техники к любой форме хозяйства, с тем, чтобы техника была прислужницей любой формы хозяйства и, с другой стороны, — за то, чтобы из техники извлечь максимум того, что может она дать, но в такой форме, которая соответствует положению, — это форма коллективизации. И тут, если поставить вопрос на голосование среди инженерства, какое угодно голосование — тайное или другое, — то очень многие, если не большинство, высказались бы за это. Но так было принято, потому что так было подсказано из «Торгпрома». Дальше я не говорю о формах, я не говорю о подробностях, я говорю только о технических условиях осуществления.

Дальше. Тактическая программа, как уже указывали, опиралась на проведение с помощью внешних сил интервенции, потому что было наивно рассчитывать на переворот внутренними силами

В связи с успехами в деле восстановления и реконструкции советской промышленности перед «Промпартией» встал вопрос о необходимости ускорения момента интервенции, так как мы все видели, что хозяйство страны очень быстро восстановилось, что процесс реконструкции идет гигантскими шагами, что пятилетний план с громадными затруднениями выполняется, — может быть, выполняется не на все 100 проц. в разных своих частях, но в существенном будет выполнен, и поздно будет думать об интервенции, потому что вопрос будет разрешен. И поэтому «Промпартия» поставила вопрос об ускорении момента интервенции. Что для этого нужно было сделать? Приходилось применять то форсирование мероприятий, о котором здесь говорили, в части как планирования производства, так и выполнения планов, и по этим двум линиям идет в это время вредительство. Депланируемое производство и выполнение депланирования должно было приводить к максимальным несогласованностям в строительстве, в производстве, к несогласованностям в сроках выполнения и т. д. Я поясню потом несколькими примерами. Все это в конечном итоге должно было привести к кризису, а в момент интервенции — и к срыву целого ряда производств.

В самом начале деятельности инженерно-вредительского центра, в 1927 г., типичным методом вредительства было сокращение намечаемых программ, замедление темпов развития отдельных отраслей в целях задержать хозяйственное

развитие и не дать развернуться производительным силам страны и в первую очередь и в особенности — добывающих отраслей: сырьевых и топливных.

Затем наступил второй период. С 1928/29 г. «Промпартия» переходит к новому методу вредительства. Она уже не пытается уменьшать задания и контрольные цифры в плане реконструкции, но пытается создать тенденцию к проведению бесплодных максимальных вложений средств основного капитала, рассчитывая всякий раз на максимум вложений, и стремится наиболее растянутыми путями к использованию строительства и к усложнению этого строительства, к неправильным календарным планам осуществления отдельных частей народного хозяйства. Все это делается в целях достижения наибольшей диспропорции и омертвления сумм вкладываемого капитала при минимальной эффективности капитальных затрат. В результате всего этого ожидался кризис в хозяйстве и в то же самое время увеличение финансовых затруднений при выполнении плана.

Здесь придется остановиться на нескольких примерах. Например, в металлургии от 7 млн. тонн потом перешли к 8—10 млн. тонн, но здесь дело не в этом, — дело в несоответствии с ассортиментами потребности. Можно иметь 10 млн. тонн чугуна, но не иметь тех сортов железа, которые нам нужны. А это положение как раз и наблюдается с железом. Мы не имеем нужных листов для котельной работы, для судостроения и т. д., мы не имеем осевой заготовки. Все это нужно в настоящее время ввозить из-за границы. Это происходит потому, что в свое время не были выправлены планы реконструкции нашей металлургии в таком направлении, чтобы она могла отвечать нашим потребностям, растущим в определенных отраслях по определенным направлениям.

Большая металлургия страдает именно этой неувязкой, несогласованностью с потребностями, тогда как малая металлургия, которая имеет пребывание на машиностроительных заводах, снабжаясь в центральных и сев.-зап. районах собственным металлом, за счет остатков лома, который у нее имеется, — в настоящее время находится в таком упадке, что требует серьезной реконструкции. Но когда мы беремся за эту реконструкцию, то получаем колоссальные цифры требуемых вложений, которые делают для нас, по-моему, сомнительными все расчеты. Мы были свидетелями все эти годы таких преувеличенных расчетов, таких преувеличенных цифр. Так, районы рассчитывают на тот лом, который должен находиться в данном районе, но которого, конечно, никому не дают. В этом также видна вредительская система. Здесь стремились вовлечь государство в непроизводительные затраты больших сумм там, где не было для этого естественных ресурсов.

Практика и результаты вредительства

В деле различных видов машиностроения мы не разработали никаких конструктивных типов, например, типов локомобилей и т. д.

Во всех этих отраслях мы приступаем к проектированию, но не имеем возможностей для того, чтобы провести его в жизнь. Через мои руки прошло свыше 200 проектов, и эти проекты изменялись по пяти раз теми, которым надлежит этим ведать. В таком же положении находятся наше вагоностроительное производство, наши паровозостроительные заводы и большие комбинированные предприятия, которые годами ожидают вариантов реконструкции. Дается 10 вариантов, и ни на одном не останавливаются.

Зная очень хорошо и получая массу материалов из Америки от Амторга о видах централизованного снабжения вагоностроения, паровозостроения, о всевозможных частях, которые изготовляются на специальных заводах, мы ничего не сделали в этом направлении.

Мы 4 года проектировали заводы для металлургической промышленности на Магнитострое, в Кузбассе и в Донбассе и пришли к тому, что в комиссии Орджоникидзе, где я сам присутствовал, мы имели целую сводку различных устройств, и каждая тетрадь обязательно имела страницу, которая заканчивалась следующими словами: «но ни в коем случае все эти соображения не могут служить для промышленных заказов, они являются только ориентировочными». Это после 4 лет работы! Казалось бы, нужно работать иначе. Необходимо было иметь на руках копии тех или иных чертежей, тех или иных работ и, приступив к их строительству, параллельно продолжать проектирование с тем, чтобы проектирование совпадало со строительством. Но мы этого не делали. Мы закупили 65 прокатных станков, из них 8 блюмингов, но своего строительства мы не создали.

Мы задержали строительство Свердловского и Краматорского машиностроительных заводов, которые играют важнейшую роль в деле оборудования горной промышленности. Произошла задержка на два года. Мы только теперь доделываем проекты этих заводов. Свердловский завод, правда, строится, но будет готов только к концу пятилетки, в то время как он должен был бы быть выстроен год тому назад.

Наконец, в порядке сооружения мы постоянно идем как бы обратным путем, как будто бы нарочно. У нас дефицитными цехами являлись заготовительные цехи. Мы имеем в настоящее время дефицит по фасонно-стальному литью и мы не строим фасонных сталелитейных

до последнего года, только в этом году мы начинаем строить их. Но зато мы выстроили целый ряд машиностроительных цехов, дорогих по оборудованию, которые работают не полностью за неимением металла, в виде фасонного литья, для обработки.

Мы строим на заводах, хотя бы Новое Сормово, большую новую кузницу, нам совершенно необходимую, потому что мы в этом очень отстали, строим эти сооружения на новом месте, строим дорогим способом, заказываем оборудование, четыре года мы строим и еще не достроили; притом, достроив, мы не будем иметь энергетического оборудования этого строительства, мы не знаем, каким топливом мы будем нагревать наш металл. Имеются фантастические проекты о подводе торфяного газа с проводом газопровода по дну Волги. Это — фантастический проект. В то же время мы не имеем металла для этой кузницы, потому что мы не строили металлургических цехов в это время. Точно так же мы не имеем металла для цеха особого назначения, который при этой кузнице построен тоже новый, который за неимением металла должен будет стоять. Словом, мы строим не то, что нужно, не в то время, в какое нужно, и не в тех размерах, в каких нужно.

Мы наметили там большую верфь, устроили эстакаду, но для этой верфи у нас нехватает под'емных средств, и работа там производится с «Дубинушкой», благодаря чему она не выпускает одну пятую и одну шестую части того, что она могла давать. В то же время мы не имеем для нее достаточно литья, мы не подумали во-время о пневматике. Словом, масса таких несогласованностей сводит на-нет большие затраты, ведет к омертвлению больших сумм, а в момент интервенции они действуют отрицательно, потому что средства-то отвлечены, а цех, который должен служить для целей обороны, не работает. Вот это небольшое количество примеров вполне достаточно для того, чтобы показать, как мы хромали в планировании производства. Планирование, которое сводится только к планам центральных учреждений, — это не все. Мы должны планировать на местах, планировать по об'ектам, по титульным спискам и по времени, по срокам, которые должны быть соблюдены.

Председатель. Подсудимый Чарновский, чем же вы об'ясняете то, что мы таким образом хромали в этих областях?

Чарновский. В отношении Сормова я затрудняюсь сказать, потому что постройка кузницы началась раньше образования «Инженерно-технического центра», но потом она продолжалась во все время его деятельности, и те деятели, которые работали там, принадлежали к вредительскому центру.

Председатель. Следовательно, какой вывод можно сделать?

Чарновский. Вывод можно сделать тот, что вообще инженерно-вредительский центр влиял в этом направлении не надлежащим образом, или, вернее, имел целью влиять в области направления соответствующего, т.-е. он давал директивы отрицательные. Этого явно не говорилось, но ведь у нас были директивы в этом направлении, как Рамзин докладывал, от заграничных сфер, от «Торгпрома», и поэтому эти директивы действовали психологически, они проникли до низовых организаций, низовые организации были связаны с этими деятелями, а они-то и являлись проводниками этих мер.

В моих об'яснениях, которые я докладываю Верховному суду, как раз есть указание, что эти методы вредительства доходили до низовых организаций, направляясь идейно из центральных организаций.

По заданиям французского генштаба

О связях вредительского центра с заграницей здесь много говорилось. Я, лично не бывая за границей около 20 лет и не имея личных связей с промышленниками, знаю об этом с чужих слов, и мои сведения не могут быть полнее и глубже тех, которые сообщались Рамзиным. Точно так же о связи с генеральным штабом, о сроке начала интервенции я только слышал и могу повторить то, что уже было сказано.

В конечном итоге, сводя наши сведения из ряда сообщений, полученных нашими товарищами, приезжавшими из-за границы, — от Хренникова, Ларичева, Рамзина и Федотова, для меня выявилась общая картина ведущейся за границей подготовки интервенции, в том числе роли «Торгпрома», как связи между «Промпартией» и политическими кругами Англии и Франции, включительно до Пуанкаре и Бриана. Роль «Торгпрома» как посредника сношений с французским генштабом, роль «Торгпрома» в деле субсидирования «Промпартии», а также в деле налаживания связи с участниками интервенционистского плана, роль «Торгпрома» по связи с «Промпартией» в лице Рамзина и для связи по подготовке интервенции и воздействия на соответствующие штабы и лимитрофные организации, — все это вам известно, позвольте на этом не останавливаться.

Дальше — о роли «Инженерно-технического центра» по подготовке интервенции. В 1928 г. мы получили от французского генерального штаба целый ряд заданий, привезенных Рамзиным. Их можно разделить на целый ряд категорий: задания по вредительству в разных отраслях промышленности (об этом я только-что говорил), в том числе и в

отношении промышленности, имеющей значение для обороны страны. Я должен сказать, что ведущие отрасли промышленности в мирное время, относящиеся к снабжению, транспорту и всевозможным видам строительства, в военное время являются еще более важными, приобретают еще большее значение в смысле обороны тыла. Каждый паровоз, каждый вагон — все это имеет такое же значение во время войны, как орудия или снаряды. Так что эти заводы мы должны считать также имеющими оборонное значение.

Затем были задания в области диверсионных актов, имевших целью оказать поддержку в момент интервенции. Эти задания, как уже об'яснил Калинников, сводятся к дезорганизации электроснабжения, отчасти к транспортной и телеграфной связи, но в первую очередь — к дезорганизации электроснабжения. Задача в направлении дезорганизации обороноспособности Красной армии решалась путем создания в ней контрреволюционных ячеек. Но с этой задачей, как указывал Калинников и как я утверждаю, «Промпартия» справиться совершенно не могла.

Задания в области дезорганизации промышленного строительства мне известны больше. В основном они шли в направлении создания кризиса, диспропорции, типичными примерами чего являются несвоевременное вложение, омертвление капитала без каких бы то ни было практических результатов. Сормово является типичным примером этого. Дефицитность в снабжении металлом определенных сортов все время создает прямую угрозу развитию всех потребляющих производств. В момент же интервенции это создает чрезвычайно опасное и напряженное положение, так как заводы работают почти без всяких запасов.

Особое значение имеет этот факт для ремонта подвижного железнодорожного состава. Постоянный кризис имеется с бандажами, так как заводы тяжелой металлургии не ремонтируют в своих бандажных цехах, а заводы малой металлургии не имеют соответствующих приспособлений. Центральные заводы для производства колес без бандажей оказались без стали, так как по специальному патенту, который имеется, мы еще не умеем работать. Это нужно было делать раньше. Это касается и оборонной промышленности, т.-е. станкостроения и инструментального дела. Без собственного станкостроения вы не можете вести никакой работы. Прошлая мировая война показала, что значит не иметь собственного станкостроения.

Исходя из общих директив, вредительская организация использовала ряд мер для демобилизации промышленности в нужный момент. По заводам собирались данные о состоянии промышленности, имеющей значение как ведущая промышленность, а также для обороны. Конечно, по военной промышленности, как особо засекреченной, получать сведения было нелегко, но по заводам, имеющим значение для обороны, такие сведения собирались. В тех местах, где проходили проекты, нами сведения были даны. По Гипромезу имелись данные у Хренникова. В НТС данные сообщались мною моим сотрудникам. Я знал, что они могут быть использованы не только для экономических сводок, но и для других целей.

В отношении диверсионных актов нужно сказать, что это задание шло по линии электроснабжения и топливоснабжения. Путем организации диверсионных актов в электропромышленности имелась возможность парализовать руководящую группу энергетики, парализовать снабжение ведущих отраслей промышленности без существенного повреждения установок. Этого можно было достигнуть только временным выводом из строя заводов в нужный момент.

О военной организации, об ее неудаче я уже говорил; интервенция, предполагавшаяся в 1930 г. и отложенная на 1931 г., с привлечением Польши, Румынии и Финляндии, должна была встретить активную помощь со стороны организаций «Промпартии». Однако на деле как за границей, так и нами в СССР, к намеченному сроку, т.-е. к лету 1930 г., было сделано так мало, что руководящие круги прислали через Осадчего сообщение, что подготовки нет и что поэтому интервенции не будет.

Признание своего бессилия

Между прочим я обращаю внимание Верховного суда на доклад Осадчего, в котором имеются окончательные сведения по этому делу и в котором указывается на неподготовленность почвы для интервенции. Значит все было на бумаге, а на деле оказалось не так. Затем то вредительство, которое было направлено к замедлению темпов промышленности, не дало в сущности серьезных результатов. Оно дало результаты местные, частные, но в виду под'ема энергии и целеустремленности масс трудящихся в общем эти отдельные дефекты тонут в массе успешной работы. И это обстоятельство не могло не учитываться вовлеченным инженерством, и час отрезвления был недалек.

Вообще нужно сказать, что, несмотря на все усилия «Промпартии», хотя у нее было две тысячи человек, и несмотря на частичные успехи, приводившие к замедлению темпов и искажению строительства, а в результате к временным кризисам в промышленности, мы видим, что пятилетний план выполняется в общем неплохо. Это потому, что проявленная рабочим классом энергия и энтузиазм в

деле строительства опрокинули надежды на срыв строительства в целом и доказали бесплодность борьбы кучки инженерства против технической мощи и сознательной воли трудящихся масс, об'единившихся в общем порыве строительства, как основы грядущего социализма. Вот вывод, к которому пришло инженерство «Промпартии» и который скрывать от себя оно не могло.

Теперь позвольте мне коснуться моей личной вредительской деятельности в качестве члена вредительского центра—ЦК, что на меня возлагалось и что я мог сделать.

Председатель. Сколько вам приблизительно нужно для этой части, чтобы не стеснять вас в ваших показаниях?

Чарновский. Мне нужно немного времени — 10—15 минут. Я отложу некоторую часть для заключительного слова.

Председатель. Мы предлагаем такой порядок: ваша личная деятельность, как деятельность каждого из подсудимых, нас особенно интересует, и поэтому стеснять изложение заранее десятью минутами мы считаем неудобным. Поэтому было бы целесообразно, по мнению Специального присутствия, отложить эту часть на завтрашнее дневное заседание. Вы можете занять свое место на скамье подсудимых.

На этом мы сегодня заседание прервем. Следующие заседания Специального присутствия будут происходить в следующие часы: от 11 часов утра до 3 часов дня и с 6 часов вечера до 11 часов вечера с перерывами на 10 минут (кроме тех трех часов, которые разделяют утреннее и вечернее заседания) после каждых двух часов заседания.

Заседание Специального присутствия закрывается.

27 ноября

Утреннее заседание

Председатель. Заседание Специального присутствия Верхсуда возобновляется. Продолжается допрос подсудимого Чарновского. Подсудимый Чарновский, вы вчера остановились на моменте, который озаглавили «мои вредительские действия». Угодно ли вам продолжать об'яснения на эту тему?

Чарновский уличает самого себя

Чарновский. Переходя к вопросу о своей личной роли во вредительстве, я должен буду еще раз возвратиться к вопросу о методах вредительства. В практике «Инженерного центра» и «Промпартии» их отмечалось два: один, по времени первый, сводился к сокращению всяких заданий с минимумом замедления темпов. Второй — позднейший — представлял собой преувеличенные задания до излишнего максимума. Ставку на максимальное вложение в целях максимального омертвления капитала. Здесь мы имеем два противоположных, но оба вредительских момента. Имея перед собой достаточное число примеров вредительства, мы намечали в ЦК тот или другой метод.

Если мы будем отмечать конкретные случаи применения того или другого метода, то, оглядывая со стороны, мы можем оценивать то или иное действие, как вредительское или не вредительское, в зависимости от общей тенденции, с которой мы смотрим на данный вопрос. Но редко мы проверяем на деле правильность или неправильность того или другого предложения, поэтому разбираться в каждом отдельном случае не всегда удается. Я говорю это с точки зрения экспертизы. Таким образом, экспертиза не всегда вскрывает вредительство того или другого метода. Недавно, уже после ареста, я прочитал в отчете топливной конференции, что один оратор, отстаивая свою точку зрения в вопросе о максимальном плане добычи топлива, говорит, примерно, следующее: этот план все же выполним, но при условии величайшего напряжения и в соединении с сочетанием ряда наиболее благоприятных условий. Такая экспертиза, в сущности говоря, является вредительской, потому что она ровно ничего не говорит. Сколько будет этих условий — два или двадцать два, при каком бы то ни было количестве этих условий оратор всегда будет прав, потому что он предупреждал, что только при наличии определенных условий этот план будет выполним. Вот в такого рода оговорках, в такого рода неопределенностях иногда мне приходилось уличать и самого себя.

Что же касается НТС, то всякая такая неопределенность должна быть поставлена ему в вину. Я эту вину за собой и за своими товарищами признаю. Можем ли мы в самом деле допускать такую постановку вопроса, когда решение о максимуме или минимуме не подтверждено никакими расчетами? Конечно, мы не должны этого допускать. Всякое такое допущение может свидетельствовать в одном случае о вредительстве, а в другом случае — о нашей угодливости тому или иному течению. Вообще, конечно, тот или иной вариант должен подтверждаться наличием расчетов, обоснованных не только арифметическими подсчетами, но технически все предусматривающих, учитывающих все условия, влияющие на результаты.

«Чего изволите», или как вредители составляют проекты

Но старая черта, старый грех нашей интеллигенции и нашего инженерства может выражаться формулой: «чего изволите», «прикажете — акушером буду» и т. д. Эта черта еще не умерла, напротив, живет и действует в нашем инженерстве. И это свидетельствует о чем? О том, что инженерство все еще не рассматривает промышленное строительство как свое собственное дело, с кото-

рым связаны его же собственные интересы.

Приведу пример из недавнего прошлого. В Гипромезе идет обсуждение эскизного проекта одного из существующих ныне заводов Донбасса по расширению выпуска изделий до 2.000 тонн в год. По стенам развешаны чертежи, висит раскрашенная карта будущего поселка, как обычно. Все клонится к тому, что проект благополучно пройдет. Вдруг кто-то задает вопрос: «А подумали ли вы о воде? Ведь для такого завода нужен водопровод диаметром в столько-то метров в поперечнике». Завод этот расположен на водоразделе и до ближайшего источника — 100 метров. Ответ: «Не подумал». Вопрос: «А подсчитали ли вы условия транспорта, ведь придется для такого количества пропускать в течение четверти часа маршрутный поезд в 60 вагонов, который вы можете разгрузить только, если он будет саморазгружающимся. Вы должны принять поезд, разгрузить, выпустить и принять в то же время другой». Ответ: «Не подсчитал». Конечно, проект не мог быть принят.

Спрашивается, каким же образом была допущена потеря времени около 8—10 месяцев, работа 25—30 инженеров и техников и получился совершенно непригодный результат? А вот это и есть эта система «чего изволите». Задание было дано, оно было принято без критики к исполнению, и вместо того, чтобы сразу поставить вопрос о том, разумно ли реконструировать такой завод в имеющихся условиях, которые не соответствуют заданному масштабу, вместо этого задание просто было принято к исполнению.

Этот грех «чего изволите» есть самый опасный в смысле вредительства фактор, который не должен иметь место в инженерной работе.

Если бы во главу угла в советском промышленном строительстве было твердо поставлено требование расчета и проверки и если бы вместо этих положений общих — «чего изволите» или «моя хата с краю», «как прикажете», — если бы каждый чувствовал свою ответственность не только перед угрозой каких-нибудь воздействий, но и ответственность моральную за дело, которому он служит, тогда, конечно, не было бы вопроса о вредительстве и, быть может, мы не утруждали бы суд разбирательством таких дел.

Именно так на свою инженерную работу предлагал нам смотреть один из крупнейших советских работников ВСНХ — Феликс Эдмундович Дзержинский, который — я это помню очень хорошо, — отправляя в командировку одного из наших товарищей, напутствовал его словами: «Обследуя данный завод и намечая для него программу, поступайте так, как будто бы это дело было ваше собственное хозяйское дело». Итак, инженерству нужно научиться смотреть на каждую задачу строительства промышленности не с точки зрения пессимизма или оптимизма, не с точки зрения чужого дела, которому он служит как бы наемником, но с точки зрения доброго хозяина, берегущего свое добро и чувствующего, что он вместе с рабочим классом действительно делает свое родное дело. Этих условий не было в инженерной работе. Было, пожалуй, слишком много вот этого: «моя хата с краю».

Пред'являются ли к инженерству требования, подобные указанной формуле Дзержинского? Я такие случаи знаю. Один из ныне сидящих в данном учреждении химиков получил упрек в комиссии по чистке в том, что он согласился с решением, которое явно потом оказалось неблагоприятным, невыгодным. Он сослался на то, что он записал отдельное мнение, но это не было принято в оправдание, потому что он это свое отдельное мнение не отстаивал затем решительно в следующей инстанции. Таким образом значит на нашу работу смотрят так, что она должна быть доведена до конца — и это совершенно правильно. И в этом равнодушии к результатам работы виновны многие, и я чувствую себя виновным в известной степени в этом.

Далее, при экспертизе НТС приходилось встречаться со множеством — ну не множеством, но с порядочным количеством случаев, — когда само задание было явно построено на ложных основаниях. Мы рассматривали эти проекты, вынося наше заключение, в конце прибавляли, что задание представляется нам неправильным, требующим пересмотра и проверки, но затем мы не считали себя обязанными дальше уже принимать какие-нибудь меры к установлению настоящего задания: мы считали свою задачу законченной, проявляли известное такое бюрократическое отношение к нашей задаче, чего не должно было быть. Вот в этой доле бюрократизма я себя считаю так же виновным, как и многих моих товарищей, с которыми я работал.

Дальше, теперь, переходя к обвинительному заключению, я должен сказать по поводу того, что в этом зале говорилось, — несколько замечаний мне хотелось сделать. Если возможно, я упомяну о двух моментах: указано было Рамзиным о пятерке для связи с экономистами, в которую были выбраны и Рамзин и я, но мне не случилось слышать о моей кандидатуре в этой пятерке, и я узнал об этом только от следователя, который мне поставил вопрос, так что это для меня совершенно неожиданно. И затем тот же следователь мне сказал: «Ну, успокойтесь, эта пятерка никогда не собиралась». Ну, я и успокоился. Точно так же было несколько других указаний о моих кандидатурах — вскользь упоминалось о

кандидатуре в какие-то министры, я не знаю чего, — я тоже об этом услышал от следователя, но в виду его отношения к этому вопросу, непригодного для настоящего зала, я уклонюсь от дальнейшего развития этого вопроса.

Словом это было несерьезно. В пределах данных мною показаний на следствии...

Председатель. Подсудимый Чарновский, все-таки довольно трудно вас понять. Вы говорите, что в пределах этого зала вы не считаете возможным сказать.

Чарновский. Я могу сказать. Следователь, узнав меня из подробного допроса, понял, что это предположение ко мне не относилось, и счел несерьезным.

Так вот, в пределах данного мною показания на следствии я имею право заявить, что само обвинительное заключение больше того, что я уже показал, мне ничего не приписывает. Так что я имею в этом отношении некоторую гарантию, что я себя не покрываю тем же и что я не стараюсь замазать свои преступления, а стараюсь изложить так, как было дело.

Промежуточно-вредительская инстанция

Вот акты, которые были обнаружены следствием и в которых я признал себя виновным. Будучи привлечен Хренниковым в 1928 г. к вредительской деятельности в отраслевом вредительском центре по металлопромышленности, а затем участвуя в ЦК, я таким образом участвовал в работе отраслевого центра прежде всего по металлопромышленности, а затем в ЦК, при чем это участие должно было выражаться в первую очередь в получении всех информаций, в том числе и информаций заграничных, о тех наших сочленах, которые командировались за границу и привозили нам оттуда известия о «Торгпроме», о французском генштабе и о сношениях, об обещаниях интервенции и т. д. Таким образом, я все это знал, был в курсе всего этого дела. Директивные сообщения в направлении вредительства, направленного к дезорганизации промышленности, и всего того, о чем говорилось вчера, я все эти директивы также воспринимал и должен был служить информатором в нашем металлическом отраслевом центре для других членов, для того, чтобы другие знали и принимали соответствующие меры, потому что я сам принимать эти меры не мог. Я не имел связи по плановой линии и не имел связи по оперативно-производственной линии, но мои товарищи работали и в плановой, и в оперативно-производственных отраслях. Таким образом, я служил промежуточно-вредительской инстанцией, передавая то, что нужно было передавать для исполнения.

Дальше я почерпал ряд данных из материалов по проектам, подлежащим рассмотрению заводов, входящих в ведение исключительно Главмашстроя, и в том числе крупных заводов по важнейшим отраслям со смешанной часто программой, которая имела значение и для мирного, и для военного времени. Эти данные у меня были. Помимо того, что я сам составлял технико-экономические показатели для пользования затем в дальнейшем в НТС и проектирующих организациях, я эти данные, эти показатели сообщал также и товарищу по ЦК — Калинникову, Ивану Андреевичу, хотя я знал, что целью здесь было не только осведомление чисто экономическое, не только экономические сводки, но и осведомление тех лиц и кругов, которые были в этом заинтересованы на основании запросов, получаемых из «Торгпрома».

Дальше мне приходилось эту роль посредника выполнять и по линии распределения средств, которые шли на вредительство. До июня 1929 г. роль руководителя металлического сектора или отраслевого центра выполнял Хренников, и он брал на себя все время и денежную часть, которую он выполнял с большим удобством, потому что он совмещал по своей работе и металлургию, и металлообработку и имел производственные связи. Когда он был арестован, мне пришлось эту роль взять на себя, хотя с большой неохотой, но эту работу мне помогали выполнять те лица, которые помогали и при Хренникове. Распределение было сделано через Кутского. Вот в этом я признаю также себя виновным.

Наконец кончается этот кошмар «Промпартии»

Признавая себя виновным, как играющего роль посредника, я нисколько не стараюсь смягчить свою вину, но стараюсь выяснить факты, поскольку они действительно имели место и поскольку я их выполнял. Далее могу сказать, что мне конечно тяжело и больно признаться, что инженеры, и я в том числе, дали отвлечь себя от прямой прекрасной роли руководителей в великом деле промышленной реконструкции, выполняемой в таком масштабе, и что мы променяли эту роль на роль прислужников капитала и стали орудием в руках враждебного нам окружения. Это больно. На этот гибельный путь толкало нас, как я уже указывал, непрестанное воздействие внешних сил через наших сотоварищей, передававших нам поручения «Торгпрома» и стоявшего за ним французского генерального штаба с общими посулами, подачками и т. д. Это воздействие усиливало напряженное настроение в инженерной среде и конечно могло привести только к самым ужасным, печальным последствиям.

Но я должен сказать, что лично я не имел с промышленниками никаких свя-

зей, я ушел из промышленности 24 года назад с очень небольшим чином. Кое-что я сделал не только для себя, но и для рабочего класса, но об этом я буду иметь возможность сказать в своем заключительном слове. За границу я не ездил 20 лет, но я знал о всех тех деяниях, которые там проделывались, о всех планах, знал от своих товарищей, которые туда ездили, и следовательно соучаствовал с ними в преступных действиях.

Ощущая всю тяжесть своей вины перед рабочим правительством и выражая готовность искупить свою вину тем приговором, который последует от Верховного суда, быть может, своей работой в дальнейшем, если Верховный суд признает это возможным, я все же испытываю чувство некоторого облегчения, что наконец кончается этот кошмар «Промпартии», когда все эти воздействия, влияния и неприятные и тяжелые обязанности раздваивали человека, делали его двойником, когда он переставал быть внутренно самим собой. А только оставаясь внутренно самим собой, можно выполнить какое-нибудь хорошее общественное дело и даже свое собственное хорошее дело.

Я позволю себе выразить не только надежду, но и твердую уверенность в том, что инженерство нашим горьким опытом вразумится и не станет на этот путь преступных действий. Ведь, кроме этого чисто отрицательного опыта, который мы вынесли из этого дела, мы вынесли также и положительный опыт. Мы вышли из нашего преступления с твердой верой в творческие силы трудящихся масс, конечное торжество советской системы и планового хозяйства, которое обеспечит стране наилучшие условия хозяйственного развития, а населению—наилучшие условия для хозяйственной жизни и культурного прогресса.

Председатель. Садитесь.

ОБ'ЯСНЕНИЯ ПОДСУДИМОГО КУПРИЯНОВА

Председатель. Подсудимый Куприянов, желаете ли вы дать об'яснения суду?

Куприянов. Да, желаю.

Председатель. Пожалуйста.

Куприянов. На предварительном следствии...

Председатель. Я прошу вас, говорите громко, так как вас не слышно. Старайтесь говорить громко и медленно.

Куприянов. Я заявил Верховному суду, что я признаю свою виновность. На предварительном следствии я дал подробные, исчерпывающие показания о всей вредительской работе. Вредителем я себя признал, но прежде, чем приступить к сводке всей своей вредительской работы, я считаю необходимым внести маленькое раз'яснение, уточнение в показания Рамзина. Когда Рамзин говорит, что «Инженерный центр» состоял из таких-то лиц, то между прочим представителями текстильной промышленности считает Федотова и Куприянова, а в отраслевой — Лопатина, Нольде, Лебедева и др. Я считаю, что здесь просто оговорка, умысла нет. Все, кто знает мало-мальски этих лиц, тот никогда не может отнести Лопатина к отраслевым деятелям. Лопатин безусловно был и в «Центре», он первый вошел от текстильной промышленности, и кто знает характер Лопатина, тот, конечно, ни на минуту в этом не может сомневаться. Я не хочу этим смягчить или убавить свою вину. Я виновность свою вполне признаю, она нисколько от этого не убавляется, но в то время, когда Лопатин был в «Центре», я был в отраслевой группе, как чистый производственник. Со смертью Лопатина — это было в конце апреля 1927 г. — положение несколько изменилось. Когда я до этого дойду, тогда уточню. Вредительские ячейки или вредительская работа...

Председатель. Вы сказали, что внесете уточнение в показания Рамзина? Это уточнение касается только роли Лопатина?

Куприянов. Да, вначале он был в «Центре», а я — в отраслевой группе.

Председатель. А потом?

Куприянов. А потом, со смертью Лопатина, вошел заместителем Лопатина Федотов, а я, как представитель отраслевой промышленности, бывал на заседаниях у Хренникова. С конца 1927 года или с самого начала 1928 года я был на 2—3 заседаниях в кабинете у Хренникова, когда обсуждались вопросы чисто текстильные, чисто текстильного производства.

Вредительство в текстильной промышленности

Я считаю, что вредительские организации по текстильной промышленности, в том числе и по хлопчатобумажной промышленности, уже начали существовать с 1919 г., т.-е. с момента национализации промышленности. Они были организованы Лопатиным. В то время еще не было об'единения фабрикантов за границей, — не было «Торгпрома», но Лопатин имел сношения с заграницей. Он имел сношения с Коноваловым, с Рябушинским — сначала он имел эти сношения через германские круги, а потом через французские и английские. Я должен здесь оговориться, что в текстильной промышленности с 1918 г. до конца 1923 г. не работал. В это время я в Москве не находился. Обо всем этом я передаю со слов того же Лопатина и других. После моего приезда в конце 1923 г. в Москву Лопатин в это время, т.-е. в период от 1919 г., от национализации в 1919 г. до момента об'явления нэпа, был центральной фигурой в текстильной промышленности. Все промышленники, которые находились

здесь и которые были за границей, имели с ним сношения.

Первой вредительской установкой этого периода было сохранение предприятий бывшим фабрикантам в том виде, в каком они были ими оставлены. Нужно было всеми силами препятствовать переброске машин с одной фабрики на другую и по возможности добиваться того, чтобы фабрики оставались в работе и не переводились на консервацию. Так как в это время «Торгпрома» не было, то все промышленники, и заграничные и оставшиеся здесь, действовали каждый в отдельности. Так как Лопатин в это время занимал ответственные должности в ВСНХ и в Госплане, то он мог влиять на принятие того или иного решения.

Когда был об'явлен нэп, то надежды всех бывших владельцев получили уже другое направление. По словам Лопатина, вопрос о возвращении фабрик бывшим их владельцам в виде аренды был вопросом самого недалекого будущего. А поэтому надо было принять все меры к тому, чтобы фабрики оставались в прежнем состоянии, чтобы к моменту получения их в аренду они могли работать полностью без особых затрат. Отсюда им была дана директива ремонтировать фабрики, ремонтировать машины. К 1925 г. эти надежды на получение фабрик в аренду не оправдались. К этому времени был образован «Торгпром». По инициативе «Торгпрома» была организована, можно сказать, официальная вредительская группа. В состав этой вредительской группы входили: Лопатин, Федотов, Державин, Куприянов, Кирпотенко, Кольцов, Ситнин — по хлопчатобумажной промышленности. Потом входили представители по льну — Нольде, Ангин, представители шерсти — Михайлов, — в первое время занимался этим делом сам Лопатин непосредственно, потом вошли Воронов, Ставровский. Вот таким образом была организована группа и была установлена программа вредительских работ этой группы.

Первый пункт, это было усиление строительства новых фабрик. Строительство должно быть капитальным, не останавливаться перед затратами, и период строительства по возможности должен быть продолжительным.

Второй пункт программы, это — неполное и не совсем рациональное использование сырья, в то же время выработка ассортимента, не вполне отвечающего требованиям рынка.

Третий пункт — задержка в развитии текстильного отечественного машиностроения, ввоз по большей части импортного оборудования.

Четвертый пункт — составление 5-летнего плана, развитие текстильной промышленности с явным предпочтением хлопчатобумажной промышленности в ущерб льняной и шерстяной.

Для выполнения этих четырех основных пунктов вредительской программы роли были распределены следующим образом: первый пункт — усиление строительства в плановый период — здесь дело возглавлялось Лопатиным, Федотовым. Все конечно принимали участие, но главным образом это входило в их обязанность.

Председатель. Специализировались?

Куприянов. Да. При постройке новых фабрик приходилось входить в связи и с другими организациями. Проекты рассматривались и в Наркомтруде, и в техническом совете ВСНХ. В чем же здесь было зло? Зло было в том, чтобы произвести излишние затраты. Каким путем? Наша роль, в сущности говоря, была здесь покрывательская, потому что Наркомтруд вырабатывал такие невероятные нормы света и обмена воздуха, что если бы по первоначальным нормам строить фабрики, то этажи были бы в 9 метров, тогда как теперь они от 4½ до 5 метров максимум.

Наркомтруд такие требования пред'являл, это — дело технического комитета, а мы тут просто говорили: «Что же, требуют, давайте строить». Правда, 9 метров высоты не было. Это было настолько абсурдно, что невозможно было допустить. Максимальная высота, с которой построили не более 2 фабрик, это было 6 метров. Постепенно и эта цифра — 6 метров — под влиянием жизни, под влиянием всех тех разговоров, которые возникали вокруг этого вопроса, сошла постепенно путем торговли до 5 метров.

Проведение всех этих мероприятий, т.-е. проведение в техническом совете и в Наркомтруде, было поручено Кирпотенко и Кольцову.

2-й пункт — не вполне рациональное использование сырья и выработка ассортимента, не вполне соответствующего требованиям рынка, — это проводилось мною главным образом. Конечно у меня были помощники. В чем же тут дело? Вот в чем: урожай нашего отечественного хлопка представляет собою приблизительно на 75 — 80% хлопок хорошего качества, из которого можно работать от 30-го до 38-го номера пряжи, а следовательно и те товары, которые работались из этих номеров.

Вся наша группа приняла установку, созданную в пределах ВСНХ до образования текстильного директората, до создания Цугпрома. Это дело исключительно находилось в руках Лопатина. Когда тресты представляли свои годовые планы и программы, то от них совершенно не требовалось представления ассортимента, т.-е. что надо работать, чтобы рынок был удовлетворен. Каждый трест работал то, что ему вздумается, а работал он не только то, что было нужно, а что было выгодно, потому что расценки в это время тоже имели чисто случай-

ный характер. В результате все это играло роль создания того положения, что рынок получал не вполне то, что нужно. Конечно в этом деле первоначально и мы приняли такую же установку — никакого требования к трестам не пред'являть, потому что Лопатин, как опытный руководитель, вводя нас в курс вопросов в текстильном директорате, говорил, что если мы в это дело вмешаемся, то мы запутаемся, тресты свалят все неудачи в смысле прибылей на нас, и на нас посыплются все обвинения. Но конечно это была драпировка, потому что вопрос можно было упорядочить. По этому поводу приходилось после 1927 г., когда уже проведены были обязательные стандарты и когда всю продукцию тресты сдавали синдикату и когда синдикат уже эту продукцию распределял по указаниям Наркомторга между потребителями и 80% всей этой продукции брал Центросоюз, — то приходилось уже этот вопрос согласовывать и с Центросоюзом, и с Наркомторгом. Каждый год у нас формально были разногласия с Центросоюзом по некоторым сортам: некоторых сортов, которых требовал Центросоюз, мы не могли работать, — некоторые товары делаются из гребенной пряжи, а у нас ее не было, это правда, но некоторые товары мы все же могли работать. Тут поддерживали нас и тресты, и отговорка была та, что надо делать большие перестановки, вследствие чего рентабельность понизится и т. д. Но сделать это все же было можно. Мы тут формально расходились с Центросоюзом, но в действительности в конце-концов приходили к соглашению, и у нас происходило в некоторых сортах расхождение с их заявкой — была ли верна их заявка или нет, я не могу сказать, расхождение приблизительно от 1 до 2%. В особенности был недостаток в чисто бельевых товарах и, я бы сказал, избыточность плательных товаров.

Третье, это — задержка развития текстильного машиностроения. По тут в самом начале, как всегда у нас бывает в области организации, по текстильному машиностроению возникли некоторые споры или прения с металлической промышленностью, кто и что должен сделать, на каком заводе что должно производиться, что лежит на обязанности текстильщиков и что лежит на обязанности металлистов. Чтобы сгладить эти споры, было организовано так называемое «распорядительное бюро» при Цупроме. Председателем этого «распорядительного бюро» был Шейн, а заместителями от текстильщиков — Кирпотенко и от металлической промышленности — Кутский. Как вам известно, и Шейн, и Кутский, и Кирпотенко, это — члены вредительской организации, хотя не текстильной, а другой, но это все равно.

Поэтому и там мысль о задержке развития отечественного машиностроения получила одобрение. Наши первые машины, я бы сказал, задержались на год, на полтора, а может быть, и больше.

Составление пятилетнего плана с явным предпочтением хлопка против льна и шерсти. Первоначальных установок пятилетки было столько у ВСНХ, что я, откровенно говоря, и счет их потерял. Они в год три раза делали, и делали эту пятилетку кому только не лень. Первую пятилетку составил Лопатин, он положил основание. Его мысль была такого рода — не форсировать особенно новое строительство. Новое строительство должно быть, но особенно его не форсировать, а повести главным образом замену существующих машин новыми машинами и главным образом хлопчатобумажными. Лен надо задержать, шерсть тоже надо несколько задержать потому, что лен нам нужен для экспорта, а шерсти у нас нет и ее придется импортировать. Надо подождать, пока мы разведем овец, и это отнести ко второй очереди. Почему хлопчатобумажной промышленности дать развитие? Здесь у него был такой аргумент: так как после империалистической войны у нас отошло два миллиона веретен Польше и Эстонии, то, чтобы покрыть разрыв в потребности пряжи, надо строить хлопчатобумажные фабрики, тем более, что он имел больше всего сношения с хлопчатобумажниками в «Торгпроме». Коновалов, Рябушинский, — это были люди, родственные ему.

Пятилетка несколько раз менялась, исправлялась и в конце концов получилось так, как здесь говорил предыдущий обвиняемый: она из минимальной стала максимальной.

Главная основа пятилетки, это — наше отечественное сырье. То, что последняя пятилетка дает по сырью, это, конечно, цифры явно преувеличенные. В сущности говоря, наше оборудование могло бы переработать, если пустить фабрики в три смены на непрерывную работу. В составлении пятилетки по сырью участвовали не мы. Это было делом сырьевого отдела Главхлопкома. Тут оказывал влияние и сам ВТС и, может быть, в связи с ПЭУ ВСНХ. Ее составлял Юферов, потом Соколовский имел отношение, и у нас связь с ними была тоже через сырьевой отдел ВТС. Цифры эти выдвигались ими, они прорабатывались, они выносились на обсуждение в ВСНХ Соколовскому, там они получали свое клеймо правильности и поступали к нам, и мы их тоже принимали без особой критики.

Председатель. Подсудимый Куприянов, я не совсем понял. Вы говорите, что «в этой пятилетке мы не участвовали».

Куприянов. Я бы сказал — не наша организация.

Председатель. А какая организация?

Куприянов. То была сырьевая организация самостоятельная.

Председатель. Значит составляла эту пятилетку тоже частично вредительская организация?

Куприянов. Да.

Председатель. Соколовский был членом организации?

Куприянов. Он был членом сырьевой организации.

Председатель. Следовательно «не мы — это мы»?

Куприянов. Да, но я отношу только к этой группе. Это конечно тоже вредительская организация, которая возглавлялась Лопатиным, и связь была. Вот вся эта установка, данная Лопатиным для вредительской группы, должна была привести к финансовым затруднениям советское правительство, что должно было по его, Лопатина, словам повести в свою очередь к отдаче постройки большей части новых фабрик, а также расширения старых на концессию.

Предательство, концессии, интервенция

Когда организовалась наша группа, то Лопатин ни слова не говорил об интервенции, в это время об интервенции не было никаких разговоров, а были разговоры только о чисто экономических затруднениях, которые должны повести к концессии. При этом Лопатин всем нам говорил: раз будет концессия, то ясное дело — будет иностранный капитал, и под фирмой иностранного капитала должны в том или ином виде восстановиться старые владельцы.

Что же концессия дала бы нам? Об идеологии здесь довольно ярко говорили предыдущие товарищи, она ясна. Лопатин по этому поводу имел разговор с лондонским представителем Чарником. Чарник знал условия, при которых инженеры работали в прежнее время, так как он раньше проживал в России, и по его словам Лопатин говорил: инженерству предстоит значительное улучшение в их положении. Эти надежды на концессию были, я бы сказал, до 1927 г. В это время, когда образовалась текстильная вредительская организация, я слышал от Лопатина, что вредительские организации имеются и по другим отраслям промышленности — по металлической, химической, горной и нефтяной. Вполне ясно, что эти вредительские организации имели в общем ту же установку, т.-е. создание финансового затруднения советского правительства, и что они тоже имели связи с «Торгпромом».

Я не сумею сказать, что раньше об'единилось: об'единились ли все эти вредительские организации в «Инженерный центр» или сначала был «Инженерный центр», который создал эти организации. В первый раз о существовании «Инженерного центра» я услыхал от Лопатина в середине 1926 г. По его словам «Инженерный центр» по всей промышленности дал приблизительно одну и ту же установку, т.-е. цель должна была быть одна и та же.

О составе «Инженерного центра» много говорилось, но должен сказать, что почти каждый дает разный состав, потому что определенного состава в первое время не было.

От текстильной промышленности, как я уже говорил,— Лопатин, потом вошел Федотов, потом на нескольких заседаниях был я, а на нескольких заседаниях был Нольде. Все эти вредительские организации конечно имели целью создание чисто экономических затруднений, задачу создания недостачи промтоваров для того, чтобы вызвать недовольство среди населения.

Как я уже говорил, в начале организации никакого разговора об интервенции не было. Первые разговоры об интервенции у нас получились после возвращения из-за границы А. А. Федотова, который виделся, по его словам, в Лондоне с Крестовниковым. Крестовников был командирован к нему специально от руководящей группы «Торгпрома», чтобы выяснить, информироваться о положении у нас и в то же время высказать, что «Торгпром» считает, что вредительство, которое ведется у нас, не дает реальных результатов, этого недостаточно, так как до сих пор оно не вызывает никаких особых проявлений недовольства среди населения, и поэтому надо усилить вредительство, надо, чтобы создалась такая неблагоприятная обстановка, и что надо иметь в виду возможность интервенции. В это время для нашей группы еще было неясно, кем будет производиться эта интервенция и когда. Это было в конце 1925 г. или начале 1926 г.

Пуанкаре-война

В 1927 г. А. А. Федотов передал нашей группе, что инженерный совет получил известия от «Торгпрома», что вопрос об интервенции опять-таки ставится жизнью и что интервенция ожидается в 1930—31 г. Более ясное и четкое представление об интервенции было привезено А. А. Федотовым в конце 1928 г. из заграничной командировки. По его словам, он в Берлине виделся с Карповым, который приезжал специально с ним переговорить по этому поводу. Карпов подтвердил ему то же самое, что и Крестовников,— недостаточность действий вредительской организации, которые никаких реальных результатов не дают, и что необходимость заставляет их выдвигать вопрос об интервенции. По его словам выходило, что в Париже по этому поводу принята подготовка общественного мнения, а также установлена связь с правительственными кругами, тратятся значительные средства на печать, как эмигрантскую, так и фран-

цузскую, чтобы подготовить общественное мнение, завязаны связи с правительством, что представители «Торгпрома» были у Пуанкаре. Об этом подробно рассказывали предыдущие, поэтому я буду краток. Что Пуанкаре отнесся очень благожелательно к ним и передал рассмотрение этого вопроса генеральному штабу, но тут же преподал Федотову, что программа ранее установленного вредительства должна быть несколько изменена. Теперь, когда у нас большие разговоры стали о пятилетнем плане индустриализации, нужно приложить все меры к тому, чтобы план был провален, чтобы получились разрывы в недостатке промтоваров и создалось недовольство более яркое среди населения, главным образом создать прорывы, чтобы фабрики и заводы на некоторое время останавливались, и таким путем вызвать неудовольствие среди рабочих и среди крестьян. Поэтому для текстильной промышленности была конкретно предложена даже программа, первый пункт которой гласил: составление по текстильной промышленности преувеличенных планов, как пятилетних, так и годовых, в особенности по сырью; второй—постройка новых фабрик на окраинах, главным образом в Белоруссии; третий — выработка сортов товаров, не вполне отвечающих требованиям рынка; четвертый — несоответствующий завоз товаров в ассортиментах, не соответствующих данному району; пятый — ознакомление с мобпланом по текстильной промышленности и, если нужно, выработка мероприятий, которыми можно несколько задержать эту работу.

Тут в первый раз пришлось нам услышать о том, что Карпов сказал: сношение с «Торгпромом» можно будет вести через одно лицо, которое находится в Москве и которое является агентом французской миссии.

Председатель. Подсудимый Куприянов, вы неоднократно пытаетесь упоминать официальные учреждения иностранных государств, находящиеся в Москве. Я вас предупреждаю, что этого делать вы не должны, ибо вопросы подобного порядка могут быть обсуждаемы только на закрытых заседаниях.

Куприянов. Хорошо. В это время уже выяснилось, что если будет произведена интервенция в 1930—31 г., то она будет произведена главным образом при участии Польши и Румынии, под руководством Франции и ее командного состава. Франция, если и будет участвовать своими силами, то не в большом количестве. Главное, это будет руководство ее комсостава и некоторое участие флота. Расчеты на Англию к этому времени понизились. На Англию, если можно было рассчитывать, то только в смысле финансовой помощи и дипломатической помощи.

Планы консолидации контрреволюционных сил

Возвратившись из заграничной поездки, Федотов сообщил нашей руководящей группе об этом. Спустя немного времени,— точно не помню когда, было ли это в конце 1928 г. или в начале 1929 г.,— Федотов подтвердил мысль об этом. Тогда стало известно через Федотова, что вернулись из-за границы Рамзин и Ларичев, которые привезли более подробные сведения, но по сути эти сведения сводятся к тому же самому, о чем говорил Федотов,— к тому, что интервенция предполагается на 1930—31 г., что необходимо усилить работу, что во французских правительственных кругах относятся благоприятно к мысли об интервенции. Кроме того, Федотов к тому, что он раньше говорил, добавил, что Рамзин и Ларичев имели заседание даже с представителями французской армии (фамилий этих представителей французской армии я не помню). В этом заседании участвовали: представитель «Торгпрома» Денисов, представитель белоэмигрантской армии Лукомский, представитель французского штаба и Рамзин и Ларичев. О чем они там говорили, Федотов нам сообщить не мог, так как, как он сказал, он этого не знает, но он вынес такое впечатление из дальнейших разговоров, что представители Франции считали недостаточной работу по чисто экономическому вредительству. Они говорили, что, кроме того, необходимо еще создать опору интервенции внутри страны, даже в Красной армии, необходимо создать недовольство среди крестьян, необходимо создать недовольство среди красноармейцев и необходимо создать ячейки с антисоветским настроением среди учащихся; что в ЦК «Промпартии» вопрос этот обсуждается и выяснение возможности создания таких ячеек поручено некоторым членам ЦК. При этом он добавил, что ЦК считает, что недовольство среди крестьян уже существует, так как жесткое и твердое проведение коллективизации создает для этого почву, и можно надеяться, что в скором времени будет недовольство среди красноармейцев, так как широкие массы красноармейцев, это — крестьяне. Что касается создания антисоветских ячеек среди учащихся, то это дело поручено или будет поручено профессуре, были названы фамилии Чарновского, Рамзина, Федотова. Был разговор, чтобы мне поручить в МВТУ небольшую группу, так как предполагалось, что я буду там руководить проектированием. Но текстильный отдел там закрылся, мне не пришлось руководить проектированием, и никакой группы не создалось.

Вскоре после Федотова или одновременно с ним возвратился из заграничной поездки Ситнин. Когда Ситнин уезжал за границу, он зашел ко мне и сказал,

что возможно, что он отпуск по окончании командировки проведет во Франции и будет в Париже. Я много лет работал у Коновалова, никаких личных связей у меня не было. Лопатин говорил, что и он прекратил всякие сношения из-за какого-то недоразумения с конца 1922 г., а больше сносился с Рябушинским. Я просил Ситнина навести справки, как живет Коновалов, и, если удастся его видеть, узнать, как он смотрит на интервенцию. Ходили слухи, что он потерял все средства, что плохо живет, рассказывали, что где-то играет и т. п.

Ситнин, когда возвратился, мне сказал, что он видел Коновалова и, в сущности говоря, вынес такое впечатление, что Коновалов средства действительно потерял или во всяком случае они очень незначительны, что особым политическим влиянием или уважением среди эмигрантов он не пользуется, но что все-таки это фигура, с которой приходится считаться, и что Коновалов также подтвердил те самые установки «Торгпрома», что интервенция в намеченный срок возможна.

Когда говорилось о создании недовольных ячеек среди Красной армии, среди учащихся, среди крестьян, в то же время А. А. Федотов высказал пожелание ЦК о создании ячеек в больших учреждениях, в больших предприятиях, ячеек из бывших белых офицеров. При этом он высказал, что, по его мнению, возможно такую ячейку образовать в ВТС, где, по его сведениям, имеется значительное количество бывших офицеров армий Врангеля, Колчака и Деникина, и просил меня позондировать на этот счет почву, при этом указал, что, по его мнению, можно поставить во главе этой организации Девяткова, который будто бы непрочь принять на себя эту роль. Я определенного ответа не дал, но просил дать мне возможность переговорить с Девятковым и собрать более точные сведения. С Девятковым я виделся, передал ему пожелания ЦК, Федотова, он высказал возможность образования этой ячейки, но просил дать ему время собрать более точные сведения о том, где находятся эти белые офицеры и т. д. Спустя некоторое время я с ним имел разговор, и он заявил, что, по его мнению, образование такой ячейки возможно, но что подавляющее большинство их находится в финансовом отделе, а поэтому самое лучшее,— чтобы правильно все составить и не ошибиться, не провалиться,— самое лучшее войти в сношения по этому поводу с Корницким, который знает личный состав своих служащих, и с его помощью сделать этот подбор. При этом он просил иметь в виду, что он уезжает в полуторамесячный отпуск, и учесть это. Так как мне предстояла тоже сначала командировка, а потом отпуск,— я должен был уехать из Москвы на 2½ месяца,— то я, принимая все это во внимание, а также и то, что с Корницким я был мало знаком,— то я при следующем свидании с А. А. Федотовым передал ему все положение дела, просил его свести Девяткова с Корницким и меня от этого освободить. А. А. Федотов принял это к сведению, я уехал и вернулся в Москву уже 1 декабря 1929 г. Потом обстоятельства так сложились, что я должен был из ВТС срочно перейти в Оргтекстиль, потом был приезд американских специалистов, занятия с ними меня отвлекли от нашей группы,— поэтому я с Федотовым не виделся, ничего об этом не говорил, но от Девяткова как-то слышал, что он с Корницким виделся и выясняется возможность образования такой группы. Для этого выделено специальное лицо из состава финансового управления, некто Низяев. Потом,— это было в январе и феврале,— последовал мой арест, и я о дальнейшем ничего не могу сказать.

Создание затруднений в текстильной промышленности

Я могу дать маленькое пояснение по поводу программы, составленной на 1929—30 г. Была дана директива создать программу несколько преувеличенной, чтобы получилось, что имеется разрыв между сырьем и действительной возможностью. По тем директивам, которые были получены от ВСНХ, от ПЭУ ВСНХ значилось составить программу, исходя из пятилетки с учетом урожая союзного хлопка в 19 миллионов пудов. Как только эта цифра ко мне поступила, то, имея в виду предыдущий действительный сбор, я конечно усомнился в этой цифре, и чтобы не ошибиться легко — тем более, что в это время было ясно и известно, что интервенция откладывается и в 1930 г. не будет, то, чтобы не вызвать большего провала, я отнесся критически к этой цифре, вызвал из сырьевого отдела некоего Скопцова, который ведал этим делом и имел сношения по этому поводу с Главхлопкомом,— с тем, чтобы он пересчитал. Он пересчитал и дал цифру, что 19 миллионов не будет, а будет 18.

По этому поводу, чтобы иметь более правильное представление, я беседовал еще с Гайдамовичем, который тоже был членом партии, и решили определенно составить программу с разрывом в 1 млн. пудов, т. е. это давало простой максимум 12 дней. Говорят же здесь, что собрали значительно меньше. Я не могу дать об'яснений — почему, вероятно были какие-нибудь причины, но программа составлялась заведомо с разрывом в 1 млн. пудов.

Вот картина программы вредительской работы отраслевой организации. Хотя жизнь ежегодно и постепенно исправляла эти вредительские намерения, и хлопчатобумажная промышленность считается и считалась по крайней мере одной из са-

мых четких, имеющих значительные достижения по сравнению с довоенным временем, все-таки все эти вредительские действия кладут несмываемое пятно позора на всех ее участников, и если бы этого не было, то достижения конечно были бы еще более значительны.

Я только уверен, что чистосердечное покаяние всех подсудимых и вскрытие перед Верховным судом всех этих позорных действий отобьет охоту и у «Торгпрома» и у всех других подобных организаций дальше ориентироваться на внутреннюю помощь. А раз этого не будет, то конечно никакая интервенция невозможна. Я кончил.

Председатель. Садитесь пожалуйста.

ОБ'ЯСНЕНИЯ ПОДСУДИМОГО ФЕДОТОВА

Председатель. Подсудимый Федотов, вы желаете дать об'яснения?

Федотов. Если вы разрешите, то я желал бы.

Так как по текстильной организации уже дал об'яснения Куприянов, то моя задача в значительной степени облегчается. Мне остается только добавить или, может быть, уточнить некоторые из показаний, которые им, может быть, упущены или которые требуют дополнения. Я хочу между прочим сказать еще несколько слов по самому методу образования вред. групп. Наиболее характерной группой, наиболее влиятельной группой текстильной промышленности является хлопчатобумажная инженерная группа. Группа эта образована в 1925 г. Лопатиным, при чем это проскальзывало и в других организациях было об'яснение, что основная цель образования группы заключалась в том, чтобы поддержать интересы, материально-бытовые интересы инженеров, дать возможность инженерам воспитывать своих детей, иметь приличную квартиру и т. д. Никоим образом, говорилось, не предполагается каких-нибудь других действий, предполагалось только, что инженеры, входящие в группу, будут между собой сговариваться, будут обсуждать вопросы, возникающие в промышленности, в отдельных ее отраслях, с тем, чтобы выступать одновременно, не подрывая авторитета друг друга, однако в очень скором времени выяснилось, что вовсе не в такой простой форме выражаются задачи группы, выяснилось, что нужно поддерживать интересы, во-первых, заграничного капитала. Это было в 1925 г., когда отдельные владельцы предприятий уже были поглощены общими интересами капитала в той или другой форме, уже между ними состоялось определенное соглашение, и поэтому первоначальная установка на поддержку отдельных фабрик и на их сохранение уже не проводилась, а проводилась мысль о необходимости проведения концессии, мысль о том, чтобы в форме концессионеров прежние владельцы могли проникнуть в Россию.

Поддержка «идей правого уклона»

Дальше появилась и стала проводиться в группе мысль о том, что этим ограничиваться нельзя. Концессионерство не проводится и не имеет никаких шансов, потому что против него выступает сама текстильная промышленность в лице правления Текстильного синдиката и в лице профессиональных союзов. Предполагалась возможной сдача в концессию только постройки новых фабрик и никоим образом сдача существующих фабрик. Но повидимому для заграничных концессионеров эта мысль не являлась вполне улыбающейся, и вот стала проводиться другая мысль. Все эти идеи исходили главным образом от организатора группы инженера Лопатина. Стала проводиться мысль о том, чтобы поддерживать идеи и направления, которые известны под названием идей правого уклона.

Каких-нибудь связей с членами правого уклона у группы не было, но идеи, поскольку они были известны, казались подходящими, казались настолько удобными и дающими шансы на развитие нэпа, на развитие идей в сущности буржуазного характера, что поддержка их являлась желательной и необходимой.

Но поддержка эта могла быть производима каким образом? Конечно, если возможно, то путем убеждения тех лиц, от которых проведение этой идеи зависит,— при посредстве или использовании своего влияния, если таковое есть, на ответственных руководителей учреждения,— в Текстильном синдикате или других подобных учреждениях, при посредстве ли печати, если это удобно и возможно, и наконец при посредстве предметных уроков, при посредстве такого рода устройства, которое бы доказывало общественному мнению, что правый уклон, правые уклонисты правы, что генеральная линия проваливается, а для того, чтобы она провалилась, нужно ее подтолкнуть, нужно принять определенные меры. И здесь началось вредительство и здесь начали проводиться те меры, о которых только что говорил Куприянов. Меры эти несколько отличаются от мер, которые применялись в металлической промышленности. Прежде всего с самого начала не было мысли о том, чтобы замедлять строительство. Наоборот, вопреки указаниям партии на необходимость развития главным образом металлической промышленности, проводилась мысль о необходимости развития более сильного строительства в текстильной отрасли. Эта мысль совпадала целиком с тем, что рекомендовали правые уклонисты. Конечно это являлось вредительством в двух смыслах: во-первых, это являлось сопроти-

влением тем идеям, которые были преподаны советской властью, а с другой стороны, средства, которые таким образом отчуждались в пользу текстильной промышленности, являлись средствами, отнятыми у металлической промышленности. При этом для достаточной мотивировки правильности такой идеи необходимо было указать на недостаток существующих фабрик. В то время о непрерывной работе разговора еще не было, но вопрос о сменной работе, о ночной работе уже появился. И вот одним из первых действий был вопрос относительно того, как задержать проведение в жизнь этой трехсменной работы. В этом отношении было сделано несколько докладов и в НТС и в текстильной промышленности, вопрос обсуждался и в ВСНХ, где я имел случай выступить. И наконец мною была написана большая статья по этому вопросу, которая доказывала, что проведение трехсменной работы или, лучше сказать, ночной работы, что является необходимым, встретит столько затруднений и приведет к такому понижению качества продукции, которое сделает всю эту меру явно нерациональной, ненужной.

«Плановое» создание диспропорции

Подобного рода статья с точки зрения положения дела в настоящее время, когда уже вполне ясно выявилось, что работа в три смены, ночная работа может быть проведена в жизнь, и она проведена в жизнь, хотя с некоторыми недостатками и дефектами,—с этой точки зрения эта статья, написанная мною и другим инженером — проф. Державиным, является явным вредительством. Если бы эта тенденция сокращения количества имеющихся веретен не была проведена нашей вредительской организацией, то конечно можно было бы построить меньшее количество фабрик, правда, не на очень много меньше, может быть, на одну-две, но все-таки можно было этим путем сохранить некоторое количество валюты. Усиление строительства среди хозяйственников-партийцев встречало чрезвычайно радушный прием. Идея эта казалась настолько желательной с точки зрения текстильной колокольни, что возражать против этой идеи не представлялось возможным. Поэтому работники-хозяйственники — председатели трестов стремились со своей стороны как можно больше увеличить строительство по своему тресту и сделать те затраты в пределах тех возможностей, которые имелись в данном тресте.

Затем применялись и другие вредительские меры, как-то: неправильный подбор товаров, которые должны были работаться. Это было в первое время. Впоследствии, как я еще скажу, главное вредительство в текстильных организациях, под влиянием указаний «Центрального совета» или, вернее всего, под влиянием указаний из-за границы, идущих через «Центральный совет», сводилось к нарушению планов. Планы должны были строиться таким образом, чтобы в каждой отрасли промышленности образовывалась та или иная неувязка, недостача полуфабрикатов или сырья и т. д. с тем, чтобы вследствие несоответствия между сырьем и производством или несоответствия в самом производстве одного цеха с последующими, чтобы это привело к остановке фабрик, а следовательно, и к недовольству рабочих, к недовольству населения вследствие того, что количество товаров, имеющихся в обращении на рынке, уменьшается.

Это — основная мера, которая применялась последние годы и которая в этом году привела к такой резкой остановке фабрик в виду того, что, с одной стороны, как указал Куприянов, сами предположения, т.-е. контрольные цифры, были составлены неправильно, а с другой стороны, к этому присоединился неурожай, и вместо 18½ млн. пудов по контрольным цифрам было получено всего только 16 млн. пудов.

До какой нелепости собственно это преувеличение сырьевых возможностей доходило и дошло, видно хотя бы из цифр, приведенных тем же Куприяновым: по последнему варианту, доложенному в конце 1929 г. в Текстильном синдикате или Текстильном об'единении, количество хлопка, которое может быть получено в конце пятилетки, т.-е. в 1932 г., определялось в размере до 60 млн. пудов. Конечно, такое количество хлопка по-моему получить совершенно невозможно. Была поставлена задача ответить, может ли промышленность подобного рода количество хлопка переработать. Ответ должен был быть дан в самом коротком времени. Разрабатывался этот вопрос вначале в плановом отделе Текстильного синдиката, затем поступил на один день в Научно-технический совет, при чем основной вопрос относительно количества хлопка, относительно 60 млн. пудов не рассматривался. И ответ был дан положительный, что если фабрики, которые в настоящее время находятся в постройке, будут закончены, если фабрики будут пущены на трехсменную и непрерывную работу, то хлопок будет переработан.

Но, я повторяю, этот основной вопрос относительно количества сырья остался без проверки. Правда, на заседании по вызову Мельничанского я взял слово и заявил, что лично я сомневаюсь в том, что 60 млн. пудов будут собраны. Но этот ответ, по существу правильный и целесообразный, был сделан недостаточно энергично, недостаточно настойчиво, и следовательно он не изменил решения правления, которое постановило признать ответ, данный планово-экономическим

отделом Текстильного синдиката, правильным.

Я считаю в этом частном случае подобного рода отношение с нашей стороны — с моей стороны, со стороны Куприянова и Державина, как лиц, стоящих наиболее близко к этому вопросу,— отношение было явно вредительским.

Подобного рода преувеличение сырьевых возможностей можно привести также и в льняной промышленности. Согласно последних данных, составленных в Наркомземе, предполагается, что к концу пятилетки мы будем иметь 90 млн. пудов льна вместо 20 млн. пудов, при чем подобного рода цифра считается цифрой минимальной, а при максимальном усилении эта цифра может быть значительно увеличена. В отличие однако от хлопчатобумажной промышленности льняная промышленность требует соответственных затрат на оборудование фабрик, на постройку новых фабрик, которые могли бы подобрать это громадное количество льна. Между льняной промышленностью и хлопчатобумажной идет до некоторой степени соревнование, при чем льняная промышленность определенно обвиняет хлопчатобумажную в том, что заведомо задерживается развитие льняной промышленности для того, чтобы развить и поддержать хлопчатобумажную.

Эту мысль Куприянов признал также вредительской. Я лично думаю, что здесь вредительства не было, потому что на самом деле такой задержки, такого угнетения льняной промышленности я собственно не наблюдал. Льняная промышленность все время развивалась в процентном отношении гораздо быстрее, чем хлопчатобумажная. Нельзя рассчитывать на то,— и это мое мнение,— что льняные ткани могут когда-нибудь стать преобладающими: все-таки всегда они будут дороже хлопчатобумажных. Если мы сумеем — а это мы, конечно, сумеем к концу пятилетки, а может быть и десятилетки — иметь 60 млн. пудов хлопка, то конечно вопрос об употреблении хлопчатобумажной ткани станет на совершенно другую почву.

Таким образом, повторяю, важнейшей мерой вредительства в текстильных организациях было расстройство планов, устройство кризисов, неправильное соотношение между отдельными частями заданий.

Вредительские таланты

В текстильной промышленности вообще, как вам только что сказал Куприянов, имелось несколько отдельных групп, которые работали рядом и параллельно. Общим организатором и устроителем этих групп был инженер Лопатин. При этом в то время, во всяком случае в первое время, мы, члены хлопчатобумажной организации, даже не знали о тех размерах и о том значении отдельных групп текстильной промышленности, которые находились под его управлением и под его влиянием. Потом, приблизительно к концу 1927 г., вся эта картина более или менее обрисовалась. Но если в настоящее время бросить взгляд назад, то можно сказать, что инженер Лопатин являлся чрезвычайно талантливым организатором подобного рода вредительских групп. Была группа хлопковая. Эта группа была первая по своему образованию. Как мне теперь известно, она образовалась еще в первые годы после революции. Лопатин вообще обращал очень много внимания на хлопок Это совершенно понятно, потому что, как я вам только что рассказал, несоответствие между сырьем и производством ведет наиболее легким и наиболее глубоким способом к расстройству производства. В этой группе работали работники Главхлопкома. В Главхлопкоме работал Герсон. В Текстильном синдикате являлся заведующим хлопковым отделом Копцов. Из руководящих групп близко к хлопку стоял инженер Державин и затем по выписке хлопка из-за границы и по общему знанию хлопкового дела к этой группе был близок и в сущности говоря последнее время вел эту группу инж. Ситнин.

Одной из групп, образовавшейся также раньше, чем образовалась хлопчатобумажная инжечерная организация, нужно назвать льняную группу. Эта группа мне наиболее известна. Я не знаю точно, может быть она образовалась еще в самом начале, в 20-х годах, в 1922—23, когда мы начали вывозить лен. Во главе этой группы стоял и вел ее при Лопатине А. А. Нольде, человек с очень большим организаторским талантом, с большим кругозором и с большим влиянием в нашей сфере. Группу свою он вел автономно Особенно автономно он ее повел после смерти Державина, когда общее управление всеми группами сосредоточилось в руководящей группе, состоящей по существу из нескольких лиц.

Кроме группы Нольде, была еще шерстяная группа. Группа была совершенно незначительная, так как само производство небольшое, и охватила сравнительно мало вредительских мер.

Наконец последняя группа, ставшая наиболее влиятельной, была группа хлопчатобумажных инженерных работников. В эту группу вошли при ее образовании в 1925 г. инженер Куприянов, я, Державин, как руководящий член, затем инж. Кирпотенко, инж. Ситнин и затем целый ряд других инженеров, как, например, инж. Кольцов, который занимал приблизительно такое же место, какое занимал инж. Кирпотенко. Затем каждый из мною названных инженеров имел под своим надзором и управлением ряд других инженеров второго порядка, которые вели уже дальнейшую вредительскую работу.

При жизни Лопатина с 1925 г. до начала 1927 г. все это об'единялось его организаторским талантом. После его смерти управление этой группой, а также остальными группами взяла на себя тройка — Державин, Куприянов и Федотов, причем, когда обсуждались более важные вопросы, имевшие какое-либо принципиальное значение, приглашались и другие инженеры, имевшие руководящее значение — из нашей группы — Ситнин (я говорю нашей группы, потому что я ближе всего стоял к хлопчатобумажной организации), а также А. А. Нольде. Я боюсь, что введу вас в обман, если буду слишком часто употреблять слово заседание. Заседаний почти не бывало или они бывали очень редко. Сплошь и рядом даже важные вопросы, как я сказал, имеющие руководящее значение, проводились опросом, разговорами. Я виделся с Куприяновым, особенно за последнее время с 1927 г., когда я уже перешел на службу в Научно-исследовательский институт, причем бывал в Текстильном синдикате значительно реже, а затем, когда Научно-исследовательский институт перешел на Калужскую улицу к Нескучному саду, то естественно я не мог бывать на этих заседаниях часто или устраивать эти заседания в полном об'еме. Если виделся с Куприяновым, Куприянов брал на себя обязанность переговорить с Державиным или Нольде. И таким образом заседания были собственно летучие или их совсем не было, а просто был сговор, который в конце концов приводил при тех тесных отношениях, которые существовали у руководящей группы, к тем же результатам.

Основное деление в этой руководящей группе между нами можно охарактеризовать следующим образом. На мне лежало, собственно, так как я был вне прямой практической деятельности, не имел возможности влиять и на составление плана, так как в плановом отделе я не работал, и на разного рода другие меры, то мое участие выражалось главным образом в обсуждении тех или иных вопросов, до некоторой степени в идейном руководстве работой. Приблизительно такое же положение было и у Державина, который являлся председателем или вернее товарищем председателя, тогда председателем был кто-нибудь из партийных деятелей, являлся товарищем председателя Научно-технического совета. Научно-технический совет однако был присоединен к Текстильному синдикату и поэтому помещение было одно в Текстильном синдикате, и установилось положение, при котором инж. Державин должен был принимать прямое и живое участие в работе разных комиссий и разных заседаний в Текстильном синдикате. Таким образом, к Текстильному синдикату Державин был гораздо ближе, чем я.

Третий основной член верхушки — Куприянов — стоял во главе производственного отдела Текстильного синдиката, причем прежде, до присоединения функций Главтекстильсиндиката к ВСНХ, Куприянов занимал приблизительно то же положение, перешел в Текстильный синдикат со своими инженерами, и поэтому целый ряд функций вредительского характера шел уже через него, т. е. делались его инженерами под его руководством и за его ответственностью.

Однако, как я уже сказал, эти меры вредительского характера, делаемые отдельными инженерами, очень быстро были брошены, потому что, с одной стороны, они являлись чрезвычайно опасными, и с другой — отдельные выступления какого-либо инженера представляли опасность не только для него, но и для самого дела. Вся работа сосредоточивалась главным образом в расстройстве планов пятилетки и в расстройстве планов и контрольных цифр на каждый следующий год.

Председатель. Подсудимый Федотов, на этом остановитесь. Сейчас мы сделаем перерыв на 10 минут. (Об'является перерыв).

Председатель. Заседание возобновляется. Подсудимый Федотов.

Взяточники

Федотов. Я старался охарактеризовать соотносительную роль главнейших членов текстильной вредительской организации. Главнейшие лица я уже назвал и их по возможности очертил. Здесь следует упомянуть еще инженера Кирпотенко, который вследствие своей энергии и вследствие определенного положения, которое он занимал в синдикате, играл также значительную роль во вредительской организации — он руководил новым строительством и, следовательно, вместе с Кольцовым, который являлся одно время заведующим проектировочным бюро, вел сношения с техническим советом. Они оба проводили почти все проекты и имели громадное влияние на строительство новых фабрик. Такова характеристика главнейших соотношений между членами вредительской организации.

Может быть, еще более ясными станут соотношения, если мы просмотрим еще один вопрос — это вопрос о тех денежных средствах, которые получались от эмиграции и раздавались отдельным членам вредительских организаций. До 1925 г., как мне известно со слов Лопатина, такие средства получались им непосредственно. При чем они получались через английскую миссию.

Председатель. Я уже раз предупреждал, что на открытом заседании невозможно давать характеристику иностранным государственным учреждениям, находящимся в пределах СССР.

Федотов. Слушаю.

Следовательно, Лопатин получал средства из-за границы от белой эмиграции через посредство определенных лиц, которые имели связь с эмиграцией, с одной стороны, и связь с ним — с другой стороны.

Затем были получены суммы тем же путем, но исходившие уже не от эмиграции, а как комиссионные или куртажные, полученные при покупке машин в 1925 г. В данном случае виновником их получения являюсь я, так как я заканчивал переговоры, которые начал Лопатин при посредстве того же лица, на которое я сейчас только что намекнул. Такая куртажная сумма достигала приблизительно 50 тыс. р.

Председатель. Может быть, вы будете добры расшифровать, не дожидаясь допроса, что означает куртажная сумма в этом деле?

Федотов. Покупались машины в Англии у английских заводчиков. Продавшие машины английские заводчики полпроцента с суммы заказа передали в пользу текстильной организации инженеров. И эта сумма была переслана тем же путем в Россию в Москву и была получена Лопатиным. Я ее отделяю от сумм, полученных непосредственно от белоэмиграции, так как эти деньги шли отдельно. Они поступили для той же цели, но не были деньгами, полученными от эмиграции.

Затем подобного рода комиссионное или куртажное вознаграждение или, в сущности говоря, взятка была получена через посредство инженера Ситнина от продавцов хлопка. Но это было горазло позднее — в 1928 г.

Между 1927 и началом 1929 г. никаких сумм из-за границы не поступало, и не было в этом отношении прямой связи. Эта связь была установлена центральным советом или «Промышленной партией», и тогда определенная сумма в 200.000 р. была передана Ларичевым в нашу организацию, при чем ее получил инженер Куприянов от Ларичева по моему указанию. Все эти суммы были распределены между работниками текстильной промышленности.

Льняная организация получила в общем суммы большие, чем хлопчатобумажная. Во-первых, они стали получать их раньше и получали их также самостоятельно. Главная масса денег, полученных ими, с одной стороны, была доставлена инж. Лазаркевичем, который приезжал от Нольде из-за границы, а затем через упомянутого здесь г. К.

Этот способ получения денег льняной организацией и самостоятельного распределения их указывает на то положение, которое занимала льняная отрасль среди наших групп. Но все же, повторяю, важнейшие вопросы, особенно вопросы об интервенции, все эти вопросы уже обсуждались сообща вместе с Александром Александровичем Нольде.

Прежде чем перейти к вопросу об интервенции, о ее значении в жизни нашей организации, будет полезно сказать, что связь с центральным советом — СИО, как это называлось,— «Совет инженерных организаций», который в 1928 г. или в начале 1929 г. получил название «Промпартии», вел с самого начала инженер Лопатин. Сколько я знаю, он был, хотя он и не назван проф. Рамзиным, он являлся одним из организаторов этого Совета вместе с Пальчинским и Рабиновичем. Во всяком случае, если он не является организатором, то он является одним из лиц, с самого начала примкнувших к этой организации, и до 1927 г. он вел все дело связи с центральным советом единолично и исчерпывающе.

В начале 1927 г. начало портиться его здоровье, он обратился к нам с просьбой заменять его в случае нужды в тех случаях, когда он не в состоянии бывать в этом «Союзе инженерных организаций». Он обратился ко мне, но я ответил, что в виду моего плохого зрения я по вечерам совершенно отказываюсь ехать на какое-нибудь заседание, так как это для меня представляет чрезвычайную трудность, а в дневной контакт, как говорили, с Хренниковым я не отказываюсь вступать. Тогда было условлено, что в хлопчатобумажную организацию представителями войдут Державин, я и Куприянов, а по льняной промышленности, по льняной группе, представителем и докладчиком явится Нольде. Так было сделано и так было зафиксировано. При чем в большинстве случаев почти исключительно нам приходилось иметь дело по очереди, а иногда и вместе с инженером С. А. Хренниковым, который стоял в это время во главе об'единения «инженерных организаций». В 1927 г. в апреле Лопатин скончался, и вот тут-то и выпала на нашу долю необходимость сноситься с инж. Хренниковым.

Как я сказал, до этого времени всю работу по части связи в СИО брал на себя Лопатин. Роль Лопатина, как я стараюсь выяснить, была чрезвычайно ответственной. И не только в «Союзе инженерных организаций», но и у нас. Все идеи, все организации, все направление, которое было дано, было дано инж. Лопатиным. При этом я бы сказал, что самый подход его к организации был таков, что он обволакивал всякого нового инженера, и нас в том числе, постепенно, постепенно он внедрял и приготовлял нас к дальнейшему наступлению, к дальнейшему новому, как теперь я смотрю, падению, к новому позору.

Мечты, мечты...

Теперь мне остается перейти к главнейшей собственной роли, к главнейшему вопросу, который требует, может быть, более подробного раз'яснения,—это к во-

просу об интервенции и о той роли, которую наша организация играла в этом вопросе.

Идеи интервенции за границей, как я понимаю, в среде белоэмигрантов не умирали никогда. Я видел Карпова еще в 1923 г. Это был год, когда белые армии только что были разбиты, и было совершенно ясно, что никакая интервенция невозможна и никаких надежд у лиц, которые на это возлагали надежды, нет. Тем не менее разговоры Карпова в это время были чрезвычайно воодушевленные, ему казалось, что через месяц, может быть, через два, он и его приятели в'едут в Москву торжественно на белых конях. В то время я ни к какой вредительской организации не принадлежал, и мне эти разговоры показались чрезвычайно странными и смешными. Но уже в 1925 г., когда я был в Англии и уже состоял в рядах лопатинской группы, ко мне приехал молодой Крестовников, сын старого Крестовникова, который говорил об интервенции уже более определенно.

Уже в 1925 г. в его речах слышались некоторые нотки, которые показывали, что в среде «Торгпрома» имеются надежды на то, что интервенция возможна, что интервенция будет и что для этого необходимо только произвести определенную подготовку. Какую же подготовку они считали необходимой? Во-первых, по его рассказам, они сами должны за границей во Франции и Англии принять все меры к тому, чтобы подготовить общественное мнение Европы к тому, что интервенция является желательной и необходимой для всего капиталистического мира. Что пример развития на востоке страны, которая на глазах у западных рабочих вырастает в мощную державу, является настолько опасным, что необходимо принять меры к тому, чтобы эта держава изменила характер своего управления. Эти довольно откровенные заявления однако все-таки были в достаточной степени неопределенны. Было видно, что все это — надежды и чаяния, что они принимают меры, подкупают газеты, помещают передовые статьи во французских газетах. Известно, что французские газеты вообще очень легко помещают статьи за деньги. Затем поддержка русской эмигрантской прессы — «Руля» и «Последних новостей» — являлась целью и задачей.

Каждый повод, каждое событие в недрах Союза или же событие выдуманное обсуждалось и толковалось на самые разнообразные лады. Он тоже не скрывал и говорил, что это единственный способ подготовки общественного мнения.

В 1928 г. отношения Карпова, с которым я виделся в Берлине, носили уже совершенно другой характер. Я не стану приводить сведения, поступавшие к нам в Москву через инж. Хренникова, ездившего за границу в 1927 г. Кстати, я должен внести поправку. Калинников сказал, будто бы я ездил за границу в 1927 г. Это ошибка. Я ездил за границу в 1928 г., а в 1927 г. я был в пределах Союза.

Я не стану приводить сведения, полученные Хренниковым, потому что эти сведения уже неоднократно повторялись предыдущими подсудимыми, но в отношении сведений, полученных от Карпова, я полагаю, что я обязан их привести, потому что я являюсь непосредственным участником выполнения полученных директив.

Прием у Пуанкаре

Итак, Карпов, который приехал из Берлина, видался главным образом со мной. Это было в августе 1928 г. Он сообщил мне, что интервенция не только возможна, но что она будет, она подготовляется... Учреждения, находящиеся вне пределов Союза, могут быть названы?

Председатель. Могут.

Федотов. Он сообщил, что интервенция уже подготовляется французским генеральным штабом. Он сказал, что Пуанкаре принял в качестве депутации от «Торгпрома» трех видных работников «Торгпрома» — Лианозова, Рябушинского и Третьякова, с которыми вел переговоры и которые сообщали определенно свои действия, при чем подробная разработка деталей этого вопроса была поручена специальной комиссии под руководством полк. Жуанвиля. Дальнейшие подробности выяснились на свидании проф. Рамзина и Ларичева, которое имело место в октябре или ноябре того же года. Тут же вопрос был гораздо более четко выявлен.

Но что собственно здесь, для чего он, собственно, приехал в Берлин? Главным образом для того, чтобы дать определенные директивы, указать на определенные предпосылки, которые являются необходимыми для того, чтобы интервенция состоялась. Он говорил, что интервенция возможна только в том случае, если в России, в Союзе будет для этого подготовлена почва, если выявится — среди рабочих желательно, а среди крестьянства необходимо — определенное недовольство. Он говорил, что такое недовольство должно быть и что оно уже существует по тем сведениям, которые они имеют из Москвы самостоятельно и через посредство лиц, находящихся в связи с указанным полк. Жуанвилем, что у них имеется своя самостоятельная служба, которая дает им определенные сведения, но что он, со своей стороны, рассчитывает, что текстильная организация, в частности и «Промпартия» или, как он называл в то время, «Союз инженерных организаций», что они примут более энергичные меры, что та работа, которая производится, работа, скажем, правильная и необходимая, является работой, совершенно недостаточной для тех целей, для которых она ведется.

Уркварт и Детердинг

Он указал на то, что в настоящее время не только правительственные круги или определенные секции этих кругов заинтересованы в интервенции, но, больше того, деловые круги капиталистического Запада в настоящее время в сильной степени обеспокоены тем, что экономическая мощь России развивается очень быстро. Он называл из английских кругов таких лиц, как Уркварт и Детердинг, которые являются ярыми противниками советского строя, потому что они теряют громадные суммы на той конкуренции, которую им оказывает наша нефть на всемирном рынке. Он указал на то, что английские и французские круги обеспокоены также и тем, что русская мануфактура продается в Персию и на Дальний Восток и находит хороший спрос и сбыт, что показывает, что в дальнейшем, когда в Союзе будет достаточное количество тканей, когда внутренний спрос будет удовлетворен, это указывает на тот путь и направление, по которому пойдет торговля России с дальневосточными народами, которые в настоящее время уже склоняются видеть и видят в Союзе своих естественных защитников и которые в будущем войдут в сферу, как прежде говорили, в сферу влияния Союза, и этот факт вполне естественен благодаря общей идеологии нашей власти, которая не различает народов — белых и цветных. Естественно, это заставляло задумываться деловые круги Запада.

Кроме того, и среди экономистов-теоретиков, предсказывающих будущее развитие России, начинала проскальзывать мысль о том, что развитие идет вовсе не теми путями, которые были своевременно предсказаны этими экономистами—Бруцкусом и Загорским. Они уже начинали видеть, что Советская Россия развивается совершенно не этими путями, что она развивает свои силы не по тем рецептам и предписаниям, которые ими были составлены в свое время, и что в 1928 г., когда происходили эти разговоры о России, должны были быть, как яркий след всего этого, целый ряд неувязок, кризисов, полная недостача товаров и, наконец, даже голод и нищета,— а этого не было. Это явление начинало беспокоить и теоретические круги эмигрантской мысли. Мы видим все это из слов Карпова. Карпов говорил, что мы уже дошли до периода, когда нужно браться за интервенцию — срок этой интервенции уже наступил, так как будущая сила и мощь Союза уже находятся у дверей. Поэтому,— он говорил,— необходимо интервенцию провести как можно скорее, иначе ее совершить будет невозможно. Это характерное направление, этот характерный разговор ясно обрисовывают изменившееся положение на Западе.

Что подсудимый продумал в одиночке?

Я, к моему большому сожалению, должен сказать, что многое из этих разговоров мне стало ясно теперь, когда за четыре месяца в одиночке я все это продумал. Тогда я себе не все выяснил. А между тем, если сейчас сопоставить эту фразу, которую я вам привел только что, то отсюда выходит, что не Карпов, не «Торгпром», не Денисов хлопочут об интервенции, а о ней хлопочут деловые круги буржуазного капитала, хлопочет об интервенции та власть, которая боится за свое будущее существование. Роль и соотношение между «Торгпромом» и между правительственными кругами и общественными силами, Пуанкаре и т. д. изменились.

В то время как прежде представители «Торгпрома» обивали пороги у ответственных лиц, теперь ответственные лица принимают их депутации, устраивают, как мы слышали, специальные свидания, ездят по ресторанам и т. д. Инициатива перешла в другое место, и я полагаю, что этот факт является одним из наиболе характерных и наиболее интересных в истории развития идеи об интервенции.

Кстати, я не знаю, нужно ли, в сущности, говорить, что собою представляет «Торгпром». В начале эмиграции, в 1920, 23, 25 гг., — я не знаю точно, когда он образовался, но во всяком случае не раньше 1924 г., — были две группы: парижская группа, в которую входили, главным образом, нефтяники, там же были Третьяков и Рябушинский, а с другой стороны, в Берлине была другая группа хлопчатобумажников—морозовская группа. Там был Мещерский и другие, которые вели самостоятельную политику. До некоторой степени между парижской группой и берлинской не было большой близости и даже скорее было некоторое соревнование.

В 1924 или в 1925 г., я не помню точно, когда в Германии была восстановлена твердая валюта, произошло страшное вздорожание жизни и продуктов. Известно, что во Франции до сих пор, хотя франк стабилизирован, но изменения самой монеты не произошло, и жизнь там до сих пор является дешевой. Поэтому все эмигранты с'ехались в Париже. И вот произошло об'единение этих групп, и в «Торгпром» вошли на ряду с Рябушинским и Карповым представитель морозовской группы, Третьяков— представитель льняной группы, Денисов — не знаю какой группы, Лианозов— представитель нефтяной промышленности.

Так вот эта организация, чисто буржуазного характера, отделяет себя от организации монархической и, с другой стороны, она до 1928 г. отделяла себя

также и от организации левых, имеющей политическое значение. Милюков — представитель кадетской левой группы, Абрамович — представитель меньшевистской группы, — они считали неуместным иметь какие-либо сношения с группами буржуазного капитала. С 1928 г., как сообщил Карпов, эта разноголосица уже была сглажена.

Братья Рябушинские

Карпов сообщил, что в предстоящем министерстве предполагается, что будет также и Милюков на ряду с Рябушинским. В сущности относительно Рябушинского здесь довольно неясно, я так и не понял, какого Рябушинского здесь называют, потому что тот видный общественный деятель Павел Рябушинский уже в это время умер. Это — Владимир Рябушинский. По отзывам, которые были здесь раньше, до их от'езда в организацию, в общем относительно Владимира Рябушинского отзывы были неважные. Говорилось, что он человек неумный и не может быть влиятельным. Так как его организация называла в качестве одного из деятелей, то надо думать, что он поумнел.

Как бы то ни было, мы видим, что эти левые группы, как-то: милюковская группа, социал-демократическая группа нашли возможность подать руку организации буржуазного характера. Очевидно, и они также начали понимать, что или теперь или никогда. Поэтому было необходимо назначить определенный срок, который и должен был быть проведен по возможности быстрее, по возможности решительнее. Таким сроком мне Карпов называл или 1930 или 1931 год. Как потом выяснилось, при свидании Рамзина с французским генеральным штабом срок был потом избран более близкий, а именно 1930 г., а затем, как известно, 1930 г. не вышел, и было отложено, перенесено на 1931 г.

Я должен сказать, что когда я в 1928 г. был за границей, то при встрече с отдельными заводчиками я имел возможность спросить, как относятся к интервенции в Англии, и те мне определенно сказали, что англичане на эту авантюру не пойдут. Это самое заявление мне сделал также и председатель концерна заводчиков мистер Нудель, который был у нас в Москве в начале 1929 г., — значит уже после поездки Рамзина и после его возвращения. Нудель был здесь по заводским делам и был в Научно-исследовательском институте, так как он пожертвовал для него набор машин, и ему было интересно посмотреть, где и как они будут поставлены. Я опять у него спросил, какие шансы, и он ответил, что теперь, с приходом к власти рабочего министерства, с тех пор, как вообще рабочее движение получило значительный перевес, с тех пор, как выявилась большая безработица, доходящая до миллиона человек, — какого-либо рода затрат, особенно таких, совершенно не окупающихся, какие были сделаны Черчиллем в первую интервенцию, совершенно немыслимо допускать.

Об этом моем разговоре с Нуделем я передал в свое время Хренникову для передачи в «Союз инженерных организаций», или — в это время уже можно сказать — в «Промпартию». Повторяю, вполне выяснилось, что инициатива интервенции перешла в другой центр, центр генштаба, и именно под влиянием деловых кругов Европы. Несомненно, что не только французские круги, которые, в сущности говоря, сравнительно мало заинтересованы в нашей торговле, но и английские круги благодаря своим связям и силе, вероятно и даже наверное, можно сказать, влияют на направление деятельности генштаба.

Я не стану рассказывать дальнейшие подробности относительно того, какие свидания имел Рамзин, какие директивы он получал, во-первых, вы это все слышали непосредственно от него. Если я в своих показаниях об этом упоминал, то ведь я не знал, что говорил и как говорил Рамзин, мне предлагались вопросы. Но теперь, когда я слышал и вы слышали от него, было бы нелепо, если бы я эти сообщения стал повторять с чужих слов.

Инструкции капиталистических хозяев

Я поэтому перейду к тем требованиям, которые поставил Карпов и просил передать текстильной организации в смысле подготовки почвы. Так же точно, как у нас это было принято, он считал необходимым развить более резкое расстройство в плановом отношении с тем, чтобы кризисы вызывались более веско и более быстро. Необходимо, как он говорил, чтобы к 1930 г. это вполне и резко выявилось. Он говорил: «что же у вас собственно делается, у вас, повидимому, ничего не делается, потому что никакого недовольства не видать и никаких кризисов нет». Да, до 1928 г. у нас никаких кризисов не было в производстве. Он указывал на необходимость принять меры к уменьшению выработки на самих фабриках, т. е. к прямому расстройству производства. Он говорил о том, чтобы работать ненужные сорта товаров. Все это, конечно, к 1928 г. совершенно устарело. Все эти сведения (эти идеи и мысли), очевидно, были получены от Лопатина в свое время. В качестве директивы они не имели никакого смысла, потому что работа ненужных сортов в 1928 году была уже совершенно невозможна, потому что сорта вырабатывались по определенному списку и требованию, пред'являемому Центросоюзом. При этом уже

начала проводиться мысль о необходимости специализации фабрик. Определенные тресты и определенные фабрики должны были вырабатывать определенные товары, при чем по возможности малое количество их. Таким образом, изменения в этом направлении являлись совершенно невозможными, и когда я доложил о положении нашей текстильной группы, то все признали, что, конечно, эта мысль Карпова является неосуществимой.

Точно так же обстояло и с уменьшением и задержкой выработки на отдельных фабриках. Уже в 1928 г., особенно в конце 1928 г., после шахтинского дела, предлагать кому-либо из инженеров, работающих на фабрике, расстраивать машины и уменьшить выработку являлось бы совершенно нелепым. Во-первых, ни один из инженеров не стал бы проводить подобного рода меру, а с другой стороны — и руководящие организации, в данном случае текстильная, не взяли бы на себя подобного рода ликвидацию. Как я уже говорил раньше, отдельные вредительские меры в это время уже были совершенно отменены и не применялись.

Кроме того, он предложил проводить агитацию среди высших учебных заведений. Он говорил: «Вспомните, какое громадное значение имело студенчество во время революции. Вот если бы в настоящее время провести такую же агитацию среди студенчества Союза».

Он совершенно не учитывал, живя вне России, совершенно изменившегося характера наших бывших учебных заведений, т.-е. пролетаризации студенчества, которая произошла за последнее время. Проведение каких-либо подобных идей среди студенчества являлось совершенно невозможным. Я, например, читал лекции в Плехановском институте народного хозяйства на 4 курсе о текстильной экономике. Среди учащихся моей группы, состоящих из 35 человек, 30 человек было коммунистов, притом коммунистов с прошлым, в возрасте около 30 лет, лиц, уже получивших образование, имеющих теоретическую подготовку. Вести среди них подобного рода агитацию являлось бы смешным и нелепым.

Далее следует указать на его рекомендацию вести расчеты на правый уклон и поддерживать правый уклон. Эта мера в 1928 г. отчасти устарела и, кроме того, совершенно расходилась с тем направлением, которое он сам же проводил и рекомендовал.

Агенты международной биржи

Одно очень важное замечание он сделал по поводу той компенсации, которую могут потребовать интервенты за свою работу, за свою помощь. Он уверил меня совершенно официально от имени «Торгпрома» и руководящих групп белой эмиграции, что Франция никоим образом не рассчитывает на что-либо другое, как на широкие концессии в нашем Союзе, что Польша также задыхается в своих пределах, так как, будучи страной промышленной, она совершенно не имеет вывоза, вся ее промышленность в былое время была основана на интерлянде России, т.-е. опиралась, как на базу, на русский рынок, и будто бы, по его словам, это и есть главная цель, которой стремятся добиться Франция и Польша.

По поводу оплаты царских и военных долгов он сказал, что заплатить придется, но минимально по 5 коп. за рубль, сговорились, главным образом, для того, чтобы принцип оплаты старых долгов был применен в полной мере.

Эту установку я и передал, приехав сюда, в нашу группу, а также передал и Хренникову. Я этот вопрос уже закончу. Во второй половине 1929 г., т.-е. год спустя, я узнал от проф. Чарновского, что проф. Рамзин сообщил, — в передаче Чарновского это заключалось так, что проф. Рамзин дал свое согласие от имени «Промпартии» на те уступки, которые потребовали интервенты, и что в эти уступки входит для Польши Правобережная Украина, затем, повидимому, мы теряем нефтяные промыслы на Кавказе. Я не понимаю, кто — Франция или Англия — их получает. Одним словом, Россию кромсают самым ужасным образом. По этому вопросу проф. Рамзин здесь несколько иронически отнесся к моему заявлению, сделанному и приведенному в обвинительном заключении, говоря, что, конечно, нужно было понимать, что никакие интервенты не пойдут работать даром и что, конечно, все они рассчитывали что-то получить, и было бы наивно с нашей стороны ожидать, что они ограничатся какими-то концессиями. Я согласен, что это было наивно. Я сейчас вполне присоединяюсь к той иронии, которую проф. Рамзин расточал по нашему и моему поводу. Но в то время мы были настолько наивны, что этому заявлению мы поверили. Мы поверили, что Россия не будет расчленена и наиболее ценные ее части не будут оторваны.

Председатель. А как насчет пятачка за рубль?

Федотов. Насчет пятачка за рубль? Кто же будет платить полным рублем? Как я понимаю из сообщения Рамзина, это уже не пятачок за рубль, это не номинальная оплата. Я присоединяюсь к проф. Рамзину в данный момент. Конечно, если бы они нас взяли в свои руки, то не постеснялись бы взять не только то, о чем они говорили, но и более того. Конечно было наивно с нашей стороны

верить в подобного рода обещания. Да в самом деле, какие это были обещания? Разве Карпов, Денисов или «Торгпром» играли бы какую-либо определенную роль, если бы интервенты пришли в Москву? Конечно, Лукомский, а с ним и военная диктатура отмели бы всех Карповых и Рябушинских в сторону и стали бы распоряжаться по-своему. Это, конечно, ясно.

Мне нужно сказать, может быть, еще несколько слов по поводу нашего участия в «Промпартии». «Промпартия», в сущности говоря, — это тот же самый «Союз инженерных организаций». Я уже указал раньше, что мы были делегированы в качестве заместителей Лопатина и после его смерти мы как бы остались представителями текстильной группы, текстильной отрасли в «Союзе инженерных организаций». Автоматически при образовании «Промпартии» мы стали ее членами. Однако я отрицаю то, что я или Куприянов входили в число членов ЦК. Правда, как я понимаю, такого ЦК, собственно говоря, и не было, потому что выборов не было, и заседаний комитета, как комитета, тоже не было. Но я не отрицаю того, что в течение всего этого времени я был в курсе дела и до ареста Хренникова довольно часто с ним виделся. Точно так же виделся с ним, в тех случаях, когда я был занят, инженер Куприянов. Но самостоятельно от льняной промышленности с ним виделся А. А. Нольде. Таким образом, связь с «Промпартией», конечно, все время существовала в той или другой форме. Название, к которому я придрался, конечно, не играет тут роли, — как англичане говорят: как розу ни назови, все равно она будет хорошо пахнуть (в данном случае, конечно, это будет плохо пахнуть).

Выполнение шпионских заданий

Может быть следует сказать несколько слов о тех мерах, которые были приняты как следствие требований Карпова. Я должен здесь добавить, что кроме карповских требований после приезда Рамзина требования подобного рода были повторены и со стороны «Промпартии». И Хренников в достаточной степени настойчиво просил провести эти меры также и по нашей промышленности. Я повторяю, некоторые из этих рекомендованных мер являлись уже устаревшими и невозможными к исполнению. Вот, например, была взята установка на изучение работы по требованию «Промпартии», на изучение мобилизационных планов текстильной промышленности. Эту работу взял на себя инженер Куприянов и проводил через посредство инженера Обрезкова и Максимова. Это было сделано в 1929 г. и в конце концов результатов никаких не дало. Определенных сведений наша текстильная группа не успела до ареста передать, как это должно было быть, Калинникову. Нам не пришлось этого исполнить.

Точно так же и вопрос об образовании ячеек из офицеров бывших генеральских войск. Этот вопрос обсуждался. Инженер Куприянов должен был провести его через посредство бывшего белого офицера Девяткова, но, как он уже сообщал, Девятков только собирался это сделать и, конечно, подобного рода образования ячеек, подбора этих офицеров, когда в 1929 г. уже был целый ряд арестов, представляли собой большие трудности.

Так что и в этом отношении наша работа не удовлетворяла требования военной группы или военной комиссии, которая была образована «Промпартией» под председательством Рамзина. Нужно сказать, что сведения, полученные о тех уступках, которые были произведены проф. Рамзиным в пользу интервентов, как мы ни были наивны, но все же эта наивность была в нашей среде. Куприянов, Державин, Нольде, Ситнин, — мы отнеслись к этому сообщению очень неодобрительно. Отношение к «Промпартии» получило значительное охлаждение и во второй половине 1929 года. В сущности говоря, связь с «Промпартией», если не была порвана, то в значительной степени изменила свой характер. Да и в самом деле, роль текстильной отрасли сама собой изменилась с изменением характера вредительской деятельности «Промпартии».

Когда на первое место выступила интервенция и притом в такой грубой, циничной форме, как мы об этом слышали здесь, тогда на первое место, как мы также здесь слышали от инженера Ларичева и проф. Рамзина, на первое место выдвинулись определенные отрасли промышленности, а именно: топливо, транспорт, металлургия и химия, т.-е. те отрасли, которые нужны и которые близки к военным действиям. Текстильная промышленность в этом случае уже отступила на второй план. Текстильная промышленность, наоборот, в первый период работы, до, скажем, 1927 г., играла, пожалуй, первую роль, потому что рынок снабжался прежде всего предметами легкой индустрии, и обыватель чувствовал недостаток товаров в легкой индустрии. Для обывателя безразлично, имеется ли достаточное количество чугуна или металла или не имеется. Этот вопрос имеет значение для обороны страны, но не имеет значения для выработки среди обывателей определенного настроения, определенного недовольства, которое тогда, в период ориентации «Промпартии» на правый уклон, являлось руководящим моментом.

Председатель. Об'является перерыв до 6 час. веч.

Председатель. Заседание Специального присутствия возобновляется. Подсудимый Федотов. Если желаете, продолжайте ваши об'яснения. Только просьба суда говорить громче, более раздельно и внятно, потому что трудно слышать.

«Промпартия» превращается в агентуру французского генштаба

Федотов. Я остановился на том, что центр всего движения, центр всей работы переместился от «Торгпрома» к французскому генштабу, что направление деятельности стало иное и в зависимости от этого и характер работы как самого «Торгпрома», так и, конечно, «Промпартии» в Москве стал также иным. Приблизительно с конца 1928 г. «Союз инженерных организаций» стал называть себя «Промышленной партией» в виду того, что и политические цели и работа получили иной характер. Руководящая группа, которая была прежде во главе «Союза инженерных организаций», стала называть себя ЦК партии. В этот ЦК вошел, конечно, как председатель—бывший председатель «Союза инженерных организаций» Хренников, вошел Рамзин, Ларичев, вошел я — Федотов. В тот момент, когда был арестован Хренников, количество лиц сократилось уже на одно лицо и в составе ЦК оказалось только пять лиц. Впоследствии, после моего ареста, судя по сообщению здесь проф. Рамзина, вошли еще некоторые лица, но это было уже после меня. Таким образом, состав «Промпартии» предполагался к значительному расширению, включению ряда новых лиц, которые войдут туда вследствие более близкого и ожидаемого в скором времени вмешательства держав, вследствие ожидаемого в скором времени изменения советского строя.

На ряду с этим ожиданием «Промпартия» и ЦК стали более энергично готовиться к тому, чтобы создать возможность интервенции. Эту возможность создать можно было только теми же путями, которые предполагались и раньше, когда вместо «Промпартии» работал СИО, т.-е. расстройством общих планов и созданием разных неувязок, ведущих к кризисам в производстве. Но, как я уже сказал раньше, эти меры ускорены быть не могут, это меры длительного характера, и если предполагалось, что в 1930 году они выявятся в значительно большей степени, чем в какое-нибудь другое время, в силу того, что наибольшее омертвление капиталов произошло к этому сроку, то все же ускорение этого явления было невозможно. Но на ряду с этим ЦК стал на сторону стремления исполнить те требования, которые пред'явил к нему генеральный штаб в Париже, т.-е. собирание необходимых сведений, которые поставил во главу угла генеральный штаб, создание определенных организаций или попытка создания определенных организаций в Москве, попытка, правда, неудавшаяся и оставшаяся без исполнения. В сущности этими работами и ограничивалась разница между прежней организацией и организацией «Промпартии».

Я, таким образом, охарактеризовал постепенный переход работы нашей текстильной организации от организации отраслевой по связи ее сначала с «инженерной союзной организацией», а затем «Промпартией», при посредстве членов, принадлежащих к этим отраслевым организациям. Таким образом, из маленькой по сущности организации, работавшей в одной определенной отрасли, мы дошли до связи с «Промпартией», ставившей себе гораздо более широкие цели и задачи, мы дошли постепенно до государственной измены, до признания необходимости интервенции, притом интервенции такой, которая должна была разрушить Россию.

Вот путь, который постепенно проделали мы все в целом и в частности больше других проделал я, как вошедший в ЦК «Промпартии». Этот путь — путь тяжелый.

Сила группового инстинкта ослепляет разум

Когда проф. Чарновский говорил о причинах, почему инженеры входят и входили в такие организации, то он указал на целый ряд бытовых условий и на материальное положение, которое привлекало или заставляло инженеров присоединиться к вредительской организации. Я скажу, что здесь, помимо этого условия, чисто материального, бытового характера, хотя и имеющего большое значение, играл еще роль групповой инстинкт, конечно, не классовый инстинкт: так как эта группа небольшая, то я называю его групповым инстинктом. Раз попав в определенную группу, чрезвычайно трудно от нее отстать, даже если вы начинаете чувствовать и понимать, что вы идете по пути, который поведет вас к пропасти. Я скажу, что неоднократно такое давление со стороны группы я испытывал лично. Влияние групповой психологии известно давно, и в литературе оно в свое время описано Михайловским. Групповая психология затемняет ваш рассудок, который совершенно не видит и видеть не в состоянии того, что бросается каждому в глаза. Те достижения, которые удивляют мир, в группе кажутся ничтожными, естественными. Что же такое, что построен Волховстрой, — это же мы строим и т. п., не принимая во внима-

ние и не изучая того, что только в определенных условиях, в условиях определенного государственного вмешательства такие громадные достижения возможны и исполнимы. Групповая психология влияет и на то, что многое, уже совершенно ясное, для участников группы становится непонятным. И групповая психология действует на человека в том смысле, что держит его в этой группе даже после того, как он сознает, что он идет по неверному пути. В этом отношении заключение в тюрьму, как оно ни тяжело, принесло пользу, вероятно, не одному мне. Прежде всего, я осознал и освоил мысль о том, что советская власть есть власть народная. Для меня это является чрезвычайно важным фактом. Власть народная, власть, опирающаяся на массы, на стремление народа,— власть, которая поэтому легко и просто может отметать все то, что является ей несогласным. Пусть эти несогласные будут ценными и нужными, но раз они несогласны, раз они идут против народной власти, против народа, они этим самым осуждены. Я это осознал и признаю и заявляю.

Затем второе следствие моего заключения, это есть признание того, что власть, эта народная власть ведет народ по пути лучшего будущего. Как, может быть, ни странно, 8 месяцев назад я не думал, что лучшее будущее только на этом пути. Теперь я в это верю и убежден, что лучшее будущее находится на этом пути, по которому идет Россия, что вовсе нет нужды опираться на личную инициативу, на личные стремления, на конкуренцию отдельных лиц между собой, что есть гораздо более крупный стимул, стимул товарищества, что недаром приветствие, которое употребляется в настоящее время в России, есть приветствие «товарищи». Товарищество, близость, массовая воля, — вот стимул, гораздо более могущественный, чем все те стимулы, которыми руководится капиталистическое производство.

Далее, я понял, что все достижения капиталистического производства, достижения, от которых оно получает огромные результаты, могут и должны быть чрезвычайно просто и легко перенесены на почву коммунистического строительства. А приложение к этому массовой воли, огромного творческого под'ема, соединенных с достижениями капиталистического мира, — ибо нам до сих пор это было недоступно именно потому, что у нас было слишком много соревнования и конкуренции, — даст для России такие перспективы, которые, конечно, никакая другая концепция не может сулить нашему государству. Наконец, с точки зрения групповых интересов для инженерства никакое другое государство, никакая другая система не могут дать тех возможностей, которые дает у нас работа в Союзе. Отношение правительственной власти к тем начинаниям, хотя бы в той области, в которой я работал, в области начинаний исследовательского института, отношение совершенно другое, чем в Западной Европе. В Германии, где несколько институтов — я их осматривал —их бюджеты ничтожны: они равняются десяткам тысяч марок. Богатые институты имеют бюджет 100—150 тыс. марок. Богатая Англия дает институту шерсти в Манчестере около 500 тыс. в год. Наш исследовательский текстильный институт имеет около 2 миллионов, т.-е. отношение советской власти к науке, к исследованиям настолько резко отличается от капиталистических стран, настолько оно шире, настолько оно приветливее, что это одно характеризует положение у нас в Союзе в гораздо более благоприятном свете, чем это кажется тому, кто этого вопроса не продумал.

Я признаю себя виновным. Я виноват в том, что я был членом ЦК «Промпартии», что я был в руководящем органе отраслевой организации, что я был идеологом и в той или иной мере обсуждал и рекомендовал принятие тех вредительских мер, которые расстроили частью или много работу нашей промышленности.

Я считаю себя кроме того виноватым в том, — и это последнее для меня особенно тяжело, хотя в обвинительном заключении этой вины у меня нет, — что я должен был все это предусмотреть и понять раньше. Если вообще у нас инженеры не занимаются экономикой и могут до некоторой степени ссылаться на то, что они не подготовлены к решению подобного рода вопросов, то я такого смягчающего обстоятельства не имею. Я был профессором экономики текстильной промышленности, и хотя мой курс является курсом практического характера, но, конечно, я не мог бы быть профессором, если бы я не знал политической экономии, если бы я не знал учения Маркса, если бы я не читал Ленина. Следовательно, я знал и я понимал, это я должен был понять и должен был своевременно стряхнуть с себя те путы групповой психологии, которым я подчинился и которые довели меня до сознания государственной измены, до положения, при котором мне стыдно.

Я признаю себя виновным во всем и считаю, что всякое наказание, которое наложит на меня суд, явится совершенно заслуженным и необходимым для искупления моей вины. Если же возможно надеяться на работу, я обещаю все свои силы употребить на пользу индустриализации, на искупление своей вины. Если нельзя, то встречу то наказание, которое будет на меня наложено, с сознанием того, что оно мною заслужено.

Председатель. Вы закончили свое об'яснение? (Федотов: «Да»). Пожалуйста садитесь на место. Подсудимый Очкин.

ОБ'ЯСНЕНИЯ ПОДСУДИМОГО ОЧКИНА

Очкин. Верховные судьи! Я признаю себя виновным во всех совершенных мною преступлениях. Разрешите мне рассказать, что побудило меня на эти преступления и как я их совершал.

В «Промпартию» меня втянул проф. Леонид Константинович Рамзин. Я должен, несмотря на то, что члены ЦК «Промпартии» уже достаточно обрисовали цели и задачи партии, немного остановиться на том, как смотрели на партию рядовые ее члены.

«Промпартия» — последний оплот контрреволюционной части инженерства

Октябрьская революция произвела в рядах инженерства большой перелом. Инженерство имело глубокие корни, особенно то инженерство, которое занимало командные высоты в промышленности, в кругах крупной буржуазии. Поэтому крушение его правовых, бытовых и материальных условий, конечно, не сделало старое инженерство другом пролетарской диктатуры.

Инженерство, правда, в меньшей своей части, делается активным врагом советской власти. Ряд инженерных организаций — Союз инженерства, Всесоюзная ассоциация инженеров — принимает руководство над всеми инженерными кругами. Это привело к крушению инженерства, к ряду процессов, которые вскрыло ГПУ, привело к настоящему процессу. Это все результаты того руководства, которое было несколько лет тому назад.

Каждая заминка, каждый перебой в налаживании хозяйственной жизни истолковывались старым инженерством как неумение советской власти справиться с налаживанием хозяйственной жизни и вселяли надежду на то, что скоро, может быть, переменится строй и тогда опять старое инженерство займет командные высоты.

Когда же хозяйственный рычаг был сильно повернут на твердое планирование, тогда, если раньше эти разговоры носили обывательский характер, то теперь они стали носить совершенно другой характер. Это стремление к жесткому плану вселило в руководящих кругах инженерства известную тревогу, а так как в верхах инженерства сидели неглупые люди, то они поняли, чем может кончиться выполнение плана: это значило окончательное укрепление советской власти и полное крушение их надежд. И вот Пальчинский, Рабинович, Хренников сыграли злую роль в рядах инженерства. Они вложили в руки инженерства новый вид оружия — вредительство. И вот от этого оружия инженерство не может избавиться уже сколько лет. Может быть, нынешний процесс поможет ускорить сложить это оружие, бросить его к ногам советской власти. В результате в это вредительство втягивались все новые и новые группы инженеров, и таким образом возникла «Промышленная партия».

«Промышленная партия»—это последний оплот уходящего контрреволюционного инженерства. Цели и задачи «Промышленной партии» уже достаточно охарактеризованы: окончательная цель — свержение советской власти путем контрреволюционного переворота, конечная цель — установление буржуазно-демократической республики, практическая задача — вредительство плюс диверсия.

Вредительская работа

Так как энергетика является ведущим звеном народного хозяйства, то ясно, что удары вредителей, конечно, были направлены на эту отрасль. В отношении конкретных мер, как проходило это вредительство в энергетике, достаточно рассказали проф. Рамзин и инженер Ларичев. Я постараюсь только дополнить то, чего не сказали ни Рамзин, ни Ларичев.

В области топливоснабжения, как вам было сказано, темпы были таковы, что они вдвое отстоят от теперешних; темпы, намеченные по пятилетке, были вдвое ниже, чем их дает теперь встречный план. Я на этом останавливаться не буду. Донецкий бассейн, Кузнецкий бассейн задерживались в отношении развития. Для чего это делалось? Для того, чтобы создать в момент огромного потребления топлива, в момент пред'явления огромных требований на топливо неподачу этого топлива, вызвать диспропорцию, сорвать снабженческие, оперативные и воинские перевозки.

Особенно должны были пострадать Ленинград и Центральная промышленная область, зависящие пока от дальнего привозного топлива.

Недостаточно была оттенена роль местного топлива. В этом отношении я должен добавить, что задержка перехода промпредприятий на местное топливо производилась тем, что не было налажено массовое изготовление топочных конструкций, уже разработанных применительно к каждому виду топлива. Возьмите фрезерный торф, возьмите подмосковный уголь. Не было построено таких заводов, которые могли бы выкинуть в массе топочные конструкции, которые могли бы быть поставлены на предприятия и тем самым разгрузить наш транспорт от дальнепривозного топлива, а это как раз было бы той гарантией, той перестраховкой на тот кризис, который мог бы зародиться на Донецких железных дорогах и отразиться на Севере.

Я должен еще коснуться большой рационализации. Большая рационализация—этот термин понимается так, что проводится рационализация, требующая большого вложения капитальных средств. В этом отношении мы должны констатировать, что у нас есть пока только на-

мек на применение пара высокого давления. Мы настолько отстали от Запада, что сейчас мы идем на низком давлении. Что это значит? Это значит, что наши тепло-силовые установки являются обветшалыми, они мало эффективны, коэфициент полезного действия их низок.

Возьмем теплофикацию. Когда я еще кончал училище, у нас была установка на то, что должна быть в первую очередь тепло-электро-централь. В настоящее время есть ли у нас хоть одна тепло-электро-централь? Прошло уже столько лет (я кончил в 1916 г.), и пока ничего нет. В Ленинграде есть только еще намеки на теплофикацию (и у нас в ин-те), но это—не промышленный масштаб.

В отношении газофикации. Научная разработка вопросов газофикации настолько слаба, что до настоящего времени все еще как-то мы переживаем полосу исканий в этих вопросах, несмотря на то, что Ленинград и Подмосковный бассейн уже могут быть безусловно использованы в смысле передачи газа на дальнее расстояние. Такая проблема, напр., которая до меня мало отмечалась, это перевод нашего тракторного парка СССР на утяжеленное топливо, т.-е. переход на более тяжелые сорта топлива. Она еще не ставится, она еще не разработана. То, что есть, это пока только изучение кустарным порядком, и нигде не поставлен этот вопрос, как проблема. Это все касается большой рационализации.

Теперь я коснусь малой рационализации промпредприятий, т.-е. тех мероприятий, которые не требуют капитальных вложений. Там дело еще хуже обстоит. Нет кадров, нет измерительных приборов, нет аппаратуры, которая могла бы повысить коэфициент полезного дела уже действующих установок. Отсюда — повышенный расход топлива, отсюда неэкономическое расходование пара и вместе с тем огромный ущерб народному хозяйству.

Поэтому мало говорить, что надо развивать производственную программу отдельных отраслей топливной промышленности — угольной и нефтяной, но нужно итти и по пути рационального использования, т.-е. по пути экономии топлива. Если бы этот вопрос можно было поставить раньше, то, конечно, можно было бы получить гораздо большие результаты.

Теперь, хотя здесь выступали проф. Чарновский, проф. Рамзин и проф. Федотов, я все-таки должен отметить, что упущен такой огромной важности вопрос, каким является проблема кадров. Никто не останавливался на этом вопросе, но я считаю, что в этом отношении также проявлено вредительство. Если вы возьмете подход к проблеме создания кадров, то можно считать, что только в последние два года начали этот вопрос ставить на реальный путь, на более быстрые темпы, но до этого вопрос о кадрах как-то совершенно снимался, не затрагивался и поэтому сейчас так сильно чувствуется обострение диспропорции в промышленности.

Кроме того, в отношении Научно-исследовательского института я должен констатировать, что такая огромная отрасль промышленности, каковой является угольная, не имела научно-исследовательского института целых одиннадцать лет. Если вы возьмете какую-нибудь легкую промышленность, то увидите, что она обзавелась, во всяком случае, одним или парой институтов, а в угольной промышленности Угольный институт образовался только в последние два года. Также и основные ведущие отрасли промышленности совершенно не обращали внимания на постановку научно-исследовательской работы, да и вообще, когда был поставлен вопрос о планировании научно-исследовательской работы, то это как-то не воспринималось научными кругами, никто и не ставил так вопроса, как можно научно-иследовательскую работу планировать. Теперь все это поняли, теперь каждый научно-исследовательский институт имеет свой план. Оказывается, все можно прекрасно планировать.

Реализация достижений научно-исследовательских институтов у нас обстоит отвратительно, обстоит в высшей степени скверно. Я должен прямо сказать, что научно-исследовательские институты работают на холостом ходу, они не связаны приводными ремнями с промышленностью. Мне по последней своей службе пришлось столкнуться с тем, что около 400 достижений не было проведено в жизнь, они были свалены буквально в углу, никто к этим вопросам не прикасался, и когда мы устроили ревизию этих достижений, то путем образования сквозной бригады, т.-е. втягивания всех заинтересованных учреждений в эту работу, можно было сдвинуть вопросы с места. Я говорю про известный всем опыт «амофос»—метод проф. Брицке искусственного удобрения. Вот метод, которому приходится добиваться использования так же, как и другим достижениям.

Вот все, чем я хотел дополнить характеристику вредительской работы.

Относительно диверсионной работы. Проф. Рамзин достаточно подробно остановился на этой стороне деятельности «Промпартии». Он сказал, кажется, что устремления «Промпартии» были на то, чтобы с минимальной затратой времени и средств вызвать простои того или другого предприятия на случай интервенции. Проф. Рамзин уже говорил относительно программы диверсий и, в частно-

сти, относительно диверсионных актов в энергетике народного хозяйства. Как вам известно, топливоснабжение хотя бы районной электростанции представляется делом весьма капризным и весьма ответственным. И если на секунду хотя бы сделать перебой в топливоснабжении, т.-е. не дать во время соответствующего количества и надлежащего качества топлива, то такой перебой вызовет неминуемую остановку электростанции, а последняя не сможет дать соответствующего количества тока в электрокольцо. Как только получатся перебои, будут выключены ответственные предприятия. «Промпартия» — она отнюдь не в силах была справиться своими силами, чтобы сделать переворот, хотя бы и об'единившись с «ТКП» или с другой контрреволюционной организацией, и поэтому делала свою установку на интервенцию. Проф. Рамзин мне неоднократно рассказывал относительно установок на интервенцию. После того, как намечался срок интервенции, а таковой срок устанавливался сначала на 1929—30 г., то члены партии должны были принять участие в работе по непосредственной подготовке интервенции, т.-е. начать интенсивную вредительскую работу, а также и диверсионную работу на предприятиях.

Что это значит? Это значило в главнейших, важнейших отраслях народного хозяйства вызвать соответствующий кризис по металлу, по углю, по стройматериалам, а главное ударить по энергетике, т.-е. привести в полное расстройство теплоснабжение самых ответственных предприятий и вызвать остановку электростанций. Эта подготовка велась в двух направлениях: стимулирования необходимости интервенции в заграничных кругах, что устанавливалось путем тех связей, о которых говорили члены ЦК, и вместе с тем в направлении подготовки внутри Союза интервенции. В конце 1929 г. проф. Рамзин нам сказал, что интервенция отсрочена на неопределенное время —на конец 1930 г. или на 1931 г.

Шпионская работа обвиняемого

Теперь я перехожу к конкретным моментам обвинительного акта, а именно к вопросу о связи с иностранцами, о которых уже имеются мои показания в обвинительном заключении. Мне проф. Рамзин неоднократно говорил, что он установил прямые связи с заграничными кругами. В одну из своих личных поездок в 1927 г. он получил указание от французских правительственных кругов о том, что эта связь с «Промпартией» в Москве будет осуществляться через господина К. В конце 1928 г. я был вызван Рамзиным в его служебный кабинет, где он познакомил меня с г. К. Господин К. недурно говорил порусски. Рамзин сообщил, что я должен буду установить с ним связь. Приблизительно через месяц Рамзин вызвал меня в кабинет и передал мне закрытый пакет, на котором не было никаких надписей. Передавая мне этот пакет, Рамзин сказал, что я должен буду его передать г. К. Я у него спросил, каким же образом я могу передать пакет, ведь я не знаю его адреса. Рамзин мне на это сказал, что мне позвонят. Действительно через полчаса меня вызывает к телефону г. К.; я его по голосу сначала не узнал, он мне сказал по телефону, что я месяц тому назад имел с ним разговор в кабинете проф. Рамзина и что я ему должен передать то, что дал мне проф. Рамзин. Тут же он мне сказал, что я должен буду передать ему этот пакет на Мясницкой улице в под'езде почтамта, в 6 часов вечера. После службы ровно в 6 часов я явился к почтамту, где встретил г. К и передал ему пакет. Это была первая встреча. Месяца через два точно так же проф. Рамзин вызвал меня к себе и передал мне второй пакет. Он мне сказал, что через полчаса мне будут звонить, чтобы условиться о месте встречи. Так и было. Повторилась та же самая история. Меня вызвали к телефону, и мы уговорились с К. встретиться на углу Метрополя, на Свердловской площади. Здесь я ему передал второй пакет, и после этого мы разошлись. Кроме этих встреч я с К. больше не встречался.

Со следующим агентом — господином Р. — я познакомился во второй половине ноября 1928 г. на квартире у проф. Рамзина при следующих обстоятельствах: меня проф. Рамзин вызвал к себе на квартиру вечером. Когда я приехал, то застал у него неизвестного гражданина, которого Рамзин представил мне, как г. Р., и сказал, что я должен буду устроить ряд экскурсий для приехавших французских инженеров, о чем просит г. Р. В частности ближайшую экскурсию я должен устроить через 2—3 дня. Указанная экскурсия была мною организована через дежурного инженера института, но я не знаю, был ли там г. Р. или нет.

После этой встречи, приблизительно в феврале, Рамзин передал мне пакет, причем сказал, что я должен буду его передать г. Р. Сделаете вы это следующим образом: рядом с моей службой находится Всесоюзная ассоциация инженеров, где я бывал почти каждую неделю. И вот там я и должен был встретиться с Р. Так и было. В феврале месяце я после службы пошел в помещение ВАИ, в соседний под'езд, поднялся на 4-й этаж и там встретил Р., которому передал пакет.

Затем, второй пакет я получил также по поручению Рамзина от Калинникова,

который должен был уехать, кажется, в отпуск. Он просил меня передать г. Р. этот пакет. Я точно так же уговорился встретиться в ассоциации. Это было, кажется, в конце мая и начале июля. Я передал второй пакет г. Р.

Затем, у меня еще была встреча с г. Р. в присутствии Рамзина. Кажется, приблизительно в ноябре — декабре 1929 г. Рамзин позвонил ко мне на квартиру вечером и спросил, может ли он приехать ко мне на квартиру с г. Р. для деловой беседы. Так как в это время у меня на квартире никого не было, даже жены, то я ответил согласием. Минут через пятнадцать Рамзин приехал с Р. на своей машине. Вначале была совместная беседа относительно того, нельзя ли организовать экскурсию в Теплотехнический институт для только-что приехавших из Франции инженеров. Далее Рамзин свел разговор с Р. на тему об интервенции. Я тут вынес впечатление, что интервенция отсрочивается на 1931 г. Говорил также Рамзин о том, что нельзя интервенцию быстро, в положенный срок, подготовить и выполнить всю работу вредительства.

Для того, чтобы не мешать разговору, я оставил Рамзина с г. Р. с глазу на глаз и ушел в другую комнату. Беседа Рамзина с Р. продолжалась около получаса. После этого они оба уехали, но тут я добавлю, что в момент свидания Рамзина с г. Р. г. Р. на моих глазах получил большой пакет. Что было в этом пакете, я не знаю. Об этой встрече Рамзин меня просил никому не рассказывать. Вот как будто бы я вспомнил все, как было дело, как происходили передачи и встречи с французскими агентами.

Последняя ставка «Промпартии»

Теперь я хотел закончить свои показания тем, что ставка на интервенцию была последней ставкой «Промпартии» и контрреволюционеров. «Промышленная партия» вела свою преступную работу, создавая кризисы в отдельных отраслях промышленности и углубляя экономические затруднения СССР. То замедляя темпы добычи металла до 7 млн. тонн, то ведя постройку новых фабрик в текстильной промышленности без надлежащего обеспечения сырьем, то передавая годные еще паровозы на кладбище, чем ослаблялся паровозный парк на транспорте, то замедляя рост добычи нефти, столь необходимой нам для экспорта, то тормозя развертывание добычи Донецкого и Кузнецкого бассейнов — этих мощных топливных баз, — везде, в каждой отрасли промышленности вредители делали свое дело. Они доподлинно являлись теми кротами-разрушителями, которые старались подточить основание социалистической стройки. Но, несмотря на все свои вредительские мероприятия, несмотря на все более затруднявшуюся экономическую обстановку в СССР, «Промпартия» с каждым днем убеждалась все более и более, что она не в состоянии чего-либо добиться из своих намеченных целей, из своих намеченных задач, и все более и более убеждалась, насколько ничтожны были все результаты и попытки вредителей что-либо сделать, насколько быстро крепла молодая промышленность Союза. «Промпартия» с каждым днем все более и более убеждалась, насколько мощно и быстро пролетарский цемент схватывает основные и различные звенья всей социалистической стройки, и что энтузиазм рабочего класса неизмеримо выше по своей мощности и эффективности, чем устремления вредителей.

Для примера взять, например, ту же программу в 7 млн. тонн по металлу. Теперешняя пятилетка устанавливает 17 миллионов. В сравнении с составленной программой по топливной промышленности пятилетки темпы увеличиваются вдвое.

Вот каков был ответ пролетариата, какова была генеральная линия ЦК коммунистической партии. Было ясно, что своими силами «Промпартия» ничего не сделает. Что точку опоры для переворота нужно искать где-то вне СССР. Вспомнилась, очевидно, формула Архимеда: «Дайте мне рычаг, и я переверну весь мир». Я думаю, и тут в поисках за этой опорой ЦК ездил за рубеж, чтобы найти эту опору. Но, конечно, результаты были совершенно ничтожные, и попытки что-то сделать оказались совершенно бесплодными. Ставка на интервенцию является уже главным лозунгом «Промпартии». Вредительство, кризисы, диспропорция уже «Промпартию» мало интересовали в последний момент ее деятельности. Путь совместных действий с французским генштабом «Промпартии» направился к интервенции. Вот основная тактика «Промпартии» в последнее время.

Французские агенты и агенты «Торгпрома» окончательно сделали «Промпартию» своим послушным орудием для интервенции. Вот та наклонная плоскость, по которой катилось все ниже и ниже контрреволюционное инженерство. Советская власть во-время остановила это падение.

Я твердо убежден, что настоящий процесс остановит многих инженеров, которые запутались в своих политических установках. И наш процесс раскроет глаза тем инженерам на тот безумный путь, на который они стали, предавая СССР в руки империалистов.

Разрешите мне кончить, так как добавить ничего больше не могу.

Председатель. Садитесь. Подсудимый Ситнин. Вы желаете дать об'яснения?

Ситнин. Да.

Председатель. Пожалуйста. Только погромче говорите. Чрезвычайно трудно слушать.

ОБ'ЯСНЕНИЯ ПОДСУДИМОГО СИТНИНА

Ситнин. Я полностью признаю пред'явленное мне обвинение и хочу искренно рассказать все то, что я знаю об этом деле.

Я происхожу из семьи фабричных служащих и, естественно, впитал в себя в этой среде мелкобуржуазную психологию. Поэтому хотя я и был по тому времени левым, но очень быстро отстал от потока жизни и во время революции очень скоро оказался, как видите, правым. Октябрьская революция застала меня на месте заведующего прядильно-ткацкой фабрикой в Твери. Увлеченный волной революции, я сначала вполне охотно принял эту революцию, охотно и искренно пошел работать в правительственное учреждение, в той фабрике, где я был заведующим, затем в об'единении управлений тверских фабрик. Но я не сумел оценить жизненных сил революции и пролетариата.

Разруха в промышленности и текущей жизни, вызванная годами войны и блокады, и трудность изживания ее заставили меня усомниться в том, что возможно перескочить через этот этап, через эту эпоху капитализма, заставили меня поверить в то, что мы должны, как страна, пройти через эпоху капитализма. Это и было началом того пути, который привел меня к вредительству.

Первое столкновение, первое мое приближение к этому было в 1922 г. В 1922 г. я имел разговор на эту тему с ныне умершим Лопатиным. Он служил в ВСНХ, я—в Тверском тресте. Он говорил, что та разруха, которая наблюдается на тверской фабрике, существует везде на других фабриках, говорил о том, что дальше продолжаться так не может, говорил, что промышленность погибнет, говорил, что в сферах это известно, что тресты, которые организованы, являются последней попыткой таких организаций, что если эта попытка окажется неудачной, то управление промышленностью будет передано в руки инженеров. Он уверял, что это вопрос решенный и что он подготовляет группу инженеров, которая должна принять на себя управление промышленностью, готовой вот-вот свалиться. Он говорил, что он об'единил всех главных московских инженеров, что в каждом тресте у него есть «свой инженер», и предлагал мне представительство в тверской фабрике. Я согласился.

Но в том же 1922 г. я ушел из треста в Текстильный синдикат, где мне поручили заниматься организацией снабжения промышленности вспомогательными материалами. По характеру своей работы я фактически отошел от производства, от той работы, которая интересовала Лопатина, потому что ставка его была на то, что нужно показать, что и тресты не могут работать. Поэтому я отошел и от него и от той вредительской работы, которая была по сведениям, по разговорам с ним и с некоторыми из товарищей.

Насколько я себе представляю, эта вредительская работа заключалась в том, что Лопатин путем своего личного влияния на своих товарищей, находящихся в трестах, заставлял их работать таким образом, чтобы направлять путь трестов на поддержку и углубление нэпа, на поддержку торговли с частником, на самостоятельность трестов, на удержание вольных цен. Таким образом работа направлялась по той линии, которая фактически должна была привести к полному разложению промышленности и отходу ее на частнокапиталистические рельсы.

Так продолжалось до 1925 г., когда я из этого отдела снабжения перешел уже в отдел снабжения хлопком по надзору за снабжением как отечественным, так и иностранным хлопком.

Это время до 1925 г. показало, очевидно, и Лопатину, что его надежды были совершенно не обоснованы и что, если он желает добиться чего-нибудь, необходимо перейти к более активным действиям. Как вы слышали раньше из слов предыдущих товарищей, это время как раз соответствует той организованной группе в Москве, которую он создал, которую здесь называли и в которую он включил меня. Поскольку я работал, как я уже сказал, по хлопку, и поскольку хлопковая работа в синдикате была по существу очень невелика, а сама вся работа проходила по Главхлопкому, то моя работа была там осуществляема контактом группы, руководящей в синдикате, с руководящей группой в Главхлопкоме. Я осуществлял этот контакт, главным образом, через работника Главхлопкома Герсона и частично через Юферова.

Вредительство в Главхлопкоме

Работу с 1925 г. я разделяю на два периода: один — с 1925 по 1928 г. и другой — с 1928 г. и до конца. Работа с 1925 по 1928 г. характеризовалась тем, что она стремилась к тому, чтобы подорвать плановое хозяйство страны, доказать его нецелесообразность, доказать его невозможность, с одной стороны, а с другой стороны — создать финансовые затруднения. В текстильной промыш-

ленности, поскольку я знал как из работы Главхлопкома по сырью, так и из работы синдиката от товарищей, с которыми я сталкивался, эта вредительская работа сводилась к следующим основным линиям.

Прежде всего задача была в том, чтобы создать диспропорцию между сырьем и производством. По сырью работники Главхлопкома стремились создать преувеличенные планы на каждый год и надежды на получение хлопка, которые всегда не осуществлялись. Это достигалось по большей части тем, что давалась преувеличенная площадь посева в контрольных цифрах, площадь, которая давала прирост 30—40 проц., явно неосуществимых, преувеличенные возможности урожайности, и эти преувеличенные планы, которые давали надежды на большее количество хлопка, чем его можно было получить. В связи с тем, что хозяйственный год в этой промышленности начинался с 1 октября, когда фактически проверить правильность этих планов, этих контрольных цифр еще нельзя, когда урожай не определился, заставляло эту промышленность базироваться и руководиться на основе предположенных неверных цифр, а когда текстильная промышленность разворачивалась на то количество хлопка, которое предполагалось, а хлопка не было, то получался простой или приходилось использовать импортный хлопок с затратой валюты. В предыдущие годы так и делалось. Если вы вспомните цифры импортного хлопка, то вы увидите определенный рост импортного хлопка, которым приходилось покрывать недостаток количества хлопка, которое имелось в плановых предположениях.

В действительности большой сдвиг возможен в пределах планового хозяйства быстрым засевом всей площади селекционными семенами, которые давали возможность получить большее количество хлопка и лучшего качества и которое шло довольно бурным потоком. Со стороны же организации способствовали тому, что внимание не было уделено на чистоту селекционных семян, и скоро эти селекционные семена оказывались засоренными, не чистопородными семенами, — засоренность достигала свыше 40 проц., — и фактически падала урожайность хлопка и качество самого хлопка. Получались недовольство селекционными сортами у производственников и требования о том, чтобы приостановить развод и засев этими селекционными семенами потому, что они выбраны неудачно. Точно так же были задержки, был неправильный подход, заведомо неправильный к стандартизации хлопка. Стандарты хлопка давались значительно худшие, чем должны были быть, без учета производственной надобности, что в результате давало худшие качества хлопка. По текстильной промышленности, насколько я мог усвоить ту линию, которую вели, я понимал, что здесь, наоборот, шло форсирование, развитие текстильной промышленности без учета сырьевой базы, базируясь, главным образом, на импортном хлопке. Разумеется, такое форсирование промышленности не могло не отразиться на самой промышленности, — здесь здание фактически строилось на песке и фактически при малейших затруднениях в этой области оказывалось очень трудно поддерживать эту текстильную промышленность.

Кроме того, развитие текстильной промышленности в известной, значительной части шло по линии нового строительства, которое в то время не вызывалось необходимостью, потому что не были полностью использованы старые существующие фабрики. Таким образом, сюда вкладывались средства, которые могли бы с гораздо большим успехом, с гораздо большей правильностью быть вложены в то же усиление развития сырьевой базы. Фабрики строились в значительной части более дорогими, чем это могло бы и должно было быть.

Стандартизация текстильных машин шла также не по реальному пути в том отношении, что не было согласованности в смысле длины машин и проч., — несогласованность длины, предположим, ватерных машин с банкаброшными вызывала на фабрике при постройках необходимость иметь излишние большие проходы, что вызывало излишние потери, излишнюю дороговизну.

Кроме того, вредительскими организациями велась борьба против трех смен и непрерывки. Это, как я говорил, шло вразрез той линии, которая направлялась по требованию строительства новых фабрик, в отношении трехсменной работы и непрерывки.

Наконец, американизация текстильных фабрик тоже не поощрялась. Стремились ее затушевать, не дать возможности выделиться, применить те темпы, которые были так необходимы. Вот те линии, по которым шло вредительство за эти годы. Общая установка организации была таковой, чтобы внести разруху в плановое хозяйство и затруднение в финансы, чтобы таким образом толкнуть советскую власть на перемирие с капиталистическим Западом и на необходимость искания выхода из этого затруднительного положения в перерождении в государственный капитализм или даже, как предполагалось к 1928 г., в буржуазно-демократическую республику.

За это время слухи об интервенции появлялись. Но эти слухи доходили до нас не в виде каких-то реальных пред-

положений, а скорее в виде проблематических предположений. Указывали на то, что поскольку, с одной стороны, идет укрепление советского хозяйства, а с другой стороны — полевение курса советской политики, то, мол, ясно, что без интервенции едва ли обойдется дело. Но это не было чем-то реальным, а это было в то время проблематическим предположением.

За этот период мое личное участие выражалось в форме того контакта, который я осуществлял между двумя группами — текстильной и хлопковой.

Но, кроме того, я должен сказать, что на моей совести лежит еще одно вредительское действие, о котором, очевидно, позабыл за его, может быть, небольшой величиной Александр Александрович Федотов: дело в том, что после возвращения из-за границы в 1926 г. он мне сказал, что он через наших работников в Лондоне и членов нашей организации договорился с некоторыми английскими фирмами по продаже египетского хлопка, что будут отчисляться куртажные в размере полупроцента. Он сказал, что качество хлопка не будет ухудшено, что фирмы первоклассные, что стоимость лишь увеличится на ½ проц., и он мне предложил, чтобы количество хлопка, закупаемого у этих фирм, не убавлялось.

Следующий период, о котором я хочу сказать, период после 1928 г. я отмечу тем, что он начался в моем представлении со времени возвращения из-за границы Фетодова и моего. В апреле 1928 г. я был командирован Текстильимпортом в Америку. Перед от'ездом при свидании с Куприяновым (тут у него вкралась маленькая неточность, — он говорил, что я собирался, будучи во Франции, провести отпуск в Париже) я говорил, что буду лечиться за границей, в Германии, но я говорил, что проездом в Америку я должен буду проезжать через Париж, и он меня просил, чтобы я повидал его бывшего хозяина — Коновалова для того, чтобы, с одной стороны, проверить ходившие слухи о том, что он разорился и отошел от политической работы, а с другой стороны, — узнать его взгляд на интервенцию.

Еще о сроках интервенции и о Пуанкаре

На обратном пути из Америки в первой половине июля я встретился с Коноваловым. Он сказал мне, что он разорился, он остается попрежнему членом «Торгпрома», может быть, не таким активным, как был, но что он в курсе всего того, что там происходит, как член такового. Он сказал, что как эмиграция, так и иностранное правительство очень внимательно следят за всем тем, что происходит внутри СССР, и, конечно, всякое полевение курса внутренней политики СССР находит более агрессивное отношение к Советскому Союзу как в эмиграции, так и в иностранных кругах. И вот теперешний курс, который взят СССР, по мнению его и «Торгпрома», вызывает собой неизбежность интервенции, потому что других надежд, они считали, не остается.

Кроме того, он считал, что то положение, в котором находится сейчас СССР, обострившаяся в то время нужда в валюте, слухи о неизбежности неурожая, которые были в 1928 г., продовольственные затруднения, хвосты у магазинов, о чем проникли слухи за границу, и, наконец, начавшаяся борьба различных течений внутри партии, за которой также очень внимательно там следили, — все это вселило в них надежду, что благоприятный момент наступает.

Он сообщил, что, так сказать, вожди «Торгпрома»—Рябушинский, Третьяков—были приняты одним из очень видных политических французских деятелей, и он очень сочувственно отнесся...

Председатель. Подсудимый Ситнин, кто же был этот видный деятель Франции?

Ситнин. Пуанкаре. Вы сказали, что не нужно упоминать имен.

Председатель. Я предупредил, что в закрытом заседании будут расшифрованы псевдонимы лиц, фигурирующих в деле под начальными буквами, из иностранных учреждений, находящихся на территории Союза.

Ситнин. Я не понял. Они были приняты Пуанкаре, и тот сообщил им, что его отношение к интервенции вполне сочувственное и, что он надеется и уверен в том, что эта мысль встретит поддержку во Франции. На основании этой беседы с Пуанкаре «Торгпром» и считает, по словам Коновалова, что нужно надеяться на то, что интервенция должна произойти в 1930—31 г. Но, конечно, успех этой интервенции не будет возможен без соответствующей подготовки внутри СССР, почему и необходимо, чтобы инженерные организации развили за это время максимальную деятельность. Все инструкции на этот счет, сказал он, будут, конечно, своевременно переданы руководителями «Торгпрома» в Москву, тем более, что, по его словам, Пуанкаре дал надежду на то, что можно будет осуществить контакт между «Торгпромом» и Москвой. Что касается Англии, то он сказал, что при правительстве Макдональда нельзя надеяться на активную поддержку Англии, но в то же время он сказал, что, конечно, сочувственное отношение Англии обеспечено. Активное же вмешательство настолько уж не необходимо, поскольку обеспечено активное участие Франции, а через нее и активное участие окружающих нас мелких держав.

Неожиданность такой реальной постановки, как она была высказана Коноваловым, ошеломила меня и вселила в меня

даже недоверие к тому, правильно ли он говорит, не слишком ли он много берет на себя.

По возвращении в Москву я рассказал об этом Куприянову. Тут у Куприянова вкралась неточность: я приехал немного раньше Федотова, и он мне сказал, что Федотов скоро возвратится и мы получим тогда уверенность в том, правильно или нет сказал Коновалов, или он, что называется, переборщил. По своем возвращении из-за границы Федотов действительно рассказал о том, что он виделся в Берлине с Карповым, и вообще подтвердил то, что я слышал от Коновалова. Кроме того, он рассказал о тех вредительских линиях, которые должны быть в связи с этим приняты в работе текстильной организации. Он уже говорил об этих линиях, и я не буду на них останавливаться пространно. Скажу коротко, что они заключались, как он говорил, в нарушении пятилетки, в создании кризиса в 1930 г. в смысле годовых планов, неправильных ассортиментов мануфактуры и строительства фабрик на окраинах.

По характеру массовой работы из того, что было в 1930 г. в смысле создания кризиса, я могу сказать только несколько слов о том, как получился, на мой взгляд, тот основной, наиболее, может быть, болезненный кризис с сырьем. Дело в том, что план, намеченный Главным хлопковым комитетом по сбору союзного хлопка, выражался на этот год в 20 млн. против 15.600.000 в предыдущем году — настолько большое увеличение, что, конечно, оно наводило на такие подозрения, что, как говорил Куприянов, синдикат, невзирая на ту установку, которая была сделана, все-таки поставил вопрос о снижении этой цифры, и была получена цифра в 19 миллионов.

Но если мы примем во внимание то, что 19 миллионов против 15.600 тыс. было дано при предположении увеличить посевную площадь на 10 проц., то это оказывается нереальным, потому что — на чем остается базироваться? На урожае. Но базироваться на урожай — это в значительной части базироваться на господа бога, который пошлет урожай или нет. А если принять во внимание, что в нынешнем году урожай был весьма и весьма небольшой, то шансы еще уменьшаются. В действительности урожай оказался значительно меньше, чем в прошлом году, и прирост площади был меньше 10 проц. Если принять во внимание, что входили новые районы, районы Северного Кавказа и Черноморского побережья, которые впервые входили в план, которые были не испытаны и неизвестно было, сколько они дадут, они могли и не дать этого прироста, то картина получается очень ясная.

Теперь я должен сказать еще о втором поручении, которое я выполнил за границей. Я говорил уже, что в течение 1926 г. и начала 1927 г. поступали деньги от хлопковых операций из Англии. Но это прекратилось в связи с прекращением закупок хлопка в Англии. Хлопковые операции сосредоточились, главным образом, в Америке. Так как я ехал в Америку, то мне было поручено Федотовым, чтобы я организовал это дело в Америке. Я принял это поручение и через нашего члена организации Крюкова, который был в Америке, исполнил его. Я договорился с некоторыми фирмами о том, чтобы делались такие отчисления. По моим соображениям, примерно, эти отчисления могли доходить до 80.000 — 100.000 в год, которые могли поступать. Я должен указать на то обстоятельство, что здесь постановка дела была несколько более усложнена тем, что в Америке к покупке хлопка члены организации не имели никакого отношения. Они имели отношение только к приемке хлопка, стало быть, это отчисление могло отразиться только на качестве хлопка. Разумеется, качество хлопка, если бы хлопок пришел сюда неудовлетворительного качества, то это очень больно отразилось бы на работе фабрик и сейчас же вернулось бы к нам в виде протеста против плохой покупки. Чтобы избежать этого, мною было предложено сделать сортировку хлопка в Мурманске таким образом, чтобы хлопок рассортировывался по его назначению и чтобы на фабрики хлопок поступал равномерно и нужного качества, без всякого намека на нашу вредительскую операцию. Таким образом, это могло отразиться только на том, что количества хорошего хлопка, основного хлопка могло нехватить. Нужно было его прикупить несколько больше для того, чтобы это покрыть. Таким образом, качество превращалось опять-таки в затрату денег и не отражалось в смысле качества здесь на месте. Это то, что я сделал за этот период.

Я должен, конечно, вполне присоединиться к тому, что здесь говорил проф. Чарновский, что, конечно, мы, зараженные такой психологией, может быть, более, чем все инженеры, виноваты были в этом, как он назвал, «чего изволите» или «наша хата с краю». Это было в тех случаях, когда я считал что-либо правильным, но встречал возражения и протесты против этого лиц, которых трудно было побороть, и я не вел это дело дальше, не считая это близким делом. Короче говоря, я не горел тем энтузиазмом, которым должен был гореть каждый советский работник. Это не могло не отразиться почти на всей работе, которая проходила.

Это в сущности все, что я могу рассказать. О том, что здесь говорилось по поводу военной и шпионской организа-

ции, — в этой части организации я ничего не знал, это шло мимо меня.

В заключение я хотел бы сказать, что уже за последний год до ареста моя идеология, моя вера в неизбежность пройти этап капитализма под влиянием успеха социалистического строительства стала рушиться, тем более, что широкий размах советского правительства привлекал меня сильно как инженера, тянул меня с головой окунуться в эту работу, а та ставка, которая была на интервенцию, разумеется не могла не отталкивать от организации, но инерция инженерной среды, в которой я находился, мешала мне сбросить те путы, которыми меня за это время опутали. Здесь правильно Калинников сказал, что тюрьма есть лучшая школа. Я много за эти месяцы пережил, многое передумал и чистосердечно сознаюсь в своем заблуждении.

Я кончил.

Председатель. Садитесь, пожалуйста. Об'является перерыв на 15 минут.

ПОДСУДИМЫЕ ДОПОЛНЯЮТ СВОИ ОБ'ЯСНЕНИЯ

Председатель. Заседание Специального присутствия возобновляется. К Специальному присутствию некоторые подсудимые обратились с просьбой разрешить им дать некоторые дополнительные об'яснения. Специальное присутствие считает это целесообразным.

Подсудимый Рамзин, в чем заключается ваше дополнительное об'яснение?

Последние сведения от «Торгпрома» можно получить у проф. Осадчего

Рамзин. Давая свое основное показание, в виду его длительности и некоторой усталости к концу я забыл отметить два основных момента, которые хочу дополнить, хотя в моих показаниях в течение следствия я об этом упоминал, но в виду того, что эти два момента представляют существенный интерес, я считаю необходимым обратить на них внимание суда и здесь.

Первый момент касается последней встречи с представителем «Торгпрома» летом 1930 же года, а именно: при поездке в Берлин летом 1930 г. я рассчитывал встретить там одного из руководящих представителей «Торгпрома». Было предположено встретиться с Денисовым. Но до моего от'езда из Берлина мне этого сделать не удалось. Так как в Берлине находился другой член «Промпартии», а именно проф. Осадчий, который оставался за границей позже меня, я и просил его вместо меня переговорить с Денисовым и получить от него необходимые указания и информацию. Выполнено или нет это поручение и просьба, которая мною была передана, проф. Осадчим, не знаю, потому что вскоре после его возвращения я был арестован, и мы с ним не виделись. Во всяком случае проф. Осадчий может по этому поводу дать показания, встретился ли он с Денисовым, и если эта встреча произошла, то у него должна быть наиболее поздняя и интересная информация от «Торгпрома», касающаяся, главным образом, интервенции. Вот мое первое дополнение, которое я хотел сделать.

С. Д. Шейн — информатор французского генштаба

Второе дополнение касается сведений по коксо-бензольной и химической промышленности, связанной с работой оборонной промышленности, которой интересовался французский генеральный штаб. В виду того, что после ареста ряда химиков, а именно Камзолкина, а еще ранее Кравеца, связь в этом направлении была утеряна, а требования об этих сведениях были чрезвычайно усилены, то по моей просьбе такие сведения согласился собирать и дать, как близко знакомый с этой отраслью промышленности, С. Д. Шейн — член ЦК «Промпартии». С тем, чтобы облегчить ему передачу сведений, я и Ларичев познакомили Шейна с г. К. в ЦЕКУБУ примерно в середине 1929 года, кажется в мае. Встреча произошла в библиотеке ЦЕКУБУ, где Шейн познакомился с г. К., и в дальнейшем сведения по части коксо-бензольной промышленности должен был собирать и сообщать г. К. Шейн.

Встречный промфинплан сделал невозможным плановое вредительство

Затем последнее дополнение, которое я хотел сделать, сводится к тому, что причиной краха планового вредительства «Промпартии», который обнаружился к концу 1929 г. и к началу 1930 г., было создание встречных промфинпланов, которые в конце концов и сорвали плановую вредительскую работу. Встречные промфинпланы нанесли коренной удар по плановой вредительской работе. Это заставило отказаться от методов минималистских планов, ибо встречные промфинпланы сразу же дали совершенно другие цифры, дали резкий сдвиг в этом деле и положили, собственно говоря, конец плановому вредительству «Промпартии».

Наконец, последнее замечание, которое я хотел сделать для того, чтобы у суда не создалось ложных выводов и представлений, сводится к следующему. В моем первом сообщении, относительно позиции и отношения всего инженерства, я говорил, что, по моим подсчетам, во вредительскую деятельность было втянуто около 2 тыс. человек. При наличии 30 тыс. инженерских кадров это соста-

вляет около 6—7%. Я хотел бы с особой яркостью здесь подчеркнуть ту мысль, что характеристика инженерства, его настроений, которую я давал здесь, отнюдь не может относиться ко всем инженерам в целом, что эта характеристика относится к той верхушечной головке инженерства, которая была втянута в деятельность «Промпартии» и которая представляет собой относительно небольшую долю в общих инженерских кадрах нашего Союза.

Вот все, что я хотел сказать.

Председатель. Подсудимый Чарновский, в чем заключается ваше дополнительное замечание?

Чарновский. Дабы не создалось у суда неправильного представления о том, что я говорил, я хотел бы сказать по поводу этой контактной пятерки. В моих показаниях у следователя имеется письменное заявление о том, что такая пятерка была образована, но она не собиралась. Я не сказал, почему она не собиралась. Она не собиралась потому, что взамен ее сам ЦК «Промпартии» имел несколько заседаний совместно с членами «ТКП» во главе с Чаяновым. Предметом обсуждения этих заседаний был вопрос о создании продовольственных кризисов и прочих в виду интервенции.

Второе, что я хотел сказать, — это то, что действительно в первом списке моя фамилия значится в числе кандидатов.

Председатель. В каком первом списке?

Чарновский. В списке проектировавшегося правительства. Но так как не было дано никаких мотивировок по этому поводу, то я считал свою кандидатуру несерьезной.

Разрешите дополнить по вопросу денежных сумм. Здесь Ларичев уже сказал относительно 300 тыс., которые были предназначены для металлопромышленности. Мне остается дополнить, что 150 тыс., как сказал Ларичев, были распределы через Хренникова еще до его ареста, а остальные 150 тыс. были распределены при мне с помощью Гартмана по металлургии и с помощью Кутского по металлопромышленности.

Председатель. Подсудимый Калинников, что вы желаете дополнительно показать?

Калинников. Я хотел дополнительно сказать о моем участии в распределении денег. Я вчера это по усталости упустил. Как я уже показал на следствии (это отмечено в следственном материале), я получил от Ларичева для распределения отдельным отраслям промышленности 200 тыс. руб., при чем по согласованию с Рамзиным и Ларичевым должен был распределить химической промышленности, организациям военной промышленности и бумажной. Я это сделал так: передал из 200 тыс. руб. — 100 тыс. руб. через Кравеца и Шейна инженерным организациям химической промышленности, 75 т. руб. через Хренникова — организациям военной промышленности и 25 тыс. руб. через Майера — для бумажной промышленности. Это первое дополнение.

Второе: я хотел уточнить количество встреч с агентом французской службы К., так как это было неясно мною изложено. Всего было 4 встречи: первая — знакомство на квартире у Рамзина, встреча в театре и две встречи на квартире Ларичева.

Последнее, что я хотел дополнить, это о том, что при встрече Рамзина с агентом Р. у меня на квартире к концу заседания по вызову Рамзина явился Ларичев и передал текущие материалы агенту Р.

Вот все, что я хотел сказать.

Председатель. Садитесь, пожалуйста.

Сейчас необходимо установить дальнейший порядок ведения судебного следствия. Первый тур, так сказать, закончен: мы заслушали об'яснения подсудимых. Очевидно, дальше придется перейти к рассмотрению ряда эпизодов, связанных с этими об'яснениями, но уже в порядке допроса.

Какие предложения имеются у государственного обвинения по этому поводу и каково заключение защиты?

Крыленко. На точном основании 282-й ст. УПК — я цитирую ее буквально — «если подсудимый согласен с обстоятельствами, изложенными в обвинительном заключении, признал правильным пред'явленное ему обвинение и дал показания, суд может не производить дальнейшего судебного следствия и перейти к прению сторон».

Я не считаю, однако, возможным на основании точного смысла этой статьи предлагать такой порядок, ибо, хотя подсудимые здесь и говорили о том, что они чистосердечно дают показания, излагая все, что им известно по делу, тем не менее, на основании материалов, имеющихся в распоряжении обвинительной власти, мне представляется, что целый ряд сторон не оказался в достаточно полной мере выяснен. Вместе с тем мне кажется, что можно на основании тех же материалов, имеющихся в распоряжении обвинения, полагать, что и те обстоятельства, которые были изложены, — изложены едва ли в полном и абсолютном соответствии с тем, как отдельные моменты имели место. Однако те размеры дела, которые даны в обвинительных тезисах обвинительного заключения, таковы, что они ограничились пред'явлением обвинения лишь по 58 ст.,—по 3, 4 и 6 пунктам этой статьи. Между тем деятельность обвиняемых охватывала достаточно фактов, которые давали возможность ставить обвинение и по другим статьям уголовного кодекса. Эти статьи, как это указано в обвинительном заключении,

были элиминированы, но данные производства предварительного расследования дают возможность располагать материалом, который может осветить дополнительно основные пред'являемые пункты обвинения.

Вот почему, не считая возможным прямо переходить к судебным прениям, обвинение будет ходатайствовать при этом о вызове целого ряда свидетелей, которые должны будут показать о некоторых сторонах работы так называемого центрального комитета «Промышленной партии». Я буду ходатайствовать перед судом о вызове этих лиц. Это лица из среды ближайших соратников и сотрудников обвиняемых по вредительской работе в отдельных отраслях промышленности, лица, также находящиеся под стражей в порядке проведения о них предварительного расследования не непосредственно по этим статьям, а по другим статьям уголовного кодекса, но могущие и долженствующие, — если, конечно, они это сделают, — дать соответствующие показания.

Я буду ходатайствовать, во-первых, о вызове тех лиц, как здесь уже упоминали обвиняемые, в частности по текстильной промышленности — Нольде Александра Александровича, по льняной промышленности—инженера Кирпотенко Александра Алексеевича, равным образом по текстильной промышленности, для подтверждения, с одной стороны, ряда фактов, о которых говорили сами обвиняемые, а с другой стороны, для большей детализации как вредительской работы по текстилю, так и тех отношений, о которых было известно указанным лицам, между агентами французской службы в Москве, упомянутыми здесь под псевдонимами гг. К. и Р., о связи и работе которых этим лицам было также известно.

С другой стороны, поскольку здесь упоминалась деятельность так называемой группы Кондратьева — Чаянова, я буду ходатайствовать о вызове, в частности по вопросам, касающимся не этой группы, а касающимся вопросов интервенции, Юровского Леонида Наумовича.

Наконец, поскольку здесь говорилось о вредительской работе на транспорте, которая осуществлялась через Красовского Петра Иосифовича, уже осужденного по делу о вредительской организации на транспорте, и поскольку он, равным образом, показывает о некоторых сторонах работы, которая не освещалась здесь обвиняемыми, — хотя мне не представляется возможным, чтобы это им не было известно, — я буду ходатайствовать о вызове и этого лица.

Наконец, имеется еще одна своеобразная отрасль вредительской работы, которая, правда, здесь прошла невысказанной и неупомянутой. Для освещения этой стороны работы, о которой не могло не быть известным обвиняемым, я прошу вызвать следующих лиц: инж. Михаленко Д. М., Цейдлера П. В., Спарро Р. П., Сироцинского В. П.

И, наконец, упоминались имена двух членов ЦК так наз. «Промпартии», бывших общественных обвинителей на шахтинском процессе — П. С. Осадчего и инж. Шейна. Положение этих лиц в процессе несколько особое. Они — члены Центрального исполнительного комитета Союза. Это обстоятельство уже ставит их в процессуальном отношении в несколько иное положение. Разрешение на производство предварительного расследования по делу этих лиц еще не есть разрешение на предание суду. С другой стороны, о них упоминали, как о членах ЦК, помимо общего упоминания, которое было раньше и которое ничего конкретного еще не давало и последовало лишь тогда со стороны обвиняемых, когда настоящее дело уже было принято к производству следователем по важнейшим делам при прокуратуре республики. Все это не давало возможности включить их в настоящий процесс. Это не исключает, однако, возможности допроса их в качестве свидетелей, пока. Вопрос о порядке суда над этими членами ЦК остается особым вопросом, который идет на разрешение высших органов советской власти. Но, обращаясь к тем показаниям, которые они могут дать, поскольку дело находится в предварительной стадии, я должен несколько различить по степени важности этих сведений и степени важности этих показаний. Обращаясь к той мотивировке, которую давал только что обвиняемый Рамзин, я должен указать, что, конечно, свидетельство Осадчего о свидании в июне или июле 1930 г. с деятелями «Торгпрома» является совершенно новым эпизодом, который имеет существенную важность и существенное значение для процесса в том разрезе, в котором он поставлен. Поэтому прокуратура ходатайствует и о вызове Осадчего П. С.

Иначе стоит вопрос относительно второго лица — Шейна. Тут имеется лишь указание о том, что имелась беседа с г. К. Факт — в достаточной степени важный, и роль этого К. здесь в достаточной степени установлена целым рядом других показаний обвиняемых, и я сейчас не вижу необходимости в ходатайстве о его вызове. В зависимости от развития допроса можно будет ходатайствовать дополнительно о его вызове, так что этот вопрос мы оставляем открытым. Прокуратура ограничивается лишь ходатайством о вызове упомянутых лиц.

Что касается другого ходатайства — в части сообщения ряда документов, то соответствующее ходатайство будет мною заявлено и по материалам, характеризующим вредительскую деятельность и могущим дополнительно осве-

тить вопрос, я оставляю право сделать соответствующее ходатайство впоследствии, согласно процессуальных норм.

Что касается плана порядка допроса и выяснения отдельных эпизодов, в каком порядке подлежит допрос обвиняемых, то в этом вопросе я также имею сообщить следующее: в виду того, что материал обвиняемых требует соответствующего анализа и соответствующей рассортировки, наше третье ходатайство имеет, так сказать, технический характер и заключается в том, чтобы дать возможность прокуратуре и защите использовать некоторое время для рассортирования и анализа показаний и составления плана ведения судебного следствия. Я просил бы завтрашнее заседание начать в шесть часов вечера, чтобы утро посвятить разбору и анализу по материалу.

Председатель. Каково будет заключение защиты по возбужденным ходатайствам со стороны государственного обвинения?

Оцеп. Защита поддерживает ходатайство прокуратуры о вызове свидетелей и пока что об условном приобщении документов, могущих служить дополнительным доказательством, что соответствует основному смыслу норм Уголовно-процессуального кодекса, ст.ст. 111, 112 и 113.

Что касается технической части — о порядке следствия, то мы тоже присоединяемся к ходатайству прокурора и полагаем, что завтрашнее утро будет достаточно для того, чтобы установить этот порядок.

Председатель. Специальное присутствие удаляется на совещание.

Председатель. Об'является определение Специального присутствия Верховного суда.

Рассмотрев ходатайство государственного обвинения о вызове ряда лиц в качестве свидетелей по настоящему делу и выслушав заключение защиты по этому вопросу, Специальное присутствие определяет: руководствуясь ст. 254 УПК РСФСР и в соответствии со ст.ст. 113, 253 и 272 того же кодекса, вызвать в качестве свидетелей по настоящему делу гр-н: Нольде, Кирпотенко, Юровского, Красовского, инженеров Михаленко, Цейдлера, Сироцинского, Спарро и гр-на Осадчего. По вопросу о приобщении различного рода документов, могущих иметь значение для суда, в соответствии со ст. 272, вопрос оставить открытым до представления сторонами мотивированных соображений.

Согласиться с предложением государственного обвинения и защиты о предоставлении им в срок до завтрашнего вечернего заседания, т. е. до заседания, открывающегося в 6 часов вечера 28 ноября с. г., плана дальнейшей работы Специального присутствия, обязав прокуратуру и защиту представить конкретный перечень тех вопросов, тех узловых тем, которые должны по представлению прокуратуры и защиты служить предметом дальнейшего внимания Специального присутствия Верховного суда.

Следующее заседание назначается на 6 часов вечера 28 ноября.

Заседание Специального присутствия об'является закрытым.

28 ноября

Вечернее заседание

Председатель. Заседание Специального присутствия Верховного суда возобновляется.

Тов. Крыленко, вы изложите проект вашего плана дальнейшего ведения судебного следствия.

Крыленко. Прокуратура предлагает следующий перечень моментов, подлежащих, по ее мнению, об'яснению, уточнению, специальному обследованию в порядке судебного следствия:

Биографические данные каждого из обвиняемых и выяснение моментов, определяющих их политическое миросозерцание и классовые симпатии, выяснение момента вступления в организацию каждого из них и вредительской работы, исполнявшейся до вступления в организацию «Инженерно-технического центра».

Уточнение классового существа политической программы «Промпартии» и «Торгпрома», уточнение индивидуальных связей каждого из обвиняемых с «Торгпромом» и с его отдельными членами, конкретные формы руководства вредительством со стороны каждого из обвиняемых.

Уточнение связи через заграничные поездки обвиняемых, рассмотрение вопроса о выступлениях Пуанкаре и Бриана и конкретные методы подготовки интервенции, вредительская работа по исполнению заданий, полученных из-за границы, первый период работы ЦК так называемой «Промпартии», рассмотрение следующих двух периодов (1929—30 г.) с уточнением взаимоотношений между французским генштабом, действующим через свою агентуру в СССР, и ЦК «Промпартии», установление факта переговоров о подготовке интервенции в 1930 г. после уже ареста данного состава обвиняемых. Наконец, на закрытом заседании — установление личностей французских агентов К. и Р., рассмотрение других вопросов, связанных со шпионской работой ЦК «Промпартии», с агентурой французского генштаба.

Вот какой список вопросов и моментов предлагается прокуратурой Специальному присутствию Верховного суда.

Председатель. Прошу защиту ознакомиться с этим списком (з а щ и т а з н а к о м и т с я).

Специальное присутствие определяет: план, предложенный государственным обвинением и не встретивший возражений со стороны защиты, утвердить; вести судебное следствие в порядке допроса отдельных подсудимых; допрос свидетелей вести по ходу судебного следствия в зависимости от необходимости выяснения тех или иных вопросов.

Судебное следствие переходит к допросу подсудимых в соответствии с установленным сейчас порядком.

Подсудимый Рамзин.

Государственное обвинение, вам предоставляется слово для допроса.

Крыленко. Гражданин Рамзин, вы начали ваши показания с того, что желаете без утайки рассказать об очагах вредительства в инженерной среде с тем, чтобы между инженерством и советской властью было взаимное понимание и доверие.

Сообщите, пожалуйста, суду данные из вашей работы, сообщите данные биографического характера до вашего вступления в «Инженерный центр», обрисуйте точнее момент вступления в «Инженерный центр» и те основания, по которым вы заняли там руководящую позицию, руководящую роль в качестве одного из членов центральной вредительской организации, и те основания, в виду которых вы полагали, что ваш призыв к остальному инженерству встретит соответствующий отклик и отзыв в его среде.

Итак, прежде всего — краткие, но исчерпывающего характера биографические данные.

ПОКАЗАНИЯ РАМЗИНА

Карьера ученого

Рамзин. Я родился в 1887 г. По окончании курса в тамбовской гимназии поступил в Высшее московское техническое училище, которое окончил со званием инженера-механика в 1914 г.

Дед мой был крестьянин, приписавшийся к мещанскому обществу г. Тамбова, так что, когда я поступил в МВТУ, я получил так называемое увольнительное свидетельство из тамбовской мещанской управы.

Отец мой был более 40 лет сельским учителем в селе Сосновке, Моршанского уезда, Тамбовской губернии. Мать, кончив Бестужевские высшие курсы, тоже всю свою жизнь была сельской учительницей. По окончании технического училища я был оставлен при Московском высшем техническом училище в качестве аспиранта для подготовки к научной деятельности, и в период до Октябрьской революции я был сначала аспирантом, потом преподавателем технического училища. В промышленных предприятиях, на фабриках и заводах...

Крыленко. В каком году происходила ваша профессорская работа?

Рамзин. Уже при советской власти. В 1920 г. я был избран профессором. Был сначала преподавателем технического училища, а в 1920 г. был избран профессором по кафедре теплотехники и в 1929 г. был переизбран профессором Московского технического училища. В частных фирмах и предприятиях я не служил. После Октябрьской революции в 1917 г. я продолжал оставаться преподавателем технического училища и, кроме того, работал в тепловом комитете при Политехническом обществе сначала в качестве секретаря теплового комитета, а потом — заместителя председателя его. Тепловой комитет при Политехническом обществе был организован проф. Киршем.

Затем в 1920 г. я принял участие в работах Государственной комиссии по электрификации России, привлеченный туда Глебом Максимилиановичем Кржижановским, а с 1921 г. начал принимать деятельное участие в работе Государственной плановой комиссии — Госплана.

Крыленко. В каком году в Госплане?

Рамзин. С 1921 г., с момента его организации. В Госплане я занимал должность председателя топливной секции. В 1921 г. начал организовываться по декрету Совета народных комиссаров Теплотехнический институт, и я был назначен директором Теплотехнического института. Занявшись этой работой по организации Теплотехнического института, которая у меня все больше и больше отнимала времени, я принужден был, если не ошибаюсь — в 1924 г., закончить свою работу в Госплане, совершенно отойти от нее и перейти на работу уже в Теплотехнический институт, не оставляя в то же время и моей профессорской работы в Высшем московском техническом училище. Таким образом, с начала 1925 г. я от всякой оперативной работы освободился, потому что я занимался исключительно научно-исследовательской работой в Теплотехническом институте, занимался преподавательско-профессорской деятельностью в МВТУ и временами, периодически принимал участие в отдельных работах, которые происходили в Госплане по установке технических условий на топливе, по разработке отдельных вопросов, но фактически в Госплане с 1925 г. я перестал работать. С этого момента и до момента ареста я имел эти две основных должности, не считая выборных общественных должностей: профессора МВТУ и директора Теплотехнического института. Кроме того, я занимал целый ряд выборных общественных должностей: был председателем бюро всесоюзных теплотехнических с'ездов с начала организации до самого конца — бессменным председателем бюро. За последнее время, после реорганизации его в энергокомитет, я был заместителем председателя Всесоюзного энергокомитета; я был членом президиума ВСНХ и целого ряда научно-технических организаций, которые, я думаю, перечислять едва ли стоит.

Вот те краткие биографические данные, которые я могу сообщить.

Крыленко. Получается, по вашим словам, так: вы окончили в 1914 г. высшее учебное заведение, затем, уже при советской власти, после Октябрьской революции, в 1920 г. приступили к профессорской работе.

Рамзин. Да.

Крыленко. Вы сказали, что ваш отец был сельским учителем и мать тоже?

Рамзин. Тоже.

Крыленко. Вам приходилось в годы студенчества самому зарабатывать или вы имели возможность получать источники существования со стороны?

Рамзин. Я примерно с 14 лет содержу себя сам. Сначала уроками, потом переводами, потом различными техническими работами, так что в годы студенчества я содержал себя сам.

Крыленко. На советской службе вы в Госплане с 1921 г. по 1924?

Рамзин. До конца, вероятно, 1924 г., потому что мой уход от госплановской работы произошел постепенно. Втягиваясь в работу Теплотехнического института, я все меньше и меньше отдавался работе Госплана, и когда формально это было оформлено в Госплане, я сейчас не могу припомнить, но практически с конца 1924 г. я перестал работать и меня заменил в качестве председателя топливной секции Ларичев.

Крыленко. Значит, вы работали только в качестве председателя топливной секции?

Рамзин. Да.

Крыленко. Научные работы у вас есть?

Рамзин. Да, у меня много научных работ, больше 150 научных работ, из них больше 30 напечатаны за границей.

Крыленко. Выясните момент вашей встречи с вредительской организацией и момент вступления в нее.

На «советской платформе»

Рамзин. Примерно до конца 1926 г. я стоял целиком на советской платформе и держался особняком от тех руководящих инженерных кругов, которые, как я уже рассказывал, занимали в это время доминирующее положение.

Вот эта отдаленность от руководящих инженерных кругов во все время моей начальной работы по организации Теплотехнического института была поводом к весьма враждебным взаимоотношениям между мною и руководящей головкой инженерства. Я подвергался здесь довольно усиленной травле, и отношения между руководящей головкой и мною были чрезвычайно далеки и враждебны.

Это расхождение с основной массой инженерных кадров чрезвычайно сильно мешало мне в моей работе. Особенно вначале, при организации Теплотехнического института, на каждом шагу мне мешали работать, на каждом шагу ставили препятствия, дискредитировали каждый шаг и мой и молодого, начинающего только работать института, что чрезвычайно усложнило всю мою работу. Это моральное и идеологическое давление инженерной среды заставило меня постепенно искать примирения и контакта с этой руководящей инженерной группой. В конце примерно 1926 г. и пожалуй в течение второй половины 1926 г. эта враждебность стала сглаживаться, и, скажем, отношения ко мне таких руководителей инженерного мнения, как Пальчинского, Рабиновича, Хренникова, Федоровича, к этому времени установились уже достаточно мирные.

Контакт с контрреволюционным инженерством налаживается

В начале 1927 г. после установления достаточно мирных и товарищеских отношений с инженерной группой, — причем здесь взаимно навстречу шли обе стороны — и я к ним и они ко мне...

В начале 1927 г., как я помню, в помещении Госплана состоялся первый частный разговор относительно обособления инженерной организации и первое представление о тех задачах, которые она себе ставит и преследует.

Крыленко. С кем был разговор?

Рамзин. Разговор происходил вчетвером, в составе Пальчинского, Рабиновича, Ларичева и меня. В этом разговоре Пальчинский и Рабинович весьма усиленно убеждали меня в том, что экономический крах советской политики совершенно неизбежен, ссылаясь на имена целого ряда руководящих инженеров, которые мне тоже были известны, и видных экономистов, которые считали, что крах экономический, а затем и политический крах советской власти неизбежен.

Крыленко. А вы как думали?

Рамзин. К этому времени, войдя в контакт с антисоветскими инженерными кругами, у меня тоже начали уже зарождаться довольно большие сомнения о правильности той политики, которая велась после конца нэпа, после перехода к реконструктивному периоду, так что в этом отношении у меня внутренняя почва для таких разговоров была подготовлена. Эта почва затем в значительной степени была укреплена теми разговорами, о которых я сообщал, с отдельными видными экономистами и руководящими инженерами, при чем в этих кругах определенно крепло убеждение, что крах неизбежен из-за экономических оснований и что он может носить чисто стихийный характер. Среди разговоров, которые дальше неоднократно велись на подобную тему, мне сообщали, что из эмигрантских и заграничных кругов имеются сведения, что падение советской власти будет ускорено вмешательством извне.

Крыленко. Это уже относится к другому моменту, пока на этом и остановимся. Получается такое впечатление, что сначала был лишь идейный контакт с руководящим составом инженеров, затем вы пошли к ним и они к вам, и случайно встретились в Госплане на предмет свержения советской власти, а то, что вы получили от советской власти, все ваши идеологические моменты сразу полетели вверх тормашками.

Рамзин. Контакт между инженерными и антисоветскими кругами занимал довольно длительный период — вторую половину 1926 г. и начало 1927 г. Я здесь рассказал о тех совещаниях, на которых мне определенно сообщали о существовании специальной нелегальной инженерной организации.

«Контакт» привел Рамзина в «Инженерный центр»

Антонов-Саратовский. Этот период длился полгода?

Рамзин. Я вступил в «Инженерный центр» в 1927 г., т. е. через год. Почва у меня значительно подготовлялась теми

изменениями и переломами политики советской власти, которые имели место в начале 1927 г. в реконструктивный период, т.-е. к концу нэпа.

Крыленко. В период 1918—19 и 1920 гг., когда вы стояли на советской платформе, вы вопросами политики занимались?

Рамзин. В период 1917—1920 гг. я не стоял на советской платформе. В самом начале Октябрьской революции я не стоял на советской платформе, как и большинство тогдашних инженеров и большинство интеллигенции. Я в то время находился в группе Кирша с меньшевистскими настроениями, и поэтому Октябрьскую революцию я встретил, как большинство технической интеллигенции.

Крыленко. Может быть, можно так поставить вопрос, что вы уже с самого начала революции приняли ее так, как принимало большинство интеллигенции, т.-е. отрицательно, и с отрицательной установкой по отношению к советскому правительству пошли на работу в советские органы?

Группа проф. Кирша

Рамзин. Здесь я упустил этот первый период, думая, что он вас не интересует. Перед моим вступлением в «Инженерный центр» были два периода. Первый период непосредственно после Октябрьской революции. Это был период моего отрицательного отношения к Октябрьской революции. У меня было то же самое настроение, как и у большинства технической интеллигенции и интеллигенции вообще, при чем в этот период я был достаточно последователен и до 1920 г. я не шел работать ни в какие советские органы. В это время группа Кирша стояла на той позиции, чтобы не итти в советские органы, и поэтому мы шли на работу в общественные организации.

Крыленко. Группа Кирша—группа технической молодежи?

Рамзин. Это — группа специалистов-тепловиков, которые раньше работали с Киршем по вопросам теплоснабжения, в бытность его уполномоченным по теплоснабжению. После Октябрьской революции Кирш пытался продолжать работу по теплоснабжению, но в первый же месяц выяснилась невозможность работы, и тогда сотрудники и друзья Кирша, собравшись, решили не принимать участия в работе советских органов и советских учреждений и пошли в общественные инженерные организации, потому что технические общества и есть общественные инженерные организации.

Крыленко. И вы в этой группе были?

Рамзин. Да, мы были в Политехническом обществе.

Крыленко. Можно еще установить: с момента Октябрьской революции вы состояли в группе молодежи или лиц, группировавшихся вокруг Кирша и считавших своей тактической линией отказ или прямой саботаж советской государственной службы?

От саботажа — к работе с советской властью

Рамзин. Совершенно верно. В этом отношении мы держались последовательной тактики и, несмотря на чрезвычайно тяжелые условия жизни в технических учреждениях, которые не были связаны с государственными учреждениями в смысле пайка, все-таки мы продолжали держаться этой тактики невхождения в советские учреждения. После смерти Кирша в 1919 г. основным толчком, который заставил меня пойти на работу в советское учреждение, этот толчок был дан комиссией по теплофикации России. В этом отношении огромную роль играл Г. М. Кржижановский, с которым я был знаком давно. Эта развернутая идея теплофикации России увлекла широкие круги инженерства своей красотой, широким размахом идеи. И я, как и все инженеры и техники, был увлечен этой идеей и пошел работать в эту комиссию по теплофикации.

Крыленко. Без вредительской задней мысли?

Рамзин. Да, без всякой вредительской задней мысли.

1920 год явился переходным годом от периода общественной работы вне советских учреждений к периоду работы в советских учреждениях, т.-е. работы в комиссии по теплофикации России; еще раньше работал в тепловом комитете, и в тот момент, вернее, весь тепловой комитет работал в этой плоскости ГОЭЛРО, комиссии по теплофикации России. И 1920 г. был подготовительным годом для вступления на государственную службу. С 1921 г. начинается перелом в советской политике в связи с переходом к нэпу, т.-е. создалась такая атмосфера, которая мне и другим дала возможность пойти на службу в советские учреждения. При вступлении в Госплан наша группа даже специально договаривалась относительно принципиальной позиции, которую она может занять в этой работе. Мы указали, что принцип военного коммунизма для нас неприемлем. И если он будет проводиться в жизнь, то мы не сможем работать в Госплане.

Крыленко. Какой принцип?

Рамзин. Когда мне и той группе, которая со мной работала, предложили работать в 1921 г., то наша группа заявила, что мы можем пойти на работу лишь в том случае, если не будет продолжаться политика военного коммунизма, которую наша группа считала абсолютно неприемлемой.

Председатель. Кому вы это заявляли?

Рамзин. Главным образом Кржижановскому. Это было продолжение той связи, которая у нас установилась по ГОЭЛРО. Здесь произошел незаметный переход от работы в ГОЭЛРО к работе Госплана. Работа эта совпала с переходом к нэпу, с переходом на изменившиеся позиции. Кржижановский нас предупредил о том, что мы можем быть совершенно свободны в своих соображениях. Он нам сказал, что мы не гарантируем того, что все будет принято, что вы предложите, но мы гарантируем то, что мы вас выслушаем. На таких условиях я и другие мои товарищи по группе пошли на работу в Госплан.

Крыленко. Здесь можно подчеркнуть два момента: сначала вы были в группе, принципиально стоявшей на саботажнических позициях по отношению к советской власти, и второй момент, когда вы сговорились на определенных условиях работать. Одним словом, вы свою политическую оппозиционность и свою политическую оформленность сохранили.

Председатель. Еще один вопрос до того, как вы перейдете к госплановскому периоду. Вы говорили здесь о том периоде, когда вы примыкали к группе, выразившей отрицательное отношение к Октябрьской революции. Какие корни питали это отрицательное отношение к Октябрьской революции, в чем они заключались?

Рамзин. Корни заключались в том, что вся группа проф. Кирша стояла примерно на меньшевистских позициях.

Председатель. А вы лично не были ли членом партии?

Рамзин. Я членом партии не был, но идеологически я примыкал к тем позициям, на которых стоял Кирш — к меньшевистско-эсеровским политическим установкам.

«Член РСДРП — в прошлом»

Председатель. Почему вы в анкете на вопрос о вашей партийности в прошлом указали, что вы были в прошлом членом РСДРП?

Рамзин. Это имело место, когда я был студентом. В 1907—1908 г. я вступил в студенческую фракцию РСДРП и затем в течение примерно года или может полутора — я точно не могу вспомнить — я был помощником секретаря Московского комитета большевистской партии. Я работал одно время с П. А. Богдановым, теперешним председателем Амторга. Он был секретарем, а я был помощником и исполнял главным образом технические поручения. После провала комитета в 1908 г. и после моего возвращения после каникул в Москву связь эта была нарушена. С этого момента я стал усиленно заниматься научно-технической работой и отошел от партийной работы, от политической работы. Так что между 1908 и 1917 гг., почти в течение 10 лет, я не имел близкой связи с политическими партиями, с политическими кругами.

Председатель. Но ваша внутренняя работа шла. Ваше политическое и идеологическое оформление продолжало, очевидно, развиваться. В каком направлении?

Рамзин. Оно развивалось в умеренном направлении.

Председатель. А затем оно перешло к направлению меньшевистско-эсеровского типа. Будучи социал-демократом-большевиком, вы, порвав с большевистскими организациями, продолжали свое политическое развитие в направлении все большего и большего отхода от большевизма и пришли к меньшевизму. На почве меньшевизма вы усвоили уже отрицательное отношение к Октябрьской революции?

Рамзин. В тот период, в который я стал усиленно заниматься научной работой, я вообще отошел от политических интересов, т. е. это был период индифферентного отношения. Попав в группу Кирша с ярко выраженной меньшевистской установкой...

Председатель. Кирш был меньшевиком?

Рамзин. Меньшевиком, довольно убежденным меньшевиком. Поэтому я, как молодой инженер, ученик его, естественно подчинился морально этим установкам и встретил Октябрьскую революцию на меньшевистско-эсеровской платформе.

О чем Рамзин «забывал» упомянуть

Крыленко. Активного участия в политической работе до 1920 г. не принимали, в прямой борьбе против советской власти участвовали или не участвовали?

Рамзин. Нет, в 1917 г. прямой борьбы против совласти я не вел, но в момент обстрела городской думы я там находился. Я считал своим долгом сидеть там, где сидела городская управа, потому что я лично, не будучи членом управы, но ведя топливное хозяйство Москвы, обладал правами члена управы. Я считал своим моральным долгом там быть, но активного участия не принимал. Я высидел весь обстрел городской думы Кремля, Александровского училища — до самого последнего момента.

Крыленко. Значит были в рядах прямых врагов?

Рамзин. Территориально — да.

Крыленко. Территориально, а идеологически — нет?

Рамзин. Активного участия я не принимал.

Крыленко. Не дрались с винтовкой?

Рамзин. Вообще активной помощи не оказывал.

Крыленко. Только сидели?

Рамзин. Я находился в здании думы, считая позорным и невозможным уйти в этот момент.

Председатель. Сидя в думе, вы там что-нибудь делали?

Рамзин. Сидевшие там вообще мало делали, кроме военных руководителей.

Председатель. Вы с ними находились в связи?

Рамзин. Нет, с военными руководителями не находился в связи. Но с членами городской управы находился и информации получал.

Крыленко. А поручений не принимали?

Рамзин. Я никуда не выходил, так что не мог принимать.

На советской работе

Крыленко. Пойдем дальше, значит вы начали работать в 1921 г. в Госплане?

Рамзин. Да.

Крыленко. Ваше отношение к инженерству — они видели в вас своего человека?

Рамзин. Наоборот, с 1921 г., именно с момента поступления на активную советскую работу и с момента организации Теплотехнического института, у меня чрезвычайно обострились отношения с инженерством. Пока я находился в Политехническом обществе, на саботажной работе, — отношения были мирные. Но они обострились после перехода моего в Госплан, что совпало с началом организации также Теплотехнического института. Это был период порчи отношений с инженерством. С 1921 г. до половины 1926 г. мои отношения с инженерством были самые острые.

Крыленко. Может быть, на почве вашего участия в советской работе?

Рамзин. Это было следствием того, что я стал, как меня называли, инженером-«большевиком», «коммунистом», что я стал советским работником, что я строю советский Теплотехнический институт, что я позорю имя Кирша, имя, которое я осмелился повесить на советском учреждении.

Крыленко. На почве того, что вы чуть ли не стали большевиком на политической почве?

Рамзин. На почве того, что я начал активно и добросовестно работать в советском учреждении и по своим взглядам и убеждениям работал честно, целиком стоял на советской платформе. Никаких антисоветских настроений в этот момент у меня не было.

Крыленко. Чем же тогда об'яснить, что затем, после того как вы заняли советскую платформу, в результате переговоров, через определенный промежуток времени, вы снова перешли на антисоветскую платформу?

Рамзин. Я вам указывал уже, что одним из толчков к этому было идеологическое и моральное давление всей инженерной массы, которое я на себе все время испытывал и которое выражалось не только в мирном давлении, но и в достаточно враждебной травле. Это один повод. Второй повод — это было то, что к началу 1927 г. после перехода к социалистическому наступлению, после резкого нового изменения политики советской власти у меня то же самое начало слагаться твердое убеждение в гибельности этой политики, ее неправильности и необходимости борьбы с этой политикой, при чем это убеждение складывалось и внутри и под влиянием тех действий извне, о которых я вам сейчас говорил. Так что главным толчком, помимо идеологического и морального давления инженерной среды, было мое внутреннее убеждение, которое постепенно сложилось благодаря изменению политики советской власти, в том, что эта политика неправильна, что эта политика ведет страну к экономическим кризисам, крахам и т. д. При чем это убеждение в значительной степени поддерживалось также и той фракционной борьбой, которая в это время уже началась. Так что главным поводом для вступления или, вернее, главной почвой для моего вступления в такую подпольную инженерную организацию были сложившиеся уже к тому времени, к весне 1927 г., убеждения в неправильности той экономической политики, которая велась советской властью.

Нужно расшифровать

Антонов-Саратовский. Мне несовсем ясен ход вашей мысли: значит, в 1917 г. вы были меньшевиком?

Рамзин. То-есть я не был формально меньшевиком.

Антонов-Саратовский. Но разделяли точку зрения меньшевиков?

Рамзин. Да.

Антонов-Саратовский. Затем в 1920—1921 г., когда советская власть перешла к нэпу, вы считали приемлемым для себя вступить в работу?

Рамзин. Да.

Антонов-Саратовский. Когда советская власть перешла ко второй стадии нэпа, вы уже считали возможным работать? Как вы нэп понимали — как сдачу советской властью своих позиций, как переход на капиталистические рельсы, или по-иному как-нибудь?

Рамзин. Нэп мною и подавляющей частью прежнего инженерства был понят как начало перерождения советской власти, как постепенный переход на позиции государственного капитализма. Вот каким образом понимало большинство этот нэп. Так же понимал и я.

Антонов-Саратовский. Значит никаких изменений с 1917 г. в вашей политической установке, собственно говоря, не было. В 1917 г. вы были против советской власти, против военного коммунизма, а когда вам показалось, что советская власть принимает политику, которая

приведет ее к перерождению, приведет ее к капиталистическим рельсам, вы считали возможным помогать этому перерождению советской власти?

Рамзин. Да, это правильно, пожалуй, отчасти, потому что известный сдвиг в психологии имелся.

Антонов-Саратовский. Какой же сдвиг имелся в вашей психологии, и вообще каково было ваше миросозерцание?

Рамзин. В 1917 г. для меня весь советский строй, основные установки его казались совершенно неприемлемыми. К этому же времени уже значительная часть установок коммунистической партии и советского строя для меня являлась приемлемой.

Антонов-Саратовский. При понимании нэпа таким образом, как вы говорили?

Рамзин. Да, но нэп далеко не все в этом случае.

Антонов-Саратовский. Ну, а как вы мыслите?

Рамзин. В 1917 г. я и вся инженерная группа, все мы стояли за об'явление прямого, тайного, равного и т. д. голосования, свободы слова, печати, собраний, союзов.

Антонов-Саратовский. А определение революции? Какая революция в данном случае принималась — буржуазная революция или же социалистическая революция? Этот кардинальный вопрос вы как-нибудь себе задавали, кроме свободы слова, печати и т. д.?

Рамзин. В 1917 г. в инженерных кругах и технических группах...

Антонов-Саратовский. Меня интересует ваш взгляд.

Рамзин. ...была уверенность, что это — кратковременный переворот, который так или иначе должен скоро закончиться переходом на другие позиции.

Антонов-Саратовский. Какие другие?

Рамзин. Для меня лично были совершенно приемлемы позиции государственного капитализма.

Фридберг. Как это произошло, скажите: вы здесь передавали, что разговор между Пальчинским, Рабиновичем был с вами и Ларичевым?

Рамзин. Да.

Фридберг. Ведь в то время вы, по вашим словам, были известны как сторонник советской власти. Я задаю этот вопрос к тому разговору, который имел место в четверке — между Пальчинским и Рабиновичем, с одной стороны, и Ларичевым и вами — с другой стороны. Вы тогда считались сторонником советской власти и инженерство было вами недовольно.

Рамзин. Нет, вы меня не поняли.

Фридберг. Вы сказали, что инженерство было вами недовольно и считало вас чуть ли не большевиком?

Рамзин. Нет, вы меня не поняли. Начиная с 1921 г., после перехода на работу в Госплан, в советское учреждение, и до середины 1926 г. я целиком находился на платформе советской власти. Во второй половине 1926 г. уже начался известный сдвиг, именно начался период сближения с антисоветскими группами.

Фридберг. Откуда Пальчинскому и Рабиновичу стало известно о вашем сдвиге? Как это получилось, что вот эта беседа четырех оказалась беседой четырех вредителей? Ведь теперь ясно, что это беседа четырех крупнейших вредителей — и Пальчинского, и Рабиновича, и Ларичева, и Рамзина.

Рамзин. Я с Пальчинским вел не одну беседу, а целый ряд бесед. Точно так же, как и с Рабиновичем, я встречался чрезвычайно часто в это время. Указываю на этот разговор, как на конечный этап всех предыдущих отношений, всего пути, который я прошел.

Фридберг. Так что ваш отход был настолько виден, что уже контрреволюционеры желают с вами соединиться?

Рамзин. В течение 1924 г. у меня многократно были разговоры со многими инженерами, вначале с Пальчинским, Рабиновичем. Мы говорили относительно той неправильной политики, которая проводится. Я выражал недовольство этой политикой, соответствующий прогноз для будущего.

Фридберг. Значит, не они были инициаторами, а вы сами подходили к ним?

Рамзин. Нет, вернее будет формулировать так, как я и формулировал вначале, — взаимное движение друг к другу. Я пошел к ним, они пошли навстречу ко мне.

Крыленко. Движение обоюдное, и все старые споры и разногласия были забыты?

Рамзин. Да.

Фридберг. И на какой почве вы сошлись окончательно?

Рамзин. В основной оценке политики советской власти в начале 1927 г., т. е. оценке этой политики, как гибельной для страны и неизбежно ведущей к катастрофе или кризису народного хозяйства. И второй практический вывод, который делался, что необходимо с этой политикой так или иначе бороться. Затем третье соображение, о котором я говорил раньше, — это обычная пропаганда, которую вел Пальчинский, что в современном государстве руководящая роль в управлении страны должна принадлежать инженерству, что инженерство должно, как таковое, бороться за ту роль, которая ему по праву принадлежит в современном государстве. Вот те основные позиции, на которых мы сошлись и на которых мы сговорились.

Председатель. Как же это увязать с вопросом об электрификации, о больших планах и с вашим энтузиазмом, как инженера, который якобы овладел вами,

когда Г. М. Кржижановский начал привлекать вас к этой грандиозной работе по социалистическому строительству? Как примирить это? Вы все больше принимаете позиции Кирша, принимаете позиции меньшевиков и эсеров, противников советской власти, и в то же самое время вы говорили несколько минут назад о том, что, когда Кржижановский начал привлекать вас к большой работе по переустройству народного хозяйства, по электрификации, вами овладел энтузиазм как строителем, как техником? Как примирить эти обстоятельства?

Рамзин. Примирить их чрезвычайно легко. Те взгляды, которые у меня сложились к концу 1927 г., когда мы считали, что развитие народного хозяйства, в том числе электрификации, — это правильный путь.

С этого и началось, что мы считали, что перемена политики советской власти, переход к социалистическому наступлению мешает планомерному, быстрому и рациональному развертыванию производственных сил в стране.

Крыленко. Это было в начале 1927 г.?

Рамзин. Да.

Монархист-анархист

Крыленко. Вот вы в своих показаниях говорите, что Пальчинский был монархистом. Так?

Рамзин. По-моему, был монархистом.

Крыленко. Но вы не знаете, что когда-то он называл себя анархистом?

Рамзин. И анархистом он когда-то называл себя.

Крыленко. А он не рассказывал, что как анархист он играл известную роль в Октябрьском перевороте в смысле прямой вооруженной борьбы с большевизмом?

Рамзин. Нет, не рассказывал.

Крыленко. А о монархических взглядах он говорил?

Рамзин. Этот вопрос мог выясниться при обсуждении программы «Промпартии».

Антонов-Саратовский. А когда вы совещались?

Рамзин. Специального разговора об этом не было. Та платформа, которая об'единяла инженеров, была платформой, сводящейся к тому, что политика советской власти неправильная, гибельная. Это — во-первых. Во-вторых, что с этой политикой необходимо бороться. В-третьих, что необходимо инженерам завоевывать себе положение.

Крыленко. Это теория Пальчинского, что инженерству должна принадлежать вся индустрия, все фабрики, машины и т. д.?

Рамзин. Пальчинский развивал эту идею, но и помимо его развивали эту идею и другие.

Кое-что о теории государственной власти

Крыленко. Вы упомянули о платформе и о других теоретиках. Кого из теоретиков вы имели в виду, кроме Платона?

Рамзин. Большим успехом пользовалась, кажется, книжка Баллод.

Крыленко. А суть этой теории?

Рамзин. Суть сводилась к рациональному использованию всех сил народного хозяйства путем рационального подхода к построению жизни, что возможно осуществлять только при наличии соответствующих инженерно-технических знаний и подготовки. Основной вывод, который можно было сделать из этой книжки, сводился к тому, что управлять могут только техники и инженеры.

Крыленко. Политической жизнью страны должны управлять?

Рамзин. Экономической.

Крыленко. А политической?

Рамзин. Поскольку политика тесно связана с экономикой, — и политической.

Крыленко. А вы не знаете такого построения, что технике должно принадлежать руководство и что с этой точки зрения парламентаризм должен быть изжит?

Рамзин. Сейчас не вспоминаю.

Крыленко. Эта обработка вас Пальчинским долго продолжалась?

Рамзин. Около года, с половины 1926 г. до весны 1927 г. Я считаю моментом моего вступления в организацию мое участие в первом разговоре.

Крыленко. Вы всерьез принимали возможность в условиях капиталистического строя и классовой борьбы такого метода управления СССР? Вы, как бывший большевик, бывший меньшевик, человек, который азбуку марксистской трактовки государственной и общественной жизни понимает, вы всерьез понимали возможность такого построения государственного управления и государственной жизни, где политическое и экономическое управление будет принадлежать инженерству по этим техническим признакам?

Рамзин. Я не мог целиком и полностью считать, что вожделения инженерства будут выполнены на все 100%. Но совершенно бесспорно было для большинства инженеров, и в том числе меня, что в случае такого переворота, перехода на рельсы буржуазно-демократической республики инженерство должно быть привлечено к руководящей головке для управления экономической и политической жизнью страны, так как среди них был целый ряд крупных инженеров, которые и раньше принимали соответствующее участие в управлении технической и экономической жизнью страны.

Крыленко. Вопросы экономического управления — это одно, а вопросы управления политической жизнью и политикой страны — другое. Вы всерьез могли

допустить в условиях капиталистического порядка, классовой борьбы такой метод государственного управления, при котором политическое руководство принадлежало лицам, подобранным по техническому признаку, — инженерам?

Рамзин. Конечно, нет.

Крыленко. Согласитесь, может быть, со мной, что только те инженеры, которые ни аза в области политики не смыслят и не понимают, только те могут пойти на такое обещание?

Рамзин. Несомненно, это был прием чисто агитационного характера, пропагандирования идеи, это был агитационный прием для широких масс инженерства. Я не мог принимать это за чистую монету.

Крыленко. На вас этот аргумент не действовал?

Рамзин. Для меня это не могло служить приманкой, так как в составе первого правительства я портфеля и места не получил.

Крыленко. Не получили сегодня, могли предполагать, что получите завтра, не в этом дело. Можно констатировать, что этот момент в отношении вас отпадает. Какие же другие моменты конкретно выдвинули вас в политическую руководящую группу? Не забудьте, что в 1927 г. вы получили ответственное поручение в вашу поездку за границу.

Рамзин. Это было в конце 1927 г.

Крыленко. Да, в конце 1927 г. Что вас так выделило, что вас один год обрабатывали, а потом сразу пустили в качестве махового колеса?

Фигура достаточно известная

Рамзин. Вас интересует вопрос, что вывело меня на передовую позицию «Инженерного центра» — «Промпартии»?

Крыленко. Да.

Рамзин. Я среди деятелей «Инженерного центра» был фигурой достаточно известной.

Крыленко. Чем известной?

Рамзин. Известной тем, что был человеком достаточно энергичным, человеком дела, а не фразы. И кроме того, в это время за мной стояли достаточно многочисленные группы инженерства.

Крыленко. Какие группы стояли и почему они стояли?

Рамзин. За мной стояла довольно многочисленная теплотехническая группа, которая собиралась вокруг Теплотехнического института, мною созданная и организованная.

Крыленко. Которую вы сумели вокруг себя сколотить?

Рамзин. Да.

Крыленко. На какой почве?

Рамзин. Эта группа была сколочена на почве чисто технического влияния.

Крыленко. Покуда...

Рамзин. Да, покуда, а в дальнейшем это техническое влияние, поскольку большинство из них были мои ученики, можно было использовать для обработки.

Крыленко. В дальнейшем или в этот момент?

Рамзин. Нет, в тот момент я еще не вошел сам в организацию.

Крыленко. С 1926 г. продолжалась ваша обработка. Вы уже восприняли эти идеи и, может быть, конкретно их распространяли, так что в этом отношении вы представляли собой больше чем какую-то единицу?

Рамзин. Я с группой вел разговоры по поводу тех убеждений и тех взглядов, которые у меня были. Но вовлечения, вербовки в «Инженерный центр» я тогда не вел.

Крыленко. Каким образом вы об'ясняете то положение, которое вы занимали, — личными своими качествами, как инженера, тем, что вы были «человеком дела, а не фразы», — благодаря этим качествам довольно плотная группа шла за вами. Вы можете сказать о ее численности?

Рамзин. Численность группы, которая сгруппировалась около Теплотехнического института, примерно 50—100 человек.

Крыленко. А вы лекции читали с какого года?

Рамзин. В Техническом училище я начал читать с 1915 г., — с этого года и начал вести работу.

Крыленко. У вас было сознание того, что на эти слои можете опереться?

Рамзин. У меня не было сознания, что я могу опереться на студенческую среду.

Крыленко. Какие разговоры конкретно вы вели с этой группой? Когда вы перешли от общих разговоров на политические темы к совершенно точным и четким вопросам организационного характера?

Рамзин. В течение конца 1926 г. и начала 1927 г. шла идеологическая обработка, подготовка и установление общности взглядов по ряду вопросов. Затем на первом совещании, как я его называю, в котором участвовали Пальчинский, Рабинович, Ларичев, когда конкретно подошли к организационным вопросам, — поэтому я о нем и упоминаю, — мне указали, что поскольку кризис, крах и падение советской власти неизбежны, постольку инженерство должно подготовляться к этому, должно подготовляться к принятию власти и, кроме того, получить соответствующее влияние на ход политики до этого переворота. Шли разговоры о создании своего инженерского госплана, который должен корректировать, в соответствии со взглядами и убеждениями инженерства, ту экономическую политику, которую проводит советская власть. Гово-

рили о том, что, помимо официального Госплана, нужно иметь свой инженерский госплан, через который и следует влиять на экономическую политику, проводимую советской властью, путем, во-первых, вербовки ряда членов из официального Госплана и проведения через них своей политики. Вот организационные разговоры, которые имели здесь место. Это были первые разговоры.

Второй разговор уже шел несколько дальше, а именно говорили, что поскольку падение советской власти неизбежно, тем более, что, по полученным сведениям, если падение советской власти не произойдет внутренним путем, то оно должно произойти внешним путем, путем интервенции, — делали выводы о необходимости подготовки к этому моменту. При первом разговоре говорилось относительно того, что подготовка к интервенции за границей идет. Говорили, что интервенция — дело недалекого будущего. Словом, все разговоры привели меня к убеждению, что действительно переворот близок, что он может произойти или стихийным путем, внутренними силами, — такое убеждение господствовало во всех кругах, с которыми я вступил в контакт, — или если этого не будет, то переворот должен произойти под влиянием внешних сил, под влиянием интервенции. Из этого делался вывод о необходимости подготовиться к этому моменту, подготовиться к принятию, хотя бы временно, власти в свои руки, для того, чтобы была какая-то группа, которая была бы готова к приходу интервентов.

Крыленко. Когда вы выехали за границу в 1927 г.?

Рамзин. В конце июня.

Крыленко. Тогда вы получили поручение?

Рамзин. Да.

Крыленко. От кого?

Рамзин. От Пальчинского. Пальчинский мне сказал, что я там должен встретиться с Рябушинским и договориться таким образом относительно основных политических установок и затем получить оттуда информацию, которую мне могли дать по вопросу интервенции. Это поручение было принято...

Крыленко. Это мы знаем.

Тов. председатель, разрешите спросить: вы сказали, что будет индивидуальный опрос подсудимых. Значит ли это, что можно опрашивать по всем вопросам или ограничиваться отдельными моментами?

Председатель. Можно перейти к другим вопросам, связанным с деятельностью данного подсудимого.

Крыленко. По первому эпизоду или по всем?

Председатель. По всем, но мы считаем, было бы лучше, если бы вы закончили с первым вопросом, с тем, чтобы предоставить защите возможность также опросить подсудимого, а затем уже перейти к следующим эпизодам.

Крыленко. Мы полагаем более целесообразным после гражданина Рамзина опросить других или вести допрос по эпизодам, потому что иначе это вызовет невольное повторение.

Председатель. Каким образом защита примет участие в допросе?

Крыленко. Защита может, если ей угодно, сейчас задавать вопросы.

Председатель. Давайте тогда установим такой порядок: мы идем по эпизодам. Данный эпизод мы заканчиваем в отношении всех подсудимых последовательно, затем опрашивает защита и делаем перекрестный допрос. Защита не возражает? (Оцеп и Брауде. «Нет»). (К Крыленко). У вас еще имеются вопросы по первому эпизоду?

Крыленко. Нет.

Председатель. Вопросы имеются у члена Специального присутствия тов. Антонова-Саратовского.

«В материальном отношении я был обставлен прекрасно»

Антонов-Саратовский. Каковы были ваши материальные условия до революции, когда вы были педагогом?

Рамзин. После окончания МВТУ я был оставлен аспирантом и получал рублей 125—150 в месяц, как все аспиранты, так что я имел возможность заниматься подготовкой к научной деятельности, не имея нужды в особом заработке. Кроме того, у меня бывал и случайный заработок, что в общей сложности давало рублей 200.

Антонов-Саратовский. А каково было ваше материальное положение перед арестом, сколько вы получали жалованья?

Рамзин. Я получал очень большое жалованье. В материальном отношении я был обставлен прекрасно: я имел прекрасную квартиру, отдельный автомобиль, затем имел в своем распоряжении прекрасно оборудованный Теплотехнический институт — для каждого научного работника важнее лаборатория, чем квартира. Общий мой заработок доходил до 1.500 р. в месяц.

Антонов-Саратовский. С литературными трудами?

Рамзин. Да, так что я смело могу сказать, что редкий ученый за границей был поставлен в такие благоприятные условия, в какие я был поставлен советской властью. Таким образом личных мотивов для борьбы против советской власти у меня не было и быть не могло.

Председатель. Т.-е. мотивов материального порядка. Вы не были заинтересованы, чтобы получать лично суммы денег в процессе борьбы, но идеологиче-

ски ваши настроения шли именно по этой линии?

Рамзин. Да, личных материальных побуждений у меня не было.

Председатель. Значит идеологические побуждения?

Рамзин. Да, побуждения идеологического порядка, о которых я докладывал.

Антонов-Саратовский. Скажите, Рамзин, вы бросили одну фразу, она осталась не выясненной: «Я уступал им (т.-е. инженерам), они уступали мне». В чем вы уступали, и в чем они уступали вам? Конкретно, как у вас происходило сближение? В чем вы уступали, в идейных установках или в чем-либо другом? На этот вопрос дайте конкретный ответ.

Рамзин. Уступки здесь с моей стороны шли, конечно, по линии идейных установок. До половины 1926 года я целиком стоял на платформе советской власти: ни о каких переворотах в это время или свержениях советской власти не мечтал. Считал ту политику, которая проводилась в момент восстановления народнохозяйственной жизни страны, вполне отвечающей моим взглядам. Поэтому никаких данных для борьбы с советской властью в это время у меня не было. Со второй половины 1926 г. я и пошел навстречу в том отношении, что начал соглашаться с тем, что проводимая политика, которая только что начала развиваться, содержала целый ряд моментов, с моей точки зрения неправильных, требующих коррективов, требующих борьбы с ними, т.-е. в этом отношении мы постепенно стали сближаться.

Антонов-Саратовский. А они в чем вам уступали?

Рамзин. Уступки с их стороны заключались в том, что та весьма ожесточенная внешняя травля, которая велась в инженерных группах против меня, постепенно стала затихать и, наконец, закончилась.

Антонов-Саратовский. То-есть можно понимать так, что вначале они не пускали вас в свою среду — эта головка вредительского инженерства, а затем они, убедившись в изменении вашей идеологии, уступили и ввели вас в свою семью. Так я вас понимаю?

Рамзин. Нет, правильней сказать, так, как я формулировал сначала, что обе стороны шли навстречу, потому что я для них тоже был достаточно полезным и желательным членом организации, поэтому уступки, по-моему, шли с обеих сторон: им было желательно втянуть меня в организацию, поэтому целый ряд уступок такого внешнего порядка был сделан с их стороны, и, кроме того, идеологически я тоже начал подходить ближе к тем позициям, на которых они стояли. Так что движение шло с обеих сторон.

Председатель. Защита имеет вопросы?

Оцеп. В области вашей идеологии один вопрос меня интересует. За период вашего вредительства можно считать, что вы категорически и огульно относились отрицательно к методам советского строя или у вас, как у инженера, как у техника, были по этому поводу колебания? И если были колебания, то в связи с какими методами этого строя, с какими задачами этого строя у вас возникли колебания? Мой вопрос вам понятен?

Рамзин. Я постараюсь ответить. Я лично и некоторая часть «Инженерного центра» и «Промышленной партии» вообще стояли в то время нашей деятельности на позиции государственного капитализма. Поэтому в области нефтяной промышленности, угольной промышленности я лично, например, все время считал невозможным ведение рационального хозяйства, рациональной разработки недр при частных формах хозяйства. Так что я, Ларичев и целый ряд других членов «Инженерного центра» считали наиболее желательной и наиболее целесообразной формой форму государственного хозяйства, форму государственного капитализма. Вот те позиции, на которых мы стояли в то время.

Что заставило меня бороться с советской властью? Я уже указывал, что ту политику, которая начала проводиться с 1928 г., мы считали гибельной и считали, что она ведет к катастрофе, к расстройству народного хозяйства. В значительной степени это убеждение подтверждалось той весьма ожесточенной критикой генеральной линии партии, которая имела место и внутри самой партии, т.-е. мы считали, что, когда внутри самой коммунистической партии нет единогласия по этому вопросу, очевидно, эта политика имеет очень много сомнительных сторон и имеет очень много слабых мест.

Начиная борьбу, вообще приходилось ее уже вести; поэтому, раз была начата борьба, хотя по отдельным участкам, по отдельным положениям я не был согласен с этой политикой, но à la guerre comme à la guerre, — необходимо было вести уже борьбу последовательно, везде по всему фронту, на всех участках.

Оцеп. Значит, позвольте сделать вывод: вы от интересов хозяйственника и от интересов как инженера подходили к своим политическим убеждениям, а не обратно. Ваши политические убеждения слепо и априорно заставляли вас признавать всякий шаг и всякий план неправильным.

Рамзин. Если я буду говорить про себя, то я подходил к этому вопросу именно с точки зрения оценки мною политики, начатой с 1927 г., как политики неправильной, именно исходя из тех экономических и технических последствий, которые, по моему мнению, дол-

жна была принести эта политика. Политические выводы были результатами этого взгляда. Основой были те экономические прогнозы, те экономические взгляды и оценки экономической политики по существу, как она велась.

Оцеп. И теперь, после «разоружения», как вы выразились, идеологического и организационного, вы приходите к выводу, что в советском строе заложены такие планы, которые примиряют вас как техника? Или я не понял ваше первое об'яснение?

Рамзин. На этот вопрос я должен буду отвечать достаточно пространно, потому что вопрос этот большой. Я думаю, что в конце я буду иметь возможность изложить свое терепешнее кредо, свои теперешние взгляды.

Председатель. Да, это будет целесообразнее.

Рамзин. Сейчас коротко я могу заявить, что тот тяжелый опыт и отрицательный опыт, который мы прошли, заставил меня в корне изменить свои взгляды, свои убеждения. На развитие этой мысли мне потребовалось бы слишком много времени сейчас. Если вы позволите, то свое теперешнее кредо я изложу потом.

Оцеп. Я удовлетворен общим ответом.

Председатель. Дополнительно есть вопросы? (Нет). Защитник Брауде, есть вопросы? (Нет).

Со стороны подсудимых есть какие-нибудь вопросы к обвиняемому Рамзину? Кто из подсудимых желает задать какие-нибудь вопросы? (Нет желающих).

Подсудимый Рамзин, вопрос защиты был так сформулирован: испытывали ли вы какие-нибудь колебания в этот период в отношении советской власти в связи с теми или другими моментами хозяйственной политики и общей политики советского государства. Как же, все-таки, можно ответ на этот вопрос сформулировать кратко?

Рамзин. Колебания за период работы в «Инженерном центре» и «Промпартии»?

Председатель. Очевидно.

Рамзин. Я уже указывал еще в первом своем показании, что к концу 1929 г.— началу 1930 г. в «Инженерной партии» вообще и у меня в частности возникли весьма большие сомнения относительно возможностей ставки на интервенцию извне, когда начали выяснять те потери, ту цену, которую придется заплатить за эту интервенцию.

Председатель. Я понимаю. Значит, колебания были у вас?

Рамзин. Колебания были весьма сильные к началу 1930 г.

Председатель. Но в конечном итоге они разрешились в каком направлении?

Рамзин. В конечном итоге та борьба, которая была, продолжалась. Я, чувствуя себя руководителем и ответственным за организацию чисто психологически, не мог сразу оборвать и кончить эту борьбу. Так что мне кажется, что тот метод хирургического вмешательства, который был здесь применен, может быть, был единственным методом, который мог быстро ликвидировать эту борьбу и эти настроения в короткий срок. Несомненно, конечно, что через какой-то промежуток времени, через полгода, может быть через год или даже раньше, мы сами пришли бы к выводу относительно неправильности нашей политики, относительно неправильности наших установок, но во всяком случае это потребовало бы известного времени на убеждение не только личное, но и убеждение всей организации в целом, на перелом этой групповой и организационной психологии. Этот момент занял бы, конечно, довольно длительное время. Конечно, сомнения были не только у меня, но и в промышленных кадрах.

Крыленко. Сомнения — сомнениями. Вы были арестованы в августе?

Рамзин. В середине августа.

Крыленко. Какого года?

Рамзин. 1930 г.

Крыленко. До самого последнего дня вы продолжали активную борьбу?

Рамзин. Нет, не до самого последнего дня. Примерно с мая я был все время в отсутствии. Я ездил за границу и по приезде из-за границы поехал в отпуск, а все другие члены ЦК тоже отсутствовали.

Крыленко. Отпуск — отпуском, а установка?

Рамзин. Я не ушел из состава «Промпартии» и не прекращал борьбы, которую вел, но с начала 1930 года у меня начали зарождаться сомнения, как и у других членов организации.

Крыленко. Сомнения — сомнениями, но факт фактом, что работу вы продолжали вести.

Рамзин. Работу по «Промпартии» мы вели.

Крыленко. Более того. Вы сказали, что одно из важнейших поручений, связанных с прямой подготовкой к интервенции, вы дали проф. Осадчему.

Рамзин. Да.

Крыленко. В каком месяце?

Рамзин. В июне 1930 г.

Крыленко. Когда вы вернулись из-за границы?

Рамзин. В начале июля.

Крыленко. Тоже с теми же установками?

Рамзин. Как я говорил в первом показании, до моего ареста я продолжал работу.

Председатель. Ответ на вопрос защиты можно сформулировать так: колебания были, но они нисколько не мешали борьбе на почве вашей принципиальной непримиримой установки по отношению к советской власти.

Рамзин. Эти сомнения, которые были у меня и других членов «Промпартии», несомненно имели известное влияние на взятый темп работы.

Председатель. Вы сомневаетесь, колеблетесь, а в то же время поручаете проф. Осадчему выполнить важную операцию.

Рамзин. Осадчему было поручено повидаться с руководителями «Торгпрома» для того, чтобы выяснить их цели и планы в смысле подготовки интервенции, так что наша подготовка к интервенции не прерывалась.

Председатель. Следовательно, несмотря на сомнения, вы подготовки к интервенции не прерывали?

Рамзин. Нет, но одновременно мы начали подготовлять почву для перехода на новые рельсы, хотя основная работа продолжалась.

Председатель. Об этом потом.

Фридберг. Ослабление работы и колебания не были ли вызваны разгромом вашей организации ОГПУ, а не сомнениями идейного характера?

Рамзин. Совершенно несомненно, что весьма важным фактором в смысле ослабления активности работы был разгром организации ОГПУ, но вместе с этим я считаю своим долгом для выяснения вопроса указать, что в рядах «Промпартии» за последнее время выявилось новое течение, о котором я и говорю, причем эти сомнения, которые вызвало это течение, имелись и у меня.

Председатель. Ответ ясен. По этому первому эпизоду можно считать вопрос исчерпанным. Со стороны подсудимых и сторон больше дополнительных вопросов нет? (Нет). Подсудимый Рамзин вы можете садиться на место.

Переходим к подсудимому Ларичеву.

ПОКАЗАНИЯ ПОДСУДИМОГО ЛАРИЧЕВА

Председатель. Подсудимый Ларичев, мы переходим к вашему допросу. Предупреждаю, избегайте повторения того, о чем уже достаточно подробно говорили. Старайтесь кратко и прямо отвечать на вопрос, при чем можете вовсе не отвечать, если это кажется вам желательным.

Крыленко. Приблизительно та же самая схема вопросов: ваши краткие биографические данные, конкретные ваши политические настроения в момент Октябрьской революции. Последние годы вашей работы и момент вступления в организацию.

У фабриканта Бардыгина

Ларичев. Я родился в 1887 г. Происхожу из семьи ремесленника, дед мой был крестьянином, пришел в город, там открыл скорняжную мастерскую. И отец был скорняком. Я был одним сыном и имел возможность при заработке отца получить среднее образование. В конце своего пребывания в реальном училище, в 6—7 классе, я имел возможность частично зарабатывать уроками. Поступив в Московское техническое училище в 1904 г., я первое время получал от дома поддержку, а потом, по мере того как начал получать работу технического порядка, главным образом чертежную работу, а позднее проектные работы, работы во время летней практики, я имел возможность более или менее обеспечить свое существование без помощи из дома. Московское техническое уличще я окончил в 1912 г. и здесь, при знакомстве с проф. Киршем, при его помощи я получил службу на постройке новой электростанции при фабрике Бардыгина в Егорьевске. Здесь год пробыл в качестве участника постройки этой электростанции, заведующего электростанцией, а потом был оставлен механиком фабрики, где проработал до начала 1915 г. После этого перешел также механиком фабрики в Иваново-Вознесенск, на фабрику Горелина. В конце 1915 г. в Иваново-Вознесенске был Кирш с докладом об общем топливном положении в связи с тем, что к этому времени было организовано особое совещание по топливу, и вопросы топливного хозяйства переходили в руки общественной организации и в руки общественной инициативы, которая начала приблизительно в конце 1915 г. проявляться в разных областях хозяйства. Так как я с Киршем был хорошо знаком еще со студенческих времен, поддерживал с ним сношения в период службы, обращаясь к нему за советами и помощью по своей работе, то за время своей встречи в Иваново-Вознесенске он предложил мне не заниматься сейчас практической работой на фабрике, а перейти на общественную работу, т. е. перейти на работу под его руководством, так как он был московским уполномоченным по топливу.

И вот в конце 1916 г. я перешел в Москвотоп, где был сначала старшим инженером. После Февральской революции, когда произошел ряд перемен и перемещений по службе в особом совещании по топливу, Кирш был назначен московским уполномоченным по топливу, а я был им назначен управляющим техническим отделом Москвотопа и его заместителем. Здесь я работал до 1918 года, при чем о мотивах отказа от службы в Москвотопе я сообщу позже, когда буду давать характеристику своих настроений.

В Харькове у белых

С 1918 г., приблизительно с марта — апреля, я перешел на службу в организованный Киршем топливный комитет, о котором здесь говорил Рамзин. Я проработал там только год (по каким мо-

тивам я ушел оттуда, я сообщу позднее). В начале 1919 г. я уже перешел на службу в Главуголь и начал работать в советских учреждениях. Из Главугля я был командирован в первое Центральное управление каменноугольной промышленности Донбасса в Харьков. В Харькове, в Центральном управлении каменноугольной промышленности Донбасса, и проработал, кажется, до июля, когда был занят Харьков белыми. Я остался в Харькове и перешел на службу в южное отделение Центросоюза. В это время южное отделение Центросоюза имело свой уголь в Донбассе, в Должанском районе, куда местное правление Центросоюза направило меня в качестве механика его рудника. Я был туда направлен не только как механик, но и для того, чтобы составить план совместно с другими инженерами для расширения хозяйства и увеличения рудника. Там я оставался до занятия Донбасса красными войсками.

На советской службе

Когда Донбасс, а в том числе и Должанский район были заняты красными войсками, я продолжал оставаться на этом руднике. Потом в связи с организацией местного районного управления я на общем собрании в качестве члена правления районного управления был избран делегатом в Харьков для установления связи с вновь организованным Центральным управлением каменноугольной промышленности Донбасса. Так как я в Харькове работал с В. М. Ножановым, то при вторичной организации Центрального управления Донбасса, когда я к нему пришел и охарактеризовал общее положение нашего района, он, будучи председателем управления, назначил меня районным уполномоченным (рупом, как тогда называли) Должанского района. Это дело было приблизительно в феврале 1920 г. Но так как по ходу всего дела было видно, что такая ответственная должность несомненно должна принадлежать партийному работнику, то при своей майской поездке в Харьков я просил на эту должность назначить кого-нибудь другого. Я сам остался сначала помощником районного уполномоченного, а после этого стал работать по своей прямой специальности. Я был районным механиком, работал по восстановлению котельного хозяйства Донбасса. Я проработал на разных должностях приблизительно до августа 1922 г., когда я приехал в Москву. Познакомившись по газетам с речью тов. Кржижановского на VIII с'езде советов о плане электрификации, я понял, насколько широка и велика задача, которая сейчас ставится в области, весьма близкой мне, т. е. в области осуществления строительства крупных районных станций. Я написал ему письмо, и он в ответ на это письмо предложил мне приехать в Москву на работу. Как я уже указал, в августе я перешел на работу в Госплан, где сначала был заместителем председателя топливной секции (председателем был Рамзин) до конца 1924 г., а с начала 1925 г., вплоть до моего ареста, я был председателем топливной секции Госплана.

Утерянный след

Крыленко. Вы упоминали фамилию Бардыгина. Кто это такой?

Ларичев. Это фабрикант. Ему принадлежали фабрики в Егорьевске, ему принадлежала часть фабрик в Раменском.

Крыленко. Вы его лично знали?

Ларичев. Я с ним сталкивался постольку, поскольку он был хозяином.

Крыленко. А вы кем были?

Ларичев. Механиком этой фабрики.

Крыленко. Это такая должность, которая имеет непосредственное отношение к хозяину фабрики?

Ларичев. Видите ли, в то время шло очень большое расширение этой фабрики — строилась новая специальная станция, проводилась электрификация, и мне по целому ряду проектов приходилось составлять определенные списки, ему передавать и обсуждать проекты заказов.

Крыленко. В каком это было году?

Ларичев. С 1912 по 1915 г. Я служил там 3 года.

Крыленко. Где он сейчас?

Ларичев. Точно не знаю где, во всяком случае за границей.

Крыленко. В «Торгпроме» или нет?

Ларичев. Повидимому, нет. Я его там не встречал и об этом не слышал.

Крыленко. Вы с ним связь поддерживали?

Ларичев. Одно время был разговор о том, чтобы, памятуя мою службу у него, попытаться наладить связь. Но это не удалось сделать, а во время моей поездки в Париж я об этом не думал.

Крыленко. А в 1918—20 гг.?

Ларичев. Нет, я был в Донбассе.

Крыленко. Сколько жалованья вы получали?

Ларичев. 350 р., а при переходе к Горелину—500 р.

Крыленко. В каком году?

Ларичев. В 1915 г.

Крыленко. Значит, в 1915—16 г. вы уже получали 500 р. А где вы были перед Октябрьской революцией?

Ларичев. Я был управляющим технического отдела Москвотопа. В это время я уже получал 1.000 р. Это было в 1917 г.

Крыленко. Вы когда кончили?

Ларичев. В 1912 г.

Крыленко. Значит, приблизительно за 5 лет — с 1912 по 1917 г. — развитие (вы-

разимся так) вашей технической карьеры выражается в таких цифровых величинах — до 1.000 р. вы доработали?

Ларичев. Разрешите относительно тысячного оклада. Вышло так, что в это время повышение ставок на дороговизну шло автоматически. Но я с 500 р., получаемых у Горелина, перешел в Москвотоп на 400 р. Меня не смущала эта материальная потеря, потому что я был одинокий.

Крыленко. Вы перешли под влиянием Кирша?

Ларичев. Да.

Крыленко. На какой почве у вас развились близкие отношения с Киршем?

Ларичев. Он был моим преподавателем и техническим руководителем в первый период моей службы.

Крыленко. Значит, вы входили в ту группу молодежи, о которой говорил Рамзин?

Ларичев. Да, мы его очень ценили и пользовались не только техническими советами, но и идеологическими.

Крыленко. Какова была в этот момент, перед Октябрьской революцией, под идеологическим воздействием Кирша ваша политическая установка?

Ларичев. Раннего периода можно не касаться?

Председатель. Что вы называете ранним периодом?

Ларичев. Период студенческий.

Председатель Расскажите об этом кратко, это будет необходимо.

Политическое лицо Ларичева

Ларичев. Я буду очень краток. Я был, как большинство технической молодежи, почти совершенно аполитичен. Меня мало интересовали политические вопросы. Партийных взглядов, более или менее строго выраженных, у меня не было. Было общее сочувственное отношение, как у большинства русского студенчества, и в этом отношении моя общественная деятельность сводилась главным образом к участию в организации и оформлении землячеств. Были у меня связи и с партийными работниками, но скорее в виде мелких услуг, чем в форме прямого вхождения в ту или иную партийную группировку.

Председатель. Это когда было, в какие годы?

Ларичев. Я учился с 1904 по 1912 г. в МВТУ.

Крыленко. Так вот идеологическая установка в этот момент, после студенческой скамьи?

Ларичев. После студенческой скамьи меня целиком поглотила техническая работа, и повторяю, что я был в это время менее всего склонен к каким-нибудь политическим оформлениям, но совершенно определенно должен сказать, что, работая в общественных учреждениях и насмотревшись на все прелести того строя, совершенно определенно и сочувственно встретил Февральскую революцию. Мы в Февральской революции видели идеал свержения монархии, наступление демократического строя, как мы это понимали, в общих свободах и проч., и должен так же определенно признаться, что Октябрьская революция для меня явилась просто неожиданной. Я не понимал смысла происходящих событий, — теперь-то я их очень и очень хорошо понимаю, — но свое личное отношение тогда могу сформулировать с отрицательной стороны, потому что мне казалось, что нарушается что-то такое, что являлось привычным.

Крыленко. Все-таки идеологическое воздействие Кирша в чем выражалось? Поконкретнее.

Ларичев. Я знал, что он примыкал (он не был в партии) к меньшевистским воззрениям, сам он партийным человеком не был. Я повторяю, что я точно не разбирался в деталях программы эсеров, меньшевиков и большевиков. Большевистская позиция выявилась позднее, и мы все стояли на точке зрения необходимости поддержки временного правительства, необходимости продолжения войны и т. д., одним словом — стояли в рядах большинства.

Крыленко. А конкретного участия в борьбе против Октябрьской революции вы не принимали?

Ларичев. Нет, я совершенно не принимал участия никакого и после того как Октябрьская революция уже совершилась, возник и политический и экономический, если хотите, вопрос, потому что вопрос о саботаже стал, как вы знаете, тогда ребром. В этом отношении Кирш занял определенную позицию: он был в это время уже главным уполномоченным по топливу в Петрограде, а я, как его заместитель, был в Москве, замещающим должность московского уполномоченного.

Крыленко. И вот, какова была позиция саботажников?

Ларичев. Сию минуту, я все по порядку скажу. Когда у нас в Москвотопе обсуждался вопрос, стать ли на путь саботажа или нет, то, откровенно говоря, я считал, что надо стать. Но мы выделили два вопроса, что продовольствие и топливо должны остаться теми элементами, куда саботаж не должен проникать, потому что эти элементы бьют по наиболее существенным моментам хозяйственной жизни страны и ударят прежде всего не по политическим группировкам, которые борются, а ударят по населению. И поскольку мы определенно верили, что этот Октябрьский переворот не может быть длительным, что он так или иначе (первое время такое убеждение было) должен провалиться, если так можно выразиться, то поэтому эти два

участка — топливо и продовольствие — мы считали необходимым...

Крыленко... не саботировать?

Ларичев... не саботировать в смысле подачи снабжения населению и предприятиям в виде топлива и продовольствия.

На такой позиции я оставался приблизительно до марта 1918 г., продолжая работать уже со всеми новыми организациями, которые организовались в Москвотопе в то время.

Крыленко. А вот, когда вы попали в Харьков, вы говорили, что там остались у белых.

Ларичев. Разрешите, я последовательно все скажу. Но вот под воздействием того же Кирша и тех товарищей, которые с ним были — в особенности я бы подчеркнул фигуру Ясинского, — меня сманили оттуда, из Москвотопа, и я решил уже перейти в тепловой комитет, где я был в числе активных работников. Здесь начались опять бесконечные разговоры — работать с большевиками или не работать с большевиками. Сначала я точку зрения их принял. Поскольку существование советской власти, т. е. в то время называли существование большевиков, будет недолговечно, надо готовить смену в смысле снабжения топлива и продолжать после вырабатывать формы, методы и способы снабжения.

Крыленко. Оно и безопаснее.

Ларичев. Я не понимаю.

Крыленко. Оно и безопаснее работать было.

Ларичев. В каком отношении?

Крыленко. В личном отношении.

Ларичев. Трактуйте как хотите. Я говорю, что в то время толковали, что существование советской власти будет недолговечно, и потому было такое настроение.

Председатель. Это когда было?

Ларичев. В 1918 г. Потом были разговоры относительно того, что вот мы поддерживали снабжение отдельных фабрик и заводов, проводили рационализаторские мероприятия. Топливный комитет выполнял отдельные заказы. Были разговоры о том, брать ли заказы на те предприятия, которые явно управляются новой властью. Тут поднялись новые споры. Особенно Ясинский был ярым противником того, чтобы какое бы то ни было соприкосновение было с этими предприятиями.

Крыленко. Какой это Ясинский?

Ларичев. Бывший профессор МВТУ.

Крыленко. Где он сейчас?

Ларичев. В 1926 г. он был в числе тех профессоров, которые были высланы за границу.

Председатель. Это за забастовку?

Ларичев. Я наверное не скажу этого, потому что я тогда не был в Москве.

Крыленко. Это не тот Ясинский, с которым в последнее время были встречи там, за границей?

Ларичев. Тот самый. У меня получились разногласия с сотрудниками по топливному вопросу, и я решил перейти на службу в советское учреждение, в Главуголь. Я попал в Харьков. Там существование первого комитета было кратковременным в виду занятия Харькова белыми. В момент этой эвакуации я остался в Харькове. Здесь до некоторой степени было своего рода опасение, что, работая в советском учреждении, в Центральном управлении каменноугольной промышленности Донбасса, — а мы уже в то время не стеснялись с бывшей хозяйской собственностью, кое-какие мероприятия проводили по реорганизации этого хозяйства, — и я думал, что мне, конечно, на частной службе не устроиться. Поэтому по совету некоторых лиц я обратился в Центросоюз.

«Храбрость»

Крыленко. Вы имели возможность не остаться с белыми?

Ларичев. Что тут скрывать! Конечно можно было рискнуть под обстрелом уехать вместе с правлением, но личная безопасность и личное желание, а с другой стороны, чувствуя, что в Москве голод, все это заставило меня остаться.

Крыленко. А если бы встала перед вами возможность такой проблемы — рискнуть под обстрелом уйти к белым, что бы вы сделали?

Ларичев. Тут я тоже под обстрелом не пошел бы и к белым. (С м е х в з а л е). Тут момент довольно существенный для человека, относительно мало проникнутого политическими убеждениями. Я откровенно говорю, что и тогда я тоже не пошел бы. Откровенно скажу, что я пошел в Центросоюз, с рудничное управление, потому что это гарантировало меня от мобилизации в белую армию. Хотя я на военной службе не был, я был ратником 2-го разряда и пользовался отсрочкой, а затем, состоя на обороне, тоже пользовался отсрочкой. Но я старался, чтобы и белые меня не забрали. Я пошел в рудничное управление, так как это давало возможность продолжать мне техническую работу, а с другой стороны, как вы подали реплику, я сохранял свою личную безопасность.

Крыленко. Каковы были ваши политические настроения и обстановка к моменту вступления в организацию?

Ларичев. Я проработал три года в Донецком бассейне. Это были очень тяжелые и трудные годы. Первое время я работал по обязанности, потом меня начала эта работа все более и более интересовать в том отношении, что «не так страшен чорт, как его малюют», и что в конце-концов с большевиками тоже

можно работать. За эти три года своей работы я лично не имел никаких недоразумений ни с общественными, ни с партийными организациями, и меня потянуло в Москву не потому, что в Донбассе было плохо, но потому, что работа по электрификации, по постройке новых станций была больше по душе. С Г. М. Кржижановским я был знаком, и к нему я лично обратился с просьбой о переводе в Москву.

Приехав в Москву, я был более или менее подготовлен к тому, что придется работать в советском учреждении, и никакого страха по этому поводу не испытывал, опять-таки, по существу говоря, не понимая происходящих явлений.

Период военного коммунизма, как вы знаете, в Донецком бассейне прошел несколько отлично. Там мы были мобилизованы, были под строгим техническим полувоенным учетом и должны были исполнять ту работу, которая нам давалась. Там период военного коммунизма не давал таких отрицательных явлений, как в Москве.

Работа в Госплане

В первое время работал в качестве заместителя председателя топливной секции, регулируя топливное снабжение, поскольку оно вылезало из кризиса, — а, работая в Донбассе, я видел, что кризис изживается и начинается страдная пора, в которой приходится каяться. В Москве я попал сразу в круг совершенно незнакомых лиц. В то же время основное ядро Госплана состояло из крупных старых специалистов: Пальчинского, Рабиновича, Янушевского, Гартмана, Калинникова и Осадчего. В этой группе, которая работала в частности в ГОЭЛРО, появился ряд новых работников. Мне сразу же пришлось столкнуться с вопросами восстановления Донецкого бассейна и других угольных районов, столкнуться с Рабиновичем и Федоровичем, которые работали одновременно и в бывшем ГУТ и в Госплане, занимая по совместительству двойственную позицию. Мне в качестве заместителя председателя топливной секции пришлось разрешать ряд технических вопросов.

Крыленко. А почему вы сразу заняли должность заместителя председателя топливной секции? Это ведь требует большой квалификации.

Ларичев. Кржижановский, с одной стороны, знал меня по работе в Москвотопе, а с другой стороны, он согласовал этот вопрос с Рамзиным, и Рамзин охотно согласился на то, чтобы я занял должность заместителя председателя топливной секции.

Я лично сам этого не добивался, включился, если можно так выразиться, автоматически.

Крыленко. Рамзина раньше знали?

Ларичев. Да, мы знакомы еще с 1908—1909 гг., вместе учились.

Крыленко. Вы говорите, что сами написали письмо?

Ларичев. Да, я написал письмо Кржижановскому.

Крыленко. Когда это было?

Ларичев. В июле 1922 г. Написал в мае, а в августе или в июле приехал в Москву.

Крыленко. А когда было вхождение в организацию?

Ларичев. Разрешите мне последовательно перейти к этому вопросу.

Председатель. До этого один вопрос. Вы в Госплан попали благодаря письму, которое направили Кржижановскому, которого вы знали раньше по работе. Когда вы решили итти в Госплан работать, вы говорили об этом с Рамзиным?

Ларичев. Нет, я был в Донецком бассейне, а он в Москве.

Председатель. А когда вы в Москву приехали?

Ларичев. Он только-что вернулся из Берлина, я зашел к нему, он охотно согласился, чтобы я был в числе работников по топливу.

Председатель. Можно сказать, что вы начали работать в Госплане не только по согласованию с начальством — с Г. М. Кржижановским, но и по согласованию с Рамзиным?

Ларичев. Да, так. Тут начался переход. Последовательно в процессе работы мне приходилось знакомиться с целым рядом бывших видных, крупных специалистов, которые, оставшись здесь работать, проявили довольно деятельное участие в этой работе. Начало раскрытия сводилось к тому, что все-таки, несмотря на переход к нэпу, имелась или может быть это лишь только начала укрепляться их позиция; они бесспорно считали необходимым восстановление не только капиталистического строя, но такие фигуры, как Рабинович и Янушевский, говорили определенно, что нужно возвращение частной собственности, что советской власти не справиться с восстановлением хозяйства, что нэп рассматривается такими кругами инженеров, как определенная уступка советской власти, которая убедилась, что методами военного коммунизма или иными методами не справиться с восстановлением хозяйства, и идет в известной степени на капитуляцию.

Кроме того, я, проработав в Донбассе, был знаком с технической организацией производства, но все-таки был недостаточно видным и опытным специалистом для того, чтобы разбираться в целом ряде вопросов. Поэтому, естественно, мне в своей работе непосредственно по своим вопросам пришлось опираться на мнения Рабиновича и Федоровича. Постепенно начал выяснять, к чему это-

клонится, понял, что это идет к сохранению ряда предприятий, которые желательно было сохранить, а самое главное, поскольку это касалось Госплана, который не имел своих предприятий, ставка шла на задержку общих темпов роста народного хозяйства. Это впитывалось настолько постепенно и в практических деловых вопросах, что в первое время, разбираясь сам в вопросах, я не имел достаточной ясности, но потом, в конце концов, я начал убеждаться при их благосклонном содействии в том, что действительно нэп надо углублять, потому что дело с восстановлением народного хозяйства в 1923—24 г. не было еще настолько поставлено на рельсы, что можно говорить, что советская власть с этим делом справится. И тут от технической обработки с точки зрения влияния на решение технических вопросов началась обработка и идеологическая и политическая. Становилось определенной дилеммой, какой метод хозяйства возможен — или капиталистический или советский. Советский метод, несмотря на то, что нэп дал определенные пути к возможности восстановления, все-таки этого метода восстановления советского хозяйства не понимали и считали, что он невозможен с точки зрения организации и ведения хозяйства. Оставалось другое. Я здесь говорю «или — или», потому что к этому времени уже, так сказать, вся меньшевистско-эсеровская братия достаточно себя дискредитировала не только в промежуточный период между Февралем и Октябрем, но и в последующий период ее поведение было достаточно ясным. Так что, если бы они вернули себе власть, то все равно у них ни черта бы не вышло — справиться они ни с чем не могли бы. Оставался выбор — или капиталистический метод восстановления бывшей России или нужно было стать на чисто советский путь. Здесь велась медленная и последовательная обработка меня в течение трех лет. Тогда еще не было организационно законченной организации — были идеологические установки. Эта группа — Пальчинский и Рабинович, Хренников, Янушевский — начала меня просвещать в отношении политических установок. Примерно в конце 1925 г. — в начале 1926 г., когда была сформирована и организована вредительская работа по линии того же Донбасса и по линии других отраслей, она мне становилась понятной. В этом отношении я определенно попал в число участников этого «Инженерно-технического центра».

Крыленко. В 1925 г. для вас стал ясен вредительский характер этой работы?

Ларичев. С конца 1925 г. Я дам пояснение, когда буду отвечать по техническим вопросам. В частности, если мы возьмем вопрос концессионной политики...

Председатель. Об этом вы скажете подробно потом.

Крыленко. Приблизительно с 1925 г. вам стал ясен вредительский характер работы, и в вашей практической работе вы должны были принимать участие в этой вредительской работе. Вы оказались открытым вредителем с половины 1925 г.?

Ларичев. С начала 1926 г.

Крыленко. Итак, с начала 1926 г. вы сделались открытым вредителем. Какое же лицо вас, что называется, ввело в курс дел этой организации?

Ларичев. Для меня фигура Пальчинского несколько одиозна. Я к нему особой симпатии не чувствовал. С Рабиновичем и Федоровичем, сталкиваясь по служебной деятельности, мне приходилось говорить.

Крыленко. А в клубе горных деятелей вы принимали участие?

Ларичев. Формально нет. На технических собраниях я был раз или два. Эти собрания «Инженерно-технического центра» были после окончания заседаний в клубе горных деятелей.

Крыленко. Вы не помните о сообщении Пальчинского относительно различных заграничных групп по углю, золоту, которые ставили себе определенную цель в отношении концессионной политики?

Ларичев. В эти вопросы меня стали посвящать в 1926 г.

Крыленко. А в клубе горных деятелей вы бывали?

Ларичев. На официальных заседаниях клуба я не бывал, но целевые устремления этого клуба горных деятелей мне в 1926 г. стали достаточно ясными.

Крыленко. Там не было официальных докладов по вопросу о вредителях в концессионной политике?

Ларичев. Нет, не было.

Крыленко. Вам стало ясным в 1926 г. Вы вели практическую работу с тов. Кржижановским. Ваше обращение, ваше письмо, то доверие, которое вам оказывалось, как вы это увязываете со своей вредительской работой?

Ларичев. Разрешите мне привести один момент.

Когда я проработал 2½ — 3 года, тут был у меня один момент колебания относительно того, не становлюсь ли я действительно на наклонную плоскость, на которую в конце концов я и стал. И тут я обратился к Глебу Максимилиановичу с просьбой: «Глеб Максимилианович, отпустите вы меня на практическую работу». Я хотел уйти или в угольную промышленность, или в нефтяное хозяйство, с которым я в это время уже хорошо познакомился. Это было приблизительно в начале или в середине 1925 г. Но Глеб Максимилианович категорически воспротивился этому делу. Те сомне-

ния, которые у меня были (я это говорю не с точки зрения оправдания себя), были просто ликвидированы. Продолжавшееся влияние группы и привело меня на ту наклонную плоскость, по которой я покатился.

Крыленко. Значит, если бы вас отпустили, вы считаете, что ваши колебания закончились бы?

Ларичев. Я считаю, что если бы удалось вырваться из этой обстановки на производство...

Крыленко. Если бы вы, например, попали в Шахтинский район?

Ларичев. На производстве совершенно иные условия, не так засасывает эта тина. Мне самому приходилось быть в 1922 г. в Донбассе и встречаться с некоторыми лицами.

Крыленко. С кем вы встречались конкретно?

Ларичев. В Ровенецком районе были Гаркави, Кузнецов. Тогда мне нужно было взять котлы с затопленных рудников. Я, правда, здесь встретил ярое сопротивление, но я с этим не считался и свое дело сделал. Поэтому я считаю, что в практической обстановке складываются совершенно другие идеологические воззрения.

Крыленко. В практической обстановке, вы думаете, удержались бы?

Ларичев. Да.

Крыленко. Допустим. Это значит было в 1926 г., когда у вас создались такие настроения под влиянием Пальчинского, Рабиновича, Федоровича и др. А конкретную вредительскую работу когда и каким образом вы вели?

Ларичев. Первое, что мне пришлось выполнить, — не одному лично, а совместно с той группой лиц, о которой я говорил, — это было составление плана концессионных об'ектов, что было в конце 1925 г. Здесь была определенная директива об официальном проведении, если можно так выразиться, данная тем же Рабиновичем, который был председателем комиссии по разработке концессионных об'ектов вообще и, в частности, топливных. Тут мы должны были договориться о том, каким образом сдать бывшим промышленникам существующие участки в концессию.

Крыленко. Значит, можно считать установленным, что с половины 1926 г. вы уже становитесь отчетливо на путь вредительской работы?

Ларичев. Правильно.

Крыленко. Когда была эта беседа, о которой говорил Рамзин, вы были уже вредителем?

Ларичев. Да. Я лично знал Рамзина. Я ему говорил: что же, в конце концов, положение такое, что, повидимому, надо становиться на этот путь, что вопрос идеологически для нас должен быть ясен — мы не поймем и не можем сочувствовать тому направлению политики, которое имеет место. Следовательно, нужно встать в противодействующую группу.

Крыленко. Вы это подтверждаете?

Ларичев. Да.

Крыленко. А его оценка действительно была такова? Он действительно представлял такую ценность для организации?

Ларичев. Простите, я не понял.

Крыленко. Рамзин действительно представлял такую ценность?

Ларичев. Несомненно, потому что Рамзин еще во время организации ГУТ, в 1920 или 1921 г., был одним из крупных работников ГУТ. Он был одним из участников поездки в Донецкий бассейн со Смилгой по восстановлению Донецкого бассейна, и уже после, перейдя на службу в Госплан, он для этих групп промышленных представлял известную крупную фигуру, с которой считались. Тем более я должен сказать, что даже в первый период нашей работы в Госплане нам пришлось иметь очень сильные стычки с теми же Рабиновичем и Федоровичем по поводу плана восстановления Донбасса в 1923—24 г., нам очень много приходилось ссориться. Поэтому привлечение меня и Рамзина на свою сторону, поскольку мы занимали и официальное служебное положение, которое позволяло влиять на направление политики, было ценным. Это же было одним из мотивов того, что я, пользуясь хорошим отношением ко мне Кржижановского, пользуясь его доверием, занимал ответственный пост, и поэтому для них я представлял ту фигуру, которую нужно было соответствующим образом прибрать к своим рукам.

Крыленко. А то, что он говорил относительно своего искреннего признания советской власти, в период до возникновения у него поворота, — это вам было известно? Смотрела на него ваша группа как на опасного сторонника большевиков?

Ларичев. Я могу определенно подтвердить, что в этот период его работы в ГУТ, период с 1921 г., насколько мне известно, и во время его работы в топливной секции Госплана, определенно его все считали совершенно если не большевиком, то полным сторонником советской власти.

Крыленко. Так что тем более важно было его переломить?

Ларичев. Ясно.

Крыленко. Теперь вот в последний период вы были заместителем, а потом председателем топливной секции. С какого года?

Ларичев. С начала 1925 г.

Крыленко. И по 1930 г.?

Ларичев. И по день моего ареста.

Крыленко. Сколько вы зарабатывали в последние месяцы?

Ларичев. Я получал 500 руб., а в самые последние месяцы перед арестом 600 р. жалованья в Госплане. Кроме того, я около 100 р. в месяц в среднем зарабатывал литературной работой.

Преступная «наивность»

Крыленко. Скажите, пожалуйста, ваши политические убеждения к этому времени окончательно ли сконструировались? Вы себе представляли целесообразной (топливник вы большой, так что это ясно) реставрацию капитализма как желательную цель или считали вы целесообразным сохранение принципа национализации средств производства, огосударствления всех производительных сил транспорта?

Ларичев. Понимаю вопрос. В этом отношении я был определенным сторонником с первого же периода национализации наиболее ответственных участков народного хозяйства: в частности, транспорт совершенно естественно должен быть в руках государства, потом целый ряд областей, как, например, топливо, не все, но частично, должно быть в руках государства. Это с точки зрения возможного воздействия, — но не просто воздействия на капиталистические круги, но в конце концов независимо до некоторой степени от того, какое правительство будет, хотя бы это правительство и было из тех же самых буржуазных групп, — это было бы наиболее целесообразным. Нам было совершенно ясно, что независимое государственное хозяйничание в стране целесообразнее, потому что возвращение капитала очень часто может повести к тому же произволу.

Крыленко. Вы в вопросах политики сами разбирались достаточно хорошо или бегло?

Ларичев. Грешен, плохо.

Крыленко. Плохо разбирались. Вот меня интересует такой вопрос — он немножко затрагивает следующий абзац нашего метода или ведения допроса. Реставрация капитализма со стороны торгпромовцев, контрреволюционных групп, бывших буржуазных интервентов и т. д. в вашем представлении все это практически оформлялось или нет?

Ларичев. Совершенно определенно можно сказать, что, когда об этом возник разговор, серьезный разговор, — это примерно, было в 1927 г., — то тут ведь речь шла о том, что не возвратят предприятия бывшим собственникам, потому что их уже почти не стало.

Технические предприятия, которые были, не на 100 проц., если так можно сказать, но в значительной мере изменились. Поэтому метод акционирования, частичного возврата отдельных участков, сохраняя преобладающую долю государственного капитала, в этом видели, т.-е. не то, что видели единственный целесообразный путь, но он давал возможность осуществить тот идеал, к которому мы стремились.

Крыленко. Вы считали, что так это пройдет?

Ларичев. Позднее, когда пришлось, — извините за выражение, — познакомиться с этими акулами, было несомненно, что дело это не выйдет так. Государственным капитализмом тут не пахнет, тут пахнет чем-то похуже, серьезным экономическим грабежом с точки зрения и нашего бывшего капитала и с точки зрения иностранного.

Крыленко. Не только с точки зрения отчуждения территории, но что же, эти бывшие капиталисты, этот бывший класс вы считали возможным допустить хоть на один момент, что в результате контрреволюционного переворота и военной диктатуры вы придете к этому?

Ларичев. А почему и нет? Ведь в их руках получится большая доля управления хозяйства.

Крыленко. Вы считали, что это выполнение об'ективно было возможно?

Ларичев. По крайней мере, мы так считали, что если опираться на кого-нибудь из бывших эмигрантских кругов, то единственно только на класс промышленного капитала, что эта монархическая публика или нет, она представляет полное бессилие. Да и вряд ли интервенцию не поддержит монархический капитал, а поддержит французский или английский капитал. Что же, он допустит организацию власти, чтобы или монархическая группа пришла к власти или группа социал-фашистов? Конечно, она стремилась к тому, чтобы организовать правительство из сторонников, т.-е. из определенных представителей и сторонников защиты промышленного капитала. Было ясно, что две силы могут действовать в последующие периоды, было ясно для меня и для многих, что одна сила — промышленный крупный капитал, или другая сила — советское государство.

Крыленко. Вы считаете сейчас, что реализация вашей программы была возможна?

Ларичев. Чем дальше, тем больше приходилось убеждаться, что в ней есть такие трещины, которые дальше разрослись, и что она могла оказаться несостоятельной.

Крыленко. А не то, что вас за ненадобностью отменят?

Ларичев. Теперь я это сознаю. Установку о том, что роль технической интеллигенции велика, я особенно не разделял и особенно в нее не верил. Это льстило до некоторой степени нашему тщеславию. Но некоторый технический идеал о том, что мы стремились не только к командным высотам, но мы стремились и к тому, к чему стремится сейчас честная часть интеллигенции, это — осуществление крупного строительства. Но мы пошли не тем путем, которым надо.

Крыленко. Военная диктатура генерала Лукомского, с одной стороны, возвращение губернских держиморд, с другой стороны, реставрация капиталистов, компенсация старых помещиков, — какой ценой все это должно было быть достигнуто! Вы об этом не думали?

Ларичев. Подумал, да поздно. (Смех в зале).

Крыленко. А тогда вы об этом не думали?

Ларичев. Мало задумывался над этим вопросом. Нужно сказать, что человеку, который привык сталкиваться с интересами масс, с тем, что Советский Союз, бывшая Россия, все-таки об'единен в единую страну, ее дележ, ее продажа должны казаться, конечно, вещью недопустимой.

Крыленко. Независимо от продажи вы расправу с рабочим классом считаете об'ективно допустимой или недопустимой?

Ларичев. Нас уверяли, да и мы считали, может быть легкомысленно, что расправы не может быть, потому что мы были убеждены, и мы об этом сообщали, что здесь идет колоссальное политическое воспитание масс, и что одним военным кулаком вам не справиться. Мы говорили — не забывайте, друзья, что в смысле репрессивных мер вам следует быть легче на повороте.

Крыленко. Кому вы говорили?

Ларичев. В тех же самых разговорах с представителями «Торгпрома» мы об этом давали понять, хотя, конечно, не в такой грубой форме. Они знали, что во всяком случае 8-часовой рабочий день должен быть сохранен и что отношения должны быть поддержаны таковыми, чтобы не вызвать острой неприязни и вражды. Кроме того, вопрос рисовался именно в том смысле, что земля у крестьян никоим образом не должна быть отнята, что компенсировать помещиков и бывших владельцев путем отнятия у крестьян земли нельзя.

Крыленко. Лукомский и другие вам это обещали?

Ларичев. С Лукомским я не беседовал, и он не обещал.

Крыленко. Может быть, Денисов, Нобель и другие обещали?

Ларичев. Они должны были понимать действительное положение вещей.

Крыленко. А вы понимали реальность этого обещания?

Ларичев. Нам казалось, что такая фигура, как Лукомский, должна быть такой их фигурой, которую они могут и должны держать в руках.

Крыленко. Кто должен держать в руках?

Ларичев. Крупная буржуазия и французские военные круги.

Крыленко. Крупная буржуазия и французские военные круги будут держать их в руках? Кто их будет удерживать — Ларичев и Рамзин?

Ларичев. Нет, нам не удержать.

Крыленко. Вы себе отчет в этом отдавали?

Ларичев. Откровенно говоря, нет.

Крыленко (председателю). Этот самый вопрос разрешите мне сразу задать Рамзину, чтобы к этому не возвращаться.

Председатель. Пожалуйста. Подсудимый Рамзин.

Военная диктатура белогвардейских держиморд

Крыленко (Рамзину). Вы себе отчетливо представляли возможность проведения вашей политической программы через Лукомского и остальных деятелей «Торгпрома» и через интервентов?

Рамзин. В самом начале построение шло на создание буржуазно-демократической республики, при чем период военной диктатуры рассматривался как неизбежный период.

Крыленко. Это академически, а вот практически?

Рамзин. Практически я тоже считал, что вероятность в этом отношении имеется достаточно большая именно по тем соображениям, которые излагал и Ларичев, что страна политически настолько переродилась, что массы рабочих и крестьян настолько изменили свою психологию, свои взгляды, что применить по отношению к ним чрезмерно жестокие меры, жесткие меры было бы просто неосуществимо, потому что иначе эта новая власть полетела бы чрезвычайно быстро и не могла удержаться. Вот единственное соображение, которое...

Крыленко. Значит, военная диктатура есть власть определенного порядка?

Рамзин. Военная диктатура рассматривалась как временный период...

Крыленко. Против кого военная диктатура?

Рамзин. Если происходит переворот, то на первый период новая власть должна иметь время для того, чтобы укрепиться, и период военной диктатуры рассматривался как тот заслон, который должен дать время укрепиться новой власти. Такова была трактовка необходимости военной диктатуры.

Председатель. Как определяете вы содержание военной диктатуры? Чем характеризуется военная диктатура реально, конкретно?

Рамзин. Военная диктатура характеризуется тем, что необходимо до избрания первого парламента, начальных органов самоуправления, кому-то вести управление, чтобы произвести выборы и т. д. Необходимо было дать известное время, известный период для укрепления новой власти, а в течение этого периода необходимо как-то поддержать порядок в стране.

Председатель. Кто мог угрожать этому порядку в стране?

Крыленко. Против кого военная диктатура?

Рамзин. Покуда новая власть не закрепит своей позиции, покуда новая власть неустойчива и неуверена, вот для охраны этой новой власти и возможности дать укрепление ее позиций и стала необходима военная диктатура.

Председатель. Вопрос стоит таким образом. Это не вообще диктатура, а это есть военная диктатура, которая должна обеспечить укрепление старого капиталистического строя. Против какого класса была бы она направлена? Кто стал бы бороться с новой властью?

Рамзин. Бороться против новой власти стали бы первым делом рабочая власть и пролетариат.

Председатель. Рабочий класс стал бы бороться против военной диктатуры, а военная диктатура стала бы бороться против кого?

Рамзин. Стали бы бороться против установленной новой власти и, следовательно, военной диктатуры, которая охраняет...

Крыленко. Военная диктатура стала бы бороться против кого? Рабочего класса?

Рамзин. Следовательно, военная диктатура должна была бы охранять новую власть и бороться против него, поскольку он не был бы молчалив.

Карательная экспедиция против рабочих

Крыленко. Какими мерами?

Рамзин. Единственные меры борьбы в период военной диктатуры есть меры карательной экспедиции, воздействия в смысле репрессии.

Председатель. То-есть физического уничтожения передовых слоев рабочего класса и вообще рабочих?

Рамзин. Об уничтожении всего рабочего класса не могло быть и речи.

Председатель. Но могла бы итти речь об уничтожении какой-то части рабочего класса?

Рамзин. Да, инициативной, ведущей головки рабочего класса.

Председатель. Вы учитывали, что период военной диктатуры будет означать репрессию по отношению головки рабочего класса, т.-е. передовой части рабочего класса, или вы не думали об этом?

Рамзин. Когда был поставлен вопрос относительно военной диктатуры и относительно необходимости этой меры борьбы, то вначале трактовка этой борьбы была оптимальная, но, поскольку новая власть, по мнению членов партии и «Торгпрома», должна была принести известный план с собой, хотя бы на первое время, то считали, что размеры этой репрессии не могут быть слишком велики, потому что не ожидали слишком большой активности в сопротивлении.

Считали, что активность сопротивления будет не так велика, не будет резких, настойчивых выступлений рабочего класса, т.-е. считали так, что размеры репрессии будут пропорциональны активности выступлений, т.-е., если активность выступлений будет велика, то меры репрессии неизбежно будут так же велики, а если активность будет понижена, то тем самым будет понижена и репрессия.

Председатель. Подсудимый Ларичев говорил, что вы предупреждали «Торгпром» быть «легче на поворотах», ибо возросла политическая активность рабочего класса и трудящихся масс в Союзе. Следовательно, если бы выросла политическая активность, то этим самым была бы вызвана острая репрессия со стороны военной диктатуры?

Рамзин. Был целый ряд тактических предположений и построений. Считали, что на первый период, чтобы сгладить активность рабочего класса, чтобы сгладить активность борьбы против новой власти, нужно дать целый ряд кратковременных уступок, кратковременных подачек в смысле ввоза большого количества заграничных товаров, которыми можно было бы наполнить рынок и создать иллюзию благополучия страны. Кроме того, предполагалось сохранить 8-часовой рабочий день — не заикаться на первых порах об изменении рабочего дня, об увеличении его, с тем, чтобы не восстанавливать против себя рабочие массы.

Крыленко. Исторически, об'ективно возможна ли такая политика реставрантов?

Рамзин. В смысле завоза большого количества товаров?

Крыленко. Я не о завозе товаров говорю. Считаете ли вы, что реставранты капитализма проводили бы такую политику?

Рамзин. Я считал ее не только возможной, но и необходимой.

Крыленко. Вы считаете ее необходимой, но это другой вопрос. Но исторически, об'ективно такая политика возможна?

Рамзин. Во всяком случае я излагаю здесь те построения, которые были в рядах «Промпартии», в рядах «Торгпрома», насколько они там искренни, я не знаю. Во всяком случае все считали, что на первых порах сильного зажима быть не может. Нужно было бы постепенно подходить к овладеванию рабочим классом, к овладеванию позициями.

Крыленко. А вы сейчас считаете это об'ективно возможным?

Рамзин. Сейчас я так не считаю, поскольку теперь, по истечении 2-летней совместной работы, мне лицо наших союзников стало ясно.

Крыленко. Каких союзников, французских или вообще «Торгпрома»?

Рамзин. «Торгпрома» и заграничных вообще. Их лицо мне стало ясно. Я сейчас рассказываю лишь о тех предположениях, взглядах, настроениях, которые были в тот период — 1927 г.

Фридберг. Скажите, вы в ЦК «Промпартии» представляли ее левую часть?

Рамзин. Да.

Фридберг. Значит, левая часть «Промпартии» шла на военную диктатуру, а куда шла правая часть ЦК?

Рамзин. Я в своем первом показании указывал, что в рядах «Промпартии» были чрезвычайно пестрые политические группировки. Но те основные, опорные позиции программы, которые в конце концов были приняты, объединили собой и правую и левую часть. Но в остальном надежды у левой и правой части были, конечно, различными. Надежды левой части сводились к государственному капитализму, а у правой части были прямо противоположные чаяния. Но на первое время пришли к договоренности, к общей принципиальной позиции.

Крыленко. Выражаясь несколько вульгарно, кто же кого обмишурил в этом деле — правая или левая часть?

Рамзин. В вопросе военной диктатуры несомненно взяла верх правая часть, которая оказалась более хитрой, более предусмотрительной.

Фридберг. А в чем же левая часть ЦК «Промпартии» взяла верх?

Рамзин. Левая часть получила уступку в смысле будущей формы государственного управления, т.е. договорились на буржуазно-демократической республике. Были отметены все разговоры относительно монархии. Вторая уступка, сделанная левой части, сводилась к оставлению земли у крестьян, к невозврату этой земли помещику и т. п., но, с другой стороны, нужно сказать, что уступки, сделанные правой частью, представляли из себя уступки теоретического характера, а уступки со стороны левой части, если бы была осуществлена интервенция, являлись уступками не теоретическими, а реальными.

Крыленко. А какова степень их реальности? Вы их считаете реальными?

Рамзин. Если бы началась военная диктатура, то появился бы на сцену целый ряд требований правой части, с которыми нельзя было бы бороться.

Крыленко. Было бы трудно.

Рамзин. Невозможно.

Крыленко. Военная диктатура была бы в руках правой части или левой?

Рамзин. Диктатура была бы тогда, я думаю, в руках военной части интервенции.

Крыленко. Правой или левой?

Рамзин. Я говорю — военной части интервенции и думаю, что после соотношение военных сил по указке французских кругов определило бы, кто бы взял верх. Я полагаю, что наши группировки внутри «Промпартии» никакого значения в этой борьбе иметь не могли бы, поскольку реальная власть находилась бы не в руках у меня, Ларичева или Хренникова, а в военных руках.

Крыленко. Лукомский правый или левый?

Рамзин. В конце концов Лукомский — я и сейчас так думаю — не являлся бы окончательным хозяином положения. Он был бы исполнителем тех предначертаний, которые бы ему давались. Точно так же, как в каждом государстве армия не является силой, решающей положение, а исполняет те директивы, которые ей даются, так и в данном случае: на Лукомского смотрели как на простого исполнителя. Окончательный курс политики зависел бы не от него, а от тех, которые ему давали директивы.

Крыленко. Реальная сила у кого была бы?

Рамзин. В конечном итоге у Пуанкаре.

Крыленко. А из «Торгпрома»?

Рамзин. «Торгпром» должен был бы играть второстепенную роль и действовать по указке французских влиятельных кругов.

Крыленко. И французские правящие круги давали бы эти директивы?

Рамзин. Я этого не утверждаю. Я говорю, что ни наша часть, ни часть «Торгпрома» при окончательном решении вопроса не играла бы доминирующую роль. Окончательное решение вопроса зависело бы от того, у кого была бы фактическая власть.

Крыленко. Значит, можно резюмировать, что вы до настоящего момента питаете иллюзии о возможности проведения путем интервенции и диктатуры той программы, которая была намечена?

Рамзин. Я этого не говорю.

Крыленко. Вы сейчас представляете себе, что дело могло повернуться иначе, но каковы были тогда ваши политические установки?

Председатель. Подсудимый Рамзин сказал, что он оставляет за собою право просить суд изложить свое кредо позже.

Крыленко. Как угодно, но это вопрос не политического кредо, а вопрос оценки практических взглядов.

Рамзин. Теперь я смотрю таким образом, что, несомненно, даже та минимальная политическая программа, которая намечалась «Промпартией», она не могла бы быть выполнена, потому что руководящую роль в конечном итоге играли бы не члены ЦК «Промпартии» с их политическими установками, с их политическими чаяниями, а решающую роль играли бы промышленные круги и затем военные круги, в руках которых находилась бы фактическая сила, и что эти круги, понятное дело, от тех установок, которые были сделаны в значительной степени с агитационной целью, с

целью вызвать переворот, отошли бы на другие позиции.

Крыленко. Октябризм третьей думской формации будет приблизительно правильным выражением политических устремлений «Торгпрома»?

Рамзин. Октябризм, пожалуй, являлся доминирующим настроением, особенно в «торгпромовских» кругах, потому что, по тем сведениям, которые я имею, «Торгпром» складывался, главным образом, из октябристских кругов и из право-кадетских.

Крыленко Как, по-вашему, октябризм и республиканизм — понятия совместимые?

Рамзин. Поскольку доминирующими кругами были октябристские круги, коекакие демократические меры мыслились.

Крыленко. Какая же была реально существенная первая уступка, которую вы завоевали, т.-е. не вы лично, а левые?

Рамзин. Реальный вес эта уступка, помоему, имела, главным образом, со стороны тех, кто ее сделал, — тут опять-таки агитационное значение, потому что с монархическими идеями или с какими-нибудь правыми установками вообще было нельзя ни в инженерную среду и вообще никуда показаться. Так что теперь я отчетливо вижу, что все эти установки на буржуазно-демократическую республику, на всякие свободы, на установление национализации топлива, на государственный капитализм в ведущих отраслях народного хозяйства, — что все это было обещанием, которое реальной базы и никаких реальных гарантий под собой не имело. Но формальная установка делалась такая, как я говорил.

Председатель Тов. Антонов-Саратовский имеет вопрос к обвиняемому Рамзину.

Антонов-Саратовский. Подсудимый Рамзин, можно ли вас в ваших об'яснениях понять таким образом, что русские имена ЦК «Промпартии», «Торгпрома» и военного диктатора Лукомского являлись лишь ширмой для французского командования? Об'ективно скажите.

Рамзин. Сейчас об'ективно я глубоко убежден, что руководящая роль, конечно, принадлежала бы не этим именам, а тому, кто держал бы в своих руках военные силы и военные нити интервенции, т.-е. французскому империализму.

Председатель. Об'является перерыв на 10 минут.

Председатель. Прошу занять места. Продолжается допрос подсудимого Ларичева. Подсудимый Ларичев, по первому и второму вопросу прокуратура имеет еще вопросы.

Крыленко. Вот, гражданин Ларичев, вы полагаете реальность этой программы или вы полагаете, что белый террор против рабочего класса, против крестьянских масс являлся об'ективным и первым результатом?

Ларичев. Сначала заблуждения в этом вопросе несомненно существовали, надеялись, что это может более или менее гладко пройти именно в том виде, как это здесь формулировалось, что не будет террора в широком смысле этого слова. Но по мере того как ближе приходилось знакомиться с методами и главными пружинами, двигавшими к подготовке свержения советской власти путем интервенции, и того, кто за этим стоит, то очевидно, что в первый момент милитаристические круги могут оказать весьма большое давление, может быть, даже на несклонных к этому вопросу.

Крыленко. Нет, вы прямо скажите. Вы полагали, что это было бы об'ективным результатом?

Ларичев. Сейчас о чем же можно говорить? Конечно.

Крыленко. Конечно. А тогда вы это не сознавали?

Ларичев. Иллюзия в первое время была, но постепенно она начала исчезать.

Крыленко. Это была политическая наивность или, может быть, более резко можно выразиться, со стороны наиболее добросовестных. Так, что ли? А со стороны более дальновидных?

Ларичев. Определенная ставка.

Крыленко. Может быть, мы так закончим. Вот вы человек, как говорите, который особенно политикой не занимался, но здравый смысл у вас имеется. Такая трактовка политической перспективы была. Если я такую альтернативу поставлю: либо политическая наивность, либо политическое лицемерие. Верно это или нет?

Ларичев. Правильно.

Они рассчитывали, что нэп «переродит» советскую власть

Председатель. Больше нет вопросов? (Нет). Защита имеет вопросы? (Нет). Подсудимые имеют какие-нибудь вопросы к подсудимому Ларичеву? (Нет). Ни с чьей стороны вопросов нет? Подсудимый Ларичев, у меня есть к вам несколько вопросов. Первый: когда именно вы были старшим инженером топливного комитета?

Ларичев. С конца марта 1918 г.

Председатель. Кто в это время был председателем топливного комитета?

Ларичев. Кирш.

Председатель. Кто был заместителем?

Ларичев. Ясинский.

Председатель (Рамзину). Вы были зам. председателя топливного комитета?

Рамзин. Нет, я тогда был секретарем.

Председатель. В вашей анкете значится: в 1918—1919 г. — зам. председателя топливного комитета.

Рамзин. Нет, я был сперва секретарем.

Председатель. Мне важно уточнить дату. Когда вы были секретарем?

Рамзин. Сначала председателем был Кирш, зам. председателя — Ясинский и секретарем — я.

Председатель. Значит во главе топливного комитета стоял Кирш, заместитель его — Ясинский и секретарь — Рамзин, а Ларичев был старшим инженером топливного комитета. Следовательно, между Киршем, Ясинским, Ларичевым и Рамзиным существовала определенная связь?

Ларичев. Правильно.

Председатель. Затем Рамзин стал председателем топливного комитета. В каком году это было?

Ларичев. В начале 1919 г. я уехал в Харьков. Это было после моего от'езда.

Председатель. Подсудимый Рамзин, в каком году вы стали председателем топливного комитета?

Рамзин. В начале 1919 г. я стал заместителем председателя топливного комитета.

Председатель. Ларичев возвращается в Госплан в качестве заместителя председателя топливной секции в каком году?

Ларичев. В 1922 г.

Председатель. В это время какое отношение вы, подсудимый Рамзин, имели к комитету?

Рамзин. Председатель топливной секции.

Председатель. Значит, можно сказать, что Рамзин и Ларичев встречаются за этот период времени в служебной сфере дважды — один раз по работе в топливном комитете, а другой раз — в топливной секции Госплана. Позвольте поставить такой вопрос подсудимому Рамзину: являлось ли это случайностью или стояло в плане стягивания определенных сил?

Рамзин. В это время никаких специальных намерений не было. Причины здесь достаточно ясны. Количество теплотехников и особенно плановиков настолько ограничено, что исчисляется единицами. С нашей стороны это было сделано без преднамеренности.

Председатель. Но вам, подсудимый Рамзин, была известна идеологическая установка Ларичева?

Рамзин. В это время Ларичев сколько-нибудь определенной идеологической установки не имел. Я уже указал, что Ларичев в этот период, с 1924—25 г., был совершенно бесцветной фигурой, и политическая установка у него почти отсутствовала.

Председатель. Политическая установка почти отсутствовала, но ведь направление взглядов, направление настроений — все это, вместе взятое, сближало вас с ним или нет?

Рамзин. В это время я и Ларичев стояли на советской платформе. Мы считали, что восстановление народного хозяйства проходит успешно, что необходимо принимать участие в этой работе.

Председатель. Но что означает советская платформа в ваших устах? Вы ведь сейчас указывали, что у вас было определенное политическое кредо против совласти. Правда, вы колебались, как вы говорили. Вы пришли работать в Госплан не для того, чтобы помогать и укреплять советскую власть, а потому, что верили в это время, что она перерождается на почве нэпа. Какая же это советская платформа?

Рамзин. Я считаю, что это была советская платформа, потому что та позиция, на которой я стоял, вполне отвечала тому курсу, который в то время наметился у советского государства.

Председатель. На этот вопрос нужно получить достаточно ясный ответ. Вы пришли в Госплан работать с каким политическим настроением, с какой идеологической установкой: помогать укрепляться советскому строю или помогать ему перерождаться? Как вы предполагали?

Рамзин. Никаких специальных установок в смысле перерождения в тот момент у меня не было. С тех пор, как была об'явлена политика нэпа всерьез и надолго, мы и приняли этот курс, как курс, взятый всерьез и надолго, и никакой специальной цели искусственного углубления этого курса в тот момент, когда я начал работать в Госплане, у меня не было. Думаю, что ее не было и у Ларичева.

Председатель. Я не говорю об искусственном углублении. Вы пришли работать в Госплан с убеждением, что советская власть на почве нэпа будет итти в направлении перерождения к капитализму или иначе — вот в чем вопрос.

Рамзин. В тот момент, когда я начал работать в Госплане, взятый курс советской властью с новой экономической политикой меня лично вполне удовлетворял. Я считал для себя этот курс вполне приемлемым.

Председатель. Почему этот курс вас удовлетворял? Вы надеялись, что при помощи этого курса к чему придет советская власть?

Рамзин. Никаких надежд в то время я не имел. Я считал, что при той экономической политике, которая была взята советской властью, имеется полная возможность правильно организовать и вести народное хозяйство. Никакой борьбы с советской властью я не вел, работал добросовестно и честно по восстановлению советской промышленности и народного хозяйства.

Председатель. Дело не так обстоит, как вы говорите. До перерыва после допроса, который велся со стороны обвинения и тов. Антонова-Саратовского, вы сформулировали свой взгляд таким образом: вы пришли в Госплан работать

потому, что вы рассчитывали на перерождение советской власти. Второй ваш тезис: вы отошли обратно, потому что вы убедились, что это — недостаточно основательная надежда. Сейчас выходит совсем иначе.

Рамзин. Выходит так же, как и в первый раз. До тех пор, пока политика нэпа продолжалась, до тех пор у меня никаких стимулов в то время для борьбы с этой политикой не было. Эти стимулы появились у меня тогда, когда был изменен курс.

Председатель. Вы утверждаете, что в то время вы честно хотели вместе с советскими учреждениями, советской властью участвовать в социалистическом строительстве?

Рамзин. Конечно. Я смею утверждать, что за этот период я не мало сделал.

Председатель. Сделали или хотели сделать — это другой вопрос. Значит, на капиталистических рельсах вы в то время не стояли? А как у вас, подсудимый Ларичев, обстоит дело в этом отношении?

Ларичев. Я пришел в Госплан из Донецкого бассейна с убеждением, что с большевиками можно работать, как я уже говорил. В Донбассе практическую работу я вел вполне добросовестно и с таким же намерением я решил итти работать в советские учреждения, не вдаваясь в тонкости происходящей борьбы, при чем, как технику, мне открывалась по этому пути определенная работа, а нэп, начинавшийся в это время, казалось мне, что он еще более открывает путь к возможности приложения и наших сил и стремлений к нашему идеалу.

Председатель. К какому идеалу?

Ларичев. Я сейчас скажу. В период военного коммунизма, хотя он и прошел для меня незаметным, но все же общий крен, который был сделан, общий нажим на интеллигенцию, правда, за ее активное выступление в виде саботажа, сказывались на общем положении той же самой интеллигенции. Но по мере того, как ей стали возвращать известное доверие, в частности, по мере того, как со стороны советской власти началось к нам, техникам-специалистам, известное доверие, мы поняли, что сейчас есть возможность работать в советских учреждениях, даже занимая ответственные должности. Становилось понятным, что можно итти и технически работать, именно технически работать.

Председатель. К чему же сводился ваш идеал?

Ларичев. Мы не могли воспринять основ пролетарского государства и тем более мы не могли воспринять пролетарской диктатуры. Нам казалось чем-то диким и странным не только с точки зрения нарушения нашего бытового и материального положения, но и с государственной точки зрения.

Председатель. Можно так поставить вопрос: куда по-вашему вел и должен был вести нэп?

Ларичев. К перерождению советской власти.

Председатель. По вашему представлению нэп, который был введен, должен был привести к перерождению советской власти, — мы можем так сказать. Это представление было вашим представлением? Вы так сказали?

Ларичев. Да.

Председатель. Вы вышли работать именно на этой платформе, т.-е. на платформе такого представления о нэпе, что нэп является прямой дорогой к перерождению советской власти.

Ларичев. Я работал и в условиях военного коммунизма. Когда же наступил нэп, то я его расценивал как стимул к своей работе в советском государстве.

Председатель. Нэп был для вас стимулом, это была ваша платформа в это время?

Ларичев. Как сказать? Если считать это за платформу, то часть технической интеллигенции, в том числе и я, стремилась к демократической республике с ее N количеством свобод, — в этом отношении, конечно, пролетарская диктатура с этим не совпадала. Но поскольку совершался переход, то, по-моему мнению, этот переход приближал советское государство к моему идеалу.

Председатель. Можно подвести итоги этой части допроса таким образом. Вы пришли работать потому, что это совпадало с вашими внутренними настроениями. Ваши настроения вам подсказывали, что путь дальнейшего развития советского государства есть путь перерождения. Это вам давало возможность работать в советских учреждениях. Так?

Ларичев. Я внесу здесь поправку. Это еще более сближало.

Председатель. Это было и вашей платформой. У Рамзина в основном была такая же платформа?

Ларичев. Рамзин в период своей работы в Госплане, повидимому, разделял мнение о возможности работать в полной мере в советских учреждениях. Насчет его политических убеждений я вам точных формулировок не могу дать, потому что даже свои собственные убеждения не всегда точно, на определенном этапе, можно прощупать. Изменение настроения в среде той же самой технической интеллигенции шло скачками то вниз, то вверх.

Единый фронт меньшевиков и кадетов

Председатель. У вас впереди была буржуазно-демократическая республика, а у Рамзина то же самое?

Ларичев. Его идеалом была демократическая республика.

Председатель. У вас был общий политический идеал, общее представление о

путях осуществления этого идеала. Вас это сближало как единомышленников?

Ларичев. Мы не были антагонистами, а в деталях, конечно, у нас были расхождения.

Председатель. Я о деталях не говорю. Но основные принципиальные установки у вас совпадали?

Ларичев. Мы отрицали крайне-правые, но и крайне-левые установки. Мы отрицали возможность возврата к меньшевистско-эсеровским установкам.

Председатель. А с другой стороны вы отрицали возможность существования советской власти?

Ларичев. Мы полагали, что советская власть должна была вылиться в какую-то другую форму, которая давала бы возможность осуществления нашей политики.

Председатель. Вы жили в этот период надеждами на то, что советская власть выльется в какую-то другую форму? Так я вас понимаю?

Ларичев. Да.

Председатель. Я это и называю вашей платформой.

Ларичев. Вы мне ее раз'яснили. Ваше раз'яснение совпадает с моим представлением. Здесь можно кое-что вам возразить, но основные принципы достаточно для меня ясны, и я считаю, что возражения делать не нужно.

Председатель. Я бы попросил вас возразить мне по поводу того, в чем вы со мной не согласны. Ведь здесь мы формулируем не мою установку, не мое представление о вашем представлении, а ваше представление и вашу установку.

Ларичев. Видите ли, единственное, в чем я хотел бы возразить, — это то, что я тогда не задумывался так над этими вопросами, как сейчас. Поэтому мне задним числом приходится формулировать свое отношение к этим вопросам. Тогда они были проще определяемы той формулой, о которой я сказал.

Антонов-Саратовский. Вы сказали, что сейчас вам все ясно, а тогда не было ясно. Но вот эта демократическая республика являлась вашим идеалом?

Ларичев. Да.

Антонов-Саратовский. В отличие от советской власти?

Ларичев. Да.

Антонов-Саратовский. Я думаю, этого совершенно достаточно в основном.

Председатель. И второй вопрос: в одном месте своих объяснений вы сказали, что вас сманили. Кто вас сманил? Почему вас сманили и куда вас сманили? Это было вами сказано тогда, когда вы говорили о переменах в служебном положении.

Ларичев. Это было в 1918 г. Я сообщил, что я оставался работать в Москвотопе, несмотря на открытый саботаж, который тогда проводился. Продолжая там работать до марта 1918 г., я находился в частых сношениях с Киршем и Ясинским, которые в это время образовали тепловой комитет.

Председатель. Виноват — Кирш, Ясинский и Рамзин?

Ларичев. Рамзин в это время служил в московской городской управе, но, кажется, и он туда вошел.

Председатель. И вот Кирш и Ясинский сманили вас в тепловой комитет?

Ларичев. Да.

Председатель. Почему?

Ларичев. Я был непосредственно помощником Кирша, работая в Москвотопе. Он меня знал, как вообще работника по тепловому хозяйству.

Председатель. А вы Кирша знали с политической стороны?

Ларичев. Да, у него были примерно такие установки, как я сказал, более ярко выраженного меньшевистского характера.

Председатель. Значит, можно сказать, что вы его знали, как человека более ярко выраженных меньшевистских взглядов? Он предложил вам у него работать, и вы согласились?

Ларичев. Я не расценивал этого согласия с политической стороны, а только с технической.

Председатель. Очевидно, вам было с ним работать сподручно?

Ларичев. Да, он был для меня достаточно высоким авторитетом во многих отношениях.

Председатель. Во многих или во всех?

Ларичев. Нет, не абсолютно во всех.

Председатель. А в области отношений к советской власти? Как он относился к советской власти?

Ларичев. Вначале резко отрицательно, а потом начал смягчать свою позицию. Можно сказать, что его злым гением был Ясинский, взгляды которого были нетерпимы.

Председатель. Вы работали под непосредственным руководством Ясинского?

Ларичев. Нет, главным образом Кирша.

Председатель. А вы раньше сказали — Кирш и Ясинский. Кто был Ясинский?

Ларичев. Он был заместителем председателя.

Председатель. Значит, вы имели непосредственную связь с кем — с Ясинским или с Киршем?

Ларичев. С Киршем.

Председатель. Кто был Кирш?

Ларичев. Кирш был председателем, Ясинский заместителем, а я был старшим инженером. В структуре самого теплового комитета работа не носила характера какого-то разделения на отделы, но была область работы...

Вот, скажем, мне непосредственно пришлось работать в области котельной техники с Киршем. Ясинский же работал по вопросам электрификации, по турбинным установкам.

Председатель. Но сношения с Ясинским вам приходилось иметь?

Ларичев. Да.

Председатель. Так что мы можем констатировать, что в то время, когда вас сманивали, во главе теплового комитета стояли Кирш и Ясинский, при чем Ясинский был, по вашим словам, матерым кадетом, а Кирш — меньшевиком.

Ларичев. Около меньшевизма.

Председатель. А у вас с ним было общее настроение?

Ларичев. Я вам формулировал уже.

Председатель. А у Рамзина какое настроение было?

Ларичев. В то время общественную работу он вел так же, как и я. Я работал в Москвотопе, он работал в качестве одного из работников московской городской управы.

Председатель. Понятно. Затем еще один вопрос. Вы говорили, что с начала 1926 г. вы стали открытым вредителем. Вот в это время вопрос об интервенции уже стоял перед вами открыто?

Ларичев. В это время нет еще, потому что это была только область определенных разговоров, но формулированных выражений, каких-нибудь планов в этом отношении в то время еще не существовало.

Председатель. А разговоры вели?

Ларичев. Да.

Председатель. С кем?

Ларичев. С Пальчинским, который давным-давно был не то что сторонником, а был определенно убежден в необходимости осуществления интервенции тем или иным путем, потому что в первый период считалось, что перерождение советской власти возможно, и возможно еще путем разных внутренних преобразований, если так можно выразиться, в частности под влиянием экономического кризиса, который уже начал подготовляться. Такая теория сдачи советской властью своих позиций и ее перерождения еще не была оставлена, но уже близилась к тому положению, что в конце концов эти надежды, повидимому, мало реальны, и уже в 1927 г., как я в своем заключении сказал...

Председатель. Значит, вы в 1926 г вели с Пальчинским разговоры об интервенции?

Ларичев. Нужно считать.

Председатель. А еще с кем вы вели разговор об интервенции?

Ларичев. Я с Пальчинским встречался редко, иногда в клубе горных деятелей, а главным образом в Госплане — с Рабиновичем, Федоровичем, Янушевским.

Председатель. Дополнительно есть вопросы у обвинения?

Крыленко. Можно закончить ваш допрос, как и допрос гр-на Рамзина, вопросом: с момента половины 1926 г. и до дня ареста вы были членом «партии» и активно продолжали исполнять ту работу, которая на вас лежала?

Ларичев. В «Инженерно-технический центр» я попал...

Крыленко. До последнего дня?

Ларичев. А потом с переформировкой «партии» продолжал работать. О мотивах и колебаниях говорить сейчас не буду.

Крыленко. Это потом. А продолжали работать до какого месяца?

Ларичев. Апрель.

Крыленко. До апреля 1930 г. и все время?

Агитация плюс денежная субсидия

Председатель. Слово имеет член суда тов. Львов.

Львов. Подсудимый Ларичев, вы в своем показании говорили, что вы были завербованы инженером Рабиновичем во вредительскую партию. Скажите, пожалуйста, вы, будучи в «партии», занимались вербовкой ниже стоящего вас инженерства?

Ларичев. Да, в некоторых случаях приходилось.

Львов. С какого времени и по какое время?

Ларичев. Работая в Госплане, мне мало сравнительно приходилось сталкиваться с работниками на местах. Поэтому главным образом, если можно так назвать, вербовочная деятельность шла в пределах нашей московской технической публики. Примерно, вступивши в «Инженерно-технический центр» в конце 1926 г., в 1927 г. мне пришлось иметь дело с некоторыми работниками, которых я считал необходимым привлечь к нашей работе.

Председатель. Тов. Антонов-Саратовский!

Антонов-Саратовский. Подсудимый Ларичев, может быть, вы расскажете о тех методах, которыми вы вербовали новых членов. Какие вы здесь употребляли приемы?

Ларичев. Это — трудный вопрос, потому что здесь чисто индивидуальный подход к каждому лицу.

Антонов-Саратовский. Но как вы подходили?

Ларичев. Зная психологию и настроение окружающей технической интеллигенции, зная, что прежде всего, чем человек страдает — большинство технической интеллигенции, в лучшем случае, или лойяльностью, я это тоже считал страданьем. Лойяльность показала, к чему она ведет. Или прямое неверие ни в организационные возможности Советской страны, хотя многие инженеры продолжали работать без всякого вредительства. Зная, что элементы неверия в организационные возможности давали почву говорить о том, что в конце концов это не только невозможно к осуществлению теми методами, которыми ведет

советская власть свое хозяйство, что невозможно улучшение общего благосостояния, в частности и улучшение личного благосостояния этих работников.

Антонов-Саратовский. Как вы улучшали личное благосостояние?

Ларичев. Не мы улучшали, а общие...

Антонов-Саратовский. А вы, улучшая, не подтягивали тех, кого вербовали, на лучшие должности?

Ларичев. Мне не приходилось по роду своих занятий. Наш госплановский состав был организован почти с самого начала, и никаких подтягиваний не было, а тех работников, которых я встречал в других учреждениях, в ВСНХ, там я никакого влияния не мог оказать на перетягивание.

Антонов-Саратовский. А другой метод был?

Ларичев. Да, пожалуй, был. Во всяком случае возможны методы...

Антонов-Саратовский. Я не говорю о всех мыслимых методах, а о практических методах, которыми вы вербовали. Я знаю, что много методов может быть мыслимо.

Ларичев. Мне лично не приходилось применять этого метода.

Антонов-Саратовский. Значит, только разговоры были. Никаких реальных, материальных методов не было?

Ларичев. Материальные — это то, что шли на поддержку различных организаций, это — финансирование, которое шло на поддержку различных организаций.

Антонов-Саратовский. Значит, агитация, затем денежная субсидия. А еще что?

Ларичев. Затем, когда выявилось, что речь идет о ставке на интервенцию, следовательно, необходимость людям подготовиться к этому вопросу, и поскольку колеблющийся человек был настроен с креном в определенную сторону, это было одним из главных поводов к тому, что эта идея поглотила ту часть инженерства, которая входила в состав «Инженерного центра» и «Промпартии» для того, чтобы, с одной стороны, себя застраховать на время возможного переворота от известных репрессий, занять при этом условии определенное положение. И вообще, поскольку общая установка была направлена к борьбе с советской властью, ясное дело, что такие агитационные разговоры с моей стороны и со стороны других лиц, конечно, привлекали публику в нашу среду.

Антонов-Саратовский. В тех отраслях промышленности, где в ваших руках было техническое руководство, пускали ли вы туда не ваших сторонников, а сторонников советской власти, или вы стремились в случае, если их назначают, вытеснять оттуда?

Ларичев. Я в Госплане в смысле распределения технических кадров...

Антонов-Саратовский. Я не только о вас спрашиваю, а вообще этот метод вербовки практиковался?

Ларичев. Тут известное противодействие назначению целого ряда партийных работников и других неугодных лиц было. В Госплан молодых старались не пускать. Калинников, может быть, по этому вопросу скажет, что со стороны Рабиновича даже инциденты были на этой почве, что молодых коммунистов вытесняли.

Антонов-Саратовский. А инженеров молодых, советских?

Ларичев. И молодых инженеров тоже.

Антонов-Саратовский. Еще какие вам известны методы застращивания?

Ларичев. Я уже упомянул, что, поскольку идея интервенции маячила, то каждому вербуемому говорили: смотрите, не промахнитесь.

Антонов-Саратовский. Значит, инженерам во время агитации говорили: если ты не присоединишься, то тебе будет плохо?

Ларичев. Да, пожалуй.

Антонов-Саратовский. Не пожалуй, а я хотел бы иметь ваше сообщение.

Ларичев. Мне лично не приходилось к такому приему прибегать, но я знаю, что такие соображения другими высказывались.

Председатель. Еще есть какие-нибудь вопросы?

Оцеп. Разрешите.

Председатель. Пожалуйста.

Оцеп. Устанавливается, в том числе вашими показаниями, что вредительство было как бы условием перерождения советской власти для внутреннего преобразования и условием для интервенции. Это были два параллельных течения в инженерной среде или это были две фазы, сменившие одна другую?

Ларичев. Как я в своих показаниях говорил, вся основная борьба контрреволюционных кругов технической интеллигенции сводилась к методу экономической борьбы, т.-е. к перерождению. Это был первый период борьбы.

Антонов-Саратовский. Как вы его датируете?

Ларичев. До 1927 г. чаяния были внутренние. В 1927 г. появилось новое течение. Тут уже для многих стало ясно, что концессионная политика терпит неудачу. Один из методов перерождения не удался, восстановительный процесс продолжается. С другой стороны, из-за границы начали поступать сведения, что идея интервенции не умерла. Уже с периода организации, оформления «Промпартии», с 1928 г., крен был определенный.

Идея интервенции доминировала

Оцеп. Значит, доминирующей мыслью было вредительство, как интервенция? Считаете ли вы, что были все же исклю-

чения, что были отдельные инженеры или группы, которые все же стояли на прежней платформе?

Ларичев. При оформлении «Промпартии» пришлось столкнуться с разношерстностью старых политических убеждений, и в рядах оформленной «Промпартии» не было и не могло быть абсолютного единства.

Оцеп. До последних лет?

Ларичев. Да. Последний год если нельзя назвать расколом, то во всяком случае была встряска инженерства под давлением выполнения пятилетки и целого ряда специальных моментов, которые наступали. Вот эта политика расслоения инженерства играла большую роль на настроения даже среди завербованного инженерства. Еще раз повторяю, что, говоря об инженерстве, я всегда говорю об инженерстве как мы привыкли на него смотреть. Громадная часть инженерства все-таки стояла далеко от нас.

Оцеп. Позвольте поставить вопрос так: Член вредительской организации в 1928—29 г., после образования «Промпартии», должен был обязательно состоять членом «Промпартии» или мог оставаться диким вредителем, не входящим в партию, хотя бы небольшие группы?

Ларичев. На этот вопрос как же ответить? Партбилетов у нас не было, и я не могу вам сказать. Выдавая партбилет, можно потребовать его определенного кредо, а этого у нас не было. В этом отношении я лично, как член ЦК, не мог знать всей массы инженерства, с которой мы сталкивались. И как я могу отвечать за мнение отдельных лиц! Мы знали через отраслевые центры, что имеются группы лиц, которые помогают проведению работы вредительского характера, но как Иванов, Сидоров относился к идее интервенции — я не могу сказать.

Оцеп. Вы, как член «Промпартии», не исключаете возможности, что за эти последние годы были или могли быть отдельные лица или группы, которые не разделяли основной точки зрения ЦК на вредительство как на условие интервенции, а стояли на точке зрения вредительства как толкания советской власти, выражаясь вашим языком, к внутреннему преобразованию. Такие группки могли быть?

Ларичев. Пожалуй, я могу дать только тот ответ, который уже дал, и этим исчерпать ваш вопрос.

Председатель. Может быть, вы уточните свой вопрос?

Оцеп. Меня интересует, знал ли обвиняемый, как член ЦК, что были определенные группки среди вредителей-инженеров, которые занимали позицию такую, что они вредительство проводили как метод внутреннего преобразования советской власти и были противниками интервенции, а до 1927 г. вы утверждаете, что такие группы были. Меня интересует, были ли они и после?

Председатель. Подсудимый Ларичев, вам этот вопрос понятен?

Ларичев. Да, я могу только сказать одно, что круг тех лиц, с которыми мне приходилось непосредственно сталкиваться, был ограничен членами «Промпартии». Среди них не могло быть таких, у которых эта идея не доминировала бы.

Председатель. Какая идея?

Ларичев. Идея интервенции. И если были нюансы, то только с принципиальной стороны. Я не знаю, о ком вы говорите, но я определенно скажу, что среди рядового инженерства при поездке в район я встречал ярый отпор общим установкам Госплана. Это действительно имелось, но было ли это лицо лойяльным и честным работником, или работником, обладавшим элементом отрицательного отношения, проще говоря, антисоветского отношения, — я поручиться за это не могу.

Председатель. У защиты вопросов больше нет?

Оцеп. Нет.

Председатель. У подсудимых нет? (Нет). А у обвинения?

Крыленко. Вопрос, которым интересуется защитник Оцеп, был таков: были ли такие инженеры в «Промпартии», которые в то же время, в 1929 г., полагали или не знали об интервенции или методе политической борьбы путем интервенции? В число таких инженеров не могло входить лицо, которое само встречалось с «Торгпромом» и которое беседовало об интервенции.

Ларичев. Конечно, нет.

Оцеп. Позвольте мне один вопрос. Конкретно. Ситнин, мой подзащитный, вам известный, состоял ли членом партии и не знал об интервенции, или, будучи членом «Промпартии», мог не знать об интервенции?

Ларичев. Я с Ситниным по роду своей деятельности не сталкивался, так как он работал в текстильной группе, и характеристику дать ему не могу.

Председатель. Больше нет вопросов? Защитник Оцеп, вас интересовал вопрос о Ситнине: был ли он членом вредительской организации или членом ЦК «Промпартии», был ли он только членом партии или же и был членом ЦК «Промпартии».

Оцеп. Примерно, так. Меня интересовало, был ли Ситнин членом «Промпартии», не будучи членом ЦК «Промпартии».

Председатель. Ларичев сказал вам, что он этого не знает. Когда мы будем допрашивать Ситнина, то мы этот вопрос уточним.

Крыленко. Больше вопросов у меня нет.

Председатель. Подсудимый Ларичев, садитесь, пожалуйста, на место. Подсудимый Калинников.

Угодно ли будет прокуратуре задать вопросы?

Крыленко. Будьте любезны дать очень кратко биографические данные и уточните момент вступления во вредительскую организацию, ту роль, которую вы играли, дайте данные о своей антисоветской, контрреволюционной работе помимо тех, которые вы уже сообщали в вашем показании.

ПОКАЗАНИЯ ПОДСУДИМОГО КАЛИННИКОВА

Калинников. Я родился в 1874 г. Отец мой был мещанин. Он до женитьбы занимался торговлей, был коробейником. Женился он на дочери помещика и получил небольшое приданое. Он сделался арендатором. Примерно за 45 лет своей работы в качестве земледельца он приобрел два имения, так что перед революцией у него было 200 десятин земли.

Крыленко. В переводе на деньги что это обозначает?

Калинников. Эти два имения стоили около 30—35 тысяч. Имения у него были в Тульской губ., не на юге.

Крыленко. Он был средним помещиком, стоимость его имений достигала 30—35 тысяч.

Калинников. Я должен подчеркнуть, что перед революцией эти два имения имели долг банку примерно на 10 тыс. р. Я кончил елецкую гимназию, а потом поступил в университет. Я имею дипломы двух высших учебных заведений — я окончил математический факультет, а потом окончил высшее техническое училище, тогда «Императорское», инженером-механиком, в 1902 г. Я при училище был оставлен для продолжения преподавательской деятельности и в 1906 г. уже получил по конкурсу курс доцента. В течение 10—12 лет я сосредоточил свою работу в исследовательско-механическом институте. Там была лаборатория испытания материалов, в которой была организована мною специально учебная и специально научная работа. В 1917 г. после Февральской революции я получил кафедру и стал профессором.

Крыленко. Это был ваш источник существования, исключительно научная профессорская работа?

Калинников. Да. Никаких других занятий до 1917 г. я не имел. Только в период войны, примерно в 1916 г., я был приглашен Земским союзом на должность члена совета автомобильного отдела Земсоюза. Там я пробыл один год, и в конце 1916 г. я перешел в управление уполномоченного по металлу. Как раз это управление было сорганизовано проф. Ясинским, о котором только-что шел разговор. В конце 1916 г. проф. Ясинский сорганизовал управление уполномоченного по металлу. Он меня туда пригласил в качестве заведующего техническим отделом. Если можно так выразиться, там были сделаны первые попытки к планированию — на обязанности уполномоченного лежал учет металла и его распределение. В Февральскую революцию я был как раз в этом управлении.

Кроме этого, в Техническом училище в период империалистической войны я вел работу в так называемой военно-технической комиссии. Во всех высших учебных заведениях были комиссии, которые подготовляли кадры из студентов для усиления работы военных заводов по изготовлению снарядов. Вот эту работу я вел во время империалистической войны.

Крыленко. Ваше материальное вознаграждение?

Калинников. В начале академической работы — около 100 р. номинально. Перед войной я получал около 250 — 300 р., не больше, имея уже в руках преподавание по двум специальным курсам и, кроме того, лабораторную работу. Не больше 300 р., примерно 250 р. — общая сумма заработка.

Крыленко. Это нормально для профессора?

Калинников. Тогда профессорский оклад был 3.000 р. в год, затем сделали 20-проц. прибавку — 3.600 р., но обычно они имели почасовую оплату, так что средний заработок был около 4.000 — 4.200 р. в год.

Разрешите закончить сначала академическую работу.

В 1917 г. я был назначен профессором и оставался профессором Технического училища до 1924 г. Как я уже говорил, в этот период произошло совершенно определенно контрреволюционное выступление, выразившееся в академической забастовке. Об этом я уже давал об'яснения при моем первом выступлении. Но, несмотря на это, Наркомпрос оставил меня в составе профессорской коллегии. Я был уволен или, вернее, получил приказ об отведении меня от преподавания в Техническом училище, — таково было постановление коллегии Наркомпроса, — в январе 1924 г. Я из Технического училища ушел. Но через несколько месяцев я получил приглашение от начальника Военно-воздушной академии, — кажется, тогда был Лазаревич, — взять на себя организацию кафедры опытного материаловедения. Я был очень удивлен, но мне начальник раз'яснил, что всякого рода отведения от преподавания в гражданских втузах не могут распространяться на военные, и «вы нам не опасны, поэтому мы вас привлекаем».

В Военно-воздушной академии я оставался до последнего времени, до ареста. Там была образована лаборатория испытания материалов под моим руководством. Кроме того, в 1928 г. по приглашению ректора Московской горной академии академика Губкина я взял на себя кафедру... и ведение лаборатории испытания материалов.

Тогда должен был быть конкурс. Как раз он и некоторые другие профессора рекомендовали меня на конкурс, но в виду ожидавшегося вообще пересмотра состава, или, как говорили, чистки, конкурс затянулся довольно длительно, и я был вынужден, примерно в начале текущего года, отказываться от дальнейшей работы в Горной академии. Значит, я там пробыл профессором год с небольшим.

Вот, собственно говоря, вся академическая работа. Можно было бы еще подчеркнуть, что во время империалистической войны и затем дальше, в советских условиях, в пределах Технического училища, я организовал Институт испытания материалов, об'единив некоторые лаборатории — химическую, металлургическую и т. д., который работал под моим председательством с 1916 г. по 1924 г.

В 1924 году я автоматически должен был оставить эту работу, так как был отведен из состава преподавательской коллегии. Вот вся академическая работа. Но параллельно с этим, уже в советских условиях, я занимался и работал по совместительству.

Я уже сказал, что Февральская революция застала меня в управлении уполномоченного по металлу. Я работал вместе с Ясинским. Я уже остановился в своих об'яснениях, что эту работу я закончил в 1918 г. в виду явного саботажа, когда в управление этого уполномоченного пришла рабочая коллегия металлистов. Должен подчеркнуть, что Ясинский раньше меня ушел, — он ушел примерно в январе или феврале — отказался работать,—и вместо него назначен был Вейцман. Вейцман пробыл менее двух месяцев, после него была коллегия. После этого я вернулся опять на советскую работу в 1919 г. В 1919 г. состоялось назначение меня членом технического совета, тогда при Главметалле. Меня заинтересовала там главным образом техническая работа. Мне было поручено руководство специальной комиссией по пересмотру норм водопроводных труб. Я там в течение 4 примерно лет вел эту работу. Эти нормы были разработаны, и они теперь фактически, с некоторыми редакционными поправками, приняты комитетом по стандартизации и уже введены. Эта работа была чисто техническая, никаких иных вопросов там не рассматривалось.

Затем, за этот период или немного меньше — с 1919 по 1922 г., я был членом научно-технического комитета. Это был комитет при НТУ. Я напомню, что его председателем был проф. Новиков, тот Михаил Михайлович Новиков, который был среди группы профессоров выслан за границу. Он, кажется, сейчас не то в Праге, не то в Берлине ведет работу.

В 1921 г. я был приглашен, несмотря на этот инцидент с академической забастовкой в Техническом училище, в Госплан. Я очень недоумевал и колебался, принять ли мне это назначение. Но, должен сказать, оно мне крайне польстило, так как это назначение было слишком высокое: это было назначение по постановлению Совета народных комиссаров, тогда — по постановлению Владимира Ильича Ленина. Я от своих коллег слышал об очень интересной работе, которая ожидается в Госплане, так что я пришел в Госплан, очень недоумевая, каким образом меня могли назначить. Но об'яснил я себе это так, что в это время был период нэпа и ожидающееся изменение политического режима, так что, может быть, этим можно было об'яснить, и можно было мириться с неподходящим по своему политическому настроению человеком.

Примерно с половины 1924 г. я получил еще более высокое назначение — членом президиума Госплана. Я себе тогда об'яснял это тем, что к тому времени под моим руководством была сделана первая попытка составить самую грубую, может быть приближенную, пятилетку Госплана. Я тогда выступил с докладом в президиуме Госплана. Конечно, эта попытка была, с нашей современной точки зрения, весьма слабой, но так как она была первой, — в то время вообще только заговорили о больших перспективных планах,— то я думаю, что, может быть, этот момент выдвинул меня, и таким образом я получил должность члена президиума Госплана.

В этой должности я оставался до января текущего года и большую часть этого времени был председателем промышленной секции. Должен сказать, что председателем я был назначен с 1923 года, здесь был перерыв на один год, когда был назначен председателем т. Гринько. Он председательствовал один год, а я был его заместителем. Кроме этого, я был членом комитета государственных заказов, — сначала кандидатом в члены по назначению Совета труда и обороны, а потом членом. Это — примерно с 1926—27 г. до дня ареста. Я был членом Совета стандартизации до 1927 г. и, наконец, членом технического совета Гипромеза с 1927 до 1929 г. включительно. С конца 1929 г. или даже с января текущего года произошло некоторое расформирование, и я не попал в этот технический совет.

Из некоторых должностей, которые соприкасались здесь, я должен подчеркнуть, что с 1927 г. до конца ликвидации ВАИ я был председателем научно-технического совета ВАИ и редактором «Вестника инженера» — научно-технического органа ВАИ, а когда ВАИ была ликвидирована, то я перешел в ВОМБИТ. Вот, собственно говоря, вся моя служебная работа.

Крыленко. Можно конкретизировать: академическая работа — профессор Академии военно-воздушного флота; служебная работа — член президиума Госплана и председатель... какой секции?

Калинников. Председатель промышленной секции Госплана.
Крыленко. Затем член целого ряда научно-технических советов и редактор одного из специальных журналов научного типа?
Калинников. Да.
Крыленко. На эти должности вы получали назначение непосредственно по постановлению СНК?
Калинников. По постановлению СНК я был назначен членом президиума Госплана и членом комитета по стандартизации, а также членом комитета по государственным заказам. Все это было по постановлению СНК.
Крыленко. Четыре должности по постановлению СНК?
Калинников. Да.
Крыленко. Вы это рассматривали как результат изменения курса правительственной политики, или определенного политического доверия вам, или как оценку ваших научно-технических знаний?
Калинников. В 1921 г., когда я поступил в Госплан, меня никто не знал. Это нужно было об'яснять так, что переход к нэпу потребовал привлечения работников, и кто-то меня рекомендовал. Я не могу об'яснить, почему на мне остановился такой выбор. А дальше я об'ясняю, что это было выражение определенного доверия со стороны советской власти.
Крыленко. Определенный акт доверия со стороны советской власти? Какое материальное вознаграждение вы получали?
Калинников. В Госплане я получал 400 р., 500 р., а с конца 1929 г. 600 р.
Крыленко. А общая сумма заработка?
Калинников. Общий заработок, считая и литературный, достигал в последние 2—3 года 1.000 р. в месяц.

«Чем хуже, тем лучше»...

Крыленко. Скажите теперь о ваших политических настроениях в период Октябрьской революции до последнего дня.
Калинников. Февральскую революцию я встретил сочувственно. Я должен сказать, что перед Февральской революцией, когда политические настроения были довольно оживленные, у меня политические воззрения ориентировались на кадетскую партию. В 1917 г. было настойчивое желание привлечь меня в эту партию, но я все-таки членом партии официально не был, но по своим убеждениям я в 1917 г. был кадетом. Октябрьскую революцию я встретил определенно враждебно. С Октября мои отношения к кадетской партии, в виду того позорного провала, которым она завершила свое участие во временном правительстве, охладели, и политические убеждения стали левее.
Крыленко. Левее?
Калинников. Да.
Крыленко. А в дальнейшем как вы формулируете антисоветские настроения?

Калинников. Я уже в своих основных показаниях об'яснял, что контрреволюционные настроения по адресу советской власти меня все время не оставляли. Они начались с октября 1917 г., при чем были некоторые нюансы ослабления, например, в 1921 г., когда я поступил в Госплан; а когда был об'явлен нэп, у меня создалось впечатление, что это есть начало изменения политики советской власти, пролетарской диктатуры в смысле ее смягчения, что это есть возможность рассчитывать на некоторое ослабление нажима со стороны пролетарской диктатуры, и в этом отношении появились надежды на некоторого рода перерождение в смысле смягчения самого строя. Это было в 1921 г. Этим и об'ясняется первое время моей, я бы сказал — довольно успешной, работы в Госплане с 1921 по 1924 г. и тот первый перспективный план, о котором я говорил, и затем назначение меня членом президиума Госплана. Но когда восстановительный период был закончен, у меня появились опасения, что в дальнейшем вопрос перерождения власти отпадет. Первое наше явное начало вредительской работы заключалось в подготовке плана сдачи в концессию. Это было примерно в 1926 г., когда была об'явлена широкая программа концессионной политики, и нас — работников Госплана — привлекли к разработке плана. Мы получили от Госплана поручение составить концессионный список об'ектов по промышленности и транспорту и промышленных сельскохозяйственных предприятиий. Как я уже говорил в своих об'яснениях, это была уже определенно вредительская работа, так как те лица, о которых я говорил, и я в том числе, старались разрабатывать список предприятий, не учитывая интересов советской власти, а учитывая интересы тех капиталистов, которые могут выступить в качестве кандидатов-концессионеров.
Была ли какая-нибудь подготовка к этому? Меня не нужно было особенно подготовлять в смысле настроений, но все-таки должен сказать, что я в этом отношении в значительной мере укреплялся в своих антисоветских настроениях со стороны Пальчинского и Рабиновича. Я с Пальчинским встретился в 1923 г., когда он начал работать в районной секции. Это был период неизжитых кризисов. Его любимой фразой было «чем хуже, тем лучше», и углубление всякого рода кризисов он приветствовал
Антонов-Саратовский. Был пораженцем?
Калинников. Да, было так.
На этой почве были различного рода разговоры. Эти разговоры склонялись к тому, что большевики все равно не справятся, с этим нужно примириться, ничего из этого восстановления не выйдет, потому что оно хотя и идет быстро, но это не за счет организационных возможно-

стей, а за счет того, что они получили огромные запасы сырья и ресурсов на фабриках. Это идет самотеком. Это было его любимым об'яснением. В таком же направлении выступал и Рабинович. Эта обработка действовала не только на меня, но и на весь руководящий состав промышленной секции. Все руководители промышленной секции, о которых я говорил в своем об'яснении, находились под такого рода взаимодействием, тем более, что среди них Рабинович занимал определенную позицию. Должен подчеркнуть, что в промышленной секции Рабинович появился в 1924 г., когда был назначен Ларичев председателем топливной секции, а он не пожелал остаться в качестве заместителя председателя и ушел, при чем его перевел Глеб Максимилианович. До этого я с ним не был знаком и познакомился в 1924 г., а в 1923 г. начались разговоры об укреплении антисоветских настроений со стороны Пальчинского.

Идея интервенции была продиктована извне

Крыленко. Конкретно вы начало организационных связей, начало своей вредительской работы относите к какой дате?

Калинников. К 1926 г. Это — начало работы комиссии по выработке концессий под руководством Осадчего.

Крыленко. Инициатива о выработке концессий исходила со стороны или вы ее предложили?

Калинников. Это было предложение Главного концессионного комитета Союза.

Крыленко. Не Главный же концессионный комитет предложил вам вести вредительскую работу в области концессионной политики? В этом отношении это была ваша инициатива или со стороны были указания и были согласованы Пальчинским и Рабиновичем?

Калинников. Это разрабатывалось в такой системе — по отдельным специальностям: Рабинович разрабатывал по горной промышленности, по металлической — Гартман и Таубе. Хренников примыкал из ВСНХ. Так же было по отдельным отраслям промышленности.

Крыленко. Эту вредительскую установку в области концессионной политики вы сами обосновали или вам подсказали со стороны? Или было согласовано?

Калинников. Не помню, чтобы это было согласовано.

Крыленко. Что же, по вашей инициативе?

Калинников. В каждой отдельной группе была своя установка.

Крыленко. А вы до этой установки сами лично дошли?

Калинников. Сам.

Крыленко. В этом отношении вас нужно считать человеком, который в практической вредительской работе в области концессионной политики действовал не по чужим указаниям, а по своей личной инициативе?

Калинников. Да, я сам это признаю. Я сам начал работать. У меня такое убеждение, что руководители отдельных групп также по своим убеждениям начали работу.

Крыленко. Изолированно?

Калинников. А когда пришли на заседание об'единенной промышленной секции, выявились одинаковые идеологические установки.

Крыленко. И начались разговоры, так сказать, «по душам»?

Калинников. Разговоры об общих указаниях, о согласовании.

Крыленко. На факте установления вредительской работы начались разговоры в одном направлении. А когда организационное оформление наступило в смысле руководства и согласованных действий?

Калинников. Вторая работа, на почве которой укреплялась организационная согласованность, это было приступление к составлению пятилетки. Это как раз относится к 1927 году или даже к концу 1926 г. Но начало это лучше отнести к 1927 г.

Крыленко. Согласование на почве практической работы наступило в этот период, а увязка практическо-вредительской работы с общими политическими установками когда наступила?

Калинников. Увязка с общеполитическими установками наступила тогда, когда ответственные работники, — не только я, но и руководители отдельных групп,—примкнули к «Союзу инженерных организаций». Я это отношу к началу 1927 г. (но мне, например, известно, что вступление Рабиновича и Пальчинского произошло значительно раньше, а Гартмана, Таубе — в 1926 г.). Я лично начал принимать участие сначала в совещаниях, созываемых Хренниковым. Это можно отнести к началу 1927 г. Мое же привлечение в «Инженерно-технический центр» можно отнести к середине года, к началу лета 1927 г. Оно произошло довольно быстро.

Крыленко. Приблизительно организационное закрепление и политическое оформление произошло у вас в 1927 г. Практическая работа у вас началась в середине 1926 г.?

Калинников. Если считать концессионную работу, то практическая работа началась в середине 1926 г.

Крыленко. Вы заняли руководящее положение в центре организации сразу?

Калинников. В 1927 г., как Хренников мне сказал, вопрос о переходе с конкретного вредительства на плановое уже начал усиленно занимать круги «Инженерно-технического центра». Ему было необходимо привлечь центральную фигуру из Госплана Союза, через которую проходили бы ответственные планы по промышленности. Вот почему Хренников об-

ратился ко мне с предложением принять более близкое участие в «Инженерном центре».

Крыленко. А вы принимали участие в предварительной формации «Союза инженерных организаций» в том же клубе горных деятелей?

Калинников. В клубе горных деятелей я не принимал никакого участия.

Крыленко. Вы не принимали участия в предварительных политических собраниях?

Калинников. Я ни одного разу на них не присутствовал. Как я уже сказал, я был председателем Научно-технического совета. Научно-технический совет был организацией, которая не примыкала ни к одной из секций ВАИ. Она была выше секций, вышестоящей организацией.

Крыленко. Ваша деятельность по оформлению организационного характера работы продолжалась до последнего времени?

Калинников. До самого конца.

Крыленко. В политических программных вопросах вы разбирались совершенно свободно?

Калинников. Я уже указал, что из всей моей предшествующей работы вытекало то, что я был политически малограмотным человеком. Если я интересовался политикой, то этот интерес, если можно так выразиться, был вынужденным. Войдя в «Инженерный центр», когда вопросы политики стали слишком неот'емлемой частью его работы, я должен был более детально подойти к политическим вопросам. В тот момент, когда я входил, у меня создалось убеждение, что политические настроения еще были недостаточно конкретно вырешены. Общая установка была на буржуазно-демократическую республику. Эта установка была наиболее единодушной. Но детальные моменты политической программы, а главным образом тактическое осуществление ее, находились в периоде оформления. У меня создается такое впечатление, что даже идея интервенции не родилась внутри у нас, а была продиктована извне.

Крыленко. Была продиктована извне?

Калинников. Да. Потому что большая часть установок была такова, что мы не могли никак отрешиться от идеи перехода с одного образа правления к другому путем известного перерождения. Это еще больше укреплялось той политической борьбой, которая происходила в рядах партии. Мы рассчитывали, что такая резко выраженная генеральная линия партии может со временем измениться в зависимости от известного усиления так называемого правого уклона. Но когда уже стал выясняться определенный провал надежд в этом направлении,— а в это время параллельно уже наши члены, которые ездили за границу, привезли установку на интервенцию,— тогда никакого сомнения не было, что, чтобы достигнуть успеха в свержении советской власти, нужно было опираться еще на помощь извне в виде интервенции.

Крыленко. Скажите, в период 1905 г. вы в политических выступлениях, в политической работе,— ну, хотя бы в порядке голосования, — не принимали участия?

Калинников. Нет. Ни студентом, ни преподавателем я никогда не принимал участия в политических вопросах, я был чистым академиком.

Крыленко. Вы говорили — извне была принесена идея интервенции, так что методы ее осуществления, то, о чем мы спрашивали Ларичева и Рамзина, вам были достаточно ясны?

Калинников. Методы осуществления — вооруженное нападение.

Крыленко. Понятно, интервенция — вооруженное нападение; но то, что мы говорили относительно военной диктатуры и практической цены, которую должны заплатить трудящиеся массы за установление этого порядка?

Калинников. Относительно военной диктатуры должен сказать: у меня создалось такое убеждение из многочисленных разговоров, что идея военной диктатуры — она также не родилась среди «Инженерного центра», а военная диктатура являлась результатом появления самой идеи интервенции. Вот почему с нашей стороны, я думаю, и не было таких практических конкретных, что ли, разработанных условий для проведения самой диктатуры.

Крыленко. А метод реставрации капитализма вы себе представляли?

Калинников. Метод реставрации, — конечно, раз была бы введена диктатура, был бы, естественно, белый террор. Другого ничего не могло быть.

Крыленко. Так что подобного рода рассуждения, которые вы здесь слышали о неясности в этом отношении...

«Интервенты были бы хозяевами положения»

Калинников. Тут никакого сомнения не могло быть. Разрешите на этом немного остановиться: раз мы базировались на иностранной интервенции, то при победе иностранных войск, иностранной буржуазии, иностранного империализма, конечно, прежде всего они постараются расправиться самым жесточайшим образом со всем, что породило и поддерживало развитие советского строя, так как это является бельмом на глазу у буржуазного мира.

Крыленко. Это ваше представление, представление человека, стоящего в общем практически далеко от политических вопросов, в прошлом по крайней мере?

Калинников. Так мне рисовалось практически. Но я был членом определенного коллектива. Хотя я и высказывал свою

точку зрения, но я должен был поддерживать общие, коллективные решения и в этом отношении не мог диктовать своих условий.

Крыленко. Когда Рамзин здесь говорил относительно того, что он недостаточно четко представляет себе об'ективную неизбежность, то вы, даже стоя более далеко от вопросов политики, достаточно четко представляли себе ситуацию?

Калинников. Для меня это было ясно.

Крыленко. Я полагаю, что это было ясно для всех членов вашей организации?

Калинников. Мне думается, что это не могло быть неясным. Раз придут сюда иностранные войска, они вопрос о диктатуре во всяком случае будут решать сами. «Промпартия» и «Торгпром» ничего не смогут здесь сделать. Они будут хозяевами положения.

Крыленко. А вы согласитесь, быть может, с моей формулировкой, что всякое иное воззрение или пропаганда иного воззрения есть политическое лицемерие?

Калинников. Я с вами согласен.

Крыленко. Скажите, пожалуйста, конкретнее: вы какую-нибудь практическую работу по вербовке вели?

Калинников. В пределах Госплана состав промышленной секции, которая, понятно, мне была подчинена, получался таким образом. Те фамилии, которые я вам здесь назвал, например, Гартман, был привлечен Глебом Максимилиановичем. Он лично был знаком, так что я познакомился с Гартманом тогда, когда он был привлечен. Глеб Максимилианович спрашивал меня, прежде чем назначить, буду ли я иметь возражения, но так как я его не знал, узнал о нем из анкеты, что он хорошо знает Урал, я не возражал. Так же был привлечен Рабинович, таким же путем были привлечены Чиликин и Майер.

Что касается всех остальных, то они проходили через мое представление, не по инициативе Глеба Максимилиановича Кржижановского. Таким образом был привлечен Камзолкин.

Крыленко. А Камзолкина вы знали? Он уже был членом организации?

Калинников. В то время, как я его представлял? Нет, это было раньше.

Крыленко. Вы его представляли как определенную техническую силу?

Калинников. Я как определенную техническую силу его и знал.

Крыленко. А политически?

Калинников. А политически — я думаю, что он вместе со мной вошел в «Инженерный центр». Гартман и Рабинович раньше меня вошли, это я узнал от Хренникова, а Камзолкин вошел вместе со мною.

Крыленко. Он специалист по химии и по военным вопросам, кажется?

Калинников. Он занимался азотной проблемой, это соприкасается с военными вопросами.

Крыленко. А конкретно вы могли бы указать, кого вы лично вовлекли в организацию, если были такие факты с вашей стороны?

Калинников. Видите ли, мне не приходилось этого делать, и я вам об'ясню, почему так выходило. Я имел дело с руководителями этих отдельных групп, они были почти одновременно со мною в центре, и дальше они сами пополняли свой состав.

Крыленко. Так что вы на периферию не опускались?

Калинников. Я не мог по чисто служебным и тактическим соображениям, потому что если бы я вмешался в приглашение сотрудников ниже стоящих, то я отвечал бы за работу самой группы.

Крыленко. А вот относительно вопроса, который член суда тов. Антонов-Саратовский задавал предыдущим обвиняемым,— вопроса о методах противодействия привлечению в Госплан лиц, которые с вашей точки зрения недостаточно отвечали вашим требованиям,— что вы можете сказать? Это с вашей стороны имело место?

Калинников. То-есть техника, против моей воли или против моего осведомления,—тут мне не приходилось самому этого делать. По рекомендации заведующих отдельными группами я пропускал угодных лиц. Угодных в каком смысле? Они удовлетворяли по своему политическому настроению, по своему техническому багажу тех руководителей, которые их привлекали. Но вспоминаю, что в 1926 г., — нет, даже позднее, в 1927 г., когда было постановление по партийной линии усилить несколько партийный состав секций Госплана,— в промышленную секцию были командированы три молодых коммуниста, — кажется, окончивших Коммунистическую академию, экономисты. Должен определенно сказать, что все руководители наших групп,— и я в этом отношении беру на себя вину,—встретили довольно враждебно эту молодежь. У нас создались обостренные отношения, они создали нерабочую атмосферу, двоих из них сняли с работы, потому что они просто поступили недостаточно тактично, а третий остался и продолжал работать все время.

Но я это говорю просто как пример, что в общем коллектив промышленной секции относился довольно враждебно к такого рода пополнению.

Крыленко. Не пускали?

Калинников. Не пускать не могли.

Антонов-Саратовский. Но могли создать атмосферу?

Калинников. Атмосферу я изложил.

«Обязанности» члена ЦК «Промпартии»

Крыленко. Какие обязанности на вас, как на члене ЦК, лежали? Обязанности постоянные? Текущие?

Калинников. На мне была работа по увязке промышленного плана. Промыш-

ленная секция Госплана составляла все эти планы.

Крыленко. Я говорю о вредительских обязанностях.

Калинников. Я об этом скажу. На мне лежала обязанность увязывать промышленный план. Когда я получил задание из «Инженерного центра», а потом из ЦК вредительски увязывать этот план, то я старался пропускать все те дефекты, которые получались в виде несогласования развития отдельных отраслей, а также в виде диспропорций, которые были во вредительских работах Госплана, а также и в планах, представляемых из ВСНХ. В этом заключалась моя работа.

Крыленко. В академической среде в порядке преподавания, чтения лекций вы осторожно, скажем, но все же проводили определенные политические идеи антисоветского характера?

Калинников. Я читал технический курс— сопротивление материалов—в Горной академии. Там никак нельзя было касаться вопросов экономики, потому что это чисто расчетный курс. Если бы я как-нибудь свел на эту тему, то было бы большое удивление со стороны аудитории. Что касается аудитории Военно-воздушной академии, то там этих вопросов касаться было совершенно невозможно, так как так называемый начальник курса специально командировал лицо из комячейки академии, которое было все время контролером всех наших словесных преподаваний. Так что я не пытался это делать.

Крыленко. Вы считали, что это об'ективно было исключено?

Калинников. Совершенно невозможно.

Крыленко. Какую кафедру занимали?

Калинников. Авиационное материаловедение.

Крыленко. Как вы заняли эту кафедру: в порядке приглашения или в порядке конкурса?

Калинников. По приглашению начальника академии при согласовании с Главтузом. Конкурса тогда не было. Там вообще конкурс не полагается.

Председатель. У вас больше нет вопросов?

Крыленко. Нет.

Антонов-Саратовский. Скажите, пожалуйста, в начале нэпа появились труды Устрялова, которые оценивали нэп. Вы их читали?

Калинников. Нет.

Антонов-Саратовский. И фамилии Устрялова не слышали?

Калинников. Фамилию знал, но читать у меня не было времени.

Антонов-Саратовский. Вы говорили, что вы и в 1905 и в 1906 гг. были человеком совершенно аполитичным. Вы «Русские ведомости» читали, профессорский орган?

Калинников. А как же!

Антонов-Саратовский. Вы разделяли их точку зрения?

Калинников. В каком году?

Антонов-Саратовский. В 1905—06—07.

Калинников. Я политикой не занимался. так что в тонкости политических тенденций «Русских ведомостей» не вникал.

Антонов-Саратовский. Когда были выборы в Государственную думу, вы за кого-нибудь голосовали?

Калинников. Я голосовал за кадетов.

Антонов-Саратовский. Здесь Рамзин нам рассказывал насчет диктатуры, что он мыслил диктатуру без репрессий или с минимумом репрессий. Скажите, пожалуйста, в ЦК «Промпартии» Рамзин отстаивал такую точку зрения?

Калинников. В ЦК «Промпартии» о практическом осуществлении диктатуры я не слыхал.

Антонов-Саратовский. Но как член ЦК «Промпартии», как вы относились к этому вопросу? Ведь вы обсуждали, какой ценой крови будет куплена эта военная диктатура?

Калинников. Таких собраний, на которых детально обсуждалась бы программа военной диктатуры, не существовало.

Антонов-Саратовский. А каким-нибудь образом этот вопрос у вас обсуждался?

Калинников. Про буржуазно-демократическую республику было разговоров очень много, и после многих отдельных встреч и бесед приняли об'единяющую установку. Так, вопрос об акционировании промышленных предприятий более или менее об'единял всех. Вопрос о диктатуре не был предметом длительных дебатов, он являлся скорее навязанным под влиянием иностранных сношений, чем возникшим внутри, но он был как бы приписан «Промпартии», раз она вошла в контакт с «Торгпромом» и иностранными промышленными кругами. Именно он был навязан в порядке директивном, а у нас единодушия не могло быть.

Антонов-Саратовский. Вопросы, которые вы обсуждали, вы на голосование не ставили? По спорным вопросам вы вели горячие прения. Так, у вас были споры относительно буржуазно-демократического или какого-нибудь другого строя. По вопросу об акционировании вы тоже спорили очень много. Об интервенции же вы не спорили, а признали ее как само-собой разумеющуюся?

Калинников. У нас было безвыходное положение. Раз нельзя было достигнуть цели собственными внутренними силами, интервенция была выходом, и поэтому мы приняли эту идею.

Антонов-Саратовский. Диктатуру вы тоже приняли как необходимость?

Калинников. Как неизбежное следствие интервенции; диктатура была временной.

Антонов-Саратовский. Говорил ли на каком-нибудь заседании ЦК Рамзин, что вы, вводя диктатуру, все-таки не сделаете ее кровавой? Был ли такой разговор?

Калинников. Я четко не вспоминаю. Такой разговор возможен, но практически это не только мне, но и другим не рисовалось возможным осуществить.

Антонов-Саратовский. Считаете ли вы возможным, чтобы военная диктатура после переворота была бескровной?

Калинников. Это невозможно, белый террор не может быть бескровным.

«Аполитичный» Калинников руководил забастовкой

Председатель. Есть ли какие-нибудь вопросы со стороны защиты? Подсудимые имеют вопросы? Нет. Ваш отец имел 200 десятин земли до революции?

Калинников. Да.

Председатель. А что сделали с этой землей?

Калинников. Она была национализирована.

Председатель. Октябрьская революция лишила вашего отца этой земли?

Калинников. Да.

Председатель. Вы, кажется, говорили о том, что у вас были кадетские взгляды. Как вы понимаете кадетские взгляды — это политические взгляды в области политики или неполитические взгляды?

Калинников. Политико - экономические взгляды.

Председатель. Следовательно, кто разделяет кадетские взгляды, тот имеет определенную политическую установку?

Калинников. Да.

Председатель. Второй вопрос: вы, кажется, проводили, будучи ректором МВТУ, саботаж и организовали забастовку?

Калинников. Принимал участие и руководил забастовкой.

Председатель. Под каким лозунгом шла эта забастовка — профессорская или студенческая?

Калинников. Профессорская. Она шла под лозунгом академической автономии.

Председатель. От кого автономии?

Калинников. От вмешательства Наркомпроса.

Председатель. От советской власти?

Калинников. Да.

Председатель. Следовательно, эта забастовка была направлена против советской власти?

Калинников. Да.

Председатель. Она носила политический характер?

Калинников. Да.

Председатель. Как это согласовать с вашим утверждением, что вы были вне политики?

Калинников. Я не отрицаю, что я все время был контрреволюционно настроен.

Председатель. Вы в своих показаниях говорили, что вы интересовались только техническими науками, не должны интересоваться политическими науками, должны быть вне политики.

Калинников. Я об'ясняю таким образом: я был политически не так грамотен, чтобы мог разбираться в тонкостях политических программ различных партий. С этой точки зрения я и говорил о своей аполитичности. А здесь я употребил эти слова, чтобы скрыть свое действительное политическое настроение. Это довольно распространенная среди технической интеллигенции ширма, которой покрывают свое настроение. И здесь аполитичность нужно понимать в кавычках. Политическое настроение у меня было враждебное к советской власти, а тонкости могут быть различные.

Председатель. Следовательно, ваша аполитичность была политическая?

Калинников. Да.

Председатель. Вы сказали, что после провала кадетской партии вы отошли от кадетских взглядов и стали даже левее. Какой же именно провал отбросил вас от них?

Калинников. Я считал, что они сыграли позорную роль, что упустили власть из своих рук в октябре.

Председатель. То-есть, вы увидали, что они оказались слабее как государственные люди, и вы стали против кадетов?

Калинников. Я считал, что продолжать их поддерживать не стоит. Я не сочувствовал уже этой партии.

Председатель. А какой партии вы стали сочувствовать?

Калинников. Настроение становилось левее кадетов.

Председатель. А именно?

Калинников. В сторону буржуазно-демократической республики.

Председатель. А у кадетов, по-вашему?

Калинников. Конституционная демократия.

Председатель. Вы различаете буржуазную демократию и конституционную демократию. Вы считаете, что буржуазная демократия левее конституционной. Вы считаете правильным такое различие?

Калинников. Я не очень искушен в политических вопросах и не могу сказать.

Председатель. А вы искушены в основном вопросе — в отношении к советскому строю, советской власти и социалистическому строительству?

Калинников. Я признаю свое враждебное отношение к советской власти целиком.

Председатель. С самого начала?

Калинников. Да.

Председатель. И до конца?

Калинников. Пока не был ликвидирован.

Председатель. Пока не были арестованы?

Калинников. В последнее время у меня настроение было в сторону пересмотра своих убеждений, но остановиться в своей враждебной деятельности по отношению к советской власти я не мог.

(Об'является перерыв до 11 часов утра).

29 ноября

Утреннее заседание

Председатель. Заседание Специального присутствия возобновляется.

Продолжается допрос подсудимого Калинникова.

Крыленко. У меня к вам следующий дополнительный вопрос. В ваших показаниях, которые вы давали, поясните и подтвердите, знали ли вы Михайлова, Красовского, Янушевского?

Калинников. Янушевского я знал потому, что работал с ним одновременно в Госплане, Красовского встречал на заседаниях Госплана, когда он делал доклады от имени НКПС. С Михайловым встречался в 1921 или 1922 г., когда он был консультантом в Госплане.

Крыленко. Вы знали их в порядке персонального знакомства?

Калинников. Нет, не персонально. Так, Михайлова я встречал только в Госплане в 1921—22 г.

Крыленко. А по вредительской линии?

Калинников. Нет, не встречал.

Крыленко. Ни одного из трех?

Калинников. Янушевского встречал в Госплане, также по вредительской линии.

Крыленко. Значит, тут был контакт?

Калинников. Да, Янушевского я знал.

Крыленко. Нет, по вредительской линии?

Калинников. Да, он был, и через него я знаю о Красовском.

Крыленко. Так что из названных мною трех лиц двух вы знали как активных вредителей?

Калинников. Да.

Крыленко. Больше нет вопросов.

Председатель. У защиты имеются какие-нибудь вопросы? (Н е т). У подсудимых также нет вопросов? (Н е т).

ПОКАЗАНИЯ ПОДСУДИМОГО ЧАРНОВСКОГО

Крыленко. Будьте любезны, гр-н Чарновский, изложить коротенько опять-таки биографические данные и оттенить момент вашего вступления в организацию и конкретную вредительскую работу, которую вы вели до того, как вошли в центр.

Чарновский. Я родился в 1868 г. в декабре. Значит, мне сейчас 61 год и 11 месяцев. Отец мой был из варшавских мещан, выходец из Польши. С 14 лет учился в школе кантонистов, был военным писарем в момент Севастопольской войны, затем управляющим имениями в Луганском уезде, бывшем Славяносербском, где я родился. Осиротев около 12 лет, я зарабатывал себе на жизнь уже с этого возраста, так как, учась в прогимназии, уже с третьего класса давал маленькие уроки. И моя борьба за образование и жизнь продолжалась всю среднюю школу. Затем Московский университет и Техническое училище.

Крыленко. Оба учебных заведения?

Чарновский. Оба.

Крыленко. Оба кончили?

Чарновский. Да, кончил.

До окончания училища я был намечен кандидатом для подготовки к профессуре и намечался стипендиатом для посылки за границу, но мне это не удалось выполнить в виду того, что мое, как мне сказали, польское происхождение, хотя я по-польски ни слова не говорил, послужило препятствием. Я потом ездил в министерство Делянова, но не получил никаких удовлетворительных данных, и я четыре года оставался, таким образом, лишенным возможности поехать.

Поступил на заводскую службу.

Самодержавие ему не мешало

Крыленко. Когда вы кончили?

Чарновский. В 1896 г., 35-й год я инженерствую. В 1898 г. училище решило вопрос об окончательном привлечении меня. Но 4 года или около этого я не получал никакого разрешения этого вопроса. Я поступил сразу после окончания на службу в Мытищи на завод. Затем я перешел на время на установочные работы, а после этого семь с половиной

лет прослужил в Сормове. Таким образом, моя заводская деятельность продолжалась около 8—9 лет.

В Сормове, я позволю себе отметить, я первый в России ввел 8-часовой рабочий день вместо 12-часового в горячем цехе, которым я заведывал. Все цехи работали в две смены. Я сделал механизацию, которая позволяла ввести 3-сменную работу. Это удалось мне провести с большими затруднениями, но тем не менее я этого добился, чем усилил выпуск и достиг увеличения заработка рабочих.

Частью из-за этого, частью по причинам личного характера мне пришлось уйти с завода, и я ушел в 1907 г. В это время была автономия, которая позволила Московскому высшему техническому училищу провести мою кандидатуру и я получил утверждение на должность преподавателя, а через месяц — на должность ад'юнктского характера с жалованием в 2.400 р. На заводе я получал 300 и 350 р. за последнее время в месяц.

Эту академическую жизнь я вел все время и совмещал ее только с промышленными занятиями консультативного порядка. Меня как производственника привлекали только для консультации, и то это было не часто.

«Я не стоял за самодержавие, но мирился с ним»

Октябрьская революция была встречена мною с чувством недоброжелательности, ибо она внесла слишком резкую перемену в наше существование. Что касается Февральской революции, то она у меня возбудила лишь тревогу и ожидание каких-то перемен, но, собственно говоря, я ожидал перемен в лучшем смысле. Мои ожидания выразились в статье, которую я поместил в «Вестнике инженеров», о предстоящих переменах в промышленности. Я мог оценивать результаты революции только как техник, политик я был плохой. Правда, историю я читал, хорошо ее знаю, но ни к какой партии не принадлежал.

Крыленко. А основной вопрос о существовании самодержавия вас не интересовал?

Чарновский. Я не стоял за самодержавие, как таковое, но примирялся с ним, хотя получил некоторые занозы. Можно сказать, что я оставался нейтральным.

Крыленко. Оно вам не мешало?

Чарновский. Не мешало.

В 1918 г. я увидел предстоящую гибель того научного учреждения, в котором я работал,— это общество содействия успехам опытных наук. Я был ученым секретарем этого общества, на моих глазах готовилось разрушение большой ценной библиотеки публичного характера. Все техники и студенты разных школ пользовались этой библиотекой бесплатно с большими удобствами для себя. Я обратился к Николаю Петровичу Горбунову, который стоял во главе НТО, и ему удалось добиться декрета о национализации библиотеки и маленьких средств на ремонт крыши здания и на то, чтобы библиотеку привести в рабочее состояние.

Таким образом я стал служащим, помимо МВТУ, советского учреждения — НТО.

Крыленко. Погодите с советскими учреждениями. Вы говорили, что вы окончили в 1896 г.?

Чарновский. Да, в 1896 г.

Крыленко. Вы стали профессором через 3 года?

Чарновский. Нет, с 1907 г. Я оставался в промышленности до 1907 г., в самом начале 1907 г. я был избран профессором.

Крыленко. В политической жизни за период 1905, 6 и 7 гг. вы не принимали участия?

Чарновский. Я оставался на заводе в 1905—6 гг., в событиях не принимал участия. Тогда я служил в Сормове, присутствовал при событиях, но активного участия не принимал.

Крыленко. В выборах в Государственную думу не участвовали?

Чарновский. В первых выборах не участвовал.

Крыленко. Принципиально?

Чарновский. Тут у меня в личной жизни было много событий, и я был увлечен в круг других переживаний и я вообще не разбирался, за кого мне голосовать.

Крыленко. И затем то же самое не принимали участия?

Чарновский. А затем я голосовал во второй раз и, должен сказать, что выбрал из всех менее для меня непонятное, это — голосовал за кадетов. Но не был кадетом и во многом с ними расходился. Личные имена многих мне были знакомы.

Антонов-Саратовский. С правыми или с левыми расходились?

Чарновский. Я расходился с правыми, но не во всем. Например, в вопросах банков я держался других взглядов, но мои взгляды не определились точно.

Крыленко. Значит, вы голосовали за кадетов?

Чарновский. Да.

Октябрьскую революцию встретил враждебно

Крыленко. А Февральскую революцию вы приняли безразлично?

Чарновский. Она только наполнила меня тревогой.

Крыленко. Как бы чего не вышло?

Чарновский. Нет, не то. Я был во время войны участником в Московском совещании по обороне. Оборонная работа несомненно как будто бы срывалась. Мне казалось, что она потерпит очень большой ущерб от таких событий, и в этом отношении у меня была тревога.

Крыленко. С точки зрения обороны?

Чарновский. С точки зрения обороны. А затем тревога началась и с точки зрения промышленной, потому что в этот период как раз наступило такое неустойчивое положение.

Крыленко. А с точки зрения личного благосостояния она не внушала тревоги?

Чарновский. Я оставался в положении профессора все это время. На ординатуру я был избран в 1914 г., в 1915 г. я уже работал, и в этом отношении положение мое было прочное. Я считал, что я был весьма полезным человеком, и знал, что меня не тронут.

Крыленко. А Октябрьская революция?

Чарновский. Октябрьская революция была встречена мной с недоброжелательством в виду того, что она внесла более существенные изменения.

Крыленко. Она внесла еще большую тревогу?

Чарновский. И существенное изменение в мое личное положение.

Крыленко. Тут была тревога и за личное положение?

Чарновский. Да, и за личное.

Крыленко. Вы говорили, что вы встретили Октябрьскую революцию с недоброжелательством?

Чарновский. Да.

Крыленко. Может быть, вы найдете более крепкое выражение, более отвечающее действительности?

Чарновский. Ну, враждебно.

Крыленко. Может быть, это будет вернее?

Чарновский. Пожалуй, вернее.

Крыленко. Мотивы? Почему враждебно?

Чарновский. Я не представлял себе ясно характера этого переворота и не представлял себе, чтобы он мог быть полезен для государства в момент незаконченной войны и т. д. Война же не была тогда закончена. И потом в промышленном отношении уже доходили до нас слухи о начавшейся разрухе и т. д. Мы испытывали на себе действие этой разрухи, например, некоторые транспортные, продовольственные затруднения и т. д. А затем начался уже период очень тяжелый. 1918, 19 и 20 гг., — это был период настолько тяжелый, что...

Крыленко. А в Учредительное собрание голосовали?

Чарновский. Нет.

Крыленко. За ненадобностью?

Чарновский. Я считал Учредительное собрание неосуществимым.

Крыленко. Поэтому решили лучше не голосовать?

Чарновский. Незачем было себя утруждать.

Затем из этого тяжелого материального положения я пытался выйти работами, так как нас уже академическая работа не кормила, пайков еще не было. Я по рекомендации Гриневецкого, с которым я был близок, и по рекомендации Долгова, с которым также был дружен, вместе с Ланговым поступил консультантом в Центросоюз. Здесь спасать промышленность нам не пришлось, потому что промышленность, которой они занимались, была мелкого характера, вроде приготовления ваксы, вроде разлива уксусной эссенции. Единственное, что было,— это постройка складов в Нижнем и постройка сухогрузовых баржей. Этим я интересовался.

Крыленко. А профессуру продолжали?

Чарновский. Профессуру продолжал, но как раз в это время занятия в МВТУ не могли быть налажены полностью. В 1920 г., Иван Андреевич это знает, начались заботы Наркомпроса о преподавании в высшей школе, и тут мы устроили довольно ускоренный выпуск тех дипломантов, которые не успели еще окончательно пройти свои испытания. Выпуск ускоренных дипломантов дал начало возобновлению занятий в нашей школе, и мы сейчас же их возобновили полным ходом.

Крыленко. Вы работали в это время в Центросоюзе, до какого года, до поступления в НТО?

Чарновский. Примерно до 1921 г., потому что тогда открылась большая возможность работать в НТО.

Враждебное отношение сохраняется

Крыленко. Ваше враждебное отношение продолжалось?

Чарновский. Оно ничем не выражалось, но оно сохранилось, потому что не наступило еще никакого перелома.

Крыленко. В Центросоюзе вы к какой-нибудь группировке примыкали?

Чарновский. Я работал только по технической части.

Крыленко. Какое настроение было среди работников?

Чарновский. Среди работников Центросоюза как будто было больше эсеровское настроение.

Крыленко. Нет, вы прямо скажите — антисоветское?

Чарновский. Я так себе представляю, что было много антисоветского, но были и советски настроенные элементы.

Крыленко. Та среда, в которой вы вращались, была какого характера? В постоянных разговорах, текущих разговорах, что сквозило?

Чарновский. Она не была антисоветской ярко, но критической она была.

Крыленко. Критической. Опять-таки, может быть, тут нужно более резкое выражение?

Чарновский. Нет, я более резкого выражения не нахожу, потому что разговоры были лойяльные.

Крыленко. Был такой легкий скепсис?

Чарновский. Да, легкий скепсис.

Крыленко. А может быть, не легкий, а злобный скепсис?

Чарновский. Я мало среди них вра-

щался. Со мной был Долгов, потом пришел Ланговой, который был советским работником, мы с ним были ближе всего.

Крыленко. А в НТО?

Чарновский. Я работал в комиссии, которая стремилась поднять деятельность научных учреждений. Это было в 1920 г. В 1921 г. уже был создан Научно-технический совет, Центральный научно-технический совет, который по выборам, устроенным в коллегии НТО, согласовал лиц для руководства. Руководителями Центрального научно-технического совета были выбраны Чаплыгин и я, получившие по равному почти числу голосов. Чаплыгин, академик, был сначала председателем, затем председателем был я. Конечно, ЦНТС не мог работать полностью и должен был дифференцировать свою работу.

Крыленко. Вы были председателем НТС?

Чарновский. Да.

Крыленко. В каком году?

Чарновский. В 1922—23 г.

Крыленко. Какие отрасли охватывал НТС?

Чарновский. НТС охватывал все научно-технические отрасли, и работа была распределена по секциям.

Крыленко. Какими данными вы обладали в смысле научно-технических знаний, чтобы занять место председателя НТС, ведающего всеми отраслями?

Чарновский. Сразу же выяснилось, что моих знаний, как и знаний Чаплыгина, недостаточно, и мы поставили вопрос, что НТС является передаточной инстанцией в секции, и мы работали только в меру соответствующих знаний — в качестве председателя и его товарища. Мы предложили изменить самую структуру. Владимир Николаевич провел это. Затем были образованы советы, и им были переданы определенные функции по отраслям. Точной даты я не знаю, когда это было. Но отраслевые советы по металлопромышленности, химической промышленности и по лесной работали в 1926 г. А в 1927 г. начал работать Научно-технический совет по металлопромышленности, где был председателем Хренников, я же был председателем по металлообработке.

Знакомство с Хренниковым

Крыленко. Знакомство с Хренниковым относится к этому периоду?

Чарновский. Знакомство с Хренниковым у меня началось на заводе Сормова, где он был помощником директора.

Крыленко. Помощником директора Сормовского завода?

Чарновский. Да, а потом директором, когда меня там уже не было. Затем он был директором треста.

Крыленко. Уже в то время он работал в крупнейших предприятиях?

Чарновский. Да.

Крыленко. Так что у Хренникова были прямые и непосредственные связи с крупными капиталистическими кругами?

Чарновский. Несомненно.

Крыленко. С кем конкретно?

Чарновский. С правлением Богословского округа, Надеждинского завода.

Крыленко. Там кто был директором? Таубе?

Чарновский. Пожалуй, что Таубе был директором. Я точно не могу припомнить.

Крыленко. Таубе тоже был вредителем?

Чарновский. Он значился во вредительской организации, но он не был в ЦК. Затем Хренников был связан с предприятиями Сормова, следовательно с Мещерским.

Крыленко. Значит, вы знали его по Сормову, а затем встретились с ним в Москве?

Чарновский. Я встретился с ним в 1927 г., когда он работал в Главметалле.

Крыленко. А раньше?

Чарновский. Раньше я не встречался по службе.

Крыленко. А вне службы?

Чарновский. Вне службы я с ним не встречался. Может быть, встречались иногда в заседаниях технических, политехнических обществ, ВАИ и т. д.

«Мы занимались прошлым»

Крыленко. Вы разделили Научно-технический совет на секции и вы сделались председателем?

Чарновский. Да, Научно-технического совета по металлообработке и машиностроению.

Крыленко. Когда это было?

Чарновский. Это было в 1927 г. в конце апреля. В начале мая я начал работу.

Крыленко. А до 1927 г.?

Чарновский. Я как бывший председатель НТС был хорошо известен по своей работе в коллегии НТО и был включен в число членов коллегии НТО.

Крыленко. Когда сформировался первый технический совет?

Чарновский. Не сумею сказать. Он проработал уже около двух лет — как будто около 1924—25 г.

Крыленко. Председательство сложили в 1924—25 г.?

Чарновский. Боюсь точно сказать.

Крыленко. Мне важно установить, что ваша практическая связь с научно-технической стороной вопросов металлообработки и машиностроения идет непрерывной линией приблизительно от 1922/23 г. вплоть до самого последнего времени.

Чарновский. Еще был период прекращения деятельности Центрального совета. Перед этим техническим советом я был в Главметалле, который недолго просуществовал под руководством Богданова, и плановой комиссии, которую возглавлял Богданов и руководил Гартман.

Крыленко. Гартман — тоже вредитель?

Чарновский. Тоже.

Крыленко. Я хочу установить один факт, что с 1922—23 г. вплоть до последнего времени вы имели прямое и непосредственное отношение к вопросам научно-технического руководства, к вопросам металлообработки, машиностроения, находясь в различного рода руководящих, планирующих научно-технических учреждениях.

Чарновский. Разрешите уточнить: плановая деятельность не подлежала ведению НТО. Плановая комиссия была при Главметалле и руководил ею как будто Хренников.

Крыленко. Но вы имели к этому соприкосновение?

Чарновский. Плановой? Абсолютно не имел.

Крыленко. Вы говорили, что работали в комиссии Богданова?

Чарновский. Эта комиссия изучала ряд записок по металлу. Мы составляли обзоры по всем отраслям металлопромышленности в смысле ее плана и перспектив.

Крыленко. Эти записки проходили через ваши руки?

Чарновский. Эти записки для разработки попадали в руки Гартмана и др.

Крыленко. Эти записки разрабатывались Гартманом и другими и так или иначе проходили через вас?

Чарновский. Я был с ними знаком.

Крыленко. И давали по ним свое заключение?

Чарновский. Да, а иногда и сам писал, что знал по машиностроению.

Крыленко. Если бы в это время в планирующем органе машиностроения и металлопромышленности уже была или проводилась вредительская работа, то, поскольку эти первичные предположения планового характера проходили через вас и вашу консультацию, они так или иначе вами санкционировались?

Чарновский. Я был в курсе дела. Я должен сказать, что фундаментом для построения плана являлись вопросы прошлого и потребности данного момента, а вперед теми темпами, которые строились затем в Госплане, мы не строили.

Крыленко. Если бы было установлено, что Хренников свою вредительскую работу начал с 1924—25—26 гг., то вашим санкционированием в этой части планирующей и руководящей работы вы тем самым...

Чарновский. Участвовал. Если это действительно происходило, то я участвовал.

Крыленко. Теперь я ставлю вопрос прямо.

В этот момент вы ощущали момент вредительства?

Чарновский. Утверждаю, что нет, потому что мы занимались прошлым и тем моментом, от которого нужно итти дальше.

Гражданская честность не входила в круг обязанностей

Крыленко. Когда вы начали ощущать вредительское направление в работе?

Чарновский. В 1927 г., после того, как Хренников привлек меня.

Крыленко. Когда Хренников привлек, тогда со всеми точками над «и», но до этого момента, скажем, к вопросам концессионным вы имели отношение?

Чарновский. Никакого.

Крыленко. Ну, в период проектирования, тех или других реорганизаций в металлопромышленности?

Чарновский. Здесь мне не были известны цели тех или иных действий, но некоторые действия я мог рассматривать или должен был рассматривать, как вредительские. Например, ликвидация некоторых заводов мне казалась вредительством.

Крыленко. Консервация одних заводов, неразработка одних, развитие других, неправильная постановка вопросов оборудования, снабжения и т. д.?

Чарновский. Гибель части оборудования по небрежности или с умыслом—не знаю, например, листопрокатного стана на Дружковском заводе, остановка и ликвидация Дружковского завода.

Крыленко. Это вы видели?

Чарновский. Это я видел, но это казалось мне непонятным. Я не был посвящен в цели и думал, что это делается, извините за выражение, по головотяпству.

Крыленко. Но вы — научный консультант. Вы видите что-то неладное, не то головотяпство, не то другое?

Чарновский. В части практической сведения доходили до меня случайным путем. Я ведь не работал по оперативной части. Я не в Главметалле работал.

Крыленко. Но ваша обязанность как научного консультанта была пойти и сказать о неладном?

Чарновский. Я указывал здесь недавно, что я такого гражданского мужества или гражданской честности не проявил.

Крыленко. Почему?

Чарновский. Потому что мне казалось, что это настолько не входит в мои прямые обязанности, что я не решался.

Крыленко. Как это не входит в прямые обязанности? Вы в организации не состоите, ничего о вредительстве не знаете, Хренникова лично знаете, Гартмана и Таубе знаете. От них поступают различные планы, которые вам кажутся головотяпскими...

Чарновский. В плане-то не было этого.

Крыленко. Ну, в проектах?

Чарновский. Тогда и проектов не было.

Крыленко. Ну, поступают материалы, которые возбуждают ваше сомнение.

Чарновский. Сведения о неправильности ведения процесса восстановления ко мне поступали.

Крыленко. И вы должны были логически отсюда сделать вывод, что тут что-то неладное, должны были пойти и сказать: «Слушайте, дорогие друзья и приятели, что сей сон значит?»

Чарновский. Я спрашивал частным образом, неофициально, а официально я только в одном случае проявил интерес и официально заявил, что разрушаются различные старые сооружения, и лом, который появляется в результате, продается по невероятно низким ценам, между тем как он содержит и ценные части металла. Мы в центре в то время подняли вопрос и сообщили о том, что считаем это неправильным, в особенности относительно лома из броненосцев и хромоникелевой стали. Никеля у нас было мало, и мы просили создать его переработку внутри Союза.

Крыленко. А вы не переговорили с Гартманом и Таубе, что сей сон значит?

Чарновский. Я с теми, с которыми встречался, говорил об этом, но они отделывались общими замечаниями, что это идет через план, я не добился окончательного ответа, просто слушал и принимал к сведению. Я виноват здесь, как я указывал, в некотором бюрократическом отношении.

Крыленко. По уголовной квалификации это именуется недоброкачественным или небрежным отношением к делу.

Чарновский. Да, я могу сказать, что это так. Если бы я имел больше определенной четкости в поступках, я бы должен был пойти дальше и выше, но этого не было сделано.

Крыленко. Сейчас общеизвестным фактом является то, что одна из задач вредителей этого периода в реконструкции промышленных предприятий заключалась в том, что они реконструировали одни предприятия для подготовки их бывшим владельцам, развертывая одни предприятия и не развертывая другие. Эта сторона работы вредительства, в его первичном периоде, вами конкретно ощущалась на практике?

Чарновский. Только в отдельных случаях, которые доходили до меня, потому что в целом планы до меня абсолютно не доходили. Плановая комиссия существовала всего около года, была распущена и организована прямо при Главметалле, куда я не попал.

Крыленко. Мы констатировали раньше вместе с вами, что вы были председателем Научно-технического совета по машиностроению и металлообработке.

Чарновский. Да, но к нам поступали лишь вопросы такого рода: из чего надо делать мосты — из обыкновенной стали или кремнистой, или никелевой.

Крыленко. Мы констатировали вместе с вами, что и в этот момент, до вступления в организацию, вы видели и ярко ощущали, выражаясь мягко, все неувязки, неполадки и безобразия в работе отдельных работников металлопромышленности, частным порядком в разговоре с некоторыми работниками недоумевали — и только.

Чарновский. Правильно.

Крыленко. Враждебное отношение ваше оставалось, и вы считали, может быть, вместе с другими, что все идет через пень-колоду; чем хуже, тем лучше.

Чарновский. Нет, не чем хуже, тем лучше, но я считал, что это не мое дело, и стоял в стороне. В этом я признаю себя виновным.

Крыленко. Вам это не мешало?

Чарновский. Да, не мешало.

Крыленко. И даже успокаивало?

Чарновский. Нет, мне жалко было ценностей, в которые вложен мой труд и труд наших техников.

Крыленко. Как технику вам было жалко?

Чарновский. И как гражданину.

Крыленко. Тогда надо было предпринять какие-нибудь меры.

Чарновский. Признаться, я несколько боялся обращаться с такими вопросами к лицам, которых я еще не знал по работе. Когда я их ближе узнал, я увидел, что можно было обращаться.

Весной 1927 года

Крыленко. Хорошо. Перейдем теперь к вопросу непосредственного столкновения и первого знакомства с вредителями.

Чарновский. В 1927 г. весной я был привлечен к деятельности в «Инженерном центре» Хренниковым, который завуалировал, как я уже говорил, цели этой организации. Он указывал на ухудшение служебного положения техников и инженеров промышленности, на необходимость об'единенных усилий для возвращения им прав прежнего, все-таки командного, положения, а также на то, что появившиеся уже в заданиях перегибы в сторону чрезвычайно больших темпов и чрезвычайно больших заданий тяжело отзовутся на наших товарищах, которые вынуждены будут проводить все это при недостаточных средствах и почти полной невозможности это осуществить в виду того, что хотя восстановительный период и закончен, но не восстановлены полностью все связи и возможности, которые существовали.

Крыленко. Значит, подход был с точки зрения материальной заинтересованности?

Чарновский. Да, и отчасти целевой, в том смысле, что оценивались задания с точки зрения их реальности.

Крыленко. А политическая акцентировка не имела места?

Чарновский. Чувствовалась неблагоприятная оценка общего руководства и чувствовалось, что имеются пути другого руководства. Это уже вкрадывалось при дальнейших беседах.

Крыленко. Хренников вас раньше знал и, может быть, был с вами более откровенен?

Чарновский. Он меня знал как своего подчиненного, он мог думать, что я ему не сочувствую, так как близко меня не знал.

Крыленко. Это было весной 1927 г. Что же вы ответили Хренникову?

Чарновский. Он мне сказал, что нам нужно развить об'единенные дружные действия, чтобы направить руководство промышленностью по надлежащему руслу в смысле устранения перегибов и в смысле предоставления большей компетенции на заводах.

Крыленко. Оставим пока компетенцию в стороне. В смысле устранения перегибов — может быть, в смысле задержки?

Чарновский. Тут было только в смысле устранения чрезмерных заданий, которые были.

Крыленко. А когда же четко вам сказали, в чем дело?

Чарновский. Я думаю, что это было в 1927 г., уже к осени, после отпусков. Может быть, это было и раньше, может быть, это было и летом, потому что уже были заседания, в которых можно было прощупать другое.

Затем, для того, чтобы это уточнить, я получал жалованье 350 р. как председатель НТС и кроме того работал, конечно, по педагогической линии и мог еще некоторое свободное время посвящать литературной работе.

Председатель. В общей сложности какой это давало заработок?

Чарновский. В общей сложности тогда я получал около 700 или 800 р. в месяц.

Председатель. А позже?

Чарновский. А позже я должен был в 1929 г. настолько нагрузиться работой в НТС, что я имел в день, не считая выходных, от 12 до 13 часов работы, потому что были почти ежедневные заседания. Тогда я вынужден был оставить педагогическую работу, сократить ее до минимума, сначала по одной школе совсем, потом по другой, и остаться только при НТС. Тут мне назначили жалованье 700 р. С литературным заработком это составляло от 800 до 850 р., так что я остался при прежнем окладе.

Антонов-Саратовский. Это и перед арестом?

Чарновский. Да.

Крыленко. В конце было 800—850 р.?

Чарновский. Но были времена, когда я издавал крупные книжки, тут я мог получать больше. За это время за мою академическую работу я издал более 100 названий трудов, из которых некоторые есть довольно большие и они, конечно, вознаграждали меня

Председатель. В какой сумме вы получали вознаграждение за большие работы?

Чарновский. С листа сначала платили 100 р., потом дошли до 200. В последнее время я получал по энциклопедическим работам до 180 р., а за некоторые специальные работы, которые требовали очень большой подготовки и давали малый об'ем работы, но большое содержание, я получал по 250 р. за лист. В последний раз — книжка лежит еще сверстанной, но дожидается моей корректуры — это было 2½ листа по расценке 250 р. за лист, это — по сборочным цехам машиностроительных заводов.

Крыленко. Я позволю себе вернуться к моменту, когда вы узнали четко политические задачи. Это относится к концу 1927 г.?

Чарновский. Я отношу это, пожалуй, к середине 1927 г.

Крыленко. А может быть, мы на несколько месяцев еще раньше вернемся?

Чарновский. Нет, я начал эту работу, начал заседать в комиссиях и кружках с весны 1927 г.

Крыленко. Вот, вот, с весны 1927 г., а не с середины.

Чарновский. С конца мая.

Крыленко. И в этих кружках, где вы начали заседать и узнавать об этом, кто тогда вместе с вами заседал?

Чарновский. Прежде всего, в кабинете Хренникова в ВСНХ собирались металлисты, члены президиумов всех наших 3 советов; следовательно, тут были и Гартман, и К..., и Милюков; бывали Жданов, Грум-Гржимайло, покойный ныне.

Крыленко. А из состава ЦК?

Чарновский. Тогда у нас еще не было. Был раза два Рамзин. Я не припомню всех присутствовавших, но помню, что были и члены ЦК, кое-кто бывал из членов ЦК на этих заседаниях.

Обсуждать нечего, вопрос решен в Европе

Крыленко. Какие вопросы об интервенции тогда у вас ставились?

Чарновский. Об интервенции в 1927 г. уже нам сообщили о том, что интервенция предполагается.

Крыленко. В первой половине 1927 г.?

Чарновский. С Хренниковым мне пришлось по этому поводу говорить. Как-то мы ехали в вагоне, и он сообщил об этом, в очень тесной компании рассказал о своем парижском свидании. Вот здесь упомянули о готовящейся интервенции и, как ее последствии, диктатуре и дальнейшем буржуазно-демократическом строе.

Крыленко. В вагоне?

Чарновский. В купе вагона. Я потому запечатлел, что это связано с местом.

При этом, если разрешите несколько пополнить, был поставлен вопрос мною: как же мыслится эта интервенция при отсутствии здесь какой бы то ни было внутренней помощи, при отсутствии сочувствия среди населения? Этот вопрос,

будет ли он поставлен на обсуждение или как? Он говорит, что обсуждать здесь нечего, вопрос этот решен там, в Париже. Раз там решили, они это и проведут, точно так же и диктатуру. Хотя я был не очень искусным политиком, но я сказал, что мне представляется сомнительным, чтобы такой огромный шаг мог быть выполненным без больших жертв. Я ему напомнил про Парижскую коммуну и диктатуру Мак-Магона, которая продолжалась 7 лет. Тогда такой длительный период может привести к тому, что погибнет вся промышленность, потому что в это время промышленность не будет работать. Он говорит, что это не наше дело, что раз они задумали, пусть подготовляют и изыскивают средства, что пускай те, кто задумали, и разрабатывают план. Это не наше дело, и мы обсуждать это не должны, но примем как готовое решение.

Крыленко. Это в вагоне было?

Чарновский. Да, в вагоне.

Крыленко. Когда, не помните месяца?

Чарновский. Месяца не помню, это было, когда мы ехали на заседание Гипромеза, но когда, я не помню.

Крыленко. А заседания центра когда были?

Чарновский. Весной 1928 г. было около 2 заседаний. Одно было в Госплане, а другое, кажется, тоже в Госплане, но наверное я места не помню. Затем, в ВАИ было заседание осенью 1927 года.

Крыленко. Осень потом будем анализировать. Значит, приблизительно к этому моменту вы были посвящены?

Чарновский. Освещение для меня было ясное и определенное, что имеется контрреволюционная организация, которая будет применять контрреволюционные средства.

Свой человек

Крыленко. Как же вы, человек, далеко стоявший от политики, в политику вдруг, что называется, с головой ушли?

Чарновский. Я считаю это одной из величайших ошибок в моей жизни.

Крыленко. Ошибка, это ошибка?

Чарновский. И преступление.

Крыленко. Для этого должна была быть какая-нибудь психологическая предпосылка.

Чарновский. Психологическая предпосылка заключалась в моем враждебном отношении к советской власти, в неверии, что действительно промышленная реконструкция будет проведена полностью так, как это требуется, потому что ряд этих отрицательных фактов настраивал недоверчиво. И затем то, что говорилось здесь, в этом зале, — отчасти групповая психология.

Крыленко. Не о групповой психологии, а скажите просто по существу. Вот вхождение в такого рода организацию должно было иметь у вас в прошлом какое-нибудь прочное обоснование. Вы уже работали с 1923 года в металлопромышленности, практически работали. Раньше вы встречали ряд вредительских действий, оставляли в стороне, молчали о них, говорили, что это вас не касается, а теперь вы столкнулись и, ничтоже сумняшеся, ушли в них с головой. Может быть, вы более точно скажете, что ваши настроения были более активны.

Чарновский. Да, пожалуй, под влиянием разговоров, общих совещаний, настроений, которые были у других товарищей, все это действовало на меня. Я, так сказать, стал на точку зрения, что действительно такой путь является выходом, что иначе дело может затянуться очень долго, и интересы самой промышленности потерпят большой ущерб, если говорить о них, а также и усиливающийся отход от политики нэпа, усиливающиеся указания на неблагоприятное положение инженеров.

Крыленко. Интересы самой промышленности почему вас так затрагивали? Ведь не интересовались вы самой промышленностью, когда вы видели головотяпство и думали: пускай так идет. Может быть, проще сказать, что вы были враждебно настроены и считали, что если идет через пень-колоду, пускай идет к этому.

Чарновский. Тут еще была такая точка зрения, что наша прежняя промышленность была слишком кустарного типа и что многого в ней было попросту не жалко. Но основное ценное, конечно, хотелось сохранить, и казалось, что, сохранивши кадры и сохранивши основное ценное, можно уже на других началах это развивать и строить, что мы получим большие суммы капиталов из-за границы, прибегнем к иностранным вложениям и т. д. и что без этого промышленность останется в отсталом положении лет на двадцать. Вот примерно как мы судили, что при лучшем строе эта возможность наступит скорее. Но я думаю, что в этом наверно была существенная ошибка, потому что тогда еще реконструктивная деятельность не развернулась во-всю. Только в начале 1927—28 г. мы начали обсуждать возможный план.

Крыленко. Хренников во всяком случае считал вас своим единомышленником?

Чарновский. Да, постольку, поскольку он посвящал нас в свой план и не встречал больших возражений, а только некоторые общие замечания. Он сказал, что интервенция за границей — решенный вопрос.

Крыленко. Во всяком случае, Хренников считал вас своим человеком?

Чарновский. Да, который не выдаст и по мере сил поддержит.

Крыленко. Не выдаст и поддержит? Почему?

Чарновский. Потому, что считал, что идеология близка по отношению к советской власти.

Крыленко. Почему? Конкретно с вашей стороны активность была выявлена?

Чарновский. Я думаю, что он меня знал достаточно определенно в отношении моих технических мыслей.

Крыленко. Может быть, мы так закончим этот период. Хренников полагал, и полагал не без оснований, и в этом не ошибся, что вы представляете из себя человека, и по своему положению в Управлении технической промышленностью ему подходящего, и по своей идеологии, на которого можно конкретно положиться в смысле того, что вы не выдадите и что вы поддержите его.

Чарновский. Да, при чем он учитывал мою позицию в отношении положения государства в важнейших отраслях. Моя книжка как раз об этом говорила.

Крыленко. Может быть, ваша книжка об этом и говорила, но эти два основных положения, на которые я указывал, ясны и для вас?

Чарновский. Да.

Крыленко. Согласитесь, что такое положение могло иметь место, что вы из себя к этому моменту представляли достаточно ярко выраженный тип человека, враждебно относящегося к советской власти.

Чарновский. Да, я этого не отрицаю. Признаю свою вину.

Крыленко. Вы относите это приблизительно к 1927 г. — началу мая? Какую же конкретно вредительскую работу до этого вы практически сами проделали?

Чарновский. В этом отношении должен сказать, что до этого времени я не мог проводить вредительских мер, исключая того случая, о котором говорил коллега Калинников, именно — участие в академической забастовке. Это определенно вредительский акт.

Крыленко. Вы участвовали в ней?

Чарновский. Да, признаю, участвовал.

Крыленко. Значит, в прошлом имел место и активный шаг, несмотря на ваш якобы неинтерес к вопросам политики. Что же, вы этот активный шаг сделали из соображений групповой психологии или из соображений прямой враждебности к советской власти?

Чарновский. Это было сделано из групповой психологии в большей мере, потому — как же не поддержать товарищей в автономии! Я сам стал профессором благодаря автономии, и мне не быть бы профессором, если бы ее не было. А также и из личной идейной солидарности.

Крыленко. Т.-е. из прямого враждебного отношения к советской власти?

Чарновский. В этом отношении, да.

Крыленко. Таким образом, та характеристика, которую я вам только что дал, целиком оправдалась — активно враждебное настроение по отношению к советской власти техника-специалиста, имеющего в прошлом факт активного выступления против совласти и представляющего собой достаточно ценный материал для дальнейшей вредительской работы и идеологически совершенно сформировавшийся?

Чарновский. Так.

О Парижской коммуне, о мак-магоновской диктатуре и о расплате за интервенцию

Крыленко. Теперь по вопросу относительно программы, о чем уже спрашивали Калинникова, Рамзина и других. Как вы себе представляли отчетливо ту цену, которой придется платить стране за интервенцию?

Чарновский. Настолько отчетливо, что я ставил этот вопрос Хренникову. Я напомнил ему о Парижской коммуне, о Мак-Магоновской диктатуре.

Крыленко. Не с точки зрения интересов промышленности, а с точки зрения интересов непосредственно рабочего класса?

Чарновский. Да, конечно, и с точки зрения населения в целом, не отделяя различных слоев.

Крыленко. Эти вопросы большого значения у вас не играли, а больше играли вопросы промышленности?

Чарновский. Я думал, что если не разрушится сельское хозяйство, так как кушать надо и сеять будут, то я думал, что заводы долго не будут работать, так как не найдется желающих работать при таких условиях.

Крыленко. Такой момент имелся. А вот то, что десятки тысяч жертв будут от этой интервенции, вы над этим вопросом не задумывались?

Чарновский. Этот вопрос был поставлен Хренникову. Он ответил, что обсуждать мы его не можем. Если это совершится быстро, то жертв будет немного. От нас не зависело решение.

Крыленко. Что значит — от вас не зависело решение, почему? Поскольку вы оказываете содействие, постольку вы можете не оказывать содействия. Почему вы признаете эту фигуру, находящуюся за границей, прямым диктатором?

Чарновский. Правильнее было бы обсуждать здесь, но фактически мы понимали, что наше обсуждение не повлияет на решение.

Крыленко. А почему помогали?

Чарновский. В отношении подготовки здесь были разговоры о том, что такое подготовка к интервенции.

Крыленко. Мы потом будем говорить о том, «что такое подготовка к интервенции». А почему вы должны помогать?

Чарновский. Вопрос так не был поставлен.

Крыленко. Это считалось предрешенным, что помогать нужно?

Чарновский. Мы считали, что это не играет роли. Глава об'единения «Инженерного центра», впоследствии «Промпартии», сказал, что он все вопросы согласовал, и мы были пассивны в этом вопросе. Я проявил известную пассивность, пассивность нехорошую.

Крыленко. Мы знаем, что далеко не все из вас проявили пассивность, некоторые проявили прямую активность. Вы были пассивны, потому что считали, что это вас не касается?

Чарновский. Я считал, что вопрос не был разрешен окончательно.

Крыленко. Но за границей вопрос был решен окончательно, и на практике надлежало провести большую подготовку к интервенции.

Чарновский. Вопрос был решен принципиально.

Крыленко. Это верно, но раз вопрос принципиально, практически за границей решен, вы считали, что ваше дело принять это как факт и помогать.

Чарновский. Я считал, что хотя это принципиально могло быть решено, но практически могло быть отодвинуто до того момента, когда внутренние условия будут подходящие.

Крыленко. Вопрос не о моменте. Вопрос о ваших принципиальных установках; там, за границей, решили, это не наше, мол, дело, раз решили, помогать надо—так? Как помогать, об этом мы, мол, потом будем говорить, но помогать надо. Так вы решили?

Чарновский. Да.

Крыленко. Вы для себя так решили?

Чарновский. Я решил не сопротивляться этому решению.

Крыленко. Только? Или и помогать?

Чарновский. Да.

Крыленко. Исходя из тех основ, о которых мы только что говорили: активной борьбы с советской властью, договора с Хренниковым и прикрывания вами вредительства — так?

Чарновский. Да.

Крыленко. Пока все.

Фридберг. Чтобы окончательно закончить последний вопрос, который тов. Крыленко поднял: вы понимали тогда, что ваше несогласие на помощь затруднит практическое проведение интервенции — несогласие на помощь внутри инженерства?

Чарновский. Вопрос о нашем согласии или несогласии не ставился на наших собраниях.

Фридберг. Я не спрашиваю с точки зрения принятого решения. Я спрашиваю: поняли ли вы тогда, что неоказание практической помощи в тех вопросах, которые ставил Хренников, затруднит будущую работу интервентов, или не поняли?

Чарновский. Я понимал, что наша помощь или отсутствие помощи очень мало стоит и значит перед таким громадным историческим действием. Я чувствовал, мне представлялось, что силы наши внутри так ничтожны, что помощь или отсутствие ее не будет играть роли.

Фридберг. Значит, вы считали, что вредительские действия организации инженерства несущественны?

Чарновский. Я считал, что они малы по своему размеру и значению. Они мне представлялись в тот момент малой величиной.

Фридберг. А фактически оказалось, что они были достаточно большой величиной?

Чарновский. Я скажу так, как сказал на первом показании, что, несмотря на все усилия, этой партии большого сделать не удалось.

Фридберг. Мы посмотрим, удалось или нет. Но вы должны признать, что вредительство, т.-е. активная деятельность инженерства, было поставлено одной из основных задач в тактике вашей партии.

Чарновский. Да.

Фридберг. Таким образом, будущая интервенция опиралась на эту практическую деятельность?

Чарновский. Да, опиралась.

Фридберг. Вы этой практической деятельности не пытались препятствовать совершенно?

Чарновский. Не пытался.

Чарновский «читает» лекции

Фридберг. Скажите, после того, как вы участвовали в забастовке — каково ваше отношение к студенчеству, к академическим программам и т. д., и изменилось ли к вам отношение студенчества или нет, и почему вы вынуждены были уйти?

Чарновский. Видите ли, я находился под некоторым давлением нагрузки своей и я чувствовал, что уже не в состоянии увеличить свою нагрузку еще за счет педагогической работы. Между тем новые требования в этом отношении...

Фридберг. А... Хорошо. Студенчество было настроено против вас?

Чарновский. Нет, таких настроений против меня я не замечал, исключая последнего года.

Фридберг. Какого это года?

Чарновский. 1929, когда в стенгазете появились заметки, и на этой почве вышел резкий разговор, единственный за все время. Студенчество всегда меня выбирало на выборах председателем технологического цикла. Студенчество участвовало в выборах, и все голоса были за меня, так что имеются определенные свидетельства.

Фридберг. У вас не было столкновений на той почве, что студенчество упрекало вас в проведении контрреволюционных

мыслей, скажем, что в освещении развития промышленности, по металлу вы приводили не те цифры, сравнивая с цифрами Запада?

Чарновский. Единственный раз, когда меня спрашивали, сколько вырабатывается металла, я сообщил: насколько мне известно, вырабатывается столько-то, мы должны стремиться к такому-то идеалу.

Фридберг. Вы — профессор по металлу, и в конце концов оказалось, что вы вместо цифр 1928 г. «случайно» привели цифру 1923 г.

Чарновский. Этого не было. Я привел цифру, может быть, меньшую прошлого года потому, что у меня не было данных. Я просил проверить цифры потому, что они растут по очень крутой кривой.

Фридберг. Не относились ли вы критически к Днепрострою?

Чарновский. Днепрострой я не мог оценивать с точки зрения строительства, никакой критики я не наводил. Может быть, я лишь говорил в отношении целесообразности тех или иных размеров, но я об этом говорил, когда был в НТС и в Гипромезе.

Фридберг. А в ваших лекциях не было ли безнадежного отношения к промышленности — все равно, мол, ничего не выйдет?

Чарновский. Наоборот, я говорил, что мы должны стремиться к таким-то задачам, достигнуть того-то и того-то. Единственное, на что я упирал — это на качество, ибо качество является душой техники. В этом качестве я видел дефекты и приводил их как доказательство, в каком направлении надо итти. На упражнениях мы разбирали, как достигать качества, что у нас сделано и что нужно сделать.

Крыленко. Случалось ли вам в лекциях говорить о проценте выплавки чугуна в наши годы по отношению к довоенному времени, проводить параллель между нашей выплавкой чугуна и выплавкой в Англии, в Америке и т. д.?

Чарновский. По отношению к Англии и к Америке таких данных я не приводил, но указывал, сколько приходится чугуна на душу населения.

Крыленко. Вопрос идет о сопоставлении цифр. Берете вы, скажем, 1928 г. и говорите: вот в Америке в 1928 г. такой-то процент.

Чарновский. Нет.

Крыленко. Погодите — а в СССР такой-то процент, и затем указываете, что вот, мол, в СССР в 1928 г. было по отношению к довоенному времени, скажем, 30% выплавки.

Чарновский. 60%. Тот, кто говорит 30%, говорит неверно. Я указывал, что около 60%, и говорил, что мы не дошли до довоенного уровня.

Крыленко. Значит, такого инцидента не было?

Чарновский. Чтобы я извратил — нет. Этого не было.

Крыленко. Вы привели цифры 1923 г., а затем сказали, что вы ошиблись?

Чарновский. Нет, этого не было. Я сказал, — я не знаю точно, но мы еще далеко не ушли. А чтобы я указывал цифры 1923 г. вместо 1928 г. — нет, этого не было. Я мог сказать, что в 1923 году было столько-то, что начали с 4%, а затем пошли очень быстрыми темпами и достигли около ²/₃. Я помню, кто-то из советских работников в ВСНХ упомянул, что будто бы я привел неверные цифры. Но этого не было. Просто кто-то из студентов пришел и сказал, что я извратил цифры, но меня по этому поводу не спросили, и я не мог восстановить истину.

Крыленко. Так что вы констатируете один факт, что был такой случай, что даже в ВСНХ говорили о заведомом извращении?

Чарновский. Не мне говорили, а передавали...

Крыленко. Передавали о том, что якобы говорят, что вы в лекциях заведомо извращаете цифры выплавки чугуна у нас, заведомо преуменьшаете перед студенчеством успехи развития нашей промышленности.

Чарновский. Такой слух был создан, слух неверный. Все равно как в стенной газете, — это, правда, мелкий инцидент, — но написано, что я храню какое-то церковное имущество, потому что из пожара когда-то вытащили люстру; но это мелкая вещь. Этого не было.

Крыленко. Так что вы говорите, что этого не было.

Фридберг. Второе утверждение ваше, что вы ушли с профессорской работы вследствие перегруженности, а не потому, что студенческая масса была вами недовольна?

Чарновский. Простите, я скажу. После целого ряда заседаний, в которых выяснялась установка нового цикла и программ преподавания, после этого я считал, что мы все закончили, все выяснили. Мы обсуждали это с инженерами заводов, специально приглашенными, и я считал, что мы высказали все, что нужно.

Фридберг. Меня интересует вот что: уход ваш был обусловлен вследствие того, что вы были крайне загружены другими работами, или вследствие того, что политически вы были неприемлемы для студенчества?

Чарновский. Нет, я не явился на большое заседание, как бы по чистке, вновь сообщить о своих установках и программах преподавания. На это заседание я не явился в виду того, что я достаточно себя проявил за 23 года моей работы в МВТУ.

Фридберг. Вы не хотели подвергнуться общественной оценке?

Чарновский. Я считал, что моя личность уже достаточно подверглась оценке на предыдущих заседаниях, на которых я давал исчерпывающие об'яснения, и считал, что для меня лишний раз подвергаться этой оценке было бы напрасно и тяжело. Поэтому я написал им письмо — действуйте так, как велит вам ваш разум, а я всему подчинюсь.

Фридберг. Так что в конце концов ваш уход явился столкновением на общественной почве, тем, что вы не явились вторично, по вашему мнению, для вашей общественной оценки?

Чарновский. Не желая подвергать себя еще новому давлению.

Фридберг. Вот это обстоятельство в инженерных группах было известно, было ли известно тому же самому Хренникову?

Чарновский. Все знали. И потом, перед этим была моя статья, в которой я выражал свое кредо, статья в «За индустриализацию». Там было 11 вопросов и 11 ответов, которые я ясно дал.

Фридберг. В своих первых показаниях вы указывали, что, как только вы явились в ВСНХ, вы сейчас же были завербованы Хренниковым. Как только вы явились в ВСНХ?

Чарновский. Нет, Хренниковым я был завербован в 1927 г.

Фридберг. Дословно вы указали: «В 1927 г., как только явился в ВСНХ, так сейчас же... моя вербовка и состоялась».

Чарновский. Как только я вошел в прямое отношение к ВСНХ, так сейчас же моя вербовка и состоялась.

Фридберг. Таким образом, развивая мысль товарища Крыленко, для обработки, для того, чтобы присмотреться к вам, Хренникову не понадобилось много времени, он сейчас же вас использовал?

Чарновский. Он знал меня прекрасно раньше и знал мою техническую физиономию раньше из моих книг, писаний и писем.

Фридберг. Вот это об'единение, которое предлагалось образовать, не казалось ли вам тогда уже, что это есть маскировка, прикрытие каких-то других, более основных и важных целей?

Чарновский. В первый момент мне это не казалось, затем это казалось и, наконец, выявилось.

«Не мы, а вы»

Фридберг. Теперь скажите о вашей роли. Вы здесь в своих показаниях говорили, что вы служили для информации между ЦК «Промпартии» и своей группой.

Чарновский. Это было главное.

Фридберг. Значит, что же, члены ЦК «Промпартии» являлись только информаторами?

Чарновский. Нет, они должны были информировать сотоварищей по данному отраслевому центру, спрашивать их мнение, как такая-то директива практически может быть осуществлена, с тем, чтобы они над этим подумали, учитывая условия местных обстановок и задачу реконструктивную, так как мы с ними этого в центре решать не могли.

Фридберг. Может быть, будет более правильно так сказать, что вы, как член ЦК «Промпартии», являлись руководителем данной отраслевой группы, а не только информатором?

Чарновский. Я участвовал в руководстве ЦК этими действиями. Значит, я не руководил ими, но я сообщал им и предлагал им самим выработать меры. Эти меры затем ставились иногда на обсуждение отраслевого центра, спрашивали наше мнение, и мы тогда говорили, что из этого вытекает.

Фридберг. К слову, вы не являлись только передатчиком мнения от центра к периферии?

Чарновский. Передача — это основное, а дальше известное направление должно было быть.

Фридберг. Руководство. Словом, вы были тем членом ЦК «Промпартии», который осуществлял руководство в известной отрасли промышленности.

Чарновский. Таких отраслей было восемь и таких руководящих, участвовавших в ЦК, приблизительно 8 человек.

Фридберг. Вы в своих показаниях выразили, что вы несли контрреволюционные обязанности, что это казалось вам чрезвычайно тяжелым. Что это значит, что вы, являясь членом ЦК вашей партии, отправляя большую деятельность, тяготились?

Чарновский. Потому, что у меня был перелом, было отрезвление, что те предположения и планы реконструкции, которые вырабатывались, все-таки правильны в направлении специализации, концентрации, и что они произведут громадное полезное действие на всю промышленность. Я сознавал, что, действуя на участках вредительства, мы, в сущности, мешаем этому полезному делу. Такое отрезвление, такое сознание у меня уже было, оно нарастало, и мне это было тяжело.

Фридберг. Но вы практически продолжали работать в ЦК до дня ареста?

Чарновский. Практически я продолжал не до ареста, но, собственно говоря, весною, в конце мая, для меня стала так тяжела эта работа, что я заявлял товарищам, что я не могу больше и физически и морально, не желаю работать.

Фридберг. Но вы никаких шагов не предприняли для того, чтобы освободиться?

Чарновский. У нас официальных заявлений не было. Я только указывал, что я тягощусь и не могу больше работать.

Фридберг. Может быть, эта тяжесть обусловливалась тем, что вы видели некоторую безнадежность этой работы?

Чарновский. Я считал, что, несмотря на все усилия, это ни к чему не приведет, что все равно пятилетний план будет осуществлен.

Антонов-Саратовский. Кому вы делали заявление?

Чарновский. Я частным образом заявлял Ивану Андреевичу Калинникову, который также тяготился этим.

Крыленко. В ваших показаниях, которые приведены в обвинительном заключении, вы указываете на вредительскую работу в области металлоснабжения, в области вагоностроения, паровозостроения, речного судостроения, и проч., и проч., большие, обширные протоколы. Вы были руководителем вредительства по металлопромышленности. Вы в ЦК представляли эту отрасль промышленности. Так?

Чарновский. Я представлял научно-консультативную область.

Крыленко. Нет, эту отрасль промышленности в ЦК.

Чарновский. Да.

Крыленко. Эта работа, имевшая место в течение ряда лет, она вами руководилась или нет?

Чарновский. Мы руководили ею.

Крыленко. Не мы, а вы.

Чарновский. Я лично. Я собирал комиссию...

Крыленко. Руководили вы этим вредительством или нет?

Чарновский. Вредительством, буквально направленным на вредительство, я не руководил.

Крыленко. А чем вы руководили?

Чарновский. Я выяснял, сколько у нас нехватает бандажей, осей и т. д., и представлял.

Крыленко. Кому?

Чарновский. Я представлял в Главмашстрой.

Крыленко. Нет, во вредительской организации кому вы представляли? (Ч а р н о в с к и й м о л ч и т). Во вредительской организации вы руководили вредительством по металлопромышленности?

Чарновский. В оперативной части я не вредил.

Крыленко. А в какой?

Чарновский. В плановой.

Крыленко. А в оперативной?

Чарновский. Видите ли, мои слова могут расходиться с действиями. Я указывал на необходимость принять какие-то меры для того, чтобы усилить руководство, но эти меры были неосуществимы.

Крыленко. Кому вы указывали?

Чарновский. Главмашстрою.

Крыленко. Вредительской работой в ЦК «Промпартии», в отношении металлургии вы руководили или нет?

Чарновский. Я выяснял последствия того, что выйдет, если дело останется в таком положении, — что будет хуже.

Крыленко. Значит, в области вредительства вы были консультантом?

Чарновский. Правильно, я указывал последствия, но сделать ничего не мог. В моем распоряжении были два лица.

Крыленко. А заместители вредили?

Чарновский. Да, они вредили по трестам.

Крыленко. Вы вредили в области плановой, ваши заместители — в области оперативной, и вы представляли план вредительства в ЦК?

Чарновский. Я должен был притти в Главмашстрой и заявить, что всюду идет вредительство.

Крыленко. Какой же вы тогда были бы вредитель?

Чарновский. Это было бы моим гражданским долгом. Я этого не сделал, хотя видел всюду ряд враждебных действий, покрывал их, не вскрывал.

В целях понижения обороноспособности страны

Крыленко. В дальнейшем мы перейдем к этому вопросу. В этой работе, о которой рассказывал Калинников, относительно порядка вредительства по электростанциям по специальным заданиям и выработке своеобразной очередности об'ектов и т. д., — вы принимали участие?

Чарновский. Нет, я только присутствовал на заседании ЦК, на котором указывал, что никакие вредительские действия и не нужны, что именно в этой части достаточны надлежащие действия, и тогда все придет само собой, что задержка в электроснабжении является здесь главнейшим актом.

Крыленко. Вы консультировали о порядке диверсии электростанций?

Чарновский. В этом отношении я просто должен был слушать специалистов.

Крыленко. Вы слышали, что Калинников говорил, что когда он подошел к вопросу о порядке диверсии, он говорил, что в этой части вредительство лучше сделает Чарновский?

Чарновский. В диверсионной части в части электростанций это едва ли было правильно, потому что по электростанциям я не специалист и едва ли мог бы это сделать. Это мог сделать только председатель ЦОС Осадчий.

Крыленко. А вы, нет?

Чарновский. Нет.

Председатель. В области снабжения металлообрабатывающей промышленности в чем заключалась основная задача вредительской организации?

Чарновский. Сначала основная задача заключалась в замедлении темпа металлургии.

Председатель. В каких целях?

Чарновский. В целях создания условий для охвата положения по различным отраслям, задержки развития различных отраслей. Такова была установка.

Председатель. А в каких конечных целях?

Чарновский. В целях помешать развитию тех отраслей, которые нужны стране, содействуют ее быстрому экономическому под'ему и укрепляют обороноспособность страны.

Председатель. Т.-е. понизить или разрушить обороноспособность страны?

Чарновский. Понизить.

Председатель. В этих целях вы стремились в области металлоснабжения создать дефицит?

Чарновский. Металлургическая часть считала, что нужно итти на меньшие цифры, и это было одобрено ЦК.

Председатель. Ваша роль была в замедлении металлоснабжения и создании кризиса в металлопромышленности?

Чарновский. ЦК стремился к этому, и я вместе с ним.

Председатель. В чем выражалось это стремление?

Чарновский. На втором заседании ЦК в 1927 г., перед началом обсуждения пятилетнего плана металлопромышленности, ставился вопрос о той линии, которую нужно принять в деле установления цифр металла.

Председатель. И вами такая линия была принята?

Чарновский. Эта линия на общем собрании была принята, что не нужно итти на большие цифры, а нужно итти на цифры малые.

Председатель. Следовательно, эта линия была директивой?

Чарновский. Да.

Председатель. И вы участвовали в выработке этой директивы с тем, чтобы ее спустить затем в низы?

Чарновский. Я участвовал в обсуждении этой директивы. Сначала она должна была быть представлена на одобрение Госплана, его промышленной секции, а потом на утверждение.

Председатель. Т.-е. под видом решения госплановской секции провести свою директиву?

Чарновский. Да.

Крыленко. Разрешите спросить Калинникова?

Председатель. Подсудимый Калинников.

Информатор с участием в руководстве или руководитель с участием в информации?

Крыленко. В своих показаниях вы говорили о нецелесообразности производства диверсий непосредственно на всех электростанциях и относительно списка заводов и пр., при чем говорили, что лучше перенести диверсии в военную промышленность, и эту работу было предложено сделать.

Калинников. Разрешите уточнить.

Когда был поставлен вопрос о составлении плана диверсий в военной промышленности, то я, при обсуждении Рамзиным, мною и Чарновским, выдвинул предложение, что считаю нецелесообразным проведение плана диверсии в специально оборудованной части военной промышленности, так как в случае разрушения специальные части восстановить будет трудно, а между тем задание от французских кругов было — разрушить так, чтобы можно было в скором времени восстановить военную промышленность. Мною был предложен план диверсий, который нужно распространить на энергетику военных заводов. С этим согласились Чарновский и Рамзин, а выработку плана диверсий поручили Евреинову.

Крыленко. А Чарновский конкретное участие принимал?

Калинников. Он согласился с моим предложением.

Крыленко. Он принимал участие в работе, в выработке об'ектов?

Калинников. Что касается первоочередности, то по этому вопросу на свидании, которое было с г. Р. и Рамзиным у меня на квартире, велись обсуждения, этот вопрос поднимался, при чем это было указано мною, и г. Р. согласился, чтобы этот список очередности был дан дополнительно генеральному штабу Франции.

Крыленко. Конкретно, работа Чарновского заключалась только в обсуждении?

Калинников. Да.

Крыленко. А в конкретном выполнении он участвовал?

Калинников. Нет. Евреинов составлял список по энергетике.

Крыленко. В своих показаниях от 10 октября вы говорили...

Калинников. Разрешите мне сказать.

Чарновскому поручалось собирать сведения по металлической части военной промышленности. Вот что он делал. Так я и показывал. Я должен был собирать сведения о состоянии и перспективах химической промышленности, а Чарновский должен был собирать сведения о состоянии и перспективах металлообрабатывающей и военной промышленности.

Крыленко. И эту работу он исполнял?

Чарновский. Я дополню. Тут неточные сообщения. Военная промышленность, — это не та промышленность, которая управляется военным миром, но та, которая находится в ведении Главмашстроя и имеет особые цехи. Это я сделал.

Крыленко (к Калинникову). Вы устанавливаете факт, что в обсуждении этого вопроса он участвовал, фактически исполнил задание по даче сведений по военной промышленности. Может быть, вы подтвердите и то, что сведения по металлопромышленности он в ЦК представил?

Калинников. Да, представил.

Крыленко. Как руководитель этой отрасли?

Калинников. Да.

Крыленко. Во всяком случае, как член ЦК вы считали его в этом отношении человеком, на котором лежат определенные обязанности, которые он должен исполнить?

Калинников. Как только был арестован Хренников, его роль по металлопромышленности перешла к Чарновскому.

Крыленко. Значит, после ареста Хренникова Чарновского надо рассматривать как лицо, ответственное за вредительство в металлопромышленности?

Калинников. Да, так нужно рассматривать.

Крыленко (к Чарновскому). А вы на этот счет что скажете?

Чарновский. Я только внесу уточнение.

Крыленко. Уточнение потом. Скажите: информатор или руководитель?

Чарновский. Информатор, с участием в руководстве.

Крыленко. Может быть, руководитель с участием в информации?

Чарновский. Нет, скорее информатор, посредствующая инстанция и участник руководства.

Председатель. Один вопрос. Подсудимый Калинников, к вам дополнительно вот такой вопрос: вы в своих показаниях говорили, что о вредительстве, о создании диспропорции в области металлопромышленности более подробно может сказать Чарновский. Как мы слышали, Чарновский более подробно ничего не сказал. Может быть, вы поясните, что вы имели в виду. Вы припоминаете — это было в позавчерашних показаниях на вечернем заседании.

Калинников. Припоминаю. Общие задания, которые я имел от центра по вредительству по плановой линии, заключались в том, чтобы намечать минимальные темпы, совершенно недостаточные для потребности народного хозяйства, создавать диспропорции как в отдельных отраслях, так и между отраслями и в отдельных частях народного хозяйства. При общей сверстке плана производственного я, конечно, мог только в пределах между отраслями народного хозяйства действовать. Что же касается внутренних потребностей в данной отрасли промышленности, это ближе могли знать только руководители, которые составляли этот план. Вот почему я сказал, что более точно о вредительстве по металлопромышленности могли бы сказать или Гартман, который руководил «Промсекцией», или то лицо, которое в ЦК представляло металлопромышленность. Поэтому я и говорил, что это может сказать Николай Францевич Чарновский.

Председатель. «Представляло» надо понимать, как «руководило»?

Калинников. Конечно.

Председатель. Подсудимый Чарновский, что вы скажете по поводу этого показания Калинникова?

Чарновский. Совершенно верно. Я указал, в чем были диспропорции.

Председатель. Выходит теперь, что вы были лицом, руководившим подготовкой диспропорции?

Чарновский. Диспропорции были прирожденные и которые мы ощущали...

Председатель. Как «прирожденные»?

Чарновский. Например, листопрокатный стан был с самого начала стащен с фундамента.

Председатель. Стащили с фундамента, — разве это «прирожденное» дело?

Чарновский. Головотяпская организация выполнила это до «Инженерного центра», а мы приняли это как факт и ничего не сделали для его ликвидации.

Председатель. Значит, вы углубили диспропорцию?

Чарновский. Если я не содействовал ее устранению, значит я ее углублял.

Председатель. Одно дело содействовать или не содействовать и другое дело углублять. Что же можно вынести отсюда? Вы углубляли диспропорцию, содействовали тому, чтобы сделать ее больше или нет?

Чарновский. Диспропорция проявляется в результате увеличения производства не на столько, на сколько позволяли наши возможности. Мы имели возможность, скажем, выпустить 1.000 тонн, а должны были выпустить 3.000, и мы не приняли мер к выпуску этих 3.000 тонн.

Председатель. Не принимали мер вы непосредственно или там, внизу?

Чарновский. В плановых учреждениях.

Председатель. Плановые учреждения действовали по установкам ЦК вашей партии?

Чарновский. Да.

Председатель. А плановые учреждения знали эту установку через кого?

Чарновский. Через Хренникова и меня.

Председатель. После смерти Хренникова могли знать только от вас?

Чарновский. Да.

Председатель. У обвинения еще есть вопросы? (Нет).

Имеются ли вопросы у защиты?

Оцеп. У меня есть вопрос.

Председатель. Но только я прошу вас задавать вопросы, связанные именно с этим моментом, т. е. с моментом деятельности Чарновского как представителя металла в ЦК «Промпартии».

Оцеп. В таком случае у меня нет вопросов.

Фридберг. Я прошу разрешения огласить одно место из показаний Чарновского.

Председатель. Пожалуйста.

Фридберг. Это стенограмма его показаний, страница 7-я:

«Дальше я почерпнул ряд данных из материалов по проектам, подлежащим рассмотрению заводов, входящих в ве-

дение исключительно Главмашстроя, и в том числе крупных заводов по важнейшим отраслям со смешанной часто программой, которая имела значение и для мирного и для военного времени. Эти данные у меня были. Помимо того, что я сам составлял технико-экономические показатели для пользования затем, в дальнейшем, в НТС и проектирующих организациях, эти данные, эти показатели сообщал также и товарищу по ЦК — Калинникову Ивану Андреевичу, хотя я знал, что целью здесь было не только осведомление чисто экономическое, не только экономические сводки, но и осведомление тех лиц и кругов, которые были в этом заинтересованы на основании запросов, получаемых из «Торгпрома». (К Чарновскому). Вы это подтверждаете?

Чарновский. Да.

Фридберг. Следовательно, вы были не информатором, а руководителем, и как руководитель составляли и согласовывали ряд данных шпионского характера, которые передавали Калинникову для дальнейшей передачи.

Чарновский. Этого не отрицаю.

Фридберг. Таким образом вы являлись не информатором и посредником между ЦК и отраслями металла, а являлись руководителем отраслевых групп по металлу и их представителем в ЦК «Промпартии»?

Чарновский. Да, это выпало на мою долю в середине 1929 г. и до начала 1930 г.

Крыленко. Эти показатели, которые вы собирали, вы употребляли для планового вредительства?

Чарновский. Нет, они нужны только для проектирования. Они могли бы итти для планового строительства для того, чтобы ими пользоваться при предельных нормах, — это да.

Крыленко. Значит, вы, кроме того, в практической работе составляли заведомо вредительские показатели?

Чарновский. Нет, эти показатели были точные и правильные.

Крыленко. Он уходили за рубеж?

Чарновский. Нет, они оставались здесь.

Крыленко. В плановом вредительстве вы участвовали?

Чарновский. Мы давали только вредительские директивы, а в плановой работе мы не участвовали.

Крыленко. Но вы давали директивы подчиненным отраслям промышленности по плановому вредительству?

Чарновский. Да.

Крыленко. Значит, это не информация, а практическая вредительская работа?

Чарновский. Да.

Крыленко. Значит, мы можем констатировать: после Хренникова вы представляли в ЦК практическое вредительство по металлу: вы фактически давали директивы вредительского характера вашим подчиненным; вы практически составляли соответствующие данные для переброски за рубеж.

Чарновский. Да.

Крыленко. Согласитесь с выводом: от информации это очень и очень далеко и очень и очень близко к практической вредительской работе в отношении основных отраслей промышленности.

Чарновский. Да.

Председатель. У защиты есть вопросы?

«Перелом» своим чередом, а действия своим чередом

Оцеп. Позвольте поставить вопрос...

Основной мотив, основная причина вашего враждебного отношения к советской власти, о которой вы говорили, была какая? В итогах ваших показаний вы как поставили вопрос: ваши политические убеждения, капиталистическая идеология или ее пережитки, или же основная причина — это была ваша техническая оценка методов и планов советского строительства? От политики к технике или от техники к политике?

Чарновский. Для меня все вопросы, как для техника, решались от техники к политике. Я считал, что политика должна все-таки до известной степени, или в большей степени, руководствоваться выводами и направлениями развития техники, а в развитии техники вообще и в развитии культуры считал, что интеллигентские силы должны, конечно, играть существенную роль. Я не выдвигал их на первое место, как выдвигали некоторые, что они должны занимать особое, командное положение в направлении всей политики, но все-таки этот фактор в настоящее время настолько существенен, что приходится исходить от него. Я свою идеологию строил на том, что именно исправлять нужно с этого.

Оцеп. Значит, когда вы убедились, что технические методы строительства, результаты пятилетки и прочее успешны, тогда начала трещать и ваша политическая надстройка?

Чарновский. Правильно, началось отрезвление и переход на совершенно другие рельсы.

Оцеп. Теперь меня интересует дата перехода, дата этого отрезвления. За сколько примерно времени до ареста, — ну, скажем, месяцев, если можно назвать, — это произошло? Скажите обще, приблизительно.

Чарновский. Когда я стал в техническом совете Гипромеза рассматривать проекты огромных металлургических и машиностроительных заводов, которые проходили через НТС, — а таковых прошло за 1929/30 г. свыше 150, — то я увидел, какая громадная работа реально намечена, намечена она в общем на правильных основах, хотя в ней много дефектов есть, которые нужно исправить, и тогда я почувствовал, что нужно, по-

видимому, пересмотреть свою психологию и нужно стать уже на совершенно другие рельсы — на рельсы советские.

Оцеп. А когда это было по времени?

Чарновский. По времени это было во второй половине 1929 г., после того, как Хренников отошел от рукозодства, будучи арестован. Вот тут-то для меня, когда я соприкоснулся с реальным проведением этих мер в смысле планового вредительства и с тем, что на самом деле — я видел — делается в промышленности, — вот тут у меня получился полный разлад. С этого момента я начал моральный отход от прежнего политического вредительства.

Оцеп. А когда вы были арестованы?

Чарновский. 14 августа с. г.

Оцеп. Значит, примерно месяцев за 6—7—8?

Чарновский. Да.

Оцеп. А когда был у вас разговор с Калинниковым, о котором вы докладывали?

Чарновский. В мае м-це с. г. Я уже тогда окончательно устал от этой раздвоенности.

Оцеп. У меня вопросов к обвиняемому нет, но если позволите, в связи с этим вопросом задать другой вопрос Калинникову: подтверждает ли он этот разговор в мае или весной 1930 г.?

Председатель. Подсудимый Калинников.

Оцеп. Позвольте вам задать вопрос. Вы слышали о том разговоре, о котором говорил сейчас Чарновский и который имел место в 1930 г.?

Калинников. Я такого разговора не слыхал. Со мною разговора этого не было.

Оцеп. Гражданин Чарновский.

Чарновский. Я разговаривал об этом с членами ЦК. Может быть, присутствовал Иван Андреевич, может быть, не присутствовал, но я утверждаю, что я об этом в ЦК заявлял.

Председатель. Подсудимый Чарновский, а не скажете ли вы, весной 1930 г. у вас не было ли совершенно иного разговора с Ларичевым или Рамзиным по поводу интервенции?

Чарновский. У нас было много разговоров. У меня целый список имеется припоминаемых мною заседаний. В 1930 г., кажется, было 3 заседания.

Председатель. Вы сейчас говорили, на вопрос защитника Оцепа, о том, что у вас начался внутренний перелом, что собственно 1930 г. был началом как бы идеологического перерождения в сторону примирения с советской властью.

Чарновский. В сторону отхода от вредительства.

Председатель. В сторону отхода от вредительства. Вы ссылались на беседу с Калинниковым, а Калинников эту ссылку не помнит. Не припомните ли вы другого разговора, который был в 1930 г. весной у вас с членами ЦК вашей партии, в частности с Ларичевым, — разговор об интервенции?

Чарновский. Возможно, что это было в самом начале 1930 г., потому что Ларичев в апреле уже был как-будто арестован.

Председатель. Но вы говорили — весной. Придется огласить ваше показание.

Чарновский. Пожалуйста.

Председатель. Оглашаю показание Чарновского в т. I дела на листе 299: «По сообщению, полученному мною от членов ЦК «Промпартии» инженера Ларичева, Рамзина, весной 1930 г., примерно в марте, в беседе с членами ЦК «Промпартии» Ларичевым, Федотовым, Калинниковым в Госплане СССР...» информировал членов ЦК о своих связях с некоторыми иностранными учреждениями. Это было весной.

Чарновский. Я помню.

Председатель. Значит, весной 1930 г. у вас был разговор с Ларичевым о связи с Рамзиным и о сообщении, сделанном ЦК о связи с некиим учреждением в Москве. Это было как раз весной 1930 г., когда, как вы говорите, у вас был перелом.

Чарновский. Да. Перелом был внутренний, но еще не выявившийся в действии.

Председатель. Значит, перелом своим чередом, а действия своим чередом?

Чарновский. А действия запоздали.

Председатель. У меня больше нет вопросов. Защита, у вас имеются еще вопросы?

Оцеп. Позвольте задать вопрос подсудимому Калинникову.

У вас то признание, которое вы принесли вначале, имело место в тюрьме или до тюрьмы за несколько времени?

Калинников. Я чувствовал, что наша вредительская работа с каждым днем делается все безнадежнее и безрезультатнее, но остановиться в своих вредительских действиях до тех пор, пока я был на свободе, я не мог.

Оцеп. Значит, позвольте так понять, что, с одной стороны, шел внутренний процесс раздумывания, колебания, а с другой стороны — внешние действия, внешние факты продолжали быть контрреволюционными, вредительскими? Параллелизм двух процессов?

Калинников. Я сказал все, что я мог сказать, как я понимал сам себя. Выводы делайте уже сами.

Оцеп. У меня больше нет вопросов.

Председатель. Есть еще вопросы?

Крыленко. Разрешите подсудимому Чарновскому.

Значит, от техники к политике вы пришли или от политики к технике вы пришли? Конечный итог — политические установки, политические цели, политические методы вы применяли и проводили?

Чарновский, Да, сознаюсь.

Председатель. Больше нет вопросов?

Антонов-Саратовский. Из вашего ответа на вопрос прокуратуры о военной диктатуре неизбежен ли вывод, что, по-вашему, ЦК «Промпартии» рассматривал себя в меньшей степени самостоятельной политической силой и в большей степени исполнительным аппаратом политических сил за рубежом?

Чарновский. Я сказал бы, что для меня это было ясно и совершенно определенно, что мы самостоятельной роли в этом деле не играли, что гораздо большее значение имели те силы, которые стояли за границей в виде «Торгпрома» и стоящих за ним организаций.

Антонов-Саратовский. Вы больше были исполнительной силой?

Чарновский. Скорей да.

Примирение с Кассо и забастовка при советской власти

Председатель. Подсудимый Чарновский, в каком году вы вступили в профессорскую должность?

Чарновский. По списку в 1915 г., а фактически начал профессорскую деятельность раньше — в 1914 г., потому что я был выбран. Основную профессорскую деятельность, если не считать ад'юнктуры, надо считать с 1907 г.

Председатель. Значит, в 1911—1912 г. министерство Кассо застало вас преподавателем? Вы помните, какое значение оно имело для автономии школы?

Чарновский. Хорошо помню.

Председатель. Что вы помните?

Чарновский. Я помню, что был обсужден вопрос об отставке ректора университета Мануйлова и др. профессоров.

Председатель. А почему они ушли?

Чарновский. В виде протеста против действий Кассо, нарушающих автономию.

Председатель. Значит, Кассо отменил профессорскую автономию, что вызвало уход части профессоров. Каково было ваше отношение к протесту этих профессоров против действий Кассо?

Чарновский. При обсуждении этого вопроса Гавриленко, мой учитель, заявил, что не следует выражать своего мнения особым актом. Акт начался подписанием протеста, и он сказал, что он протеста подписывать не будет.

Председатель. Короче, вы выразили протест или нет?

Чарновский. Я заявил, что если я подпишу протест, то я должен выйти в отставку, а если я не выхожу в отставку, то такая демонстрация с кулаком в кармане не годится, и я этого не сделал.

Председатель. Значит, вы остались, хотя готовы были уйти?

Чарновский. Да

Председатель. Значит, вы примирились с Кассо и с нарушением автономии?

Чарновский. В нашей коллегии примирились, и я в том числе.

Председатель. Почему же вы не примирились с якобы имевшим место нарушением «автономии» высшей школы при советской власти?

Чарновский. Потому, что общее собрание профессоров приняло постановление о неподчинении.

Председатель. Почему же общее собрание приняло такое постановление?

Чарновский. Потому, что профессора не сочувствовали мероприятиям советской власти.

Председатель. Может быть, вообще не сочувствовали советской власти?

Чарновский. Вернее — да.

Председатель. Словом, можно так констатировать, что маленькая профессорская забастовка при советской власти была не чем иным, как выпадом профессоров против советской власти под прикрытием защиты автономии?

Чарновский. Мы чувствовали, что автономии наносится ущерб. Это было достаточной причиной.

Председатель. В чем, по вашему мнению, заключается профессорская автономия? Не в выборности ли?

Чарновский. Да, в выборности.

Председатель. Но при перевыборах профессуры в 1929 г. вы уклонились от того, чтобы вас баллотировали?

Чарновский. При баллотировке профессор не присутствует. Баллотировка происходит в его отсутствии.

Председатель. Это не существенно. Итак, можно сказать: Кассо нарушает автономию, вы соглашаетесь. При советской власти вы видите нарушение автономии в том, что вас хотят подвергнуть перебаллотировке, приглашают вас, вы не являетесь в 1929 г.

Чарновский. Это не была перебаллотировка.

Председатель. В каком же порядке осуществлялись перевыборы в 1929 г.?

Чарновский. Перевыборы были потом, а это было предварительное суждение о наших действиях.

Председатель. В 1929 г. вы должны были выступить с докладом о своей деятельности как профессор.

Чарновский. Я выступал много раз в технологическом цикле и на собраниях инженеров, которые кончили последний год и которые приехали выслушать наши об'яснения.

Председатель. От чего же вы отказались в 1929 г.?

Чарновский. Я отказался выступить на огромном студенческом собрании со вторичными об'яснениями своей деятельности.

Председатель. С отчетом о своей деятельности?

Чарновский. Да, если хотите, так можно сказать. Я знал заранее, что здесь имеется не беспристрастная оценка суждения, а будет целый ряд малокомпетентных выпадов.

Председатель. Почему вы думали, что против вас будут выпады? Ведь вы говорили, что у вас столкновений со студентами не было?

Чарновский. У меня не было, но передо мной прошло двое моих коллег, они от этого много претерпели.

Председатель. Кто это такие?

Чарновский. Математик Поляков и химик Корвенко.

Председатель. Почему вы ожидали такой же неприятности для себя?

Чарновский. Я считал, что то, что касается деятельности профессора, должно подвергаться суждению в кругу профессоров, напр., в технологическом цикле, а не там, где наполовину сидят студенты, которые в работе не разбираются.

Председатель. Вопрос ясен. Вы говорили, что вступили во вредительскую организацию в 1927 г. В этот период какой был основной вопрос, на котором сосредоточилось внимание организации «Инженерного центра», ставшей впоследствии «Промпартией»?

Чарновский. Когда это было?

Председатель. В начале 1927 г.

Чарновский. Замедление темпов строительства и развития различных отраслей.

Председатель. А интервенция?

Чарновский. Интервенция явилась в конце 1927 г. примерно, мне кажется, так, или во второй половине.

Председатель. А в 1926 г.?

Чарновский. Я еще не был в это время привлечен в «Инженерный центр». Но как я уже указывал на вопрос обвинителя, я замечал везде факты неполадок. Об этом мы, конечно, официально не знали, нас официально об этом никто не извещал.

Председатель. В 1926 г. о связи деятелей «Инженерного центра» с «Торгпромом» за границей вам было известно?

Чарновский. Нет, я не был в курсе этого дела.

Председатель. Я напомню вам ваши показания, вы их, пожалуйста, раз'ясните. В томе I, стр. 296, вы показываете: «В начале 1926 года задачу информации и связи «Промпартии» с заграничными кругами, заинтересованными в интервенции, выполняли Пальчинский и Рабинович».

Чарновский. Это относится к истории возникновения первого центра, которую мне сообщил Хренников, и с его слов я и записал.

Председатель. Со слов Хренникова вам было известно, что еще в 1926 г. началась работа по подготовке интервенции?

Чарновский. Об этом я информационно узнал в конце 1926 г.

Председатель. У меня вопросов больше нет. У кого-нибудь вопросы имеются к подсудимому Чарновскому? (Нет). Садитесь, подсудимый Чарновский.

ПОКАЗАНИЯ ПОДСУДИМОГО КУПРИЯНОВА

Председатель. Подсудимый Куприянов. Представителям обвинения угодно вопросы задать?

Крыленко. Будьте любезны, гр-н Куприянов, сообщите сведения биографического характера коротенько и момент вступления вашего в организацию.

Куприянов. Родился я в 1871 г., в крестьянской семье. И отец и мать мои были крестьяне. Отец до самой своей смерти, т.-е. до 1916 г., имел крестьянский надел. Первое время он сам обрабатывал землю вместе со своими братьями. Потом он служил по лесным разработкам и спустя некоторое время купил пустошь земли около 100 десятин.

Нас у отца было 11 человек: 8 братьев и 3 сестры. Учиться в первое время я учился в сельской школе. Кончил ее хорошо. Вообще учился очень хорошо. Дальше встал вопрос, что делать. 8 братьев нас было, и всем на земле оставаться было невозможно. Надо было что-нибудь выбирать. Мне хотелось учиться. Средств не было, но мой родственник, мой крестный, обещал помочь.

Меня отдали в среднюю школу, в реальное училище. С 5-го класса я уже начал давать уроки и помогать, давая на свое содержание. Реальное училище я кончил хорошо и, имея уже опыт некоторого заработка, я решил, без помощи отца, конечно, поступить в высшее учебное заведение. Я поступил в Московское высшее техническое училище в 1889 г. Кончил полный курс со званием инженера-механика в 1895 г. и поступил на фабрику бывш. «Большую ярославскую мануфактуру» в качестве инженера по хлопчатобумажной промышленности. Спустя год я был командирован в Англию.

Крыленко. В каком году?

Куприянов. В 1897 г., для усовершенствования в хлопчатобумажном производстве, для ознакомления с новостями и проч. Работал на заводе в качестве помощника монтера по сборке машин. Пробыл я в Англии 9 месяцев. Вернувшись на фабрику, получил в заведывание прядильный отдел. Командировка мне, собственно, была дана условно: если я представлю хороший отчет, то деньги, которые были отпущены, должны были быть зачтены. Если же отчет будет признан неудовлетворительным, я эти деньги должен был выплатить. Отчет мой был признан вполне удовлетворительным, и все предложения, которые мной делались, были проведены на фабрике, и долг был погашен.

На «Ярославской большой мануфактуре» я прослужил 3 года и 3 месяца. Потом перешел в качестве пом. заведующего на Покровскую мануфактуру.

Крыленко. У кого вы на «Ярославской мануфактуре» работали?

Куприянов. У Корзинкиных. Потом перешел на Покровскую мануфактуру в качестве помощника заведующего.
Крыленко. У кого?
Куприянов. Это около Дмитриева, теперь Яхромы.
Крыленко. У кого?
Куприянов. У Ляминых.
Крыленко. У братьев Ляминых.

17 лет дружбы с Коноваловым

Куприянов. Там я пробыл около 2 лет. Потом пришлось мне уйти оттуда совершенно по другим причинам. Я поступил в бывш. Костромской губ. на Боняшинскую фабрику — бывш. товарищество Коновалова. Пробыл я там 17 лет.
Крыленко. Около 17 лет проработали где?
Куприянов. На Боняшинской хлопчатобумажной фабрике.
Крыленко. Где?
Куприянов. В Костромской губернии.
Крыленко. Фабрика принадлежала Коновалову?
Куприянов. Да.
Крыленко. Вы поступили кем?
Куприянов. Заведующим прядильной фабрикой.
Крыленко. А кончили?
Куприянов. Я заведывал прядильной, ткацкой и отделочной. Прядильная фабрика, ткацкая и отделочная — три фабрики. В каждой фабрике был свой заведующий, а я возглавлял это об'единение.
Крыленко. Руководили практической, производственной и оперативной работой?
Куприянов. Да.
Крыленко. Имели прямые и непосредственные отношения с Коноваловым?
Куприянов. Нет. Было правление, в которое входили Коновалов, Лопатин, Герасимов и Авилов.
Крыленко. Лопатин, который здесь упоминался?
Куприянов. Да. Дело было больше в руках Лопатина. Правление было в Москве, он приезжал на фабрику, делал распоряжения, а мы их выполняли.
Крыленко. С Коноваловым у вас были деловые отношения?
Куприянов. Да, я с ним встречался.
Крыленко. В деловой обстановке?
Куприянов. Главным образом в деловой, изредка и на квартире.
Крыленко. Вы работали до какого года?
Куприянов. Я работал до национализации, которая произошла в конце 1918 г. Затем я вошел в правительственное правление, которое было образовано.
Крыленко. Каково было ваше материальное вознаграждение?
Куприянов. Начал я свою работу в качестве инженера с 75 р. в месяц. К Коновалову я поступил на 4.200 в год, фабрика была в то время небольшая. К концу службы я уже получал 11.000 р. плюс 1.000 наградных. Таким образом, общий мой заработок составлял 12.000 р. в год.
Крыленко. А непосредственной материальной заинтересованности в предприятии у вас не было?
Куприянов. Нет, я все время был служащим по найму.
Когда создалось правительственное правление, я бы не сказал, что у меня были недружелюбные отношения с рабочими.
Крыленко. Простите, мы так сделаем: за этот период длительной работы у Коновалова в качестве непосредственного заведующего его тремя фабриками ваше политическое мировоззрение?
Куприянов. Ни студентом, ни техническим работником я ни к какой политической партии не принадлежал и совершенно не занимался политической работой.
Крыленко. В политической жизни не принимали участия?
Куприянов. Нет.
Крыленко. А в выборах?

«Неудобно было не участвовать в выборах думы»

Куприянов. В последнюю думу принимал участие. Тогда была выставлена кандидатура Коновалова, и мне просто было неудобно не поехать на выборы.
Крыленко. По какому списку он шел?
Куприянов. Он шел по списку прогрессистов и кадетов, — об'единенный список.
Крыленко. А конкретно, что означала в то время политическая группировка прогрессистов?
Куприянов. Я слаб в этом. Это — среднее между октябристами и кадетами.
Крыленко. Правее?
Куприянов. Прогрессисты левее октябристов и немножко правее кадетов.
Крыленко. Правее кадетов и левее октябристов. А Коновалов?
Куприянов. Он последнее время был кадетом.
Крыленко. Проходил по какому списку — от кадетской или прогрессистской группы?
Куприянов. От кадетов.
Крыленко. Вы принимали участие в выборах из любезности к Коновалову, как вы говорите?
Куприянов. Просто приехал, опустил список в ящик, и все.
Крыленко. Как при выборах в Думу, а дальше?
Куприянов. Дальше нет.
Крыленко. А в Учредительное собрание?
Куприянов. Я сейчас не помню. Я думаю, что Коновалов тогда был уже арестован.
Крыленко. А вы сами?
Куприянов. Я не участвовал.

Крыленко. Не участвовали за ненадобностью?

Куприянов. Я был человек в высшей степени занятой, политикой я никогда не занимался и в этой части не участвовал.

Крыленко. Как вы отнеслись к Февральской и Октябрьской революциям?

Куприянов. Февральную революцию мы, конечно, все приняли с радостью, потому что это как будто бы давало нам широкий простор, тем более, что во временном правительстве сидел бывший мой хозяин.

Крыленко. Так что вы приняли с радостью Февральскую революцию, в зависимости от этого обстоятельства или нет?

Куприянов. Конечно, не в зависимости от этого обстоятельства. Но если вы припомните, в то время была атмосфера страшного напряжения, и она должна была так или иначе, но как-то прорваться. Обстановка, в которой мы жили в этот год, не могла продолжаться, и это чувствовалось, и в этом я видел какое-то просветление.

Крыленко. А Октябрьская революция?

Куприянов. А к Октябрьской революции я совершенно не был подготовлен, для меня это было полной неожиданностью, и первое время я не мог себе просто отдать отчет и все это понять. Я в течение слишком 20 лет работал при совершенно другой обстановке, и так как я политикой не занимался, программ политических партий не изучал, то на меня это произвело впечатление совершенно неожиданное.

Крыленко. А когда Коновалов был в правительстве, вы с ним отношений не поддерживали?

Куприянов. Нет, он уже фабрикой не управлял, и все это было в руках правления, и Лопатина в частности.

Крыленко. А в неделовой обстановке?

Куприянов. Тоже нет.

Крыленко. Как приняли вы Октябрьскую революцию?

После Октябрьской революции связь со старыми хозяевами не прерывалась

Куприянов. Сначала я ничего не понимал, и то, что совершилось, оно не могло быть, откровенно вам скажу, принято мною. И особенно тяжело было на фабрике: с одной стороны — диктатура пролетариата, с другой стороны — оставался хозяин. Вообще положение инженеров было в высшей степени тяжелое. Влияние хозяина было в это время слишком большое до самой национализации, так что естественно, что среди рабочих невольно должно было явиться некоторое недоверие вообще к инженерам и к техническому персоналу в это время.

Крыленко. Конфликтов у вас никаких не было?

Куприянов. Нет. Я был в правительственном правлении в 1918 г. Если бы у меня были конфликты, я не мог бы туда пройти.

Крыленко. И отношений у вас внешнего порядка с Коноваловым совершенно не было?

Куприянов. В последнее время не было.

Крыленко. Нет, в период с февраля до октября?

Куприянов. Нет, он был в Петрограде, а у нас имелось дело и связь с Москвой. На фабрике он не был в это время, и все дело велось правлением.

Крыленко. А кто же осуществлял связь?

Куприянов. Правление.

Крыленко. Кто персонально?

Куприянов. Лопатин и Герасимов.

Крыленко. Вы с ними имели сношения?

Куприянов. Да.

Крыленко. И даже политического характера указаний вы не получали?

Куприянов. Не сумею вам сказать.

Крыленко. Политического характера указания от Лопатина и Герасимова вы получали?

Куприянов. Нет. В то время никаких особенных указаний не было. Может быть, указания и получали, но в то время мы впервые перешли на 8-часовой рабочий день без всякого требования. В этой части, очевидно, правление получило указания от Коновалова. Потом обеспечение. Хотя, положим, не только у нас было обеспечение продуктами всех рабочих и т. д.

Крыленко. Вы не можете установить факт, когда Коновалов эмигрировал?

Куприянов. Я точно не могу сказать, но думаю, что в начале 1918 г.

Крыленко. Перед тем, как скрыться за границу, он давал какие-нибудь указания правлению?

Куприянов. Он перед выездом в Москве не был. Герасимов к нему ездил, но, вероятно, никаких особых разговоров не было. Были разговоры в части обеспечения его некоторыми средствами. Я так полагаю потому, что, насколько я слышал от Герасимова, средств у него за границей было очень мало. Так что я думаю, что разговор между ним и Герасимовым был относительно обеспечения его некоторыми средствами.

Крыленко. У него было мало средств за границей перед Октябрьским переворотом?

Куприянов. Да.

Крыленко. Так что, видимо, разговоры с Герасимовым были относительно перевода средств за границу?

Куприянов. Вероятно.

Крыленко. Конкретно ничего не можете сообщить по этому поводу?

Куприянов. Я конкретно могу сказать, что я слышал от Герасимова, что было куплено что-то около 20.000 фунтов и переведено в Англию около 20.000 фунтов.

Крыленко. Около 20.000 фунтов при помощи Герасимова было переведено за границу. Когда это было?

Куприянов. Это было в 1918 г.

Крыленко. И затем никаких других директив о порядке управления фабрикой, в перспективе не было?

Куприянов. В это время фабрика была уже национализирована.

Крыленко. Юридически она была национализирована, но ведь конкретно управление оставалось в руках Герасимова, Лопатина и ваших?

Куприянов. Нет, было составлено правительственное управление из рабочих.

Крыленко. Но вы туда входили?

Куприянов. Я туда входил для передачи дел. Я тогда не носил такого характера, но раз создалось такое положение, что на меня смотрят как на ставленника бывшего хозяина, то я считал для себя долгом выйти из этого правления. Это было 15 июля 1918 г. Тем более, что нашелся один из инженеров, кандидат, желающий занять мои обязанности.

Крыленко. Из старого правления ни Герасимов, ни Лопатин не вошли в правительственное правление?

Куприянов. Не вошли.

Крыленко. И вы прямого участия в управлении фабрикой не имели?

Куприянов. С этого времени не имел, и не только с этого времени, а уже после национализации фабрики я на фабрику непосредственно не ездил, а правительственное правление было в Москве, и я каждый день с ними встречался.

Крыленко. И никаких указаний вам не известно, которые были бы даны для соответствующего управления фабрикой, несмотря на факт национализации?

Куприянов. Нет.

Крыленко. Вы говорите, что вы этого не понимали?

Куприянов. В это время это не было известно.

Крыленко. А потом?

Куприянов. Потом я уехал из Москвы. Это относится скорей к 1919 г.

Крыленко. Кому были даны указания и какого характера?

Куприянов. Там остался старый технический персонал. Я знаю, что они бывали у Лопатина.

Сначала Коновалов, потом Рябушинский

Крыленко. А вам неизвестно, поддерживал ли Лопатин связь с Коноваловым?

Куприянов. Относительно первого периода мне неизвестно, а в 1922 г. поддерживал.

Крыленко. Так что надо сказать, что Лопатин в 1922 г., несмотря на национализацию фабрик, несмотря на то, что он ушел из практического руководства, получал и передавал через другой оставшийся технический персонал?

Куприянов. Я знаю, что в период 1919—22 гг. Лопатин давал указания сберечь фабрики в таком виде, в каком они были оставлены. Так как тогда никакой вредительской организации и «Торгпрома» не было, Лопатин сносился непосредственно с фабриками.

Крыленко. Это была директива Коновалова?

Куприянов. Я помню, что это была директива не только Коновалова, потому что Лопатин в последнее время стоял ближе к Рябушинскому. С Коноваловым у Лопатина отношения совершенно испортились, там был один неприятный факт, после чего Лопатин должен был прекратить переписку с Коноваловым.

Крыленко. Какой факт?

Куприянов. С 1 сентября 1918 г. я из Москвы уехал и слышал об этой истории от Лопатина. Не сумею сказать, в каком году — в 1919, 1920 или 1921 г., т.-е. в период до нэпа, Лопатин, т.-е. бывшее правление, продал или учел на черной бирже денежные обязательства к товариществу Коновалова.

Крыленко. Другими словами, в 1919 г. бывш. правленцы здесь на черной бирже нашли некоторые бывшие денежные обязательства старых владельцев и совершили акт, недопустимый и с такой точки зрения. Ну, а дальше?

Куприянов. Обязательства были выданы в английской валюте. Срок был короткий, так как думали, что советская власть долго не продержится. Фотографии с этого обязательства были пред'явлены Коновалову, которому об этом было неизвестно.

Крыленко. Итак, это было без ведома Коновалова?

Куприянов. Безусловно.

Крыленко. Это было в личную пользу кого?

Куприянов. В пользу Герасимова, Авилова и отца Лопатина, который находился здесь.

Крыленко. Иначе говоря, эта группа обокрала Коновалова?

Куприянов. Так оно и есть. Поэтому отношения испортились. Коновалов, конечно, остался этим недоволен.

Крыленко. Какая сумма?

Куприянов. Приблизительно, 50 тысяч фунтов. Но это было в госзнаках, они выдали обязательство на эту сумму.

Крыленко. От имени Коновалова?

Куприянов. От имени правления т-ва Коновалова.

Крыленко. От имени несуществующего правления?

Куприянов. Да.

Крыленко. Не котировавшегося на черной бирже?

Куприянов. Да.

Крыленко. Они такую махинацию устроили. В результате порвали отношения с Коноваловым. А с другими?

Куприянов. Он прекратил всякую переписку с Коноваловым. При этом мне говорил, что Коновалов потерял свои средства, потерял всякое влияние среди фабрикантов, не пользуется весом, а боль-

шим весом пользуются братья Рябушинские. С ними он был еще ранее в хороших отношениях, даже родственник.

Крыленко. С Рябушинским остались хорошие отношения и даже поддерживал?

Куприянов. Я считаю, что да. Лопатин поддерживал.

Крыленко. Вы говорили о больном отце Коновалова. Он был где?

Куприянов. Был в Москве.

Крыленко. Они заставили больного отца выдать?

Куприянов. Нет, за подписью двух директоров правление могло выдать доверенность и могло давать обязательства на определенную сумму.

Крыленко. Доверенность старого порядка пустили в ход?

Куприянов. Очевидно, так.

Крыленко. При чем же тут больной отец Коновалова, о котором вы упоминали?

Куприянов. На поддержку для него.

Крыленко. Они так мотивировали?

Куприянов. Мотивировка была такая, но я знаю, что они этими деньгами сами воспользовались, и в одно время было мне предложение, но я в это время не служил там, и отказался.

Крыленко. Они взяли по старой доверенности, выдали юридически недействительное обязательство, учли его на старой бирже и указали Коновалову, что это делается для поддержки его больного отца, а на самом деле поделили деньги между собой!

Куприянов. Они даже не говорили ему, иначе он не стал бы запрашивать, почему, что это значит.

Крыленко. Каким образом эту связь поддерживали?

Куприянов. Я говорю это со слов Лопатина и еще Авилова.

Крыленко. Это был путь, который вы предполагаете? Итак, Коновалов с Лопатиным прекратил сношения и не поддерживал?

Куприянов. Нет.

Крыленко. С Рябушинским сношения продолжались?

Куприянов. Да.

Крыленко. До какого года?

Куприянов. Лопатин мне говорил сначала, что когда был процесс по Серпуховскому тресту, то он бросил сношения, но потом я слышал и знал, что он все-таки с «Торгпромом» имел связь через другие пути.

Крыленко. Другие пути аналогичного порядка?

Куприянов. Да.

Полоса саботажа

Крыленко. Вы сказали, что не понимали Октябрьской революции. Непонимание еще ничего не говорит. Конкретно, какое отношение у вас было?

Куприянов. Это показывает то, что я в 1918 г. ушел из текстильной промышленности. Как хотите назовите — саботаж это или не саботаж. На другую фабрику мне не хотелось итти, а на этой фабрике оставаться считал просто невозможным тем более, что на Москву надвигался продовольственный кризис, и братья меня уговорили поехать на родину.

Крыленко. Можете сказать, что ваше отношение было положительное или отрицательное?

Куприянов. К октябрьскому перевороту, конечно, отрицательное. Если бы было положительное, я не бросил бы работу.

Крыленко. Может быть, мы опять уточним — враждебное?

Куприянов. Активно оно не проявлялось.

Крыленко. Кроме отказа от работы?

Куприянов. Да.

Крыленко. Кроме акта саботажа?

Куприянов. Да.

Крыленко. Где вы дальше стали работать?

Куприянов. Я уехал на родину. Там около гор. Михайлова, есть такой в Рязанской губернии, братья после отца продолжали крестьянствовать. Они меня уговорили, что хлеб у них есть, все есть, чтобы я ехал туда. И я поехал туда. Несколько месяцев, я бы сказал месяца 4—5, я ничего не делал, а потом я без дела совершенно не мог оставаться и поступил техническим инспектором Михайловского и Скопинского уездов. Михайловский уезд, собственно, не промышленный.

Крыленко. Простите, я вас перебью. У вас личных сбережений не было?

Куприянов. Были.

Крыленко. Сколько?

Куприянов. Около 40 тысяч руб.

Крыленко. В качестве свободного капитала или вложено куда-нибудь?

Куприянов. Они были в займах, в банке остались.

Крыленко. Вы их потеряли?

Куприянов. Да, потерял.

Крыленко. Это тоже способствовало определенному отношению?

Куприянов. Конечно. Неизвестность дальнейшего в то время и то, что я потерял, этому способствовали.

Крыленко. В ваших показаниях от 10 марта 1930 г. вы начинаете так. Разрешите?

Председатель. Пожалуйста.

Крыленко. «После октябрьского переворота, принял таковой сочувственно, чему служит доказательством отношение рабочих. Я оставался даже в правлении фабрик, никаких выступлений против советской власти не делал, всегда был лойялен».

Оставим остальное — только первую фразу.

Куприянов. Разрешите? С 9 на 10 марта я был арестован, и показанию в первый день не нужно придавать значения.

Крыленко. Правильно. Значит, мы это показание со счетов скинем в этой части. А может быть, и целиком то, что дальше говорится?

Куприянов. Я считаю, что целиком. 10 марта, когда я был арестован, я не успел одуматься, очухаться, и эти показания тоже не нужно принимать во внимание.

Крыленко. Для точности я их процитирую.

Председатель. Виноват, виноват. В этом показании содержатся и данные автобиографические — где кончил курс, где служил, и вообще оно все очень маленькое. Чему же не придавать значения?

Куприянов. Автобиографические данные верны.

Председатель. Значит, все это остается в силе?

Куприянов. Да.

Председатель. Значит, вы просите не считаться с тем, что вы дальше говорите о преданности советскому строю?

Куприянов. Да.

Председатель. Больше ничего здесь не содержится?

Куприянов. Нет.

Крыленко. Я процитирую:

«Всецело воспринял и считаю целесообразным индустриализацию страны, считаю только — мал темп по технической промышленности, мало нового строительства».

«Как идею, коллективизацию сельского хозяйства считаю полезной и необходимой для страны, сужу о проведении ее по газетам, и как официально уже заявлено, тут есть перегибы — раз промышленность государственная и раз все мероприятия направлены к огосударствованию всей жизни страны, не мыслю, как можно жить без государственной внешней торговли. К иностранному капиталу никогда никакого отношения не имел; опыт некоторых концессий показал, что на СССР имеют концессионеры виды исключительной наживы, в обыкновенных условиях наживы иностранный капитал не идет. В текстильной промышленности концессий нет и они не нужны».

Все это можно считать показанным неверно, неправильно, исходя из соображений того, что человек был арестован, и т. д. Так?

Куприянов. Совершенно верно.

Крыленко. Это все неправда?

Куприянов. Да, да, да.

Крыленко. Значит, вы приняли советскую власть и Октябрьскую революцию враждебно?

Куприянов. По-моему, это резко немножко — «враждебно».

Я говорю, что активного проявления у меня не было, но с момента Октябрьской революции я не мог ее осознать и представить ясно, как человек, не занимающийся политикой. Но факт ухода из текстильной промышленности характеризует мое отношение.

Крыленко. Теперь скажите дальше о вашей работе. Вы уехали на родину. Затем?

От работы в Михайловском уезде — к руководству 8-ю трестами

Куприянов. Потом я поступил техническим инспектором, сначала одного Михайловского уезда. Тогда технические инспектора были при отделе социального обеспечения. Потом был присоединен и Скопинский уезд. Я говорил, что это вообще не промышленный район, так что работы никакой не было, самая пустяшная. Было там несколько мельниц, и фактически можно сказать, что почти не было никакой работы, но тут же близ той местности, где живут мои братья, был цементный завод. Правление этого цементного завода предложило мне поступить на завод в качестве механика. Я туда поступил.

Крыленко. Не будем загромождать мелочами. Конкретно — работа ваша в советских учреждениях управляющего порядка?

Куприянов. В конце 1922 г. я поступил инженером в правление Иваново-Вознесенского треста. Пробыл 13 месяцев. Потом перешел в качестве заведующего производственным отделом Тверского треста, а с мая месяца 1924 г., по настойчивому предложению покойного В. П. Ногина, я должен был поступить в текстильный директорат Цугпрома ВСНХ в качестве директора хлопчатобумажной промышленности.

Крыленко. Значит, вы поступили на должность директора хлопчатобумажного директората в текстильный директорат ВСНХ?

Куприянов. Да.

Крыленко. По прямому предложению В. П. Ногина?

Куприянов. Собственно, он вызвал целую группу — меня, Державина, Рожкова. Мне не хотелось поступать, говоря откровенно, потому, что я такой бумажной работой не занимался, но В. П. Ногин настоял.

Крыленко. Вы знали раньше тов. Ногина?

Куприянов. Знал немного. Он сказал, что имеет обо мне справки и что не может быть и речи о том, чтобы я отказался. Я принял предложение, но в качестве простого директора — старшим директором было другое лицо. В качестве такого директора я пробыл полтора года. Затем из-за оставления должности старшего директора А. Н. Державиным, по настойчивому предложению М. О. Брагинского, я стал старшим директором.

Крыленко. А Державин куда перешел?

Куприянов. Он перешел во 2-й хлопчатобумажный трест.

Крыленко. Вы его хорошо знали?

Куприянов. Я его знал раньше, но затем мы стали работать в разных районах. Когда произошло слияние Главтекстиля или, как он потом назывался, текстильного директората с управлением ВТС, я вошел в ВТС в качестве заведующего производственным отделом.

Крыленко. Расшифруйте — ВТС.

Куприянов. Всероссийский текстильный синдикат.

Крыленко. Что находилось в вашем ведении?

Куприянов. В моем ведении находилась вся синдицированная хлопчатобумажная промышленность СССР.

Крыленко. Это было в 1924 г.?

Куприянов. Нет, это было в 1928 г., а с 1924 по 1928 г. я был в текстильном директорате Цугпрома ВСНХ СССР.

Крыленко. Значит, с 1928 г. вы были директором всей хлопчатобумажной промышленности?

Куприянов. Нет, я был заведующим производственным отделом.

Крыленко. Что же находилось в вашем ведении?

Куприянов. 8 трестов.

Крыленко. Это количественно, а по существу?

Куприянов. По существу, я бы сказал, 80 или 75% всей хлопчатобумажной промышленности.

Крыленко. Это по количеству 75%, а по существу функций? Управление производством?

Куприянов. Управление производством.

Крыленко. Планирование?

Куприянов. Нет. Проведение производственных программ и наблюдение за проведением.

Крыленко. Оперативная работа, осуществление плана?

Куприянов. А план составлялся другим отделом.

Крыленко. Теперь вы скажите мне о ваших практических взаимоотношениях между планированием и управлением и назовите персонально лиц, стоящих во главе планирования и управления, — лиц, находящихся в качестве ближайших помощников, для того, чтобы очертить тот аппарат, с помощью которого производилось вредительство.

С маркой Лопатина

Куприянов. Когда в середине 1924 г. образовался Цугпром, новое управление — Центральное управление государственной промышленности, то было разделение оперативной деятельности от плановой и в то же время было организовано ПЭУ—Планово-экономическое управление ВСНХ — той же промышленности. Плановой частью заведывал Лопатин.

Крыленко. Вот, плановой частью заведывал Лопатин, производственной — вы?

Куприянов. В последнее время. А то я заведывал 2 трестами.

Крыленко. А кто были вашими ближайшими помощниками?

Куприянов. Державин, Шагурин, Бухонов.

Крыленко. По другим трестам?

Куприянов. Да. Я бы не сказал, что все вредители. Бухонов уже умер. Шагурин и Бухонов поступили из управления Лопатина, они тоже были заражены.

Крыленко. А вы считаете, что все то, что исходило из управления Лопатина, носило уже определенную марку?

Куприянов. Я бы сказал так, что у него был такой тесный круг, с которым он уже сработался и которому он дал точное и определенное направление по некоторым действиям, что они и производили.

Крыленко. А не скажете ли вы: с 1924 по 1928 г. работала ли вредительская группа, кроме Державина и кроме вас, в «Инженерно-техническом центре»?

Куприянов. Я не буду скрывать, что все знали, что Лопатин настроен контрреволюционно, что он не сторонник советской власти, и это было тоже известно партийным работникам, на его похоронах они это выдвигали как достоинство, что несмотря на то, что он настроен контрреволюционно, а все-таки он давал хорошие советы. Это было официальное заявление. Он пользовался, надо сказать, и в ВСНХ и в Госплане, где он тоже одно время занимался, пользовался большим авторитетом по текстильной промышленности. Когда Владимир Павлович вздумал образовать этот текстильный директорат, то должен был быть старшим директором по текстильной промышленности об'единенной — хлопок, шерсть и лен, — должен был быть сам Владимир Павлович Ногин. Вот тут так сложились неудачно обстоятельства, он заболел и умер, и наш аппарат был недоорганизован, и мы оставлены были, что называется, сами по себе. В это время не нашлось такого руководителя, который бы стал организовывать это дело. Вот в силу такого-то положения и Державин и другие, которые не входили в плановую работу и вообще с работой ВСНХ были не знакомы, мы волей-неволей стали прибегать к Лопатину, потому что до этого он и плановую и оперативную работу вел.

Крыленко. Вы скажите, за 1924—26 и начало 1927 г. вы в качестве директора 2 трестов ощущали практически вредительскую работу?

Куприянов. Я стал ощущать вредительство с начала 1925 г., потому что я считал, что некоторые плановые работы, составление программ и проведение их ведутся неправильно. Это дело не только я один сознавал, это сознавал и Державин, может быть и другие работники.

Крыленко. Может быть, так сказать, что с начала 1925 г. вы согласованно принимали участие во вредительской работе?

Куприянов. Нет, не согласованно.
Крыленко. А самостоятельно?
Куприянов. Чувствовал, что те установки, которые дает Лопатин, носят нехороший запах.
Крыленко. Вы не спросили?
Куприянов. Нет, я говорил, но он пугал другим. Он говорил, что если мы будем заниматься такими мелочами, то мы не справимся с этим делом. В чем было вредительство тогда? Тогда совершенно не придавали никакого значения ассортименту. Каждый трест, каждая фабрика работали тот товар, какой вздумается. Пред'явления со стороны рынка не было, и это никак не планировалось. Отсюда выходило, что и потребление хлопка было тоже неправильное.
Крыленко. Сознательно?
Куприянов. Я считаю, что со стороны Лопатина было сознательно.
Крыленко. А со стороны управляющих трестами?
Куприянов. Со стороны управляющих трестами было такое направление, что чем больше дашь тресту, тем лучше, поэтому они гнались не за тем, что нужно рынку, а за теми товарами, которые дороже, т. е. за теми, которые рентабельнее, которые дают больше прибыли, так как был товарный голод.
Крыленко. Вы говорите, что ощущали неправильность, а конкретно направляли сознательно вредительские действия?
Куприянов. Нет, с этого времени еще нет.
Крыленко. А с какого времени?
Куприянов. С половины 1925 г.
Крыленко. Значит, с начала 1925 г. вы начали понимать, а с середины вы начали вредить?
Куприянов. Уже Лопатин нас оформил.
Крыленко. Как?
Куприянов. Создал вредительскую группу. Надо было организовать под флагом того, что те принципиальные вопросы, которые обсуждаются, надо защищать согласованно, не надо выступать противоречиво, а надо предварительно их согласовать, а там выступать единым фронтом. При обсуждении вопроса о введении стандарта у нас получилось разногласие. Одни говорят так, другие так. Это побудило его несколько оформить.
Крыленко. Значит, когда при обсуждении конкретного, практического вопроса были разногласия о типе стандарта, тогда он прямо оформил, рассказал, в чем существо дела, и предложил действовать согласованно?
Куприянов. Он на первом заседании не говорил, что это—задача вредительского характера. Он говорил, что надо сговариваться, а вести установку в таком направлении — это уже дело последующее.
Крыленко. Значит, можно датировать половину 1925 г. как начало вашей сознательной вредительской работы?
Куприянов. Да, в течение 1925 года.
Крыленко. В этот момент вам приходилось часто сталкиваться с Лопатиным?
Куприянов. До ВСНХ'овской работы часто.
Крыленко. В этот момент он не ставил вас в курс дела с Рябушинским и т. д.?
Куприянов. Он мне говорил.
Крыленко. А то, что он имел указания директивного характера?
Куприянов. Нет. Но я догадывался. Раз я знал, что он имеет сношения с этими организациями, для меня было несомненно, что Лопатин это делает по инициативе из-за границы.

Первые «заработанные» деньги

Крыленко. А денежные вознаграждения в этот период вы не получали?
Куприянов. В период до 1928 г.?
Крыленко. С 1925 года по 1928 г.
Куприянов. Хотя я с Лопатиным долго служил, но личные отношения у меня с ним не были приятельские и дружеские.
Крыленко. Но мы знаем, что эта работа по целому ряду других дел уже оплачивалась.
Куприянов. Лопатин мне предлагал деньги, но так как мне не хотелось, чтобы... я подозревал — не эти ли деньги, которые были Коноваловскими векселями.
Крыленко. Вы подозревали, что это краденые деньги?
Куприянов. Да, я к этим деньгам относился с сомнением.
Крыленко. А от тех денег, которые они распределяли за вредительство?
Куприянов. Получал.
Крыленко. Приблизительно в каком году?
Куприянов. С конца 1927 г. я получил небольшую сумму, затем во второй половине 1928 г. и в первой половине 1929 г.
Крыленко. Но со второй половины 1928 г. вы получали деньги уже за работу в «Промпартии» и «Инженерном центре»? А вот в этом периоде, когда были индивидуальные связи, индивидуальные получки, вы деньги получали?
Куприянов. В 1927 г. я получил небольшое количество.
Крыленко. Значит, первые деньги вы получили за вредительство в 1927 г.?
Куприянов. Да.
Крыленко. А в 1926 г. нет?
Куприянов. Нет.
Крыленко. Потому что вы подозревали, что это краденые деньги?
Куприянов. Да.
Крыленко. А вот за период, когда произошло оформление группы в центр?
Куприянов. В половине 1926 г. я от Лопатина услыхал в первый раз о центре, потому что, когда организовалась наша группа и определилось ее направление, Лопатин, между прочим, говорил, что он может уверить, что подобные группы существуют и по другим отраслям промыш-

ленности, что эти группы по другим отраслям промышленности также организованы по указке из-за границы, а именно по металлической, химической, горной и нефтяной промышленности.

Крыленко. И текстильной?

Куприянов. Текстильной само собой разумеется. Он говорил, что все эти промышленности имеют задания однородные с заданиями по текстильной промышленности.

Крыленко. В каком году это было?

Куприянов. В середине 1926 г.

Крыленко. Значит, вы уже знали о существовании центра в середине 1926 г.?

Куприянов. Да.

Крыленко. А конкретно вошли в организацию когда?

Вхождение во вредительский центр

Куприянов. До тех пор, пока Лопатин был жив, я никакого участия в работе центра не принимал. После того, как Лопатин умер, первым кандидатом в центр у нас считался А. А. Федотов, как старейший и возглавлявший инженерство идейный руководитель. Но он вследствие нездоровья просил меня иногда туда ходить. Никаких выборов не было, и никакого приглашения я не имел, но он был там два или три раза. Это было в конце 1927 г., когда я был в ВСНХ. Я был на тех собраниях, на которых обсуждались чисто текстильные вопросы.

Крыленко. С политической программой и установкой вас знакомили?

Куприянов. Нет.

Крыленко. Но вы знали?

Куприянов. Потом я знал, осведомлялся.

Крыленко. И об идее интервенции знали?

Куприянов. Да, эта часть мне была известна. От Лопатина я знал о политике по концессиям. Об интервенции тоже были разговоры еще при жизни Лопатина. Когда Федотов вернулся в конце 1925 г. из-за границы, после того, как он там встретился с Крестовниковым, то первый разговор там был об интервенции, но это было так туманно, так неопределенно, что этому не придавалось особого значения.

Крыленко. А определенно когда вы узнали?

Куприянов. В 1927 г. от Федотова наша группа слыхала, что приехал Рамзин, который виделся за границей с деятелями «Торгпрома», которые ставят вопрос об интервенции.

Крыленко. Вопрос ясен.

Относительно программы реставрации капиталистических отношений, метод реставрации, военная диктатура, как в этой части?

Куприянов. Это, по-моему, относится уже к тому моменту, когда «Инженерный центр» переродился в «Промпартию». Я в ЦК «Промпартии» не был ни разу, не состоял, я выбыл автоматически, никто меня не приглашал, так как в политических вопросах я был неграмотен и, очевидно, не понадобился. Но я слышал об этом, потому что наша группа была осведомлена о буржуазно-демократической республике.

Крыленко. Эта ваша группа была довольно тесна? В ней состояли Державин, Федотов, Нольде, Кирпотенко. Нольде — по льняной, а по шерстяной — кто?

Куприянов. Ближайший помощник Лопатина, некий Михайлов. После смерти Лопатина или еще раньше, я не могу точно сказать когда, но туда вошли Воронин и Савровский — деятели шерстяной промышленности.

Крыленко. Вы, по показаниям Рамзина, близко стояли к «Инженерному центру»?

Куприянов. Я был три раза на заседаниях и этим ограничилось мое участие. Рамзин сам только был в конце 1927 г.

Крыленко. Т.-е. вашего участия в центре не было?

Куприянов. Да, моего участия в «Инженерном центре» не было, но я информировался.

Крыленко. Вы директивы получали?

Куприянов. Да.

Крыленко. Вы получали и были осведомлены о всех директивах?

Куприянов. Нет, например, о шпионаже, о даче всяких других сведений я совершенно не знал и только узнал об этом из обвинительного заключения.

Крыленко. А по вопросу работы по порче текстильных фабрик?

От вредительства к шпионажу

Куприянов. Этот вопрос связан с мобпланом. Когда вопрос первоначально возник, то, я откровенно скажу, было много нелепых предложений, предложений совершенно детских. Один говорит, что надо по фабрикам ездить и портить машины. Но, конечно, это все было отвергнуто. По указанию «Инженерного центра» или по связи с ЦК «Промпартии» было решено в подробности не вдаваться, что порча будет энергии, т.-е электростанций, но никакой порчи машин не должно производиться, анархических выступлений не должно быть, а по этому поводу сговоримся, когда будут получены указания.

Крыленко. Пока что ничего не портить?

Куприянов. Ничего.

Крыленко. Когда понадобится, тогда портить?

Куприянов. Тогда обсудим этот вопрос.

Крыленко. Когда понадобится, тогда обсудим этот вопрос?

Куприянов. План неизвестен был. Видите ли, если бы мы работали на союзной шерсти, то приблизительно 70—75% промышленности осталось бы незанятой. Портить машины было незачем. По вы

полнению военных заказов работало около 3—3½% фабрик. Если бы остановить фабрики, то номера выпрядки должны понижаться, и часть верхнего оборудования должна стоять в запасе, а для этого никакой порчи машин не нужно.

Крыленко. Такие предложения были?

Куприянов. Были такие предложения, но несерьезные. Их высказывали неспециалисты.

Крыленко. Кто?

Куприянов. Высказывал Кирпотенко. Он не производственник.

Крыленко. Кирпотенко об этом говорил?

Куприянов. Он говорил, но это не было принято.

Крыленко. Ну, мы это потом выясним. А вот по мобпланам конкретные задания вам были известны?

Куприянов. Мобпланы — нет.

Крыленко. По мобплану?

Куприянов. Я понимаю. Мобплан начал составляться осенью только, и я не знаю, был ли он составлен даже ко времени моего ареста.

Крыленко. Мы только ограничимся фактом, что вам о такого рода заданиях было также известно.

Куприянов. Мне была дана инструкция ввести своих людей в мобютделы, чтобы в случае надобности располагать сведениями.

Крыленко. Вам была дана инструкция узнавать, — так, что ли?

Куприянов. Так. Ввести людей, которые бы могли, в случае надобности...

Крыленко. А, это уже точнее — ввести своих людей. У вас были свои люди?

Куприянов. Они оставались те же, которые до сих пор занимались этим делом.

Крыленко. В количественном отношении, без имен, можете сказать?

Куприянов. В каждой отрасли промышленности один человек.

Крыленко. А в вашем распоряжении?

Куприянов. Из моего отдела, т. е. хлопчатобумажного, был откомандирован туда один инженер; один из льняного отдела и один из шерстяного.

Крыленко. Вы, значит, их посадили?

Куприянов. Они там сидели и были оставлены.

Крыленко. Они сидели там по своим официальным обязанностям?

Куприянов. Да.

Крыленко. А вы посадили их для специальных обязанностей, вернее, не посадили, а возложили на них особые обязанности. И это было сделано?

Куприянов. Это было мне поручено.

Крыленко. Вы это сделали?

Куприянов. Я способствовал их помещению туда.

Крыленко. Пока — мы опять к этому вернемся — скажите, какую работу с Девятовым вы проводили?

Куприянов. Мне было поручено с ним переговорить. Я с ним переговорил.

Крыленко. Вы это говорили.

Куприянов. Дальше я не принимал никакого участия.

Крыленко. У меня вопросов нет.

Председатель. У защиты имеются вопросы?

Брауде. Я попрошу несколько уточнить автобиографические сведения. Что сейчас делают ваши братья?

Куприянов. Братья мои, как обрабатывали землю, так и сейчас обрабатывают.

Брауде. Крестьяне в деревне, в той же Рязанской губернии?

Куприянов. Да, где жили, там и остались.

Брауде. Вы с ними поддерживаете связь?

Куприянов. Да.

Брауде. Вы были несколько раз в заграничных командировках для усовершенствования в текстильном деле. В какой области вы наиболее считаете себя усовершенствованным и что является вашей узкой специальностью?

Куприянов. Я — хлопчатобумажный производственник. В этом отношении я все время проводил свою практическую работу и в этом направлении я получал и заграничные командировки, при чем, как я говорил, командировки мои относятся к дореволюционному времени. Я ездил от бывш. Ярославской мануфактуры, от т-ва Коновалова, кажется, 4 раза, с целью специального изучения какого-нибудь вопроса. Между прочим, организовано было мною гребенное дело небольшое, но самое главное сделано в вопросе крашения пряжей в различных видах и в меланжевом прядении. Я был в Бельгии, Германии и Англии и по приезде организовал это дело.

Брауде. Вам, кажется, принадлежат нововведения в этой области. Может быть, вы приведете какой-нибудь практический способ, вами предложенный.

Куприянов. Видите, тут дело такое. В то время на меланжевое прядение, — впрочем, как и сейчас, — была большая мода. Явился тут один специалист, который продавал якобы секрет и брал за это большие деньги. Наше правление решило — чем деньги выдавать, лучше поехать за границу и посмотреть, что там делается. Я изучил, что надо красить хлопком, что надо красить пряжей, а если пряжей, то в каком виде — в навоях или початках, также я изучил самый состав меланжевой пряжи. Наш товар из меланжевой пряжи был в то время один из лучших.

Вопрос об интервенции уточнялся и углублялся

Брауде. Теперь я попрошу вот на такой вопрос ответить. На вопрос тов. прокурора вы ответили, что впервые услы-

шали об интервенции от Лопатина, а потом более определенно в 1927 г. вы узнали о переговорах об интервенции в Париже от Федотова.

Куприянов. Федотов передал, что он слышал от Хренникова по приезде Рамзина и сообщил об этом в центральный совет.

Брауде. О непосредственном участии Пуанкаре от кого вы услышали?

Куприянов. Это я услыхал в 1928 г., когда Федотов вернулся из заграничной командировки, после свидания с Карповым. Это было в первый раз. Во-вторых, это подтвердил после приезда из заграницы Рамзин.

Брауде. Какое на вас произвело впечатление сообщение о том, что Пуанкаре сам руководит этой идеей интервенции? Как, по-вашему, способствовало ли это активизации идеи вредительства в вашей группе?

Куприянов. Конечно, раз глава правительства...

Брауде. И последний вопрос: когда именно и по каким причинам вы отрешились от антисоветских настроений и антисоветской деятельности?

Куприянов. Я вас не совсем понимаю.

Брауде. Когда у вас появился перелом, сожаление, раскаяние и желание загладить последующей работой свою прежнюю деятельность?

Куприянов. Я не хочу себя оправдывать, но когда возник вопрос об интервенции и когда пошли разговоры о военной диктатуре, то мне это было не по нутру. Вот почему, когда Ситнин поехал за границу, я все-таки считал необходимым проверить, верно ли это, и я просил его повидаться именно с Коноваловым. Мне как-то не верилось. Если я охотно работал за концессии, то я неохотно работал по интервенции, потому что мысль эта мною не переваривалась. Мне как-то не верилось во все те обещания и красивые разговоры, которые велись по этому поводу. Ведь завоевать такую страну, как Россия, не так просто. После интервенции что же — опять начнется гражданская война и всякие ужасы. Мы об этом много говорили, и наша группа относилась не очень-то благожелательно к этой идее. Но легко попасть, а выпутаться трудно.

Брауде. Таким образом, в вас говорили два момента: с одной стороны — опасения гражданской войны и связанных с нею ужасов, а с другой стороны — некоторое чувство национальной гордости, достоинства, связанного с неизбежным расчленением России.

Куприянов. Когда А. А. Федотов нам заявил, что он услышал, кажется от Чарновского, что Рамзин дал обещание на расчленение, на уплату долгов, то это произвело неприятное впечатление. Никто не мог этого воспринять. Это уже было хуже, чем все до сих пор.

Брауде. Чувствовалась измена?

Куприянов. Да.

Брауде. Я больше вопросов не имею.

Оцеп. Вы сказали в предпоследней фразе: «наша группа относилась как будто отрицательно к интервенции». Вы имели в виду текстильную отраслевую групу?

Куприянов. Да.

Оцеп. В том составе, который вы перечислили на вопрос товарища прокурора?

Куприянов. Да.

Оцеп. Я больше вопросов не имею.

Председатель. Скажите, пожалуйста, когда вы впервые узнали об установке на интервенцию?

Куприянов. Впервые я услыхал от Федотова по его возвращении из-за границы в конце 1925 г. Он виделся там с Крестовниковым.

Председатель. Значит, в 1925 г. вам была известна установка промышленников, находящихся за границей, на интервенцию?

Куприянов. Крестовников просил Федотова вести вредительскую работу, имея в виду также и возможность интервенции.

Председатель. Затем, насколько я вас понял, вопрос об интервенции более и более уточнялся и углублялся и в 1928 году был уже поставлен во всей полноте. Так я вас понял?

Куприянов. Так.

Председатель. Следовательно, в течение 3—4 лет вы участвовали в текстильной группе вредителей, которая вела свою работу в разрезе подготовки интервенции. Так я вас понимаю?

Куприянов. С 1928 г.

Председатель. Но в 1925 г. вы уже знали об интервенции?

Куприянов. Но никакой программы вредительства для интервенции не устанавливал.

Председатель. Я понимаю, программы не было, но была группа людей, которой докладывал Федотов о задачах и целях борьбы против советской власти в разрезе и в связи с интервенцией. Правильно?

Куприянов. Да.

Председатель. Я вас так понял, что Федотов вам не просто рассказал в случайной беседе, а в кабинете, в Текстильном синдикате, в присутствии некоторых лиц?

Куприянов. Да.

Председатель. Там присутствовали тот же Державин, Лопатин, Ситнин. Подсудимый Ситнин, вы слышали, что у нас происходит здесь?

Ситнин. Да.

Председатель. Не припоминаете ли вы, в 1925 г. в кабинете Федотова был разговор об установке на интервенцию?

Ситнин. Я не припоминаю. Я подробно расскажу...

Председатель. Мне важно один вопрос установить: в 1925 г. вам было известно об установке на интервенцию?

Ситнин. В 1925 г. я не помню.

Подготовка интервенции — основа всей работы

Председатель. Не помните. Садитесь. Куприянов, вы показывали на листе 121, тома II следующее:

«К 1925 г. эта мечта стала уже явно неосуществимой, и тогда на первый план борьбы с советской властью выдвинуто было вредительство экономического характера с учетом возможности интервенции. Такую установку подтвердил Федотов по возвращении из-за границы в 1925 году. Он в своем сообщении, насколько помнится, в присутствии Лопатина, Державина, Кольцова, Ситнина и моем сообщил, что виделся с Крестовниковым, который сказал, что Третьяков, Карпов и Рябушинский обсуждают вопрос о вредительстве и в то же время не упускают из вида возможности интервенции. Возможно, что присутствовали здесь еще Нольде, Разумов и Кирпотенко»...

Куприянов. Ни Разумов, ни Кирпотенко не участвовали, они были за границей.

Председатель. Да. Вы так и говорите: «возможно». А первые перечисленные три фамилии?

Куприянов. Возможно, что да.

Председатель. Это вы можете подтвердить?

Куприянов. Да.

Председатель. Таким образом, можно сказать, что в 1925 г. такая группа единомышленников, которая впоследствии оформилась, как известно, Лопатиным, была оформлена в текстильную группу, — уже имела разговор об интервенции в 1925 г.?

Куприянов. Немножко иначе. Сначала оформил Лопатин в середине 1925 г., а это было в самом конце.

Председатель. Значит, оформление Лопатиным группы было несколько раньше, примерно в 1925 г. Значит, в течение 1926—27—28 гг. интервенция не сходит у вас с порядка дня? Наоборот, эта мысль крепнет?

Куприянов. После 1925 г. это замолкло. С 1925 г. по 1927 г. главным образом выдвигался вопрос о концессиях, вопрос об интервенции не поднимался, а только о концессиях, но в 1927 г. было ясно, что на концессии мы не можем рассчитывать, и тут более ярко выдвигается идея об интервенции.

Председатель. Значит, в вопросе интервенции с 1925 г. маленький перерыв, в 1927 г. интервенция и в 1928 г. интервенция. Так стоит вопрос. Следовательно, вопрос об интервенции был не эпизод, который вас поразил и заставил вас отойти от этой организации, а это тянулось на протяжении большего периода времени, и вы от организации не отходили?

Куприянов. Отойти — это не так легко.

Председатель. Я понимаю вас, я только хочу уточнить фактическую сторону. Психологически я ваше состояние прекрасно понимаю.

Второй вопрос. В этот период времени вы проявили ли какую-нибудь активность в деле подготовки помощи интервентам? В частности в вопросе создания военных ячеек из бывших белых офицеров?

Попытка создания военных ячеек в помощь интервенции

Куприянов. Я говорил о Девятове. Мое участие было в этом случае. Мне было поручено позондировать почву, нельзя ли в синдикате организовать такую ячейку из бывших белых офицеров.

Председатель. В каком году?

Куприянов. Это было во второй половине 1929 г.

Председатель. Какова бы задача была этой ячейки из бывших белых офицеров, если бы ячейка была организована?

Куприянов. Говорилось так, что она будет стоять вне вредительской организации. ЦК «Промпартии» дает задание организовать такие ячейки, где имеется сравнительно большое количество этих белых офицеров, и эти ячейки должны войти между собой в связь, и дальше их назначение — если нужно будет, ЦК «Промпартии» их использует.

Председатель. Для каких целей?

Куприянов. Определенно не говорилось.

Председатель. На какой момент?

Куприянов. В момент интервенции.

Председатель. Значит, мы можем сказать, что в 1929 г. вам было дано поручение создать в ВТС военную ячейку для помощи интервенции?

Куприянов. Не мне это было поручено, а было указано передать поручение и при этом было указано это лицо.

Председатель. Вы взяли на себя это поручение?

Куприянов. Я взял поручение переговорить с Девятовым о возможности создания этой ячейки.

Председатель. Т. е. передать Девятову поручение ЦК «Промпартии» о создании такой ячейки?

Куприянов. Да.

Председатель. Значит, можно сказать так: в 1925 г. в вашей организации возник вопрос об интервенции, в 1927 г. он несколько уточнился, в 1928 г. он встал во всей полноте и в развернутом виде, в 1929 г. поставлен вопрос о создании для помощи интервенции военных ячеек, и вы взяли на себя поручение передать Девятову в свою очередь поручение организовать такую ячейку.

Куприянов. Правильно.

Председатель. Это все на протяжении пяти лет связывало вас непосредственной подготовкой, разработкой вопроса об интервенции. Правильно?

Куприянов. Фигурировало. Правильно. Правильно.

Антисоветская работа

Председатель. Скажите, пожалуйста, еще. Насколько помню, ставилась еще задача организовать ячейки среди учащихся высшей школы. В частности вы получали такое поручение?

Куприянов. Мне говорилось об этом, но я не мог осуществить потому что я, мы... я должен был руководить группой студентов по проектированию в ВТУ, но текстильный отдел закрылся.

Председатель. Вы об этом уже говорили. Вам поручили, но вы не могли это осуществить? А Чарновский, по вашим сведениям, получал такие поручения?

Куприянов. Да, мы слышали, не только я, но мы слышали, что Рамзин и Чарновский имеют поручение организовать такие группы в МВТУ. Когда Федотов вообще передавал директивы ЦК, он говорил об этом.

Председатель. Так что вы знали от Федотова о том, что Рамзин и Чарновский организовывали ячейки во втузах.

Куприянов. Должны были организовывать по поручению ЦК.

Председатель. Ответьте еще на один вопрос. Кто поручал осуществлять вредительские действия из членов ЦК «Промпартии» персонально?

Куприянов. Всю связь наша группа имела через А. А. Федотова.

Председатель. Значит, я вас правильно понимаю, что от Федотова вы получали конкретные указания по осуществлению вредительских действий?

Куприянов. Это указание было получено один раз, и оно не изменялось. После приезда Федотова, он предложил нам конкретный вопрос, который был намечен Карповым. Была дана установка, она не менялась, а дальше он только информировал нас о желаниях и намерениях ЦК.

Председатель. Еще имеются вопросы?

Оцеп. Прошу.

Председатель. Пожалуйста.

Оцеп. Скажите, пожалуйста, тот состав, который присутствовал при сообщении или докладе Федотова в 1925 г. Вы категорически помните или, может быть, в отношении тех или иных лиц сомневаетесь?

Куприянов. Я могу утвердительно говорить об основных участниках нашей группы.

Оцеп. Меня интересует конкретный состав группы в 1925 г., когда предположительно или условно, но все же ставился вопрос об интервенции. Когда Федотов сообщал имена тех, которые присутствовали на этом сообщении в его кабинете, он вначале запнулся на Ситнине?

Председатель. Правильно. Подсудимый Куприянов, вам угодно ответить? Пожалуйста.

Куприянов. В первоначальную группу Ситнин не входил. Я сейчас не могу точно установить время его вхождения.

Оцеп. О каком годе вы говорите?

Куприянов. О 1925 г. Основными участниками группы были: я, Державин, Федотов, Кирпотенко и Нольде, но я сейчас не могу вспомнить, когда приблизился к нам Ситнин.

Председатель (О ц е п у). Может быть, вас удовлетворит, если мы этот вопрос подвергнем обследованию при допросе Ситнина, Федотова и других?

Оцеп. Вполне. А что Ситнин входил формально в эту группу, вы уверять не беретесь?

Куприянов. Нет, не берусь.

Председатель. А в том, что он был вашим единомышленником? Вы вступали с ним в связь?

Куприянов. Он занимался в Текстильимпорте, встречались мы с ним редко, так что я не уверен в его присутствии.

Председатель. У подсудимых имеются какие-нибудь вопросы? У Чарновского? Пожалуйста.

Чарновский. Мне хотелось бы знать, когда и кому дано было поручение об организации студенчества?

Куприянов. Я не знаю, кому ЦК дал задание. Это было в самом конце 1929 г.

Чарновский. Разрешите тогда дать справку. В 1929 г. с мая я не состоял в училище и в течение всего 1929 г. у меня были натянутые отношения со студентами из-за стенной газеты.

Крыленко. А что такое было в стенной газете?

Чарновский. Стенная газета подчеркивала странный факт, как будто бы я хранил церковное имущество в своем кабинете, и надо мной смеялись.

Председатель. Какое церковное имущество?

Чарновский. Люстру из церковного училища. В церковном училище, которое потом было превращено в клуб, был пожар.

Председатель. Почему люстра оказалась у вас?

Чарновский. Потому, что кто-то положил ее в мой кабинет.

Председатель. А вы в хозяйственную часть не сдали?

Чарновский. Ключа не было. С этого и началось.

Председатель. Когда это было?

Чарновский. В 1929 г.

Крыленко. Что началось?

Чарновский. Начались взаимные пререкания.

Крыленко. На почве обвинения через стенную газету в том, что вы спрятали в своем кабинете церковную люстру?

Чарновский. Да.

Крыленко. Подшучивали?

Чарновский. Да.

Крыленко. Только подшучивали?

Чарновский. Это была злая шутка, а затем мне начали приписывать, что я не выполнил программы технологической секции, что мои сотрудники не выполнили ее, а я не смотрел.

Крыленко. На этой почве у вас были острые взаимоотношения со студентами?

Чарновский. Были пикировки.

Крыленко. Вплоть до стенной газеты?

Чарновский. Да.

Крыленко. Вплоть до вашего ухода из училища?

Чарновский. Это было само собой.

Крыленко. По другой причине?

Чарновский. По сумме причин. Мне уже был поставлен вопрос о надлежащем выполнении моих функций.

Председатель. Подсудимый Федотов, вы припоминаете свое возвращение в 1925 г. из-за границы?

Федотов. Да.

Председатель. И ваше сообщение в вашем кабинете в присутствии группы?

Федотов. Да.

Председатель. И сообщение в вашем кабинете группе с участием Куприянова о ваших заграничных переговорах с Крестовниковым с установкой на интервенцию?

Федотов. Да, помню.

Председатель. Далее, в 1928 г. вы повторили поездку?

Федотов. Да.

Председатель. И тоже привезли некоторые установки?

Федотов. Да, об этом я докладывал в своем показании.

Председатель. Третий вопрос. Сообщали ли вы группе, может быть, в несколько ином составе, о том, что ЦК «Промпартии» поручил ряду лиц связаться со студенчеством, организовать ячейки среди студентов?

Федотов. Не так это было. В показаниях Куприянова имеется неувязка во времени. Моя поездка в 1925 г. состоялась в середине года, даже весной. Оформление Лопатиным нашей группы произошло раньше, чем говорит Куприянов. Он несколько ошибается во времени, потому что я уехал в мае месяце, а группа была составлена, она только-только была составлена. В этом вопросе разница в месяцах, двух месяцах. Не в этом дело. Когда вернулся в 1925 г. из-за границы, то я сообщил руководящей группе о том, что я видел Крестовникова и что он мне говорил о возможности интервенции и о том, что в этом направлении за границей «Торгпромом» принимаются всяческие меры, главным образом, по части подготовки общественного мнения к этой идее. Вот в чем заключалось мое сообщение.

Председатель. А относительно студенческих ячеек?

Федотов. Относительно студенческих ячеек, как я уже показывал, об этом говорил в 1928 г. еще Карпов, а не ЦК «Промпартии». Карпов говорил, что было бы желательно обратить внимание на студенчество и вызвать в нем оппозиционное настроение, вызвать в нем вредительское отношение к советской власти.

Председатель. Противосоветское создать настроение?

Федотов. Да. Он говорил, что было бы полезно обратить внимание на то, чтобы поддержать правый уклон, что этим самым мы создадим в среде студентов некоторое расслоение. Вот такого рода, ну, директива или, если хотите, пожелание было высказано еще в 1928 г. Карповым, а, следовательно, в первую голову это пожелание исходило не от партии, а из-за границы, от Карпова.

Председатель. Я должен огласить ваше показание: «По вопросу образования военных ячеек в вузах и учреждениях Чарновский сообщил, что особенно успешно это дело идет у Рамзина». Я хочу спросить: Чарновский к организации этих студенческих групп имел отношение?

Федотов. Думаю, что нет. Эту идею, которую только что получили от Карпова, я передал также и в ЦК, ну, и там было поручено, чтобы все профессора, в том числе и я, по возможности составили эти ячейки. И такие ячейки должны были составляться. Я не слыхал, чтобы Чарновский успел их составить.

Председатель. Я этого не говорю. Но поручение он имел?

Федотов. Так же, как и другие профессора.

Чарновский. Разрешите сказать: я имел поручение, но его не выполнил.

Крыленко. Вы сказали раньше, что даже не имели поручения.

Председатель. Мы выясняем следующий вопрос. Куприянов нам сейчас сказал, что профессорам было поручено создание студенческих ячеек, в частности по МВТУ — Чарновскому, Теплотехническому институту — Рамзину и т. д. Этот вопрос был и вам поставлен. Вы сказали, что этого не было, что об этом речь не шла.

Чарновский. Речь шла, поручение было, но я не мог его абсолютно выполнить физически, по отсутствию тесной связи со студенчеством.

Председатель. Я не говорю, что вы могли выполнить. Я спрашиваю только одно: правильно ли говорит Куприянов, что поручение такое было дано.

Чарновский. Да, поручение было дано.

Председатель. По независящим от вас обстоятельствам или сознательно вы его не выполнили?

Чарновский. Я показывал на следствии, что это дело мне было неприятно внутренне, как учителю молодежи.

Председатель. Но приняли все-таки?

Чарновский. Я поручение принял, потому что ЦК распорядился.

Председатель. Т.-е. подчинились партийной дисциплине?

Чарновский. Да, подчинился партийной дисциплине.

Председатель. Вопросы есть?

Крыленко. Нет.

Председатель. Об'является перерыв до 6 часов.

Вечернее заседание

Председатель. Заседание Специального присутствия возобновляется.

Продолжается допрос подсудимых.

Будут ли у государственного обвинения вопросы к подсудимому Куприянову? (Нет).

Имеются ли вопросы со стороны защиты? (Нет).

Имеются ли вопросы со стороны подсудимых? (Нет).

ПОКАЗАНИЯ ПОДСУДИМОГО ФЕДОТОВА

Председатель. Подсудимый Федотов. Прокуратуре угодно предложить вопросы?

Крыленко. Будьте любезны, гр. Федотов, сообщите кратко данные вашей биографии и остановитесь на вашей политической работе и деятельности до и после Октябрьской революции, затем оттените образование групп вредительского характера в текстильной промышленности и момент вашего вступления в организацию «Промпартии».

Обыватель

Федотов. Я происхожу из небогатой семьи. Отец мой был конторщиком из мещан, дед — крестьянин. Родился я в 1864 г., так что мне почти 67 лет. Начал я работать с 13 лет, давал уроки. С 15 лет я считаю, что стою на собственных ногах, и высшее образование также получил за счет тех уроков, которые я давал.

Я окончил Московское высшее техническое училище со званием инженера в 1887 г., т.-е. очень давно. После окончания училища я поступил на службу — сначала на завод Журавлева в Рыбинске, потом перешел на фабрику Саввы Морозова в качестве помощника механика. После этого перешел на производство на прядильную фабрику. В разных должностях я проработал там до 1891 г., когда был приглашен фирмой Прохорова в Москву на постройку прядильной фабрики, но прослужил там недолго.

Виноват, в 1891 г. я был в Англии в течение целого года, изучал там детали производства и вместе с тем прошел курс ткачества, окончил специальную ткацкую школу в Манчестере.

Я говорил на трех языках, по-английски — легко и свободно.

В 1896 г. я перешел на службу и приблизительно год служил на Трехгорной мануфактуре, построил там прядильную фабрику. Затем был приглашен вновь к Морозову, в Орехово-Зуево, где прослужил до 1905 г.

В течение этих лет я в политике никакого участия не принимал.

Интересовался я, конечно, политическими вопросами, но интересовался как обыватель. Читал я очень много, читал также и экономическую литературу с большим интересом. Знакомился особенно подробно с рабочим вопросом. Рабочим вопросом я очень интересовался, был знаком с законодательством Англии и Австралии, в то время наиболее передовой страны по рабочему законодательству.

Беззубый либерал из «Русских ведомостей»

В 1905 г. известные волнения среди рабочих вызвали перелом и в моей жизни. Я принял участие в красных похоронах. Между рабочими Саввы Морозова и присланными туда казаками произошло столкновение, в результате которого было убито 3 рабочих, и во время их похорон часть инженеров и один из директоров, именно я, мы приняли в них участие. Следствием этого было то, что я потерял место у Саввы Морозова. Должен заметить, что к этому времени мое жалованье у Саввы Морозова было очень большое — я получал в год около 25.000. Тем не менее после этого я решил больше не возвращаться ни на эту, ни на другую какую бы то ни было фабрику. Я переменил свою деятельность и стал заниматься консультациями по организации фабрик и вместе с тем я стал работать в качестве сотрудника «Русских ведомостей». Кто читал в то время «Русские ведомости», вероятно помнит и мой псевдоним. Я подписывался — «Инженер». Моей специальностью в «Русских ведомостях» были рабочий вопрос и мануфактурная промышленность. В общем я выступал в защиту интересов рабочего класса, я был одним из первых, если не первым, кто в легальной прессе защищал необходимость и экономическую выгоду введения 8-часового рабочего дня. Я защищал необходимость поднятия заработка рабочих и необходимость ограничения тех прибылей, которые получала мануфактурная промышленность в то время.

Что касается моей работы в качестве консультанта, то в первые годы она мне давала очень немного — тысячи 3—4 в год. Затем этот заработок повысился. я получил некоторые постоянные консультации, а затем я был приглашен Бардыгиным в качестве постоянного консультанта по постройке новой фабрики в Раменском, и это мне стало давать постоянный доход в 500 р. в месяц. Таково было мое положение до революции. В самый последний год, в 1917 г., даже после Февральской революции предложена мне была другая, более хорошо оплачиваемая консультация, — это опять-таки у Саввы Морозова, которую я тоже взял, не отказываясь в то же время от работы у Бардыгина. В течение этого времени я принадлежал к партии кадетов. Работая в «Русских ведомостях» по рабочему вопросу, имея возможность высказывать определенное мнение, так как я был, кроме того и членом редакционного комитета, я пользовался в кадетской партии как бы некоторым уважением и, не будучи избран на какие-нибудь официальные должности, все-таки я имел право посещения центрального комитета. В 1917 г., когда произошла Февральская революция, я отнесся к ней с большим сочувствием. Я скажу, — даже с радостью. Когда произошла Октябрьская революция, то я как кадет отнесся к ней неодобрительно. Конечно, как классовый враг, даже больше чем неодобрительно. Но вместе с тем должен сказать, что я понимал ее историческую необходимость. В мае 1917 г., если кому-нибудь интересно, — может убедиться, — в «Русских ведомостях» была передовая статья, которая предсказывала довольно точно все те события, которые произошли в октябре. Так что историческую необходимость Октябрьской революции я понимал, для меня она не представляла чего-нибудь исключительного и неожиданного.

Как я только что сообщил, в это время, приблизительно в мае или апреле, я получил консультантскую работу в правлении Саввы Морозова. Когда произошла Октябрьская революция, я продолжал там работать. В скором времени произошла национализация этих фабрик, и рабочие помня мою работу в качестве директора и помня причины моего ухода с фабрики и мое отношение к рабочим, прислали ко мне депутацию с просьбой принять участие в правительственном правлении. В октябре 1918 г. я был утвержден членом правления, как сказано в мандате, «от рабочих».

«Скромные доходы»

Крыленко. Разрешите остановить вас. Мы пока разберем этот период. Ваша работа на рубеже 1905 г. была у Морозова?

Федотов. Да, на Никольской мануфактуре.

Крыленко. И уже в то время вы зарабатывали до 25.000 р. в год?

Федотов. Да.

Крыленко. Эти деньги были вами вложены в какие-нибудь предприятия, вы имели возможность иметь сбережения?

Федотов. У меня были значительные сбережения, которые (я забыл упомянуть) в 1903 г. поместил в имение. Я купил в Московской губернии имение, около 200 десятин, которое стоило мне около 40.000 р.

Крыленко. Это имение у вас было до революции?

Федотов. До 1918 г., когда оно было национализировано.

Крыленко. Когда вы вернулись обратно к Морозову, уже перед самой революцией, тогда в какой сумме выражался ваш заработок?

Федотов. С переходом к Морозову?

Крыленко. Перед Октябрьской революцией.

Федотов. Перед Октябрьской революцией я зарабатывал немного. В начале моего поступления — около 3—4 тыс. в год, а потом — около 6.000 р.

Крыленко. А когда вы к Морозову поступили, сколько вы получали?

Федотов. Когда я поступил к Морозову, мне было назначено жалованье в 5.000 р. в месяц. (Шум в зале).

Крыленко. Так что в это время заработок ваш у Морозова достигал около 60.000 р. в год.

Федотов. Я у него не прослужил года, так что я этих денег не получил.

Крыленко. Я не говорю, что вы получили эти деньги. Октябрьская революция прекратила это.

Федотов. Совершенно верно.

Крыленко. Я беру лестницу вашего материального благополучия до революции. Это — приблизительный заработок у Морозова и, кроме того, у Бардыгина?

Федотов. У Бардыгина я получал 5.000 рублей в месяц.

Крыленко. Так что в 1917 г. это уже единственный заработок?

Федотов. Я поступил в мае 1917 г. Да, это был единственный заработок в мае

Крыленко. Плюс сбережения?

Федотов. Да.

Крыленко. Сколько сбережений?

Федотов. В это время сбережений было немного — тысяч 30—40.

Крыленко. Деньгами?

Федотов. Да.

Крыленко. Плюс имение?

Федотов. Да.

Крыленко. В общем вы имели тысяч 70 с лишним плюс 60 тыс. жалованья?

Федотов. Плюс — возможность получить 60 тыс. р. жалованья.

Крыленко. Это — все те материальные ресурсы, которые у вас были?

Федотов. Да.

Старый кадет

Крыленко. Теперь — в области политики. Вы ушли от Морозова в виде демонстрации. Затем вы были в кадетской партии. До какого времени?

Федотов. До конца.

Крыленко. А вступили?

Федотов. В 1905 или 1906 г.

Крыленко. Вступили, когда она образовалась?

Федотов. Я не могу припомнить. Нет, она уже существовала, когда я приехал в Москву из Никольского.

Крыленко. Первый с'езд кадетской партии был, кажется, в 1904 г., а затем следующий — в 1905 г. Таким образом, вы с этого момента до 1917 г. состояли членом кадетской партии?

Федотов. Да.

Крыленко. Официально членом ЦК не были?

Федотов. Нет.

«Русские ведомости» и об'ективная неизбежность Октября

Крыленко. Теперь по вопросу о вашей работе в «Русских ведомостях». Вы там были частым, постоянным сотрудником?

Федотов. Да.

Крыленко. Статья в мае была вашей статьей?

Федотов. Нет, ее написал Игнатов.

Крыленко. Передовая?

Федотов. Да.

Крыленко. И в этой статье «Русские ведомости» предсказывали об'ективную неизбежность Октября?

Федотов. Да.

Крыленко. «Русские ведомости» указывали на желательность этого?

Федотов. Нет, они не были сочувствующими большевикам.

Крыленко. Я думаю. Как же трактовала эта статья Октябрьскую революцию?

Федотов. Как историческую неизбежность.

Крыленко. Против которой нельзя бороться?

Федотов. Это не было сказано, не предлагалось пассивное ожидание. Это просто предсказывалось как историческое явление, как исторический ход того, что будет.

Крыленко. Так что вы утверждаете, что в этой статье «Русские ведомости» в мае 1917 г. в передовой статье утверждали неизбежность пришествия к власти пролетариата как факт, против которого не попрешь.

Федотов. Да, да. Если вас это интересует, вы можете разыскать статью.

Крыленко. Я постараюсь.

Федотов. Это было в мае, написана она Игнатовым.

Крыленко. И что же — политическая позиция «Русских ведомостей» и в дальнейшем, даже после Октября, являлась такой позицией примирения с Октябрем или она была позицией открытой войны против Октября?

Федотов. Мне думается, что «Русские ведомости» все-таки все время боролись против идей большевизма.

Крыленко. Вы может быть скажете еще резче?

Федотов. Я не могу сказать резко, потому что целый ряд сотрудников «Русских ведомостей» занял впоследствии видные места и был большевиками.

Крыленко. Не помните ли вы процесс редактора «Русских ведомостей» в московском революционном трибунале?

Федотов. Какого редактора?

Крыленко. Редактора «Русских ведомостей». Фамилию его затрудняюсь сказать, но ему пред'явили обвинение в помещении воззвания эсера Савинкова, призывавшего к войне и интервенции.

Федотов. Не помню.

Крыленко. Вы не помните процесса, по приговору которого трибуналом были закрыты «Русские ведомости»?

Федотов. К сожалению, не помню этого.

Крыленко. Мы найдем потом документ и этот факт установим.

Федотов. Когда же это было?

Крыленко. Это было в 1918 г. в Москве, это был известный процесс.

Федотов. Я не помню.

Председатель. Можно не останавливаться на этом факте.

Крыленко. Да, потом документами мы установим.

Вам известно, какую группу кадетской партии отражали «Русские ведомости»? Почему ее называли профессорским органом?

Федотов. Потому что было много профессоров в числе ее сотрудников.

Крыленко. Что же, «Русские ведомости» выражали тенденцию левой группы кадетской партии?

Федотов. Я считаю, что «Русские ведомости» занимали свою позицию. Во всяком случае «Русские ведомости» не были органом кадетской партии — этого никто сказать не может.

Крыленко. Какую позицию они занимали — правее или левее?

Федотов. Скорее левее кадетской партии.

Крыленко. В дореволюционное время, до 1905 г., в кругах прессы как называли «Русские ведомости»?

Федотов. До 1905 г.? Я не могу ответить на этот вопрос.

Крыленко. Профессорским беззубым либерализмом — вот как называли «Русские ведомости».

Федотов. Может быть, так. Либерализмом — во всяком случае.

Крыленко. Академическим беззубым либерализмом. Во всяком случае, к левым газетам ее не отнесли.

В этой установке, которая была в майской статье (мы постараемся ее найти), предуказывалась неизбежность Октября с призывом к борьбе или без призыва?

Федотов. Я не помню, чем заканчивалась статья, — призывом к борьбе или призывом к покорности. Я помню, что эта статья была такого рода, что в ней была высказана историческая неизбежность Октября.

«Сложный вопрос»

Крыленко. А к Октябрю 1917 г. вы сами отнеслись неодобрительно или... более резко?

Федотов. Я слышал допрос целого ряда предыдущих подсудимых. И каждый раз вы старались подчеркнуть характеристику отношения подсудимого к революции определенным резким словом. Я признаю прежде всего свою принадлежность к партии, которая считала себя врагом большевиков, но вместе с тем не чувствовал той враждебности, которую вы каждый раз подчеркиваете и выявляете.

Крыленко. Не я подчеркиваю, а подчеркивают и выявляют подсудимые.

Федотов. Вы приводите их к подчеркиванию.

Крыленко. Их добрая воля — соглашаться со мной или нет.

Федотов. Совершенно верно. Это добрая воля, но я говорю, что это довольно сложный вопрос. Прежде всего я считал всегда со студенческих лет, что коммунизм, впрочем в то время слово «коммунизм» в такой форме, как сейчас, не употреблялось, я считал, что большевизм, марксизм есть, конечно, в идеале наиболее совершенное достижение, какое только может быть, но именно в идеале.

Крыленко. А в реальности отнюдь не идеально?

Федотов. А в реальности отнюдь не возможное к проведению, подобно тому, как мы видим вокруг себя миллионы православных людей, но не найдем ни одного христианина.

Крыленко. Вопрос о христианах оставим. Значит, ваша точка зрения, что коммунизм — идеальное явление, в реальной жизни отнюдь неосуществимое?

Федотов. Совершенно верно. Это была установка, с которой я встретил революцию.

Крыленко. И с этой установкой вы оставались и до сих пор?

Федотов. Нет, эта установка изменилась в течение последних лет в значительной степени потому, что практическое осуществление, именно которое казалось совершенно невозможным и недоступным, и утопическим, оказалось практически возможным и неутопичным. Оказывается, что можно работать и без личных стимулов, и без стремления к наживе, и без конкуренции. Оказывается, что эти более высокие идеальные стимулы действуют в практической жизни и на ряду...

Крыленко. Но эта установка в то время была у вас совершенно отчетлива, в 1917 году?

Федотов. Да, совершенно отчетлива.

Крыленко. Хорошо-с. В 1918, 1919 и 1920 гг. эта установка у вас продолжала быть?

Федотов. Да, но вместе с тем я вступил в правление Орехово-зуевского куста фабрик, потом был утвержден его председателем, работал с коммунистами, с рабочими, работал честно, лойяльно и хорошо. Было самое трудное время, и я думаю, что если бы я имел возможность вызвать этих рабочих в качестве свидетелей, то они бы подтвердили, что моя работа была вполне удовлетворительна, если не больше.

Крыленко. И как раз в этот момент вы привлекались по делу «Тактического цантра»?

Федотов. Да, как раз в 1920 г. я привлекался по делу «Тактического центра», но, если вам угодно, я был освобожден до суда.

Крыленко. Да, я знаю. Я же вел дело.

Федотов. Да, именно, я хотел вам это сказать. (С м е х в з а л е. П р е д с е д а т е л ь п р и з ы в а е т к п о р я д к у).

Крыленко. Может быть, мы тогда с вами вспомним лиц, основных руководителей «Тактического центра». Вы знали их?

Федотов. Я в «Тактическом центре» абсолютно не принимал участия.

Крыленко. Я не говорю сейчас, что вы принимали участие, а спрашиваю, не знаете ли вы лиц, основных деятелей «Тактического центра».

Федотов. Нет, я не знаю, кто был в «Тактическом центре» и кто там принимал участие. Я знал членов ЦК кадетской партии. Когда я был привлечен и узнал о действиях «Тактического центра», я узнал, что тот, с которым я был знаком и встречался, вместе с тем является членом «Тактического центра».

Крыленко. А после этого момента, в дальнейшем, вы, значит, никакого отношения уже к какой бы то ни было партийной группировке не имели?

Федотов. Нет, не имел.

Крыленко. Меня интересует вопрос: в этот момент — это уже 1920 г. — в момент об'явления партии кадетов врагами народа (помните, было постановление Совета народных комиссаров — это было приблизительно в феврале 1918 г., помните? (**Ф е д о т о в:** «Да»)... за их прямое участие в контрреволюционной борьбе против советской власти. Вот в этот момент, когда уже деятельность кадетской партии дошла до максимума обострения, стала антисоветской, вы в этот момент, примыкая к кадетской партии,

разделяли ту политическую позицию и тактику, которую вели кадеты?

Отход от кадетской партии

Федотов. Я отошел от кадетской партии, я перестал принимать участие в ее работе уже в 1918 г., когда начал работать на советской службе.

Крыленко. Месяца приблизительно не помните?

Федотов. С октября 1918 г.

Крыленко. Значит весь период 1918 г., первого года гражданской войны, вы продолжали считать себя кадетом?

Федотов. Да.

Крыленко. И разделяли идеологические и практические их установки?

Федотов. Я уже сказал, что не принимал участия. Правда, я продолжал считать себя кадетом...

Крыленко. И, следовательно, солидаризировались со всей их политической платформой?

Федотов. Это трудно сказать. Раз я не принимал участия в борьбе, я не могу считать себя ответственным за те выступления, которые были в это время сделаны.

Крыленко. Я не говорю, что вы юридически были ответственны, но морально?

Федотов. И морально — я думаю, что вы не можете предположить, что я был морально виновен. Партия была многочисленна, но раз я не принимал участия...

Крыленко. Я спрашиваю, кадетская партия в это время заняла такую активную политическую антисоветскую позицию, что была об'явлена официальным постановлением Совнаркома партией врагов народа. Вы могли конкретно и не принимать участия в работе этой партии, не нести ответственности за конкретные действия того или иного лидера, но идеологические установки ваши, их практическая активная антисоветская вооруженная работа вами признавалась и воспринималась идеологически?

Федотов. Да.

Крыленко. До момента, когда вы в октябре 1918 г. поступили на советскую службу, или, может быть, эти установки у вас и остались?

Федотов. Я считаю, что не остались.

Крыленко. А как же вы начали смотреть?

Федотов. Я прежде всего начал смотреть на окружающие меня события, как на новый исторический этап, который нужно пережить. Я смотрел, как на опыт, как на новые достижения, к которым нужно отнестись, как говорят англичане, фэа — нужно дать возможность этому опыту проявить себя до конца.

Крыленко. В 1918 г.?

Федотов. Да, и дальше.

Крыленко. И в этот момент вы начали конкретно содействовать этому опыту?

Федотов. Я начал работать на советской службе. Я считаю с гордостью, что я работал в период с 1918 по 1925 г. честно и вполне удовлетворительно.

Крыленко. Что определило ваш поворот в 1925 г.?

Федотов. Позвольте мне сказать два слова о периоде с 1920 по 1924 г.

Конечно, прежде всего 1920 г. произвел на меня большое впечатление. Как водится, тюремное заключение дает возможность многое продумать. Я, прежде всего, по отношению к кадетской партии понял, что она не является партией, опирающейся на какую-нибудь существенную народную базу, и это меня заставило отнестись к ней неодобрительно. Я счел себя в праве перестать считать себя кадетом.

Я не могу сказать, как вот здесь кто-то говорил, что кадеты позорно себя вели, не успев удержать в своих руках власть. Я не считаю это позором. Как вы изволили сказать, беззубый либерализм, конечно, не мог взять в свои руки власть. Конечно, это верно. Профессорская деятельность не подготовляет к политической деятельности. Если взять исторический пример, то вот жирондисты, к которым близко подходят кадеты, тоже не сумели удержать в своих руках власть ни во время Конвента, ни даже после, во времена Директории. Так что позора в этом нет. Исторически, конечно, кадеты не могли взять власть и не могли ее удержать. Для этого нужны люди с другой подкладкой, с другой волей. Но вместе с тем принадлежать к партии, которая в своей основе и существе осуждена на бездеятельные разговоры, конечно, являлось уже бесцельным. И вот в 1920 г. я это прекрасно понял. Но, с другой стороны, я также понял, что нет другой власти, которая бы могла притти на смену большевизму или коммунизму, нет людей, которые бы могли их заменить. Для меня, старого либерала, хотя бы и беззубого, монархизм был неприемлем. Октябризм также. В течение 12—15 лет я все-таки боролся и с «Голосом Москвы» и с октябристскими выступлениями, и, конечно, я не мог принадлежать к числу этой партии. Так что для меня оставались более левые партии, которые могли бы заменить, но приступать в 1920 г. к поискам новой партии, вступать в ее ряды было, по-моему, совершенно бесцельно, бесполезно, и я этого не сделал.

В 1920 г., после того как меня выпустили из тюрьмы, у меня страшно расстроилось здоровье, и в это время Виктор Павлович Ногин, который знал меня как председателя куста, — я довольно много докладывал ему о работе, когда он приезжал в Орехово, — отнесся ко мне чрезвычайно человечно. Он добыл мне место в санатории, где я поправил свое здоровье, и потом он пригласил

меня к себе. Я поступил на службу, сначала в Главтекстиль, а затем он меня взял с собой, когда образовался Всероссийский текстильный синдикат. Отношения с ним были таковы, что я о них вспоминаю как об одном из хороших периодов моей жизни. Я очень жалею, что он умер так рано, вероятно я не был бы сейчас в качестве подсудимого здесь, если бы он был жив.

Он умер в 1924 г. В 1925 г. я поступил в эту группу, о которой вам уже доложено, и вот постепенно скатился до государственной измены.

В ожидании... Деникина

Крыленко. Позвольте немного вернуться к этому периоду. В период гражданской войны, когда вы уже, по вашим словам, отошли от кадетской партии, мы переживали, страна переживала тяжелые и опасные моменты гражданской войны. Скажем, 1919 г., период, когда контрреволюционные силы при помощи интервенции уже охватили целый ряд территорий, когда был момент очень большой, прямой опасности. Вот в этот момент ваше отношение к этим об'ективным возможностям контрреволюционных наступающих антисоветских сил, какое у вас было отношение?

Федотов. Проще говоря, вы спрашиваете, какое отношение у меня было к наступающим деникинским войскам?

Крыленко. Да.

Федотов (молчит).

Крыленко. Страна напрягала все силы для обороны. Вы говорите, что вы пошли уже в этот момент на советскую службу. Какое было ваше отношение?

Федотов. Я, работая на советской службе, однако ожидал, что, когда эти белые войска придут в Москву, я присоединюсь к ним.

Крыленко. Так что вы в этот момент политически, может быть конкретно это ни в чем не выражалось, но идеологически вы солидаризировались с ними?

Федотов. Идеологически я оставался вместе с другими.

Крыленко. Ждали «пришествия» вместе с другими.

Федотов. Я не скажу, что ждал, наоборот, вспоминая этот период, я скажу, что я не знал, как я поступлю. Правду говоря, я даже думал, что, если будем эвакуироваться из Москвы на восток, останусь ли я в Москве или я поеду вместе с советским правительством на восток. Такой момент я помню. Так что не вполне это было в моей душе в то время ясно. До меня доходили слухи о том направлении, которое потом было охарактеризовано как «серое направление», о тех эксцессах, которые позволяли себе белые офицеры. Так что полной ясности у меня в отношении к деникинскому наступлению не было.

Крыленко. Тут же не в отдельных эксцессах дело. Не они решают вопрос.

Федотов. Конечно, я это признаю. В общем и целом я сказал, что если бы они пришли в Москву, то я, конечно, к ним присоединился бы и вероятно приветствовал бы.

Крыленко. Может быть, мы эту сторону так и сформулируем, что в этот критический момент, переживаемый страной, вы считали для себя, хотя точно и окончательно вопрос не считали решенным, но считали, что ваши симпатии на той стороне, что если бы они пришли, вы, вероятно, остались бы. И позвольте все-таки ту же формулировку — определенным образом ждали.

Федотов. Вы же повторили то же самое, против чего я возразил. Нельзя же в самом деле так упрощать. Душевные движения ведь вещь очень сложная. Я не скажу, чего я ожидал, но говорю, что если бы они пришли, вероятно я бы их приветствовал.

Крыленко. Если бы они пришли, вы бы их приветствовали, — возьмем вашу формулировку. Это уже было ваше состояние на советской службе.

Федотов. Нельзя же ожидать, чтобы я так быстро переменился.

Крыленко. Если бы это было так, я бы очень удивился.

Перейдем к следующему моменту. Значит, до 1925 г. вы продолжали работу, при чем вошли в ближайшие отношения с Ногиным?

Федотов. Да.

Крыленко. И этот период оставил у вас самые хорошие воспоминания?

Федотов. Очень.

Крыленко. Да и против советской власти вы ничего не можете сказать?

Федотов. Больше того, я по отношению к советской власти в этот период и после могу выразить только крайнюю благодарность. В течение этих лет службы с Ногиным материально я был обеспечен очень хорошо. Я получал жалования около 300 р., затем около 400 р., получал пайки, вообще не нуждался кроме 1919 и 1920 гг., когда все голодали. Ведь говорят «в гурте и каша естся».

Поворот на 180 градусов

Крыленко. Теперь будьте любезны конкретизировать момент ваших антисоветских тенденций, ваш поворот в лагерь контрреволюции.

Федотов. Это самый трудный вопрос, который вы мне теперь ставите. В 1925 г. мне было предложено Лопатиным вступить в группу инженеров, которые должны для поддержки своего и общего инженерного авторитета и улучшения своего и общего положения инженеров и быта их семей держаться сообща, подготовлять свои выступления на совещаниях и таким образом добиваться уве-

личения авторитета. В такой форме было предложено образовать группу инженеров. Эта форма казалась совсем безобидной и возможной. Вступил в группу ряд инженеров, занимавших крупное положение, пользовавшихся всеобщим уважением, и я не счел нужным отказаться.

Крыленко. Можно вас просить указать, кто именно вошел в эту группу?

Федотов. Вы уже слышали. Вошли проф. Державин, Куприянов, занимавший очень видное место в управлении текстильной промышленности, и еще ряд инженеров, которые занимали крупные места и пользовались в инженерной среде уважением. Лопатин, я, конечно, затем Нольде, Кольцова можно назвать, хотя он не пользовался таким авторитетом.

Крыленко. Значит, в этот момент мотивом была указана необходимость некоего группового об'единения инженеров для задач — каких?

Федотов. В момент образования и приглашения меня в эту группу задачи были самые безобидные — поднятие престижа и авторитета инженерства с тем, чтобы легальным путем добиться улучшения его положения.

Крыленко. Какого положения?

Федотов. Положения материального и бытового.

Крыленко. В тот момент у вас была потребность в улучшении положения?

Федотов. У инженерства, несомненно, была. У инженерства к этому времени чувствовалось сильное недовольство своим бытовым положением. Они были лишены целого ряда льгот и прав, которые по заведенному обычаю считались необходимой прерогативой положения инженера.

Крыленко. В смысле оперативного руководства производством?

Федотов. Да, и кроме того лишение квартиры на фабрике, не только лишение большой квартиры, как прежде, но даже перемещение их в одну-две комнаты казалось инженерам нарушением их авторитета. Кроме того, нужно заметить, что было положение (оно долго чувствовалось и вероятно нескоро будет еще изжито), положение инженера, лишенного возможности влиять на дисциплину фабрики и вместе с тем подчиненного необходимости требовать этой дисциплины. Эта дилемма была чрезвычайно болезненна, и многие инженеры ее ощущали в крайней степени.

Крыленко. Вернее, лишение права непосредственно и прямо распоряжаться?

Федотов. Да, и кроме того положение стало таким, что рабочий сплошь и рядом мог оскорбить инженера безнаказанно.

Крыленко. Даже безнаказанно?

Федотов. Несомненно, это было. Если вы посмотрите, то в отношениях между инженером и рабочим вы увидите, что рабочий, оскорбивший инженера даже действием, подлежал увольнению на полгода и через полгода мог поступить вновь на фабрику.

Крыленко. А вы не припоминаете постановления советской власти, которое ограждает специалистов?

Федотов. Одним из больных мест и жалоб со стороны инженеров было стеснение возможности воспитывать своих детей.

Крыленко. Не было ли постановления советской власти в ограждение интересов инженерства и вообще специалистов?

Федотов. Было постановление, но я скажу по поводу того, о чем я начал говорить. Было постановление о том, что дети инженеров приравниваются в правах к детям рабочих по образованию. Но ведь это постановление часто оставалось на бумаге, потому что власть на местах относилась к нему...

Крыленко. Вы помните процесс Ольденборгера?

Федотов. Я помню, но нужно обрисовать положение дела так, что вы должны были бы понять. Процесс Ольденборгера показывает, что для того, чтобы обратить внимание на положение инженера, иногда нужно потерять жизнь.

Крыленко. Ну, так вопрос не стоял.

Фетодов. Как же? Ведь на самом деле он умер, и не он один умер. Он умер добровольно, а многие были убиты. Положение—это ведь очень тяжелый вопрос. И это вопрос не только со стороны советской власти. Ведь нужно же вспомнить Владимира Ильича, который писал: «инженеров нужно окружить любовной атмосферой». Ведь если бы слова Владимира Ильича были проведены в жизнь, разве что-нибудь подобное могло быть, что было? Ведь не могло. Я не ставлю этого в вину советской власти, никоим образом — сегодня нельзя провести этого в жизнь. Такова судьба, таково положение в борьбе — лес рубят, щепки летят.

Крыленко. Значит, вы пришли вместе или под влиянием агитации или воздействия Нольде и Лопатиных к признанию необходимости создания специальной группы и конспиративной организации инженеров?

Федотов. Да, да.

Крыленко. Вот это вступление на путь конспиративной организации, нелегальной организации (Федотов: «Да, да, да»), как же оно соответствовало и корреспондировало с отношением к вам со стороны Нольде и с вашим отношением к советской власти?

Федотов. Оно не корреспондировало В этом и есть, товарищ обвинитель, вся драма моей жизни.

Крыленко. После вступления в эту конспиративную группу—это было в 1925 г., вы говорите (Федотов: «Да»), — не можете ли вы приблизительно сказать дату, хотя бы месяц или половину года?

Федотов. Это было, вероятно, в марте 1925 г. или в апреле. Это было ранней весной 1925 г., потому что я уехал...

Крыленко. А в командировку когда вы уехали?

Федотов. Должно быть в мае. Я уехал за границу, уже войдя в группу, но я уже понял тогда, что группа является более чем конспиративной, является контрреволюционной.

Крыленко. Вы уже поняли в этот момент?

Федотов. Да.

Крыленко. Но когда вы выехали за границу в 1925 г. и там встретили как раз Крестовникова, вы уже тогда, имея с ним соответствующие переговоры и привезя потом (это установлено здесь) результаты этих переговоров в Москву, определенным образом стояли на пути не только участия в конспиративной группе инженеров для защиты бытовых и материальных интересов инженерства, но и на пути участия в конспиративной и контрреволюционной работе?

Федотов. Да, совершенно верно.

Крыленко. Мне теперь и нужно выяснить вопрос, — хотя я согласен с вами, что это вопрос довольно тяжелый, — выяснить, что эти две дилеммы стояли перед вами: с одной стороны, отношение советской власти к вам с 1920 до 1925 г., а с другой — ваше отношение. Вы взвешивали и решили...

Федотов. В том-то и вся беда, что я не взвешивал в достаточной степени. Я шел так, по наклонной плоскости — коготок увяз, всей птичке пропасть.

Крыленко. Переговоры 1925 г. носили совершенно определенный политический характер. (Ф е д о т о в: «Совершенно верно»). Как же тут может быть речь о наклонной плоскости? Тут могла быть речь об определенной установке, совершенно отчетливой.

Федотов. Нет, в то время можно говорить о наклонной плоскости. Я был бы счастлив, если бы мог вернуться к тому времени, к той установке, к тем переговорам в 1925 г. Те переговоры в 1925 г., хотя бы за границей, они еще не представляли ничего контрреволюционного. Если бы я ограничился тем свиданием в 1925 г. с Крестовниковым, то я бы не считал себя опозоренным, потому что разговоры с Крестовниковым относительно интервенции были чрезвычайно неопределенные, никаких директив не было передано, я их не брал, была только информация.

Крыленко. Но ваше отношение к идее интервенции?

Федотов. Я считал это совершенно неисполнимым, считал это болтовней людей, которые думают пустить пыль в глаза, — вот, дескать, мы какие — можем и Францию напустить на Россию.

Крыленко. Вы не принимали их всерьез?

Федотов. Нет.

Крыленко. Но отношение ваше к этой идее?

Федотов. Отношение было именно таковым, как я сказал.

Крыленко. Не принимали всерьез?

Федотов. Да.

Крыленко. Только не принимали всерьез? А отрицательно не относились?

Федотов. Я все время относился отрицательно к идее интервенции.

Крыленко. Все время?

Федотов. Да.

Крыленко. Даже когда стали практически работать?

Федотов. Даже когда практически работал.

Крыленко. Допустим, что в душе вы были против, но практически?

Федотов. Практически — я думаю, мы придем к этому периоду последовательно.

Крыленко. А все же?

Федотов. Практически, как я уже сказал и как повторяю сейчас, если бы я мог вернуться к тому периоду, я был бы счастлив.

Крыленко. До свидания с Крестовниковым у вас были еще какие-нибудь свидания?

Свидание с Карповым

Федотов. В 1923 г. я встретился с братьями Карповыми, их было два.

Крыленко. А кроме этого никаких связей и отношений не было?

Федотов. Нет.

Крыленко. С другими бывшими хозяевами?

Федотов. Нет. У меня других хозяев не было.

Крыленко. Никаких отношений с бывшими собственниками у вас не было?

Федотов. Нет.

Крыленко. Значит, можно считать, что за весь период с 1918 по 1923 г. таких отношений у вас не было?

Федотов. Не было.

Крыленко. Совсем не было, даже письменных?

Федотов. Кроме Карповых совсем не было. Я знал только Карповых, других хозяев у меня не было. Одно время я служил у Прохорова, но очень недолго и никаких отношений с ним не имел.

Крыленко. А инициатива встречи в 1923 г. и в 1925 г. была чья?

Федотов. С их стороны.

Крыленко. А откуда же они знали, что вы приехали?

Федотов. Не знаю, они имели связи здесь. Здесь оставалось два брата.

Крыленко. Эти два брата знали, что вы едете?

Федотов. Знали.

Крыленко. Вы с ними встречались?

Федотов. Иногда.

Крыленко. Так что вы им сказали?

Федотов. Не знаю, вероятно. Точно не помню. У них ведь были связи на фабрике с бухгалтером фабрики Ипполитовым, который с ними переписывался и пересылал разные сведения и отчеты о состоянии фабрики.

Крыленко. Вы об этом знали?

Федотов. В то время не знал, а когда я с ними встретился, то они об этом упомянули и сказали, что имеют подробные сведения о фабрике.

Крыленко. Это за границей вам сказали?

Федотов. Да.

Крыленко. А братья, которые были здесь, не знали?

Федотов. Нет.

Крыленко. Таким образом, вы не знаете точно, как Карповы вас нашли?

Федотов. Я получил от них письмо в Берлине.

Крыленко. Он значит узнал ваш адрес?

Федотов. Пост-рестант. Все так делают. Обычно самое простое дело, когда вы едете за границу, — а я ездил за границу много, — первое дело — пост-рестант. Тогда вы идете на почту и заявляете, чтобы посылали вам письма, и письма вам пересылают.

Крыленко. Это техника — пост-рестант, но это было обусловлено уже об адресе в Берлине?

Федотов. Нет, не обусловлено.

Крыленко. А для тех, кому вы были нужны? Вы условились, что если кому-нибудь вы будете нужны, то пишите письма пост-рестант?

Федотов. Да.

Крыленко. Братьям Карповым было сообщено?

Федотов. Очень может быть, что да.

Крыленко. И перед вашим от'ездом вы видали братьев Карповых?

Федотов. Нет.

Крыленко. А как задолго до вашего от'езда было последнее свидание?

Федотов. Я не могу этого вспомнить. Я большого значения свиданию с братьями Карповыми не придавал, я не собирался их видеть, и с теми Карповыми, которые были здесь, я не был в близких отношениях.

Крыленко. Они что здесь делали?

Федотов. Служили здесь. Один служил здесь в Историческом музее, в библиотеке, другой еще где-то, я толком не знаю.

Крыленко. Значит, вы возможно им сообщили, даже вы говорите — по всей вероятности им сообщили. В результате вы получили приглашение от Карпова?

Федотов. Да.

Крыленко. Что же этот бухгалтер, который поддерживал с ними сношения, вам об этом сообщил?

Федотов. Нет. Я говорю, что не сообщал.

Крыленко. Прекрасно. Когда вы с ними встретились? Один ли раз вы с ними встретились?

Федотов. Один раз.

Крыленко. И тогда разговор был о фабриках и положении фабрик?

Федотов. Был разговор о фабриках, был разговор, главным образом, с их стороны. Информации они не требовали, они сказали, что они достаточно знакомы с тем, что здесь делается на их фабриках. Они говорили со мной о личных вопросах, относительно одного, другого, третьего служащего.

Крыленко. Никаких конкретных указаний и поручений они вам не дали?

Федотов. Нет. Они говорили, что они чрезвычайно довольны тем направлением, которое взято на сохранение их фабрик.

Крыленко. Кем?

Федотов. Это направление было взято советской властью, если хотите.

Крыленко. Они были довольны политикой советской власти по отношению к их фабрикам?

Федотов. Да, совершенно верно.

Крыленко. Чем же они так были довольны?

Федотов. Тем, что их фабрики сохранены в полной мере.

Крыленко. На какой предмет?

Федотов. Они рассчитывали на то.. Характерно, в сущности, не это было в их разговоре. В разговоре с ними в 1923 г. характерна была их полная уверенность в скором возвращении в Россию.

Крыленко. Вот, вот..

Федотов. Они говорили, что они имеют полную уверенность в том, что советский строй скоро разрушится и что они вернутся в Россию. Они говорили также о том, что у них заключен договор с английскими фабрикантами, которые дадут им машины для обновления фабрик и которые дадут им необходимый кредит для возобновления дела.

Крыленко. Вы их разуверили в этих ожиданиях?

Федотов. Как же мог я их разуверить и в чем? В том, что им дадут деньги? Откуда я мог знать?

Крыленко. Нет, в том, что они так скоро вернутся.

Федотов. Я подсмеивался над ними и относился к ним иронически и высказывал совершенно определенно, что эти ожидания ни на чем не основаны и что я совершенно в них не верю. Напротив, по 1923 г. можно было сказать, что советская власть уже укрепилась в достаточной степени, чтобы подобного рода мечтания не могли являться сколько-нибудь обоснованными.

Крыленко. Так что вы в этом отношении полили их холодной водой?

Федотов. Да, вполне.

Крыленко. Никаких других отношений в этот момент не завязали?

Федотов. Нет. В этот момент я никаких других отношений не завязал с кем-либо из эмигрантов и с ними не завязал каких-либо отношений.

Крыленко. Морозовых вы не поддерживали?

Федотов. Морозовых ведь нет. Известный Савва Морозов, который был в близком контакте с большевистской партией, умер, он зарезался. Сын его — Тимофей Саввич Морозов — погиб в Ростове-на-Дону, он был офицером. Его сын, т.-е. внук Саввы Морозова, молодой человек, сейчас ему лет 25, живет в Москве, и живет очень скромно.

Крыленко. Так что тут их не существовало как конкретного об'екта для связи?

Федотов. Их не существовало как конкретного об'екта для связи. Был еще брат Саввы Морозова — Сергей Морозов, тоже известный человек. Он — основатель кустарного музея, помещающегося, я не помню, в каком переулке.

Крыленко. В Леонтьевском.

Федотов. Да, в Леонтьевском. Он — известный деятель по кустарному ремеслу. Он—больной, истерический, больной человек, очень милый человек, он жил в Москве после революции довольно долгое время. Он уехал за границу, я думаю, так в 1924 г., не знаю — может быть в 1926 г.

Крыленко. С ним вы не поддерживали связь?

Федотов. С ним я встречался.

Крыленко. Когда?

Федотов. В течение того времени, когда он жил в Москве.

Крыленко. А за границей?

Федотов. За границей нет.

Крыленко. А с Рябушинским, с Крестовниковым?

Федотов. Тоже нет.

Крыленко. С Сергеем Морозовым?

Федотов. С Сергеем Морозовым я поддерживал связь как со знакомым. Он не имел отношения к фабрике.

Крыленко. Когда вы приехали в 1923 г., вы встречались с Карповым?

Федотов. Это после? Я не помню, чтобы я встречался. Во всяком случае, должно быть их выслали из Москвы, потому что я не помню встречи с ними.

Крыленко. Так что о результатах вашей беседы не уведомляли?

Федотов. Нет.

Крыленко. В 1925 г. тоже была встреча?

Федотов. В 1925 г. встреча была в Лондоне совершенно неожиданно для меня. Он заехал. Для меня было странно. Он приехал в 10 час. вечера, когда мы все разошлись. Нас была большая комиссия, мы жили вместе, проводили все время вместе, так что видеть меня отдельно было довольно трудно.

Крыленко. Вы Крестовникова раньше знали?

Федотов. Нет, никогда не видел. Он никаких рекомендательных свидетельств или карточек не привез, так что можно было налететь на какую-нибудь провокацию. Он постучал ко мне в номер, когда все уже разошлись. Это было около половины десятого вечера, во всяком случае после девяти. Я впустил молодого человека лет 35, одетого в вечерний костюм — смокинг. Он сказал, что он едет куда-то на вечер и что он позволил себе приехать ко мне повидаться. Главным поводом для этого послужило то, что определенный процент от заказов, которые будут нами произведены в Англии, должен был поступить в пользу эмигрантов.

«Куртаж»

Крыленко. Он с вами вел переговоры, чтобы определенный процент заказов поступал в пользу эмигрантов?

Федотов. Несколько иначе. Было условлено Лопатиным, что еще до нашей поездки и переписки фабриканты—у них же был концерн — будут отчислять один процент в пользу эмиграции и четверть процента в пользу инженеров.

Крыленко. Это у Лопатина было обусловлено в Москве?

Федотов. В Москве.

Крыленко. Вам это было известно?

Федотов. Да.

Крыленко. Вам были даны какие-либо поручения?

Федотов. Мне было поручено Лопатиным подтвердить председателю общества фабрикантов Нудлю, что действительно мы этого желаем и поддерживаем.

Крыленко. Значит, надо сказать, что Лопатин перед вашей поездкой за границу просил или поручил вам сообщить председателю общества английских фабрикантов, что есть соглашение о том, чтобы 1% от заказов был передан эмигрантам и четверть процента — в пользу инженеров?

Федотов. Да.

Крыленко. Это поручение вами было реализовано?

Федотов. Было реализовано.

Крыленко. И вот он приехал по поводу этого поручения?

Федотов. Да.

Крыленко. А Лопатин не предупреждал вас, что по этому поводу придется вести переговоры с эмигрантами?

Федотов. Нет.

Крыленко. Так что это была их инициатива?

Федотов. Никаких переговоров и не нужно было вести. Это было уже заключенное соглашение.

Крыленко. Так что вы должны были подтвердить свое согласие?

Федотов. Да, в некотором отношении личное согласие.

Крыленко. А Крестовников зачем приехал?

Федотов. Он приехал затем, чтобы убедить, что 1% это совершенно ничтожная доля, на которую нельзя согласиться, что нужно по крайней мере иметь 5%.

Крыленко. Теперь мы уже получаем три действующих силы: русскую инженерную группу в лице Лопатина, английскую группу фабрикантов в лице Нудля, который с вами договаривался, и группу русской эмиграции в лице Крестовникова, который настаивал на том, что их доля мала?

Федотов. Да.

Крыленко. Чем же кончился разговор?

Федотов. Я сказал, что достаточно 1%.

Крыленко. Реальную сумму этого вознаграждения трудно выразить?

Федотов. Эта сумма ведь была выплачена не сразу. В течение 2 или 1½ лет они получили около 200.000 руб.

Крыленко. В полтора года около двухсот тысяч рублей за счет заказов?

Федотов. Да.

Крыленко. Они получили, а инженеры?

Федотов. Инженеры получили четверть процента, т.-е. около 50.000 руб.

Крыленко. Это было в 1925 г. и делалось вами во исполнение прямого поручения группы Лопатина. А больше никаких других поручений не было?

Федотов. Нет, больше никаких не было.

Крыленко. Обрисуйте точнее политическую физиономию этой группы Лопатина к этому времени, когда вам уже стало ясно политическое существо, что это не только организация для поддержки бытовых и материальных интересов инженеров.

Федотов. Ваш вопрос заключается в том, чтобы я очертил физиономию этой группы уже после моего возвращения?

Крыленко. Из предыдущих ваших слов я понял, что вы поняли контрреволюционный характер этой группы еще до вашего от'езда.

Федотов. Я не могу сказать, чтобы я это понял до моего от'езда, потому что, когда я ехал, просьба, переданная мне, была сделана так, что можно было думать, что большой контрреволюционности нет.

Крыленко. Мне показалось, что вы сказали, что вам стало ясно?

Федотов. Мне стало ясно, что дело неспроста, но я скоро уехал.

От конспирации к контрреволюционной работе

Крыленко. Допустим, что вам стало ясно после приезда. Будьте любезны сказать о втором этапе вашей организации. Первый этап, как я понял, была конспиративная группа для защиты материальных интересов инженеров. Второй этап — это этап уже контрреволюционной группы, ставящей политические цели?

Федотов. Второй этап начался для меня после моего возвращения из-за границы. После моего доклада, после моей поездки и когда прошло уже несколько разных заседаний, выяснилось, что мы ведем определенную линию, главным образом на поддержку тех тенденций, которые в это время назывались тенденциями правого уклона. В конце-концов выявилось, что мы, с одной стороны, должны поддерживать возможность возвращения эмигрантов в качестве концессионеров, должны поддерживать идею концессий, а с другой стороны, так как наиболее естественным выходом из создавшегося положения было усиление развития идей нэпа, то мы должны были поддерживать все то, что поддерживал нэп, и даже добиваться того, чтобы эта идея нэпа развилась более пышным цветом и развилась в период неонэпа.

Крыленко. Вы считаете, что концессионная политика являлась проявлением правого уклона?

Федотов. Нет, я этого не сказал. На ряду с поддержкой концессионной политики, которая шла на пользу белой эмиграции, считалось необходимым, — я не могу сказать, что было постановление, потому что формальных заседаний, постановлений и прочего не было,—было согласие, были разговоры — на ряду с агитационной поддержкой концессионной политики поддержать идеи правого уклона.

Крыленко. В каком году?

Федотов. В 1925 — 26. И это продолжалось и дальше. И в 1927 г. эта же самая идеология положена в основу нашей работы с Ногиным. Считалось, что нужно поддержать.

Крыленко. Оставим мы правый уклон 1925 г. пока в стороне и вернемся к группе Лопатина. Это будет лучше. Так вот, группировка Лопатина после возвращения вашего из-за границы какие конкретно политического характера установки приняла? Задачи борьбы с советской властью, прямой борьбы путем вредительства в этот момент были уже установлены ясно и четко лопатинской группой?

Федотов. Уже были установлены, и в 1926 г. уже выявилась в группе необходимость борьбы с советской властью, выявилась необходимость изменения советской власти в сторону ее поправения.

Крыленко. Вы слышали, Куприянов показывал, что он считает вредительскую работу свою с половины 1925 г.?

Федотов. Ну, что ж?..

Крыленко. Он в то время уже входил в группу Лопатина?

Федотов. Ну, да.

Крыленко. И вы входили в группу Лопатина?

Федотов. Я не противоречу.

Крыленко. Нам надо четко и ясно установить, имела ли место в этот момент прямая вредительская работа в группе Лопатина в определенных целях политического характера.

Федотов. Я и сказал, что после моего возвращения, я уехал в мае, вернулся в июле или в этом роде, потом уехал в отпуск, и когда в августе или сентябре, не помню точно, приехал в Москву...

Крыленко. Была ли тогда цель свержения советской власти, а не цель перерождения?

Федотов. Тогда этого не было.

Крыленко. Когда цель свержения была ясно и четко сформулирована?

Федотов. Вопрос о свержении советской власти стал гораздо позже.

Крыленко. Когда?

Федотов. Это было в середине 1927 г., в этом роде.

Крыленко. И вами тоже был принят этот вопрос?

Федотов. Да.

Крыленко. Скажите, в период до начала 1927 г., от середины 1925 г., ваша вредительская работа, направленная, как вы говорите, с перспективой на перерождение советской власти, велась ли изолированно или была уже согласована?

Федотов. Согласована с чем?

Крыленко. С другими вредительскими группами. Когда наступило сцепление?

Федотов. Я не могу точно сказать, когда именно произошло сцепление. Я полагаю, что в 1926 г. Лопатин пошел на сцепление с «Союзом инженерных организаций», но точно сказать не могу, может быть и раньше. Он все-таки достаточно конспиративно вел дело и не сразу говорил, что делал. Но во второй половине 1926 г. мне уже было ясно, что он находится в связи, он уже говорил это.

Крыленко. Со второй половины 1926 г. вам стала ясна связь лопатинской группы с группами других отраслей промышленности?

Федотов. Да. Впрочем, я точно не помню, может быть это было даже ближе к первой половине, может быть в мае 1926 г. Знаете, сейчас ведь трудно вспомнить. Но в 1926 г. уже было ясно, что наша текстильная группа находится в связи с более широкой организацией.

Председатель. Об'является перерыв.

Вредительская работа

Крыленко. Позвольте по двум остальным вопросам уточнить. Это вопрос, во-первых, конкретно о вредительской работе в группе Лопатина и ваша роль в этой группе до смерти Лопатина и после, и затем — момент вхождения сначала в об'единенную организацию «СИО», а затем в ЦК «Промпартии», момент и роль ваша в ЦК «Промпартии». Вот эти два вопроса.

Федотов. Итак, когда я вернулся из-за границы, я получил отпуск, поехал в Кисловодск, — я страдаю расширением аорты. После моего возвращения оттуда Лопатин предложил уже определенную программу работы и действий явно вредительского характера, определенное направление в строительстве фабрик, противоречащее тому направлению, которое было предписано и взято советской властью: стремление расширить строительство выше той необходимой меры, которая вызывалась самой необходимостью. Расширение строительства сверх меры. Второе, что проводилось в качестве основного положения, это неправильное, нерациональное, дорогое расходование самых материалов, непринятие мер к тому, чтобы хлопок и лен были употреблены наиболее рациональным, наиболее дешевым способом с тем, чтобы удорожить производство и этим самым подорвать финансовое положение власти. Третьей мерой, которую предложил Лопатин, было уменьшение машиностроения или задержка машиностроения в Союзе с тем, чтобы зависимость наша от иностранных заводов по части текстильных машин, главным образом, конечно, английских машин, от английских заводчиков, которые давали определенный процент, оставалась бы в полной мере такой же, какой она была до того времени. Вот это, собственно, основные меры, с которых началось вредительство. Эти меры на заседании группы были приняты в качестве руководящих и стали проводиться.

Крыленко. Ваша роль в этой группе?

Федотов. Я не вел практической работы в Текстильном синдикате, так как я не имел возможности проводить что-либо практически. В направлении я не принимал участия. Я заведывал сначала так называемым общим отделом, который потом был переименован в технико-экономический отдел. В задачи этого отдела входила подготовка всякого рода материалов для освещения положения промышленности, для освещения ее нужд. Таким образом, я мог содействовать вредительству только тем, если бы я давал неверные цифры относительно положения промышленности. Но так как эти цифры доставлялись статистическим отделом, то, конечно, я их изменять не имел возможности. Я мог освещать их так или иначе. Конечно, с точки зрения вредительства и по поручению группы я это делал, но, конечно, это делалось постепенно.

Крыленко. Где вы защищали эти цифры?

Федотов. В правлении Текстильного синдиката.

Крыленко. Заведомо для вас вредительские цифры?

Федотов. Цифры не могли быть вредительскими, потому что они представлялись статистическим отделом.

Крыленко. А статистический отдел находился в ведении и под влиянием вредительской группы?

Федотов. Нет, он не находился под влиянием вредительской группы.

Крыленко. Так что тут вредительство де-факто было?

Федотов. В статистическом отделе вредительства не было.

Крыленко. А у вас, в вашей работе?

Федотов. В моей работе вредительство было в смысле освещения тех или иных цифр. Цифры могут быть истолкованы так или иначе.

Крыленко. Конкретно, в чем выражался вредительский характер работы?

Федотов. Вредительский характер, например, выражался в указании размера потребности, скажем, количества веретен. Статистика дает такое-то количество веретен. Можно об'яснить, что такое-то количество веретен требуется для ремонта, такое-то количество останавливается благодаря изношенности и т. д., т.-е. уменьшить значение данных цифр. Я говорю в виде примера. Таким образом, должен сказать, что, несмотря на то, что цифры эти имеются, они не характеризуют действительного положения дел и что необходимо построить новые фабрики.

Крыленко. Заведомо неправильное освещение цифр в руководящих органах?

Федотов. Заведомо неправильное освещение цифр, приводящее к неправильным, ложным выводам.

Крыленко. Это была ваша роль?

Федотов. Моя роль во вредительской организации была в этом, но главным образом — в обсуждении в самой вредительской группе, а затем в проведении этих неправильных установок. Это было общей задачей.

Крыленко. Одним словом, две функции: обсуждение вредительских установок во вредительской группе Лопатина, во-первых, и затем проведение этих установок в руководящих органах, во-вторых.

Федотов. В то время Текстильный синдикат не обладал функциями управления. Текстильный синдикат был в то время чисто торговым учреждением, и на моей обязанности лежало, например, установление выработки себестоимости, установление цен на товары, что не входило в обязанности Главтекстиля.

Крыленко. В области установления цен тоже проявилось вредительство?

Федотов. Нет, я не скажу. Такая установка во вредительской группе не была.

Крыленко. В чем конкретно еще выражалась ваша роль в этот период, до об'единения в центральную группу?

Федотов. В общей поддержке таких вредительских мер перед нашим правлением.

Крыленко. И в этой работе вы имели достаточный авторитет и вес?

Федотов. Я считал, что я имел большой авторитет в глазах правления.

Крыленко. Защищать приходилось только в правлении или и в других инстанциях?

Федотов. Только в правлении.

Крыленко. А в других инстанциях нет?

Федотов. Нет.

Крыленко. Таким образом, ваше участие во вредительской работе выражалось в виде предварительного обсуждения? Это главный вывод. И затем в виде проведения вредительских мероприятий в жизнь при обсуждении их в правлении?

Федотов. Главным образом.

Крыленко. В группе руководящую роль играл Лопатин?

Федотов. Да, Лопатин.

Крыленко. А после него?

Федотов. После него руководящая роль сосредоточилась в лице меня, Державина и Нольде.

Крыленко. Кто тут был главным руководителем, так сказать, рычагом?

Федотов. Я считаю, что никто не заменял Лопатина в такой мере, чтобы считать себя главным руководителем.

Крыленко. Тут при допросе Куприянова мы слышали, что якобы он принял на себя эту роль?

Федотов. Нет, я этого не могу сказать. Его положение было таково, что практически он, конечно, имел больше возможности проведения в жизнь этих мероприятий, так как он был с самого начала в Главтекстиле, а затем и в синдикате. Когда синдикату были переданы правленческие функции, он стал во главе производственного отдела и, несомненно, имел возможность влиять на ту или иную меру, но выработку определенных идей, мер и способов мы вели сообща. Я не могу сказать, что я меньше его виновен в данном деле. Если я не проводил практически в жизнь данные меры или идеи, то я их прорабатывал вместе с ним.

Крыленко. Во всяком случае, вторая или главная работа — это выработка вредительских установок?

Федотов. Я полагаю.

Крыленко. При чем вы говорите, что после смерти Лопатина ответственность была коллективная?

Федотов. Я считаю, что ответственность была коллективная, всей группы.

Крыленко. И никто специально — ни вы, ни Куприянов — не выпячивался на первый план?

Федотов. Никто не выпячивался на руководящую роль.

Крыленко. А момент вступления в центр вы к какому времени относите?

Федотов входит во вредительский центр

Федотов. До 1927 г. мы только знали о центре и отчасти иногда слышали фразы в роде того, что «этот вопрос обсуждался в центре, и центр так смотрит на это дело», или: «центр одобряет», или: «центр не одобряет». Но центр оставался для нас достаточно неизвестным. Состав этого центра до 1927 г. был нам неизвестен. Но в начале 1927 г. Лопатин обратился с просьбой или заявлением, что он иногда не может там бывать, и что необходимо нам связаться с этой организацией, в особенности в виду того, что он иногда чувствует себя больным, а связаться ближе с центром нужно. И он предложил мне войти вместо него заместителем.

Крыленко. Войти в качестве его заместителя?

Федотов. Да.

Крыленко. Это было в начале 1927 г.?

Федотов. Да. Кажется, в феврале месяце.

Крыленко. Вы согласились?

Федотов. Я сказал, что это для меня обременительно, я по вечерам выходить не могу, вижу плохо и в театре не бываю из-за этого, очень обременительно,— и отказался от подобного рода предложения.

Крыленко. А когда вошли?

Федотов. Я не мог взять на себя по состоянию здоровья его заместительство, и тогда согласились на таком компромиссном предложении: по хлопчатобумажной группе мы будем вдвоем с Куприяновым друг друга замещать, и в тех случаях, когда я не могу пойти, пойдет Куприянов. Это было принято.

Крыленко. С начала 1927 г.?

Федотов. Нет, такое предложение было в начале 1927 г., а осуществлено оно было гораздо позже, со смертью Лопатина, так как до этого все же он продолжал бывать и поддерживать прямую связь с Хренниковым. После его смерти, — это было в конце апреля 1927 г., — в первое время наступила некоторая разруха, мы не сразу пришли в себя и с Хренниковым не сразу вошли в сношения. Потом наступило время отпусков — Куприянов уезжал, я уезжал, и только после возвращения осенью 1927 г. мы встретились с Хренниковым в ВСНХ. Он подошел ко мне и сказал: «Вы являетесь заместителем Лопатина и ни разу у меня не были» — и сейчас же пригласил меня к себе. Я был у него. Там поговорили и условились, что я буду бывать у него время от времени. Потом я сговорился с Куприяновым, и когда Хренников звонил по телефону и просил зайти, кто-нибудь из нас шел. Нужно заметить, что в это время, еще в 1927 г., я во второй половине года ушел из Текстильного синдиката совсем и поступил в Научно-исследовательский институт, так что мне стало труднее бывать на заседаниях.

Крыленко. С какого же времени вы считали себя членом ЦК?

Федотов. Это уже потом. Я считал себя прежде всего членом «Союза инженерный организаций» со второй половины 1927 г., и я так и оставался сначала членом «СИО», а потом, когда «СИО» превратился в «Промпартию», то основные члены, представители основных отраслевых организаций, автоматически стали членами ЦК, и я в том числе.

Крыленко. Так что вы автоматически перешли потом в члены ЦК?

Федотов. Да.

Крыленко. И вы считали себя членом ЦК до последнего времени?

Федотов. Чем я считал себя — об этом труднее всего говорить.

Крыленко. Я говорю о членстве в ЦК «Промпартии».

Федотов. Я и говорю, что я до конца— до своего ареста—продолжал оставаться в составе членов ЦК «Промпартии».

Крыленко. А почему в одном месте вашего показания вы говорите, что были удивлены тем, что вас выбрали?

Федотов. Потому что я в 1928 г. бывал очень редко на заседаниях. Я в то время работал на Калужской улице, против Нескучного сада, и бывать на заседаниях ЦК мне было чрезвычайно трудно, так что я многие заседания пропускал, а Куприянов меня на этих заседаниях ЦК не заменял, потому что с образованием «Промпартии» его роль несколько уменьшилась. Поэтому я информировался не столько на заседаниях, сколько бывая в центре — в ВСНХ или в Текстильном синдикате.

Крыленко. Но формально вы не выбывали из состава руководящей группы?

Федотов. Я про это и говорю.

Крыленко. Почему же вы выражали протест против того, что вас выбрали без вас, когда вас и не надо было выбирать?

Федотов. Когда мне сказали, что я выбран, я был, конечно, удивлен моим избранием. В действительности я, оказывается, и не был выбран. Эта информация была неправильной. Я остался на той же должности, на которой я был перед этим, но эта должность получила другое название.

Крыленко. Значит, можно считать установленным, что вы с момента вхождения в «СИО», в момент переформирования его в «Промпартию» до самого ареста оставались членом этих двух организаций?

Федотов. Совершенно верно.

Крыленко. И вопрос относительно ваших дополнительных выборов прихо-

дится трактовать как привлечение вас к активной руководящей работе?

Федотов. Не совсем так. Вопрос о выборах приходится трактовать как оформление уже имевшегося налицо факта.

Крыленко. Так что скорее здесь можно говорить о кооптации?

Федотов. Вы правы.

Крыленко. А вот в качестве кооптированного или постоянного члена ЦК руководящей роли в смысле руководства всем ЦК вы никогда не несли?

Федотов. Нет.

Крыленко. И имеющиеся на этот предмет утверждения других не отвечают истине?

Федотов. Я не слыхал, чтобы подобного рода утверждения имели место. Я не имел никакой специальной роли в руководстве каким-либо отделом, кроме текстильной организации, как и прежде.

Крыленко. Значит, то, что вы нам сообщили, можно сформулировать таким образом, что вы первоначально руководили автоматически, а потом уже практически, пополам с Куприяновым являлись представителем в ЦК по определенной части текстиля?

Федотов. Да, в первое время пополам с Куприяновым, а потом один, при чем все установки партии, — в начале союза, а затем партии, — я передавал в группу. Мы сообща обсуждали и сообща принимали решения о проведении их в жизнь.

Крыленко. На 45-й странице I тома показаний Рамзина имеется такое указание. (К председателю). Разрешите?

Председатель. Может быть, целесообразнее раньше спросить Рамзина?

Крыленко. Как угодно.

Председатель. Подсудимый Рамзин.

Кто был председателем ЦК «Промпартии»?

Крыленко. Был ли такой момент в жизни ЦК так называемой «Промпартии», когда выдвигалась кандидатура или обсуждался вопрос о руководстве со стороны Федотова, как старейшего члена организации?

Рамзин. Этот момент возник после ареста Хренникова. Председателем был сначала Пальчинский, потом Хренников, и после его ареста естественно возник вопрос, кто станет заместителем Хренникова, т.-е. председателем ЦК. По старшинству эта роль должна была перейти к А. А. Федотову, как к более старому и авторитетному члену организации. Поэтому между собой мы вели разговоры относительно того, чтобы просить А. А. Федотова взять эту роль. Но фактически А. А. Федотов этой роли не играл, и фактически Хренникова в должности председателя ЦК заместил я и оставался на этой должности вплоть до ареста. Формально вопрос так и ставился между членами ЦК, которых осталось 5 человек. Все друг другу эту роль уступали. В результате не заседаний, а отдельных частных переговоров большинство соглашалось со мною, что необходимо было формально выдвинуть кандидатуру А. А. Федотова, но практически, как видно из дальнейшего, фактически эта роль перешла ко мне, и я стал председателем ЦК.

Крыленко. Показание, которое я цитировал, дано вами 21 сентября. Это одно из первых и наиболее неточных показаний?

Рамзин. Да.

Крыленко. Так что, поскольку шел вопрос о том, кто же конкретно взял на себя роль председателя, по этому вопросу вами эта неточность была допущена?

Рамзин. Я излагал те переговоры, которые фактически имели место.

Крыленко. Вопрос о переговорах я не оспариваю. Я обращаю ваше внимание на фразу: «В результате первым председателем после Хренникова был Федотов».

Рамзин. Я считал, что формально на основании тех переговоров, которые мы вели, я имел право считать, что соглашение было достигнуто. Формально такое положение было достигнуто путем моих переговоров с отдельными членами ЦК, но в виду того, что Александр Александрович очень редко бывал, фактически эту роль я взял на себя.

Крыленко. Одно из двух. Было два варианта. Вели разговоры о том, что Федотов, как старейший член, больше всего подходит, и можно было остановиться на этой фигуре, но в силу того, что он не работал и близко не участвовал в работе, то фактически его роль перешла к вам. Это один вариант, который имел место. И другой вариант: в показании от 21 числа, когда касались вопроса о том, кто же фактически и конкретно был председателем, вам предстояло либо сказать, что вы, или сказать, что не вы, а Федотов. И вы предпочли этот второй вариант. Может быть, так?

Рамзин. Я рассказал так, как было в действительности. На основании разговоров с некоторыми членами, поскольку общего собрания не было, поскольку голосования не было, помнится, что трое из пятерых согласились на кандидатуру Федотова, поэтому я считал, что формально его кандидатура была принята. Но фактически, силою вещей, А. А. Федотов этой обязанности не выполнял, и фактически я это взял на себя.

Крыленко. Значит, мы на этом остановимся, что фактически после ареста Хренникова председателем стали вы.

Рамзин. Это и в целом ряде моих показаний есть.

Крыленко. Это мы знаем.

Председатель. Защита вопросов не имеет?

Оцеп. Нет.

Председатель. Подсудимый Рамзин, вы можете садиться.

Крыленко. Теперь следующий вопрос, гражданин Федотов. Вы не помните ли такого совещания, заседания, где бы специально обсуждались вопросы текстиля?

Федотов. Одно такое заседание было, но я не помню, когда оно было. Оно было, кажется, в 1927 г. Мне думается, было одно такое заседание.

Крыленко. Было. И вот там специально обсуждались вопросы текстиля уже не в текстильной группе, а в руководящем центре?

Федотов. Я так и понимаю ваш вопрос.

Крыленко. И вот на этом заседании вы присутствовали?

Федотов. Да.

Крыленко. Вы представляли текстиль?

Федотов. Да.

Крыленко. А кто делал сообщения по текстилю?

Федотов. В 1927 г., мне думается, — точно не помню, — думаю, Куприянов делал сообщение.

Крыленко. А вы не делали?

Федотов. Я не помню точно.

Крыленко. Отрицать вы это можете?

Федотов. Нет, отрицать этого я не могу, но точно не помню этого заседания. Я знаю, что такое заседание было. Я вот сейчас не вспоминаю, даже не вспоминаю настоящего содержания этого заседания. Одно заседание было, мне думается, когда я делал доклад о хлопководстве в группе. Это было еще не в партии, это было раньше.

Крыленко. Мы установили, что в начале 1927 года имело место такое заседание.

Федотов. Не в начале, а в конце 1927 г.

Крыленко. Ну, может быть, в середине. И там обсуждался вопрос текстиля, и возможно, что доклад делали вы. Это с точки зрения обсуждения вредительских установок?

Федотов. Да.

Крыленко. Теперь у меня маленькое уточнение, касающееся вопроса, о котором мы с вами уже беседовали. Это — по поводу визита Крестовникова. Крестовников сказал вам, что он явился по своей инициативе или по поручению кого-нибудь?

Федотов. Нет, он пришел по поручению.

Крыленко. Кого?

Казнокрады и мошенники

Федотов. Он мне сказал — Коновалова. Для меня довольно неожиданны были здесь показания Куприянова, который говорил, что Коновалов потерял популярность и влияние. Наоборот, от Крестовникова я слышал совершенно обратное, я слышал, что Рябушинские потеряли влияние благодаря тому, что они обокрали русскую казну и Врангеля, что они страшно нажились на поставках в южную армию, поставляли обувь на картонных подошвах и т. п. Я слышал, что это произвело крайне неблагоприятное впечатление в среде белой эмиграции, так сказать, уронило положение Рябушинских в глазах других.

Крыленко. Это вы слышали от Крестовникова?

Федотов. Да.

Крыленко. Крестовников сказал, что Рябушинские потеряли доверие потому, что они обворовались и нажили большие капиталы?

Федотов. Да, нажили большие капиталы. Факт, что они обворовались на казенных поставках, сообщался мне от имени Коновалова. Очевидно, у них шла какая-нибудь внутренняя...

Крыленко. Вам в дальнейшем было известно, что на аудиенции у Пуанкаре были Рябушинские?

Федотов. Мне это было известно, мне об этом говорили.

Крыленко. Я спрашиваю только с точки зрения влияния его на белую эмиграцию.

Федотов. Я понимаю.

Крыленко. Выходит, что Пуанкаре принимал проворовавшихся людей?

Федотов. Очевидно, что принимал. То, что они проворовались, они сами говорили, — по крайней мере их представители. Может быть, они друг с другом ссорились, но факт тот, что я слышал это от Крестовникова.

Крыленко. Относительно Крестовникова: вам говорили, что Коновалова обокрали, а не он проворовался?

Федотов. Об этом мне ничего неизвестно.

Крыленко. Это рассказывал Куприянов.

Федотов. Я об этом ничего не знаю.

Крыленко. Об этих черных делах вы ничего не слышали?

Федотов. То, что Лопатин обокрал Коновалова, этого я не знал. Я о Лопатине был лучшего мнения. (*Смех в зале*). Я не думал, что Лопатин способен обокрасть своего...

Крыленко. А оказалось, что способен?

Федотов. Оказалось, что способен.

Крыленко. Так он явился по поручению Коновалова?

Федотов. Ко мне Крестовников являлся по поручению Коновалова и говорил о Рябушинских в пренебрежительном тоне.

Крыленко. Относительно явки его от Коновалова не говорилось ли в Москве? Не говорилось ли о том, что он приедет от Коновалова?

Федотов. Конечно, говорилось об этом в группе, когда я приехал.

Крыленко. Нет, не потом, а до вашей поездки.

Федотов. Нет, мы не знали, что он явится, свидания не предполагалось. В Лондоне не могло быть свидания. Предполагалось, что не могло быть.

Крыленко. А оказалось возможным?

Федотов. Ну да, приехал.

Крыленко. Деньги такая вещь, что за ними эмиграция приезжает и в Лондон?

Федотов. Да, если есть возможность поторговаться. Ведь сумма не маленькая.

«Левый кадет» — за монархию

Председатель. Защита имеет вопросы? Подсудимые имеют вопросы? Не имеют. Подсудимый Федотов, у меня к вам пара вопросов. Раньше всего относительно ваших политических взглядов. Насколько я понял из допроса государственного обвинителя, вы стояли на кадетской, или даже левее кадетской, платформе. А высказывали ли вы в этот период вашей жизни после Октябрьской революции до вашего ареста монархические взгляды?

Федотов. Никоим образом. Я могу сказать, что за свою долгую жизнь я определился. Извините, я не вижу вас и не могу определить ваш возраст...

Председатель. Немного моложе вас.

Федотов. Но моя фигура достаточно известна, чтобы мне не приписывать монархических взглядов.

Председатель. Я спрашиваю подсудимого Федотова, не было ли у него момента, когда при обсуждении того или иного вопроса он высказывал монархические взгляды или склонялся к монархическим взглядам.

Федотов. Простите, я, может быть, не ответил достаточно почтительно, но я говорю, что я достаточно определился и достаточно известен для того, чтобы сказать, чтобы мне не приписывали подобных взглядов.

Председатель. Подсудимый Рамзин. (Рамзин выходит). Вам был слышен вопрос, который я задал?

Рамзин. Да.

Председатель. Подсудимый Федотов говорит, что это абсолютно невозможно. Как вы на это смотрите?

Рамзин. Когда обсуждался вопрос относительно форм правления в нашей партии и ее ЦК, здесь были различные группировки и среди них кадетская группировка, которая, как известно, стояла на конституционно-демократической платформе, т.-е. признавала монархический строй на октябрьских началах. Федотов и Чарновский относились к этой октябристско-кадетской группе. На этом основании я и считал, что в составе ЦК у нас были и представители монархических тенденций.

Председатель. Ну, как, подсудимый Федотов?

Федотов. Я повторяю, что понятие о кадетской группе, как о монархической группе, не соответствует действительности.

Председатель. А об октябристской?

Федотов. Я не был октябристом.

Председатель. Ну, а Рамзин говорил, что вы высказывали взгляды октябристские.

Федотов. Я не высказывал взглядов октябристских. Мы в Петербурге единогласно приняли как необходимую форму правления буржуазно-демократическую республику. Я предполагал, что это вам известно.

Председатель. На следующем с'езде вы отказались от республики.

Федотов. Нет.

Председатель. Это можно доказать документами.

Федотов. Я говорил, что я не высказывался за монархию на заседаниях ЦК.

Председатель. Я не хочу входить в обсуждение той или иной группировки в жизни кадетской партии. Я интересуюсь фактами, касающимися лишь вас лично. Я оглашу показания Рамзина, в которых сказано: «В первой половине 1927 г. обсуждались далее основные положения платформы». «Вопрос о формах правления вызвал разногласия. Федотов и Чарновский склонялись к монархическому принципу построения власти, а я указывал на полную дискредитацию этого принципа в широких массах населения и что это неизбежно восстановит его против центра, поэтому настаивал на буржуазно-демократической республике».

Подсудимый Рамзин, это подтверждаете?

Федотов. Разрешите мне сказать.

Председатель. Мы сначала спросим у Рамзина.

Рамзин. Я подтверждаю, что при обсуждении в ЦК «Промпартии» о формах правления сторонником варианта монархического правления был Пальчинский. Поддерживали при обсуждении этого варианта Чарновский и, насколько я помню, Федотов.

Председатель. Другие группы были против?

Рамзин. Рабинович был представителем буржуазной республики, я и Ларичев склонялись к форме государственного капитализма.

Председатель. В какой политической форме?

Рамзин. Буржуазно-демократической республики. Мы в этом отношении целиком сходились с Рабиновичем.

Председатель. Против вас были Федотов и Чарновский?

Рамзин. Пальчинский, Чарновский и, насколько я вспоминаю, А. А. Федотов.

Федотов. Разрешите мне сказать. Я на этом заседании не был. Это заседание было весной 1927 г., а я еще не бывал

на заседаниях «Промпартии», как я уже докладывал. Я начал бывать после смерти Лопатина. На этом заседании был Лопатин. Я думаю, что у проф. Рамзина произошло недоразумение: был Лопатин как представитель текстильной группы и он, конечно, высказывался за монархическое управление. Это теперь ясно. Но я на этом заседании не был.

Председатель. Вы допускаете, что Рамзин спутал Лопатина с Федотовым?

Федотов. Вполне возможно. Я прошу Рамзина спросить, уверен ли он, что весной 1927 г. я был на обсуждении в ЦК, так как весною 1927 г. на заседании ЦК я не бывал.

Председатель. Подсудимый Рамзин.

Рамзин. Весной 1927 г. Лопатин не бывал на заседаниях. Лопатин умер в апреле 1927 г. До смерти своей он некоторый период не ходил на заседания, покуда был болен. Лопатин перестал ходить на заседания «Инженерного центра» с конца февраля или марта. На весеннем заседании Лопатина не было и не могло быть. На весеннем заседании мог быть А. А. Федотов.

Председатель. По наружности можно спутать Лопатина с Федотовым?

Федотов и Рамзин. Нельзя.

Председатель. Вопрос ясен. (К Крыленко). У вас есть еще вопросы?

Сколько стоят принципы?

Крыленко. Меня интересует одно обстоятельство, которое освещали вы в своих показаниях, вопрос о так называемых куртажах. Этот куртаж установился приблизительно с какого года?

Федотов. С 1925 г.

Крыленко. Куртаж получался от фабрикантов, продавцов?

Федотов. Да.

Крыленко. Куртаж распределялся непосредственно среди инженерной группы?

Федотов. Куртаж в той части, в какой он шел инженерной группе, распределялся между инженерами. Эти средства смешивались с теми деньгами, которые шли вообще в инженерную группу от эмиграции.

Крыленко. Продавцы за что деньги давали?

Федотов. Ни за что, в качестве любезности.

Председатель. Может быть, в качестве благодарности?

Федотов. Это довольно обычная форма — куртаж, и он действительно в прежнее время доходил...

Крыленко. Обычная форма чего?

Федотов. Обычная форма взятки.

Крыленко. Так мы и констатируем. Но ведь взятка все-таки за что-нибудь дается?

Федотов. Совершенно верно.

Крыленко. А за что?

Федотов. За то, что, скажем, получаемый заказ не направляется в другую сторону.

Крыленко. За то, что вы заказываете именно у них, а не у других?

Федотов. Да.

Крыленко. И за это давалась взятка?

Федотов. Да.

Крыленко. И эта взятка вами принималась?

Федотов. Да, да.

Крыленко. С 1925 г. по...?

Федотов. По начало 1927 г. Всего был один определенный заказ.

Крыленко. Из этого определенного заказа, который был один и за который было получено 50 тысяч, сколько конкретно вам причиталось?

Федотов. Я получил немного.

Крыленко. А сколько?

Федотов. Тысячи 3—4, что-нибудь в этом роде.

Крыленко. Единовременно?

Федотов. Нет. Должно быть, в два раза.

Крыленко. Два раза по 3—4 тысячи?

Федотов. Нет, всего.

Крыленко. Значит, два раза вы получили в качестве взятки сумму в 3—4 тысячи за предпочтение определенной фирмы фабриканта?

Федотов. Да.

Крыленко. Нет вопросов.

Председатель. У защиты нет вопросов? (Нет). Относительно вашей персональной вредительской деятельности, чтобы подытожить, в чем заключались ваши вредительского характера поступки в текстильной промышленности?

Несколько итогов

Федотов. Я имел возможность только что доложить об этом. Я принимал участие в обсуждении тех мер, которые группа должна была проводить. Был, как меня называли, идеологом группы.

Во-вторых, в тех случаях, когда вопрос обсуждался в правлении, я в правлении поддерживал ту точку зрения, ту установку, которая проводилась группой. Вот моя роль.

В некоторых случаях она выражалась также и в писании статей, направленных для поддержки данной установки. Например, по вопросу о трехсменной ночной работе я писал статью.

Председатель. Это мы знаем. А еще о чем-нибудь вы писали статьи с такой целью, например, по вопросам нового строительстве? Была ли директива строить новые фабрики при недостаточном использовании существующих, тормозить введение новых текстильных материалов и т. д.?

Федотов. Нет, такой директивы не было.

Председатель. Не было?

Федотов. Позвольте, была директива о том, чтобы строить фабрики, несмотря на то, что существуют фабрики.

Председатель. Нет, тут ничего вредительского нет. Строить фабрики нужно.

Федотов. Я приведу пример. Во Владимире была построена отделочная фабрика, в которой не имелось необходимости, потому что отделочных фабрик в то время и даже в настоящее время достаточно и без постройки этой владимирской фабрики.

Председатель. А эти существующие отделочные фабрики, они достаточно загружены?

Федотов. Они были недостаточно загружены.

Председатель. Значит, директива заключалась в том, чтобы строить фабрики при недостаточной нагрузке существующих?

Федотов. Да.

Председатель. Кто же такую мысль, такие установки давал в организации?

Федотов. Это еще Лопатин дал. Первая программа, которая была поставлена, это была программа Лопатина, как я говорил.

Председатель. А вы не возбуждали об этом же вопроса?

Федотов. Где?

Председатель. В вашем ЦК или еще где-нибудь.

Федотов. Нет, это было уже принято, и мною этот вопрос не обсуждался.

Председатель. Мне важно установить, в какой мере вы проявили в этом отношении инициативу. В какой мере вы проявили инициативу в ЦК, чтобы направлено было внимание вашей организации на подобного рода мероприятия? Или вы этой инициативы не проявили?

Федотов. Я не могу вам сказать.

Председатель. Подсудимый Рамзин. Можете ли вы что-нибудь сказать о том, проявлял ли подсудимый Федотов инициативу и в какой мере в вопросе, который мы сейчас обсуждаем, т.-е. в вопросе о даче директивы строить новые фабрики при недостаточном использовании существующих?

Рамзин. Все вопросы текстильной промышленности на обсуждение сначала в «Инженерный центр», а потом в ЦК «Промпартии», представлялись Федотовым. Как шла проработка этих вопросов внутри группы, детали мне неизвестны. Мне известны лишь те разговоры и обсуждения, которые имели место в «Инженерном центре» или в ЦК. Здесь докладчиком всегда был Федотов.

Откуда шла инициатива, мне неизвестно, точно так же, как я не знаю, как шла внутри в самой текстильной группе работа. Во всяком случае, в ЦК «Промпартии» эти первоначальные установки представлял Федотов, ЦК их одобрял или корректировал, а затем передавал Федотову обратно для исполнения.

Так велось дело по тому вопросу, который вы задаете. Эта директива была. Она выражалась в следующем: все время шло преувеличение оценки сырьевых возможностей, т.-е. сбора хлопка, льна и других текстильных материалов. В соответствии с преувеличением сырьевых возможностей ставился вопрос и относительно поднятия производственных возможностей фабрик, т.-е. относительно необходимости постройки новых фабрик, чтобы пропустить это преувеличенное количество сырья. В связи с этим такая директива давалась относительно постройки новых фабрик. Это и было тем омертвлением капитала, которое проводилось «Промпартией», хотя существующая мощность фабрик была достаточна, чтобы справиться с имеющимся сырьем.

Председаталь (к Федотову). Вы это подтверждаете?

Федотов. Да, я это и сказал.

Председатель. Значит, в ЦК практические вопросы вредительства докладывались вами? Вы являлись их проводником и защитником?

Федотов. Я этого не отрицаю. Вы не об этом меня спрашивали.

Председатель. Значит, в ЦК вопросы ставились по вашей инициативе?

Федотов. Я вас не понял. В ЦК я был докладчиком, я был представителем текстильной промышленности и я докладывал готовые или неготовые решения группы.

Председатель. Других вопросов к Федотову нет? (Нет). (К Федотову). Садитесь, пожалуйста.

ПОКАЗАНИЯ ПОДСУДИМОГО ОЧКИНА

Крыленко. Пожалуйста, по возможности кратко, данные вашей биографии, потом особенно момент вашего завербования в организацию, обстановка, при которой это имело место, и методы.

Очкин. Я родился в очень бедной семье. Отец мой был конторщиком, получал 50 руб. жалованья, а мать — крестьянка Бронницкого уезда. Я вначале испытывал большую нужду, так как наша семья имела 6 человек детей.

Учился я в реальном училище, при чем за 2 — 3 месяца до окончания мне пришлось уйти из реального училища в виду ухода половины учеников. Мне пришлось кончать образование при округе, после чего я поступил в техническое училище.

Когда я поступил в техническое училище, положение моей семьи еще более осложнилось, т. к. умер отец, и мне пришлось поступить уже на службу. И вот, служа, мне пришлось закончить свое образование, при чем мне приходилось ездить и помощником машиниста, мог бы и машинистом ездить, но я был несовер-

шеннолетний. Я 18 лет ездил, потом был на фабрике и затем окончательно выбрал специальность — отопление; дальше я работал десятником, затем техником и, наконец, когда я окончил училище, я был уже помощником инженера по отоплению зданий. Затем был на действительной военной службе, и оттуда меня мой учитель Кирш перевел в Москвотоп, где я под его руководством получил большой кругозор в деле расширения топливных вопросов. Затем разразилась Октябрьская революция. Здесь я не хочу смягчать свою вину тем обстоятельством, о котором я доложу, но я хочу просто, откровенно сказать, что я тогда переживал. Я не разделял убеждений той группы, которая покинула Москвотоп.

Председатель. А что это была за группа?

Очкин. А вот, на которой вчера останавливались, — теплокомцы. Остальная часть — несколько человек, которые разделяли вполне установки диктатуры пролетариата, — восприняла все эти установки с большим трудом, потому что ушли самые видные работники — все-таки както Москвотоп тянули. Перевелся Высший совет народного хозяйства из бывшего Петрограда в Москву, и на одном заседании мне пришлось столкнуться с председателем отдела топлива ВСНХ, который меня немедленно перевел в отдел топлива ВСНХ, где я был первым и единственным инженером по топливу.

В это время, должен сказать, я переживал тяжелые минуты, потому что мой учитель Ясинский не подавал мне даже руки, в Теплоком я не имел права ходить, и в то время, когда теплокомовские группы проходили всякие лекции, изучали литературу, я был предоставлен самому себе. Мое положение было очень тяжелое, так как мне нужно было организовывать Главтоп. Я вел переговоры с некоторыми товарищами, чтобы они вошли в аппарат Главтопа, но трудно было что-либо сделать, потому что товарищи инженеры не разделяли моих взглядов, и положение мое было очень тяжелое. И тут я решился на крайнюю меру. Был тогда, точно я забыл, как назывался, кажется Военно-технический комитет, я поехал туда, отобрал десять человек не теплокомовской группы, сорвал их буквально с тех мест, где они служили, имея кое-какое отношение к топливу, и сорганизовал технический отдел, начальником которого я долгое время был.

В это время я честно и преданно работал для советской власти. Доверие ко мне было совершенно безграничное. Я, например, имел непосредственное поручение СТО и Совнаркома для разрешения ряда вопросов. Примерно, я могу припомнить такой эпизод.

Крыленко. Разрешите раньше задать ряд вопросов по этому периоду, который вы изложили. Вернемся все-таки к Октябрьской революции. Вы в группе Кирша были?

Очкин. Был.

Крыленко. Антисоветские установки Кирша были вам известны?

Очкин. Да.

Крыленко. Вам были известны установки открытого саботажа?

Очкин. Это был саботаж, но он был в замаскированной форме.

Крыленко. Но вплоть до того, что они отказались работать с советской властью?

Очкин. Не совершенно, но потихоньку отходили, потому что они считались, и Кирш так же думал, что не нужно бросать топлива. Во всяком случае, в Москвотопе осталось 5 человек.

Крыленко. Вы остались почему, — потому, что не разделяли эти воззрения?

Очкин. Потому что еще из реального училища у меня сложилось такое убеждение, что я сразу воспринял установки советской власти.

Крыленко. Вы, оставаясь в группе Кирша, разделяли его установки?

Очкин. Я не разделял его установок.

Крыленко. А в группе состояли? Тут выяснилось из показаний Рамзина, что характер той молодежи, которая группировалась в группе Кирша, был антибольшевистский и с начала Октябрьской революции — антисоветский, при чем в этот период она отказывалась работать в советских учреждениях. Вы говорите, что вы этого не разделяли?

Очкин. Я не разделял, я продолжал работать.

Крыленко. Октябрьскую революцию вы приняли и остались работать в группе Кирша?

Очкин. Я оставался и не оставлял работу ни на один день.

Крыленко. До этого вы не выделялись на этой почве?

Очкин. Все-таки выделялся.

Крыленко. Разговоры имели по этому поводу?

Очкин. Я с Ясинским был в скверных отношениях.

Крыленко. А с Рамзиным?

Очкин. С Рамзиным я был мало знаком, но я его очень уважал.

Крыленко. Это была достаточно тесно сплоченная группа?

Очкин. Да.

И с Рамзиным спорил

Крыленко. Так что в этой группе белая ворона должна была бросаться в глаза?

Очкин. Я был не один, нас было несколько человек.

Крыленко. Сколько?

Очкин. Пять человек.

Крыленко. Пять из скольких?

Очкин. Из тридцати.

Крыленко. Вы выделялись?

Очкин. Что значит выделялся?

Крыленко. Одно дело остаться просто в группе, а другое дело — по политическим убеждениям.

Очкин. Я был учеником Кирша, но когда он ушел, я не мог уйти из Москвотопа.

Крыленко. Почему?

Очкин. Потому что это было противно моим установкам.

Крыленко. А в этот момент были у вас споры?

Очкин. Конечно, и очень сильные. У нас был ряд заседаний.

Крыленко. С кем вы конкретно спорили?

Очкин. Со всей группой.

Крыленко. С Рамзиным спорили?

Очкин. Спорил.

Крыленко. С Ларичевым спорили?

Очкин. С Ларичевым я был мало знаком. При выборах в исполком я был выбран заместителем председателя. Меня ругали за это.

Крыленко. Вы хотите сказать, что остались работать по идеологическим соображениям и по этому поводу спорили с Рамзиным?

Очкин. Да.

Крыленко (п р е д с е д а т е л ю). Можно задать Рамзину вопрос?

Председатель. Подсудимый Рамзин.

Крыленко. Подсудимый Рамзин, вы подтверждаете, что в этой группе такую советскую, большевистскую установку имел гр. Очкин?

Рамзин. С группой Москвотопа я в то время не был связан. В это время я работал по снабжению Москвы, а Москвотоп работал по снабжению Московской области в целом. Поэтому я с Очкиным никаких встреч не имел.

Крыленко. Очкин говорил, что он с вами спорил.

Рамзин. Не могу отрицать правильности того, что сказал Очкин, как не могу и припомнить ни одной встречи.

Крыленко. Подсудимый Очкин, может быть, вы припомните?

Очкин. Рамзин был в это время в городской управе, и мы с ним видались. Я сказал, что я должен работать, а он не остался работать.

Крыленко. Рамзин, вы не помните такого факта?

Рамзин. Такого факта я не помню. Но после того, как подавляющая часть топливников нашла невозможным остаться на работе, Очкин остался — это факт. Но я не могу припомнить принципиальных споров, которые у меня были с Очкиным.

Крыленко. Вы не оспариваете того, что Очкин остался работать. Кирш дал другую установку, а Очкин говорит, что он остался по идеологическим соображением. Верно ли это?

Рамзин. Я не могу ни подтвердить ни отрицать такого факта.

Затем перевоспитание под руководством Рамзина

Крыленко. Очкин проявлял себя как сугубо принципиальный человек?

Рамзин. В это время я с ним мало встречался.

Крыленко. Гр. Очкин, вы спорили с Рамзиным или просто были несогласны с ним?

Очкин. Я тогда работал у Рамзина. Это было в городской управе. Я сказал: как хотите, но я буду все-таки работать.

Рамзин. Я не могу этого припомнить.

Крыленко. Может быть, он сказал: я есть хочу, поэтому я буду работать?

Рамзин. Что касается идеологической установки, я не могу дать оценки, так как я не помню.

Крыленко. Так что вы, Очкин, утверждаете, что вы сказали, что будете работать без дальнейших установок?

Очкин. Установка была определенная. Конечно, не в хлебе было дело, а в том, чтобы работать вместе с советской властью. Вспомните тогдашнюю общую установку.

Крыленко. Допустим, что так.

Рамзин. Возможно, что такой разговор имел место, я этого не отрицаю.

Очкин. Я хочу уточнить, что к этому моменту я был откомандирован в распоряжение Рамзина, в городскую управу. Он, будучи членом управы, не хотел работать и говорил, что работать нельзя, а я говорил: здесь я с вами работать тогда не буду, а пойду в Москвотоп, откуда меня откомандировали.

Крыленко. И после таких резких, сравнительно, разногласий с этой группой людей, которые не хотели работать, вы порвали с ними?

Очкин. Вернее, они порвали со мной.

Разошлись и снова сошлись

Крыленко. Ну, а теперь скажите, как вы опять сошлись?

Очкин. Выполняя различные поручения, весьма ответственные, по Ленинграду и по Уральской жел. дор., я убеждался в том, что у меня кругозор недостаточен для таких вопросов.

Крыленко. Каких вопросов?

Очкин. Недостаточный кругозор для проведения сложнейших вопросов, которые проводил Кирш. И вот в 1920 году ранее отошедшие инженеры начали поступать в советские учреждения, и тут я как раз получил назначение в Донбасс — в центральное правление каменноугольной промышленности, где был членом правления, нес большую работу. В это

время в Главтопе должен был образоваться Теплотехнический институт, и, так как наступил момент нэпа, что было связано с известным успокоением, я думал, что нужно итти на научно-исследовательскую работу. Тогда я вошел с ходатайством к Смилге, чтобы он отпустил меня в Теплотехнический институт. Он связался с Пятаковым, который был председателем правления каменноугольной промышленности Донбасса, и в результате меня отпустили в Теплотехнический институт. Здесь я встретился с Л. К. Рамзиным. В этот момент Леонид Константинович проявлял такую огромную энергию по восстановлению Донбасса, а потом по восстановлению всеобщего топливного хозяйства, что меня буквально захватил. Здесь я под его руководством получил буквально перевоспитание, потому что я многое потерял за эти три года, будучи на оперативной инженерной должности. Леонид Константинович захватил меня своей энергией, своей эрудицией, своим авторитетом, и я благодарен ему за те уроки, которые он давал, и за те знания, которые он мне передал. Тут я действительно пополнил свои знания и поднял свою квалификацию. Вот как произошла моя встреча с Леонидом Константиновичем. В это время в институт начали собираться самые лучшие силы теплотехников, наш институт начал подниматься на недосягаемую высоту, разрешая проблемы теплоснабжения и т. д.

Так шло до 1928 г. Леонид Константинович, я должен сказать, встал на советскую платформу в 1921—22 г. Он сразу вооружил против себя тех товарищей, которые с ним были.

Крыленко. Кто эти товарищи?

Очкин. Вся группа Теплового комитета и все инженерство. И здесь я увидел, насколько Леонид Константинович сделал героический шаг, отойдя от той точки зрения, которой раньше придерживался, до перехода на советскую службу. Это была буквально травля. Я знаю, что ему некоторые инженеры руки не подавали. То же самое в Техническом училище — против него была травля, и я глубоко жалел, что такой авторитетный человек из-за этого положения терпит личные переживания. Вот здесь я с ним близко сошелся, работая под его руководством до 1928 г.

В 1928 г. я увидел, что Л. К. начал сдавать свои позиции. Очевидно он был нужен той группе, которая положила начало вредительской организации. Я не знаю, что они с ним сделали, но он им был, вероятно, очень нужен, и Л. К. попал в эту группу. Так как я ему был очень обязан за все его руководство, и он имел на меня большое влияние, я не мог итти против его убеждений: он политически меня грамотнее и грамотнее в технических вопросах, и я считал его своим учителем, и не мог итти против него. И в конце 1928 г. я был втянут в «Промпартию».

Крыленко. Приблизительно когда?

Очкин. Так, в октябре месяце.

Крыленко. Не раньше?

Очкин. Это развертывалось не сразу, может быть, и раньше.

Советские установки сразу испарились

Крыленко. А вам его антисоветские установки в 1927 г. не были ясны?

Очкин. Нет, я на это мало обращал внимания. Я в 1928 г. был очень озабочен его поведением.

Крыленко. А разговоров никаких не было в 1927 г.?

Очкин. В 1928 г. были.

Крыленко. А в 1927 году нет?

Очкин. Он со мной не говорил.

Крыленко. А когда вы считаете, конкретно, посвящение вас во все тайны?

Очкин. В 1928 г.

Крыленко. И в этот момент ваши советские установки испарились?

Очкин. Да.

Крыленко. Сразу?

Очкин. Да.

Председатель. Почему же так случилось, почему испарились сразу?

Очкин. Я это об'ясняю влиянием Л. К.

Крыленко. Но, чтобы это испарилось сразу, нужен предварительный инкубационный период.

Очкин. Здесь было, конечно, много моментов политической кон'юнктуры, очень много моментов, и все это и давало козырь Рамзину в руки.

Крыленко. Может быть, конкретно, вступление отнесем к 1928 г., а идеологическую подготовку к более раннему времени?

Очкин. Нет, я до 1928 г. не сдавался

Крыленко. Ведь вы уже в 1928 г. исполняли ответственнейшие поручения, вы знаете какого характера (Очкин: — «Да, да»), и это тоже так сразу, а?

Очкин. Это шло не так сразу, конечно В течение 1928 г. шла подготовка.

Крыленко. Приблизительно сроком можно считать конец 1927 г.?

Очкин. Нет, начало 1928 г.

Крыленко. В чем выражались в этот момент ваши антисоветские установки?

Очкин. Антисоветские установки были в том, что я признал замедленные темпы индустриализации Союза, т.-е. фактически разделял точку зрения Рамзина.

Крыленко. Это в 1928 г. замедленные темпы?

Очкин. Да.

Крыленко. А о поездках Рамзина в 1927 г. вы не знали?

Очкин. Он ничего об этом не говорил

Рамзин оседлал, Очкин повез

Крыленко. А общеполитическая установка когда вам стала известна?

Очкин. В конце 1928 г.

Крыленко. И вы эти установки сразу восприняли?

Очкин. Да.

Крыленко. И программу?

Очкин. Да.

Крыленко. И идею интервенции и методы подготовки интервенции, — все сразу?

Очкин. В течение 1929 г.

Крыленко. А вы вообще вопросами политики интересовались?

Очкин. Интересовался.

Крыленко. И у вас по этому поводу разговоров с ним не было — разговоров, споров?

Очкин. Очень большие споры, он меня бил в политических спорах.

Крыленко. А какие контраргументы политического характера выставлялись?

Очкин. Против тактики, главным образом. Я стоял за усиление темпов, говорил, что обобществление нужно вести так, как это велось до этого, а Леонид Константинович говорил, что этого нельзя, что темпы добычи, индустриализации надо сокращать.

Крыленко. А вот о задачах вооруженной интервенции, по этому поводу споров не было? Согласитесь, что для этого должно быть совершенно определенное осознание целей свержения советской власти. Вот на эту тему споров не было?

Очкин. Споры сначала были, но потом я подпал всецело под его влияние, признал все полностью.

Крыленко. А может быть, на эту тему не было споров? О темпах были, а об этом не были?

Очкин. Нет, были.

Крыленко. Были. Одним словом, он вас идеологически оседлал и вы повезли.

Очкин. И повез.

Крыленко. У меня больше вопросов нет.

Председатель. Защита имеет вопросы? (Н е т). Подсудимый Очкин, вы, следовательно, в течение 5—6 лет работали вместе с Рамзиным?

Очкин. Да, с 1922 г. непрерывно до момента ареста.

Председатель. До ареста, который последовал в 1930 г.?

Очкин. Да.

Председатель. И за это время вы только с 1928 г. уяснили себе роль Рамзина в этой организации?

Очкин. Я просто не представлял себе, что с ним сделалось.

Председатель. Я вас не понимаю: вы в течение 1922—28 гг. — 7 лет, работаете вместе с Рамзиным, вступаете с ним в споры и только в 1928 г. представляете себе его роль?

Очкин. Раньше споров не было.

Председатель. Какую должность вы занимали?

Очкин. Я был ученым секретарем Теплотехнического института.

Председатель. Вы здесь слышали, что Рамзин в течение ряда лет проводил свою контрреволюционную работу, по Теплотехническому институту тоже очевидно?

Очкин. Я этого не знал.

Председатель. А вредительской работы не ощущали?

Очкин. Нет, начал замечать.

Председатель. Когда вы начали замечать?

Очкин. В 1928 г. у меня с ним были большие споры.

Председатель. Только впервые заметили в 1928 г., а до этого времени ничего не замечали?

Глупость или преступление?

Очкин. Может быть, это была моя близорукость, может быть, глупость — я не знаю.

Председатель. Может быть, но не в этом дело. Вы в 1928 г. стали замечать, а в 1927 г. не замечали?

Очкин. Не замечал.

Председатель. А спорить когда начали?

Очкин. В 1928 г.

Председатель. А до 1928 г. вы спорили?

Очкин. Нет.

Председатель. А до 1928 г. не было разговоров?

Очкин. Не было.

Председатель. А разговоры на политические темы были у вас до 1928 г.?

Очкин. Были, но редко.

Председатель. Когда у вас были до 1928 г. разговоры с Рамзиным, то разногласия у вас возникали?

Очкин. Не возникали.

Председатель. А почему эти разногласия не возникали, он стоял на вашей позиции или вы на его?

Очкин. Он был вполне советским человеком.

Председатель. Он сам говорит, что в 1927 г. он был руководителем организации.

Очкин. Я это узнал в 1928 году.

Председатель. Следовательно, когда вы в 1927 г. вели какие-нибудь политические разговоры с Рамзиным, он держал себя так, что вы не представляли его действительной роли?

Очкин. Совершенно не представлял.

Председатель. Подсудимый Рамзин, несколько коротких вопросов. Очкин, как вы слышали, нам об'ясняет, что он за все время своей работы с вами в течение многих лет разговоры на политические темы вел в 1927 г., а до этого он никаких разговоров не вел. Так это или не так?

Рамзин. Позвольте внести ясность в те показания, которые дал Очкин. Как я говорил, мой переход к антисоветскому наступлению совершился в 1927 г., при

чем активно я вступил в «Инженерно-технический центр» в течение 1927 г. Через 3 месяца после вступления я на полгода уехал за границу, так что в течение второй половины 1927 г. я в Союзе отсутствовал, и вполне понятно, почему в 1927 г. я с Очкиным разговоров не вел и не мог вести, потому что я был за границей. Очкин и не мог вести со мной таких разговоров, потому что меня не было. Но по возвращении из-за границы я начал соответствующим образом обрабатывать Очкина, как и других лиц из Теплотехнического института. Конечно, это случилось не в октябре, не сразу, а постепенно я его подготавливал к той роли, которая его ожидала к концу 1928 г. Очкин был мной подготовлен, так что я имел возможность дать ему те ответственные поручения, о которых он говорит и которые я подтверждаю полностью.

Председатель. Сколько времени вы пробыли за границей?

Рамзин. Ровно полгода.

Председатель. Вы уехали за границу в начале 1927 г.?

Рамзин. Я уехал за границу в июле 1927 года и вернулся — я помню точно дату — 25 декабря 1927 г.

Председатель. Как Очкин, легко поддавался вашим уговорам или он оказывал сопротивление?

Ученик, достойный своего учителя

Рамзин. Нет, он оказывал сопротивление, почему в целом ряде вопросов мне приходилось его убеждать, при чем в убеждениях этих были те же аргументы, которыми я убеждал самого себя, а именно, что та политика, которая велась советской властью в 1927 г., ведет неизбежно к краху, к кризисам, к неизбежным контрреволюционным переворотам. После приезда из-за границы, когда я привез соответствующие сведения относительно интервенции, — я совершенно определенно сказал, что вне зависимости от нашего желания этот поворот будет так или иначе выполнен внешними силами. То-есть та аргументация, которая была убедительной для меня, была пущена в ход для убеждения Очкина.

Председатель. Чем об'яснить, что после короткого времени обработки Очкин сразу же, как вы заявляете, стал получать очень ответственные поручения?

Рамзин. Об'яснить это надо тем, что весь период обработки был сокращен за счет той близости, которая была у меня с Очкиным, которого я знал уже более десяти лет. Он был моим учеником и, учитывая создавшуюся близость, а также и свое влияние и авторитет, — это я использовал.

Председатель. Можно сказать, что ваше влияние распространялось на гораздо больший срок, чем эти 6 месяцев?

Рамзин. Мое влияние распространялось на все время, и благодаря тому влиянию, которое устанавливается в отношениях между учителем и учеником благодаря определенному доверию и авторитету, этот срок мог быть небольшим.

Председатель. Значит, можно так сформулировать, что вы как учитель использовали свое влияние и авторитет, чтобы вовлечь молодого инженера во вредительскую организацию?

Рамзин. Правильно. Второе, почему я мог дать Очкину ответственное поручение, это потому, что в течение 10 лет, когда я работал с ним, я настолько его знал и настолько был уверен в нем, что я мог это делать.

Председатель. Подсудимый Очкин, ваши показания говорят, что вас вовлекли во вредительскую организацию в начале 1929 г. Это ошибка, можно ее исправить?

Очкин. Это ошибка, я просил ее исправить, — не в начале 1929 г., а в 1928 году.

Рамзин. Фактически поручения начали даваться Очкину в ноябре 1928 г., а с начала 1928 г. шла подготовка.

Председатель. Теперь этот вопрос совершенно ясен.

У защиты имеются вопросы? (Нет). У прокуратуры? (Нет).

Садитесь.

ПОКАЗАНИЯ ПОДСУДИМОГО СИТНИНА

Председатель. Подсудимый Ситнин (подходит). (К Крыленко). Угодно задать вопросы подсудимому Ситнину?

Крыленко. Будьте добры, коротко изложите биографические данные и момент вступления во вредительскую группу по текстильной промышленности.

Человек «с политическим прошлым»

Ситнин. Я родился в 1878 г. Отец мой 25 лет был крепостным, потом он приписался к мещанам гор. Иваново-Вознесенска и с тех пор, как я помню, он был служащим на фабрике Фокина в Иваново-Вознесенске. Мать была тоже из крестьян. Семья у него состояла из 5 человек детей, из них образование как среднее, так и высшее, получил только один я. Я получил образование вначале в земской начальной школе в Иваново-Вознесенске, потом в реальном училище тоже в Иваново-Вознесенске, затем поступил в МВТУ, в 1898 г. я был арестован и выслан на родину.

Крыленко. За студенческие волнения?

Ситнин. Я участвовал в социал-демократическом кружке Ивановска и в течение всего года, даже меньше—месяцев 9, нас всех арестовали. Просидел я 7 месяцев и был выслан на родину, 3 года был на родине. Потом поступил в институт и в 1904 г. кончил институт. По

окончании института я был сейчас же послан от института в Англию на год.

Крыленко. До 1904 г. в студенческих волнениях вы принимали участие?

Ситнин. За это время не было никаких волнений.

Крыленко. Когда вы вернулись из ссылки?

Ситнин. В 1902 г.

Председатель. В 1902 г. были большие студенческие забастовки с требованиями возвратить студентов, сосланных в 1901 г. в солдаты. Группа петербургских и киевских студентов была отдана в солдаты. В 1902 г. была большая забастовка, охватившая и техников и студентов. Об этой забастовке и спрашивает вас прокурор.

Ситнин. За это время я никакой забастовки не знаю. Может быть, тут ошибка в годах.

Председатель. В феврале 1902 г. была большая забастовка. Это все помнят.

Ситнин. Я не помню.

Председатель. Словом, для вас такой забастовки не было.

Ситнин. Не помню.

Председатель. Вы, конечно, имеете право не помнить.

Ситнин. Затем я был послан в Ивановск для усовершенствования в прядильном деле, работал там на фабриках и заводах и вернулся в 1905 г., после чего поступил на Воскресенскую мануфактуру, на прядильную фабрику, на жалование в 75 руб. Там я сначала был помощником мастера, затем помощником заведующего и проработал там до 1913 г., получая 400 руб. жалования в месяц. Оттуда и перешел в Тверь на место заведующего прядильно-ткацкой фабрикой, перешел уже сразу на жалование в 1.000 руб. На этой фабрике я оставался все остальное время вплоть до революции.

Крыленко. И к моменту революции 1917 г. тоже получали 1.000 руб.?

Ситнин. Вероятно несколько больше, потому что тогда в связи с дороговизной была прибавка.

Крыленко. В полтора раза больше?

Ситнин. Нет, наверно 1.300 руб.

«Темная грамота»

Крыленко. В политических партиях не принимали участия?

Ситнин. Не принимал.

Крыленко. Голосовали?

Ситнин. В 1905 г. не голосовал, потому что я служил в это время на Воскресенской мануфактуре, это было в Новораменске. Город находился в 35 верстах оттуда.

Крыленко. А в Учредительное собрание голосовали?

Ситнин. Голосовал.

Крыленко. За кого?

Ситнин. За с.-д. Затем первая февральская революция была вполне мною принята. Я был выбран тогда в правительственное правление.

Крыленко. Это было после Октябрьской революции?

Ситнин. Да, после Октября.

Я оставался после февральской революции на фабрике. Работал на фабрике, наступила Октябрьская революция, меня выбрали в правительственное правление.

Крыленко. Как вы отнеслись к Октябрьской революции?

Ситнин. Я отнесся вполне доброжелательно. Политических убеждений у меня не было никаких.

Крыленко. Вы голосовали за эсеров?

Ситнин. Нет, я голосовал за эсдеков.

Крыленко. Каких — большевиков или меньшевиков?

Ситнин. За меньшевиков... Боюсь сказать сейчас. Для меня это была темная грамота. В это время я политикой не занимался; с того момента, как потерпел жизненный крах, занялся исключительно техникой.

Крыленко. Голосуя за меньшевиков, вы отнеслись к Октябрьской революции вполне доброжелательно?

Ситнин. Я могу об'яснить, почему. Я отнесся так потому, что за это время, как я уже говорил, в партиях не состоял, партийных убеждений у меня не было, была общая установка моих взглядов. За это время, которое прошло с февральской по Октябрьскую революцию, я убедился в том, что меньшевики и все другие партии, которые призваны к власти, оказались несостоятельными в смысле полного бессилия и слабости.

Крыленко. Вы убедились, что это не политические партии, а политический кисель, и за этот кисель голосовали?

Ситнин. Я не знал этого.

Крыленко. Голосование за Учредительное собрание было перед Октябрем?

Ситнин. У меня совершенно изгладилось из памяти. Я человек, не занимающийся политикой, и не придавал этому существенного значения.

Крыленко. Может быть, вы случайно и за большевиков голосовали?

Ситнин. Не могу сказать.

Крыленко. Пойдемте дальше.

Ситнин. Я уже сказал, что, убедившись в том, что правительство, которое создалось, является бессильным вывести страну из разрухи, я отнесся доброжелательно к советскому строю, считая, что это будет та сила, которая выведет страну из разрухи.

Крыленко. Как вы отнеслись к вопросам войны?

Ситнин. В начале войны я относился патриотически. Когда наступила революция, я стал относиться отрицательно. Это

был один из моментов, когда я разочаровался во временном правительстве.

Крыленко. Вы стояли за лозунг прекращения войны?

Ситнин. Я стоял за то, чтобы был мир, потому что война в дальнейшем означала бесплодное истечение кровью страны, служить пушечным мясом для своих союзников.

После того, как было ликвидировано правительственное правление, я был выбран в об'единенное правление тверских фабрик, работал там до 1922 года. В конце 1922 г. я перешел во Всесоюзный текстильный синдикат сначала членом правления, потом кандидатом.

Заместитель вредителя

Крыленко. Где вы были в 1922 г.?

Ситнин. Во Всесоюзном текстильном синдикате, с ноября-декабря 1922 года.

Крыленко. И до какого времени?

Ситнин. До ареста.

Крыленко. Какую последнюю должность занимали?

Ситнин. В последние три месяца я состоял заместителем Куприянова.

Крыленко. С какого года вы были заместителем?

Ситнин. Почти перед арестом...

Крыленко. Куприянова давно знали?

Ситнин. Я узнал его, когда приехал в Москву в 1923—24 г., точно не помню, когда мы с ним в первый раз столкнулись

Крыленко. Значит, вы с 1923—24 г. его знали?

Ситнин. Да.

Крыленко. И эти годы — 1924 — 30 — практически рука-об-руку работали с Куприяновым?

Ситнин. Нет, конечно. У нас были совершенно разные работы, и мы с ним совершенно не сталкивались в работе, т.-е. сталкивались, но очень немного, потому что он по приезде поступил в Тверской трест заведующим производственным отделом, чтобы вести ту работу...

Крыленко. Вы с ним сталкивались в работе с 1924 по 1930 г.?

Ситнин. Да. По 1925 г. я с ним совсем не сталкивался, потому что я занимался тогда...

Крыленко. А когда начали встречаться часто на почве деловой работы?

Ситнин. Часто—в 1929 г., а с 1925 г. по 1929 г. я встречался с ним потому, что занимался хлопкоснабжением, а он был заведующим производственным отделом, давал определенные директивы и указания, какой фабрике какой хлопок нужно давать. Раз директивы исходили от него, я должен был с ним встречаться. Бывал у него в Цугпроме, когда он был старшим инженером.

Крыленко. В этот период с кем же вы более тесно встречались из вредительской группы?

Ситнин. До 1925 года я собственно мало с кем встречался, а с 1925 г. я начал встречаться чаще и с Лопатиным, и с Федотовым, и с Куприяновым — с этими тремя — и с Державиным также.

Крыленко. Когда же для вас приблизительно определился вредительский характер работы?

Ситнин. Для меня вредительский характер работы определился так в конце 1925 г., в начале 1926 г.

Крыленко. Под чьим прямым воздействием?

Ситнин. Лопатина.

«Нам нужно праветь»

Крыленко. Лопатин вам уже прямо рассказал?

Ситнин. Дело обстояло таким образом. Я стал заниматься хлопкоснабжением в 1925 году, наблюдал за хлопковым отделом. Главхлопком являлся организацией, доставлявшей союзный хлопок на предприятия, задачей хлопкового отдела было увязать отношения между Главхлопкомом и трестами. Так как я получил сразу же впечатление, как производственник, о том, что имеется много недочетов по снабжению хлопком со стороны Главхлопкома, у меня возникла с ним ожесточенная борьба на почве того, что я считал, что он не соблюдает производственных интересов фабрик, а заботится только о своем коммерческом интересе. Эта ожесточенная борьба, которую я вел в течение 1925 г., очевидно и привела Лопатина к выводу о том, что нужно меня привлечь в его организацию, потому что, как оказалось, значительная часть установок, которые мне так не понравились в Главхлопкоме, были установками вредительскими. И вот в конце 1925 г., или во второй половине, он начал меня обрабатывать. И приблизительно к концу 1925 г. и началу 1926 г. я вполне подошел к его организации.

Крыленко. Вошли во вредительскую организацию в текстильной промышленности?

Ситнин. Да, да.

Крыленко. Которая проводила практическое вредительство — в каких целях?

Ситнин. Видите ли, в 1925 г. и в 1926, я бы сказал, весь 1926 г. я понимал, что цель организации — исключительно вызвать, как говорил А. А. Федотов, неонэп, поправение советской власти, возвращение ее к нэпу в еще больших размерах. Затем постепенно, во второй половине 1926 г. и в 1927 г., стали мелькать нотки о том, что так как советская власть не правеет, то очевидно...

Крыленко. Вам нужно праветь?

Ситнин. Нам нужно праветь, чтобы оказать максимальное сопротивление, что очевидно, если дело так пойдет, советская власть не удержится, и нужно взять установку на свержение.

Крыленко. А как должна была перероской революции с этим вяжется?

Ситнин. Я лично считал все время и в это время считал, что свержение советской власти есть больше желание Лопатина, потому что реальных сил для этого в стране внутри я совершенно не видал. Кроме того, то направление, которое он давал, та вредительская деятельность, которая ведется, приведет только к известному планированию советской власти, т.-е. к неонэпу. Так что я не обращал на это особенного внимания до тех пор, пока не начались разговоры об интервенции, т.-е. о реальной силе, которая может это сделать.

Крыленко. Для меня не ясно следующее. Получается такая вещь: Октябрьскую революцию вы приняли доброжелательно, в практическую работу вошли, с Главхлопкомом из-за задержки хлопка воевали, в этой борьбе столкнулись с целым рядом лиц, в том числе и с Лопатиным, затем, констатируя страстное желание Лопатина свергнуть советскую власть, не видели никаких реальных сил на предмет свержения — и в результате всего этого пришли к соглашению с Лопатиным о свержении советской власти.

Ситнин. Я говорил, что первые разговоры с Лопатиным у нас были относительно неонэпа, что я считал вполне приемлемым.

Крыленко. Но у вас была установка, что бороться за свержение советской власти надо?

Ситнин. Не за свержение советсской власти, а за то, чтобы свернуть ее на этот неонэп.

Крыленко. На путь восстановления капитализма?

Ситнин. Государственного капитализма. Приемлемым мне казался государственный капитализм и свободный средний и мелкий капитализм — то, что фактически было в нэпе. В зависимости от того, что нэп дал результаты оживления, я считал, что это — правильная политика. Так что эти установки Лопатина были для меня вполне приемлемы. Что касается дальнейших установок, я не считал их совершенно реальными.

Крыленко. А когда вы увидели, что они реальны?

Ситнин. Только в 1928 г. после возвращения из-за границы, когда стало ясно, что есть какая-то реальная подготовка за границей и что это не просто разговоры, а что-то, на что можно опереться, т.-е. можно опереться на иностранные державы.

Крыленко. Но вредительскую работу вы начали с 1925 г.?

Ситнин. Да, но эта работа была той, которая должна была стянуть советскую власть с дороги, по которой она шла.

Крыленко. Значит, с этого момента вы начали чинить всяческие препятствия советской власти для того, чтобы проложить путь реставрации капитализма?

Ситнин. Не реставрации капитализма — я достаточно знал рабочих, видел, как они выросли за это время, пока я был близок к массам, чтобы понять, что реставрация капитализма фактически невозможна.
диться советская власть?

Ситнин. На почве государственного капитализма и свободного среднего и мелкого капитала.

Крыленко. А как же принятие Октябрь-

Крыленко. На предмет свободного обращения капитала?

Ситнин. Среднего и мелкого капитала.

Крыленко. Без крупного?

Ситнин. А крупная промышленность должна быть национализирована.

Крыленко. Такова была ваша установка, а затем вы перешли к другой?

Ситнин. Я лично не переходил к другой установке.

Крыленко. А после поездки за границу?

Ситнин. После поездки за границу я убедился, что существует реальная сила, которая может осуществить свержение советской власти, и что те разговоры, которые я слышал в своей группе от Лопатина, не пустые разговоры, что они начинают превращаться во что-то действительное.

Крыленко. После возвращения из-за границы свержение советской власти ставилось для вас как цель?

Ситнин. Я понял, что мы к этому идем, но для меня лично это было тяжелым переживанием, которое не вязалось с внутренним убеждением.

Крыленко. Значит, вы после 1928 г. работали в целях интервенции, в целях помощи интервенции?

Ситнин. Я был в этой группе. Моя работа была фактически настолько невелика и я работал и помогал...

Крыленко. Здесь можно считать уже установленным показаниями всех и в том числе вашими, что в последние два года работа партии бывшего «Инженерно-технического центра» взяла установку на интервенцию и восстановление капитализма путем вооруженного вторжения иностранных армий. Эта установка была вам известна?

Ситнин. Была.

Контрреволюционер... «с душевным прискорбием»

Крыленко. Для подготовки удобных условий для интервенции вы работу осуществляли? Я повторяю, вы работу по текстильной группе для подготовки благоприятных условий интервенции осуществляли?

Ситнин. В известной мере я могу сказать, что помогал.

Крыленко. В известной мере осуществляли. Совершенно ясно, что одной из

основных целей интервенции было свержение советской власти.

Ситнин. Совершенно ясно.

Крыленко. Следовательно, для вас то же самое эта установка, эта цель была ясна. Это была ваша цель?

Ситнин. Она была вынужденной целью.

Крыленко. Что такое вынужденной?

Ситнин. То-есть та цель, в которую я был вовлечен.

Крыленко. С болью душевной?

Ситнин. Совершенно верно, хотя, может быть, и смешно.

Крыленко. Вы констатируете факт, что вы согласились на эту цель с болью душевной, после колебаний. Так или не так?

Председатель. Подсудимый Ситнин. Вам ставят вопрос достаточно ясно. Вы приняли установку на интервенцию или не принимали?

Ситнин. Я считаю, что, поскольку я не вышел из организации, я ее принял, хотя надо сказать, что она являлась для меня больным местом в моей душе. Я не знаю, может быть, это смешно.

Крыленко. Это не смешно.

Ситнин. Но фактически это было так.

Председатель. Суд вообще не склонен смеяться, а в данном случае особенно. Совершенно ясно. Вы приняли интервенционную установку, вы были членом организации, которая эту установку приняла. Но как был вызван у вас внутренний разлад, о котором вы говорили, почему, чем, как?

Ситнин. Потому что, я повторяю, все время я по убеждению своему, во-первых, человек с большим национальным оттенком, любящий свою страну, и я считал, что для России в настоящий период власти, которая может ее двинуть вперед, как страну, как нацию, лучше, чем советская власть, быть не может, потому что я видел поднятие самосознания народа, развитие культуры, я видел, что творится с народом. Я считал, что это самое важное достижение, которое сделала советская власть, и поэтому я считал, что для настоящего времени это наиболее подходящая для народа власть, и как для националиста, для человека, любящего Россию и своих русских людей, я считал, что это для меня наиболее приемлемая власть.

Председатель. Но вы понимали, что основа и цель этой организации, особенно в этот период, это как раз была ставка на интервенцию?

Ситнин. Понимал.

Председатель. Что же вас удерживало тогда в этой организации?

Ситнин. Когда я увидел всю серьезность этого положения, я думал, что я постепенно постараюсь уйти из нее. Я не знал, что мне больше делать.

Председатель. Что вы делали для того, чтобы уйти? Вы принимали на себя какие-нибудь ответственные поручения?

Ситнин. Нет, в 1929 г. никаких ответственных поручений не принимал.

Председатель. Виноват, в 1928 г.?

Ситнин. Установка на интервенцию определилась после поездки за границу.

Председатель. То-есть?

Ситнин. В конце 1928 г., когда я возвратился оттуда.

Председатель. После этого вы принимали на себя какие-нибудь ответственные поручения?

Ситнин. Нет.

Председатель. А до этого принимали?

Ситнин. Принимал.

Председатель. А до этого вы об интервенции слыхали?

Ситнин. Разговоры я слышал, но разговоры не были конкретные, я не считал их существенными. Я считал их проблематическими разговорами.

Председатель. Значит, в 1928 г. до заграницы и после заграницы у вас вопрос стоял об интервенции. Вы знали, что организация стоит на этой платформе, и вы оставались в этой организации. Почему вы не сделали, в таком случае, попытки уйти из организации, если этот основной пункт программы вашей организации был для вас неприемлем? Почему вы не сделали попытки уйти из этой организации, или, может быть, вы делали попытку уйти?

Ситнин. О том, что я очень тяжело переживаю, я говорил с Федотовым. Я говорил, что я тяжело переживаю этот момент, что сейчас установка на интервенцию, что она не вяжется с моим внутренним мировоззрением.

Председатель. Вяжется или не вяжется, но так было и так осталось?

Ситнин. Я не нашел сил порвать.

Председатель. У меня больше нет вопросов (к Крыленко). Есть еще вопросы?

«Раз интервенция, ясна политическая цель»

Крыленко. Перейдем к конкретной работе. Приблизительно с конца 1925 г. вредительская работа вами осуществлялась в группе Лопатина?

Ситнин. Да.

Крыленко. Эту вредительскую работу вы отчетливо сознавали и вели?

Ситнин. Да.

Крыленко. Когда вы ездили за границу?

Ситнин. В 1928 г.

Крыленко. А еще раньше?

Ситнин. В 1924 г. был.

Крыленко. В 1924 г. никого за границей не видели?

Ситнин. Никого.

Крыленко. Вы связь со своим бывшим хозяином поддерживали?

Ситнин. Мои бывшие хозяева в Москве.

Крыленко. Куда вы ездили за границу?

Ситнин. В Германию и Англию, в Берлин и Лондон. В 1928 г. имел командировку в Америку.

Крыленко. Поручение, о котором вы сказали, где вами осуществлялось?

Ситнин. В Париже я виделся с Коноваловым.

Крыленко. Нет, относительно денег?

Ситнин. А деньги в Америке, это было в 1928 г.

Крыленко. Там какой приблизительно процент?

Ситнин. Полпроцента.

Крыленко. Какая сумма?

Ситнин. От 80.000 до 100.000 в год.

Крыленко. В смысле этого куртажа или, выражаясь прямо, взятки, эти деньги между кем были распределены?

Ситнин. Я этим не занимался. Они шли в общий фонд. Я их не мог получить. Я был всего в Америке 2 месяца и только организовал это дело.

Крыленко. К какому времени можно отнести ваше вступление в «Промпартию», или это имело место автоматически?

Ситнин. Автоматически.

Крыленко. Так что вы сейчас категорически все-таки можете подтвердить суду, что вы были членом вредительской организации первого периода и были членом политической организации, назвавшей себя «Промпартией».

Ситнин. Того, что «Промпартия» имеет такой характер, как выяснилось на следствии, я не знал. То, что она имеет, как сказано в обвинительном акте, такие функции, что она является шпионской агентурой иностранных правительств,— это мне не было известно. Об этом я узнал во время следствия, на суде.

Крыленко. Политические цели и программа были известны?

Ситнин. Что ж, политические цели! Раз интервенция, тут ясна политическая цель.

Крыленко. Так что тот факт, что она превратилась в политическую партию, называла себя таковой, вам был известен?

Ситнин. Резкая надобность в том, чтобы «Промпартия» превратилась в политическую, мне не казалась необходимой.

Крыленко. Вы встречу с Куприяновым, Лопатиным, Нольде, Федотовым и др. в 1929 г. имели, когда это была совершенно определившаяся группа, и фактически работу продолжали?

Ситнин. Я не отрицаю, что политические цели были ясны.

Крыленко. Вам не может быть неизвестно, что в 1928, 1929 и 1930 гг. «Промпартия» имела уже определенную политическую установку, определенный политический характер.

Ситнин. Я этого не отрицаю.

Крыленко. Вы в организации продолжали состоять?

Ситнин. Да, продолжал.

«Любитель старых монет»

Крыленко. Будьте любезны сказать, вы жили все время только на жалованье?

Ситнин. Да.

Крыленко. Уже когда были в союзе с вредителями?

Ситнин. Да.

Крыленко. Приблизительно сколько вы зарабатывали?

Ситнин. Последнее жалованье у меня было 550 руб.

Крыленко. И это был единственный источник вашего существования?

Ситнин. Да.

Крыленко. Других источников у вас не было?

Ситнин. Последние четыре месяца я стал читать лекции по технологии прядильного дела в институте.

Крыленко. А никаких побочных доходов у вас не было?

Ситнин. Я не понимаю, каких «побочных доходов».

Крыленко. Не непосредственно получаемых по службе.

Председатель. Литературный заработок вы имели?

Ситнин. Очень мало.

Крыленко. А кроме всех этих заработков?

Ситнин. Ничего.

Крыленко. Вы не любитель старых монет?

Ситнин. Нет.

Крыленко. Не собирали?

Ситнин. Нет.

Крыленко. И золотые монеты тоже не любите?

Ситнин (м о л ч и т).

Крыленко. Собирать золотые монеты не любите?

Ситнин. Может быть, вы все-таки яснее поставите вопрос. Я не понимаю.

Крыленко. Вы не любите собирать старые монеты?

Председатель. Вопрос стоит так: собирали ли вы старые золотые монеты?

Ситнин. Нет, не собирал.

Крыленко. Скажите, пожалуйста, у вас в квартире ничего не нашли?

Ситнин. Ничего.

Крыленко. И золотых монет не нашли?

Ситнин. В квартире не нашли.

Крыленко. А где нашли?

Ситнин. Я просто сдал их сам.

Крыленко. Когда сдали, кому и почему?

Ситнин. Сдал в ГПУ.

Крыленко. Сколько?

Ситнин. Около семи с половиной тысяч рублей. (В з а л е ш у м).

Председатель. Прошу успокоиться.

Крыленко. Скажите, откуда у вас столько золотых монет?

Ситнин (м о л ч и т).

Председатель. А какой чеканки? Дореволюционной?

Ситнин. Да, дореволюционной.
Председатель. Русской чеканки?
Ситнин. Да, старой чеканки.
Крыленко. Сколько штук там было?
Ситнин. Приблизительно на 7 тыс. руб.
Крыленко. На 7.532 руб. Скажите, пожалуйста, откуда они у вас?

Взятки от частников

Ситнин. Они были вот откуда: во время начала нэпа, в 1922 г., когда создалась такая вакханалия в частной торговле, после того обнищания, которое было, во многих трестах, в том числе и Тверском, возникло стремление взять известный куртаж для того, чтобы поддержать технический персонал.
Крыленко. У вас была тенденция иметь побочный доход?
Ситнин. Это был один период в течение полугода.
Крыленко. Один такой период был?
Ситнин. Да.
Крыленко. Вы получали куртаж, скупали золотые монеты? Каким путем получали золото?
Ситнин. Почему именно золото, а не червонцы?
Крыленко. Во-первых, почему золото, а во-вторых — каким путем?
Ситнин. После получения отчислений от частника, который покупал мануфактуру в тресте.
Крыленко. Частник покупал мануфактуру, а вы продавали мануфактуру?
Ситнин. Не я, трест продавал частнику мануфактуру.
Крыленко. Какое вы имели отношение к продаже?
Ситнин. Я был членом правления, а вся тверская группа это делала.
Крыленко. Вы, как член правления, занимались продажей мануфактуры частнику и получали куртаж, при чем предпочитали оный куртаж получать в золотых монетах?
Ситнин. Я не помню, почему. Не помню, была ли твердая червонная валюта, почему я стал просить превращать в золото.
Крыленко. По существу это была взятка от частника?
Ситнин. По существу, да.
Крыленко. Члену правления Текстильного синдиката?
Ситнин. Это было в тресте.
Крыленко. Члену правления текстильного треста за отпуск мануфактуры частнику. Вы отпускали мануфактуру частнику легальным путем?
Ситнин. Совершенно легально.
Крыленко. Так частнику и отдавали?
Ситнин. Тогда только частнику можно было продавать. Никого другого больше не было.
Председатель. Почему от частника вы получали золотую монету, а не советские знаки?
Ситнин. Получал обычно в советских знаках, но так как советские знаки не были твердой валютой...
Председатель. Почему вы предпочитали от частника получать взятки не советскими знаками, а золотыми дореволюционными монетами?
Ситнин. Просто потому, что эти деньги являлись такими, которые в моем представлении... Поскольку эти деньги должны были остаться на черный день...
Председатель. Деньги в золотых монетах могли рассматриваться как более прочная валюта?
Ситнин. Да, для того, чтобы их хранить.
Председатель. Можно и советские деньги хранить.
Ситнин. Да.
Председатель. Вы предпочитали хранить не советскими знаками, а золотой монетой?
Ситнин. Тогда червонца не было, была падающая валюта.
Председатель. Вы хотели иметь не падающую валюту, а эта не падающая валюта была в золоте, и поэтому вы золото предпочитали советским знакам?
Ситнин. Да.
Председатель. Вы, что же, условия ставили частнику, что куртаж должен быть дан в золотой валюте?
Ситнин. Я не один это делал. Делал торговый отдел, получал деньги и обращал в золото.
Председатель. Может быть, скупали золото на деньги, которые получали?
Ситнин. Я лично не скупал. Тогда была свободная биржа. Это делали так: скажешь — нужно сделать в золоте, и делали в золоте.
Председатель. Очевидно, у вас была агентура, которая скупала золото?
Ситнин. Этого не было.
Председатель. Не у вас, а в отделе?
Ситнин. Так выходит.
Крыленко. Была специальная организация для обмена советских денег?
Ситнин. Был агент, он мог это делать совершенно свободно.
Крыленко. Значит, агент правления текстильного треста шел по вашему поручению и производил обмен?
Ситнин. Не по моему поручению. Это делалось в Москве, а правление было в Твери.
Крыленко. Тогда разрешите: вы посылали специально из Твери в Москву это проделывать?
Ситнин. Нет, деньги большей частью получались в Москве, и управляющий московской конторой это делал.
Крыленко. В качестве доверенного лица у вас был управляющий московской конторой треста?
Ситнин. Да.
Крыленко. И он это проделывал?
Ситнин. Да.
Крыленко. И вам направлял?

Ситнин. Да.

Крыленко. Ну, теперь это ясно.

Председатель (к Крыленко). У вас есть еще вопросы?

Крыленко. Нет, совершенно достаточно.

В какой же «Промпартии» участвовал Ситнин?

Председатель. Подсудимый Ситнин, скажите, пожалуйста, сейчас вы сообщили в виде ответа на вопрос государственного обвинителя, что вы — член «Промпартии». Правильно я вас понял?

Ситнин. Да.

Председатель. Между тем, когда вам было пред'явлено следователем по важнейшим делам при прокуроре республики тов. Левентоном следственное производство, вы заявили, что не знали о существовании этой «Промпартии».

Ситнин. Да.

Председатель. Значит, вы тогда показали неправду?

Ситнин. Я тогда впервые увидел во всей полноте картину работы «Промпартии», и меня это так ошеломило, что я сказал, что в «такой» «Промпартии» я не участвовал.

Председатель. А теперь вы убедились, что в «такой» участвовали?

Ситнин. Да.

Председатель. Вы говорили, что не знали о стремлении создать благоприятные условия для интервенции?

Ситнин. Это какое-то недоразумение. Я в ГПУ давал показания, что был в заграничной командировке, говорил с Федотовым и знал директивы. Это просто обмолвка, это не вяжется с предыдущими показаниями.

Председатель. Я вам пред'явлю это дело. Подойдите поближе, пожалуйста.

Ситнин. Я охотно верю, но так как не я писал эти показания, эта фраза могла проскользнуть.

Председатель. Это ваша подпись? (Показывает дело).

Ситнин. Моя.

Председатель. Я прочту, что вы говорили.

«Я виновным себя признаю, однако, лишь в том, что я состоял членом текстильной вредительской организации, руководившейся Федотовым, однако я не знал о существовании «Промышленной партии», равно как и не знал о стремлении ее создать благоприятные условия для намеченной против СССР интервенции в 1930 г. или в 1931 г.».

Это неточно написано?

Ситнин. Да.

Председатель. Вы знали уже о том, что «Промпартия» и ваша группа ставили задачей подготовить благоприятные условия для интервенции?

Ситнин. Да, но я был так ошеломлен всем рассказанным, что не обратил внимания на эту фразу. Я в показаниях ГПУ говорил, что это мне известно.

Председатель. Но у вас есть оговорка: «Однако я не знал о существовании «Промышленной партии», равно как и не знал о стремлении ее создать благоприятные условия для намеченной против СССР интервенции в 1930 г. или в 1931 г.». Значит, вы отказались признать это обвинение, а сейчас это обвинение на гласном суде признаете?

Ситнин. Да, я участвовал в «Промпартии» и точно так же знал об интервенции.

Председатель. Значит, в этой части это неточно?

Ситнин. Да.

Трактовка взятки

Председатель. У защиты вопросы имеются?

Оцеп. Вы признаете себя виновным во взятке, которая имела место в 1922 г.?

Ситнин. Да.

Оцеп. Вы признаете себя виновным во вредительстве?

Ситнин. Да.

Оцеп. Скажите, в чем конкретно на протяжении периода 1925—27 гг. выразилось ваше вредительство? Или, может быть, я так поставлю вопрос: выразилось ли оно в конкретных действиях, наносящих ущерб, подрыв, вред в области плановой, в области промышленной, в области производственной, или к этим областям вы не имели отношения?

Ситнин. Нет, к этим областям я не имел отношения.

Оцеп. А в чем вы вредительство признавали и сейчас признаете, — и в стадии следствия, и здесь на суде, — в каких формах?

Ситнин. Мое вредительство заключалось в том, что я, будучи наблюдающим за хлопкоснабжением текстильной промышленности, зная о том, что в Главхлопкоме—органе, снабжающем текстильную промышленность, обстоит не все благополучно, зная о том, какие там вредительские действия проводились, этим действиям не препятствовал. Это было в течение всего времени, пока я наблюдал за хлопкоснабжением.

Оцеп. Значит, знали, но не препятствовали, т. е., в переводе на юридический язык, попустительствовали.

Ситнин. Очевидно, так. А затем этот куртаж.

Оцеп. В связи с получением так называемого куртажа прав ли государственный обвинитель, который квалифицирует это как взятку, или вы рассматривали эту сумму немного иначе?

Председатель (к Оцепу). Виноват, так нельзя формулировать вопрос: прав ли прокурор, который квалифицирует это как взятку. Подсудимый может рассматривать свои действия иначе, чем взятку, это его дело; но прокурор квалифицирует это как взятку, и проверять эту квалификацию подсудимый не в праве.

Оцеп. Тогда разрешите вопрос поставить так: взятка ли эта сумма, по-вашему, или вы иначе ее трактовали?

Ситнин. Если понимать взятку, что я это делал из корыстных целей для себя, то, конечно, нет; но если понимать, что это должно было, если понимать, что это должно было — ну, скажем, переплачиваться, то это была взятка. Я не знаю, не умею точно формулировать.

Оцеп. Оказывали ли вы какие-либо льготы, какое-либо содействие данному иностранному контрагенту Хлопкома, от которого вы покупали хлопок и от которого вы получали отчисления до полупроцента, или никаких нелегальных содействий не оказывали, а только получали известный процент?

Ситнин. Конечно, могло быть так, что этим фирмам могло делаться некоторое послабление.

Оцеп. Значит, за известную полученную сумму могло быть послабление и с вашей стороны и с их стороны?

Крыленко. Более легкая приемка?

Ситнин. Да.

Председатель. Вы слышали, защитник Оцеп, подсудимый Ситнин говорит, что за ту сумму, которую он получил в виде куртажа, он обеспечивал более легкую приемку товаров. (К Ситнину). Так я вас понял?

Ситнин. Я не обеспечивал, но сдатчик товара ожидал, что это будет, и я с этим считался.

Председатель. Т.-е., иначе говоря, вам давали для того, чтобы была более легкая приемка?

Ситнин. Открытой договоренности не было, да этого и не бывает никогда; это базируется на том, что будет большее предпочтение данной фирме, что мы вступим в такие отношения, которые дадут этим фирмам право пред'являть какие-то требования.

Председатель. Вам известна 117 ст. Уголовного кодекса? Вы с Уголовным кодексом вообще знакомы?

Ситнин. Нет.

Председатель. Я вам эту статью оглашу, а вы скажите — подходит ваше действие к 117 статье или не подходит. Может быть, это раз'яснит недоразумение.

Ситнин. Я об'яснил это достаточно откровенно.

Председатель. Тогда позвольте вас просить ответить на вопрос защитника Оцепа, как он был поставлен: считали ли вы это взяткой или не считали?

Ситнин. Я об'яснил то, что из этого последовало. Как квалифицировать, может быть, взятка — я не знаю. Название к этому прилепить для меня чрезвычайно трудно.

Председатель. Защитник Оцеп, вы удовлетворены этим ответом?

Оцеп. Да. Позвольте перейти к другому. Теперь относительно программы «Промышленной партии». Вы ответили на вопрос председателя, что вы знали эту программу в части интервенции, она была для вас бесспорной в определенный момент, а во всей остальной части вы не знали этой программы. Так я вас понял?

Ситнин. Да.

Оцеп. Вы никакого отношения не имели к тем, от кого зависели директивы о шпионской работе, которые давались «партией»?

Ситнин. Не имел.

Оцеп. Вы сказали, что у вас начался перелом в ваших отношениях к интервенции, но внешне вы не отходили от «партии». С какого примерно периода начался у вас внутренний перелом и отход от активной интервентской работы?

Ситнин. С тех пор, как я узнал о том, что интервенция является реальной возможностью.

Оцеп. Как это датировать?

Ситнин. Я датирую началом 1929 г.

Оцеп. Начало 1929 г. Значит, активно сочувствующим или просто сочувствующим интервенции вы были в течение какого периода? Узнали вы в 1928 году в Париже, в половине 1929 г. был ваш отход, примерно промежуток в несколько месяцев у вас был?

Ситнин. Сочувствующим интервенции я не был никогда, но когда я считал, что это является проблематичным вопросом, я не обращал на него внимания, не считался с ним. Когда же я узнал, что это является реальным, тогда у меня начал происходить перелом.

Оцеп. Значит, позвольте установить перед судом, что вы знали, что интервенция становится активной и реальной, знали, что такую цель ставит «Промпартия», но сами лично внутренней симпати не проявляли и никаких активных действий в сторону содействия интервенции не допускали.

Ситнин. Если не считаться с тем, что продолжалось то, что я говорил, т. е. в середине 1929 г., пока я был близок к хлопковому делу, я содействовал тому, что проходили вот эти хлопковые операции.

Оцеп. Теперь позвольте поставить такой вопрос: как вы рассматривали эти операции? Они по сути своей являются вредительскими. Мы выяснили, что в некоторый период вредительство было условием толкания власти в сторону поправения. Вы это делали. Но в 1927 г. была обусловлена интервенция. Вы исповедовали какой-нибудь из этих двух видов вредительства?

Ситнин. Я говорил, что поскольку у меня не было сочувствия в душе к интервенции, постольку я стоял за то, что все это вредительство является толканием на поправение.

Оцеп. И это было частью личной вашей программы?

Ситнин. Да.

Оцеп. Затем последний вопрос. Вы интересовались вообще историей, политической экономией, марксизмом или эта сфера мысли проходила мимо вас и вы являлись узким специалистом?

Ситнин. Да, я являлся узким специалистом.

Оцеп. У меня больше нет вопросов.

Председатель. Один вопрос надо уточнить. Вы говорите, что об интервенции вы узнали в 1929 г. во всей полноте и точности.

Ситнин. Да, к концу 1928 года.

Председатель. Виноват. Значит, после вашего возвращения из-за границы. А когда вы вернулись из-за границы?

Ситнин. Во второй половине 1927 г.

Председатель. В это время вы знали точно?

Ситнин. Это было в ноябре 1928 г.

Председатель. Значит, надо говорить о 1928 г.

Ситнин. Если вы хотите...

Председатель. Не потому, что я хочу, а потому, что так выходит по календарю.

У защиты есть вопросы? (Нет). У прокуратуры есть вопросы?

Крыленко. У меня итоговых несколько вопросов.

Вы считаете, что вы были вредителем?

Ситнин. Был.

Крыленко. Об интервенции знали?

Ситнин. Знал.

Крыленко. Ей помогали?

Ситнин. Помогал.

Крыленко. Больше нет вопросов.

Председатель. У подсудимых имеются какие-нибудь вопросы к подсудимому Ситнину? (Нет).

Об'является перерыв до завтра, до 1[illegible] часов утра.

30 ноября

Утреннее заседание

Председатель. Заседание Специального присутствия Верховного суда Союза ССР возобновляется.

Переходим к следующему эпизоду — «Торгпрому» и всем вопросам, связанным с этой фирмой. Подсудимый Рамзин.

Обвинению угодно задавать вопросы?

Связи с бывшими промышленниками

Крыленко. Первые сведения ваши о связи отдельных работников аппарата ВСНХ, Госплана и отдельных промышленных предприятий с бывшими промышленниками — откуда они у вас, кто вам сообщал первые сведения о «Торгпроме», кончая вашим первым свиданием с Рябушинским в 1927 г. Прошу рассказать возможно точнее.

Рамзин. Первые сведения относительно «Торгпрома» и связи с ним мною были получены после моего вступления в «Инженерный центр», т. е. в первой половине 1927 года, от двух источников—от Пальчинского и от Хренникова. При беседах с Пальчинским он указывал на существование организации бывших русских промышленников в Париже и относительно той связи, которая с этой организацией уже установлена. При чем, насколько я вспоминаю, первая связь была установлена по линии текстильной промышленности, а именно связь имелась у Лопатина, а затем у Федотова. Вот те сведения, которые я получил от Пальчинского.

В то же время я получил известие относительно существования «Торгпрома» и наличия связи с ним и от Хренникова. Таким образом, уже во время моего вступления в «Инженерный центр» эта связь существовала у Пальчинского, затем у Хренникова, затем у Федотова и у Лопатина.

Крыленко. Вы говорите, что Хренников и Пальчинский были двумя источниками. Они вам конкретно указывали какие-нибудь лица, с которыми они имеют связь?

Рамзин. Пальчинский указывал на Мещерского, с которым лично поддерживал связь, а Хренников говорил о Мещерском и о Рябушинском.

Крыленко. Вам было в то время известно (сейчас вам, вероятно, известно) относительно выступления Пальчинского в клубе горных деятелей с предложением о связи с бывшими промышленниками?

Рамзин. Я не был в клубе горных деятелей и это сообщение мне было неизвестно.

Крыленко. О тех специальных связях, которые у него имелись, и о тех выступлениях, которые делал Пальчинский в клубе горных деятелей по части связи с золото-платиновой промышленностью и цветной металлургией, — эта сторона не была вам известна?

Рамзин. Начальный период деятельности «Инженерного центра» мне известен очень мало, лишь по последующим сообщениям. Начальный период осветить в достаточной мере я не могу. Я вспоминаю, что не то в начале 1927 г., не то позже мне сообщали о связи металлургии с Урквартом. При чем указывали, что связь с Урквартом имеет Федорович.

Крыленко. Вам было известно о тех связях, которые поддерживал Хренников во время своих заграничных поездок?

Рамзин. Хренников был в 1927 г. в заграничной поездке.

Крыленко. В какой половине 1927 г. первой или второй?

Рамзин. Он уехал раньше меня и вернулся, когда я был за границей.

Крыленко. До этого вам о связях было неизвестно?

Рамзин. Не могу сказать.

Крыленко. Связи, которые он устанавливал, точно вам были неизвестны?

Рамзин. Известны только по тем сообщениям, которые я слышал после возвращения из поездки за границу.

Крыленко. Связи, которые поддерживали наши бывшие промышленники и

бывшие руководители наших предприятий по линии золото-платиновой промышленности и цветной металлургии с Урквартом, не были известны?

Рамзин. Мне было известно относительно связи Федоровича с Урквартом.

Крыленко. А относительно связи с Гляссом?

Рамзин. Об этом я узнал только во время следствия.

Крыленко. А о Леспке, Иванове по цветной металлургии вам не было известно?

Рамзин. Нет, не было известно.

Крыленко. Связи, которые поддерживали многие обвиняемые по шахтинскому процессу, вам также не были известны?

Рамзин. Была известна связь Рабиновича с Дворжанчиком. Об этом докладывали на первом заседании ЦК.

Крыленко. А о Соколове?

Рамзин. Бывшем секретаре съезда горнопромышленников?

Крыленко. Да.

Рамзин. В тот период, насколько я вспоминаю, мне было неизвестно.

Крыленко. В момент, когда вы были включены в большую цепь связей, связи по отдельным отраслям промышленности вам были неизвестны?

Рамзин. Да.

Крыленко. Так вот, когда они вас посвящали в связи, так вы говорите? (Рамзин: «Да»). Какие они вам связи указали?

Рамзин. Конкретные связи — я перечислю — были, как я помню, у Пальчинского с Мещерским; наиболее тесная и постоянная связь у Хренникова с Мещерским и Рябушинским; у Федоровича с Урквартом и у Рабиновича с Дворжанчиком. Вот те связи, которые в тот период мне были известны.

Крыленко. В 1927 г. вы поехали в первый раз за границу?

Рамзин. Нет, не в первый. Я после революции был за границей в 1922 г. и затем в 1924 г.

Крыленко. Нет, в этот период, когда вы входили в организацию, то эта поездка была в первый раз?

Рамзин. Да, это в первый раз.

Крыленко. От кого вы получили это поручение связаться с Рябушинским?

Рамзин. Это поручение связаться с Рябушинским я получил от Пальчинского и от Хренникова.

Крыленко. Может быть, конкретно изложите, какого характера были даны поручения?

Три категории поручений

Рамзин. Поручения, которые мне были даны перед от'ездом за границу в совместном разговоре с Пальчинским и Хренниковым, разговоре, который имел место в ВСНХ, в кабинете у Хренникова, сводились: во-первых, к обсуждению основных положений политической программы, которая в то время обсуждалась в центре и в основных контурах уже наметилась. При чем главным образом мне было поручено выяснить в «Торгпроме» через Рябушинского относительно формы акционирования предприятий, их обезличивания и некоторые другие вопросы, касающиеся общеполитической программы. Это было первое задание.

Второе задание — выяснить относительно тех данных по части организации интервенции, которые к этому моменту я мог бы получить дополнительно в «Торгпроме». Это было второе задание.

И затем третье задание — выяснить общие и новые директивы, если бы «Торгпром» мог их мне дать.

Крыленко. Три категории поручений? (Рамзин: «Да»). Первая категория — это вопросы программы? (Рамзин: «Да»). Вторая категория — конкретная информация об интервенции? (Рамзин: «Да»). И третья категория — новые, практического характера, указания? (Рамзин: «Да, директивные указания»).

А к этому моменту вопросы программы были уже ясны или находились в стадии выяснения?

Рамзин. К этому времени вопросы программы находились еще в стадии обсуждения, но основные позиции намечались уже в то время. В частности, наибольшие затруднения...

Крыленко. Технически как была обставлена встреча?

Рамзин. Перед моим от'ездом из Москвы мне, я сейчас не помню точно, или Пальчинский или Хренников дали адрес «Торгпрома», по которому я мог бы связаться с Рябушинским по приезде в Париж. Я ехал в 1927 г. в Америку, в заграничную командировку, и в Париже должен был задержаться лишь с целью получения американской визы. Предполагалось вначале, что я пробуду в Париже недели полторы—две. На самом деле выдача визы задержалась, и я пробыл в Париже больше 3 недель.

После моего приезда в Париж я написал письмо Рябушинскому с указанием, что я приехал и имею поручение переговорить с ним от имени Пальчинского и Хренникова.

Встреча с Рябушинским

Крыленко. Позвонили по телефону?

Рамзин. Написал письмо по тому адресу, который мне был дан, с просьбой со мной связаться и указав, что я остановился в отеле «Д'Англетер», с просьбой позвонить, чтобы сговориться окончательно о времени и способе встречи. При чем, так как я в этот период моих связей с белоэмигрантскими кругами был чрезвычайно осторожен, я написал, что мне нежелательна встреча у него на квартире или в помещении «Торгпрома», потому что мое посещение в его квартире или в конторе могло вызвать подозрения и ме-

ня могли выследить в Париже. Поэтому я предложил самое удобное встретиться в автомобиле во время поездки по городу. Через некоторое время, не помню точно, примерно через неделю, ко мне позвонил Рябушинский и сказал, что получил мое письмо, тут мы договорились о дне свидания. Я указал, чтобы автомобиль был за мной прислан и ждал меня в конце той улицы, где находился отель; при чем шофер должен был держать в руках русскую газету, как я помню, «Руль».

Условия были соблюдены. Я действительно встретил машину закрытую. Затем сел в эту машину и мы поехали в кафе, не помню в какое, но уже по линии бульваров. Там шофер остановился и в машину сел Рябушинский. После этого продолжалась у нас поездка по улицам и паркам Парижа (маршрута я не помню точно), в течение которой происходил разговор, который занял часа полтора.

Во время этой поездки в автомобиле я и исполнил то поручение, которое мне было дано относительно выяснения вопросов, касающихся этих трех пунктов.

Крыленко. Мы сейчас перейдем к ним конкретно, но скажите сначала, были ли у вас до этой поездки сведения от Хренникова об интервенции?

Рамзин. Сведения относительно интервенции уже были в «Инженерном центре» значительно раньше, вероятно, с самого начала организации, т. е. в тот период, когда я не принимал участия. Как я указывал в своих первых показаниях и в показаниях на суде, при моем вовлечении в «Инженерный центр», с самого начала мне было указано, что контрреволюционный переворот и свержение советской власти являются совершенно реальными, потому что интервенция подготовляется за границей. Так что я с момента вступления в «Инженерный центр» был в курсе этого.

Крыленко. В этот момент вы с ними говорили по вопросам программным (вы об этом уже рассказывали), вы, кажется, договорились довольно скоро?

Рамзин. По вопросам программным в этот момент значительных расхождений не было. Вопрос акционирования предприятий был коренным пунктом. Вопрос относительно буржуазно-демократической республики не встречал возражений. Лишь вопрос относительно земельной политики не был еще полностью согласован — это вопрос относительно закрепления земли за крестьянами и полного отказа от какого бы то ни было возврата земли, хотя бы в небольших размерах, прежним владельцам.

Этот вопрос вызвал если не сомнение, то во всяком случае Рябушинский ответил, что не может дать ответа, потому что этот вопрос для «Торгпрома» не совсем ясен, при чем он указывал, что на этой почве имеются в среде белоэмиграции расхождения: имеется группа, которая настаивает на возврате, хотя бы частичном, а промышленная группа считает это неправильным, так как это вызовет большие волнения в крестьянских массах. Поэтому по политическим мотивам промышленная группа считала это невозможным. Таким образом, полной договоренности в земельном вопросе не было. Коренным пунктом был пункт относительно акционирования.

Крыленко. Теперь коснитесь, пожалуйста, второго вопроса — относительно интервенции.

«Торгпром» ведет переговоры с французскими правящими кругами

Рамзин. Относительно организации интервенции в этот период Рябушинский мне сообщил, что «Торгпром» ведет соответствующие переговоры с французскими правящими кругами. При чем он сказал, что в этих переговорах он пользуется поддержкой Лушера, входившего раньше в состав французского кабинета, имеет его поддержку и что в ближайшее время надо будет конкретно говорить относительно форм помощи Франции, а также участия Англии и других стран. Но конкретного плана интервенции не было. Это свидание происходило в августе. Рябушинский сказал, что имеются надежды осуществить интервенцию в будущем 1928 г. Правда, это не было сказано в резкой, определенной форме, а в форме предположений и надежд.

Так что те сведения, которые я получил в эту поездку, не отличаются полной конкретностью и определенностью, но во всяком случае у меня создалось определенное впечатление, что «Торгпром», белоэмигрантские круги и французские круги вступили в контакт и что имеются определенные деловые разговоры относительно подготовки интервенции, и что налицо также сочувственное отношение французских кругов.

Крыленко. Тут что важно установить в этот период? Важно установить, какое было в 1927 г. взаимоотношение трех основных сил, согласованную деятельность которых мы разбирали сейчас, — именно «Торгпром», контрреволюционная организация «Промпартия» и французские правящие сферы, правящие круги. Одна сила в виде контрреволюционной организации «Промпартии» как действующая сила в этот момент видимо не действовала?

Рамзин. Нет, не действовала.

Крыленко. Она, судя по вашим сообщениям, информируется или ее информируют?

Рамзин. Она занимает в это время выжидательную позицию.

Крыленко. Но задачу интервенции, как ведущую в этот период, «Промпартия» не ставила или ставила? Конкретно?

Рамзин. Интервенция уже к моему от'езду ставилась как определенное средство и способ.

Крыленко. Но конкретно?

Рамзин. Но конкретно в смысле организации интервенции как таковой «Промпартия» или «Инженерный центр» еще ничего не сделал.

Крыленко. Как это не сделал? Он вообще представлял себе положение. Но конкретно, при расположении своих тактических действий он на интервенцию делал упор или нет — в этот период?

Рамзин. Я говорил, что вся ставка шла на интервенцию, но в смысле практической организации этой интервенции за границей.

Крыленко. Нас интересует не общее согласование. Нас интересует конкретная связь в каждый отдельный момент между этими тремя слагаемыми. Вы были в этот момент одним из слагаемых — «Промпартия». И вот не приходится ее учитывать как действующую силу по подготовке интервенции или приходится?

Рамзин. Нет, как действующую силу не приходится в этот момент учитывать.

Крыленко. А «Торгпром»?

Рамзин. Позиция «Торгпрома» в этот момент для меня представлялась не вполне ясной. С одной стороны «Торгпром» как будто бы сам стремился к скорейшей организации интервенции и делал соответствующие шаги в этом направлении, но с другой стороны в среде «Торгпрома», повидимому в значительной части «Торгпрома», имелись значительные колебания в смысле срока интервенции. Известная часть прежних промышленников держалась в то время такой точки зрения, что необходимо выждать еще, пока их предприятия могли бы быть лучше оборудованы, лучше и сильнее восстановлены за счет советского правительства, и потом уже подходить к активным действиям в смысле захвата.

Крыленко. Когда вы получили эти сведения — в этот момент или независимо от этого?

Рамзин. Во-первых, во время свидания с Рябушинским у меня создалось такое впечатление, потому что Рябушинский при своем свидании со мной, когда он говорил о 1928 г., как о сроке интервенции, сказал, что этот срок не является жестко-фиксированным, потому что «Торгпром» имеет еще некоторые сомнения о возможности подготовить интервенцию к этому моменту. Во-вторых, стоял вопрос о целесообразности интервенции или о ее нецелесообразности в это время. Кроме того, информацию такого же характера, насколько я помню, давал и Хренников на основании своей заграничной поездки в 1927 г.

Крыленко. А какова была позиция правящих кругов в этом отношении?

Рамзин. Несомненно, что в этот момент, пожалуй, наиболее инициативной силой, которая будировала этот вопрос и известным образом производила давление, являлись французские правящие круги, в большей даже мере, чем «Торгпром».

Крыленко. Даже больше, чем «Торгпром»? А скажите, пожалуйста, конкретно — в этот момент план, вопросы методов подготовки, самой программы ставились или не ставились?

Рамзин. Они ставились. Следующий раздел моего разговора с Рябушинским именно касался этой части.

Он указывал, что те разговоры, которые он вел с французскими правящими кругами, убедили его и «Торгпром» в том, что для того, чтобы форсировать организацию интервенции, ее осуществление, необходимо внутри страны произвести соответствующую подготовку. Такая внутренняя подготовка внутри страны ставится непременным и обязательным условием для скорой и успешной организации интервенции извне. Причем тогда рисовалось, что подготовка внутри страны может быть сделана достаточно быстро, и основной результат, который ожидается от этой подготовки, это — возбуждение недовольства в широких кругах населения и создание экономических затруднений, которые могли бы облегчить почву для интервенции. Так что в этом первом разговоре с Рябушинским эта сторона дела усиленно и ярко подчеркивалась как то задание, которое в этом отношении дается «Промпартии» или «Инженерному центру» со стороны «Торгпрома» и французских кругов.

Председатель. Это все было в каком периоде точно — в 1928 г. или 1927 г.?

Рамзин. Я рассказываю о первом свидании с Рябушинским в 1927 г.

Крыленко. Какая была третья категория вопросов, которая была в этих разговорах?

Господин К. выступает на сцену

Рамзин. Третья категория вопросов — это были вопросы установления постоянной связи с «Торгпромом», которую впервые я, например, лично и получил после этого свидания с Рябушинским.

Крыленко. Через кого?

Рамзин. Сейчас я расскажу. До сего времени у меня лично прямых связей с заграницей не было. После этой поездки я получил лично уже прямую связь, которая в дальнейшем удерживалась до самого конца деятельности «Промпартии». Во время этого свидания Рябушинский указал, что необходимо будет осуществить постоянную и надежную связь между ними и «Промпартией», и указал мне на г. К. — одного из агентов французской службы в Москве, через которого можно будет установить связь. Я сейчас не помню, известно ли было тогда Рябушинскому, или во всяком случае, сказал ли он относительно знакомства г. К. с Пальчинским. Я сейчас не ручаюсь — было го-

ворено об этом или нет, но я познакомился с К. через Пальчинского.

Крыленко. Имя К. вы узнали после этого?

Рамзин. Я узнал в 1927 г., при чем было установлено, что г. К. в Москве после моего возвращения из-за границы тем или иным способом меня найдет и вступит в связь.

Крыленко. Когда вы вернулись?

Рамзин. Я вернулся в декабре 1927 г.

Крыленко. Эти сведения были вами переданы?

Рамзин. Когда я приехал, я передал полученные мною сведения.

Крыленко. Можно в порядке упрощения дополнить вопросами подсудимому Калинникову?

Председатель. Подсудимый Калинников.

Крыленко. Скажите, то сообщение о соотношении этих трех сил, о которых говорил сейчас Рамзин, оно было вам известно?

Калинников. Во второй половине 1927 г. Хренников, уже возвратившись из-за границы, рассказывал о том, что действительно инициатива уже определилась за французским правительством. Торгпромовцы колебались по экономическим соображениям. Им было неясно, выгодно ли сейчас подготовляться к интервенции или выгоднее выжидать, чтобы получить предприятия более реконструированные.

Крыленко. Это было в 1927 г.?

Калинников. Да.

Крыленко. Какой срок устанавливался?

Калинников. Назывался 1928 г. Относительно срока я от Хренникова определенных сведений не имел.

Крыленко. Вы сообщаете, что такого же рода сообщение вы имели от Федотова?

Калинников. Я ошибся, от Федотова я сообщения не имел.

Крыленко. Федотов был тогда за границей?

Калинников. Тогда он не был за границей, так что это сообщение — ошибка.

Крыленко. Таким образом, ваша ссылка неправильная?

Калинников. Это я сделал ошибку.

Крыленко. Теперь будьте любезны сказать: по сообщению Хренникова, — я проверяю показания Рамзина о Хренникове, — как стоял вопрос конкретизации плана интервенции?

Калинников. В это время к вопросу конкретизации плана не подходили определенно.

Крыленко. А как ставился вопрос в разработке тактических шагов «Промпартии»?

Калинников. Еще меньше конкретизации было в «Промпартии». К этому вопросу тогда определенно не подходили.

Председатель. Больше вопросов к Калинникову не имеется? Подсудимый Калинников, вы можете сесть.

Крыленко. Скажите, пожалуйста, подсудимый Рамзин, вы до тех пор никогда не видели Рябушинского?

Рамзин. Того Рябушинского, с которым я встретился в Париже, или вообще кого-нибудь из Рябушинских? Рябушинских очень много. Одного из них, Сергея Павловича Рябушинского, я знал по постройке станции в Вышнем-Волочке, которую проектировал профессор Гриневецкий, а я как доцент делал чертежи. Остальных Рябушинских я никогда до революции не видел.

Крыленко. А кто остальные?

Рамзин. Я всех не могу перечислить, их человек 6—7.

Крыленко. А вот с кем вы беседовали?

Рамзин. В имени Рябушинского, с которым я беседовал, у меня полной уверенности не имеется — Петр или Владимир. На основании тех сообщений, которые я имею, я уверен, что это был Владимир.

Крыленко. А почему уверены?

Рамзин. Потому, что текстильщики, которые в курсе генеалогии промышленных кругов, считают, что это, вернее всего, Владимир. Я могу, примерно, его наружность описать, если это представляет интерес.

Крыленко. Наружность можете описать, но наружность сейчас затруднительно проверить, ибо, если бы этот гр-н Рябушинский сюда явился, я бы постарался проверить и установить точно его личность. Сейчас я лишен этой возможности, и описание его наружности едва ли что-либо мне даст. Важно установить, что это, повидимому, был Владимир Рябушинский.

Рамзин. Это наиболее вероятно.

Крыленко. Это тот самый, о котором Федотов сообщил, что он считался весьма и весьма глупым человеком? Это тот самый, который проворовался? Может быть, Федотов сообщит?

Председатель. Подсудимый Федотов.

Крыленко. Относительно какого Рябушинского вы говорили, что он проворовался?

Федотов. Относительно всей группы Рябушинских. Они сообща вели свое дело. Один из сыновей, ассистент Жуковского, известного профессора, уехал в Италию. Потом отделился Степан, так что долг лег на всех остальных Рябушинских...

Крыленко. (Рамзину). Вы сейчас установили, что это был Владимир Рябушинский. Его официальное положение в «Торгпроме» вам было известно?

Рамзин. Мне было известно, что он занимал весьма руководящую роль в «Торгпроме», но его официального положения я не знаю.

Крыленко. Состоял ли он членом президиума или помощником председателя — вам точно было неизвестно?

Рамзин. Нет.

Крыленко. У меня имеется ходатайство перед судом. Оно имеет непосредственное отношение к делу. Говорят иногда, что чорт толкнет под руку и поможет. В белогвардейской газете «Возрождение», № 1861 от 7 июля имеется статья, которая называется «Необходимая война». Подписана она В. Рябушинским. Статья трактует о методах интервенции, стоимости интервенции, коммерческой выгодности интервенции. Эту статью, характеризующую позицию В. Рябушинского, статью, имеющую непосредственное отношение к вопросам подготовки интервенции и коммерческих расчетов Рябушинского, я ходатайствую о приобщении к делу.

Председатель. Пред'явите этот документ защите. (Документ передается защите). Прошу защиту ознакомиться и дать свое заключение.

Оцеп. Вы разрешите мне?

Председатель. Пожалуйста.

Оцеп. В виду абсолютно непосредственного отношения к теме расследования и теме обвинения защита, конечно, присоединяется к ходатайству прокурора и просит приобщить этот документ к делу.

Крыленко. Вопрос об оглашении можно поставить сейчас и можно отнести к тому моменту, когда мы будем анализировать беседы 1928 г., где стоят те же конкретные вопросы.

Сейчас мне достаточно установления факта существования в природе Владимира Рябушинского, его политической позиции, его отношений к вопросам интервенции и его коммерческой точки зрения на этот вопрос. Как суд считает нужным?

Председатель. Специальное присутствие определяет:

«Во-первых, в виду прямого отношения статьи под заглавием «Необходимая война», за подписью «В. Рябушинский», опубликованной в газете «Возрождение» № 1861, к настоящему делу, и в частности к вопросу об организации интервенции, и, во-вторых, в виду того, что в этой статье содержатся данные, относящиеся не только к последующим годам, но также к периоду 1920—1925 гг., Специальное присутствие определяет: приобщить настоящий номер «Возрождения» к делу и огласить эту статью теперь же». (Оглашается).

Статья В. Рябушинского

«Есть войны бессмысленные, вредные, разрушительные, и есть войны полезные, разумные, созидательные.

Последнее великое европейское столкновение принадлежит к первой категории, а грядущая вооруженная борьба культурной части человечества с Третьим интернационалом за освобождение России будет конечно отнесена историей к группе справедливейших и наиполезнейших войн.

Почти пять лет тому назад на страницах «Возрождения» было указано, что коммунистическая власть обходится России ежегодно в два с половиной миллиарда золотых рублей. Теперь, к сожалению, приходится констатировать значительное возрастание этой суммы.

Действительно в 1925 г. можно было думать, что национальное достояние России, хотя и сильно уменьшенное в течение первых лет революции, временно пришло в состояние какого-то, хотя и неустойчивого, но все-таки равновесия; убыток от большевиков сводился главным образом к тому, что не было прироста богатства страны.

Худшее видим в настоящее время: опять началось и принимает громадные размеры активное обеднение России; едва ли преувеличим его, определяя ущерб в полтора миллиарда золотых рублей в год. К ним нужно присоединить отсутствие того естественного прироста национального богатства России, на которое можно было бы рассчитывать сейчас при условии уничтожения большевистской власти, хотя бы 4 года тому назад.

Что это может составить?

До Великой войны наша родина приписывала к своему активу ежегодно не менее эквивалента 2—3 миллиардов золотых рублей.

Соединенные Штаты Америки, по мнению многих авторитетов, обогащаются сейчас ежегодно на 30—35 миллиардов золотых рублей.

Принимая во внимание все поправки на революцию, хозяйничание большевиков, нашу отсталость и т. д., но одновременно учитывая размеры, естественные богатства России, деловую сметку ее населения и его количество, думаем, что после четырех лет свободного труда мы бы достигли легко 10—15 проц. американских сбережений, т. е. в среднем около четырех миллиардов золотых рублей в год.

Эта сумма вместе с теперешним обеднением на полтора миллиарда и определяет приблизительный итог русских убытков от коммунизма. Они равны поэтому пяти с половиной миллиардам золотых рублей в год.

Совершенно ясно, что ежегодное влитие в европейскую экономику таких богатств в форме спроса на целый ряд товаров с возможностью их немедленной оплаты выразилось бы очень быстро в сокращении, а может быть даже в сведении на-нет пятимиллионной армии безработных австро-германцев и англичан.

Это действительно радикальное решение проблемы безработицы, а не те жалкие паллиативы, к которым прибегают робкие государственные деятели Западной Европы.

Как удалить большевистскую болячку?

В 1920—25 годах специалисты брались осуществить такую операцию в шесть ме-

сяцев с армией в 1.000.000 человек. Расходы исчислялись в 100.000.000 английских фунтов.

Сейчас механизм советской власти сильно расшатался, и мелкобуржуазная стихия, главным образом крестьянство, от нее отошла совсем. На этом основании, а также по целому ряду других причин можно притти к заключению, что операция освобождения России в настоящее время осуществима с меньшими силами и в более короткий срок, чем 5 лет тому назад.

Вероятно, 500.000 человек и трех-четырех месяцев будет достаточно для окончания работы вчерне. Доколачивание отдельных коммунистических банд, конечно, займет еще некоторое время, но оно явится скорей полицейской, чем военной операцией.

Вообще, следует отметить, что с каждым годом затрата сил, нужных для свержения большевиков, будет уменьшаться, но целесообразно ли дожидаться этого?

Вероятно, через 5 лет удара не армии, а двух-трех дивизий хватит, чтобы уничтожить красный кошмар, и расходы будут сравнительно ничтожны — 10 миллионов фунтов вместо ста, но за это время мировая, а в частности европейская экономика потеряют не менее двух миллиардов фунтов.

Где же здесь деловой расчет?

Свержение коммунизма в России — великий нравственный подвиг и моральная обязанность человечества; но даже если стать на сухую, бездушную, чисто деловую точку зрения, «добру и злу внимая равнодушно», то и тогда можно утверждать следующее: нет в мире предприятия, котрое было бы хозяйственно более оправдываемым, более рентабельным, чем освобождение России.

Затратив один миллиард рублей, человечество получит доход не менее, чем в 5 миллиардов, т.-е. 500 проц. годовых и с перспективой дальнейшего возрастания прибыли ежегодно еще на 100—200 проц.

Где найти дело лучше?

Добавим еще следующее. Польза будет не только в дальнейшем, а и немедленная.

Сформирование международной добровольческой армии в 1.000.000 человек сейчас же уменьшит число безработных в Европе, а кроме того известно, что всякая малая и кратковременная война не разрушает экономики, а часто оказывается для нее полезной. Без сомнения, дело освобождения России вызовет в Европе промышленное оживление.

Можно думать, что спрос на рабочих сильно возрастет, во всяком случае не меньше, чем на 500.000 человек, и они вместе с военными волонтерами в значительной степени разрешат проблему безработицы в Германии и Англии. Безнравственного тут ничего нет, ибо на войну пойдут люди не по принуждению, а добровольно, ради идеи.

Однако все вышеизложенные материальные выгоды не пошли бы никому впрок и в конце концов вследствие глубокой, хотя иногда сразу и не видной, связи между моралью и экономикой обернулись бы последней во вред, если бы и эта война, подобно большинству других войн, была безнравственной, но в данном случае, мы видим обратное.

Позорна в настоящее время не борьба, а покойное, равнодушное и трусливое созерцание Европой совершающихся в России ужасов; теперь мир безнравственен, а не война.

За нарушение законов благородства, вероятно, и бьет сейчас судьба Европу и Америку по карману.

Другого урока они не поймут.

В. Рябушинский».

Угодно перейти к дальнейшим вопросам?

Крыленко. Я бы просил суд отметить, что содержание этой статьи подтверждает характеристику, которую В. Рябушинскому давал Федотов.

Федотов (с места). Вполне подтверждаю.

Председатель. Подсудимый Федотов, вы хотите что-то заявить. Пожалуйста. Вы что желаете заявить по поводу данной статьи?

Федотов (подходит). Я невольно не удержался высказать свое мнение. Помилуйте, если подобного рода статьи считаются доказательными в Европе, то это показывает крайнее понижение умственных способностей не только у В. Рябушинского, но и у фашистской части французского общественного и политического мнения.

Он дает статью, в которой главным образом указывает на те убытки, которые будто бы происходят от того, что в России существует коммунистическая власть. Почему, как, из чего? В виду тех громадных средств, в виду тех громадных достижений, которые мы видим, которые видит вся Европа и о которых говорят официально американцы устами своих экономистов, почему же он указывает на обеднение России?

Наоборот: мы голодаем, мы нуждаемся, это несомненно, но почему? Потому что мы слишком много затрачиваем средств на индустриализацию, т.-е. мы обращаем слишком много наших средств не на продукты, которыми мы пользуемся, а превращаем их в капитальные затраты нового строительства, т.-е. мы ради будущего отказываемся от настоящего. Как же можно в виду подобного рода фактов говорить о полутора миллиардах обеднения?

Затем, — вторая брошенная им цифра относительно 4 миллиардов ежегодного потребления, которое появится вследствие свержения советской власти, яв-

ляется также необоснованной, брошенной на ветер, на воздух. Кто же из деловых людей, кто же из экономистов той же самой белой эмиграции подобного рода вещи поддержит? Я читал заграничную прессу в 1928 г., с тех пор мне не пришлось ее видеть, но уже в то время статьи и Бруцкуса, и Загорского, и других указывали как раз обратное. Они указывали на те достижения, которые налицо в нашем Союзе, указывали на то, что если интервенция запоздает, то она никогда не осуществится, и именно потому, что мощь русского народа возрастает. Но возражения против таких уже установленных экономистами самой белой эмиграции фактов абсурдны.

Рябушинскому достаточно бросить фразу, что сейчас потребуется 100 миллионов фунтов, а через 5 лет, видите ли, 5 миллионов фунтов будет достаточно. Если теперь нужно 500 тысяч человек, то тогда достаточно будет двух дивизий. Я полагаю, что он для своего собственного дела, для проведения интервенции сделал довольно глупую попытку. Потому, что если через 5 лет еще достаточно будет двух дивизий, то через 6 лет советская власть, может быть, сама свалится? Тогда зачем же огород городить? Я полагаю, что статья действительно характеризует Владимира Рябушинского так, как его характеризовали в России, когда он был еще в Москве.

Председатель. А содержание статьи, самое направление статьи соответствует ли установкам, которые давал «Торгпром»?

Федотов. Это, конечно; я против этого не возражаю.

Председатель. Вы в этой статье не нашли ничего нового по сравнению с тем, что вы знали об отношении «Торгпрома» к вопросу интервенции и свержения советской власти?

Федотов. Я не нашел ничего нового.

Председатель. Это совпадает с тем, что вы знали?

У них всегда была твердая линия на интервенцию

Федотов. Да. Но, если разрешите, из показания, только что мною заслушанного, я не вынес такого впечатления, которое вынес профессор Рамзин, относительно колебаний. Из доклада самого Хренникова и из последующих слов Карпова в следующем году я не вынес впечатления, что в среде «Торгпрома» была разноголосица относительно сроков интервенции, что некоторая часть «Торгпрома» считала, что надо обождать, пока советское правительство восстановит фабрики капиталистов. Подобного рода мыслей я от Хренникова не слышал, может быть потому, что я кратко с ним разговаривал, но я не слышал ничего подобного и в следующем году от Карпова.

Кроме того, в разговоре крайне неопределенного свойства, который я имел с Крестовниковым, все же было ясно видно, что «Торгпром» и капиталисты жаждут того, чтобы скорее вернуться, потому что многие из них нуждались, и им казалось, что чем скорее они придут, тем лучше им будет. И тем более это противоречило также и тому, что уже в 1927 г., как говорит проф. Рамзин, было ясно, что многие фабрики не вернутся бывшим владельцам, что они уже перестроены настолько, что владельцы получат только компенсацию в виде акций. И на это «Торгпром» и владельцы согласились.

Поэтому мое впечатление относительно интервенции таково, что белая эмиграция издавна с самого начала мечтала об интервенции, но эти мечтания были мечтаниями. А вот с 1927 г., действительно, эти мечтания начали приобретать более реальный и более твердый характер, и белые эмигранты начали чувствовать под собой более твердую почву. Уже в 1928 г. вопросы интервенции целиком и полностью ушли из их рук и попали в руки другого, более мощного центра.

Крыленко. Это вы вынесли такое впечатление от разговоров с Хренниковым относительно отсутствия колебаний?

Федотов. Сопоставляя рассказ Хренникова с последующими разговорами с Карповым, я не могу сейчас точно сказать, какие из разговоров на меня произвели окончательное впечатление. Сопоставляя эти два разговора, которые были, в сущности, год за годом, — от Хренникова я слышал в конце 1927 г., а в августе 1928 г. я имел разговор с Карповым, — я передаю то общее впечатление, которое я получил из разговоров и от чтения тех журналов и статей, которые мне попадались.

Крыленко. Из чтения чего?

Федотов. «Возрождения», «Руля» и «Последних новостей» и из чтения еще коекаких брошюр, например проф. Алексеевского две—три брошюры, статьи в «Северных записках», которые давали общий обзор положения. Так что общее впечатление у меня получилось независимо от разговора с Карповым.

В услужении у французского штаба

Я относился к вопросу об интервенции свысока. Я думал, что это бахвальство, что «Торгпром» говорит об интервенции просто для того, чтобы произвести на нас впечатление. В 1927 г. я понял, что это вовсе не бахвальство, что, может быть, прежде было бахвальство, но в настоящее время это — надвигающееся на Россию, позвольте сказать, бедствие. В 1928 г., когда я поехал за границу, я старался достать газеты, журналы, статьи. В Берлине есть магазин русской книги.

Я туда зашел и все, что там было, купил. Там, правда, было немного, были

известные статьи Алексеева, но кроме этого, за исключением глупых романов ген. Красноза, я больше ничего не видел. Приехавши сюда, я сообщил, что центр тяжести устройства интервенции перешел к французским фашистским кругам и что к этому нужно серьезно готовиться. Карпов говорил, что одним из условий, которые ставит французский генеральный штаб, это — чтобы мы здесь, в Союзе, подготовляли почву, и что без этого интервенция осуществиться не может. Его требования были чрезвычайно настойчивы. Он, в сущности, ради этого и приехал, чтобы сказать, что организация должна заниматься более усиленной работой по части подготовки почвы. В частности текстильная организация должна была подготовить почву по части расстройства работ с тем, чтобы создать большой недостаток товаров и, следовательно, большое недовольство, большой контраст между тем, что дают крестьяне, и тем, что они получают. Этим и надеялись вызвать у крестьян большое недовольство. Таким образом, мое впечатление таково, что настоящие толковые переговоры об интервенции, имеющие существенное для нас значение в настоящее время, начались в 1927 г. Точного месяца я, конечно, сказать не могу, вероятно в середине 1927 г., если сопоставить даты.

Затем постепенно эти настроения нарастали, и в конце концов в 1928 г. «Торгпром» находился уже в услужении у французского штаба, и французский генеральный штаб уже командовал всеми мерами, всеми возможностями, которые были у «Торгпрома». Это командование передавалось затем нам, мы получали соответственные директивы. Здесь и появляется фигура Лукомского, о которой в 1927 г. совершенно не упоминалось.

Крыленко. Мне важно установить из того, что вы сообщили, два факта, с моей точки зрения очень существенные. Первый факт, что вы из ваших переговоров в 1928 и 1927 гг. с Хренниковым не вынесли впечатления относительно того, что имеются колебания, а вынесли впечатление об определенной установке по вопросу об интервенции.

Федотов. Да.

Крыленко. Относительно впечатления об определенной установке?

Федотов. Да, подтверждаю.

Крыленко. И второй факт, еще более существенный, что в 1927 г., когда вы интересовались содержанием политических установок, существующих в белой эмиграции и в белоэмигрантской прессе, вы констатировали, что в целом ряде статей, журналов, брошюрок и газет установка на интервенцию развивалась, муссировалась. Был целый ряд, как вы говорите, статей, в которых указывалась и развивалась эта идея или эта мысль об объективной и неизбежной интервенции.

Федотов. Я не совсем то сказал. То, что вы сказали, это вывод из моих слов. Я сказал о том, что я прочитал и встретил целый ряд статей о возрастающей военной и главным образом экономической мощи России.

Крыленко. А относительно прямой необходимости интервенции?

Федотов. Таких статей я встречал немного.

Крыленко. Но встречали?

Федотов. Такие статьи все же встречались, но их было немного. На что я главным образом обратил внимание, это — на чрезвычайный интерес экономикой. В то время как в 1925 г. говорили об окончательном обеднении России, о той нищете, в которой мы живем, уже в 1927 г. отмечались успехи индустриализации и постепенное нарастание капитала. Вот что собственно меня поразило.

Крыленко. Это в специальных экономических статьях?

Федотов. Да.

Крыленко. А руководящих политических статей не было?

Федотов. Нет, я упоминал главным образом имена экономистов как Бруцкус, Загорский. Политические статьи были, но они не носили исчерпывающего характера. Но это одно с другим связано.

Председатель. Вы, кажется, говорили о том, что именно в силу того, что рост экономического благосостояния и экономической мощи Союза стал очевиден, у Бруцкусов возрастало нетерпение в отношении осуществления интервенции?

Федотов. Совершенно верно. Я это сказал и повторяю.

Председатель. И следовательно, не шел вопрос об отсрочке, а наоборот — о форсировании интервенции?

Федотов. Я это сказал и это подтверждаю.

Председатель. Можете садиться, подсудимый Федотов.

Крыленко (Рамзину). У вас было впечатление, что интервенция — это установка «Торгпрома» или факт, что определенная часть «Торгпрома» колеблется?

Рамзин. Поскольку я с «Торгпромом», как таковым, сам лично не вел бесед, постольку это впечатление сложилось у меня из бесед двух лиц — Хренникова и Рябушинского. Здесь необходимо будет разграничить два периода — период 1927 г. и период 1928 г. В 1928 г. резко изменились настроение и позиция «Торгпрома».

В 1927 г. впечатление, которое сложилось у меня, было такое, что внутри «Торгпрома» были известные колебания не в смысле необходимости интервенции, — в этом направлении колебаний не было, — а в смысле наиболее рационального срока интервенции с точки зрения ее подготовки и с точки зрения восстановления тех предприятий, которые у нас имеются в Союзе. При чем соображения, что эти предприятия обезличены, не

могли играть роли. Они шли и на обезличение предприятий, но сумма капитала, которая получалась от акций, увеличивалась с каждым годом и месяцем. Это соображение остазалось в полной силе, несмотря на акционирование.

Эти два соображения, которые были у меня и у Калинникова из беседы с Хренниковым, заставили меня сделать определенный вывод такого характера, что в 1927 г., во всяком случае в первой половине (разговор с Рябушинским происходил в августе), «Торгпром» не являлся той толкающей силой в организации интервенции. Наоборот, внутри «Торгпрома», повидимому, были известные колебания относительно срока будущей интервенции, и, повидимому, здесь будирующей силой в этот момент из трех перечисленных сил были все-таки скорее французские правящие круги, чем «Торгпром». У этих кругов здесь соображения были, повидимому, совершенно ясные и понятные, что каждый новый год приносит новое усиление обороноспособности, новое усиление военной мощи и что борьба с Советским Союзом с военной точки зрения с каждым годом становится труднее.

Крыленко. Каналы связи в этот период шли только через упомянутого Лушера?

Рамзин. Мне известно только то, о чем мне говорил Рябушинский, что он вел разговоры через Лушера. Через кого действовали другие в этот период, я не знаю. Но в самом начале 1928 г. было уже сообщено Пальчинским относительно переговоров с Пуанкаре и Брианом, но точно, к какому моменту эти переговоры относились, к 1927 или 1928 г., я не знаю.

Вторая заграничная встреча

Крыленко. Это мы потом выясним, а сейчас вернемся ко второй вашей поездке. Когда выяснилась возможность вторичной вашей поездки в 1928 г., и какие здесь предварительные моменты имели место в Москве по организации встречи в 1928 г.?

Рамзин. Поездка в 1928 г. была поездкой на мировую топливную конференцию в Лондон. Точных дат этой конференции не было известно. Приблизительно, именно месяцы, было известно уже с начала года, потому что все страны, которые должны были делать доклады и принимать участие в конференции, были информированы относительно срока созыва конференции. Так что к началу 1928 г., а к середине 1928 г. уж наверное, было определенно известно, что примерно к концу сентября или в октябре я должен быть в Лондоне и проездом—в Германии и Франции. Поэтому при свидании с г. К. здесь, в Москве, — это было в мае 1928 г., — я ему указал, что осенью, примерно в сентябре, я собираюсь ехать за границу, при чем было бы желательно использовать эту поездку для непосредственного установления связей и переговоров с «Торгпромом», потому что я не один еду, а едет и другой видный деятель ЦК, Ларичев.

Крыленко. Чья инициатива встречи?

Рамзин. Инициатива исходила от меня. Господин К. чрезвычайно одобрил эту идею, и в дальнейшем инициатива, пожалуй, шла с обеих сторон. Он обещал известить «Торгпром» относительно нашей осенней поездки с тем, чтобы наиболее видные руководящие деятели «Торгпрома» в этот момент могли быть в Париже.

Перед приездом в Париж я еще раз имел возможность информировать уже относительно точной даты нашего приезда, а именно: когда мы были в Лондоне, то перед от'ездом из Лондона я чрез инженера Симона просил известить «Торгпром» о точном времени моего приезда для того, чтобы связи были уже установлены. В Париже мы в тот раз должны были быть только проездом, и терять время самим на установление связи нельзя было. Я просил инженера Симона из Лондона сообщить о том, что мы должны приехать и остановиться в отеле «Детерминюс», около Сен-Лазар, и о том, что мы после приезда хотим связаться с «Торгпромом». Так и произошло. Инженер Симон сообщил в «Торгпром» о точной дате нашего приезда и отель.

Крыленко. Кто этот Симон?

Рамзин. Директор фирмы Виккерс.

Крыленко. Как же он сообщил?

Рамзин. Когда мы были в Лондоне и собирались ехать в Париж, то за два—три дня до нашего выезда из Лондона это было сделано.

Крыленко. Так что можно считать фактически установленными два момента: с одной стороны, разговор с К. в Москве — первое сообщение, и с другой стороны — уточнение из Лондона.

Рамзин. Мы во всяком случае приняли все меры для того, чтобы организовать это свидание вполне надежно.

Крыленко. Каким образом состоялась в Париже эта встреча?

Рамзин. После нашего приезда в Париж в отель «Детерминюс» на второй день ко мне зашел из «Торгпрома», кажется, секретарь «Торгпрома» и сказал, что он получил извещение о моем приезде. Он пригласил меня и Ларичева приехать на следующий день около часу дня для того, чтобы договориться по основным вопросам. Мы с Ларичевым на следующий день отправились в помещение «Торгпрома», где имело место совещание.

Крыленко. Теперь мы будем так анализировать этот момент: повторять все содержание этой беседы не нужно, оно известно, вы уже об этом говорили, мы его только несколько классифицируем: вопросы внутреннего состояния работы

и организации «Промпартии», эти вопросы стояли?

Рамзин. Это были первые вопросы по докладу Ларичева и моему.

Крыленко. Если выражаться нашим привычным языком, это был первый пункт порядка дня? Или никакого порядка дня не было?

Рамзин. Нет, это носило характер заседания. Когда мы приехали, то перед заседанием была предварительная беседа, в которой мы договорились относительно тех вопросов, которые необходимо обсудить. Порядок дня был намечен следующий: наша информация относительно положения дел, обмен мнениями относительно директив, доклад «Торгпрома» о положении дел за границей по подготовке интервенции и о тех результатах, которые в этом направлении достигнуты. Это был центральный, коренной доклад с точки зрения наших интересов. Наконец, деловые вопросы.

Крыленко. По первому пункту — ваше сообщение и Ларичева?

Рамзин. Да.

Крыленко. Насколько я помню, чтобы не повторяться, это было сообщение об общем состоянии «Промпартии» после шахтинского провала.

Рамзин. Да, после шахтинского и НКПСовского провалов.

Крыленко. И затем одновременно с этим давались и директивные указания— общие или особые?

Рамзин. После обсуждения немедленно нами была указана та линия, которую мы вели. Она была подвергнута общему обсуждению, потому что с конца 1928 г. конкретных директив не давалось, а лишь директивы общего характера. Вот эти директивы были обсуждены. Предложения, которые были нами сделаны, были подтверждены. Основной практической работой в 1928 г. являлась борьба за минимальную пятилетку. Вот центральная работа, и к этому времени она закончилась.

Крыленко. Это было между 5 и 10 или между 8 или 10 октября?

Рамзин. Я думаю, между 5 и 12 октября. Насколько я помню, мы выехали из Парижа 12 числа.

Крыленко. А второй пункт — это сообщение Денисова?

Рамзин. Да.

Крыленко. Мы все-таки уточним несколько содержание. По первому пункту — организационные вопросы. Какие вопросы организационного характера были вами поставлены в вашем сообщении, к чему сводился ваш доклад о состоянии организации?

Рамзин. Доклад о состоянии организации сводился к постепенному охвату отдельных отраслей промышленности деятельностью организации, т. е. мы указали те отрасли промышленности, которые здесь были охвачены. Затем мы указали на те основные линии, которые мы проводим, а именно, что стараемся занять основные командные позиции: топливо, металл, энергетику, — основные позиции по плановой работе. При чем в этом обсуждении в «Торгпроме» они особенно подчеркивали необходимость усилить работу в области металлопромышленности, указывали на то, что эта область промышленности является сейчас наиболее важной, наиболее интересной и что в этой нашей промышленности необходимо будет усилить работу. Вот главное указание, которое было сделано на этом совещании. Затем стоял вопрос о борьбе за минимальные планы, затем был выдвинут этот метод омертвления капиталов, о котором я рассказывал.

Крыленко. Какое вы сделали сообщение или делали ли вы вообще сообщение относительно того, какое влияние оказал провал НКПС и угольной группы?

Рамзин. Мы указали на те последствия, которые создали два провала, а именно, что в Донецком бассейне работа на довольно длительное время, по нашей оценке, была разложена. Поэтому необходимо было перенести работу из производства в плановые органы. Это и было той основной директивой, которую мы предлагали утвердить, и которая была принята.

В области НКПС было указано на то, что ведение планово-оперативной работы по линии НКПС тоже чрезвычайно трудно восстановить в виду провала. Для восстановления организации требуется больше времени, и поэтому здесь работа будет главным образом направлена по плановой части. Основные направления, которыми очень интересовался «Торгпром», это были направления по части провозоспособности железной дороги прифронтовой полосы.

Относительно директивы направления дальнейшей работы по НКПС здесь было указано, что в плановом порядке необходимо будет обратить внимание на эту сторону дела, а именно на провозоспособность железной дороги прифронтовой полосы.

Крыленко. Эта задача теперь была указана в качестве специальной директивы?

Рамзин. Нет, это было указано еще раньше.

Крыленко. А только вопрос об усилении работы, несмотря на провал?

Рамзин. Здесь говорилось о перенесении работы в плановую область. В плановой области провал был незначительный: только арест Янушевского. По плановой части имелась возможность вести работу в смысле дальнейшего железнодорожного строительства, затем размещения подвижного состава, усиления мостов, вторых путей, раз'ездов и т. д., — можно было путем всех этих мер воздействовать на размер пропускной способности в прифронтовых направлениях.

Крыленко. Ну хорошо, провал есть провал; провалилась шахтинская группа, вся

угольная промышленность, и в руководстве также провалы, провалилось руководство НКПСовской организации, аресты проводились вначале, даже с весны 1928 г. Но указывали ли вы на то, а как же общее состояние организации, несмотря на эти провалы, может обеспечить возможность дальнейшей работы?

Рамзин. Здесь наша оценка сводилась к тому, что необходимо будет проявить в работе достаточную осторожность, потому что мы считали, что эти два провала являются первыми провалами, и в дальнейшем организация сумеет как-нибудь защититься от этих провалов путем введения более конспиративных методов работы. И здесь со стороны «Торгпрома» было указано, что необходимо, действительно, во что бы то ни стало беречь эту организацию и вместе с тем необходимо во что бы то ни стало продолжать эту работу. И на вопрос «Торгпрома», можно ли продолжать работу в теперешнем положении, и я и Ларичев ответили утвердительно. Мы сказали, что работу продолжать можно, но необходимо ее вести сугубо конспиративно.

Имена...

Крыленко. Теперь скажите: к чему конкретно сводилось второе сообщение, основные узловые пункты сообщения Денисова?

Рамзин. Основные узловые пункты сводились к тому, что те переговоры, которые шли между «Торгпромом» и французскими правящими кругами, дали конкретные результаты в смысле реальной поддержки со стороны Пуанкаре и Бриана относительно установления постоянной связи с французским генштабом и относительно того, что французский генштаб принялся конкретно за работу по осуществлению интервенции. В подкрепление этого нам были названы те имена из французского генштаба, с которыми «Торгпром» должен быть связан.

Крыленко. В этот момент вы услышали впервые имена и деятелей французского генштаба и деятелей правящих кругов Франции?

Рамзин. Имена Пуанкаре и Бриана были мне известны еще раньше из сообщения Пальчинского в первой половине 1928 г.

Крыленко. Мне важно установление, что здесь дата была в пределах января и июня. Это есть та хронологическая дата, в пределах которой имело место свидание с Пуанкаре и Брианом?

Рамзин. Это видно из моих показаний.

Крыленко. Мне неинтересно сейчас то, что было в ваших показаниях, а мне важно, что можно установить сейчас в порядке вашего допроса. К этому периоду относилось сообщение Денисова?

Рамзин. До этого мы имели сообщения о роли Пуанкаре и Бриана.

Крыленко. Теперь второе — сообщение о работе, т.-е. имена Жуанвиля и Жанена и т. д.

Рамзин. Впервые я услышал об этом на парижском совещании.

Крыленко. Как вы узнали о Жуанвиле и Жанене, о том, что комиссия Жанена уже существует?

Рамзин. Денисов сообщил о том, что при французском генштабе имеется специальная комиссия под председательством Жанена, в которую должны войти помимо деятелей французского генштаба представители польского и затем английского генштабов. При чем указал, что для прямой связи с французскими правящими кругами и генштабом они имеют полковника Жуанвиля и кроме того поддерживают связь с полковником Ришаром. Когда Денисов информировал относительно тех связей, которые имеются с французским генштабом, и о том, что уже приступлено к конкретной реальной работе, то мне хотелось получить более конкретные данные. Я задал ему вопрос, и мне Денисов сообщил, во-первых, относительно этой комиссии и, во-вторых, назвал конкретные реальные имена.

Крыленко. Поскольку названы имена, я просил бы ходатайствовать о приобщении к делу (с этим нужно ознакомиться, потому что это довольно большего об'ема характеристика) книжки «Колчаковщина. Из белых мемуаров», издание «Красной газеты», 1930 г., где имеется перевод отрывков из «Дневника Жанена». Из них, во-первых, выяснится то, что Жанен в качестве интервента, практического работника интервенции уже имел удовольствие оперировать на территории СССР, так что его связь с такого рода организацией или работой комиссии, правдоподобность ее самым определенным образом подтверждаются. Во-вторых, в дневнике Жанена имеются чрезвычайно важные указания, характеризующие и ту работу, которую он проделывал, и ту работу, которую проделывали его соратники в Сибири, что явным образом является подтверждением той системы милитаризации, которая имела место с появлением Жанена в России. В виду того, что книга об'емистая, я прошу о приобщении к делу отдельных абзацев.

Председатель. Прошу защиту ознакомиться с книгой — только по вопросу, связанному с дневником Жанена.

Оцеп. Книга эта нам известна, и мы не возражаем против приобщения ее, как могущей непосредственно осветить отдельные моменты.

Председатель. Вопрос о приобщении книги будет решен Специальным присутствием Верховного суда после перерыва.

Об'являеется перерыв на 15 минут.

«Горькие угрызения совести» ген. Жанена

Председатель. Заседание Специального присутствия Верховного суда возобновляется.

Специальное присутствие определяет приобщить к делу представленную обвинением книжку «Колчаковщина. Из белых мемуаров» под редакцией и со вступительной статьей Корнатовского, год издания 1930. Принимая во внимание, что книжка издана и, следовательно, является достоянием общественного характера, оглашение дневника Жанена полностью не представляется необходимым. Однако Специальное присутствие считает целесообразным огласить в связи с происшедшим допросом подсудимых несколько мест из означенной брошюры, а именно — из статьи Жанена под заглавием «Отрывки из моего сибирского дневника».

«Отрывки из моего сибирского дневника». Генерал Жанен, Страница 108 указанной книжки: «Честные люди встречаются здесь до того редко, что приходится удивляться даже и мне, человеку, много видевшему».

По поводу этих отрывков из дневника ген. Жанена возникла полемика между английским генералом Ноксом, бывшим в то время в Сибири, и Жаненом. Нокс писал в статье, помещенной в лондонском журнале «Славянское обозрение» за март 1925 г., на странице 140: «Заключительная трагедия в Сибири была подготовлена многими факторами. Одним из них, достойным упоминания, но, разумеется, опущенным автором дневника, является тот факт, что французский генерал оказался неспособен надлежащим образом дисциплинировать контингенты союзных войск, находящихся под его командованием. Альфред Нокс».

Цитата на странице 144 указанной книжки — из дневника генерала Жанена: «Может быть, он (генерал Нокс) не забыл пленарное собрание союзных миссий, состоявшееся 29 июля 1919 г. в министерстве иностранных дел в присутствии посла С. Штатов, где, описав со справедливой жесткостью все, что творилось, он закончил перечислением всего снабжения и загубленного материала и добавил: если теперь я попрошу еще что-нибудь у моего правительства, пусть мне скажут, что я от'явленный дурак».

Стороны имеют полное право ссылаться в любой момент на любое место из оглашенной только что статьи генерала Жанена под заглавием «Отрывки из моего сибирского дневника».

Крыленко. Я бы просил огласить еще последний абзац на странице 143 этого дневника Жанена, где он указывает на факты деятельности сибирских, колчаковских властей. Я сейчас найду.

Председатель. Пожалуйста.

Крыленко. Разрешите мне прочитать?

Председатель. Пожалуйста.

Крыленко. Вопрос идет относительно режима, который был установлен в то время, и об отношении к этому режиму. В частности дается следующая характеристика положения вещей: «Но мне, — говорит Жанен на странице 143 своего дневника, — командующему ими (чехами), отвечающему за их честь и жизнь, казалось преступным жертвовать пятьюдесятью тысячами храбрецов, истощенных войной и лишениями, ради удовольствия и выгоды пройдох, спекулянтов и грубых реакционеров, собравшихся в Омске и представлявших прежнюю Россию. Я выделяю самого Колчака, ответственность с которого снимается его нервным заболеванием. Впрочем, чувства, которые, как я сказал выше, разделялись всеми прозорливыми и свободомыслящими людьми, которые видели преступления, ложившиеся на ответственность омского правительства; длинный ряд убийств, который развертывался, начиная с уфимских учредиловцев в декабре 1918 г. до иркутских заложников, утопленных в Байкале в январе 1920 г., бесстыдное взяточничество министров и их свиты; кражи интендантов и администрации, мотовство генералов, грабежи, жертвой которых являлось трепещущее население, полицейские зверства, возведенные в систему, и, наконец, преследование всех тех, кого подозревали в несочувствии правительству и которых причисляли по этой причине к большевикам».

И последний абзац, характеризующий лирические излияния самого Жанена:

«Мысль, что область моей деятельности стоит вне политики, не ослабляла угрызений совести, часто изливавшихся на страницах моего дневника. Я думаю, что, несмотря на плохую память, генерал Нокс должен испытывать еще более горькое угрызение совести».

Это характеризует положение вещей во время колчаковщины и об'ективную роль самого Жанена.

Председатель. Угодно ли защите дополнительно огласить какие-нибудь места из дневника Жанена?

Оцеп. Нет.

Председатель. Позвольте на этом вопрос считать исчерпанным и перейти к следующим вопросам, связанным с допросом подсудимых.

Крыленко. Нам нужен теперь Ларичев.

Председатель. Подсудимый Ларичев.

Крыленко. Будьте любезны изложить мне ту часть совещания в «Торгпроме», которая касалась положения дел в «Промпартии», которая касалась вопросов вредительства в промышленности. Укажите содержание вашего сообщения и тех указаний, которые вы получили тогда.

Доклад «Торгпрому»

Ларичев. Как уже сказал Рамзин, прежде чем начать это совещание, собственно выяснилось, о чем может итти речь, и в

предварительных беседах было ясно, что речь идет в ответ на наиболее интересующие нас вопросы, насколько серьезны разговоры о подготовке к интервенции.

Доклад о внутреннем положении «Промпартии» носил информационный характер, в котором уже имелось в виду осветить деятельность «Промпартии» под углом зрения, насколько мы подготовлены к проведению тех требований, которые уже и до этого были у нас, т.-е. в смысле конкретизации или реализации некоторых мероприятий по усилению подготовки.

Поэтому характеристика общего положения и тех методов работы, которые в то время главным образом, как вы знаете, сводились исключительно к вопросам экономической борьбы, главным образом вредительства в различных отраслях промышленности, и шла в этом направлении, при чем было указано, что уже сама «Промпартия» считает нецелесообразными отдельные моменты вредительской деятельности на предприятиях на местах, что целесообразнее было бы использовать укрепляющуюся или, вернее, укрепившуюся плановую систему и перейти на метод вредительства в плановой работе, охватив эту работу через ВСНХ, Госплан и другие плановые органы.

Затем указывалось, что если переходить на конкретные методы подготовки к интервенции, то можно уже поставить вопрос об углублении тех диспропорций, которые начали выявляться в общем ходе развития народного хозяйства, с одной стороны, а с другой стороны, что эти диспропорции должны быть создаваемы путем соответствующей вредительской деятельности.

Еще раньше, на предварительном совещании, само собой вытекало, что известное разделение работ по подготовке должно быть произведено. «Торгпром» берет на себя разговоры внешнего порядка, внутреннюю работу ведет «Промпартия». В частности, когда на этом совещании Рамзиным и мною были изложены моменты, сопровождавшиеся арестом крупных руководителей и провалом тех двух организаций, о которых здесь уже шла речь, то, естественно, нам поставили вопрос о том, как нам удастся дальше существовать, насколько прочны наши силы. Естественным образом, в наших рядах была известная тревога относительно того, как удастся дальше вести работы.

Из разговоров нам было более или менее определенно известно, что делается в Париже, и, естественно, мы пришли к выводу о необходимости продолжения работы, так как указывалось на реальность и возможность интервенции. Но мы указали на те затруднения, с которыми это дело связано. Здесь было определенное указание Денисова относительно того, что работу «Промпартии» нужно во что бы то ни стало закончить, несмотря на провал двух организаций. Они поняли, что в этом отношении самый центр, самый ЦК «Промпартии» стоит пока вне подозрений, и если мы переведем работу на плановые рельсы, отказавшись от методов грубых приемов вредительства на местах, то в этом отношении не только нет оснований прекращать нашу работу, но надо и вести ее дальше. В этом отношении и было достигнуто определенное соглашение и сделан определенный упор на необходимость во что бы то ни стало сохранить нашу организацию и ЦК «Промпартии», с возможным усилением его состава.

Говоря о методах планового вредительства (вопрос был поднят Денисовым, и в последующем были об этом разговоры с Мещерским), предлагалось направить острие планового вредительства на металлопромышленность, поскольку этот вопрос не связан с теми общими директивами, которые давались, т.-е. с добавочным замедлением общего роста народного хозяйства, с частичным замедлением движения капитала, т.-е. путем диспропорции вложений в отдельные предприятия, и, поскольку эта диспропорция отражалась естественным образом на обороноспособности страны, такое директивное указание, такой метод или прием дальнейшей борьбы подчеркивался и нами и нами признавался как необходимый.

Крыленко. А по поводу нефтепромышленности говорилось на этом заседании или вечером?

Ларичев. Вечером. Я сделал только краткое сообщение по вопросу о провале организаций угольной и транспортной, и меня спросили: а каково положение нефтяной организации? В то время, поскольку я знал, что положение нефтяной организации стояло вне подозрений, я в этом отношении их успокоил, что нефтяная организация продолжает работать и, повидимому, нет никаких оснований пока ожидать ее провала.

Крыленко. А имя Стрижова кто упоминал?

Ларичев. Я упомянул. Они мне сказали, что основные директивы по направлению деятельности всей организации даны Стрижову при его проезде через Париж.

Крыленко. А когда был его проезд?

Ларичев. Он возвращался в мае или апреле 1928 г. и вел с ними разговор по поводу нефти.

Крыленко. Стрижов вам лично сообщал?

Ларичев. Да.

Крыленко. Скажите, а в результате этих бесед, касающихся металлической промышленности, нефти и т. д., о которых вы, видимо, сообщили, — эта часть бесед сводилась, с одной стороны, видимо, к организации и затем к работе, которая должна быть проведена?

Ларичев. Да.

Крыленко. Вопрос в этот момент, в отличие от того, что говорил Рамзин о своей поездке в 1927 г. об установке на интервенцию, был совершенно ясен и точен или нет?.

Ларичев. Нет. Целью нашей поездки было закрепить это положение, которое началось с конца 1927 г. и уже явилось доминирующим, может быть, в наших настроениях, но не в смысле конкретизации нашей работы.

Крыленко. Товарищ председатель, может быть, разрешите для сокращения времени допроса допросить Рамзина?

Председатель. Подсудимый Рамзин.

Около миллиона в год

Крыленко. Так, что в этот момент смысл и характер бесед являлся уже определенным с точки зрения установки на интервенцию и являлся более определенным, чем в 1927 г.?

Ларичев. Тут уже речь шла о том, что мы должны готовиться к интервенции, но характер предшествующей работы не был еще установлен, потому что смысл нашего доклада сводился к тому, что мы делаем и насколько это удовлетворяет той цели, которая ставилась в это время. Реальная почва для интервенции становилась все более и более очевидной.

Крыленко. Вопросы денежного характера конкретизировались на этом дневном совещании?

Ларичев. На утреннем.

Крыленко. Подсудимый Рамзин, может быть, вы скажете относительно вопросов денежного характера, о порядке денежного финансирования.

Рамзин. Когда была установлена неразграниченность работы по части внутренней и внешней подготовки интервенции, то я поставил вопрос о том, что подготовка интервенции была бы более конкретной, если бы был упорядочен вопрос финансирования, именно упорядочен, потому что и до октября 1928 г., как я уже показывал, организация получала средства из-за границы, но неупорядоченным образом; мною был поднят вопрос относительно упорядочения финансирования, т. е. придания ему регулярного характера, и, во-вторых, относительно усиления финансирования.

На поднятый мною вопрос со стороны «Торгпрома» без всяких споров было выражено согласие. Они сказали, что это — и их точка зрения, что поскольку на «Промпартию» возлагается определенное и ответственное задание по внутренней подготовке интервенции, то ясно, что без денег это задание выполнить нельзя, что этот вопрос обсуждался «Торгпромом» и что намечены размеры средств, которые они намерены предоставить. Тогда же была согласована эта цифра — около миллиона рублей в год.

Крыленко. Значит, вопросы денежного характера обсуждались на утреннем заседании, и вопрос сводился к установлению системы финансирования?

Рамзин. Да, системы финансирования. Обсуждались размеры финансирования и упорядочение его способов. Относительно конкретных лиц, через которые сумма эта была передана, — позже, но были установлены размеры суммы и упорядочение передачи.

Крыленко. А по вопросу о том, кому?

Рамзин. Об этом говорилось с Денисовым при последующем свидании, которое я имел с Денисовым, Жуанвилем и генералом Лукомским.

Крыленко. Так что вопрос о каналах финасирования обсуждался не на этом заседании, а на другом заседании с Жуанвилем, где был Денисов?

Рамзин. Да, через Денисова.

Крыленко. Значит, если первая связь была через Жуанвиля, то вторая через Денисова.

Рамзин. Да.

Крыленко. Вот вся эта сумма вопросов об упорядочении, об урегулировании финансовых связей, — правильно ли будет мое предположение, выраженное и в обвинительном заключении, что это совещание являлось окончательно решающим организационные связи?

Рамзин. Да, совершенно правильно, потому что с этого момента у нас установились четкие взаимоотношения в распределении работы. Так что это совещание являлось поворотным и решающим.

Официальные темы в интимной обстановке

Крыленко. Вы вечером еще раз встретились в более интимной обстановке?

Рамзин. Да.

Крыленко. Здесь уже не было заседания официального характера?

Рамзин. Здесь была неофициальная встреча, но беседа шла на те же самые официальные темы.

Крыленко. Вопрос о денежных источниках здесь ставился?

Рамзин. Вопрос об источниках финансирования ставился как раз вечером. Я ставил вопрос не о финансировании «Промпартии», потому что сумма миллион рублей в год не велика, а относительно финансирования интервенции. О том, как же будет финансироваться интервенция как таковая. Этот вопрос ставился вечером, потому что мне хотелось отдать себе отчет в реальности.

Крыленко. Что значит отдать себе отчет в реальности?

Рамзин. Прежде всего я хотел проверить реальность связей с генеральным штабом. Они дали нам существенные доказательства, познакомив с Жуанвилем и Ришаром.

Крыленко. Вы хотели проверить?

Рамзин. Мы хотели убедиться в правильности информации.

Крыленко. Почему вы хотели проверить?

Рамзин. Имея дело с такой организацией, как «Промпартия», я как один из ее руководителей хотел проверить, насколько правильна информация.

Крыленко. Вы боялись, что вас надуют?

Рамзин. Информация была не всегда заслуживающей внимания.

Крыленко. Бывала и неправильная информация?

Рамзин. Мы хотели проверить, не является ли все это пустым разговором.

Крыленко. Чего же вы добились от генштаба?

Рамзин. С членами генштаба мы добились личного знакомства.

Крыленко. А в отношении денег?

Рамзин. Моя проверка не привела к окончательному и точному установлению фактов. Тот ответ, который я получил, не носил определенного характера. Из ответа нефтяников и Денисова мне удалось выяснить, что деньги будут предоставлены французскими правящими кругами.

Крыленко. Таковы были общие указания?

Рамзин. Да, по разговору с французским представителем.

Крыленко. Не было ли исчислений, была ли возможность проверки?

Рамзин. Нет, способа проверки не было. Затем была речь о группе нефтяников Детердинга.

Крыленко. А тут они не указали точной суммы?

Рамзин. О размере я сколько-нибудь точного указания не получал.

Крыленко. У вас получилось впечатление, что они не хотят сказать?

Рамзин. Едва ли смета у них самих была подготовлена. Подготовка к интервенции была сосредоточена в руках генерального штаба.

Крыленко. Но сумма, которая была обусловлена, реально поступала?

Рамзин. Я уже указал, что в течение 1½ лет получили, примерно, 1.600.000 рублей.

Крыленко. Кассиром был кто?

Рамзин. Ларичев.

Крыленко (Л а р и ч е в у). При поступлении сумм или выдаче денег выдавались какие-нибудь документы?

Ларичев. Конечно, нет.

Крыленко. Как же так?

Ларичев. Вы же понимаете, что это невозможно.

Крыленко. Значит, никаких документов у вас не было?

Ларичев. Нет.

Крыленко. А вы не боялись, что деньги не туда попадут? Вы, например, передавали деньги в соответствующие отрасли промышленности, передавали, скажем, в распоряжение нефтяной промышленности по вредительской организации для соответствующего распределения. Не было ли опасений, что по периферии распределят не так?

Ларичев. Все-таки это были лица, которые вели активную разботу. Например, по нефтяной промышленности я передавал деньги Поляку. Это такой крупный член организации, так незаинтересованный в личной выгоде, что у меня не было никаких оснований сомневаться в том, что деньги будут правильно использованы.

Крыленко. Значит вы считали, что в этом отношении можно положиться?

Ларичев. Да.

Крыленко. После этого совещания по финансовому вопросу вы не получили ничего конкретного, кроме общих указаний?

Рамзин. Относительно общего финансирования в целом я уже общие показания дал.

Крыленко. Ваша попытка проверить по этой линии не удалась?

Рамзин. Да.

Крыленко. Была более удачная проверка по второй линии?

Рамзин. Относительно конкретных связей было более подробно известно.

Попытка установить налог на советскую власть в пользу эмигрантов

Ларичев. По поводу денежных дел разрешите дополнить относительно того, что известно о нефтяной группе. Это более или менее раньше было также известно. Из отдельных разговоров на вечернем заседании выяснилось, что тактика, которая ведется нефтяными кругами— детердинговской группой—сводится к отчислению пяти процентов с продаваемой нефти, гласно или негласно, в пользу бывших промышленников. Определенная часть фирм, независимо покупавшая советскую нефть, не шла на это, в этом не участвовала. Не могу точно сказать, но определенно знаю, что часть отчислений поступала в нефтяную группу «Торгпрома». Очевидно, они составляли один из источников финансирования. Как раз в то время в Англии была жестокая борьба РОПП—Российского общества по продаже нефтяных продуктов—с «Комбайном»—об'единением всех нефтяных фирм в Англии—за влияние на рынке. При чем они путем снижения цен хотели вытеснить советскую нефть с рынка и ставили определенные условия—договор относительно разграничения рынка, если РОПП пойдет на официальные узаконения пятипроцентного отчисления в пользу быв. промышленников.

Крыленко. Кто пойдет на отчисления?

Ларичев. Если РОПП или, иначе говоря, советское правительство пойдет на официальное признание отчисления 5 проц. с продаваемой русской нефти в пользу бывших нефтяников. На это РОПП не пошло.

Крыленко. Чтобы наша организация официально пошла на отчисление пяти процентов в пользу бывших нефтяников?

Ларичев. Такое определенное требование ставилось.

Крыленко. Кто такое требование ставил?

Ларичев. «Комбайн», сиречь—детердинговская группа.

Председатель. Кем ставилось такое требование?

Ларичев. При переговорах о разграничении рынка, которые велись в Англии с «Комбайном». Эти переговоры были обусловлены тем, что хотели заставить советскую организацию признать официально пятипроцентное отчисление в пользу бывших нефтяников.

Председатель. К кому было обращено это требование?

Ларичев. К РОПП.

Председатель. Откуда это было вам известно?

Ларичев. Во время пребывания в Лондоне.

Председатель. От кого?

Ларичев. Из разговора с председателем РОПП.

Председатель. Из разговора с председателем РОПП вы знали, что выставлялось такое требование?

Ларичев. Да, и из разговора с нефтяными кругами мне было известно, что негласно и сейчас идет отчисление. Вопрос сводился к тому, чтобы это сделать официально.

Председатель. Почему вы этим интересовались?

Ларичев. Я был информирован для возможности ориентироваться в финансовых источниках.

Председатель. «Промпартия» рассчитывала из этих фондов, составленных путем отчисления, получать субсидии?

Ларичев. В «Торгпроме» материальные средства складывались из разных источников. Я привел это как пример, что эти деньги были в качестве одной из составных частей материальных ресурсов «Торгпрома».

Председатель. Вы интересовались теми фондами, из которых заграничные эмигранты субсировали вашу организацию? В этот фонд должны были входить отчисления по нефтяным операциям?

Ларичев. Конечно!

Председатель. И заграничные круги старались оформить это в виде официального соглашения?

Ларичев. Да, официального соглашения.

Председатель. Состоялось такое официальное соглашение?

Ларичев. Нет. РОПП категорически отказалось.

Крыленко. А вот такого рода соглашения, о которых мы вчера говорили и в реализации которых участвовал и Ситнин, и Федотов по текстильной промышленности, до этого момента и частично в 1928 г., во время поездки Ситнина в Америку,—эта часть шла помимо вашей организации?

Ларичев. Так называемый куртаж? (Крыленко: «Да»). Никакого отношения к ЦК «Промпартии» не имел. Мы исключительным источником финансирования имели те средства, которые получились из «Торгпрома», а это шло по линии частных соглашений отдельных инженеров, ездивших за границу.

Крыленко. И с октября 1928 г. финансирование шло только по тем каналам, которые установлены сейчас, и в тех размерах, которые были установлены «Торгпромом», и больше никакими другими каналами?

Председатель. Подсудимый Рамзин, вы хотите уточнить?

Рамзин. Да. С октября месяца единственным источником финансов был тот миллион рублей, который «Промпартия» получала из «Торгпрома». Никакие другие суммы через ЦК «Промпартии» не проходили. Что касается нефтяных отчислений, о которых говорит т. Ларичев, эти отчисления не проходили через ЦК «Промпартии», и если «Торгпром» их получал, то ЦК «Промпартии» это не касалось.

Крыленко. Так что те отчисления в пользу инженеров, о которых шел спор между молодым Крестовниковым и......, шли прямо в «Торгпром»?

Рамзин. Да, мы из них ничего не получали.

Крыленко. И это же относится к тем источникам финансирования «Торгпрома», о которых говорил Ларичев?

Рамзин. Да, к этим отчислениям мы не имели отношения. Мы были обеспечены одним миллионом рублей.

Крыленко (к Ларичеву). Вы на вечернем совещании были?

Ларичев. Был.

Крыленко. О чем же шла речь?

Какая нужна армия

Ларичев. Мне пришлось сидеть рядом с Гукасовым и Мещерским. Разговор вертелся главным образом вокруг нефтяных вопросов и нефтяных новостей. С другой стороны, Мещерский мне говорил, что при проезде Хренникова он целый ряд указаний давал и в особенности подчеркивал ту мысль, которую развивал Денисов, и говорил мне: передайте Хренникову, что ее нужно детализировать так, чтобы главным образом она шла по линии создания диспропорции, но к увеличению основного капитала тех предприятий, в которых в частности он был заинтересован, и по линии и методу омертвления капитала, чтобы деньги-то вкладывались, а эффект от этого получался относительно небольшой.

Крыленко (к Рамзину). Скажите, пожалуйста, в области второго вопроса, ко-

торый дебатировался на утреннем заседании, какую часть сообщения, — а сюда входило сообщение о факте сношений с Пуанкаре, сюда входило сообщение об организации и существовании комиссии Жанена, сюда входило сообщение о сроке интервенции в 1930 г. в отмену 1928 г., сюда входило сообщение о плане интервенции, о мерах к созданию военной и стратегической организации, о силах, которые намеревались участвовать в войне, сюда входило сообщение о роли генерала Лукомского, сюда входило сообщение о стратегических задачах — туда ударить, сюда ударить и т. д., — какая часть этих сообщений пала на утреннее заседание и какая на вечернее?

Рамзин. Видите ли, главная масса сообщений все-таки падала на официальное, на утреннее заседание. На вечернем сообщались дополнительные данные и детали, а именно, скажем, вечером Третьяков в разговоре со мной сказал, что размеры армии белоэмигрантские круги «Торгпрома» считают небольшими, считают достаточной армию в 600 — 700 тысяч человек. Между прочим, та газетная статья, которую вы оглашали, указывает, что в этом отношении взгляды не изменились, что до сих пор считают достаточной полумиллионную армию для производства военных операций. Называлась еще цифра от 600 до 800 тысяч человек, при чем я должен сказать, что мне лично казалось, что с такой небольшой армией едва ли можно рассчитывать на успех. Но они говорили, что армия будет очень хорошо снабжена технически, кроме того, будет морская поддержка с юга и с севера. Но затем он сказал, что это взгляды оптимистически настроенных белоэмигрантских кругов и широких французских кругов, военные же круги считают эту цифру иной. Это — первая деталь.

Вторая деталь, которая была дана вечером, это — относительно врангелевских войск, о чем утром также не говорилось.

Крыленко. Утром о врангелевских войсках и о красновских казаках не говорилось?

Рамзин. О красновских казаках сведения я получил вообще только в Москве в одной из бесед с господином Р.

Крыленко. А говорилось утром относительно связи с Пуанкаре?

Рамзин. Не только с Пуанкаре, но и с Брианом, об этом говорилось утром. Говорилось также об организации комиссии Жанена.

О сроках и планах интервенции

Крыленко. Относительно сроков интервенции шла речь?

Рамзин. Относительно интервенции этот вопрос был предметом обсуждения утром, они высказали свои соображения, мы свои для мотивировки срока 1930 г. Это была уже не информация, а практическое обсуждение.

Рамзин. Да, деловое обсуждение.

Крыленко. Конкретное деловое обсуждение наиболее удобного срока?

Крыленко. А планы предположенного начала интервенции—утром или вечером?

Рамзин. Общая наброска плана и главных военных сил — об этом говорилось утром. Говорилось о Польше, Румынии и о поручении ведения военных операций генералу Лукомскому. Об этом говорилось утром.

Крыленко. Относительно пограничных инцидентов с Румынией — утром или вечером?

Рамзин. Кажется, утром.

Крыленко (к Ларичеву). А вы как скажете?

Ларичев. Как будто да, этот момент рассматривался исключительно в плоскости того, какой срок может быть установлен, но, по-моему, вопрос не ставился об окончательном сроке, и собравшиеся большого значения этому вопросу не придавали.

Крыленко. А вопрос относительно плана, относительно десанта, относительно продвижения войск комбинированным ударом на Ленинград и Москву?

Рамзин. Это было уже вечером. Стратегические планы излагались вечером, при чем не в форме законченного и проработанного плана, а в форме предположений, которые имели место в этой части.

Поэтому при дальнейшем свидании с Лукомским и Жуанвилем я сказал, что нам необходимо быть информированными относительно более или менее конкретного и реального военного плана, потому что без этого вести подготовку в той области, как они требовали, невозможно. Нам давались в этом отношении первые наброски, и дальнейшие уточнения происходили в порядке отдельных сообщений.

Крыленко. А имя Жуанвиля было названо утром или вечером?

Рамзин. Утром, когда мы говорили относительно дальнейшего свидания.

Крыленко. А вы условились относительно свидания утром или вечером?

Рамзин. Вечером. С Жуанвилем мы виделись на другой день или через день. Относительно свидания с Жуанвилем и Ришаром мы договорились тогда, когда закончилось совещание, где я узнал имена Жуанвиля и Ришара. В конце совещания с Денисовым был разговор об организации встречи через день примерно, и вот я и видел на другой день или через день Лукомского и Жуанвиля, а еще через день встретился с полковником Ришаром.

Крыленко. Мы установили, что все основные наметки, основные пункты вопроса интервенции были обсуждены в деловом совещании утром. Протоколирования никакого не велось?

Рамзин. Думаю, что нет. Может быть, после они записали протокол, но во время заседания я не видел, чтобы шла запись или специальное стенографирование.

«Торгпром» пытается опровергать

Крыленко. Стенографирования не было? Я буду просить товарища председателя о приобщении одного документа, чрезвычайно интересного с точки зрения сопоставления того, что говорили уже обвиняемые. Это общее заявление «Торгпрома» в Париже за официальными подписями относительно показаний обвиняемых. Оно настолько характерно, что я буду просить о его приобщении и вместе с тем сразу поставлю вопрос всем обвиняемым или в частности тем, которые сейчас допрашиваются.

Я пока буду говорить о первой половине этого заявления. Это газета «За свободу», издающаяся, кажется, в Варшаве, белогвардейская газетка от 24 ноября с. г., это заявление опубликовано почти накануне процесса.

Председатель. Мы обсудим. (Документ передается защите).

Брауде. Защита не возражает против оглашения этого документа.

(Суд совещается).

Председатель. Специальное присутствие определяет:

«В соответствии со статьей 272 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и на основании статьи 254 того же кодекса пред'явленную выдержку из газеты «За свободу» от 24 ноября 1930 года к делу приобщить. По просьбе государственного обвинения огласить следующее место из приобщенного документа:

«В виду опубликования в «Известиях Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР» от 11 ноября 1930 г. обвинительного заключения по делу контрреволюционной организации «Союза инженерных организаций» («Промышленная партия»), Комитет российского торгово-промышленного и финансового союза считает своим долгом сделать следующее заявление:

Обвинительный акт утверждает, будто Российский торгово-промышленный и финансовый союз находится в связи с так называемым «Союзом инженерных организаций» («Промышленная партия») в России, будто он субсидировал обвиняемых и будто он организовал совместную работу обвиняемых с французским генеральным штабом, подготовляя иностранную интервенцию.

Все эти утверждения без исключения измышлены.

Российский торгово-промышленный и финансовый союз никогда никаких переговоров с обвиняемыми не вел, никогда никаких встреч ни с кем им не устраивал, никогда никаких денежных субсидий им не предоставлял и вообще никогда ни в каких отношениях с ними не находился.

Эти обвинения основываются якобы на собственных показаниях обвиняемых.

Подобные показания или измышлены агентами ГПУ, или вымучены от обвиняемых пытками.

Советской власти нужно об'яснить провал своих безумных хозяйственных планов обманутому ею русскому народу, оправдать этот провал в глазах некоторых политических кругов за границей.

Ради этих целей измышлен этот чудовищный процесс, ради них обрекаются убийцами на смерть десятки неповинных людей.

Российский торгово-промышленный и финансовый союз решительно протестует против лживых утверждений советской власти, которыми она старается оправдать массовые убийства неугодных ей деятелей.

Эти зверства свидетельствуют лишь о безнадежности положения советской власти.

Как центральная организация торгово-промышленного класса за границей, Российский торгово-промышленный и финансовый союз будет продолжать неустанную борьбу против советской власти, раз'яснять общественному мнению культурных стран истинный смысл происходящих в России событий и подготовлять будущее восстановление родины на началах свободы и права.

Председатель Н. Х. Денисов. Товарищи председателя: Е. Л. Любович, Г. Л. Нобель, С. Г. Лианозов, Н. Н. Изнар, С. Н. Третьяков. Секретарь В. Н. Новиков».

Крыленко. Скажите, насколько может соответствовать действительности подобный документ и в части неведения никаких переговоров, — знать не знаю и ведать не ведаю, — и в части защиты неповинных людей, и в части обещания вести неустанную борьбу против советской власти?

Ларичев. Последнее-то верно.

«Заявление «Торгпрома» — наглая ложь»

Рамзин. Я здесь на этом суде отказался от защитника и тем более отказываюсь от той защиты, которую нам предлагает своим выступлением «Торгпром». Отказываюсь в самой категорической форме, потому что эта защита представляет собой самую наглую ложь, потому что все те факты, которые мы сообщали относительно сношения с «Торгпромом», они верны. Все те сведения, которые мы сообщили относительно установления связи с франц. генштабом, относительно финансирования, эти все сведения абсолютно соответствуют истине. И поэтому, хотя, может быть, в наших интересах и было бы сослаться на такое свидетельство, но, став с самого начала на путь чистосердечного

признания, на путь прекращения борьбы с советской властью, я категорически отказываюсь пользоваться подобной защитой и заявляю, что те печатные извещения «Торгпрома» или его заявления представляют собой самую наглую и чистую ложь.

Что касается того, будто бы мы подвергались пыткам и истязаниям, то я думаю, что наше присутствие здесь на суде является достаточно вещественным доказательством того, что и это измышление является такой же ложью.

Ларичев. Чтобы не повторяться, разрешите сказать, что я буквально слово в слово могу повторить заявление Рамзина, как свое собственное, но только с добавлением, что повидимому последний вопрос, который поставил государственный обвинитель о том, что «Торгпром» будет продолжать борьбу, в этом отношении действительно они от борьбы не отказываются.

Председатель. Гражданин Федотов.

Федотов. Я совершенно присоединяюсь к словам Рамзина. Я ожидал, что подобного рода заявление последует. Конечно, никакого другого выхода у «Торгпрома» не остается как опорочить как самый суд, так и прежде всего нас. Нас обвиняют во лжи, в том, что мы все это сочинили. Спрашивается, для чего. Для собственного обвинения? Пишут, что наши показания вынуждены пытками. Конечно, Рамзин прав, говоря, что наше присутствие здесь является лучшим доказательством того, что мы находимся в добром здравии, и я могу сказать, что я лично чувствую себя здоровее, чем я был до этого. (*В зале смех*).

Председатель. Прошу установить порядок.

Федотов. Правда, у меня сердечные припадки здесь прекратились. Я поэтому вполне присоединяюсь к заявлению Рамзина относительно того, что нам таких защитников не нужно, и, кроме того, считал бы желательным, чтобы от имени подсудимых за нашими подписями было напечатано заявление о том, что никаким пыткам мы не подвергались, что с нами обращаются самым культурным, человечным образом, что мы находились все время в хороших гигиенических условиях и что в настоящее время, сознавая свою вину и свои преступления, мы, как я уже заявлял, вполне уверенно ждем справедливого приговора, заранее подчиняясь тому, что суду угодно будет вынести. Я считаю, что мои товарищи присоединятся к тому, что, если подобного рода заявление суд найдет возможным напечатать, это было бы весьма желательно.

Центр тяжести... в генштабе

Председатель. Имеются ли вопросы?

Крыленко. У меня вопрос к Федотову. Встреча с Карповым в 1928 г. по вопросу об интервенции была в той плоскости, о какой указывали подсудимый Рамзин и Ларичев?

Федотов. Простите, я не понял вопроса.

Крыленко. Вы утверждаете, что на вашем свидании с Карповым вопрос об интервенции стоял в той плоскости, как здесь указывал Рамзин?

Федотов. Совершенно верно.

Крыленко. И о свидании с Пуанкаре вы узнали из другого источника, но факты совпадают?

Федотов. Определенно. О подробностях я конечно после узнал, но о том, что свидание с Пуанкаре было, о том, что центр тяжести перешел в руки французского генерального штаба, стало мне ясным.

Крыленко. К подсудимому Федотову у меня больше вопросов нет.

Председатель. Подсудимый Федотов, садитесь, пожалуйста.

Крыленко (*председателю*). Разрешите тогда опросить других подсудимых по основному вопросу: известно ли было об этих переговорах с «Торгпромом», подтверждают ли они, что им это было известно со слов Рамзина, Ларичева и Федотова, что они в соответствии с этим направляли свою практическую работу, что равным образом в той части, которая касается защиты неповинных людей, солидаризируются или не солидаризируются со словами Рамзина, Ларичева и Федотова.

Председатель. Подсудимый Калинников.

Подсудимые подтверждают лживость заявления «Торгпрома»

Калинников. Я целиком подтверждаю то изложение фактов о встречах в Париже, которое здесь было изложено Рамзиным и Ларичевым. Это нам было известно, и этим мы руководились в дальнейшей работе. Я целиком присоединяюсь к заявлениям Рамзина и Федотова с возражением против таких ненужных и ложных выступлений «Торгпрома».

Председатель. Садитесь, подсудимый Калинников. Подсудимый Куприянов. Что вы желаете сказать?

Куприянов. Я подтверждаю, что в нашей организации мы слышали от Федотова о его поездке за границу и о том, что говорили Ларичев и Рамзин о своих поездках в Париж. Все это было нам известно, и программу своей деятельности мы построили, исходя из тех указаний, которые были привезены ими. Со своей стороны, я присоединяюсь к тем заявлениям, которые сделал Федотов, что нам не нужно защиты этих эмигрантов и было бы крайне желательно поместить такое печатное заявление.

Председатель. Вопросов нет?

Крыленко. Нет.

Председатель. Садитесь. Подсудимый Чарновский.

Чарновский. Я всецело и полностью присоединяюсь к заявлениям тов. Рамзина, тов. Ларичева и тов. Федотова. Я точно так же считаю непрошенное заявление и непрошенную защиту со стороны «Торгпрома», как попытку, неудачную и лживую, которую всячески отвергаю. Я согласен подписать любое заявление в этом смысле. Мы выполняли те директивы, которые получали от «Торгпрома», полностью проводили и были все в полном убеждении, что это именно так и соответствует тем директивам, которые получали из Парижа. Это подтверждается и из ряда других источников, из ряда оглашенных документов, даже печатных.

Председатель. Подсудимый Очкин.

Очкин. Я всецело и во всем присоединяюсь ко всем моим товарищам. Я должен подтвердить, что то обвинение против органов ГПУ, что якобы производились насилия и пытки, является гнусной ложью. Я считаю так же, как и А. А. Федотов, что в тюрьме я себя чувствую лучше. Несмотря на то, что я раньше болел, имел нервные болезни, здесь чувствую себя лучше. В отношении того, что я изложил в своем показании по поводу пред'явленного обвинения, я во всем подтверждаю еще раз и буду еще раз подтверждать, если это будет нужно по ходу судебного следствия.

Теперь в отношении последнего заключительного слова «Торгпрома» о том, что он будет бороться, я также отвечаю, что я в дальнейшем, если будет возможность, приложу все усилия для борьбы, для вскрытия всего того, что строят Союзу империалисты и «Торгпром» в частности.

Председатель. Садитесь. Подсудимый Ситнин.

Ситнин. Я категорически подтверждаю, что я в 1928 г. видел в Париже Коновалова, а также и то, как я и говорил, что я от него слышал. Также я подтверждаю категорически, что по возвращении в Москву я слышал от Федотова о его свидании с Карповым и о том, что Рамзин и Ларичев виделись с представителями «Торгпрома». Точно так же я подтверждаю, что вся работа нашей организации в последнее время направлялась согласно директивам, получаемым из «Торгпрома».

Я всецело присоединяюсь к тому, что говорил здесь Рамзин относительно как нашей позиции, которая не может быть иной по отношению к тому, что здесь написано, так и той жалкой попытки, которой «Торгпром» пытается оправдаться в глазах общественного мнения Европы за свои неудачные попытки что-то такое сделать.

Я прошу, чтобы было разрешено нам сделать заявление за нашими подписями о том, как мы негодующе относимся к этой лжи.

Председатель. Садитесь.

Каково заключение государственного обвинения?

Крыленко. Заключение по поводу ходатайства:

По поводу ходатайства, заявленного обвиняемыми относительно напечатания официального заявления и обращения к печати за их подписями с опровержением этого документа, прокуратура не видит основания к удовлетворению этого ходатайства.

Сейчас у нас происходит не переписка с «Торгпромом» кого бы то ни было, а происходит исследование соответствующего документа в качестве судебного доказательства, и с этой точки зрения ответы и об'яснения, данные подсудимыми, представляются прокуратуре достаточными.

Что же касается непосредственно их желания, чтобы их точка зрения была известна, то это дело будет известно и помимо официальных или декларативных заявлений, потому что каждый факт, каждая мелочь того, что происходит на этом заседании, она отражается в стенограммах, а стенограммы попадают во всю прессу.

Председатель. Заключение защиты?

Брауде. Защита также полагает, что протесты обвиняемых, здесь высказанные во всеуслышание в присутствии и представителей нашей прессы, и представителей иностранной прессы, против лжи и клеветы, таящих в себе стремление «Торгпрома» затушевать собственное участие в этом деле, а с другой стороны, подвергнуть сомнению чистосердечные признания обвиняемых, имеют возможность получить настолько широкое распространение, что посылка специальной телеграммы со стороны обвиняемых едва ли встречает надобность.

Председатель. Специальное присутствие определяет:

Имея в виду, что согласно статье 19 УПК заседания присутствия по настоящему делу, как и вообще по уголовным делам, происходят публично и что обстоятельства, о которых сейчас заявили подсудимые, а именно: их личное отношение к опубликованному «Торгпромом» заявлению составляют предмет их личного дела, и руководствуясь ст. 254, в соответствии с ст. 272 УПК, не считает возможным разрешить подсудимым опубликование какого-либо заявления, направленного против опубликованного «Торгпромом» в печати заявления.

Крыленко. У меня имеется ходатайство относительно оглашения второй части этого документа, также представляющей достаточный интерес.

Я хотел поставить вопрос, как суд находит нужным — огласить ли эту часть документа сейчас или после перерыва?

Председатель. Имея в виду, что сейчас 15 часов дня и по регламенту заседания должны происходить до 3 и от 6 вечера, целесообразнее было бы заслушать после перерыва.

Об'является перерыв до 6 часов вечера.

Вечернее заседание

Белые пытаются спрятать «концы в воду»

Председатель. Заседание Специального присутствия Верховного суда СССР возобновляется.

Государственное обвинение имело в виду представить документы.

Крыленко. Второй документ, это — помещенное в том же номере белогвардейской газеты «За свободу» сообщение, исходящее неизвестно из каких источников, но чрезвычайно характерное, стремящееся парализовать различные неприятные возможности для белогвардейцев и для «Торгпрома». Это сообщение озаглавлено: «Сенсационное разоблачение о подложных документах, которыми пользуется Крыленко в деле «Промпартии».

Никакими документами мы не пользуемся, и документов, о которых здесь упоминается, в распоряжении обвинительной власти нет. Я ходатайствую о приобщении этого документа только потому, что, с одной стороны, он характеризует тревогу белогвардейских кругов, прямо заинтересованных в том, чтобы предупредить значение тех показаний для них, которые даются обвиняемыми, с другой стороны, я потому ходатайствую о приобщении этих документов, что и в том случае, если эти документы в природе существуют, и в том случае, если документы в природе не существуют, и в том и в другом случае доведение до сведения суда о такого рода махинациях со стороны белогвардейских групп будет иметь определенное весомое значение для определения степени достоверности вообще всего того, что исходит из этих слоев, и в частности для установления вообще степени достоверности всего того, что исходит из «Торгпрома» в виде того отрицания или той декларации, которая была исследована только-что перед перерывом.

Разрешите добавить, что обвинительная власть ходатайствует о приобщении этих документов не с той точки зрения, чтобы она придавала какое-нибудь значение в смысле доказательства в ту или другую сторону, а с тем, чтобы пользоваться правом ссылки на этот документ.

(Суд совещается).

Председатель. Специальное присутствие определяет: «В виду того, что заметка под заглавием «Подложные документы» помещена в том же самом номере газеты «За свободу» от 24 ноября 1930 г., в котором помещено и сообщение от имени «Российского торгово-промышленного и финансового союза», уже приобщенном постановлением Специального присутствия к делу, — разрешить сторонам ссылаться на означенную заметку».

Крыленко. Без оглашения?

Председатель. Разрешена ссылка без оглашения. Если угодно будет сторонам оглашать те или иные части, то тогда это разрешается судом.

Государственное обвинение, вам угодно перейти к вопросам или вернетесь к этому документу?

Крыленко. Я могу только просить восстановить факт, что этот документ относится, или происхождение тех подложных документов, которыми якобы я пользуюсь, относится к июлю 1930 года, т.-е. к моменту, когда главная часть обвиняемых была арестована или часть их была арестована. Значит, дело возникло гораздо раньше, и поэтому связывать этот вымышленный факт, который приводится здесь, абсолютно никак нельзя.

Я лично полагал бы, что целесообразно его огласить, тогда ссылаться будет легче.

Председатель. Может быть, вы укажете, какие места вас интересуют?

Крыленко. Я хочу просить огласить список тех документов, которыми якобы я пользуюсь здесь на суде. Я повторяю: этих документов у нас в распоряжении нет и вперед никак нельзя говорить. Список их я прошу огласить.

Может быть, Специальное присутствие согласится с такой формулировкой, что признать возможным указать, что белогвардейская пресса муссирует слухи о существовании якобы подложных документов.

Председатель. Специальное присутствие определяет в дополнение к 1-му определению: «В виду дополнительных заявлений, сделанных представителем государственного обвинения, огласить следующие части указанного сообщения.

Первая часть — письмо Н. Яковлева. «Милостливый государь господин редактор! В ближайшее время в СССР состоится процесс по делу инженеров так называемой «Промышленной партии». Арестованным по этому делу инженерам Рамзину, Федотову, Куприянову, Калинникову, Ларичеву, Чарновскому, Очкину и Ситнину прокурор СССР Крыленко пред'явил обвинение во «вредительстве

контрреволюции, шпионаже и участии в выработке плана чужой интервенции против СССР». Деятельность этой организации была будто бы обнаружена агентами ГПУ.

В связи с этим делом сообщаю следующие факты, происшедшие в половине июля с. г.».

Дальше указывается на то, что по этому делу якобы в руках прокуратуры имеются документы, и говорится далее:

«В числе этих документов были:

1) протокол заседаний и постановлений Торгово-промышленного комитета в Париже;

2) отчеты о собраниях с указанием участвовавших в них лиц, при чем в числе этих лиц были названы и известные «спецы», находящиеся в СССР;

3) секретная переписка уполномоченного общевоинского союза генерала Лукомского с высшими чинами французского генерального штаба;

4) переписка известных деятелей с Пуанкаре, а также письма П. Н. Милюкова к Бриану;

5) разные документы, написанные на официальных бланках французских и других иностранных учреждений и особенно на бланках иностранных посольств;

6) копия соглашения, заключенного представителем великого князя Николая Николаевича — генералом Лукомским с японским генеральным шбатом».

Специальное присутствие также считает необходимым удостоверить, что на вечернем заседании от 30 ноября было сделано заявление прокурора о том, что эти документы в его руках не находятся и он ими не пользуется».

Переходим к следующему вопросу порядка дня. Каким порядком вам угодно пользоваться?

Заседание с Жуанвилем и Лукомским

Крыленко. Желателен дополнительный допрос подсудимого Рамзина.

Председатель. Подсудимый Рамзин.

Крыленко. Будьте любезны уточнить ваши показания в отношении второй части вашего заседания в Париже, — заседания вместе с Жуанвилем и Жаненом. Когда оно имело место, через какой промежуток времени после первых двух свиданий с «Торгпромом»?

Рамзин. Это свидание имело место на другой день или через день, — хорошо не помню, — после свидания с «Торгпромом».

Крыленко. Точный состав?

Рамзин. На первом заседании, которое имело место на другой день или через день, присутствовали Денисов, Лукомский, полковник французского генерального штаба Жуанвиль и я.

Крыленко. Значит было четыре человека?

Рамзин. Да.

Крыленко. Какие вопросы дебатировались?

Рамзин. Первый вопрос был относительно той помощи по военной части интервенции, которую могла бы оказывать «Промпартия».

Крыленко. Чтобы не повторяться, мне важно установить точные взаимоотношения обеих сторон: с одной стороны — вы и Денисов, может быть, и Лукомский мог к вам примыкать, с другой стороны — Жуанвиль. Вы пошли в целях проверки?

Рамзин. Да.

Крыленко. В целях проверки реальности связей, завязанных «Торгпромом»?

Рамзин. Да.

Крыленко. Что вы хотели и чего они хотели от вас?

Шпионаж — во-первых, диверсия — во-вторых, измена — в-третьих

Рамзин. Задача сводилась к проверке реальности завязанных связей, это во-первых; во-вторых, к установлению контакта и взаимоотношений в смысле внутренней подготовки интервенции, поскольку она должна быть связана с работой французских кругов. Далее задача сводилась к получению, во-первых, необходимой информации и, во-вторых, к установлению необходимых связей. С той стороны желание сводилось к установлению тех заданий и возможности их выполнения, которые французский генеральный штаб думал возложить на «Торгпром». Вот пожелания с той и другой стороны и краткие их формулировки.

Крыленко. Я хотел бы установить возможно точно по об'ектам. Чего вы хотели от них?

Рамзин. Мы хотели, во-первых, установить приблизительную наметку плана интервенции.

Крыленко. Вы хотели знать план?

Рамзин. Да, с тем, чтобы координировать наши действия с предполагавшимся планом. Во-вторых, установить постоянную связь.

Крыленко. А силы установить для вас было важно?

Рамзин. Да, также военные силы, которыми они располагают. И срок интервенции.

Крыленко. Значит срок, силы и деньги?

Рамзин. План. Насчет денег с «Торгпромом» раньше была договоренность.

Крыленко. Значит вы прямо вопроса о деньгах не ставили?

Рамзин. Нет.

Крыленко. Вы ставили вопрос о сроке, плане и силах? А они от вас чего хотели?

Рамзин. Они хотели выяснить о получении целого ряда сведений.

Крыленко. Шпионажа?

Рамзин. Да, диверсионных действий.

Крыленко. А военная организация?

Рамзин. Она создавалась для осуществления или шпионажа, или диверсионных действий.

Крыленко. Только для этого?

Рамзин. Ну, и для прямой военной помощи при осуществлении интервенции.

Крыленко. Будем выражаться грубо. Шпионаж — во-первых, диверсия — во-вторых, и измена, подготовка определенных изменнических актов со стороны частей Красной армии — в-третьих?

Рамзин. Может быть, так.

Крыленко. Правильно?

Рамзин. Центр тяжести лежит на первых двух.

Крыленко. Последнюю часть будем особо детализировать, когда перейдем к разбору исполнения заданий. Сейчас важно определить условия. Можно сказать, что в результате этих переговоров двух конкретных, согласованно желавших действовать сил были определены следующие условия политической сделки.

Рамзин. Да, это правильно.

Шпионаж

Крыленко. Вы требовали от них военной силы для интервенции, точного определения срока, указания плана. Вы говорите, что денег не требовали. Допустим, что это так. А они требовали шпионских сведений, диверсионной работы и изменнической деятельности.

Рамзин. Правильно.

Крыленко. Расскажите, как конкретизировались эти задания?

Рамзин. По части прежде всего шпионской деятельности или информационной деятельности. Это был первый вопрос, который был поставлен в «Торгпроме» и генеральном штабе — о возможности получения сведений относительно состояния различных частей Красной армии и сведений о военной промышленности.

Крыленко. А по отдельным отраслям промышленности?

Рамзин. Да, и по отдельным отраслям промышленности требовали таких же сведений.

Крыленко. По химической отрасли?

Рамзин. По отраслям промышленности была договоренность с «Торгпромом» относительно доставки очень регулярных сведений о состоянии развития плана промышленности в целом.

Крыленко. А химическая?

Рамзин. В частности французский генеральный штаб главным образом интересовался теми отраслями промышленности, которые имеют связь с обороной страны — военной промышленностью и химической. Эти две отрасли промышленности представляли для них наибольший интерес.

Крыленко. Не знали ли вы раньше, может быть, со слов других деятелей «Промпартии», со слов Пальчинского, о том, что и раньше такого рода связи были?

Рамзин. Знал и в своих показаниях сообщил, что в первый период такая связь по линии военной промышленности существовала у «Инженерного центра» и «Промпартии». Точнее, в военной промышленности была отдельная отраслевая организация, связанная с «Инженерным центром» и военной промышленностью, при чем она в свою очередь была связана с французским генеральным штабом, при чем по линии ЦК «Промпартии» эти связи поддерживались до провала организации персонально Хренниковым. Хренников поддерживал связи с руководящим составом этой группы.

Крыленко. Кем именно?

Рамзин. Из руководящего состава этой группы мне называли два имени: генерала Михайлова и Высочанского.

Крыленко. Как руководителей?

Рамзин. Да.

Крыленко. До того как эта работа перешла к вам?

Рамзин. Впоследствии, после разгрома и провала этой организации, мы пытались наладить эту работу, но, как это изложено в следственном деле, далеко уже не в тех масштабах и об'еме, как это намечалось раньше.

Крыленко. Мне важно установить следующее. Имелись ли попытки со стороны Жуанвиля и Лукомского восстановить прерванные связи или имелись попытки установить новые связи?

Рамзин. Это, по-моему, были попытки восстановить прерванные связи.

Крыленко. Ну, а вот в части, касающейся военной промышленности и вообще отраслей промышленности, близких к военной промышленности, вы указываете химическую промышленность?

Рамзин. Да.

Крыленко. Ну, а прямо об отраслях военной промышленности говорилось?

Рамзин. Я только что сказал, что разговор главным образом шел относительно сведений по военной промышленности, т.-е. тому, что раньше входило в состав военпрома, и затем по соприкасающимся отраслям металлической и хим. промышленности, потому что целый ряд металлических заводов имеет специальные цехи, которые обслуживают военную промышленность, точно так же как целый ряд хим. заводов ведет работу, тесно связанную с оборонной работой.

Именно по этим трем разделам промышленности главным образом и желали получать сведения: по отделу промышленности, т.-е. по чисто военной промышленности, затем по металлической, связанной в своей работе с военной, и наконец по химической промышленности.

Крыленко. Вами это было обещано?

Рамзин. Т.-е. были поставлены эти задания, и я дал обещание по возвращении в Москву наладить получение просимых сведений.

Крыленко. Мы потом будем устанавливать, как ЦК «Промпартии» исполнял все эти обещания на всех заседаниях, и по отдельным заданиям, как их выполняли отдельные члены ЦК, но пока мы можем констатировать, что договор в этом отношении был подписан?

Рамзин. Да, при чем должен добавить, что с подобной просьбой еще до поездки в Париж ко мне обратился здесь через ту связь, которую мы имели еще с 1927 года,—именно весной 1928 года,—г. К.

Крыленко. Это до 1928 г., а после 1928 года тут уже не К., а Жуанвиль. Скажите точно, было ли в этот момент вами обещано?

Рамзин. В этот момент я дал тот ответ, о котором только-что говорил, что по возвращении в Москву ЦК «Промпартии» примет меры к тому, чтобы выполнить задания, которые ставятся, но предупреждал, что по линии военной промышленности вследствие разгрома организации это встретит большие затруднения.

Крыленко. Были попытки впоследствии создать военную организацию?

Рамзин. Были попытки.

Крыленко. Были попытки создать диверсионную организацию?

Рамзин. Были.

Крыленко. Только ли попытки или целый ряд актов шпионской деятельности?

Рамзин. Сообщение целого ряда сведений—да, было.

Крыленко. Значит по договору, по сделке, по соглашению, которые имели место здесь, вы обязательство на себя приняли?

Рамзин. Приняли.

Крыленко. Пытались их реализовать?

Рамзин. Пытались реализовать и частично реализовали.

Крыленко. А теперь: что вам эта сторона дала?

Рамзин. Денежные отношения, которые вас интересуют,—вопрос этот на данном свидании не поднимался, потому что вопросы денежных взаимоотношений, вопросы финансирования были улажены еще на предыдущем совещании в «Торгпроме», где была ассигнована сумма в 1 млн. в год, которую я лично и Ларичев считали достаточной для ведения той работы по «Промпартия», которая намечалась. Таким образом финансовая сторона была разрешена уже раньше, и никаких специальных ассигнований по этой линии мы не просили.

Крыленко. В смысле срока?

Рамзин. В смысле срока. Опять-таки обсуждение срока, как я говорил утром, имело место достаточно детальное на утреннем заседании в «Торгпроме».

Крыленко. Вы получили твердые указания о 1930 г.?

Рамзин. Нет, в «Торгпроме» говорилось так, что надо будет ориентироваться на 1930 г., но возможно, что придется иметь сдвиг на 1931 г. Во всяком случае установка была на 1930 г.

Крыленко. Конкретно?

Рамзин. Да.

Крыленко. Так что тогда вам совершенно определенно указывался 1930 г. как срок интервенции?

Рамзин. Да. И в разговорах с Жуанвилем и Лукомским тот и другой подтвердили, что срок 1930 г. является приемлемым.

Вооруженные силы для интервенции

Крыленко. А как относительно вооруженных сил?

Рамзин. Относительно сил — на мой прямой вопрос, какой военной силой будут располагать интервенты в смысле численности, я прямого ответа не получил, но перечислили те военные силы, которые должны будут участвовать в интервенции, это — вооруженные силы Польши, Румынии, прибалтийских государств, и затем рассчитывали на поддержку английского флота на севере и на юге.

Крыленко. А экспедиционный корпус?

Рамзин. Да, то же самое и экспедиционный корпус врангелевских войск, при чем численность при этом разговоре точно не была определена. Когда я повторил ту цифру, которую я слышал вечером в «Торгпроме», а именно 600—800 тысяч, и сказал, что, по мнению некоторых, эта цифра является сомнительной и безнадежной, Лукомский и Жуанвиль тоже сказали, что для полной уверенности в успехе необходимо численность экспедиционного корпуса увеличить. Хотя, с другой стороны, Лукомский добавил, что он взялся бы за это и с такой армией при условии хорошего вооружения, но для полной надежды на успех надо рассчитывать на более крупную силу.

Крыленко. Следовательно вы достаточно точного в этом отношении ответа не получили?

Рамзин. Нет, потому что Лукомский ответил, что покуда подготовительная работа только ведется, поэтому рано еще говорить и окончательно подсчитывать силы. Это был ответ, который я получил на мой прямой вопрос, но были еще разговоры, о которых я уже докладывал. Он сказал, что окончательный военный план не составлен, рано еще окончательно подытоживать силы интервентов.

Крыленко. Как вам казалось, такого рода позиция обеих договаривающихся сторон, свидетельствовала ли она о том, что ваш собеседник не желает полностью открыть карты? Вы говорите, что

был тем не менее твердый ответ, что интервенция будет, может быть, они и тут хотели вас обмишурить?

Рамзин. В каком направлении?

Крыленко. По существу ничего не сказать. Вы договаривались определенно и четко, шли на большое рискованное дело. В этот момент в этих переговорах со стороны Жуанвиля, со стороны Лукомского, затем со стороны Ришара вы видели совершенно категорическое заявление, твердое и определенное — да, интервенция так или иначе будет — это одно, и другое, если говорить вообще.

Рамзин. В смысле организации интервенции здесь были данные совершенно твердого и определенного характера, что интервенция будет, что это не разговоры, что необходимо ориентироваться на 1930 г. Что же касается стратегических планов и вооруженных сил, то в этом отношении твердого ответа мне получить не удалось. Поэтому я себе об'яснил, что очевидно военные круги просто не желают говорить о тех силах, которыми они располагают, но что дело все же строится всерьез и что к интервенции серьезно готовятся.

Крыленко. И лишь в смысле конкретизации вы не получили особенно точных данных?

Рамзин. В смысле конкретизации плана—в этом отношении деталей мы не получили.

Крыленко. Хорошо. На свидании с Жуанвилем Лукомский присутствовал?

Рамзин. Да.

Крыленко. Он присутствовал в качестве кого?

Рамзин. Свидание было организовано из этих четырех лиц по таким соображениям: я — как представитель ЦК «Промпартии», Денисов — как представитель «Торгпрома» — это вторая сила, Жуанвиль — как представитель французского генерального штаба — тоже как третья действующая сила и Лукомский— как намеченный будущий организатор этой интервенции, являющийся связующим звеном между военными группами Франции и «Торгпромом».

Крыленко. Он намечался начальником экспедиционного корпуса?

Рамзин. То выражение, которое я слышал: военный руководитель интервенции.

Крыленко. Или военный руководитель экспедиционного корпуса из врангелевских и иных войск?

Рамзин. Я понимал таким образом, что Лукомский должен выступать в качестве военного руководителя всего экспедиционного корпуса.

Крыленко. А чем было вызвано свидание с Ришаром?

Рамзин. Свидание с Ришаром было вызвано желанием еще раз убедиться в наличии тех связей, о которых нам говорили в «Торгпроме», и надеждой получить дополнительные сведения, при чем свидание с Ришаром выдвигалось и «Торгпромом», потому что, насколько я понял, тогда были надежды на то, что через год Ришар должен был приехать лично в Москву для того, чтобы поддерживать более тесную связь с военной организацией «Промпартии» по интервенции. Таким образом связь с Ришаром была завязана с тем, чтобы впоследствии, после его приезда в Москву, я бы его уже знал.

Крыленко. Кто был на свидании с Ришаром?

Рамзин. Были мы четверо: я и Ларичев с одной стороны, с другой стороны был Ришар, и для помощи при переговорах нам от «Торгпрома» дали, по-моему, если не ошибаюсь, секретаря «Торгпрома» Новикова, который за нами заехал и отвез нас на квартиру к Ришару.

Крыленко. Может быть, теперь гражданин Ларичев нам продолжит о свидании с Ришаром?

Чем интересовался Ришар

Председатель. Подсудимый Ларичев.

Крыленко. Будьте любезны передайте все о свидании с Ришаром, на котором вы присутствовали.

Ларичев. Свидание с Ришаром состоялось, насколько мне помнится, кажется, на другой день после того свидания, которое было у Рамзина, при чем я на том свидании не был и, когда он мне на следующий день сказал, что предполагается такое свидание, при чем об этом предварительные переговоры были в «Торгпроме», я согласился поехать тоже на это свидание, хотя в этом отношении мое участие было относительно мало полезным, потому что я французским языком не владею и мне, я знал, будет несколько трудно. Но тогда Рамзин сказал, что с нами кто-нибудь поедет в качестве переводчика.

За нами действительно заехал этот секретарь «Торгпрома», и мы поехали на частную квартиру, повидимому на квартиру самого Ришара, я точно вам этого сказать не могу.

Разговор шел действительно на французском языке. Рамзин более или менее понимает язык, так что я частично слышал некоторые об'яснения, которые давал Новиков, и перевод некоторых мест этого разговора. Частично результат этого совещания мне известен из того, что я мог лично сам слышать из перевода Новикова, а частично после мне Рамзин дополнительно более полно сообщил.

Содержание беседы, которая была там (она была сравнительно коротка), как уже указал Рамзин, носила скорее характер знакомства, при чем в первой части был поставлен опять-таки тот же самый вопрос нами, т.-е. вернее Рамзиным, о том, в коей мере все эти приготовления и расчеты, о которых уже пришлось нам

слышать на предыдущих совещаниях, более или менее реальны. В этом отношении мы получили полное заверение в том отношении, что он как один из работников французского военного штаба принимает самое активное участие в этих работах по предварительной подготовке, как он выразился.

Крыленко. Где принимает участие?

Ларичев. В военных кругах французского штаба.

Крыленко. Кто?

Ларичев. Ришар.

Крыленко. Чем он интересовался?

Ларичев. Он интересовался теми данными, которые могли бы помочь проводить интервенцию.

Крыленко. А именно?

Ларичев. А именно положением с новым строительством военной и химической промышленности. Поскольку, как уже Рамзин говорил, раньше очевидно сведения у них были достаточны, а теперь эта связь у них прервалась, то они очевидно хотели иметь получение данных об этих наиболее интересующих их отраслях промышленности. Так как мы были оба совершенно не в курсе дела работы этих отраслей, даже современного состояния, то не могли характеризовать этих отраслей промышленности, и в данном случае пришлось ограничиться именно тем же самым заявлением, которое было сейчас сделано Рамзиным, относительно того, что по приезде в Москву постараемся этим вопросам уделить соответствующее внимание и изыскать возможности для этого. Тем более, что начало этих разговоров, как вы слышали, было еще весной или летом, во всяком случае в середине 1928 г., и это было здесь в Москве.

Крыленко. Вы ему лично сообщить никаких сведений по военно-химической промышленности не могли?

Ларичев. Абсолютно ничего, потому что мы были не в курсе по вопросам этой промышленности.

Крыленко. А по вопросу о методах внутренней подготовки интервенции вы сообщали?

Ларичев. У меня создалось впечатление, что он интересовался и нами, тем, что мы из себя представляем, так как мы — люди для него новые. Он желал прощупать нас и, насколько я мог судить из реплик, которые переводил Новиков, и из разговора с Рамзиным, то он очень осторожно выпытывал, — хотя и знал, каковы наши построения, — на что мы можем влиять, где наши опорные пункты, если можно так выразиться, и вообще хотел выяснить характер, лицо нашей организации. Но было это сделано в такой форме, что повидимому он уже знал достаточно подробно о наличии этой организации.

Крыленко. Если сравнить метод отношения к вам со стороны Денисова и других и со стороны военных чинов, то разница была в трактовке вас?

Ларичев. Я не совсем уяснил. В чем трактовка?

Крыленко. Видите, Денисов и другие из «Торгпрома» с вами ездили туда и сюда, разговаривали с вами относительно того, подходит или не подходит 1930 г. с точки зрения готовности страны в смысле общехозяйственного кризиса и т. д. Этой стороной они интересовались или больше практическими узкими военными вопросами с точки зрения того, как они могут вас использовать?

Ларичев. Я лично вынес впечатление, что их интересовало главным образом, какую реальную силу мы из себя представляем, в какой мере можно получить через нас ту или иную опору. Отсюда и последовали довольно настойчивые заверения в серьезности вопроса, а затем дальше — переход к вопросам ощупывания нас, каковы наши реальные возможности в смысле проведения той или иной работы, их интересующей, и главным образом работы прямо шпионского характера и сообщения сведений. Эти вопросы были конкретно поставлены ими в части нового строительства, именно, что делается в этой части.

Крыленко. Вы показывали в своих показаниях от 31 октября: «Со своей стороны Ришар интересовался нашей работой в области военной, химической промышленности и просил Рамзина доставлять дальнейшие необходимые сведения об их работе; кроме того интересовался, какие об'екты нового строительства, могущие иметь оборонное значение, намечены к осуществлению в СССР в ближайшие годы». Вот та конкретная сторона, которая его интересовала. Эту часть вы подтверждаете?

Ларичев. В части об'ектов нового строительства — это та часть разговора, которая стремилась выяснить плановую часть. Поскольку мы говорили, что стремились работать в области охвата плановой части, они стремились узнать, каков план ближайшего периода.

Крыленко. Вопрос об установлении связей через Р. обсуждался на этом свидании?

Рамзин. Нет, на свидании, происходившем через Лукомского и Жуанвиля. В конце этого свидания и была установлена связь.

Крыленко. Эта связь с Р. устанавливалась в присутствии Жуанвиля, или это Денисов устанавливал связь?

Рамзин. Когда вопрос подошел в конце свидания к установлению связей, Денисов сказал, что в дополнение той связи, которая была через г. К. с французскими правительственными кругами, есть вторая связь с французским генеральным штабом при посредстве г. Р., через которого можно поддерживать связь и с французским генеральным штабом и с «Торгпромом».

Крыленко. Больше вы с ними в этот период не встречались?

Рамзин. Всего было четыре встречи, первая—через Лукомского и далее встречи с Жуанвилем и Ришаром. Мы были в Париже всего 5 или 6 дней.

Крыленко. Затем эти факты вы передали непосредственно в Москву?

Рамзин. Когда мы приехали в Москву в конце 1928 г., мы с Ларичевым сделали в ЦК доклад и сообщили те сведения, которые привезли.

Крыленко. Можно ли считать установленным, что в результате переговоров вы взяли на себя исполнение определенных заданий, получая для этого соответствующие связи, при чем, скажите пожалуйста, эта связь носила только характер связи или же характер контроля над вами?

Рамзин. Контролировать нас едва ли могли лица, которые были нам даны для связи. Они могли только понуждать нас к выполнению тех или иных заданий.

Крыленко. Так что они были к вам приставлены в смысле определенного нажима?

Рамзин. Эту роль они и выполняли. Особенно с конца 1929 г. они нажимали весьма в смысле ускорения диверсионной работы в этих двух остальных направлениях.

Крыленко. Мы это будем разбирать впоследствии.

Теперь, что касается той части заданий, которые касаются связей с военными кругами по подготовке хозяйственного развала в стране, эту часть с кем обусловливали?

Рамзин. Эту часть обусловили с «Торгпромом» в утреннем совещании и в вечернем разговоре, который имел место. Этой частью интересовались лишь поверхностно, считая ее необходимой для легкости осуществления интервенции путем создания кризисов и недовольства среди населения, но детализацией вопроса не занимались.

Крыленко. Можно задать вопрос подсудимому Федотову?

Пуанкаре и «Торгпром» нажимают

Председатель. Подсудимый Федотов.

Крыленко. Гр-н Федотов, меня интересует именно эта сторона вопроса — подготовка кризисов и хозяйственного развала в стране к моменту интервенции. По сообщению Карпова, при вашем свидании с ним они входили в круг вопросов, интересовавших Пуанкаре, когда у него были промышленники?

Федотов. Входили.

Крыленко. Каким образом?

Федотов. Они входили в круг вопросов, которые поставил передо мной Карпов, и он говорил, что расстройство планов, устанавливаемых для нашей индустриализации, является основным козырем в руках «Торгпрома», и Карпов говорил, что необходимо эту работу усилить с тем, чтобы произвести влияние, показать достаточный успех в этом направлении.

Крыленко. Меня интересует, была ли такая постановка вопроса во время свидания-аудиенции Пуанкаре с представителями «Торгпрома», не требовал ли он того, чтобы инженерная организация усилила свою работу для подготовки необходимых условий для успехов интервенции. Это требование ставилось Пуанкаре?

Федотов. Да, именно это требование ставилось, требование о том, чтобы работа по подготовке почвы для интервенции поставлена была более глубоко и интенсивно. Насколько я понял тогда, мое свидание с Карповым было несколько раньше, чем свидание проф. Рамзина, это было в августе или октябре, и как я понял из сообщения Карпова, он приехал именно с тем, чтобы усилить нашу работу, так как это требование было поставлено Пуанкаре «Торгпрому». Подготовка почвы должна быть проделана более резко и сильно, недовольство населения должно вылиться резче, чем это проявлялось до сих пор.

Крыленко. Вы говорите, что козырь был в руках «Торгпрома». В каком смысле это был козырь?

Федотов. В том смысле, что «Торгпром», со своей стороны подготовив почву, может тогда ставить свои требования, что он является как бы равной стороной. Я так понял.

Крыленко. Вы понимали, что «Торгпром» или Карпов указывал, что вопрос относительно работы по развалу хозяйства в стране есть то средство, при помощи которого «Торгпром» может аргументировать себя?

Федотов. Именно, и только в случае, если «Торгпром» эту работу проведет, с ним будут разговаривать.

Крыленко. Я хочу просить вас подтвердить ваши показания на 90-й странице, том 2-й, так ли было дело.

«Практически интервенция предполагалась главным образом силами Польши, Румынии, Эстонии и Литвы с небольшим участием... ...Общее руководство действиями берет французский генеральный штаб. Но, дав обязательство разработать этот вопрос в генштабе, Пуанкаре очень настойчиво указывал на необходимость подготовки почвы в самой России, потому что, хотя и выявляется в России недостаток в товарах, однако обещанного эмигрантами недовольства не видать, и поэтому подготовительную работу нужно усилить».

И для этого «Торгпром» специально просит усилить работу...

Федотов. Совершенно верно. Я не помнил, какие выражения были употреблены мною раньше, но сущность моего показания, только что сделанного, полно-

стью подтверждает то, что вы прочли. Карпов определенно приехал с целью побудить нас проводить работу более энергично, вызвать недовольство. «Недостаток товаров есть, а недовольства нет — как же это так? Очевидно, работа недостаточно яркая, недостаточно сильная, нельзя ли ее усилить?» — дело переходит в руки учреждения более сильного, более практичного, это учреждение требует от «Торгпрома» определенных данных, требует от «Торгпрома», чтобы он выложил на стол — «отец-дьякон, деньги на кон».

Крыленко. Скажите, пожалуйста, это свидание с Карповым вами было обусловлено в Москве?

Федотов. Нет, это свидание совершенно не было обусловлено. Наоборот, когда я ехал, свидания не предполагалось. Никак не предполагалось, что Карпов приедет ко мне. Я не ехал в Париж и во Францию не собирался, я собирался быть только в Германии. Потом поехал в Англию уже по ходатайству моему, посланному из Берлина в ВСНХ, и по полученному дополнительно разрешению на поездку в Англию. Я никоим образом не предполагал попасть в Париж. Кроме того, у меня был чрезвычайно определенный круг задач, ездил я вдвоем с профессором Леоновым, партийцем, жили все время вместе, и никоим образом не предполагал я встретить кого-либо. О том, что я еду, знал Хренников. Я полагаю, что Хренников сообщил через К. о том, что я выехал. Когда я приехал в Берлин, я получил письмо от Карпова,— письмо, сначала написанное в общих выражениях — «ваше здоровье и т. п.», что было бы желательно повидаться и не могу ли я к нему приехать в Париж, что это так просто, так легко и что, если нужно, он мне достанет визу. Я ответил, что ехать не могу, что мое время ограничено и строго определено. Тогда он ответил, что приедет сам в Берлин на один день и что он мне сообщит, когда приедет. Действительно он сообщил и просил в такой-то день встретить его в определенном месте, в Тиргартене. Оттуда мы взяли автомобиль и поехали в кафе на окраину. Он, кажется, даже в отеле не останавливался, а останавливался у той госпожи, у которой жил долгое время в Берлине. В этом кафе мы в отдельной комнате сидели довольно долго, так часа полтора, а может быть два, разговаривали. Потом он уехал. Повидимому, тут же ночным поездом уехал в Париж...

Крыленко (к председателю). Мне гражданин Федотов больше не нужен.

Председатель. Подсудимый Федотов, можете сесть.

Силы интервенции об'единялись

Федотов. Я бы хотел обратить внимание на то, о чем все время в течение этих показаний я думал...

Характерно то, что в этом 1928 г. появляется новый факт, который кладет отпечаток на все переговоры. С одной стороны, в свидании моем с Карповым упоминается имя Милюкова как одного из будущих министров, — выходит, как-будто с левой частью белой эмиграции имеется соглашение. С другой стороны, проф. Рамзин указывает на то, что идут переговоры об употреблении врангелевских войск, — они в руках у правых — и, таким образом, мы видим уже сочетание всех эмигрантских сил. Этот факт является чрезвычайно характерным, чрезвычайно ярко рисующим положение, а именно, что для этой новой интервенции собираются все силы. Очевидно, чувство роста мощи Союза настолько сильно, что все, забыв причины различия, стремятся соединиться в одно целое.

Но, с другой стороны, характерен и ваш вопрос, предложенный только что проф. Рамзину, относительно того, не обмишурили ли и не старались ли обмишурить; я полагаю, этот вопрос имеет чрезвычайно прочное обоснование: мне думается, что они старались форменно обмишурить, потому что перед нами сочетание сил, чрезвычайно разнородных и разнообразных, и какой результат из сложения этих разных сил может произойти в случае успеха интервенции, совершенно трудно предсказать. Во всяком случае добра от такого сочетания ждать нельзя.

Крыленко. Вы говорите, что характерным фактом считаете факт соединения сил правых?

Федотов. Которые до тех пор никак не сливались. Два года назад никто бы не ожидал встретить Милюкова в качестве кандидата в министры будущего правительства, выставляемого «Торгпромом». С другой стороны, монархисты, экономические интересы которых (они ведь по большей части феодалы) противоречат торгово-промышленной партии,— можно ли было ожидать, что произойдет трогательное согласие и что они дадут свои силы в распоряжение «Торгпрома»? Очевидно, не дадут. Очевидно, что у генштаба Франции, у той силы, которая взяла в свои руки это дело, было намерение привлечь все, что возможно — и монархистов, и генерала Лукомского, и генерала Врангеля, и «Промышленную партию» в Москве. Все, что только можно сделать для того, чтобы подготовить почву.

Крыленко. Ваш вывод таков, что у вас создавалось или сейчас создается впечатление, что у той силы, которая фактически распоряжалась всем, было стремление в этот момент все об'единить...

Федотов. Уже тогда у меня создалось впечатление, что центр движения перешел из рук «Торгпрома», а теперь, сопоставляя все эти факты, я прихожу к заключению, что они подтверждают это мое впечатление, что факт соединения

разных слоев эмиграции, разных групп, до сих пор соперничавших или не соглашавшихся друг с другом, в одно трогательное целое подтверждает, что, в сущности говоря, не они друг с другом столковались, а каждую из этих групп, так или иначе, привлекал к себе генеральный штаб и дергал их за веревочку.

Крыленко. У меня пока вопросов нет к подсудимым Федотову и Ларичеву.

Председатель. У защиты нет вопросов?

Оцеп. Нет.

Председатель. Подсудимый Федотов и подсудимый Ларичев, вы можете сесть на место.

Связь с «Торгпромом» передается Осадчему

Крыленко. Гражданин Рамзин, расскажите о последней своей поездке.

Рамзин. Последняя моя поездка была в июне 1930 г. Я был в Германии, в Берлине, будучи командирован на всемирную энергетическую конференцию, причем до моей поездки в Берлин я тоже самое известил о моем приезде «Торгпром» через профессора Сушкина, который находился раньше в Берлине, причем писал о желательности использовать мою поездку в Берлин для встречи с Денисовым или с кем-нибудь из руководителей, кто в этом время там будет. Я предполагал пробыть в Берлине с 15 июня по 15 июля.

Крыленко. С кем вы хотели встретиться в эту поездку?

Рамзин. Я писал, что хотел использовать эту поездку для встречи с Денисовым или с кем-нибудь из руководителей «Торгпрома» в Берлине, если он не сможет быть там сам.

Когда я приехал на энергетическую конференцию, я встретил там инженера Ценкера (один из старых инженеров, служивших в текстильной промышленности и имевших крупные связи, тоже из эмигрантов), который мне передал, что он имеет поручение переговорить со мной от имени «Торгпрома». А именно он мне передал, что Денисов предполагает приехать в Берлин для свидания со мной примерно в начале июля, от 5 до 10 июля, а что пока он имеет поручение предварительно переговорить со мной и выяснить положение дела. К этому моменту та связь, которая у нас имелась через г. Р., была уже сорвана в виду его от'езда из Москвы, и поэтому регулярные сношения с «Торгпромом» и с заграницей в значительной мере были разрушены, чему также способствовали аресты — и Федотова и Ларичева в апреле. Так что эту поездку мне хотелось использовать, во-первых, для непосредственных переговоров с Денисовым для того, чтобы осветить ему действительное положение дела, особенно в связи с отсрочкой интервенции с 1930 на 1931 г., для выяснения более конкретных планов, которые имеются на предстоящий год, и, кроме того, восстановить отчасти разрушенные связи, которые необходимо было восстановить для дальнейшей работы, если думать о ее серьезном продолжении.

Инженер Ценкер, Андрей Андреевич, работал долгое время на Серпуховской мануфактуре перед от'ездом за границу, а за границу он выехал, если не ошибаюсь, в 1918 г. Я с ним был знаком еще до революции, был хорошо с ним знаком Кирш, так что это мой давнишний знакомый. Я его встретил на самой конференции, в помещении конференции. Он, повидимому, имел специальное поручение от «Торгпрома» и старался всячески ободрить в проведении дальнейшей работы «Промпартии», потому что я рассказал об арестах членов ЦК «Промпартии» и затем о провале целого ряда организаций, о чрезвычайно тяжелой обстановке, которая создалась в работе, и, главное, о той моральной депрессии, которая создалась в работе «Промпартии» под влиянием отсрочки интервенции с 1930 на 1931 г., и о том, что такая отсрочка в рядах «Промпартии» вселяет известную неуверенность в осуществлении интервенции и в 1931 г. Я передал о тех настроениях неуверенности, которые создались в рядах «Промпартии», и о крайне утяжеленной обстановке для работы. Ценкер старался уверить меня в том, что намерения и возможности осуществить интервенцию в 1931 г. являются абсолютно прочными, что в этом отношении подготовка идет самым энергичным порядком, что осталось в действительно тяжелой обстановке проработать небольшое время. Он всячески убеждал меня продолжать эту работу и говорил, что это — срок окончательный. Он уговаривал дождаться Денисова с тем, чтобы можно было переговорить с ним. В виду того, что я уехал 27 июня, я Денисова не мог дождаться и просил переговорить с Денисовым одного из руководящих деятелей «Промпартии» и члена ее последнего ЦК Осадчего, который оставался за границей дольше моего недели на две.

Крыленко. В Париже вы видели только Ценкера?

Рамзин. Ценкера и Ясинского.

Крыленко. Этого самого, о котором шла беседа?

Рамзин. Да.

Крыленко. Значит, беседа была о причинах отсрочки интервенции, о состоянии работ «Промпартии» и в частности о том, насколько была готова «Промпартия» к интервенции в 1930 г.?

Рамзин. Этот вопрос был выяснен еще раньше перед беседой с г. Р. в 1930 г. и потом по той переписке, которая была в конце 1929 г. и в 1930 г. Так что здесь было повторение тех информаций, которые были в этом отношении известны, и Ценкер ничего нового не дал.

Крыленко. Получилось так, что обе стороны не сумели выполнить свои обязательства к 1930 г.?

Рамзин. Да, обе стороны не сумели выполнить. И «Промпартия» не выполнила тех заданий, которые на нее возлагались, и заграничные круги не сумели организовать интервенцию в 1930 г.

Крыленко. Мотивы отсрочки интервенции на 1931 г. вам излагались в Москве?

Рамзин. Я подробно излагал это в предыдущем показании. Они излагались на основании разных источников, и момент наиболее полный имел место при моем последнем свидании с г. Р. в конце 1929 г., незадолго до его от'езда.

Крыленко. Можно установить факт, что последняя связь была в июне—июле 1930 г. с Ценкером и Ясинским, а затем и связь, и задания, которые не были окончательно завершены, были переданы Осадчему?

Рамзин. Который должен был дождаться Денисова и провести с ним разговор. Сведений о том, какие произошли перемены, я не получил, потому что скоро был арестован и Осадчего не видел.

Крыленко. Для меня фактическая сторона в этой части исчерпана. Можно было бы перейти к дальнейшему опросу.

Председатель. У защиты есть вопросы к Рамзину? (Нет).

Об'является перерыв на 15 минут.

Председатель. Заседание Специального присутствия возобновляется.

Тов. комендант, пригласите в зал заседания свидетеля Осадчего.

Комендант. Есть. (В зале шум).

Председатель. Прошу успокоиться. Гражданин Осадчий?

Осадчий. Да.

Председатель. Ваше имя, отчество?

Осадчий. Петр Семенович.

Председатель. Гр. Осадчий, вы приглашены в качестве свидетеля по делу контрреволюционной организации—«Союза инженерных организаций», «Промпартии». Я должен вам напомнить, что, согласно ст. 274 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, вы, как свидетель, должны показывать правду, о чем я обязан вас по закону предупредить. Угодно прокуратуре перейти к допросу?

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ ОСАДЧЕГО

Крыленко. Вам было известно, гр. Осадчий, о существовании «Промпартии»?

Осадчий. Известно.

Крыленко. Вам было известно о целях, которые ставила «Промпартия»?

Осадчий. Известно.

Крыленко. Вам было известно о связях, которые имели «Промпартия» и ее так называемый ЦК с заграничными кругами?

Осадчий. Известно.

Крыленко. Вам было известно о связях «Промпартии» с иностранной вооруженной интервенцией?

Осадчий. Известно.

Крыленко. Скажите, пожалуйста, в двух словах, если хотите, несколько подробнее, конкретно об этой установке на интервенцию в последние 1929, 1930 гг. Что вам известно и что в связи с вашей поездкой за границу, кроме возложенной на вас работы, было вам поручено «Промпартией» и что вами было там реализовано?

Во главе интервенции должна была стоять Франция

Осадчий. Я примкнул к «Промпартии» в начале 1929 г., был близок к ЦК «партии», возглавляемому Рамзиным приблизительно с середины 1929 г. и состоявшему в то время из Рамзина, Ларичева, Калинникова, Федотова, других не помню. Со времени ареста Ларичева и Федотова, кажется в марте 1930 г., я был формально включен в состав ЦК. С марта 1930 г. состав ЦК определяется следующий: Рамзин, Калинников, Федотов, Чарновский, о котором я раньше забыл упомянуть, Осадчий и Шейн. Будучи близок к ЦК, возглавленному Рамзиным и Ларичевым в 1929 г., я знал в общих чертах о том, что было уже сделано в отношении интервенции до этого времени. Я знал определенно, что Рамзин и Ларичев в конце 1928 г. были в Париже, имели связи с «Торгпромом» и имели связи с представителями французского генерального штаба. Уже тогда мне был известен ряд имен: из «Торгпрома» назывались Гукасов, Денисов, Рябушинский и другие, из представителей французского генерального штаба много раз называли полк. Ришара, в руках которого было много сведений, касавшихся интервенции. Мне было известно уже тогда, что ген. Лукомский намечался как будущий глава, командующий белогвардейскими интервенционистскими армиями. Детали мне не были известны до тех пор, пока я не вошел в состав центрального комитета. В центральном комитете на его заседаниях, следовательно в марте, а может быть в апреле месяце 1930 г., впервые предо мной развернулась полная картина намечавшихся планов интервенции. Она запечатлелась мною в таком виде. Во главе интервенции должна была стоять Франция, которая вела в лице ее генерального штаба и при содействии «Торгпрома» повидимому длительную подготовительную работу. У меня сохранилось воспоминание, что работа этих организаций началась раньше 1928 г., когда в Париже были Ларичев и Рамзин. За Францией повидимому должно было оставаться руководство, повидимому инструктаж, повидимому некоторое материальное снабжение интервенционистской армии, — на центральном месте оставалась. Активную роль должны были играть, кроме белогвардейской армии, две стороны — Румыния и Польша, называ-

лась из лимитрофов определенно Финляндия, как страна, активно настроенная против Советов, и как страна, имевшая повидимому большой опыт в отношении провокаций всякого рода пограничных инцидентов, так как именно пограничные инциденты шли по всей границе — в Румынии и Польше, но у меня запечатлелось главным образом, что в Финляндии должно быть спровоцировано выступление интервенции. Что касается срока интервенции, то в тот период, когда я работал в комитете и был близок к нему у меня все время было представление, что это будет летом истекающего 1930 г. И только в заседании комитета в марте или апреле 1930 г., когда в сущности должно было надвигаться интервенционистское наступление, мне сделалось определенно известно, что Рамзин имел уже сведения о неготовности извне интервенционных сил к осуществлению интервенции в назначенный срок.

Я забыл упомянуть, что мне было известно в общих чертах, что существуют в Москве сношения членов центрального комитета с агентами французской службы. В комитете совершенно определенно я узнал, что существуют два лица — К. и Р. (под этими инициалами они фигурировали), которые, — у меня осталось такое впечатление, — в течение всего 1929 г. уже имели сношение с представителями ЦК и служили посредниками в его сношениях с Парижем. Тут же в комитете я определенно узнал, — хотя и раньше, будучи близок, слышал, — о солидных суммах, полученных из Франции. У меня осталось впечатление, что эта сумма шла из различных источников. Тут был и «Торгпром», тут был повидимому и генштаб, тут были повидимому сочувствующие организации, сочувствующие подготовке интервенции внутри страны. Сумма эта в марте определялась величиной около — повидимому несколько больше даже — 1 миллиона руб.

На этом заседании получилась картина определенная, что если бы даже интервенция извне была готова к выступлению летом 1930 г., то во всяком случае «партия», поскольку она обязалась, в особенности получив крупные суммы, вести подготовительную работу внутри страны к интервенции, не успела ее выполнить, точнее — выполнила ее не в значительной мере.

У меня получилась ясная картина, что, несмотря на некоторые успехи в подготовительной работе, которые главным образом были достигнуты в области электроснабжения (во всяком случае эта область, близкая мне, и по ней запечатлелись все детали), хотя тут было достигнуто замедление темпов, хотя тут повидимому имелись организационные ячейки в отдельных управлениях по электроснабжению, которые преследовали цель и имели задания подготовки интервенции, подготовки централизованной в направлении овладения максимумом средств и путей электроснабжения и максимумом возможностей в требуемый момент прервать, или частично или полностью, это снабжение — во всяком случае вести его так, чтобы оно соответствовало целям интервенции; хотя тут были достигнуты некоторые успехи, и замедлившееся невероятно электростроительство в Донбассе, замедлившееся электроснабжение центрального района Москвы, замедлившееся электроснабжение Ленинграда свидетельствовали, что тут некоторые результаты достигнуты, но эти результаты были малы для того, чтобы признать, что партия действительно систематически подготовила страну в отношении технических средств к интервенции. Кроме того, тут же выяснилось, что работа диверсионных групп в промышленности не достигла той степени готовности, на которую рассчитывали руководители.

Что предрешило смерть «Промпартии»

Но центральным местом было не столько техническое положение подготовки внутри страны, сколько общеполитическое, общественное, социальное, как оно выявилось в марте, в начале апреля, может быть, 1930 г. То, что в 1929 г. предполагалось как фактор, содействующий технической работе «Промпартии», на которую она главным образом и была способна, это надежды на то, что действительно будет осуществляться замедление темпов, — это сразу было опрокинуто жизнью. То, что считалось фактором почти решающим, — классовая борьба, достигшая своего обострения повидимому уже в 1929 г., классовая борьба в деревне, которая, представлялось, могла создать условия, более благоприятствующие интервенции, чем вся техническая работа партии, в виде восстаний кулачества, в виде, может быть, ослабления настроений середнячества в деревне, что до января, даже до февраля, казалось факторами, нарастающими и подготовляющими интервенцию, и что в этот период до марта, казалось, идет в разрез с неготовностью интервенции извне, уже в феврале, — кажется это было в феврале или в начале марта, — после исторической статьи Сталина о том, что от успехов закружилась голова, раскрыло перед многими (я не скажу перед всеми) деятелями «Промпартии» иную картину.

Оно раскрыло, что это не было руководство центральной власти, ЦК коммунистической партии, что это были перегибы на местах, что это были извращения. Эта историческая статья, во всяком случае в моем представлении, совершенно изменила вот те факторы, я говорю не технические, для интервенции, которые до того времени казались реальными.

В этот момент они как факторы политические, как факторы, так сказать, дли-

тельные, как факторы политической установки власти исчезли. Они сделались факторами преходящими, и сама острота классовой борьбы, сама жестокость, которая до того времени давила некоторых членов партии, давила морально, как большие жертвы, потребность в которых не была ясна, — в марте сделалось ясно, что это не так, что это не есть политическая установка власти.

Вот в таком приблизительно положении очутился ЦК «Промпартии», и вот, мне кажется, на своем последнем решающем заседании, когда увидели неподготовленность извне и то, что подготовительная работа не достигла существенных результатов, определенно выяснилось, что затраченный миллион не соответствует достигнутым результатам. Они мизерны по сравнению с действительностью, когда политическая обстановка изменилась, изменилась не в смысле может быть текущей жизни, классовая борьба продолжалась, но она затихала. Статья и последующие выступления говорили: это не есть политические установки, эти явления в обширной стране неизбежны, пока распоряжения центра в чистом виде достигнут осуществления на местах. Создалось положение, которое уже предрешало, по моему мнению, смерть «Промпартии» и смерть всех тех надежд, которые питали ее руководители. В таком приблизительно виде, я могу привести детально, представилось дело к маю, когда Рамзин, я и целый ряд лиц уже готовились срочно к выезду на международную энергетическую конференцию в Берлине, открывавшуюся 15 июня.

Комитет уже после этого заседания определенно решил ответить в Париж через агента, что не только вы, но и мы не готовы и страна не готова. Комитет немного распространялся на эту тему, ютому что политическое положение в тране после статьи Сталина уже было ясно всем извне. Но, может быть, неясно ыло и не могло быть ясным за границей то, что предвидели уже внутри. Неэно было там неизбежное поражение завого уклона, на которое несомненно эльшинство рядовых членов нашей парии и некоторые деятели ЦК делали в чале своей работы основную установ-, — прежде всего содействовать право- уклону, который мыслился вначале, нечно не в 1930 г. и не в конце 9 г. — мыслился в том отношении, что может быть, даст разрешение некоых задач, — не всех, некоторых задач ерождения власти с переходом ее в и правого уклона, в направлениях, ечавшихся по отдельным статьям и омпартией» — в направлении смягче- классовой борьбы, в направлении доения в известных рамках деятельночастного капитала и проч. Это было известно, предчувствовалось внутри ны в марте, в апреле, — за границей И, насколько мне известно, в ответе в Париж в характеристике положения, в характеристике фактов неготовности страны к интервенции было указано между прочим и на это обстоятельство. Определенно было указано, что в июне должен состояться XVI партийный с'езд и что конечно это будет решающим моментом в отношении политических установок.

Совершенно естественно в комитете, когда неготовность к 1930 г. определялась, возник вопрос, — и на него «Торгпром» и французский генеральный штаб нетерпеливо ожидали ответа, — ну, а когда же внутри сможете подготовить?

Они не говорили определенно, — у меня такое впечатление, — они срока не назначали, но от «Промпартии» ждали, но комитет не знал совершенно степени подготовленности извне. Во всяком случае мне не было ясно и трудно было решить вопрос, какой же дать ответ, когда можно ожидать благоприятную ситуацию для интервенции. Но ответ надо было дать, он ожидался, и в ЦК ориентировочно, приблизительно говорилось — ну, отсрочим на год. Было сообщение повидимому, что внутри страны подготовительные работы могут подвинуться независимо от политической установки, которая должна была определиться уже в июне, они могут подвинуться в течение года значительно.

Вот повторяю, в каком положении находился этот вопрос ко времени отъезда Рамзина и меня в Берлин. Рамзин уехал раньше, я запоздал с подготовкой материала и выехал позже. Мы встретились там с Рамзиным уже в 20-х числах июня, вероятно 24 или 25, и от Рамзина я узнал, что он имел свидание в Берлине. У меня осталось в памяти определенное лицо, имя Ясинского, профессора, которого я знал в Москве много лет тому назад, который был выслан из пределов Союза. Кажется еще другие свидания были, я не могу их назвать, не осталось сейчас в памяти, и договорился с Ясинским. А это постоянный житель Берлина. Для меня осталось неясным, являлся ли он не то представителем, не то агентом, не то доверенным лицом «Торгпрома» по некоторым вопросам связи «Торгпрома» с белоэмигрантами в Берлине. Словом, договорился я с Ясинским о том, что в начале июня, даже может быть в последних числах июня он готов встретиться с желавшим переговорить с ним, после получения этих сведений от комитета, Денисовым из «Торгпрома». Я это узнал от Рамзина на заседании конференции, на многолюдном заседании, где трудно было говорить о деталях. Рамзин мне сообщил, что он вынужден тотчас после окончания конференции уехать из Берлина в СССР по неотложным делам «Промпартии», и просил меня быть его заместителем, представителем в свидании с Денисовым, которого я никогда не видел и с которым у меня тем для разговора о де-

талях, которые повидимому могли интересовать Денисова, не имелось. Я отказался. Я сказал — не желаю встречаться ни с каким Денисовым и Ясинским. Кроме того, у меня были личные поводы в отношении Ясинского. Кроме того, я должен был выехать из Берлина в Скандинавию. Там открывалась сейчас же после Мировой энергетической конференции Международная электротехническая комиссия, на которую я был официально делегирован также от Союза в числе 4-х делегатов. Рамзин был недоволен. У меня сохранилось впечатление, что он все-таки вынужден уехать в СССР, и таким образом повисает в воздухе это свидание с Денисовым.

Меня мало это трогало. Мы спешно расстались, и я 26 июня выехал на собрание Международной технической комиссии. Собрания комиссии бывают периодически каждые пять лет. Вначале заседание было в Копенгагене, продолжение центральной работы в Стокгольме, которое длилось 10 дней, и затем заключительный акт в Осло. Я приехал в Стокгольм вероятно 29 июня, в Копенгагене был один день, а в Стокгольме, пробегая газету, увидел, что шведские газеты с конца июня были переполнены сведениями, печатавшимися сплошь и рядом жирным шрифтом, с жирными заголовками о фашистских выступлениях в Финляндии, которые имели место летом, и о пограничных инцидентах с СССР.

Свидание Осадчего с Денисовым

Под влиянием этих сведений, — я в Стокгольме пробыл неделю и почти ежедневно переживал эти сведения, — у меня явилось чувство ответственности, известная доля страха за последствия в том, что я, будучи членом комитета, носящий полную ответственность за все, что выпадает из-за его работы, отказался исполнить просьбу Рамзина, и уехал с впечатлением, что и он не останется за границей. Поэтому я решил пойти на свидание с Денисовым и Ясинским. Мне определенно говорили, что свидание должно произойти с этими двумя лицами. Я сообщил Ясинскому в Берлин, — это было в первых числах июля, — что я буду в Берлине 10 — 11 июля проездом и что я готов встретиться с ним, а нужно сказать, что Рамзин предупредил Ясинского, что я заменяю Рамзина в переговорах с Ясинским и Денисовым. Со своей стороны я назначил как более удобный для меня день 10-е июля, назначил время около 9 часов вечера и назначил место на вокзале около Фридрихштрассе, у киоска, где разменивают валюту, который в эти часы закрыт и обыкновенно пустует.

10 июля я вернулся в Берлин и к 9 часам отправился на Фридрихштрассе, прогуливался в пустоте и безлюдьи возле киоска размена иностранной валюты и видел, что около 9 часов вечера, даже немножко позже, появилась фигура Ясинского, человека высокого роста, фигура, которую можно издали узнать. С ним было незнакомое мне лицо. Ясинский подошел ко мне, он меня знал тоже в лицо, и отрекомендовал — член «Торгпрома» Денисов. Я Денисова не знал и впредь его буду называть лицом, назвавшим себя Денисовым. Но я могу восстановить сейчас образ, как он запечатлелся у меня. Человек невысокого роста, во всяком случае ниже ростом, чем Ясинский, бритый, с проседью в волосах, в сером пальто, кажется в серой шляпе, у меня запечатлелось, что и глаза у него серые. Вот внешняя характеристика лица, которое мне было отрекомендовано. Я сказал, что я к вашим услугам. И Ясинский повел нас по Фридрихштрассе и завел в одну из второразрядных, во всяком случае грязную и не первоклассную пивную-кафе. Я не могу точно назвать ее названия, но у меня ясно осталось в памяти, что это было с правой стороны, если итти от вокзала по Фридрихштрассе, это было не так близко от вокзала, повидимому, пройдя две-три пересекающих улицы. Уселись за столик в глубине пивной. Народу в этот час было немного, и Денисов обратился ко мне, при чем Ясинский сидел в стороне и все время безмолствовал. Он как бы сыграл роль посредника, свел меня с Денисовым и затем предоставил меня Денисову. Денисов начал с того, что выразил довольно резко свое неудовольствие тем, что вместо Рамзина, с которым он ожидал встретиться, он встречается и должен вести разговор по очень конспиративным вопросам с другим лицом. Повидимому все же было ясно, что он был подготовлен Ясинским, что я — лицо, с которым во всяком случае можно говорить, лицо, но неизвестное. После этого он сказал: об'ясните подробно, почему и в чем неподготовленность работы вашей «партии». Я ему повторил более или менее то, что я доложил уже суду, но прибавил, что — вы видите, — это было 10 июля, к этому времени партийный с'езд уже закрылся или закрывался, во всяком случае газеты были полны сведениями о результатах партийного с'езда, и совершенно ясно было, что правый уклон не только был побежден, но был раздавлен. Основной факт политический резко свидетельствовал, что условия, на которые можно было рассчитывать до этого, обратились в худшую сторону. Денисов выслушал и с негодованием сказал: это политическая сторона, вы тут ничего не могли сделать, вы забрали у нас миллионы. Речь шла очевидно о миллионах франков. «Вы забрали у нас миллионы и повидимому ничего не сделали, повидимому не подготовили страну». Я ему сдержанно ответил, что меня удивляет такое преувеличение им и очевидно «Торгпромом» значения «Промпартии» в подготовительной к интервенции деятельности, но, выполняя

миссию комитета, прибавил: «Но вам ведь сообщено мнение комитета, что в течение года, к лету 1931 г. подготовительные работы значительно подвинутся вперед».

На это Денисов, с негодованием еще большим, заметил: «Что 1931 г. — ведь это будет через год. Через год вся ситуация может резко измениться извне», и перечислил горячо, резко: «1) может последовать признание СССР со стороны Соединенных Штатов Сев. Америки, и это одно совершенно может изменить ситуацию для интервенции в направлении ее понижения и вообще возможности ее допущения; 2) могут увенчаться успехами начинавшиеся или во всяком случае предрешенные в то время переговоры СССР с Англией о долгах, о торговом договоре и т. д., которые тоже понижали шансы интервенции; наконец, вы сами видите, что происходит в Германии (в то время в Германии уже назревал кризис, он, как вам известно, потом вызвал новые выборы в парламент, другие группировки), — в Германии могут появиться к этому времени такие группировки в правительстве, в парламенте, в общественном мнении, наконец, группировки среди пролетариата, которые направлены на усиление роли и значения коммунистической партии (что и оправдалось, как известно, на выборах в сентябре) и которые сделают интервенцию в 1931 г. совершенно невозможной для нас, как бы вы там ни подготовляли к этому страну внутри».

Я на это ответил Денисову, что я совершенно разделяю эти, приведенные повидимому экспромтом соображения о понижении шансов на интервенцию к лету 1931 г., но я прибавил, оговорившись, что я высказываю свое личное мнение, и сказал ему: «Повидимому и вы ведь, перечисляя эти факторы, тоже высказываете свое личное мнение». — «Да», — говорит. Тогда я ему сказал, что «независимо от понижения шансов на интервенцию, которое может произойти по этим причинам, но и может не произойти извне, — внутри страны, во всяком случае по моему личному мнению, шансы на интервенцию не возрастут, но уменьшатся». Он говорит: «Как же так, комитет сообщил о 1931 г.». Я говорю: «Я высказываю свое мнение, как и вы: шансы могут уменьшиться потому, что, как показал опыт, подготовительная работа, планово-вредительская, диверсионная и иная, перекрывается успехами социалистического строительства, перекрывается победой генеральной линии партии, что вы теперь сами можете видеть после с'езда. В результате обороноспособность Союза возрастает. Замедлить это возрастание, может быть, в ничтожном деле, актами вредительства «партия» и сможет, но вы не можете рассчитывать сколько-нибудь на дальнейшее, даже на такую активную работу, какая была до сих пор, в смысле изменившихся политических условий и выяснившихся твердых директив ЦК». Я прибавил, что во всяком случае вы, готовясь к интервенции, должны рассчитывать на свои собственные силы и должны обладать большими силами. Вы не можете рассчитывать на серьезную помощь «партии» малочисленной, состоящей главным образом из остатков интеллигенции старой идеологии, теряющей свой авторитет заметно быстро среди новых окружающих масс, и пролетарских и интеллигентских, с твердой идеологией социалистического строительства.

Денисов сказал: «я заслушал ваши собственные мнения и высказал свое, но для того, чтобы принять каки-либо решения, этого недостаточно». Беседа приходила к концу, повидимому он не был склонен ее продолжать. Я ему сказал, что я имею определенное поручение сообщить вам от имени своей «партии» о неподготовленности к 1930 г., и просил дать мне сколько-нибудь определенные сведения, как планируется срок будущей интервенции — принимаете вы 1931 г. приблизительно как ближайший или не принимаете.

На это мне Денисов резко ответил, что он не уполномочен давать мне ответ на этот вопрос, что через некоторое время он сообщит этот ответ тем путем, каким вообще получались сведения и каким обменивались сведениями между Парижем и «Промпартией», но во всяком случае этот ответ можно ожидать только после того, как Рамзин сообщит ему, что Рамзину известна моя беседа с Денисовым, что Рамзину известно то мое личное мнение, которое я высказал, и что Рамзин сообщит «Торгпрому» свое отношение и отношение ЦК к моему личному мнению.

Во всяком случае, закончил Денисов, вы понимаете, что даже ваше личное мнение, как и мое личное мнение, дает такие новые для обсуждения материалы в «Торгпроме» и французском генеральном штабе, которые нужно взвесить и определенно к ним отнестись только после длительного обсуждения.

В заключение Денисов мне сказал: «передайте Рамзину, кроме тех сведений, которые я указал, о том, что ему известна беседа ваша со мной и ваш отзыв — я жду от него определенного мотивированного, обоснованного плана подготовительных работ «Промпартии» в течение предстоящего года, который дал бы нам некоторую уверенность в том, что и к 1931 г. не будет таких результатов траты наших миллионов, какие получились в 1930 г.»

На этом наша беседа окончилась, и мы расстались. Вот и все.

Не «импровизация», а инструкция

Председатель. Угодно прокуратуре задать вопросы?

Крыленко. Свидетель Осадчий. Я не в праве задавать вам вопросов, которые бы

непосредственно вас в чем-либо уличали, вы имеете право на них не отвечать, но в пределах фактической стороны вашего сообщения не откажите ответить мне на следующее. Вот этот характер несколько видимо неприязненного отношения— он имел место в вашей беседе?

Осадчий. Неприязненного — между кем и кем?

Крыленко. Между вами и Денисовым. Несколько недоверчивого отношения характер?

Осадчий. Несомненно. Денисов видел меня в первый раз.

Крыленко. И вот этот официальный несколько ответ, который вам был дан относительно того, что ответ будет сообщен лишь после ряда условий, вызван был этим или какими-нибудь другими обстоятельствами?

Осадчий. Я склонен думать, что он был вызван отчасти этим. Я склонен думать, что Денисов ехал в Берлин на свидание с Рамзиным и ехал с более определенными планами и указаниями относительно интервенции. Но то обстоятельство, что он беседовал о Осадчим, что Осадчий высказал такие соображения, мне кажется, его остановило. У меня твердо осталось в памяти, что три момента, которые он изложил, что это были повидимому моменты, — у меня такое впечатление,— которые уже обсуждались в Париже. Это не была импровизация.

Крыленко. Не импровизация? Но в результате этой беседы осталось ли у вас впечатление, что «Торгпром», как таковой, от установки на интервенцию ни в какой степени не отказывается?

Осадчий. У меня осталось впечатление, что не отказывается, что скорее французский генеральный штаб, может быть, не обнадеживает, но «Торгпром» имел в виду продолжать определенно свою работу.

Крыленко. А почему осталось такое впечатление у вас относительно другой слагаемой силы?

Осадчий. Мне кажется, что вот эти три фактора, которые перечислил Денисов, едва ли могли быть соображениями «Торгпрома», я бы сказал, — промышленников, коммерсантов, белогвардейцев, занятых подсчетом своих миллионных потерь. Мне кажется, что тут было освещение политически более компетентными людьми.

Крыленко. Говорили ли вы, что это ваше личное мнение?

Осадчий. Дважды подчеркнул.

Крыленко. А вы сделали это из тех соображений, что у вас не было уверенности в том, что это было мнение «Промпартии», как таковой?

Осадчий. У меня не было уверенности. В заседании комитета такой установки формулировано не было.

Крыленко. Четко?

Осадчий. Было ощущение, с которым вероятно все расходились, но формулировка была ориентировочная — 1931 г.

Крыленко. Значит официально установка «Промпартии» в этот момент была такая же, как и раньше. Ощущение могло быть.

Осадчий. Впечатление было такое, но я повторяю, что «Промпартия» повидимому не считала еще своевременным...

Крыленко. Складывать оружие.

Осадчий. Складывать и сказать об этом, и я все-таки думаю, мое мнение, что ожидание результатов партийного с'езда — это был тот момент, который несомненно должен был сыграть окончательную роль так или иначе.

Крыленко. Так что мнение руководящего ядра «Промпартии» в этот момент, его официальная установка осталась прежняя, и решительным моментом был XVI с'езд, от которого они ждали перелома.

Осадчий. Установка после 1928 г. была определенная на интервенцию, но после затраты миллиона рублей действительно непродуктивно сформулировали, что интервенция отсрочена на год. Это мое мнение.

Крыленко. Работа «Промпартии» в области подготовки соответствующего критического момента в хозяйственной жизни страны была вам известна?

Осадчий. Некоторые черты были мне известны.

Крыленко. Как вы можете охарактеризовать основные моменты?

Осадчий. Основные моменты вам известны, я думаю, из обвинительного заключения. Были, кроме ЦК, в последний период уже обессиленного, еще отраслевые группы, в которых в сущности и велась вся подготовка. Отраслевые группы: группа энергетики, которой ведал Рамзин, здесь и электроснабжение, и электростроительство и пр. Группа топливоснабжения, которой ведал Ларичев. Группа металлургии, металлопромышленности, которой ведал Чарновский (Ларичев выбыл, но группа существовала, были какие-то преемники). Группа текстильной промышленности — Федотов. Остальная промышленность — Калинников. В этих группах были организации, были ячейки, были сотрудники, но эта была работа совершенно техническая, ведшаяся конспиративно, обсуждавшаяся на собраниях представителей групп, но в деталях никогда не доходившая до комитета.

Крыленко. Для ЦК «Промпартии» факт неподготовленности внутреннего состояния страны был ясен?

Осадчий. Совершенно. Он был ясен. Мне представляется, что он был ясен гораздо раньше, чем (это мое мнение) созрело это решение у французского штаба.

Крыленко. Если бы некоторые члены ЦК «Промпартии» в своих сообщениях за рубеж через агентуру не подчеркивали и не фиксировали этот момент, то что же, это был бы политический ход и только?

Осадчий. Мне представляется, что партия, связавшись получением средств на

подготовительную работу, должна была вести эту работу. Я представляю себе (я свое личное мнение высказываю), что если бы французский генштаб не уведомил, — это было кажется в конце 1929 г. — о их неготовности, то вероятно в начале 1930 г. он получил бы по инициативе комитета заявление о неподготовленности.

Крыленко. А исторически и хронологически следует установить так, что первые сведения о неподготовленности были с той стороны?

Осадчий. Формулировки в комитете о неготовности, как определенного ответственного ответа в Париж, у меня не осталось.

Крыленко. Такой формулировки со стороны комитета, ЦК «Промпартии» не было?

Осадчий. Я был на заседании в марте, когда все было ясно, когда требовалось не это, а когда говорили о будущем сроке.

Крыленко. У меня больше нет вопросов.

Председатель. У защиты есть вопросы? У подсудимых есть какие-нибудь вопросы к свидетелю Осадчему? Нет.

Свидетель Осадчий, у меня к вам несколько вопросов.

Скажите, пожалуйста, вы Очкина знали?

Осадчий. Знал.

Председатель. А вы можете сказать об его участии в этой организации?

Осадчий. У меня еще до вхождения формально в комитет в марте 1930 г., по близости только к комитету, возглавляемому Рамзиным, с середины 1929 г., осталось ясное представление, что Очкин был ближайшим сотрудником Рамзина вообще во всей его работе, как в работе по отраслям энергетики, по теплотехнике в особенности, так и в работе по комитету и по сношениям Рамзина с агентами французской службы.

Председатель. Что представлял собой Очкин с точки зрения своих политических установок? Он был достаточно в этом отношении подготовлен, разбирался или же играл роль слепого орудия в чьих-либо руках?

Осадчий. Я затрудняюсь определенно ответить, но общее впечатление у меня есть, которое я выскажу.

Очкин, с которым я встречался по другой линии — по работе во Всесоюзном энергетическом комитете при Госплане — довольно часто, был человеком, по-моему настойчивым до упрямства, но человеком, как исполнителем чужой воли. У меня не было впечатления, чтобы Очкин выдвигал свои определенные установки, а если и выдвигал их, то чтобы он их настойчиво защищал. У меня было впечатление, что он был человеком, который скорее мог быть орудием в руках активного ответственного работника.

Председатель. Вы его с какого времени знали?

Осадчий. Определенно я встречался с ним и знаю его со времени первого всесоюзного энергетического с'езда, который был в начале 1928 г., где он был активным работником.

Председатель. До этого вы его не знали?

Осадчий. Может быть, видал, но образа Очкина у меня не осталось. Встречался я с ним часто в течение половины 1929 г. и первой половины 1930 г. во время острого столкновения между теплотехниками, энерготехниками по вопросу энергетического теплотехникума.

Председатель. Но вы говорите, что он был человеком достаточно упрямым?

Осадчий. Да, твердым и упрямым.

Председатель. Значит у него воля тоже была достаточно тверда?

Осадчий. Вероятно.

Председатель. Скажите, пожалуйста, если этот вопрос не представляет глубоко личного характера — вы говорите, что не пожелали встретиться с Ясинским по личному поводу. Во-первых, какой это Ясинский?

Осадчий. Я знаю только одного Ясинского, бывшего профессора МВТУ, резко выделяющегося среди всей профессуры во время с'ездов высших школ в 1917, 1918 и 1919 гг. Это был человек независимый, негибкий, неподдававшийся никаким влияниям. Это высокий человек.

Председатель. Словом это был бывший профессор МВТУ?

Осадчий. Несомненно. Он был выслан. Он меня сразу узнал и я его узнал.

Председатель. Почему вы с ним не пожелали встретиться?

Осадчий. У меня были личные основания для этого.

Председатель. Если это носит характер личного дела, я не настаиваю на вашем об'яснении.

Последний вопрос. Говоря о том, как было распределено руководство отдельными отраслями промышленности между подсудимыми, вы назвали, если я правильно понял, в отношении металлургии Чарновского и что и в металлопромышленности Чарновский осуществлял определенное руководство вредительской работой?

Осадчий. У меня впечатление, что за ним числилась эта группа, раз было распределение групп по различным вопросам. Я не стану утверждать, что к нему относилась металлургия в целом, это — специальная отрасль, здесь немного знающих ее людей, но станкостроение, машиностроение — это было в ведении Чарновского. Это распределение велось до марта, когда я стал официально участвовать.

Председатель. Больше вопросов нет? У обвинения? (Нет). У защиты? (Нет). У подсудимых? (Нет).

Осадчий. Разрешите мне, уходя из суда, пользуясь присутствием на суде и вообще в зале множества публики, всенародно принести искреннее раскаяние

в том великом преступлении, в котором я являюсь обвиняемым, но находящемся в периоде предварительного следствия. Позвольте мне всенародно заявить, обещать, что остаток моей жизни, если он будет сохранен и мне будет дана возможность работать, будет употреблен на то, чтобы верной, честной службой пролетариату и советской власти загладить хотя бы долю той тяжкой вины, которая лежит на мне.

Председатель. Товарищ комендант, свидетель может удалиться из зала.

Фридберг. В связи с показаниями гр-на Осадчего я хотел бы обратить внимание суда на следующее обстоятельство. В утреннем заседании сегодня была оглашена статья Рябушинского об интервенции. Она была помещена 7 июля. Свидание с Осадчим имело место 10 июля в Берлине. Таким образом совершенно ясно, что статья Рябушинсокго не случайного характера, а статья, которая предшествовала берлинским встречам с Рамзиным и Осадчим и должна была высказать ту позицию, на которой оставался «Торгпром». Эта статья является очевидно не Рябушинского, а статьей «Торгпрома».

Председатель. Других заявлений нет? (Нет).

Каково будет заключение прокуратуры по поводу только-что сделанного заявления о своих преступлениях свидетеля Осадчего?

Крыленко. Заявление Осадчего, сделанное на судебном заседании, является определенным фактом уликового характера, которое должно быть учтено соответствующим образом в развитии дальнейших действий следственной и прокурорской власти. В частности я полагаю, что имеются все основания для того, чтобы Специальное присутствие Верх. суда использовало свое право в отношении вынесения специального постановления о ходатайстве перед соответствующими органами ЦИК Союза ССР не только о развитии предварительного следствия по делу Осадчего, но и о возбуждении ходатайства о предании его суду.

(Специальное присутствие совещается).

Председатель. Оглашается определение Специального присутствия:

«Усматривая как в об'яснениях гр. Осадчего, так и подсудимых, привлеченных к ответственности по делу контрреволюционной организации—СИО—«Промпартия», указания на совершенные гр. Осадчим преступления, предусматриваемые ст.ст. 58³, 58⁴, 58⁶, 58¹¹, Специальное присутствие определяет:

Поручить следственным органам произвести в срочном порядке расследование по признакам преступлений, предусмотренных вышеуказанными статьями УК РСФСР, и срочно направить результат расследования в установленном порядке в соответствии со ст. 69 Союза советских социалистических республик».

Переходим к следующему свидетелю. Товарищ комендант, пригласите сюда свидетеля Юровского.

Комендант. Есть свидетель Юровский

Председатель. Свидетель Юровский?

Юровский. Да.

Председатель. Ваше имя, отчество?

Юровский. Леонид Наумович.

Председатель. Вы приглашены в качестве свидетеля по делу «Промпартии» контрреволюционной организации «Союза инженерных организаций».

Согласно закону я вас должен предупредить о том, что вы обязаны показывать правду, об этом говорит ст. 274 УПК. (К прокуратуре). Угодно вам пред'явить вопросы свидетелю?

Крыленко. Да.

Председатель. Пожалуйста.

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ ЮРОВСКОГО

Крыленко. Вы не были, гражданин Юровский, членом «Промпартии»?

Юровский. Нет.

Крыленко. Но вы знали о ее существовании?

Юровский. Да.

Крыленко. Имели с ней сношения?

Юровский. Да.

Крыленко. Может быть, вы сообщите суду факты, известные вам за последнее время, касающиеся отношений «Промпартии» к вопросам подготовки интервенции, и в частности — те факты, которые вам известны по этому поводу о деятельности заграничных эмигрантских кругов—бывших промышленников и политических деятелей белогвардейщины?

Юровский. Я должен сперва сказать несколько слов относительно источника тех сведений, которые составят предмет моих показаний Верховному суду, иначе говоря, несколько слов о том, как складывались отношения между «Промпартией» и той другой контрреволюционной организацией, к которой я принадлежал и через которую я и получал те сведения, которые в данном случае интересуют Верховный суд.

Председатель. К какой другой контрреволюционной организации вы принадлежали?

Юровский. К организации, которая именовала себя «Трудовая крестьянская партия».

Председатель. Продолжайте.

Юровский. Эти отношения касаются примерно периода трех—четырех лет, но не на всем протяжении этого времени эти отношения были одинаково тесными, и поэтому не на всем протяжении этого срока те материалы, которые я имею, являются одинаково полными и исчерпывающими. Сближение происходило постепенно по мере того, как в «ТПК»...

Крыленко. Виноват, я хотел просить суд оказать свидетелю Юровскому, что

в части фактов, ему известных о деятельности контрреволюционной группы, к которой он принадлежал, в этой плоскости на открытом судебном заседании вследствие разработки следственного материала надлежит касаться лишь в тех частях, которые ограничиваются связью с деятельностью «Промпартии», и этими пределами ограничиваться, не детализируя вопросы контрреволюционной организации, к которой он принадлежал.

Председатель. Я так и полагал, что мое заявление вам о том, что вы вызваны в качестве свидетеля по делу «Промпартии», укажет вам те пределы, в которых вы должны давать показания Верхсуду.

Юровский. Я так и понял. Я коснулся вопроса о деятельности «ТКП» лишь для того, чтобы указать источники моих сведений.

Председатель. Имейте в виду, что следствие по делу этой организации не закончено и оглашать или не оглашать отдельные моменты, если вам это понадобится, вы можете только со специального разрешения, которое благоволите у меня получить предварительно.

Юровский. Так вот я только в этих пределах и касаюсь вопроса. Эта связь постепенно крепла. С 1928 г. ее можно считать достаточно полной для того, чтобы если не все, то во всяком случае очень многие из материалов, которыми располагала «Промпартия», были известны и руководящей верхушке «Крестьянской трудовой партии», отчасти даже в конце 1927 г., и поэтому одним из основных источников тех сведений о подготовке интервенции и об участии в этой подготовке «Промпартии», которые я имею, явились те сообщения, которые делались в центре «ТКП», как членами «ТКП», которые поддерживали соответствующую связь...

Председатель. Вы очевидно имеете в виду группу Кондратьева — Чаянова.

Милюков — за интервенцию

Юровский. Да, так иногда и представителями самой «Промпартии», при чем я имею в виду Рамзина и Чарновского главным образом.

Второй источник тех сведений, которые я имею, это — сообщение, сделанное мне за границей представителями белой эмиграции. Я был за границей в начале 1928 г. и имел там свидания в последних числах января и в начале февраля, с одной стороны, с руководителем республиканско-демократического центра Милюковым и, с другой стороны, с членом «Торгово-промышленного комитета» или «Торгпрома» — Гевдингом. С каждым из них я имел по одной беседе, каждого из них я знал еще до революции и даже в довоенное время.

Что касается Милюкова, то моя беседа с ним касалась, с одной стороны, информации о существующем хозяйственном положении в СССР, а с другой стороны — одной из прямых целей этой беседы было выяснение отношения Милюкова лично и отношения республиканско-демократического центра к вопросам иностранной интервенции. Что касается существа подготовки, сроков организации и т. д., я об этом скажу несколько дальше, а здесь я только отдельно отмечу следующее обстоятельство. Милюков мне прежде всего сказал, что ему известно о существовании «Промышленной» партии» в СССР. Он мне не сообщил подробностей относительно того, откуда он получил эти сведения — непосредственно ли от лиц, которые приезжали из СССР, или, может быть, через кого-нибудь из представителей «Торгпрома», или как-нибудь иначе. Но о факте существования этой организации и о связи ее с «Торгово-промышленным комитетом» он знал.

Что касается его личного отношения и отношения республиканско-демократического центра к вопросу об интервенции, то он мне сказал следующее, что он считает, что расчеты на возможность изменения государственного строя, даже свержения советской власти и диктатуры пролетариата при помощи одного движения внутренних социальных и политических сил в СССР ему представляются довольно малонадежными, и что как он, так и республиканско-демократический центр являются сторонниками иностранного вооруженного вмешательства.

На мой вопрос относительно того, каковы шансы на возможность такого вмешательства и каково в частности отношение политических сил во Франции, он мне сказал следующее, что он считает, что идея вмешательства во Франции популярна, а в частности по вопросу, который я подчеркнул в отношении отношения социалистической партии Франции к вмешательству, он мне заявил, что он считает, что хотя рабочие во Франции ко всякой войне, а в особенности к такой войне, отнесутся и отрицательно, но что руководство социалистической партии если не открыто, то во всяком случае по существу будет так или иначе такое вмешательство поддерживать.

Об остальных подробностях беседы я сообщу в дальнейшем.

Что касается всей беседы с Гевдингом, членом «Торгово-промышленного комитета», которая состоялась вскоре после моей беседы с Милюковым, то он, помимо освещения целого ряда вопросов организации и выполнения интервенции, касался также и связи между «Торгово-промышленным комитетом» и «Промпартией» в СССР. При чем Гевдинг мне говорил, что «Торгпром» поддерживает такого рода связи, что он финансирует «Промпартию» в СССР, что он получает информацию от «Промпартии» по целому ряду интересующих его вопросов. Повторяю, беседа эта имела место в феврале 1928 г.

Вот сообщение Милюкова и Гевдинга, с одной стороны, а с другой стороны, те материалы, которые «Крестьянская трудовая партия» получала от «Промпартии» в Москве, и являются основным источником тех сведений об организации интервенции, на которых я сейчас остановлюсь. При чем я по возможности буду в отдельных случаях отмечать, от кого я те или другие конкретные сведения получил.

Первый вопрос относительно срока. Первоначально срок интервенции намечался в 1928 г. Так как я был в начале 1928 г. в Париже и беседовал с Милюковым, то одной из тем моей беседы было выяснение вопроса о том, насколько именно этот срок оправдается, т. е. насколько интервенция будет действительно в 1928 г. предпринята. Сообщение, которое сделал мне Милюков по этому вопросу, заключалось в следующем. Он сказал, что т. к. руководство интервенцией может и будет исходить от Франции и решающая роль в этом деле может и будет принадлежать французскому правительству, то рассчитывать на то, что Франция возьмет на себя инициативу и организацию этого дела, можно лишь в тот момент, когда Франция будет располагать крепким правительством, опирающимся на прочное парламентское большинство. В тот момент, когда я был во Франции, правительство Пуанкаре могло себя считать таким правительством, но дело обстояло не задолго до новых выборов, которые имели место, если не ошибаюсь, в апреле 1928 г. Милюков высказал мне опасение, что если даже эти выборы дадут возможность Пуанкаре остаться у власти, то, судя по предварительным, частичным выборам и по совокупности тех материалов, которыми он располагал, было основание предполагать, что Пуанкаре придется в дальнейшем опираться на раздробленное и недостаточно устойчивое парламентское большинство. Так как только в апреле должны были произойти выборы, т. е. к маю, к лету могло выясниться, каков будет характер французского правительства, насколько оно будет устойчиво, то в силу этого обстоятельства лето 1928 г. представлялось неблагоприятным для предпринятия той большой и сложной задачи, которой является интервенция.

Помимо этого обстоятельства, он указывал также на другое, которое также должно было воспрепятствовать осуществлению интервенции в 1928 г., а именно то, что предстоял пересмотр плана Дауэса. Самый процесс этого пересмотра и те неизбежные международные трения, которые должны были обнаружиться в этом вопросе, делали период неподходящим для той большой международной кампании, для того сложного международного соглашения, которое необходимо было для осуществления интервенции.

Пророчества господина Милюкова

Помимо того, даже если бы пересмотр состоялся, то Милюков считал, что неизбежно пройдет срок, прежде чем новые отношения финансовые и иные наладятся настолько, чтобы можно было думать о вооруженном вмешательстве в дела СССР. Таковы были причины внешние, по которым он считал, что интервенция в 1928 г. не осуществится, и когда я спросил его, в какой срок он в связи с этим считает вероятным осуществление интервенции, он мне назвал 1930 г., что подтвердилось в дальнейшем из всех материалов, которые мы получили здесь уже от члена «Промпартии», сносившегося с «Торгпромом» и отчасти с иностранными правительствами.

Что касается дальнейшего, то срок 1930 г., как известно, тоже не осуществился, но о причинах этого у меня имеются только краткие сведения, а именно со слов представителя «Промпартии», причем не сумею сказать, со слов кого именно. Кондратьев в начале 1930 г. сказал, что интервенция в 1930 г., очевидно, не состоится, потому что вооруженные силы Румынии и Польши считаются недостаточно подготовленными как в смысле перевооружения армии, так и в смысле их реорганизации, а во-вторых, само внутреннее положение большинства государств Западной Европы в связи с хозяйственным кризисом, отчасти в связи с усилением рабочего движения и в частности с тем, что окрепла во многих местах коммунистическая партия, само положение считается неблагополучным, и поэтому 1930 г. не будет годом вооруженного вмешательства иностранных государств в дела СССР. В дальнейшем срок с полной определенностью не называли, говорилось о 1931 г. и говорилось как о наиболее вероятном — о 1932 г. Это то, что я могу сообщить по вопросу о сроке.

Что касается организации и участия различных государств в интервенции, то, как по тем сообщениям, которые мы получили здесь через представителей «Промпартии», так и по тому, что мне говорил Милюков и отчасти Гевдинг, руководство должно принадлежать Франции. Мысль о том, что Англия может сыграть значительную роль в организации интервенции, в начале 1928 г. была уже оставлена. Во всяком случае, вопрос относительно Англии стоял так, что при консервативном правительстве известное участие возможно, а при рабочем правительстве оно невероятно.

Что касается Франции, то на нее в этом деле выпадали задачи: во-первых, предварительной подготовки в смысле собирания всех необходимых материалов, во-вторых, подготовка самого плана кампании, в-третьих, финансирование тех государств, которые должны были сыграть наиболее активную роль в предстоявшей вооруженной борьбе, и, наконец,

в-четвертых, руководство всеми делами в самый период осуществления интервенции.

Французские империалисты натравливают своих вассалов

Непосредственными участниками и ближайшими государствами, которые должны были выступить, являлись следующие группы государств, — я их делю на группы, потому что они должны были играть не одинаковую роль и по тем материалам, которые были получены, самый характер связей их с Францией не был одинаковым. Прежде всего должны были выступить Польша и Румыния, в отношении которых влияние Франции считалось наиболее обеспеченным, затем так называемые прибалтийские лимитрофные государства: Эстония, Латвия и после них, с несколько меньшей степенью вероятности, Финляндия и, наконец, отдельно назывались Югославия и Чехо-Словакия, при чем называли без уверенности в том, что они к такой коалиции действительно примкнут. На основании моей беседы с Милюковым у меня сложилось впечатление, что если окончательного соглашения нет, то, во всяком случае, есть какой-то предварительный договор между Францией, Польшей и Румынией, который обеспечивает деятельную подготовку к интервенции в 1930 г. Непосредственным основанием для начала военных действий должны были быть выбраны по имевшемуся плану такие обстоятельства, как ссылка на агитацию Коминтерна — либо в европейских государствах во время какого-либо рабочего движения, либо в колониальных странах, какое-нибудь указание на неприемлемость торговой политики СССР, какая-нибудь сторона монополии внешней торговли или, может быть, вся она в целом, и подчеркивалось указание на то, что отношения между советским правительством, коммунистической партией ВКП(б) и Коминтерном являются настолько близкими, что на советское правительство должна быть возложена вся ответственность за то, что приписывалось и инкриминировалось Коминтерну. Кроме того, имелось в виду, что понадобится какой-нибудь ближайший повод для интервенции, но на нем как-будто специально не останавливались, но говорили о том, что какой-нибудь пограничный инцидент, спровоцированный или случайно происшедший, или какой-нибудь другой случайный повод может служить основанием для об'явления войны. Но вместе с тем существовало намерение по возможности замаскировать иностранный характер интервенции, и поэтому выдвигалась кандидатура генерала Лукомского в качестве главы тех войск, которые будут направлены против СССР, или во всяком случае фигура, которая до известной степени может маскировать иностранное обличие интервенции. Имелось в виду, я упустил это сказать, что, кроме иностранных государств, которые я перечислил в качестве участников интервенции, принимает участие в интервенции еще отряд русско-эмигрантского происхождения, при чем, главным образом, имелись в виду те силы, которые сохранялись до того времени под руководством Врангеля.

Таковы сведения относительно участвовавших государств и ближайших поводов, которые должны быть использованы для наступления интервенции.

Как подготовлялся территориальный грабеж

Что же касается тех требований, которые участники — участвовавшие государства — пред'являли в отношении компенсации за спасение России, то эти требования выражались в следующем. Я не могу утверждать, что это было согласованное требование и что это было какой-то окончательно разработанной программой в начале 1928 г. В начале 1928 г. не было, может быть, окончательно согласованной программы, ее не было и в дальнейшем, но, во всяком случае, требования, которые настойчиво пред'являлись государствами, которые предполагалось привлечь к интервенции, заключались в следующем. Со стороны всех участников, кроме Франции, было требование территориальных уступок. Со стороны Румынии — официального признания будущим правительством России присоединения к Румынии Бессарабии, а также требование Одессы с теми или другими районами. Польша требовала часть Правобережной Украины, а также и часть Белоруссии.

Со стороны лимитрофных государств — Эстонии и Латвии — говорилось о таком исправлении границ, которое означало бы существенное территориальное приращение.

И поскольку речь шла о Финляндии, говорилось о присоединении части Карельской республики.

Что касается самой Франции, то не было речи о территориальных приобретениях, но имелось в виду следующее, что, во-первых, последует урегулирование довоенной и даже дореволюционной задолженности на условиях, более выгодных, чем те, которые, возможно, были бы при всяком ином соглашении, при соглашении, достигнутом при каких-либо иных обстоятельствах, во-вторых, что французские капиталисты получат обратно ту собственность, которая принадлежала им в России до Октябрьской революции, что те из них, которые понесли убытки от революции, получат соответствующее вознаграждение, что между будущим правительством России и Францией будет заключено какое-либо специальное торговое соглашение, обеспечи-

вающее наибольшие выгоды для Франции; что, кроме того, Франция получит целый ряд концессий на территории СССР, при чем имелось в виду, что ко времени интервенции благодаря крупному капитальному строительству, которое ведется советской властью, сами об'екты этих концессий будут более многочисленны, чем те, которые могла или хотела предложить советская власть во время более ранних переговоров по этим вопросам; и, наконец, имелось в виду, что такое участие Франции в интервенции в качестве руководящего государства обеспечит ей влияние политическое на будущее правительство России и тем самым закрепит ту гегемонию, которой в значительной мере Франция пользуется в настоящее время на территории Западной Европы.

Таковы, значит, те сведения, которые были относительно участников интервенции и относительно требований, которые ими пред'являлись в отношении вознаграждения.

В той работе, которая велась по подготовке интервенции, Франция на основе тех материалов, которые имелись в моем распоряжении, пользовалась сведениями из СССР. Если, с одной стороны, контрреволюционные организации в СССР и, в частности «Промпартия», о которой я даю показания, протягивали руку за помощью представителям белой контрреволюции, белой эмиграции на Западе и иностранным государствам, то, с другой стороны, и иностранные государства, которые готовы были эту помощь оказать, считали, что для них выгодно и целесообразно обеспечить предварительную подготовку интервенции целым рядом контрреволюционных и вредительских действий, которые совершены были бы на советской территории и имели бы своим об'ектом советское хозяйство.

Директивы «Торгпрома» и французских правящих кругов

Такими действиями контрреволюционного и вредительского характера, о которых речь шла в переговорах между «Промпартией» и «Торгово-промышленным комитетом» в Париже, а отчасти и между представителями «Промпартии» и непосредственно представителями французских правительственных кругов, — такими действиями являлось прежде всего вредительство в области планирования, которое, с одной стороны, создавало диспропорции в хозяйстве путем выдвигания с особой силой тех задач, которые не были первоочередными и могли быть отложены, а с другой стороны, создавало такой общехозяйственный план, осуществление которого по степени его напряженности, по внутреннему характеру и содержанию неизбежно должно было вызвать хозяйственные осложнения.

Затем вредительство в области самой оперативной работы. Поскольку речь идет о «Промпартии», я каких-нибудь конкретных материалов не могу сообщить, но общий характер совершенно ясен. Дело заключалось в том, что капитальные работы, которые должны были улучшать хозяйственное положение, не велись в той плоскости, в которой могли бы вестись, что сами размеры продукции в тех отраслях производства, в которых страна наиболее нуждалась, не доводились до максимальной степени, что не предпринимались возможные меры к поднятию качества продукции и т. д. Поскольку вопрос стоял шире, — вредительство осуществлялось не только в области промышленности, но также в области сельского хозяйства, транспорта и т. д., — то об участии в этих отраслях «Промпартии» я ничего сказать не могу.

Крыленко. Вы вызваны в качестве свидетеля по деятельности «Промпартии», меня интересует эта сторона и интересуют вопросы более конкретной связи «Промпартии» с контрреволюционными организациями за рубежом.

Вот Милюков, он вам сообщил только то, что ему известно о существовании «Промпартии», или он вам сообщил о каких-нибудь формах тесного контакта контрреволюционной группировки, возглавляемой им, с «Торгпромом» как в смысле программных установок, так и в смысле тактических методов?

Юровский. Он мне только сказал, что ему известно о существовании «Промпартии» и что «Промпартия» поддерживает связь с «Торгпромом» в Париже.

Крыленко. А о связи его группы с «Торгпромом»?

Юровский. Об этом не было разговора.

Крыленко. Так что вы здесь можете только установить, что, поскольку «Торгпром», по сведениям, сообщенным здесь Рамзиным, стоял на точке зрения необходимости вооруженного вторжения, то Милюков и его группа к этому периоду — первая половина 1928 г. — равным образом полностью усвоили эту точку зрения?

Юровский. Усвоили эту позицию — да.

Крыленко. И шли, равным образом, на необходимость тех территориальных потерь, которые вытекали как логический вывод из интервенции?

Юровский. Да.

Крыленко. О конкретных мероприятиях, которые его группа принимала, о финансировании интервенции шла речь?

Юровский. Нет, он только говорил, что у него есть связь и, как я понял, близкая связь с французским министерством иностранных дел.

Крыленко. Он только указал, что его группа имела такого рода связь?

Юровский. Да.

Крыленко. Конкретно он указывал, в каких формах могла бы сказаться по-

мощь интервенции со стороны его группы?

Юровский. Нет.

Крыленко. А с Гевдингом вы столкнулись на какой почве, вы имели поручение с ним поговорить?

Юровский. Нет, но во время встречи с Милюковым я узнал о его присутствии в Париже и, так как я хотел его давно видеть, то и осуществил это.

Крыленко. Он подтвердил эту установку «Торгпрома»?

Юровский. Да.

Крыленко. И о наличии связи «Торгпрома» с «Промпартией»?

Юровский. Да.

Крыленко. А он конкретизировал эту связь «Промпартии» и «Торгпрома» в области подготовки интервенции?

Юровский. Да, в одном или в двух отношениях: он указал на то, что «Торгпром» получает информацию от «Промпартии», и на то, что «Торгпром» субсидирует «Промпартию» денежными средствами.

Крыленко. Получает информацию или руководит?

Юровский. Слово «руководит» не упоминалось. Нет, я не могу утверждать, что он говорил о руководстве. Он говорил о связи, информации.

Крыленко. Но он говорил вам, равным образом, о том, что такая установка была у «Промпартии?

Юровский. Установка на интервенцию? Да, он говорил.

Крыленко. Так что он говорил не только за «Торгпром», но и за «Промпартию»?

Юровский. Да.

Меньшевики на службе у интервентов

Крыленко. Можно констатировать, что по сведениям, которые были вами лично получены из личных переговоров с руководящими группами белоэмиграции, в обеих группировках или в обеих лагерях — и милюковской группе республиканско-демократической и в группе «Торгпрома» — имела место одинаковость установок, одинаковость целей, согласованных и с «Промпартией» и с меньшевиками?

Юровский. Да, это можно констатировать.

Крыленко. А по сведениям, которые у вас были о сношениях вашей контрреволюционной группировки с «Промпартией», — тут у вас какой-нибудь контакт действий в этом направлении намечался? Контакт между группой Кондратьева—Чаянова, вашей группой и «Промпартией»?

Юровский. Да.

Крыленко. В чем выражался этот контакт и по существу и по форме?

Юровский. По существу он выражался в том, что вот та контрреволюционная деятельность о которой я начал здесь давать показания, внутреннего характера, контрреволюционная и вредительская, была известным образом разделена по об'ектам между «Промпартией» и «ТКП». Затем связь заключалась еще в том, что часть средств, которые получались «Промпартией» из-за границы, передавалась этой группе.

Крыленко. Так. Собственных источников финансирования не было в вашей группе?

Юровский. Не было.

Крыленко. Так что вы находились, до известной степени, на иждивении у «Промпартии»?

Юровский. Да.

Крыленко. Это не влияло на политическую самостоятельность вашей группировки?

Юровский. Я не имею основания оценивать это сейчас. Я не имею оснований давать показания о том, как я это оцениваю.

Председатель. Свидетель хочет держаться только в пределах «Промпартии».

Крыленко. Я не возражаю. Скажите, пожалуйста, какие внешние формы контакта были у вас с «Промпартией»?

Юровский. Одно время имелось в виду создать специальную организацию, которая являлась бы руководящим центром как по отношению к «Промпартии», так и по отношению к группе «ТКП». Даже больше того, имелось в виду, что этот центр явится также руководящей организацией в отношении меньшевистской группы, с которой мы поддерживали связь. Даже обсуждалось название и намечалось название — «Об'единенный центр». Это относится к 1928 г. Но потом, так как центр не был осуществлен, то фактическая связь поддерживалась тем, что представители «ТКП» имели постоянные сношения с представителями «Промпартии», с этой и с другой стороны были намечены определенные лица, которые постоянно поддерживали эту связь, при чем на заседаниях соответствующих центров не раз бывали представители другой группы.

Крыленко. Вам был известен личный состав руководящей группы «Промпартии»?

Юровский. Мне известны отдельные лица, которые входили в состав головки этой партии.

Крыленко. Какие?

Юровский. У меня было такое представление, что оформление руководства не являлось настолько полным, чтобы можно было прямо сказать, что эта группа лиц целиком исчерпывает руководство.

Крыленко. Какие лица вам были известны?

Юровский. Я могу назвать Рамзина, Чарновского, Куприянова, Федотова, Калинникова. Может быть я кого-нибудь еще упустил.

Крыленко. Это по сведениям, которые были в кругу вашей группировки?

Юровский. Да.

Председатель. А Ларичев?

Юровский. Ларичев тоже, совершенно верно.

Крыленко. Конкретно, вы лично с ними в прямой контакт не входили?

Юровский. Очень мало.

Блок «ТКП» и «Промпартии»

Крыленко. Скажите, а в пределах вашей группировки через информационную связь ЦК так наз. «Промпартии» у вас были какие-нибудь сведения об исполнении ими или возложении на них каких-либо работ, которые едва ли можно было бы назвать имеющими прямое отношение к вредительству чистого типа. Были такие сведения?

Юровский. Да. Я имею в виду ту подготовку к интервенции, которая должна была создать такое положение на предприятиях целого ряда отраслей промышленности, наиболее важных в момент войны, которое позволяло бы вывести эти предприятия из строя. Это уже не является вредительством в том более тесном смысле, в котором часто это слово употребляется.

Крыленко. Другими словами, то, что именуется диверсионной работой?

Юровский. Да.

Крыленко. А насчет того, что имеется шпионская работа?

Юровский. Если речь идет о передаче каких-либо секретных сведений прямо или косвенно иностранным правительствам, то у меня таких сведений нет.

Крыленко. В вашем кругу об этом не информировали?

Юровский. У меня таких сведений нет

Крыленко. И, равным образом, по работе непосредственной подготовки изменнической деятельности?

Юровский. Нет.

Крыленко. Таких сведений нет?

Юровский. Я сказал — нет, но я должен оговориться о том, что часть того, что я имею сообщить, может быть подведено под эту работу. Я имею в виду работу в Красной армии.

Крыленко. Конкретно вам было известно?

Юровский. Конкретных, детальных моментов, в каких частях и когда, мне не было известно.

Крыленко. Это ясно, было бы странно, если бы было иначе. Но самый факт был известен?

Юровский. Да.

Крыленко. К какому времени вы относите зарождение контакта?

Юровский. Зарождение контакта я отношу к 1928 г., хотя отдельные кое-какие разговоры, может быть, были и раньше, а оформление близкой связи я отношу к середине, ко второй половине 1928 г.

Крыленко. Эта связь была точно оформлена?

Юровский. Большой точности вообще в деятельности подпольной организации не было.

Крыленко. Вам было известно, кто делегирован для связи? Лица от «Промпартии» были известны?

Юровский. Да.

Крыленко. Можете назвать?

Юровский. Рамзин, Чарновский и отчасти Ризенкампф. Я не могу сказать, чтобы последний рассматривался как делегат для этой цели, но с ним поддерживались отношения.

Крыленко. А что касается делегирования вашей группы сюда?

Юровский. Я могу, конечно, сказать, если вы спрашиваете.

Крыленко. Пожалуйста.

Юровский. Кондратьев и Чаянов.

Крыленко. По вопросу о сроках вы дали довольно подробное сообщение. Известны ли у вас какие-нибудь информационного характера сообщения, которые бы пошли из «Промпартии» к вам относительно отсрочки интервенции на 1931 г. с 1930 г.?

Юровский. Я указал, что мне об этом сделал сообщение Кондратьев, который получил эти сведения из «Промпартии».

Крыленко. Источники информации этого характера у вас были тоже отсюда?

Юровский. Главным образом были отсюда.

Крыленко. От «Промпартии»?

Юровский. Так что и в этой области у нас было несколько слабовато.

Мечты о министерских портфелях

Крыленко. Было некоторое зависимое положение.

По вопросу о будущем составе контрреволюционного правительства у вас не было информации?

Юровский. У меня сложилось такое впечатление, что там называлось очень большое количество разных имен и что более или менее точный состав ими не был установлен.

Крыленко. Это почему, из-за трудности остановиться на составе или из-за многочисленности соискателей?

Юровский. Соискателей в этих случаях всегда бывает очень много. Я думаю, что тут трудно установить. Я не решаюсь дать ответа по этому вопросу.

Крыленко. Приблизительно какие имена назывались?

Юровский. Отдельных имен я не могу припомнить, которые назывались.

Крыленко. А определенное место вашей контрреволюционной группе оставляли?

Юровский. Наша контрреволюционная группировка имела свой собственный список. (В зале смех). Но я не скажу, что там тоже не оставлялось некоторого места. Впрочем, те сведения, ко-

торые у меня были, довольно противоречивы, потому что наша партия была крестьянской или считала себя таковой, и имелось в виду, что руководство ведомством земледелия будет поручено кому-нибудь из нашей партии. Поэтому один из членов крестьянской партии назывался в одном из имевшихся вариантов. Я могу назвать его — Чаянов. Но вместе с тем называли фигуру совершенно иного рода, именно бывшего киевского профессора, белоэмигранта Билимович.

Крыленко. Эти два лица были далеки друг от друга?

Юровский. Чрезвычайно далеки.

Крыленко. А ставка на тактическую неизбежность, целесообразность и полезность военной диктатуры была вам известна?

Юровский. Да.

Крыленко. И принималась?

Юровский. Да.

Крыленко. И милюковской группой принималась?

Юровский. Я с Милюковым не говорил.

Крыленко. Последний вопрос — о пропорциональности распределения мест: среди соискателей вы тоже занимали подчиненное положение?

Юровский. Тут каждая партия претендовала, что в будущем она будет играть руководящую роль, а проверить этого не удалось.

Крыленко. А в отношении себя?

Юровский. Это не был результат сговора, а это была работа, которую каждая партия проделала для себя отдельно.

Крыленко. А в результате соотношения сил все-таки в перспективе рисовалось подчиненное положение?

Юровский. В перспективе рисовалось, что Франция будет решать все вопросы. (В зале смех).

Крыленко. Это уже само собой. А в пределах ваших радужных надежд?

Юровский. Радужные надежды были радужными надеждами. Я не могу утвердительно ответить на этот вопрос.

Крыленко. Вы полагали, что тут вам тоже кое-что перепадет?

Юровский. Да.

Председатель. Защита имеет вопросы?

Оцеп. Разрешите задать вопрос?

Председатель. Пожалуйста.

Оцеп. Я ослышался или нет, что из тех территориальных уступок, на которые претендовала Румыния, помимо Бессарабии, она претендовала и на Одессу?

Юровский. Это так.

Председатель. У подсудимых имеются вопросы к свидетелю? У подсудимого Чарновского? Пожалуйста.

Чарновский. Тут получилось некоторое недоразумение. Я показал, что для связи с «ТКП» у нас пользовались таким аппаратом: весь наш ЦК заседал, устроил совещание с представителями этой «ТКП». Не противоречит ли это тому, что сказал свидетель? У нас было два заседания для этой связи, но отдельных лиц для связи не выделяли. ЦК сам заседал. Я так и показал в своем дополнительном показании.

Крыленко. Вы хотите сказать, что не было специально делегированных лиц?

Чарновский. Да, специально делегированных лиц не выделялось, а сам ЦК в конце 1928 г. имел два заседания ЦК.

Крыленко. А специально лиц не выделяли?

Чарновский. Предполагался сначала об'единенный центр, а потом это было заменено заседаниями, но лиц, которых выделяли специально, не было.

Крыленко. Для перспективы и ориентировки двух лиц не намечали?

Чарновский. В мое отсутствие выбрали меня и Рамзина, но это не было осуществлено, так как заменили непосредственными заседаниями ЦК.

Крыленко. Вы говорите, что об'единенный центр, о чем дает показания свидетель, не реализовался? Но вы раньше говорили, и он подтвердил, и вы сейчас не отрицаете, что намечались вы и Рамзин.

Чарновский. Я участвовал вместе с другими.

Председатель. Больше вопросов нет?

Чарновский. Нет.

Председатель. У других подсудимых вопросов нет? (Нет).

Свидетель Юровский, скажите, у вас произошла встреча в Париже с Милюковым случайно или по заранее условленному знаку?

Юровский. Встреча произошла таким образом: я имел поручение из Москвы постараться повидаться с Милюковым и еще с другими.

Председатель. И повидались?

Юровский. Фактически повидался с ним одним.

Председатель. Встреча была не случайна?

Юровский. Нет.

Председатель. Второй вопрос. Вы называли состав руководящей головки, причем назвали Рамзина и других. Вы с этими лицами встречались на общей работе?

Юровский. Мало встречался, только с некоторыми.

Председатель. С кем встречались? Имели ли связи с кем-нибудь из подсудимых по контрреволюционной работе?

Юровский. Нет, по этой контрреволюционной работе не имел связи.

Председатель. А по другой какой-нибудь работе?

Юровский. Не по контрреволюционной работе?

Председатель. Вы не знали ни Рамзина, ни Калинникова как руководителей «Промпартии», поскольку их руководство осуществлялось в какой-нибудь деятельности, где вы с ними сталкивались?

Юровский. Я Рамзина видел на заседании, может быть, больше, чем на одном заседании. Но я знал его очень мало. Поэтому я не могу сказать, когда и при каких условиях это было.

Председатель. На каком заседании?

Юровский. На заседании у нас в «ТКП».

Председатель. Следовательно, нужно сказать, что хотя вы не встречались с Рамзиным по работе в «Промпартии», но встречались по работе вашей группы?

Юровский. Да.

Председатель. Следовательно, по контрреволюционной работе?

Юровский. Я могу повторить то, что я уже сказал.

Председатель. О том, что Рамзин был руководителем «Промпартии», вы знали только с чужих слов, но сами не могли знать по его деятельности?

Юровский. Правильно.

Председатель. А в отношении других? Калинникова?

Юровский. Калинникова встречал в Госплане, но с ним разговоров на тему контрреволюционного характера не вел. Также встречался иногда с Федотовым, но с ним также не имел таких разговоров.

Председатель. Таким образом, сведения ваши о контрреволюционной деятельности Калинникова, Федотова, позвольте присоединить к ним и других — Куприянова и Ларичева,—были у вас не из вашего непосредственного контрреволюционного опыта, а из сведений, которые вы получали от других сотоварищей?

Юровский. Да.

Председатель. Вы лично с одним Рамзиным сталкивались на контрреволюционной работе?

Юровский. Да.

Председатель. Второй вопрос: в разговоре с Милюковым об интервенции и о «Промпартии» кто сказал впервые о «Промпартии» в связи с интервенцией — вы ли сказали Милюкову, или Милюков сам сказал об этом?

Юровский. Это было, хотя и не очень давно, но все же почти три года назад. Разговор велся об интервенции вообще, о контрреволюционных силах в СССР, и кто первый произнес соответствующее слово, — мне трудно сейчас припомнить.

Председатель. Но в разговоре — вы это хорошо помните — в связи с вопросом об интервенции фигурировала и «Промпартия» и тогда же фигурировал и «Торгпром»?

Юровский. Да, да.

Председатель. Вам раньше, до встречи с Милюковым, было известно о связи «Промпартии» с «Торгпромом»?

Юровский. Я мог бы ошибиться. Мне припоминается, что это было мне известно и до моей поездки за границу, т.-е. уже в 1927 г.

Председатель. Больше вопросов нет? (Крыленко: «Нет»). У защиты? (Нет). У обвиняемых? (Нет).

Тов. комендант, свидетель Юровский сейчас может быть выведен из зала.

Крыленко. Сегодня по плану производства судебного следствия подлежали проверке и обсуждению моменты зарубежной деятельности «Промпартии» и контрреволюционной группы за границей. Обвиняемые, свидетели говорили здесь об этом весьма подробно. Они подтвердили материалы, которые даны в обвинительном заключении и в заключительных выводах, которые касаются сношений «Торгпрома», а через посредство «Торгпрома» и ЦК «Промпартии», с одной стороны, с правящими кругами Франции, т.-е. с группами или лицами, имеющими или имевшими близкое отношение к вопросам государственного управления, не больше; равным образом, с другой стороны, они подтвердили наличие связей с военными кругами, отдельными лицами из генштаба и их агентурой.

Когти господина Пуанкаре

В еще большее подтверждение этого рода данных я просил бы огласить и приобщить к следственному производству появившиеся во французской печати три статьи Пуанкаре, имя которого здесь упоминалось. Эти статьи были помещены во французской повременной печати. Обвинение озаботится тем, чтобы были представлены подлинные экземпляры французской прессы, а пока просило бы о приобщении опубликованных в советской прессе указанных статей.

Я имею в виду появившиеся одновременно в феврале 1930 года в газетах «Эксцельсиор» и «Насион» (которая выходит в Аргентине) статьи Пуанкаре, а с другой стороны, статьи его в «Эксцельсиоре», опубликованные уже советской прессой, одной — «Когти СССР», и другой — «Лихорадка Европы», опубликованной уже после опубликования обвинительного заключения.

Эти статьи, характеризующие политическую установку и позицию Пуанкаре по отношению к Советскому Союзу, к фактам, имевшим место внутри жизни СССР, роли его в международной политике и общем международном положении, эти статьи, характеризующие всю эту совокупность утверждений, взглядов и установок Пуанкаре, я прошу приобщить к делу и огласить.

Что касается первой статьи, я сейчас не настаиваю на ее оглашении до момента, когда я буду иметь возможность непосредственно представить ее суду. Что касается статьи «Когти СССР» и выдержек из ст. «Лихорадка Европы»—приобщить к делу и огласить.

Равным образом я просил бы приобщить сообщение, появившееся в «Правде» от 18 ноября и перепечатанное из той

же самой белогвардейской газеты «Возрождение» (непосредственный экземпляр мы также озаботимся представить) относительно имевшего место в Париже заседания или банкета по случаю 10-летия учреждения «Торгпрома», где разным образом выясняется политическая позиция этой контрреволюционной организации.

Сейчас моя просьба сводится только к приобщению и оглашению статей «Когти СССР» и в выдержках статьи «Лихорадка Европы».

Председатель. Товарищ Крыленко, вы настаиваете на оглашении всей статьи или только некоторых мест?

Крыленко. Я просил бы первую статью огласить полностью, а вторую в выдержках, относящихся к данному делу.

Председатель. Специальное присутствие определяет: «В соответствии со статьей 272 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и на основании ст. 254 того же кодекса, приобщить представленные обвинением две статьи Пуанкаре: «Когти СССР» [1]) и «Лихорадка Европы» [2]), опубликованные — первая полностью в переводе из газеты «Эксцельсиор» 30 октября 1930 г., вторая в выдержках в передаче телеграфного агентства; также приобщить к делу и огласить «Правду» № 317, от 18 ноября 1930 г., содержащую в себе заметку под заглавием: «Десять лет антисоветских заговоров под крылышком гостеприимной Франции»:

«Белогвардейская газета «Возрождение» публикует сегодня отчет о банкете по случаю десятилетия со дня учреждения «Торгово-промышленного союза». На банкете по словам газеты, присутствовали «многочисленные гости», и банкет превратился в большую политическую демонстрацию представителей зарубежных общественных организаций, стоящих на платформе действенной борьбы с большевиками».

Во вступительном слове нефтепромышленник Нобель заявил, что банкет устроен в виде демонстрации «веры в скорое возрождение России и в возможность работы на родине».

Председатель Денисов отметил, что в последние 10 лет Торгпром ставил своей задачей борьбу с большевиками на экономическом фронте во всех возможных видах и формах. «О плодотворности работы союза можно судить, — говорил Денисов,—на основании свидетельства самих большевиков, которые видят в «Торгпроме» своего главного врага. Заслужим, — кончил Денисов свою речь, — ту же оценку врагов и в дальнейшем».

Коковцев, бывший царский министр финансов, отмечает заслуги «Торгпрома» «в борьбе за возрождение России в области информирования русского и иностранного общественного мнения и накопления нужных для будущей работы сил».

Генерал Миллер (преемник Кутепова, командовавший белой армией на Севере) от имени русской армии отмечает широкую помощь «Торгпрома» в деле эвакуации Крыма, а также его благотворную деятельность в эмиграции.

Богаевский заявил, что казаки могут засвидетельствовать, что «Торгпром» содействовал всякой борьбе с большевиками и поддерживал казаков в их боевой работе.

Карташов говорил о «Торгпроме», как неофициальном посольстве русской эмиграции. «Сила «Торгово-промышленного союза», — заявил Карташов, — заключается в его союзе с армией. В этом уже осуществлен единый фронт. Ждать осталось еще недолго».

Царский адмирал Кедров заявил: «Союзу суждено сыграть роль Минина».

Нобель подчеркивал гостеприимство Франции и поднимал бокал за процветание Франции.

Федоров говорил «о необходимости создать единый политический центр, который мог бы представлять Россию перед иностранцами».

Крыленко. Я просил бы Верховный суд пока подтвердить и установить, во-первых, ярко агрессивный характер первой статьи, определенным образом характеризующей Советский Союз и вместе с тем указывающей на необходимость об'единения остальных стран Европы для воздействия в смысле изменения политики СССР. Во второй статье указано, помимо моментов опровержения, относительно того, что советское правительство, как сказано точно: «В то время как Советы повергли часть Азии в кровь и огонь, в то время как они содержат мощную Красную армию, стремятся повсюду вызвать волнение...». Иными словами, лицо, имеющее достаточно близкое отношение к правящим кругам, так характеризует деятельность правительства Советов. Вот этот факт я просил бы отметить, чтобы соответствующим образом использовать его в подведении итогов судебного следствия.

Председатель. Специальное присутствие удостоверяет, что выводы, сделанные государственным обвинением, совершенно соответствуют содержанию специально оглашенных статей; определений по этому поводу выносить, конечно, не представляется возможным.

Других заявлений и ходатайств нет? У защиты никаких ходатайств не существует?

Об'является перерыв до 11 часов утра завтрашнего дня.

---

[1]) См. приложение № 1.
[2]) См. приложение № 2.

1 декабря

Утреннее заседание

Председатель. Заседание Специального присутствия Верховного суда Союза ССР возобновляется.

Продолжается допрос подсудимых. Подсудимый Рамзин. Государственному обвинению угодно задавать вопросы?

Крыленко. Вопросы, которые сегодня подлежат обследованию, охватывают работу ЦК «Промпартии» в области вредительства на территории СССР за период с начала 1927 г. по конец 1930 г. Мы будем вести обследование в двух направлениях — деятельность руководящего центра, как управляющего органа вредительской работы, и индивидуальная деятельность подсудимых в области исполнения директив центра, без дальнейшей конкретизации на периферии.

Мне важно отметить поэтому из того списка или из того перечня руководящих заседаний, которые имели место в ЦК «Промпартии», приблизительно в 1927 и 1928 гг., те, в которых обсуждались вопросы вредительства.

Может быть, вы вспомните и детализируете заседание ЦК «Промпартии», — в ваших показаниях оно помечено 5-м заседанием в 1927 г., — где обсуждались вопросы подмосковного угля и угля Кузбасса. Вот это заседание отметьте, пожалуйста, поскольку оно связано непосредственно с работой Чарновского по металлу и в то же время с работой Хренникова и Ларичева.

Задержка в развитии основных источников топлива

Рамзин. Это заседание ЦК «Промпартии» в первой половине 1927 г., уже к концу первой половины 1927 г., происходило в помещении ВСНХ, в кабинете Хренникова, где обычно в ВСНХ происходили такие совещания, при чем это совещание было, насколько я помню, первым из общей серии подобных совещаний, где обсуждалась линия вредительской деятельности по различным отраслям промышленности.

В частности, это совещание, о котором мне задал вопрос государственный обвинитель, поставило в круг основных вопросов такие отрасли промышленности, как топливоснабжение и металл. Цикл был начат с теплоснабжения потому, что тогда в работе привыкли строить план по топливной оси как направляющей. И с топлива было начато обсуждение положения в различных отраслях промышленности. В области теплоснабжения были намечены следующие основные директивы: прежде всего минимальные темпы развития добычи топлива вообще и теплоснабжения в целом. В частности, особый упор был сделан на задержку в развитии местного топлива, подмосковного торфа.

Крыленко. Я прошу вас сказать точнее о заседании, а не вообще о задержках развития теплоснабжения. Кто был докладчиком, кто предлагал, кто отвергал?

Рамзин. Хорошо, я постараюсь вспомнить более точно, хотя прошло уже три года, и всех подробностей я не могу вспомнить.

Крыленко. Я не требую месяца и числа, я требую изложения содержания заседания.

Председатель. Скажите, когда это было и в каком именно месяце?

Рамзин. Это было в 1927 г. весной, но точно месяц и число припомнить не могу. Оно происходило в ВСНХ.

Председатель. Впервые вопросы вредительства в области теплоснабжения встали в 1927 г.?

Рамзин. Может быть, и раньше ставились, но при мне это было первое заседание по этому вопросу. Я могу напомнить, что я вступил в «Инженерный центр» с весны 1927 г. и это было первое совещание на моей памяти.

Председатель. Мы вас так поняли, что вы вступили в ЦК «Промпартии»?

Рамзин. Нет, это еще был «Инженерный центр».

Председатель. Вы заняли руководящее место в «Инженерном центре»?

Рамзин. Я вступил как член «Инженерного центра».

Председатель. Кто на этом заседании председательствовал?

Рамзин. Пальчинский.

Председатель. Это было еще при Пальчинском?

Рамзин. Да, весной 1927 г.

Председатель. Продолжайте.

Крыленко. Вспоминать месяц и число, когда происходило заседание, не нужно. Нужен приблизительный состав заседания и его содержание.

Рамзин. Состав присутствовавших на заседании был, насколько я помню, довольно обычный для состава «Инженерного центра». Председательствовал Пальчинский, был Рабинович, Ларичев в качестве основного докладчика, присутствовал Чарновский и, кроме того, из тепловиков был Стрижов. Основным вопросом, который подвергался обсуждению, был вопрос относительно теплоснабжения. Доклад сделал Ларичев, который и предложил основную линию поведения и директивы, которые необходимо было принять и проводить затем через отраслевые центры, с одной стороны, и плановый орган, главным образом через Госплан, — с другой. В соответствии с общим курсом, который был взят и намечен «Инженерным центром», Ларичев предложил в области теплоснабжения держаться минимальных темпов добычи топлива и минимальных подготовительных работ по всему фронту, — в частности в общем плане топливоснабжения поддерживать то напряженное положение с топливом, которое все время имело место в этой области. С этой целью и были, без деталировки цифр, намечены директивные указания, которые должны были быть переданы дальше отраслевым организациям и на периферию, а именно: по углю — задержка разведочных работ, капитальных горных работ с соответствующей задержкой по жилищному строительству; подобный подход с особенной яркостью был предложен и по отношению к местным топливам — торфу и подмосковному углю.

Крыленко. Давайте разберемся в этих вопросах: обсуждались вопросы топливоснабжения (Р а м з и н: «Да»). То-есть, другими словами, обсуждались вопросы об источниках топлива и о мерах противодействия развитию этих источников. Вот основная в этот момент, в этот период линия вредительской работы Она сказывалась, с одной стороны, в области планового снабжения, разрешения плановых проблем в смысле построения пятилетки, во-первых (в этот период совершенно твердо уже определились минималистские темпы); с другой стороны, эта линия сказывалась в разрешении конкретных вопросов топливоснабжения по отдельным бассейнам (Р а м з и н: «Да») и по отдельным родам топлива: торфу, углю, подмосковному углю, Кузбассу, Донбассу и т. д. (Р а м з и н: «Да»).

Теперь мне и важно выяснить, как обстояло дело с торфом, как обстояло дело с подмосковным углем, как обстояло дело с Кузбассом и Донбассом.

Рамзин. Я должен подчеркнуть, что на заседаниях центра не детализировались эти вопросы и особенно цифровой деталировки не давалось. Проработка отдельных конкретных вопросов велась уже соответствующими отраслевыми органами. Центр давал лишь основные директивные указания, основные направления ведения отдельных работ, а конкретная проработка велась уже отраслевыми органами. Так что и здесь были намечены лишь основные линии поведения, а конкретизация по отношению к каждому отдельному угольному бассейну, различным торфяным бассейнам, по отношению к нефти, Подмосковному угольному бассейну проводилась уже соответствующими отраслевыми органами.

Крыленко. Но вы говорили об основных цифровых показателях. Вы уже давали показания относительно торфа или нефти, указывая основные цифры.

Рамзин. Это было уже позже. Это было в 1928 г., когда наметились основные вехи пятилетнего плана. Тогда были намечены цифры.

Крыленко. Так что основные вехи были намечены в 1928 г.? (Р а м з и н: «Да»). Пусть будет так. Мне важно выяснить и получить ряд конкретных ответов на конкретные вопросы топливоснабжения. Скажите, как обстояло с торфом?

Рамзин. Если вы имеете в виду не одно заседание, а целый цикл заседаний, которые имели место в «Инженерном центре» и «Промпартии» по торфу, то основной подход к торфу был такой. Прежде всего, в пятилетнем плане была взята и намечена очень низкая цифра добычи торфа — на конец пятилетки около 15 миллионов тонн, а первоначальная наметка была еще ниже. Было намечено 15 миллионов тонн в год добычи торфа на конец пятилетия. В последнее время под влиянием встречных промфинпланов эта цифра поднята до 30 миллионов тонн. Отсюда виден тот разрыв между реальными возможностями в области добычи и теми планировками, которые проводили в жизнь и сумели провести в жизнь «Инженерный центр» и «Промпартия». 15 миллионов тонн были намечены и проведены в 1928 г. Встречные промфинпланы, которые выработаны в 1930 г., подняли эту цифру до 30 с лишним миллионов тонн, так что по торфу возможная добыча была больше чем в три раза по сравнению с планировкой.

Крыленко. Значит, первый факт, который вы устанавливаете, сводится к тому, что вместо 15 миллионов тонн по торфу

было принято 30 миллионов тонн в результате встречных промфинпланов?

Рамзин. 33 миллиона тонн.

Крыленко. Пойдем дальше.

Рамзин. Вторым направлением в области торфяной промышленности, которое проводилось за этот период, была задержка введения в жизнь момента чрезвычайно выгодной добычи торфа, а именно фрезерного способа. Фрезерный способ дает значительное удешевление себестоимости. Точных цифр на память я вам не назову: это трудно сделать — до сих пор здесь цифры пестрые, но можно сказать, что этот способ является вдвое более дешевым, чем формовочный и другие. В отношении этого способа прозодилась такая линия, что не отрицали самого способа как такового, но каждый год конкретное осуществление добычи торфа этим способом фактически проводилось чрезвычайно небольшое. И до сих пор количество добываемого фрезерного торфа невелико.

Крыленко. Скажите относительно обработки торфа и его географического расположения. Что можно было здесь сделать?

Рамзин. В смысле масштаба добычи?

Крыленко. Да, в смысле масштаба добычи и в смысле доставки, транспорта для основных узловых центров промышленности.

Рамзин. Разрешите сперва закончить относительно третьей линии и подвести итоги.

Третья линия, которая связана со второй проблемой, это — линия по общему удешевлению себестоимости торфа. Стоимость торфа в этот период выражалась весьма высокими цифрами: она колебалась от 12 до 13 коп. за пуд на болоте и доходила до 16 коп. с доставкой потребителю. Для Ленинграда эта стоимость франко-станция доходила до 21—22 копеек с пуда и выше. Так что основной проблемой области торфоснабжения являлась проблема удешевления торфа франко-потребитель, то-есть удешевление добычи франко-штабель-болото и удешевление доставки с болота.

Фрезерный способ добычи торфа решал, и очень радикально решал, первую часть проблемы, а именно удешевление самой себестоимости торфа на болоте. Вместе с этим для того, чтобы отвлечь внимание торфяных кругов от этой основной проблемы понижения себестоимости, был выдвинут чрезвычайно сложный способ переработки, а именно брикетирование, коксование и т. п.

Крыленко. Это технические детали. Значит, было 3—4 способа, которые способствовали разрешению торфяной проблемы в преуменьшенных масштабах?

Рамзин. Да. И заведомо невыгодных.

Крыленко. Каков же был результат этого?

Рамзин. При таком положении торф оказывался одним из наиболее дорогих видов топлива. Таким образом, задержка шла и по плановой линии, путем искусственного преуменьшения планов, и по линии чисто экономической, т.-е., поскольку торф являлся менее выгодным экономически, естественно, что по логике жизни это задерживало его внедрение, это давало сильные аргументы в сторону преуменьшенных планов торфяной добычи.

Крыленко. Вам имя инженера Ароновича известно?

Рамзин. Я с ним лично незнаком.

Крыленко. Во вредительской организации он не состоял?

Рамзин. Я всего состава отраслевых и низовых ячеек не знаю.

Крыленко. Вот видите—«За Индустриализацию», газету, которую читают почти все инженерные круги?

Рамзин. Ходовая газета.

Стратегия и тактика вредительства

Крыленко. В номере этой газеты от 30 октября 1929 г. имеется статья инженера Ароновича: «Почему молчит Главтортоп», посвященная вопросам торфа, посвященная разрешению вопроса, проблемы дальнепривозного угля. Эта статья написана в довольно резких тонах, содержит очень резкие характеристики положения с торфом и указывает прямо на то, что тут дело неладное и что с этим делом надо быть осторожными.

Председатель. Защита не будет возражать против цитирования из газеты «За индустриализацию»?

Оцеп. Нет.

Крыленко. При чем он сразу указывает на то, на что вы указали в одной части своих показаний:

«Действительно, в последние годы мы наблюдали в различных инстанциях Госплана и НКПС жаркие бои вокруг знаменитого вопроса о сверхмагистрали Донбасс—Москва. Любопытно, однако, что все споры шли при этом лишь о системе сверхмагистрали, о технических подробностях того или иного варианта. Правильность же построения топливного баланса наших промышленных областей на привозном донецком топливе ни в ком никаких сомнений не вызывала. Никого особенно не заботило то обстоятельство, что главные промышленные районы должны на 50—60—70% питаться топливом, завозимым по железной дороге на огромное расстояние. А ведь это «своеобразие» нашего топливного баланса несомненно ложится тяжелым бременем и на промышленность и на все народное хозяйство. Высокие цены на топливо частично обусловливают высокую себестоимость продукции. Для удешевления топлива мы вынуждены устанавливать убыточные провозные тарифы, представляющие своеобразную дотацию государства дальнепривозному топливу: по подсчетам комитета по химизации, общая

сумма скидок за пятилетие на все перевозимое топливо, представляющая чистый убыток, составит около 319 млн. руб...».

«Послевоенная Германия, утерявшая богатейшие угольные районы, компенсировала эту потерю развитием добычи низкосортных бурых углей. Использованием этих углей в виде электричества и газа современная Германия изгоняет в городах потребление каменного угля в домашнем быту для целей отопления, в промышленных установках и т. п. Рост, какой получила там практика дальней газификации, прямо-таки колоссален, вся страна покрылась разветвленной сетью трубопроводов, подающих газ из центральных перегонных установок. Такую же разветвленную на тысячу километров сеть газопроводов можно найти и в САСШ.

Почему идея газификации должна представлять для нас первостепенный интерес? Да потому, что газификация наравне с электрификацией и есть тот именно путь, по которому идет сейчас вся реконструкция топливоснабжения за границей. Она представляет тот именно рычаг, с помощью которого мы могли бы совершенно изменить все содержание топливного баланса. В пятилетнем же плане этот основной метод реконструкции, увы, не нашел никакого отражения»...

«Представляет ли проблема использования местных топлив что-либо новое? Нисколько. О ней пишут и говорят, но, когда дело доходит до установления необходимых темпов роста добычи местного топлива, проявляется такая робость и отсталость, что не без основания наша топливная пятилетка на пленуме комитета по химизации была названа консервативнейшим участком пятилетнего плана.

Консервативные планы обусловливают консервативные результаты. Достаточно привести несколько цифр, чтобы видеть, что развитие добычи местного топлива не только не опережает средние темпы роста промышленности, но и значительно отстает от них. Вот как, например, шло развитие добычи в Подмосковном бассейне в последние годы:

Годы:	Добыто в тыс. тонн	Прирост в %% к пред. году
1925—26 г.	937	—
1926—27 г.	971	3,5
1927—28 г.	1.078	22,0
1928—29 г.	1.270	8,0

Рост добычи подмосковного угля, как видим, даже начал падать.

По торфу в 1928/29 г. рост добычи не превысил 8 проц. (точных сведений еще не имеется).

Топливная пятилетка должна быть радикально пересмотрена. Это очевидно.

Нефть и донецкий каменный уголь должны быть рассматриваемы, за удовлетворением нужд своих районов, главным образом как экспортные статьи, чему благоприятствует их расположение вблизи морей. Что касается местных видов топлива, то за использование их богатейших запасов необходимо взяться исключительно настойчиво»...

Другими словами основная проблема, которая здесь ставится, сводится к тому, что торф заброшен, о торфе не думают, географические источники торфяной разработки достаточно богаты для разрешения топливной проблемы, они для разрешения этой проблемы вполне достаточны, а у нас вместо этого продолжают, — это доказывается цифровым материалом, — трактовать о дальнепривозном топливе, спорят о сверхмагистралях вообще и о необходимости или ненужности постройки, а дело — «ни тпру ни ну», с места не двигается. Эта статья разоблачает те вредительские мероприятия, которые вы передаете, и о которых говорится в обвинительном заключении. Как в таких случаях на такого рода статьи реагировали вредительские организации?

Рамзин. Вопрос, конечно, стоит далеко не так просто, как излагается в этой статье. Я ее точно не помню, но, поскольку я понял из вашего изложения, в ней вопрос поставлен утрированно просто. В комитете по химизации этот вопрос ставился так, что для Северо-Западной области, для Центрально-Промышленной области совершенно не нужно дальнепривозного топлива, т. е. мы сможем обойтись топливом Подмосковного района. Ясно, что такая примитивная постановка вопроса тоже не являлась осуществимой, тоже являлась, если хотите, вредительской, потому что она нереальна. Целиком увязать все балансы Центрально-Промышленной области только на местном топливе невозможно. Так что ставить себе такую задачу — это значит ставить задачу явно невыполнимую.

Крыленко. Вопрос ставился не так примитивно.

Рамзин. В комитете по химизации так ставили, что донецкого угля не нужно, поэтому развития сети железнодорожной связи между Москвой и Донбассом не требуется, поэтому транспортная проблема отодвигается на второй план. Были две постановки вопроса. Одна заостряла вопрос о местном топливе, давая возможность отодвигать проблему сверхмагистрали, отодвигать проблему связи Юга и Северо-Запада и Юга и ЦПО. Вторая постановка шла, наоборот, в пользу преувеличения донецкого топлива, она производила своего рода демпинг по отношению к местному топливу. Истина, конечно, лежит посредине, между этими двумя точками зрения. Та политика, которой придерживался «Инженерный центр», шла скорее в сторону благоприятствования дальнепривозному топливу и известного удушения местного топлива.

Крыленко. Если политика вредительского центра была направлена на то, чтобы дальнепривозное топливо форсировать, а местное топливо удушать, т.-е. удушать хозяйственную топливную базу, очень важную для наших крупнейших промышленных центров, то, встретив сопротивление со стороны сторонников другой точки зрения, она каким-нибудь образом парализовала ее в комитете по химизации и в самой жизни? Ведь такая статья не могла пройти мимо комитета химизации.

Рамзин. Ответственных статей можно найти очень много и значительно более авторитетных, чем статья инж. Ароновича. Ответ имеет именно промежуточное решение и находится в середине между этими. Они легко парализуются, потому что совершенно легко доказать, как дважды два четыре, что связать баланс промышленности только на местном топливе невозможно и необходимо развивать дальнепривозное топливо.

Крыленко. Какую роль играл этот спор о сверхмагистрали?

Рамзин. Он играл колоссальную роль, потому что усиление связи с Донбассом имеет громадное значение при тех темпах развития народного хозяйства, которые намечаются, и вывоз донецкого топлива на север является совершенно неизбежным. Если позволите назвать грубые цифры, эти цифры таковы: вывоз в настоящее время составляет около 10 милл. тонн, а он должен быть увеличен до 20—22 милл. тонн, т.-е. почти удвоен. При чем транспортные связи Севера с Донбассом к этому совершенно не подготовлены. Таким образом, расширение вывоза донецкого топлива на Север является неизбежной проблемой, которая должна стать к концу пятилетки. Неразрешение этой транспортной проблемы ограничивает топливные возможности, ограничивает топливный баланс. Так что эта идея позволяла замедлить развитие работ в области транспортных связей, т.-е. по линии НКПС. Для того, чтобы еще больше усилить это замедление, была выдвинута идея газификации на далекое расстояние, которая будто бы позволяла расширить базу для местного топлива и этим самым удерживать донецкое топливо на прежнем уровне.

Значит, была прежде всего поднята кампания в сторону опорочивания донецкого топлива, что его не надо возить на север, а поэтому нужно базироваться на местном топливе.

Крыленко. Так что вы считаете, что вредительством была борьба против сверхмагистрали?

Рамзин. Это я хотел сказать, когда буду говорить о НКПС.

Крыленко. А в отношении топлива?

Рамзин. Эта установка позволяла понизить топливные возможности Донбасса, потому что топливное снабжение складывается из трех частей, одной из которых является транспорт, а транспорт был минимальным.

Крыленко. В чем заключалась ваша вредительская позиция в отношении среднего звена?

Рамзин. Она заключалась в том, что было задержано развитие транспортной связи между Донбассом и Москвой, при чем была выдвинута идея сверхмагистрали, которая обсуждалась в течение длинного ряда лет. НКПС выдвинул мысль относительно миллиардной стоимости сверхмагистрали и этим самым боролся против установления транспортной связи. Выдвигали мысль о том, что вообще можно обойтись местным топливом, и это было вторым аргументом против развития транспортной связи с Донбассом. Наконец, и до сегодняшнего дня, во всяком случае до момента моего ареста, было вероятно такое положение, что не было даже разработанного проекта транспортной связи между Донбассом и Москвой.

Крыленко. Так что постановка проблемы сверхмагистрали в тех условиях по существу являлась тоже вредительской?

Рамзин. Не постановка, а борьба против сверхмагистрали.

Крыленко. Установка, которая была дана по вопросу о сверхмагистрали, состояла в том, чтобы затянуть спор и ничего не сделать?

Рамзин. В этом и была суть.

Крыленко. И этим задерживалось развитие дальнепривозного топлива Донбасса и тем самым задерживалось развитие местного топлива Подмосковного бассейна?

Рамзин. Для местного топлива это был бы благоприятный аргумент, но при разрешении вопроса о местном топливе эта идея всегда забывалась.

Крыленко. Значит, мы можем так резюмировать, что, помимо прямой работы, направленной на задержку развития топлива — подмосковного угля, торфа и т. д., — вместе с тем задерживалось путем дальнейших споров установление прочной железнодорожной транспортной связи между Дальним Востоком и Подмосковным бассейном?

Рамзин. Да. И такое же положение в Кузбассе.

Крыленко. Такое же положение и в Кузбассе. Вот основная вредительская установка по этому вопросу.

Каким же путем и какими средствами нейтрализировались такого рода выступления — путем давления своим прямым авторитетом или же игнорированием этих статей? Каким путем вредительский центр сумел разбить своих противников, которые выступали в печати?

Бесконечные «теоретические» споры маскировали отсутствие дела

Рамзин. Вопрос этот крайне сложный. Тут имеются две стороны, и при таком

положении очень легко планировать. Я могу найти целый ряд статей, противоположных друг другу. Когда имеется такая сложная полемика, разобраться в ней очень трудно.

Крыленко. Значит, бывали противоположные утверждения?

Рамзин. Можно указать ряд статей, которые говорили противоположное.

Крыленко. Значит, одним из методов было выступление в печати с прямо противоположными статьями?

Рамзин. Да. Госплан входил в наш центр, и НКПС полемизировал с ним.

Крыленко. Может быть, было так, что один из членов вашей организации выступал «за», другой «против»?

Рамзин. Я сейчас на это и указываю.

Крыленко. Может быть, вы дадите пример по вопросу энергетики в Донбассе и связи с Энергостроем?

Рамзин. По этому вопросу я могу указать, что из двух организаций, входивших в состав вредительского центра — «Промпартии», — Госплан проводил идею сверхмагистрали. В то же время другая часть вредительской организации, а именно НКПС, проводила прямо противоположное мнение и боролась против сверхмагистрали, так что здесь две вредительских организации, принадлежавших к одному и тому же центру, проводили прямо противоположные мнения. Результат был тот, что сверхмагистраль не была сделана и дальнейшего развития тоже не было.

Крыленко. В результате этих споров дело не двигалось с места?

Рамзин. В результате транспортные связи не были усилены, а развитие было задержано.

Крыленко. Как обстояло дело со сланцем?

Рамзин. Со сланцем дело обстояло очень сложно. Если позволите, я укажу.

Крыленко. В обвинительном заключении упоминается, кажется, Цванцигер. У меня статья инженера Цванцигера: «Дорогу сланцам!». Вот расшифруйте, действительно ли состоял Цванцигер во вредительской организации?

Рамзин. Я статьи не помню.

Крыленко. Суть ясна:

«Разговоры пора кончить. Ими занимались 13 лет. Сланцевая экономика, как мы видели, складывается довольно благоприятно. Но даже если бы наши подсчеты оказались оптимистическими и сланец оказался бы дороже другого топлива, топливное положение страны требует широкого и всемерного использования местных топлив. Если промышленные предприятия склонны до сих пор отстаивать для себя более ценное и более удобное топливо, это вполне понятно. Но органы, руководящие промышленностью, и органы, ведающие народнохозяйственным планом, должны руководиться совершенно другими соображениями».

Председатель. Я хотел раньше разрешить следующий процессуальный вопрос. Так как в процессе допроса со стороны обвинения пред'является ряд выдержек из газеты «За индустриализацию», газеты «Торгово-промышленной», может быть, будут пред'явлены еще какие-нибудь газеты, которые выходят на территории Союза, то было бы целесообразно сразу же разрешить вопрос, имеются ли возражения против приобщения всех оглашаемых здесь статей, или по этому поводу каждый раз мы будем выносить специальное определение. Я полагал бы, что специальное определение можно вынести общее, если условимся, что все документы, представляемые в порядке допроса как со стороны обвинения, так и защиты, будут заключаться в вырезках из газет, издаваемых на территории Союза. (Защите). С вашей стороны не будет возражений?

Оцеп. Нет. Целый ряд прошедших политических и хозяйственных процессов свидетельствует, что это уже установлено и законных препятствий к этому нет. Метод сообщения, предложенный прокуратурой, представляется правильным.

Председатель. А со стороны государственного обвинения не будет возражений?

Крыленко. Техническое ознакомление сторон и внесение ходатайства о приобщении документов, не подвергающихся сомнению, к делу является чрезвычайно затруднительным. Поэтому мы не будем возражать ни против такого метода приобщения, ни против цитирования, если представленные документы будут лежать на столе суда.

Председатель. Я бы просил стороны, когда они представляют материалы, взаимно знакомить друг друга с представленными документами без специального на этот предмет определения Специального присутствия. Засим, если подсудимые хотят ознакомиться с представленными статьями и документами, они имеют полное право ознакомиться с ними или во время судебного заседания или во время перерыва и дать об'яснения по существу.

Рамзин. Содержание этой статьи я приблизительно уловил, а общая установка мне известна.

Председатель. С этими двумя статьями вы не желаете ознакомиться?

Рамзин. Содержание их мне ясно, потому что общий смысл их государственный обвинитель только что изложил, а установка и точка зрения Цванцигера мне хорошо известны.

Крыленко. Важно установить, что такого рода статья была сознательным тактическим шагом вредительской организации или, быть может, она являлась проявлением свободного творчества Цванцигера? Другими словами, руководство со стороны контрреволюционного «Инженерно-технического центра» настолько ли было организационно правильно поставлено, что каждое такого рода выступле-

ние по вопросам планирования хозяйства контролировалось и регулировалось «Инженерным центром», или здесь можно было «плавать» каждому члену вашей организации?

Рамзин. Такая точная регламентация деятельности каждого члена и его отдельных выступлений по конкретным вопросам не имела места и была бы невозможна. Отдельный член, входящий в организацию, получал общие указания из центра, они детализировались, постепенно сходя вниз. Но опять-таки такой детализировки, чтобы отдельные выступления диктовались, не делалось, и, в частности, сказать, что такая-то определенная статья была написана по поручению центра, нельзя.

По сланцу история вопроса очень давняя. Основным руководителем сланцевой проблемы являлся Пальчинский. Основные начинания в этой области сначала шли слабыми шагами в 1918 г., а в 1919 и 1920 гг. начался быстрый разворот этой сланцевой проблемы. Основными работниками были Пальчинский и Цвангигер. Установка сланцевой проблемы с самого начала была такова, что дальнейшее движение в этом направлении являлось явно неправильным и невыгодным для народного хозяйства. Здесь достаточно будет даже проглядеть следственное дело, которое в Верховном суде имелось по этому вопросу, чтобы убедиться, как велось сланцевое дело до 1926 г., примерно, включительно. Обычно в печати давались победные фанфары.

Крыленко. Может быть, мы из этой части вашего показания сделаем вывод, что если бы даже в вопросах сланцевой проблемы инженер Цвангигер и действовал бона-фиде, добросовестно, когда писал эти статьи, то все же благодаря методам разработки сланцевой проблемы, если бы эта точка зрения, которая здесь восторжествовала, и не была бы принята, — равным образом было им осуществлено вредительство?

Рамзин. Простите, я не понял.

Крыленко. Если бы развитие сланцевой проблемы было расширено, то все равно, вы говорите, методы, формы и способы технические, сроки и т. д. развития этой проблемы были таковы, что все равно вредительство сказалось бы?

Рамзин. Да, да.

Крыленко. Теперь к вопросу о том, что не регулировались выступления, как вы говорите. Я немножко в этом сомневаюсь. Можно не регулировать выступлений отдельных инженеров по сравнительно мелким вопросам или вопросам, поставленным «в общем»; другое дело, когда вопросы ставятся конкретно, когда проблема имеет первостепеннейшее значение и когда выступления, авторитетные с обеих сторон, не могут не влиять на разрешение проблемы, — я беру ту проблему, о которой я только что говорил, — о снабжении и вообще состоянии электрохозяйства в Донбассе в связи его с Днепростроем. Тут имеются две очень резких статьи, при чем обе статьи подписаны фамилиями, сомнительными в смысле вредительском. Как тут ставится вопрос?

Рамзин. Я приводил только что пример относительно сверхмагистрали.

Крыленко. Вот в этом большом вопросе о сверхмагистрали поступки обеих спорящих сторон диктовались вредительством или нет?

Рамзин. Да. В отношении вопроса о сверхмагистрали было совершенно определенно установлено, что НКПС будет держаться такой точки зрения в этом вопросе, чтобы доказывать дороговизну сверхмагистрали и бороться против ее проведения, а Госплан будет проводить обратную линию.

Крыленко. Доказывать, что она не нужна? (Рамзин: «Да»). Но с одной целью, чтобы ее не было?

Рамзин. Да. И в конечном итоге спор длился два-три года, и конкретная работа в этом отношении не была сделана.

Крыленко. Кстати о дискуссии между Горевым, который у вас помечен в качестве вредителя, и...

Рамзин. ... и Кукель-Краевским?

Крыленко. Нет, Кукель-Краевский — это особая статья, — а Дукельским и Васичевым: что вредительского вкладывали в строительство Донбасса в этом направлении, или ничего вредительского не вкладывалось?

Рамзин. Электроснабжение Донбасса было одним из центральных в вопросах вредительства в области энергетики. Как я уже указывал в ряде своих показаний, здесь был опорный пункт, где было поставлено целью создавать длительные кризисы в электроснабжении, и таким пунктом, или вернее — районом, помечен был Донбасс, как наиболее ответственный район.

Достижение этой цели велось, главным образом, плановым порядком в вопросах постройки и расширения существующих станций в Донецком бассейне и ремонта и расширения прежних станций. Главную роль сыграло за последнее время замедление с расширением Штеровской станции и на ближайшее же будущее должно было сказываться замедление начатой постройки Зуевской станции. Электроснабжение Донбасса является центральным, коренным вопросом, потому что оно определенно влияет на возможность механизации добычи и темпы развития добычи вообще. Проведение этого задания шло в ЦК «Промпартии» в плановом порядке, а именно: удалось во время тех выступлений, которые имели место главным образом со стороны Госплана, доказать возможность замедления темпов развития электрификации Донецкого бассейна и поддержать тот кризис, который имеет место теперь.

Для того, чтобы не было явного провала организации, по линии ВСНХ велась другая пропаганда: ВСНХ поддерживал необходимость скорейшей электрификации Донбасса. Надо сказать, что ВСНХ всегда стоял на позиции хозяина, который желает получить лишнее, добавочное хозяйство. ВСНХ держался этой линии везде и всюду — в Ленинграде, в Донбассе и в других районах. Задерживающим центром здесь являлся Госплан, через который эти установки дальше проводились в жизнь. Такое же положение имело место и здесь.

Крыленко. Вот я хочу вас спросить, — у меня есть выдержка из статьи от 23 апреля 1930 г. под заглавием: «Не тормозите развитие Подмосковного бассейна».

«Но в Энергоцентре думают по-иному. На выполнение скромной программы работ по станции, предусматривающей в текущем году лишь необходимейшие подготовительные работы, с расчетом на приступ к основным сооружениям ранней весной будущего года, не отпущено ни одной доски и не дано ни одного гвоздя. Было бы полбеды, если бы разгадка подобного отношения к ответственнейшему строительству таилась только в трудностях снабжения материалами. Факты говорят иное. По политическому ли недомыслию или по какой-либо иной причине — налицо недооценка значения Подмосковного бассейна и форсирования построек станций Московской области на каком угодно топливе, но не на подмосковном угле. Вопреки ясным директивам правительства, вопреки принятым Московским советом и Московским обкомом решениям, неоднократно кроится и перекраивается пятилетка энергоснабжения Московской области, и при каждой «операции» все более уменьшается удельный вес станций на подмосковном топливе, все дальше отодвигаются сроки расширения единственной пока работающей на подмосковном угле Каширской ГЭС и все «безнадежней» перспективы многострадальной Бобриковской (им. И. В. Сталина) станции».

Вот видите, в этой статье резко и прямо говорится, что дело не в недостатке материалов, а во вредительстве.

Рамзин. Смысл этой статьи можно толковать и иначе. Если вы прочтете статью, подписанную «Торфяником», то там говорится о задерживании внедрения торфа, о том, что распоряжения правительства в этом отношении не выполняются. Так что против этой статьи можно написать другую статью, которая будет трактовать совершенно о другом.

Крыленко. Значит ли это, что вредители считали себя настолько твердо забронированными, что могли свободно игнорировать такого рода статьи?

Рамзин. Статья далеко не окончательно убедительная. Ведь тут идет речь о борьбе между торфом и подмосковным углем, и то и другое имеет определенные директивы в смысле дальнейшего развития, и то и другое имеет определенные права на это развитие. Трактовать эту статью как направленную против вредительских актов очень трудно, потому что неизвестно, чему нужно отдавать предпочтение — торфу или подмосковному углю. В конце концов вопрос о Бобриковской станции был задержан тем, что был выдвинут конкурирующий вариант в виде Тверской станции.

Председатель. Вопрос можно поставить так: в этой статье говорится о том, что существуют прямые, ясные директивы правительства, прямые, ясные постановления Моссовета, постановления по партийной линии — по линии Мособлкома, и, однако, вопреки этим постановлениям дело тормозится. Меня интересует такой вопрос: торможение этого дела вопреки всем постановлениям — оно также осуществлялось по определенным вредительским директивам или же оно происходило по иным причинам? Правильно ли говорится, что дело не в гвоздях, не в недостатке досок, а в том, что кто-то срывает это дело.

Рамзин. Задержка Бобриковской станции — это была определенная директива, исходившая из «Промпартии».

Председатель. Значит, можно сказать что указание в этом отношении на то, что задержка Бобриковской станции является делом контрреволюционного порядка, — это правильное указание?

Рамзин. Да, это правильно.

Председатель. И это входило прямо в план и соответствующие директивы «Промпартии?».

Рамзин. Наш спор между Бобриковской и Тверской станциями был.

Председатель. Споры могли быть и для отвода глаз, и вы это говорили. Но меня и Специальное присутствие интересует основной вопрос — определенные хозяйственные операции срывались по определенным директивам «Промпартии». Так это или не так?

Рамзин. Задержка Бобриковской станции была сделана по определенным директивам «Промпартии», при чем, если угодно, я могу указать и те пути, по которым ставился этот вопрос.

Фридберг. Все эти вопросы являлись научно-дискуссионного характера? Окончательное разрешение этих вопросов куда должно было быть направлено, кто должен был решать вопрос, какая сторона права?

Рамзин. Какой вопрос?

Фридберг. Вопрос о сланцах, о торфе и т. д. Ваш институт чем занимался?

Рамзин. Институт разрешением таких плановых вопросов не занимался.

Фридберг. А технических вопросов?

Рамзин. Это не технический, это плановый вопрос.

Фридберг. Так что ваш институт...

Рамзин... этим вопросом не занимался.

Фридберг. А вы могли своим авторитетом или та группа, которая вокруг вас была сплочена, могла своим авторитетом дать то или иное направление этому вопросу?

Рамзин. Понятное дело, могла.

Фридберг. Относительно таких практических вопросов ваш авторитет или авторитет вашей группы мог заставить замолчать тех, кто выступал против вас? Вы не вспоминаете таких моментов?

Рамзин защищает честь своего ученого мундира

Рамзин. Здесь я должен сделать такое сообщение, что в своих научных работах, которых я имею больше полутораста, я никогда, ни в одной работе не говорил того, что не соответствует действительности. В своих научных работах я не проводил никаких вредительских директив, никаких вредительских установок. Поэтому те научные работы, которые я печатал и в СССР и за границей, никогда вредительских установок не имели.

Крыленко. А в ненаучных работах, в выступлениях в печати?

Рамзин. Если я выступал в печати, то популяризировал те научные идеи, которые проводил в жизни. Если вы посмотрите мои научные и экономические работы за последнее время, то вы увидите, что они проводили идеи теплофикации, идеи фрезеровки торфа, т.-е. те идеи, против которых выступала «Промпартия». Так что, повторяю, в своих научных работах я никогда вредительских установок не проводил, отделяя научную деятельность от практической.

Председатель. А практическая деятельность?

Рамзин. А практическая, — я подчеркнул, что очень часто я был виноват в известном молчании и попустительстве. Как член ЦЭС, видя, что проходит проект явно неподходящий, который надо было раскритиковать, задержать, — я этого не делал. Затем я лично давал и определенные вредительские директивы в том отношении, чтобы вести работу так, чтобы она дала тот эффект, которого добивалась «Промпартия». Это я тоже делал. Но в своих экономических работах, в своей научной деятельности и в своих выступлениях я этого не делал.

Фридберг. Был спор о высоких и низких давлениях?

Рамзин. Этот спор и сейчас не закончен.

Фридберг. Вы проводили какую точку зрения?

Рамзин. Точка зрения, которая проводится по этому вопросу, ее приходится все время менять в зависимости от хода действий, и в мировой технике этот вопрос не является решенным. Станций, которые работают на так называемом высоком давлении, в мире имеется — больших станций — не больше 7: во всей Америке имеется штук 5, в Европе 2—3 станции. Этот вопрос очень дискутабельный в мировой технике.

Крыленко. Одним словом, вы хотите сказать, что вы строго разграничиваете вашу вредительскую работу и вашу научную работу?

Рамзин. Да, строго, т.-е. в своих научных работах я никогда не проводил вредительских идей.

Крыленко. Т.-е. вы хотите взять под защиту свою научную работу в том смысле, что тут, по крайней мере, вы вредительства не проводили?

Рамзин. Т.-е. я не хочу взять под защиту мою научную работу потому, что я предупредил, что я защищать себя не собираюсь, но я говорю то, что было на самом деле.

Рамзин окончательно запутался

Председатель. А если поставить так вопрос: вы были директором Теплотехнического института, назначение Теплотехнического института было и в том, чтобы экспериментировать новейшие достижения для дальнейшего их применения на практике. В какой мере вы задерживали в работе Теплотехнического института проверку возможности применения новейших технических достижений?

Рамзин. В этом направлении, конечно, такие действия имели место. Проведение в жизнь тех достижений, которые мы имели в институте, шло недостаточно быстрым темпом.

Председатель. Может быть, конкретно назовете такие случаи, когда Теплотехнический институт сознательно задерживал применение новейших технических достижений?

Рамзин. Я могу привести один очень яркий пример. Это вопрос относительно сжигания подмосковного угля в пылевидном состоянии. В то время, как в институте с 1926 г. мы усиленно изучали сжигание угля в пылевидном состоянии, с подмосковным углем эти опыты были начаты только в 1929 г., т.-е. в течение 3 лет к этим опытам не приступали. К началу проектирования Бобриковской станции ни у нас, ни у МОГЭС, ни у кого не было достаточных данных, чтобы приступить к проектировке.

Председатель. Значит, Теплотехнический институт был одним из орудий вредительской деятельности?

Рамзин. Т.-е. не Теплотехнический институт, а я.

Председатель. Кто же направлял содержание деятельности Теплотехнического института? Конечно, директор этого института. И вот вы сейчас нам с вопросом о пылевидном топливе об'яснили, что Теплотехнический институт совершал

определенное вредительство в отношении пылевидного топлива.

Рамзин. Не с пылевидным топливом, а с проведением этого изучения относительно подмосковного угля.

Председатель. Даже в печати выдвигалось обвинение в том, что Теплотехнический институт проспал вопрос с пылевидным топливом.

Рамзин. Это обвинение неправильное, потому что, кроме нас, никто в этом вопросе не работал.

Председатель. Но вы на 3 года задержали развитие этой проблемы?

Рамзин. И это неправильно.

Председатель. Вы здесь указали, что вы начали разработку проблемы сжигания пылевидного топлива в 1926 г., а в отношении подмосковного угля приступили к этому только в 1929 г.?

Рамзин. Это в отношении подмосковного пылевидного топлива, а то, что писали в газете, там говорилось о пылевидном топливе вообще. При чем я подчеркиваю, что задержка велась не только нами, но это задерживалось нами совместно с МОГЭС.

Председатель. В МОГЭС была вредительская ячейка?

Рамзин. Да.

Председатель. Значит, Теплотехнический институт в своей работе проводил вредительские действия; в деятельности этого института мы видим элементы вредительства.

Рамзин. Гр. председатель, вы меня не поняли. Я говорю, что в тех работах, которые опубликованы мною, в них вредительства не было. Я никогда не проводил заведомо вредительских идей в своей научной деятельности.

Председатель. Значит, теоретически вы вредительских идей не высказывали, но практически в своей научной деятельности вы проводили вредительские идеи?

Рамзин. Да.

Председатель. Теперь, чтобы кончить с этим вопросом, перейдем к Бобриковской станции. Какими путями вам удалось сорвать строительство Бобриковской станции?

Рамзин. Это дело было задержано с конкурсом, который был поднят между подмосковным углем и торфом в связи с тем, что было предложено проектировать еще Тверскую станцию. МОГЭС начал составлять проект Тверской станции в противовес Бобриковской станции. Параллельно с Тверской станцией началась проработка и проекта Бобриковской станции. Прорабатывался он чрезвычайно медленно и долго. В результате, когда этот проект был разработан по своей технической специальности, этот проект Бобриковской станции пришлось признать неподходящим, сильно устаревшим, потому что общая физиономия станции в 1929 году, когда проект проходил через ЦЭС, являлась настолько устаревшей и анахронической, что утверждать такой проект и строить по нему являлось неподходящим. Тогда был заказан еще проект Энергострою, который сделал пять вариантов. Это — организация, которая специально строила энергетические станции. Ею был заказан также проект Бобриковской станции, причем было сделано пять вариантов. Последний вариант Бобриковской станции был сделан на давление в 100 атмосфер. По последнему варианту было ясно, что он невыполним, потому что заказать оборудование на 100 атмосфер у нас негде, в Европе заказать безнадежно, а в Америке заказ был коммерчески невозможен. Это — пример того, что заказ является коммерчески невыгодным. Итти в соглашение с американскими фирмами нельзя было. Кроме того, тут был ряд соображений, из-за которых это было невозможно и о которых неудобно говорить на открытом заседании. В результате следующий вариант был сделан уже на 35 атмосфер.

Председатель. Этот проект был проработан сознательно в явно невыгодную сторону? Могэсовский, например?

Рамзин. Могэсовский проект был проработан вместе с общей вредительской директивой по проектированию станций.

Крыленко. Так что вы сейчас утверждаете, что Теплотехнический институт, которым вы руководили, практической работы по вредительству не осуществлял?

Рамзин. Если задержку считать практической работой, то осуществлял. Я вам привел один пример, могу привести еще.

Крыленко. У меня имеется ваша статья, называется она: «Пути экономии топлива», от 27 июня 1929 г. В этой статье имеются абзацы следующего характера. Раздел предпоследний:

«Практическая работа института по проектированию теплосиловых станций получит громадное развитие в ближайшие пять лет, так как спрос на проектные работы со стороны промышленности уже сейчас необычайно велик. Нередко проектирование новых установок целиком основывается на экспериментальных работах и достижениях самого института. Это имеет место, например, при постройке Сталинградской станции, где будет применяться комбинированное сжигание опилок и мазута; при постройке ряда станций для Центробумтреста с сжиганием дров в виде щепы; при постройке Брянской станции, которая будет работать на фрезерном торфе по способу, разработанному институтом, и т. д.

Было бы, конечно, целесообразно целиком поручить институту выполнение таких проектов, чтобы была достигнута известная цельность и единая ответственность за весь проект.

Расширение проектной работы института дало бы также возможность гораздо

полнее использовать его достижения в промышленности, чем это было до сих пор.

Непосредственная связь института с промышленностью выражается не только в составлении для нее проектов. Через свое строительно-монтажное бюро институт практически выполняет установки, беря на себя полную ответственность за их работу. Строительно-монтажное бюро — это щупальцы института, которые позволяют оценивать практические трудности или неудобства выполнения отдельных конструкций и их действительную стоимость в современных условиях.

В пятилетнем плане, естественно, предусмотрено дальнейшее расширение деятельности строительно-монтажного бюро, как главного проводника новых идей института в производственную практику».

Вот эта практическая работа института, с которой вы сейчас выступаете в печати, а ранее еще идет целый ряд указаний о коксе, о давлениях, газификации, об экономическом сжигании топлива, где говорится:

«Практическое разрешение всех этих проблем будет целесообразным и успешным лишь тогда, когда ему будут предшествовать глубокие научные исследования. Теоретические научные работы должны производиться также и самостоятельно, создавая тот капитал, из которого будет черпаться материал для развития последующих работ.

Накопленный институтом богатейший материал о топливах СССР, состоящий из 25 тысяч с лишним анализов, будет и дальше пополняться и уточняться. Будет продолжаться изучение плавкости золы и влияние ее на огнеупорные материалы, изучение окисляемости, диссоциации, коксуемости, крэкинга и гидрогенизации различных нефтепродуктов и смол, исследование эксплоатационных свойств трансформаторных, турбинных и смазочных масел.

Вопросы теплопередачи и в частности лучеиспускания будут попрежнему занимать видное место в работах института, поскольку эти вопросы лежат в основе проектирования и изучения почти всех элементов теплосилового оборудования. Из других научных тем, вошедших в пятилетний план института, следует упомянуть про разработку теории горения, теории испарения и конденсации, изучение движения газов и жидкостей и возникающих при этом сопротивлений».

Вот вы в печати выступаете за тесную связь института с практической работой. Одно из двух — или эта работа института должна была носить вредительский характер, ибо все эти практические вопросы совершенно определенным образом анализируются здесь как вредительские, и не только анализируются, а подтверждаются об'ективными данными и цифрами, которые вы признаете и которые трудно отрицать, — и задержка топлива, и задержка развития соответствующих источников топлива, и задержка в изыскании тех или иных источников топлива. Одно из двух — или Теплотехнический институт в своей практической работе или в своих целях,—вы им руководили,— исполнял работы вредительского характера, или не исполнял. Тогда получается сплошная невязка. Мне кажется, что с этой точки зрения отгораживание работы научного характера от вредительского характера едва ли отвечает действительности.

Председатель. Желаете отвечать на вопрос?

«Что было бы, если бы»...

Рамзин. Вы меня не поняли. Я говорил, что в тех печатных научных работах и научных докладах, которые я делал, я не проводил заведомо неправильную или заведомо вредительского характера линию. У меня могли быть ошибки, но эти ошибки добросовестные. Также и в тех работах, которые предполагалось в институте развернуть. Но их не дали развернуть. Строительно-монтажное бюро, которое работало по мелким установкам, у института было отнято.

Крыленко. Но если бы ему дали?

Рамзин. Развертывание проектной работы ему не дали сделать. По Сталинградской электростанции эскизный проект был сделан очень оригинально и хорошо вместо нелепейшего проекта, который намечался. Отдельные старые топки мы заменили на основании экспериментальной работы новыми топками сжигания. Я считаю, что это колоссальнейшее достижение института. Но у нас взяли и отняли Сталинградскую электростанцию и передали в Энергострой. К концу 1929 г. настояли взять и проектное бюро. Сейчас можно говорить только о том, что было бы, если бы у нас не отняли.

Крыленко. Я вполне понимаю вас, когда вы стремитесь сохранить свой научный авторитет, научное имя и научные работы от их дискредитации самим лично, публично с точки зрения того, что вами там проводилась недобросовестная или, вернее, вредительская установка.

Рамзин. Я буду просить суд это доказать.

Крыленко. Это мы докажем. Amicus Plato, sed magis amicus veritas. Поэтому вопрос надлежит так поставить.

Рамзин. Если говорить о тех целях и предположениях, которые имели место, то несомненно, что при такой концентрации института в лице проектного и монтажного бюро институт стал бы фигурой, которая может проводить вредительскую работу. Поскольку я проводил работу вредительского характера, я несомненно использовал бы этот институт для таких целей. Но это только то, чтобы «было бы».

Крыленко. Мы удовлетворимся этим ответом.

Председатель. Вы говорите, что это «было бы», но вы в ответ на наши вопросы сказали, что в действительности кое-что вредительское в деятельности института вы успели сделать?

Рамзин. Это было, конечно.

Председатель. Вы это не отрицаете?

Рамзин. Да, но я категорически отрицаю предположение относительно вредительской установки в моих научных работах.

Председатель. Теоретического характера?

Рамзин. Да, и буду просить суд в этом вопросе дать определенное доказательство, а не делать такого огульного заключения.

Председатель. Вам не пред'является обвинение во вредительстве в ваших теоретических работах. Суд интересуется вашей практической вредительской работой, а не теоретической стороной.

Рамзин. Государственный обвинитель говорит, что я хочу взять под защиту свои научные работы, чтобы тень подозрения во вредительстве с них снять, — говорит в ироническом смысле. И я прошу или вообще этот вопрос не ставить, а если ставить, то представить доказательства, где было вредительство и в чем оно заключалось.

Председатель. Подсудимый Рамзин, обвинение вправе ставить вопросы иронически или как-нибудь иначе, но обвинения, которые пред'являются, они формулируются или в обвинительном заключении или, если ставятся дополнительно, дополнительно формулируются. И в этом случае вы получите возможность говорить по существу тех данных, которые будут сформулированы как новое обвинение.

Сейчас обвинение в том, что вы занимались теоретическим вредительством, вам не пред'является. Пред'является обвинение в том, что вы практически вредили.

Рамзин. Это я признаю.

«И ошибок не было»...

Антонов-Саратовский. Я и хочу уточнить этот вопрос. Вы хотите доказать, что вы в своих печатных научных трудах не проводили вредительских идей?

Рамзин. Так.

Антонов-Саратовский. А можно было бы вредительство в технических и научных трудах проводить, имея в виду, что они печатаются за границей и встречают научную и прочную оценку со стороны ученых?

Рамзин. За границей вы можете встретить очень много статей, содержащих явные ошибки...

Антонов-Саратовский. Я говорю не об ошибках...

Рамзин. ...явные ошибки, явно неправильные установки. И наоборот — вы за границей можете встретить целый ряд статей, совершенно правильных для экономической кон'юнктуры заграницы и абсолютно неправильных, никуда негодных для нашей кон'юнктуры. И вот в этом часто и бывают ошибки наших ученых и инженеров, что они берут опыт совершенно правильный при заграничной кон'юнктуре и переносят этот опыт на нашу почву, не понимая громадной разницы в кон'юнктуре и обстановке. Например, идея электрификации за границей имеет под собой очень твердую базу, очень твердые экономические основания, но если ее перевести так, походя, на русскую почву, в нашу обстановку, она окажется неверной. Поэтому я в своих работах, — а у меня работы не только по чисто теоретическо-техническим вопросам, но, скажем, по технико-экономическим проблемам, потому что, например, проблема топливоснабжения есть проблема технико-экономического характера, — с этими проблемами я выступал на мировых конференциях, делал доклады и никакого вредительства там не проводил.

Антонов-Саратовский. Таким образом, вы на мой вопрос отвечаете, что могут быть ошибки, но не может быть вредительства?

Рамзин. Да.

Антонов-Саратовский. А может быть, вредительство потом можно об'яснить ошибкой?

Рамзин. Это все зависит от желания.

Антонов-Саратовский. Ваше желание — чтобы считали, что в ваших научных трудах нет вредительства?

Рамзин. Нет, я говорю о другом: при желании судей так квалифицировать ошибки — все это можно сделать.

Антонов-Саратовский. Я и говорю: так и этак можно трактовать.

Рамзин. Я только должен утверждать одно, что и ошибок в моих работах последнего времени, сколько-нибудь крупных, не нахожу.

Антонов-Саратовский. Теперь второй вопрос. Вы говорили о ваших опубликованных трудах. А в вашей работе в институте, в руководстве вашем институтом была научная работа?

Рамзин. И научные и административные у меня были обязанности.

Антонов-Саратовский. Но, главным образом, та исследовательская работа, которая велась под вашим руководством, являлась научной работой?

Рамзин. Научной.

Антонов-Саратовский. Задержка той или другой проблемы, в роде той, которая произошла с подмосковным углем, что это — ошибка ваша или вредительство в вашей научной работе?

Председатель. Товарищ Антонов-Саратовский, подсудимый Рамзин на этот вопрос уже дал ответ, что в отношении пылевидного подмосковного угля было вредительство.

Рамзин. Нет, это не точно.

Антонов-Саратовский. Нет, он совершенно иначе ответил на этот вопрос.

Рамзин. Наоборот, работа в области сжигания пылевидного подмосковного угля была наиболее удачной и, я бы сказал, славной работой института, потому что институт здесь разрешил чрезвычайно сложную и трудную проблему, дал очень выгодный способ сжигания топлива, так что здесь, я считаю, — одна из колоссальных заслуг института. А вредительство здесь заключается в том, что проблема эта была поставлена для разрешения позже, чем ее надо было поставить.

Антонов-Саратовский. Это что — вредительство в научной работе или нет?

Рамзин увиливает от ответа

Рамзин. Я думаю, при таком подходе вопрос будет запутан. Вопрос сроков — это не научный вопрос, а вопрос администрирования или планирования. Надо разделять эти два вопроса — вопрос планирования и вопрос научной работы, как таковой.

Председатель. Я вам задал вопрос: имелись ли случаи в деятельности Теплотехнического института задержки в применении новейших технических достижений? Вы как ответили на этот вопрос?

Рамзин. Задержка в проведении отдельных опытных работ была: мы ставили одну работу раньше другой, когда надо было сделать наоборот.

Председатель. Научная деятельность Теплотехнического института не соответствовала интересам жизни и науки, все шло шиворот-навыворот?

Рамзин. Нет, такого вывода нельзя делать. Можно привести один—два факта, но далеко не всю деятельность.

Председатель. Были ли в деятельности Теплотехнического института такого рода факты, когда наука не служила жизни, а старалась вредить жизни?

Рамзин. Вредить жизни не старалась.

Крыленко. Но помогать также не старалась?

Рамзин. Наука опаздывала помогать жизни.

Председатель. Сознательно?

Рамзин. В некоторых вопросах сознательно.

Председатель. Значит, наука в Теплотехническом институте не ставила опытов в помощь жизни, в помощь социалистическому строительству?

Рамзин. Да.

Председатель. Это можно квалифицировать как вредительство в научной жизни?

Рамзин. Нет, не в научной жизни — в управлении институтом, в планировании. Позвольте мне дать пояснения. Я не хочу употреблять этого термина «научное вредительство», потому что это можно понимать таким образом, что работа проводилась с точки зрения научной методологии вредительским способом, т. е. я работал неверными методами и приходил к неверным результатам. Такого вредительства у нас не было. Но в смысле очередности работ, в смысле выдвижения на место одной работы другой, — это бывало.

Председатель. То-есть работали над тем, что сейчас не нужно, и не работали над тем, что нужно.

Рамзин. «Работали над тем, что не нужно», — этого не было.

Председатель. Задача научных институтов в советском государстве заключается в помощи и в содействии социалистическому строительству. Мы не просто строим работу научных институтов, мы строим ее не абстрактно, так, чтобы результаты можно было применить через 1.000 лет, а строим так, что институты в числе целой цепи учреждений должны осуществлять и помогать осуществлению социалистического строительства. Если не делается работа, которая нужна в данном случае, если она отодвигается, а на ее место выдвигается другая, с проведением которой можно подождать, то в таком случае можно свидетельствовать о ненормальной работе данного института. Такие случаи в Теплотехническом институте были?

Рамзин. Были.

Квалифицировать будет суд

Председатель. Были. А дело квалификации этого момента обвинением или судом — это уже другое дело, которое будет разрешено на основании всех данных. Во всяком случае, теперь вопрос становится понятным.

Рамзин. Я говорю о терминологии.

Председатель. Факты говорят о неправильном распределении планирования работы научного института, находившегося под вашим руководством, в результате чего актуальнейшие задачи не освещались в свое время, а отодвигались на задний план. Это можно характеризовать как вредительство?

Рамзин. Да.

«Мне ваша практика важна»

Крыленко. Имеется еще одна статья в «Торгово-промышленной газете» от 10 апреля 1929 г.: «Первое звено теплофикации Москвы». Конец этой статьи опять говорит об институте и ставит вопрос таким образом: «К сожалению, сущность экспериментальной станции Теплотехнического института, как научного центра, разрабатывающего и проводящего в промышленную жизнь новейшие достижения науки и техники, еще недостаточно осознана. Однако можно надеяться... что это удастся устранить при помощи тов. Ксандрова...» и т. д.

И дальше: «Теперь время поставить на очередь постройку таких теплоцентра-

лен. Мы надеемся, что опыт Ленинграда и Теплотехнического института создадут надежную базу...» и т. д.

Вывод. Здесь уже ставится вопрос об использовании института на практической почве? Так? Вы ратуете тут за приближение Теплотехнического института к практической работе не с точки зрения чистой академии. Так выходит из этой статьи? Потому что я цитирую ее буквально. И вот с этой точки зрения в этой практической работе — я не знаю, может быть, вы скажете, что она не была осуществлена в жизни, — но в этой практической работе вредительская работа была осуществляема через институт или нет? Повторяю — не в области чистой академии.

Рамзин. Смысл этой статьи и основные задачи, которые здесь преследовались, это отстоять возможность институту постройки станции высокого давления для экспериментальных целей, станции, которой мы не имели, и не могли иметь иначе, как путем создания такой теплоцентрали. Так что цель была определенная — получить станцию высокого давления, которую в течение 5 лет институт получить не мог. Единственная возможность ее получить — это поставить вопрос о теплоцентрали с тем, чтобы оправдать те расходы, которые будут на нее произведены. Но пытаться искать в каждой моей статье вредительские жесты нельзя.

Крыленко. Тут вопрос не о ваших движениях. Мне важно определить вашу практическую ценность для строительства СССР, как руководителя крупнейшего научного учреждения, т. е. определить, направлялась ли вами сознательно деятельность этого научного учреждения на то, чтобы оно было приобщено к практической деятельности — это первый вопрос. Ответ мы получили — да, это документально установлено двумя статьями за вашей подписью. Второй вопрос — если вы стремились к приближению института, как научного учреждения, к практической работе, то в этой практической работе продолжали ли бы вы проводить вредительские установки в практической работе? Я этот вопрос поставил. И вы сказали, что если бы это было, то да. Третий, отсюда вытекающий вопрос, который я сейчас хотел поставить: стремились ли вы, в частности, путем этой статьи, в виду того, что институту не давали возможности создать необходимые вам для вашего научного исследования, которыми вы лично интересовались как научный работник, соответствующие учреждения, опытные станции и т. д., — стремились ли вы под предлогом полезности ее — этой станции — для практической работы получить ее все-таки для себя, для своих чисто академических работ? Это было?

Рамзин. Этого не было.

Крыленко. Этого не было. Тогда остаются первые два вопроса — что вы стремились к приближению Теплотехнического института к практической работе, хотели получить на себя и проектирование по вопросам технического построения вот этих крупнейших теплоцентралей, — для чего? Для осуществления вредительской работы, ибо иной работы в практике вы же не осуществляли. Так выходит? Я целиком вашу чистую академию иллюминирую, мне ваша практика важна.

Председатель. Надо добавить третий вопрос — о том, что в деятельности Теплотехнического института были случаи сознательного игнорирования важнейших проблем и замены их, с теми же вредительскими целями, проблемами менее актуальными...

Крыленко. ...но теоретически интересными.

Председатель. ...но в данном случае не представляющими для страны такого интереса, как другие проблемы, отодвигавшиеся на задний план.

Крыленко. Верно?

Рамзин. Относительно приближения к практической жизни — я думаю, что это была обязанность института.

Председатель. Конечно.

Рамзин. ... потому что обязанность каждого научно-экспериментального учреждения приближаться к жизни.

Крыленко. Каждого научного, добросовестного работника или добросовестного и честного гражданина СССР.

Рамзин. И в этом отношении связь института с жизнью была прочнее, чем соответствующие связи других институтов. Это можно видеть из того, что наш бюджет на 10% только находился на госбюджете, а на 90% мы получали средства на свои работы от промышленности. Это показывает, какой удельный вес составляла практическая деятельность во всех работах института.

Теперь относительно тех целей, которые преследовались здесь. Я только должен подчеркнуть одно, что рассматривать мою личную деятельность, а тем более деятельность института, как исключительно преследовавшие вредительские цели, нельзя.

Крыленко. Я так и не рассматриваю, зачем вы мне приписываете то, чего нет.

Рамзин. Из тех работ, которые я проводил и провел, вероятно, процентов 95, а может быть и 98 — таких, которые принесли определенную пользу республике и народному хозяйству. Так что рассматривать каждую работу, как вредительскую, не следует.

Вынужденное признание

Крыленко. Так позвольте, чтобы покончить сразу, задать один основной вопрос, поставить его ребром: Теплотехнический институт, приближенный к практической работе проектирования, соот-

ветствующих исследований, для определенных конкретных целей, которые вытекали из общих условий жизни и промышленности СССР, в практической работе, в осуществлении практических заданий и разрешении практических проблем под вашим руководством для конкретных практических целей, — вредил бы или нет?

Рамзин. Я могу ответить, что если бы к этому времени я продолжал свою деятельность как член «Промпартии» — конечно, вредил бы.

Председатель. Позвольте еще один момент. Я хочу, пока вы перейдете к дальнейшему, выяснить еще несколько вопросов.

Вы давали здесь об'яснение по поводу вредительства в связи с проблемой торфа. Первоначально была составлена пятилетка на 15 млн. тонн.

Рамзин. Даже еще меньше.

Председатель. В какой мере вы участвовали в этом сознательно, в составлении этого преуменьшенного расчета ваш вредительский центр или вредительская ячейка, т.-е. в какой мере проявилось здесь ваше влияние и в какой форме оно проявилось?

Рамзин. Это влияние проявилось, главным образом, в плановой области.

Председатель. Конкретно — где, кто, что, когда?

Рамзин. Пятилетку по топливоснабжению составлял обычно Ларичев. Так что основным руководителем по проведению этой идеи по всем видам топлива являлся Ларичев.

Председатель. Следовательно, можно сказать, что первоначальная пятилетка по торфу была ниже 15 млн. тонн.

Рамзин. Ниже. Она несколько раз менялась, потом была повышена до 18—19 млн. тонн.

Председатель. Подсудимый Ларичев, пожалуйте сюда.

Вот насчет первоначальной пятилетки по торфу. Вы, вероятно, слышали, о чем здесь шла речь. Как это вышло, что сначала была запланирована торфяная пятилетка ниже всяких возможностей?

По директиве из вредительского центра

Ларичев. В соответствии с той общей директивой «Промпартии», которая была в отношении преуменьшения роли местного топлива, естественным образом, что торф в проведении этой идеи занимал довольно видную роль.

Председатель. Мы пока от идеи отойдем на минуту, давайте больше практики.

Ларичев. Первая пятилетка была запроектирована в 14 млн. тонн.

Председатель. Кто составлял?

Ларичев. Я.

Председатель. По чьему непосредственному указанию вы это сделали, или взяли по собственному желанию, вдохновению, или же в результате какого-нибудь совещания?

Ларичев. Составление торфяной пятилетки было сделано мною, как первая наметка выполнения основной установки нашей организации.

Председатель. Значит, предварительно этому предшествовала какая-то основная установка?

Ларичев. Да.

Председатель. Где эта основная установка была конкретно вами освоена?

Ларичев. Основная установка разрабатывалась в «Инженерном центре» в смысле проведения общей политики преуменьшения топлива вообще, и, если придется, то в ряде вопросов я расскажу, каким образом это получалось.

Председатель. Это потом. Я так понимаю, что «Инженерный центр» дал установку сознательно уменьшить возможность планирования пятилетки по торфу?

Ларичев. В целом и в том числе по топливу, а разбирая топливный план, особое значение придавалось тому, чтобы преуменьшить развитие топлива.

Председатель. И вы конкретно составляли этот преуменьшенный план пятилетки в соответствии с полученной от вредительского центра директивой?

Ларичев. Да.

Председатель. Кто вам помогал?

Ларичев. Мои сотрудники.

Председатель. Кто из подсудимых?

Ларичев. Из подсудимых никто.

Председатель. План вы составляли по материалам, которые получали с мест?

Ларичев. Да, торфяные организации имели мои указания. Материал присылался Главгортопом.

Председатель. Следовательно, вы работали в контакте с вредительской ячейкой в Главгортопе? Не этим ли об'яснилось то, что Главгортоп молчал в свое время?

Ларичев. В значительной мере.

Председатель. Следовательно, когда появились в печати указания и вопросы, почему Главгортоп молчит, он молчал по директиве.

Ларичев. Правильно.

Председатель. А кто эту директиву дал?

Ларичев. Специальной директивы не было, а она складывалась из общей установки.

Крыленко. А может быть, была конкретная маленькая директива?

Ларичев. Я бы отрицать не стал.

Крыленко. Совершенно верно, я тоже так думаю.

Председатель. Значит, Главгортоп дал вам материал по вашей же директиве, т.-е. он проводил вредительскую работу? Затем, вы докладывали «Инженерному центру» о результатах пятилетки. Но почему было взято 14 миллионов, а не 8 и не 5?

Ларичев. В такие детали «Инженерный центр» не вмешивался. В чем заключался секрет вредительства? В создании топливного кризиса и преуменьшении топливного плана.

Председатель. Вы составили пятилетку на 15 миллионов, и оказалось возможным поднять эту цифру до 33 миллионов. Велась ли постепенная борьба за увеличение вашей первоначальной пятилетки с чьей-либо стороны?

Ларичев. Велась.

Председатель. А с вашей стороны оказывалось ли сопротивление этому?

Ларичев. Оказывалось, с приведением целого ряда экономических расчетов, что торф не является выгодным топливом, что более экономичным топливом является привозной уголь.

Председатель. А где проводились эти расчеты?

Ларичев. В Госплане и в ВСНХ.

Председатель. А эти расчеты соответствуют действительности?

Ларичев. В значительной мере соответствует действительности, что торф действительно оказался дороже, а центр тяжести был перенесен с прямой задачи добиваться путем научно-экспериментальных работ и путем практической работы на отдельных предприятиях проведения и быстрого разрешения вопроса о себестоимости.

Председатель. Значит, хотя торф мог быть и дороже, но эта дороговизна могла быть уменьшена правильным, рациональным использованием его в связи с проведением научно-экспериментальных работ?

Ларичев. С нашей точки зрения экономическая сторона не является решающей. Иногда выгоднее, с государственной точки, иметь дорогое топливо, чем дешевое. Скажем, в мобилизационных условиях это выгоднее.

Председатель. Т.-е. коммерческая точка зрения не всегда командует?

Ларичев. Правильно.

Председатель. А вот вы сказали о научно-экспериментальных исследовательских работах. Для того, чтобы правильно поставить дело использования торфа, должна была предшествовать некоторая научно-экспериментальная работа. Кто вел научно-экспериментальную работу?

Ларичев. Инсторф.

Председатель. Он провел эту работу?

Ларичев. Часть проделал, но все-таки она не шла теми темпами, которых требовала жизнь.

Председатель. Может быть, не в том направлении?

Ларичев. Нет, я бы не сказал, техническая добросовестность не позволила провести вредительство в смысле разрешения проблем. Но секрет был в том, и я отвечаю здесь на поставленный государственным обвинителем вопрос, что тактическим приемом — использовать те споры экономического и технического характера, которые были, — стремились привести к старым установкам, задержке.

Председатель. Тактика Инсторфа помогла этому делу с точки зрения постановки научно-экспериментальной работы?

Ларичев. Я бы не сказал, что «Инженерно-технический центр», а позднее «Промпартия», использовали здесь свое влияние или оказывали большой нажим, потому что разрешение торфяной проблемы, независимо от того, для кого она будет использована, чрезвычайно важно, и прекращение работы с точки зрения тактической вредительской работы не имело смысла. Но вести ее медленным темпом — такой определенный тактический ход был.

Председатель. Одним словом, ваше влияние было проявлено?

Ларичев. До некоторой степени. Там была вредительская ячейка.

Крыленко. Кем она возглавлялась?

Ларичев. Кирпичниковым.

Председатель. Владимиром?

Ларичев. Нет, Виктором.

Председатель. По вопросу о торфе можно так сказать: научно-экспериментальная работа, которую должен был вести Инсторф, не велась в том темпе, как это было нужно, а велась в замедленном темпе, что мешало применению торфа.

Ларичев. Правильно.

Председатель. Это делалось сознательно в связи с директивами вредительской организации или в связи с указаниями возглавлявшего вредительскую ячейку в Инсторфе члена «Промпартии» Кирпичникова?

Ларичев. Я позволю уточнить это дело. Работа велась по указанию члена ЦК. Я, пользуясь и ВСНХозской и госплановской организациями, соответствующим образом уменьшал средства, необходимые для проведения этой работы. Таким образом, у них создавалось обстоятельство, оправдывающее медленный темп научно-экспериментальной работы.

Крыленко. Гр-н Рамзин в своих показаниях показывает, и это явствует из его статей, что он свой Теплотехнический институт в смысле средств и возможности научного оборудования стремился поставить в соответствующие условия, а вы, в ведении которого находился другой институт — по торфу, стремились его поставить в трудные условия работы. В этом разница между вами и Рамзиным.

Ларичев. Я свою работу конкретно в этом отношении четко охарактеризовал.

Крыленко. У вас научная работа есть?

Ларичев. Нет, непосредственно научной работой я не занимался.

Председатель. Последний вопрос к Ларичеву. В Главгортопе кто возглавлял вашу ячейку?

Ларичев. Прорвич.

Председатель. К Ларичеву вопросов у обвинителя нет? (Нет). У защиты? (Нет). У подсудимых? (Нет).

Вредительский способ электроснабжения Донбасса

Крыленко (Рамзину). В вашем показании, том I, стр. 42, вы касаетесь важной проблемы, о которой у меня N плюс единица выводов — по вопросу о передаче энергии из Днепростроя в Донбасс, спор большой, нужно или не нужно самостоятельно развивать электроснабжение Донбасса, суть вопроса в этом заключалась. Вы говорите:

«Донбасс все время переживал острый кризис и ощущает в настоящее время кризис электроснабжения благодаря плановой задержке в постройке Штеровской и Зуевской электростанций; постройка последней станции, например, усиленно тормозилась Госпланом СССР в лице, главным образом, А. А. Горева, под предлогом возможности передачи энергии в Донбасс с Днепростроя. Постройка Штеровской станции была сильно растянута на ряд лет благодаря технически нерациональному оборудованию (сильно недостающая мощность мельниц, крайне сложная и технически нерациональная система пылеприготовления и топок французской системы вместо испытанной американской системы), несоответствию в сроках доставки и монтажа отдельных частей оборудования, беспорядочным заказам его за границей и т. п. В результате Донбасс остается необеспеченным электрической энергией, что замедляет темп механизации угледобычи, усугубляя рабочий и жилищный вопросы, и развитие добычи в целом».

Другими словами, Горев-вредитель тормозил улучшение или усиление самостоятельных электростанций Донбасса, рациональное и достаточное электроснабжение в определенных вредительских целях и с этой точки зрения выставлял в качестве одного из моментов, отстаивал — так, что ли, выходит — передачу электроснабжения Днепрострою?

Рамзин. Да.

Крыленко. Тут имеется статья Горева по этому вопросу, где он, отвечая на протест Днепростроя, что это для Днепростроя имеет только сезонный характер, и что едва ли это обеспечит Донбасс в нужной степени, говорит: «Когда вину за определенные дефекты в работе пытаются пришить не тому, кто в этом виноват, это об'ективно приводит к тому, что истинный виновник укрывается от ответственности».

Другими словами, он хочет намекнуть, что центр тяжести вредительства заключается в тех, кто не хочет способствовать или в известной степени опорачивает передачу электроснабжения Днепрострою, имея в виду, конечно, прямых руководителей Днепростроя.

Этот метод был тоже продуманным методом вредительства — опорачивать, с точки зрения вредительства, других лиц в отношении которых данных об их вредительстве не было и которые в вашей организации не состояли?

Рамзин. Насколько мне известно, не состояли.

Крыленко. Нет, но метод такой проектировался, сознательно применялся «Инженерно-техническим центром», в частности в вашем лице, возглавлявшем работу по электроэнергии?

Рамзин. Я указал, что это два наиболее ярких примера, когда внутри «Инженерного центра» или «Промышленной партии» искусственно возникали споры, отстаивавшие различные точки зрения, чтобы маскировать истинное положение вопроса, но, в конце концов, добиваться той цели, которую ставила себе «Промпартия».

Крыленко. Каково же было истинное положение вопроса, чтобы получить хороший, достаточный источник электроснабжения Донбасса?

Рамзин. Строились станции в Донбассе раньше, чем должны были быть построены. Что касается наличия связи с Днепростроем, оно облегчало положение, но не могло заменить этих станций.

Крыленко. Значит, связь с Днепростроем могла способствовать временно облегчению положения в Донбассе, но достаточной ни в коем случае явиться не могла?

Рамзин. Не могла.

Крыленко. И поэтому этого рода статьи Горева являются прямо вредительскими?

Рамзин. Нет, здесь приходилось же защищать ту позицию, которая в течение года или полутора проводилась.

Крыленко. Понятно. Отсюда и другой вывод: сознательное это, продуманное, осмысленное заранее вредительство или тоже родившееся внезапно?

Рамзин. Каждую отдельную статью я не могу квалифицировать...

Крыленко. Вопрос не о статье, а в проблеме, узловой проблеме Донбасса, в смысле его электроснабжения.

Рамзин. Указаны были методы и аргументация, которые будут применяться в этом деле. Затем были в этом отношении намечены и роли. И Госпланом это проводилось в жизнь.

Крыленко. Большой борьбы стоило проведение этого вредительства в отношении Донбасса?

Рамзин. Да, тут весьма горячие споры были и в Совнаркоме и в СТО.

Крыленко. У меня есть такого рода статьи: «Снимите петлю с Донбасса», «Днепровская гидростанция — только для снабжения Приднепровья», «Улучшить электроснабжение Донбасса», «О кризисе электроснабжения Донбасса», «Канцелярская отписка проф. Горева» и т. д. Эти несколько статей уже характеризуют борьбу. Мне важно выяснить, — мы встречаем факт сопротивления вредительству со стороны других групп, — так вот: больших ли усилий стоило провести свою точку зрения и свою линию «Инженерно-техническому центру» в области электроснабжения Донбасса или настолько вы были авторитетны и всемогущи, что это вам легко давалось?

Рамзин. Такая оценка носит суб'ективный характер. Я бы сказал, что это стоило больших усилий, потому что этот вопрос втянул в игру очень большое количество авторитетных имен и сил, так что борьба была ожесточенная. Провести эту проблему стоило больших усилий со стороны «Инженерно-технического центра» и ЦК «Промпартии».

Крыленко. Но результаты получились те, которых вы ожидали?

Рамзин. А результаты были получены те, которые налицо.

Вредительство на Каширской станции

Крыленко. Еще один конкретный вопрос, из области практики Каширской станции. Вот по поводу этих мельниц «Резолютор» — в чем тут вредительство и как оно конкретно было проведено?

Рамзин. Вопрос с этими мельницами «Резолютор» начал проводиться еще в 1927 г., а именно — когда в Париже находился член «Инженерно-технического центра» или организации проф. Худяков. Он взял на себя проведение этой идеи в области задержки внедрения пылевидного топлива. Здесь была связь с той фирмой, которая строит эти мельницы.

Крыленко. Суть вредительства заключалась в том, чтобы на Каширской станции ставить заведомо неподходящие мельницы?

Рамзин. Не только мельницы, но и типы топок.

Крыленко. Вообще оборудование?

Рамзин. Да.

Крыленко. При чем это заведомо неподходящее оборудование было такого типа, что грубо бросалось в глаза в практике. Вы говорили:

«Явно неподходящие мельницы «Резолютор», не могущие работать на колчеданистом подмосковном угле, благодаря чему мельницы каждые 150—200 часов работы останавливаются на ремонт; здесь же были построены совершенно нерациональные топки. В результате после очень дорогой переделки топок со сложным пылеприготовительным устройством котлы работают с крайне низким коэффициентом полезного действия и с очень малой производительностью».

Это что же — грубое вредительство?

Рамзин. Положение с мельницами таково, что мельницы быстроходные типа «Резолютор» предназначены для работы на мягком угле. Подмосковный уголь — уголь мягкий, но обладает одной особенностью, а именно он содержит большое количество зерен колчедана, что задерживает ход этих мельниц и их портит. Поэтому, несмотря на мягкость подмосковного угля, мельницы «Резолютор» для него непригодны из-за большого количества зерен колчедана. Так что применение таких мельниц в Подмосковном бассейне обречено на неудачу. Это первое. Второе — это применение топок и горелок неудачной постройки. Достаточно указать, что нагрузка топочного пространства очень низка.

Крыленко. В результате чего получилась картина, что каждые 150—180 часов...

Рамзин. ... каждую неделю...

Крыленко. ... каждую неделю мельница ремонтировалась.

Председатель. А сколько времени она стояла в ремонте?

Рамзин. Если надо менять ротер, то это занимает немного времени, часа полтора — два, а если приходится менять броню, то это длительно. Но здесь — вопрос стоимости, потому что стоимость ремонта ложится очень дорого на тонну помола.

Крыленко. Технически это грубый метод вредительства, или тоже искусный, замаскированный?

Рамзин. Нет, это достаточно искусный метод. Потому что по внешним показателям подмосковные угли — все же мягкие угли.

Крыленко. Искусный метод, по всем правилам, так сказать, науки и техники? Так?

Председатель. Наука здесь как будто бы участвует в этом замаскировании?

Рамзин. Здесь наука не нужна, потому что такой грубый показатель, как наличие колчедана, не требует оценки.

Крыленко. Значит, наличие колчедана — грубый показатель, и для технически грамотного человека этот вопрос был ясен?

Рамзин. Для специалиста вопрос ясен.

Крыленко. Так что всякий техник сразу же видел?

Рамзин. Но для общего теплотехника, который вообще только знаком с этим делом, могло получиться такое положение, что он не обратит внимания.

Крыленко. Теперь перейдем к мотивам, которые заставили прибегнуть к такому, все же примитивному методу. Этот гражданин, который за границей заказывал эти мельницы «Резолютор», был связан с фирмой?

Рамзин. Связан не службой с фирмой,

а теми постоянными отношениями, которые установились.

Крыленко. Куртажом там не пахло?

Рамзин. Я этого не знаю.

Крыленко. Но не исключается возможность?

Рамзин. Думаю, что исключается, поскольку я персонально знаю его. Я с ним очень давно знаком и думаю, что это исключается.

Крыленко. Но ведь есть хорошее правило, в особенности оно теперь оправдывается каждый день: «не верь себе, мечтатель молодой». Так что и тут за других ручаться не следует.

Рамзин. Ручаться — не ручаться, но, поскольку мне Поляков известен лет 20, я думаю, что это невероятно.

Крыленко. Невероятно? Допустим. Значит, этот факт конкретного вредительства вы равным образом подтверждаете?

Рамзин. Да.

Крыленко. Итак, по электроснабжению, по топливоснабжению мы имеем: электроснабжение, основные источники энергии в Донбассе, в Ленинграде, в Москве. Основные наши станции в этом отношении задерживаются?

Рамзин. Надо прибавить Кизел и Кузбасс.

Крыленко. Значит, Москва, Ленинград, Донбасс, Кизел, Кузбасс — электроснабжение во всех этих основных узловых пунктах промышленности задерживается?

Рамзин. Да.

Крыленко. И находится в каком состоянии?

Рамзин. В чрезвычайно напряженном состоянии.

Крыленко. А резче?

Рамзин. Я бы не сказал катастрофическом, потому что катастрофы еще нет.

Крыленко. Вы там употребляете это выражение, в своих показаниях.

Рамзин. Катастрофа наступила бы в момент открытия военных действий, когда увеличилось бы требование нагрузки, энергии и т. д.

Крыленко. Значит, вплоть до катастрофы в момент наступления военных действий, по вашим перспективам?

Рамзин. Да.

Крыленко. По вопросам топливоснабжения можно констатировать в итоге победу проведения вашей точки зрения в цифрах первой пятилетки, когда мы имеем по Кузбассу в миллионах тонн — 6, по подмосковному углю — 4, по уральскому углю — 6, по торфу — 15, по нефти — 20, вместо тех цифр, которые были запроектированы впоследствии?

Рамзин. Да.

Крыленко. В этом отношении эту первую пятилетку вы можете охарактеризовать, как вредительскую?

Рамзин. Да, приходится так.

Крыленко. Она исправлена?

Рамзин. Сейчас она исправлена, исправлена встречным промфинпланом...

Крыленко. И цифрами, запроектированными сейчас?

Рамзин. Но она запроектирована на основании того промфинплана, который сейчас был выдвинут.

Крыленко. Боролись вы против этих цифр?

Рамзин. Против новых цифр? Нет, потому что, как я уже указывал, в конце был дан сигнал — в конце 1929 г. и в начале 1930 г.— не отстаивать минимальных планов, потому что такая борьба была абсолютно безнадежной, в виду чрезвычайного проведения генеральной линии партии, и поэтому проводить такую тактику — это значило итти на явный провал.

Крыленко. Проведение такой тактики — это значило итти на явный провал?

Рамзин. И, во-вторых, было еще одно указание, что там, где можно, перегибать вопрос. Так что, в виду изменения тактики, борьбы против этих цифр не было.

Крыленко. Тогда на этом в области электроснабжения и топливоснабжения в отношении вредительства в эпоху 1927—28 гг. поставим точку.

Председатель. Защита имеет вопросы? (Нет). Обвиняемые имеют вопросы к подсудимому Рамзину в связи с выяснением вопросов топливоснабжения? (Нет). Никаких замечаний, заявлений ни у кого нет? (Нет).

Об'являются перерыв на 15 минут.

Председатель. Подсудимый Ларичев.

Крыленко. Гр. Ларичев, ваша работа касалась разработки конкретных мероприятий, связанных с задержкой топливоснабжения?

Ларичев. Да.

Крыленко. Конкретно, какие мероприятия были вами предприняты в порядке руководства вредительской работой по отдельным источникам топливного производства?

Преуменьшенный топливный баланс

Ларичев. Основная работа была не столько по отдельным источникам топливоснабжения, сколько в смысле общей установки всего плана топливоснабжения, а именно такой порядок: составляя топливный план, в основу его должны быть положены, с одной стороны, общие темпы развертывания народного хозяйства, а с другой стороны — потребность в топливе должна быть определена на основании снижения отдельных расходов, т. е. с учетом той эффективности, которая получается в результате проводимой реконструкции теплосилового хозяйства. Эти два момента определяют потребность в топливе, расчет топливного баланса. С одной сто-

роны, после обсуждения основной установки, что мы должны итти по линии преуменьшения, в основу топливного плана была положена минимальная производственная программа, в грубых чертах более или менее намеченная, — в частности по металлу — около 600 тыс. тонн.

С другой стороны, задались очень высоким снижением отдельных расходов, т.-е. высоким эффектом рационализации использования топлива. Через это получился преуменьшенный топливный баланс. Это имело место и в проектировании пятилетки и в составлении ежегодных планов. А если учесть то, что топливная промышленность требует для своего развертывания относительно больших сроков, т.-е. порядка, скажем, крупных работ нового шахтного строительства...

Крыленко. Вот мы по поводу шахтного строительства поговорим. Конкретно, насколько вы помните, было два метода: один метод—составление плановых предположений, когда плановые предположения давались меньше, чем возможно по техническим запасам, и второй — когда этот план в реальном исполнении еще уменьшался. Расскажите, как это было с донбассовским углем и с шахтинским строительством, методами его разработки и эксплоатацией, о чем мы столько спорили на этой самой трибуне на шахтинском процессе.

Тени шахтинского процесса

Ларичев. Поскольку общий темп получался преуменьшенным, постольку и задания по тому или иному об'екту давались преуменьшенными. В частности по Донецкому бассейну наметка пятилетки была в 5 миллионов тонн, при чем эта работа была начата еще раньше 1927 г. То, о чем я вам сказал, разрабатывалось уже позднее, примерно с середины 1927 г. Вот основная группа вредительства вообще в угольной промышленности примерно в 1926 г., когда был составлен первый вариант развития Донецкого бассейна.

Основная вредительская мысль, которая была проведена в плане, заключалась в следующем: поскольку развитие Донецкого бассейна представлялось в очень крупном масштабе, постольку единственным наиболее рациональным и экономически и технически путем развития его являлись новое крупное шахтное строительство и коренная реконструкция существующих шахт с тем, чтобы таким путем провести возможно полную механизацию всех работ, и не просто механизацию добычи, о которой спорили на шахтинском процессе, но и провести ее в виде определенного цикла, с тем, чтобы достигнуть максимума эффективности по всем элементам механизации в разных частях процесса. Первый план был основан на том, что группа вредителей стремилась завуалировать крупное шахтное строительство, имеющее большое значение, и выдвинула на первый план не крупное шахтное строительство, а среднее и мелкое, мотивируя это тем, что новое крупное шахтное строительство требует чрезвычайно длительного срока для своего осуществления.

Крыленко. Это старый спор относительно среднего и крупного шахтного строительства, но он датируется раньше 1927 г.

Ларичев. Я говорил, что это относится к 1926 г., т.-е. к первому варианту. Он имел в последующем своих преемников в «Инженерном центре» и в «Промпартии», куда этот спор был перенесен. Эта идея мелкого шахтного строительства должна была завуалировать необходимость немедленно и срочно приступить к вопросам нового крупного шахтного строительства, при чем все установки, которые давались по пяти главным сооружениям шахтного строительства, были заведомо вредительскими. Сооружения новых крупных шахт, — для Донецкого бассейна крупная шахта — от половины до полутора миллиона тонн, в зависимости от естественных условий, — такие шахты при интенсификации работы по их прокладке...

Крыленко. Меня интересует не общий вопрос. Скажите, что, в Несветаевском рудоуправлении шахта Скачинского была вся добыта?

Ларичев. В начале 1930 г. она не была закончена. Возможно, что сейчас закончена. Там была, насколько мне известно, неприсылка какого-то оборудования, но точно не могу сказать.

Крыленко. Количество добычи ее не знаете?

Ларичев. В первый год она должна давать немного, — не более 100.000 тонн. Первый год добычи идет из-под подготовительных работ.

Крыленко. Несмотря на то, что шахта Скачинского была одним из центральных пунктов шахтинского процесса, она к началу 1930 г. не была окончена.

Продолжайте. Вы говорили об идее мелкого и крупного шахтного строительства.

Ларичев. В противовес всем мотивировкам крупного шахтостроительства была выдвинута идея мелкого и среднего шахтостроительства. Чтобы охарактеризовать идею вредительства в этом деле более подробно, я скажу, что из 200 мелких и средних шахт, которые входили в орбиту строительства, жизненными, насколько мне память не изменяет, оказались 90. Остальные были похоронены в начальной стадии с указанием на то, что они попали в неудачные пласты, и т. д.

Крыленко. Из 200 мелких и средних шахт 90 оказалось рентабельных, а 110?

Ларичев. Некоторые из них были выгодны, но они быстро вырабатывались. В некоторых шахтах выработка была на два—три года, а остальные шахты по тем или иным соображениям оказались нерентабельными.

Крыленко. А насчет крупного шахтостроительства?

Ларичев. Хотя в первом составленном плане намечалось 50 крупных шахт, — это более или менее солидная цифра, — но практически, отвечаю точно на ваш вопрос, выполнение шахтостроительства было таково, что к настоящему времени большинство шахт не закончено, при чем дезорганизация нового шахтостроительства, на которой я могу подробно не останавливаться, потому что она достаточно разбиралась, была настолько велика, что даже после шахтинского процесса наладить и организовать это дело быстрым темпом не удавалось по тем или иным соображениям, с одной стороны, а с другой стороны — общая политика вредительства продолжалась, будучи проводима «Инженерным центром», а впоследствии «Промпартией». Вредительство сводилось к тому, чтобы уменьшить ассигнования.

Шахтинское наследство досталось Ларичеву

Крыленко. После Рабиновича кто из вас отвечал за уголь?

Ларичев. Мне по наследству досталось.

Крыленко. Вы в этом отношении наследовали Рабиновича?

Ларичев. Виновен.

Крыленко. Вы на что опирались после шахтинского процесса? Разве не все еще было выкорчевано?

Ларичев. Центр тяжести перешел на плановое вредительство, потому что никакие конкретные грубые вредительства на местах невозможно было проводить; использовали главным образом плановые органы.

Крыленко. Итог был таков: непосредственно на место старых вредителей стали вы и вредить делу шахтостроения перестать не могли?

Ларичев. Да.

Крыленко. Но вредить так, как это было до шахтинского процесса, вы не могли?

Ларичев. Нет.

Крыленко. А вредить в порядке плановом могли?

Ларичев. Могли.

Крыленко. Но почему же тогда вышло так, что из того, что было запроектировано по плану, все-таки не все было реализовано?

Ларичев. Видите ли, тут получается то, что ассигнования, которые делались на новое шахтное строительство, были сами по себе малы, а кроме того, постоянно возрастающие требования на топливо заставляли уже даже руководителей Донугля, не говоря о каких бы то ни было вредительских идеях, бросать ассигнованные Донбассу средства на то, чтобы дать текущую добычу за счет разного рода второстепенных работ, — не за счет коренной реконструкции шахт, а за счет мелкой реконструкции шахт, чтобы получить из них необходимую текущую добычу.

Крыленко. Был ли в развитии Донбасса такой период, когда по количеству добычи он не только удовлетворял потребности, но и имел излишки?

Ларичев. Нет, никогда.

Крыленко. В истории развития Донбасса за советский период?

Ларичев. Был. Только в 1923—24 г.

Крыленко. А с момента полной реконструкции промышленности?

Ларичев. ...хронический недостаток.

Крыленко. Каким аппаратом вы располагали конкретно для этого рода работ по вашей отраслевой группе? Скажите о численности без имен или, вернее, до какого звена вы могли доводить, твердо зная, что это вредители, свои люди?

Ларичев. Только до аппарата Донугля

Крыленко. А в Донугле?

Ларичев. Вниз не мог проникнуть. В самом Донугле не мог знать.

Шахтинский процесс расчистил атмосферу

Крыленко. Это после шахтинского процесса?

Ларичев. Да. Вообще надо сказать, что там атмосфера расчищена была здорово в смысле действительных вредителей, но, к сожалению, все-таки оставался тот элемент, который, чувствуя на себе некоторую депрессию, что ли, неуверенность, еще не изжил настроений первого периода, о котором мы говорили, не изжил неверия. Созданные шахтные группы строителей говорили, что «как ни говорить — в три года шахты не построить, а мы будем строить шесть лет», — и инициатива несколько заглохла на местах. Правда, должен с удовлетворением теперь констатировать, что места проявляли инициативу, местные работники не только в смысле статей, но и прямого напора, главное — в сторону нового строительства, в значительной мере содействовали продвижению работ.

Крыленко. А ко второму моменту обеспечения страны топливом Донбасса — к вопросам транспорта — вы имели отношение? В разрешении споров по транспорту вы принимали участие?

Ларичев. Хотя и косвенное, но принимал, поскольку я участвовал в обсуждении этого вопроса в центральной группе. Вопрос этот стародавний, как вы слышали. Он возник еще с первых времен восстановления Донбасса, когда стало

ясно, что цифры добычи, а следовательно и цифры вывоза, надо повышать. Еще тогда возник вопрос, как развивать внутренние пути Донбасса и как развертывать транспортные связи Донбасса с основными потребительскими центрами. Тут Рамзин в общих чертах уже изложил, что появилась идея вполне здоровая, нормальная — идея сверхмагистрализации. Но она тактически была направлена вредительской группой по двум плоскостям: одни должны были дискредитировать эту идею, а другие...

Председатель. Это уже повторение.

Крыленко. ...одни будут дискредитировать, другие защищать, а дело будет стоять.

Ларичев. ...а воз останется на месте.

Вредительство в распределении и качестве угля

Крыленко. Теперь по третьему методу вредительского порядка — о распределении потребления топлива по потребителям и о качестве топлиза.

Ларичев. Я не могу о качестве топлива сказать детально, потому что эти мелочные, так сказать, вопросы проходили в распределительной организации — Главгортопе, где действительно вопросы нерационального использования, с одной стороны, применения тех или иных сортов различными потребителями — с другой, были действительно, по директиве из центра, как Рамзин в своих показаниях говорил, явно направлены по ложному пути. В частности НКПС туго через свою организацию переходил на отказ от спекающихся углей. Частично имела место задержка перевода Ленинграда на такие спекающиеся угли.

Крыленко. Но система вредительства в порядке распределения топлива была или нет?

Ларичев. В отдельных случаях, которые внешне можно назвать головотяпством, но в конце концов они не имели такого большого значения.

Крыленко. Еще один вопрос из производственной области: помните спор на шахтинском процессе о порядке использования антрацитовой плиты — надлежит ли ее дробить?

Ларичев. Плиты никакой не должно быть. Нигде, где бы ни применялся антрацит, особенно в Америке и Англии, в номенклатуре нет даже названия «плита». Поэтому у нас уже неправильная, — я бы сказал, вредительская — установка, что мы не приступили к рациональному облагораживанию топлива, именно рациональному, а не чохом: рациональное использование будет тогда, когда уголь будет однороден. Мы же даем и такие куски (п о к а з ы в а е т) и пылинки.

Крыленко. Орех?

Ларичев. Даем штыб, который равен 0. В рядовом угле могут быть и большие куски и пылинки. Америка и Англия употребляют исключительно сортированный уголь, который имеет размер обычно не свыше 4 дюймов или же, в исключительных случаях, 5 и 6 дюймов.

Крыленко. Значит, они практикуют дробление плиты?

Ларичев. Да. Правда, пенсильванский антрацит настолько мягок, что его очень легко дробить.

Крыленко. Вопрос, кроме того, идет также о том, в каком порядке антрацит и уголь поступают к потребителю.

Ларичев. Хотя это не метод вредительства, а вещь технического порядка, но мы еще до сих пор не достигли рациональной доставки топлива потребителю, чтобы одному квалифицированному потребителю давать кулак, потому что у него маленький котел со специальной топкой, а промышленному потребителю можно давать и низшие сорта.

Крыленко. Был или не был метод вредительства в таком распределении плиты, кулака, ореха, штыба, чтобы направлять соответствующий сорт потребителю?

Ларичев. Был основной метод вредительства — задержка организации топливного хозяйства в Донбассе, подразумевая его облагораживание и сортировку. Поскольку не имелось этих моментов, — волей или неволей, с вредительской целью или нет, потребителю давалось то, что попадало под руку, но далеко не всегда то, что ему нужно.

Крыленко. Значит, можно так формулировать мысль, которую вы здесь развили: первое — задержка общего планового топливного снабжения, задержка крупного шахтного строительства; второе—вредительская постановка дела мелкого и среднего шахтного строительства; вредительское использование крупных сооружений.

Ларичев. Рассмотрение проектов...

Крыленко. Это особая статья. В области производства — задержка рационализаторских мероприятий.

Ларичев. ...топливного хозяйства.

Крыленко. Задержка шахтного оборудования, благодаря чему получалось, что даже при переходе на новые формы добычи создавалось положение вещей, при котором нельзя было обеспечить потребителя соответствующими формами и видами облагороженного топлива.

Ларичев. Да.

Крыленко. Наконец, в транспортной проблеме мы имеем задержку построения соответствующих подвозных путей к Донбассу и по линии Кузбасса?

Ларичев. Да.

Крыленко. А в области непосредственного распределения? Вы говорите, что здесь специальных вредительских методов не проводилось?

Ларичев. Не имело смысла их проводить: это второстепенный прием, который не нужен для проведения основных задач.

Кризис создавался именно теми путями, которые я указал, а этот вспомогательный метод не играет роли.

Крыленко. Это в области топлива, угля в Донбассе. Теперь по Кузбассу.

Плановое вредительство по Кузбассу

Ларичев. По Кузнецкому бассейну я определенно могу сказать вот что. Я бы сказал из собственной практики, что там и вредительскую организацию в последнее время я не мог бы отыскать. Но в душу всех людей не влезешь. Я приводил уже пример, что когда я туда приехал, то на нас там прямо накинулись, т. е. не говорили, что мы вредители, но что мы неправильно политически развертываем Кузнецкий бассейн.

Крыленко. Это было верно?

Ларичев. Я и признаю, что при составлении плана Кузнецкого бассейна роль Кузнецкого бассейна как основной топливной базы, глубоко тыловой нашей мобилизационной базы, или—еще шире—роль большого промышленного комбината, была всей нашей госплановской организацией при составлении пятилетки завуалирована.

Крыленко. При сравнительном сопоставлении Кузбасса и Донбасса как можно было бы их определить как источники, резервуары энергии?

Ларичев. По подсчету Донецкий бассейн имеет около 70 миллиардов тонн, а Кузбасс — 400 миллиардов как минимум, но его еще никто серьезно не подсчитывал. По крайней мере геолог Усов по последнему подсчету давал для данного района цифру до 1 тысячи миллиардов тонн. Это один из крупнейших, — первым его нельзя назвать, потому что в Америке имеется Апалачеокий бассейн, более сильный, — но это один из первейших по качеству источников топлива.

Крыленко. И по количеству?

Ларичев. Да. Мы в праве назвать его топливной жемчужиной Союза.

Крыленко. И вот эту жемчужину, как вы говорите, вы старались завуалировать?

Ларичев. Я об'ясню, почему приходится употреблять термин «завуалировать» потому, что в современных условиях, когда только что нарождается Кузнецкий бассейн, он очевидно волей-неволей должен покрывать местные нужды, но показать в планах и выявить основные установки развития Кузнецкого бассейна — мы были обязаны это сделать, мы должны были показать, что топливное хозяйство должно развиваться с опережением, а не с замедлением. Как я уже указывал, здесь роль Кузнецкого бассейна как важной базы не только для урало-сибирской проблемы, а и в более полном охвате не была указана. Она только выплыла за последний год. Теперь не только отсюда, а в связи с этим встали еще более остро, еще более, я бы сказал, неправильно, — со стороны НКПС споры о целесообразности сибирской сверхмагистрали...

Крыленко. Об усилении сибирской связи?

Ларичев. Это, несомненно, факт явно вредительского характера.

Крыленко. А здесь ваш вредительский план указывает только 6 миллионов тонн против теперешней проектировки в 19 миллионов, — в три раза меньше.

Ларичев. Разрешите попутно вот что сказать. Если бы составлять при тех темпах, которые намечались в первом варианте пятилетнего плана, то 6 миллионов тоже можно было бы считать преуменьшенной цифрой. Уже в постановлении, внесенном в Совнарком, была сделана поправка: наметить размер добычи Кузбасса на 25% больше. Надо считать, что нормально это развитие в тех темпах, которые предполагались вредительской пятилеткой, должно было бы быть порядка 8 миллионов.

Крыленко. Так что и по отношению к процентам и по отношению к темпам вредительской пятилетки было вредительство в квадрате?

Ларичев. Этими 25 процентами необходимо было показать, что Кузнецкий бассейн идет с опережением. Это есть момент завуалирования.

Крыленко. Вы преувеличивали, чтобы скрыть, что вы преуменьшаете?

Ларичев. Это тактический метод.

Крыленко. Это ваше личное измышление?

Ларичев. Кузнецкая проблема рассматривалась в целом, так что я не скажу, что я тут не участвовал, но непременно личной инициативы в этом деле не проявлял.

Подмосковный бассейн, нефть

Крыленко. Теперь Подмосковный бассейн.

Ларичев. Здесь положение более или менее аналогичное положению с торфом. Он имеет свои запасы и естественные границы потребления радиусом в 250 километров от центра к добыче. Но секрет его рационального использования, — я подчеркиваю слово «рационального», — заключается в том, что потребитель, прежде чем его получить, должен быть подготовлен к его потреблению. Вот это и есть главное вредительское действие, которое систематически проводилось за последние годы, когда потребитель не был со стороны своего оборудования подготовлен к приему этого топлива. Отсюда и вытекало, как будто бы естественно, и небольшое задание для Подмосковного бассейна.

Крыленко. А подготовить его соответствующим образом можно было и должно?

Ларичев. Да, можно было. Но в данном случае Подмосковный бассейн в силу естественных условий довольно легко мо-

жно развернуть и притом сравнительно быстро. Так что переход от теперешней добычи порядка 2 млн. тонн в 1929—30 г. к 10 млн. тонн технически возможен. Развертывание добычи там не так тяжело и трудно, как в Донбассе.

Крыленко. Теперь переходим к вопросам нефти. Вы непосредственно нефтью не ведали?

Ларичев. Я представлял в ЦК «Промпартии» вопросы нефтяной политики, если можно так выразиться, в отношении темпов, а главную работу в этом отношении вела нефтяная организация, которая была достаточно сильна, под руководством Стрижова.

Крыленко. Это нефтяная организация, которая была выдержана снизу доверху?

Ларичев. Снизу доверху выдержана.

Крыленко. Нефтяники были еще более, чем горные инженеры, компактны?

Ларичев. Это в силу территориальных условий, потому что они работали на малой площади — 2 — 3 района, и московские группы были настолько компактно связаны территориально, что это оказывало свое действие.

Крыленко. Так что нефтяная группа может считаться одной из наиболее крепких в этом отношении?

Ларичев. Да.

Крыленко. Там специальное руководство было за Стрижовым. Я перехожу к той разноголосице, которая возникла во время показаний между вами и Рамзиным относительно повышения плана с 20 млн. тонн до 42 млн. тонн. Вы указывали в ответ на заявление, кажется, Рамзина относительно того, что это уже максималистский план, реально и об'ективно невыполнимый за отсутствием возможности в таком темпе развернуть подготовительные работы, вы, кажется, подали реплику о том, что вы считаете это об'ективно возможным. Скажите, ваши соображения.

Ларичев. Позвольте прежде всего напомнить, что 42 млн. тонн — это цифра производная от тех требований, которые пред'являются к нефтяной промышленности в силу резкого изменения темпов развития механизации сельского хозяйства, т.-е. — вернее — количества тракторов, которое предполагается иметь в 1933 г. Сначала госплановская вредительская пятилетка намечала 100 тысяч тракторов, если мне память не изменяет. Я хочу указать на одну техническую деталь, чтобы это здесь не путалось. Мы считаем на приведенный трактор в 10 — 20 лошадиных сил, а тракторы выпускаются и в 30 — 40 лош. сил. Так что все идет к приведенному трактору в 10 лош. сил. Последняя пятилетка намечала минимум 600 тысяч в работе 1932 г. Это приведенных тракторов, а фактических — 400 тысяч тракторов. При таком условии потребность внутри страны в бензине и керосине будет настолько высока, что является абсолютно необходимой добыча 42 млн. тонн. Хотели бы мы этого или не хотели, а мы эти 42 млн. тонн должны добыть.

Сначала вредительская организация рассматривала таким образом, что это будет перегиб, потому что все равно 42 млн. тонн нельзя добыть ни при каких условиях. Но мне в последнее время пришлось вплотную подойти к оценке этого положения и выяснить, что, несмотря на отдельные, явно вредительские действия, т.-е. самое главное — задержку разведывательных работ, следствием чего мы к настоящему времени не имеем еще выявленных достаточного количества новых нефтяных районов, все-таки мощность и Баку и Грозного по своим внутренним ресурсам велика, в особенности по отношению к Баку выявлены такие возможности в смысле работы на глубине, что технически теперь возможны скважины в полторы тысячи метров, которые являлись раньше невозможными. Они являются теперь обычными скважинами для американских практиков, и в конце концов такая глубина может быть с таким же успехом и нами достигнута. Так вот это развитие в Баку и интенсификация развития Грозненского района олицетворяют добычу не менее 35 миллионов тонн в пределах старых площадей. Надо думать, что старые районы около Апшерона дадут нам возможность иметь еще на 3 — 4 миллиона тонн больше, так что цифра в 42 млн. тонн не является такой уж преувеличенной.

Крыленко. Она является не только об'ективно, но и технически возможной?

Ларичев. Да, вполне возможной. Вопрос в том, чтобы сломать то вредительство и ту об'ективную без кавычек обстановку, которая препятствует тому, чтобы перейти вообще на американскую эксплоатацию.

Крыленко. А в смысле технического оборудования это не требует высокой степени механизации?

Ларичев. В смысле промыслового мы можем сказать, что в части электрификации мы перегнали американцев.

Крыленко. А в целях задержки эксплоатации?

Ларичев. Мы, конечно, стремились к задержке эксплоатации.

Крыленко. А в этих кругах промышленников, с которыми вы были персонально связаны, была большая заинтересованность в техническом оборудовании?

Ларичев. Безусловно.

Крыленко. И на это специально указывали?

Ларичев. Нет, специально не указывали, но они считали, что этот метод, который мы ставим в силу национализации промыслов, является очень важным и ценным, и поэтому переход на новую экс-

плоатацию они считали безусловно правильным.

Крыленко. Вы проводили конкретные мероприятия в области планового вредительства по нефти?

Ларичев. Да.

Крыленко. А в области задержки разведывательных работ?

Ларичев. Тут мне приходилось подходить формально. Одно дело проводить установку...

Крыленко. Вы указывали через группу, в частности через Стрижова, что тут нужно проводить метод задержки?

Ларичев. Наоборот, они предлагали метод задержки.

Крыленко. Они предлагали этот метод как специалисты.

Ларичев. Да, при чем были формальные споры, что Госплан указывает, а ВСНХ ведет неправильную политику, но все это сводилось к незначительным поправкам в несколько миллионов рублей на капитальные работы.

Крыленко. Вы говорите о задержке оборудования?

Ларичев. Нет, о задержке заводского строительства, и не только это, но, так как прямо ставился вопрос, то тут задержка и в переходе его на рациональную базу, не отказываясь пока от старых методов выработки, не переходя к американским методам и сохраняя старые формы.

Крыленко. В области транспорта нефти?

Ларичев. Это был серьезнейший момент вредительства, который — какую бы здесь фразу подобрать—усугублял те мероприятия, которые проводились по линии чисто нефтяного хозяйства. Расширение систематической задержки нефтяного транспорта.

Крыленко. Систематическая задержка нефтяного транспорта со стороны строения?

Ларичев. Тут и постройка нефтяных теплоходов для Каспия, буксиров и барж для Волги и цистерн внутри страны.

Крыленко. Постройка теплоходов, буксиров и барж и постройка цистерн?

Ларичев. Этот вопрос возник с самого начала как один из радикальных методов вредительства, потому что, создавая недостаток в транспортных средствах на одну треть, вы уже создаете нефтяной кризис. Понятно, это имеет еще большее значение в момент военных действий, тем более при военной блокаде с Черного моря экспорт прекращается; поскольку экспорт нефти достигает в настоящее время весьма крупной величины, то, следовательно, с прекращением экспорта мы имели бы для внутреннего снабжения самый острый кризис теплоснабжения в течение военного времени и значительную добычу наиболее ценного, высокосортного топлива, но привезти его было бы невозможно, потому что наличного транспорта нехватало бы или едва-едва хватило бы для того снабжения, которое шло бы в порядке нормальном, т.-е. исключая экспорт. Экспорт идет по трубопроводам или на колесах. Внутреннего транспорта для вывоза нефти на Каспий из Грозного не было бы. Эта основная директива была выработана транспортниками еще в 1927 г., и они обязались ее проводить по линии НКПС, а по металлической промышленности — по линии ВСНХ; Хренников и госплановская организация — по линии Госплана.

Крыленко. Дайте яркий пример по цистерностроению.

Ларичев. Я привел пример, насколько велико значение транспорта для нефти. Могу дать пример и по цистерностроению. В 1929—30 г. мы начали испытывать серьезный кризис нефтеснабжения в течение межнавигационного периода, когда главным образом нефть завозится на волжские пристани, откуда развозится внутрь страны. Тогда ощущался острый недостаток в цистернах. Я не знаю, что получится в течение периода 1930 г. Но выходило, что для нормального снабжения нужно было бы иметь в течение года выпуск трех тысяч новых большегрузных цистерн в течение 1929 — 30 г. для того, чтобы подготовиться к межнавигационному периоду 1930 г. Когда вопрос встал в этой области остро, тогда вскрылась вся неподготовленность наших машиностроительных заводов к производству цистерн, потому что один завод, который строит цистерны, не может выпустить больше тысячи цистерн.

Крыленко. Это уже в области машиностроения. По нефти у вас были установки, о которых вы сообщили?

Ларичев. Я могу вам их вновь перечислить. Именно: задержка разведочных работ, задержка буровых работ, поскольку они были направлены вообще к сокращению добычи и поскольку это было возможно в пределах тех заданий, которые давались; с другой стороны, задержка вообще нефтеперегонного строительства с непроведением рационализации в целом нефтеперегонного строительства, и главный момент — страшная задержка в развитии нефтяного транспорта во всех его видах.

Крыленко. Но в конце концов общий ход поступательного развития тем не менее какие результаты дал?

Ларичев. Результаты-то вы видите в этом отношении. Несмотря на проводимую нами политику, т.-е. на задержку разведочных работ, на задержку в области транспорта нефти, все же 1929—1930 г. прошел с успехом, и мне думается, что в смысле добычи и переработки и 1930 г. не даст каких-либо серьезных перебоев, потому что за последнее время мероприятия правительства в этом отношении проводятся решительно.

Крыленко. В результате этих реши-

тельных мероприятий правительства ваши установки...

Ларичев. ...оказались биты. Правда, если бы мы своевременно повели разведывание, разве мы бы испытывали такое напряжение в добыче, когда мы были вынуждены использовать не интенсивно, а экстенсивно по существу такой район, как Грозный. При своевременной подготовке новых нефтяных земель этого, конечно, случиться не могло.

Крыленко. Значит, мы можем констатировать серьезнейший ущерб и вместе с тем поступательный ход?

Ларичев. Да, так.

Крыленко. В особенности в результате мероприятий по борьбе против минималистских темпов?

Ларичев. Главным образом, распоряжением правительства относительно решительного перелома в этом направлении, а именно—снабжения оборудованием, буровым и прочим, приступа к организации специального завода для изготовления аппаратуры и, правда, при помощи целого ряда других мероприятий, на которых сейчас не хотелось бы останавливаться, — те прорывы, которые испытывала нефтяная промышленность, были бы в значительной мере ликвидированы.

Крыленко. Ваша роль была все время — роль представителя и руководителя этой отраслью?

Ларичев. Да.

Крыленко. Вопросов нет.

Председатель. У защиты имеются вопросы? (Нет). У обвиняемых имеются вопросы? (Нет).

Подсудимый Ларичев, к тем фактам вредительства, о которых вы говорили, и основному вредительскому направлению в области нефтяного хозяйства можно было бы добавить еще или нет известные вредительские действия в области строительства нефтепроводов, в нефтепроводном строительстве?

Ларичев. Позвольте, я вам отвечу так. Сначала коснусь истории этого вопроса.

Председатель. Кратко, конечно.

Ларичев. Да.

Председатель. Мне интересно, в области нефтепроводного строительства мы имели тоже вредительство или нет?

Ларичев. Да, техническое вредительство.

Председатель. В чем оно выражается?

Ларичев. При постройке Батумского нефтепрозода был допущен ряд технических неправильностей, выражаясь мягко, а выражаясь жестко — техническое вредительство.

Председатель. А как надо выражаться, чтобы это более соответствовало истине?

Ларичев. Я бы сказал, что тут умышленного было много. Хотя я сам в организации работ по сооружению Батумского нефтепрозода не принимал участия, но поскольку мог судить по НТС, тут был умысел.

Председатель. А в НТС кто проводил работу?

Ларичев. Главный строитель — Булгаков, а рассматривал проект, конечно, президиум НТС.

Председатель. То-есть?

Ларичев. Стрижов.

Председатель. Значит, опять Стрижова дело было?

Ларичев. Да, он председатель НТС.

Председатель. Значит, в НТС в области нефтепроводного строительства вы констатируете вредительство?

Ларичев. Да. Как и вся работа в нефтяной промышленности, очевидно и в других отраслях промышленности вредительство сводилось к задержке рассмотрения проектов и задержке строительства нефтеперегонных заводов.

Председатель. В отношении ассортимента продуктов — этой отрасли вы не касались?

Ларичев. Видите ли, нельзя просто сказать — «ассортимент нефтепродуктов».

Председатель. Я же не специалист. Вы специалист.

Ларичев. Я вижу, вы взяли из обвинительного заключения.

Председатель. Понятно. Суд проверяет данные обвинительного заключения.

Ларичев. Задержка крекингового строительства и задержка реконструкции нефтеперегонных заводов привела к тому, что мы углубить переработку нефти не могли, углубить в том отношении, чтобы достигнуть максимальных в процентном отношении выходов так называемых светлых продуктов, начиная от бензина, керосина, масла и кончая разного рода специальными продуктами. Если мы в начале деятельности «Инженерно-технического центра» имели 60, даже 75% выхода мазута, а 25% выхода светлых продуктов, то можно было бы эту картину иметь если не наоборот, то во всяком случае можно было иметь весьма близкое обратное соотношение.

Председатель. Какой наиболее ценный продукт?

Ларичев. Бензин как экспортный и для рынка.

Председатель. Следовательно, можно констатировать, что и в этой области имелось вредительство, которое заключалось в том, что сознательно замедлялись работы по максимальной добыче и переработке светлых продуктов...

Ларичев. ...связанные с задержкой реконструкции старых заводов и с задержкой постройки новых. Это, так сказать, являлось следствием.

Председатель. Следовательно, в области реконструкции заводов также проявлялось вредительство. Эта цель ставилась вредителями?

Ларичев. Да, я даю здесь только экстракт.

Председатель. Я понимаю. В деле про-

ведения вредительства в области нефтяного хозяйства вы называли Хренникова...

Ларичев. Стрижова.

Председатель. А Хренников?

Ларичев. Это уже проведение мероприятий по линии задержки Сормовской ветви. Это область машиностроения и цистерностроения.

Председатель. Но это связано с нефтяным хозяйством?

Ларичев. Связано.

Председатель. А кто из подсудимых еще участвовал в этом деле?

Ларичев. Поручения по линии ВСНХ проводил Хренников, а по линии Госплана —Калинников вместе с членом нашей партии Струнниковым.

Председатель. Подсудимый Калинников, пожалуйста, в этой части об'ясните, если вы считаете это возможным, ваше участие в срыве плана цистерностроения.

Срыв плана цистерностроения

Калинников. Мне было известно, что такая работа проводится в пределах металлической группы промышленной секции Госплана, и что в этой работе непосредственное участие принимал от имени промышленной секции Гартман, а вместе с ним работал от транспортной секции Струнников. Это касается судостроительной программы, а что касается цистерностроения, то принимали участие, главным образом Гартман, Коган-Бернштейн как председатель транспортной секции.

Общая установка на минимальные программы проводилась ими, но я знал об этом и, так сказать, укрывал это вредительство. Правда, в выработке программ я не принимал участия, но когда поступали программы такого характера, я их пропускал, видя минимальные темпы развертывания и судостроения и цистерностроения.

Председатель. Вам было очевидно, что эти минимальные темпы не оправдываются необходимостью и что их можно было бы увеличить?

Калинников. Как технику мне трудно это было установить, но чутьем — когда долгое время работаешь, чувствуешь, что это недостаточно обоснованные цифры, что их нужно было увеличить. И в этом отношении я считаю себя виновным.

Председатель. В чем заключались ваша роль, ваши обязанности в Госплане?

Калинников. Я должен был эту проработанную программу по развертыванию и судостроения и цистерностроения визировать как председатель промышленной секции, потому что без визы она не могла быть направлена в президиум Госплана, ни тем более на утверждение СТО. Раз я подписал, то я должен отвечать за существо той работы, которая была проделана. А я подписал работу, в которой чувствовалось, что она недостаточно что ли разработана, поэтому я участвовал в укрывательстве.

Председатель. Подсудимый Калинников, ведь вы — председатель промышленной секции Госплана?

Калинников. Да.

Председатель. И в ваши обязанности входило об'единение плановых материалов и от имени Госплана или от имени секции в президиуме Госплана, а в конечном итоге — от имени Госплана представлять этот сведенный план на утверждение правительства, Совнаркома?

Калинников. Да.

Председатель. Ведь вы, представляя такого рода документ, могли ли руководствоваться только своим чутьем или вы должны были руководствоваться чем-то иным, кроме чутья? Можно ли подписать план по чутью?

Калинников. Разрешите мне вот что сказать. У нас ведь создано известного рода техническое доверие. Не могу же я повторить технически всю ту работу, которую проделали специалисты по транспорту, в котором я совершенно не разбираюсь, и специалисты по производству. Но я, зная их настроение и зная их установку, должен был бы с своей стороны, если бы я не был вредителем, в этом отношении принять какие-то возможные меры к проверке, созвать специальную экспертную комиссию, на что я имел право, и должен был бы по этому поводу представить докладную записку в Госплан и в этой комиссии еще раз провести все эти подсчеты. Я этого не сделал, я, значит, сознательно представлял цифры вредительские.

Председатель. Вы этого не сделали сознательно или из доверия?

Калинников. И сознательно и из доверия, и то и другое было.

Председатель. Какая вами руководствовала основная цель, когда вы пропускали этот план? Вы, во-первых, знали, что этот план составлен членами вредительской организации?

Калинников. Знал.

Председатель. Следовательно, вы знали, что этот план составлен в соответствии с задачами, которые преследовала вредительская организация?

Калинников. Да, и это знал.

Председатель. И, следовательно, вы не проверяли потому, что вам не нужно было этого вредительства вскрывать?

Калинников. А потому я и говорю, что я укрывал.

Председатель. Т.-е. вы самым определенным образом выполняли работу в интересах вредительской организации?

Калинников. Верно.

Председатель. И это делалось сознательно, зная, что это соответствует основной директиве организации?

Калинников. Да.

Председатель. Вопросы к Калинникову имеются у обвинения?

Крыленко. По топливоснабжению не имеется вопросов.

Председатель. Подсудимый Калинников, садитесь. К Ларичеву по топливоснабжению есть вопросы?

Крыленко. Нет. Сейчас идут металлоснабжение и текстиль.

Председатель. У защиты?

Оцеп. Нет.

Председатель. Подсудимый Ларичев, садитесь. Сейчас до перерыва осталось 15 минут. Может быть, мы сейчас начнем допрашивать Чарновского? Подсудимый Чарновский. Отвечайте на вопросы обвинения.

ПОКАЗАНИЯ ПОДСУДИМОГО ЧАРНОВСКОГО

Крыленко. Мы с вами уже в предыдущих наших беседах договорились, что информационную роль, роль информатора мы снимаем. Эта версия отпала.

Чарновский. Я вполне к этому присоединяюсь. Я даже позволил бы себе начать с извинения перед вами, что я задержал...

Крыленко. Давайте по существу.

Председатель. Поменьше всяких извинений, побольше дела.

Крыленко. Остается вопрос относительно руководства по машиностроению?

Чарновский. Да, по машиностроению, металлообработке, так как я заместил Хренникова.

Крыленко. Конкретные методы в этих областях?

Чарновский. Общая линия вредительства, которую я проводил как руководитель НТС, это была для этого периода линия замедления темпов и сокращения выпусков. Как это достигалось? Все идет от чугуна, от выплавки чугуна. При выплавке чугуна первоначальные цифры пятилетнего плана были обсуждены сначала в нашем центре вредительском, т.-е. не в центре общем, а в металлическом, отраслевом секторе. И вот у меня в памяти такие цифры, которые сможет подтвердить Иван Андреевич Калинников, что сначала Гартман, член нашего металлического центра, предлагал для пятилетки цифру в пять миллионов тонн. Калинников не согласился с этой цифрой, считая, что ее даже проводить невозможно и предложил поставить 6 миллионов тонн. Конечно, эта цифра для пятилетки была слишком мала, потому что мы уже сейчас имеем свыше 5 млн. тонн за прошлый год. Затем поставили в качестве оптимального варианта 8 млн. тонн, и получилось так — 6 млн.—8 млн.

Таким образом Госпланом предлагалось утвердить цифру 6 млн., которая потом повысилась до 8 млн., а ВСНХ настаивал на 8 млн. После этого прошло месяца два обсуждений. Была назначена конференция по металлоснабжению, и на этой конференции, наконец, была принята цифра в 10 млн. тонн, уже по настойчивому указанию ВСНХ. Таким образом, сразу мы поднялись с 5 млн. до 10 млн. тонн.

Затем, как известно, была установлена правительством как оптимальная цифра в 17 млн. тонн, к которой нужно было стремиться как к поставленной вехе, но пока точный план имеется на 10 млн. тонн.

По машиностроению. Было ли увязано машиностроение с металлургией? Можно утверждать, что нет. Оно было внешним образом увязано, а именно — заявки потребителя были учтены и просуммированы, но эти заявки чрезвычайно проблематичны. Они исходили из разных непроверенных данных. Таким образом у нас имеется по машиностроению до 10 различных отраслей, как-то: железнодорожный транспорт, судостроение, в том числе цистерностроение, общее машиностроение, затем построение сельскохозяйственных машин, специальное машиностроение, оборудование химических заводов и т. д. Вот этих групп имеется около 10. Если же мы эти группы разобьем на об'екты машиностроительные, как делают немцы в своих фах-группах, то мы получим около 800 или 600 об'ектов машиностроения. Наша промышленность не так специализирована. Она подбирает группы и имеет комбинированные заводы. Таким образом, наши самые крупные заводы имеют комбинированные производства, — это крупнейшие комбинаты, которые составляются из целого ряда отраслей — вагоностроение, паровозостроение, судостроение, дизелестроение и т. д. В настоящее время сделан большой переход к тому, чтобы по отраслям создать отраслевые об'единения и, таким образом, больше способствовать специализации заводов и целеустремленности. Это создает большое неудобство на местах, я боюсь это детализировать и поэтому констатирую этот факт.

В чем выражалось вредительство? Если коснуться металлургии, то в замедлении темпов и в несогласовании целого ряда факторов. Тут и топливоснабжение, и металлоснабжение, и транспорт. Мы не имеем специальных вагонов саморазгружающихся. Это страшно задерживает разгрузку и ведет к тому, что поезда простаивают на заводских путях, получаются пробки и затруднения. Для того, чтобы строить и утилизировать могучие заводы, которые пока еще только строятся, мы должны перестроить наш подвижной состав. У нас еще нет типов этих вагонов. Все это было задержано в НТС, в металлургической его части, и задержано до последних дней.

О типе говорилось. Тип покупали на пробу, но никто его не изучал как следует и, таким образом, это дело оставалось без призора. Это один из фактов вредительства.

Затем в части типа и конструкции нужного оборудования. Нами, например, проектировалось 8 крупнейших заводов, которые должны были быть оборудованы современными средствами, но мы не имеем еще на руках конструктивного типа оборудования. Это металлургия отстала у

нас в соединении с машиностроением. Машиностроение не успело подготовиться к выполнению запросов металлургии, и мы сейчас должны из-за границы по дорогой цене приобретать чертежи и часть заказывать у себя, часть за границей. Между прочим проекты вырабатывались по целому году, а то и по два, а между тем можно было за границей выбрать оборудование, посмотреть и сделать шаги, чтобы к тому моменту, когда проект будет готов, произвести заказ оборудования. Сейчас заказ оборудования задерживается.

Задержаны были также и машиностроительные заводы, в особенности Краматорский и Свердловский. О Краматорском заводе говорил и Ларичев, говоря о шахтном строительстве. Он был, конечно, задержан в целях вредительства. После того, как проект Свердловского завода был утвержден в Гипромезе, были представлены соображения со стороны Хренникова, и финансирование этого дела было снято, так что в этой части постройка задержалась.

Мне пришлось руководить вредительством, главным образом, по машиностроению. В части машиностроения мне приходилось наблюдать целый ряд отсталых конструктивных частей типов. В области плановой мы не имеем генерального плана реконструкции старых заводов и постройки новых заводов на новых началах. Наши большие заводы, как Сормовский, «Красный Профинтерн», Путиловский...

Крыленко. Это было в период, начиная с какого года?

Чарновский. Начиная с 1927 г., когда работал и Гипромез и НТС. Наталкивать на мысль приходилось как высшие технические силы НТС, так и Гипромез. Здесь инициатива не была проявлена, и я считаю, что и здесь моя вина.

Крыленко. Я не хочу вас останавливать на изложении методов вредительства, но когда вы начинаете говорить о крупнейших машиностроительных заводах, это не имеет отношения к вам. Мне важно иметь методы вредительства, аппарат, при котором проводилось вредительство и общие результаты.

Чарновский. Имея определенную директивную линию, обсуждая эти директивы, полученные из ЦК «Промпартии», по отраслям и обмениваясь взглядами с производством и трестами, мы, следовательно, должны были полученные директивные задания применять к определенному случаю.

Крыленко. Значит, первый метод касался получения сырья, касался вопроса о чугуне?

Чарновский. Да.

Крыленко. Здесь имеется прямая резкая форма вредительства при построении плана в 5 миллионов, 7 миллионов, 10 миллионов и теперешнего проекта?

Чарновский. Да.

Крыленко. Это проведено ЦК «Промпартии» и вами?

Чарновский. Да.

Крыленко. Вторая форма вредительства —в области машиностроения?

Чарновский. Да.

Крыленко. По вопросу о методах самой постановки проблемы машиностроения: должна ли она строиться по специальности, должна ли эта специализация доходить до определенного предела или стоять на устарелых методах. Этот метод также применялся?

Чарновский. Да.

Крыленко. Третий метод будет касаться отдельных об'ектов, именно судостроения, транспортных средств, вагоностроения, в частности цистерностроения, паровозостроения.

Чарновский. Дизелестроения.

Крыленко. Машиностроения, в частности станкостроения.

Чарновский. И инструментальное дело.

Крыленко. Доходили ли вы до задержки развития цехов на отдельных крупных заводах?

Чарновский. Да.

Крыленко. Постановка вопроса о том, чтобы в отдельных крупнейших машиностроительных заводах произвести задержку развития одного из основных цехов, разрешалась непосредственно на периферии или доходила до вас?

Чарновский. Разрешалась предварительно на периферии по тем директивным указаниям, которые были получены из центра.

Крыленко. Как был поставлен контроль исполнения?

Чарновский. Контроль исполнения не был поставлен, но мы знали об исполнении по тем докладам, которые сами члены металлического сектора делали у нас на основании своих наблюдений. У нас были представители всех трестов. Они знали о том, что делается на местах и какие у них были узкие места, остающиеся незакрытыми.

Крыленко. Доклады о контроле исполнения делались на официальных совещаниях в советских органах или непосредственно перед вами?

Чарновский. Нет, они делались в отраслевом вредительском центре с целью испрошения ассигнований, а также даты, когда строить цех, при чем строили с искажением перспектив и при отсутствии плана реконструкции завода. В той истории, которую я привел здесь как пример, и где я затруднялся на вопрос председателя ответить, кто виноват, могу сказать теперь, вспомнил, что там не было отраслевого вредительского центра. Но возглавляли там Хренников, Неймайер, Тихомиров и др., так что там провести было не трудно, а отраслевого вредительского центра не было.

Крыленко. В таких отраслях, как машиностроение, контроль исполнения, проверка доходила вплоть до периферии, вплоть до отдельных цехов?

Чарновский. Да.

Председатель. На этом позвольте остановиться. Об'являю перерыв до 6 часов вечера.

Вечернее заседание

Председатель. Заседание Специального присутствия Верховного суда возобновляется.

Продолжается допрос подсудимых.

Подсудимый Чарновский.

Вредительство на транспорте.

Крыленко. Мы разобрали вопросы сырья, вопросы машиностроения, станкостроения, строения транспортных средств. Вот, в частности, по транспорту, вы Януевского знали?

Чарновский. Да.

Крыленко. Знали его по Транcплану?

Чарновский. Нет, я знал его по Гипромезу. Он там был в техническом совете, и я туда входил.

Крыленко. Вы знали, что он исполняет вредительские функции?

Чарновский. Сначала я не знал. Потом в конце, перед его арестом, узнал. Но тогда я только что вступил в инженерный вредительский центр.

Крыленко. Так что вы вопросы планового хозяйства в области перспектив развития транспорта, в области паровозостроения, вагоностроения знали?

Чарновский. Я знал, поскольку они отражались в проектах, которые поступали в Гипромез. Разработка проектов проводилась техническим советом Гипромеза, куда они поступали на экспертизу. В этих проектах отражалось более новое течение на укрупнение единиц подвижного состава: на большегрузные вагоны и более крупные паровозы.

Крыленко. Одним словом, вам была известна вредительская работа, которая осуществлялась вредителями по НКПС при построении планов развития нашего транспорта, в порядке определения так называемых показателей по транспорту?

Чарновский. Я не могу сказать, что знал их. Я только несколько слышал об этом со стороны.

Крыленко. А показатели средней нагрузки на ось товарного вагона?

Чарновский. Да, это я слышал от мостовиков, с которыми я встречался.

Крыленко. О суточном пробеге паровозов?

Чарновский. Слышал, но был далек от этого.

Крыленко. У вас это не прорабатывалось непосредственно?

Чарновский. Нет.

Крыленко. Так что в этой области вы только знали о том, что вредительство существует?

Чарновский. Да я только знал, что в этой области вредительство существует.

Крыленко. А в области непосредственно паровозостроения?

Чарновский. В вопросах паровозных заводов?

Крыленко. Да, и вагонных заводов.

Чарновский. Я знал планы вагоно- и паровозостроения. Я сам участвовал в рассмотрении трех проектов нового паровозостроительного завода.

Крыленко. Что такое принцип тяжелой реконструкции транспорта, вам было известно?

Чарновский. Да, это мне было известно: увеличение нагрузки на ось, увеличение всех частей верхнего строения мостов и т. д.

Крыленко. Давайте, о нагрузке мостов и поговорим.

Что вам известно о вредительстве в области построения железнодорожных мостов?

Чарновский. Мне приходилось слышать от мостовиков-специалистов указания на то, что нагрузка на ось в 35 тонн заставит перестроить все мосты.

Крыленко. Это мне и надо. Вам было известно, что нагрузка на ось вагона...

Чарновский. ...не вагона, а паровоза... по перспективному плану такова, что она вынуждает к перестройке всех мостов.

Крыленко. Вам неизвестны конкретно те железнодорожные мосты, которые начали бы строиться с такой специальной целью в соответствии с этим вредительским показателем относительно нагрузки?

Чарновский. Я в НКПС в НТК не входил. Мне приходилось об этом узнавать только по наслышке. Я знал о перестройке старых мостов, которые сами по себе при нагрузке в 25 тонн были небезопасны для движения. Я могу только указать...

Крыленко. ...что по линии Наркомпути одним из методов вредительской работы было такое проектирование паровозостроения, при котором из-за чрезмерной нагрузки приходилось...

Чарновский. ...перекладывать все верхнее строение, все рельсы, сближать все шпалы, что безусловно требовало громадных расходов. В настоящее время эти задачи решаются совершенно другими способами.

Крыленко. Известно вам было, что эта работа была вредительской?

Чарновский. Да, это было мне известно.

Крыленко. Вам только неизвестно конкретно, какие именно мосты начали перестраиваться? Но можно сказать, что происходило вложение чрезмерных средств?

Чарновский. Да.

Крыленко. А в области паровозостроения?

Чарновский. В области паровозостроения мне было известно, что запроектирован тип нового мощного паровоза, некоторые указывали на неудачную топку, которая была очень велика, но все-таки явные примеры вредительства мне неизвестны. Я не могу сказать, чтобы паровозы абсолютно не были годны.

Крыленко. Они и не были негодными. Но вам было известно о вложении больших капитальных средств в паровозостроение со специальной целью омертвления капитала?

Чарновский. Относительно сверхмощных паровозов — это мне было известно.

Крыленко. А вам неизвестна такая крылатая фраза: «Надо так заколотить этими реформами желудок транспорта, чтобы он их переварить не мог».

Чарновский. Что-то в этом роде я слышал, но кому эта фраза принадлежит — не помню. Относительно вагонов тоже большегрузных мне было известно, что в течение 4 лет, пока проектировался завод для постройки вагонов, не удосужились запроектировать самый тип вагона. Старый тип уже не удовлетворял, и Янушевский на это прямо указывал. Это я слышал при защите проекта, но никаких конкретных мер не было принято к тому, чтобы получить действительно нужный тип. Даже не было установлено число дверей вагона.

Крыленко. Так что вам известно по вопросам вагоностроения, что не вырабатывались наиболее целесообразные типы вагонов?

Чарновский. Да, наиболее целесообразные в производстве и в конструктивном отношении типы большегрузных 50-тонных вагонов.

Крыленко. Что такое автосцепка, вы не знаете?

Чарновский. Автосцепка стоит на ближайшей как бы очереди проектирования, ее собираются вводить, но это очень дорогое и большое дело.

Крыленко. Очень большое и дорогое дело? Сумма затрат, которая нужна была, приблизительно?

Чарновский. Я не берусь ее определить.

Крыленко. Она могла бы себя оправдать только в очень длительный срок?

Чарновский. Если рассчитать, что у нас около 400 тысяч вагонов будет скоро, теперь их около 300 тысяч, то, принимая во внимание, что на каждый вагон нужен такой прибор, это будет огромная сумма.

Крыленко. Это мы тоже постараемся потом установить. Но вам это было известно?

Чарновский. Мне известно, что в предположениях это есть. Но, насколько мне известно, перед такими большими расходами все-таки остановились.

Крыленко. Если бы я сказал, что цифра этой предполагаемой реформы переваливает за несколько сот миллионов — это было бы правильно?

Чарновский. Да, сцепной прибор стоит около 500 р. На 400 тысяч вагонов потребуется затрата в 200 миллионов рублей.

Крыленко. А вот было ли в области паровозостроения и вагоностроения вам известно, что здесь в смысле измерителей подвижных типов вагонов, в смысле нагрузки бралась нагрузка либо заведомо преуменьшенная, либо заведомо преувеличенная, и что реформа, задуманная по переделке вагонов и по выработке типов таковых, влекла за собой об'ективную и неизбежную переделку всей поверхности; и, наконец, такие колоссальные затраты, как переделка мостов — это вам было известно?

Чарновский. Это мне было известно.

Крыленко. Это входило в качестве одного из элементов вредительства по НКПС или вам это было известно со стороны?

Чарновский. Это мне было известно со стороны, хотя относительно предположения НКПС у нас все время было такое мнение, что там люди хватают через край со всеми этими мерами, и если мы их не прямо знали как вредителей, то мы все-таки считали, что их затеи принесут большой вред.

Крыленко. А вам известно по показаниям других, что у вас было одно специальное заседание, где делался доклад по вопросам НКПС.

Чарновский. С Янушевским?

Крыленко. Нет, не с Янушевским, это еще с Красовским.

Чарновский. Да, заседание с Красовским, это возможно, но я помню, что он говорил о паровозах, однако тема этого доклада у меня совершенно выскользнула из головы.

Крыленко. Когда приблизительно произошел арест Красовского? В 1928 г.?

Чарновский. В 1928 г., в начале вероятно.

Крыленко. И после этого кто его заменял по НКПС?

Чарновский. Там было арестовано двое: Правосудович и Красовский, два члена НТК. С Красовским я один или два раза встретился, а потом его мне на одном из заседаний НКПС пришлось встретить. Сравнительно недавно было учреждена комиссия для совместного обсуждения вопросов, но к нам из НКПС никто не приехал, так что мы не успели возобновить никаких связей.

В ВАТО «не успели проникнуть»

Львов. Гр. Чарновский, было ли какое-либо соприкосновение по вредительству с вашей группой по тракторо- и автостроению?

Чарновский. По тракторостроению в нашем ИТС была образована комиссия, ко-

торая рассматривала типы тракторов. Она была образована под председательством Кутского Н. М. и должна была рассматривать вопрос о типе тракторов для Сталинградского завода. Я в эту комиссию не входил, потому что она работала автономно, на хозяйственном расчете, но я знал, что она остановилась на типе «интернационал», и мощность была установлена около 20 сил. Потом последовало увеличение мощности типа, но завод был спроектирован как будто бы на 20-сильный трактор. Больше я ничего не знаю в этом отношении. Относительно вредительства в пределах этой комиссии мне не было известно, но что Кутский сам принадлежал к нашему инженерному вредительскому центру — это факт. Относительно других сочленов комиссии я не знаю. Затем перед этим была учреждена тракторная комиссия при Госплане, но это было в далекие времена, как будто бы в 1921—22 г. Она тогда выбрала тип «фордзона» для Путиловского завода. Многие были недовольны этим типом. Мы обсуждали в ИТС, в своей комиссии, этот вопрос, и специалисты высказались против «фордзона» по конструкторским и производственным соображениям, но раз этот «фордзон» был выбран комиссией Госплана,— там главным лицом был инж. Ветчинкин, — и раз начали строить и приобрели запасные части от «фордзона», то нужно было с этим примириться. Дальше была еще одна комиссия, которая сравнивала тип трактора «интернационал» для легкого топлива с типом для нефтяного топлива. Тогда был предложен неудачный тип «аванс», который нельзя было выбрать. Если бы такой тип нефтяного трактора был разработан, то может быть комиссия остановилась бы на нефтяном тракторе, и тогда не пришлось бы иметь затруднения в производстве легких горючих масел для трактора, которые могут явиться у нас дефицитными, и так что многие специалисты указывают теперь, что правильно было бы переходить на нефтяные тракторы. Вот круг вопросов, в которых вращалась техника тракторостроения.

Председатель. Все-таки в вашей вредительской организации, в центре, обсуждался ли вопрос в отношении тракторостроения, как спрашивает вас член суда Львов, и если да, то какова была установка в этом деле?

Чарновский. Собственно говоря, в НТС нам пришлось столкнуться с дефектами нашего производства, давать советы заводам и т. д., но это мы делали не в порядке вредительства, а в порядке текущей работы.

Что касается типа трактора, то мы приняли такой тип, который был выработан комиссией и передан в Главмашстрой.

Председатель. Значит, можно сказать, что наш центр в область тракторостроения с вредительскими целями не вмешивался?

Чарновский. Нет, не вмешивался.

Председатель. Тогда это непонятно. Тракторостроение — такая область, на которую вам надо было обратить внимание, а инженерный центр на эту область специального внимания не обращал?

Чарновский. Нет. Дело в том, что была образована организация ВАТО, все это перешло к ВАТО, и интерес к этому делу у нас охладел.

Председатель. Но, с другой стороны, вы говорите, что стремились исправлять дефекты тракторостроения?

Чарновский. В области «фордзонов» мы давали целый ряд советов, и эти советы переходили в Главмашстрой, а также на Путиловский завод.

Председатель. Следовательно, вы не только вредили, но и исправляли?

Чарновский. В сущности, да. Это была область, в которую мы вредительства не вносили. В нее трудно было вносить вредительство.

Председатель. А вы говорите о передоверии.

Чарновский. Наше дело было выбрать комиссию из самых лучших знатоков тракторного дела.

Председатель. Кто же вошел в эту комиссию?

Чарновский. Туда вошли двое военных — А. А. Жановский, Кутский...

Председатель. Хорошо, вошел Кутский. Он был членом организации?

Чарновский. Да.

Председатель. Кто еще вошел?

Чарновский. Тимофеевич, Кристи, больше не помню.

Председатель. Кто руководил этой комиссией?

Чарновский. В смысле административном руководил Кутский.

Председатель. Следовательно, руководство этой комиссией было в руках члена вредительской организации?

Чарновский. Да.

Председатель. И он осуществлял какую-нибудь вредительскую деятельность? Или вам это неизвестно?

Чарновский. Мне это неизвестно, но вообще это было невозможно.

Председатель. Таким образом, можно сказать, что тракторостроение было в известной степени вам недоступно. От вашей организации там больше никого не было?

Чарновский. Нет.

Председатель. А в ВАТО вас не было?

Чарновский. Нет.

Председатель. Значит, вам не удалось проникнуть в ВАТО?

Чарновский. Нет.

Председатель. Второй вопрос товарищ Львов задавал вам в области автостроения.

Чарновский. Автостроение пошло другим путем—путем переговоров с Фордом.

Вопрос возник только о том, в каких мерах будут чертежи — в метрических или в дюймах. Но этот вопрос был решен без нашего ведома.

Крыленко. А в области планов?

Чарновский. В области плана дело было разобрано в Гипромезе.

Крыленко. Здесь не было преуменьшения?

Чарновский. Было преуменьшение по сравнению с тем масштабом, который взяли потом.

Крыленко. Это преуменьшение было вредительством?

Чарновский. Это преуменьшение было предуказано, цифры были указаны свыше. Тогда не думали о таком широком развитии применения тракторов, и именно мощного типа, а тракторы маломощного типа являлись как-будто недостаточными. С точки зрения наших взглядов казался вредительским такой тип, но в тот момент мы не имели еще такой установки. Установка была на сельское хозяйство и использование тракторов.

Вредительский «букет» в Гипромезе

Председатель. В техническом совете Гипромеза были представители вашей организации?

Чарновский. Были Белоножкин, Янушевский, Кутский, Милюков, Лист, Липгарт.

Крыленко. Была, так сказать, прочная база?

Чарновский. Кроме москвичей было много ленинградцев-техников. База была. Многое было собрано в кучку активных вредительских сил.

Крыленко. Букет?

Чарновский. Да, они просматривали проекты в смысле утверждения экспертизы, а эксперты назначались правлением Гипромеза.

Крыленко. У ЦК «Промпартии» была связь с Гипромезом?

Чарновский. Была связь.

Крыленко. А как же вы говорите, что не могли управлять тракторостроением?

Чарновский. В правлении Гипромеза был Хренников, но из нас никто в правление не входил.

Крыленко. Хренников сидел в Гипромезе?

Чарновский. Да.

Председатель. Выходит такая картина: в правлении Гипромеза во главе сидит Хренников?

Чарновский. Нет, во главе сидел кто-либо из партийных. Он был в качестве председателя технического совета Гипромеза — высшего экспертного органа.

Председатель. В правлении Гипромеза сидит Хренников, кроме него туда входит ряд членов вредительской организации — Янушевский, Милюков и др.

Чарновский. В секции — да.

Председатель. Здесь была целая вредительская группа, в руках которой находилось тракторостроение, а вы говорите что вредительства не могло быть. Но члены вредительской организации там были. А вредительства, что же, не было?

Чарновский. Я могу сказать, в чем я считаю вредительство. Вредительство было в задержке проектирования заданий, которые не подвергались достаточной технико-экономической проверке, затем — в пересмотре заданий. Иногда задания пересматривались два-три раза в целях задержки проектирования. В этом, как было, и Белоножкина обвиняли.

Председатель. Вопрос, который был поставлен о вредительстве в области тракторостроения, разрешается теперь таким образом: вредительство проявлялось в том, что технический совет, во-первых, задерживал проектирование, во-вторых, многократно его пересматривал в целях замедления и в этом смысле тормозил там развитие тракторостроения?

Чарновский. Тракторостроение было одной из отраслей, а там был целый ряд металлургических отраслей.

Председатель. Но вредительство касалось тракторостроения?

Чарновский. Да.

Председатель. Я не говорю в целом, но частично касалось?

Чарновский. Да.

Львов. Вы здесь не остановились на автостроении.

Чарновский. Я не был связан с автостроением. Это было в пределах ВАТО. Но приходилось в научно-техническом совете встретиться с проектом перестройки завода «АМО». К нам попал проект перестройки «АМО». Мы пересмотрели этот проект и нашли, что можно сделать гораздо больше, чем предположено, и предложили пересмотреть проект и исправить. Потом этот проект к нам не поступал, потому что было организовано ВАТО, которое взяло это дело в свои руки.

Иванов. Скажите, пожалуйста, по чьему предложению было закрыто паровозостроение при Путиловском заводе?

Чарновский. Паровозостроение на Путиловском заводе подвергалось многочисленным пересмотрам. Сначала по годичному плану, который мне пришлось слышать в Главмашстрое, предполагалось сохранение 90 паровозов ежегодно на Путиловском заводе, в качестве высшей школы паровозостроения в СССР. Но были противники этого, которые указывали, что каждый паровоз обойдется слишком дорого. Вопрос этот дебатировался и решался то в одну, то в другую сторону. Последнее впечатление, которое я вынес, когда был еще в Гипромаше, было то, что 90 паровозов за Путиловским заводом сохранены, но через два месяца, когда я уже перестал ездить в Ленинград, я слышал, что решено паровозостроение закрыть. Это было сделано по распоряжению из центра, отсюда. Но потом образовалось Котло-турбооб'единение, которое

Путиловский завод разделило, и теперь Путиловский завод строит котлы и турбины.

Иванов. Это ведь только недавно произошло?

Чарновский. Да, недавно, так что, может быть, теперь введены еще какие-нибудь изменения. Таким образом, под чьим влиянием это сделано, — не знаю. Там был Михайлов, который мог внести что-нибудь определенное, а с другой стороны была Москва, которая имела свой взгляд на то, чтобы закрыть.

Председатель. Кто это — «Москва»?

Чарновский. Главмашстрой, я считал.

Председатель. А в Главмашстрое было ваше влияние?

Чарновский. В Главмашстрое влияние наше на плановую сторону не простиралось. Там плановой частью, производственно-плановым отделом заведует теперь Георгиевский, а влияние большое оказывал Оборин, Владимир Филиппович, и если бы вы его спросили, он бы вам дал определенную историческую справку.

Иванов. Попутно еще один вопрос, тоже насчет металлургических цехов Путиловского завода: не известно ли вам, почему приостановлена реконструкция этих цехов; не с целью ли вредительства решено строить новый завод?

Чарновский. Мы не имеем ни одного завода, который бы изготовлял нужную аппаратуру и имел для этого подходящие средства, металлургические и механические, так как здесь приходится употреблять особые барабаны, т.-е. должны пред'являться высокие требования к металлу. Таким заводом избран был Ижорский завод, и последнее, что мне пришлось видеть, как раз перед отпуском моим, это — эскизный проект Ижорского металлургического завода, который должен удовлетворять потребностям Ленинграда и вообще Ленинградского района Северо-Западной области в металлах высоких сортов и в особенности потребность в специальных видах металлов, потому что Ижорский завод предполагается сделать заводом высококачественного металла. Я вредительства в этом не вижу.

Председатель. Подсудимый Чарновский, скажите, как обстояло дело с деталями подвижного состава, — конечно, в части, касающейся проявления здесь вредительский действий.

Чарновский. Я считаю. что в этой части было проявлено вредительство. В каком направлении? Вот в каком: здесь была явная диспропорция между запросами НКПС и между производительной способностью химических заводов, которая не была учитываема правильно. Она преуменьшалась. Так, например, агрегаты, которые изготовляли оси, могли изготовлять их гораздо больше, чем значилось по заводским ведомостям. Особыми мерами, — скажем, постановкой подсменных артелей, усилением мощности молотов и т. д., — можно было достичь гораздо большей производительности по осям и бандажам. Между тем заводы большой металлургии, которые изготовляли бандажи, — Днепровский завод им. Дзержинского и еще Луганский завод — изготовляли бандажей гораздо меньше, чем они могли изготовить, из-за того, что не была произведена небольшая работа по реконструкции и ремонту этих цехов. В настоящее время в Луганске это дело перестраивается, а завод имени Дзержинского дает попрежнему 30 бандажей вместо 70. Это я считаю проявлением небрежности и даже, если хотите, вредительства. Надо было за эти цехи приняться раньше, точно так же как нужно было наладить это дело и на других мелких заводах, имеющих такие же цехи.

Председатель. Здесь имело место опоздание?

Чарновский. Да.

Председатель. Это тоже входило в план деятельности вредительской организации?

Чарновский. То, что принадлежало большой металлургии, то не подчинялось нашему НТС. Они имели свой НТС черной металлургии. Туда мог входить Хренников, т.-е. возможно, что и там было вредительство.

Председатель. У защиты или у подсудимых имеются ли вопросы к Чарновскому? (Нет). Садитесь, подсудимый Чарновский.

Подсудимый Калинников.

Крыленко. Гражданин Калинников, у вас не было специальной отрасли промышленности?

Вредительство в «прочих» отраслях промышленности

Калинников. Вы вчера слышали из показаний Осадчего, а также в обвинительном акте это указано, что мне было поручено установить связь с прочими группами. Из этих отраслей я назову химию, лес и бумагу, строительный материал. Все прочие являются настолько второстепенными, что о них не было разговора. Я мог установить связь с отраслевыми ячейками при помощи соответствующих групп Госплана. По химии — через руководителя химической секции Камзолкина, по лесу и бумаге — через Майера, по строительным материалам — здесь нужно сказать, что не все строительные материалы сюда входят, а главным образом цемент и огнеупорные материалы. Нужно сказать, что краснокирпичные заводы представляют собой настолько раздробленную промышленность, что она насчитывает десятки тысяч единиц. По крайней мере в довоенное время было до 15.000 заводов. Поэтому говорить о какой-либо связи довольно трудно.

Крыленко. Кто ведал строительным делом?

Калинников. Инженер Петров.

Крыленко. Вы с ним были связаны?

Калинников. Через него.

Крыленко. А он?

Калинников. А он через Стромстрой, он называл фамилию Иванова.

Крыленко. А о Кузнецове вы не слышали?

Калинников. Нет. Установка была продиктована из ЦК. Я сейчас постараюсь все это припомнить. По химической промышленности задержка в развитии основной химии как базы и для всей химической промышленности и, конечно, для обороноспособности. Задержка шла главным образом по линии производства кислот.

Крыленко. А Березниковское строительство?

Калинников. Это раньше — в 1925 г., это отдельный эпизод. Позднее этот вопрос разрешался в специальной комиссии под председательством тов. Цюрупы, туда был, кажется, командирован Камзолкин.

Крыленко. Так что и к Березникам Камзолкин приложил руку?

Калинников. Да.

Крыленко. Вы не знакомы с последним процессом, который был в Химстрое?

Калинников. Не знаю.

Крыленко. Большой процесс был месяц назад по обвинению в систематическом срыве Березниковского строительства, в задержке Березниковского строительства, — это вам неизвестно? Когда вы были арестованы?

Калинников. 22 июля.

Крыленко. Эти сведения не могли вам быть известны? Скажите, по химии конкретное вредительство в чем выражается?

Калинников. Мне очень трудно будет назвать конкретные об'екты, потому что я передал это Камзолкину и просил его войти в контакт с Кравецем, установить такую группу, которая бы обеспечила возможность проведения этих установок, тем более, что планы разрабатываются конкретно химической секцией, а я уже знакомился с общим планом, со сводкой. Поэтому все это проходило мимо меня.

Крыленко. Вам главным образом по геплановским вопросам приходилось быть в курсе дела?

Калинников. Только по госплановским — и в области строительства, и в области бумажной, и лесной промышленности — исключительно по Госплану.

Крыленко. А в Госплане основная установка была прежняя?

Калинников. Установка была та, которая была продиктована ЦК «Промпартии»: замедление темпов, создание кризисов и т. д.

Крыленко. У меня имеется, — к сожалению, соответствующим образом не заверенная, но я думаю, что сам подсудимый удостоверит, — имеется стенограмма ваших выступлений на заседании президиума Госплана: одно — от 29 декабря 1928 г., другое — от 5 февраля 1929 г., и затем еще имеется часть ваших тезисов из доклада в марте 1929 г. Эта стенограмма характеризует ваше выступление по вопросу об отправном и основном вариантах Госплана, где вы отстаиваете снижение темпов, свертывание; вы выражаете сомнение в реальности вариантов, указываете в частности по вопросам метала на невыполнимость 10-миллионной программы...

Калинников. 10-миллионной — да.

Крыленко. ...т.-е. даже 7½-миллионной. Эти стенограммы в достаточной степени красочны и характерны. Я бы просил только установить через подсудимого подлинность, во-первых, и затем ответить — вот этот ряд выступлений являлся ли уже сознательной вредительской работой или нет?

Калинников. Насколько я помню, в этих выступлениях основным вопросом было развертывание металлургии. Я позволю себе в двух словах рассказать историю. Основной пессимизм, который был в резкой форме выражен, исходя из общей установки ЦК «Промпартии», был в нашей металлической группе Госплана, которая отстаивала даже 5 миллионов тонн. Но здесь говорил професор Чарновский, что я, несмотря на то, что имел такую директиву, не мог эту цифру даже выносить из пределов промышленной секции, настолько она была одиозна.

Крыленко. Настолько абсурдна...

Калинников. И потребовал заменить ее 6 миллионами тонн. После небольших сравнительно разговоров металлическая секция согласилась. Когда мы пришли с этой цифрой в комиссию Гринько, — специальная комиссия по планированию, — то там фигурировали две цифры — 6 и 8. После длительных разговоров и определенных указаний, что эта цифра 6 никак не может корреспондировать темпам развертывания отправного варианта, я вынужден был и здесь пойти на новое предложение с тем, чтобы несколько затушевать, и настаивал на цифре в 7 млн. тонн. Думаю, что в этом причина, что было принято только 8 млн. тонн комиссией Гринько, и эта цифра долгое время у нас фигурировала. Но при проведении через Совнарком остановились на цифре в 10 млн. тонн. Во всех этих перипетиях продвижения этой цифры и в комиссии Гринько и через президиум Госплана я должен сознаться, что проводил эту вредительскую линию.

Председатель. Я послал вам через коменданта стенограмму, ознакомьтесь с ней.

Калинников. После беглого осмотра я не сомневаюсь в подлинности этой стенограммы.

Крыленко. Удостоверяете?

Председатель. Во всяком случае во время перерыва вы можете подробно прочитать эту стенограмму, и если у вас будут

замечания, вы можете их потом сообщить суду.

Крыленко. Такого рода выступления являлись проведением вами линии ЦК «Промпартии» на вредительство в области развертывания планов строительства?

Калинников. Да.

Крыленко. К области Чарновского, о которой он говорил, к области машиностроения и металлообработки вы имели отношение?

Калинников. Я ведь проводил все отрасли в так называемом сводном плане, но интересовался больше металлургией, больше ее знал, вот почему я здесь выступал определенно по этому вопросу.

Крыленко. Те сведения, которые сообщил здесь Чарновский в смысле проведения вредительской линии, вам были известны?

Калинников. Да.

Крыленко. И эта линия тоже была известна?

Калинников. Да, я сознательно проводил то, что они указывали.

Крыленко. Вы это подтверждаете?

Калинников. Подтверждаю. Относительно тракторостроения я могу ответить: программа тракторостроения, насколько мне помнится, была самой ранней, она была разработана в 1924 г., в 1925 г. она исправлялась, в 1926 г. снова исправлялась. Здесь вредительство заключалось в слишком медленном развертывании тракторостроения на Путиловском заводе. Это можно просмотреть по материалам и установить, что замедленный темп тракторостроения на Путиловском заводе — это есть вредительство.

Председатель. Еще есть вопросы?

Крыленко. Пока по этой отрасли нет. Поскольку работа подсудимого Калинникова, как председателя секции, касалась плановой деятельности Госплана, постольку это удостоверено и в дальнейшем подтверждении не нуждается.

Председатель. Садитесь, Калинников. Подсудимый Федотов. Подсудимый Федотов, мы достаточно подробно выслушали ваши об'яснения. Теперь я просил бы вас возможно короче отвечать на вопросы, которые будут вам поставлены.

Фридберг. Гражданин Федотов, вы может быть скажете, в каких областях конкретно проводилось вредительство и как оно проводилось в текстильной промышленности?

Вредительство в текстильной промышленности

Федотов. Вредительство проводилось во всех областях текстильной промышленности — хлопчатобумажной, льняной и шерстяной, при чем проводилось главным образом в строительстве и в потреблении сырьевого материала. Это в сущности главные стороны, в которых вредительство проявлялось. Если позволите, я расскажу об этом более подробно.

Фридберг. Конкретно — в чем это вредительство проявлялось? Затем, может быть, попутно укажете, как проводилась вредительская деятельность в печати, какими статьями и кто был автором этих статей?

Федотов. Наибольшее количество полемики в печати вызвало строительство, тип строительства и характер строительства. По этой части в печати было несколько статей, которые были, с одной стороны, написаны Капустиным и другими лицами, которые были с ним одного мнения, главным образом молодыми инженерами с производства, и в ответ были написаны статьи или мною или профессором Державиным. Здесь главный спор заключался в том, какого рода фабрики должны быть построены, какие нормы для постройки должны быть приняты, сколько фабрик должно быть построено дешевых и сколько дорогих и т. п. Уже тогда приписывалось вредительство главным образом мне и Державину, которых считали руководителями текстильной промышленности. Считалось, что все нормы и типы построек исходят от нас.

Фридберг. Вот эти фабрики-дворцы...

Федотов. Фабрики-дворцы и фабрики-сараи. Разрешите об'яснить.

Фридберг. Эта идея фабрики-дворца заключала в себе вредительский умысел или же вы добросовестно отстаивали эту идею?

Федотов. Видите ли, во всех идеях можно провести вредительство, и в эту идею тоже можно вложить вредительство. Но фабрика-дворец, с моей точки зрения, даже в настоящее время не является вредительством. Я считаю и в настоящее время, что пролетарское государство должно строить фабрику-дворец, т. е. фабрику, которая отвечает всем требованиям новейшей науки и притом должна быть построена так, чтобы в ней было много света, много воздуха. Считаю, что и с точки зрения выгоды фабрика-дворец в конце концов себя окупит. Нельзя забывать того, что фабрика строится раз на сто лет. И погашение здания, притом здания, выстраиваемого без затраты валюты в сущности говоря, отражается на стоимости производства очень немного. Поэтому я эту мысль все время защищал, идею фабрики-дворца проводил, при чем я чистосердечно вкладывал сюда свои личные мнения и личные знания без желания вредительства. Одной из первых фабрик-дворцов, которая была построена таким образом, является фабрика им Дзержинского в Иваново-Вознесенске, которая была выстроена по всемирному конкурсу. На конкурсе было пред'явлено 18 проектов, из них несколько заграничных. Я был в числе экспертов.

Фридберг. В чем заключалось вредительство в строительстве?

Федотов. Я хочу сказать, что я был тогда экспертом и в то время никакого вредительства в этом деле не видел. Потом эта фабрика была выставлена в качестве примера вредительской фабрики. Главным образом потому, что там в основном были проектированы широкие проходы между машинами и очень высокие этажи, доходившие до 6 метров. По правилам Наркомтруда даже эти 6 метров являлись недостаточными.

Председатель. Это уже выясняли. Нужно быть кратким, не повторяться.

Федотов. В этом заключалось вредительство, которое было внесено в фабрику.

Фридберг. Теперь считаете, что это вредительский метод постройки фабрик-дворцов, который не вызывается никакой целесообразностью?

Федотов. Я повторяю, что если подходить с точки зрения настоящего положения, когда каждая копейка на счету, то это — вредительство. Но если подходить к этому вопросу с точки зрения будущего, с точки зрения тех ста лет, которые будет это здание стоять, то я не считаю постройку этих фабрик вредительством.

Фридберг. Отвлеченно самая высота не может являться вредительством.

Федотов. Здесь разница большая, разница между 5—6 метрами.

Председатель. Нельзя ли поставить этот вопрос несколько иначе о фабрике-дворце. Установить фактическую сторону дела: идет ли речь раньше всего о приемлемости этой постройки в интересах нашего общего социалистического строительства? Высота фабрики в настоящий момент?

Федотов. Пять метров.

Председатель. Правильно ли утверждение, что два этажа проектируемой Владимирской фабрики равны трем этажам английской фабрики?

Федотов. Это неверно.

Председатель. Что, в 2 этажа Владимирской фабрики могли поместиться три этажа английской фабрики?

Федотов. Это неверно.

Председатель. Какова высота в средне-английской фабрике?

Федотов. На фабрике старого типа около 4 метров.

Председатель. Английская фабрика имеет в первом этаже 5 метров, точно— 4,88 метра?

Федотов. Это можно допустить.

Председатель. Второй этаж примерно то же самое?

Федотов. Да.

Председатель. Третий этаж примерно также?

Федотов. Да.

Председатель. А у нас, скажем, Владимирская фабрика в каждом этаже имеет сколько метров?

Федотов. 6 метров. Итого 12 метров в 2 этажах, а там 15 метров в 3-х.

Председатель. Значит немножко выходит больше, но следовательно наши два этажа хотя не равняются 2 этажам английской фабрики, но дают об'ем все же больший, чем английской фабрики?

Федотов. Совершенно верно.

Председатель. Чем же вызывалось такого рода проектирование фабрик, при котором наши два этажа захватывали больший об'ем чем два с половиной этажа английской фабрики?

Федотов. Требованиями гигиены, требованиями НКТруда.

Председатель. Но Наркомтруд установил больше шести метров?

Федотов. Да, да.

Председатель. Сколько установил НКТруд?

Федотов. До 9 метров.

Председатель. Следовательно в двух этажах Наркомтруда, в 18 метрах, можно поместить почти 4 этажа английской фабрики?

Федотов. Да, почти.

Председатель. Это вы считали нормальным?

Федотов. Нет, я это не считал нормальным и я это сказал с самого начала.

Председатель. Об этом и спрашивает прокуратура.

Федотов. Я говорю, что в каждую идею можно внести вредительство. Первые две фабрики были построены высотой 6 метров в этаже. Потом после борьбы, после доказательств в НКТруде была принята норма в 5 метров, и эти 5 метров, точнее 4,88 метра, являются нормой, которую никоим образом уже уменьшать больше нельзя. Следовательно вредительство, если считать, что оно здесь есть, заключается между 5 и 6 метрами высоты.

Председатель. Значит, мы так можем поставить вопрос: что в условиях, в которых находится дело нашего строительства...

Федотов. ...в настоящее время (П р е д с е д а т е л ь: «Да») всякая излишняя высота является вредительством.

Председатель. Правильно. Но вы защищали как раз такие большие коробки?

Федотов. Я защищал идею больших высот, от 5 до 6 метров.

Фридберг. Вам известно, что в НКТруде были вредители?

Федотов. Нет, мне неизвестно, что там были вредители, но я думаю, что их не было.

Фридберг. Чем же вызывается установка на 9 метров, которая, как говорил Куприянов, уже не вызывается необходимостью?

Федотов. Нет, она вызывается необходимостью. Теоретически вызывается требованиями гигиены.

Фридберг. А практически?

Федотов. Это не практический, а научно-теоретический подход. В НКТруде имели в то время влияние доктора.

Фридберг. Но вы, будучи практиком, видя, что это исключительно теоретический подход, и допуская это, — вы этим самым вредительствовали или нет?

Федотов. Но мы ведь оспорили это требование. Мы не допустили 9 метров.

Фридберг. Вы снизили до 6 метров... (Федотов: «Да») когда можно было продолжать снижение и дальше?

Федотов. Совершенно верно. В этом отношении конечно...

Фридберг. Вы почему оспаривали: потому что 9 метров слишком уже бросались в глаза?

Федотов. Совершенно верно.

Фридберг. Так что вы старались придать этому более или менее благоприятную форму?

Федотов. Да. Вредительство в части стройматериалов.

Фридберг. Теперь относительно материалов. Какую вы отстаивали точку зрения?

Федотов. Относительно материалов в ЦК, в группе отстаивали точку зрения материалов более долговечных. Опять здесь тоже был спор такого же свойства. Можно строить фабрики из бетона и можно строить фабрики, как например фабрики в Раменском и фабрики Бардыгина, в постройках которых я принимал участие, исключительно из железо-бетона. Я лично привык к тому, чтобы фабрики строились из такого материала.

Фридберг. Но в наших условиях было ли нам по карману исключительно железо-бетонное строительство фабрик?

Федотов. Простите, существует английская поговорка, что я не настолько богат, чтобы покупать дешевый товар.

Фридберг. Я понимаю, но вы исходили в своей деятельности не из поговорок, надеюсь, — вы в своей деятельности исходили из тех материальных ресурсов, которые имеются в стране?

Считали ли вы целесообразным неуконительно проводить принцип железо-бетонного строительства?

Федотов. Я не специалист в строительстве, так что я относительно материалов не могу вам указать своего мнения в качестве авторитетного. В этой части надо просить у лиц, которым это дело более понятно. Мне казалось, что строительство из более прочных материалов...

Фридберг. Вы начали свое показание с того, что вредительство впервые было обнаружено в строительстве, а когда я вам поставил конкретно вопрос, в чем же это вредительство заключалось, вы не находите это вредительством.

Федотов. Вы поставили вопрос в двоякой форме. Если вы предлагаете вопрос мне лично в качестве моего мнения, то я говорил, я здесь сходился в своем мнении с той точкой зрения, которую проводила вредительская группа. С точки зрения общепринятых взглядов и за последнее время с точки зрения данного момента вредительство заключалось, во-первых, в том, что приняты были этажи и проходы чересчур большие, — не только этажи, но и проходы, — вследствие чего здание, как вы изволили выразиться, — коробка стоило дороже. Таким образом это является вредительством и я это подтверждаю.

Во-вторых, была принята слишком большая норма с нашей привычной точки зрения обмена воздуха, т.-е. вентиляция была признана слишком роскошной. Таким образом это является вторым или третьим фактором вредительства в смысле удорожания самой стоимости.

Наконец четвертым фактором является небрежное отношение к затрате строй-материалов. В то время как можно было бы употреблять большее количество дерева — деревянные полы, деревянные, может быть, в верхних этажах колонны, мы рекомендовали постройку фабрик из более прочных материалов, из более дорогих, таким образом и это в данном случае может считаться вредительством.

Я только оговорился, что я в данном случае считал, что лучше строить большие здания, но строить такие здания, которые отвечали бы...

Фридберг. Правильно я вас понимаю, что, прикрываясь теоретическими соображениями, на практике проводилась вредительская деятельность?

Федотов. Не совсем так. Дело в том, что мы недостаточно боролись, мы попускали. Скажем, эти гигиенические требования Наркомтруда, они были нам предписаны, но мы их не оспаривали, как вы изволили сами выразиться. Была указана высота в 9 метров, мы ее понизили до 6 метров, тогда как можно было произвести и дальнейшее снижение. Так как нормы исходили не от нас, то мы в данном случае являлись попустителями.

Фридберг. Использовали?

Федотов. Да.

Вредительство в промышленном строительстве

Фридберг. А вот производилась ли у вас же постройка фабрик в географически невыгодных и в опасных местах, вы не знаете этого?

Федотов. Географически невыгодных фабрик?

Фридберг. Проводилась ли по плану постройка и предполагалась ли в таких местах исключительно с целью вредительства? Была такая директива?

Федотов. Я таких случаев не знаю.

Фридберг. Например, вопрос о постройке фабрик в Белоруссии?

Федотов. Это в последнее время было предположение такое. Об этом я знаю. Это было предложено из-за границы.

Фридберг. Кем?

Федотов. Я получил подобное указание от Карпова, потом такое указание, насколько мне известно, хотя я утверждать не могу, было получено Рамзиным, — строить фабрики в Белоруссии с тем, что предполагалось, что Белоруссия будет захвачена быстро и эти фабрики смогут послужить неприятелю. Если они не послужат для работы, то сараи и т. д. смогут послужить для складов военных припасов. Но эта постройка являлась только проблематичной, потому что в последние годы строек не было. Стройки приостановились еще в 1927 г., достраивались последние фабрики.

Фридберг. Но это против вашей воли?

Федотов. Да.

Фридберг. Какова была директива?

Федотов. Директива шла определенная и была принята к исполнению в будущем.

Фридберг. Ну, а в области создания диспропорции между сырьем и строительством, — тут принимались ли какие-нибудь практические меры в области строительства?

Федотов. Если вы позволите мне сказать о сырье, то мне кажется, вы пропускаете еще один вопрос вредительства, имеющий достаточно большое значение, это — вопрос о неправильном употреблении сырья.

Фридберг. Вот я и хочу это сказать.

Федотов. А потом и другой вопрос.

Председатель. А с этим в связи не стоит ли вопрос о коротко- или длинноволокнистом хлопке?

Вредительство в распределении хлопка

Федотов. Вот-вот. Я и говорю, что первым вредительством, которое было проявлено, — это был гораздо более важный момент. То, что мы только-что разбирали, а именно о фабриках-дворцах, если его подсчитать, он, в сущности говоря, совершенно пустой и незначительный вопрос по размерам вредительства, по размерам неправильного его выполнения и вложения известных капиталов. Но вопрос неправильного употребления сырья, это — вопрос гораздо более важный, гораздо более бьющий по карману нашего Союза.

Дело в том, что наш хлопок отличается очень хорошими качествами. В общем эти качества выше американского хлопка. Это происходит главным образом потому, что у нас культура поливная, между тем в Америке культура естественная. Поэтому в общем качество американского хлопка короче. Более длинноволокнистый хлопок в Америке произрастает в южных и восточных штатах, и ценится он дороже. Между тем для основы необходим хлопок более длинный. Первый вопрос: какой длины хлопок минимально может быть допущен? У нас установлено требование иметь хлопок не менее 28 мм. длины волокна, между тем Германия работает пряжу тех же номеров из хлопка 27 мм. Значит употребление этих хлопков является уже вредительством. Затем второе: получившийся урожай с самого начала распределялся, — еще в прежние годы, еще до образования нашей вредительской группы, — чрезвычайно небрежно. Хлопок распределялся по количеству между разными фабриками, между тем он должен был сортироваться еще на месте и отправляться на каждую фабрику соответственно тем номерам, которые из него изготовлялись. Если бы это было произведено, то были бы, во-первых, сбережены значительные суммы по покупке хлопка за границей, в Америке. Можно было покупать коротковолокнистый хлопок, а пользоваться для основы своим русским хлопком. Затем впоследствии можно было работать более высокие номера, работать больше бельевых тканей, и таким образом утилизация сырья была бы нормальной и более рациональной, и были бы большие сбережения для государства. Подобно этому в льняной промышленности распределение льна при определенных способах выработки, при определенном направлении самого производства может дать из определенного качества льна более высокие номера пряжи. В прежнее время конечно наилучшие льняные ткани были в Голландии и в Ирландии. В настоящее время Франция, получив репарационные суммы, построила у себя наилучший тип льняных фабрик, и вот они, покупая наше сырье, вырабатывают из него ткани более высоких номеров и качества, чем мы это делаем, потому что они идут несколько другим путем выработки. Путь этот нам известен, однако он применяется в чрезвычайно слабой степени. Это является вредительством в льняной отрасли.

Точно так же в шерстяной отрасли недостаточно внимательно, недостаточно упорно проводилась работа по части употребления сырья — шерсти. Не было произведено достаточных опытов или эти опыты проводились с задержкой относительно употребления нашей грубой русской шерсти. Это также является вредительством.

Фридберг. В этом вредительстве вы были увязаны с Главхлопкомом и другими планирующими органами?

Федотов. Здесь все эти органы принимали непосредственное и прямое участие относительно хлопка. И в дальнейшей последовательности, когда от этого вредительства перешли к более глубоко-

му, когда стали нарушаться соответственные планы между производством и снабжением, когда проводилась неувязка и в первоначальной работе, только-что мной описанной, — все это исходило из аппарата Главхлопкома.

Фридберг. Эти планы поступали потом в ВСНХ?

Федотов. Определенно. Эти планы проходили определенный путь. План вырабатывался Главхлопкомом, затем поступал для проверки в Хлопковый отдел Текстильного синдиката, затем он шел в Планово-Экономический отдел того же Текстильного синдиката и там вторично проверялся.

Затем он поступал в ВСНХ, там проверялся в третий раз, и наконец он поступал в Госплан и там также проверялся и утверждался. Во всех инстанциях одинаково имелись члены вредительской организации той или иной степени, которые эти планы проводили, проводили или без проверки, или даже их увеличивали.

Фридберг. Таким образом четыре раза происходила проверка и каждый раз вредителями?

Федотов. И каждый раз вредителями.

Вредительство в текстильном машиностроении

Фридберг. А в области текстильного машиностроения вам известны какие-нибудь вредительские акты?

Федотов. В области текстильного машиностроения прямых вредительских актов не было, но вредительство заключалось в том, что вся эта идея развития текстильного машиностроения в России вначале встретила осуждение и сопротивление. В виду этого пользовались тем, что считалось, что проведение правильной, рациональной и дешевой постройки машин в России является неосуществимым.

Примеры Запада в этом отношении могли служить аргументом подобного рода постановки. Действительно, скажем, Германия имеет до сих пор только один завод, который работает более или менее удовлетворительно. Попытка такого завода, как завод Круппа, которому была после войны воспрещена постройка пушек, завода, прекрасно оборудованного, который попробовал строить текстильные машины, потерпела неудачу. Другой правительственный завод «Дейче-Верке» также начал выпускать текстильные машины, но полученные нами машины оказались машинами плохими. Поэтому такой аргумент, что мы не справимся с таким машиностроением, мог оказаться правильным и неоспоримым, но необходимо помнить о том, что всякое начало трудное, и пусть первые машины стоили бы очень дорого. Действительно наши собственные машины стоят втрое или вчетверо дороже, чем можно было бы купить их за границей, но, во-первых, это русские деньги и, во-вторых, с каждым годом происходит постепенное удешевление самого производства. Поэтому те препятствия идейного или полемического характера, которые были положены в основу первых преступлений, являются чисто вредительскими.

Фридберг. А в области распределения готовой продукции вам известны какие-нибудь вредительские акты?

Федотов. Да. Прежде всего о готовой продукции. В первое время не было достаточно выработанных способов для того, чтобы работать определенный номер для стандарта. Когда этот вопрос был в конце-концов выяснен, когда были стандартизованы товары и вопрос снабжения рынка перешел в Центросоюз, то вопрос этот конечно стал на более твердую и более правильную почву. Но в последнее время на ряду с общим правильным и рациональным распределением под влиянием указаний из-за границы был произведен опыт неправильного распределения, уже явно вредительского завоза товара. Была образована группа лиц в торговом отделе текстильного синдиката.

Фридберг. Может быть, назовете, кто туда входил?

Федотов. Отдел находился под руководством инженера Куприянова. Главными работниками или, по крайней мере, с его определенного ведома, он являлся руководителем, но исполнителями были Гайдамков, Иоффе, Четвериков, лица, которые главным образом этим заведывали. Товары рассылались таким образом, что в те места, где необходимо было по условиям реализации сельского хозяйства определенное количество определенных крестьянских товаров, товары не присылались или присылались в недостаточном количестве или в неправильных ассортиментах, между тем в другие места, где ни хлебозаготовок, ни льнозаготовок не было, туда посылались товары в достаточном количестве и потребные крестьянству. В виду того, что на вольном рынке товары стоили дороже, крестьянами товары расхватывались, но ими долго не удерживались, товары продавались и попадали в руки спекулянтов, а затем по большей части попадали в Москву и были источником снабжения частного рынка, который мы наблюдаем. Естественно, что подобного рода появление дефицитных товаров на частном рынке вызывало справедливое недовольство населения и со стороны рабочих, у которых естественно возникал вопрос, откуда же эти товары поступают на частный рынок, кто пропускает их на частный рынок. Товары прибывали в Москву из разных мест, самым разнообразнейшим путем, посылками и т. д. Одним словом, они возвра-

щались сюда, а в местах хлебозаготовок товаров нехватало.

Фридберг. Последний вопрос. Вы стояли во главе НИТИ?

Федотов. Да. Я был председателем коллегии, а во главе стоял директор.

Фридберг. Какие-нибудь вредительские действия вы имели возможность фактически проводить через Институт, поддерживали, обосновывали?

Федотов. Я должен указать на то, что НИТИ до сих пор, или по крайней мере до моего ареста, не имел своей лаборатории, так что все действия НИТИ в силу необходимости являются замедленными, и в этом можно усмотреть вредительство.

Фридберг. Это был центр, откуда шло замедление?

Федотов. Нет, НИТИ не находился в связи с вредительской организацией. В НИТИ, кроме меня, входившего во вредительскую организацию — «Промпартию», других вредителей не было, а если они были, то они не имели влияния на это. НИТИ разбивался на несколько секций, во главе которых стояли заведующие. Во главе секции стоял Федоров, льняной секции — Линник, партиец, шерстяной секции — Конарский. Они не являются членами вредительской организации. Конечно их можно было бы упрекнуть в том, что они, как заведующие отделами, недостаточно энергичны, что они могли бы не дожидаться постановки собственной лаборатории, а производить опыт на фабриках. Это делалось, но делалось недостаточно энергично.

Фридберг. Но вы лично не использовали НИТИ или не стремились использовать институт во вредительских целях?

Федотов. Я лично не старался. Я в НИТИ не старался проводить вредительской деятельности.

Фридберг. Скажите, в функции НИТИ входила дача заключений по проектам?

Федотов. Нет, это дело не НИТИ.

Фридберг. Ну а были ли попытки ваших единомышленников придать НИТИ более практическое значение, приблизить его к разрешению практических вопросов?

Федотов. Не знаю. Я об этом не слышал. Но это изменило бы характер НИТИ. Тогда бы это был не научно-исследовательский институт. Научно-исследовательский институт, как он строится за границей и какой нам необходим в России дозарезу, этот институт должен быть чисто теоретическим. Одним из основных недостатков НИТИ, почему его работа и шла плохо, безусловно плохо,— этот вопрос НИТИ следовало бы подвергнуть определенному исследованию,— не об'ясняется вредительской деятельностью, потому что и без вредительской организации там было достаточно плохо и это происходило от неправильного подхода к делу, на что мною директору не раз указывалось. За границей работник исследовательского института, заведующий исследовательским институтом за границей, скажем в Германии, и его помощники получают звание профессора независимо от того, читают ли они где-нибудь курс или нет. И они действительно не читают, и это является одним из основных условий работы в исследовательском институте. А у нас — наоборот все наши работники занимались преподаванием и уделяли НИТИ меньшее количество времени, чем преподаванию. Приходилось с этим бороться, приходилось ограничивать число часов, которые работник НИТИ мог отдавать профессуре.

Фридберг. Словом, можно так сказать, что если суб'ективно вредительство не исходило от НИТИ, то об'ективно оно так или иначе способствовало практическому вредительству?

Федотов. Об'ективно — кто? Я подлежащего не разобрал.

Фридберг. Об'ективно оно как бы способствовало развитию практической вредительской работы?

Федотов. Кто оно?

Фридберг. НИТИ.

Федотов. То есть «он». Я вас поэтому не понял. Несомненно. Я должен себе конечно в вину поставить, и вы имеете полное право поставить мне в вину недостаточно энергичную работу. Но я только прошу разделить. Недостаточная работа и, можно сказать, вредительская работа в НИТИ происходила от других причин, вытекала из других источников. Мое положение в НИТИ было плохое Я не имел достаточно времени, я не пользовался достаточным влиянием на директора для того, чтобы проводить свои мысли или добиваться проведения моих взглядов. Я видел, что многое идет не так, как следует, я видел, что работа задерживается, но я недостаточно боролся с этим. Я видел и говорил и на заседаниях, и на общих собраниях коллегии, в присутствии хозяйственников, я говорил и в правлении синдиката о недопустимости профессорам, преподающим в высших учебных заведениях, быть в то же самое время заведующими отделами, но тем не менее я не добивался этого, и я не добился.

Председатель. Вопрос достаточно ясен. Можно быть кратче.

(К п р о к у р а т у р е). У вас вопросы есть?

Еще раз о расточительном строительстве

Крыленко. Да, я хочу вернуться к вопросу о строительстве новых фабрик. Мне хотелось бы выяснить следующее.

Насколько я понял, положение было таково, что Капустин и другие были против фабрик-дворцов?

Федотов. Да.

Крыленко. А вы были за фабрики-дворцы?

Федотов. Да, мало того, что я был, но вся группа была за фабрики дорогого, роскошного типа.

Крыленко. Ваша группа стояла за фабрики дорогого, роскошного типа?

Федотов. Да.

Крыленко. И в печати вы и Державин выступали солидарно по этому вопросу?

Федотов. Да, при чем я могу указать, что в первой моей статье я, может быть, указывал и 6 метров, но потом, когда я получил данные из Америки и оказалось, что в Америке принимается высота в 5 метров, тогда я поместил большую статью, в которой изложил данные американского строительства и указал на необходимость принять эту норму. Но вместе с тем я все же поддерживал дорогую постройку.

Крыленко. Это первое положение. Теперь второе — относительно введения на этих фабриках и вообще на наших фабриках машин нового типа.

Федотов. Вот, видите ли, этот вопрос очень спорный. Этот вопрос муссировался Капустиным — вопрос о введении американского типа машин с большим под'емом и т. д.

Крыленко. Машин лучших, чем те, которые у нас?

Федотов. Нет, ничуть не бывало. Эти машины американского типа начали строиться первоначально в Англии, и вы можете в Англии и в Америке встретить машины и того и другого типа. Но вопрос в том, что при американском типе вы пользуетесь большим количеством машин, больше затрачиваете капитала, и следовательно при этом вы употребляете меньшее количество рабочих. Вы имеете возможность на данное количество веретен поставить меньшее количество рабочих. Вы употребляете меньшую скорость. Одним словом, стоимость производства уменьшается за счет большей затраты основного капитала. Стоимость производства, стоимость главным образом рабочей силы уменьшается за счет затраты основного капитала — большее количество машин, более дорогое оборудование и т. д.

Крыленко. Словом, это является более прогрессивным типом, чем существующий?

Антонов-Саратовский. Технически?

Федотов. Я не знаю конечно, можно так считать, но ведь Англия имеет 50 миллионов веретен, однако на этот тип не переходит. Это, знаете, очень спорный вопрос, может быть, в конце-концов и окажется, что это более прогрессивный тип. Я не могу этого утверждать, чистосердечно вас уверяю, я лично думаю и до сих пор, что для нас этот тип не является наиболее рациональным. Мы сейчас не можем затрачивать такого количества средств. Это прямо противоречит только-что сказанному: мы говорим о коробке более дорогой — стоимость такой коробки, если мы имеем 5 или 6 метров, $^1/_6$ часть коробки — какой потребует затраты. А здесь мы говорим прогрессивный тип, затрачиваем больше денег, валюты. Да разве можно так подходить к делу.

Крыленко. К делу мы сейчас подойдем.

Федотов. Я считаю, что с точки зрения более рационального расходования капитала надо придерживаться средних под'емов. Можно взять идею американскую и увеличить под'ем. Мы работали на ватерах, на под'еме в 5 дюймов. Теперь мы рекомендуем 6 — 6½ дюймов, но еще пока не 8.

Крыленко. Позвольте взять вашу фразу, вашу формулировку, которую вы дали: стоимость производства уменьшается. Это с точки зрения введения наиболее улучшенных форм производства, орудий производства, результатов производства — плюс или минус?

Федотов. Ведь вы же взяли одну сторону

Крыленко. Пока только эту сторону.

Федотов. Нет, так нельзя.

Крыленко. Потом возьмем другую.

Федотов. Нет, так нельзя. Дело в том, что в стоимость производства, кроме зарплаты, входит и погашение. Значит, вы должны взять целиком. Если вы возьмете и погашение, то английская стоимость производства окажется дешевле, и стоимость рабочей силы понижается. Если принять во внимание, что рост рабочей зарплаты пойдет выше и выше, то тогда, если у нас стоимость зарплаты дойдет до американской, тогда несомненно американская стоимость постройки фабрик и машин будет более рациональна и более прогрессивна.

Крыленко. Американская стоимость будет более рациональна в случае, если?...

Федотов. В случае, если зарплата достигнет увеличенных размеров.

Крыленко. Если зарплата будет повышена. При условии политики правительства на повышение зарплаты рабочего класса, при этом условии введение вот этого американского типа будет рациональным?

Федотов. Правильно.

Крыленко. Вот это—первое положение.

Федотов. Est modus in rebus.

Крыленко. Хорошо. Если же политика правительства не будет направлена к повышению зарплаты, то этот способ будет нерационален? Так?

Федотов. Не совсем. Вы слишком упрощаете. Все надо постепенно. Если мы быстро придем к американским нормам оплаты, то этот способ будет совершен-

но рациональным, но если мы будем итти в этом направлении хотя бы теми темпами, которыми мы шли до сих пор, то английский способ будет все же еще рациональнее.

Крыленко. Рациональнее для данного момента?

Федотов. Для данного момента во всяком случае. Для данного момента, когда мы нуждаемся в капитале, я считаю во всяком случае. Этот вопрос является спорным.

Крыленко. Гражданин Федотов, того, что вы сказали в плоскости установления фактов, достаточно.

Федотов. Хорошо.

Крыленко. Передо мною статья Капустина под заголовком: «Новейшую технику в текстильную промышленность», в которой он говорит, что «Стандарты советского текстильного машиностроения... построены на старых английских нормах».

Утверждение одного из ваших противников сводится к тому, что машины у нас старого типа, что американских машин и опыта в них нет, при чем он дает такой вывод:

«Нужно во что бы то ни стало и как можно скорее усилить работу Научно-исследовательского института текстильной промышленности, поставив перед ним задачу опытного освещения тех проблем, которые волнуют в данное время умы практических работников».

Таким образом мы можем сказать и пока-что констатировать, что со стороны одного из работников-текстильщиков — И. Капустина было требование поставить, во-первых, американский метод работы, хотя бы в виде опыта. Против этого возражали вы и Державин.

Федотов. Нет, нет, против этого я не возражал, никоим образом. Почему? Как же не поставить такой вопрос в НИИС? Как же можно возражать против научного исследования вопроса?

Крыленко. А возражали ли вы против введения вообще?

Федотов. Нет, я возражал против самой идеи введения. но не против того, о чем вы говорите. Я один из первых описал этот американский опыт. Я могу на статьях показать, что я первый описал этот опыт.

Крыленко. Верю, что вы первый описали этот опыт, но дело не в описании, а вопрос в проведении опыта.

Федотов. Ведь у нас не было здания, не было лаборатории. В этом году мы выписали машины. Американские ватера внесены в смету и заказаны.

Крыленко. Мы констатируем из ваших слов, что опыты не были произведены, что подтверждается и Капустиным.

Федотов. На это были причины.

Крыленко. По тем или другим причинам

Федотов. Но это очень важно.

Крыленко. У меня имеется статья «Техническая революция в опасности», подписанная Державиным. У меня тут две статьи под таким заголовком, одна подписана, а другую долго искать. Я потом найду. Но в этой статье имеется ссылка на вас с цитатой из вашей статьи. Тут говорится так: «Характерна в этом смысле статья проф. Федотова, помещенная в номере 122 «Промышленной газеты» от 27 мая 1928 г., в которой говорится:

«В последнее время очень часто нам рекомендуют американские обычаи и приемы. По этому поводу можно сказать: «Когда перенимать с умом, тогда не чудо и пользу от того сыскать, а без ума перенимать — и, боже сохрани, как худо».

Это одно ваше утверждение, что при нынешней системе заработной платы эти машины у нас неприменимы, потому что у нас дешев рабочий труд, и поэтому незачем гнаться за Америкой по введению такого оборудования и средств производства, которые бы сокращали применение непосредственно физического труда и давали бы максимум в смысле производства, а лучше стоять на линии сохранения нынешнего уровня техники.

Федотов. Скажите, пожалуйста, можно ли из моих слов, которые только-что вы зачитали, вывести ваше заключение?

Крыленко. Это не только мое заключение.

Федотов. Ведь я говорю, что в Америке все это факт неоспоримый — капитал дешев, труд дорог, естественная разница и контраст между стоимостью труда и капитала настолько резки, что они влияют на характер американского производства сплошь. И фордизм, и все явления новейшей техники начинаются в Америке. В этом отношении ни одна страна еще за Америкой не последовала. Правда, и фордизм и эти идеи начинают проявляться и в Германии и в Англии. Теперь относительно нас. В моем утверждении я считаю, что я был прав, но никоим образом нельзя сказать, чтобы из этих моих слов можно было вывести заключение, что я желал, чтобы наш рабочий низко оплачивался или чтобы его темп возрастания заработка был низкий.

Крыленко. Я не говорю, что вы этого желали. Я говорил, что в качестве одного из мотивов или условия введения усовершенствованных орудий труда вы ставите сохранение данного уровня зарплаты, который является...

Федотов. Условия при данном сочетании.

Крыленко. Я ведь раньше задавал вопрос, который является непременным условием возможности сохранения теперешней системы машин. Вы говорите, что если политикой правительства будет нарастание зарплаты, тогда усовершенствованные орудия труда будут рациональны, так как, говорили вы дальше, у нас рабочий труд дешевый, а машины доро-

гие, и нам рационально сохранить старые машины.

Федотов. Верно.

Крыленко. Это мы только и констатируем. Следовательно, в области оборудования наших фабрик усовершенствованными орудиями производства вы стояли на точке зрения нецелесообразности затраты капитала и в то же время стояли на точке зрения необходимости и целесообразности затраты капитала, т.-е. вложения тех же средств в постройки фабрик-дворцов, т.-е. такого вложения капитала, который практически ни в ближайшее время, ни в будущем рационально не может быть использован.

Федотов. Верно.

Крыленко. Является ли такая политика нерационального вкладывания капитала вредительской или нет?

Федотов. Об этом вам судить.

Крыленко. Я вас спрашиваю.

Федотов. С моей точки зрения, по отношению ко мне лично не является. Я вам повторяю, что затрата на постройку фабрики-дворца, на постройку коробки является улучшением условий пролетариата. Я считаю, что затрата внутренних средств на постройку этой коробки, которая повышает стоимость самого здания сравнительно не на много, не является таким актом, который можно назвать вредительством.

Дальше по отношению к затрате валюты в данное время на покупку машин более дорогих и в настоящее время почти недоступных, которые будут работать всего только, при нормальных условиях при 3-сменной работе, не больше 10 лет, а в течение 10 лет мы никоим образом не достигнем Америки...

Крыленко. Я должен отметить, что вам очень неприятно устанавливать вместе со мною факт, что вредительская работа проявлялась вами в ваших публичного характера выступлениях в печати, но тем не менее, исходя из того, что вы сегодня сказали, я прошу повторить следующие два утверждения: во-первых, что постройка фабрики в тех размерах, как она проектировалась и вами проводилась, являлась вредительской затратой капитала — это вы сказали?

Федотов. Да.

Крыленко. И вместе с тем вы сказали, вы были против вложения того же самого капитала в орудия производства усовершенствованного образца.

Федотов. Да.

Крыленко. Позвольте сказать, что это и есть проведение в печати пропаганды нерациональной затраты капитала в тех целях, какие преследовала «Промпартия». Да или нет?

Федотов. Я не могу с этим согласиться.

Крыленко. Гражданин Федотов, логика обязательна и для меня и для вас.

Председатель. Подсудимый Федотов, вы вовсе не обязаны соглашаться. Вы говорили, что не можете согласиться. Мы приняли это к сведению.

Инсинуация, как оружие вредителей

Федотов. Я подтверждаю все мои слова, которые я говорил в ответ на вопросы государственного обвинителя. Я соглашаюсь с вопросом.

Председатель. Вопрос стоит таким образом: у вас была точка зрения на целесообразность постройки так называемых фабрик-дворцов, а с другой стороны, была точка зрения на нецелесообразность введения американской техники, американских машин. Так ли мы вас поняли?

Федотов. Да.

Председатель. Из этого обвинение делает вывод, что затраты капитала на постройку «коробки», как вы выражаетесь, являются одним из способов омертвления капитала.

Федотов. С этим я готов согласиться.

Председатель. Против первого предложения, которое выдвинула прокуратура вы не возражаете?

Федотов. Да.

Председатель. Второе: вы рассчитывали, что наша техника обречена на постоянное отставание и нам не по плечу применение американских методов и американских машин.

Федотов. Не забывайте, что аппаратура имеет только 10 лет работы.

Председатель. Вы исходите из того что за 10 лет нам не справиться с техникой, а мы исходим из того, чтобы догнать и перегнать в более короткий срок.

Федотов. Понятно, с этой точки зрения я возражать не буду.

Антонов-Саратовский. Ваша работа «Промпартии» велась на свержение советской власти, на приход капитализма. Может быть, вы учитывали, что придет капитализм и с ним вернутся те старые формы, которые были в России, будет дешевая рабочая сила. Вы и строили фабрики для этой дешевой рабочей силы.

Федотов. Нет, в данном случае вы ошибаетесь. Если бы я принимал во внимание эту сторону дела, то было бы выгодно вести к тому, чтобы советская власть затрачивала большие средства, как уже показывал здесь проф. Рамзин, что некоторые капиталисты считали желательным отсрочить интервенцию до постройки и оборудования новых фабрик, строить фабрики дорогого типа. И конечно, капиталистам выгоднее получить предприятия американского, дорогого типа с тем, чтобы ими пользоваться и эксплоатировать рабочих. И кроме того они имеют возможность пользоваться малым количеством рабочих.

Антонов-Саратовский. Пользоваться дешевой рабочей силой.

Федотов. Дешевой рабочей силой, приготовленными капиталами и приготовленным оборудованием и кроме того малым количеством рабочих.

Антонов-Саратовский. Вы понимаете, что могли в другую отрасль засыпать народный советский капитал, но не в эту отрасль, где множество машин создаст безработицу, ту громадную армию безработных, которая получается от огромного количества машин.

Федотов. Я не по этому вопросу. Вы сказали, что я, может быть, имел в виду... Я говорю нет.

Председатель. Вы даете ответ на вопрос.

Крыленко. Последний вопрос. Я вижу, что вы устали.

Федотов. Нет, нет, пожалуйста, я к вашим услугам.

Крыленко. У меня имеется статья проф. Державина, он в этой полемике солидаризировался с вами. Он был во вредительской группе?

Федотов. Да.

Крыленко. Был вредителем?

Федотов. Да.

Инсинуация — метод вредительской полемики

Крыленко. Эта статья напечатана и начинается так:

«В приговоре по шахтинскому делу... цитируется интересное об'яснение одного из подсудимых: «организация решила придать строительству утрированный характер, т. е. во многих случаях, когда нужно было с осторожностью подходить к мелкому шахтному строительству, решения принимались рискованные, без использования достаточных и проверенных данных».

Так поступали вредители, сознательно ставившие себе целью сведение на-нет нового строительства. Но в том же № 155 «Торг. Пром. Газеты», откуда мы заимствуем вышеприведенное об'яснение, напечатана статья тов. Спивоковского, из которого видно, что советскому строительству с другой стороны тем же грозят энтузиасты-диллетанты, стремящиеся поднять наше производство на высшую техническую базу во что бы то ни стало, хотя бы отрешившись от наших экономических условий.

В статье Спивоковского, как и в ранее появившихся некоторых статьях той же газеты, характерно стремление внести в дискуссию о путях технической реконструкции личный элемент, отделить поименно «овец от козлищ», — тех, кто пригодны для социалистического строительства, от тех, кто якобы закостенел в своих профессорских кабинетах. Противопоставляются, с одной стороны, хозяйственники-практики и инженеры-производственники, а с другой стороны — «наши текстильные авторитеты». При этом забывается, что каждый из названных автором «текстильных авторитетов» имеет, вероятно, больший производственный стаж, чем кто-либо из тех, кто им противопоставляется как производственники.

По существу, автор обвиняет названные авторитеты в том, что они не дали прямого ответа на ряд вопросов, имеющих решающее значение для дальнейшего развития текстильной промышленности: «почему и из каких расчетов исходит технический центр текстильной промышленности, проектируя новые текстильные фабрики того или иного типа, намечая то или иное оборудование для них, утверждая те или иные стандарты нового текстильного машиностроения и пр.». Автору, очевидно, неизвестно, что до последнего времени такого текстильного центра, который проектирует новые текстильные фабрики, не существовало. И только недавно проектирование сосредоточено было в Текстильстрое, как видно из письма тов. Шмидта. Проектирование производилось или самими трестами при помощи своих или приглашенных специалистов, или бюро проектирования ВТС. Однако, те расчеты, из которых исходили при составлении проекта, обязательно проверяются при прохождении проектов в НТУ и ВТС. Для того, чтобы эти расчеты и вместе с тем вся работа по проектированию стала действительно достоянием технической общественности, НТУ готовит сборник прошедших через него проектов текстильных фабрик, который выйдет из печати осенью 1928 г. Там же предполагается поместить расчеты разных типов фабричных зданий с соответствующими выводами.

На дальнейшие вопросы автора «технические авторитеты» уже дали свои ответы, при чем по некоторым пунктам поневоле пришлось отметить очень решительные выводы, основанные на недостаточной технической осведомленности оппонентов. Но поистине самый худший глухой тот, кто не желает слышать, — и в статье тов. Спивоковского эти вопросы вновь преподносятся. Не останавливаясь больше на них, отметим общие положения автора.

Автор находит реакционной точку зрения проф. Федотова, который говорит: «многое, что в Америке применимо, законно и рентабельно, может оказаться совершенно неподходящим для нашего Союза... У нас в минимуме капитал, он очень дорог, и в то же время имеется большой резерв рабочей силы. В Америке же капитал дешев, а рабочая сила дорога. Там необходимо получить от каждого человека максимум того, что он может дать... При наших же условиях мы должны стремиться к тому, чтобы машины, стоящие у нас дорого, давали бы наибольшее количество продукта; интенсификация личного труда при этом должна отойти на второе место».

Точка зрения проф. Федотова основана на действительных и совершенно определенно высказанных им основаниях. Дорог у нас капитал? Дешева или нет рабочая сила по сравнению с Америкой? Из этих оснований приходится делать соответствующие выводы, и никакая псевдореволюционная романтика от этих выводов отмахнуться не может.

Американские машиностроительные заводы могут затрачивать большие деньги на производство опытов с новыми изобретениями и усовершенствованиями, так как высокая цена различных новинок не служит препятствием к их распространению в стране с высокой зарплатой. Но и там, однако, в некоторых случаях прибегают к особым средствам распространения, отдавая машины текстильным фабрикам напрокат. У нас, по причине высокой цены, некоторые из этих приспособлений выходят нерентабельными, например, проборная машина не может конкурировать с педальным пассетом и пр. Если верно положение, что реакционно все то, что идет вразрез с существующими экономическими условиями, то реакционной можно признать позицию тов. Спивоковского, который отделывается общими, никем не оспаривaемыми указаниями, что «наш хозяйственный строй основан на высокой оценке рабочей силы, на максимально возможном в данный момент удовлетворении потребностей рабочего класса», тогда как вопрос заключается в прямом сравнении заработной платы у нас и в Америке и соответственной стоимости капитала.

Опять повторяется вопрос о введении новой конструкции бесчелночных станков, еще не испробованных даже лабораторным путем. Тому, кто следил за развитием технических конструкций, известно, что запатентовано несколько типов таких станков, и ни один из них не привился на практике, несмотря нередко на шумную рекламу, возвещающую революцию в промышленности. Станок Габлера тоже должен быть предварительно испытан, чтобы можно было на нем базироваться, и в настоящее время он подвергается испытанию в лаборатории МТИ.

После всего сказанного становится понятно недовольство, которое, по словам автора, выражают некоторые хозяйственники по отношению к «этим назойливым, беспокойным, горячеголовым энтузиастам». Энтузиазм при реконструкции промышленности — вещь хорошая, когда он основан на твердых технических знаниях. Иначе невозможно избежать «решений рискованных, без достаточных и проверенных данных», как в резолюции по шахтинскому процессу; два антипода — вредители и диллетанты-энтузиасты могут притти к одному результату—дискредитировать введение у нас новейших изобретений или, по терминологии Спивоковского, поставить под угрозу техническую революцию».

Вот эта ссылка вредителя Державина в этой полемике против введения усовершенствованной техники, ссылка на то, что вредители находятся не в лагере Державина, Нольде, Федотова и т. д., а находятся в лагере этих диллетантов-энтузиастов, которые стараются ввести новую технику, — эта ссылка была политически согласованным маневром вредителей?

Федотов. Нет. Это — фраза, которая при писании Державиным была пущена в качестве полемического оружия. Такой инсинуации по адресу наших противников вы больше не найдете, и она не повторяется нигде. Да и смешно было бы говорить: ведь ясно, что ни Капустин, ни его единомышленники не являлись вредителями.

Крыленко. Но вы сами дали квалификацию. Вы сами называете такое выступление Державина в печати инсинуацией. (Федотов: «Да»). И поскольку вредителем был сам Державин, как еще можно это квалифицировать?

Федотов. Не знаю. Подскажите.

Крыленко. Подсказать вам? (Федотов: «Да»). Тут слова о политической нечестности еще мало.

Федотов. «Инсинуация» — достаточно веское слово.

Председатель. Мне кажется, что наша задача не в том, чтобы находить резкие слова. Давайте по существу.

Федотов. Я и говорю по существу, что это — инсинуация, во всяком случае является...

Крыленко. А вы от этой статьи не отгородились?

Федотов. Т.-е. от этих слов? Нет, специально не отгородился. Я не помню этой статьи.

Крыленко. Это — большая заметка.

Федотов. Я от нее не отгородился. В этом я повинен.

Крыленко. Вопросов нет.

Председатель. У подсудимых есть вопросы? (Нет). У защиты?

О роли Куприянова и Ситнина во вредительской группе

Брауде. Скажите пожалуйста, вы здесь упоминали о том, что Куприянов фактически возглавлял вредительство в текстильной промышленности в известное время?

Федотов. Я этого не говорил.

Брауде. Вы указывали, что Куприянов в известное время руководил вредительством в этой области.

Федотов. Я этого не говорил.

Брауде. Не можете ли вы установить точно, в какой части...

Председатель. Тов. Брауде, что вы желаете знать? Вы, может быть, точнее процитируете слова подсудимого?

Брауде. Я хочу знать: отдельные вредительские действия по каким установкам и предложениям конкретно делались?

Председатель. Может быть, вы так и поставите вопрос, независимо от того, что говорил или не говорил ранее подсудимый?

Брауде. Какого рода предложения вы Куприянову в этой области делали?

Федотов. В какой области?

Брауде. В области составления преувеличенных планов. Вы говорили, что Куприянов проводит известную часть вредительской деятельности.

Председатель. Тов. Брауде, может быть, вы так и зададите вопрос: «Подсудимый Федотов, известно ли вам, что Куприянов проводил вредительскую деятельность в текстильной промышленности?»

Федотов. Ведь Куприянов являлся одним из руководящих членов текстильной организации.

Председатель. Прекрасно. Это ответ на ваш вопрос.

Брауде. Нет, не это меня интересует. Федотов говорил, что на основе беседы с Карповым Куприянову было предложено проводить вредительство в текстильной промышленности. Я и хотел бы знать, в чем заключалось это предложение и в чем состояло вредительство.

Председатель. Тогда второй вопрос: «Подсудимый Федотов, вам известно, что Куприянов проводил вредительские действия? Тов. Брауде спрашивает, какие конкретно вредительские действия через вас, по указанию Карпова, проводил Куприянов?»

Федотов. Я уже докладывал суду, что когда я вернулся из-за границы, то поручение Карпова рассматривалось в руководящей группе текстильной организации, и определенные вопросы, порученные Карповым, были распределены между различными группами. Между прочим вопрос о неправильном завозе был передан Куприянову, и он этим вопросом занимался.

Брауде. Других моментов вы не можете припомнить?

Федотов. В данную минуту нет.

Брауде. У меня больше вопросов к Федотову нет.

Оцеп. Скажите, вы можете сказать, кто персонально руководил или возглавлял вредительство в области хлопка в том виде, как вы поясняли?

Федотов. Это очень сложный вопрос, на который я толком ответить не сумею.

Оцеп. Может быть, вы просто назовете фамилии вне зависимости от дифференциации функций.

Федотов. Мы сегодня уже говорили: первоначально все исходило из Главхлопкома — Герцен, Шлезберг и другие. Оттуда получались определенные установки.

Оцеп. Это высшая руководящая группа или группка лиц, ведающая вредительством в области хлопка?

Федотов. Да.

Оцеп. Затем следующая, низшая инстанция?

Федотов. Хлопковый отдел Текстильного синдиката. Этим отделом заведывал тов. Капцов, который являлся членом организации. На ряду с этим одно время этим хлопковым отделом заведывал инженер Лебедев, о котором я не знаю, был ли он членом вредительской организации или не был.

Оцеп. Следующая, нижестоящая третья инстанция?

Федотов. Вышестоящая — планово-экономический отдел ВТС или ВТО, в который цифры и нормы этого Текстильного синдиката поступали на рассмотрение. Заведующим этим отделом в течение последних лет был инженер Лебедев.

Затем эти цифры и нормы явно вредительского характера поступали в ВСНХ. Там они рассматривались в сырьевом отделе, при чем руководителем был Соколовский.

Оцеп. А это лицо, если вы можете сказать, вредительское или нет?

Федотов. Да, он принадлежал к вредительской группе.

Нужно заметить, что одно время, довольно продолжительное — года полтора или два — во главе хлопковой группы стоял инженер Ситнин.

Оцеп. Это на уровне четвертой инстанции?

Федотов. Нет, второй.

Оцеп. Вы говорите — некоторое время. В какое время?

Федотов. Я не помню точно: 1927—1928 г. приблизительно.

Оцеп. Стоял Ситнин — каков был его титул, какова была его должность, когда он имел отношение к этой хлопковой группе?

Федотов. Он заведывал покупкой хлопка в Текстильимпорте. Его титул, кажется, был: член правления Текстильного синдиката.

Оцеп. В чем конкретно выражалось его вредительство, поскольку он служил в Текстильимпорте? Можете вы указать или мы тогда уточним без него?

Федотов. Нет, я так не могу указать подробно. Эта цепочка шла отдельно.

Оцеп. Значит позвольте установить перед судом, что тут конкретную форму вы установить не можете, и мы тогда опросим Ситнина, который не отрицает этого факта. Вы лично установить не можете?

Федотов. Нет. Еще одна инстанция вами пропущена — Госплан.

Оцеп. Это пятая по счету? Там кто?

Федотов. Профессор Чиликин.

Оцеп. Теперь в части вредительства по диспропорции между сырьем и производством — тут конкретная форма участия Ситнина имела место или нет, в этой области?

Федотов. В этой области, я полагаю, что нет.

Оцеп. Вы полагаете, что нет.

Федотов. Т. е. только в той мере, по-

сколько он является членом руководящей группы.

Оцеп. Он мог знать. Его пассивное участие...

Федотов. Он принимал участие в обсуждении, в заседаниях, но лично я думаю, что он в этой форме не играл какой-нибудь такой особой роли.

Оцеп. Активно-конкретной роли?

Федотов. Активно-конкретной роли он не играл.

Оцеп. Если я вас правильно понял, в части создания или внесения вредительских планов построек фабрик-дворцов он не имел отношения?

Федотов. Нет.

Оцеп. И последний вопрос в части неправильного использования сырья?

Федотов. Здесь он имел определенное отношение. От него зависело в той или иной степени влияние на правильное распределение хлопка.

Оцеп. По тем или другим фабрикам? Как сырье поступает на фабрику для переработки?

Федотов. Покупка хлопка за границей, например, скажем, — основной факт: покупка за границей некоторого незначительного количества основного хлопка для основы, в то время, когда можно было покупать исключительно хлопок для утка, конечно, до некоторой степени ложится и на него, потому что он мог опротестовать это и сказать: покупайте только коротковолосый хлопок, а пользуйтесь длинноволосым русским. Но и в этом случае он являлся не инициатором и не единоличным вредителем; он являлся соучастником этого вредительства вместе с другими.

Оцеп. Как один из высказывающих свое специальное мнение по сырьевому вопросу?

Федотов. Нет, его обязанность была больше чем других заняться этим вопросом вплотную, но все-таки инициатива в данном вопросе была не от него.

Оцеп. А кто ведал персонально, если было такое специальное лицо, в отношении распределения хлопка по фабрикам?

Федотов. Хлопковый отдел и Главхлопком.

Оцеп. Персонально?

Федотов. Вы уже записали.

Оцеп. Шлезберг и другие?

Федотов. Да. Да. И потом Капцов.

Председатель. Еще вопросы у защиты есть? (Оцеп: «Нет»). У подсудимых есть какие-нибудь вопросы? (Голоса: «Нет»). Подсудимый Федотов, садитесь.

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ КИРПОТЕНКО

Председатель. Тов. комендант, пригласите свидетеля Кирпотенко.

Гр. Кирпотенко, ваше имя, отчество.

Кирпотенко. Алексей Александрович.

Председатель. Вы приглашены сюда в качестве свидетеля по делу «Промпартии». Согласно 274 ст. УПК РСФСР я должен вас предупредить о вашей обязанности говорить правду и об ответственности за ложные показания.

Желает обвинение пред'явить вопросы свидетелю?

Крыленко. Гр. Кирпотенко, вы знали о вредительской организации в текстильной промышленности?

Кирпотенко. Да.

Крыленко. Кто представлял главную, руководящую группу во вредительской организации по текстильной промышленности?

Кирпотенко. Федотов, Куприянов, Державин, я и Кольцов по хлопчатобумажной отрасли.

Крыленко. Чем ведал Кольцов?

Кирпотенко. Он заведывал проектным бюро Текстильного синдиката и вместе со мной проводил вредительскую линию по капитальному строительству.

Крыленко. В области новых фабрик?

Кирпотенко. Вообще по капитальному строительству новых фабрик и реконструкции старых.

Крыленко. А остальные ведали какими отраслями вредительской работы?

Кирпотенко. Федотов ведал вообще всеми волокнами. Куприянов ближайшим образом хлопчатобумажной отраслью, и я был с ним связан, так как я работал по хлопчатобумажной отрасли.

Крыленко. А Нольде?

Кирпотенко. Это льнянщик.

Крыленко. Кольцов специально заведывал хлопчатобумажной отраслью?

Кирпотенко. Он был заведующим проектным бюро и разрабатывал проекты новых фабрик и реконструкцию существующих фабрик.

Крыленко. Раскажите, что вам известно о методах и формах вредительства вообще.

Кирпотенко. В капитальном строительстве?

Крыленко. Вообще, а о капитальном строительстве мы потом специально спросим.

Кирпотенко. Мне приходилось больше всего проводить вредительскую работу по линии проектного машиностроения. Я не помню сейчас в каком году, но, мне кажется, в июне 1924 г. было образовано в недрах ВСНХ так наз. распределительное бюро по проектному машиностроению, которое должно было согласовывать все недоразумения, которые происходили на почве машиностроения между машиностроителями и текстильщиками. Его функцией была постановка машин. До революции эти машины, главным образом хлопчатобумажные и прядильные, не производились, поэтому у нас не было людей, знакомых с этими машинами. Когда появились эти машины, перед нами стал целый ряд вопросов. Наши производственники не были знакомы с те-

ми вопросами, с которыми к ним обращались текстильщики; механики, к которым я отношусь, также не были знакомы с этим, так как ремонт находится в руках технического персонала. Так как тут получалось много недоразумений, президиум ВСНХ и организовал это распределительное бюро. Оно было организовано на паритетных началах — одинаковое число металлистов, строителей и текстильщиков, раньше в количестве 5 человек с председателем от металлистов и текстильщиков, одним из которых был я. Потом это распределительное бюро было расширено, и туда входило по пять человек от каждой отрасли. Затем приказом ВСНХ я был назначен заместителем председателя и учитывался не как текстильщик, а как нейтральное лицо.

Значит, вредительская работа по этой линии проводилась мною со стороны текстильной промышленности, а со стороны машиностроения Кутским. Возглавлял же эту работу, руководил нами председатель Шейн.

Вредительская работа заключалась в том, чтобы тормозить развитие текстильного машиностроения в Союзе, чтобы поставить нашу страну в зависимость от Англии, потому что все прядильные хлопчатобумажные фабрики оборудованы машинами английских заводов.

Крыленко. Эта директива было от кого получена?

Кирпотенко. От нашей хлопчатобумажной вредительской организации в лице Федотова и Куприянова.

Крыленко. Значит, Федотов и Куприянов давали директиву относительно того, чтобы текстильное машиностроение тормозить, поддерживая нашу зависимость от иностранцев. А относительно типа машин?

Кирпотенко. Что касается типа машин, то это дело находилось в руках Державина. Впоследствии он занял должность заведующего стандартным бюро, а проработка первых типов проходила в «Текстильмашине», которая была организована Стюнкелем Б. Э. Там был установлен тип ватеров и прядильных машин, которые изготовляются на заводе им. Карла Маркса.

Крыленко. По введению типа новых машин было проявлено вредительство?

Кирпотенко. У нас в распределительном бюро этот вопрос не возникал.

Крыленко. Вы говорите, нет?

Кирпотенко. Я не знал, я не прядильщик, не производственник, не технолог.

Крыленко. А по вопросу введения новых машин, русских или английских, или сохранения старых? Я попрошу вас сказать следующее: известна ли была вам какая-нибудь газетная полемика по этому вопросу?

Кирпотенко. В свое время была газетная полемика о том, что американские методы у нас не применяются.

Крыленко. Что вам было известно по этой полемике, не было ли тут вредительства?

Кирпотенко. Возможно, что такие вопросы возбуждались среди производственников, вызывали много споров, и путем споров разрешение этих вопросов из вредительских побуждений задерживалось, задерживалось введение машин высокого под'ема, колец большего диаметра.

Крыленко. Из вредительских побуждений задерживалось введение новых машин?

Кирпотенко. Введение новых американских методов прядения.

Крыленко. Откуда это было вам известно?

Кирпотенко. Из разговоров приходилось слышать, что дело задерживается, об этом между собой говорили технологи.

Крыленко. Вы говорите, что задерживается во вредительских целях?

Кирпотенко. Думаю, что из вредительских целей разрешение этого вопроса не проходило с нужной скоростью, а путем споров разрешение вопросов задерживалось.

Крыленко. Вы говорите директива была одна, которую вы получили от Федотова, это не имеет отношения к текстильному машиностроению или к распорядительному бюро по машиностроению?

Кирпотенко. Да, это не имеет отношения к текстильному машиностроению или к распорядительному бюро потому, что заводы получают определенные чертежи и по этим чертежам делают машины. Изменение конструкции должно было исходить из стандартного бюро.

Крыленко. По поводу газетной полемики вам мало что было известно?

Кирпотенко. Я уже сказал, что вопрос о введении новых американских методов прядения, по моему мнению, задерживался путем удлинения споров, повидимому, из вредительских целей.

Крыленко. Вы в этом вопросе некомпетентны?

Кирпотенко. Я не технолог и не производственник, я механик.

Крыленко. Более точно вы ничего не можете сказать?

Кирпотенко. Да.

Крыленко. Позвольте констатировать, что вами была дана директива о задержке введения новых американских методов и машин и о сохранении старых машин, чтобы поддерживать нашу зависимость от заграницы, и что эта директива была получена от Федотова.

Кирпотенко. Федотова и Куприянова.

Крыленко. Что вам было известно о работе вредительской организации в текстильной промышленности?

Кирпотенко. Вредительская работа проводилась главным образом в области построения планов, как пятилетнего, так и

годовых. Главным образом преследовалась цель проведения момента диспропорции между отдельными частями плана. Скажем, вначале была установка такая — усилить строительство новых фабрик. Но потом выяснилось, что старые фабрики, оказывается, при применении нескольких смен, при введении непрерывной работы могут проработать достаточное количество хлопка без постройки новых фабрик.

Крыленко. Еще?

Кирпотенко. В этой области я заведывал механическо-строительным отделом. В мой служебный долг входило проведение плана капитального строительства, реконструкция, ремонт и т. д. И вот, при разработке годовых планов, у меня была директива — по возможности усилить новое строительство. В каком направлении? В направлении постройки новых прядильных фабрик, главным образом.

Крыленко. Каких?

Кирпотенко. Хлопчатобумажных. Это базировалось на том соображении, что у нас недостаток пряжи. И верно, этот недостаток в пряже хлопчатобумажной проявлялся; и чтобы в этой пряже не было такого голода, надо строить скорее новые прядильные фабрики — такая была установка.

Крыленко. А вредительство тут в чем?

Кирпотенко. А вредительство в том, что, может быть, такого количества новых фабрик, какое намечалось в плане, и не надо было, если использовать существующие фабрики с введением непрерывки и трех смен. По нашим планам, которые мы намечали по новому строительству, фактически очень мало построено новых фабрик, а путем непрерывки и трех смен все количество хлопка было переработано.

Крыленко. Значит, в пределах тех фабрик, которые уже имелись, наличное количество хлопка перерабатывалось? (Кирпотенко: «Да»). Следовательно, постройка фабрик за этими пределами не вызывалась необходимостью?

Кирпотенко. Во всяком случае, не так остро, как мы указывали в планах.

Крыленко. Вы, значит, проводили линию на вложение больших капитальных средств, которые при данной обстановке...

Кирпотенко ...могли быть употреблены на другие нужды государства.

Крыленко. Теперь относительно типа и стоимости фабрик.

Кирпотенко. Относительно стоимости фабрик. Вообще, при проектировании фабрик с вредительским уклоном применялся метод удорожания фабрик. Путем чего? Путем придания монолитности конструкциям выстраиваемых зданий. Например, до войны прядильные хлопчатобумажные фабрики, особенно в Иваново-Вознесенском районе, где я почти всю жизнь проработал, строились кирпичные с чугунными колоннами и деревянными междуэтажными перекрытиями, при чем сплошь и рядом употреблялись деревянные балки. В новом строительстве мы почти исключительно строили железобетонные фабрики, и есть несколько случаев, когда в постройках междуэтажные перекрытия положены на чугунные колонны, на железные балки, с бетонным перекрытием, при чем дерева мы не применяли. Между тем применение дерева, конечно, удешевило бы это строительство, но для того, чтобы легче и реальнее проводить в жизнь свои намерения, мы всегда говорили, что у нас недостаточно подходящий для этого материал.

Я помню, что при рассмотрении в Техническом совете строительного комитета проекта прядильно-ткацкой фабрики Резинотреста в Ярославле, некоторые члены настаивали на том, чтобы перекрытия верхнего этажа, чердачного, вместо железо-бетона были сделаны из дерева, но мы с Кольцовым не соглашались и настаивали, что они должны быть железо-бетонными.

Крыленко. А вы с Кольцовым настаивали на основании необходимости или прямо во вредительских целях?

Кирпотенко. Нет, конечно, 90 проц. вредительства в этом оказывалось.

Крыленко. А это значительно удорожало?

Кирпотенко. В данном об'екте, нет. В фабрике 4 этажа, но только одно перекрытие надо было сделать не железобетонным, а деревянным.

Крыленко. А при больших постройках, больших проектах, больших фабриках?

Кирпотенко. Все равно. Вы понимаете, какая история? Четыре этажа. Значит, имеются четыре перекрытия. Мы одно только перекрытие железо-бетонное сделали, вместо деревянного, а остальные три остаются деревянными.

Крыленко. А эти три должны были оставаться железо-бетонными или могли быть деревянными?

Кирпотенко. В данном случае, Технический совет этого не предлагал, потому что все здание железо-бетонное, и в этом проекте нельзя было бы применить деревянных перекрытий в других этажах, кроме верхнего.

Крыленко. А вообще?

Кирпотенко. Вообще, до революции мы строили прядильно-ткацкие фабрики с деревянными перекрытиями.

Крыленко. Когда вы тут строили исключительно железо-бетонные фабрики, — вот в этом было на 90 проц. вредительства?

Кирпотенко. Ну да.

Крыленко. Тут можно было бы иначе строить?

Кирпотенко. Я и говорю, что на 90% тут было вредительства, что могли быть деревянные перекрытия.

Крыленко. Вы не только о перекрытиях говорите, — вы говорите, что вся фабрика строилась железо-бетонная?

Кирпотенко. Тут вопрос довольно сложный, и вдаваться в детали трудно. Сама по себе железо-бетонная конструкция, по сравнению с кирпичной, не является удорожающим моментом. Можно и железо-бетонное здание спроектировать дешевле, при равных конструкциях, в сравнении с кирпичным.

Главное тут в железо-бетонных перекрытиях.

Крыленко. А в высоте, в размерах?

Кирпотенко. Да, тут момент большой. В свое время, кажется в 1920 г., Наркомтруд разработал обязательное постановление по промышленному строительству и некоторые требования этих обязательных постановлений; они больше были похожи на то, что их составлял не специалист этого дела, а кандидат на Канатчикову дачу. Основное требование было таково: высота фабрики не может превышать четверти ширины фабрики. У нас при применении современных машин, достаточно длинных, получалось 33½ метров внутри. Значит, если брать ¼, то мы должны делать фабрику высотой почти в 10 метров. Сами понимаете, что это ни с чем не вяжется, а Наркомтруд этих обязательных постановлений крепко держался.

Крыленко. А кто был в Наркомтруде техником-консультантом?

Кирпотенко. Я слыхал от инженера Сироцинского, что автором вредительства в этих обязательных постановлениях был некто Кудрявцев.

Крыленко. Так что инженер Сироцинский говорил об этом, как о вредительском акте?

Кирпотенко. Безусловно — раз 10 метров высоты. Нельзя же предположить, что он был сумасшедший.

Крыленко. А точно вы не знали об этом?

Кирпотенко. Я сам его не знал, а только со слов Сироцинского. Сироцинский служил у него в Наркомтруде, был у него техническим работником и он ставил палки в колеса при согласовании проектов в Наркомтруде. В старое время порядок был таков, что каждый новый проект должен был согласовываться в Наркомтруде. Тут должны были проверяться обязательные постановления Наркомтруда в смысле их выполнения. Проект, скажем, уже прошел все стадии, одобрен. Являются трестовики в Наркомтруд и там все сначала перекореживают. Выходило, что такой проект должен был пройти чуть-ли не 17 инстанций до того времени, как можно было приступить к стройке.

ВСНХ вел с этим определенную борьбу и был организован Технический совет строительного комитета и уже правительственное постановление гласило, что Наркомтруд участвует в рассмотрении проектов на заседании этого Технического совета.

Крыленко. Специальный Технический совет при ВСНХ по вопросам строительства, по вопросам рассмотрения проектов строительства и в этом совете был представлен и Наркомтруд и ВСНХ?

Кирпотенко. Да.

Крыленко. От ВСНХ кто был?

Кирпотенко. От текстильной промышленности был я, председателем был Клевезаль, затем Кузнецов А. В. и Сироцинский. Затем были члены Технического совета от разных отраслей промышленности, но они так же, как и я, присутствовали при рассмотрении проектов их специальности. Я имел права члена Технического совета, только когда рассматривались проекты текстильные.

Крыленко. А от Наркомтруда?

Кирпотенко. А Наркомтруд присылал каждый раз тех лиц, которых он хотел.

Крыленко. А постоянных не было?

Кирпотенко. Не было.

Крыленко. Кудрявцев не участвовал?

Кирпотенко. Я ни разу его не видал.

Крыленко. А Сироцинский где работал, — в текстильной промышленности?

Кирпотенко. Он работал в Наркомтруде у Кудрявцева, потом его переманили на службу в Технический совет. Цель была такая. Так как он с Кудрявцевым ставили большие затруднения при проведении проектов в Наркомтруде, то и решили его переманить на жалованье в ВСНХ, чтобы он не ставил палок в колеса.

Крыленко. Мы можем констатировать, что со стороны Наркомтруда до образования этого Технического совета, проводниками вот этих, как вы сказали, канатчиковских проектов — 10 метров вышины — были Сироцинский и Кудрявцев?

Кирпотенко. Кудрявцев и Сироцинский.

Крыленко. При чем вам отчетливо известно, что Сироцинский был вредителем и входил во вредительскую организацию Технического совета?

Кирпотенко. Да.

Крыленко. А относительно Кудрявцева — вам известно со слов Сироцинского и лично вы этого не знаете?

Кирпотенко. Да.

Крыленко. Получается такая картина, что авторами проекта, как вы называете, канатчиковского проекта, были два инженера-вредителя?

Кирпотенко. Я не знаю, был ли Сироцинский автором.

Крыленко. Но защитником был? При чем по линии одного — вы точно знаете, что он был вредителем, а относительно другого — со слов Сироцинского, при чем настолько неумным вредителем, что у людей создавалось впечатление, что эти проекты годны для Канатчиковой дачи. Поэтому вы в Техсовете стремились несколько обкорнать этот канатчиковский проект?

«Канатчиковские» проекты проводились в жизнь

Кирпотенко. Нельзя было иначе. Но в данном случае с нашей стороны и, в частности, со своей стороны, я считаю, что неправильна была вредительская постановка, что вместо того, чтобы бить в набат и кричать, что это сумасшедший дом, а не обязательное постановление, ограничивались тем, что говорили, что это несуразный проект, что каждый раз по проекту с ними спорили и доходили до 6—5½—5 м. — и так проводили в жизнь.

Крыленко. А все же в ваших проектах и в ваших лимитах вы вредительство проводили?

Кирпотенко. Я и говорю, что мы проводили по существу. Фабрика большею частью была в 5½—5 м., значит было нарушение всех этих обязательных постановлений, но мы в данном случае договорились с представителями Наркомтруда, и они согласились.

Крыленко. Но эти 5½ в этот момент были с вашей стороны вредительским актом?

Кирпотенко. Конечно, можно во многих случаях делать этажи и ниже, но в каждом отдельном случае нужно это делать в зависимости от требований вентиляции и т. д. и давать нужный об'ем воздуха. Тут надо учесть вот какой момент. В обязательном санитарном постановлении Наркомтруда рабочая зона, количество об'ема воздуха, который требуется на рабочего, работающегося в данной фабрике, и которое определено законом, — оно считается в пределах от пола на высоту, я не помню сейчас точно, но кажется от 3 до 4 м. Так, что вся та кубатура, которую мы даем сверх этого, она санитарных условий, по закону, не улучшает, и, насколько мне известно, — я этого лично не помню, потому что я в это время был арестован, — по этому поводу изданы и утверждены единые стандартные нормы по строительству. Получается 4,2, если мне память не изменяет, а не 5. Значит, в данном случае, мы могли бы, может быть, не во всех фабриках, но в некоторых вместо 5 или 5½ м. делать этажность 4,2.

Крыленко. Тут в одной из статей в печати по этому поводу указывается, что строительство шло таким образом, что 5 этажей прежнего типа фабрики умещались теперь в 3-х этажах этих стоящихся новых фабрик.

Кирпотенко. Видите, прежде были фабрики совершенно недопустимые.

Крыленко. Так что определенная поправка обязательна и необходима, но предел этой поправки? Момент вредительства, вашего минималистского вредительства в противоположность максималистскому Сироцинского и Куприянова в бытность их в Наркомтруде, все-таки был?

Кирпотенко. Безусловно был, если мы проводили не 4½, а 5½ м.

Крыленко. Это лишний метр. Это сильно влияло на удорожание.

Кирпотенко. Считайте, если 5½—1 м., то это 10,55, лишняя кубатура здания.

Крыленко. Первый метод вашей вредительской работы в капитальном строительстве сводится, во-первых, к увеличению или проектированию количества фабрик, которое не вызывалось необходимостью...

Кирпотенко. Внесением в планирование.

Крыленко. Во-вторых, в том, что в области оборудования стабилизировалось положение, которое закрепляло нашу зависимость от иностранного капитала, — по вопросу относительно преимущества других форм машин вы сказать не можете, потому, что вы не специалист, — и в-третьих, по вопросам непосредственного строительства, как такового, самого фундамента здания, вы проводили вредительство путем проведения повышенных стандартов. Вы давали вместо 4,2 м. до 5—5½ м., что в денежном выражении сказать трудно.

Кирпотенко. Это выходит от 15 до 20% удорожания, хотя это только касается самой коробки, а в общем строительстве здания всей фабрики этот процент будет ниже — от 3 до 5 максимум.

Крыленко. Когда Сироцинский вошел в вашу группу?

Кирпотенко. Он был в группе Технического совета Строительного комитета.

Крыленко. Но в самый последний период, в 1929—30 г., он был там?

Кирпотенко. Да.

Крыленко. В вашей текстильной группе это было известно?

Кирпотенко. Мне было известно, Кольцову тоже было известно. Я был членом этого Технического совета до середины 1928 г., а потом я оттуда ушел, и вообще уже в то время Кольцов обычно ходил на заседания Технического совета проводить все проекты на экспертизу.

Крыленко. Что вам известно еще о вредительских методах?

Кирпотенко. В капитальном строительстве есть еще вредительский вопрос по той же линии обязательных постановлений Наркомтруда, которые, как мне известно, еще существуют в природе и не отменены. Это недопустимое, неправильное требование относительно искусственной вентиляции в хлопчатобумажных фабриках. Это требование было такое, — я извиняюсь, так как может быть напутаю в цифрах, — вообще наши специалисты вентиляционного дела обыкновенно подходят к такой цифре, что в редкие жаркие дни можно допускать внутри фабрики повышение температуры воздуха над температурой внешнего воздуха до 8—10° Ц. Обяза-

тельное постановление допускало не больше 3-х градусов. Эта единая норма стандарта зафиксируют эти 3 несчастных градуса, притом дает целую табличку температуры, соответствующую им, относительно влажности воздуха. Этими цифрами проектирования вентиляции хлопчатобумажной прядильной фабрики, по моему заключению, дается по вентиляции устройство, примерно, в пределах 35 градусов. У нас в Москве и Иваново-Вознесенске по хлопчатобумажным фабрикам бывали всего 3 или 4 случая такой высокой температуры, и поэтому, по обязательному постановлению, когда мы проектируем вентиляцию, мы должны взять за исходный пункт этот случай, который бывает всего 3 раза за все лето, и должны всю установку рассчитывать из этих условий. Значит, у нас получаются гораздо более мощные вентиляторы, гораздо более мощные моторы, подводка излишних кабелей и т. д., а на самом деле работа по установке полной силы будет только 3 раза в году. Какой смысл государству затрачивать эти излишние деньги?

В этом случае мы тоже не вели в достаточной мере необходимой борьбы с этим обязательным постановлением.

Председатель. Коротко можно этим ограничиться. У государственного обвинения имеются еще вопросы?

Вредительская цепь

Крыленко. Да. Прежде всего я хочу вернуться к прежнему вопросу. Вам известна связь, которая была между Техническим советом, в частности Сироцинским, Клевезалем и Кузнецовым, с центром вредительской организации?

Кирпотенко. Я хотя этого не знаю, но думаю...

Крыленко. А вам никто об этом не говорил?

Кирпотенко. По тем разговорам, которые у меня имелись с Клевезалем, связь имелась с центром через Кузнецова и с Сироцинским через третье лицо.

Крыленко. Так что связь должна была итти с центром через Кузнецова и, с другой стороны, была связь с Сироцинским. Через кого?

Кирпотенко. Не знаю.

Крыленко. Через Ноа?

Кирпотенко. Да, да.

Крыленко. Может быть, вы знали?

Кирпотенко. Да, я вспомнил.

Крыленко. А с кем конкретно была связь в ЦК у Кузнецова и Ноа?

Кирпотенко. Не помню.

Крыленко. А может быть, вспомните. Тут простая логика. Текстильную группу кто возглавлял?

Кирпотенко. Федотов.

Крыленко. Может быть, вспомните с кем была связь?

Кирпотенко. Может быть, с Чарновским.

Крыленко. Чарновский был по металлу.

Председатель. Вы помните или не помните? Прошу не гадать, а говорить точно.

Кирпотенко. Нет, не помню.

Крыленко. Эту группу возглавлял Федотов. К строительству эта группа имела прямое отношение?

Кирпотенко. Да.

Крыленко. Вредительскую работу эта группа осуществляла?

Кирпотенко. Да.

Крыленко. Вредительскую работу Сироцинский и Клевезаль осуществляли?

Кирпотенко. Они рассматривали проекты всех отраслей промышленности.

Крыленко. А Сироцинский ведал всеми отраслями промышленности?

Кирпотенко. Да, как же.

Крыленко. И Ноа по всем вопросам?

Кирпотенко. Конечно.

Крыленко. Вам известно официальное положение Ноа в тот момент?

Кирпотенко. Он был членом коллегии Наркомтруда.

Крыленко. И вам известно о вредительстве Ноа?

Кирпотенко. Я по наслышке знаю.

Крыленко. А точно не знаете?

Кирпотенко. Только по наслышке, из разговоров с Клевезалем и с Сироцинским.

Крыленко. До известной степени проведение или по меньшей мере отстаивание канатчиковского проекта могло опираться на эту серьезную поддержку?

Кирпотенко. Да.

Крыленко. Теперь скажите, что вам известно относительно связей Технического совета не по линии текстильной промышленности.

Кирпотенко. Мне ничего неизвестно, потому что при рассмотрении проектов других отраслей промышленности мне не приходилось бывать.

Крыленко. Что вам известно о работе вредительской текстильной группы и, в частности, если хотите, ваша работа вне отраслей капитального строительства и вообще по текстилю? Вы принимали участие в этой группе?

Кирпотенко. Я принимал участие два—три раза, когда разрабатывались вопросы подготовки к интервенции.

Крыленко. Вы были на совещании по подготовке интервенции?

Кирпотенко. Да.

Крыленко. Дальше?

Кирпотенко. Теперь по вашему вопросу (п а у з а) скажу, что кроме этого ничего неизвестно.

Крыленко. Вы ничего не знаете о конкретных методах подготовки интервенции в текстильной промышленности?

Кирпотенко. Я говорю, что кроме интервенции мне больше ничего неизвестно

Крыленко. Вам неизвестно еще о вредительской работе к интервенции?

Кирпотенко. Я говорил уже о текстильном машиностроении и капитальном строительстве.

Крыленко. Текстильное машиностроение — это одно, а капитальное строительство — другое. А еще что?

Кирпотенко. Диспропорция в планах. Бывали разговоры, которые мне боком приходилось слышать, о неправильном ассортименте товаров по выработке и по рассылке на места не в соответствии с требованиями местного рынка.

Крыленко. Неправильная выработка ассортиментов и неправильное распределение — эти моменты вам были известны? Вы сказали, что вошли в эту группу когда?

Кирпотенко. В 1925 г.

Крыленко. И были с 1925 по 1930 г.?

Кирпотенко. Да.

Крыленко. Срок достаточный для того, чтобы быть в курсе всех вопросов.

Кирпотенко. Я не производственник. Я ведал только механическо-строительным делом.

Крыленко. Больше вы ничего сказать не можете?

Кирпотенко. Один момент вспомнил. Бывали разговоры у меня с Куприяновым о создании настроения среди технических работников на фабриках. Мы разговаривали при встречах с фабричными работниками-инженерами во вредительских целях о моментах, затрудняющих работу на фабриках, и тем способствовали тому, что большая часть технических работников переходила с одной фабрики на другую или уходила работать с фабрики в центральные учреждения.

Скажем, один из примеров я считаю нужным привести. Одного такого человека я сманил с фабрики, сговорился с ним, чтобы он ко мне как раз в отдел поступил, но, по правде сказать, он не долго прожил и, когда я был в отпуску, ушел.

Крыленко. Еще это? (К и р п о т е н к о: «Да»).

Еще вопрос, касающийся строительства. Когда вы настаивали и проводили систематически строительство из железо-бетона, — конечно, железо-бетон вещь хорошая и т. д., — но в смысле материала, как тогда дело обстояло?

Кирпотенко. Видите, в те времена, когда мы строили, тогда не было такой дефицитности в железе и цементе, как сейчас, острая дефицитность появилась главным образом в последние два года; у нас, например, фабрика во Владимире специально с этой целью была спроектирована с перекрытиями на чугунных колоннах и железных балках, а Меланжевый комбинат в Иваново-Вознесенске все прядильные корпуса тоже построил на чугунных колоннах и железных балках для того, чтобы меньше употреблять цемент и железо, т. е. дефицитные строительные материалы.

Крыленко. Меньше? (К и р п о т е н к о: «Да»). Значит вы строительство из железо-бетона не проектировали в целях поглощения дефицитных товаров?

Кирпотенко. Я говорю, что фабрики строились в то время, когда дефицита не было. Ведь у нас дефицитность в цементе появилась два года назад, а тогда дефицитности не было.

Свидетель подтверждает факты, касающиеся подготовки интервенции

Крыленко. Еще по вопросу относительно интервенции, поскольку это относится к пройденному этапу,—сообщите, что вам известно о предварительных шагах к подготовке интервенции со стороны руководящей текстильной группы до конца 1928 или даже до конца 1929 г.?

Кирпотенко. До конца 1928 г. были только общие разговоры о том, что за границей бывшие русские фабриканты или даже их об'единение под названием «Торгпром» мечтают об интервенции. В конце 1928 г., по приезде из-за границы Федотова и Ситнина, у нас была более подробная информация о том, что эта самая интервенция намечается уже как факт. Называли 1930—31 г. Вообще момент интервенции подгонялся ими до истечения пятилетки. И тогда Федотов и Ситнин расказывали, какие разговоры они по этому поводу вели с представителями «Торгпрома» за границей. Значит, вопрос ставился так, что вредительская организация должна, не забывая старой своей программы работ, прибавить еще некоторые пункты, специально связанные с подготовкой к интервенции. Один из этих моментов — это то, чтобы вредительская организация была в курсе мобилизационных планов, которые составлялись и разрабатывались в Текстильном синдикате. С этой целью туда и был откомандирован специальный работник, член организации...

Крыленко. Это уж вы хотите рассказать о конкретных шагах по получению и изучению мобпланов (К и р п о т е н к о: «Да»), которые были предприняты текстильной группой путем подыскания специального лица? (К и р п о т е н к о: «Так»). Об этом мы будем говорить особо, и тогда будем просить вас об этом рассказать. Но до этого вам было известно о связях — кого? Двух лиц вы называли?

Кирпотенко. Федотова и Ситнина.

Крыленко. Как вы охарактеризуете второй период, — если первый вы охарактеризовали, как период разговоров?

Кирпотенко. Второй период — здесь уже что-то более реальное выходило, в конце 1928 г. Потом еще третья ступень была.

Крыленко. Это когда вы конкретно начали работать?

Кирпотенко. Да. Это было в середине 1929 г.

Крыленко. Тогда вы начали работать в этом направлении?

Кирпотенко. Да, у нас уже были задания, программные разработки, отдельным членам были даны отдельные поручения.

Крыленко. Была создана программная подготовительная работа к интервенции и отдельным членам организации были даны определенные поручения. В каких областях?

Кирпотенко. Мобилизационная работа, затем текстильное машиностроение.

Крыленко. Тут что?

Кирпотенко. Чтобы не останавливать то вредительство, которое велось, скажем, мною по текстильному машиностроению, имея в виду и интервенцию.

Крыленко. И затем, может быть, были прямые и конкретные задачи?

Кирпотенко. Мне было дано поручение в планах капитального строительства максимально проводить строительство новых фабрик на западных окраинах, например, в пределах Белоруссии.

Крыленко. Чтобы их легче потом заплатать?

Кирпотенко. Для того, чтобы они могли служить опорными пунктами, опорной базой при интервенции. Такие фабрики в первую голову должны были попасть в руки интервентов.

Крыленко. Это мы будем разбирать в дальнейшем, специально, а сейчас скажите — были установленные задания, вы получили задание. Все члены группы получили задания, и от кого получили задания?

Кирпотенко. От Федотова.

Крыленко (п р е д с е д а т е л ю). Я хотел бы задать вопрос Федотову.

Председатель. Подсудимый Федотов, пожалуйте сюда. (К п р о к у р а т у р е). Какой у вас вопрос?

Крыленко. Гражданин Федотов, вы слышали показания Кирпотенко?

Федотов. Да.

Крыленко. Вы их подтверждаете?

Федотов. Собственно говоря... в некоторых частях... Как-будто бы в общем — да.

Крыленко. В той части, что вами давалась директива, чтобы задерживать машиностроение английского типа машин для того, чтобы поддержать нашу зависимость от иностранного капитала.

Федотов. Я это и раньше говорил.

Крыленко. Подтверждаете?

Федотов. Да.

Крыленко. То, о чем мы спорили до перерыва — относительно сохранения английских машин у нас, не было связано с этой директивой?

Федотов. Мне кажется, нет.

Крыленко. Вот в этом споре об английских и американских машинах — о чем мы говорили до перерыва. Это отстаивание английских машин — не было ли оно связано с этой директивой по существу? Не была ли другая сторона истины в этой директиве в том, чтобы установить нашу зависимость от английского капитала, именно поэтому вы отдавали предпочтение английским машинам?

Федотов. Может быть, и было.

Крыленко. А кто же лучше знает?

Федотов. Видите ли, здесь мы с вами разбирали теоретические вопросы.

Крыленко. А теперь перейдем к практике.

Федотов. Практически, конечно, было

Крыленко. В силу каких соображений?

Федотов. То-есть в силу каких соображений я поддерживал английские машины?

Крыленко. Ну да, в силу каких соображений — для того, чтобы установить нашу зависимость от английского капитала политически, экономически, технически?

Федотов. Технически и экономически

Крыленко. А других не было?

Федотов. Политический момент здесь вряд ли играет какую-нибудь роль.

Крыленко. Политический момент, я думаю, мало играет роли. А других не было?

Федотов. Не знаю.

Крыленко. Не знаете? А прямая заинтересованность?

Федотов. Чья?

Крыленко. Ваша?

Федотов. Моя заинтересованность, конечно, была.

Крыленко, Прямая заинтересованность в форме куртажного вознаграждения?

Федотов. Да, да.

Крыленко. Больше к Федотову у меня вопросов нет.

Председатель. У защиты имеются ли вопросы к свидетелю и к подсудимому?

Оцеп. Нет.

Председатель. Подсудимый Федотов, вы можете сесть. Свидетель Кирпотенко, к вам имеет вопрос член суда тов Иванов.

Иванов. Вы говорили, что вы строили на чугунных фермах?

Кирпотенко. На чугунных колоннах.

Иванов. Железо-бетонное здание?

Кирпотенко. Владимирское здание — кирпичное.

Председатель. Свидетель Кирпотенко, вы говорили здесь о том, что получали директивы от Федотова в отношении торможения развития текстильного машиностроения. Может быть, вы припомните какой-нибудь конкретный случай?

Кирпотенко. Отдельных случаев тут не было. Тут нужно обрисовать более подробную картину.

Председатель. Я бы хотел избегнуть подробностей. Мне важно, чтобы это ут-

верждение для суда было облечено в такую реальную форму. Мало сказать, что получали от Федотова директивы, вам ведь сказал товарищ государственный обвинитель, что вы были 5 лет в организации и в течение 5 лет вы получали те или иные директивы. Нам важно установить вашими показаниями и достоверность их, как показаний свидетеля, какие же именно конкретные директивы в этом случае вы от Федотова получили?

Кирпотенко. Общую директиву о том, что надо всеми мерами стараться тормозить, нарушать и затруднять постановку текстильного машиностроения. Вот в самом общем виде.

Председатель. А конкретно не было?

Кирпотенко. Конкретно я не помню, потому что для конкретных работ в этом распределительном бюро был заместитель Куприянов.

Председатель. Куприянов?

Кирпотенко. Он входил в распределительное бюро от хлопчатобумажной промышленности.

Председатель. Вы не помните историю вопроса о постройке завода текстильного машиностроения в Москве?

Кирпотенко. Да, да, совершенно верно. Это было так. Это было в феврале или марте 1928 г. Я приехал около середины февраля из отпуска и встретился с членом распределительного бюро Кутским.

Председатель. А Кутский был членом организации?

Кирпотенко. Он был членом металлической вредительской организации и был заместителем председателя распределительного бюро у Шейна.

Председатель. Это до вас?

Кирпотенко. Нет.

Председатель. До того, как вы были заместителем председателя?

Кирпотенко. Нет, он был заместителем, когда зам. председателя был Стюнель.

Председатель. Стюнель был зам. председателя, Кутский был вторым заместителем, а вы членом? А замом когда вы стали?

Кирпотенко. Это позже. Когда Стюнель ушел, тогда меня президиум ВСНХ назначил заместителем председателя, не считая больше текстильщиком.

Председатель. Значит председатель распределительного бюро Шейн — член организации?

Кирпотенко. Да.

Председатель. Заместитель Кутский — член организации?

Кирпотенко. Да.

Председатель. Вы, заместитель, тоже член организации; так вот, что у вас за разговоры были с Кутским?

Кирпотенко. Он говорил, что в НТС машиностроения представлена записка о необходимости постройки завода текстильного машиностроения по хлопчатобумажной группе в Москве, что надо этот вопрос провалить у них в НТС и могу ли я взять на себя работу по экспертизе этой записки с тем, конечно, чтобы ее там провалить. Я согласился, и по этому поводу у меня был разговор и с Куприяновым и Федотовым о том, проводить ли это в жизнь или не проводить, и было решено таким образом, что если в НТС машиностроения этот вопрос пройдет согласно записке, то тогда уже в заседании распорядительного бюро мы его там будем проваливать.

Председатель. Какие директивы вам дал Федотов?

Кирпотенко. Он мне сказал, что эту работу проводить можно так, как указал Куприянов.

Председатель. А какова роль Куприянова в этом случае?

Кирпотенко. Я ему рассказал, что будет такое дело и если оно не будет провалено в НТС, то мы его будем проваливать в распределительном бюро.

Крыленко. А вы Ситнина знали?

Кирпотенко. Как же!..

Крыленко. И по вредительской группе и по его практической работе?

Кирпотенко. Я его знал с конца 1928 г.

Крыленко. Вы его знали по работе в хлопчатобумажной промышленности или по вредительской работе?

Кирпотенко. Вообще я его знал раньше, а по вредительской работе я его знал с середины или конца 1928 г.

Крыленко. Чем он ведал?

Кирпотенко. Он был членом правления акционерного общества «Текстильимпорт» и ведал закупкой хлопка.

Крыленко. Его вредительство шло, главным образом, по закупке хлопка?

Кирпотенко. Вообще по сырью.

Крыленко. А конкретно вам неизвестно?

Кирпотенко. Я вообще с сырьем дела не имел.

Крыленко. Вам известно, что на Ситнине лежало вредительство в области закупки хлопка?

Кирпотенко. Поскольку он работал по хлопку, это было главное, но он принимал участие и в НТС и повсюду.

Крыленко. Он тоже был в НТС?

Кирпотенко. Конечно, он входил в НТС хлопчатобумажной промышленности.

Крыленко. Во всяком случае, он не выделялся в вашей группе как «агнец» своего рода?

Кирпотенко. Думаю, что нет.

Крыленко. И какое было вообще о нем мнение?

Кирпотенко. Среди кого?

Крыленко. В вашей вредительской среде.

Кирпотенко. Как, о чем?

Крыленко. Активный он вредитель или нет?

Кирпотенко. Я расскажу. Это было в июле 1928 г. Ко мне пришли Куприянов с Кольцовым разговаривать о том, что по сведениям, которые идут из «Торгпрома», там недовольны деятельностью Федотова, не видят реально результатов вредительства и говорили о том, что надо поговорить с Ситниным, не возьмется ли он руководить вредительской организацией в хлопчатобумажной промышленности?

Крыленко. С Куприяновым был разговор?

Кирпотенко. Да.

Крыленко. Почему Ситнина выдвигали на эту позицию?

Кирпотенко. Потому что он часто бывал за границей, потому что он значительно моложе, достаточно энергичный человек и вообще в среде прядильщиков был видным лицом с авторитетом.

Председатель. Подсудимый Куприянов.

Очная ставка

Крыленко. Гражданин Куприянов, вы этот факт помните, о котором рассказывает Кирпотенко?

Куприянов. Такой разговор был, но в несколько другой редакции.

Крыленко. Пожалуйста, вашу редакцию.

Куприянов. Разговор был между Кольцовым, Кирпотенко и мною.

Крыленко. О чем вы говорили?

Куприянов. Я услыхал от Кирпотенко, что есть сведения, что после возвращения со свидания с Карповым, работой группы недовольны, что вредительства мало и что будет, вероятно, сменен руководитель. Я услышал, что в виде предположения, так как Ситнин тоже был за границей, есть слухи, что он договорился по этому поводу. Такой разговор у нас был. Дальше был разговор, что Федотову это неизвестно. Дальше этого разговора ничего не пошло.

Крыленко. Мне важен самый факт разговора. Кирпотенко начал этот разговор или вы начали?

Куприянов. Это не важно. Такой разговор происходил.

Крыленко. Тогда надо сделать, чтобы ответы были одинаковы. Гр-н Кирпотенко, вы настаиваете на своей версии?

Кирпотенко. Настаиваю на том, что пришел Куприянов с Кольцовым, и мы разговаривали на эту тему.

Куприянов. Да, нас было трое.

Крыленко. Кольцов, Кирпотенко и Куприянов — ясно, что вас было трое.

Куприянов. Дело в том, что меня в Москве не было, и я Ситнина не видал. Я вынес впечатление, что Кирпотенко слышал это от своих сотрудников, которые стояли близко к Ситнину.

Крыленко. От Ситнина вы это не слышали, гражданин Кирпотенко?

Кирпотенко. С Ситниным мы разговаривали после этого.

Крыленко. Кто разговаривал?

Кирпотенко. Я.

Крыленко. Ситнин соглашался?

Кирпотенко. Прямого разговора не было, но он к этому относился благосклонно. Я так и передал Сергею Викторовичу Куприянову.

Председатель. Гражданин Ситнин.

Крыленко. Гражданин Ситнин, вы этот разговор помните?

Ситнин. Я помню, что Кирпотенко со мной говорил на эту тему, но относительно того, что я благосклонно к этому относился — это неправда, так как заменять Федотова совершенно не мог. Если бы шла речь о замене мною Куприянова, это я мог бы. Но Федотов же идеолог, человек с широким образованием, всесторонним и не только экономическим, и пользуется весьма большим авторитетом. Меня же ЦК и не знал, я — чисто текстильщик.

Крыленко. Речь идет в пределах текстильной группы.

Ситнин. Ведь Федотов был член ЦК и представитель текстильной группы там. Я говорю, что если бы шел разговор о замене Куприянова мною, это было бы понятно.

Председатель. Подсудимый Ситнин, скажите нам короче — разговор с Кирпотенко был на эту тему?

Ситнин. Да.

Председатель. Что же говорил Кирпотенко?

Ситнин. Кирпотенко говорил мне, что по разговору, который он имел с Куприяновым, они думают, что было бы рационально заменить Федотова человеком более молодым.

Председатель. Значит, разговор Кирпотенко с вами о том, что целесообразно заменить Федотова более молодым, был?

Ситнин. Да.

Председатель. В этой части показания сходятся. Кого он называл в качестве более молодого человека?

Ситнин. Он намекал, что это более подходит ко мне.

Председатель. Что он называл вашу кандидатуру — это также подтверждается?

Ситнин. Да. Я отнеся к этому с улыбкой, как к совершенно невероятному предложению, совершенно не отвечающему возможностям.

Председатель. Вы это приняли несерьезно?

Ситнин. Да.

Председатель. Кирпотенко, так это было?

Кирпотенко. Так было, но я понял иначе. Ситнин к этому времени был связан с «Торгпромом», за границей бывал часто...

Председатель. Откуда вы знаете, что у него была связь с «Торгпромом»?

Кирпотенко. Он приехал из-за границы и говорил всей группе о разговоре с

Коноваловым. Поэтому я эту улыбку понял наоборот. Куприянову так и рассказал, что Ситнин на это дело пойдет. К этому у меня еще было одно соображение.

Председатель. Куприянов, вы припоминаете, что Кирпотенко говорил вам о том, что Ситнин на это пойдет?

Куприянов. Да.

Председатель. Ваш разговор Кирпотенко понял так, что вы даете согласие, и сообщил об этом Куприянову. Такова картина. Вы это отрицаете?

Ситнин. Да, но поскольку дальнейших шагов из этого не последовало...

Председатель. Это другое дело, какие шаги были в дальнейшем. Потом мы это увидим, а сейчас хотим проверить: разговор Кирпотенко с вами был о замене Федотова более молодым человеком?

Ситнин. Да.

Председатель. Этим молодым человеком намечали вас?

Ситнин. Да.

Председатель. И третье, о чем Кирпотенко говорил Куприянову, что вы, по всей видимости, согласитесь. Вы это отрицаете?

Ситнин. Да.

Председатель. Подсудимый Куприянов, такой разговор был?

Куприянов. Был.

Крыленко. По мнению Куприянова и Кирпотенко, которые об этом говорили, на Ситнина было намечено возложение этой обязанности потому, что он был моложе. Или потому, что он был достаточно активным членом вредительской группы?

Кирпотенко. У меня было еще такое соображение, что Ситнин в официальных недрах — и в синдикате и в «Текстильимпорте» — пользовался особым авторитетом, как более советски настроенный работник, что если бы он был возглавляющим, он бы давал конфиденциальность этому делу.

Председатель (Ситнину). Как вы относитесь к тому, что вас рассматривали более советски настроенным человеком?

Ситнин. Я пользовался большим доверием в среде партийных товарищей.

Председатель Вы пользовались среди партийцев большим доверием, и это учитывалось вашими товарищами по вредительской организации?

Ситнин. Может быть, я не знаю.

Председатель. Больше вопросов нет?

Защита опрашивает Кирпотенко

Оцеп. Позвольте мне спросить Кирпотенко.

Председатель. К подсудимым Ситнину или Куприянову вопросов нет?

Оцеп. Может быть, будут, в зависимости от ответов Кирпотенко. Насколько я понял Кирпотенко, Ситнин прямого согласия на замену Федотова не давал в том разговоре, который у них был?

Кирпотенко. Я, кажется, и говорил так, что у меня получилось впечатление, что Ситнин на это дело пойдет. Я пришел к Куприянову и ему так сказал, что у меня впечатление, что Ситнин на это согласен и пойдет.

Оцеп. Меня интересует не ваше впечатление, а, если вы припомните, словесный ответ. Я ведь буду проводить различие между суб'ективным впечатлением и памятью о тех словах, которые сказал Ситнин. Помните ли вы его тот или иной конкретный ответ или не помните?

Кирпотенко. Ответ Ситнина был тот, что он на мое предложение улыбнулся, и я тов. председателю сказал, что его улыбку я принял за согласие. Во всяком случае, этот разговор был не решающим. Меня Куприянов просил переговорить с Ситниным, чтобы я выяснил этот вопрос.

Оцеп. Следовательно, вопрос о толковании улыбки. Ситнин говорит суду одно, вы говорите другое.

Кирпотенко. Возможно.

Оцеп. Теперь второй и последний вопрос: вы удостоверяете вместе с Ситниным, что среди советских ответственных работников он пользовался большим авторитетом, большим доверием. Это ваше личное убеждение и представление, что именно в силу этого он окажется более годным заместителем Федотова, или в разговоре Ситнин козырнул доверием партийных и советских работников?

Кирпотенко. Я, кажется, уже сказал, что мое личное добавочное соображение было именно такое.

Ситнин. У меня вопрос к Кирпотенко.

Председатель. Пожалуйста.

Ситнин. Он сказал, что я часто ездил за границу. Не может ли Алексей Александрович сказать, когда я ездил за границу и сколько раз?

Кирпотенко. Не знаю, но впечатление — что вы часто ездили за границу (Ситнин: «Впечатление»?). Да, а точно я не знаю.

Председатель (к Ситнину). Есть вопросы?

Ситнин. Нет.

Председатель. Тов. комендант, свидетель Кирпотенко может быть освобожден от пребывания в зале. Пригласите свидетеля Нольде.

Гр-н Нольде?

Нольде. Да.

Председатель. Ваше имя и отчество?

Нольде. Александр Александрович.

Председатель. Вы приглашены в качестве свидетеля по делу ЦК «Промпартии». Согласно закона, я вас должен предупредить, что вы обязаны показывать правду и что ложные показания могут вас подвергнуть судебной ответственности.

Тов. прокурор, угодно ли пред'явить вопросы?

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ НОЛЬДЕ

Крыленко. О вредительской организации «Промпартии» вам известно было?

Нольде. Да.

Крыленко. Вы с какого времени, приблизительно, узнали о ее существовании?

Нольде. С 1925—26 г.

Крыленко. Имели прямую тесную связь с этой организацией?

Нольде. Да, я состоял членом этой организации с этого времени.

Крыленко. Кто возглавлял или какая была руководящая группа в этой организации по текстилю?

Нольде. Возглавлял эту организацию инженер Лопатин. Затем она разделялась на группы по волокнам, при чем во главе этих отдельных групп стояли следующие лица: по хлопчатобумажной — Федотов, Куприянов, по шерстяной — Ставровский и Воронов; по льняной — я лично и инженер Аигин.

Крыленко. Эта вредительская работа в своем развитии имела ряд этапов?

Нольде. Да, имела ряд этапов. Первоначально в период с 1925 до 1928 г. она носила более узкий характер, здесь ограничивались только местным вредительством своими собственными силами, имели более узкие цели. В 1928 г. она более заметно подпала под влияние заграничных организаций и в частности тех промышленников и тех сил, которые эти заграничные организации стали направлять. Текстильная организация также должна была усилить свою вредительскую деятельность и принять тот характер и направление, которое требовали заграничные организации и руководящие иностранные силы.

Крыленко. Меня интересует характеристика методов, в частности в льняной промышленности в первый период, и характеристика методов в льняной промышленности во второй период.

«По согласованию с заграничными кругами»

Нольде. В первый период была основная установка, которая была дана инженером Лопатиным по согласованию с заграничными организациями в направлении роста всей текстильной промышленности. Эта основная установка сводится к двум положениям: во-первых, чтобы по возможности задерживать вообще рост текстильной промышленности и для этого использовать метод более дорогого строительства, затрачивать больше средств. Затем удлинение и удорожание сроков строительства, задержка текстильного машиностроения, которое могло бы обеспечивать дальнейшее развитие текстильной промышленности, независимо от заграничного рынка.

И вторая установка была на развитие тех отраслей промышленности, которые главным образом или почти исключительно были связаны с заграничными фирмами.

Эта установка была дана нам, всей нашей текстильной организации, инженером Лопатиным, как он говорил, по согласованию с заграничными кругами.

Крыленко. Какими?

Нольде. Эмигрантскими организациями, в частности «Торгпромом».

Крыленко. Бывшими промышленниками льняной промышленности или вообще?

Нольде. Вообще, и эта установка была дана для всей текстильной промышленности. Прежде всего развивать хлопчатобумажную промышленность, затем из суконной—камвольную и тонкосуконную как связанную с импортным сырьем, затем джутовую, задерживая в то же время льняную и пеньковую, которые работали на собственном сырье.

Это должно было, во-первых, установить постоянную связь с заграницей и постоянную зависимость от заграницы и, во-вторых, в случае каких-нибудь затруднений, поскольку наша текстильная промышленность и вообще все народное хозяйство ставились под угрозу неполучения сырья, была дана такая основная установка для текстильной промышленности. Исходя из этой установки, составлялись годовые планы, пятилетние планы. В текстильной промышленности льняная и пеньковая оставались на заднем плане, они получали минимальные лимиты.

Крыленко. Это повлияло на задержку развития этих отраслей промышленности?

Нольде. Да.

Крыленко. А конкретно?

Нольде. В области планов — делалось ударение на хлопчатобумажную, тонкосуконную и т. д., а в области непосредственно производственной была слабо намечена установка на плохое использование сырья, т. е. вернее, не на плохое использование, а установка на то, чтобы не бороться за лучшее использование сырья, что можно было бы несомненно сделать и что, конечно, и теоретически и практически представлялось тогда же возможным и представляется возможным в условиях работы наших теперешних фабрик.

Крыленко. Плохое использование льняного сырья?

Нольде. Это не была установка на плохое использование, но была установка обратная—не стремиться к тому, чтобы то сырье, которое есть, использовать лучше. В частности, у нас имеется возможность использовать в случае недостатка льна определенные сорта пеньки. Эта работа у нас совершенно не ставилась, затемнялась, в то время как практически мы могли бы ее также осуществить и в

случае недостатка льна давать пеньку. Мы этого не использовали.

Крыленко. А в области машиностроения?

Нольде. В области машиностроения — я его мало знаю, но, насколько мне известно, у нас просто задерживались все работы по выработке стандартов машин с тем, что установка наилучших типов по подготовке заводов или, вернее сказать, не было достаточно настойчивости проявлено в том, чтобы ленинградские заводы, которые начали уже работать частично, или пробовали работать при бумажнопрядильной промышленности на определенных машинах, то же самое сделали бы в отношении льняной и пеньковой, хотя в отношении последних двух это было бы легче оборудовать, чем в отношении шерстяной и хлопчатобумажной.

Крыленко. Чем легче?

Нольде. В смысле самого оборудования станками, что ли, для производства, а главное, в смысле типов машин, которые там проще, так сказать, грубее, и, следовательно, требовалось бы меньше усилий конструктивных и затем в смысле получения необходимого сырья.

Крыленко. А вообще у нас в промышленности, в текстильной или в той отрасли, в которой вы работали, техническое оборудование машинами — оно стоит технически на такой высоте, что его можно было еще улучшить?

Нольде. Улучшить, конечно, можно.

Крыленко. В пределах тех средств, которыми располагали соответствующие организации?

Нольде. Можно было использовать и в большей степени для всех фабрик.

Крыленко. Вам неизвестно по вопросу о споре, который существовал, относительно использования английских и американских машин?

Нольде. Этого я не знаю.

Крыленко. Вы конкретно сказали относительно первого периода. А во втором периоде? Тут вредительство в какой плоскости шло — оно видоизменилось как-нибудь?

Подготовка кризисов

Нольде. Во второй период главное усилие было направлено уже не на задержку только промышленности, но на создание в ней кризисов, которые могли бы вызвать уже более крупные технические затруднения в развитии этой отрасли промышленности и вообще в связанных с ней других отраслях народного хозяйства. В чем это выражалось? Прежде всего в составлении преувеличенных планов пятилетних и годовых. В частности по нашей льняной промышленности намечалось направление этой пятилетки, которую мне пришлось видеть, но о которой я не знаю — была ли она официально утверждена всеми инстанциями, — она предусматривала развитие льняной промышленности в течение 2 или 2½ лет на 100%, — вещь совершенно невозможная ни при каких условиях, ни по техническим условиям, ни по подготовке рабсилы, ни в смысле строительства, насколько я с этим вопросом знаком.

Крыленко. Ну, план такой составлен. А в чем тут подготовка кризиса?

Нольде. Соответственно с этим, когда его надо было бы осуществлять — этот план, то оказалось бы, что расчет на увеличение этой промышленности, в частности льняных фабрик, не оправдался бы, т. к. он был раздут в два раза. Это несомненно бы произошло.

Крыленко. Из-за недостатка сырья?

Нольде. Несомненно. Затем второе — это сырьевая проблема. Несмотря на очень значительное развитие за эти годы льноводства и коноплеводства, все-таки эти отрасли, конечно, не могли бы дать такого увеличения производства сырья, какое намечалось этим планом развития, а именно на 100% в течение 2 лет. Этого промышленность никогда бы не могла дать.

Крыленко. И соответствующее строительство предполагалось осуществить?

Нольде. Тогда намечалось следующее: составлен был соответствующий сырьевой план и примерно в течение 3 лет намечалось увеличить производство сырья с имеющихся 20 млн. до 90 млн. пудов. Этот план был составлен Наркомземом и проведен через Наркомзем РСФСР, при чем через Наркомзем СССР был проведен еще более увеличенный план. Таким образом, шло увеличение промышленности на 100%.

Крыленко. Это тоже должно было опираться на какую-нибудь вредительскую организацию?

Нольде. План был составлен Льноцентром, и там были лица, которые принадлежали к вредительской организации.

Крыленко. Таким образом, мы получили бы увязку некоторых средств в строительстве. Но в чем же был бы кризис?

Нольде. Кризис был бы в том, что все снабжение рынка рассчитывалось на производство не 400 т. веретен, а 800 т. веретен, а на самом деле этого бы не было, и получился бы прорыв в количестве тканей для снабжения некоторых групп населения или для технических целей.

Крыленко. А может быть, это увязано не только со снабжением некоторых групп населения, а и со снабжением военных частей?

Нольде. В отношении ассортимента товара, который вырабатывался или который предполагалось выработать, я боюсь что-либо сказать, ибо я не видел последнего плана, который был связан с преувеличенным производством. Да он, может быть, и не был составлен, потому

что эта пятилетка не была окончательно утверждена, и ВТС, может быть, не составлял этого плана. Но возможно, что если бы намечалось увеличение снабжения Красной армии по плану и выявилась бы невозможность построить эти фабрики, то оказался бы недостаток и в той группе тканей, которые потребляет военное ведомство.

Крыленко. В вашей отрасли промышленности вопросы капитального строительства стояли?

Нольде. В этот период?

Крыленко. Да.

Нольде. Намечалось увеличение на 100%.

Крыленко. Вам известно относительно вредительства, которое осуществлялось по вопросам техники капитального строительства?

Нольде. Мне была известна общая установка, которая проводилась по всем текстильным организациям. Она выражалась в том, чтобы строить крупные фабрики, гораздо больше чем требовалось по конструкции машин или по тем нормам, которые должны пред'являться в наших условиях с точки зрения гигиены труда, в смысле высоты площади, площади освещения и т. д. Все это намечалось и проводилось в преувеличенных размерах, что вызвало соответствующую дороговизну.

Крыленко. Через кого это проводилось?

Нольде. Нормы шли через Технический совет.

Крыленко. А там были вредители?

Нольде. Да.

Крыленко. Вы их знаете?

Нольде. Там были представители нашего синдиката из машиностроительного отдела, которые защищали там проекты этого отдела и, с другой стороны, давали нам эти нормы.

Крыленко. А из других организаций, например, Сироцинский там был?

Нольде. Не знаю.

Крыленко. А Кузнецов?

Нольде. Мне с этой частью не приходилось сталкиваться. На мне лежала больше экономическая часть, и с вопросами технического характера я знакомился только тогда, когда они возникали на заседаниях, когда делались соответствующие замечания.

Крыленко. А от вашей отрасли промышленности?

Нольде. В текстильный совет при рассмотрении наших проектов входили представители нашей промышленности, члены нашей вредительской организации.

Крыленко. Кто?

Нольде. Аигин и, кажется, Карташев, но боюсь твердо сказать.

Заграничные связи

Крыленко. Скажите, пожалуйста, более конкретно, что вам известно об этих заграничных группах, какие именно заграничные группы были, какие методы связи с ними и через кого?

Нольде. Мне известно, что главной организацией, которая занималась этим, была организация бывших промышленников и торговцев в Париже — так называемый «Торгпром». Кроме того, была какая-то организация в Лондоне, в которую тоже входили некоторые наши бывшие фабриканты, я думаю, что в последнее время эта организация не существовала.

Крыленко. А вам известно, кто именно ездил туда, кто виделся, кто встречался?

Нольде. Много инженеров, в частности из хлопчатобумажной и льняной группы. Из хлопчатобумажной группы ездили инженеры Федотов, Ситнин и, кажется, Куприянов. Из льняной группы ездили Аигин, Зубчанинов и затем инженер Штуцер.

Крыленко. Вот этот Штуцер — кто?

Нольде. Это один из прежних наших инженеров, которые после революции работали, главным образом, по заготовке льна. Они служили в акционерном обществе «Эльмотор», которое вело заготовку или для экспорта или для внутренних фабрик.

Крыленко. Он был вредителем?

Нольде. Да, он участвовал, но менее. Он был уже старый, ему, видимо, хотелось уехать за границу, и он вел себя очень осторожно. Но его считали своим человеком.

Крыленко. Вы в переписке с ним состояли?

Нольде. Я лично получил письмо в конце 1928 г.

Крыленко. О чем он писал?

Нольде. Он подтверждал, что он давал ясные указания Аигину и Зубчанинову обо всем, что касается новой установки, и затем писал частично по вопросу интервенции, писал очень глухо, что подготовка ведется и к концу 1928 г. примет реальную форму, и что к этому текстильной организации нужно готовиться. Это подтвердило только то, что говорил приезжавший в начале лета его помощник Лазаркевич.

Крыленко. А Лазаркевич приезжал оттуда?

Нольде. Да, он рассказывал относительно подготовки к интервенции, рассказывал, что ведутся какие-то переговоры, довольно серьезные со стороны наших белогвардейских организаций с правительственными кругами Франции и что дело это имеет более серьезный характер, чем прежние разговоры об интервенции. Он говорил со слов Штуцера.

Крыленко. В каком году это было?

Нольде. Это было в начале лета 1928 г. — в апреле или мае.

Крыленко. В первой половине 1928 г.?

Нольде. Да.

Крыленко. И этот Лазаркевич конкретно говорил, что он привез директиву?

Нольде. Нет, он никакой директивы не привез, только сказал, что приблизительно с этого времени, т. е. с начала 1928 г. ведутся переговоры о том, чтобы об'единить все направление вредительской работы в «Торгпроме», что «Торгпром» будет сноситься с нашей центральной организацией, которая будет давать директивы по всем отраслям промышленности.

Крыленко. А в вашей центральной организации был Федотов?

Нольде. Нет, его не было в центральной организации, которая ведала всеми отраслями промышленности.

Крыленко. А по текстилю?

Нольде. По текстилю был Федотов.

Крыленко. В то время Федотов принимал активное участие?

Нольде. Да, я считал его руководителем льняной группы. В отделе считался я и для связи — тоже я.

Крыленко. Ваша группа спускалась вниз на периферию или только до определенной грани?

Нольде. Она имела своих представителей в Научно-техническом совете, в Научно-исследовательском институте и в заготовительных организациях, которые изготовляли лен как для экспорта, так и для внутреннего употребления.

Крыленко. В планирующих организациях?

Нольде. В центральных московских.

Финансирование вредительства

Крыленко. Финансирование шло по этой линии?

Нольде. По общей текстильной промышленности; частично за счет отчислений, которые делались от продажи льна заграничным фирмам.

Крыленко. Эти отчисления, которые делались от продажи льна заграничным фирмам, они поступали в централизованном порядке через группу Федотова или соответствующий аппарат «Промпартии», или шли непосредственно в вашу экспортную организацию?

Нольде. Они шли так и так. Сначала поступали непосредственно в экспортную организацию и затем попадали через меня в промышленную и сырьевую группы. Затем в последнее время стали получать централизованно от Штуцера.

Крыленко. А через Ларичева не шли?

Нольде. Нет, когда был Лазаркевич, он говорил, что деньги будут итти в централизованном порядке от «Промпартии» по отраслевым организациям. Мы в последний раз получили большую сумму денег и при распределении денег из центра мы ничего не получили.

Крыленко. Почему?

Нольде. Потому что мы получили в 1928 г. 40 тыс. руб. и нам сказали, что этого с вас будет достаточно и на 1929 г. Поэтому нам больше не дали.

Крыленко. Это непосредственно в льняную вредительскую организацию?

Нольде. В льняную.

Крыленко. Кто конкретно вел переговоры с покупателями льна?

Нольде. Штуцер. Первоначально вел переговоры инженер Суздальцев, который был за границей, а в 1926 г. — Штуцер.

Крыленко. Традиция получения отчислений от продажи льна заграничным фирмам была еще с 1924 г.?

Нольде. Она была частично в 1924 г., но отчисления определенного характера начались с 1926 г.

Крыленко. Тогда вам давали время от времени, а теперь стали давать систематически?

Нольде. Да.

Крыленко. Теперь относительно установок в области льнопромышленности. Вы говорите, что льнопромышленность держалась в загоне по соображениям зависимости от иностранного хлопка?

Нольде. Да, и в зависимости от осложнений внешнего характера. Тогда хлопчатобумажная промышленность оставалась бы без сырья, по джуту также, а на нем строилось все мешочное производство, и льнопромышленность оставалась в тех же размерах потому, что расширить не могли, т. к. работали уже в две — три смены.

Крыленко. По поводу этих связей за границей, в частности с торговопромышленниками и с правительственными сферами или с правящими кругами французской буржуазии, — в этой области вам были известны пути, через которые проходили связи? Тут упоминались некие имена в виде г. К. и г. Р.

Нольде. Здесь в Москве.

Председатель. Я вас должен предупредить, что если имеете в виду называть какие-либо учреждения иностранных государств, находящихся на территории Союза, или лиц, работающих в этих учреждениях, то полные имена называть нельзя.

Крыленко. Вам ничего не было известно?

Нольде. Когда Лазаркевич приезжал в 1928 г., то, уезжая, сказал, что им здесь установлена связь как раз с этим г. К..., при чем он сказал, что, если понадобится посылать письма, материалы или еще что-нибудь, можно будет направлять их на имя этого гражданина для Суздальцева?

Крыленко. Почему для Суздальцева?

Нольде. Потому что он больше его знал.

Он прислал действительно одно письмо Штуцеру и тот принес его мне, потому что оно относилось ко мне. Второе письмо было прислано мне непосредственно от этого гражданина. Принес его посланный.

Крыленко. Вам лично?

Нольде. Да. Со ссылкой на этого человека.

Крыленко. И вы его отправили?

Нольде. Я письмо получил, так как написано было карандашом, что оно ко мне. Это было письмо от Лазаркевича.

Крыленко. Письмо от Лазаркевича, пересланное через это лицо?

Нольде. Да.

Крыленко. А не то, что вы сами служили передаточным пунктом от К...?

Нольде. Нет, нет.

Крыленко. Это разница. Один раз был такой случай?

Нольде. Один раз это было в конце, примерно, осенью 1929 г.

Крыленко. Еще о каких связях вам известно по заседаниям или, вернее, совещаниям текстильной группы, которые у вас происходили? Вам рассказывал о результатах поездки, скажем, подсудимый Федотов и что он вам рассказывал?

Нольде. Мы два раза слушали его рассказ. В первый раз о его личной поездке, когда он ездил в 1928 г., и во второй раз он передал нам результаты, вернее, не результаты, а суть сообщения проф. Рамзина, которое, кажется, он делал ему в центральной организации и которое им было передано в нашей небольшой группе.

Крыленко. И еще — это будет последний вопрос из этой серии — в конце уже, в последний период у вас было распределение конкретных заданий вашей группе, задачий, связанных с вопросами подготовки интервенции?

Нольде. В нашей льняной группе? Нет, конкретных точных заданий не было, потому что большая часть этих заданий, видимо, шла через синдикат, через плановый отдел, а затем попадала, соответственно, уже к льнянщикам.

Крыленко. Я говорю о вопросах, связанных с интервенцией, а не только о подготовке общего кризиса. Я говорю о конкретной помощи интервенции.

Нольде. Только были разговоры об этом и о том, что каждая организация должна обдумать эти вопросы и наметить те меры, которые могла бы принять, но так как в нашей отрасли специальных мер каких-нибудь принять нельзя...

Крыленко. ...например, палаточное производство к вам имело отношение?

Нольде. Я боюсь сейчас сказать, какое полотно, льняное или бумажное будет использовывызаться для палаток. В ту войну было бумажное полотно.

Крыленко. Я тоже не знаю, я не специалист.

Нольде. Я боюсь сказать. Если оно вырабатывалось у нас, — это должно было так или иначе отразиться.

Крыленко. Вы конкретных заданий по вашей группе не получали?

Нольде. Конкретных совсем не получал.

Крыленко. Только общие задания по подготовке?

Нольде. Да, как и для всех.

Крыленко. У меня пока по этой отрасли вопросов нет.

Председатель. У защиты имеются вопросы? (Нет).

У подсудимых есть вопросы к свидетелю Нольде? (Нет).

Тов. комендант, свидетель Нольде может быть уведен.

Крыленко. Можно в связи с вопросами, которые задавались свидетелю, задать несколько вопросов Рамзину?

Председатель. Пожалуйста. Подсудимый Рамзин.

Крыленко. Подсудимый Рамзин, вам что-нибудь было известно о связи центральной организации «Промпартии» с вредительством по линии Техсовета и строительства, в частности фабрик текстильной промышленности, например, о Сироцинском?

Рамзин. Я лично с этой группой сам связи не имел и сведений по этому поводу тоже не имел.

Крыленко. Не знали и о Кузнецове, Клевезале?

Рамзин. Нет, нет. Возможно, что здесь связи были по линии госплановской организации, потому что строительная организация в Госплане была, но я лично об этих связях совершенно не могу сказать.

Крыленко. Значит вы не знали о связях, которые могли быть, в частности, в связи с вопросами подготовки интервенции, по строительству фабрик?

Рамзин. Нет, по строительству фабрик я не знал ничего.

Крыленко. Имена Ноа, Клевезаль, Сироцинский вам не были известны?

Рамзин. Я только хотел в связи с этим сделать возражение против сообщения Федотова. Он, повидимому, забыл, указав на меня, как на лицо, через которое была передана директива относительно постройки фабрик в Белоруссии. Я об этой директиве узнал только из материалов следствия, а до этого ничего не знал.

Подсудимый Федотов вынужден сдать свои позиции

Крыленко (к Федотову). Вам известно что-нибудь относительно Клевезаля, Кузнецова, Сироцинского?

Федотов. Нет, я знал, что наши проекты проходят через Техсовет, и что Кирпотенко и Кольцов пользуются там определенным влиянием. Но Техсовет — организация очень широкая, и мы там принимали участие только тогда, когда там проходили наши проекты. Нужно обратить внимание на то, что наши проекты проходили только до 1927 г., потому что в 1928 г. стройки прекратились, так что связь с Техсоветом была нарушена. Я не знаю, насколько Кольцов и Кирпотенко бывали там в 1928 и 1929 гг.

Крыленко. Кирпотенко определенным

образом говорил относительно Сироцинского и его вредительской работы в области строительства.

Федотов. Я слышал. Мне это известно не было. Я слыхал, что Сироцинский член вредительской организации. Это я узнал от Кирпотенко и от Кольцова.

Крыленко. Вы знали, что Кольцов — член вредительской организации?

Федотов. Это я знал, он был членом с самого начала.

Крыленко. По какой отрасли?

Федотов. По строительству.

Крыленко. От Кольцова вы узнали о Сироцинском?

Федотов. Да.

Крыленко. Теперь мы выяснили, что эти «канатчиковые» проекты в 9 метров являлись вредительскими, разработанными в недрах Наркомтруда.

Федотов. Я не знал, что Сироцинский служил когда-либо в Наркомтруде. Я услышал о Сироцинском тогда, когда его, по выражению Кирпотенко, переманили в Технический совет. А мое впечатление было такое, что все нормы были выработаны теоретически, главным образом, с точки зрения врачебной санитарии. Я не знал, что они вредительского характера. Я думал, что они вредительского характера постольку, поскольку всякого рода теоретические подходы дают нормы, которые в конце концов являются вредительскими.

Крыленко. Так что вы о сознательной вредительской работе Наркомтруда в этом отношении не знали?

Федотов. Нет.

Крыленко. А со времени вступления Сироцинского в Техсовет знали, что он вредитель?

Федотов. Да.

Крыленко. А Кольцова как вредителя вы знали давно?

Федотов. Он вошел в основную группу в 1925 г.

Крыленко. А Кольцов не работал в Наркомтруде?

Федотов. Нет, он текстильщик.

Крыленко. Относительно того, что вообще существовала специальная отраслевая группа вредителей в области строителей, об этом вы тоже не знали?

Федотов. Нет.

Крыленко. Вот эта группа Клевезаль и другие?

Федотов. Я слышал. Я не знал только точно. Я полагал, что мы имели через Кольцова и Кирпотенко влияние на эту группу и что там давали деньги для этих целей.

Крыленко. Это вы знали от кого?

Федотов. От Кольцова.

Крыленко. Значит вы знали, что в Техническом совете в строительной отрасли есть вредительская группа — от Кольцова?

Федотов. Я знал о Сироцинском.

Крыленко. О Сироцинском вы знали ли, и что деньги получали, вы знали?

Федотов. Да.

Крыленко. Значит вы продолжаете утверждать, что о наличии специальной вредительской организации из поименованных мною имен, названных уже дважды — Клевезаль, Ноа, Сироцинский, Кузнецов, — вы не знали?

Федотов. Я не слышал ничего о Ноа, но я слышал о том, что, кажется, Клевезаль и Кузнецов также принадлежат к вредительской организации.

Крыленко. А связи с ними вы не имели?

Федотов. Мы с ними связи не имели.

Крыленко. И вы лично не имели?

Федотов. Я во всяком случае не имел, потому что это шло по другой линии.

Крыленко. Хорошо. Скажите, мы вернемся к спору, который у нас был до перерыва, вы будете продолжать утверждать, что ваша точка зрения на необходимость постройки фабрик-дворцов и на необходимость сохранения оборудования английского типа, а также выступление в печати Державина и ваше, что это не было согласованными вредительскими действиями?

Федотов. Как же так? Я все время говорил, что это есть, что с точки зрения... Простите, я же сразу сказал, что это была директива нашей группы.

Крыленко. Это вы говорите по вопросу о больших дворцах, а мы с вами спорили по вопросу о машинах.

Федотов. И о машинах то же самое. Я говорил, что вопрос может быть спорный теоретически...

Крыленко. Я ставлю только в связь установленное.

Федотов. Я признаю, что это было вредительское дело.

Крыленко. И вы указывали, что одним из мотивов были те формы заинтересованности, о которых мы говорили?

Федотов. Да, да. Я сразу сказал, что это есть вредительство и в смысле постройки коробок и в смысле постройки и направления машиностроения.

Крыленко. У меня нет больше вопросов.

Федотов. Я удивляюсь. Мы с вами конечно спорили, я думал, что это теоретический спор.

Крыленко. Я в вопросах теории не компетентен.

Федотов. Я в данном случае не более вас компетентен, потому что это вопрос только экономический.

Председатель. Подсудимый Федотов, вопрос шел о вашей статье, где вы защищали мысль о фабриках-дворцах. Вот этот вопрос ставился. И что же вы в конечном итоге по этому поводу можете сейчас сказать? Что вы эту статью писали, защищая мысль о фабриках-дворцах, под влиянием общей директивы?

Федотов. Под влиянием общей директивы, данной нам, во-первых, и в ЦК— это, положим, было раньше, вернее, из «Союза инженерных организаций», а затем это была мысль, которая еще раньше была разработана в нашей текстильной организации и была принята как руководство, так что я и Державин мы писали эти статьи по указке, под влиянием.

Председатель. Под влиянием определенных установок, данных во вредительских целях?

Федотов. Да.

Председатель. Так и надо понимать.

Федотов. Я дал следователю список статей, которые были написаны в этом направлении. Там эта статья имеется.

Председатель. Вопросов к подсудимому больше нет? Садитесь. Об'является перерыв до 11 часов завтрашнего дня.

---

2 декабря

Утреннее заседание

Председатель. Заседание Специального присутствия Верховного суда Союза ССР возобновляется.

Тов. комендант, пригласите свидетеля Сироцинского.

Крыленко. Может быть раньше Куприянова?

Председатель. Вы хотите раньше Куприянова? Подсудимый Куприянов.

О вредительской группе в Наркомтруде

Крыленко. Гр. Куприянов, я начну с сравнительно незначительного инцидента, который разбирался вчера, относительно разговора с Кирпотенко и относительно кандидатуры Ситнина. Вы полагаете или утверждаете, что инициатива этого разговора исходила от Кирпотенко?

Куприянов. Да, так мне помнится, что ко мне пришел Кольцов и мы пошли по поводу одного проекта к Кирпотенко, и тут он передал как предположение, что он слышал, что намечается такое изменение в возглавлении нашей организации, что после возвращения из-за границы Федотова замечается недовольство его работой.

Крыленко. Это мы слышали. А вот по вопросу инициативы вы утверждаете, что она исходила от Кирпотенко?

Куприянов. Это мне так кажется.

Крыленко. И вам сейчас так кажется?

Куприянов. Такое впечатление у меня осталось. Нас было трое.

Крыленко. Вам всегда так казалось?

Куприянов. Да.

Крыленко. И так вы и раньше говорили?

Куприянов. Да.

Крыленко. Допустим. Скажите более точно, что вам известно относительно связи с торгово-промышленными сферами задолго даже до образования группы Лопатина. Может быть, вы не знали в то время, а узнали кое о чем потом?

Куприянов. Я уже давал свои показания, что до 1924 г. меня в Москве не было, поэтому могу передать то, что слышал после приезда в Москву в 1924 г.

Крыленко. Конечно.

Куприянов. Я слышал от Лопатина и др. бывших членов правления т-ва Коновалова, главным образом от Авилова...

Крыленко. Я не хочу, чтобы вы рассказывали о том, чего не могли знать до 1924 года. Но вы встречались после этого с Нольде, Лопатиным и др. лицами, и они могли вам сообщить о связях с другими лицами.

Куприянов. Я слышал.

Крыленко. От Суздальцева вы ничего не слышали?

Куприянов. Нет, я его до этого не знал. Он льнянщик.

Крыленко. С какого времени вы его знаете?

Куприянов. Не встречался с ним до 1926 года.

Крыленко. А после 1926 г.?

Куприянов. После 1926 года у нас с ним разговора чисто вредительского характера не было. Он льнянщик, а я хлопчатобумажник.

Крыленко. О его связях вы не знаете?

Куприянов. Я слышал о его связях от Нольде и Ангина.

Крыленко. Какого характера были связи и с кем?

Куприянов. Он был связан с Штуцером. Потом он был представителем Льноцентра по экспорту льна и у него были связи с Третьяковым и Рябушинским.

Крыленко. Какого характера были эти связи в те времена, если вам известно?

Куприянов. Я слышал, что когда продавался экспортный товар, экспортный лен, то часть или один процент, как я приблизительно слышал, от этой продажной суммы шел в пользу «Торгпрома», и через него деньги шли вредительской организации.

Крыленко. О распределении этих сумм до связи с «Торгпромом» и до распреде-

ления в централизованном порядке, о чем показывал Нольде, вам было известно?

Куприянов. Я знаю, что суммы были, но о распределении не знаю. Знаю, что эти суммы поступали к Нольде.

Крыленко. У вашей группы кто распределял деньги?

Куприянов. Федотов.

Крыленко. Это в последнее время, а раньше?

Куприянов. Лопатин.

Крыленко. А по хлопчатобумажной?

Куприянов. Нольде.

Крыленко. Вы что-нибудь по поводу Сироцинского знаете?

Куприянов. Знаю. По всей строительной части экспертизу и заключение давал технический совет, а в техническом совете, знаю, была такая ячейка, в которую входили и Сироцинский, и, как я слышал от Кирпотенко, Кольцов, который имел связь с Наркомтрудом и техническим советом. Сам Сироцинский участвовал в выработке тех правил и строительных норм, которые первоначально начали проводиться. Он был сначала в Наркомтруде у Кудрявцева, а потом, когда организовался технический совет, Клевезаль пригласил его к себе в технический совет.

Крыленко. О прямой связи этой группы Сироцинского с «Промпартией» вы не знали?

Куприянов. Я знал.

Крыленко. Через кого шла эта связь? Укажите точно связь группы Сироцинского, Клевезаля и других с вашей группой.

Куприянов. Кирпотенко, Нольде—с нашей стороны, а там были Клевезаль, Сироцинский и Кузнецов.

Крыленко. Хорошо. Вы назвали имена. Но с кем конкретно была эта связь зашей группы?

Куприянов. С Клевезалем и Кузнецовым главным образом.

Крыленко. Кто, например, говорил с Кузнецовым или Клевезалем?

Куприянов. С Клевезалем говорили Кирпотенко и Кольцов.

Крыленко. А потом об этом Кирпотенко передавал вам?

Куприянов. Да.

Крыленко. Значит, можно с ваших слов совершенно точно установить, что вредительская работа этих трех лиц — Клевезаля, Сироцинского и Кузнецова — связывалась с вашей работой через Кирпотенко и Кольцова?

Куприянов. Да.

Крыленко. Теперь мы подойдем очень внимательно к этому моменту, ибо он очень и очень важен. Значит, Кирпотенко и Кольцов установили связь вашей группы с группой Клевезаля, Кузнецова и Сироцинского? (Куприянов: «Да»). Какого характера эта связь была, на почве какой именно вредительской работы: только ли по строительству, только ли по выработке строительных проектов громадных фабрик, выработке обязательных постановлений Наркомтруда, задержке вообще проектов машиностроения, вредительству в высшем техническом совете или еще в какой-нибудь области?

Куприянов. Что касается нашей текстильной промышленности, то вредительство в ней выражалось только в этой части, потому что фабрики наши строились в Центральном районе, и больше никаких заданий тут не было, но я слышал, что в других отраслях промышленности было вредительство другого рода, т.-е. там предусматривалась интервенция?

Крыленко. А именно?

Куприянов. Я слышал, что в лесной и, кажется, нефтяной промышленности строились такие помещения, создавались такие постройки, которые потом могли быть использованы для военных целей.

Крыленко. А именно?

Куприянов. Для аэропланов и для установки тяжелых рудий.

Крыленко. Откуда вам это было известно?

Куприянов. Это я слышал именно от Кирпотенко, а он это слышал от Сироцинского. Сам я не был в техническом совете, никогда туда не ходил.

Крыленко. Я и не думаю, чтобы об этом разговаривали в техническом совете. Вы слышали от Кирпотенко и Сироцинского что помимо вредительских целей в смысле затраты капитала вредительство осуществлялось еще в форме такой «своеобразной» постройки фабрик?

Куприянов. Да.

Крыленко. И не только фабрик?

Куприянов. Не только фабрик.

Крыленко. Вы это только слышали или вы это знали?

Куприянов. Нет, я это только слышал.

Крыленко. Значит, получается, что о вредительстве какого-то особого рода, которое проводилось центром, вы только слышали?

Куприянов. Я в ЦК не участвовал.

Крыленко. Но стояли достаточно близко. Мы потом спросим и остальных. Значит, вы только слышали?

Куприянов. Т.-е. это передавалось как факт.

Крыленко. А может быть руководящий центр не только слышал и знал как факт, но...

Куприянов. Раз по текстильной промышленности были задания построить фабрики на окраинах, чтобы потом в целях интервенции их использовать по тому назначению, по которому они могли быть использованы, — ясное дело, что эта же директива была дана и по другим отраслям промышленности.

Крыленко. Ясно, на то он и руководящий центр.

Куприянов. Во исполнение этой директивы я слышал только о нефтяной и лесной.

Крыленко. Позвольте, вы слышали о текстильной, о лесной, о нефтяной?

Куприянов. Да.

Крыленко. Вы слышали о том или, как вы раньше сказали, вы знали о том, что там прорабатывались специальные вопросы вредительской работы, которая выражалась в постройке соответствующих сооружений, могущих пригодиться на случай интервенции?

Куприянов. Да.

Крыленко. Эту работу кто осуществлял?

Куприянов. Технический совет был в курсе всего, но велась отраслевая работа.

Крыленко. А в техническом совете кто? — Клевезаль, Кузнецов, Сироцинский, Кольцов и Кирпотенко?

Куприянов. Да, Кирпотенко от текстильной промышленности.

Крыленко. А ЦК «Промпартии» об этом знал?

Куприянов. Несомненно, если я знал, то знал и Федотов, как член ЦК, и через него знали и остальные.

Крыленко. Знали?

Куприянов. Я полагаю.

Вредители-ирригаторы

Крыленко. Мы потом спросим и остальных, а теперь пойдем дальше: скажите, пожалуйста, — это в области текстильной промышленности, а о работе Ризенкампфа вы не знали?

Куприянов. Слыхал.

Крыленко. А что вы слыхали?

Куприянов. Что он член ЦК, а затем — что у него составлен преувеличенный план ирригационных работ.

Крыленко. Он был в руководящей группе?

Куприянов. Он, по-моему, входил в состав этой группы.

Крыленко. Это вам известно?

Куприянов. Я слыхал эту фамилию.

Крыленко. От кого?

Куприянов. Я слыхал и от Федотова и, думаю, что и от Рамзина.

Крыленко. Фамилию Кенига тоже слышали?

Куприянов. В связи с Ризенкампфом слышал и фамилию Кенига.

Крыленко. А про Цейдлера, Михайленко, Спарро слыхали?

Куприянов. Слышал, что это работники по ирригации.

Крыленко. Значит, вы слышали, что ведется задержка ирригационных работ?

Куприянов. Да, это в связи с текстильной промышленностью—ирригация хлопковых плантаций.

Крыленко. В связи с текстильной промышленностью — это еще интереснее — значит, вы еще ближе стояли. Где эта ирригация проводилась?

Куприянов. В Средней Азии и на Кавказе.

Крыленко. Средняя Азия и Кавказ — это далеко от границы, а ближе к границе?

Куприянов. Не слыхал.

Крыленко. Значит, из того, что ближе к границе, вы знаете только о постройке фабрик?

Куприянов. Да, о постройке фабрик в Белоруссии, чтобы в случае интервенции эти фабрики выбыли из строя и могли быть употреблены или как склады или как базы.

Крыленко. Следовательно, вам нужно было строить текстильные фабрики в границах Белоруссии на тот предмет, чтобы, во-первых, эти фабрики, как снабжающие фабрики, выбыли из строя, во-вторых, — поскольку интервенция имела целью отторжение, — чтобы они отошли тем, кому надлежит, и, в-третьих, чтобы эти фабрики могли быть использованы еще в определенных целях.

Теперь скажите, в чем выражалась ваша работа вредительского порядка в текстильной промышленности? Насколько спускались ваши сведения по периферийному строению вредительской организации?

Куприянов. Наша группа ограничивалась районом Москвы, потому что было плановое вредительство, и в периферию не спускалась, тем более, что это было очень рискованно и опасно. Мы утратили связь с периферией. Работники там большей частью изменялись и нам были неизвестны. Эта группа, конечно, должна быть мне известна.

Крыленко. Например, Давыдова вы знали?

Куприянов. Фамилии такой не помню.

Крыленко. А Воронцова знали?

Куприянов. Он, собственно, в нашу организацию не входил.

Это был торговый представитель Ивановского треста.

Крыленко. Вы знали, состоит ли он во вредительской организации?

Куприянов. Не знал.

Крыленко. Вы слышали, какие разговоры шли о заведующих отдельными трестами?

Взяточничество среди инженеров

Куприянов. Я не знал, но тем не менее слышал, что в некоторых трестах, особенно во время нэпа, существовало взяточничество.

Крыленко. Взяточничество такого типа, о котором говорил Ситнин?

Куприянов. Я не знал персонально Воронцова, но всегда упоминалась его фамилия в связи с Ивановским трестом.

Крыленко. Что же, взяточничество — это общее явление среди инженерства?

Куприянов. Воронцов не инженер.

Крыленко. А вообще среди инженерства это явление очень распространено?

Куприянов. Нет, не распространено.

Крыленко. Мы имеем это явление по английской фабрике, по приемке и продаже хлопка. Лопатин — взяточник, Ангин — тоже, Штуцер — тоже, Суздаль-

цев — тоже. Как кто-нибудь входит в какое-нибудь соприкосновение с фабриками, с заграницей, то обязательно взяточник. Это—бытовое явление в этой среде?

Куприянов. Я бы сказал, в последнее время — да.

Крыленко. Почему в последнее время? А раньше?

Куприянов. Это было не всегда.

Крыленко. Значит, выходит так, что при старом порядке, при капиталистическом режиме инженеры совестились брать взятки, а при советском режиме считают это в порядке вещей?

Куприянов. Я бы сказал так, что при прежнем режиме трудно было получать, потому что хозяин сам близко стоял к финансовым делам.

Крыленко. Значит, не потому, что совестились, а просто трудно было взять?

Куприянов. Одним словом, этого явления не было.

Крыленко. Значит, это явление нового порядка? Теперь ответьте на вопрос относительно вашей работы вредительского характера.

Методы вредительства в текстильной промышленности

Куприянов. На моей обязанности было составление годового плана производственной части. В составлении пятилетки я не участвовал. Пятилетку составлял специальный отдел — планово-экономическое управление ВТС, во главе которого в последнее время стоял Лебедев. Первую пятилетку, как я в прошлый раз показал, составлял Лопатин. Моей обязанностью было назначать технические показатели и составить в производственной части годовой план. При этом я должен сказать, что в смысле технических показателей никакого вредительства не было и быть не могло, потому что фабрики и тресты были уже настолько грамотны, что разбирались в этом, и даже хозяйственники разбирались, и трудно было что-нибудь сделать. Вредительство это было в последние годы в разрыве с сырьем. Первый разрыв получился в 1928 г. Тут фабрикам пришлось простоять некоторое время. Одни фабрики стояли 3 дня, другие—5 дней.

Крыленко. Значит, простой фабрик в 1928 г. был результатом вредительской работы?

Куприянов. Не то, что результатом, но мы знали, что такое количество хлопка, которое было намечено Главхлопкомом по союзному хлопку, получить трудно и нельзя получить, но ту цифру, которую нам дало планово-экономическое управление ВСНХ и планово-экономическое управление ВТС, я принял без критики и вел ее как реальную цифру.

Председатель. А почему вы ее приняли без критики?

Куприянов. Я не мог ее критиковать, критиковал наш сырьевой отдел.

Председатель. А кто там был?

Куприянов. Там был Капцов.

Председатель. Тоже член организации?

Куприянов. Да.

Председатель. Критика тоже была в руках вредительских организаций?

Куприянов. Критика главным образом была в ВСНХ.

Председатель. А там кто был?

Куприянов. Там был Соколовский?

Председатель. Тоже член организации?

Куприянов. Он — член другой организации.

Председатель. Но все равно контрреволюционной организации?

Куприянов. Да.

Председатель. Значит, критика, куда ни кинь, везде была во вредительском освещении, и вы это знали?

Куприянов. Знал.

Председатель. И поэтому не критиковали?

Куприянов. Да, не критиковал. Это было в 1928—1929 г. Когда наступило время создавать годовой план на 1929—1930 г., то урожай союзного хлопка был определен в 19 млн. пуд.

Председатель. Этот вопрос уже освещен.

Крыленко. О порядке разрыва мы знаем. Второй метод был в подготовке ассортимента и в рассылке его?

Куприянов. Ассортимент никогда не удовлетворял рынка, т. е. за все это время, и в 1927 г., когда ассортимент стал централизоваться в ВТС и все товары должен был получать ВТС и давать главным образом кооперации, мы столкнулись с этим делом. Разрыв был, разрыв этот всем нам был известен, и мы не принимали никаких мер, но разрыв этот один синдикат, конечно, не мог провести, и ассортимент этот согласовывался с Центросоюзом и с Наркомторгом. Спор был чисто формальный. В результате и Центросоюз и Наркомторг принимали наш ассортимент с маленькими поправками, он заведомо не вполне отвечал потребностям рынка. Со стороны Центросоюза участвовал главным образом Лапин, а со стороны Наркомторга, — я лично не ходил в Наркомторг, но туда ходил согласовывать Гайдамович.

Щупальцы «Промпартии» проникли в Центросоюз и Наркомторг

Крыленко. Значит, можно установить факт, что в таких органах, как Наркомторг и Центросоюз, вредителей-инженеров не было?

Куприянов. Там инженеров не было.

Крыленко. Там были вредители не инженеры?

Куприянов. Товароведы.

Крыленко. Может быть бухгалтеры?

Куприянов. Плановики.

Крыленко. Одним словом, ваша организация здесь распространилась не только на чисто-инженерные круги, но так-

же вообще на разного рода специалистов в смысле технических знаний?

Куприянов. Да.

Крыленко. Но та квалифицированная в техническом отношении верхушка—экономисты и товароведы — с банковедами не имела дела?

Куприянов. Главным образом, экономисты и товароведы.

Крыленко. В частности связь в ВСНХ была с экономистами Гинсбургом, Соколовским и другими?

Куприянов. У нас были другие лица, но связь была несомненно.

Крыленко. А щупальцы в этой области тоже были от ЦК «Промпартии»?

Куприянов. Не понимаю.

Крыленко. Вот в группе, скажем, Наркомторга по вопросу о хлопке?

Куприянов. Безусловно. Связь с Наркомторгом лежала на трех лицах: Гайдамовиче, Иоффе и Четверикове. Они согласовывали ассортимент. Тут говорили относительно того, что я принимал участие в рассылке товара. Текстильный синдикат этим делом не занимался. Это дело Наркомторга и Центросоюза, а связь у нас была через названных лиц. Делом этим заведывали: Гайдамович, Иоффе и Четвериков. Все сношения с Наркомторгом велись через этих лиц. Я знаю, что в Наркомторге и Центросоюзе были лица, которые принадлежали не к нашей, а к другой вредительской организации, и в этом отношении было соглашение.

Крыленко. И в торгпредстве, в агентуре были свои лица, например, Штуцер и Лазаркевич?

Куприянов. Да, это по льняной промышленности.

Председатель. У защиты имеются вопросы? Тов. Оцеп.

Оцеп. Скажите, пожалуйста, Куприянов если вам известно, сколько, примерно, человек в текстильной организации получали взятку или так называемый куртаж — двое-трое, или, пользуясь заявлением государственного обвинителя, большее количество?

Куприянов. Конечно, не двое или трое. Если двое-трое и получали деньги, то распределялись они между большим количеством членов. Так или иначе все члены получали.

Оцеп. Теперь скажите, пожалуйста, кто получал по должности от высшей до низшей, от Федотова и кончая кем? Меня интересует не персонально, а по должности.

Куприянов. От Федотова, который прорабатывал вопросы стандарта, до инженеров, которые занимали самые обыкновенные места.

Оцеп. Но вы не можете указать примерное количество, скажем, их было 15 или больше?

Куприянов. Я думаю, больше.

Оцеп. Человек 20—25?

Куприянов. Я могу сказать только по хлопчатобумажной промышленности, а по льняной и шерстяной не могу сказать. Во всяком случае, больше.

Председатель. У защиты больше нет вопросов? (Н е т). У подсудимых имеются вопросы к подсудимому Куприянову? (Н е т). Подсудимый Куприянов, можете сесть.

Крыленко. Относительно порядка ведения заседания. Допрос свидетеля Сироцинского теснейшим образом связан с вопросами, которые мы сейчас разбирали, но тем не менее этот допрос или факты, которые мы сейчас затрагивали, будут несколько нарушать принятый порядок. Может быть, суд согласится со следующим предложением: считать вопросы вредительства вне связи с интервенцией законченными, если не будет возражений со стороны защиты. Сейчас подвергнуть исследованию, согласно принятому плану, вопросы вредительской работы в связи с интервенцией. Сюда войдут вопросы создания кризисов в специальных целях в 1930 г., во-вторых, вопросы сношения французской агентуры и действия по всем трем разделам, которые были установлены в Париже Рамзиным, — по шпионажу, диверсии и военной организации. По всем этим моментам допросить и Сироцинского и других свидетелей.

Председатель. Ваше предложение мы поняли таким образом, что у обвинения к остальным подсудимым — Ситнину и Очкину — вопросов в связи с вредительством нет.

Брауде. Мы не возражаем против предлагаемого порядка.

Председатель. Специальное присутствие Верховного суда Союза ССР о п р е д е л я е т:

Считать вопросы, связанные с конкретными фактами вредительства, достаточно выясненными и в дальнейшем принять тот порядок, который был предложен сейчас государственным обвинением, и в этом порядке допросить свидетелей. Что касается допроса подсудимых, то его вести дальше в той мере, в какой это будет связано с указанными выше вопросами.

Порядок реализации «векселей»

Председатель. Подсудимый Рамзин.

Крыленко. Мы с вами беседовали по вопросу о тех условиях, которые ставили вам в Париже Жуанвиль и Ришар, и о тех условиях, которые ставили им вы. Период конца 1928 г. и конца 1930 г.— это период реализации обеими сторонами выданных векселей. Вот мы сейчас рассмотрим порядок реализации этих векселей. Мы определили и согласились с вами в том, что четыре категории векселей были выданы вами — шпионаж, диверсия, изменническая работа в Красной армии, кризис в 1930 г. Эти векселя были

выданы вами «Торгпрому». В свою очередь вам были обещаны соответствующие векселя со стороны «Торгпрома» — деньги и со стороны военных кругов — генерального штаба Франции. По первому векселю, выданному «Торгпрому», конкретно ЦК «Промпартии» сделал что-нибудь или не сделал, и в какой мере ЦК «Промпартии» разделял убеждение или высказанное здесь заявление Осадчего о том, что он был вынужден в 1930 г. специально делегировать вас и Осадчего для заявления «Торгпрому», что по этому векселю обещание не сдержано или сдержано не в полной мере? Сперва по этой части.

Сделали, что могли

Рамзин. Поездка в Берлин в 1930 г. не носила характера специальной делегации для того, чтобы об'яснить «Торгпрому» неисполнение обязательств «Промпартии» по тем обещаниям, которые она дала. Эта поездка имела цель путем личного свидания уточнить обстановку и выяснить дальнейшие шаги.

Теперь, что касается выполнения тех обещаний или тех заданий, которые были возложены на «Промпартию», то здесь дело обстоит таким образом. Работа по подготовке внутреннего кризиса была продвинута, и на результатах этой работы, я думаю, сейчас останавливаться не следует.

Крыленко. По подготовке чего?

Рамзин. По подготовке внутреннего кризиса экономического.

Крыленко. Мне важно установить — подробности не нужны — в области топливоснабжения было ли создано в определенной степени напряженное положение или нет?

Рамзин. Тогда позвольте перечислить конкретно.

В области топливоснабжения, как я писал в своих показаниях и говорил здесь, задание было выполнено: в случае начала военных действий топливная катастрофа, особенно при наличии диверсионных актов по линии Москва — Донбасс, была бы неизбежна.

Такое же положение было и по металлу, т. е. опять-таки здесь был главный расчет на диверсионные акты по линии перерыва сообщения между Москвой и Донбассом.

Крыленко. Это потом.

Рамзин. Но это одно из звеньев. По металлу была создана дефицитность, и металла нехватало для покрытия нормальных потребностей.

Крыленко. Хорошо, но эта нехватка — являлась ли она все же в полной мере реализацией того, что вы обещали?

Рамзин. Нет, но оценка степени этого кризиса может быть в значительной степени суб'ективной. Во всяком случае, в области металла положение было весьма напряженное, и в случае начала военных действий...

Крыленко. Опять «в случае»?

Рамзин. ... и прекращения доставки металла из Донбасса в Москву, металлический кризис разразился бы в полной мере.

Крыленко. Это опять-таки «если бы было». А в области энергетики?

Рамзин. В области энергетики я опять должен повторить, что кризис в основных пунктах имелся, и катастрофа в области энергетики опять-таки должна была вызываться совершением специальных диверсионных актов.

Крыленко. На чем же основывалось утверждение Осадчего? Было ли это суб'ективным мнением его или это было реальностью?

Рамзин. Нет, утверждение Осадчего нисколько не противоречит действительному положению дела и моему личному взгляду на этот вопрос, а также и всего ЦК «Промпартии», что возможность топливной катастрофы, перерыва электроснабжения несомненна, но целый ряд заданий, которые ставились во главу угла при подготовке к интервенции, в той мере, которая требовалась, не был проведен. Во-первых, не была полностью развернута диверсионная организация и совершенно не была создана военная организация в тех формах, как этого требовал генеральный штаб.

Крыленко. Мне важно установить: мнение Осадчего в этой области, являлось ли оно мнением ЦК «Промпартии» или нет?

Рамзин. Мнение Осадчего, которое он высказывал здесь, на суде, — потому что я только в первый раз здесь его слышал, — совпало с мнением ЦК «Промпартии» в этом направлении, что военная подготовка не была выполнена в той мере, как этого ожидали, но, во всяком случае, то, что могла сделать в этом направлении «Промпартия», она сделала. Что касается специальной подготовки к моменту интервенции, а именно изменнических действий, диверсионной деятельности, — эта часть как раз не была подготовлена в той мере, как ожидал генеральный штаб.

Крыленко. А чем же об'ясняется тогда резкое недовольство, которое было высказано Денисовым?

Рамзин. Оно и шло по этой линии — по линии неподготовленности в области военных, диверсионных организаций. Я в своих показаниях говорил и писал, что мы получили в 1929 г., во второй половине, целый ряд писем от «Торгпрома» о том, чтобы ускорить всячески создание военных и диверсионных организаций. В личных беседах с агентами французской службы разговор постоянно касался того, что эта работа идет недостаточно сильно и быстро.

Архива не завели

Крыленко. Вы говорите: «в целом ряде писем».

Рамзин. Да.

Крыленко. А эти письма уничтожались?

Рамзин. Ну, конечно.

Председатель. А эти письма от кого к кому?

Рамзин. От «Торгпрома»...

Председатель. Что значит от «Торгпрома»?

Рамзин. Переписка происходила не между лицами, а между организациями.

Председатель. Кто писал эти письма?

Рамзин. Я говорю — письма от «Торгпрома» в ЦК «Промпартии» и обратно — от ЦК «Промпартии» в «Торгпром». От «Торгпрома» писали или Денисов, или Третьяков, или Нобель. Отсюда, когда я писал, я подписывался. Обычно письменные сношения велись мною лично.

Крыленко. Значит, письма уничтожались?

Рамзин. То, что мы получали, уничтожалось.

Крыленко. Жаль.

Рамзин. А где же было такой архив держать?..

Крыленко. Это уж ваше дело.

Мне важно все-таки установить вот это сообщение, о котором в такой категорической форме показывал Осадчий, было ли это его личное мнение, или и убеждение ЦК. Ведь надо считать так, что ЦК мог знать одно, говорить — другое.

Период «разочарования»

Рамзин. В целом ряде показаний членов ЦК и моих собственных вы слышали, что ЦК «Промпартии» к лету 1930 г. окончательно убедился, что та работа, которую он вел, не дает полностью тех результатов, на которые рассчитывала «Промпартия» в области создания катастроф, экономических кризисов, в области создания недовольства в широких массах населения. Все эти ожидания осуществились.

Крыленко. Вы говорите о четвертом периоде?

Рамзин. Да.

Крыленко. Этот четвертый период в чем выражался?

Рамзин. В наступлении известного разочарования и неуверенности в своих силах под влиянием двух причин: во-первых, что результаты той работы, которую вела «Промпартия», оказались ниже ожиданий в области главным образом создании недовольства среди широких и крестьянских масс и в области экономических результатов самой вредительской работы. И, во-вторых, соображения относительно дорогой стоимости интервенции и невозможности реализации ее в следующем году, поскольку она была отменена на 1930 г.

Это были расхолаживающие моменты, которые создали в рядах «Промпартии» неуверенность в ее позициях.

Крыленко. Вы говорили в своих первых показаниях и на предварительном следствии о том, что приблизительно в начале 1930 г. создалось своеобразное новое течение, как вы говорили, которое даже дискутировалось у вас в ЦК. В чем оно выражалось?

Рамзин. Это новое течение выражалось в том, что возросший аппетит интервенции в смысле территориального захвата, в смысле экономических потерь, в смысле утери политической самостоятельности, — это совершенно ясно к этому моменту выяснилось. У целого ряда членов «Промпартии» это возбудило определенную реакцию против интервенции, как таковой, т. е. они считали, что цена контрреволюционного переворота слишком дорога, и необходимо искать другие средства для его выполнения.

Крыленко. Эти соображения, конечно, дают вам определенную характеристику, — цена дорога, аппетит большой, зависимость получается и т. д. Ну, а более об'ективные, политического характера результаты вы отмечали? Например, отсутствие недовольства в той форме, которую вы ожидали со стороны рабочих масс?

Рамзин. Да.

Крыленко. Осадчий, в частности, говорил о надеждах, которые связывались с политикой ликвидации кулачества как класса, с теми политическими актами, которые имели место весной 1930 г. Осадчий говорил о статье тов. Сталина, об исправлении извращений линии партии в области коллективизации. Этот факт, о котором так подробно говорил Осадчий, вами учитывался как реальный факт?

Рамзин. Я об этом и говорил, что ожидания в смысле недовольства населения не оправдались. О причинах этого я могу сказать только то, что говорил Осадчий.

Крыленко. В результате было обсуждение этого вопроса?

Соединенное заседание «двух ЦК»

Рамзин. В 1930 г. было совместное заседание двух ЦК — ЦК «Промпартии» и ЦК «ТКП» — для оценки общего положения.

Крыленко. Это то совещание, где Гинсбург делал доклад о кон'юнктуре?

Рамзин. Нет, это не кон'юнктурное совещание. Это было заседание членов ЦК двух контрреволюционных организаций — «Промпартии» и «ТКП» — в начале 1930 г. Это совещание происходило у меня на квартире. Со стороны «ТКП» участвовали: Кондратьев, Макаров, Чаянов и, кажется, Громан. На этом совещании обсуждали то положение, которое создалось

к началу 1930 г., при чем все присутствовавшие на совещании единогласно пришли к выводу, что политическое и экономическое положение внутри страны, которое имеется к началу 1930 г., далеко не соответствует тем ожиданиям, которые обе партии возлагали в этом смысле на лето 1930 г., а именно: несмотря на то, что в это время еще полного выправления генеральной линии партии в деревне не было сделано, а оно только начиналось, но уже оценка положения в деревне, которую делали члены «ТКП», указывала на то, что их ожидания в смысле недовольства, мятежей, восстаний и т. д. не имеют под собой той базы, на которую они рассчитывали. С другой стороны, оценка положения в промышленности в смысле углубления экономических кризисов и на транспорте была тоже такая, что только специальными искусственными мероприятиями, в порядке диверсионных актов, можно было создать большие перебои, большие заминки в работе промышленности, но путем нормального развития кризиса этого достигнуть нельзя. В результате этого обсуждения пришли к выводу, что рассчитывать на внутренние волнения, мятежи, на которые делалась ставка при составлении плана интервенции 1930 г., невозможно, и этот фактор приходится скинуть со счетов.

Крыленко. В обвинительном заключении и в ваших показаниях указано, что обсуждался вопрос об организованном охвате тех террористических актов со стороны кулачества, которые имели место против низового сельского аппарата?

Рамзин. Да, это обсуждение было.

Крыленко. Окончательное обсуждение этого вопроса было отложено?

Рамзин. До весны.

Крыленко. Этот факт учитывался «Промпартией» и как он повлиял, во-первых, на надежды «Промпартии» на подготовительную работу и как он повлиял на ставку на интервенцию?

Рамзин. Я не совсем уловил ваш вопрос.

Крыленко. Вы показывали, что образовалось течение, которое говорило, что не стоит ли вообще отказаться от интервенции. Было ли такое течение и чем кончилась дискуссия по этому вопросу?

На внутренние силы полагаться не приходится

Рамзин. Такое течение было, и, чтобы обсудить реальную базу под этим течением, было созвано то совещание, о котором я говорил. На этом заседании говорилось о возможности выполнить переворот, свержение советской власти, не прибегая к интервенции. Совещание пришло к выводу, что для этого внутри страны ни у «Промпартии», ни у «ТКП» средств не имеется, и если можно говорить о выполнении контрреволюционного переворота, о свержении советской власти, то единственный возможный и реальный факт — это интервенция.

Крыленко. Значит, характеристикой четвертого периода являются своего рода патриотические настроения?

Рамзин. Это — не патриотические настроения, а выявление истинных аппетитов.

Председатель. Вам было жалко, что цена такая?

Рамзин. Дорогая.

Председатель. Не страну жалко, а слишком дорого?

Рамзин. В то время положение расценивалось так.

Крыленко. Значит, учитывая, с одной стороны, основной фактор — настроение широких масс трудящихся в результате правильного проведения политики правительства, с другой стороны — факт отсрочки интервенции на 1931 г., что было совершенно ясно, создалось, видимо, такое течение, как вы говорите, которое ставило даже вопрос об отказе от интервенции?

Рамзин. Ставился вопрос о реальности выполнения переворота внутренними силами.

Крыленко. Не прибегая к интервенции?

Рамзин. Да.

Крыленко. И на это был дан какой ответ?

Рамзин. Отрицательный.

Крыленко. Это все имело место перед вашей поездкой в июле?

Рамзин. Это было в начале 1930 г.

Крыленко. В связи с этим внутри «Промпартии», может быть, не было высказано, но создалось такое впечатление, — Осадчий совершенно четко говорил о том, что страна не готова в том смысле, в каком она должна быть готова. Это было впечатление Осадчего или он разделял не высказанную, может быть, точку зрения ЦК «Промпартии»?

«Страна к интервенции не готова»

Рамзин. Как раз итоги этого совещания совершенно четко формулировали положение, что готовность страны к интервенции в тех размерах, которые были заданы, отсутствовала. Страна внутри не была готова к интервенции в такой мере, как это было задано.

Крыленко. Это мнение Осадчего, когда он поехал за границу и говорил там с Денисовым, было его личное мнение?

Рамзин. Раньше, чем Осадчий поехал за границу, я имел с ним разговор, и мы с ним сговорились, о чем он будет говорить с Денисовым. Когда я просил Осадчего разговаривать с Денисовым, я просил его не просто разговаривать, а просил развить целый ряд положений и задать целый ряд вопросов, если это свидание состоится. Так что то, что говорил Осадчий, в основных положениях сов-

падало с точкой зрения ЦК «Промпартии».

Крыленко. Я нарочно задавал Осадчему вопрос, было ли это его личное мнение или официальная точка зрения. Он сказал, что официальных полномочий высказать эту точку зрения он не имел. Я тогда задал ему вопрос: не является ли в таком случае мнение его настолько личным, что возможно предположить, что если бы говорил не он, а вы, то вы бы говорили Денисову другое.

Рамзин. Нет.

Крыленко. Это можно рассматривать как определенный тактический ход?

Рамзин. Осадчий совершенно прав в том отношении, что официального полномочия ни я, ни он не имели, потому что официального представления о том, чтобы вести переговоры в таком духе, не было. Но когда я попросил Осадчего поговорить с Денисовым, мы сформулировали вместе те взгляды, которые имелись у меня и у него. Никаких официальных полномочий у нас не было, но эти взгляды правильно отражали то течение и воззрение, которое у ЦК «Промпартии» в то время было.

Крыленко. Может быть, так сказать, что в ЦК было довольно осознанное представление о неготовности страны?

Рамзин. Да.

Крыленко. У вас не было официальных полномочий, чтобы об этом сказать?

Рамзин. Да.

Крыленко. Но в деловом порядке это подлежало обсуждению?

Обе остороны не выполнили своих обязательств

Рамзин. Да, потому что в 1930 г. была неготовность с обеих сторон — и с нашей стороны, и со стороны «Торгпрома» и генерального штаба.

Крыленко. Это вам было совершенно известно?

Рамзин. Да. Это нам было известно в 1929—30 г.

Крыленко. Состоялось ли это свидание с целью пред'являть контрпретензии, или же на этом свидании должна была быть попытка обсуждения отдельных вопросов с признанием, что ни та, ни другая сторона не исполнили задания, и как быть дальше?

Рамзин. Конечно, целью свидания в Берлине было обсуждение, во-первых, существовавшего положения, т.-е. дача оценки этой неготовности обеих сторон, причин и перспектив в смысле возможностей в ближайшие годы. Факт неготовности был совершенно ясен и бесспорен.

Крыленко. Значит, так дело обстояло в области реализации первого векселя по отношению к «Торгпрому». (П р е д с е д а т е л ю). Разрешите тогда задать вопросы еще некоторым подсудимым — Федотову, Чарновскому и Ларичеву.

Председатель. Подсудимые Федотов, Чарновский и Ларичев, пожалуйста, последовательно один за другим к столу.

Крыленко. Подсудимый Федотов, вам было известно о таких настроениях в ЦК?

Федотов. Было, и очень даже.

Крыленко. Именно?

«Реакция» была сильнее, чем об этом говорит Рамзин

Федотов. Эти настроения начались у членов ЦК еще в 1929 г. На заседании, о котором говорил Рамзин, состоявшемся на его квартире, я не был, но о таких настроениях слышал не только от него, так что в конце 1929 г., когда вполне выявились те уступки, которые необходимо сделать, и у меня и у Чарновского, с которым я говорил, такие настроения были определенно. Когда я наблюдал текстильную организацию, то у нас настроение, что «не столько жалко, сколько дорого», как выразился Рамзин, было совершенно определенно. Вообще некоторая реакция против того пути, по которому мы пошли, вполне ясно начала высказываться с конца 1929 г. А заседание, о котором говорили, в том числе и проф. Рамзин, это заседание дало большую окраску такому настроению. Я думаю, что проф. Рамзин все-таки недостаточно ярко очертил или выявил эти настроения. По-моему, эти настроения были сильнее, чем он рисует.

Крыленко. Но как раз к этому периоду относится ваш протест по поводу того, что это не соответствует тому, что говорил Карпов?

Федотов. Нет, мой протест относится к несколько более раннему периоду, к половине 1929 г., октябрю или сентябрю, месяца за три до этого заседания.

Крыленко. Вы тогда заявили протест вплоть до такой формы, что отказывались передать это сообщение в другую группу?

Федотов. Я сказал это для красоты слова. На самом деле это меня так волновало, что я немедленно передал товарищам, что такое обстоятельство выявляется.

Крыленко. В результате того сообщения, о котором говорил Рамзин, все-таки ставка на интервенцию осталась?

Федотов. Да, осталась, в этом же вся беда. И раньше всякий раз, когда какие-нибудь новые требования переводили нас на новую ступеньку вниз, у нас всегда были и колебания. Мы об этом не говорим, и проф. Рамзин не говорит, но такие колебания были, когда выявилась необходимость шпионажа. И каждый раз мы оставались на тех же позициях. И в данном случае определенное большинство членов, не знаю, кто из членов не начал думать, что это слишком дорого, что так нельзя... и тем не менее остались на тех же позициях, что интервенция

есть и будет, и сношения с К. и Р. остаются, поездка за границу должна быть, проф. Рамзин там увидится и проф. Осадчий там повидается. Все это осталось. У проф. Рамзина не было определенного полномочия, потому что такого постановления, которое дало бы ему право таким образом поступать, формально не было, но, с другой стороны, ему, как председателю, знавшему наше общее настроение, ничего не стоило провести подобное постановление. Так что он смело мог говорить в таком тоне с Денисовым и Осадчему мог вполне преподать подобного рода директиву, какую он и преподал. Но, конечно, рвать мы не были готовы, порвать с «Торгпромом», окончательно распустить нашу организацию не были готовы, и поэтому он сказал Осадчему — говори как-будто от своего имени.

Крыленко. Разве хотя бы на одну минуту, разве хотя бы на один момент в «Промпартии» ставился вопрос о разрыве и роспуске организации?

Федотов. Нет, такой вопрос не был поставлен.

Крыленко. А был поставлен вопрос о невозможности переворота внутренними силами?

Федотов. Вопрос о том, чтобы распустить «Промпартию», прервать сношения с «Торгпромом», такой вопрос не был поставлен. Было выявлено совершенно точно с обеих сторон, что страна не готова. Рамзин несколько раз об этом заявлял, и Рамзин передавал нам, что недовольство генерального штаба нашими действиями было явным.

Крыленко. Мы будем говорить об этом, когда будем разбирать сообщения Рамзина.

Главный козырь бит

Федотов. Таким образом, мы не удовлетворяли тем ожиданиям, которые к нам пред'являлись. Но помимо невыполнения этих ожиданий мы сами видели, что недовольства в стране нет, расчет на недовольство со стороны крестьян абсолютно провалился, а между тем это был главный козырь. Считалось, что крестьянство должно выявить свое недовольство, товаров нет, голод, дороговизна, а между тем перед нами были обратные факты, перед нами был рост колхозов и совхозов, и недовольства, кроме отдельных раскулаченных крестьян, не было. Затем расчет на то, что армия, как состоящая из детей и братьев крестьян, несомненно тоже выявит свое недовольство.

Это уже был козырь совершенно негодный. Это был не козырной туз и даже не козырная двойка, это была просто фишка, ничего не стоящая, потому что в армии никаких настроений подобного рода не было. Таким образом, в основном были только разговоры о диверсионных актах, — не то удастся, не то не удастся, — и вырабатывался только план диверсионных выступлений в случае интервенции. А на самом деле подготовка, которую мы обещали и на которую мы рассчитывали, заключалась в недовольстве крестьян. Ведь «ТКП» нам говорила, что у нее есть какие-то силы. Выяснилось же, что ничего крупного нет и что страна, одним словом, не подготовлена.

И кондратьевская группа обманула

Председатель. Один вопрос, поскольку вы его затронули. Вы говорили, что хвалилась группа Чаянова — Кондратьева, что у них этого сотни тысяч, а в действительности на кого опиралась эта группа Чаянова — Кондратьева?

Федотов. Она опиралась, насколько я знаю, — я ведь с этой группой очень мало имел дела, — на опытные учреждения.

Председатель. Т.-е. на широкий или тонкий слой, и кого?

Федотов. Тонкий слой агрономов.

Председатель. Опиралась на тонкий слой агрономов, а выдавала, будто за ней...

Федотов... будто все эти учреждения находятся в прямом контакте с «ТКП».

Председатель. Кстати, вопрос к подсудимому Рамзину. Вы в показаниях говорили о большом количестве членов «ТКП». В действительности, вы проверяли, что эта группа по удельному весу представляла? Можно ли было на ней базировать что-нибудь и противопоставлять ее, как внутреннюю силу, силам интервенции? Пожалуйста, кратко, но то, что вы знаете, скажите.

Рамзин. Несомненно, что тот подсчет, который официально приводила «ТКП» на наших заседаниях, всерьез не мог быть принят. В действительности актив «ТКП» ограничивался центральным блоком, находившимся в Москве, с сетью отдельных ячеек в разных учреждениях, по преимуществу в Наркомземе и его разветвлениях, и затем той группой агрономов, которая имелась на местах, т.-е. численно очень небольшой группой.

Кулацкая «партия» и ее размеры

Председатель. Вы говорили, что в «Промпартии» был все-таки очень ничтожный, незначительный процент инженеров. Как вы думаете, в «ТКП» агрономы в большем проценте участвовали, по имеющимся у вас данным, или процент был ничтожный?

Рамзин. Я совершенно не берусь оценивать процент участия агрономов, потому что общее количество агрономов и количество агрономов, втянутых в организацию, мне неизвестно, но думается мне, что у них процент был так же мал, как у нас, едва ли много больше. Я сужу просто по интуиции, по теоретическим соображениям.

Председатель. По тем данным, которые были в вашем распоряжении?

Рамзин. Да. И следующая группа, которая питала кадры «ТКП», были кулацкие деревенские круги, из которых партия вербовала тоже союзников или сочувствующих.

Председатель. Может быть, скорее можно ее назвать не «крестьянской», а кулацкой «партией»?

Рамзин. Это правильнее будет, конечно.

Председатель. Может быть, это была не партия, а небольшая группа?

Рамзин. Т.-е. каждую группу можно назвать и партией и группой.

Председатель. В этом смысле, конечно, верно.

Рамзин. Так что общей численности в цифрах я назвать не берусь, но актив этой партии, несомненно, охватывал собой очень тонкий слой.

Председатель. Подсудимый Ларичев.

Крыленко. Вам что-нибудь известно об этом четвертом периоде?

Бесплодные усилия

Ларичев. К концу 1929 г. для большинства из нас стала выявляться безнадежность наших усилий в области подготовки внутренних кризисов именно того рода, которые являлись подготовительными к интервенции. В частности Рамзин, может быть, не совсем точно охарактеризовал положение в смысле подготовки топливного кризиса. Я хочу просто доказать цифрами, насколько наши усилия оказались бесплодными и, конечно, явно недостижимыми.

Уже по окончании первого года пятилетки, т.-е. примерно к октябрю 1929 г., выяснилось определенно, что наши минималистские установки, что наше влияние на составление пятилетки могут быть быстро уничтожены встречным планом, как его называли, или, вернее, более детальным рассмотрением ряда моментов производственного характера, что может быть путем встречных планов установлен ее (пятилетки) минималистский характер (тогда не называли — «вредительский»), и уже, конкретно переходя к вопросам топливным, выявилось, что вместо, как мы запроектировали по Донбассу, 30 миллионов тонн оказалось вполне возможным и реальным дать задание в 40 миллионов тонн. Мы это вынуждены были признать и дать как основную программу. Кстати замечу, что она была бы выполнена, если бы не произошел большой отлив рабочих в течение июля — августа. Я категорически могу уверить, что 40 миллионов тонн—эта задача технически была легко выполнима.

Еще более яркий пример: мы намечали на второй год пятилетки для Кузбасса около 4 миллионов тонн, фактически Кузбасс дал 5 миллионов тонн. Опять-таки в процессе составления плана явно выявились те махинации (грубо выражаясь), которые были направлены к снижению пятилетки. Они были вскрыты точно так же по нефти и т. д.

Поэтому топливный план 1929 г. ничего не имел общего с теми наметками, которые предполагались нами. В этом отношении было ясно, что итти дальше по направлению искусственного задерживания реальных производственных возможностей фактически нельзя. И если топливное напряжение и осталось в 1929—30 г., то, во-первых, его нельзя было сразу локализировать, потому что созданное в течение ряда лет напряженное положение нельзя устранить в один год, а во-вторых, это напряжение было вполне естественным, потому что не только топливная промышленность, но и вся промышленность шла более высокими темпами.

Когда на второй год пятилетки мы подошли к пересмотру плана и с официальной стороны и для себя, к пересмотру целого ряда моментов производственного характера, тут выяснилось определенно, что дальше вести ту политику, которую мы вели, невозможно. И в этом отношении невозможность создания внутренних кризисов для нас стала почти очевидной, стало ясно, что сделать здесь что-нибудь чрезвычайно трудно.

Кроме того, ряд отдельных кризисов, или, правильнее сказать, прорывов, был отчасти следствием нашей работы, отчасти следствием целого ряда слагавшихся обстоятельств, — они были быстро ликвидированы теми определенными нажимами, которые были произведены правительством, а также всеми другими организациями. Здесь я прихожу к тому же выводу, который я сделал в своем первом выступлении: мы считали, что в создании экономического кризиса в той мере, в которой он нами намечался, наша карта была бита.

Мы не считали нужным скрывать от заграничных кругов, что в этом отношении мы терпим определенные неудачи. Однако вопрос об интервенции, несмотря на это, не снимался с очереди до последнего времени, при чем то заседание, о котором говорил Рамзин, уже довольно определенно выявило наш скепсис в своей собственной работе. Мы еще цеплялись за один момент — за возможность внутреннего переворота путем более тесного содружества с так называемой группой Кондратьева — Чаянова. К этому времени вопрос коллективизации и решительного перелома в этом направлении не был достаточно выяснен. Поэтому в начале 1930 г. (я не помню точно, когда было это собрание) решено было пересмотреть наши ресурсы в этой области. Правда, обстановка уже клонилась к тому, что этот решительный нажим со стороны коммунистической партии уже был сделан. Во всяком случае,

как сказал Рамзин, было решено окончательное рассмотрение этого вопроса отложить до весны. При чем я могу тоже подтвердить, что эта безнадежность нашей борьбы (я не буду говорить о ряде моментов внутреннего разлада, о чем, может быть, после будем говорить), неудачи, а с другой стороны, не просто цена и ее дороговизна, а то, что более и более становилось ясным, если так можно выразиться, это — раздел, это — захваты территориальные и экономические Союза, — все это настолько деморализовало работу, что уже создалось настроение обратного порядка.

Затем я должен совершенно определенно заявить, что мы были в довольно больших тисках со стороны того же «Торгпрома» и французских военных кругов и решительно порвать мы не могли, можно даже определенно сказать, что не хотели, потому что в этом отношении оставалось еще выяснить намерение той стороны.

Я остановился на том, что уже с конца 1929 г. мы начали получать извещения о том, что и та сторона не готова, т.-е. определенно нам было известно в конце 1929 г., что срок интервенции передвигается уже не на 1930, а на 1931 год. Это обстоятельство заставило нас до некоторой степени задуматься, потому что, знакомясь с общим положением, не только с внутренним положением в Союзе, а и со всей общеполитической обстановкой, у нас не было уверенности, насколько твердо это обещание о переносе срока интервенции на 1931 г.

Все это приводило к тем настроениям, которые более или менее правильно охарактеризованы были Осадчим. Однако, это нисколько не останавливало нашей борьбы. Решено было выяснить ряд моментов, и в конце концов оставалось ждать разрешения ряда и внутренних вопросов, в части, скажем, того вопроса, который совместно обсуждался с ЦК группы Кондратьева — Чаянова, и выяснить, имеет ли перенос интервенции на 1931 г. под собою действительно серьезное основание или нет. Рамзин должен был написать Денисову об этом и выяснить ряд вопросов. Но в конце концов для нас оставалось несомненным, что при таком положении единственным исходом нашей борьбы все-таки оставалась ставка на интервенцию. Этот основной вопрос нужно было выяснить более основательно с Денисовым. Мне о берлинской поездке Рамзина ничего не было известно, потому что я уже был арестован в апреле, но настроения, которые были весной, указывали на то, что ставка на серьезные крестьянские волнения под собою почвы не имеет. Начало весенней посевной кампании говорило за то, что коллективизация пойдет успешно, как будто бы и этот козырь выпал из рук, и результатом этого явились те внутренние сомнения, которые возникли в рядах ЦК. Однако, повторяю, работы нашей мы не прекратили. Оставалось только выяснить ряд вопросов.

Председатель. У защиты нет вопросов. (Нет).

Подсудимый Чарновский.

Крыленко. В какой степени в период половины 1930 г. была реализована работа по подготовке в области металлопромышленности острого дефицита, с одной стороны, металлического сырья, а с другой,—непосредственного металла в области машиностроения? Была ли эта подготовка настолько реализована, что возможно было говорить о степени подготовленности или неподготовленности страны?

Металлическая промышленность существенных потерь не понесла

Чарновский. Нельзя отрицать, что на некоторых частных участках фронта металлической промышленности, имеющей и оборонное значение, были достигнуты некоторые успехи в смысле замедления, в смысле диспропорции и т. д. Но для нас все-таки было ясно, что металлическая промышленность в целом существенных потерь не понесла.

Крыленко. Но дефицит ощущался?

Чарновский. Дефицит ощущался вследствие бурного развития наших отраслей промышленности и вследствие введения целого ряда новых отраслей, которые мы за это время развивали. Но те отрасли, которые были связаны с оборонной промышленностью, были удовлетворены. Были такие новые отрасли, которые не имели значения, так что в этом отношении я считаю, что большой потери деятельность «Промпартии» не могла вызвать.

Более серьезно стоял вопрос о транспорте в виду того, что парк подвижного состава несколько уменьшился в числе и что он был свежее и моложе по возрасту, в особенности это можно сказать о паровозах. Правда, задача снабжения отдельными частями не была поставлена в лучшее положение, и в этом отношении были дефекты, обязанные вредительскому отношению к делу. Но и здесь решающего дефицита не было. Я присоединяюсь в этом случае к мнению Ларичева, что в оценке подготовленности страны к интервенции нами был сделан очень плохой вывод.

Крыленко. Заседание ЦК «Промпартии» вы припоминаете?

Чарновский. Да, я подтверждаю, в частности, там была представлена и «ТКП». Там обсуждались вопросы, о которых говорил Ларичев. До этого среди членов ЦК «Промпартии» определенно наметились упадочнические, пессимистические настроения, и мне приходилось не раз беседовать с Федотовым в этом направлении. Признаюсь, что ставился под

сомнение вопрос об интервенции при той картине, которая получалась у нас в результате неуспеха деятельности по подготовке населения. Если бы даже техническая подготовка имела некоторые успехи, то абсолютно никакого успеха не было в смысле подготовки населения, уж не говоря о военной организации, которой не было. Мы знали, что штыки сделают немного.

Крыленко. Но вы полагали вызвать крестьянские восстания?

Чарновский. Надежд на это восстание было так мало, что не стоит об этом говорить.

Крыленко. Точные разговоры были уже относительно официального сообщения о неподготовленности за границей?

Чарновский. Да, я об этом слышал.

Крыленко. А о формальном поручении вам было известно?

Чарновский. Мне было известно, что Осадчему поручение было дано.

Крыленко. Он говорил, что постановления не было?

Чарновский. Постановления не было, но в частных разговорах с Рамзиным мне пришлось об этом слышать.

Крыленко. А сведения о неподготовленности противоположной стороны имелись или нет?

Чарновский. Я припоминаю, что в этом отношении уже некоторые мелкие указания были. Рамзин говорил, что мы не одни виноваты в такой неподготовленности. Но подробно я не знаю, в чем именно была неподготовленность заграницы.

Крыленко. А был случай обсуждения в этот момент на заседании ЦК сообщения, которое говорило о необходимости нажима в работе в определенном отношении?

Чарновский. Может быть, я перепутал, но при мне обсуждения на такую тему не ставилось. Я не припомчнаю о том, чтобы обсуждали необходимость нажима.

Крыленко. Допустим.

Вы утверждаете, что в области металла и металлического сырья ощущался дефицит, который был создан, с одной стороны, определенной работой и усилиями «Промпартии», а с другой стороны, об'яснялся бурным ростом тяжелой индустрии, которая имела большие потребности в металлическом сырье при производстве средств производства. То же было и в топливном деле, о чем говорил Рамзин. И в области топлива и в области металла вопрос ставился так, что кризиса в той степени, в которой он ожидался, не было. А с другой стороны, что касается политического настроения масс, вы также приходили к заключению, что этого нет?

Чарновский. Да.

Крыленко. И отсюда явилось второе течение, которое имело место в ЦК?

Чарновский. Несомненно.

Крыленко. Но в итоге все же оставалась ставка на интервенцию?

Чарновский. В виду того, что, как выяснилось на заседании с «ТКП», других надежд не могло быть.

Крыленко (Калинникову). Вы это подтверждаете?

Чего Осадчий не подчеркнул

Калинников. Я подтверждаю общее положение вещей, о котором показывал Рамзин, говоря о переговорах Осадчего. Действительно Осадчий не получал полномочий говорить от имени ЦК. Помню, что таких полномочий Рамзин ему не давал, хотя было известно, что он собирается в Берлин и что он будет иметь возможность встретиться с «Торгпромом». Я подтверждаю показания Рамзина, что Осадчий правильно осветил общее настроение в ЦК. Единственно, что он в своих переговорах с Денисовым упустил подчеркнуть возмутившую его фразу Денисова, что внутри израсходовали денег много, а ничего не сделали. Осадчий должен был в категорической форме подчеркнуть, что еще в конце 1929 г. было известно, что внешняя подготовка интервенции на 1930 г. несостоятельна, что интервенция назначена к переносу на 1931 г. Ему нужно было подчеркнуть в категорической форме, что неподготовленность интервенции была продиктована не изнутри, а была продиктована раньше извне.

Председатель. Вам было об этом известно когда? Об отсрочке интервенции на 1931 г.?

Калинников. На одном из последних заседаний ЦК в конце 1929 г. поступили сведения через г. К. о том, что интервенция определенно переносится на 1931 г.

Председатель. Осадчему это было известно?

Калинников. Он на этом заседании не был и, очевидно, не получил категорического освещения этого вопроса. Его присутствия на этом заседании я не помню.

Председатель. Когда это было?

Калинников. Такое заседание было в конце 1929 г.

Крыленко. По сведениям, которые здесь указывались, Осадчий был кооптирован Ларичевым и Федотовым.

Калинников. Совершенно верно, но на этом заседании, где было это сообщение, он не присутствовал.

Крыленко. А относительно общего характера состояния страны вы подтверждаете утверждения Рамзина и Ларичева?

Калинников. В общем я согласен. Я должен подчеркнуть, что абсолютный дефицит металла, конечно, рос. Я близко стоял к проведению и рассмотрению баланса металлов в Госплане, и должен

сказать, что абсолютные цифры, если можно здесь огласить, я бы их назвал.

Крыленко. Нет, не нужно.

Калинников. В таком случае я скажу, что относительно дефицит уменьшается. Относительное падение нехватки металла по сравнению с добычей характеризовало то, что здесь положение улучшается. А абсолютные цифры, конечно, росли.

Крыленко. Оставалась определенная абсолютная цифра, но по отношению к добыче дефицит падал?

Калинников. Да.

Крыленко. Об'ясняется это развитием промышленности, с одной стороны, и работой вашей организации — с другой.

Калинников. Это об'ясняется значительным ростом производства металлов, но главным образом использованием того металла, который в скрытом состоянии лежал на складах различных организаций как нерабочий ассортимент. Кроме того, сыграло роль усиление кампании по рационализации потребления и использования металлов, так что с трех сторон оказывалось влияние на относительное падение дефицита.

Ложка вредительского «меда»

Крыленко. Я хотел только уточнить один вопрос, имеющий прямое и, по-моему, существенное отношение к данному делу. Ложка — только не меда — вашей работы в этой работе была или нет?

Калинников. В улучшении?

Крыленко. Нет, в дефиците.

Калинников. Конечно, была, никакого сомнения нет. Если бы не было той вредительской работы, которую проводила наша организация, несомненно мы имели бы меньший рост дефицита.

Председатель. Подсудимый Калинников, вопрос вот каков. Тут было установлено, что состоялось об'единенное заседание ЦК группы Чаянова — Кондратьева и вашей «Промпартии». Уже после этого стало известно об откладывании интервенции на 1931 г. или до этого?

Калинников. До. Это было в феврале, чуть ли не в конце даже февраля, ближе к марту, а нам было известно уже определенно в конце декабря 1929 г.

Председатель. Вам было определенно известно в конце декабря 1929 г., а об'единенное заседание было в феврале 1930 г.?

Калинников. Да, в конце февраля.

Председатель. На этом об'единенном заседании какое у вас было принято решение об интервенции?

Калинников. Оставалась единственная ставка ожидать интервенции в 1931 г.; мы уже чувствовали, что наша подготовка действительно недостаточно развернута внутри страны...

Председатель. Какие решения относительно усиления подготовки внутри в это время вами были приняты?

Калинников. В связи с настойчивыми требованиями из французского генерального штаба относительно усиления работы по диверсионной линии, по разведочной линии, мы должны были принять решение об усилении этой работы — больше что же можно было принять?

Председатель. Я и хочу поставить вопрос об этом нажиме. Следовательно, вам хорошо было известно уже в декабре 1929 г. о том, что интервенция откладывается на 1931 г., но тем не менее нажим на вас в смысле усиления диверсионной работы, усиления подготовки к диверсионным актам имел место?

Калинников. Не только имел, но даже рос. Так как мы к 1930 г. не выполнили в этом отношении задания в полной мере и работа наша была слабо развернута, то, чтобы не опоздать к интервенции 1931 г., нажим в этом направлении был усилен.

Председатель. Ваша деятельность тоже усилилась под влиянием этого усиливавшегося нажима или вы были бессильны?

Калинников. Наши попытки в этом направлении разбились о те непреодолимые препятствия, которые мы встретили.

Председатель. Но попытки были?

Калинников. А попытки были.

Председатель. А в чем попытки усилить эту работу у вас выражались?

Калинников. В напоминании тем лицам, которые взяли на себя эту работу, чтобы они ближе за нее взялись.

Председатель. Подсудимый Рамзин.

Крыленко. Перейдемте ко второму векселю — о шпионаже.

Встречный иск к «Торгпрому»

Рамзин. Я хотел бы добавить несколько штрихов для того, чтобы закончить с первым вопросом.

Как я уже говорил, заседание двух ЦК — ЦК «Промпартии» и ЦК «ТКП» — происходило еще до письма тов. Сталина относительно коллективизации. После этого письма, к июлю, положение уже совершенно выяснилось, и притом еще в худшую сторону. Поэтому та оценка, которая сделана Осадчим, она мною могла бы быть еще более усилена, а именно, что всякие надежды на крестьянские слои, на создание недовольства в деревне надо оставить.

К июлю же определенным образом выявились успехи при выполнении плана 1930 г., которые не были ясны еще в феврале, т.-е. кризис, который ожидался в июле, оказался значительно слабее, чем можно было предполагать. Таким образом, и этот момент, момент перелома результатов вредительской деятельности под влиянием социалистического соревнования и энтузиазма рабочих масс, он уже к июлю полностью определился. Поэтому я дал бы еще более резкую характеристику, чем это сделал Осадчий.

В разговоре с Ценгером в Берлине я это определенно сформулировал: по моему убеждению, если в 1930 г. страна не была подготовлена, то в 1931 г. эти надежды будут уже совершенно уничтожены, т.-е. недовольство среди широких масс населения совершенно будет отсутствовать.

Этим об'ясняется, почему после получения первых сведений о переносе интервенции на 1931 г. были реальные указания на усиление нажима на диверсионную и военную организации. В разговоре с Ценгером, как представителем «Торгпрома», я подчеркнул, что в 1931 г. обстановка будет мало благоприятная, и во всяком случае менее благоприятная, чем в 1930 г.

Председатель. Какой вывод вы делали из этого сознания, что в 1931 г. будет труднее, чем в 1930 г.?

Рамзин. Вывод такой, что военная подготовка к интервенции должна быть значительно усилена для того, чтобы можно было рассчитывать на ее успех.

Председатель. Следовательно, одновременно с тем, как заграница усилила нажим на вас, вы стремились нажать на заграницу?

Рамзин. То-есть мы не осуществили этого нажима, потому что я не имел беседы с Денисовым.

Председатель. Но Ценгеру вы об этом говорили, для чего?

Рамзин. Чтобы осветить то положение, которое надо ожидать в 1931 г.

Председатель. Чтобы он это кому-нибудь передал?

Рамзин. Чтобы он это передал в «Торгпром» и французский генеральный штаб.

Председатель. Следовательно, вы, обрисовывая остроту положения и еще большие затруднения в смысле организации интервенции в 1931 г., имели в виду, чтобы Ценгер это передал в «Торгпром»?

Рамзин. Да.

Председатель. Вы это только имели в виду или поручили ему?

Рамзин. Я рассчитывал, что Осадчий будет разговаривать с Денисовым.

Председатель. А Осадчий получил указание в этом направлении?

Рамзин. Я дал ему указание осветить положение и просил его усилить это освещение, а именно указать, что изменить это положение к 1931 г. не удастся. Я не знаю, передал ли это Осадчий. Но я просил подчеркнуть, что дело не в деньгах, не в затратах, а дело в об'ективной невозможности достигнуть этих результатов, подчеркнуть, что в 1931 г. внутреннее положение страны для нас будет неизмеримо труднее, чем в 1930 г., и просил пред'явить соответствующий иск «Торгпрому».

Председатель. Тут был иск с одной стороны и встречный иск — с другой.

Рамзин. Да.

Председатель. Следовательно, обе стороны сознавали всю остроту положения к 1931 г. и давали друг другу взаимные указания усилить работу.

Второй «вексель» — шпионаж

Крыленко. А по второму векселю относительно шпионской работы. Условленность относительно этой работы была еще в октябре 1928 г.?

Рамзин. Эта работа началась раньше. «Инженерный центр» давал целый ряд сведений за границу еще до конца 1928 г.

Крыленко. Эти сведения касались непосредственно обороноспособности страны?

Рамзин. Я уже говорил, что эти сведения от Хренникова и Пальчинского были об организации военной промышленности во главе с генералом Высочанским. Эта организация существовала раньше. Она провалилась в конце 1928 г.

Крыленко. Вы не помните даты возникновения этой вредительской организации по сведениям Хренникова и Пальчинского?

Рамзин. Период ее возникновения мне неизвестен, но что в 1928 г. она функционировала — это я знаю.

Крыленко. Это установленный факт, известный в настоящий момент. Какие же конкретные задания по вопросам шпионской работы шли в течение 1929/30 г. и были исполнены?

Рамзин. Экономические сведения вас не интересуют?

Крыленко. Мы все разберем. Первое — это экономические сведения, которые шли по адресу «Торгпрома». Они шли по адресу «Торгпрома», но, по некоторым нашим сведениям, попадали и в генштаб. Нет сомнения, что они попадали туда.

Рамзин. Это были отдельные экономические записки и кон'юнктурные сводки.

Крыленко. Эти кон'юнктурные сводки и экономические записки были составлены и переданы?

Рамзин. Да, были составлены и переданы.

Крыленко. Вы говорили, что они составлялись поквартально?

Рамзин. Экономические сводки — поквартально, а записки — нет.

Крыленко. Какие конкретно организации и группы лиц работали над составлением этих кон'юнктурных и экономических сводок?

Рамзин. От ЦК «Промпартии» поручено взять на себя общее наблюдение и составление этих сводок было возложено на группу — Осадчий, Ларичев и Калинников, при чем общее редактирование и общее руководство за всей этой работой возлагалось на Осадчего. Осадчий вел редакционную сторону этой работы. Передача этих записок производилась через Ларичева.

Крыленко. Кто же составлял эти записки?

Рамзин. Главным образом отдельные специалисты Госплана, каждый по своей отрасли.

Крыленко. Конкретно?

Меньшевики информируют французский генштаб

Рамзин. Мне известно, что по экономическим вопросам Громан принимал участие. По вопросам топлива Ларичев сам принимал участие и часто передавал свою работу сотрудникам по углю, нефти и т. д.

Крыленко. А Соколовский и Белоцерковский?

Рамзин. По лесной промышленности работал Майер. Соколовскому и Белоцерковскому давалась работа по отдельным поручениям. Каково было их участие в составлении этих экономических сводок, я точно не могу сказать. Я думаю, что Калинников, Ларичев и Осадчий знают это. В детали этой работы я не входил.

Крыленко. Количества этих сводок вы не помните?

Рамзин. Наверное около пяти или шести с конца 1928 г. до 1930 г.

Крыленко. Они носили характер кон'юнктурных сводок по состоянию промышленности в отдельных отраслях?

Рамзин. Да.

Крыленко. Что же, это были хорошо разработанные сводки?

Рамзин. Эти сводки представляли сборник кон'юнктурных таблиц, в которых давались отдельные показатели по основным отраслям народного хозяйства с относительно небольшим сопроводительным поясняющим текстом. Таков внешний вид сводок, которые давались.

Крыленко. Эти сводки отличались чем-нибудь от официальных сводок?

Рамзин. Да, отличались. Эти сводки содержали те сведения, которые часто не попадали в официальные сводки и, кроме того, содержали в себе освещение тех цифр, которые были в этих сводках. К этому нужно прибавить, что помимо экономических сводок посылалась и официальная литература — бюллетень Кон'юнктурного института, статистические издания ВСНХ, ЦСУ и т. д.

Крыленко. А эти сводки составлялись с точки зрения развития той вредительской работы, которая подготовляла диспропорцию и развал в хозяйственной жизни, или они только об'ективно отражали положение дел? Были ли это информационные сообщения или это был своего рода контрольный документ, который посылался «Торгпрому»?

Рамзин. По внешнему характеру эти сводки были об'ективным обзором экономического состояния хозяйственной жизни.

Крыленко. Это не были сведения контрольно-отчетного характера?

Рамзин. По существу они являлись контрольно-отчетным документом, но выводы каждый мог сделать сам.

Крыленко. Редактирование было поручено Осадчему?

Рамзин. Общее редактирование было поручено Осадчему.

Крыленко. Эти сведения, которые направлялись в адрес «Торгпрома», должны были служить ему для соответствующих директивных указаний?

Рамзин. Частью для директивных указаний, а главным образом для того, чтобы «Торгпром» был в курсе данного положения дел и в курсе деятельности «Промпартии» и выполнения ею тех обещаний, которые были даны относительно подготовки внутри к интервенции.

Крыленко. В письмах к «Торгпрому» не содержалось таких указаний?

Рамзин. По поводу экономических сводок?

Крыленко. Да.

Рамзин. Нет. Посылались сведения информационного характера периодически, регулярно каждые три месяца.

Крыленко. Какие же были еще записки специального характера, имеющие прямое отношение к обороне?

Рамзин. Может быть, перечислить записки экономического характера или не нужно?

Крыленко. Меня второй вопрос больше интересует.

Рамзин. Относительно обороны была записка профессора Стечкина о техническом состоянии авиации. Правда, здесь сведений военного характера не было, потому что Стечкин ими не располагал, а было только техническое освещение положения авиации в смысле типа применяющихся аэропланов, в смысле мощности моторов и т. д.

Крыленко. Ясно, что если Стечкин не располагал сведениями, касающимися военной авиации, то сведения, касающиеся авиации вообще и моторов, описания технического оборудования, имели ценность или нет?

Рамзин. Я думаю, что имели ценность, но сведений относительно количества военных аэропланов, насколько я помню, в этой записке не было.

«По просьбе г. Р.»

Крыленко. А по чьему требованию была составлена эта записка?

Рамзин. Она была составлена по просьбе господина Р. Эта просьба была выражена весной 1929 г. при моем совместном свидании с ним в присутствии Калинникова.

Крыленко. Значит, по прямому заданию Р.?

Рамзин. По его просьбе.

Крыленко. Когда он просил о составлении этой записки, он чем-нибудь мотивировал ее необходимость... или это было ясно само по себе?

Рамзин. Это было ясно само по себе, поскольку в планах военных действий

при интервенции были и воздушные атаки, и поэтому мне казалось естественным, что требуются такие сведения.

Крыленко. Конкретно он не ставил вопроса о возможности получения сведений, касающихся военной авиации?

Рамзин. Я указывал, что такими сведениями мы не располагали. Мы обещали поговорить с теми членами, которые имеют отношение к авиации.

Крыленко. А Калинников был профессором Военно-воздушной академии?

Рамзин. Да.

Крыленко. А он не мог там располагать такого рода сведениями?

Рамзин. Наши искания в этом направлении не привели к результатам, и единственным результатом была записка проф. Стечкина. Так как он сведениями военного характера не располагал, он мог дать только технические сведения.

Крыленко. Эти технические сведения относительно мощности и силы моторов относились одинаково к военной и гражданской авиации?

Рамзин. Я как неспециалист не знаю этого — не знаю, насколько отличается военная авиация от гражданской.

Крыленко. Мы спросим об этом Калинникова.

Вы подтверждаете таким образом, факт, что вы получили задание от Р., а не от «Торгпрома». Это — во-первых. Во-вторых, что первое требование было о сведениях, о состоянии и силах военной авиации. В-третьих, что записка была составлена. В-четвертых, что записка была отправлена. Эти факты вы подтверждаете?

Рамзин. Записка была передана мною лично.

Крыленко. Значит она по адресу попала?

Еще какого рода задания были вами получены?

Интервентам нужен бензин

Рамзин. Такого же характера? Следующее задание это была подготовка вопроса относительно организации бензинных баз в западной полосе и в районе Ленинграда.

Крыленко. Относительно состояния бензинных баз?

Рамзин. Не состояния, а усиления и организации новых бензинных баз.

Крыленко. От вас требовались сведения информационного характера?

Рамзин. Нет, это было не информационное, а оперативное задание, т. е. к нам обратились с просьбой принять меры об усилении количества бензинных складов на западной границе и вблизи Ленинграда.

Крыленко. У вас хотели узнать, как обстоит дело?

Рамзин. Нет, было поручено специально подготовить.

Крыленко. А почему вы располагали такой возможностью?

Рамзин. Все складское нефтяное хозяйство находилось в руках Нефтесиндиката, и все делалось по распоряжению Нефтесиндиката.

Крыленко. Так что это нужно отнести уже к работе оперативной. Вам поручили подготовить такое положение вещей, при котором районы Ленинграда и западной границы имели бы характер базы?

Рамзин. Да, по линии оперативной.

Крыленко. Это вам было поручено?

Рамзин. Да.

Крыленко. А выполнение?

Рамзин. В свою очередь, ЦК «Промпартии» поручил это Ларичеву, который вместе с Поляком дал директиву его выполнения.

Крыленко. А реальные результаты вы сообщить не можете?

Рамзин. Нет.

Крыленко. Так что это было второе поручение не шпионского, а оперативного характера?

Рамзин. Да.

Крыленко. Можно так сказать: действия подготовлявшейся интервенции в виде создания соответствующих материальных условий, обеспечивающих материальное снабжение воздушных сил?

Рамзин. И воздушных сил, и автомобилей, и танков.

Крыленко. Полный состав соответствующей статьи Уголовного кодекса.

Председатель. Это поручение когда вы получили?

Рамзин. Мы получили его или в конце 1928 г., или в начале 1929 г.

Председатель. При каких условиях вы получили это поручение? Где и кто вам передал его?

Рамзин. Это поручение было передано Ларичеву, а Ларичев докладывал в ЦК.

Председатель. От кого?

Рамзин. От г. К.

Председатель. Через кого?

Рамзин. Через Ларичева.

Председатель. И Ларичев докладывал в ЦК?

Рамзин. Да.

Председатель. Ларичеву было поручено проработать этот вопрос?

Рамзин. Ларичев должен был принять меры к выполнению этого поручения.

Председатель. Поляк был указан ЦК или же это был выбор Ларичева?

Рамзин. В эти тонкости я не входил. Если не ошибаюсь, на заседании ЦК Ларичеву был предложен Поляк.

Секретные сводки для «Торгпрома»

Крыленко. Третье, следующее задание, которое было получено специально по военно-химической промышленности?

Рамзин. Следующий вопрос был тот, о котором я уже говорил раньше. Связь по этой линии была достаточно удовлетворительно и регулярно налажена через организацию военной промышленности. После того, как она провалилась, эта

связь нарушилась, впрочем, еще до ее провала «Промпартия» получила такую просьбу или такое требование со стороны г. К. при нашей встрече с ним. При встрече с г. К. — моей и Калинникова — г. К. обратился к нам с просьбой, нельзя ли доставлять ему сведения относительно состояния военной промышленности и перспектив в смысле ее дальнейшего расширения и развития. Тут же я и Иван Андреевич Калинников указали, что мы в данный момент такими связями не располагаем и законченных систематических сведений дать не сумеем, но примем меры к тому, чтобы такие сведения в дальнейшем давать. В дальнейшем эта работа, как я уже говорил, по собиранию и передаче сведений была возложена ЦК «Промпартии» на Калинникова и Чарновского. По тем сообщениям, которые я имею, три или максимум четыре раза такие сведения передавались г-ну К. по химической промышленности, насколько мне известно, Калинниковым, а по металлической промышленности, в связи со сведениями о военной работе, которые собирал Чарновский.

Крыленко. Копий этих документов нет?

Рамзин. Конечно, копий нет. Содержание тех записок, которые передавал я, могу дать, потому что я их сам просматривал. Содержание тех записок, которые передавали другие, могут они дать.

Крыленко. Содержания записок не будем касаться.

Председатель. Вы говорите, что эти экономические записки были отчетно-информационного характера и имели характер сообщения по отдельным отраслям промышленности. Меня интересует, чем эти записки отличались по своему содержанию от тех отчетных данных, которыми располагали мы в официальном порядке?

Рамзин. Отличались некоторыми дополнительными данными, которые в официальных кон'юнктурных данных опускались. Они были полнее.

Председатель. Эта полнота в каком направлении была выражена?

Рамзин. В смысле цифровых данных, которые в официальных сводках отсутствовали.

Председатель. Почему эти дополнительные данные помещались в этих отчетных записках? В силу того, что они специфически могли интересовать торгпромовские круги?

Рамзин. По мнению лиц, составлявших эти сводки, по ним можно лучше уяснить положение.

Председатель. Следовательно, задачей составления экономических записок было дать «Торгпрому» более полную картину того, что есть, чем это делалось в официальном порядке для советских учреждений?

Рамзин. Это одно, а во-вторых, освещение не всегда соответствовало тому положению, которое действительно имело место.

Председатель. Ваши экономические записки, сообщаемые за границу, были дополнены данными, интересующими торгпромовские круги, и отличались своеобразным освещением некоторых вопросов?

Рамзин. Не сказал бы, что это точно. Они были полнее в некоторых пунктах, а ряд сведений, который считался ненужным, опускался.

Председатель. Они были дополнены сведениями, которые могли интересовать те круги, и выбрасывалось все то, что могло их не интересовать?

Рамзин. Да, и пополнялись официальными данными, которые тоже посылались.

Крыленко. Мы констатируем, что ваши сведения шли по военной промышленности, военным заданиям, бензиновой базе, авиостроительству и еще раньше — кон'юнктурные сводки.

Рамзин. Кроме этого еще есть. Последнее поручение касалось вопроса относительно организации авиобазы.

Крыленко. А это не то, о чем мы говорили раньше?

Рамзин. Нет, там бензинные базы, а тут авиобазы.

Крыленко. То-есть?

Рамзин. Кажется площадки для приземления аэропланов, соответствующие знаки и т. д.

Крыленко. Это требование от кого исходило?

Рамзин. Это требование было последнее, которое я получил от господина Р. уже в конце 1929 года.

Крыленко. Выполнение этого требования было тоже поручено...

Рамзин. ...Борису Сергеевичу Стечкину, который совместно с другими работниками работал в области авиации. Ими была составлена записка в этом направлении, при чем эту записку получил Калинников, а потом она была переслана по назначению.

Крыленко. Значит, тут мы тоже имеем исполнение. (Р а м з и н: «Да»). Это все касается вопросов по второму векселю.

Рамзин. Да, как-будто этим все исчерпывается.

Крыленко. Можно спросить соответствующих подсудимых?

Председатель. Да. Подсудимый Ларичев, подсудимый Калинников.

Крыленко (Л а р и ч е в у). Вы слышали показания Рамзина?

Ларичев. Да.

Крыленко. Вы подтверждаете их или нет?

Ларичев и Калинников подтверждают показания Рамзина

Ларичев. Я, подтверждая, хотел бы их несколько дополнить.

Когда было получено через господина К. задание по поводу организации бен-

зинных баз, то я переговорил по этому вопросу со Стрижовым. Он сказал, что, естественно, здесь можно использовать Нефтесиндикат, который работает по строительству новых складов. Но когда этот вопрос было решено передать Поляку, и я с ним беседовал, он сказал, что строительство складов в пограничной полосе регулируется не Нефтесиндикатом, а регулируется по согласованию с военным ведомством, и в этом отношении сделать что-нибудь определенное он не обещал, а лишь обещал попытаться при рассмотрении отдельных проектов использовать свое влияние для возможности их осуществления.

Крыленко. Отсюда вытекала, видимо, необходимость как-нибудь проникнуть в военную среду?

Ларичев. Ведь это соответствовало той общей задаче, которая ставилась.

Крыленко. Другими словами, это—вопрос, примыкающий к четвертому векселю?

Ларичев. Пожалуй.

Крыленко. Тогда по этому вопросу мы поговорим позже.

Еще что вы хотите сообщить?

Ларичев. В качестве заданий скорее диверсионного характера было получено тоже непосредственно от французского штаба и передано через Калинникова задание подготовить за 1930 год снижение мобилизационных запасов топлива на железных дорогах.

Крыленко. По этому поводу были попытки что-нибудь сделать?

Ларичев. Задание было принято к исполнению, но конкретно чего-нибудь серьезного сделать не удалось при составлении планов на 1929—30 г.

Крыленко. Можно только констатировать получение задания и обещание принять его к исполнению?

Ларичев. Да.

Крыленко. По поводу кон'юнктурных сводок я прослушал, были ли вы в комиссии по редактированию?

Ларичев. Редактирование проводилось Осадчим, а я выполнял свою задачу, которая касалась положения топливной промышленности и топливоснабжения.

Крыленко. Гр-н Калинников?

Калинников. Я подтверждаю в целом показания Рамзина. Позвольте только некоторые уточняющие моменты внести относительно экономических сводок. В основу этих сводок была положена полная работа кон'юнктурной секции Госплана под руководством Громана, которая докладывалась президиуму. Это не то, что печаталось в газетах. Вы знаете, — по кварталам. Это более полный материал. Так вот из этих материалов, как сказал Л. К. Рамзин, отбирались только основные цифровые данные, характеризующие производство, численность рабочих и технико-экономические достижения. То же и по финансовому положению. В основу клались те проработки, те цифровые освещения, которые были в работе по кон'юнктурной секции. Но к этому прибавлялось то освещение, которое не печаталось и не докладывалось президиуму.

Вот это освещение делалось по промышленности через Громана, который его получал от Гинсбурга и его помощников—Соколовского и Белоцерковского. По сельскому хозяйству дополнительные сведения шли от Кондратьева. Но главным образом все шло через Громана. Наши же вопросы освещались производственниками, в том числе Ларичевым. Он вносил в случае надобности те поправки технико-производственного характера, которые делались в этой сводке. Так что было не только экономическое освещение, но и технико-производственное освещение. Иногда получался ряд таблиц с очень коротким пояснительным текстом. Этот материал направлялся на окончательную редакцию Осадчему. Это в отношении экономических заданий, которые выполнялись по отдельным отраслям промышленности.

Что касается записок, то они были другого порядка. Вот то, о чем говорил Рамзин относительно поручения через господина К. по военной промышленности. Совершенно верно, мы указывали, что в данный момент, в виду разгрома военной организации мы можем взять освещение только тех отраслей промышленности, которые являются подготовительными для военной, главным образом по химической части. Ударение делалось главным образом на основную химическую промышленность, на кислотные и коксо-бензольные заводы.

В этих записках по преимуществу давалось освещение технико-производственной мощи предприятий, т. е. мощности аппаратуры и технических достижений, которые там имеются.

Вот это я считал своим долгом добавить.

Крыленко. А по вопросам авиации?

Калинников. Я близко не стоял к авиационным вопросам. Я преподавал только авиационное материаловедение, но я знаю из тех сведений, которые проходили через меня, и по литературе, что типы моторов которые были сообщены или могли быть сообщены, они более или менее применяются не только в гражданской авиации, но и в военной. Тут провести границу невозможно.

Так что, если была дана полная справка о типе моторов, то несомненно туда попали и типы военных моторов.

Крыленко. А прямых сведений вы не могли достать?

Калинников. Как я уже сказал, я преподавал авиационное материаловедение—это вопросы дерева, легких металлов, специальных тканей, окраски.

Крыленко. Только это входило в вашу компетенцию?

Калинников. Да, кафедры по моторам и аппаратостроению, т. е. шасси, находились не в моем ведении.

Крыленко. А связи у вас не было?

Калинников. Знакомство было, но связи, чтобы изучить подробно, — этого не было.

Крыленко. Вредительской связи не было?

Калинников. Нет.

Крыленко. А попытки установить эту связь были?

Калинников. Нет, была попытка технического порядка. Мне все время нужно было по существу преподавания быть хорошо осведомленным о конструкции моторов и о материалах, которые применяются. Но я не настолько за это время своего пребывания овладел этими предметами, чтобы иметь подробные сведения. Я только знал, что отдельные детали моторов делаются из определенных материалов.

Крыленко. Вы подтверждаете то, что сообщает Рамзин, что эти задания сообщались тем работникам, о которых он говорит?

Калинников. Да, в моем присутствии.

Крыленко. Кажется, Чарновский был указан как лицо редактирующее?

Председатель. Я хочу вернуться к вопросу о сводках. Я понял так, что в основу сводок, которые сообщались за границу, были положены кон'юнктурные сведения, которые разрабатывались в Госплане под общим руководством Громана, а сводки, которые сообщались заграницу в вредительских целях, разрабатывались под общим руководством Осадчего?

Калинников. Нет, это те же самые сводки. Подготовка лежала на Громане, заключение—на отдельных специалистах, а редактировал их Осадчий и передавал их Ларичеву для направления.

Председатель. Почему нельзя было прямо взять то, что сделал Громан, а нужно было пропускать через редакцию Осадчего?

Калинников. Я об'ясняю это тем, что в редакции Громана была экономическая часть, а что касается технической части, производственной, то в этом отношении редакция Громана была недостаточна. Для этого нужно было пускать записки по производственникам-специалистам, а окончательная редакция лежала на Осадчем.

Председатель. Он индивидуально этим занимался или вместе с кем-нибудь?

Калинников. Предварительно знакомился, а потом Ларичев.

Председатель. Следовательно, после того, как материал был готов, с этим материалом знакомились вы и Ларичев?

Калинников. А потом передавали Осадчему.

Председатель. А кто раньше с ним знакомился, вы или Ларичев?

Калинников. Мне нужно было давать на заключение материал отдельным специалистам, и поэтому я раньше знакомился, а потом передавал Ларичеву?

Председатель. Подсудимый Ларичев, вы этот момент припоминаете?

Ларичев. Иногда я передавал Осадчему, а иногда Калинников.

Председатель. Мне важно установить вот какой факт. Вы утверждаете, что иногда вы передавали, а иногда передавал Калинников, а подсудимый Калинников говорит, что приходилось передавать Осадчему непосредственно.

Калинников. Я должен был обязательно давать Ларичеву на заключение. Иногда бывало так, что он возьмет часть, а все остальное я отправлял Осадчему.

Председатель. Подсудимый Чарновский.

Крыленко. Я обращаюсь прямо к вам. Вы эту сторону показания подтверждаете?

Чарновский. Да, подтверждаю.

Крыленко. Дополнительно ничего не можете сказать?

Чарновский. Я только могу осветить свою роль. Я составил общую записку по металлопромышленности и передал Ларичеву. Это было в конце 1929 года. Затем по вопросам промышленности, которая могла иметь интерес в смысле обороны (так как наша связь с военной промышленностью была прервана), я характеризовал те заводы, которые имели у себя производства, могущие представлять интерес в этом смысле. В докладах по этой отрасли я сделал некоторые замечания по определенным, наиболее интересным заводам. Их было штук 5.

Председатель. А почему вы передавали это Ларичеву, а не прямо Осадчему?

Чарновский. Мне Ларичева удобно было найти. Адрес был такой, что я с Ларичевым сносился скорее, чем с Осадчим. С Осадчим мне просто труднее было сноситься.

Председатель. Может быть потому, что цепочка так шла?

Чарновский. Такой был установлен порядок.

Председатель. Значит была цепочка — Чарновский, Ларичев, Осадчий.

Третий «вексель» — диверсии

Крыленко. Третий вексель — вопросы диверсионной работы. По этим вопросам от кого исходили требования?

Рамзин. Насколько я помню, первое требование, касающееся создания диверсионной организации, было выдвинуто еще в Париже в конце 1928 г., а именно при разговоре с Лукомским и Жуанвилем и в разговоре с отдельными членами «Торгпрома» вечером. Затем, вскоре уже после этого, в 1929 г., мы начали получать и письменные требования, а затем и устные требования, при разговоре с гг. К. и Р. о создании диверсионной организации, при чем здесь имеется также совпадение, такой момент: с того самого

времени, как начались сомнения в смысле возможности интервенции в 1930 г. и необходимости переноса ее на 1931 год, эти требования особенно усилились, но в общем они стали поступать в ЦК «Промпартии» и в письменной и в устной форме, главным образом с весны 1929 г.

Крыленко. Значит, эти требования потом усилились?

Рамзин. Да, усиление требований начало поступать в середине 1929 г. и все время они усиливались.

Крыленко. Мне важно выяснить эти вопросы с большей или меньшей точностью, но одновременно я прошу вас помнить, и я думаю, что товарищ председатель со своей стороны укажет вам, что изложение этих обстоятельств тоже должно вами делаться в определенных пределах.

Председатель. Вам понятно? Речь идет о наименовании учреждений и лиц. И о наименовании об'ектов.

Крыленко. Прежде всего вопрос относительно организационных людских средств для этой работы.

Рамзин. Может быть, начать с того, как ставились задачи диверсионной организации, и тогда будет яснее дальнейший подход? Я не буду перечислять тех об'ектов, разговоров, писем и нажимов, которых было в 1929 г. очень много. За 1929 г. и 1930 г. ставился вопрос главным образом о военной и диверсионной организациях. В смысле диверсионной организации основная установка сводилась к тому, чтобы в момент интервенции имелась возможность остановить функционирование отдельных групп, но с наименьшими капитальными разрушениями, с тем, чтобы можно было их пустить в работу после небольшого ремонта.

Одновременно с этим была намечена и более глубокая предварительная подготовка, именно были намечены те об'екты, которые должны подвергаться разрушению, а по окончании интервенции эти запасные части должны были быть заранее заготовлены за границей. Это — основная установка, которая была принята.

В смысле способов выполнения директивы были намечены три отрасли, которые представляли интерес: военная промышленность, электростанции и железные дороги.

Крыленко. Значит, в качестве отраслей и об'ектов намечались военная промышленность, электростанции и железные дороги?

Рамзин. Да. Задача заключалась в том, чтобы не делать больших разрушений и не затрагивать самих об'ектов, как таковых. Такой подход был принят в отношении заводов военной промышленности, в области энергохозяйства и в области железных дорог.

Крыленко. Теперь будьте любезны сказать: по каждой из этих областей была создана из соответствующих живых конкретных людей специальная, скажем, комиссия по проработке этого вопроса или пока это были чисто теоретические построения?

Рамзин. В некоторых областях были образованы такие группы.

Крыленко. Скажите, пожалуйста, те лица, которые получили конкретные задания или вошли в состав комиссии, были из состава обвиняемых на данном процессе?

Рамзин. Из состава обвиняемых не было никого, кроме меня, руководившего в области энергетики.

Крыленко. Ну, а, скажем, по военной промышленности?

Рамзин. Здесь тоже в области энергетики один я. Другие относились к энергетической группе, но они не присутствуют в качестве обвиняемых здесь.

Крыленко. Чарновский и Калинников не могли оказать влияния?

Рамзин. Калинников и Чарновский должны были совместно с теми лицами, которые работали в области энергетики, обсудить список заводов, на которых должны были быть произведены диверсии.

Крыленко. Калинников заявлял, что он считал нецелесообразным направлять диверсионные акты непосредственно на заводы, что важно направлять диверсионные акты на энергетическую часть и что с этим согласился Р.

Рамзин. Да, это было определено, заводов очень много, так что это было бы и непосильным и ненужным. Поэтому должен был быть составлен список заводов, на которых необходимо было бы принять меры для организации диверсионных ячеек, для осуществления диверсионных актов. Проработка такого списка делалась Калинниковым, Чарновским и тем лицом, которое работало по энергетической части.

Крыленко. И этот вопрос согласовывался с Р.?

Рамзин. Официального согласования не было, но этот вопрос прорабатывали три лица.

Крыленко. По военной промышленности? Так что тут вы говорите, что ограничились рассмотрением вопроса о том какие именно части крупнейших военных заводов подлежат диверсии? Вы говорите, что этот вопрос был предметом специального обсуждения между Чарновским, Калинниковым и вами и об этом был поставлен в известность Р. А вопрос относительно конкретной выработки списка, как вопрос чисто-оперативного характера, был отложен?

Рамзин. Нет, самый список был намечен, но был ли он специально согласован с Р. или К., не могу сказать.

Крыленко. Теперь об электростанциях. Была ли образована специальная руководящая группа?

Рамзин. Да, была образована группа из 4 человек, в которую входили электротехники и теплотехники. Они должны были инструктировать.

Крыленко. Скажите, здесь уже было более конкретно определено количество об'ектов?

Рамзин. Да, при чем эти об'екты были согласованы даже формально с г. Р. во время моего свидания.

Методы диверсионной работы

Крыленко. Была ли для исполнения этих диверсионных актов по определенным обектам попытка создания конкретных исполнительных групп?

Рамзин. Было приступлено к созданию таких диверсионных групп в отдельных намеченных узловых пунктах.

Крыленко. Какие были конкретно разработаны методы диверсии, какие именно части электростанций подлежали диверсионному разрушению?

Рамзин. Я уже сказал, что для выработки технических способов или методов диверсии была создана специальная техническая комиссия из 4 человек, которая должна была обсудить технические методы диверсии, которые должны быть применены. Я могу о них рассказать, но едва ли будет удобно на открытом заседании об этом говорить.

Крыленко. Это не нужно. Скажите только, сколько было этих групп: с десяток, больше или меньше?

Рамзин. Всего начали организовываться эти группы в 5 пунктах, вернее, в 5 об'единениях.

Крыленко. Эти исполнительные группы в 5 пунктах были созданы в 1930 г.?

Рамзин. Организация таких групп была начата во второй половине 1929 г., вернее, в конце 1929 г. и продолжалась еще в 1930 г., до весенних арестов.

Крыленко. А как обстояло дело с железными дорогами?

Рамзин. Здесь основным вопросом было задание устраивать перерывы ж.-д. сообщения путем создания пробки в движении различными способами, но прибегать к разрушению капитальных сооружений лишь в крайних случаях. Проработка вопроса в этом направлении была передана одному из членов ЦК последнего состава. Можно назвать фамилию?

Председатель. Из состава подсудимых?

Рамзин. Нет.

Председатель. Тогда не нужно.

Рамзин. Это было лицо, которому была передана организация этого дела. Оно приступило к проработке вопроса, к выработке технических методов и организационной стороны дела.

Крыленко. Итог таков: задание было получено и условлено в конце 1928 г. с Жуанвилем: получено задание и принято к исполнению в течение 1929 г.; отдельные основные впросы были согласованы непосредственно с К. и Р., вернее с Р.

Рамзин. Частично и с К.

Крыленко. Были намечены конкретные об'екты; была намечена руководящая группа; были намечены периферийные исполнители группы. Таков итог?

Рамзин. Да.

Крыленко. По третьему векселю кто из обвиняемых может подтвердить?

Рамзин. По диверсионной части?

Крыленко. Да.

Рамзин. Калинников и Чарновский в части списков, касающихся военной промышленности.

Крыленко. А по другим отраслям?

Рамзин. По энергетике только я целиком знаю.

Крыленко. Они знали, что ведется такая работа?

Рамзин. Они знали, но подробности им были неизвестны.

Крыленко. По энергетике—вы, по военной промышленности — мы слышали от Чарновского и Калинникова, по железным дорогам — через то специальное лицо, которому это было поручено и которое было в составе последнего ЦК, но в процессе не участвует?

Рамзин. Да.

Крыленко. Можно спросить у Калинникова для подтверждения?

Председатель. Подсудимый Калинников, вы сейчас слышали об'яснения Рамзина по этой части?

Калинников. Слышал.

Председатель. Что вы скажете по этому поводу?

Калинников. Я подтверждаю в целом показания Рамзина и хочу только уточнить относительно списка очередности. Совершенно верно, что общего списка очередности мы составить не могли или не успели, да этого и не требовалось, как я указывал, но мы составили для того, чтобы разработать план диверсии по энергетике, первоначальный основной список, и этот список был одобрен, как и сказал Рамзин, г. Р. Он был положен в основу работы специалистов по энергетике, которые составляли план диверсии в энергетической части военных заводов.

Крыленко. Вам известно, что были настойчивые требования со стороны?

Калинников. Да, известно.

Крыленко. Вы не помните, вы сами ни разу не присутствовали?

Калинников. Даже при самом разговоре с Р., когда шла речь об этом списке, по тону его заявлений настойчивость была несомненна. Но я слышал и раньше от Л. К. Рамзина, что не в первый раз это повторяется.

Председатель. Подсудимый Калинников, садитесь.

Четвертый «вексель» — военная организация

Крыленко. Теперь по четвертому векселю, который вами был выдан, — относительно военной организации. Он равным образом вами обусловливается еще в Париже?

Рамзин. Да. По этой организации еще в Париже были намечены довольно детально и основные задачи, так что в этой части почти целиком основные задачи были привезены из Парижа.

Крыленко. И в этом отношении, равным образом, были настойчивые требования со стороны агентуры?

Рамзин. Да. Они особенно усилились после того момента, когда начала выясняться необходимость переноса интервенции на 1931 год. Я об'ясняю это усиление напора по диверсионной и военной организациям тем, что хотя в заграничных газетах и пишут, что легкость интервенции с каждым годом возрастает, но сами для себя они понимают, что, наоборот, трудность интервенции увеличивается. Поэтому перенос интервенции на более дальний срок определенно расценивался там как операция, связанная с неизбежным увеличением трудностей с военной стороны, и для компенсации этой увеличивающейся трудности военного характера на нас и произзодили напор чисто военного характера в напразлении развертывания диверсионной и военной организаций.

Крыленко. Я понимаю военную организацию в смысле создания ячеек, входящих в состав «Промпартии», исполняющих ее директивы — в составе Красной армии. Я так понимаю?

Рамзин. Если позволите, я вкратце освещу те подходы, которые были внутри ЦК «Промпартии» о создании военных организаций, не касаясь отдельных фактов и деталей.

Крыленко. Да, не касаясь имен, лиц и проч.

Рамзин. Основные задачи, как они были даны в Париже после обсуждения их в середине 1929 г., когда начались настойчивые просьбы, привели ЦК «Промпартии» к необходимости строить военные организации не по массовому принципу, а по тому же самому принципу, как построена вся «Промпартия» в целом, т.-е. выбрать оперативную головку, руководящую, в отдельных руководящих военных учреждениях или частях и, опираясь на них, проводить то, что необходимо «Промпартии», или то, что диктуется ей в этом отношении военными кругами. Здесь не было поползновений или попыток создать массовую организацию, на которую можно было бы опираться, скажем, путем восстаний или военных мятежей, но здесь имелось в виду продолжение вредительской работы, но уже с чисто военным уклоном.

Крыленко. Вредительстзо в промышленности?

Рамзин. Нет, в военном деле. Я в кавычки ставлю «вредительскую работу в военном деле». Эта организация, таким образом, носила тот же характер, что и вся структура «Промпартии», а именно иметь отдельных головных оперативных работников в отдельных частях Красной армии и флота.

В каких частях главным образом рассчитывали иметь здесь успех? В частях инженерно-технических, потому что считали, что по характеру, по своему мировоззрению и психологии эти части Красной армии ближе к инженерстзу, доступнее для обработки и, кроме того, именно здесь такие единицы могли дать известный эффект и пользу.

Крыленко. Значит, была установка связаться в первую голову с инженерно-техническими частями?

Рамзин. Да, основная ставка была сделана на них, во-первых. Я не знаю, перечислять ли части.

Крыленко. Нет, не нужно.

Скажите, была ли это линия нажима или даже больше — прямое требование установить между некоторыми штатскими лицами прямую связь с военными частями?

Рамзин. Да. Это было.

Крыленко. Установить прямую связь по военной линии?

Рамзин. Такие требования мы получили дважды: один раз мы получили письмо от «Торгпрома», в котором определенно говорилось, что генерал Лукомский настаивает на установлении прямой связи между ним и одним из руководящих лиц этой военной организации «Промпартии». И затем второе требование или предложение (я уж не знаю, как назвать) было получено мною в конце 1929 г. при свидании с Р., когда он мне передал просьбу одного официального лица относительно установления прямой связи между руководителями военной ячейки «Промпартии» и полковником Ришаром. Это требование, насколько мне известно, не было реализовано, при чем я должен здесь заметить, что мне не совсем ясно было, как они намечали осуществление этой связи, путем ли приезда Ришара сюда или путем переписки по прямой линии. Это мне было непонятно.

Крыленко. По вопросу относительно технической разработки этой части задания вами была создана какая-нибудь специальная комиссия?

Рамзин. Внутри ЦК, из членов ЦК, была выделена специальная группа, которой было дано поручение практически приступить к созданию военной организации с тем, чтобы использовать имеющиеся знакомства, обработать нужных людей, а также практиковать вербовку. Такая комиссия была создана из членов ЦК «Промпартии». Она начала свою деятельность по созданию и развертыванию военной организации.

Крыленко. Из кого она состояла?

Рамзин. В эту комиссию вошли Ларичев, Калинников, Осадчий. На первом организационном заседании был я, точно так же как на одном из заседаний в начале 1930 г.

Крыленко. Что же, было распределение по соответствующим родам оружия?

Рамзин. Нет, здесь были намечены основной принцип и части войск, где нужно создавать эти связи. Затем было дано задание использовать все знакомства и связи.

Крыленко. Таким образом, мы установили факт создания комиссии как начало конкретных действий в этой области.

Рамзин. Да.

Крыленко. Теперь один вопрос, который я сформулирую таким образом: были ли сделаны попытки установления такой связи уже с конкретными лицами?

Рамзин. Да, конечно, потому что это было задание этой комиссии.

Крыленко. И в определенной части это задание было реализовано?

Рамзин. Оно начало реализоваться, но находилось в зачаточном состоянии.

Председатель. Подсудимый Калинников. Подсудимый Ларичев.

Крыленко. Подтверждаете вы это?

Калинников. Да, подтверждаю.

Крыленко. Подсудимый Ларичев, вы подтверждаете?

Ларичев. Да.

Крыленко. Вы подтверждаете создание комиссии, задачей которой было приступить к исполнению этих заданий?

Калинников. Попытки приступить к исполнению.

Крыленко. Больше я не детализирую этот вопрос.

Председатель. Ко всем трем подсудимым имеются какие-нибудь вопросы? Садитесь, пожалуйста.

Крыленко. Теперь к Рамзину у меня еще один вопрос. Скажите, пожалуйста, помимо этих форм деятельности еще другого характера работа вами производилась к интервенции?

Рамзин. Здесь еще вот какая отрасль работы была, но задания по ней шли мимо ЦК «Промпартии». Тем не менее об этих заданиях я сведения имею. Я хочу сказать относительно подготовки плацдарма для вторжения интервенционных войск по границам.

Крыленко. Значит, вы знали об этом!

Рамзин. Да.

Крыленко. А имена, которые я называл раньше, вам не были известны?

Рамзин. Мне известны как раз другие имена.

Крыленко. А не те, которые я называл?

Рамзин. Те, которые вы называли, участвовали в этой работе, но я с ними непосредственно не сносился, а сносился с другими. Я имею в виду группу по водному хозяйству — Ризенкампф и Кениг.

Крыленко. ЦК знал об этой работе?

Рамзин. Да, члены ЦК знали об этом.

Крыленко. Вы об этом нам не сообщили до сих пор...

Рамзин. Эта работа шла собственно не столько по линии промышленности, сколько по линии Наркомзема. С ЦК она была связана мало. Если она получила финансирование, то очень маленькое.

Крыленко. Мы ограничимся только тем, что вам эта работа была известна.

Рамзин. Я могу рассказать, что было известно.

Крыленко. Вы расскажете после.

Председатель. Об'является перерыв до 6 часов вечера.

Вечернее заседание

Председатель. Заседание Специального присутствия Верховного суда Союза возобновляется. Специальное присутствие переходит к допросу свидетелей. Товарищ комендант, пригласите свидетеля Красовского.

Крыленко. Прокуратура имеет заявление. Прокуратура истребовала комплект «Русских ведомостей» за 1917 г. Прокуратура не нашла там статьи, которая соответствовала бы тому характеру или тому содержанию, которое описано гр. Федотовым. Имеется 3 статьи. Одна из них относится к указанному моменту, а именно датирована 31 марта и озаглавлена «Накануне катастрофы», но она не носит того характера. Остальные статьи, которые я нашел при просмотре, еще менее носят этот характер. Может быть, гр. Федотов просмотрит весь комплект во время перерыва или когда ему будет угодно, и укажет? Прокуратура против приобщения не возражает, а будет ходатайствовать.

Председатель. Защита не возражает против ознакомления подсудимого Федотова с этим комплектом и приобщения к делу, в случае надобности, этого издания «Русских ведомостей» за 1917 г.?

Защита. Нет, не возражает.

Председатель. Пригласите свидетеля Красовского.

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ КРАСОВСКОГО

Председатель. Гр. Красовский?

Красовский. Да.

Председатель. Угодно прокуратуре перейти к допросу?

Крыленко. Свидетель Красовский, будьте любезны, сообщите мне приблизительно дату вашего ареста?

Красовский. 1 апреля 1928 г.

Крыленко. Значит, все данные будут относиться ко времени до вашего ареста?

Красовский. Да.

Крыленко. В тот момент вам было известно о наличии некоей центральной

организации — инженерно-вредительской организации?

Красовский. Да, известно.

Крыленко. Вы кого-нибудь из находящихся на скамье подсудимых в качестве членов этой центральной организации знаете?

Красовский. Да, знаю.

Крыленко. Кого вы можете назвать?

Красовский. Я могу назвать Рамзина, Чарновского, Калинникова, могу назвать Федотова.

Крыленко. А Ларичева?

Красовский. Могу назвать и Ларичева.

Крыленко. Вам приходилось участвовать в каких-нибудь совещаниях с ними непосредственно?

Красовский. Да, приходилось.

Крыленко. Случалось ли вам делать сообщения, касающиеся, в частности, вредительской работы на транспорте?

Красовский. Да.

Крыленко. Может быть, вы передадите нам вкратце приблизительную характеристику методов вредительской работы в этот период на транспорте?

Вредительская работа в НКПС

Красовский. Вредительская работа на транспорте сначала базировалась на той теории кризиса, начало которой исходит еще с 1925 г. из Всесоюзной ассоциации инженеров, в которой в этом году формировались контрреволюционные настроения и распространялась теория кризиса, утверждавшая неизбежность падения советской власти под влиянием тех кризисов, которые и тогда были и о которых предполагалось, что они будут усиливаться. Поэтому вредительство должно было быть направлено на то, чтобы теми или иными мерами вызвать появление этих кризисов, но затем 1926 г. и начало 1927 г. показали, что эта теория кризисов, которая рассчитывала на перерождение советской власти, не выдерживает критики, ибо, несмотря на всяческие затруднения, которые вызывались и по металлу, и по топливу, и по электроэнергии, а также затруднения с предметами первой необходимости — они кризиса не вызывали: напротив, почти повсюду восстановительный период заканчивался, и на очередь вставал вопрос реконструкции, и только лишь некоторые надежды имелись на основании доходивших слухов о борьбе внутри партии.

Во второй половине 1927 г., вернувшись из-за границы, Хренников и Рамзин сделали сообщение о том, что тот факт, который раньше учитывался как маловероятный—военная интервенция — должен теперь приобрести главенствующее значение, ибо на основании тех переговоров, которые, по их словам, происходили в Париже, на основании переговоров между группой «промышленников», бывших владельцев промышленных предприятий и правительственными кругами Франции оказывается, что интервенция весьма вероятна, что ее следует ожидать, при чем предполагалось, что эта интервенция будет произведена военными силами Польши и Румынии при общем руководстве и финансово-материальной поддержке Франции. При этом указывалось, что не исключена возможность участия в той или иной форме Англии. Тогда, под влиянием этих сообщений, «Инженерный центр» принял полностью ориентацию на интервенцию и, в зависимости от этого, дал директиву сосредоточить свое внимание на тех отраслях вредительства, которые понижали бы обороноспособность и хозяйственную мощь страны. Вообще вредительскую организацию на транспорте следует рассматривать как понижение обороноспособности страны, ибо все дороги участвуют в тех перевозках, которые вызываются требованиями войны. Но естественно, что прифронтовые дороги, на которых падает вся тяжесть перевозок, являются наиболее ответственными. Естественно, что эти дороги должны находиться в наилучшем состоянии.

Прифронтовые дороги умышленно не снабжались материалами

И вот после того, как была принята ориентация на интервенцию, ориентация на понижение обороноспособности страны, вредительская организация НКПС усилила свои вредительские действия по отношению к прифронтовым дорогам, в управлении которых находились члены нашей организации. На Белорусско-Балтийской ж. д. членами правления по технической части, фактическими руководителями технической работы были инж. Полозов и Мокршицкий, а по Северным ж. д. — начальник тяги Дисковский. Самым важным фактором в перевозке является исправность подвижного состава, в частности паровоза, ибо действительно только с исправным подвижным составом можно производить бесперебойные перевозки, а исправность подвижного состава зависит от успешности ремонта, а успешный ремонт, в свою очередь, зависит от правильного и своевременного, обильного и достаточного снабжения материалом и запасными частями. Поэтому наша организация, прикрываясь общим недостатком материалов и запасных частей на дорогах, снабжала прифронтовые дороги хуже, чем тыловые, внося этим самым дезорганизацию в дело организации ремонта и понижая качество ремонта. Точно так же ремонтное оборудование дорог заставляло желать много лучшего, и мы сознательно не улучшали его.

Следующим важным фактором эксплоатационным на дорогах является однообразие паровозного парка, ибо совершенно естественно, что когда имеется однообразный паровозный парк, то и пере-

возки совершаются проще, ибо не нужно пересоставлять поезда, и ремонт происходит проще, ибо все получается однообразное. Мы же, прикрываясь тем, что прифронтовые дороги включают в себя участки с разным коммерческим движением, прикрываясь экономическими соображениями, мы оставили там разнобойность, разносерийность этих паровозов.

Следующее вредительское мероприятие осуществлялось в составлении мобилизационных планов и проектов. Прежде всего мы давали пониженные коэффициенты эксплоатационного использования. Мы доказывали, что задания военведа по перевозкам являются неосуществимыми, и побуждали уменьшать эти задания. Самые планы составлялись чрезвычайно вяло, а те планы, которые составлялись дорогами, составлялись настолько неполно и небрежно, что требовали неоднократных переделок. И здесь также проводилась канцелярская волокита.

Если тем не менее взять проработанные планы, которые относятся к периоду мобилизации, то совершенно не затрагивались вопросы периода, следующего за мобилизацией, между тем как он, по опыту минувшей войны, является для дорог не менее важным. Нами не были разработаны те ремонтные вопросы, которые связываются с необходимостью возможного свертывания и эвакуации ремонтных средств дороги. Нами не затрагивались вопросы комплектования кадров этого периода.

И, наконец, прикрываясь режимом экономии, мы всячески урезывали кредиты на прифронтовых дорогах, тем самым побуждая их сокращать свои работы как ремонтные, так и строительные, а тем самым побуждали их к ухудшению качества ремонта, что в конце концов отражалось на понижении исправности всего ремонтного оборудования. Вместе с тем под видом требования кредитной дисциплины мы преследовали перерасход и тем самым побуждали дороги делать ремонт плохого качества.

Таким образом, действуя по прямому указанию «Инженерного центра», мы понижали обороноспособность страны, вносили дезорганизацию в работу прифронтовых дорог, которая должна была если не в период мобилизации, то во всяком случае в период, следующий за мобилизацией, т.-е. в период развертывания военных действий, повести к нарушению перевозок, а тем самым понизить боеспособность Красной армии, что и являлось одной из фактических задач «Инженерного центра».

Крыленко. Меня вот какой вопрос интересует: эти директивы давались вами в 1928 г.?

Красовский. Нет, эти директивы давались во второй половине 1927 г.

Крыленко. Ваша организация считает началом своего существования приблизительно какой год?

Красовский. Это незаметно было совершенно, так что я считаю 1926—1927 гг.

Крыленко. Нет, начало организации на транспорте?

Красовский. 1926 год.

Крыленко. Она уже оформилась?

Красовский. Да, в 1926 г. оформилась.

Крыленко. Во главе этой организации кто был?

Красовский. Мекк, Шухов, я, Вонифантьев, Янушевский.

Крыленко. Янушевский работал по перспективным планам?

Красовский. Да, по перспективным планам.

Крыленко. А плановое строительство им осуществлялось?

Красовский. Да.

Крыленко. А какие обязанности поручены были вам?

Красовский. Работа оперативная, а также разработка деталей перспективного характера.

Крыленко. Первые планы перспективного характера были выработаны по так называемому методу пониженных измерителей?

Красовский. Да.

Крыленко. Не можете ли вы дать парочку цифр, характеризующих степень этих пониженных измерителей?

Красовский. Трудно сказать. Дело в том, что мы считали, что примерно к 1927 году все внутренние возможности будут исчерпаны, и поэтому дальнейший рост измерителей должен быть чрезвычайно ничтожным.

Крыленко. На 1926 г. внутренние ресурсы транспорта и строительства вы считали использованными?

Красовский. Да.

Крыленко. И рационально было бы вести линию на соответствующее повышение показателей по работе транспорта?

Красовский. Да.

Крыленко. Например, нагрузка на ось, средний пробег паровоза, средняя длительность службы?

Красовский. Да, да.

Крыленко. У вас цифрового материала нет?

Красовский. Нет.

Крыленко. Инженер Шухов вам был известен?

Красовский. Да.

Крыленко. В его сообщении имеются интересные данные: он указывал, что на 1930—31 г. давались показатели, которые об'ективно были достигнуты в 1926—27 г.

Красовский. Это было потому, что первые перспективные планы составлялись раньше.

Крыленко. Например, средняя нагрузка на ось товарного вагона давалась такая, которая была достигнута в 1926 г., и давалось это как то, что должно было быть достигнуто в 1930 г. Я, конечно, не

специалист в этом деле; может быть, вы конкретизируете этот вопрос?

Красовский. Мы вообще почти не считали в дальнейшем возможным этот рост.

Крыленко. Он об'ективно был невозможен?

Красовский. Нет, об'ективно был возможен.

Крыленко. А суб'ективно?

Красовский. Ну, да, суб'ективно.

Председатель. Может быть, вы более обстоятельно расскажете, в чем заключалось содержание так называемого метода пониженных измерителей?

Вредительский метод пониженных измерителей

Красовский. Вредительская задача заключалась в том, чтобы при сравнительно невысокой или, вернее, заведомо приуменьшенной, продукции заставить государство нести огромные расходы по капиталовложениям, т.-е. показателям. Раз создаются такие-то и такие-то перевозки, то, значит, по этим перевозкам на основании низких измерителей необходимо поставить большее количество паровозов, большее количество вагонов, между тем как эти перевозки могли бы быть совершены (и опыт это доказал) с меньшим количеством паровозов и вагонов.

Председатель. Т.-е., иначе говоря, сущность метода пониженных измерителей заключалась также в своеобразном омертвлении капитала?

Крыленко. Товарищ председатель, я бы просил о следующем: я хотел бы выяснить некоторые фактические материалы и данные путем непосредственных вопросов к свидетелю Красовскому. Мне трудно оперировать на память, и я просил бы приобщить к делу материалы по вредительству в НКПС, чтобы я имел право задавать вопросы, используя эти материалы и свидетельские показания, которые могут быть подтверждены, если это угодно, непосредственно Красовскому и, если необходимо, другим.

Председатель. Каково заключение защиты?

Оцеп. Прокуратура ходатайствует о взятии цитат в части фактической?

Крыленко. Да.

Оцеп. Защита, конечно, не возражает.

Председатель. Специальное присутствие согласно ст. 254 УК определяет удовлетворить ходатайство обвинения и эти материалы к делу приобщить, предоставив сторонам право ссылаться на те места документов и оглашать их, какие понадобятся по ходу судебного следствия.

Крыленко. Я не специалист в этих вопросах и хотел бы только проверить кое-какие сообщения, относящиеся к области планового вредительства. Я напомню цифры. Если они вам не точно будут известны, тогда другое дело.

«По перспективному плану, составленному в 1926 г., средняя нагрузка на ось товарного вагона на 1930—31 г., как достижение перспективного порядка, намечалась в 4,41 тонны, в то время как нагрузка в 4,40 тонн уже была достигнута по данным 1926 г.». Верно ли это, как иллюстрация работы?

Красовский. Приблизительно верно.

Крыленко. «Средний состав товарного поезда намечен 95,5 осей, фактически достигнутый состав в 1925—26 г. был 93,4, а в 1926—27 г. — 95,1».

Красовский. Да.

Крыленко. Таким образом получается, что нагрузка на 1931 г. учитывалась в данных, которые были достигнуты в 1926 г. Получилась стабилизация.

Красовский. Я уже говорил, что мы считали не об'ективно, а суб'ективно. Это был вредительский счет. Мы считали, что все возможности исчерпаны.

Председатель. В действительности возможности не были исчерпаны?

Красовский. Нет.

Крыленко. «Средний суточный пробег товарного паровоза намечался на 1931 г. в 122 километра в сутки, а фактически в 1926 г. уже было 122 километра, а в 1927 году было достигнуто 130,9». Получалось, что вы проектировали на 1931 г. меньше, чем то, что было достигнуто в 1927 г.

И, наконец, пробег товарных вагонов на 1931 г. определялся в 83,2 километра в сутки, в то время, как реальное достижение в 1928 г. было уже 80,4 км. Этот перспективный план в развитии транспорта в 1925—26 г. — является ли он типично-вредительским планом, сознательно проводимым вредительской организацией?

Красовский. Да.

Так называемая «тяжелая реконструкция»

Крыленко. Теперь второй метод — по реконструкции транспорта в смысле его переделки на более высокие типы. Вот тут, в части переделки типа вагонов, по введению новых типов паровозов — в чем тут выражалось вредительство?

Красовский. В том, что так как перспективный план все-таки не предусматривал очень высокого повышения перевозок, тем не менее этот перспективный вредительский план намечал тяжелую реконструкцию, которая должна была потребовать от государства чрезвычайных средств.

Крыленко. В чем заключается тяжелая реконструкция?

Красовский. В необходимости переделки мостов, чтобы они пропускали тяжелые паровозы.

Крыленко. Значит, надо было переделывать мосты?

Красовский. Предполагалось, что перевозка может совершаться только тяже-

ными поездами, а для этого нужны были тяжелые паровозы, а раз тяжелые паровозы — значит, должны были быть и тяжелые мосты.

Крыленко. И полотно тоже?

Красовский. И соответственно, таким образом, должно было быть усиление рельс, щебня и т. д.

Крыленко. А самые размеры перешивать не надо было?

Красовский. Этого не надо было, но там была другая сторона, мы доказывали необходимость уширения габаритов, что тоже потребовало бы средств.

Крыленко. В области построения мостов, введения тяжелой реконструкции в материальном отношении это были бы большие суммы?

Красовский. Миллиарды.

Крыленко. Вы не знаете, кому принадлежит эта крылатая фраза, что «нужно заклеить желудок транспорта реформами так, чтобы он их переварить не мог»?

Красовский. Нет, не знаю.

Председатель. А такая фраза была?

Красовский. Не могу сказать, не помню.

Председатель. А почему была выдвинута такая мысль, чтобы перевозки совершать тяжелым составом? Почему пришли к мысли о необходимости тяжелого состава?

Красовский. Дело в том, что у нас чрезвычайно много дорог однопутных, и по таким однопутным дорогам возможно максимально пропускать 15 пар поездов. Если густота движения достигает свыше 15 пар поездов, то нужно строить второй путь. Стоимость версты определяется цифрой около 100 тысяч. Если бы мы имели возможность возить поезда в два раза более тяжелые, то ясно, что никакого второго пути не нужно было бы, и поэтому действительно, если бы у нас был тяжелый подвижной состав, было бы лучше. Так что эта основная мысль по существу правильна, но дело в том, что весь вопрос в масштабе, в размере. Если действительно этот масштаб был бы большой, если бы наши перевозки росли очень быстро, то, может быть, пришлось бы прибегнуть к тяжелой реконструкции. Мне из газет известно, что сейчас настолько быстро развивается движение по железным дорогам, что та комиссия, которая ездила под руководством товарища Сулимова в Америку, она как будто бы намечает на некоторых дорогах введение этих тяжелых паровозов.

Председатель. В чем же заключается вредительская сторона этого дела?

Красовский. В самом масштабе. Не настолько еще был велик рост, что нужно было вводить эту тяжелую реконструкцию.

Председатель. Значит, сама по себе техническая мысль правильна?

Красовский. Но неправильна по времени.

Председатель. Значит, не соответствовала данным условиям по своему масштабу и по характеру осуществления?

Красовский. Да.

Председатель. Следовательно, она форсировалась сознательно в целях вредительства, тогда как нужно было сделать это постепенно и не в таком охвате?

Красовский. Да.

Председатель. В этом заключалось вредительство?

Красовский. Да.

Крыленко. Вы были арестованы в апреле 1928 г.?

Красовский. Да.

Хорошие паровозы предназначались для сил интервенции

Крыленко. 30 апреля 1928 г. была произведена проверка состояния паровозного парка на отдельных дорогах, и был составлен целый ряд актов. Вот вы говорили, что запас паровозов на пограничной дороге, Белорусско-Балтийской жел. дороге, оказался неисправным почти полностью — 86,2%, а исправными только 13,8%. Это — результат прямой вредительской работы?

Красовский. Да.

Крыленко. Значит, такой состав на этой дороге являлся результатом одного из мероприятий на пограничной дороге? Вы говорили о разносерийности паровозного парка?

Красовский. Да.

Крыленко. А это уже прямая неисправность в ремонте?

Красовский. Да, это плохой ремонт; кроме того, оставление в холодном запасе неисправных паровозов.

Крыленко. Это — мобилизационных запасов?

Красовский. Да.

Крыленко. Значит, специально составлялся мобилизационный запас неисправных паровозов.

Красовский. Да.

Крыленко. Средний процент больных паровозов был не 24, как было указано официально, а 28, и только по 19 дорогам разница в больных паровозах против официальной отчетности выразилась в 81 единицу. Подчеркиваю, что это только по 19 дорогам. Значит ли это, что ваша организация к этому моменту была достаточно разветвленной организацией?

Красовский. Безусловно.

Крыленко. Запущенность среднего ремонта выражается в 124%, значит, с 1925 по 1928 г. мы имеем средний ремонт не уменьшающийся, а увеличивающийся, а текущий ремонт, если взять 1926 г. за 100, выражается в 288%. Это была сознательная работа вредительства?

Красовский. Да.

Крыленко. Это была работа «Инженерного центра» в 1928 г., т. е. до окончательного образования «Инженерного цен-

тра» и оформления его в «Промпартию»? Эта работа перешла по наследству?

Красовский. Да.

Крыленко. И была в дальнейшем согласована?

Красовский. Да, согласована.

Крыленко. Эта работа по дезорганизации пограничных дорог равным образом докладывалась?

Красовский. Нет.

Крыленко. Специально не докладывалась?

Красовский. Специально не докладывалась.

Крыленко. Но они были осведомлены?

Красовский. Да, через Янушевского, потому что Янушевский был в курсе дела.

Крыленко. Таким образом, ЦК «Промпартии» в самом начале 1928 г. уже был осведомлен о проделывавшейся ранее, принятой по наследству и продолжавшейся в дальнейшем работе по дезорганизации специальной пограничной прифронтовой полосы?

Красовский. Да.

Крыленко. При этом, в какой приблизительно срок вашей организацией до соединения с организацией НКПС, когда она вошла в общую организацию, намечался развал дорог пограничной полосы?

Красовский. Он намечался примерно к 1929 году.

Крыленко. Это по вашей оценке?

Красовский. Да.

Крыленко. Я хотел бы остановиться на некоторых из этих дорог. Вы говорите о методах дезорганизации: снабжение — первое, разносерийность парка — второе, повышение числа больных паровозов — третье и развал парка — четвертое.

Красовский. В снабжении — да.

Крыленко. На Московско-Белорусской жел. дор. кто был?

Красовский. На Московско-Белорусской ж. д. был Сушер. Мокршицкий был на Октябрьской ж. д., по тяге — Сушер, а во главе — Полозов.

Крыленко. На Октябрьской жел. дор Мокршицкий, а на Северо-Западной?

Красовский. Дисковский.

Крыленко. Указания соответствующего характера этим периферийным центрам от кого исходили?

Красовский. От нас — от ЦУЖЕЛ, от Шухова, меня, Шаховского и Федорова.

Крыленко. Не оглашая специально показаний, я прошу суд удостоверить, что в приобщенных документах, — если суд считает необходимым, он может огласить, — имеются на стр. 23 в показаниях Полозова как раз конкретные мероприятия по Моск.-Белорусско-Балтийской жел. дор., на стр. 26 в показаниях Мокршицкого имеется указание, специально касающееся этой части на Октябрьской жел. дор., на стр. 27 в показаниях Дисковского — специально касающееся Северо-Западных ж. д. Это важно для установления, во-первых, того, какая организация, ликвидированная в 1928 году, существовала, во-вторых, что эта организация работала именно в этом направлении, как показывает свидетель Красовский, и, в-третьих, что об этой организации, — так свидетельствует Красовский, — знал ЦК «Промпартии», может быть, в то время окончательно не оформленный, но во всяком случае был осведомлен.

Красовский. Да.

Крыленко. У меня больше вопросов к свидетелю Красовскому нет.

Председатель. Специальное присутствие о п р е д е л я е т: «Удостоверить, что на странице 23-й представленных материалов содержится об'яснение члена правления по технической части Московско-Белорусско- Балтийской ж. дор. Полозова, где сказано о том, что технический персонал ЦУЖЕЛ сознательно игнорировал вопросы, непосредственно связанные с мобилизационной подготовкой дорог.

Специальное присутствие удостоверяет, что на 26-й странице содержится об'яснение члена правления по технической части Октябрьской жел. дороги Моркшицкого, где говорится о том, что со стороны вредительской организации были проявлены действия, имеющие целью ослабить и затормозить подготовку железных дорог с мобилизационной стороны.

27-я страница содержит в себе, и это также удостоверяет Специальное присутствие, об'яснение начальника управления тяги Северо-Западных железных дорог Дисковского, где говорится о том, что были приняты вредительской организацией меры к ослаблению паровозного парка на Северо-Западных жел. дорогах и ослаблению мобилизационной железнодорожной готовности».

Обвиняемый Рамзин.

О чем «забыл» сказать Рамзин

Крыленко. Гр-н Рамзин, от Красовского или от Янушевского вам о такого характера работе было известно?

Рамзин. Я указывал относительно того заседания «Инженерного центра», которое происходило в первой половине 1927 г., примерно весной, перед моим от'ездом за границу, и Красовский делал доклад о направлениях вредительской работы в области транспорта. Всю остальную часть 1927 г. я отсутствовал из СССР, и о деятельности Красовского за этот период мне не могло быть известно. Затем, от начала 1928 г. и до ареста Красовского, за весь этот период ни одного совещания с присутствием Красовского не знаю. По-моему, это соответствует тому, что говорил здесь свидетель Красовский.

То, что мне известно о вредительстве по транспорту, я указал в своих показаниях. Правда, детальных сведений по

железным дорогам я не имел, потому что этой областью работы «Инженерного центра» я не руководил и не интересовался, и она мне известна лишь в основных направлениях.

Крыленко. Я и спрашиваю об основных направлениях. Эта часть работ, направленная к дезорганизации определенных зажных ж.-д. линий, в общих хотя бы чертах вам была известна?

Рамзин. Да. И я в своих показаниях это отмечал. И кроме прифронтовых железных дорог, — правда, это было в более поздний период, — мы направляли усилия на ослабление возможностей на главных экономических направлениях, т.-е. Москва—Донбасс и Кузбасс—Урал.

Крыленко. В дальнейшем работа эта продолжалась?

Рамзин. Работа эта продолжалась до ареста Янушевского, т.-е. до середины 1928 г. После ареста Янушевского в связи с ликвидацией вредительской транспортной группы произошел перерыв в работе, и тогда было поручено Коган-Бернштейну завязать соответствующие новые связи, но организация этих связей шла чрезвычайно туго.

Крыленко. Можно констатировать, что ликвидация транспортной вредительской группы, наступившая в первой половине 1928 г., прервала эту работу?

Рамзин. Да.

Крыленко. Но об этой работе в общем и целом, по крайней мере до ареста Янушевского, вам известно было?

Рамзин. Было.

Крыленко. И именно о характере этой работы, в связи с 1929 г. и 1928 г. первоначально, а потом — 1930 г., вам тоже было известно?

Рамзин. Да.

Крыленко. Вы говорите, что в ваших показаниях вы это показывали?

Рамзин. У меня есть специальное показание о вредительской работе «Промпартии». Оно озаглавлено «Подготовка всеобщего кризиса» и дано, если не ошибаюсь, 3 ноября. Там раздел по транспорту имеется.

Крыленко. Проверим.

Рамзин. Я могу подыскать, потому что мои показания у меня под рукой.

Крыленко. Я тоже посмотрю.

Председатель. У меня вопрос к Рамзину. Значит, так надо сказать, что в первой половине 1927 г. Красовский бывал на заседаниях «Инженерного центра»?

Рамзин. Да, я указывал о докладах Красовского об основных направлениях вредительских действий на ж.-д. транспорте.

Председатель. Вы не припомните, что содержанием этого доклада являлись в общем те самые моменты, которые здесь сегодня были изложены Красовским?

Рамзин. Я вспоминаю этот доклад в общих чертах. Говорилось о задержке провозоспособности в основных направлениях, т.-е. по прифронтовым дорогам, а также об ухудшении использования подвижного состава. Я примерно это так и формулировал в своих показаниях. Во всяком случае смысл был таков. Вот это были две главных директивы.

Председатель. А относительно мобилизационных запасов, относительно того, что неисправные вагоны числились в мобилизационном запасе?

Рамзин. Этой детали я не помню. Я помню только те две основные директивы, которые я только-что указал.

Крыленко. К вопросу проверки показаний Рамзина мы вернемся впоследствии. Его ответ сейчас запротоколирован, и этим мы пока ограничимся.

Председатель. Подсудимый Ларичев.

Что «упустил» в своих ранних показаниях Ларичев

Крыленко. Вам содержание этого характера работы было известно?

Ларичев. Да.

Крыленко. И такого рода работа обсуждалась?

Ларичев. Да.

Крыленко. Вы об этом в своих показаниях тоже показывали?

Ларичев. Я показывал относительно общего направления.

Крыленко. А конкретно об этой работе не сообщали?

Ларичев. Отдельные факты трудно упомнить, но мне было известно не только из заседания, но и из частных разговоров с Янушевским.

Крыленко. О мобилизационном характере пограничных работ?

Ларичев. Об общем ухудшении показателей работы транспорта.

Крыленко. Это одно, а о мобилизационном характере этих работ?

Ларичев. Разговор этот шел применительно к заседанию общего характера. В 1928 г. начались эти разговоры.

Крыленко. Но о специальном мобилизационном значении пограничных дорог вам было известно?

Ларичев. Уже в дальнейший период.

Крыленко. Вы говорили, что был доклад соответствующего содержания свидетеля Красовского?

Ларичев. Общее содержание доклада свидетеля Красовского было таково, но специального упора на такие частности я не помню. Речь шла об общем ухудшении транспорта.

Крыленко. Скажите, свидетель Красовский, когда вы делали сообщение, вы об этом говорили?

Красовский. Я говорил, только вскользь, ибо упор на пограничные дороги был во второй половине 1928 г., т.-е. после моего доклада. Доклад был в 1927 г.

Крыленко. Центральная вредительская организация не могла не знать об этом?

Красовский. Об этом был осведомлен

Янушевский, но на заседании я говорил только вскользь.

Крыленко. Тогда поставим вопрос так: центральная организация через Янушевского не могла не быть осведомленной об этой работе, которая, как я выразился, была передана по наследству?

Красовский. Да.

Крыленко. Должна была знать?

Красовский. Да.

Крыленко. Вы не помните, где вы в ваших показаниях показывали об этой части работы?

Ларичев. Об этой части специально не показывал.

Председатель. Вы не помните, не было ли поручено специально договориться с кем-нибудь о выборе тех железнодорожных направлений, на которых должна быть сосредоточена демобилизационная работа?

Ларичев. Это было в позднейший период — в 1929 г.

Председатель. Как это было?

Ларичев. Не называя фамилий, я вам скажу, что на одном из заседаний ЦК, когда рассматривался план диверсионной деятельности, было поручено мне и одному из специалистов, имеющему близкое соприкосновение с ЦК, подумать над этим вопросом. Я лично как не специалист-транспортник не мог ничего сделать кроме того, о чем я уже докладывал в топливной части, а тому лицу было поручено укрепить соответствующую связь и организовать соответствующую техническую разработку этого вопроса.

Председатель. А почему это вам было поручено?

Ларичев. Этот вопрос связывался с вопросом топливоснабжения.

Председатель. Не с диверсионным актом?

Ларичев. Положение, о котором я говорю, имело прямую связь с нарушением железнодорожного движения, а техническая сторона диверсионной деятельности самих железных дорог, эксплоатации железных дорог была поручена другому члену. Это было в 1929 г.

Председатель. А в 1927 г. при докладе Красовского вы присутствовали?

Ларичев. Присутствовал.

Председатель. Тогда никаких поручений не было?

Ларичев. Нет.

Председатель. Кому-нибудь были даны поручения?

Ларичев. Никаких поручений не было дано. Транспортная организация делала информационный доклад и просила известных указаний.

Председатель. Я и спрашиваю, какие были даны указания?

Ларичев. Одобрить ее деятельность. В то время цель вредительской организации сводилась к созданию общего ухудшения положения страны. Специальные вопросы военного характера в то время не выдвигались, и на них внимания не заострялось. Вот почему, может быть, я не помню этих деталей, хотя, может быть, они и сообщались.

Председатель. Можно сказать, что доклад Красовского закончился тем, что центральный комитет, или тогда еще «Инженерный центр», вынес постановление, одобряющее эту работу и рекомендующее действовать в том же духе?

Ларичев. Было решено, что направление взято правильно.

Председатель. И в развитие этого направления в 1929 г. было конкретное уточнение, и вам было дано соответствующее поручение?

Ларичев. Это было сделано под давлением тех кругов, о которых мы здесь говорим.

Председатель. Это другой вопрос, но факт такой был?

Ларичев. Был.

Председатель. Товарищ комендат, свидетель Красовский может быть выведен из зала. Пригласите свидетеля Сироцинского.

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ СИРОЦИНСКОГО

Председатель. Свидетель Сироцинский?

Сироцинский. Да.

Председатель. Ваше имя и отчество?

Сироцинский. Владимир Карлович.

Председатель. Отвечайте на вопросы, которые будут вам предложены обвинением и, если понадобится, подсудимыми и защитой.

Я должен вас предупредить, что, так как мы сейчас рассматриваем область вопросов, связанных с разного рода диверсионными и тому подобными актами, вы должны остерегаться делать такие заявления, которые либо вскрывают деятельность некоторых иностранных учреждений и лиц, находящихся на территории Союза, или содержат в себе указания на те или другие об'екты, имеющие военное или стратегическое значение.

Сироцинский. Слушаю.

Крыленко. Когда вы были арестованы?

Сироцинский. 2 месяца назад.

Крыленко. Какие вы несли обязанности, какие были ваши официальные должности за последние два года?

Сироцинский. Я был в строительном комитете ВСНХ СССР членом технического совета. Это продолжалось 3½ года.

Крыленко. А до этого?

Сироцинский. Я был в Наркомтруде приблизительно 7 месяцев.

Крыленко. В качестве кого?

Сироцинский. Консультанта.

Крыленко. По каким вопросам?

Сироцинский. По строительным вопросам в отделе охраны труда.

Крыленко. Вы главным образом консультировали по вопросам строительства или вообще по всем предприятиям?

Архитектор-вредитель

Сироцинский. Я архитектор вообще по всяким предприятиям.

Крыленко. Через этот технический совет проходили проекты всех крупных строительных предприятий?

Сироцинский. В техническом совете проходили все предприятия союзного значения и все предприятия сверхлимитные, приблизительно все строительство стоимостью свыше 2 миллионов проходило через технический совет.

Крыленко. Значит, крупные промышленные предприятия, главным образом?

Сироцинский. Да.

Крыленко. А всякие другие типы предприятий не проходили?

Сироцинский. Нет.

Крыленко. Вы должны были там давать консультации технического характера. Я хочу вас спросить по поводу одного частного факта: вы имели отношение к строительству в текстильном совете крупных текстильных фабрик?

Сироцинский. Текстильных фабрик я почти не касался, это относилось к области инженера Кузнецова. Но некоторые из текстильных фабрик мне приходилось рассматривать.

Крыленко. А кто был вместе с вами консультантом в этой области в Наркомтруде?

Сироцинский. Я являлся представителем Наркомтруда в текстильном совете строительного комитета, так что, служа консультантом в Наркомтруде, я приходил, как представитель Наркомтруда по рассмотрению проектов в смысле дачи экспертизы, в технический совет строительного комитета.

Крыленко. А кто там работал непосредственно в этой организации? Кудрявцева вы знали?

Сироцинский. Он являлся моим начальником. Он возглавлял отдел техники безопасности.

Крыленко. Тоже техник?

Сироцинский. Он инженер.

Крыленко. Вы не помните спора, который был в техническом совете по вопросам размера текстильных фабрик — какой вышины строить их в отдельных частях?

Сироцинский. Я помню, что в это время крайне настойчиво в Наркомтруде требовали возможного повышения отдельных этажей, при чем в настоящее время мы дошли до высоты этажа в 5 метров. В то же время Наркомтруд требовал введения этажей в 6 метров.

Крыленко. А в 9 метров не требовал?

Сироцинский. Нет, было 6, 6½ метров, но 9 не было.

Крыленко. А о существовании этой вредительской организации вы знали?

Сироцинский. Знал и состоял в ней.

Крыленко. Когда вы работали в Наркомтруде — тоже состояли?

Сироцинский. Я состоял в организации с конца 1926 г.

Крыленко. Так что, когда работали в Наркомтруде — тоже?

Сироцинский. Да.

Крыленко. Этот размер этажей был специальным вредительским маневром для вложения средств?

Сироцинский. Да, кроме того были остальные факторы.

Крыленко. Это один из методов?

Сироцинский. Да, один из методов.

Крыленко. Почему этот акт был вредительством — потому что он требовал вложения большого количества средств или по другим каким-либо моментам?

Сироцинский. В данном случае потому, что требовал вложения больших средств.

Крыленко. Что не вызывалось необходимостью?

Сироцинский. Не вызывалось необходимостью и требовало вложения больших средств.

Крыленко. А еще какой метод вредительства проявлялся в отношении материальном?

Сироцинский. Целый ряд вопросов, которые разрабатывал Наркомтруд, вылились в обязательные постановления Наркомтруда, которые все являлись преувеличенными в смысле своих требований настолько, что по этому поводу был поднят большой шум, в результате чего Наркомтруд стал сдавать некоторые свои позиции. Надо заметить, что Наркомтруд на протяжении 5½ лет работал над правилами и нормами для промышленного строительства, при чем эти нормы могли быть выработаны в год или в полтора года. В Наркомтруде же этот вопрос затянулся на 5½ лет, при чем, когда нормы были в полной мере готовы, Наркомтруд готов был послать их в ВСНХ как в организацию, которая должна дать свой отзыв, при чем распылил их по отдельным отделам ВСНХ с тем, чтобы получить разрозненные отзывы и пользоваться тем, что эти отзывы не будут иметь идентичного характера. Но в это время ВСНХ спохватился — это было в конце 1928, если даже не в начале 1929 г., — произошел раскол в строительной группе этой вредительской организации и, таким образом, эти нормы были до известной степени спасены и исправлены и была возможность выпустить их в улучшенном издании.

Крыленко. Значит, этот метод вредительства, выражающийся в нерациональной затрате средств, использовался Наркомтрудом и защищался под видом охраны интересов рабочих масс, рабочего класса?

Сироцинский. Да.

Крыленко. Под этим соусом вредительство проводилось?

Сироцинский. Да.

Крыленко. Когда вы работали в техсовете ВСНХ и даже когда были еще в

Наркомтруде, то чем вызывались споры с обеих сторон об обязательном постановлении — чем вызывались такие споры со стороны вредителей, раз обе стороны преследовали по существу одну и ту же цель — вредительство?

Сироцинский. Я говорю, спор начался с того момента, когда произошел некоторый раскол в самой организации строительной и группе вредителей.

Крыленко. Почему раскол, отчего раскол? Может быть, было слишком неудобно? Так выходит.

Сироцинский. Там были лица, которые хотели выйти из организации, перестать вредить, работать так же, как работают все советские научные работники.

Крыленко. На этой почве?

Сироцинский. Да.

Крыленко. Минималистские вредительские установки стали проводиться теми, которые добросовестно хотели уйти?

Сироцинский. Те, которые хотели уйти, внесли раскол в нормы.

Крыленко. А остальные?

Сироцинский. Должны были подчиниться в порядке совершенно очевидном и внести некоторые изменения.

Крыленко. Из опасения разоблачения?

Сироцинский. Да, это было слишком ясно и очевидно.

Крыленко. Они хотели уйти, потому что боялись, что слишком будет вредительство очевидно, а не потому, что хотели по существу уйти?

Сироцинский. Нет, это вредительство их уже тяготило.

Крыленко. Допустим так.

В этот период вашей работы в техническом совете вредительская организация была в Наркомтруде, вредительская организация была в ВСНХ и при постройке фабрик, в частности, кому приходилось просматривать проекты по текстильным фабрикам?

Сироцинский. Чаще всего Кузнецов рассматривал проекты, приходилось и мне, но в меньшем количестве.

Крыленко. О существовании центральной вредительской организации вы знали?

Сироцинский. Я знал со слов руководителя строительной группы Клевезаля. Он называл сначала фамилию Хренникова, это было в первый период, а в последний период называл фамилию Чарновского.

Крыленко. Вам называли обе эти фамилии — Хренников и Чарновский, как тех лиц, которые, состоя в центральной организации, знали об этой работе вредительского характера?

Сироцинский. И которые давали директиву.

Крыленко. По строительной группе на совещания кто ходил?

Сироцинский. Клевезаль часто ходил к ним совещаться.

Крыленко. Вы были связаны с Клевезалем?

Сироцинский. Да.

Крыленко. А с Кузнецовым?

Сироцинский. Был связан.

Крыленко. А он с кем связан?

Сироцинский. Дело в том, что в строительной группе было выделено пять лиц, которые возглавляли эту группу.

Крыленко. Кто были?

Сироцинский. Клевезаль, Кузнецов, Штамм, Ноа, Кудрявцев.

Крыленко. Эта группа была верхушкой строительной организации. Кто возглавлял эту верхушку и осуществлял связь?

Сироцинский. Дело в том, что Ноа и Кудрявцев работали в Наркомтруде, по строительной части в Наркомтруде работали Клевезаль, Кузнецов, и Клевезаль возглавлял строительную группу.

Крыленко. А о связях Кузнецова?

Сироцинский. Кузнецов, поскольку он работал по текстилю, был связан с Федотовым. Федотов являлся председателем научно-технического совета текстильной промышленности. Поэтому у Кузнецова была связь совершенно естественная потому, что он там как раз работал.

Крыленко. Связь служебная или вредительская?

Сироцинский. Вредительская.

Крыленко. Откуда это было вам известно?

Сироцинский. Знаю со слов Клевезаля.

Крыленко. Скажите, эта ваша верхушка знала о всей совокупности вредительской работы этой группы, помимо той, которую мы только что разобрали?

Сироцинский. О содержании самой работы я многого не знал.

Крыленко. Эта верхушка, я буду называть пятеркой, была в курсе всех форм и содержания вредительской работы в строительстве?

Сироцинский. В строительстве? Да. За исключением опять-таки строительных материалов, потому что они были достаточно обособлены.

Крыленко. Изымем строительные материалы. Я готов их со счетов снять.

Теперь сообщите относительно методов вредительства, которые применялись в строительстве в связи с вопросами интервенции.

Все пути ведут в... Париж

Сироцинский. Вскоре после вступления моего во вредительскую организацию, — это было в конце 1926 г. — к концу этого же 1926 г. или к началу 1927 г., я точно не помню, состоялось заседание этой строительной группы на квартире у Клевезаля, при чем один из членов, только что вернувшийся из-за границы, именно Ноа, сделал сообщение, которое, видимо, по характеру должно было воодушевить или приподнять энергию тех, которые ра-

ботали в этой области, так как он стал говорить о том, что в настоящее время эта организация не является одинокой, с одной стороны, а с другой стороны, что волна движения против коммунизма расширяется и углубляется, что, наконец, экономическое наступление на наш Советский Союз уже переросло себя, и в силу этого появляется мысль о нападении на экономический союз в смысле уже военного оформления, т.-е. из экономического наступления переходят уже в наступление военного характера.

Крыленко. В форме вооруженного вторжения?

Сироцинский. В форме интервенции или вооруженного вторжения в дальнейшем.

На этом заседании не было преподнесено в сущности директив, но указывалось, что все нити этой идеи направляются Францией, что Франция является страной, в настоящее время чуть ли не единственной, которая могла бы осуществить эту идею и реализовать ее, опираясь в то же самое время на лимитрофные государства, которые она подготовляет, и те государства, которые находятся на наших границах; что эта идея в настоящее время уже настолько окрепла, что, он думает, она скоро получит реальное осуществление. Затем он был за границей спустя год приблизительно, и вот, по возвращении из-за границы, он сообщил уже совершенно твердо, что эта идея реализована, что русская белая эмиграция всецело отдала себя в распоряжение французского генерального штаба, и что эти белые эмигранты выедут или выезжают уже, — я не помню,—в Париж для свидания с теми советскими работниками, которые находятся в этой вредительской организации, с тем, чтобы дать им те или иные директивы, тем более, что эти русские эмигранты хорошо знакомы с некоторыми частями Советского Союза. При этом он сказал, что так как эти белые эмигранты дают директивы, в сущности, не от своего имени, а от имени французского генерального штаба, то эти директивы являются для них обязательными.

Крыленко. Почему обязательными?

Сироцинский. Потому, что приобретают уже реальную форму.

Крыленко. Что из того, ну и пускай приобретают, но почему они обязательные?

Сироцинский. Для вредительской организации почему становилось обязательным?

Крыленко. Для конкретных лиц.

Сироцинский. Потому что они являлись такими планами наступления, которые были даны не случайными лицами, а уже планами наступления, разработанными французским генштабом.

Крыленко. Следовательно, надлежит без разговоров принять к исполнению?

Сироцинский. Да. Затем, через некоторый период времени после совещания отдельных главарей нам сказали, что все промышленные строительства как на севере в районе Архангельска и Ленинграда, так и на юге в районе Кавказа, что все эти строительства будут исключительно предметом ведения вот этих...

Крыленко. Давайте уточним — он сказал, что все строительство должно специально находиться в ведении Клевезаля, Кузнецова и Ноа?

Сироцинский. Да, вот этих лиц.

Крыленко. А что значит — предметом ведения?

Сироцинский. Они рассматривали проекты, эскизы и т. д.

Крыленко. Другими словами — консультация этих проектов?

Сироцинский. Дело было поставлено так, чтобы каждый проект проходил через эту группу лиц.

Крыленко. Кем был Клевезаль?

Сироцинский. Он был председателем технического совета, т.-е. начальником.

Вскоре после этого я случайно зашел к Клевезалю и мне удалось, кажется, в присутствии Кузнецова и Штамма, удалось из полунамеков, но довольно прозрачных, узнать, что в этом отношении известная работа сделана. Так, например, на севере Черноморского побережья указывалось на такие места, которые достаточно открыты и доступны с моря для полного разрушения этих строений.

Крыленко. А относительно строительства?

Внутри СССР вредители возводили помещения для войск интервентов

Сироцинский. Я и говорю о новом строительстве, которое там было произведено, что проекты составлялись таким образом, что все это строительство являлось доступным с моря для обстрела.

Затем я узнал, что там устроены какие-то платформы для возможности установки орудий.

Крыленко. Это кто сообщил?

Сироцинский. Это в частной беседе, при которой я присутствовал у Клевезаля. Я так понял. Говорилось достаточно недвусмысленно чтобы понять. Я понял, что если бы был высажен десант и удалось занять эту часть, то там были бы устроены такие площадки, которые могли бы служить для установки орудий.

Крыленко. Специальные площадки?

Сироцинский. Да.

Крыленко. Что же, они под каким-нибудь предлогом строились?

Сироцинский. Да.

Крыленко. Под каким предлогом?

Сироцинский. Я не интересовался этими деталями. Я только слышал эту беседу, но говорилось достаточно недвусмысленно.

Председатель. Виноват, я может быть прослушал — это с чьих слов вы говорите?

Сироцинский. Это говорилось на квартире Клевезаля в присутствии Кузнецова и Штамма. Это говорилось в частной беседе, основанием служило наше строительство вообще.

Председатель. Какое строительство?

Сироцинский. Промышленное.

Председатель. Значит организация этих площадок была связана с каким-то промышленным строительством?

Сироцинский. С промышленным строительством.

Председатель. Обвинением был поставлен вопрос: ни с того, ни с сего строились эти площадки или под каким-нибудь видом?

Сироцинский. Я не могу сказать, под видом чего они были построены, но они строились в замаскированной форме.

Председатель. И в связи с промышленным строительством?

Сироцинский. В связи с промышленным строительством.

Председатель. А более детально вы ничего не знаете?

Сироцинский. В каком месте, каким образом строились, указать не могу.

Затем там же, в районе Черноморского побережья, между севером и югом предполагалась постройка еще одного промышленного об'екта, при чем этот промышленный об'ект поступил на рассмотрение в технический совет, находясь опять-таки под особым надзором тех лиц, о которых я упомянул. Этот проект разрешался в техническом совете на протяжении полугода, тогда как обычно технический совет пропускает все свои проекты не больше, как на протяжении одного месяца. Задержка эта произошла, видимо, по двум причинам. Одна причина была та, что нужно было прежде всего изучить вопрос относительно места (хотя это в сущности не касалось технического совета) и вообще техники. Затем, как потом оказалось, этот проект был передан за границу на переработку. Делался он в Союзе и был передан за границу для переработки. Цель этой задержки по существу сводилась к тому, чтобы добиться того, чтобы этот проект забраковать и передать на переработку за границу. Когда этот проект был уже составлен и прислан сюда, то, к нашему крайнему удивлению, оказалось, что помимо сведений промышленного характера, там проработан весь жилой поселок, т. е. все то, что обычно делается русскими зодчими. С одной стороны, предполагалось, что в случае занятия фабрики, — так как мне говорили, что она находится в военном стратегическом месте, — будет возможность высадить десант в этом поселке в укромном месте и, с другой стороны, эта фабрика быстро могла быть перестроена на выработку взрывчатых веществ.

Крыленко. Одним словом, был разработан проект, как вы говорите, промышленного об'екта или фабрики, который, во-первых, чрезвычайно долго задержался в техническом совете и, во-вторых, был специально послан на консультацию и экспертизу за границу.

Сироцинский. Был послан просто на переработку.

Крыленко. И в-третьих, когда он вернулся оттуда в переработанном виде, то там был не только сам об'ект, но и окружающие жилые строения. Это вы знали по слухам или это было прямо сказано?

Сироцинский. Это говорилось совершенно прямо.

Крыленко. Черным по белому?

Сироцинский. Да.

Крыленко. И как раз этой группой?

Ангары вместо лесопильных амбаров

Сироцинский. Да. Затем указывалось на строительство на Севере. На Севере проще решался вопрос, так как там много сравнительно лесопильных заводов. Отдельные лесопильные амбары, слишком большие как по длине, так и ширине, по пролетам, — эти лесопильные амбары предполагалось приспособить для устройства ангаров в случае интервенции.

Крыленко. Лесопильные амбары приспособить под ангары?

Сироцинский. Да.

Крыленко. А кто это сообщил?

Сироцинский. Та же группа. В руках этой группы находился весь Север и весь Кавказ.

Крыленко. Это строительство ангаров под видом лесопильных амбаров или наоборот — строительство лесопильных заводов, имея в виду их переделку под ангары, — в этой группе находилось?

Сироцинский. Да.

Крыленко. Говорилось об этом, как о деле, которое нужно сделать?

Сироцинский. Как о деле, которое уже исполнялось.

Крыленко. Эти разговоры относились к какому периоду времени?

Сироцинский. Это приблизительно начало или середина 1928 г.

Крыленко. А эта пятерка продолжала работать и в 1929 г. до ликвидации?

Сироцинский. Да. Разрешите продолжать?

Председатель. Пожалуйста.

Готовили смертельный удар в сердце крупнейших заводов

Сироцинский. Затем мне хотелось бы еще остановиться на некоторых диверсионных актах. Дело в том, что в беседе с сотрудниками Наркомтруда мне

пришлось узнать о том, что они, пользуясь своим большим влиянием на техников фабрик и заводов, потому что техники фабрик и заводов находятся главным образом под руководством и в распоряжении Наркомтруда, — котельная представляет предмет особой заботы Наркомтруда, — в силу своего служебного положения и в силу того положения, которое занимал Кудрявцев до вступления на советскую службу, он был фабричным инспектором, — в силу его значительного знакомства, они предполагали, что механики на фабрике совершенно свободно могут взорвать любой из котлов, при чем этот взрыв всегда может быть оправдан недоглядом или некоторой халатностью и небрежностью, но отнюдь не злым умыслом. При чем не все котельные служат, так сказать, местом питания силовой энергией. Есть такие фабрики и заводы, которые работают на электричестве, а котельные служат для целей самого производства, так что котельные на большинстве предприятий имеются и представляют собой почти сердце фабрики, и таким образом взорвать котел это значит остановить работу на долгий период времени.

Затем я краткий период времени соприкасался с химическим строительством. В этой области разрешите мне рассказать о 3 химических об'ектах. Один из об'ектов, — я бы сказал, что здесь до известной степени, если хотите, было желание, с одной стороны, ослабить нашу военную мощь, а с другой стороны, нанести тяжелый удар нашей экономике, — один из об'ектов, очень крупный, строится на большой реке, и лучшего места для об'екта не придумали, как болото, болото, требующее забивки свай большой глубины. Мало того, это болото затопляемо, и для постройки этого большого крупного химического об'екта теперь потребовалась подсыпка под все это здание и под всю эту территорию на высоте 4 метров. Наши жилые комнаты теперь устраиваются в высоту 3 метра, так что вы представляете себе, на какую высоту нужна подсыпка под все это здание. Здесь приходится делать особо сложный фундамент, крайне дорогой, а с другой стороны, при весеннем половодье и при черной воде осенью, очевидно, будет иметь место фильтрация воды, потому что высокая вода в больших реках держится сравнительно долгий период времени. Наконец, вскоре после окончания всей работы, если этот об'ект будет пущен в ход, вероятнее всего его придется вновь остановить, так как вся земля должна осесть и все полы в первом этаже сядут, и придется все полы ломать и делать подсыпку, создавать новые полы.

Крыленко. К какому году этот период относится?

Сироцинский. Этот об'ект почти заканчивается строительством, а начали его строить в 1928 году.

Крыленко. Значит последние два года?

Подрывали промышленность, работающую на оборону страны

Сироцинский. Да. Второй об'ект — тоже очень крупный об'ект химической промышленности, при чем там же имеется еще и районная электростанция. Как тот, так и другой об'екты требуют еще большого количества воды. И вот и тот, и другой об'екты строятся в местности, почти лишенной воды. Там имеется несколько ничтожных ручейков, которые строительство и намерено собрать в водный бассейн, устроив для этого плотину с тем, чтобы иметь запас, резервуар воды. При этом вопрос о том, какую плотину строить, сколько их построить, — так как можно построить две плотины и можно построить 12 плотин, — зависит от экономических подсчетов, но в виду поспешности остановились без всяких вариантов просто на постройке двух плотин, при чем напор воды достигает 12 метров высоты. Когда приехал мировой знаток грунтов, то он заявил, что эта плотина внушает опасения, и очевидно, если бы эта плотина, допустим, завтрашний день прорвалась, то все производство, как химическое, так и электростанция, остановилось бы на очень длительный период.

Крыленко. Третий об'ект?

Сироцинский. Наконец третий об'ект трудно будет понять. Я постараюсь более образно выразиться. Там уже в настоящее время строится один очень крупный об'ект другого значения, не химического, крайне для нас важного, при чем для работы этого об'екта необходимо еще как бы подсобное строительство подсобных заводов. И вот газы от этого подсобного завода крайне ценны для нас, и они могли бы быть с успехом утилизированы на этом химическом об'екте. С этой целью предполагалась постройка очень крупного химического завода, при чем это подсобное помещение построено ближе к химическому об'екту, как к главному потребителю этих газов.

Этот химический об'ект очень больших размеров, проектировался в весьма спешном порядке, на это дело были брошены все проектирующие организации, которые забыли о той спешной работе, которая нужна была в этот период по химической промышленности. Я говорю о периоде ранней весны этого года. Экспертный совет Всехимпрома бросил все проекты химического производства, посвятив себя исключительно рассмотрению этого об'екта. Когда работа была закончена, и проект можно было считать утвержденным, мы узнали, что этот химический об'ект стро-

иться не будет. Значит здесь пропало время не только на изготовление проекта, не только сошла на-нет работа над всем остальным связанным с этим вопросом, но и такая деталь, о которой я доложил раньше, т.-е. этот подсобный об'ект, который должен был ближе стоять к химическому заводу, в настоящее время отведен от основного об'екта на расстояние трех верст. Теперь этот об'ект будет работать исключительно на этот основной завод. В настоящее время он отведен на расстояние 3 километров.

Крыленко. То, что вы говорите, носит характер метода нерациональной затраты главным образом капитала?

Сироцинский. Не совсем так, потому что все эти газы крайне ценны. Они служат для усиления обороны страны.

Крыленко. И кроме того для понижения обороноспособности страны?

Сироцинский. Да.

Крыленко. Об этом вы узнали от этой группы?

Сироцинский. Я узнал там потому, что это было при мне.

Крыленко. О вредительском заведомо характере вы знали от этой группы в 5 лиц?

Сироцинский. Да.

Крыленко. В итоге получается так: наличие специальной вред. организации в строительстве, возглавляемой соответствующей пятеркой, захватившей в свои руки технический совет, и вредительство в специальных целях подготовки интервенции, которое выражалось в соответствующем заведомом приспособлении различного рода строительных об'ектов фабрик для непосредственного обслуживания нужд военной интервенции в момент таковой и построении специальных площадок, на севере построение лесопильных амбаров, которые можно легко переделать в ангары, и особая разработка, консультация и переделка за границей проектов соответствующих построек в районах предполагаемого десанта, а также строительство важнейших предприятий, имеющих прямое отношение к обороне страны либо тормозить, либо ставить под такую угрозу, что все строительство будет сведено к нулю. Это вам было известно от этой группы или вами реально наблюдалось, не то, что вы принимали участие, а вы знали?

Сироцинский. Да, знал. Я могу иллюстрировать таким примером по первому об'екту, о котором я только-что докладывал, — о затоплении. Там место неизвестно кем было выбрано, генеральный план не был составлен, и он не составлен до сегодняшнего дня. А когда строительный комитет поднял этот вопрос, спросил Главхим или Всехимпром, кто выбрал место, кто утвердил место, что должен быть составлен генеральный план, потому что все строения в этом об'екте ставятся в случайном порядке, — общего плана не было совершенно, — то Клевезаль ответил, что так как составляли записку в это время для того, чтобы дать на подпись начальнику строительного комитета по запросу Всехимпрома, это будет бесполезно, потому что по этому поводу вряд ли получим реальные плоды. И действительно записка была послана, но мы ответа не получили.

Председатель. Скажите, пожалуйста, вы здесь называли ряд об'ектов, которые заведомо вредительски строились. Меня интересует, это строительство осуществлялось непосредственно тем или другим хозяйственным об'единением, скажем Главхимом. Любой об'ект Главхим осуществлял через вашу вредительскую организацию или же нет? Эта пятерка — Клевезаль, Кузнецов, Ноа и др., они не сидят в хозяйственных организациях, следовательно их вредительская идея, их планы, проекты для осуществления в каких-то хозяйственных об'единениях нуждаются в лицах, которые бы эти директивы осуществляли. У меня вопрос такого рода: как же была осуществляема эта связь, были ли в хозяйственных организациях вредительские ячейки, кем они возглавлялись и каким образом осуществлялась техника руководства?

Сироцинский. Я знаю, что в каждом таком главном управлении, или, как ныне их называют, об'единении, имеются плановые органы, и вот в этих плановых органах в сущности, если хотите, — вся соль этого вопроса, потому что все остальные участки строительства, это — мелочь, а плановые указания являются...

Председатель. Понятно. Следовательно выбор об'ектов, характер постройки намечались в плановых органах?

Сироцинский. Да.

Председатель. А эти плановые органы были под руководством вредительской организации?

Сироцинский. Они были связаны с ЦК.

Председатель. И имели внутри себя представителей этого вредительского ЦК?

Сироцинский. Правильно.

Председатель. А пятерка, которая руководила вредительскими действиями в строительстве, — она в свою очередь связана была наверху с кем?

Сироцинский. С этими отдельными организациями, плановыми органами об'единений.

Председатель. Это вниз или вверх?

Сироцинский. Это вверх, т.-е. пятерка была связана вверх с этими органами.

Председатель. С плановыми?

Сироцинский. Да.

Председатель. Но в хозяйственных об'единениях имеются свои плановые органы?

Сироцинский. Да.

Председатель. С которыми поддерживала связь эта пятерка?

Сироцинский. Да.

Председатель. Но сама пятерка держала связь с выше ее стоящим вредительским центром?

Сироцинский. Непосредственно держала связь с отдельными членами ЦК, как я докладывал, — с Хренниковым, а впоследствии — с Чарновским.

Председатель. Следовательно можно так понимать, что центральный комитет или «центр» вредительской организации, в лице Хренникова первоначально, а потом в лице Чарновского, является непосредственным руководителем этой пятерки: Кузнецова, Клевезаля, Ноа и др.?

Сироцинский. Отчасти так.

Председатель. А в чем не так?

Сироцинский. В том, что главное внимание ЦК конечно обращал на все эти хозяйственные об'единения.

Председатель. Мне хочется установить такую вещь: что между ЦК вредительской организации и этими плановыми органами хозяйственных об'единений была прямая, непосредственная связь или же она шла через эту пятерку?

Сироцинский. Нет, нет, — непосредственная связь и главное внимание ЦК конечно было обращено на эти хозяйственные об'единения, на плановые органы хозяйственных об'единений.

Председатель. Значит, я должен вас так понять, что Чарновский должен был быть непосредственно связан с плановыми органами этих хозяйственных об'единений?

Сироцинский. В данном случае, положим, Главхима.

Председатель. И следовательно все эти об'екты, выбор их, характер вредительства, — все это должно быть известно Чарновскому?

Сироцинский. Должно быть известно центральному комитету.

Председатель. По вашим данным, это должно быть известно ЦК в лице Чарновского?

Сироцинский. Если это касалось самого строительства.

Председатель. Но разве в ЦК Чарновский ведал строительными вопросами — ведь он ведал металлургией?

Сироцинский. Я говорил о связях, которые устанавливал Клевезаль с Чарновским, но ведал ли Чарновский этими вопросами, я сказать не могу, потому что этот вопрос выше моей компетенции.

Председатель. Если Клевезаль с Чарновским установил связь, то значит Чарновский через Клевезаля действовал в плановых органах?

Сироцинский. Не мог действовать, потому что плановые органы планируют то, что Клевезалю, как будущему исполнителю-эксперту, далеко не известно. Например, плановые органы хозяйственного об'единения Главхима планируют то строительство на будущий год, о котором Клевезаль и все строители и весь технический совет, экспертный совет понятия и представления не имеют.

Председатель. Понятно.

Теперь вопрос краткий и последний. Следовательно центральный комитет вредительской организации осуществляет свое руководство непосредственно известными плановыми ячейками в хозяйственных об'единениях?

Сироцинский. Главных управлений? Да.

Председатель. И это в вашем представлении, по вашим данным, делалось в частном случае через Чарновского? (Молчание). Вы назвали фамилию Чарновского.

Сироцинский. Я назвал Чарновского, с которым сносился Клевезаль, потому что по некоторым строительным вопросам директивного характера нужно было получить указания какие-то. В этих случаях Клевезаль сносился с Чарновским, чтобы получить эти директивы.

Крыленко. Разрешите мне.

Председатель. Пожалуйста.

Крыленко. Может быть, так следует тогда понимать, что по линии вредительской работы, которую исполнял Клевезаль и его группа, в процессе строительства связь велась с ЦК так назыв. «Промышленной партии» через Клевезаля?

Сироцинский. Да.

Крыленко. А затем по линии самостоятельного вредительского проектирования того, что находилось в стадии проекта, связь должна была вестись с плановыми органами хозяйственных об'единений?

Сироцинский. Совершенно верно.

Крыленко. Потому что иначе проекты эти доходили до Клевезаля только постфактум, когда приступали к реальным установкам?

Сироцинский. Да.

Крыленко. У меня к гражданину Сироцинскому больше вопросов нет, но есть вопросы к Рамзину и Чарновскому.

Председатель. У защиты есть вопросы к свидетелю? (Нет).

У обвиняемых к Сироцинскому вопросов нет? — тут наиболее заинтересованы Рамзин и Чарновский. (Нет).

Подсудимые Рамзин и Чарновский, пожалуйте сюда.

Крыленко. Гражданин Рамзин, вам об этого рода работе группы Клевезаля было известно?

Рамзин подтверждает показания свидетеля Сироцинского

Рамзин. Я должен подтвердить то, что сказал свидетель, а именно, что ос-

новная линия, по которой шли директивы из ЦК, они шли по отраслевым организациям. Так, по химическому строительству имелась отраслевая группа...

Крыленко. Кравец?

Рамзин. В данном случае Кравец и Камзолкин.

Крыленко. Меня интересует работа Клевезаля и этой пятерки в том разрезе, в котором ее характеризует свидетель, т.-е. непосредственное приспособление промышленных строительных об'ектов для обслуживания нужд интервенции. Об этого сорта работе известно ли было ЦК?

Рамзин. Я могу сообщить только следующее: мне было известно, со слов Хренникова, что связь шла по линии ВСНХ со строительным комитетом. Строительный комитет находился в ведении ВСНХ. Из тех лиц, которых здесь называли, с Сироцинским я никогда не встречался и разговоров не вел ни с Клевезалем, ни с другими лицами.

Председатель. А Кузнецова вы знали?

Рамзин. Сейчас я вспоминаю, что знал проф. Технического училища Александра Васильевича Кузнецова.

Председатель (к Сироцинскому). Как звали Кузнецова?

Сироцинский. Александр Васильевич.

Рамзин. Относительно его мне было известно, что Хренников имел связь с Кузнецовым и что он входит в технический совет. Что касается деталей, мне ничего не было известно.

Крыленко. Из сообщения, которое сделал свидетель Сироцинский, явствует, что та связь, которая имелась у этой пятерки с заграничными кругами, и те сведения, которые были им сообщены, целиком и полностью совпадают с теми сведениями, которые привозили вы и о которых мы говорим вот уже седьмой день.

Рамзин. Верно.

Крыленко. Во-вторых, свидетель устанавливает, что, по словам Клевезаля, прямая связь с центральными вредительскими организациями была к Хренникову и затем к Чарновскому. Спрашивается, могло ли быть такое положение, чтобы после смерти Хренникова этого рода вопросы, имеющие прямое и непосредственное отношение к подготовке интервенции, не были известны вам.

Рамзин. Очень могло быть, потому что слова свидетеля относительно строящихся об'ектов, относительно устройства площадок, относятся к первой половине 1928 г., когда все руководство подобного рода целиком находилось в руках Хренникова.

Крыленко. Хренников таил от вас эти секреты?

Рамзин. ЦК такие детали строительных об'ектов не докладывались.

Крыленко. Вопрос не в строительных об'ектах, какая фабрика или какой ангар, а вопрос в факте такого направления работы, вопрос в полном соответствии этого рода работы с заданиями, которые вообще составлялись. Вопрос в том, что эта работа при наличности прямых совпадений имен — Хренникова, Чарновский — со стороны Клевезаля изолированно, сепаратно не могла иметь места.

Рамзин. Я должен категорически отрицать наличие диверсионных планов в области котельного дела. Никаких планов в этом отношении я в ЦК не слышал. Это сообщение очевидно является результатом тех обсуждений, тех предположений, которые имели место в данной отдельной вредительской организации и не имели никаких директив со стороны вредительского центра — «Инженерного центра». Им это не было санкционировано.

Крыленко. Оставим в стороне вопрос о котельном хозяйстве. Допустим, что вопросы котельного хозяйства обсуждались, как обсуждался вопрос диверсии военных заводов и как обсуждался вопрос диверсии в текстильной промышленности, по свидетельству, кажется, Федотова, не в энергетической части. Но вопрос в этой частично исполненной работе. Неужели могло быть такое положение вещей, чтобы об этой работе лицам или организации, теснейшим образом соприкасавшейся с вами, о вредительском существе которой вы знали, с которыми встречались, — чтобы это не было известно ЦК?

Рамзин. Я должен повторить только одно, что по отношению к тем двум, насколько я установил, определенным об'ектам устройства площадок, никаких сообщений ЦК не делалось. Я относительно этой работы не был осведомлен, но я был осведомлен о существовании связи ЦК через Хренникова со строительным комитетом ВСНХ в лице А. В. Кузнецова.

Еще одно указание относительно направления работы. Главное направление работы, которое здесь рисовалось, шло не в плоскости устройства площадок, а по совершенно другой линии, по линии экономического строительства — удорожания строительства, использования дефицитных материалов, растягивания сроков строительства, запутывания проектировок и т. д. Относительно этого Хренников говорил, а по поводу конкретных об'ектов, устройства таких площадок в виду интервенции, в ЦК никаких сообщений я не слышал.

Связь служебная и вредительская

Крыленко. Подсудимый Чарновский, что вы можете сказать?

Чарновский. Узко по этому вопросу или вообще?

Крыленко. Узко по этому вопросу.

Чарновский. Я никогда от ЦК не получал поручений входить в сношения с Клевезалем и сообщать ему директивы о площадках или о взрыве котельной, но с Клевезалем мы часто встречались на поприще экспертизы проектов в строительной части. Наши проекты для рассмотрения их в технологическом отношении поступали в строительный комитет для строительной экспертизы и по этому поводу говорилось о задержке в строительстве, об удорожании строительства и о расходовании дефицитных материалов, как о методах вредительства. Ни о каких указаниях относительно места для строительства этих площадок мы не могли говорить.

Председатель. Это об указании места, ну, а о направлении работы, о котором говорил Сироцинский, вам не было известно?

Чарновский. В ЦК этого не было и у нас не было.

Председатель. А у вас при встрече с Клевезалем были разговоры на эту тему?

Чарновский. Нет.

Крыленко. Вы Клевезаля знаете?

Чарновский. Знаю по работе в Гипромезе.

Председатель. В Гипромезе была вредительская ячейка?

Чарновский. Была.

Председатель. Вы были связаны с гипромезовской ячейкой?

Чарновский. У нас была своя группа, которая ездила в Гипромез: Хренников, Туцкий, Милюков, Лист и я.

Председатель. Теперь дальше — строительный комитет ВСНХ — у вас была с ним какая-нибудь связь?

Чарновский. Была связь деловая, служебная, наши проекты поступали туда.

Председатель. Кто возглавлял этот комитет, кто там участвовал из членов вредительской организации?

Чарновский. Технический совет строительного комитета возглавлял Клевезаль, который был в числе вредительской организации.

Председатель. Мы узнаем таким образом о связи с Гипромезом и со строительным комитетом. Вы слышали, что пятерка — Клевезаль и другие — руководила вредительством в области строительства. Я вас спрашиваю и прошу ответить, как было в действительности — приходилось ли вам с Клевезалем или с кем-нибудь разговаривать об этом вредительстве?

Чарновский. По линии критики или экспертизы строительных проектов каждый раз были разговоры с Клевезалем, в которых он указывал, что во всех проектах как раз задаются нормы вредительского характера.

Председатель. Это кто говорил?

Чарновский. Клевезаль. Он говорил конкретно по поводу рассмотрения строительной частью проектов, которые у нас прошли технологическую фазу.

Председатель. С Клевезалем следовательно были разговоры вредительского характера?

Чарновский. Приходилось обмениваться мнениями по поводу некоторых проектов. Он был членом вредительской организации.

Председатель. У вас представитель ЦК «Промпартии» был связан с Клевезалем членом вредительской организации. Клевезаль входил в «Промпартию»?

Чарновский. Он был членом «Промпартии» и возглавлял свою строительную группу, весьма многочисленную.

Председатель. Не приходилось ли вам иметь разговор с Клевезалем о неправильном намечении об'ектов строительства, может быть, без наименования?

Чарновский. О неправильном выборе об'ектов говорить не приходилось.

Председатель. А о методах работы с вредительской точки зрения приходилось говорить?

Чарновский. Приходилось.

Председатель. Если не было сказано точно о площадках, то во всяком случае говорилось о работе в направлении, которое обеспечивало бы максимальное достижение вредительских целей?

Чарновский. Строительство было направлено в сторону экономического вредительства.

Председатель. А с точки зрения использования этих об'ектов в момент военных действий не говорилось?

Чарновский. Я таких поручений не получал.

Председатель. Я о поручениях не говорю.

Чарновский. В этом направлении мы не говорили, и это не давалось в качестве директивы.

Председатель. Могут быть разговоры двоякого порядка: один — в направлении сообщений различных директив, а другие — в порядке общих информаций о положении вещей в этой области. Меня интересует, были ли такие разговоры с Клевезалем, или это было столь конспиративно, что дальше одной цепочки не уходило. Не было ли таких разговоров, чтобы эти об'екты строительные построить так, чтобы можно было на них сыграть в военный момент? Возможно, что Клевезаль говорил с Хренниковым?

Чарновский. А со мной он не говорил. Он видел во мне заместителя Хренникова и мог думать, что я продолжаю мысль Хренникова, но на самом деле этого не было.

Председатель. Свидетель Сироцинский, были ли такие разговоры с Чарновским или не были?

Сироцинский. Я не знаю, что говорил Клевезаль с Чарновским или Хренниковым.

Председатель. Но вы говорили, что Клевезаль по делу вредительской организации сносился с Чарновским и с Хренниковым, но вы не знаете, о чем они говорили при этих сношениях. Вы не знали точно, о чем говорили?

Сироцинский. Не знал.

Председатель. Подсудимый Чарновский, вы не помните такого разговора?

Чарновский. Не помню.

Председатель. Но связь была с Клевезалем?

Чарновский. В строительстве была.

Председатель. Подсудимый Рамзин.

Рамзин. Я думаю, что структура по всей организации была следующая: практически — строительный комитет или строители, как выполняющие задания, не имели возможности поставить фундамент, их проекты сводились только к эскизам, а в смысле фундамента задания могли дать только хозяйственные организации, так что мне кажется, что искать инициативу нужно не в строительной, а в хозяйственной организации, в данном случае в химической.

Председатель. А кто там стоял во главе из членов «Промпартии»?

Рамзин. По Госплану — Камзолкин, по ВСНХ — Кравец и общее возглавление Шейна.

Председатель. Значит трое?

Рамзин. Да.

Крыленко. Гражданин Сироцинский, вы из разговора с Клевезалем получили эти сведения о такого рода приспособлениях для об'ектов, честно исполненных?

Сироцинский. Да, при мне говорил Клевезаль в присутствии Кузнецова и Штамма.

Крыленко. И он говорил, что об этого рода работе известно в ЦК «Промпартии»?

Сироцинский. Нет, не говорил.

Крыленко. Но он говорил об этой работе, как исполняемой по директиве вредительской организации?

Сироцинский. Говорилось о достижениях в советском строительстве и говорилось, что одновременно имеется директива вредительской организации.

Крыленко. Говорилось, что такого рода вредительские акты в смысле соответствующих приспособлений были проделаны в отдельности по реализации соответствующего плана, и говорил об этом Клевезаль, и вам было известно, что в этом вопросе была связь с Хренниковым и Чарновским.

Директивы получались из-за границы

Сироцинский. Я думаю, что, помимо плановых органов, здесь принимали участие и те лица, которые приезжали из-за границы, что имелись директивы и оттуда.

Крыленко. Вы подтверждаете, что такое сообщение было сделано?

Сироцинский. Да.

Крыленко. Во-вторых, вы подтверждаете, что Клевезаль был представителем этой части вредительской организации в ЦК «Промпартии», то-есть был связан с ЦК в лице Хренникова и Чарновского?

Сироцинский. Да.

Крыленко. А о том, знали ли об этом Хренников и Чарновский, вы не знаете?

Сироцинский. Не знаю.

Крыленко. Это остается предметом соответствующей оценки при рассмотрении всей совокупности вопросов.

Председатель. Имеются ли вопросы у защиты? (Нет). Свидетель Сироцинский нужен еще сторонам?

Крыленко. Сейчас не нужен.

Председатель. Товарищ комендант, сейчас свидетель не нужен, но пусть пока он остается в пределах этого здания.

Об'являетея перерыв на 10 минут.

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ МИХАЙЛЕНКО

Председатель. Заседание Специального присутствия Верховного суда СССР возобновляется. Продолжаем допрос свидетелей. Комендант, пригласите свидетеля Михайленко. Свидетель Михайленко?

Михайленко. Да.

Председатель. Ваше имя и отчество?

Михайленко. Дмитрий Михайлович.

Председатель. Вы вызваны в Специальное присутствие Верхсуда в качестве свидетеля по делу контрреволюционной организации «Промпартия». Вы обязаны показывать правду и за ложные показания подлежите ответственности, о чем я в силу закона должен вас предупредить. Угодно прокуратуре вести допрос?

Крыленко. Ваша специальность?

Михайленко. Инженер путей сообщения, работаю в области гидротехники.

Крыленко. Ваше служебное положение приблизительно с 1925—26 г. до последнего времени?

Михайленко. До 1925 г. я работал в Наркомземе РСФСР в качестве заведующего гидротехнической секцией по мелиорации. В этой должности я пробыл до 1927 г., после чего работал на Сев. Кавказе в качестве технического руководителя ряда мелиоративных строительств — Дигорского канала, Асанчурского строительства и по мелиорации кубанских плавней. В конце 1929 г. я перешел в образованный НКЗем Союза и в это время я был арестован.

Крыленко. Когда?

Михайленко. 5 марта этого года.

Крыленко. Сообщите, пожалуйста, известно ли вам было о существовании вредительской организации вообще?

Михайленко. Мне было известно только о существовании вредительской организации в области водного хозяйства, в каковой я состоял сам.

Председатель. Говорите громче и старайтесь говорить в микрофон.

Крыленко. Вам было известно только о вредительской организации в области водного хозяйства?

Михайленко. Да.

Крыленко. Скажите, что вам было известно о верхушечной форме этой организации, кто возглавлял эту организацию?

Михайленко. Организационным центром водной хозяйственной организации являлась секция водного хозяйства Госплана Союза.

Крыленко. Конкретно, кто ею руководил?

Михайленко. А именно: Кениг и Цейдлер и ряд других работников меньшего масштаба принимали участие в этой организации. В частности по Наркомзему РСФСР конкретное оформление всех мелиоративных работ проводилось через технический комитет Наркомзема. Этот технический комитет был возглавляем проф. Спарро.

Крыленко. А Ризенкампф?

Михайленко. Ризенкампф являлся деятелем секции водного хозяйства Госплана СССР.

Крыленко. Так что вы говорите, что возглавляли Цейдлер, Кениг, а Ризенкампф?

Михайленко. Был влиятельным лицом в этой секции водного хозяйства.

Крыленко. Нет, во вредительской организации — что, он тоже являлся видной фигурой этой организации? Мне интересно знать, собственно, кто возглавлял—Кениг, Ризенкампф или Цейдлер?

Михайленко. Трудно сказать, конечно.

Крыленко. Вам неизвестно?

Михайленко. Судя по влиянию, по авторитету личного характера, я бы назвал Ризенкампфа, а экс-оффицио — скорее Кенига.

Крыленко. Значит, эти три лица?

Михайленко. Да.

Крыленко. Хорошо. Вы в отношении служебном находились в подчинении кого?

Михайленко. Я был связан с техническим комитетом Наркомзема СССР, но близкого контакта с этими тремя лицами не имел.

Крыленко. А с Цейдлером?

Михайленко. Нет.

Крыленко. А с кем вы имели контакт?

Михайленко. С председателем технического комитета Наркомзема СССР проф. Спарро.

Крыленко. Вы имели прямую связь с проф. Спарро, как вы говорите, и затем вам было известно, с чьих слов, относительно Кенига и Цейдлера?

Михайленко. Проф. Спарро посвятил меня в существование организации.

Крыленко. Эти лица посвятили вас в существование организации?

Михайленко. Нет, проф. Спарро.

Крыленко. О существовании центральной организации вам не было известно?

Михайленко. Нет. Но я имел представление, я имел возможность догадываться, что это дело не ограничивается только вопросами водного хозяйства, но персональный состав терялся для меня в...

Крыленко. Так что вы из подсудимых не знаете никого?

Михайленко. Признаться, впервые вижу эти лица.

Крыленко. Значит, вы сами являлись, так сказать, периферийной ячейкой?

Михайленко. Совершенно верно. РСФСРским филиалом, если можно так выразиться.

Крыленко. Сообщите, что вам известно о том, какими методами проводилось вообще вредительство в водном хозяйстве — вообще, независимо от интервенции, если вам известно?

Михайленко. Постольку, поскольку я сам был работником Наркомзема, это не могло быть мне неизвестно.

Крыленко. Ну, так расскажите.

На предполагаемом пути интервентов осушались болота и прокладывались дороги

Михайленко. Суть дела заключается в том, что примерно в 1926 году перед Наркомземом и в частности перед отделом мелиорации был поставлен ряд отдельных крупных хозяйственных проблем, в которых мелиорация должна была играть более или менее видную роль. В частности по Сев. Кавказу в связи с поднятием уровня хозяйства горских народностей был выдвинут ряд крупных мелиоративных задач.

При чем, отчасти вследствие естественно-исторических условий Северного Кавказа, отчасти вследствие отсталости в культурном отношении этих горских народностей, те мелиоративные работы, которые там намечались и проводились, они не отвечали возможности целесообразности их использования, т.-е. либо они были в слишком большом масштабе, который не мог быть освоен этими народностями, требующими длительной подготовки в хозяйственном отношении, —у них не было таких трудовых навыков, которые для этого необходимы. Затем сплошь и рядом работа проводилась из побуждений такого что ли прожектерского характера, т.-е. благодаря проведению более крупных, более заметных, более видных работ приносились в жертву вопросы экономического порядка, т.-е. изменялись те перспективы, которые могли бы в данном случае быть использованными.

Крыленко. Это сводилось к нерациональной затрате средств?

Михайленко. Либо сумма вложенных средств не вызывала того эффекта, который формально от них ожидался, либо вызывала в более длительный период, либо в производстве самых работ выяснялись такие моменты, которые удорожали строительство, следовательно те показатели, которые должны были бы говорить об экономической целесообразности данного предприятия, они сильно изменялись в процессе работы. В результате работа не давала того эффекта, который она должна была бы дать при правильном, об'ективном, честном отношении к работе.

Крыленко. Это в области чистого вредительства?

Михайленко. Да.

Крыленко. А когда вам стало известно, или стали во вредительской организации говорить о связи или возможной связи мелиоративных работ с идеей интервенции?

Михайленко. Впервые разговоры на эту тему были в 1926 г., когда среди членов нашей более узкой группы вредительской организации назрела уверенность, что коллизия внутренняя или внешняя с советской властью неминуема. Тогда и был намечен ряд об'ектов мелиоративных работ, которые должны были сыграть известную роль в деле облегчения интервенции, при чем эти все работы не были увязаны сразу в общий план, а выдвигались постепенно, по мере того, как в том или ином районе являлась своевременной данная мелиоративная задача. Так что на протяжении этих четырех лет эти об'екты постепенно выявлялись и осуществлялись.

Крыленко. Эта идея получила преобладающее значение за последние годы или была все время у вас, идея в смысле направления характера работ?

Михайленко. Дело в том, что самая цель конспирации, вполне понятно, не давала возможности выпирать на первый план эту сторону работы. Все мелиоративные работы были все-таки настолько законспирированы народнохозяйственными потребностями, что такой момент в этих работах не наблюдался. Все более или менее крупные работы за последнее время, они были обременены весьма большим багажом в смысле обоснования, так что, не будь, может быть, этого процесса, может быть, и до сих пор эта сторона осталась бы неизвестной.

Крыленко. А конкретно, какая связь была? Расскажите конкретно, какой характер вредительства проводился, что вам было известно в связи с интервенцией?

Михайленко. Дело в том, что по границе Советского государства...

Председатель. Свидетель, я должен вас просить, имея в виду те или другие операции, не называть тех государств, которые вы имеете в виду.

Михайленко. Слушаю. Я говорю, что по границе Советского государства или в непосредственной к ней близости расположены более или менее значительные площади заболоченных земель. Эти земли в своем естественном состоянии являются более или менее значительным препятствием вообще для передвижения, а в особенности для передвижения военных масс. Осушение этих земель, хотя бы и проводимое под флагом сельскохозяйственных потребностей, естественно облегчало вторжение и в дальнейшем продвижение неприятельских армий. Я думаю, что не нужно напоминать о значении, например, Мазурских болот в прошлую империалистическую войну. Они очень долгое время задерживали царские войска в их стремлении овладеть Восточной Пруссией. Вспомните еще заболоченную реку Стоход, когда германская армия не могла захватить соответствующий участок русского фронта благодаря этой реке.

Вот суть вредительства в области мелиорации в военном отношении. Осушение пограничных болот без учета их военного изучения под флагом сельскохозяйственных потребностей и составляло в сущности это вредительство. Если угодно могу назвать об'екты.

Крыленко. Конкретно расскажите о характере работы, что именно производилось, под чьим указанием, в частности по этой пограничной полосе.

Михайленко. В 1926 г. примерно осенью был выдвинут проект осушения погранзоны в пределах теперешней Ленинградской области. Официальным обоснованием этой работы являлись хозяйственно-политические задачи — поднятие уровня сельского хозяйства нашим пограничным населением в целях демонстрации преимущества советского строя по ту сторону кордона. Но это сравнительно мелкая работа. Более крупные работы в этом же районе заключались в осушении весьма значительных болотных мест, так называемого Полистовского района, расположенного к югу от озера Ильмень, на территории бывш. Псковской, Новгородской губерний.

Председатель. Таких деталей можно не касаться. Воздержитесь давать наименование отдельных пунктов.

Михайленко. О цели также не нужно указывать?

Председатель. Указывайте цели, методы, технику, задачи, стремления.

Михайленко. Совокупность этих двух работ как раз открывала противнику дорогу в направлении на железнодорожный узел Бологое по Октябрьской дороге. В случае удачи этого удара Ленинград с окружающим его районом оказывался отрезанным от остальной части Союза. Другой об'ект такого же порядка пред-

ставляло собой осушение Полесья в пределах Белоруссии.

Крыленко. Вы можете говорить относительно пограничных мест, но без конкретизации, без точных географических указаний.

Председатель. Свидетель Михайленко, я вас предупреждал, что вы должны воздерживаться от указания географических точек.

Михайленко. Тогда я ограничусь указанием, что подобного же рода работы намечались и в других участках наших государственных границ: в Ср. Азии, Закавказье и т. д.

Что же касается методов, то в техническом отношении они не отличались от обычного типа мелиоративных работ самого мирного порядка, т.-е. проводились работы по урегулированию рек, проведению осушительной сети, проведению дорог и т. д., словом, то, что вообще в совокупности называется мелиорацией, т.-е. мирные цели здесь достигались, но одновременно достигались и военные цели, и таким образом известные территории и примыкающие к ним границы делались доступными для продвижения войсковых масс, что в случае успешного развития военных операций являлось бы отрицательным фактом в деле обороны страны.

Крыленко. Вы говорите, что вам об этих завуалированных целях стало известно в 1926 г.?

Михайленко. Да.

Крыленко. Вы практически работали в этой области?

Михайленко. Лично я не работал. По должности заведующего гидротехнической секцией я проводил планы этих работ, участвовал в рассмотрении проекта, давал отзывы технического порядка. Если «номина сунт одиоза», то я не могу не назвать одного об'екта, в котором я принимал непосредственное участие в качестве главного инженера.

Крыленко. По западной границе?

Председатель. Об'екты лучше не называть.

Михайленко. Я не называю.

Крыленко. Это было в 1929 г.?

Михайленко. Да.

Крыленко. Значит, ваша работа заключалась в соответствующем проектировании планов, в соответствующем утверждении или консультации по вопросу осуществления работ определенного характера и т. д. Кто конкретно в этот момент был в качестве направляющих лиц?

Михайленко. Один из центральных хозорганов Союза.

Крыленко. Не органы, а лица?

Михайленко. Та же секция водного хозяйства.

Председатель. Кто персонально?

Михайленко. Первоначально самая идея была выдвинута через Ирригационный институт, возглавляемый Ризенкампфом.

Крыленко. То-есть под углом усиления военной интервенции?

Михайленко. Я не могу сказать, когда эта идея возникла, но я сам о ней узнал в 1929 г.

Крыленко. Вы узнали в 1929 г., что существовала вторая такая цель, а о том, что эта работа проводилась в период 1926—28 гг. под таким углом, вы не знали?

Михайленко. Она не проводилась, она началась летом 1929 г., но о том, что она имеет секретную цель, я узнал вскоре после того, как я начал работать.

Крыленко. Вы говорите, что работы по западной границе начались под таким углом, а вы в 1929 г. узнали, что была такая вторая цель?

Михайленко. Мне не был известен такой сводный план работ, об их секретной стороне я узнавал по мере того, как они выдвигались. Об этой стороне работы я узнал, когда работа началась под моим руководством в 1929 г.

Крыленко. Следовательно нужно умозаключить, что работы по западной границе вами не производились под этим углом зрения или производились в 1926—1927 г.?

Михайленко. По мере возникновения этих работ они производились под обоими углами зрения — хозяйственным и военным.

Крыленко. Значит они производились под хозяйственным и военным углом зрения в период 1926—27 г., и вы об этом узнали только позже?

Михайленко. О работах западной границы я узнал после возникновения этих работ, а о других работах — в 1929 г.

Крыленко. Какие лица вредительской организации проводили эту рабту, о существовании которой вам было известно под этим углом зрения?

Михайленко. Опять-таки ближайший контакт был с профессором Спарро.

Крыленко. Только проф. Спарро не посвящал вас в закулисную сторону того или иного дела, а в вредительский характер дела посвящал?

Михайленко. Да.

Крыленко. Можно сделать вывод, что до 1929 г., когда вы конкретно сами принимали участие в работах под углом зрения практического осуществления, вы знали только о вредительских элементах этой работы от ваших руководителей вредительской организации в плоскости нерациональной затраты капитала и т. д.

Михайленко. Нет. Работы по западной границе были известны с обеих сторон.

Крыленко. Еще до 1929 г.?

Михайленко. Да, да.

Крыленко. Мне казалось, что вы говорили до 1929 г.?

Михайленко. Нет, я так говорил о последних работах.

Председатель. Можно сказать, что вы в 1926 г. знали о работах, ведущихся в известных целях, а в 1929 г. узнали об аналогичных работах с аналогичными целями.

Михайленко. Да.

Кто такой Ризенкампф?

Председатель. Этот Ризенкампф — кто?

Михайленко. Директор Научно-мелиорационного института, института в Ленинграде, профессор университетов в Ленинграде, член технического комитета Наркомзема, член технического совета Госплана Союза, был одним из видных консультантов по Средней Азии и Закавказью.

Председатель. А до революции?

Михайленко. До революции был начальником изысканий и проектирования отдельных работ по Средней Азии, по Голодной степи.

Председатель. А при министерстве?

Михайленко. Работал в министерстве земледелия по землеустройству.

Председатель. А в частности?

Михайленко. В частности являлся крупным мелиоратором в Голодной степи. Кроме того, он являлся у нас организатором ирригационного комитета.

Председатель. А Спарро?

Михайленко. Спарро был одно время управляющим мелиорационного отдела, профессором Горной академии.

Председатель. А до революции?

Михайленко. Руководителем мелиоративных работ в ряде районов Европейской части России, а также работал по землеустройству в министерстве земледелия.

Крыленко. Вы о связи всех этих руководителей с центральной вредительской организацией не знали?

Михайленко. Нет.

Крыленко. Перейдем к практическим работам в 1929 г. Эти работы происходили не вблизи границы?

Председатель. Вблизи границ или не вблизи?

Михайленко. Если считать морское побережье границей, то это было на границе.

Председатель. Словом, это было на морском побережье?

Крыленко. Расскажите, как вы получили задание, от кого, в чем оно заключалось, в чем выразилась связь этого задания с вопросами интервенции, какие конкретно методы в работе употреблялись, помимо чисто мелиоративной работы?

Михайленко. Очень трудно говорить с теми ограничениями, которые даны председателем.

Председатель. Может быть, лучше отложить этот вопрос до закрытого заседания.

Крыленко. Тогда пойдем так: сущность работы заключалась в осушении?

Михайленко. Да. В осушении территории, которая в своем естественном состоянии непроходима.

Крыленко. Когда это было?

Михайленко. Это было летом 1929 г.

Крыленко. Кто послал вас на работу?

Михайленко. Я получил приглашение от того хозяйственного органа, который был заинтересован в осушении.

Крыленко. Во вредительском отношении кто вас послал?

Михайленко. Непосредственной посылки не было. Я был рекомендован тем же самым техническим комитетом Наркомзема, тем хозорганом, который был заинтересован.

Председатель. Персонально, кто вас направил?

Михайленко. Это происходило помимо меня. Я был на Сев. Кавказе, точно технику посылки не могу восстановить.

Председатель. Эта работа осуществлялась во вредительских целях?

Михайленко. О таковой стороне я узнал, когда принял работу.

Председатель. Но вы могли тогда предположить, что вредительскую установку, которую вы имели, хотели использовать некие лица, которые сидели в комитете. Кто именно?

Михайленко. Персонально — профессор Спарро.

Крыленко. Расскажите, каким образом посвятил вас проф. Спарро в закулисную сторону работы и какие сделал указания.

Михайленко. Задание было сформулировано таким образом, что в виду чрезвычайной экстренности мероприятия для того хозоргана, который был заинтересован в его осуществлении, мне был дан очень короткий срок, настолько короткий, что мелиоративная практика не знала такого короткого периода времени для выполнения такой работы, и только исключительно важная работа, которая ставилась, оправдывала такую срочность. Я поделился с ним теми затруднениями, которые придется испытывать, так как приходилось в средине сезона организовывать работу, которая не была оформлена должным образом, проект не был закончен, не было закончено изыскание, не было людей, инструментов и т. д. И вот тогда-то мне было сказано, что работа должна быть выполнена в срочном порядке тому хозоргану, который заинтересован в возможности выполнения в такой короткий срок именно потому, что осенью 1930 года эта территория должна стать ареной действий интервенционного характера.

Крыленко. Эта территория должна стать ареной действий интервенционного характера, — это вам было сказано как мотив срочности?

Как вредители ослабляли обороноспособность страны

Михайленко. Это было мне сказано в виде об'яснения той срочности, которая была пред'явлена мне в официальном порядке, т.-е. руководители этого хозоргана, не подозревая об истинных причинах, вызывающих эту спешность, давали эту причину под видом спешности в чисто хозяйственном интересе. Раз'яснение я получил от Спарро.

Крыленко. Вы получили очень срочное задание, которое должно было быть выполнено неслыханно ускоренными темпами? Истинная причина этой спешности вам была раз'яснена?

Михайленко. Да, так.

Крыленко. При чем эта срочность обусловливалась сроком — 1930 г.?

Михайленко. Мне было предложено закочить одну большую работу, которая носила характер предварительного мероприятия и которая именно и обусловливала возможность окончания работы к осени 1930 г.

Крыленко. И вы это задание приняли?

Михайленко. Я это задание должен был принять, потому что оно совпадало со служебным поручением, данным мне. Это было то условие, которое дазало смысл самой работе. Если бы я не выполнил тех календарных сроков, которые давались по служебной линии, то тем самым я терял свое лицо как руководитель данного мероприятия, но все-таки обстоятельства были сильнее и, к счастью, — можно в данном случае сказать, — это задание выполнено мною не было.

Крыленко. До конца?

Михайленко. Да. Та часть работы, которую нужно было выполнить в течение 1929 года, не была выполнена. К тому же сам хозяйственный орган, который был заинтересован в этой работе, увидев ряд затруднений в осуществлении своих хозяйственных целей, отказался как раз от мелиорации той части этого заболоченного пространства, которая прилегает непосредственно к побережью. Так что с осени прошлого года работа была прекращена и ограничилась более удобными землями, которые уже не имели такого значения.

Как подготовлялся десант белогвардейцев

Крыленко. А какие сведения вам при этом были даны относительно интервенции? Какого рода задачам она должна служить практически, чьи материальные силы должны быть сюда двинуты и т. д. — вообще закулисная сторона всей связи с заграницей, с заграничными центрами, подготовлявшими интервенцию, вам была раз'яснена?

Михайленко. Нет. Это скрывалось в тумане конспирации, если можно так выразиться. Я знал только результаты этого задания.

Крыленко. Так что в это вас не посвящали?

Михайленко. Нет. Но уже на местах, из разговоров с местными работниками-мелиораторами, сопоставляя целый ряд прежних моментов, я установил, что данная территория подготовлялась для облегчения высадки тех именно элементов, если можно так выразиться, которые находятся до сего времени в эмиграции, что предполагали вернуться...

Крыленко Можно сказать: для белогвардейских сил, значит?

Михайленко. Да, да, да.

Крыленко. Может быть, можно сказать, — для экспедиционного корпуса?

Михайленко. Совершенно верно.

Крыленко. Было вам более точно что-нибудь сообщено об этом экспедиционном корпусе?

Михайленко. Нет. Например, я не могу назвать численности, не могу назвать состава командования. Это было бы вне моих познаний, но было сказано, что будут возвращаться «земляки», которых должно встретить сочувственно местное население.

Председатель. Об этом можно более откровенно говорить.

Михайленко. Ожидалось возвращение кубанских и донских казаков, которые должны были встретить со стороны своих земляков, которые, как предполагалось, были недовольны советской властью, хороший прием, и что они помогут местному населению поднять восстание, и соединенными усилиями произведут те военные действия, которые входят в общий план интервенции, которая, конечно, своим результатом должна была дать овладение Северным Кавказом, — конечно, в случае успеха этой операции.

Крыленко. Скажите, пожалуйста, вам для осуществления этой работы были указаны на местах какие-нибудь помощники или вы там с местными мелиораторами сами связались?

Михайленко. Нет, организация не носила ведь вполне законченного характера, тем более официальное значение этих работ и не требовало какой-нибудь секретной организации. Работа могла проводиться при ярком свете. И если бы не те разоблачения, которые были сделаны в связи с данным процессом, то, в сущности говоря, можно было бы быть почти уверенным, что эта сторона была бы завуалирована. Так что никаких указаний относительно помощников или сотрудников я не получал, но силою самых вещей я, прибыв на место работы, должен был связаться с местными работниками, которые оказались разделяющими те идеи, которые указывались центральными вредительскими организациями. Но это было в порядке самодеятельности, так что непосредственной связи между

центральными организациями и местными участками я не мог установить.

Крыленко. У вас в порядке самодеятельности была завязана связь с местными работниками?

Михайленко. Нет, путем знакомств с местными работниками я узнал, что идея о поддержке интервентов развита среди местных деятелей, среди местного населения. А о том, что принадлежало в этом отношении центральной организации, я сказать не могу.

Крыленко. А в беседах со Спарро говорилось ли о зарубежных организациях? Вы указывали, что он говорил туманно, но все же говорил ли он об этом?

Михайленко. Были разговоры, назывался «Торгпром», как какая-то организация, физиономии которой я не мог себе ясно представить, но уяснил себе, что это вредительская организация, которая отвечает интересам бывших собственников, которая заинтересована в возвращении своих прежних прав, которых она лишилась.

Крыленко. Без определенных конкретизаций?

Михайленко. Да.

Крыленко. Это тоже Спарро вам сообщил?

Михайленко. Если не сам Спарро, то, может быть, его ближайший сотрудник Прозоров. Во всяком случае был разговор, но трудно сказать, кто именно назвал.

Крыленко. То, что вы можете сообщить, сводится к следующему: вам было известно, что мелиоративные работы используются под флагом или в целях подготовки соответствующих плацдарменных действий интервенции в целом ряде пограничных областей; потом уже совершенно конкретно и точно вам персонально было указано на необходимость в срочном порядке провести определенную мелиоративную работу к определенному сроку для подготовки к интервенции. Это второе, что вам было известно?

Михайленко. Да.

Крыленко. И третье, что было известно уже во время производства этих работ, что на местах среди мелиоративного аппарата вы встретили лиц, осведомленных равным образом об этом и соотвественно направлявших свои действия?

Михайленко. Я бы внес некоторую поправку: не «осведомленных», а имевших представление о той роли, которую данная работа могла бы сыграть в предполагаемой интервенции. Ссылались на высадку белогвардейского генерала Улагая, которая была быстро ликвидирована.

Крыленко. Значит, этот эпизод вспоминался в качестве параллели и говорилось, что такого рода операции будут иметь место и в дальнейшем?

Михайленко. Указывалось, что та операция не имела успеха в виду заболоченной местности. В случае же мелиорации плавней картина изменилась бы коренным образом.

Крыленко. Кроме того, вам еще было известно о том, что такого же рода операции производились или предполагались к производству в других участках нашей границы?

Михайленко. Немного не так. Было известно, что такое же значение имел ряд мелиоративных работ, производившихся по другим участкам.

Крыленко. Где централизовалось все направление этой работы?

Михайленко. Ясно, что центром была секция водного хозяйства Госплана.

Крыленко. В лице Цейдлера, Кенига, Ризенкампфа?

Михайленко. Совершенно верно. Им давались общие задания, общие директивы, а конкретное оформление осуществлялось по линии технического комитета и местными работниками, которые составляли планы. Ими производились изыскания и проводились те работы, которые необходимы для самой мелиорации.

Крыленко. Вы говорите о спешке, с которой производились эти работы. Каким образом производился на вас нажим? Только раз было сказано, что нужно срочно вести работу, или в процессе производства работ нажим все время был?

Михайленко. Нажим все время производился.

Крыленко. Каким путем?

Михайленко. В октябре прошлого года приезжал в качестве инспектора этих работ старший инженер хозоргана, который организовал работу.

Крыленко. Приезжал для контроля?

Михайленко. Да. Он остался чрезвычайно недоволен теми темпами, которые волей-неволей были усвоены по целому ряду не зависящих от меня и других работников обстоятельств, и настаивал, чтобы работы были закончены обязательно в срок. Отзыв о работах был дан неблагоприятный именно с точки зрения неисполнения их к тому сроку, который был назначен.

Крыленко. Значит во время производства этих работ была специальная инспектура, которая ревизовала состояние этих работ с точки зрения мелиоративных целей, наркомземовских или с точки зрения военно-стратегических целей?

Михайленко. И то и другое вместе.

Крыленко. Этот инженер на какую сторону нажимал?

Михайленко. Официально, конечно, на формальную, а неофициально на секретную.

Крыленко. Он говорил вам, в чем дело?

Михайленко. Да.

Крыленко. Каково ваше впечатление: что он был послан как инструктор по

этой части или как инструктор по земледелию и ирригации?

Михайленко. Очевидно и то и другое, но в какой мере больше, я затрудняюсь сказать.

Председатель. Это зависит от обстоятельств?

Крыленко. Вопрос совершенно ясен. Какую цель он преследовал, когда говорил с вами? Он говорил откровенно с вами?

Михайленко. Да.

Крыленко. Когда он говорил с вами, то на какую часть нажимал? Может быть, говорил, что вам попадет от НКЗема за то, что вы не выполнили работу, и, кроме того, вы должны иметь в виду, что эта задача не терпит никакого отлагательства?

Михайленко. Он говорил примерно так, что я должен осветить нашу работу в самом неблагоприятном свете. Так и было. В результате я вынужден был уйти с этой работы. С другой стороны, он указывал на то, что срок будет нарушен.

Крыленко. Дело дошло до того, что вы вынуждены были уйти?

Михайленко. Да.

Крыленко. За то, что в срок не исполнили?

Михайленко. За то, что первая стадия работы, которая должна была быть закончена осенью прошлого года, не была выполнена.

Крыленко. Вам было известно, что он член организации?

Михайленко. Да, конечно.

Крыленко. Скажите, пожалуйста, какие-нибудь планы более точные интервенционистской работы вам не были известны? Кроме того, что предполагалось, что будет экспедиционный корпус белогвардейщины, что еще предполагалось не точно, не конкретно, а вообще?

Председатель. Кроме этого экспедиционного корпуса из землячества, как вы говорили, кроме этого, вам известно о каком-нибудь еще корпусе?

Михайленко. Предполагалось, что вся западная граница будет иметь соответствующие участки, которые будут предметом действий соответствующих сил.

Все те же сроки

Крыленко. Не говорил ли вам Спарро относительно общей ситуации за границей, которая благоприятствует или не благоприятствует интервенции в смысле сроков?

Михайленко. Еще в 26 году как срок намечался 1928 г., потому что ожидалось, что именно к этому времени правительства тех государств, от которых могла исходить интервенция, консолидируются в смысле своего политического строя, т.-е. во всех государствах закрепится фашизм, который на своем знамени имеет борьбу с Советами.

Крыленко. А после 1928 г. как ставился вопрос?

Михайленко. Была передвижка еще на два года, т.-е. указывался срок осенью 1930 г., к каковому сроку приурочивалось окончание тех работ, которыми я руководил за последнее время.

Крыленко. Значит он вам в общем и целом говорил и об этом?

Михайленко. Да.

Крыленко. От местных мелиоративных работников вам ничего не было известно относительно их сепаратной работы по подготовке или вербовке контрреволюционных кулацких элементов или каких-нибудь атаманских элементов?

Михайленко. Разговоры были, но не такого характера, что инициатива в этом деле должна принадлежать деятелям в области мелиорации. Очевидно, в этом случае расчет был на других специальных деятелей, имена которых остались для меня неизвестными. Но местные патриоты-мелиораторы предполагали принять то или иное участие в отношении подготовки той территории, которая была охвачена мелиоративными работами, для тех операций, которые здесь предполагались к развертыванию. Но ничего конкретного, что могло быть похоже на реальный план операции, тогда еще не было. Это были только разговоры довольно определенного характера.

Крыленко. Вы на себя таких функций не брали?

Михайленко. Я был новым человеком и еще не успел связаться с этими деятелями, и, кроме того, был настолько нагружен прямой работой, что просто физически не мог принять участия в этом деле.

Вредители из Госплана

Председатель. Следовательно, у вас так обстояло дело, что вы были связаны с водной мелиоративной секцией Госплана?

Михайленко. Непосредственно я не был связан.

Председатель. Но все-таки связь туда вела?

Михайленко. Да.

Председатель. Через кого она была?

Михайленко. Через руководителей технического комитета профессора Спарро и Прозорова.

Председатель. А Скорняков — это кто такой?

Михайленко. Скорняков был сотрудником сначала Госплана РСФСР, затем Союзного Госплана по вопросам мелиорации, но его роль в вопросах мелиорации была второстепенной, потому что он был работником сельскохозяйственной секции.

Председатель. У вас связь была с ним?

Михайленко. Связь была давнишняя.

Председатель. А по вредительской работе?

Михайленко. Он посвящал меня в военную сторону той вредительской работы, которая проводилась.

Председатель. Значит, кроме Спарро, вас посвящал и Скорняков?

Михайленко. Да, и он посвятил меня, даже первый.

Председатель. По водной секции Госплана?

Михайленко. Нет, по сельскохозяйственной секции.

Председатель. Вам известно, в каком отношении эта секция Госплана стояла к вышестоящим организациям?

Михайленко. Поскольку мне не была известна структура, я не знаю.

Председатель. Вам не было известно, что в Госплане имеется вредительская организация по другим секциям или выше — вне секций?

Михайленко. Нет, разговора на эту тему не было.

Председатель. Такая фамилия, как Рамзин, вам была известна?

Михайленко. Нет.

Председатель. А Калинников?

Михайленко. Нет.

Председатель. А Ларичев?

Михайленко. Нет.

Председатель. Осадчий?

Михайленко. Фамилию эту я знаю, но его роль мне не была известна.

Председатель. И Скорняков вам о них не говорил?

Михайленко. Нет, не помню. Если он и говорил о лицах, которые вели вредительскую работу, то в очень тонкой форме.

Председатель. Значит вам не было известно, кто там играл роль. А что там существует организация, — вам было известно?

Михайленко. Да.

Председатель. Со слов кого?

Михайленко. Со слов Скорнякова.

Крыленко. Тот инспектор, который приезжал, ограничился тем, что на вас нажал, выразил свое неудовольствие, пригрозил и т. д., или он использовал какие-то другие способы для того, чтобы понудить вас к живейшему исполнению этой работы?

Михайленко. В виде возмездия?

Крыленко. Да, в смысле материальном.

Михайленко. Да, конечно.

За вредительскую работу получали и сдельно и повременно.

Председатель. Что значит конечно? Пожалуйста, яснее. Тут уже можно говорить откровеннее.

Михайленко. Он не был первым, который применял меры побуждения. Была система премии.

Крыленко. Вернее система оплаты вредительского труда?

Михайленко. Да, конечно. Она существовала и раньше, но она носила неопределенный характер. Это была, так сказать, своего рода страховая премия за риск, за участие во вредительстве, или же залог за круговую поруку, которая этим самым создавалась. Человек, который захотел уклониться от участия в получке, был бы подвергнут остракизму, подозрению и т. д. От этого инспектора была получена некоторая сумма, часть которой я должен был выделить и сотрудникам.

Крыленко. А часть — непосредственно себе?

Михайленко. Да.

Крыленко. Примерно какую сумму?

Михайленко. Примерно 3.000 рублей, из которых половину выделил сотрудникам.

Крыленко. Половину сотрудникам и половину вам?

Михайленко. Да.

Крыленко. Это по указанию инспектора?

Михайленко. Да.

Крыленко. Это по производству данной работы или, выражаясь грубо, оплата производилась поштучно или повременно?

Михайленко. В зависимости от характера работ. В Наркомземе, конечно, оплата производилась повременно.

В случаях конкретных об'ектов работа носила характер сдельный.

Крыленко. Значит, вами была получена соответствующая мзда за эту работу?

Михайленко. Да, или вернее в связи с ней.

Крыленко. Вы раньше сказали, что за общую работу, за участие в общем планировании, которое производилось, вы также получали?

Михайленко. Совершенно верно.

Крыленко. Больше у меня вопросов к свидетелю Михайленко нет.

Председатель. Вам известно в Госплане имя Громана?

Михайленко. Да.

Председатель. В каком отношении и в какой связи?

Михайленко. Я помню, что эту фамилию мне называл Скорняков в качестве одного из деятелей вредительской организации, но не помню, какая роль была отведена ему в этой организации.

Крыленко. У меня вопрос к подсудимому Рамзину.

Председатель. Подсудимый Рамзин.

Крыленко. Перед перерывом на вопрос, который я вам задал, вы сказали, что в общем и целом вам было известно относительно вредительства в области ирригации и водной работы. Может быть вы поясните, в какой мере это было вам известно, от кого, по существу что было сделано в этой области?

Рамзин. Я знал о существовании специальной вредительской организации в области водного хозяйства не только в ирригации, но и в водном хозяйстве в целом, от Хренникова и Громана, при

чем точное время, когда я первый раз получил это сообщение, я не помню, но это было в 1928 г., после моего приезда из длительной заграничной поездки в 1927 г. В 1928 г. я получил сообщение о составе такой организации, работающей в водном хозяйстве, при чем тогда мне были названы те основные работники, которые там работали. Именно мне были названы два лица—Кениг и Ризенкампф. Непосредственная связь с ЦК «Промпартии» осуществлялась Кенигом. Он находился в Москве, а Ризенкампф был вне Москвы, он жил кажется в Ленинграде. Связь осуществлялась непосредственно Кенигом, с которым я разговаривал по этим вопросам, при чем в дальнейшем после моей второй заграничной поездки в конце 1928 г. и начале 1929 г. эта связь ЦК осуществлялась через Осадчего, потому что с точки зрения советских взаимоотношений с Госпланом секция водного хозяйства входила в сектор реконструкции, которым ведал Осадчий. Поэтому непосредственная связь с ЦК в дальнейшем осуществлялась через Осадчего, а там связывающим звеном были Кениг и Ризенкампф. Наезжая периодически, он, по сведениям, которые я имел, являлся фактическим руководителем этой секции, так сказать, идейное руководство этой секцией осуществлял Ризенкампф, а Кениг играл скорее роль московского представителя при Госплане.

Те задачи, которые ставились этой организацией, мне были известны и формулируются таким образом:

Первая задача экономического порядка, задача омертвления капитала путем вкладывания его в малоэффективное строительство или очень долгосрочное строительство. Следующий, — это был вопрос, тесно связанный с энергетикой, почему и запомнился мне, хотя этот вопрос был второстепенного порядка,—это вопрос об удорожании части водоснабжения крупных электростанций. Водоснабжение для электростанций представляет большую стоимость.

Поэтому, говоря об общей тактике в сторону удорожания электростанций, — эта сторона была подвергнута особому вниманию и обсуждению секции водного хозяйства, основные работники которой, в частности Кениг, обычно консультировали по вопросам водоснабжения крупных станций.

И третья сторона деятельности была уже связана с вопросами военными, т.-е. с вопросами интервенции, с использованием мелиоративных работ в целях облегчения вторжения в пределы СССР, при чем работа такого порядка, повидимому, была начата, или идеи такого порядка появились еще раньше 1928 г.

Крыленко. Я как раз хотел этот момент выяснить.

Рамзин. Я не могу точно установить время и источники появления этой идеи потому, что к тому времени, когда мне пришлось столкнуться с этой организацией, она уже существовала и существовали, позидимому, даже самостоятельные заграничные связи у Ризенкампфа с заграничными кругами в этом направлении, — так что целый ряд работ, которые были начаты в этом направлении, были начаты по тем непосредственным связям, которые имел Ризенкампф, и эти связи были, повидимому, одними из первых связей, которые в этом отношении с заграницей были налажены.

Из об'ектов работ, которые за последнее время интересовали, на основе бесед с Кенигом мне известно, что это была работа по западной границе. Я не буду географические пункты намечать, тем более, что точно я их и не знаю, но, примерно, я знаю, где они должны были быть расположены, и поскольку расшифрован последний пункт, который представляет большой интерес, — может быть назвать?

Председатель. Нет, того, что сказано, достаточно.

Господин Р. интересуется «мелиорацией» пограничных окраин

Рамзин. Велась работа в Средней Азии и на Дальнем Востоке, которая меня лично совершенно не интересовала и не привлекала внимания центра, как такового, тем более, что и положение организации было промежуточным: между Наркомземом, который находился в идеологическом ведении «ТКП» — это была не наша область — и между «Промышленной партией», — так что она сидела между двумя стульями, между этими двумя контрреволюционными организациями.

Что касается последней работы 1929 г., относительно нее был определенный разговор, относительно срочности этой работы и относительно того, как она двигается и, в частности, в том разговоре с господином Р., в котором он мне сообщил о предполагавшемся десанте и о котором я говорил в своих показаниях, ко мне и была направлена просьба проследить, как двигается работа, связанная с десантом, и принять меры, если можно, к ее срочному проведению. Этот разговор был в середине 1929 года, т.-е. тогда, когда начала развертываться эта работа.

Крыленко. Меня интересует выяснение следующих подробностей. При допросе свидетеля Красовского мы установили, что та часть по дезорганизации мобилизационных способностей прифронтовых железных дорог или вообще железных дорог в приграничной полосе, начатая так же, как он говорил, в 1927/26 г. и переданная по наследству, так сказать, в момент консолидации, образования вредительского центра...

Рамзин. Такая же картина и здесь.

Крыленко. И руководство в дальнейшем и тесная связь осуществлялись уже ЦК «Промпартии»?

Рамзин. Я сказал, что все детали работы (Крыленко: «Детали не нужны») доходили до центра и центр знал, что такая работа ведется и, в частности, этой работой г. Р. в разговоре со мной в середине 1929 г. весьма интересовался.

Крыленко. А вот работа такого характера в деталях могла быть известна в последней части в 1929 г., о которой рассказывает Михайленко? И уже с 1927 г., с момента, когда вы перешли в центральную организацию, связь с этой частью вредительской работы поддерживалась Ризенкампфом и Кенигом?

Рамзин. Думаю, что так, но я в 1927 г. участвовал в организации фактически 3—4 месяца и опять связался с ней в 1928 году, после моего возвращения из полугодичной заграничной командировки.

Крыленко. Но руководящая роль из одного центра должна была вестись?

Рамзин. Да, я полагаю.

Крыленко. Если вы по этому поводу беседовали с г. Р., то очевидно он полагал, что вы располагаете необходимыми возможностями?

Рамзин. Да.

Крыленко. Следовательно, руководящая работа в этом отношении, как и в области НКПС, перешла к центру?

Рамзин. Я говорю, что примерно с 1928 г. была определенная отрасль в ЦК «Промпартии». Наблюдение за этой работой было возложено на Осадчего.

Крыленко. Это было известно не только вам?

Рамзин. Думаю, что и другие члены ЦК знали об этом.

Крыленко. Так что мы можем добавить к той категории работ по подготовке интервенции, которая нами разбиралась до сегодняшнего дня, и эту область?

Рамзин. Но возникновение поручений шло не из этих кругов.

Крыленко. Произошло только суммирование?

Рамзин. Да.

Крыленко. И лица, через которые производилось такого рода руководство, персонально связались в этот момент с ЦК «Промпартии»?

Рамзин. Да.

Крыленко. Эта картина, которую мы можем считать совершенно точно установленной?

Рамзин. Да.

Крыленко. И об этом было известно ЦК «Промпартии» в целом?

Рамзин. Во всяком случае теперешнему составу, находящемуся сейчас здесь. Я думаю, почти всем было известно; Федотов мог не знать, так как он редко бывал, а другие знали.

Крыленко. У меня есть еще вопросы к подсудимому Ларичеву и к подсудимому Калинникову.

Председатель. Подсудимый Ларичев, подсудимый Калинников.

Ларичев и Калинников не могут опровергнуть показаний свидетеля Михайленко.

Председатель. Подсудимый Ларичев, к вам вопрос.

Крыленко. Вы подтверждаете слова Рамзина?

Ларичев. Да. Специального обсуждения в ЦК не было, но из тех разговоров, которые следовали...

Крыленко. Ризенкампф не входил?

Ларичев. Нет.

Рамзин. Он был руководителем отраслевой группы.

Крыленко (к Калинникову). А вы подтверждаете?

Калинников. Я также подтверждаю все, что сказал Рамзин относительно связи и общего направления руководства.

Крыленко. Но раньше вы детализации не давали?

Калинников. Ведь я входил с конца 1927 г.

Рамзин. В самом конце следствия мне был поставлен вопрос относительно руководителей групп. Я назвал несколько имен, но за недостатком времени этим вопросом не удалось заняться.

Крыленко. Так что это не было сделано за недостатком времени?

Рамзин. Да. Но на такой вопрос я указал, что такая связь существовала и имела место.

Председатель (к Ларичеву). Скажите, пожалуйста, вам было известно об этой мелиоративной области работ?

Ларичев. О последней работе я знал из разговора с Рамзиным, а о предшествующих я знал, что Осадчему было указано, чтобы он установил более прочную связь с Кенигом.

Председатель. В чем у Осадчего выражалось особое наблюдение за этой частью работы?

Ларичев. Он фактически являлся председателем секции реконструкции, а водный сектор входил в состав секции реконструкции, и по ходу всей госплановской организации, когда началась более активная работа, мы обратились с просьбой взять Кенига под свое руководство.

Председатель. Мне интересно знать, как это произошло. Кто сообщил Осадчему, чтобы он взял Кенига под свое прочное руководство? В чем выражалось это более прочное руководство? Откуда это вам стало известно?

Ларичев. На последний вопрос я не могу ответить. Не могу сказать, в чем выражалось это руководство. Я этими деталями не интересовался. Как это произошло? Это автоматически произошло.

Поскольку он был введен в более тесную работу, было условлено, что он будет прозодить в области, с которой соприкасается, работу, которая связана с директивами «ЦК».

Председатель. В каком порядке это было условлено? В порядке частной беседы?

Ларичев. В порядке частной беседы.

Председатель. Кто беседовал на эту тему?

Ларичев. Мы с Рамзиным встретились в кабинете Осадчего.

Председатель. Специально в кабинете Осадчего был разговор на эту тему между вами, Осадчим и Рамзиным?

Ларичев. Да.

Председатель. Значит, у вас было специальное заседание, посвященное этому вопросу?

Ларичев. Это заседание носило случайный характер.

Председатель. Летучий?

Ларичев. Да, летучий характер.

Председатель. Но этот вопрос специально обсуждался, и решено было, чтобы Осадчий взял на себя наблюдение. Вы пришли случайно к Осадчему и Рамзин случайно. Как это случайно случился этот случай?

Ларичев. Мы с Осадчим неоднократно вели разговоры, предлагая принять активное участие. Общий характер разговоров начал конкретизироваться.

Председатель. Он был членом ЦК?

Ларичев. Да.

Председатель. Когда было мелиоративное вредительство, он был членом ЦК?

Ларичев. Он в это время не был членом ЦК. Мы привлекли его к работе после первого разгрома.

Председатель. Он тогда членом ЦК не был?

Ларичев. Не был, но принимал в работе участие. Мы привлекли его в конце 1928 г.

Председатель. До шахтинского дела или после?

Ларичев. После шахтинского дела.

Председатель. Много после?

Ларичев. В конце 1928 г.

Председатель. Вы встретились у Осадчего, как у своего человека, и завели этот разговор с Рамзиным. По чьей инициативе был этот разгозор?

Ларичев. Я об'яснял, что он возник случайно. Мы его втягивали в автоматическую, более активную работу. Из нас никто с водным хозяйством не соприкасался.

Председатель. Значит, вы с Рамзиным предложили ему на этот вопрос обратить больше внимания?

Ларичев. Я не знаю деталей. Это упоминалось как частность.

Председатель. Подсудимый Рамзин, это было так?

Рамзин. Я довольно ясно помню. Толчком был мой разговор с Кенигом после сообщения Громана или Хренникова. Я увидел, что здесь возникает целый ряд вопросов и необходимо, чтобы какое-нибудь лицо, близко стоящее к ЦК, осуществляло более тесную связь в ЦК в этом направлении. Разговор с Кенигом был толчком к тому, чтобы поговорить с Осадчим в этом направлении. Членом «Промпартии» он был еще раньше.

Осадчий и Шейн выступали на шахтинском процессе с ведома ЦК «Промпартии»

Председатель. Когда он выступал как общественный обвинитель по шахтинскому делу, он был членом «Промпартии»?

Рамзин. Был. Его выступление было сделано с санкции ЦК «Промпартии». Точно так же, как и выступление Шейна было санкционировано ЦК.

Председатель. Продолжайте дальше.

Рамзин. Это послужило толчком для того, чтобы урегулирозать вопрос связи с ЦК. В это время, к концу 1928 года, Осадчий стал близко подходить к работе ЦК и фактически уже являлся членом ЦК. Формально он сделался членом ЦК к 1930 г., но фактически начал принимать довольно живое участие в работе ЦК с начала 1929 г. Его постепенно начали нагружать, и это было одной из первых нагрузок, которые выпали на его долю вместе с составлением экономических сводок. Затем у него была работа по увязке с водной секцией.

Председатель. Вопросы еще есть?

Крыленко. Нет. Я уточнять буду при суммировании доказательств.

Председатель. У других подсудимых нет вопросов и замечаний? (Н е т). Садитесь. К свидетелю Михайленко есть вопросы?

Крыленко. Пока нет.

Председатель. Товарищ комендант, свидетель Михайленко может временно оставить зал заседания.

Пригласите свидетеля Цейдлера.

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ ЦЕЙДЛЕРА

Председатель. Свидетель Цейдлер?

Цейдлер. Да.

Председатель. Ваше имя, отчество?

Цейдлер. Петр Валерьянович.

Председатель. Свидетель Цейдлер, вы вызваны в Специальное присутствие Верховного суда Союза в качестве свидетеля по делу контрреволюционной организации, известной под именем «Промпартии». Как свидетель вы обязаны показывать только правду, за ложные показания вы подлежите ответственности, о чем я вас, согласно закона, предупреждаю. Отвечайте на вопросы обвинения, при чем имейте в виду следующее: в случае необходимости касаться каких-нибудь вопросов, связанных с деятельностью то-

го или другого учреждения или лиц, принадлежащих к иностранным государствам, таковые называться в этом заседании не должны, воздержитесь также от наименования каких-нибудь географических точек, имеющих военное и стратегическое значение. Из этого общего моего предупреждения сделайте соответствующие выводы при изложении.

Крыленко. Вы работали в секции водного хозяйства?

Цейдлер. Да.

Крыленко. Какое вы занимали положение в этой секции?

Цейдлер. В момент моего вступления в секцию, я был принят в качестве сотрудника секции, при чем в этой должности я находился с конца 1924 г. до начала 1926 г. С начала 1926 г. я был назначен заместителем председателя водной секции.

Крыленко. В этой должности вы были до какого времени?

Цейдлер. Это звание с меня не снималось до момента моего нового назначения, но фактически, примерно, с середины 1928 г. или с первой трети 1928 г., я был устранен от административной работы секции, которая на меня была возложена, когда я был заместителем председателя, и при назначении партийного руководителя секцией, я получал уже от него определенные задания и эти задания выполнял наравне с остальными сотрудниками секции. Таким образом мое заместительство председателя секции нужно считать примерно с начала 1926 г. и до весны 1928 г.

Крыленко. Вы о вредительской организации в секции водного хозяйства знали?

Цейдлер. Да.

Крыленко. Вы были сами участником вредительской организации?

Цейдлер. Да.

Крыленко. Кем вы были вовлечены туда?

Цейдлер. Инженером Ризенкампфом.

Крыленко. Приблизительно дата?

Цейдлер. Примерно это нужно отнести к весне 1926 г.

Крыленко. По водному хозяйству у вас была руководящая организация, стоящая во главе?

Цейдлер. Собственно говоря, директивы и общие инструкции я обычно получал от инженера Ризенкампфа. Были случаи, когда я пользовался руководством моего начальника секции.

Крыленко. А вам было известно о существовании об'единенного центра у вредительской организации?

Цейдлер. Я слышал о наличии центра, который носил название инженерного центра.

Крыленко. А о дальнейшем его перереформировании?

Цейдлер. О перереформировании мне не было известно.

Крыленко. Из лиц, сидящих на скамье подсудимых, вы в лицо знаете тех, которые входили в центральную инженерную организацию?

Цейдлер. Я вижу двух лиц, которых я знаю. Это — профессор Калинников и профессор Ларичев. Остальных я не помню.

Крыленко. По сведениям, которые вы имели от Ризенкампфа и других членов вредительской организации, вам известна фамилия Рамзина как члена центральной вредительской организации?

Цейдлер. Да, слышал.

Крыленко. Ларичев?

Цейдлер. Слышал.

Крыленко. Калинников?

Цейдлер. Слышал.

Крыленко. Чарновский?

Цейдлер. Нет, не слышал.

Крыленко. Федотов?

Цейдлер. Нет.

Крыленко. Значит вы знали, что в состав центральной вредительской организации—«Инженерного центра»—входили эти три лица?

Цейдлер. Да, эти три лица.

Крыленко. Это вы слышали от кого?

Цейдлер. О них упоминал в разговоре Кениг.

Крыленко. А Ризенкампф?

Цейдлер. Не упоминал.

Крыленко. А они не говорили, что находятся в прямой связи с центром?

Цейдлер. Определенного, категорического ответа я не слышал, но предположительно я слышал об этом со стороны Кенига.

Крыленко. Они могли говорить, что есть связь вообще предположительно. А конкретно в верхушке?

Цейдлер. Вы хотите сказать, имелась ли связь этой организации, в состав которой входили лица, фамилии которых вы назвали, с той организацией, представители которой находились в составе организации по водному хозяйству?

Крыленко. Да.

Цейдлер. Эта связь выражалась в том, что основные задания по промплану в качестве потребности по хлопковой продукции являлись директивой по составлению плана ирригационного.

Крыленко. Значит вам было известно, что руководящая верхушка вредительской организации по секции водного хозяйства, возглавляемой Кенигом и Ризенкампфом, была организацией, об'единяющей вредительские организации, в составе которой находились эти три лица, фамилии которых вы назвали?

Цейдлер. Да, должны были быть.

Крыленко. Значит об организационных связях и о существовании центральной организации вы знали?

Цейдлер. Да.

Крыленко. О связи вашей верхушки с этой вредительской организацией вы знали?

Цейдлер. Да.

Крыленко. Известно ли вам, через кого конкретно осуществлялась связь, — через Кенига и Ризенкампфа или еще кого-либо и с кем конкретно?

Цейдлер. С кем конкретно — не знал.

Крыленко. Вам было известно, что ваша верхушка по секции водного хозяйства организационно связана с существующей центральной вредительской организацией?

Цейдлер. Да.

Крыленко. И затем вы говорите, что задания исходили разным образом оттуда?

Цейдлер. Т.-е. задания, которые были уже выявлены в форме совершенно определенного и явного предложения, известного всем, но заведомо преувеличенного.

Крыленко. А именно какое задание?

Цейдлер. Задание о количестве того хлопка, которое необходимо изготовить, т.-е. получить с хлопковых площадей, находящихся в пределах Союза.

Крыленко. Мне немножко здесь не ясно: водное хозяйство для хлопкового хозяйства имеет второстепенное значение. Но какая прямая связь между вредительским заданием о количестве хлопка и водным хозяйством или водной работой?

Цейдлер. Разрешите пояснить. То количество хлопка, которое необходимо в соответствующем плане предстоящего года, оно определяется той продукцией, которую можно получить с соответствующей земли.

Крыленко. С плантации?

Цейдлер. Да. Урожайность также имеет значение. Известно, что, деля продукцию на урожайность, можно получить то количество гектаров, которое необходимо подготовить для того, чтобы получить эту продукцию. Следовательно, если мы имеем нормальное задание, какое-нибудь «а» количество пудов или тонн хлопка, то это может соответствовать «а» с каким-нибудь значком гектаров — территориально, без указания персонально наименования того или иного об'екта, который нужен для этой цели.

Крыленко. Т.-е., другими словами, существует известная пропорция между количеством получаемого хлопка и пространством, которая является обязательной предпосылкой для получения известного количества хлопка, а пространственное выражение зависит в свою очередь от производства водных работ?

Цейдлер. Да.

Крыленко. Первое является производным от количества гектаров — раз, и системы водного хозяйства — два?

Цейдлер. Совершенно правильно, но может быть и обратное: первое может являться основой для того, чтобы вычислить, какое количество необходимо получить площади и какому об'ему соответствует.

Крыленко. Если исходить из количества хлопка, получаемого с этой площади, можно определить количество гектаров, которое подлежит обработке, и работу ирригационного характера, которую необходимо производить?

Цейдлер. Да.

Крыленко. Вредительство в водном хозяйстве в чем выражалось?

Цейдлер. Разрешите пояснить. Это не зависит от того количества хлопка, которое предуказывалось подготовить, и в соответствии с этим необходимо было иметь подготовительные площади. Получение подготовительных площадей можно было произвести двояко: либо производя крупную водохозяйственную работу на новых площадях, еще не осваиваемых или хотя бы частично осваиваемых, но при производстве крупной работы получается прирост крупных площадей; или можно было получить эти площади путем введения обарыченных работ, т.-е. мелких работ.

Крыленко. Путем интенсификации данной системы?

Цейдлер. Да, вы правы, или в другом смысле — путем применения производства мелких, но не крупных работ. Это основное различие. Теперь, в чем заключается элемент вредительства в этой мелкой работе? Мелкие работы требовали несколько уменьшенных капитальных вложений — это раз, и второе — они требовали времени меньше для их осуществления. Крупные капитальные вложения, которые требовались на крупные работы, ложились тяжелым бременем на бюджет Союза, — это с одной стороны, и с другой стороны, время выхода хлопковых площадей, т.-е. время окончания этих работ, конечно, имело сроки более удлиненные, нежели при мелких работах. Если сопоставить, что делалось как раз в первые два года, а они и являлись основными годами, когда проводилась вредительская работа, то можно сказать, что на эти мелкие работы обращалось мало внимания.

Крыленко. Другими словами, на сравнительно дешевые и рациональные методы подготовки площадей обращалось мало внимания, нерационально затрачивались средства и вкладывались капиталы в сложные предприятия?

Цейдлер. Вы правы, это несомненно так.

Разрешите пояснить примером одно обстоятельство, поскольку вопрос о мелком строительстве очень был спорен, — именно для того, чтобы показать, сколько здесь имеется довольно значительных тонкостей в уяснении мелких работ.

Я приведу следующий пример. Предположим имеется арык, на котором уже

имеются площади используемые, и положим, что количество площади, орошаемой этим арыком, составляет 1.000 га, при чем эта 1.000 га об'ясняется именно тем количеством воды, которое протекает в этом арыке. И вот, с течением времени арык этот из-за размывов доводится до такого положения, что эту 1.000 га уже получить нельзя. Тогда население идет несколько ниже, а ниже опять-таки имеется то же самое количество воды...

Крыленко. Вы хотите сказать, что можно было путем углубления арыков на месте исправить?

Цейдлер. Пожалуй, это было бы трудно сделать потому, что при углублении арыка пришлось бы применять водопод'емные сооружения для подачи воды для орошения.

Я привел этот пример, чтобы охарактеризовать и показать, насколько был спорен вопрос и насколько глубоко требовалось знать вопросы ирригации. Можно получить арык, на котором будет иметься 2.000 га обарыченных земель, но с фактической возможностью при существующем положении оросить 1 тысячу.

Когда шел спор, тогда приводили этот пример, который говорил о том, что обарыченная земля это, собственно, та земля, которую невозможно освоить, и что тут необходимо было прибегать к другого рода мероприятиям...

Крыленко. Мы не будем углубляться в эту проблему. Она очень интересна, но заведет нас слишком далеко.

Скажем пока в общей форме. Вредительство в этой области сводилось к нерациональной постановке ирригационных работ, в результате которых нерационально употреблялись капитальные вложения?

Цейдлер. Именно так.

Крыленко. Меня интересует такой вопрос. Можно ли — я строю это на основании лишь догадок, при известном запроектированном на данный год урожае хлопка, — можно ли при производстве соответствующим вредительским образом работ водного характера сделать заведомо невозможным данное количество урожая?

Цейдлер. Я вполне вашу мысль понимаю. Вы хотите знать: можно ли путем определенной комбинации работ умышленно сделать так, чтобы не выполнить задания.

Я бы сказал, что в такой форме это не делалось, а выдвигались крупные работы, при чем можно иначе даже поставить вопрос. И, разрешите, тогда я иначе, в другую плоскость поставлю вопрос. Работы эти выдвигались в количестве таком, что найти соответствующих знатоков ирригации и работников, знакомых хорошо со строительством водного хозяйства, было трудно, и не всегда руководителями работ являлись лица, хорошо знакомые со строительством водного хозяйства. И вот лица, мало знакомые с вопросами ирригации, проводили работы по относительно очень срочно составленным проектам, т.-е. еще по недоработанным в своих деталях, и из-за этого строительство задерживалось. Вот это имело место.

Крыленко. Задерживались крупные ирригационные работы, в результате чего соответствующие темпы усиления хлопковых площадей отставали?

Цейдлер. Да.

Крыленко. И производство этих крупных работ ставилось в такие условия, что недостаток соответствующих специалистов, а может быть, известные географические и топографические особенности равным образом давали известную трудность?

Цейдлер. Да.

Крыленко. Этого рода задания шли в порядке директивных указаний от центральных организаций?

Цейдлер. Я бы не сказал, что в порядке директивных указаний от ЦК. Выбор этих заданий проводился специальными лицами, приглашенными для оценки плана, и в результате этого были даны указания такого порядка.

Крыленко. Значит, характер директивных указаний сводился к общему указанию о нерациональном вложении капитала и о соответствующей нерациональной постановке работ?

Цейдлер. Я очень извиняюсь, но мне кажется дело было так: общее задание было преувеличенным заданием по получению хлопка, что вызывало следствием безусловное ведение крупных ирригационных работ. Это будет более точно.

Крыленко. При чем это преувеличенное задание ставилось независимо или без учета данного состояния хлопковых площадей?

Цейдлер. Примерно, так.

Крыленко. Данное задание при известных условиях могло быть реализовано?

Цейдлер. Количество площадей, имевшихся в момент начала работ в Советском Союзе, было все-таки не особенно велико. Я сейчас затрудняюсь сказать, но то количество, которое имелось, оно во многих случаях было в испорченном состоянии, что являлось результатом в последние годы, после революции, малого внимания к этим площадям.

Крыленко. Таким образом, об'ективно это задание при производстве правильных ирригационных работ могло быть выполнено?

Цейдлер. Я думаю, что все-таки реализовать было бы трудно, т.-е. оно могло бы быть реализовано только в том случае, если бы был действительно опытный персонал и ни в чем не было бы недостатка.

Крыленко. Если бы был опытный персонал, правильно была бы поставлена работа и не было бы недостатка материалов — каких материалов?

Цейдлер. Цемента, железа, дерева и т. д.

Крыленко. Так что вы считаете, что при об'ективных условиях это было трудно выполнимым?

Цейдлер. Очень трудно выполнимым.

Крыленко. Пойдем дальше. Может быть вам известно о работе другого характера в связи с интервенцией?

Цейдлер. В связи с интервенцией я могу сказать очень немного в отношении ирригации, потому что этот вопрос, собственно говоря, шел помимо секции водного хозяйства и больше относился к вопросам мелиорации, которую секция водного хозяйства не опекала.

Крыленко. Вы знали только по сведениям?

Цейдлер. Только по сведениям—об этом я могу рассказать.

Антонов-Саратовский. А Мургабское водохранилище?

Цейдлер. Только эта одна работа и была. Примерно в 1926 г. была выдвинута туркменским инженером работа, которая предполагала устройство...

Крыленко. Вы о мелиоративных работах знали по наслышке или по сведениям? Говорите в таких пределах: какого характера работа производилась. Можете указывать районы без географически точек. Затем — приблизительно к каким срокам (если это было вам известно) намечалось производство работ, в какую организационную и иную связь они ставились с вопросами интервенции?

Цейдлер. Относительно сроков мне ничего не известно. Мне известны были примерные темпы работы. Об этом я могу сказать, но сроки и определенные установки мне не были известны.

В отношении мелиоративных работ я могу сказать вот что. На западе были намечены осушительные работы большого масштаба. Они имели своей целевой установкой осушение большого количества местностей. Насколько мне известно, до настоящего времени осушено там немного. Тут имеет место одно обстоятельство, которое можно учесть. Осушение оазисного порядка, линзовое осушение играли известную роль в том отношении, что они являлись пунктами для получения продовольствия, фуража и остановки войск. Такое линзовое осушение уже было частично проведено. В отношении же массового осушения, я думаю, тот масштаб, который был установлен, требовал еще многих лет.

Крыленко. Другими словами, вам точно было известно, что мелиоративные работы, способствовавшие продвижению, скажем, военных сил или военных масс, как цель, ставились?

Цейдлер. Мне так говорили.

Крыленко. Затем, вы устанавливаете, что масштаб этих работ проектировался крупный?

Цейдлер. Да.

Крыленко. Но осуществление было не крупное?

Цейдлер. Пока осуществлено было немного.

Крыленко. От кого вы это слышали?

Цейдлер. От лица, которое опекало эти работы — инженера Панпулова.

Крыленко. Он тоже входил во вредительскую организацию?

Цейдлер. Да.

Крыленко. По секции специальных мелиоративных работ?

Цейдлер. Я бы не сказал, но если хотите, пожалуй, по мелиоративным. Вы совершенно правы.

Крыленко. Он вам это передал и указал при этом географические точки?

Цейдлер. Он не говорил о деталях. Он указал только районы более точно по сравнению с тем, что я вам говорил, причем говорил он только один раз. Детально я с ним не разговаривал и поэтому не знаю ни сроков, ни других деталей.

Крыленко. Другие районы вам были известны?

Цейдлер. Да. Мне было известно три района. Восточный район.

Крыленко. Затем Южный?

Цейдлер. Южный район.

Крыленко. В этих двух районах производились мелиоративные работы по осушению?

Цейдлер. Да.

Крыленко. Этот второй район брался в связи с возможностями продвижения чужих войск или хотя бы белогвардейских войск?

Цейдлер. Я затрудняюсь сказать. Мне просто было сказано без детализации, без указаний, какие именно части и кто. Это не было сказано.

Крыленко. И третий дальний район?

Цейдлер. Дальневосточный.

Крыленко. В какой форме было сообщено вам — в форме предположений или в форме конкретно поставленной исполняемой цели?

Цейдлер. Насколько я понял, это было сказано, хотя на ходу, но в форме определенных работ, которые проводятся.

Крыленко. В вашу вредительскую группу входили эти два руководящих лица: Кениг и Ризенкампф?

Цейдлер. Еще были Флексер и я.

Крыленко. Это была верхушка, руководящая группа?

Цейдлер. Да.

Крыленко. А остальные были ниже?

Цейдлер. Да, конечно, их надо считать ниже.

Крыленко. И если то, что вы сообщаете, вам было известно в такой плоскости, то остальным также не могло быть не известно?

Цейдлер. Я бы затруднился сказать, потому что район, которым я занимался, был только один — Средняя Азия, и главным образом крупные работы.

Крыленко. Вы можете значит говорить о характере вредительской работы по хлопковому хозяйству в связи с водными работами и поручениями, которые вы имели от вашей руководящей верхушки, а остальные получали задания от руководящего центра?

У вас вопросы материального снабжения, финансирования вредительской работы имели место?

Цейдлер. Относительно финансирования мне совершенно неизвестно.

Крыленко. В плоскости мелиоративных работ?

Цейдлер. Нет, и вообще. У меня были определенные задания, которые выполнялись.

Крыленко. «Гратис», без соответствующего вознаграждения?

Цейдлер. Да, гратис.

Председатель. Больше вопросов к свидетелю нет?

Крыленко. Пока нет.

Председатель. Тов. комендант, свидетель может быть удален из зала заседания, завтра он понадобится. Об'является перерыв до 11 часов завтрашнего дня.

---

3 декабря

Утреннее заседание

Председатель. Специальное присутствие Верховного суда Союза возобновляется.

Нужен ли сторонам свидетель Цейдлер?

Крыленко. Только для присутствия на вопросах, которые я буду задавать.

Председатель. Тов. комендант, пригласите свидетеля Цейдлера.

«Знали, но не успели показать»

Председатель. Подсудимый Рамзин.

Крыленко. Разрешите, свидетель Цейдлер, еще раз зафиксировать то, о чем вы вчера уже показывали: вам было известно, что верхушка организации вредительства в секции водного хозяйства была связана с ЦК так называемой «Промпартии», что эта связь, по вашим сведениям, осуществлялась через Кенига и Ризенкампфа и что лицами, которые вам были известны со слов других как члены центральной вредительской организации, были трое, которых вы назвали: Калинников...

Цейдлер. Рамзин и Ларичев. Только относительно связи разрешите отметить, что относительно второй фамилии — Ризенкампфа, я не уверен, я могу говорить уверенно только о Кениге.

Крыленко. А вас, подсудимый Рамзин, можно попросить подтвердить то, что вам было известно о наличности этой организации, известно о характере проводимых работ в связи с интервенцией, известно, в частности, о работе, о которой докладывал Михайленко, об этом вы имели специальные разговоры с г-ном Р., и что в ваших предыдущих показаниях вы об этом не указывали за неимением достаточного времени?

Рамзин. Устные показания я дал, но письменных не имел времени дать.

Крыленко. Но вы удостоверяете?

Рамзин. Да, это так.

Крыленко. Вот это мне было нужно проверить.

Председатель. У защиты есть вопросы? У подсудимых имеются вопросы? (Рамзину). Садитесь, пожалуйста. Подсудимый Ларичев.

Крыленко. Равным образом вы подтверждаете то, что вам было известно об этой работе в общих чертах и что вы в своих показаниях об этом не упоминали?

Ларичев. Да, подтверждаю.

Председатель. Вы можете сесть. Подсудимый Калинников.

Крыленко. Вам в общих чертах было известно об этой работе?

Калинников. Да, было известно, я подтверждаю.

Крыленко. И вы подтверждаете, что об этом в ваших показаниях вы не упоминали?

Калинников. Не успел.

Председатель. Свидетель Цейдлер, следовательно из состава обвиняемых в качестве лиц, входящих в эту организацию «Промпартии», вам известны только три лица — Рамзин, Ларичев и Калинников?

Цейдлер. Да.

Председатель. А кто-нибудь из подсудимых был вам известен, как член организации, если и не входящий в центр?

Цейдлер. Я сейчас бы затруднился утвердительно сказать. Я не помню.

Председатель. Если я вам назову Чарновского, вам что-нибудь о нем известно?

Цейдлер. Я впервые слышу эту фамилию.

Председатель. А подсудимый Куприянов?

Цейдлер. Это для меня незнакомая фамилия.

Председатель. Только три названные вами лица вам известны?

Цейдлер. Да.

Председатель. А из ненаходящихся здесь на скамье подсудимых, но входящих в состав ЦК «Промпартии» вам кто-либо известен?

Цейдлер. Я слышал фамилию Осадчего.

Председатель. И кроме того вы слышали фамилию Громана?

Цейдлер. Да, виноват, слышал и фамилию Громана.

Председатель. К свидетелю Цейдлеру вопросы имеются?

Крыленко. Нет.

Председатель. А у защиты имеются вопросы к свидетелю Цейдлеру?

Оцеп. Нет.

Председатель (коменданту). Свидетеля Цейдлера можно освободить.

Обвинение отказывается от допроса свидетеля Спарро

Крыленко. Я буду просить, во-первых, Рамзина, указать мне (это можно сделать потом) то место из его показаний, где было бы сказано о том характере вредительской работы, о котором докладывал Красовский, что, равным образом, ему было известно. Я просмотрел все его показания, но соответствующего места не нашел. Во-вторых, обвинение вызывало в качестве свидетеля Спарро. Мотивируя вызов этого свидетеля, мы указывали на то, что его свидетельские показания необходимы, чтобы удостоверить перед судом, что вредительская работа в связи с подготовкой интервенции носила несколько более расширенный, углубленный характер, чем это было показано обвиняемыми, и что не все и не так обстояло в действительности, как они показывают. Поскольку эта цель уже достигнута, что только что подтвердили сами обвиняемые, от допроса свидетеля Спарро можно воздержаться, так как нового в этом отношении он ничего не даст. Обвинение не настаивает на вызове свидетеля Спарро.

Председатель. По поводу отказа обвинения от свидетеля Спарро у защиты или обвиняемых нет никаких заявлений?

Оцеп. Свидетель Спарро не имеет отношения к предмету защиты, поэтому можно с обвинением согласиться.

Председатель. Специальное присутствие определяет свидетеля Спарро освободить от свидетельства по этому делу.

Крыленко. У нас остался свидетель Кирпотенко. Можно его пригласить?

Председатель. Тов. комендант, пригласите свидетеля Кирпотенко. Подсудимый Рамзин, я прошу вас дать ответ на заявление, которое сделано представителем государственного обвинения; когда вы найдете это место в своих показаниях, сделайте мне заявление.

Еще раз о «Русских ведомостях» и их отношении к Октябрю

Председатель. Подсудимый Федотов. По поводу пред'явленного вам вчера комплекта «Русских ведомостей» за 1918 г.

Федотов. Я просмотрел внимательнейшим образом номера за квартал апрель, май и июнь и этой статьи не нашел... Таким образом, я остаюсь в полном недоумении. Или, как я начинаю теперь думать, эта статья была помещена после июля, что гораздо более вероятно, так как прогноз тогда было гораздо легче сделать, или я спутал что-нибудь, но я прекрасно помню, что после Октября в ноябре в редакции много раз к Игнатову обращались с вопросами: что же еще, что дальше теперь будет? Это у меня сохранилось очень живо в памяти, но подтвердить этот факт я не могу. Я извиняюсь перед судом.

Председатель (к Крыленко). Может быть, в связи с этим заявлением подсудимого Федотова целесообразно было бы дополнительно истребовать номера «Русских ведомостей»?

Крыленко. Я не думаю, что это вызывается необходимостью. Я бы удовлетворился, если бы гр-н Федотов согласился со мной в том, что если бы такая статья и появилась в октябре или после октября, она во всяком случае ни в какой мере не носила примиренческого характера по отношению к Октябрьской революции.

Федотов. О, нет. Я этого не говорил.

Крыленко. Она во всяком случае носила резко враждебный характер по отношению к Октябрьскому перевороту?

Федотов. Совершенно верно. Когда я говорил об этой статье, я никоим образом не хотел сказать, что «Русские ведомости» в этой статье шли на примирение, — нет. Статья, как я помню, или лучше сказать, как я помню разговор об этой статье, носила характер исторического предсказания, но не примирения. У меня сохранилось впечатление о том, что в редакции «Русских ведомостей» понимали, что большевики пришли для того, чтобы остаться, и что они останутся достаточно долго.

Крыленко. Вы, может быть, согласитесь со мной еще в одном утверждении. Насколько я помню, «Русские ведомости» были органом той группы русского либерализма, академического либерализма, которые резких выражений, каких-либо активных действий агрессивного типа всегда избегали, даже в период борьбы с самодержавием, но именно в период Октября, перед Октябрем и после Октября — это можно удостоверить из тех статей, которые я отметил, — они усвоили этот тон.

Если вы согласны с этим, тогда вопросов у меня нет.

Федотов. Я согласен. Хотя я в общем не думаю, что они усвоили более резкий характер, — все-таки, оглядываясь назад, я должен признать, что характеристика либерализма «Русских ведомостей», сделанная вами, как беззубого либерализма, является в общем совершенно правильной.

Крыленко. У меня вопросов нет.

Председатель. Подсудимый Федотов, можете сесть.

Таким образом, можно считать вопрос о «Русских ведомостях» исчерпанным.

(Вводят свидетеля Кирпотенко).

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ КИРПОТЕНКО

Подготовка диверсионных актов в текстильной промышленности

Крыленко. Свидетель Кирпотенко, что вам известно относительно диверсионных мероприятий, которые проектировались непосредственно на текстильных предприятиях и предполагались в момент интервенции, при чем я вас прошу мне так сообщить: были ли это вообще только разговоры, было ли это деловое обсуждение и какое было приблизительно принято решение, за или против, и если против, то почему, а если за, то какие конкретные мероприятия были по этому поводу предприняты или вовсе не было предпринято ничего и оставалось в области обсуждения. То, что вам точно известно, так и скажите, что точно известно; то, что не точно известно, так и скажите, что не точно известно.

Кирпотенко. При одной из информаций о вредительской работе в связи с подготовкой к интервенции был разговор о том, что нужно подготовиться к этой работе и в смысле диверсионном, при чем указывалось, что ЦК «Промпартии» намечает разработку определенных диверсионных планов. Так как значение в этом деле текстильной промышленности не очень большое и крупное, то у нас разговор был такой, что в первую очередь такие работы могли бы проводиться в смысле нарушения мобилизационных планов, составляемых для снабжения Красной армии в момент интервенции, потом в смысле нарушения самой работы отдельных фабрик, выполняющих заказы для снабжения Красной армии, и, может быть, некоторых фабрик, выработка которых идет на снабжение населения.

При обсуждении вопроса о реальном проведении таких работ в жизнь говорилось о том, что если удастся организовать военные ячейки, то в них должны быть диверсионные ячейки, которые и проводили бы эти работы на местах. Но в помощь им надо было бы к моменту интервенции откомандировать отдельных членов вредительской организации.

Для первой мобилизационной работы был специально в моботдел ВТС откомандирован член организации Обрезков, который там стал заниматься разработкой мобилизационных планов.

Председатель. Это в ВТС?

Кирпотенко. Да.

Председатель. Откуда он был откомандирован?

Кирпотенко. Из хлопчатобумажного управления.

Председатель. А чьим постановлением, не официальным, конечно, а неофициальным?

Кирпотенко. Заведывал хлопчатобумажным управлением Сергей Викторович Куприянов, он и назначил Обрезкова.

Председатель. Значит, Куприянов назначил Обрезкова специально для этих целей?

Кирпотенко. Я сейчас скажу. Когда еще был Главтекстиль ВСНХ, он уже работал по мобилизационной работе. Значит, во-первых, в ВТС он продолжал эту работу, а, кроме того, раз он был членом нашей вредительской организации, то это имелось в виду при назначении его в моботдел ВТС.

Председатель. Подсудимый Куприянов, пожалуйте сюда.

Крыленко. Вам известно было в этой части задание, возложенное на Обрезкова?

Куприянов. Да, это мне было поручено провести, и я провел.

Крыленко. Это в области мобилизационной работы по хлопчатобумажной промышленности?

Куприянов. Да.

Крыленко (к Кирпотенко). А в области диверсионной?

Кирпотенко. На одном из заседаний А. А. Федотов передал пожелание ЦК об организации таких ячеек из бывших белых офицеров.

Крыленко. Это девятовская группа?

Кирпотенко. Да.

Крыленко (к Куприянову). Вопрос идет о создании ячеек из бывших белых офицеров или о создании специальных диверсионных ячеек?

Куприянов. Часть из них должна была быть выделена в случае надобности для диверсионных работ.

Крыленко. Чтобы подорвать промышленность во время войны?

Куприянов. Нет, только замедлить выработку продукции, вывести некоторые фабрики, если нужно, из строя.

Первоначально это обсуждалось в нашей группе, были различные суждения о мерах, которые надо было принять. Представитель группы в ЦК заявил, что эта мысль оставлена, и было решено по утверждению ЦК выводить фабрики или заводы из строя путем повреждения электростанций.

Крыленко. Это распространялось и на текстиль?

Куприянов. Да, это в плановом порядке должно было быть проведено по всей промышленности. Выведение из строя электростанций распространялось и на работу текстильной промышленности.

Крыленко. А диверсионная работа распространялась только на электроэнергетическую часть?

Куприянов. Об этом я ничего не знаю. Я говорю о той работе, которая была в

хлопчатобумажной вредительской организации. Там предполагалось, что в этих военных ячейках будут организованы мелкие диверсионные ядра для целей «Промпартии».

Крыленко. Что предполагалось разрушать в порядке диверсии?

Куприянов. Предполагалось только нарушать работу, а не разрушать фабрики. Приостанавливать их работу, выводить из строя.

Крыленко. Разрушение было намечено в части, связанной с электроэнергией или вообще?

Куприянов. Было сказано, что специалисты в праве в случае надобности выехать на любую фабрику, сообразить, какая слабая сторона, и ударить по ней.

Крыленко. Значит на месте решить?

Куприянов. Да, на месте. Найти слабую сторону, чтобы можно было вывести из строя.

Крыленко. Диверсионные задания распространялись исключительно на энергетическую часть?

Куприянов. Нет. То, что говорил свидетель, было первоначально решено, а окончательное решение было принято то, о котором говорил Рамзин. Он же возражал против такого анархического образа действий. Он говорил, что должна быть санкция ЦК на все эти работы.

Крыленко. Вам детали не были известны?

Куприянов. Мне было известно, что все это должно быть подготовлено для ЦК, который должен обсудить этот вопрос.

Крыленко. У меня создавалось такое впечатление, что вам и периферийной группе вообще было известно только то, что нужно останавливать, что удастся, и определить это на месте?

Куприянов. Я так и говорил.

Крыленко. Вы передавали это как решение?

«Рационализация» диверсионных работ

Куприянов. Да, потому что что же еще может попасть? Отдельные машины выводить из строя — это не вредительство, это никакого существенного практического значения не могло иметь. При выработке тонких тканей на каждой фабрике имеются машины в запасе. Если бы одну машину вывести из строя, то это не дало бы существенного результата.

Крыленко. А энергетическая часть?

Куприянов. Тогда вся фабрика остановилась бы.

Крыленко. Так что это предполагалось с точки зрения «рационализации» производства?

Куприянов. Да, да.

Крыленко. У меня к Куприянову больше вопросов нет.

Председатель. Подсудимый Куприянов, вам поручили Обрезкова перебросить в ВТС?

Куприянов. Он и был в ВТС. До февраля 1928 года мы были в Главтекстиле, а в начале февраля были переведены в ВТС — и я, и Обрезков, и Кирпотенко.

Председатель. Вы перевели Обрезкова на ту же работу?

Куприянов. Да, он продолжал ту же работу.

Председатель. Вы сказали на вопрос прокурора, что вам было поручено и вы это выполнили?

Разработка мобилизационного плана по текстильной промышленности

Куприянов. Мне поручили дать инструкцию Обрезкову, чтобы он проводил работу по мобплану.

Председатель. Не припомните ли, кто персонально вам это поручил?

Куприянов. Это после доклада А. А. Федотова в нашей группе.

Председатель. А кто же поручил Федотову?

Куприянов. Это был разговор после его заграничной поездки в конце 1928 года. Это входило конкретно в программу той работы, которая намечалась нашей группой.

Председатель. Была ли это инициатива вашей группы, или группа выполняла поручение, полученное от ЦК?

Куприянов. Безусловно, это было поручение, полученное от ЦК, а ЦК получил из-за границы.

Председатель. Значит, ЦК получил поручение из-за границы и передал через Федотова вашей группе, и вы начали проводить это в жизнь в части, касающейся Обрезкова?

Крыленко. Гражданин Куприянов, известно ли вам что-нибудь об исполнении Обрезковым этой работы?

Куприянов. Известно в общих чертах. Я должен сказать, что эта работа не была закончена, но проработка этого мобплана велась в известном направлении.

Крыленко. Он вам докладывал об исполнении?

Куприянов. Бывали разговоры, я с ним встречался каждый день.

Крыленко. Разбивка мобзаданий по отдельным хлопчатобумажным фабрикам была или не была сделана?

Куприянов. Это не было сделано. Эта работа должна была быть при нашем участии сделана, но она должна была быть передана в трест для разбивки, а потом к нам.

Председатель. Значит, она была передана в трест, а дальше не пущена?

Куприянов. Нет, не пущена.

Председатель. И то, что она была дальше не пущена, это было сделано сознательно. Это вам известно?

Куприянов. Задержана.

Председатель. Возьмем вашу формулировку — разбивка заданий по хлопчатобумажным фабрикам была задержана. Встречные перевозки хлопка, суровья, ко-

торые должны были быть проделаны, были задержаны или нет?

Куприянов. Естественно, это вытекало...

Крыленко. Специальный учет необходимых сортов хлопка и суровья, в связи с потребностями особого характера, вызываемыми потребностями военного времени?

Куприянов. Это было точно известно; все военные ткани давно стандартизованы и даже сортировки созданы, так что в этой части не могло быть изменений.

Крыленко. Вопросы потребления топлива, электроснабжения?

Куприянов. Это было не мое дело, но это входило в общий план.

Крыленко. Я взял на выдержку несколько вопросов, которые обыкновенно входят в мобплан. Я не буду все вопросы формулировать. На эти три вопроса мы получили ответ, что в этой части не была исполнена работа. Исполнение этой работы, можно констатировать, было начато, частично проведено и об исполнении вы были поставлены в известность?

Куприянов. Я знаю, что мобплан не был выполнен. Он не был составлен, не доведен до конца.

Крыленко. Этого достаточно.

Председатель. Больше нет у прокуратуры и защиты вопросов к подсудимому?

Крыленко. Нет.

Председатель. Подсудимый Куприянов, садитесь.

К свидетелю Кирпотенко у защиты и обвинения нет вопросов?

Крыленко. Нет.

Председатель. Тов. комендант, можете увести свидетеля Кирпотенко.

Еще две статьи Пуанкаре приобщаются к делу

Крыленко. У меня заявление. Обвинение обязалось представить еще одну статью Пуанкаре, относящуюся к 1930 г. К сожалению, до сих пор подлинника французского мы не получили, вероятно, получим его сегодня или завтра, но поскольку следствие подходит к концу, я не имею основания задерживать суд из-за незначительного по весу доказательства, и поэтому я прошу о приобщении этой статьи так, как она напечатана в «Известиях» от 2 марта 1930 г., где помещена выдержка из сообщения ТАСС от 28 февраля — даты опубликования этой выдержки во французской газете «Эксцельсиор». В этой статье Пуанкаре говорит о внутреннем положении Франции, внутренних политических взаимоотношениях и в частности, переходя к вопросам внешней политики, дает определенную характеристику положения вещей во вне. Эту статью или эту газету я попросил бы приобщить к делу до получения подлинника и, равным образом, просил бы о приобщении к делу номера «Правды» от 3 декабря 1930 г., где на шестой странице имеется еще новая статья Пуанкаре, помеченная от 30 ноября с. г., где также имеется новое выражение недоумения со стороны Пуанкаре по поводу всего того, что происходит на процессе, при чем имеется ряд вопросов, на которые жаждет получить ответ г-н Пуанкаре.

Поскольку г-н Пуанкаре сам выступает в качестве свидетеля, — на то его добрая воля, — постольку мы не можем пройти мимо этого, и я поэтому попросил бы суд констатировать о наличии таких вопросов на странице 6-й и о наличии ответа на них, данного г-ном Пуанкаре в номере от 30 марта, ибо то, что указано здесь, в известной части соответствует сведениям, которые мы получили здесь на процессе по вопросу о роли пограничных конфликтов на румынской границе для провоцирования военной интервенции. Дата — 28 февраля 1930 г. — в достаточной мере показательна, и выводы я буду делать непосредственно в обвинительной речи.

Председатель. Прошу защиту ознакомиться с этим материалом и передать мне свое заключение.

Оцеп. Мы не возражаем против приобщения.

Председатель. Подсудимые, не пользующиеся защитой, не имеют по этому поводу никаких заявлений? (Нет). Специальное присутствие определяет: приобщить к делу № 60 газеты «Известия» от 2 марта 1930 года, содержащий в себе передачу в изложении ТАСС извлечений из статьи Пуанкаре в газете «Эксцельсиор»[1]). Приобщить также к делу № 332 газеты «Правда» от 3 декабря 1930 года, содержащий в себе в передаче ТАСС изложения и выдержки новой статьи Пуанкаре под заглавием «Новая статья Пуанкаре»[2]), опубликованной также в газете «Эксцельсиор», разрешив сторонам ссылаться на эти документы согласно закона. Других заявлений нет?

Крыленко. Других заявлений нет.

Последний эпизод — в порядке закрытого заседания

Крыленко. Мы исчерпали, в связи с только-что закончившейся серией допросов, исследование вопросов внутренней вредительской работы «Промпартии», связанной непосредственно с подготовкой интервенции, с одной стороны, и вопросы шпионской, диверсионной и вредительской работы. Остается исследование эпизодов, связанных с непосредственными сношениями агентуры иностранных государств, и целый ряд дополнительных вопросов к отдельным подсудимым, которые бы подытожили судебное следствие для пополнения тех моментов, которые могли в процессе

---

[1]) См. приложение № 3.

[2]) См. приложение № 4.

судебного следствия ускользнуть от внимания сторон. Я затруднился бы сейчас приступить к подытоживанию вопросов,— для этого мне нужно разобраться в соответствующих материалах. Поэтому считал бы возможным перейти к последнему эпизоду в порядке закрытого заседания с тем, чтобы приблизительно определить и наметить моменты хронологического порядка, когда приблизительно можно будет назначить заседание для заключительной, подытоживающей части и прения сторон.

Председатель. Защита не возражает против предложенного порядка?

Брауде. Мы присоединяемся к предложению прокурора.

Председатель. Подсудимые, не имеющие защиты, не возражают против предложенного порядка ведения судебного следствия? (Нет).

Специальное присутствие определяет: руководствуясь ст. 19 УПК, предоставляющей право суду закрывать двери судебного заседания в случае, когда это представляется необходимым для охраны военной, дипломатической или государственной тайны, произвести исследование ряда вопросов, поставленных, в форме судебного следствия, в закрытом заседании.

Сейчас об'являем перерыв.

После перерыва начинается закрытое заседание.

Тов. комендант, примите меры к тому, чтобы вход в зал заседания не был возможен ни для кого, кроме лиц, получающих специальное на то разрешение от председательствующего. Что касается дальнейшего порядка ведения дела, то, очевидно, во времени это сложится следующим образом: сегодня вечернего и завтрашнего утреннего заседания не будет. Мы предполагаем, если позволит об'ем работы, которую должны проделать в закрытом заседании, ни вечернего, ни завтрашнего утреннего заседания не устраивать, с тем, чтобы к 5 декабря перейти к прениям сторон, предварительно выяснив те обстоятельства, которые необходимы для закрытого судебного следствия.

Ваше заключение по этому порядку?

Крыленко. Мы не возражаем.

Председатель (к защите). Ваше заключение?

Оцеп. Мы присоединяемся.

Председатель. Об'является перерыв на 15 минут, после чего открывается закрытое заседание.

4 декабря

Вечернее заседание

Председатель. Заседание Специального присутствия Верховного суда Союза ССР возобновляется.

Угодно ли кому-нибудь сделать дополнительные заявления или представить дополнительные доказательства в порядке заключения судебного следствия?

Крыленко. У меня есть вопросы к гр-ну Рамзину и по очереди к остальным обвиняемым.

Председатель. Пожалуйста. Подсудимый Рамзин.

Оплата вредительских услуг

Крыленко. Скажите, пожалуйста, какая доля денежных средств при распределении за вредительскую работу поступала непосредственно в вашу личную пользу?

Рамзин. Т.-е. для дальнейшего распределения?

Крыленко. Нет, для вас лично?

Рамзин. Для меня лично ничего не поступало.

Крыленко. Вы себе ничего не брали?

Рамзин. Нет, не брал.

Крыленко. Но в соответствующей доле?

Рамзин. Никаких таких долей не было.

Крыленко. Суммы, которые поступали, потом подлежали распределению по отдельным отраслевым об'единениям?

Рамзин. Да.

Крыленко. Мы здесь уже устанавливали частичное получение отдельными лицами, а вот члены ЦК «Промпартии» непосредственно из этих сумм ничего не получали?

«Члены ЦК» работали «даром»

Рамзин. Работы членов ЦК «Промпартии» не оплачивались.

Крыленко. Не оплачивались?

Рамзин. Нет.

Крыленко. Так что при распределении вам лично не поступало? Вы отвечаете только за себя?

Рамзин. Поскольку мне известно, я отвечаю и за других.

Крыленко. Подтверждаете?

Рамзин. Да. Во всяком случае я ни разу не слышал, не знал относительно оплаты членов ЦК за их личную работу.

Крыленко. Таким образом, эти деньги шли по отраслевым об'единениям, а там— отдельным работникам этих отраслевых групп?

Рамзин. Да.

Крыленко. Но ведь эти деньги шли не на технику, не на транспорт, а шли в специальное вознаграждение за вредительскую работу?

Рамзин. Да.

Крыленко. Так что вы хотите только указать, что вам непосредственно ничего не поступало?

Рамзин. Я при тех заработках, которые имел, — около 1.500 р. в месяц, — и не нуждался.

Крыленко. Я не спрашиваю вас, нуждались ли вы или нет. Я спрашиваю — да или нет. Если нет, мы так и запишем.

Рамзин. Я самым категорическим образом заявляю, что нет.

Крыленко. Можно просить остальных подсудимых — Ларичева?

Председатель. Подсудимый Рамзин, можете сесть. Подсудимый Ларичев.

Чисты как «агнцы»

Крыленко. Гр-н Ларичев, при распределении сумм, — вы были основным кассиром по вашей отрасли — топливоснабжению и т. п.,—вам лично разве не поступало ничего?

Ларичев. Нет, ничего.

Крыленко. Так что у вас была тоже бескорыстная деятельность?

Ларичев. Я могу категорически подтвердить, что я в свое личное пользование ничего не получал.

Крыленко. Идеи ради?

Ларичев. Я бы не сказал, что идеи ради, а сказал бы, во-первых, что я не

был материально заинтересован, а во-вторых, считал просто недостойным брать.

Крыленко. А другим давать считали достойным?

Ларичев. Да, такова, к сожалению, была моя обязанность.

Крыленко. Замечательно.

Можно следующего, — гр-на Калинникова?

Председатель. Садитесь, пожалуйста. Подсудимый Калинников.

Крыленко. Подсудимый Калинников, а вы можете ответить на этот вопрос?

Калинников. Могу ответить. Я так же, как и Рамзин и Ларичев, ничего в свою пользу из передаваемых мне денег не брал.

Крыленко. А распределяли их дальше?

Калинников. Распределял дальше.

Крыленко. Между непосредственными ближайшими сотрудниками?

Калинников. Между теми руководителями отраслевых групп, которым мне было поручено передавать.

Крыленко. Когда они принимали деньги, они для себя это зазорным не считали?

Калинников. Они принимали, выполняя свои обязанности по отношению к ЦК и «Промпартии».

Крыленко. А разве вы эти обязанности не выполняли?

Калинников. Я выполнял обязанности безвозмездно.

Крыленко. Хорошо. Теперь—гр-на Чарновского.

Председатель. Садитесь. Подсудимый Чарновский.

Крыленко. Гражданин Чарновский, а вы?

Чарновский. Я точно так же в свою пользу ничего не получал.

Крыленко. Но распределяли?

Чарновский. В тот период, когда я заменил Хренникова, мне пришлось распределить некоторую сумму, которая и была распределена тем же путем.

Крыленко. И вы говорили: это вам полагается за вредительскую работу?

Чарновский. Нет, — это для распределения, для целой сети.

Крыленко. Когда вы распределяли по соответствующим группам, вы говорили для чего эти деньги?

Чарновский. Исполнители знали.

Крыленко. Вы не указывали на зазорность такого поведения?

Чарновский. На зазорность не указывал.

Крыленко. Что же вы говорили?

Чарновский. Я распределял без всяких указаний.

Крыленко. Придите и получите?

Чарновский. Придите и получите.

Крыленко. И так-таки ничего и не говорили?

Чарновский. Говорил — на такие-то функции.

Крыленко. Не «на», а «за»?

Чарновский. Или — «за».

Крыленко. Это разница.

Чарновский. Да.

Крыленко. А себе не оставляли?

Чарновский. Нет.

Крыленко (председателю). Можно гражданина Куприянова?

Председатель. Подсудимый Куприянов.

Крыленко. Гражданин Куприянов, вы фактически были в отраслевой группе?

Куприянов. Да.

Крыленко. Деньги получали?

Куприянов. Получал.

Крыленко. Распределяли?

Куприянов. Распределение уже было, но я лично распределял.

Крыленко. Вам причиталось?

Куприянов. Причиталось.

Крыленко. Для себя?

Куприянов. Для себя.

Крыленко. Скажите, пожалуйста, когда вы получали деньги, у вас возникала мысль, что остальные члены ЦК бескорыстно работают, не получают денег?

Куприянов. Я об остальных не знал. В нашей группе все получали, а об остальных членах ЦК я не знал.

Крыленко. Сколько вы получили?

Куприянов. Приблизительно около 12½ тысяч.

Крыленко. Это на вашу долю?

Куприянов. Да, за последние годы.

Крыленко. При получении этой суммы в 12½ тысяч, которая пришлась на вашу долю, при передаче не ставили ли вы себе вопроса, что те, которые дают и руководят работой, в данном случае действуют бескорыстно.

Куприянов. Я не знал относительно других, я знал только о текстильной промышленности. В текстильной промышленности мы все получали.

Крыленко. И ничего зазорного в этом не видели?

Куприянов. Все получали.

Крыленко. Этот факт получения денег установлен не только по вашей отрасли, поскольку Ларичев и Рамзин говорили, что за последние годы все отрасли промышленности, входившие во вредительскую организацию, снабжались деньгами? Вот меня и интересует ваше впечатление — за эти годы, когда вы получали деньги, члены ЦК, остальные руководители, работали ли они бескорыстно, без вознаграждения или за вознаграждение? Вы говорите, что твердо знаете о текстильной промышленности, а в отношении остальных задавались ли вы вопросом, что там бескорыстно работают?

Куприянов. Я не задавался этим вопросом.

Крыленко. Вы считали, что и все остальные получают?

Куприянов. О ЦК я не задумывался, я в ЦК не был.

Крыленко. Другими словами, вы хотите сказать, что по опыту вашей группы вы считали, что точно так же обстоит дело и

в остальных группах, специально об этом не задумывались и специально по этому поводу разговоров не было?

Куприянов. Нет.

Председатель. Подсудимый Федотов.

«В первый раз слышу»...

Крыленко. Гражданин Федотов, меня интересует вопрос о тех деньгах, которые шли централизованным порядком через Ларичева или других. Эти деньги, которые шли по отраслевым группам, давались Куприянову для передачи?

Федотов. Это было один раз, мы за последний год получили деньги от ЦК. Мы вообще были в этом отношении более независимы, мы получали деньги раньше.

Крыленко. Это мы знаем, что у вас были другие источники, но я говорю о централизованном порядке снабжения.

Федотов. Да.

Крыленко. Деньги разделялись и распределялись целиком среди вашей группы?

Федотов. Да, мы получили определенную сумму — 175 тыс. р., которые были распределены.

Крыленко. Меня интересует следующий вопрос. Куприянов — исполнитель, лицо близкое к ЦК, а вы — непосредственный ответственный руководитель текстильной группы, состоявшей в центральной организации. При распределении денег из этой суммы на вашу долю тоже приходилась определенная часть?

Федотов. Из этой суммы мы ничего себе не оставляли.

Крыленко. Вы показывали, что от 3 до 4 тысяч этих денег...

Федотов. Да.

Крыленко. Я руководствуюсь только вашими показаниями, данными до сих пор. Я хочу установить только следующий факт: что из этих денег, шедших централизованным порядком, при распределении сумм между работниками или агентами вредительской группы распределение совершалось включая и руководителей, — в данном случае вас?

Федотов. Включая всех руководителей и меня.

Крыленко. Меня интересует, когда-нибудь на совещаниях с Ларичевым, с Рамзиным, с Калинниковым была ли такая постановка вопроса, которая бы говорила, что они работают безвозмездно. Ставился ли хоть раз этот вопрос?

Федотов. Нет.

Крыленко. Значит не ставился?

Федотов. Мы об этом на заседаниях ЦК ни разу не говорили.

Крыленко. Предполагали ли вы, что та картина, которая имела место в вашей группе, имела место и в остальных группах, включая членов ЦК?

Федотов. Конечно, я думал, что и они тоже получали.

Крыленко. Вы не видели никаких особых поводов для исключения?

Федотов. Я пал так низко, что, конечно, готов был думать и о других для своего собственного оправдания...

Крыленко. Я сейчас спрашиваю не для оправдания.

Федотов. Может быть, для внутреннего психологического оправдания я думал, что они тоже получали, но из этого я не имею права сказать...

Крыленко. Я не хочу, чтобы вы утверждали то, что вам неизвестно. Я хочу установить, что по крайней мере в группе текстильной этот факт имел место, и ни у вас, ни у Куприянова, ни у других не возникало сомнения, что существует другой порядок в других группах, и поэтому утверждение Рамзина, Калинникова, Ларичева, Чарновского, что они в отношении получения денег были чисты, как агнцы, вы слышите в первый раз?

Федотов. Я это слышу в первый раз, но я не смею...

Крыленко. Я не требую, чтобы вы утверждали то, что вам неизвестно. Больше у меня вопросов нет. Теперь гр. Ситнин.

Председатель. Подсудимый Федотов, садитесь. Подсудимый Ситнин.

Все получали

Крыленко. Вам известен порядок получения и распределения денег?

Ситнин. Да.

Крыленко. В вашей группе все получали?

Ситнин. Да, все.

Крыленко. А относительно получения денег остальными вам что-нибудь известно?

Ситнин. Остальными подсудимыми?

Крыленко. Остальными отраслевыми группами?

Ситнин. Об остальных отраслевых группах я не знаю. Я знаю только о своей группе.

Крыленко. Вы лично получали?

Ситнин. Да.

Крыленко. Сколько?

Ситнин. Около 12 тыс. р.

Крыленко. В какой период?

Ситнин. В период с 1926 г.

Крыленко. Это кроме других поступлений?

Ситнин. Источники по вредительской организации сходились все здесь.

Крыленко. Один источник — Ларичев и другие, а другой источник — ваш договор с соответствующими группами фабрикантов в Америке или где-то в другом месте?

Ситнин. Это входит сюда.

Крыленко. Это сюда не входит.

Ситнин. До 1928 г. наш источник от группы фабрикантов...

Крыленко. В 1928 г. в бытность вашу в Америке вами было заключено соответствующее соглашение?

Ситнин. Да.

Крыленко. Эти деньги, которые должны были быть получены для приемки и продажи хлопка, шли не этим порядком? Они не шли в кассу Ларичева и т. д.?

Ситнин. Они шли в «Торгпром» и через «Торгпром» сюда.

Крыленко. Частично в «Торгпром», частично вам, непосредственно в вашу группу?

Ситнин. Нет, они все шли через «Торгпром». Я лично денег не получал непосредственно для всех, так что я считал, что этот источник один, общий.

Крыленко. В «Торгпром» шло определенное отчисление. Другое отчисление в виде четверти или полупроцента шло непосредственно в текстильную группу. Деньги, которые шли через Ларичева, это другие деньги, получавшиеся от «Торгпрома». Вы от кого получали конкретно деньги?

Ситнин. От Федотова, в порядке общего распределения.

Крыленко. А в порядке непосредственном, по договору с продавцами или скупщиками хлопка?

Ситнин. То же самое было распределение, но я получал за счет хлопковой суммы, я считал, что это входит сюда же.

Крыленко. Допустим, так. Имеются данные иного порядка, но допустим. Как распределялись эти деньги? При распределении их, при получении вами этих 12 тысяч, ставился ли вопрос в вашей группе о том, что в других группах руководители групп не получают?

Ситнин. Не ставился.

Крыленко. Вы были в твердом убеждении, что они равным образом получают?

Ситнин. Я думал, что раз я получаю, то и они получают.

Крыленко. Вы бы считали ничем необ'яснимым фактом, если бы дело было иначе по вашей длительной практике?

Ситнин. Я не думал об этом вопросе, но думал, что все получают.

Председатель. Подсудимый Очкин.

Секретаря «обошли»

Крыленко. Вам перепадало, гр-н Очкин?

Очкин. Нет, совсем.

Крыленко. Почему?

Очкин. Я никакой работы не нес. Далеко стоял.

Крыленко. Работу вы определенную вели, какую — вам известно. Об этом мы беседовали, возвращаться к этому вопросу не будем. А вы только хотите сказать, что вас обошли?

Очкин. Я не получал.

Крыленко. А вы знали, что другие получали?

Очкин. Я от денег далеко стоял. До меня не доходило.

Крыленко. Вы знали, что другие получают деньги?

Очкин. Не знал.

Крыленко. За все это время с 1928 г. не знали? А о том, что идет получка полуторамиллионная, знали?

Очкин. Рамзин говорил, что деньги идут.

Крыленко. А вы не интересовались, куда они идут?

Очкин. Для вредительской организации.

Крыленко. Что это значит: на покупку соответствующих снаряжений или оборудования вредительского характера, или непосредственно работникам?

Очкин. И то и другое.

Крыленко. Почему же вас обошли? Вы не интересовались?

Очкин. Не интересовался.

Крыленко. Не спрашивали даже тогда, когда выполняли такие ответственные поручения?

Очкин. Нет.

Крыленко. Значит, вы работали «гратис»?

Председатель. Гр-н Очкин, садитесь. Подсудимый Рамзин.

Рамзин виляет

Крыленко. Вам непосредственно распределять деньги приходилось?

Рамзин. Мелкими порциями не приходилось.

Крыленко. По группе энергетики?

Рамзин. Приходилось.

Крыленко. Очкина вы обошли?

Рамзин. Я лично отдельным лицам не выдавал.

Крыленко. Кому вы выдавали деньги по энергетике?

Рамзин. Я выдавал по линии Главэлектро одному лицу; если хотите, я назову фамилию.

Крыленко. Не надо.

Рамзин. Затем, ленинградской группе...

Крыленко. Это мы знаем — московской группе, донбассовской группе и т. д.

Рамзин. Нет, я даже такого мелкого распределения не делал. Я давал одному лицу из Главэлектро, оттуда деньги шли в Ленинград и т. д. Кроме того, я деньги передавал в Теплотехнический институт.

Крыленко. Но Очкин ведь входил в эту группу?

Рамзин. Я передавал деньги лицу, которое дальше распределяло деньги.

Крыленко. Это лицо, ведавшее вашей группой в Теплотехническом институте, должно было распределять?

Рамзин. Да.

Крыленко. А вы имели в виду, что Очкина обошли?

Рамзин. Я персонально не выдавал никому.

Крыленко. Предполагали ли вы, что при распределении денег Очкина не обойдут?

Рамзин. По этому вопросу я не могу вам дать ответа.

Крыленко. Я спрашиваю достаточно ясно. Вы передаете деньги для теплотехнической группы соответствующему ли-

цу. Сумма эта подлежит распределению между работниками Теплотехнического института. Очкин входил в число этих работников?

Рамзин. В число этих работников входило, наверное, 2—3 десятка. Я никогда не обсуждал этого вопроса.

Крыленко. Я спрашиваю: когда вы передавали деньги Теплотехническому институту, считали ли вы возможным, что Очкин, как исполнитель ответственнейших поручений, будет обойден? Может быть, там было неправильное распределение?

Рамзин. Я, к сожалению, ответа на такой вопрос дать не могу.

Крыленко. Вы предполагали, что все будет благополучно?

Рамзин. Я не раздумывал относительно каждого отдельного лица, входившего в эту группу.

Крыленко. Кончим этот инцидент, сравнительно мелочной, таким образом: вы деньги для персонального распределения среди вредителей Теплотехнического института соответствующему лицу передавали?

Рамзин. Да.

Крыленко. В дальнейшем вы этим не интересовались, предполагая, что это лицо будет действовать согласно общему правилу, т. е. те, которые должны получать, получат?

Рамзин. Да.

Крыленко. И те, кто не должны получать, не получат?

Рамзин. Да.

Крыленко. Предполагали ли вы, что Очкин тоже получит?

Рамзин. Всех деталей распределения денег отдельным лицам я не знал.

Крыленко. Я вас об этом не спрашиваю. Те, кто должны были получать деньги, получат. С этой точки зрения Очкин должен был получать деньги или нет?

Рамзин. Поскольку распределение шло по всей группе, Очкин должен был получать, но получал ли он действительно — не знаю.

Председатель. Подсудимый Рамзин, а через кого он должен был получать деньги?

Рамзин. Деньги Теплотехническому институту давались... Сказать, через кого?

Председатель. Меня это не интересует, если это лицо не фигурирует в данном деле.

Рамзин. Нет, не фигурирует.

Председатель. В Теплотехническом институте было еще специальное лицо, которое распределяло деньги?

Рамзин. Да, распределяло среди группы.

Председатель. Какие указания были даны этому лицу, по какому принципу должны были распределяться деньги?

Рамзин. Каждая группа в этом отношении была довольно самостоятельной. Здесь учитывалось значение каждого отдельного сотрудника, его удельный вес и деньги распределялись автономно. Я не мог входить в детали распределения денег.

Председатель. Но это ячейка в том самом институте, где вы были директором?

Рамзин. Да.

Председатель. Следовательно эта ячейка была более близка к вам? Она была большая?

Рамзин. Два — три десятка лиц.

Председатель. В одном институте?

Рамзин. Да.

Председатель. Вы их всех назвали?

Рамзин. Я назвал тех лиц, с которыми имел соприкосновение.

Председатель. Можно так сказать, что в вашем Теплотехническом институте была вредительская ячейка, часть которой вы назвали, а часть которой не назвали?

Рамзин. Ту часть, которую я знал, я назвал, а тех, кого не знал, я не мог назвать.

Председатель. Я хочу знать, что те два — три десятка лиц, которые, как вы сказали, имелись в институте, по имени, персонально были вами названы следственной власти или нет?

Рамзин. Были названы те, которые мне были известны.

Председатель. Откуда вы знаете, что в институте имеется два — три десятка лиц, находящихся во вредительской ячейке?

Рамзин. Об этом я знаю из следственного дела.

Председатель. Руководитель вашей группы никогда вам не сообщал об успехах своей работы? Какое количество лиц он завербовал и насколько сильна группа?

Рамзин. Я знал относительно общей численности группы, но персонально фамилий лиц, находящихся в каждой отдельной группе, я не знал.

Председатель. Сумма денег, которую вы выделяли для этой ячейки, определяла размеры ячейки?

Рамзин. Да, размеры определяла и в зависимости от характера ее деятельности. По ведомости по ячейке Теплотехнического института прошло 70 — 80 тыс. руб.

Председатель. Прошло бы меньше, если бы меньше было членов?

Рамзин. Да, если бы была меньше по численности группа и другого характера задания были бы даны.

Председатель. Можно из этого сделать такой вывод, что Очкин, человек довольно приближенный к вам, которому вы давали достаточно ответственные поручения, при распределении денег должен был бы быть включен в число получающих?

Рамзин. Я могу повторить тот же ответ, который я уже дал на вопрос государственного обвинения, — что при распределении денег в этой ячейке Тепло-

технического института не было оснований исключать Очкина, но я не могу утверждать, получал он деньги или не получал.

Председатель. При нормальном положении вещей Очкин должен был получить деньги?

Рамзин. Да.

Председатель. Если он не получил, то это было бы какое-то исключение? Так нужно понимать?

Рамзин. Я совершенно не уверен в этом; может быть, остались еще и другие, которые не получили денег. Поэтому персонально о каждом отдельном лице я не могу сказать, поскольку деньги я не раздавал.

Председатель. К Рамзину есть еще вопросы?

Крыленко. Да, у меня есть один частный вопрос. Но раньше — один вопрос Очкину.

Вы продолжаете утверждать, что вы ничего не получили.

Очкин. Да.

Крыленко. Обошли, забыли...

У меня вопросов к Очкину больше нет.

Председатель. Садитесь, подсудимый Очкин.

Соискатели портфелей

Крыленко. У меня к Рамзину имеется вопрос по поводу списка и обсуждения кандидатов, соискателей портфелей. Какого вы Вышнеградского имели в виду?

Рамзин. Я лично его не знал, но могу вспомнить, откуда вышла эта кандидатура. Здесь, конечно, имелся в виду не старик Вышнеградский, который отошел уже от работы, а молодой Вышнеградский, один из видных финансовых работников в Ленинграде, и кандидатура его, насколько мне помнится, вышла из кругов «ТКП». И здесь она была выдвинута, если память мне не изменяет, Юровским. Он выдвигал его, как чрезвычайно энергичного, хорошо знающего финансовое дело работника, но, конечно, не в качестве министра финансов, а в качестве товарища министра финансов, на второстепенную роль.

Крыленко. Он работник финансовый?

Рамзин. Да, он бывший банковский работник. Знаю, что он работал в Ленинграде.

Крыленко. Больше у меня вопросов к Рамзину нет.

Председатель. У защиты вопросы к Рамзину есть?

Оцеп. Нет.

ХОДАТАЙСТВА О ПРИОБЩЕНИИ ДОКУМЕНТОВ

Крыленко. Я вношу следующее ходатайство: прошу суд приобщить к делу несколько документов. Сюда относится, во-первых, номер газеты «Возрождение» от 15 июня 1930 г. и, во-вторых, номер газеты «Возрождение» от 13 июня 1930 г. Здесь имеется сообщение о том, что 11 июня в Париже было отпраздновано 10-летие средней школы в Париже. На этом торжестве десятилетия выступал с речью сэр Генри Детердинг. Здесь имеется выдержка из его речи.

Для меня важны только последние три строчки приведенной выдержки, где он говорит об «освобождении России», как он выражается, указывает, что час освобождения близок, и даже определяет промежуток времени, оставшийся до освобождения, в несколько месяцев.

В другом номере имеется сообщение о письме сэра Генри Детердинга с цитатой из этого письма, где равным образом указывается в одном из пунктов, что эта «новая Россия», как он ее называет, восстанет из пепла равным образом через несколько месяцев.

Вот эти два номера я просил бы приобщить, с правом ссылок.

Председатель (к секретарям). Пожалуйста, дайте защите для ознакомления и заключения.

Брауде. Мы не возражаем.

Председатель. Еще имеются заявления?

Крыленко. Затем у меня имеются выдержки из той же газеты, где описываются имевшие место в ноябре в Париже суворовские торжества. Это одновременно описано также и в газете «Либертэ», на французском языке, при чем текст и содержание на русском и французском языках совершенно одинаковы. Указывается, какие белогвардейцы собрались, какие произносились речи, кто был и т. д., и т. д.

Я прошу о приобщении этих документов лишь постольку, поскольку и здесь, на судебном следствии, говорилось обвиняемыми, насколько мне помнится — Рамзиным, о том, что военную диктатуру со стороны русской военной белогвардейщины они еще не мыслили идентичной с восстановлением монархии, в частности — самодержавия Романовых.

Здесь приводятся выступления этих самых господ генералов, где совершенно четко указано, какого сорта восстановление они имели в виду.

Достаточно перечислить присутствовавших — различных бывших великих князей, члена высшего военного совета Франции генерала Нисселя и других. Достаточно указать, что там пелось и «Боже, царя храни» и «За веру, царя и отечество» и проч., и проч.

Но, поскольку здесь говорилось о том, что они не так мыслили себе конкретно, этот документ явится определенным материалом, характеризующим реальное освещение вещей и в русской и во французской прессе.

И, наконец, для права ссылки — о приобщении сегодняшнего номера «Известий», где имеются необходимые мне цифровой материал и данные из интервью или сообщения, данного товарищем Куйбышевым американскому теле-

графному агентству, об итогах двух лет пятилетки, и сообщение о выступлении во французской палате депутатов вчера депутата тов. Берона с указанием на целый ряд моментов политического характера, которые ему, конечно, более известны, чем мне, но на которые я прошу разрешения ссылаться.

Председатель. Со стороны подсудимых, не имеющих защитников, по этому поводу нет замечаний? (Нет).

Специальное присутствие определяет: все указанные обвинением документы, а именно: номер «Возрождения» 1839, содержащий в себе письмо сэра Генри Детердинга[1]), а также номер «Возрождения 1837, содержащий заметку «Десятилетие русской средней школы в Париже»[2]), а также выдержки из газеты «Возрождение» от 25 ноября, «Суворовские торжества в Париже»[3]) и аналогичную заметку из газеты «Либертэ» от 25 ноября о том же на французском языке — к делу приобщить. Разрешить сторонам ссылаться в дальнейшем на любые места из указанных документов.

Точно так же считать подлежащим разрешению ходатайство обвинения относительно приобщения к делу газеты «Известия» от 4 декабря, № 333, содержащий интервью тов. Куйбышева об итогах двухлетки по проведению пятилетнего плана[4]), а также сообщение о выступлении во французской палате депутатов коммунистического депутата тов. Берона.

Крыленко. Согласно специальному поручению, данному мне на закрытом заседании Верховного суда, разрешите представить соответствующий документ с просьбой после ознакомления приобщить его к делу в запечатанном отдельном конверте.

Председатель. Специальное присутствие определяет: представленный государственным обвинением в секретном порядке пакет, содержащий в себе секретное сообщение по одному из вопросов, обсуждавшемуся на закрытом заседании Верховного суда по Специальному присутствию, к делу приобщить и хранить в секретном порядке, в запечатанном конверте.

Еще имеются какие-нибудь замечания со стороны государственного обвинения?

Крыленко. Нет, пока не имеется.

Председатель. К окончанию судебного следствия на основе 333 ст. Уголовно-процессуального кодекса имеются какие-нибудь заявления? (Нет).

Подсудимые, не имеющие защитников, я должен вам раз'яснить, что по окончании судебного следствия вы имеете право просить суд приобщить к делу какие-либо доказательства, до сих пор не бывшие предметом рассмотрения Специального присутствия суда, или возбудить какие-нибудь дополнительные, в интересах своей защиты, ходатайства. В соответствии с этим пунктом 333 ст. УПК РСФСР имеет ли кто-нибудь из подсудимых, не имеющих защитников, сделать какие-либо заявления Специальному присутствию? (Нет).

Крыленко. У меня есть. Этот документ я прошу в том же порядке положить в конверт. Этот документ идентичного характера с тем.

Председатель. Специальное присутствие определяет: второй документ, представленный государственным обвинением, по вопросу, уже служившему предметом обсуждения в закрытом заседании Специального присутствия, также приобщить к делу и хранить в том же порядке.

Больше заявлений со стороны обвинения нет? (Нет).

Оцеп. Я прошу Специальное присутствие разрешить мне ссылаться по ходу аргументации в защитительной речи на следующие документы: на судебные приговоры по делу «СВУ» и по шахтинскому процессу, как на судебные исторические прецеденты. Мне представляется, что и политически, и исторически, и по своей важности они связаны с настоящим процессом. Я, к сожалению, не имел возможности получить из редакций газет точные выдержки, но у меня имеется абсолютно точная перепечатка этих цитат, частью из исторических материалов по делу «СВУ», частью из результативной части приговора. Если суд позволит, я приобщу эти точные выдержки со ссылкой, из каких номеров газет они взяты. Также прошу разрешить приобщить цитату из передовицы центрального органа партии — «Правды» — от 21 апреля 1930 года под названием «Приговор истории над украинской контрреволюцией».

Наконец, третье и последнее ходатайство: я прошу резрешить мне ссылаться на три цитаты из брошюры «Наши враги о пятилетке», изданной органом культпропа ЦК ВКП(б). Первая цитата — выдержка из английского журнала, вторая цитата — выдержка из английской газеты и третья цитата — выдержка из немецкой газеты «Берлинер тагеблатт».

Председатель. Все эти выдержки содержатся в этой брошюре?

Оцеп. Эти три выдержки содержатся в этой брошюре.

Председатель (прокурору). Ваше заключение?

Крыленко. Против приобщения документов, являющихся выдержками из центрального органа «Правды», нет возражений. Относительно брошюр — сейчас посмотрю.

Оцеп. Только три цитаты: две на странице 15-й и одна на странице 18-й, в тех частях, которые очерчены красным или синим карандашом.

Крыленко. Нет возражений.

---

[1]) См. приложение № 5
[2]) " " № 6
[3]) " " № 7
[4]) " " № 8

СУДЕБНОЕ СЛЕДСТВИЕ ЗАКОНЧЕНО

Председатель. Специальное присутствие определяет ходатайство защитника Оцепа удовлетворить, приобщив представленные документы к делу и разрешив ему ссылаться на материалы судебного следствия и в прениях сторон по его усмотрению в части, касающейся отмеченных им мест указанных материалов.

Других вопросов нет?

Специальное присутствие определяет согласно ст. 303 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР судебное следствие считать оконченным.

Прежде чем перейти в порядке 304 ст. УПК к прениям сторон, об'является 10-минутный перерыв.

(Об'является перерыв на 10 минут).

Председатель. Заседание Специального присутствия Верховного суда Союза ССР возобновляется.

В порядке 304 ст. УПК Специальное присутствие переходит к прениям сторон.

Слово предоставляется государственному обвинителю, прокурору Российской социалистической федеративной советской республики т. Крыленко.

РЕЧЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ ТОВ. КРЫЛЕНКО

1. Обстановка, в которой протекает процесс

— Товарищи, те десять кратких дней, которые протекли со времени начала этого процесса, протекали, как и самый процесс, в исключительной, я бы сказал, необычайной обстановке. Начало процесса было ознаменовано миллионным выступлением рабочего класса нашего Союза на улицах столиц и главнейших городов с протестом против действий лиц, сидящих на скамье подсудимых. Те, которым в случае войны придется своей жизнью, лишениями и страданиями искупить результаты работы этих лиц, те, которые являются и являлись основными творцами и созидателями всего того, что сделано за существование советской власти, — рабочий класс в день открытия процесса выражал свое негодование и вместе с тем свою готовность продолжать борьбу и, если будет нужно, защищать свое социалистическое отечество с оружием в руках так, как он уже защищал его в годы гражданской войны. Этим и об'ясняется то огромное напряжение внимания, с которым встречалось каждое сообщение о процессе, этим об'ясняется та настороженность, с которой ловили каждое слово, раздававшееся в этом зале, миллионные массы трудящихся нашего Союза.

Но не только трудящиеся нашего Союза, не только рабочий класс СССР, — с неменьшим напряжением внимания следили за каждым словом, раздававшимся в этом зале, миллионные массы трудящихся Западной Европы и все слои буржуазии Западной Европы, начиная от правящих верхов и кончая последним обывателем.

Буржуазная пресса в своем большинстве отмечала процесс, передавала о том, что делается здесь. Но она сопровождала это одновременно инсинуациями, подозрениями, клеветой, измышлениями, ложью, сообщая параллельно небывалые сплетни и слухи о том, что делается на территории СССР, стремясь этим отвлечь внимание от того, что делается здесь, во имя тех целей, которые она одна знает и которые все же не так трудно разгадать.

Но не только пресса — мы знаем, что отголоском и откликом этого процесса были выступления лиц, близких к правящим, руководящим политической жизнью отдельных стран слоям, были выступления и в парламентах в виде интерпелляций, запросов и обсуждений. Мы знаем, и частично это было приобщено к делу, что отдельные политические деятели выступали по поводу этого процесса с печатным выражением своего мнения, даже sui generis со свидетельскими показаниями по этому делу.

Все это характеризует необычайную обстановку этого процесса. Все это характеризует исключительную важность его и для широких масс рабочего класса и для широких слоев буржуазии. Все это означает, что от этого процесса, от того, что здесь говорилось, от того, что здесь устанавливается, от того, что здесь подтверждается, ожидает каждый своего результата, ожидает и кое-кто боится, как бы в результате этого процесса не вскрылись некоторые закулисные пружины, как бы здесь не было установлено то, что считалось сокровенной, хорошо скрытой тайной в среде многих и многих враждебных нашему Союзу сил, тех, которые готовят нам близкую войну.

И есть еще одно обстоятельство, которое главным образом привлекало внимание к этому процессу и которое равным образом заставляло настороженно следить за всем тем, что говорится, для того, чтобы из того, что здесь говорится, сделать свои выводы и эти выводы использовать в дальнейшем в своих целях.

Советское правительство и государственное обвинение здесь, на этом процессе, перед лицом миллионных рабочих масс нашего Союза не побоялись вскрыть и открыто обнаружить и показать большие и серьезные болячки в нашем госу-

дарственном организме. Сами вредители не только в лице их руководящей головки, которая сидит на скамье подсудимых, но и устами других вредителей, проходивших здесь в качестве свидетелей, рассказали о той громадной вредительской работе, которую они творили, которая имеет место почти во всех отраслях нашего хозяйственного строительства, ибо нет ни одной отрасли промышленности, где бы мы могли с достаточной уверенностью полагать, что там нет вредительской организации.

Эта сторона, равным образом характеризующая те неимоверно тяжелые условия борьбы, в которых приходится работать Советскому Союзу, в которых приходится творить рабочему классу дело социалистического строительства, — эта сторона также прошла на процессе и привлекла равным образом настороженное внимание широких масс трудящихся нашего Союза и наших врагов.

Мы не боимся открыто говорить о том, что у нас существуют эти болячки. Мы считаем, что тогда, когда рабочие массы нашей страны во всей своей основной массе отчетливо, ясно себе представят удельный вес этой вредительской работы, точно узнают своих врагов, тем легче, тем скорее будет возможность уничтожить, ликвидировать эти болячки, тем скорее будет полная возможность построить, наконец, наш государственный аппарат и государственный механизм так, чтобы мы могли быть в полной уверенности, что он работает так, как нам нужно, и помогает рабочему классу и строящим социализм трудящимся массам. И, если даже в результате такого процесса, в результате такой открытой постановки вопроса о наших болячках наши враги кое-что узнали, наши враги равным образом будут осведомлены о том, в какой степени они могут рассчитывать на наше сопротивление в их попытках помешать нашему строительству, — пусть!

Мы не боимся этого, полагая, что творческий энтузиазм рабочего класса, одухотворенный отчетливым сознанием необходимости борьбы, вместе с отчетливым сознанием того, что необходимо напрячь все силы для преодоления трудностей, будет лучшей гарантией и средством, которые можно противопоставить замыслам наших врагов и тому, что мы на этом процессе раскрыли.

Эти обстоятельства также являлись теми причинами, по которым сосредоточивалось напряженное внимание на настоящем процессе.

Но, поскольку в этом процессе в том разрезе, в каком он прошел, мы видим вошедшими в игру такие крупные рычаги общественной жизни, такие огромные массы с одной стороны — у нас, а с другой стороны — в Западной Европе, и такие весомые политические факты, как выступления крупнейших политических деятелей буржуазии Франции, — да будет позволено поэтому и мне, при рассмотрении или, вернее, после рассмотрения, или одновременно с рассмотрением деталей этого дела, с точки зрения чисто юридического, уликового анализа индивидуальной степени участия в этих действиях отдельных подсудимых, — да будет позволено равным образом коснуться и некоторых общих вопросов политики так, как они ставятся сейчас самой жизнью, и так, как ставят эти проблемы наши враги, как ставит их в определенной своей части настоящий процесс.

Я буду поэтому говорить и относительно общих причин, которые форсировали направление работ и деятельности этой группы подсудимых, управляли этой деятельностью, независимо даже, быть может, от их сознания и воли, но которые являлись в конечном итоге и являются основными силами, определившими то общественное внимание, которое вызвал этот процесс, и которые определят результаты, которые от этого процесса воспоследуют.

2. Параллель с шахтинским процессом

Товарищи, два года назад в этом самом зале слушался шахтинский процесс. Два года назад перед нами прошел процесс вредительской организации в каменноугольной промышленности. На скамье подсудимых сидели специалисты-производственники, специалисты одной отрасли промышленности, и частью признавали, частью отрицали ту работу вредительского характера, которая ими проделывалась.

Невольно сама собою возникает параллель между этими двумя процессами. И позвольте эту параллель провести в целом ряде отношений, в целом ряде сторон, поскольку такая параллель поможет нам уяснить, я говорю, те общего характера моменты, которые создавали содержание первого и создали определенное содержание и этого процесса.

Я бы назвал настоящий процесс, по его содержанию, воспроизводством шахтинского процесса на расширенной базе, воспроизводством шахтинского процесса на расширенной основе во всех тех отношениях, во всех тех отдельных конкретных вопросах, которые ставились на шахтинском процессе.

Возьмемте первое и основное. В шахтинском процессе мы судили вредителей по углю, по каменноугольной промышленности. Здесь, на скамье подсудимых, сидят люди, руководившие вредительством во всех основных, руководящих отраслях промышленности. Там мы имели дело с «черным золотом», правда, с одной из ведущих частей нашей промышленности. Здесь мы не знаем, повторяю, ни одной отрасли промышленности, ко-

торой бы не коснулась вредительская рука.

Мало того, мы сейчас столкнулись с такими отраслями, по существу даже не промышленности, о которых в то время мы едва ли могли предполагать, — я имею в виду работы по ирригации, мелиоративные работы, на которых ниже мне придется остановиться.

В этой плоскости, с точки зрения постановки первого вопроса, об областях, в которых происходило вредительство, мы в праве сказать, что, поскольку здесь идет речь о центральной организации, охватившей руководством все до одной руководящие отрасли промышленности, — этот процесс является воспроизводством шахтинского процесса на расширенной базе.

Возьмите другой момент, характеризующий деятельность подсудимых. В шахтинском процессе мы имели индивидуальные связи отдельных представителей отдельных рудоуправлений, отдельных угольных предприятий с их бывшими хозяевами. Возьмите имена, которые фигурировали на шахтинском процессе, — Соколова, Штедтинга и др., — а здесь мы имеем в виде контрагентов вредителей уже неизолированных хозяев. Здесь мы имеем в виде контрагентов вредителей за границей «Торгпром», как об'единение всех отраслей промышленности, как об'единение, которое охватило все отдельные прослойки, отдельные группки, отдельные группировки бывших собственников национализированных предприятий, и сношения с ними уже теперь получили совершенно иную, точно организованную форму. Это не отдельные индивидуальные связи, здесь — бывший слой всех бывших собственников, об'единенных в одну организацию, поставивших себе точные, определенные политические цели, не стремящихся и не думающих уже о концессионной политике, не стремящихся и не думающих о тех или иных формах аренды бывших своих предприятий, не ставящих уже себе целью тот или иной отдельный вредительский акт работы на той или иной шахте или на том или ином заводе, — здесь мы имеем об'единение класса с определенной политической физиономией, трактующее себя как класс, как самостоятельную политическую силу. Вот что мы имеем здесь в результате истекших двух лет, в результате внутренней эволюции сил эмигрантской буржуазии, эволюции, которая вылилась в конце концов в создание организации, именующей себя «Торгпромом».

В этом документе, который приобщен к делу, — я имею в виду документ о выступлении «Торгпрома» по поводу десятилетия со дня своего учреждения, где присутствовали Нобель, Денисов и другие, — одним из наиболее центральных и интересных мест является следующее: в этих выступлениях они указали, что они являются неофициальным посольством за границей, представительством политического характера. Другими словами, они взяли на себя смелость утверждать, что они являются представительством, претендующим чуть ли не на дипломатические права.

Ну, мы знаем, что у этих господ достаточно имеется нахальства и смелости для того, чтобы утверждать, когда это им нужно, утверждать заведомую ложь. Но подобного рода утверждение, подобного рода присвоение себе прав политического представительства эмиграции за границей является характерным для той эволюции, которую пережила эта организация.

Вот вторая сторона, которая должна быть отмеченной, вторая характеристика, которая должна быть дана при проведении параллели с шахтинским процессом.

Все ли это? Далеко не все. Когда мы разбирали шахтинский процесс и разбирали отдельные связи с заграницей отдельных вредителей шахтинского процесса, мы встречали там имена промышленников-иностранцев. Но мы не встречали ни разу во время шахтинского процесса такое положение вещей, когда бы упоминались правящие круги буржуазии, круги, имеющие прямое и непосредственное отношение к упразлению государством, имеющие прямое или косвенное, в прошлом или настоящем, то или иное отношение к государственному управлению.

А здесь? Здесь упоминается Пуанкаре, лицо, которое достаточно известно как руководитель французской политики, мало того, как носитель определенной линии во французской политике. Связь его и отношения его с «Торгпромом» — вот о чем мы говорили здесь. Впоследствии мы будем детально анализировать и рассматривать достоверность сообщений подсудимых и установим то из них, что абсолютно достоверно. Пока что мы ограничимся упоминанием об этом факте, подобного которому не было на шахтинском процессе. Но тогда мы разбирали события, имевшие место с 1924 по 1928 г. Сейчас — и это достаточно четко подтвердили все подсудимые на судебном следствии, — мы имеем другую установку и другие руководящие рычаги направления вредительской работы.

Наконец, еще одну сторону из области того, что делалось за рубежом, для характеристики той эволюции, которая за это время произошла, должны мы отметить. Идея интервенции в шахтинском процессе была. Идея интервенции в шахтинском процессе имела место. Вспомните хотя бы заявления отдельных подсудимых (я могу об этом говорить, ибо это общеизвестный факт) относительно того, как они готовили топливный кризис на 1929 г. — уже к моменту предполагаемой интервенции. А здесь мы имеем

уже не идею интервенции. Мы имеем точный план, при чем говорится не только о плане, говорится о сроках, говорится о точных сроках, говорится о месяцах. Это еще одна сторона, характеризующая и в этой области настоящий процесс как воспроизводство шахтинского дела на расширенной основе.

Дальше. В то время, как на шахтинском процессе мы говорили об отдельных связях вредителей с отдельными агентурами иностранных государств за границей, здесь мы имеем дело с блоком некоторых государств, здесь речь идет о том, что отдельные заинтересованные интервенты, готовящие интервенцию, подготовляют не только изолированное выступление экспедиционного корпуса Лукомского, но учитывают вплоть до точных подсчетов, какие силы вообще можно употребить для интервенции, скажем, ближайших государств, здесь говорят уже точно о соглашениях, об определенной договоренности, о точном плане вооруженного вторжения; в их сознании отчетливо преломлялось, что здесь будет блок ряда государств.

Вот сторона, которая характеризует то, чем отличается настоящее дело от шахтинского процесса вовне, за рубежом.

А внутри! Внутри страны мы имеем ту же самую картину, подтверждающую ту характеристику, которую я только что дал. Только инженеры — вот что характеризует шахтинский процесс. Только инженеры сидели на скамье подсудимых, и очень незначительное количество—2—3 чел. из обвиняемых — не были инженерами, но участвовали во вредительской работе. Здесь мы имеем налицо блок контрреволюционных групп. Не отдельную вредительскую группу инженеров, а блок двух разветвленных контрреволюционных организаций: одна, которая представлена ЦК так называемой «Промпартии», и другая, о которой говорил Юровский и о которой говорили все подсудимые — это кондратьевско-чаяновская группа.

Что это значит? По программным установкам, по политическим целям — блок партии промышленного капитала и партии кулацкой верхушки деревни. В шахтинском процессе такой постановки вопроса не было. А здесь? Здесь мы имеем налицо не только блок, но совместные заседания, совместное определение тактических методов. Мы имеем такой блок, где по вопросу о программных установках было достигнуто полное единство.

Этому соответствует аналогичная сторона этого блока и за границей. Только промышленное инженерство вредило раньше. А здесь? Вспомним то, о чем говорил свидетель Юровский, и вспомним то, о чем говорил подсудимый Федотов. Они рассказывали о создавшемся за границей блоке так называемого республиканско-демократического центра во главе с Милюковым с «Торгпромом». Когда Юровский был за границей, он видился не с одним Милюковым, но с Гефдингом, деятелем «Торгпрома». Федотов нам рассказывал о том, что раньше между этими двумя группами — белогвардейской и эмигрантщины — было соревнование, была борьба, в дальнейшем мы имеем слияние, определенный контакт, в результате которого даже в таком большом вопросе, который сравнительно долго разделял белогвардейщину, как в вопросе об интервенции, вооруженном вторжении и военной диктатуре, и в этом вопросе было достигнуто соглашение. Я нарочно в этих целях спрашивал Юровского, как смотрит Милюков, как смотрит эта группа, к которой Юровский тяготеет, на вопрос об интервенции и военной диктатуре. И он ответил, что в этой плоскости достигнуто единство и в этой плоскости нет разногласий. Эту черту равным образом характеризует то, что и в этой области в среде контрреволюционных сил мы имеем определенный шаг вперед с точки зрения окончательной консолидации контрреволюционных сил в их борьбе против страны строящегося социализма, чего не было в период шахтинского процесса и что также надлежит отметить.

И, наконец, есть еще одна сторона — только известную часть инженерства мы там имели, а тут и товароведы, и экономисты Госплана, и бухгалтера, и архитекторы, одним словом выходцы из всех подгрупп технической интеллигенции, выходцы из всех слоев и групп технической интеллигенции, но не только из инженерства. А вредители-снабженцы, которые ликвидированы были не так давно перед этим процессом? А Громан и его группа и другие меньшевики? А вот эти Белоцерковские, Соколовские, эти «экономисты», которые также включились в общую контрреволюционную колесницу!

В этом отношении показателен также самый состав тех лиц, которые сидят на скамье подсудимых. Из старой формации вредителей, которых мы привыкли встречать при анализе следственного материала по отдельным делам, которых (вредителей) мы видели в шахтинском процессе, мы видим только Куприянова, Федотова, Ситнина, — это текстильная группа. Я потом буду подробно характеризовать внутреннюю физиономию каждого из них. Но Рамзин, Ларичев, Чарновский, Калинников — это представители иного слоя, это — цвет технической интеллигенции, это лица, которые в своем прошлом отнюдь не были тесными узами связаны, как это имело место с Федотовым и Куприяновым, с промышленным капиталистическим миром, которые к практической производственно-оперативной работе не прилагали своих рук, а тем не менее в центральной руководящей вредительской группе заняли руководящее

место. Они, а не бывшие промышленники чистой воды, не бывшие акционеры, как это имело место в других вредительских делах, явились руководителями всей этой вредительской работы. Остатки враждебных нам слоев интеллигенции дали лучших из своей среды для руководства вредительской работой.

Но воспроизводство шахтинского процесса на расширенной базе имеется еще в одной области. Воспроизводство по методам, при чем и по методам на расширенной основе. Вредительство также пережило значительную, длительную и большую эволюцию, началось с борьбы за сохранение фабрик для старых хозяев, затем перешли к вредительским актам технического характера, затем к вредительству в концессионной политике и, наконец, переход к плановому вредительству.

Возьмите этот метод планового вредительства, который охватывает сразу всю область промышленности; он создает положение, при котором отдельные конкретные лица, при всей своей индивидуальной добросовестности, на периферии уже ничего не в силах проделать, поскольку директизные указания планового характера уже даны, — вот этот один метод, который для этой группы являлся основным методом, характеризует ту разницу, которая существует между шахтинским процессом и этим процессом.

Возьмем другую область — диверсии. Были ли раньше попытки диверсионной работы в виде поломок машин, орудий производства при шахтинском деле? Были. А здесь? Здесь они возведены в систему, при чем мало того, что возведены в систему, но они построены как система, которая должна была быть осуществлена по единому, согласованному плану в определенный момент, заранее намеченный, заранее согласованный, в момент интервенции.

Это не все. Шпионаж — встречались ли мы с ним в шахтинском процессе? Встречались. Вспомните Бояринова и других. А здесь? Здесь мы имеем шпионаж плюс оперативные задания, нужные для противника к моменту интервенции. Я буду потом анализировать эти факты, здесь достаточно этого противопоставления, чтобы показать тот новый характер, который приобрела эта работа в этой области.

И, наконец, там были раньше только сообщения военных сведений, здесь же мы имеем создание военной организации. В обвинительном заключении и впоследствии в показаниях, которые дали обвиняемые непосредственно, мы имеем достаточно на этот счет материала. В последний день мы чуть-чуть приоткрыли здесь на открытом заседании завесу над этого характера работой. По совершенно понятным соображениям мы здесь не могли сказать всего, мы были связаны необходимостью очень осторожно задавать вопросы, но самый факт, что работа была направлена на создание военной организации, что со стороны, скажем, Куприянова была сделана попытка организации военной группы с инж. Девятовым во главе, мы видим, что и здесь в этой области имеется то, чего не было на шахтинском процессе, что резко отличает это дело от шахтинского.

И, наконец, только на судебном следствии вскрылась преступная работа по подготовке специальных условий, облегчающих интервенцию в смысле подготовки соответствующих фронтов. Когда Михайленко рассказывал о том, что он делал на Юге, о том, что делалось на западной границе, когда Сироцинский рассказывал о мероприятиях под Архангельском и под Ленинградом, когда он рассказывал о характере построек на фабриках Южного побережья, — мы видим, что этой области вовсе не было в шахтинском процессе.

Вот почему общий итог будет сводиться к следующему: мы имеем за истекшие 2 года углубление вредительской работы в смысле, во-первых, централизации всей вредительской работы во всех областях в одном руководящем центре.

Мы имеем в дальнейшем об'единение этой вредительской организации, блок ее с другими контрреволюционными организациями; мы имеем соответственно за границей об'единение равным образом всех контрреволюционных групп, ранее боровшихся между собою в области политических программ и тактических установок. Мы имеем углубление и расширение методов вредительской работы, принявшей плановый характер в целом и вместе с тем принявшей специальное направление на определенные конкретные цели — помощи интервенции. И наконец мы имеем самую интервенцию, перешедшую из области общих предположений и разговоров в область конкретной постановки, как конкретной задачи, с планом и сроком и с обсуждением этих сроков, с распределением обязанностей и распределением ролей.

Вот то, что мы имеем сейчас.

Как бы мы могли это охарактеризовать?

Я думаю, что не ошибусь, если охарактеризую это положение как консолидацию, об'единение всех контрреволюционных сил для того, чтобы вооруженной рукой добиться своей основной цели — уничтожения Советского Союза.

3. Факторы интервенции и советская политика

Невольно встает вопрос, какие же причины этого, чем это вызвано? Почему параллельно с ростом и укреплением экономической мощи нашего Союза мы имеем эту консолидацию враждебных сил и централизацию их в одну об'единенную

организацию и установление связей непосредственно с интервенционистскими кругами Западной Европы?

Я не хотел бы утруждать Специальное присутствие Верховного суда длинными цитатами, выдержками, цифровым материалом для сопоставления положения вещей у нас в Союзе, положения вещей за границей и анализом международных отношений. Я возьму лишь одну характеристику, которая была дана еще до этого процесса, которая была дана на XVI партийном с'езде устами тов. Сталина, но которая определяла, определила и об'ясняет именно этот процесс консолидации враждебных сил, о котором мы сейчас говорим и который отражен в этом деле.

Тов. Сталин говорил: «Со времени XV с'езда прошло 2½ года». Два с половиной года — это, как раз, тот период времени, который мы рассматриваем и на протяжении которого мы анализируем работу вредительской организации. «Если охарактеризовать в двух словах истекший период,—говорил тов. Сталин,—его можно было бы назвать периодом переломным. Он был переломным не только для нас, для СССР, но и для капиталистических стран всего мира. Но между этими двумя переломами существует коренная разница. В то время, как период этот означал для СССР поворот в сторону нового, более серьезного экономического под'ема, для капиталистических стран перелом означал поворот к экономическому упадку. У нас, в СССР,—растущий под'ем социалистического строительства и в промышленности и в сельском хозяйстве, у них, у капиталистов — растущий кризис экономики и в промышленности, и в сельском хозяйстве».

Можно было бы сейчас для сопоставления взять выдержки из статьи Пуанкаре, где последний подтверждает, что кризис в настоящий момент далеко не изжит, что он раздирает Соединенные Штаты и ряд других стран и характеризует также то положение, которое переживает экономика Западной Европы, и где вопрос о кризисе является одним из основных, больных и главенствующих вопросов.

Из своего сопоставления тов. Сталин сделал ряд общих выводов. Вот они.

«Важнейшим результатом мирового экономического кризиса является обнажение и обострение противоречий, присущих мировому капитализму. Обнажаются и обостряются противоречия между важнейшими империалистическими странами, борьба за рынки сбыта, борьба за сырье, борьба за вывоз капитала».

Здесь было бы неуместно с моей стороны специально расшифровывать и доказывать положение о том, что экспансия капитала является важнейшей душой империалистской фазы развития капитализма, что в этом смысле борьба за экспансию капитала является основным рычагом внешней политики всех главенствующих капиталистических стран. Это азбучная истина, ее не нужно мне специально доказывать.

Поскольку СССР является и являлся страной, которая для экономических вожделений, захватнических тенденций, с точки зрения экспансии капитала, представляет наиболее плодотворный об'ект и аренду, с этой точки зрения та формулировка, которую дает тов. Сталин, как прямой и непосредственный результат наличия экономического кризиса, она целиком совпадает с об'ективной неизбежностью направления внимания капиталистических акул именно на СССР, как на об'ект для вывоза капитала. Тов. Сталин пока лишь в общей форме приводит этот вывод.

«Это значит, — говорит тов. Сталин, — что опасность войны будет нарастать ускоренным темпом».

Дальше: «Обнажаются и будут обостряться, — говорит тов. Сталин, — противоречия между странами-победительницами и странами побежденными».

Это было сказано во время XVI с'езда ВКП(б). Здесь, опять-таки, не нужно подробно рассказывать или передавать о том впечатлении, которое на внешний мир произвели недавние выступления во французской палате депутатов Тардье и Бриана по вопросам о взаимоотношениях с Германией. Эти выступления соответственно оценены были в германской прессе; об этих выступлениях писали у нас, но то, что сказано в речи тов. Сталина об обнажении и обострении противоречий между странами-победительницами и странами побежденными, целиком нашло свое подтверждение в этих фактах внешней политики.

«Обнажаются и обостряются противоречия, — говорит он дальше, — между империалистическими государствами и колониальными и зависимыми странами». Факты того, что происходит на Востоке, подтверждают и это положение.

И, наконец, — «обнажились и обострились противоречия между буржуазией и пролетариатом».

«Это значит, — говорит т. Сталин далее, — во-первых, что буржуазия будет искать выхода из положения в дальнейшей фашизации в области внутренней политики, используя для этого все реакционные силы, в том числе и социалдемократию. Это значит, во-вторых, что буржуазия будет искать выхода в новой империалистской войне и интервенции в области внешней политики. Это значит, наконец, что пролетариат, борясь с капиталистической эксплоатацией и военной опасностью, будет искать выход в революции».

Так определил тов. Сталин конечный политический результат, конечные политические выводы из экономического кризиса. Но он закончил еще более конкрет-

но. Он кончил так: «Поэтому каждый раз, когда капиталистические противоречия начинают обостряться, буржуазия обращает свои взоры в сторону СССР: нельзя ли разрешить то или иное противоречие капитализма или все противоречия, вместе взятые, за счет СССР, этой страны Советов, цитадели революции, революционизирующей одним своим существованием рабочий класс и колонии»...

Это сказано было в июне 1930 г., в то время, когда Рамзин уже готовился к поездке за границу для того, чтобы конкретно выяснить вместе с «Торгпромом» вопрос: что же, остался в силе старый срок «наскока авантюристских сил на СССР» со стороны международного капитала или нет, когда же он, наконец, состоится — в июне или июле месяце? В 1930 или 1931 г.?

Так, в исторической действительности, в живой жизни мы находим оправдание предсказаний, данных на основе марксистского подхода, большевистского анализа соотношения общественных сил у нас и за границей, анализа классовых интересов, определяющих политику руководящих кругов международной буржуазии, в частности ее наиболее авантюристски, наиболее агрессивно, наиболее империалистски настроенных кругов.

Я думаю, что этим об'ясняется, уже отсюда становится понятным и тот шум, который поднят вокруг этого процесса, и тот оголтелый вопль части буржуазной прессы, которым она окружает этот процесс, и те ухищрения самого различного порядка — лживые, глупые выдумки, к которым она прибегает, бессмысленные настолько, что не понимаешь, как здравомыслящий человек может их утверждать, и о том, что делается у нас, в СССР, и о том, что делается здесь на процессе, что говорят подсудимые, — что все это ложь, выдумка, вымучено пытками и проч. и проч.

Пойманы с поличным. Пойманы с поличным в момент накануне реализации плана. Вот причина шума, вот причина вопля, вот причина выдумок, вот причина лжи!

Если бы мы вопрос поставили так: вот восемь человек на 150 миллионов населения СССР; вот 8 человек, руководивших двумя тысячами своих сторонников (допустим две тысячи), скажем, даже тремя тысячами из 40 или 30 тысяч инженеров. Они хотели взорвать СССР, они хотели реставрировать капиталистический строй. Из-за чего же такой шум за границей, из-за чего же шум? Что из этого? Но они задели в своих показаниях определенных политических деятелей. Они здесь на суде сказали о том, что и свою вредительскую работу направляли в отраслях промышленности по указаниям правящих руководящих буржуазных кругов. И поскольку тут они сказали правду — вот об'яснение и причина и этой тревоги, и этого шума. То, что говорят здесь подсудимые, соответствует действительности, базируется на определенных действительных фактах жизни, является результатом согласованных действий — и это переполошило круги, готовившие интервенцию.

Противопоставлять цифры и факты утверждениям о крахе пятилетки, о провале нашего хозяйства, о провале социалистического строительства — едва ли большая необходимость. Но три цифры я все же хочу противопоставить, так как они являются определяющими цифрами.

Три цифры я приведу: это рост нашей сельскохозяйственной продукции за истекшие два-три года с 1926—27 по 1930 г. от 106% довоенных до 114%; рост промышленной продукции от 102% до 180% на рубеже 1930 г. и общий темп роста национального дохода, увеличивающегося из года в год и дошедшего к 1930 г. до плюс 15%, в то время когда заграницей мы имеем плюс три, плюс четыре и максимум плюс 8% в основных, руководящих странах капиталистического мира.

Вот три цифры — это факты, которых никто опровергнуть не может, и они характеризуют еще раз и подтверждают и то, что сравнительная характеристика СССР и Зап. Европы, данная Сталиным, правильна, вместе с тем они об'ясняют и то, почему со страшной злобой и ненавистью сейчас думают о СССР наши враги в лице правящих и близко стоящих к правящим слоям французской и иной буржуазии и почему вопрос об «авантюристских наскоках на СССР», как говорил Сталин, стал вопросом их практической политики за последние годы.

Чтобы не задерживать товарищей судей на этой части анализа общих причин, вызвавших и такую политику и такой интерес к процессу, я приведу только еще одну цитату из Владимира Ильича. Я приведу ее для того, чтобы открыто сказать здесь перед лицом трудящегося класса нашей страны и всего мира о том, что определяет и какая же, в противовес буржуазии, наша политика. Не раз мы об этом говорили. Много раз говорили и повторим еще раз. Владимир Ильич писал по этому поводу:

«Можем ли мы спастись от грядущего столкновения с этими империалистическими государствами? Есть ли у нас надежда на то, что внутренние противоречия и конфликты между преуспевающими империалистическими государствами Запада и преуспевающими империалистическими государствами Востока дадут нам оттяжку второй раз, как они дали в первый, когда поход западно-европейской контрреволюции, направленный к поддержке русской контрреволюции, сорвался из-за противоречий в лагере контрреволюционеров Запада и Востока, в лагере эксплоататоров восточных и эксплоата-

торов западных, в лагере Японии и Америки...

...решение зависит здесь от слишком многих обстоятельств, и исход борьбы в общем и целом можно предвидеть лишь на том основании, что гигантское большинство населения земли в конце концов обучается и воспитывается к борьбе самим капитализмом».

И далее:

«Но нам интересна не эта неизбежность окончательной победы социализма. Нам интересна та тактика, которой должны держаться мы, Российская коммунистическая партия, мы, российская советская власть, для того, чтобы помешать западно-европейским контрреволюционным государствам раздавить нас»...

Какую же политику выдвигал Ленин?

«...ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волховстроя и пр.»...

«Только тогда мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую: именно с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономии, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.». (Собр. соч. В. Ленина, т. XVIII, ч. II, стр. 137 и 138).

Наша политика была, осталась и будет политикой мира. Наша политика была и осталась политикой социалистического переустройства экономики нашей страны. Наша политика была и осталась политикой строительства социализма, социализма, который является руководящей идеей для нас. Об авантюристических наскоках с нашей стороны говорить смешно. Эту политику мира мы сейчас продолжаем и будем продолжать, что бы ни говорили, как это говорит в своей статье Пуанкаре, что мы-де готовим войну, и где он требует, чтобы мы не мешали им, не вмешивались в их дела, «подобно тому как Франция не вмешивается в наши». О, нет! Мы в их дела, «подобно тому как они вмешиваются в наши», не вмешиваемся. Мы *таких приемов* в нашей борьбе не употребляли, не употребляем и не будем употреблять.

Таково положение вещей, которое создалось сейчас, таковы те внутренние основные причины, которые вызвали исключительный интерес к этому процессу и которые в конце концов определили собой деятельность контрреволюционной организации, присвоившей себе наименование «Промпартии».

Наше дело сейчас — разобраться в этой организации. Нам нужно разобраться во всей сложности происходящей классовой борьбы, во всем сложном переплете вопросов политики, экономики и техники, сплетении различных интересов — групповых, классовых, личных, которые переплелись в данном процессе, чтобы реально оценить и разрешить вопрос о степени реальной опасности, в которую была поставлена страна в целом деятельностью этих людей, и для того, чтобы одновременно определить и оценить степень индивидуальной опасности, которую представляет собой каждый из них, ибо мы независимо от этих общих причин, действующих и на нас, разбираем все же конкретное судебное дело и в этом конкретном судебном деле должны разобраться так, как это подобает сделать на судебном процессе.

4. «Промпартия» — собиратель и руководитель вредительской работы

Я указал, в какую сложную канву переплелись различного рода интересы в настоящем процесс. В этой канве переплелись интересы мирового масштаба, интересы буржуазии как класса в целом, для которой существование СССР как факта на территории земного шара является прорывом в мировом господстве империалистической буржуазии, нарушением равновесия в этом господстве буржуазии как класса, нарушением устойчивости ее положения как мирового гегемона, направляющего все отрасли общественной, хозяйственной и политической жизни. Вот один узел, который завязан в этом процессе.

Интересы класса буржуазии, взятые в национальном разрезе, буржуазии как класса, господствующего в отдельных государствах, на отдельных отрезках земного шара — французской буржуазии, польской буржуазии, румынской буржуазии, для которой существование СССР, его дальнейшее процветание и устойчивость являются ближайшей угрозой развития революционного движения в их собственной стране и их устойчивости как класса эксплоататоров в своей стране.

Интересы буржуазии как класса, ограниченного в национальном разрезе, — вот второй узел, который завязан в этом процессе.

Групповые интересы буржуазии, претендующей занять господствующую роль в определенных отраслях промышленности, претендующей на господство на мировом рынке, также нашли свое отражение тут. Возьмем нефтяную отрасль и группу Детердинга, возьмем «Торгпром», как об'единение бывших русских собственников, — вот вам совокупность нарушенных интересов буржуазии, взятых в групповом разрезе. Это — третий узел, который также завязан в этом процессе.

Интересы отдельных группировок более узкого масштаба, интересы, скажем, определенной части инженерства, занимавшей командное положение при капи-

талистическом методе управления промышленностью и капиталистическом методе хозяйства, интересы определенных слоев, выходящих за пределы только инженерной среды, интересы верхушки интеллигенции, до утверждения диктатуры пролетариата монопольно обладавшей и державшей в своих руках доступ к основным управляющим должностям в государственном аппарате, — вот вам группа интересов, также нарушенных фактом существования СССР, фактом существования диктатуры пролетариата. Вот еще один узел, также завязанный в этом процессе.

Наконец, личные интересы отдельных лиц — Федотова, Куприянова и Ситнина, имевших личную крупную собственность и непосредственно руководивших крупнейшими предприятиями или об'единениями предприятий при капиталистическом порядке, наконец, даже интересы лиц, непосредственно не имевших такой непосредственной связи с управлением промышленностью, интересы того же Чарновского, того же Рамзина, того же Калинникова, которые были поставлены при диктатуре пролетариата в условия, нарушившие прежние привычные методы их жизни, быта, разбившие перспективы, которые они ставили себе в развитии своей служебной и личной карьеры, — вот вам наличие этих интересов, главным образом нарушенных фактом господства диктатуры пролетариата, фактом существования СССР и равным образом являющихся еще одним узлом, завязанным на этом процессе.

Мне приходится оставить в стороне вопросы мировой политики, вопросы борьбы за восстановление интересов буржуазии как класса в мировом масштабе или в национальном разрезе, — говорить, анализировать и ближе рассматривать степень влияния на деятельность подсудимых нарушенности интересов их групповых прослоек, а также личных интересов отдельных конкретных лиц.

Но основного угла зрения, под которым должна рассматриваться все же вся их «работа», мы не можем ни на одну секунду упускать из виду, основного угла зрения, который определяется как угол зрения борьбы за внешнюю безопасность нашей страны, борьбы за возможность спокойно продолжать социалистическое строительство, борьбы за возможность рабочему классу — хозяину в нашей стране — делать и строить свою страну и свое хозяйство и свое государство так, как он хочет сам, так, как он разумеет, как он понимает. Эта работа и эта возможность поставлена под прямую угрозу, и этот угол зрения не может быть нами ни на минуту забываем даже тогда, когда мы спускаемся в область рассмотрения мелочей, индивидуальных интересов отдельных лиц и ролей отдельных обвиняемых в этом деле.

Я начну с общего определения и характеристики в общем той работы, которую делали и исполняли подсудимые, по сравнению с тем, что было до них. Постараюсь определить прежде всего их место и удельный вес в том общем процессе развития вредительской работы, который имел место за последние два года до их вступления в центральную вредительскую организацию.

Должно отметить, и об этом мы уже много раз говорили, это общеизвестный факт в нашей советской действительности, что вредительство мы рассматриваем не как изолированное действие отдельной группы лиц, а как метод классовой борьбы буржуазии в целом. Этим об'ясняется, во-первых, многочисленность вредительских организаций, во-вторых, их приблизительно одновременное возникновение в разных отраслях промышленности сепаратно, их дальнейшее развитие в области внутреннего содержания работы и то, что они в конце концов слились в одном центре.

Вот данные, которые прошли уже на судебном следствии и которые должны быть здесь отмечены.

По Народному комиссариату путей сообщения мы из слов свидетеля Красовского, и из слов самих подсудимых, и из фактов, имеющихся в распоряжении суда, изложенных в тех документах, которые приобщены к делу, знаем, что вредительство в области транспорта зародилось не в 1927 г., а зародилось раньше, зародилось самостоятельно в среде путейского инженерства, а в 1927 г. или в начале 1928 г. лишь влилось, вернее — слилось с центральной вредительской организацией.

Это как-будто говорит в пользу подсудимых. Я это учту при определении итоговой оценки степени общественной опасности данных лиц.

Военная промышленность. По тем же данным мы знаем, что ликвидация вредительской организации в военной промышленности имела место в период, когда данная центральная организация в свою окончательную форму — центральный комитет «Промышленной партии» — еще не оформилась, или когда к этому времени были созданы лишь основные элементы ее, впоследствии оформившиеся довольно быстро. Здесь мы имеем такую же картину, как и по НКПС.

Текстильная промышленность. Нам говорили здесь о работе Лопатина, Куприянов, Ситнин, Федотов сообщали нам, что они свою работу, начало своей вредительской работы, датируют одни половиной 1925 г., другие — половиной 1926 г.

Таким образом, и здесь мы имеем ту же самую картину, и эта отрасль вредительской работы возникновение свое также относит к моменту до образования центральной единой группы вредителей.

Нефть. Здесь говорили о Стрижове, о теснейших связях, которые он самостоя-

тельно по своей линии имел с бывшими нефтяными промышленниками. Налицо та же самая картина.

Уголь. Но мы знаем из шахтинского процесса, что в угольной промышленности первые связи с бывшими хозяевами и первые формы и методы вредительской работы и акты вредительской работы относятся к 1920—21—22 гг., а окончательное оформление получают в 1924—25 г.

И, наконец, такие работы, как ирригационные, мелиоративные работы, где вредительство руководилось Кенигом и Ризенкампфом, также свое возникновение относят к 1926 г., о чем говорил нам Михайленко.

Отсюда уже сами собой обрисовываются об'ективные роль и значение вредительской центральной группы. Они, эти конкретные подсудимые, не являются инициаторами, так сказать, основоположниками вредительской работы. Я бы их назвал собирателями, конденсаторами вредительства. Они, выражаясь термином, который в нашем советском быту приобрел уже несколько иронический смысл, они, согласно этой иронически употребляемой формуле, «согласовали и увязали» вредительскую работу.

Роль их и значение — в факте об'единения в одной организации этих отдельных ручьев или отдельных русел вредительского дела. Они об'единили, и, что всего характернее, в качестве об'единителей, тех, кто положил начало этому об'единению, они называют лиц, которые нам известны как руководители, основоположники шахтинского вредительства в угольной промышленности: Рабиновича и Пальчинского.

Следующим явился Хренников, присоединивший, вливший сюда металлическую промышленность. Затем через него и при посредстве этих трех лиц, еще до вступления Рамзина, в единую организацию влились текстиль, нефть, затем присоединили НКПС, военную промышленность и другие.

Итак, прежде всего общая об'ективная характеристика, которая должна быть дана, будет сводиться к следующему; вредительский центр, создавшийся на рубеже 1927 г., составивший собою центральную организацию — «Инженерно-технический центр», об'единил собой все до него возникшие сепаратно, но сложившиеся в определенные, прочно внутренне спаянные и увязанные (опять этот термин) группы вредителей в отдельных отраслях.

Какая же роль этого момента? Является ли обстоятельством, как выражаются, смягчающим ответственность, то, что не они создали, то, что не они инициаторы? Но они — руководители. И если мы на чашу весов положим эти два факта — не инициаторы, но об'единители и руководители, — я думаю, совершенно ясен сам собою уже будет ответ на вопрос о степени их прямой, выражаясь старым термином, виновности и степени их опасности для советского порядка. Таково значение этой группы, взятой как руководящий центр.

Из этого факта, однако, вытекает и целый ряд других выводов, которые мы также должны сейчас же здесь отметить, чтобы было понятно многое из того, что прошло на судебном следствии и о чем придется говорить.

5. Строение вредительской организации

Этим об'ясняется и строение их организации. Проанализируем этот факт подробнее, ибо нам нужен этот анализ и для другой цели — установления достоверности того, что сообщают нам вообще подсудимые.

Возьмем этот факт — строение организации. Эта организация, по словам Рамзина (так он нам сообщил на предварительном следствии, так он подтвердил и во время судебного следствия), и это подтвердили остальные обвиняемые, была построена по принципу отраслевой связи, по так называемым цепочкам, другими словами — по отдельным отраслям, где по цепочке шло руководство из одного об'единенного центра, руководство различными вредительскими организациями, и где поэтому часто вредители одной цепочки не знали вредителей другой цепочки. Работники в одной определенной отрасли не знали работников других отраслей, кроме основных руководителей, кроме головки. Мало того, лишь за последнее время, как говорил Рамзин, были попытки создавать отраслевые центры по горизонтали, основной же принцип, который сохранен от начала до конца, был принцип строительства по вертикали.

Перед нами прошли свидетели. Я думаю, ни один из свидетелей — ни Цейдлер, ни Михайленко, ни Сироцинский, — ни один из этих свидетелей ни в малой степени не был заинтересован в том, чтобы не говорить правды в ответ на вопрос о том, знали они и кого знали из сидящих здесь лиц, знали они или не знали, каким образом сорганизована их вредительская верхушка, каким образом организовано непосредственное представительство или контакт этих вредительских организаций.

И они говорили, — возьмем Цейдлера, вспомним его показания (а он является работником в немаловажной отрасли водного хозяйства — по хлопку и играл в ней не последнюю роль): когда ему задали вопрос, кого конкретно он знает и что вообще он знает о руководящем составе, он назвал три имени, «а остальных, — сказал, — не знаю».

Михайленко — периферийный работник, конкретный исполнитель конкретных задач — знает еще меньше: он знает Спарро, слышал кое-что о Цейдлере как о непосредственном начальнике, слышал про

Ризенкампфа. И когда сказали: «Посмотрите на присутствующих, кого вы знаете?» — он сказал, что никого не знает.

Возьмем Сироцинского. Это интереснейший момент развития судебного следствия, поскольку он соприкасается с организацией, имевшей место в Наркомтруде, имевшей свои самостоятельные заграничные связи и лишь в порядке дальнейшего согласования своей работы об'единившей эту работу с вредительским центром. Мы видим, что Сироцинский назвал имя Клевезаля, он говорил о Кузнецове, — о Кузнецове говорил и Федотов, — и о Кольцове, и о Кудрявцеве, но говорил лишь в определенной части, лишь в той части, в которой эти лица или в которой с этими лицами соприкасался центр.

Такое положение вещей мы встречаем в показаниях всех свидетелей. Оно не противоречит тем общим принципам строения организации, той характеристике, которая была дана подсудимым Рамзиным. Мы здесь противоречий не нашли. Мы убедились в этом путем вызова живых людей. Мы получили реальные доказательства именно такого строения организации, при котором периферия знала лишь свое ближайшее вредительское начальство, через кого происходит общее об'единение во вредительском центре. И лишь те, которые непосредственно входили в контакт с вредительским центром, знали и о содержании работы, знали и о том, каким путем осуществляется этот контакт. Мало того, со стороны вредительского центра и отдельных руководящих его деятелей мы слышали указания на то, в какой мере они осведомлены о техническом содержании конкретных технических работ. Когда я спросил Цейдлера о вредительстве в области водного хозяйства и хлопка — могло ли быть осуществлено вредительство путем такого проведения системы орошения водного хозяйства, при котором заведомо бы исключалась возможность получения требуемого количества хлопка, то он ответил мне, что этот метод не употреблялся. Рамзин же на тот же вопрос ответил, что эта отрасль вредительской техники ему незнакома.

Я потом подробно остановлюсь на анализе показаний Рамзина и установлю, что ему было хорошо известно и чего он действительно не знал или говорит, что не знал, и в области ирригационных работ в плоскости вредительства. На слово верить гр-ну Рамзину и всем остальным, несмотря на их заявления о чистосердечном раскаянии, я не могу и не верю. Поэтому я подвергну потом анализу их чистосердечное раскаяние, но об этом после.

Здесь я разрешу себе лишь констатировать факт, что строение вредительской организации, таким образом созданной, целиком совпадает, во-первых, с историческим ходом развития вредительских организаций, с интересами конспирации, с заявлениями свидетелей, да и с фактическим положением дела, поскольку было об'ективно трудно при таком построении вредительской организации и вредительских связей — да и не нужно было — руководящему центру знать непосредственно как весь состав, так и конкретные дела, которые эта организация или ее отдельные члены исполняли. Так строилась организация. Интересно отметить, что даже в пределах отдельной отрасли промышленности, — скажем, в пределах Народного комиссариата путей сообщения, — мы можем установить, что там равным образом вредительство строилось тоже по отдельным специальным отраслям работы Народного комиссариата путей сообщения и что тут тот же принцип выдерживался от начала до конца. Этот принцип не может быть выдуманным. Он сам собой подсказывался жизнью, поскольку вредители имели в своем распоряжении такую прекрасную готовую схему отношений, как схема сложившейся иерархической системы подчинения. Эта схема сложившейся системы иерархического подчинения, эта иерархическая лестница должностей сама собой служила той организационной спайкой, той организационной связью, которой должны были и не могли не воспользоваться вредители в своих целях.

Вот почему, если мы констатировали выше, что тут отдельные вредительские ручьи слились в одно русло, сплелись в один вредительский узел, то строение организации сохранилось прежнее, и вопрос шел только о методах руководства и управления, т. е. вопрос шел о том, чтобы обеспечить точность исполнения директив. Для этого нужно было лишь поставить то, что известно под именем «контроля исполнения».

С другой стороны, надо было обеспечить возможность планового управления этими отраслями, а это делал Госплан. Вот почему основные работники Госплана, вот почему Госплан явился особенно атакованным вредителями, я бы сказал, местом, на которое направили теперь, в эту пору, свой удар вредители. Я имею в виду не только Ларичева, Чарновского, Федотова и др. Я имею в виду зампреда Госплана Осадчего. Это не председатель отдельной секции, а человек, который являлся заместителем руководителя всего учреждения. Вот почему вопрос о завоевании Осадчего являлся крупнейшим вопросом для организации, и вот почему сюда были направлены усилия. Спрашивается: эта цель была достигнута или нет? Ответ ясен, его мы слышали непосредственно из уст Осадчего. Госплан был завоеван в лице основных руководящих групп и в лице основных его руководителей как в отраслях, так и непосредственно в руководящей верхушке.

Я раньше чем подойти к анализу конкретной стороны работы остановлюсь еще на одном, казалось бы, несколько отвлеченном вопросе, имеющем, однако, самое непосредственно актуальное практическое значение. Мы привыкли еще со времен своей борьбы с царизмом подпольную организацию представлять себе несколько иначе, чем та организация, дело которой сейчас рассматривается. В нашем представлении, в нашем понимании подпольная работа есть работа, построенная на началах подпольных ячеек, подпольных групп, руководящих комитетов и т. д., непосредственно не связанная с теми или другими отраслями практической повседневной деловой работы госучреждений. Политическая пропаганда при этом, установление связей с массами, руководство ими составляли ядро нашей работы. Характерным для этой организации является, наоборот, то, что здесь подпольная организация включилась в государственный механизм, что здесь подпольная организация своими щупальцами проникла непосредственно в поры государственного организма. Этот факт имеет, впрочем, естественное, совершенно жизненное и историческое об'яснение. Лишенная в силу своего классового характера какой бы то ни было возможности опереться на массы, она вынуждена была направить свою преступную работу именно на вредительство в порах государственного организма, на началах замкнутой, кастовой, почти чиновной иерархии. И, естественно, сам собой возникает вопрос: почему же инженерство получило в этой подпольной организации руководящую роль? Мы говорили об этом частично в шахтинском процессе, об этом много раз говорили в печати. Я подробно возвращаться к этому не хочу, но считаю нужным подчеркнуть лишь одну из причин этого факта. Мы строим страну крупной машинной индустрии. Наш лозунг: социалистическая индустриализация страны, при чем в таком размере, чтобы стал реальным фактом наш лозунг «догнать и перегнать»,— не шуткой, не фразой, а делом. Мы хотим сделать нашу страну с точки зрения машинной техники, с точки зрения орудий производства такой, которая не только стояла бы на уровне, но и перегнала западноевропейские и американские страны. Пусть смеются, а мы покажем делом.

Для этой роли, для этой работы во всех отраслях производства инженерство является прослойкой, сосредоточивающей в себе всю совокупность необходимых технических знаний, технических методов практического руководства каждым нервом работы в каждый день и в каждой отрасли работы снизу и доверху, начиная с Госплана и его секций и кончая последним небольшим предприятием на территории СССР. Оно является, таким образом, об'ективно необходимым элементом, без которого об'ективно невозможно ни построение такой страны, ни рукоdство практическим делом. Это не значит, что об'ективно невозможно обойтись без данного инженерства, это не значит, что об'ективно невозможно обойтись без инженерства в старом понимании — как особого технического слоя технической интеллигенции. Наши инженеры, наши новые инженеры, наши красные инженеры, инженеры из рабочей среды, пришедшие к инженерству непосредственно от станков, непосредственно от орудий производства, — вот та сила, которая восприимет и уже частично восприняла всю эту совокупность знаний, а у нас нет оснований думать, что она неспособна воспринять знания, хотя это и предполагает известная часть старой интеллигенции, и эту силу мы готовим для построения социалистического строя, и при помощи этой силы мы построим новую жизнь.

Но пока основная проблема кадров не разрешена до конца, до этого момента инженерство является таким, каким оно есть, каким его нам дала жизнь, каким его дали условия прошлые и настоящие, условия классовой борьбы, со всеми навыками, воззрениями, взглядами и привычками. Вот почему, поскольку центр тяжести всей жизни сосредоточен на этой области, поскольку этот наш лозунг является основным и поскольку вся остальная — так называемая гуманитарная — интеллигенция уже или в громаднейшем большинстве заполняется новыми, создавшимися из среды рабочего класса слоями, именно та часть старого инженерства, которая была и осталась определенной классовой группировкой, внутренне спаянной определенными классовыми симпатиями и антипатиями,— эта часть инженерства об'ективно стала той силой, в которой сосредоточилось контрреволюционное вредительство. Я бы сказал, что с этой точки зрения еще большой вопрос, кто опаснее: те 200.000, которыми так бесшабашно хвастал представитель кондратьевско-чаяновской группы, или те 2.000, если даже они существуют, о которых говорил Рамзин, как об армии, которой располагает «Инженерно-технический центр». Еще большой вопрос, насколько в практической подготовке расстройства, краха, прорыва и недохваток в хозяйственной жизни эти 2.000 менее весомы, и насколько с большим правом и основанием может Рамзин противопоставить этим фантастическим 200.000 — 2.000 своих инженеров. Возьмем инженерную ячейку в любом предприятии и возьмем любую контрреволюционную группировку, созданную из кулацких элементов в деревне или из обывательщины в городе. Кто практически больше знает, кто практически сможет боль-

ше навредить? Конечно, те люди, которые привыкли изо дня в день работать на производстве, которые знают его до винтика, знают деталь каждой машины, могут определить значимость ее для контрреволюционной работы. Недаром они так быстро перешли к вопросу о диверсии, к организации диверсионных групп, к техническим методам подготовки интервенции.

Я не хочу ни в малой степени утверждать, что в инженерстве в целом находилось много людей вроде Рамзина, но я не хочу и преуменьшать их значения. Допустим на минуту, что две тысячи, о которых тут говорили, — что эта цифра не преувеличена. Они представляют собой силу, с которой нельзя не считаться, поскольку они сидят в производстве. Но уже можно зато и сказать, что это — все, на что вообще Рамзины могут рассчитывать. За пределами этих 2.000 у них сторонников нет. Ибо 13 лет прошли недаром, и Октябрь, разделивший их и нас, бросивший их в лагерь контрреволюционеров, Октябрь — это уже не вчерашний день. Это уже не год назад. Прошло 13 лет. Недаром поэтому и они говорят о том, что в течение уже ближайших лет будут созданы и заполнены новые кадры, число их сторонников станет еще меньше, за пределами двух — трех тысяч они уже сейчас едва ли могут рассчитывать на новые ряды. Но эти две — три тысячи есть, эти две — три тысячи работают, и с этой точки зрения приходится расценивать их об'ективную опасность.

6. Реальное содержание политической программы «Промпартии»

Я остановлюсь одновременно еще на одном вопросе, потому что он интересен с точки зрения понимания идеологии этих лиц.

На судебном следствии шел мельком спор о теории управления государством с помощью инженеров, о теории Баллода (гражданин Рамзин говорил даже о Платоне), о так называемом инженерном правительстве. Любое инженерное правительство осуществляло бы руководство государственной политической жизнью страны не в соответствии с интересами какого-либо определенного класса, экономически сильного класса, экономически опирающегося на свою роль в производстве и распределении: такое инженерное правительство — мыльный пузырь, пуф, пустяк, болтовня, глупость, непонимание. Это доказано и историей всех революций вообще и историей любого государственного, экономического и классового конфликта в частности.

И полагать, что если бы в нашей стране произошла интервенция, и если бы в результате интервенции получили власть интервенты, полагать, что в этой стране финансирующие вредителей, стоящие за их спиной, использующие их группы бывших русских промышленников, руководящая группа иностранной буржуазии, заинтересованная в интервенции, остатки старого, уничтоженного революцией помещичьего класса, царские генералы Лукомский, Миллер (их тут много, я мог бы перечислить достаточное количество) будут хотя бы на одну секунду думать о том, чтобы поставить в качестве руководителей страны гражд. Рамзина, гражд. Федотова или, еще лучше, гражданина Чарновского, да еще в качестве проводящих самостоятельную политику людей, — я сказал на судебном следствии: верить в это — либо политическая наивность, надо сказать, политическая глупость, либо политическое лицемерие — политическое лицемерие, поскольку это заведомо неверно, заведомо вздорно.

А между тем, не отвечающая ни на одну иоту реальному соотношению сил, эта идея распространялась, муссировалась и служила приманкой или удочкой, при помощи которой Рамзины ловили или хотели подловить легковерных, не понимающих ни аза в политике дурачков. А между тем мы слышали от гражданина Рамзина горделивое утверждение, что именно так он полагал и что даже лично он в известной степени считал реальными такие предположения. Другие подсудимые, когда я их спрашивал на этот счет, давали более откровенный ответ, — что, конечно, политической наивностью с их стороны было в это верить Но я не хочу этим подсудимым преклеивать ярлык только политически-наивных людей, ни Чарновскому, ни даже Ситнину. О степени политической наивности Ситнина и степени его практической сметки мы еще поговорим. Во всяком случае, люди, которые непосредственно входили в соприкосновение с руководящими китами заграничной торгово промышленной буржуазии, входившие в непосредственное сношение с военными командными кругами, говорившие с Лукомским, с ним определявшие план действий, соглашавшиеся на его диктатуру, эти люди, впоследствии точно договаривавшиеся о цене за интервенцию, которую придется заплатить, — верить в политическую наивность этих людей нет никаких оснований. «Политическое лицемерие» по отношению к своим сотрудникам — это еще туда-сюда, — так можно было бы охарактеризовать их позицию, хотя я взял бы и тут более резкое выражение: это не политическое лицемерие, а сознательно практиковавшийся п о л и т и ч е с к и й о б м а н.

Я останавливался в судебном следствии специально на вопросе о цене интервенции. Что стоила бы интервенция рабочему классу и широким трудящимся массам СССР? Диктатура генералов старых, лик-

татура царских генералов — что она могла бы с собою нести, что она с собою бы принесла?

Я позволю себе взять выдержку, которую я сегодня приобщил к делу, — о суворовских торжествах в Париже, и процитирую ее в определенных частях: она скажет, о чем думают, о чем мечтают эти генералы. Извиняюсь за режущий наше ухо стиль этой заметки.

«8½ часов вечера. Эффектный зал с трудом вмещает русскую колонию Парижа. Среди присутствующих: вел. кн. Елена Владимировна, великий князь Андрей Владимирович, князь Гавриил Константинович, митрополит Евлогий, французские офицеры в форме. Скауты с розетками цветов дома Суворовых размещают прибывших. На эстраде за столом А. А. Башмаков, член Высшего военного совета Франции генерал Ниссель, генерал Алянчиков, ген. Баратов, ген. Богаезский, адм. Кедров, полковник Молоствов, адм. Русин. За ними на эстраде — офицеры лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков. Еще дальше — духовой оркестр инвалидов и хор кубанских казаков. В глубине — портрет генералиссимуса Суворова и его герб, задрапированные национальными и андреевским флагами.

Председательствует генерал Ниссель в полной парадной форме, при всех орденах и с лентой Почетного легиона через плечо. В приветственном слове председатель Суворовского комитета А. А. Башмаков предлагает по русскому обычаю начать с молитвы и помянуть тех, кто погиб за родину. Все встают. Оркестр исполняет «Коль славен», а хор — «Вечную память».

Первым произносит речь заслуженный профессор Николаевской военной академии генерал-лейтенант Гулевич. Его прекрасная речь «Суворов — Российской армии Победоносец» посвящена выяснению личности великого полководца...

...Следующий оратор — бывший командующий русскими войсками во Франции, генерал-лейтенант Лохвицкий. В своей речи «Суворовская школа» он талантливо обрисовал личность Суворова, который прежде всего был русским человеком и русским полководцем. Будучи образцом человека и воина, сильного верой в бога, преданностью царю и любовью к родине, он в этом духе воспитывал и солдата...

...Суворовские заветы обязывают ко многому, — к вере, верности государю и родине. Они должны быть положены в основу и нашу, когда от нас потребуется воля к победе.

Звуки «Семеновского марша» покрывают аплодисменты после прочувствованной речи генерала Лохвицкого.

Ярким выразителем неугасаемых суворовских чувств и традиций был А. А. Башмаков, один из потомков Суворова во втором колене. В прекрасной речи «Суворовские заветы» сначала на русском, а затем на французском языках докладчик отмечает, что ему, гражданскому деятелю, не случайно выпала честь говорить о великом полководце. Отсутствие в русской гражданственности тех суворовских заветов, которыми была всегда сильна армия, повлекло катастрофу нашей родины...

...Заветы Суворова, этого поэта бранного поля, одаренного вещим угадыванием правды государственной, сводились к формуле «За веру, царя и отечество». Вера явилась на Руси прежде всего. На почве православной веры выросло представление о царе земли русской. Третий элемент суворовской формулы — отечество — не успел окрепнуть в сознании русского народа к моменту русской смуты...

...Лишь усвоение суворовских заветов во всех областях нашей государственности может спасти нашу родину, — только на путях великого Суворова воскреснет Россия.

Речь А. А. Башмакова была покрыта шумными, несмолкаемыми аплодисментами, вслед за которыми оркестр и хор исполнили русский национальный гимн. Последним на этом собрании говорит генерал Ниссель, испытанный друг русских. В своей речи «Суворов и Франция» он талантливо обрисовал первые боевые столкновения России и Франции в итальянскую и швейцарскую кампании Суворова...

...Это чувство взаимного уважения окрепло во время наполеоновских войн, а в Севастопольскую кампанию перешло в симпатию. Великая война, наконец, навеки закрепила дружбу двух народов — французского и русского. Франция никогда не забудет услуги России, пожертвовавшей своими корпусами в Восточной Пруссии для спасения французской армии на Марне...

...В заключение генерал Ниссель на русском языке предлагает почтить героя русским «ура».

Громкое ура, аплодисменты, оркестр играет Марсельезу. Французскому генералу устраивают шумные овации, слышатся крики: «Вив ля Франс!»

В конце собрания, по просьбе присутствующих, оркестр исполняет национальный гимн». («Возрождение» от 25 ноября).

Из всей этой болтовни для нас важно отметить только одно: для нас важно отметить только политические лозунги этой группы. Эти лозунги — «за веру, царя и отечество», эти лозунги — старое самодержавие со всеми его прелестями, со всеми его мерзостями, со всеми его подлостями.

Эту практическую программу готовили для СССР обвиняемые, определяя свою практическую программу как военную диктатуру Лукомского, одного из

этих генералов. Что же, Лукомский один бы пришел? А вся свора акул и кровопийц, вся эта свора раздавленных историей гадов, она бы не поползла сюда со своим змеиным шипом из всех закоулков? И Лукомский сам бы передал, гражданин Рамзин, право «владеть и княжить землей русской»? Вы сами, гр. Рамзин, сказали: «сначала успокоение, а затем реформы», вначале зверства, расстрелы, карательные экспедиции, гекатомбы человеческих трупов, миллионы жертв со стороны рабочего класса и крестьянства, — а потом? Потом Рамзину сказали бы: пошел прочь, холоп! Ты свое дело сделал!

Вот реальная картина будущего, которую готовили эти господа.

Вот реальная картина той практической программы, которую готовила эта сорганизовавшаяся контрреволюция с цветом технического инженерства во главе, опирающаяся на свою армию вредителей и связавшаяся для этого с зарубежной контрреволюцией и эмиграцией.

Реставрация капитализма — вот реальная цель, которую практически себе ставили эти господа. Ну, а вопрос о «государственном капитализме», сторонниками которого были Ларичев и Рамзин?

Позвольте эту часть программы коротенько только разобрать. Я не буду говорить о том, что понятие государственного капитализма у Рамзина довольно своеобразное. Я не буду анализировать его понимания, скажу лишь по существу: сохранение фабрик и основных отраслей промышленности в руках государства. Об'ективно, на это пошли бы промышленники? Он с Рябушинским говорил! Рамзин, катаясь по Булонскому лесу на автомобиле, договаривался об этом с Владимиром Рябушинским. Мы читали здесь статью Владимира Рябушинского, целиком оправдавшую ту характеристику, которую ему дал подсудимый Федотов грибоедовскими словами: «уж разве поумнел?». Но кто был во время этой поездки все-таки умнее: Владимир Рябушинский или Рамзин, поверивший Рябушинскому в том, что, молде, лишь вопросы земельные не согласованы, потому что помещики еще не согласны на невозврат земли, капиталисты, мол, уже согласились?

Помещики, видите ли, еще не совсем согласны, а капиталисты уже согласились отдать свои фабрики и заводы государству. Рамзин их уговорил. Я думаю, что здесь при анализе конкретного соотношения общественных сил ответ на вопрос, кто был умнее — Рамзин или Рябушинский, — не вызывает никаких сомнений.

После обрисовки картины того, как сложилась контрреволюционная организация, и определения удельного веса данной вредительской организации в лице ее центральной группы, рассмотрения ее практической программы, а не программы, о которой говорилось на словах, я должен перейти к анализу непосредственно конкретных дел этой группы, проанализировать ее конкретные дела.

Я должен только в двух словах остановиться еще на одном вопросе. Эта политическая программа была выработана ими не сразу. Она была выработана в результате целого ряда совещаний и в частности на совещаниях контактного характера с группой Кондратьева — Чаянова, при чем была выработана не только программа, а был выработан или спроектирован соответствующий список министров и министерских портфелей. Меня заинтересовал вопрос: зачем им понадобилось переформировать себя в «Промышленную партию»? Этому вопросу в обвинительном заключении уделено много места, и этот вопрос они сами равным образом изложили в своих показаниях. И все-таки осталась неясность: зачем вдруг людям, стоящим далеко от чистой политики, никогда специально политикой, как таковой, политической жизнью, за редким исключением, не занимавшихся, — зачем им понадобилось об'единиться в «Промышленную партию», зачем им нужно было переименоваться из «Инженерно-технического центра»?

Здесь выставлялись три мотива. Во-первых, не мы одни, мол, боремся против диктатуры пролетариата и, следовательно, не мы одни будем претендовать на наследство, существуют и иные антисоветские силы; между тем вопрос распределения портфелей есть важный вопрос. А распределяются портфели по партиям. Следовательно, надо иметь тоже партию. Это — одно соображение.

Другое соображение: вопросы политики в настоящий момент у нас уже преобладают. Вопросы эти конкретно ставятся жизнью. Интервенция не за горами, и поэтому вопрос о том, что и как делать, есть реальный практический вопрос. Между тем вопросы политики — дело партии. Второе соображение.

Третье соображение — чисто практического характера. Вопрос о согласовании своих идеологических установок непосредственно за границей был поручен Рамзину в его поездку в 1927 г. Для этого также надо было их точно определить самим. А это дело партии.

Они видели, наконец, пример, как сплоченная, единая, стальная, мощная, боевая коммунистическая партия ведет свое дело, и они решили: мы тоже «партия», и у нас тоже «ЦК».

Но это образование политической партии ценно в одном: в том, что оно заставило их поставить точки над «и», что оно заставило их назвать себя тем, чем они по существу были: партией промышленного капитала, партией агентов

крупной промышленной буржуазии. И еще важно отметить, что кондратьевско-чаяновская группа в этой будущей дележке неубитого медведя сознательно согласилась, хотя у нее был свой список министров, на то, чтобы ей было дано одно или, в крайнем случае, два места. Эта группа контрреволюционной мелкой буржуазии, группа контрреволюционного кулачества, идеологами которого являлись Чаяновы и Юровские, — она знала наперед свое место в будущем. Это также является характерным с точки зрения того реального будущего, которое готовила стране эта группа контрреволюционеров.

Вот то, что надлежит еще сказать по поводу истории «Промпартии» и ее ЦК, по поводу эволюции «Союза инженерно-технических организаций» в «Промпартию». Характерно, что инициаторами и этого вопроса являлись те же два лица — Пальчинский и Рабинович, по существу — главари, по существу — вожаки, теснейшим образом связанные с промышленным капиталом, сами бывшие промышленники.

7. Почему сознаются подсудимые

Я перейду к анализу уликового характера по основным пунктам обвинения, которое пред'явлено данным лицам, ибо для меня прежде всего все же этот процесс есть процесс данных лиц, есть процесс ЦК так называемой «Промпартии».

Одним из вопросов или, вернее, методов опорочивания настоящего процесса являются лицемерные выражения недоумения по поводу того, что же это за процесс, в котором подсудимые все сознаются! Какую об'ективную ценность имеет это сознание? И как с этой точки зрения надлежит относиться и к этому сознанию и к этому процессу? Я поставлю вопрос иначе — о так называемых об'ективных уликах я буду еще говорить, — но я поставлю вопрос так: какие вообще могут быть улики в таком процессе? Лучшей уликой при всех обстоятельствах является все же сознание подсудимых. На одну минуту станем на точку зрения тех, которые не видят в этом факте решающей улики; тогда получается такая картина: вот ни с того ни с сего ОГПУ арестовало Рамзина, сперва Ларичева, потом Рамзина, еще раньше — Федотова, еще раньше Красовского, еще раньше — вредителей-снабженцев арестовало, потом арестовало остальных, включая весь состав скамьи подсудимых. Почему оно их арестовало? Если допустить хотя бы на одну секунду, что эти люди говорят неправду, то почему именно их арестовали и почему потом вдруг эти люди заговорили? И заговорили хотя разновременно и о работе в различных отраслях промышленности, совершаемой ими на протяжении ряда лет, но заговорили, не имея никакого общения друг с другом, одно и то же о методах, характерных для каждой отрасли промышленности в отдельности, о целях, при чем их показания исторически совпадают и в датах, и в фактах, и в задачах, как они их себе ставили. Можно ли на одну секунду допустить об'ективную возможность такого гигантского сговора всех этих лиц, арестованных разновременно, каждый по своему делу и в разных отраслях, которые показывают одинаково лишь о методах, лишь о планах и целях с сохранением разниц в техническом существе вредительства по каждой отдельной отрасли промышленности?

Проанализируем дальше тот же вопрос. Какие улики могут быть? Есть ли, скажем, документы? Я спрашивал об этом. Оказывается, там, где они были, там документы уничтожались. На шахтинском процессе был установлен один такой момент, когда благодаря нашей недальновидности было рассказано на собрании вредителей о раскрытом заговоре. После этого вредители, бывшие на этом собрании, поторопились уничтожить имевшиеся в их распоряжении вредительские документы. Конечно, такие документы, как письма «Торгпрома» и другие, были уничтожены и в настоящем случае. Я спрашивал: может быть, какой-нибудь случайный остался? Было бы тщетно на это надеяться...

Но все же не все документы были уничтожены. Я на судебном следствии не настаивал, не поднимал вопроса о приобщении к делу документов, не имевших отношения непосредственно к деятельности подсудимых, но в материалах, касающихся деятельности текстильной группы, имеются письма Третьякова к Лопатину и Лопатина к Третьякову. Но эти письма относятся к прошлым годам, и их приобщать не имеется нужды. Это было еще тогда, когда связи носили случайный характер. В период налаженной, организованной связи документы не сохраняются. Люди? Свидетели? Желать, чтобы сюда пришли люди и рассказали о вредительской организации, при чем эти люди, руководившие вредительской организацией, находились бы на свободе, чтобы они пришли к нам как бы со стороны, рассказали обо всем, — мы же не идиоты, чтобы оставить таких людей на свободе, что означало бы такое поведение с нашей стороны? И мы арестовали их. Поэтому мы считали вполне возможным, вполне правомерным и необходимым, чтобы сюда приходили люди, которые знают и могут рассказать о вредительской организации, о работе во вредительской организации, люди, содержащиеся под стражей, как конкретные носители вредительского зла, чтобы они рассказали, что им известно в пределах их деятельности, чтобы путем сравнения их показаний с показаниями

подсудимых, путем изучения отдельных деталей и противоречий, если такие противоречия имеются, установить, в какой степени вероятно, в какой степени обосновано, в какой степени отвечает действительности то, что говорят подсудимые.

Я укажу прямо, что мы таким путем получили. Перед нами был Красовский, арестованный 1 апреля 1928 г. Красовский рассказал о вредительской работе, которая проводилась по НКПС в момент слияния, когда он вошел в центр и там делал свой доклад о вредительской работе по НКПС. Красовский излагал здесь детали этой работы, которые не были известны ни Рамзину, ни Калинникову. Но то, что он передавал по своей отрасли, в этой области, хотя бы чем-нибудь в малейшей степени было опорочено или хоть в малой степени противоречило бы показаниям подсудимых? Во время допроса Красовского я специально обращался к суду с ходатайством о приобщении акта обследовательской комиссии от 1 мая 1928 г. о состоянии мобилизационных запасов паровозов и состоянии железнодорожного транспорта в области крупного и среднего ремонта. Эти цифры, которые я приводил здесь из акта специальной правительственной комиссии, указывали, в какой степени была реализована вредительская работа. Эти цифры, характеризовавшие, что средний ремонт паровозов против нормы был запущен чуть ли не на 100%, что являлось прямым исполнением вредительской директивы по НКПС, эти цифры, подтверждавшиеся соответствующим актом правительственной комиссии, явились таким образом в этом случае неопровержимым доказательством, против которого нельзя спорить и после которого нельзя говорить о выдуманности показания Красовского.

Возьмем другие области, любую из областей вредительской организации, о которых мы здесь говорили. Мы увидим и здесь такую же картину: полное совпадение и отсутствие противоречий, — и об этом я буду говорить в последующем.

Пока что подвергну анализу интересный документ, приобщенный мною к делу по вопросу о документах, которые могли исходить или могли иметься в «Торгпроме», — это пресловутое письмо пресловутого М. Яковлева (я не знаю, существует ли в природе такой Яковлев). Яковлев сообщает в этом письме о документах, которыми пользуется Крыленко в процессе «Промпартии».

Яковлев и редакция, таким образом, наперед знали, что я пользуюсь этими документами. Это письмо опубликовано еще до начала процесса, накануне его — 24-го числа. И вот, боясь возможного пользования хотя бы чем-либо похожим на эти документы, они спешат сообщить, что, мол, сфабрикованы в Берлине подложные документы и эти подложные документы присланы в распоряжение прокуратуры. «Сенсационное разоблачение документов, которыми пользуется Крыленко», — так озаглавлена белогвардейская заметка. Мы отметили и ответили, что мы не пользуемся этими документами, но просим суд огласить их перечень, опубликованный г. Яковлевым. Вот этот перечень: 1) протокол заседания «Торгпрома» в Париже, с указанием лиц, среди которых были названы специалисты, сидящие на скамье подсудимых; 2) секретная переписка Лукомского с высшими чинами французского генерального штаба; 3) переписка известных деятелей с Пуанкаре; 4) копия соглашения великого князя Николая Николаевича и Лукомского с японским генеральным штабом.

Да. Если бы такие документы были в нашем распоряжении, тогда никакая ложь «Торгпрома», никакие отвиливания Пуанкаре не помогли бы. Но интересно не это. Интересен самый факт увиливания белогвардейщины от *таких* документов и интересны выводы, проистекающие отсюда.

Одно из двух — или такие документы в природе существуют, или таких документов в природе не существует. Но в том и в другом случае вывод получается один и тот же. Если эти документы или подобные им в природе существуют, то этого рода опубликованное заявление какого-то Яковлева в виде письма в редакцию накануне процесса характеризует боязнь «Торгпрома», как бы секрет, устанавливаемый этим документом, не всплыл здесь.

Если эти документы не существуют, то заблаговременное предупреждение о подложности этих документов направлено к дискредитации вообще каких бы то ни было документов, даже не этих, но хотя бы в отдаленной степени на них походящих, если бы они оказались здесь.

И в том и в другом случае такой метод действия со стороны белогвардейщины говорит об одном: о боязни, о страхе, о желании предупредить, о желании нанести контрудар путем выдумки гнуснейших сказок о том, что советская прокуратура когда-нибудь будет пользоваться подложными документами на суде пролетариата.

Мы не из тех, которые пользуются подложными документами. Эта область — специальность русских белогвардейцев. Изготовить подложный документ, передать его в другие руки, надуть там, обмануть здесь — это их специальность, и, видимо, исходя из этого, они такой метод действия в этом случае приписывают нам.

Оставим этот метод деятельности им. Это их дело. Это их, повторяю, специальность. Нам важна эта бумажка для доказательства того, что при обоих предположениях — и если такие документы

есть и если их нет — уши своя показывают господа торгпромовцы, уши показывают господа белогвардейцы!

Я обращусь теперь непосредственно к об'яснению того, почему сознаются подсудимые.

Вопрос о пытках мы отбросим в сторону. Но даже при самых идиотских допущениях подобного характера это также не сможет об'яснить того, как оказались возможны такие детально технически разные показания по отдельным отраслям промышленности, которые мы имеем по НКПС и по другим отраслям промышленности, целиком подтверждающие официальные данные о результатах вредительской работы в каждой из этих отраслей промышленности.

Но почему — психологически поставим вопрос, — почему сознаются? А я спрошу: а что им оставалось делать? Отпереться в расчете на то, что авось потом кто-то придет и выручит, — плохая надежда! Надежд на то, что запирательство что-нибудь даст и к чему-нибудь приведет, — никаких; а если есть остатки совести — они могут говорить только за сознание. Я спрашиваю: чем же еще об'яснить, что по всем вредительским делам, которые проходят у нас, мы имеем подавляющее количество фактов сознания?

Если бы за этими людьми стояли широкие массы, на которые бы они опирались, тесная идейная и организационная связь с которыми питала бы их политическое сознание, давала бы им внутреннюю узеренность в правоте их дела, поддерживала бы и воспитывала бы в них политическую стойкость и твердость, — тогда туда-сюда. А тут? Жалкая, изолированная кучка людей, работавших на деньги зарубежных групп, давно потерявших какие бы то ни было авторитет и влияние в глазах масс и, наоборот, трактуемых этими массами как враги народа, — на что эта жалкая кучка могла опереться и рассчитывать? Вот почему эти люди, представители отживающего класса, взятые с поличным, сознаются. Сознаются — так как у них нет другого выхода, ибо никаких идей, даже внутренней убежденности у них не было и нет, и не может быть, ибо вы видели ц е н у, за которую все это делалось.

Впрочем был, если хотите, в истории их идеологии момент, когда они имели или казалось, что они имели, некоторую общую всем идеологическую почву. Это момент, когда с введением нэпа они начали строить свою работу в расчете на «неизбежное перерождение» советской власти по пути, возвещенному Устряловым, и на идеях Устрялова базировали свою идеологическую установку. Жизнь разбила эти иллюзии, и, лишенные вновь какой бы то ни было идеологической опоры, они шарахнулись в лагерь прямой контрреволюции и как наймиты за деньги стали работать, отказавшись по существу от всяких претензий на идеологическое руководство и политическую устойчивость. В этих условиях им не оставалось ничего кроме сознания после ареста.

Последняя сцена сегодня перед заключением судебного следствия, самая последняя сцена — с деньгами — ярко подтвердила это. Вы слышали заявления Рамзина, Ларичева, Чарновского: «Мы денег не брали». Цена этому заявлению? Грош ему цена.

Вспомните слова Рамзина в его показаниях. Сначала инженеры получали деньги «так» от своих бывших хозяев, а потом... потом о т н и х с т а л и т р е б о в а т ь у с л у г. Когда же вредительская работа развернулась, то система оплаты вредительской работы была средством, помощью которого вертелось вредительское колесо.

И вы мне после этого будете говорить, что вредители Чарновский, Рамзин, Калинников работали для идеи?

А Чарновский, который заявил при допросе, что ему самодержавие не мешало. Чарновский, которого психологическое и политическое содержание еще будет в достаточной степени обрисовано мною в дальнейшем.

Калинников и Рамзин? Только у Калинникова, пожалуй, в прошлом имелись моменты открытой борьбы против советской власти, но и то ненадолго. У Рамзина — чрезвычайные зигзаги политической линии, резкая смена его политических настроений, симпатий и антипатий. Уж если бы можно было говорить об определенной идейной политической установке у кого-либо из них, то это можно было говорить лишь относительно Федотова. Но как-раз Федотов здесь сказал, что его группа и он, как член ЦК, деньги распределяли и деньги брали себе. А попытка Очкина уйти от этих денег — она погубила не только Очкина, но и Рамзина, ибо так неумно говорить неправду, как это пытался сделать Очкин, и так неумно увиливать от прямого ответа, как это сделал Рамзин, это значило подтвердить то, о чем говорили Куприянов, Федотов и Ситнин, о том, что они не допускали мысли, что другие — Рамзин или Калинников — не берут.

Вот почему для этих лиц не осталось возможности опереться и на какую бы то ни было идею, вот почему у них не было стойкости, свойственной идейному политическому борцу, и им осталось только одно — все рассказать.

Героев идеи среди них искать не приходится, таких героев sui generis вредительства мы среди длинного ряда лиц из материалов по вредительским делам не находим совершенно, ибо даже те, которые в шахтинском процессе отрицали свою вину, в конце концов отрицали не из идейных побуждений, и никто из

них не осмелился бросить перчатку вызова советской власти и ее политической и экономической программе.

8. Об'ективные доказательства

Ну, а «об'ективные» доказательства? Я остановлюсь с этой же точки зрения на анализе некоторых свидетельских показаний. Возьмем Юровского и Красовского. Юровский — человек другой контрреволюционной группы, экономист, человек, непосредственно не связанный с производством, человек группы, которая состояла в основном из интеллигенции, вернее, слоя интеллигенции другого характера, чем инженеры. Вы все, товарищи, слышали, что показывал Юровский. Вы помните, как иронически он рассказывал о том, как много соискателей портфелей у них было и какой у них был длинный список «своих» министров. Но то, что он говорил, в какой-либо мере противоречило ли тому, что говорили эти вредители в предыдущих данных ими показаниях? Противоречило ли хотя бы в малой степени той характеристике соотношений общественных и политических сил, которые имеют место за границей, когда он передавал свой разговор с Милюковым, когда говорил о своем разговоре с Гевдингом? Юровский в достаточной степени высококвалифицированный и образованный человек и в прошлом достаточно образованный политический работник, и в его показаниях мы не нашли ни одной ноты, которая в малой степени противоречила бы реальному положению вещей у нас и за границей и реальному соотношению общественных сил.

Возьмем Калинникова. Калинников говорил о методах вредительства, о задачах вредительства, о способах вредительства. Передо мной лежат стенограмма, приобщенная к делу, речи Калинникова на заседании президиума Госплана от 29 декабря 1927 г. по контрольным цифрам при обсуждении пятилетнего плана промышленности и стенограмма выступления Калинникова от 5 февраля 1929 г. при обсуждении пятилетки. Позвольте в отдельных частях огласить эти стенограммы и спросить, с точки зрения конкретного содержания выступления Калинникова на этих двух заседаниях Госплана, что то, что он и другие сейчас говорили о минималистских темпах, о задержке, о критике даже отправного варианта пятилетки в той форме, в которой она сложилась раньше, — в этой плоскости этот документ, представленный нами здесь и доставленный из архива Госплана, подтверждает или не подтверждает на 100% все то, что они говорят здесь в своих показаниях о методах вредительской работы?

Я прочту: «Заседание 29 декабря. Калинников: Мы имеем в пределах Госплана разработанный пятилетний план, так называемый отправной вариант. Хотя он отличается несколько от августовского варианта в сторону устремленного роста, но все-таки он ближе к действительности, чем то, что здесь запроектировано ВСНХ. Я позволю себе сделать несколько цифровых сравнений для членов президиума, чтобы им было легче разобраться. Каков темп нашего отправного варианта и темп, запроектированный ВСНХ? У нас около 128% плюс, т.-е. в два с четвертью примерно раза больше, чем в прошлом году, а у ВСНХ 167%, т.-е. в $2^2/_3$ раза больше, при чем, если вы сопоставите по группе «А» и по группе «Б», то у ВСНХ значительно большее устремление в сторону развертывания тяжелой индустрии, где цыфры почти в 3 раза больше прошлогодних, между тем как легкая индустрия даже меньше, чем в два раза. У нас в этом отношении несколько иная установка, т.-е. хотя мы также усиленно развиваем тяжелую индустрию, но и в достаточной мере заботимся о темпе развертывания легкой индустрии. Если перейти к товарной продукции, то мы имеем здесь следующие цифры: ВСНХ обещает дать 108% плюс, а у нас 86%, при чем у них 130% по группе «А» и 88% по группе «Б». Это—количественные темпы в процентах товарной продукции в ценах каждого года, а валовой — в ценах 1926—27 г. Эти цифры не должны были бы особенно смутить нас, потому что мы привыкли к таким смелым проектировкам. Но нас поражает, когда мы переходим к количественному рассмотрению интересующей нас продукции, особенно нас поражает расхождение проектировок по металлу. У нас в нашей пятилетке все наши возможности ограничились развертыванием металлургии до 7 млн. тонн к концу пятого года. ВСНХ запроектировал 10 млн. тонн, при чем 7 млн. тонн не настолько еще у нас реальны, в значительной мере еще требуют много дополнительных проработок, чтобы сказать, что эта цифра безусловно выполнима. У нас имеются в этом отношении колоссальные сомнения относительно возможности 10 млн. тонн. Как вы знаете из материалов, ВСНХ предполагает 7½ млн. тонн получить за счет реконструкции старых заводов и 2½ млн. — за счет постройки новых заводов. Мы интересовались степенью подготовленности этого вопроса, и оказывается, что если мы уже имеем законченными некоторые проекты новых металлургических заводов, — вот недавно был принят проект Магнитогорских заводов, в феврале будет закончен и приедет из-за границы проект Тельбесского завода, Криворожский завод также проектируется, — то когда мы поинтересовались реконструкцией существующих заводов металлургических, оказалось, что, несмотря на то, что уже 4—5 лет проводится постановление через СТО, мы в этом напра-

влении больше всего отстали и до сих пор нет еще ни одного плана реконструкции ни по одному заводу».

Если вспомнить одновременно, что именно вредители другой рукой проводили задержание проектирования заводов, что они в то же время другой рукой срызали работу по проектированию, что они задерживали на практике и те минималистские темпы, которые они отстаивали, то не только лицемерием, а гнуснейшим, наглейшим издевательством, наглейшей издевкой над теми, кто рядом сидел, обсуждал и верил им, приходится признать такое выступление назначенного непосредственно Совнаркомом для работы в Госплане проф. Калинникова.

И дальше: «То же самое, если обратиться к машиностроению. Задание необыкновенно колоссальное: хотят выпустить 100 тыс. тракторов, а в последний год чуть ли не 600.000, а что мы имеем? Оказывается, что еще первый современный тракторный завод будет иметь проект в конце, видимо, этого года. Значит, для того, чтобы этот проект переварить нашими техническими силами, организовать постройку, приступить к постройке, остается очень мало времени, а между тем предполагается, что последний год даст значительное количество продукции. Из разговоров с представителями ВСНХ выяснилось: для того, чтобы по одной только металлургии запроектировать эти заводы, нужно иметь 2.000 добавочных высококвалифицированных инженеров и техников — добавочных к тому, что они имеют, чтобы это сделать, а где они? В этом отношении вы очень мало найдете реальных доказательств возможности осуществления тех грандиозных проектов, которые намечаются по металлургической промышленности».

Дальше он говорит о возможности послать эти проекты за границу, но он говорит — и заграница не успеет сделать. Но если вспомнить о связях вредителей с заграницей, о связях по металлургии, то мы знаем, что и с этой стороны они были подкованы на все ноги, чтобы добиться того ответа, который им был желателен. Вот документ, который характеризует выступление Калинникова при обсуждении отправного варианта пятилетки, документ, который является реальным доказательством того, как на деле проводились вредительские планы в жизнь, как конкретно они осуществлялись.

Вторая стенограмма — от 5 февраля 1929 г. Калинников говорит: «Чем больше мы вносим поправок, тем больше вариант нам кажется нереальным. Это общее убеждение всех работников Промсекции, и я вынужден это признать. Получается такое впечатление, что времени нехватит для того, чтобы выполнить в срок все те проектировки, которые здесь намечены. Даже отвлекаясь от всяких кон'юнктурных соображений, а просто допуская, что у нас будут во всех отношениях благоприятные условия, даже при таком подходе все говорят, что того времени, которое у нас имеется, нехватит». И дальше: «Я бы сказал, что эти поправки сделали много нереальнее наш первоначальный план с ростом на 100—110%. Если мы рассматриваем отправной вариант как задание реальное (при благоприятных, конечно, обстоятельствах), нам нужно было бы снизить общий темп развертывания, по крайней мере, на 25—30%, т.-е. ограничиться 100, 105, не более 110% — вот эта цифра была бы реальной, а 135%, которые мы запроектировали, это совершенно нереальная цифра для отправного варианта. Общее заключение создается довольно пессимистическое, что запроектированный отправной вариант со всеми изменениями весьма сомнительный по своей реальности. Все категорически говорят, что это нереально». Вот выступление, характеризующее работу Калинникова, службу на два фронта, и прежде всего службу по указаниям «Торгпрома», по плану, разработанному ЦК «Промпартии», службу по задержке темпов, о чем они сами говорили и что сами признали. И нам кто-нибудь может сказать после этого о том, что после такого рода доказательств это сознание не может быть фактором, который должен быть принят во внимание?

Я приведу еще один документ, который нами зацитирован в обвинительном заключении и который является исключительным по своей важности моментом. Это по вопросу о первой пятилетке. Я позволю себе напомнить эти хорошо известные нам цифры, ибо, видимо, без этого не обойтись. «Первая пятилетка, по плану Госплана, по углю была в 60 млн. тонн, теперешняя наметка — 75 млн. Кузбасс был в 6 млн., теперешняя наметка — 19 млн. Подмосковный уголь — 4 млн., теперешняя наметка — 10 млн. Уральский уголь — 6 млн. и 11 и т. д. Нефть — 20 млн. и 42 млн., в итоге по всем видам топлива 100 млн., а теперешняя по всем отраслям топливной промышленности — 190 млн. тонн, т.-е. увеличение с превышением в 1,9 раза». В два раза снижение темпа, попытка задержать в два раза развитие хозяйственной жизни! Мы исправили потом, исправили эту наметку настойчивым проведением в жизнь генеральной линии партии, исправили настойчивостью пролетариата, исправили об'ективной необходимостью именно так, в таких темпах ставить вопрос индустриализации страны, но от этих попыток с их стороны провести свои вредительские планы в первом варианте пятилетки не колеблется факт того, что частично им это удалось провести и что сознание вредителей в этом

деле может и должно быть поэтому положено в основу выводов, вытекающих для обвинения.

Пару слов еще по поводу сознания. Сознание сознанием, но до чистосердечного сознания еще далеко. Мы здесь установили три области, в которых «за недостатком времени», как выразился Рамзин, он не успел сознаться. Это вопрос о мелиоративных работах, составлявших прямую подготовку плацдарма для интервенции, вопрос о вредительстве при постройке текстильных фабрик и вредительстве при соответствующей подготовке лесопромышленности, доложенный здесь свидетелем Сироцинским, и, наконец, вопрос о вредительстве на пограничных железных дорогах, подрыве мобилизации, доложенный здесь свидетелем Красовским. О всех этих работах, непосредственно связанных с ослаблением обороноспособности страны, с прямой помощью военной интервенции в техническом отношении и непосредственно связанных с государственной изменой,— «за недостатком времени» забыл сказать Рамзин. Об этом по тем же принципам не показал Чарновский, об этом равным образом забыл упомянуть Калинников. Я думаю, что то же самое можно сказать и об остальных членах ЦК.

А сам Красовский? Ведь он в 1928 г. «чистосердечно» признался во всем, кроме того, что он состоял в ЦК «Промпартии», кроме того, что он входил в организующий центр, ибо тогда еще этих арестов не было, ибо тогда еще можно было полагать, что об этом мы не узнаем. А когда арестованы были Рамзин и др., разве они могли знать о том, что показывают Михайленко, Цейдлер и Спарро об этих мелиоративных работах, разве они могли знать о том, что показывает Сироцинский о строительных работах, наконец, разве они могли знать, что уже рассказал Красовский в области вредительства прифронтовых дорог?

В пределах того, в чем уже трудно отпираться, и в надежде, что не все всетаки раскрыто и известно, — вот в этих пределах и признавались обвиняемые. Это, конечно, ничуть не противоречит ни их психологии, ни реальной жизни и реальному положению и соотношению вещей. Так можно было бы закончить с анализом юридического значения их сознания.

Но у нас остается еще целый ряд других моментов, которые точно так же нужно подвергнуть анализу, в частности касательно правдоподобности, реальности, сообщения подсудимых о всех тех силах, с которыми они входили в одну общую сумму в качестве слагаемых. Я имею в виду прежде всего улики против «Торгпрома» и его деятельности. С этой точки зрения нужно подвергнуть анализу также ряд документов, которые я просил приобщить к делу, и точно так же подвергнуть такому же анализу правдоподобность и достоверность их сообщения касательно свидания, которое было с Пуанкаре и деятелями военных кругов Франции, поскольку эта часть, являющаяся одной из важнейших для характеристики реальности военной опасности, в которую поставлена страна, должна составить одно из основных мест моей обвинительной речи.

9. «Торгпром» и его союзники

Заграничные факторы контрреволюции слагались из «Торгпрома», из военных кругов Франции и из политических деятелей Франции, близких к правящим сферам. В этой плоскости и приходится подвергнуть анализу сообщения обвиняемых с точки зрения достоверности, правдоподобности и вероятности этих сообщений.

Прежде всего в отношении «Торгпрома» и факта самого существования «Торгпрома». Никаких сомнений этот факт не вызывает. Факт определенно контрреволюционной, явно агрессивной политики «Торгпрома», — этот факт также не вызывает сомнения. Тем не менее позвольте отметить в официальном документе «Торгпрома» подтверждение этого факта в его декларации или заявлении, как центральной контрреволюционной организации бывшего торгово-промышленного класса России за рубежом.

«Торгово-промышленный и финансовый союз будет продолжать неустанную борьбу против советской власти, раз'яснять общественному мнению культурных стран истинный смысл происходящих в России событий и подготовлять будущее восстановление родины на началах свободы и правды».

Это заявление было сделано «Торгпромом» в связи с делом «Промпартии». Этим об'ясняется та осторожность в выражениях, которая допущена в этом последнем абзаце.

Более откровенны в этом отношении выступления деятелей «Торгпрома» на том банкете по случаю десятилетия его существования, о котором мы уже говорили. Во вступительном слове нефтепромышленник Нобель (я подчеркиваю, что персональные указания, данные самим «Торгпромом» о своем личном составе, целиком совпадают с показаниями, данными обвиняемыми задолго до появления каких бы то ни было деклараций или заявлений со стороны «Торгпрома») заявил, что банкет устроен в виде «демонстрации веры в скорое возрождение России и возможности работы на родине».

Денисов — второе имя — отметил, что «в последние десять лет «Торгпром» ставил своей задачей борьбу с большевиками на экономическом фронте во всевозможных видах и формах». «О плодотворности работы «Союза», — говорит Дени-

сов, — можно судить на основе свидетельств самих большевиков, которые видят в «Торгпроме» своего главного врага. Заслужим ту же оценку врагов и в дальнейшем».

Коковцев, бывший царский министр финансов, отмечает заслуги «Торгпрома» «в борьбе за возрождение России, в области информирования русского и иностранного общественного мнения и накопления нужных для будущей работы сил».

Генерал Миллер (преемник Кутепова, командовавший белой армией на севере) от имени русской армии отмечает широкую помощь «Торгпрома» в деле эвакуации Крыма, а также его благотворную деятельность в эмиграции.

Богаевский, возглавляющий контрреволюционные группы казачества, заявляет, что «казаки могут засвидетельствовать, что «Торгпром» содействовал всякой борьбе с большевиками и поддерживал казаков в их боевой работе».

Карташев (имя его тоже упоминалось) говорит о «Торгпроме» «как о неофициальном посольстве русской эмиграции». «Сила «Торгпрома»,—заявил Карташев,— заключается в его союзе с армией. В этом уже осуществлен единый фронт. Ждать осталось еще недолго».

Царский адмирал Кедров заявляет, что «Союзу» суждено сыграть роль Минина.

Нобель подчеркивал гостеприимство Франции и поднимал бокал за ее дальнейшее процветание.

Федоров говорит «о необходимости создать единый политический центр, который мог бы представлять Россию перед иностранцами».

Эта выдержка характеризует не только политические позиции.

Политические позиции ясны уже из первого документа. Она характеризует контакт, связь организационную, политическое единство и финансово-бюджетное, так сказать, единство со всеми линиями наиболее контрреволюционных групп эмиграции в виде царского генералитета, с одной стороны, а с другой стороны — характеризует ту политическую роль, на которую претендует «Торгпром»: на функции представительства у правящих сфер иностранных государств.

Карташев говорит, что «Торгпром» представляет собою неофициальное посольство русской эмиграции. Говорить о таких вещах на таком банкете можно, только имея в кармане хотя бы какое бы то ни было реальное доказательство того, что эта роль в какой бы то ни было степени «Торгпромом» реализуется. Говорить о неофициальном посольстве эмиграции перед иностранными правящими сферами, если бы «Торгпром» гнали в шею всякий раз, когда он, «Торгпром», захотел бы взять функции такого представительства, — заявить так на таком банкете не мог бы ни Нобель, ни Карташев, ни Денисов, — и уже одна эта цитата в сопоставлении с целым рядом указаний и сообщений обвиняемых относительно этого контакта именно в смысле неофициального или полуафициального представительства русской эмиграции—она этим своим совпадением характеризует уже достоверность сообщений подсудимых.

Однако мы имеем и нечто другое, что сейчас сообщают нам газеты, в частности то, что мы можем уже получить из сведений, которые относятся к прошлому времени. Я говорю об имевшем место (это было в печати) параде войск белогвардейцев. А мы видели из приобщенного сегодня документа о торжестве на суворовском чествовании то, что военная форма, военные связи, военные парады усиленно подчеркиваются белогвардейщиной, как некое доказательство своей легальности. Что, однако, говорит самый факт этих парадов? Он говорит об определенном реальном сосредоточении, собирании реальных вооруженных сил. Пусть на этих парадах, которые происходят или происходили во Франции, эти силы не являются настолько существенными, чтобы можно было думать при их помощи осуществить интервенцию, но сам факт говорит о том, что белогвардейщина, эмиграция в части своих военных кругов и бывшего царского генералитета ставит интервенцию как конкретный метод борьбы. И реальность этих фактов является одним из наилучших доказательств того, что не на словах, а н а д е л е они ставят вопрос о вооруженной борьбе с советской властью.

Я позволю себе процитировать пару цитат из документа, который был приобщен сегодня к делу, — выдержки из выступления Детердинга. Это имя мы встречаем в качестве имени, с которым были связаны наши контрреволюционные круги в области финансирования контрреволюции, во-первых, и по вопросам о будущем нашей нефтяной промышленности. Вот что говорит Детердинг на десятилетии русской средней школы в Париже 11 июня этого года. Перечислять всю присутствовавшую здесь братию нет надобности. Можно лишь отметить, что, кроме митрополита Евлогия и почетной попечительницы гимназии лэди Детердинг, присутствовал генерал Миллер, Кедров, Суворов, потом профессора, литераторы, принцесса Мюрат, графиня Шувалова и т. д. Читаю.

«С огромным вниманием была прослушана произнесенная на французском языке речь сэра Генри Детердинга.

Сэр Г. Детердинг прежде всего отметил, что его не нужно благодарить, так как он лишь исполняет свой долг. Мы все, — сказал он, — пользовались и пользуемся любовью своих родителей, своих близких, нас всех об'единяет наша вера. Я родился в бедной семье, — сказал он, —

но у меня была мать, и она помогла мне добиться того, что мне удалось сделать благодаря энергии, настойчивости и труду.

— Вам, — сказал сэр Детердинг, обращаясь к учащейся молодежи, — нужно надеяться на свои силы. Вы должны помнить, что вся ваша работа, вся ваша деятельность будет протекать на вашей родной русской земле. Надежды на скорое освобождение России, ныне переживающей национальное несчастье, — сказал сэр Детердинг, — крепнут и усиливаются сейчас с каждым днем. Час освобождения вашей великой родины близок...

Освобождение России может произойти гораздо скорее, чем мы все думаем, даже через несколько месяцев».

Его возглас, — так кончается заметка, — «Да здравствуют Франция и Россия!» был встречен бурными аплодисментами и криками.

Сэр Детердинг не болтун. Сэр Детердинг — деловой человек. На собрании, где присутствует вся эта жаждущая крови белогвардейщина, где присутствуют жаждущие денежных подачек закордонные контрреволюционеры, мы имеем выступление, в котором определенно говорится о том, что освобождение в кавычках России будет иметь место, может быть, через несколько месяцев. Такого рода выступление и такого рода слова обязывают. Они являются определенным политическим актом, политическим документом, который не может быть скинут со счетов. Это было в июне 1930 г., когда вопрос об отсрочке интервенции на весну 1931 г. ставился уже в этих кругах, когда со стороны того же Денисова путем переписки и сношений через соответствующую агентуру была намечена встреча с деятелями «Промпартии» в Берлине по вопросу: почему не все готово для интервенции внутри страны и в чем не готово и что нужно сделать для реализации плана интервенции? Подобное выступление Детердинга не может быть признано случайным. Но допустим, что Детердинг в этом своем выступлении сболтнул. Бывает так. Прослезился воспоминанием о том, что у него была мать, и поэтому случайно сказал немного лишнего. Это он сказал, а вот что он написал. Письмо сэра Детердинга — это есть документ. Это уже не слова, а письмо. Это письмо он пишет в ответ на благодарность, полученную от некоего студента-эмигранта за возможность продолжать ему образование в одном из высших учебных заведений Парижа.

Детердинг пишет: «Я с удовольствием получил благодарственные письма русских студентов, которым я с большим удовлетворением помогаю.

Если вы действительно хотите выразить мне вашу благодарность, то я прошу вас сделать следующее:

1) Постарайтесь в новой России, которая восстанет через немного месяцев, быть наилучшими сынами вашей родины.

2) Сделайте в будущем для другого то, что я сделал вам».

И дальше:

«Я вас спрашиваю: разве может это удасться? Эти стремления большевиков безумны и неестественны, а потому — жестоки. Большевики — люди, абсолютно неспособные что-нибудь созидать, чувствуют себя рожденными лишь для разрушения. Никогда не теряйте надежды. Религия — это надежда. Без надежды нет ничего. Надеяться — значит добиться».

Отбросим опять-таки эту ханжескую болтовню Детердинга и возьмем только дело, о котором он говорит, а это дело в документе, в котором (это документ обязывающий) Детердинг говорит, что через немного месяцев возможно освобождение в кавычках России. Газета датирована опять-таки 15 июня 1930 г.

Таким образом, уже из этих случайно дошедших до нас документов, которые мы не собирали специально, — они попали нам в руки при беглом просмотре белогвардейской литературы, которой кое-когда приходится поневоле заниматься, — вытекает, что вопрос об интервенции в среде «Торгпрома» и близких к нему кругов отнюдь не являлся в этот период только лозунгом, который проектируется вообще, и что когда нам подсудимые говорят о конкретных сроках — о 1930 г., о 1931 г., и когда эти сроки совпадают с соответствующими утверждениями «Торгпрома» и его отдельных деятелей или с утверждениями близких к ним соответствующих финансовых и промышленных кругов, то это совпадение не может быть не учтено в качестве момента, подтверждающего абсолютную достоверность утверждений подсудимых.

Возьмем, наконец, «знаменитую» статью Рябушинского. Анализировать эту статью по существу — это большая потеря времени, но один момент с точки зрения вопроса о сроках стоит рассмотреть. Он пишет: «Вероятно, 500.000 человек и трех, четырех месяцев будет достаточно для окончания работы вчерне. Доколачивание отдельных коммунистических банд, конечно, займет еще некоторое время, но оно явится скорей полицейской, чем военной операцией». Слушайте, слушайте, гр-н Рамзин! Я потому так обратился к вам, гр-н Рамзин, для того, чтобы показать, наконец, вам, как ваш собеседник, с которым вы говорили о приемлемости вашей программы, думает по существу. «Вероятно, — говорит он, — через 5 лет удара не армии, а двух—трех дивизий хватит, чтобы уничтожить красный кошмар, и расходы будут сравнительно ничтожны — 10 миллионов фунтов вместо ста. Но за это время мировая, в частно-

сти европейская, экономика потеряет не менее двух миллиардов фунтов. Где же здесь деловой расчет?»

Таким образом к вопросу о сроках Рябушинский подходит с точки зрения делового расчета и, исходя из него, говорит, что всякая отсрочка интервенции, военного ниспровержения советской власти путем вторжения является неделовой, некоммерческой постановкой вопроса, и, исходя из этих коммерческих расчетов, — при чем он даже рассчитывает и проценты, — вот, исходя из этого коммерческого расчета, он ставит вопрос как об этом говорили обвиняемые, как об этом говорит Детердинг. «Затратив один миллиард рублей, человечество получит доход не менее чем в 5 миллиардов, т.-е. 500% годовых, и с перспективой дальнейшего возрастания прибыли ежегодно еще на 100—200%. Где найти дело лучше?» То, что он мастер находить «хорошие дела», это нам известно из сообщений, которые мы здесь слышали, и в этом отношении это его сообщение не может быть нами учтено иначе, чем как подтверждение сообщений обвиняемых.

Еще одно: подписи, которые мы имеем под декларацией «Торгпрома»: «Председатель Денисов и товарищи Любович, Лианозов, Третьяков, Нобель». Предусмотрительно подписи В. Рябушинского нет. Но даже независимо от этого имена, какие мы здесь слышали, это тоже имена — Лианозов, Нобель, Третьяков и Денисов, вплоть до Нозикова имена совпадают. Мы можем считать установленным с абсолютной точностью факт, что позиция «Торгпрома» есть позиция, во-первых, активно враждебная, во-вторых — позиция на интервенцию, в-третьих — позиция, связанная с самыми реакционными кругами царского генералитета, и в-четвертых — позиция, связанная с военными кругами Франции, и, наконец, позиция, связанная с крупнейшими финансовыми группами и с крупнейшими представителями промышленного капитала.

Когда Ларичев и Рамзин в своей вечерней беседе с Денисовым и Нобелем говорили о том, что вопросы финансирования интервенции шли по линии нефтяных кругов, т.-е. тех, которые наиболее заинтересованы в реализации интервенционистского плана с точки зрения захвата нефтяных источников, месторождений в Баку и Грозном, и упоминали там имя Детердинга, то подобное выступление Детердинга целиком подтверждает и это сообщение о финансировании им интервенции. Скажите: кем, как не непосредственно заинтересованным в захвате, возвращении или концессионировании на грабительских началах нефтяных месторождений, кем, как не группой Детердинга, с одной стороны, и Урквартом, с другой, мог быть поставлен вопрос так, как он был ими поставлен?

Мне известно, что с момента опубликования обвинительного заключения было помещено интервью в газетах, в которых эти господа всячески отгораживались от своих выступлений. Но откуда у Детердинга вообще такая забота, такая отеческая заботливость о русских студентах, о несчастных изгнанниках из этого жестокого СССР? Это все мелочи, но они создают тон и подтверждают основные утверждения о финансовой связи, о политической связи и о политической установке деятелей «Торгпрома» на интервенцию на определенный срок.

Есть еще один момент чрезвычайно характерный. Все — и Денисов, и Лианозов, и Нобель, и Третьяков — отрицают и то, что они имели связь с инженерной организацией, и то, что они организовали совместную работу с французским генеральным штабом, и то, что они получали денежную субсидию. Но почему они об этом заботятся, но не упоминают о свидании с Пуанкаре? Почему они забыли упомянуть об этом крупнейшем факте, имеющем политическое значение? Это так-таки простая забывчивость? Так не бывает. Почему? Это тоже ясно. Сказать: «Да, были у Пуанкаре» — нельзя, а сказать: «Нет, не были» — они тоже не могут, так как они, как люди деловые, знают, что если у них есть определенного рода договоренность и приняты той стороной определенного рода обязательства, то ведь такой публичный отказ — это есть документ, и такой, который будет всему свету оглашен, — это будет документ, на который можно будет ссылаться противной стороне, а в деловых вопросах так легко швыряться документами нельзя.

Это факт, который нельзя об'яснить простой забывчивостью. Но довольно о «Торгпроме».

10. Французские интервенционистские круги

Вторым фактором, на который опирались в своей вредительской работе Рамзин и другие, являлись военные круги Франции, определенные круги французского генерального штаба.

Позвольте при анализе этого момента прежде всего обратить внимание на следующее.

Если серьезно ставился вопрос о подготовке интервенции, то, спрашивается, кто из деятелей французских военных кругов конкретно более подходит к этой роли? Лица, которые практически имели уже дело с организацией интервенции, или лица, которые не имели? Лучше всего подходили к этой цели те из военных кругов, которые своими руками уже однажды делали грязное дело интервенции, хотя бы они и получили при этом по рукам.

Я имею в виду Жанена. Мы здесь приводили и приобщили к делу выдержки из его дневника. Почтенному генералу

надлежит помнить о том, что жизнь — это вообще чрезвычайно оригинальная вещь, склонная ко всяким неожиданностям, и что опубликование, хотя бы в заграничном журнале, мемуаров может впоследствии сыграть не ту службу, для которой они предназначались.

Жанен характеризует здесь, — мы это цитировали на судебном следствии,—то положение, в которое он попал во время первой интервенции, и вместе с тем он характеризует и то, что ему приходилось делать. Из его сообщения вытекает характеристика представителей белогвардейщины как сборища прохвостов, негодяев, проходимцев, мошенников и т. д., и т. д. Это не мои слова, а слова Жанена, но они целиком соответствуют действительности.

Но почтенный генерал был в этом обществе? Почтенный генерал имел с ними дело? Он пишет о том, что он должен был быть свидетелем, как топили заложников в Байкале, свидетелем полицейских зверств, невозможных зверств, на которые способна только озверелая белогвардейщина. Он дальше пишет о том, что у него остались даже некоторые угрызения совести за свою работу, но он утешает себя лишь тем, что английский генерал Нокс должен испытывать еще большие угрызения совести.

Из этой интересной исторической переписки нам важно установить только факт совпадения имен и то, что для дела подготовки интервенции, с точки зрения ее техники, интервенционистские круги сочли нужным поручить ее именно тем отдельным деятелям французских военных кругов, которые уже однажды непосредственно принимали участие в интервенции.

Но могла ли быть при деловой постановке вопроса об интервенции создана такая комиссия или она не должна была быть создана?

Если решался вопрос об об'единении вооруженных белогвардейских сил в лице Лукомского с соответствующими силами, которые могли предоставить в распоряжение интервенционистской армии другие государства, то подготовка техническая, в смысле плана и подготовки соответствующей материальной базы для этих сил, изыскание этой базы должны были иметь место, а создание такой комиссии при серьезной постановке дела должно быть логически неизбежным, необходимым следствием.

Но в какой степени у нас есть основание для того, чтобы отвергать реальную возможность существования такой комиссии?

В том же номере газеты, где имеется сообщение о банкете «Торгпрома», имеется следующая выдержка из статьи «Тогда война», помещенной в радикальной газете «Репюблик», которая в свою очередь цитирует помещенную в журнале «Evropen» статью крупного промышленника, депутата Фужера, принадлежащего к группе Тардье. Это сообщение Фужера относится к ноябрю этого года. Фужер заявляет там, что «только двух фактов, а именно «пропаганды Коминтерна» и «советского демпинга» достаточно для того, чтобы Лига наций держала СССР на расстоянии от себя». И спрашивает: «Будут ли ждать того, что гангрена распространится, вместо того, чтобы произвести нетрудную хирургическую операцию, которая сводится к изгнанию Советского союза из среды цивилизованных наций».

Эта цитата с призывом к хирургической операции со стороны лица, близкого к правящим кругам, является характерной, как доказательство того, что в определенной среде правящих кругов мысль и идея о хирургической операции, независимо от вопросов и «инициативы «Торгпрома», от вопросов деятельности ЦК «Промпартии», имеет место.

По этому поводу «Репюблик» выступает с возражением Фужеру, напоминая ему: «Что же касается «демпинга», то каждому известно, что демпинга не существует и что в основе этой большой кампании лежат деньги Детердинга и его компании и ничего больше». Что же касается «операции», то указывает, что «во всяком случае народные массы Франции не согласятся, чтобы на них надели ранцы и повели их завоевывать Москву». В этом мы целиком согласны с «Репюблик».

Но эта выдержка, характерная для определения настроений определенной части правящих сфер или близкой к правящим сферам французской буржуазии, характеризует степень реальности, достоверности утверждений обвиняемых относительно того, что со стороны этих кругов были и инициатива, и желание, и стремление контактировать с теми кругами «Торгпрома» и кругами, близкими к «Торгпрому», которые хотели и готовили интервенцию.

Можно привести и еще целый ряд фактов, характеризующих равным образом то, что такого рода настроения по подготовке интервенции отнюдь не являются только одними пустыми настроениями или разговорами.

В той статье, которую я сегодня специально приобщил, в выступлении тов. Берона во французской палате депутатов, состоявшемся на этих днях, мы имеем указания относительно того, что с 1928 г. французское правительство начало осуществлять план окружения Советского Союза.

Я цитирую так, как говорил тов. Берон, и поэтому вынужден цитировать точно:

«Начиная с 1928 г., — продолжает тов. Берон, — французское правительство начало осуществлять план окружения Со-

ветского Союза. Видные французские генералы, как Гуро, Лерон, Ниссель и друг., начинают изучать стратегические пункты окружения, посещают Индию, Польшу, Чехо-Словакию, Румынию и Югославию, а французский генеральный штаб приступает к реорганизации армий восточно-европейских французских вассалов. В 1928 и 1929 гг. французский министр авиации отправляет специальные миссии для реорганизации военной авиации этих стран. Ваши арсеналы, — указывает тов. Берон, — работают над вооружением восточно-европейских государств с помощью предоставленных вами же самими кредитов. Несомненно, по указанию французского правительства заключены были военные соглашения между Польшей, Румынией, прибалтийскими странами и Чехо-Словакией».

Продолжая свою речь, тов. Берон заявляет: «Мы считаем, что Пилсудский в Польше и его вероятный преемник, готовя войну против СССР, собирается изменить польскую конституцию с тем, чтобы предоставить президенту Польской республики право об'явить войну без предварительного обращения к сейму. Все эти военные приготовления активно поддерживаются и финансируются Францией. В самом деле, военные французские миссии руководят польской армией, а неоднократно отправлявшиеся в Польшу политические миссии поддерживают и укрепляют империалистические замыслы Польши и ее мнимое право на Советскую Украину. Все эти миссии направлялись в Польшу с одобрения и при полной поддержке правых и «левых» буржуазных партий, а равно и социалистов».

Возвращаясь к франко-советским отношениям, тов. Берон говорит:

«В течение многих недель и месяцев официозные французские газеты в связи со смехотворно провалившимся кутеповским делом вели клеветническую кампанию, возбуждая общественное мнение Франции против советского правительства. С весьма значительным запозданием и лишь будучи к тому вынуждены, французские официальные круги заявили, наконец, об отсутствии каких-либо доказательств причастности какого-либо иностранного государства к похищению или исчезновению ген. Кутепова. Эта кампания сопровождалась другой не менее нелепой кампанией против так называемого «советского демпинга». Я не буду останавливаться на этом вопросе, так как тов. Кашен совсем недавно с этой же трибуны расправился с этой новой клеветой против Советского Союза и не услышал в ответ ни с чьей стороны никаких возражений. Мы хотим, однако, констатировать, что французское правительство подкрепляет планы военного окружения СССР планом его экономического бойкота».

Далее тов. Берон указал: «Повторные парады вооруженных банд русских белогвардейцев в Париже имели место при официальной поддержке правительства. После первой вооруженной демонстрации белогвардейцев правительство ограничилось ничего не говорящим опровержением. Естественно, что белогвардейцы поспешили повторить свою наглую демонстрацию 11 ноября. А в последнее воскресенье, 30 ноября, 3.000 русских белогвардейцев снова дефилировали по улицам парижского пригорода. Французское правительство официально разрешает контрреволюционные демонстрации, направленные против страны, дипломатический представитель которой аккредитован в Париже. Ни одно империалистическое правительство не примирилось бы с подобной серией неслыханных провокаций»...

Мы можем из этих сообщений сделать вывод, во всяком случае один, за который можно ручаться полностью, — вывод о наличии в группе правящих сфер и кругах, близких к правящему слою французской буржуазии, определенного слоя, который вопрос интервенции ставит как вопрос практической политики.

А теперь по поводу других имен — Жуанвиля и Ришара. Могли выдумать эти имена подсудимые? Выдумать существование этих господ? Этак взять и высосать из пальца, описать заседание, в котором указать на то, что одновременно с этим присутствовали и другие лица — Денисов, Лукомский. В официальных опровержениях «Торгпрома» мы имеем лишь голое отрицание того, что они организовали совместную работу, и ни слова о конкретном факте заседания. Почему все это не опровергнуто? Почему они здесь не отмахнулись и не открестились? Не потому ли, что здесь идут вопросы более глубокой договоренности, от которых невыгодно так легко отмахнуться и отречься?

Нам могут указать другое, что эти заседания с Жуанвилем и Ришаром являются плодом досужего вымысла, потому что точных об'ективных признаков здесь этих заседаний не указано. Ну, а если бы мы указали — дальше что? Разве заинтересованные круги не выдумали бы очередного опровержения? Когда я вызывал подсудимых одного за другим и спрашивал, что они думают по поводу опровержения «Торгпрома», все они сказали, что это гнусная ложь. Если бы соответствующие деятели французских военных кругов — Жанен, Жуанвиль и Ришар — попробовали бы сюда явиться, мы могли бы тогда проделать с ними реально метод судебного доказательства, известный под названием очной ставки, и под перекрестным допросом мы посмотрели бы тогда на них и на то, как они бы открещивались.

Но у нас есть другого рода доказательства.

Соответствующая связь в Москве была реализована, соответствующая связь, которая нами именуется в обвинительном заключении как связь с агентами французской службы. Эта часть, о которой мы еще в дальнейшем будем говорить, — факт. Когда я перейду к этой части, я скажу относительно того, почему мы можем тут говорить четко и определенно уже о живых людях, а не о фикциях, и почему мы можем с определенной достоверностью говорить о реальности тех инициалов, под которыми эти лица здесь указаны.

Еще другой факт. На свидании с Жуанвилем и Ришаром был поставлен вопрос о создании военной организации, о диверсионных группах и о шпионской работе. Диверсионные группы существуют. Диверсионные группы — это точно живые люди. Это не один и не два человека. И эти люди говорят. Эти люди рассказывают о своих делах, о методах, об'ектах и задачах диверсионной работы.

А можем ли мы допустить такое предположение, чтобы ЦК «Промпартии» — эти конкретные обвиняемые — взялись за эту работу по подготовке диверсионных актов, взрывов и проч., непосредственно для этого вербуя людей и давая им определенные задания, вне связи с заблаговременной договоренностью с интервентами, вне связи с соответствующими деятелями, активными руководителями, инициаторами войны? Можем ли мы допустить, чтобы такого рода работа была производима ими на свой страх и риск без предварительного соглашения, без наличности точных и определенных сроков интервенции?

Кроме диверсионных групп, также стоит вопрос о военной организации. Они говорили с Лукомским, говорили с Р. и говорили, что нужно непосредственно связаться с Ришаром. Почему встал вопрос о военных кругах, о военной организации? Я говорил об этом, когда допрашивали Рамзина. Я говорил о четырех векселях, которые были даны Рамзиным, и о трех векселях, которые были выданы ему. Один вексель — «Торгпрома» — по подготовке хозяйственного кризиса, другой вексель — по шпионажу, третий вексель — по диверсиям и четвертый вексель — по военной организации, по установлению связи с военным командованием, с командными кругами Красной армии. Это — деловая работа, которая в первую голову интересовала военные круги. Эта работа — реальный факт. Я напомню только одно, что в результате нажима со стороны Р. было специальное заседание ЦК, в результате которого была создана комиссия из четырех лиц, в которую вошли: Калинников, Чарновский, Осадчий и Ларичев, которые распределили между собой задания по организации и установлению связи с командным составом по отдельным родам оружия, по отдельным секторам Красной армии. После этого мы слышали описание конкретных попыток такого рода работы. Мы слышали и чрезвычайно важное сообщение о специальной работе, которую по распоряжению Куприянова во исполнение общего задания исполнял инженер Обрезков, — по проникновению в мобилизационные отделы хлопчатобумажной промышленности, что, как я выяснил из допроса, частично было осуществлено. Инженер Обрезков — живое лицо. Инженер Обрезков в своих показаниях об этом говорит. Он говорит определенно о том, что и как он сделал и чего не успел сделать. Мне достаточно было на допросе Куприянова лишь подтвердить факт исполнения задания, я лишь немного приподнял во время допроса завесу над этой работой, упомянув о двух—трех моментах из тех мобилизационных заданий, которые были даны Обрезкову, не больше, но это была реальная работа, которую скинуть со счетов нельзя и которая бессмысленна, если она не опирается на соответствующие связи непосредственно **с теми, кто намерен руководить интервенцией.**

11. Установка гр. Пуанкаре

Еще более важными в этом случае являются вопросы относительно свидания с Пуанкаре. Мы имеем несколько сообщений об этом свидании: и через Коновалова — Ситнина, и через Карпова — Федотова; и через Ларичева — Рамзина. Я держу перед собой статью гр-на Пуанкаре, приобщенную к делу. «Я бы хотел, чтобы мне сказали — пишет Пуанкаре, — в каком таинственном зале русские заговорщики беседовали с моим двойником и на основании каких полномочий этот двойник дал им аудиенцию». Беседовали с ним в таинственном зале не Рамзин, не Ларичев, беседовали «торгпромцы». И в этом таинственном, а вероятно совсем не таинственном, а весьма освещенном зале беседовали эти лица и, передавши об этом Рамзину, Ларичеву и другим, «торгпромовцы» также в своем документе отрицания этого факта не сообщили. Ответить поэтому на вопрос, в каком таинственном зале это происходило, я, к сожалению, не могу, но ответить на вопрос, на основании каких полномочий гр. Пуанкаре дал рандеву, я могу и думаю, что ответ на этот вопрос ясен на основании всего анализа действительного положения и соотношения интересов мировой буржуазии, о которых я выше говорил. Если бы я спросил, на основании каких полномочий депутат Фужер на страницах печати призывает к производству хирургической операции над Советским Союзом, если бы я спросил его, на основании каких полномочий в данном случае он берет на себя смелость так официально выступать, — его ответ был бы совер-

шенно идентичен ответу, который мог бы быть дан на вопрос, на основании каких полномочий Пуанкаре давал аудиенцию Лианозову и другим. Обратитесь к вашему соратнику, гр. Пуанкаре, и от него получите соответствующий ответ. Не представляются трудными и ответы на остальные вопросы. Пуанкаре пишет: «Я желал бы прежде всего, чтобы мне сообщили мнимые планы французского генерального штаба и чтобы мне указали, где, когда и при каких условиях должно было произойти мнимое нападение». Это гр-н Пуанкаре спрашивает 3 декабря 1930 г. А вот 28 февраля 1930 г. в газете «Эксцельсиор» помещена другая статья гр-на Пуанкаре, где он сам отвечает на эти вопросы. Мы помним план интервенции. Он сводился в 1930 г. к началу пограничных инцидентов с Румынией.

В результате этих пограничных инцидентов с Румынией, на основании существующего соглашения, наступает конфликт, в результате этого конфликта втягиваются в вооруженное выступление лимитрофы и в дальнейшем наступает интервенция. Это — план 1930 г. по сообщению Рамзина и других.

А вот, что пишет Пуанкаре: «Пора закончить бесконечную лондонскую конференцию, где наше присутствие может привести к неприятным для нас неожиданностям. Пора приступить к проверке выполнения Германией условий, необходимых для ратификации нами плана Юнга. Но этим не исчерпываются серьезные проблемы, тяжесть разрешения которых ляжет на будущее правительство. В различных пунктах мира каждодневно возникают инциденты, которые могут оказаться чреватыми серьезными последствиями. Достаточно кинуть издалека взгляд на Бессарабию. В этой румынской провинции мы видим конфликты, возбуждаемые СССР с целью воспользоваться ими рано или поздно, как предлогом для новых интриг. Не трудно будет также увидеть кое-какие темные пятна на польских границах. Разве может Франция в подобный момент задерживаться на мелких внутренних раздорах? Нет, поистине, перед нами дела поважнее». Правильно, поважнее!

План 1930 г. должен развиваться с развитием пограничного инцидента на границе Румынии. Гражданин Пуанкаре, возьмите этот свой план из своей статьи от 28 февраля, где вы обращаете внимание на эту границу.

Интереснее всего дальнейшее сообщение в этой газете. Там сказано, что бухарестский корреспондент американской газеты «Чикаго трибюн» пишет, что «французский генеральный штаб совместно с польским обратился к Румынии с сигнализацией опасности советского нападения на Бессарабию и с советами принять соответствующие военные меры».

Вот факты, сообщенные не нами, сообщенные иностранной прессой, которые целиком совпадают и с планом интервенции, о котором говорили подсудимые, и с призывами, совпадающими по времени, отдельных депутатов а ля Фужер произвести «хирургическую операцию» над СССР.

Но мы имеем еще одно доказательство чрезвычайно интересного и важного характера. Я имею в виду напечатанную 30 октября сего года в газете «Эксцельсиор» статью Пуанкаре «Когти СССР». Эта статья напечатана до опубликования обвинительного заключения. Я прошу судей при рассмотрении всех обстоятельств дела обратить внимание на следующее обстоятельство: политический деятель крупного масштаба в **открытом политическом** выступлении, ибо эта статья является политическим выступлением, следующим образом трактует правительство нашей страны: «Нет сомнения, что каждый народ волен делать у себя, что ему угодно, и мы не могли бы иметь никакого суждения, чтобы заявить его публично по поводу методов и мероприятий, которые кажутся нам ужасно реакционными, если бы Советы не пытались развернуть и за пределами России своей зловредной деятельности».

И дальше: «Огюст Говен на этих днях разоблачал некоторые маневры Советов и резко называл московских людей фанатическими бандитами. Бандиты — это было бы пустяки, ибо если бы они были только бандитами, они могли бы рано или поздно раскаяться, и тогда для них было бы больше радости на небе и даже на земле, чем для праведников. Но фанатики — это неизлечимое зло, против которого нет иного средства, как преградить дорогу заразе. Что же касается этой заразы, то Советы делают все, что они могут, чтобы ее распространить, и в этих их попытках они находят содействие в виде соучастия или любезности, которые, к сожалению, не всегда могут предупредить разум и интерес»...

«Но фанатики, которые слепо ведут за собой толпы, очевидно, упорствуют в надежде, что мировой кризис, восстания в Азии, смуты, которые возникают на всех континентах и как будто приобретают всеобщий характер, помогут им вызвать мировую революцию, вне которой для них не видно спасения».

Так характеризует правительство Советов гр. Пуанкаре. И дальше идет призыв к об'единению для борьбы с нами:

«Больно констатировать, что нации вместо того, чтобы об'единиться для борьбы с опасностью, которая им угрожает, остаются разделенными перед наличием огромного заговора против их спокойствия. Мало того, некоторые нации стремятся найти в России средство, чтобы осуществить свои тайные стремления. Те нации, которые совершают такие неосторожные поступки, падут **первыми**

жертвами, но они неизбежно возлекут и остальное человечество в бездну, в которую они упадут».

И дальше: «Никогда советское государство не откажется от положения, которое оно приняло с первой минуты, а именно — необходимость и возможность социальной революции. Такая доктрина, если можно назвать доктриной это коллективное заблуждение, бесспорно исключает всякое искреннее участие в международном сообществе. Эта доктрина должна казаться всем другим правительствам опасностью, уберечься от которой они могут только путем всегда настороженной солидарности».

Кончает Пуанкаре следующим: «Быть может, это грустное зрелище, которое мы, дезориентированные и беспомощные, наблюдаем, кончится тем, что научит нас, что всякая политическая федерация государств, будь то европейская или всемирная, предполагает в качестве предпосылки экономические соглашения, и что в важной проблеме, которую обсуждала Лига наций, первый порядок в расположении фактов, выдвинутый Брианом, был правильный».

Имеется в виду известный проект пан-Европы, направленный против СССР.

Спрашивается, эта статья характеризует какую политическую позицию по отношению к СССР со стороны такого деятеля, каковым является Пуанкаре?

Является ли эта статья статьей, которую нужно назвать прямо, резко и четко статьей, направленной не против отдельных лиц и отдельных мероприятий, а направленной против Советского Союза в целом, против Страны советов в целом, призывающей все нации к об'единению для борьбы с этим злом, которое угрожает, по мнению Пуанкаре, поглотить все достижения культуры и цивилизации?

В обстановке такого отношения спрашивается, в какой степени достоверны, вероятны и правдоподобны активные шаги Пуанкаре по отношению к «Торгпрому» и в какой мере и в какой степени определяются этими связями надежды белогвардейщины на то, что планы, которые они строят, действительно могут и будут реализованы.

Я позволю себе в этой части закончить следующей цитатой из той же последней статьи Пуанкаре. Он пишет так: «Но довольно шуток. Хватит. Оставим мир безумия и возвратимся на землю, на которой мы находимся».

Да. Довольно шуток. Шуток, когда готовятся взрывать наши военные заводы! Шуток, когда заключают ответственные соглашения с агентами французской службы о диверсионных актах и военно-шпионских заданиях! Шуток, когда идет вопрос о вооруженном препятствии социалистическому строительству в той мирной обстановке, в которой мы хотели строить, строили и хотим продолжать строить. Это не шутки. Тут не до шуток. И поэтому характеристика всего того, что здесь происходит, как шутка, — это только очень неловкий, несерьезный полемический прием, который может быть об'яснен только тем, что такой «авторитет», как Пуанкаре, видимо считает со своего недосягаемого величия, что логика для него не обязательна точно так же, как не обязательна она и для читателей его статей.

Но логика — есть логика. Показания подсудимых — есть показания подсудимых. Факт определенных агрессивных настроений и агрессивной политики Пуанкаре — тоже реальный факт. И с точки зрения судебного доказательства эта статья должна быть учтена как показатель полной достоверности того сообщения, которое сделали подсудимые о непосредственных связях их заграничных хозяев с отдельными правящими кругами Франции, в частности с Пуанкаре.

Господин Пуанкаре заканчивает: «Вернемся на грешную землю».

Я следую его совету — вернемся к конкретному определению индивидуальной вины каждого из обвиняемых с точки зрения исполнения тех заданий, которые они получили от «Торгпрома» и военных и правящих кругов французской буржуазии.

Председатель: Позвольте на этом сделать перерыв.

Об'является перерыв до 11 часов утра 5 декабря.

---

5 декабря

Утреннее заседание

Председатель. Заседание Специального присутствия возобнавляется.

Продолжаются прения сторон. Слово имеет тов. Крыленко.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РЕЧИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ

12. Преступная работа ЦК «Промпартии» по подготовке хозяйственного кризиса и интервенции

Я должен перейти к вопросам внутренней работы так называемой «Промпартии» в лице ее центрального комитета, направленной к осуществлению тех задач и целей вредительского характера, которые были обусловлены на октябрьском совещании в Париже в 1928 г.

Я не могу однако не отметить подтверждения характеристики процесса и обстановки, в которой он протекает, новыми сведениями и данными, которые принес сегодняшний телеграф.

Я отмечу только два факта из этих сообщений, которые говорят о заинтересованности в этом процессе кругов, которые, казалось бы, прямого отношения к процессу не имеют, и вместе с тем приведу содержание этих сообщений, ибо оно тоже является чрезвычайно характерным.

Я имею в виду сообщение в «Матен» относительно методов воздействия, которые употреблялись ГПУ: по сведениям «Матен», в отношении Рамзина в частности — будто бы его признания вызваны своеобразным методом попеременной его постановки то в жар, то в холод. По сведениям «Матен», именно этот метод оказался наиболее действительным для получения соответствующих показаний.

Должен отметить беспокойство «святого отца», вернее прессы, выражающей его настроения. При рассмотрении вопроса о том, кому надлежит больше верить — здесь присутствующим и признающимся обвиняемым или почтенным деятелям а ля Пуанкаре, — пресса Ватикана указывает, что вторые для нее более заслуживают доверия, при чем выражает удивление по поводу того, что признания обвиняемых носят такой чистосердечный характер. Видимо, «святые отцы» полагают, что их время еще не прошло, и что монополия получать чистосердечные признания отныне и присно и во веки остается только за ними.

Эти два сообщения я упомяну вместе с чрезвычайно интересным третьим сообщением о том, что сэр Генри Детердинг также заговорил еще раз и равным образом заявляет, что он никогда не слышал ничего об интервенции, хотя «пристально следил за внутренними делами СССР». Сопоставление этих заявлений вместе с теми документами, которые оглашались, в равной мере характеризует, с каким доверием можно относиться к этого рода свидетельским показаниям прямо заинтересованных лиц.

Я привел эти данные лишь постольку, поскольку они подтверждают общую характеристику той чрезвычайной, особой, исключительной обстановки, в которой протекает настоящий процесс, что обязывает нас, в частности государственное обвинение, быть и в своих формулировках возможно более точным и в своих утверждениях возможно более доказательным.

При переходе к вопросам внутренней работы ЦК «Промпартии» позвольте напомнить прежде всего о тех основных задачах или установках, о которых было договорено в Париже. Это установки двоякого рода: вексель, выданный «Торгпрому», и вексель, выданный военным кругам. О втором я буду говорить позднее, сейчас поговорим о векселе, выданном «Торгпрому».

Шел вопрос о совершенно новой постановке вредительской работы, которая бы направлялась к созданию кризисов в различных отраслях промышленности

с направлением удара на 1930 г. Вот что конкретно было обусловлено в Париже в 1928 г. на совещании «Торгпрома». Основные отрасли промышленности, на которые должны были быть направлены усилия, — это топливо, хотя после провала шахтинской группы в этом отношении имелся целый ряд трудностей, в соответствии с чем предпочтение было оказано в качестве об'екта металлу, затем транспорт, энергетика и текстиль.

Эти отрасли были наиболее полно представлены в ЦК «Промпартии». Товарищи судьи помнят, что персональный состав ЦК «Промпартии» представлял собой не только лиц, подобранных со специальной целью, как наиболее способных для конспиративной контрреволюционной работы, но и как лиц, по служебному своему положению связанных с отдельными отраслями промышленности: топливо было представлено в лице Ларичева, энергетика — в лице Рамзина, текстиль — в лице Федотова, металл — в лице Чарновского и «все остальное» — в лице Калинникова.

Так был построен ЦК и таким образом он руководил вредительской работой.

Когда на судебном следствии разбирались вопросы этой части работы, для многих и многих вероятно из присутствующих, за исключением, конечно, судей, казалась скучной и до известной степени может быть ненужной та мелочность, с которой мы старались входить в отдельные обстоятельства и положения тех или иных отраслей промышленности, и разбираться, казалось бы, в специальных вопросах, например, относительно порядка наилучшего снабжения электроэнергией Донбасса, или в вопросе наиболее целесообразных методов организации железнодорожного транспорта в смысле максимума или минимума средней нагрузки на ось товарного вагона, или когда рассматривали вопрос о преимуществах в текстильной промышленности английских или американских машин.

Это было сделано специально для того, чтобы показать на деле, реально, при рассмотрении отдельных об'ектов, конкретные методы вредительской работы и конкретные результаты этой работы.

Возьмем основной вопрос, вопрос о топливе, прежде всего с точки зрения правильности расчета и назначения топливного кризиса в случае интервенции. Говорить о роли транспорта вообще и в целом не приходится. Надо говорить здесь конкретно. Надо говорить уже об определенных, точных во времени и пространстве расположенных источниках топливной энергии и говорить точно о методах соответствующего использования их во вредительских целях.

Я попрошу товарищей судей вспомнить об общем расположении этих топливных источников: Донбасс — в качестве основной топливной базы, Подмосковный бассейн, непосредственно расположенный территориально в основных или около основных центров наших крупнейших отраслей промышленности, затем Кузбасс, — эта, по выражению подсудимых, жемчужина Советского Союза, — по запасу своего источника являющийся вторым в мире сосредоточением богатейших запасов минерального топлива. Таковы были те об'екты, на которые была направлена вредительская работа.

Что мы здесь имеем? Возьмем Донбасс, т.-е. возьмем отрасль промышленности, которая в шахтинском процессе являлась главным об'ектом следствия. Что мы здесь слышали и что мы здесь вынуждены были признать и вынуждены были констатировать? Несмотря на то, что секрет шахтинской проблемы был раскрыт на шахтинском процессе, несмотря на то, что после шахтинского процесса в специальной правительственной комиссии ставили вопрос о пересмотре отдельных программ, проектов отдельных крупных шахт, таких шахт, как шахта Скачинского, как шахта «Новая», где работали вредители, — мы к настоящему моменту имеем ту же задержку в развитии этого крупного шахтного строительства и неисполнение в полной мере тех проектировок и тех программных требований, которые были поставлены. И это не потому, что там вредительская организация работала непосредственно на месте (хотя у нас нет гарантии в том, что полностью выкорчеваны корни вредительства из угольной промышленности), но потому, что поскольку планирующая головка была в руках вредительской организации, поскольку аппарат непосредственно направляющий, проектирующий был в руках вредительской организации, постольку та же работа продолжалась путем внешне совершенно незаметного саботажа, систематичной бюрократической волокиты, временной задержки, неспускания вниз соответствующих директив и благодаря отсутствию четкого, постоянного контроля исполнения.

В частности я спрашивал их специально относительно шахты Скачинского. О ней мы в свое время очень много спорили. Оказалось, что систематическая задержка разработки богатейшего месторождения антрацита равным образом до сих пор проводится и до сих пор в полной мере не дает эта шахта той добычи, которую должна давать, которая проектировалась.

А спор о железнодорожных магистралях? Если бы во время интервенции удалось перервать железнодорожную магистраль, соединяющую центры нашей промышленной жизни, Москву с Донбассом, то мы имели бы перерыв

основной артерии, снабжающей топливом основные наши промышленные центры, что при отсутствии соответствующей постановки дела по организации добычи топлива в других местах с об'ективной неизбежностью влекло за собой топливную катастрофу. Затрудненное положение с топливом, которое мы испытываем за последние годы, — факт, мы его отрицать не можем. Другой вопрос, что это затрудненное положение с топливом вызывается и тем бурным ростом промышленности, который мы имеем в связи с общим увеличением темпов индустриализации страны, с большими потребностями и требованиями, которые пред'являет наша промышленность. Но тем не менее то, что мы здесь слышали, иначе поставить вопрос о положении с топливоснабжением, в частности по отношению к Донбассу, не позволяет. Это остается непреложным фактом.

Подмосковный бассейн явится основной топливной базой мобилизационного характера как ближайший бассейн для снабжения топливом Центр.-Промышл. района. Мы здесь приобщили ряд документов. В этих документах отражены споры, конечно фиктивные, имевшие место во вредительской среде и на страницах печати по вопросу относительно того, должно или не должно развивать Подмосковный бассейн. В результате Подмосковный бассейн не развит в той мере, как мог бы быть. Это тоже факт.

Кузбасс. Здесь также стоит вопрос о железнодорожной магистрали, соединяющей Кузбасс с нашими промышленными центрами центральных областей СССР, — выдержит ли существующая железнодорожная магистраль то напряжение, которое с об'ективной неизбежностью наступит вследствие усиленной разработки Кузбасса? И, накоонец, сами непосредственные разработки на Кузбассе, соответствуют ли они тем заданиям и тем задачам, которые стоят? Так стоит вопрос. Я вчера цитировал соответствующие цифры пятилетки, указывая на то, что пятилетка по Кузбассу и по Подмосковному бассейну была специально преуменьшена вредителями, эти цифры я уже приводил и возвращаться к ним не буду, но задержка Кузбасса и задержка подмосковного угля остается. Как раз вчера вечером я просматривал подробную статью гр-на Рамзина, посвященную специально вопросам топлива. Я не имел возможности раньше ее достать и не имел возможности приобщить ее к делу, но основные вопросы, трактовка там целиком соответствует тому, о чем мы здесь говорили. Основной вопрос о том, должно ли развивать дальнее привозное топливо или должно соответственно форсировать Подмосковный район или Кузбасс, — этот вопрос освещен там именно таким вредительским образом.

Я думаю, что эти основные факты: затрудненное положение с топливом, неразрешение до сих пор шахтной проблемы — крупного шахтного строительства в Донбассе, недостаточная разработка вопросов развития подмосковного угля, задержка вопроса об усилении магистрали железнодорожной связи Кузбасса, непостановка на должную высоту вопроса о самом Кузбассе, по крайней мере по тем проектировкам, которые намечались вредителями, — все это безусловно является тем, что доказывает, что в этой области вредители реально приложили свою руку, чтобы на деле оправдать получение тех сумм, о которых они говорили.

В целом ряде областей мы исправили однако работу вредителей.

Вот примеры: возьмем Кузбасс. Сначала было запроектировано шесть миллионов тонн угля, а сейчас запроектировано 19 миллионов тонн. Но по последней наметке пятилетки пришлось увеличить в три раза то, что было запроектировано вредителями и не только запроектировано, но и проведено. Подмосковного угля было запроектировано 4 млн. тонн, а теперешняя наметка — 10 млн. тонн, т.-е. в 2½ раза больше. Но это не изменяет факта вредительской работы.

Вот реальная работа вредителей, за которую получено полтора млн. рублей, направленная на подготовку топливной катастрофы в соответствующий момент военной интервенции. Ведь даже по Донбассу было намечено сначала 50 млн. тонн, в то время как теперешняя наметка — 75 млн. тонн.

Торф. Я приобщил статью, касающуюся торфа, статью, которая доказывает, как этот источник топлива систематически держался в загоне, на втором плане, что в вопросе топливного снабжения торф оттирался вредителями. Более подробные цифры можно найти в этой статье. Основные я напомню. Первоначальной цифрой по торфу являлась цифра в 15 млн. тонн, а теперешняя — 33 млн. тонн, т.-е. увеличение больше чем в два раза.

Остановлюсь теперь на вопросе вредительства в Донбассе с помощью неправильного разрешения проблемы энергоснабжения. Когда в газете «За индустриализацию» появляются статьи, озаглавленные «Снимите петлю с Донбасса», когда появляются статьи, характеризующие то, что Донбасс задыхается и что вопрос о развитии энергоснабжения должен быть поставлен немедленно, — это уже характеризует положение. Тем более, что, казалось бы, это такая ясная проблема, что Донбасс должен быть обеспечен самостоятельным источником энергии, что против решения такого ясного вопроса бороться трудно. Однако вредителями был придуман тогда новый подход. Откуда взять энергию, строить ли или расширить налич-

ные электростанции, или взять энергию из Днепростроя путем соответствующей передачи с Днепростроя, когда он будет построен? Так поставили они вопрос и решили, мотивируя расчетом на этот богатейший источник энергии, тормозить электростроительство в Донбассе, не вкладывать туда деньги, практически не приступать к развитию энергоснабжения в Донбассе. Вот вам «научного характера» проблема, по поводу которой начали скрипеть перья вредителей. В ответ на требования одних — контраргументы других, ответные статьи с этой стороны, новые ответы отсюда, а пока... пока ничего. А пока Донбасс и те станции, которые специально должны были разрабатывать и разрешить проблему энергии Донбасса, специально задерживались постройкой, при чем мы уже слышали, как они проводили эту задержку.

Из этой области я возьму только один пример с мельницами «Резолютор» из энергоснабжения Москвы на подмосковном угле. Я не знаю, как назвать этот метод, поражающий своим цинизмом. Закупив за границей мельницы, о которых известно, что при данном химическом составе подмосковного угля, при наличии в нем колчедана, эти мельницы каждую неделю будут останавливаться и требовать ремонта! Я спрашивал — это вредительство очень заметно или не очень заметно? Мне ответили, что оно для более или менее сведущего человека достаточно заметно, для техника, непосредственно не знающего основного вопроса строения угля, это менее заметно. Может быть так, может быть иначе, но факт остается фактом. Были куплены заведомо мельницы, которые должны останавливаться каждую неделю, чтобы идти в ремонт, специально для того, чтобы создавать неприятные казусы для населения в виде выключения энергии под предлогом поломки, казусы, которые нервируют население.

Этот пример из другой области характеризует, говорю, цинизм вредителей. В области же постройки больших станций они совершенно распоясывались.

Во всяком случае в области энергоснабжения по отношению к Донбассу налицо также затрудненное положение. Добавьте к этому создание специальной группы из конкретных, живых, нам известных людей, точно рассказывающих о заданиях, полученных ими по диверсионным актам, по взрывам технических сооружений Донбасса, и вы получите картину того, насколько реальна опасность и насколько отвечают действительности слова обвиняемых о том, что ими делалось для подготовки топливного кризиса и остановки всего топливоснабжения во время интервенции.

Так обстоит дело в области топливоснабжения. Мы не впадаем впрочем от этого в уныние.

Мы здесь говорили относительно нефти, в частности говорили о максимальных темпах, которые были приняты совластью к концу 1929 г., говорили и о том, как на этот раз не путем минималистских, а путем максималистских темпов хотели вредить вредители.

Передо мной лежит сообщение т. Куйбышева по поводу итогов двух лет пятилетки от 4 декабря, т.-е. от вчерашнего дня этого года.

Я возьму отсюда цифры для того, чтобы показать, что в этом отношении вредители все же просчитались, оказались битыми. Вы помните здесь спор специально по вопросу нефтяной промышленности: являются или не являются реальными те 42 млн. тонн добычи нефти, которые запроектированы.

Вот справка тов. Куйбышева: «Добыча нефти превзошла задания пятилетнего плана на 1929—30 г. на 17,1%, по электротехнической промышленности продукция превысила проектировки пятилетнего плана на 39%; выплавка стали превысила пятилетку на 6,7%; прокатка — на 12%».

Я потом вернусь к другим отраслям производства, пока остановлюсь на вопросах нефти и электроснабжения.

Что это значит? Вредители просчитались в одном. Они не отрицали тут, когда я задавал вопрос, об'ективную возможность исполнения этого плана максималистского, вредительского, по их словам, плана; они спорили тут и говорили, что для этого нужно исключительное напряжение сил, такое, которое они считали об'ективно невозможным. А вот реальные цифры, а вот—реальная жизнь. Вредители просчитались в одном. Они не учли одного обстоятельства: того, что мы живем в Советском Союзе, и того, что у власти стоит рабочий класс, и того, что рабочий класс считает социалистическое строительство своим делом, а когда считает своим делом, то и делает, как свое дело, а не как «хозяйское» дело.

С большим напряжением, с гигантскими трудностями, в условиях вредительства, в условиях неподготовленности пятилетний план в том вопросе, где вы говорили о нереальности, перевыполнен. Пятилетний план не только выполняется, но перевыполняется. Вы этого обстоятельства не учли, но мы его учли, мы его знали, и поэтому даже при недостаточности подготовительных работ, — за счет активности рабочих масс, путем встречных промфинпланов, шедших снизу, непосредственно из низов рабочего класса, — мы сумели выполнить и перевыполним это задание.

Это ни в малой степени не изменяет, однако, факта напряженности нашего топливного баланса и по нефти. Это ни в малой степени не изменяет факта недостаточности, неразрешенности проблемы электроснабжения Донбасса. Это ни в ма-

лой степени не изменяет факта недостаточности энергоснабжения и МОГЭС, и Электротока, и Кизела, и других основных наших энергетических пунктов. То, что рабочий класс путем энергии снизу, путем напряжения своей самодеятельности, своей активности побил и перекрыл вредительские планы, побил и перекрыл карты вредителей, — это ни в малой степени не смягчает факта доказанности вредительской работы, за которую, независимо от этого перекрытия встречным планом, должны понести ответственность вредители.

Так обстоит дело с углем, так обстоит дело с энергетикой. Как же обстоит теперь дело с металлом, как обстоит дело с транспортом и с текстилем? Те сведения, которые мы здесь имеем о металле, говорят, что металл у нас также является узким местом. Это мы знаем, это является фактом, которого мы не скрываем, в общем балансе нашего народного хозяйства. Те цифры, которые приводились обвиняемыми о том, что в отдельных случаях мы имели кризис или дефицит металла, выражающийся в цифре минус 37%, остаются равным образом фактом, который мы отнюдь не склонны ни преуменьшать, ни отрицать. Мы об этом знаем. Мы об'ясняем это, об'ясняли до сих пор бурными темпами роста нашей промышленности, требованиями на металл различных сортов для построения тяжелой индустрии в основных отраслях производства. Мы не знали в точной мере о вредительской работе, хотя в показаниях Хренникова и других арестованных и сознавшихся вредителей мы имели уже данные для того, чтобы судить о возможных следствиях этой вредительской работы.

Однако то, что мы здесь слышали о том, что на металл был специальный нажим с октября 1928 г. и что вредительство шло по всем линиям — и по вопросам паровозостроения, и по вопросам судостроения, и по вопросам цистерностроения, и по вопросам станкостроения, и по вопросам непосредственной заготовки металлического сырья — такие точные подробности нам не были известны.

Что же мы имеем здесь в смысле реальных результатов вредительской работы? Трудное положение с металлом является фактом, о котором мы знаем и которого не скрываем.

Так же обстоит дело с транспортом. Трудности тут у нас громадные.

В том заседании, о котором мы говорили на судебном следствии, Красовский наметил основные линии по НКПС, сводящиеся к ухудшенному использованию состава и в частности паровозов, к задержке развития паровозостроения и к задержке вагоностроения. Это было в начале 1928 г., с тех пор эта работа с помощью других деятелей, его преемников, продолжалась. К счастью, и тут мы сумели многое исправить уже.

Вот цифры в области металла и в области транспорта: по тяжелой индустрии вместо задания пятилетки в 12.476.000.000 р. за эти два года выполнено на 13 миллиардов 764 млн. р.; по отдельным отраслям тяжелой индустрии оказалось, что вместо 28 млн. тонн выполнено 30,6 млн. тонн; по стали вместо 9,9 млн. тонн мы имеем 10,2 млн. тонн; по прокату вместо 7,6 млн. тонн — 8,3 млн. тонн. А в общем и целом прирост валовой продукции за 1929 г. составил 25%, превысив проектировку пятилетнего плана на 5% против проектировки пятилетнего плана. По железнодорожному транспорту: грузооборот железнодорожного транспорта в 1930 г. превысил на ⅕ предшествующий год и на 25,6% проектировку пятилетнего плана для второго года. Пассажирское движение: проектировка пятилетнего плана намечала перевезти 455 млн., а перевезено 508 млн., намечался пробег 35 миллиардов, а мы имеем 47,4 миллиарда пассажиро-километров. Вот реальная цифра. Реальные данные, характеризующие и тут, чем ответил рабочий класс на вредительство и что конкретно удалось сделать, как удалось перекрыть вредительский план. Но это опять-таки ни в малейшей степени не уменьшает значения того факта, что в области металлоснабжения, в области заготовки сырья мы преодолеваем трудности с большим напряжением, что были попытки вредительства путем построения максимальных планов, которые, по мнению вредителей, были об'ективно невозможны для исполнения, — все это было. И, наконец, и теперь налицо затруднение также с металлом, перегрузка транспорта, недостаточность энергоснабжения, затрудненное состояние по вопросам топлива, — это факты, это узкие места, с которыми приходится нам считаться при подведении баланса нашего хозяйства.

И, конечно, ясно, что в случае интервенции, в случае военных действий опасность этого напряженного положения возрастет и скажутся и слабость нашего транспорта, и его недостаточная мощность, и напряженное положение с транспортом и металлом. И в этом отношении у вредителей есть то, что они могут пред'явить.

Я перейду к вопросу, на котором нужно специально остановиться, — о вредительстве на железных дорогах. Вредительство на железных дорогах в пограничной полосе. Оно уже имело место в 1928 г. Это показал Красовский.

Я просил судей констатировать, что на соответствующих страницах приобщенного тома имеются показания инженеров, непосредственно работавших на пограничных железных дорогах. Эти показания были судьями удостоверены, и из них я возьму маленькие выдержки

показаний живых лиц, своими руками проделывавших эту работу.

«Полозов. По Московско-Белорусско-Балтийской ж. д. технический персонал сознательно занимался вопросом срыва мобилизационной подготовки дороги для мобилизационного периода и для последующего периода военных перевозок. Не принято никаких подготовительных мер. Вместе с тем мне была дана директива, в частности Красовским, специально ослабить паровозный парк».

... «даны директивы оттягивать проведение верхнего строения пути, мостов и искусственных сооружений в соответствии с прохождением паровозов мощных серий...» В результате дороги не были готовы для обслуживания военных требований.

Мокршицкий, по Октябрьской ж. д., показывает: «Мобилизационный план был задержан окончанием составления с допущением в нем неясностей; 2) в него не было внесено полных определенных данных о порядке работы железных дорог во время развития военных действий, не указаны размеры ожидавшихся перевозок после начала военных действий, т.-е. после конца собственно мобилизационного движения; 3) не был разработан вопрос о ремонте подвижного состава прифронтовых ж. д., неизбежно затрудняющий их и проявляющийся в увеличенном против нормального количестве; 4) не развиты вопросы мобплана о действиях железных дорог при продвижении фронта вперед или назад за пределами, определяемыми действующим мобпланом, т.-е. сопряженные с линией фронта и т. п. Мобилизационные работы на дорогах, с целью усиления их, представлялись во многих случаях значительными и требовавшими спешности в их выполнении, а следовательно, и энергичного содействия НКПС в этом направлении. Однако, и в этом деле, под давлением вредительских задач, такое содействие не осуществлялось, а утверждение проектов встречало тормозы. Членами организации Бенешевичем и Красовским мне было поручено ослабить паровозный парк Октябрьской ж. д., не обращая должного внимания на производимый ремонт паровозов. Также поручалось ослабить производимый на Пролетарском заводе капитальный ремонт паровозов для прифронтовых дорог».

Третий, по Северо-Западной жел. дороге, Дисковский показывает: «Красовский говорил о необходимости ослабить паровозный парк на Сев.-Западных ж. д., о ненужности никаких специальных работ для усиления моб. готовности; он советовал составлять с преувеличением сметных стоимостей и не стесняться перерасходами. Он рекомендовал задерживать составление моб. планов в части, касающейся тяги, и не останавливаться перед необходимостью повторной разработки одного и того же плана. Он требовал не поднимать вопросов о снабжении дороги мощными паровозами, а также и паровозами одной серии, и довольствоваться тем, что он будет назначать; при расчете потребности паровозов Красовский предлагал вводить повышенный пробег паровозов, чем коэффициент потребности преуменьшался, и расчеты становились нереальными».

Вот вам живые люди, которые конкретным образом точно и ясно показывают об этой работе. Об этого рода работе, вы слышали, гр-н Рамзин не показал здесь подробно «за недостатком времени». Времени он имел достаточно. Характерно отметить, что работа эта направлялась уже в то время, в 1928 г., совершенно определенным образом, по определенной линии со специальной задачей подготовки интервенции, и то, что мы сейчас успели за эти два года сделать в этом отношении, оно представляет собою сумму энергии, затраченной на поправку, а не затраченной в порядке производительного вложения нашей энергии для нового развития нашего транспорта и повышения обороноспособности нашей страны.

Я остановлюсь специально еще на вопросах текстиля и на вопросах ирригационных работ. Это важно отметить, поскольку здесь шли споры о текстиле и о методах вредительства текстильной промышленности и поскольку почти половина подсудимых или по крайней мере одна треть в лице 3 человек непосредственно связана с текстилем. Метод вредительства здесь был несколько иного порядка. Он состоял в том, чтобы создать кризис к 1930 г. путем несоответствия запасов сырья оборудованию, вернее — заставить фабрики стоять без сырья. Соответствующие урожаи хлопка проектировались в таких цифрах, которые бы исключали возможность реального их выполнения, и в связи с этим вкладывались капиталовложения в строительство новых фабрик, в оборудование этих новых фабрик, с тем, чтобы заставить эти капиталовложения вкладывать впустую. Были ли у нас факты за истекшие два года простоя текстильных фабрик? Были. Были ли у нас факты реализации в определенной части этого вредительского плана? Были.

Это подтверждает и т. Куйбышев, который, характеризуя положение с легкой промышленностью и приводя цифры того, что сделано в этой области, сам указывает, что в данном случае лимитирующим началом является сырье, что сильно сказывается на темпах развития легкой промышленности. Таким образом в области текстиля мы имеем прямые факты частичного достижения тех целей, которые ставили себе вредители.

Но не в этом только было вредительство. Одним из наиболее хитро задуманных методов является вредительство двоякого рода: во-первых, вредительство, направленное на постройку фабрик с нерациональной затратой капитала, и, во-вторых, вредительство, направленное на сохранение на этих фабриках оборудования, не соответствующего интересам производства.

Во время судебного следствия мы спорили с гр. Федотовым, нужно или не нужно переходить в наших условиях на американские машины или надо сохранять английские машины. В печати также отразились эти споры в виде статей, подписанных солидарно Федотовым и Державиным.

Возьмем постановку этого вопроса так, как его ставил Федотов в споре, когда не были еще обнаружены основные обстоятельства, определившие спор. Федотов говорит там: «надо перенимать умом, не все то, что хорошо в Америке, хорошо у нас». Возможно. В Америке, говорит он, имеется такое положение вещей: капитал дешев, а рабочая сила дорога. У нас же наоборот — рабочая сила дешевая, капитал — дорогой. Американские машины могут быть рациональными только тогда, когда наше положение вещей будет соответствовать положению вещей в Америке, т.-е. будет дороговизна рабочей силы и дешевизна капитала. А так как по научному убеждению Федотова у нас рабочая сила будет всегда дешева, отсюда вытекает, что нам нерационально и нецелесообразно вводить американские машины. В примечаниях к этой статье Федотова редакция указывает на явную реакционность такой точки зрения Федотова, на совершенно иную политику в Советском Союзе, что такая постановка может быть вожделением капиталиста-хозяйчика, но это не есть постановка Советского Союза в государственном масштабе, не есть постановка, которая характеризует политику зарплаты в пролетарском государстве.

Так стоял вопрос с точки зрения научной аргументации Федотова. А по существу? По существу дело оказалось гораздо проще. Американские машины — американскими машинами, а английские машины Федотов сохранял в СССР в нашей текстильной промышленности по двум соображениям: во-первых, потому, что общий уровень текстильной промышленности таким образом удержится на низкой технической базе. И второе соображение: за английские машины платится куртаж и поэтому наука и научная аргументация высокого ученого текстильщика профессора Федотова должна итти на службу английского капитала. Все на службу соответствующим интересам определенных капиталистических кругов, заинтересованных, как говорил свид. Кирпотенко, в сохранении нашей зависимости от иностранного капитала и в импорте соответствующих английских машин. Так просто открывался ларчик этого научного спора. Так по существу просто, житейски просто и житейски пошло разрешались эти высоко-научные споры о пригодности или непригодности того или иного типа машин для текстильной промышленности! И так житейски-пошло котировались на бирже английских капиталистов научный авторитет и научные знания проф. Федотова.

Я останавливаюсь на этом инциденте не только с точки зрения его житейской пошлости. Я должен остановиться, в частности, и на методах борьбы с противниками, допущенных соратником Федотова — Державиным. Сам вредитель, он обличал своих противников во вредительстве, сам вредитель Державин в печати, нашей советской печати, писал о том, что: «Есть люди, которые стремятся перевести нашу текстильную промышленность на высокую базу. Это либо «энтузиасты-дилетанты», «либо вредители». Это пишет вредитель, кивая на Петра, что вредители не тут, а там. Это уже не пошло. Правда, обычные требования этики по отношению к вредителям неприменимы, но во всяком случае они имеют значение не для вредителей. — Это уже не пошло, а подло, гнусно подло, до омерзения подло!

Но это был метод, который практиковал не только один Державин. Мы имеем в споре по вопросу об электроснабжении Донбасса статьи вредителя Горева, который также пишет о том, что истинные виновники, мол, не тут, истинные виновники что-то прикрывают своей полемикой, прикрывают из других соображений. Так вредители использовали и этот метод и этот аргумент для проведения своих вредительских планов.

Это в области текстиля. Но текстильная промышленность, имевшая в своей среде крепко сплоченную группу вредителей, применяла и другие методы, о которых равным образом здесь мы слышали. Возьмем спор относительно фабрик-дворцов, строить ли дворцы-фабрики для рабочих или же строить старые коробки. Старые коробки в текстильной промышленности оставлять мы не хотим. Мы прекрасно знаем, что в старых текстильных фабриках в дореволюционное время текстильщики-рабочие в отношении санитарных условий и гигиены труда находились в очень тяжелых условиях. Одна из задач, которую ставит советская власть и которую не может не ставить пролетарское государство, заключается в том, чтобы поставить рабочего в соответствующие нормальные условия работы. И здесь начинается интересный спор: вредители из ВСНХ спорят с вредителями из Наркомтруда. Вредители в Наркомтруде в лице Сироцинского, Кудрявцева и дру-

гих выносят обязательное постановление о девятиметровой высоте фабрик, вредители из ВСНХ спорят с вредителями Наркомтруда, что это невозможно, что даже 5—6 метров много... И, наконец, решили: давайте помиримся на пяти с половиной, при чем заведомо было известно, что соответствующими, отвечающими нормам и требованиям гигиены являются 4,2 метра.

Интереснее всего тут то, что вредители спорили сознательно, зная о том, что спорящий перед ним тоже вредитель. Один говорит, что это «канатчиковский проект», что только сумасшедший может представить такой проект, а другие, споря против этого проекта, быть может, тут же, в кулуарах, выйдя в коридор из заседания покурить, встречались со спорщиком и, как авгуры, улыбались друг другу и говорили: ну что-ж, на чем мы помиримся в конце концов — на какой цифре, чтобы окончательно придать приличный вид вредительству и тем содействовать окончательному проведению согласованного вредительского проекта?

А проф. Федотов пишет в статье (это очень интересная статья в полемике о фабриках-дворцах): «Нам пишут, что в трех этажах теперешней фабрики во Владимире могут поместиться пять этажей прежней Владимирской фабрики». «Конечно, — продолжает он, — но ведь известно, что мы ставим вопрос о снабжении рабочих достаточной кубатурой воздуха» и т. д. и т. д.

И это — вся его аргументация, которая по существу является не аргументацией, а отпиской, фразой, поскольку никто, конечно, из наших производственников не выдвигал положения, чтобы воздуха было недостаточно для рабочих.

Но поскольку в эти проекты вкладывались капиталы, те самые капиталы, которые, по словам Федотова, очень дороги у нас и которые он не хочет тратить на приобретение усовершенствованных американских машин, постольку здесь не лицемерие — это очень слабо, — а просто политический обман, который практиковался и которым легко пользовался Федотов в виду своего научного авторитета.

Итак, — омертвление капитала путем нерационального расходования на постройку фабрик-дворцов, — куртажи и связанная с ними задержка соответствующего усовершенствования нашей техники и сохранение старого типа английских машин, вредительство в плановых предположениях в вопросах урожая хлопка для создания простоя фабрик. Это все? Нет, не все.

Еще два метода. По одному методу — специалист Ситнин. Это сговор с продавцами хлопка за границей и соответствующая неправильная, по качеству, поставка сырья — хлопка. Для этого Ситнин договаривается о куртажах, для этого Ситнин направляет нам несоответствующий хлопок, который здесь уже соответствующим образом, как рассказывал об этом Куприянов, сортируется, при чем отбрасывается или отметается хлопок некондиционный и, таким образом, на фабрики хлопок поступает уже надлежащего качества. Но вместе с тем уже реализуется тот минус, который был обусловлен и за который заплачены деньги, минус в виде отсортировки негодного хлопка.

Это — один метод вредительства. Если бы он был изолирован, стоял вне связи с остальной деятельностью, это была бы просто взятка, это было бы просто должностное преступление, но взятый в разрезе общевредительских установок, вредительской работы, как один из методов этой вредительской работы, это есть экономическая контрреволюция, полный состав 58[7], уголовное деяние, за которое наш Уголовный кодекс знает серьезную меру.

Но и это не все. Дальше идет работа уже Куприянова, дальше идет вопрос о планировании несоответствующих ассортиментов ткани, заготовки и направления готовой ткани не туда, куда нужно. Мне приходилось сталкиваться в судебной практике, при просмотре отдельных следственных дел особенно в период хлебозаготовок, с такими явлениями, когда в порядке снабжения мануфактурой, когда отдельные кооперативные организации получали вместо мануфактуры духи, а вместо обуви — калоши и ботинки различных номеров. Такие курьезы, быть может, — они результат недосмотра, быть может, — результат прямого вредительства, но принцип тут был тот же, что и здесь: поставлять продукцию не туда, куда нужно, поставлять не те сорта, поставлять не в той пропорции, которая необходима, исходя из потребностей рационального построения народного хозяйства.

Вот совокупность методов, которые практиковались по текстилю. И нужно прямо сказать, что, пожалуй, текстильная группа в этом отношении побила рекорд, ибо она имела в своем ведении непосредственно продукцию предметов широкого потребления, в то время как другие отрасли народного хозяйства, ну, скажем, уголь и нефть, они не в такой степени находились в распоряжении вредительских групп.

Наконец, работа текстильной вредительской группы касалась непосредственно и вопросов мобилизационной подготовки. Спор о том, что надо учинять диверсии и на текстильных фабриках, этот спор также имел место. По этому вопросу спор был? — Был. А что было решено? — Нам вредители текстильной группы говорят, что вопрос

был решен отрицательно, что взрывать текстильные фабрики во время интервенции они не хотели. Они решили, самое большее, портить энергетическую часть. Но Кирпотенко рассказал, что ему известно другое, что решено было все же во время интервенции останавливать фабрики, подрывать работу этих фабрик и что им и другими (об этом говорил и Куприянов) были приняты меры по мобилизации соответствующих диверсионных ячеек, по попытке организовать группировки из бывших белых офицеров для исполнения этой работы.

А здесь, что здесь говорил специалист Сироцинский — архитектор, а еще об одном использовании текстильных фабрик, в частности, когда он рассказывал о некоей фабрике, которая видна с Черноморского побережья с моря, как об'ект обстрела, и что разработка плана этой фабрики была получена из-за границы, при чем не только самой фабрики, но и жилого поселка вокруг нее, и что при постройке ряда фабрик имели место такие своеобразные методы строительства, как установка площадок для тяжелых орудий — все это характеризует ту отрасль работы текстильной группы, которая с текстилем не имеет ничего общего и которая максимально и самым теснейшим образом связана с вопросами прямой подготовки интервенции.

Вот то, что дает нам анализ свидетельских показаний, статей и выступлений вредителей в печати и непосредственное сообщение их самих в области вредительства по текстилю. Чрезвычайное богатство и разнообразие вредительских методов, прямые конкретные результаты в смысле простоя текстильных фабрик и, наконец, проектировка целого ряда мероприятий, непосредственно связанных с интервенцией.

Еще об одной отрасли я не сказал — об отрасли, которая непосредственно относится к ирригационным работам и к водному хозяйству в области хлопка. О чем нам говорил Цейдлер — специалист по хлопковому делу, по вопросу хлопководства? Я думаю, что Цейдлер, поскольку он сам являлся тем, кто проводил вредительскую работу, погрешил здесь немного против истины и не договорил всего. Если дано некое задание А для получения некоего урожая хлопка, если в качестве слагаемых, образующих это задание, входит производство определенных категорий ирригационных работ на определенной площади, то совершенно ясно, что непроведение соответствующей работы определяет и неполучение соответствующего количества урожая хлопка. Если планы вредительства организации были построены так, чтобы вызвать диспропорцию между количеством полученного хлопка и потребностями фабрик, то ясно, что поскольку они были заинтересованы в том, чтобы хлопка получить меньше, на Цейдлера и его соратников ложилась обязанность вести водное хозяйство так, чтобы это количество хлопка не было получено, и в этом заключается в большей степени вредительская работа, чем в том, о чем он нам рассказал, что она де сводилась только к нерациональному производству этих работ, вкладыванию капитальных вложений не на те участки, которые рационально следовало бы использовать, неполучению соответствующих орудий производства или соответствующих технических сил.

Наконец, последняя сторона работы, о которой мы здесь узнали при анализе вредительской работы, — это работа группы Михайленко по мелиорации. Я возьму только ту часть работы, которая касается 1929 г., работа его на Кубани. Что мы там имеем? Мы имеем подготовку осушения территории, которая во время гражданской войны послужила препятствием для контрреволюционного десанта некоего Улагая. Именно эта часть территории послужила прямым препятствием в силу своей заболоченности, и эту часть территории было поручено к осени 1930 г. срочно осушить. Туда поехал специалист Михайленко по прямому поручению вредительского центра. Мало того, мы установили, что туда поехал погоняльщик — инспектор Наркомзема. Этот инспектор привез ему деньги и этот инспектор пригрозил ему, что тебя уберут, если ты не исполнишь этой работы. Об этой работе, о которой Михайленко, мало знающий центральную организацию, никого не знающий из сидящих здесь на скамье подсудимых, знающий только прямое поручение Спарро, который его послал, знающий только, что он за это получил деньги, и боявшийся инспектора, который приехал его подгонять, — об этой работе нам здесь рассказал Рамзин, как и о той работе, о которой знал он, Рамзин, и знал французский агент, как его величали здесь, г. Р. Об этой работе, об этом участке территории шла речь при проектировке соответствующих военных стратегических планов для десанта красновских казаков в качестве одной из частей корпуса Лукомского. Мы позвали сюда живого Михайленко, и живой человек нам рассказал о том, что делал он во исполнение директив верхов вредительской организации...

Почему же не рассказал нам всего этого до появления Михайленко Рамзин? Это ему не было выгодно, но он не мог здесь уже уйти, поскольку и Цейдлер, и Ризенкампф, и Кениг, и Спарро и Михайленко, и другой, и третий, и десятый один за другим могли сюда притти и один за другим могли заставить Рамзина признать. Показания Михайленко в этой части чрезвычайно ценны сов-

падением и местности, и дат, и плана интервенции. О той части работы, которая касалась западной границы и которая была начата раньше. Мы сейчас об этом говорить не будем, хотя тот факт, что эта работа там была начата проведением в 1926 г. и усилена в 1929 г., что ею подвергался соответствующим образом обработке плацдарм для военного вторжения по западной границе, — эти сведения нам чрезвычайно ценны, как ценно и то, что такая же работа проводилась на Дальнем Востоке, где вопросы вооруженной интервенции имели место в прошлом и где равным образом не исключена была возможность такой же практической постановки ее в будущем.

Вот общая характеристика вредительской работы по конкретным данным, по конкретным фактам с точным указанием места, времени, совершителей, об'ектов, методов вредительства.

Вопросы, связанные непосредственно с руководством шпионажем, диверсией, государственной изменой, эти вопросы явились предметом рассмотрения на закрытом заседании, говорить о них подробно я не буду, но тот факт, что эта связь была точно установлена, что эти лица К. и Р. оказались живыми, существующими людьми, что они точно установлены, что содержание поручений было детализовано, что в области диверсий и подготовки взрывов мы установили наличие живых людей, получавших и готовивших эти поручения, — все эти факты характеризуют то, что не на словах, а на деле были приняты и проведены частично обвиняемыми методы подготовки интервенции в области диверсии, в области шпионажа и в области подготовки государственной измены в период интервенции.

Мне можно после этой общей характеристики, характеризовавшей степень реальности военной опасности, перейти к вопросам индивидуальных характеристик и индивидуальной доказанности. Я должен только указать, что сейчас после судебного следствия с еще большим основанием мы можем утверждать и говорить о том, что реальная опасность интервенции не выдумка, не фантазия, не вымысел, а реальный политический факт, который как таковой и должен был нами учтен и при рассмотрении соответствующей индивидуальной ответственности каждого из привлеченных лиц.

Подробно о них я и буду говорить при таком индивидуальном анализе.

13. План интервенции

Обрисовка участия каждого из обвиняемых в контрреволюционной работе по подготовке вооруженного вторжения в пределы СССР, свержения советской власти и реставрации капитализма требует, перед тем, как подойти к этому вопросу, необходимости остановиться еще на одном моменте, конкретизирующем реальную обстановку, в которой они работали, и цели, которые они себе ставили. Нам приходится путем различного рода сопоставлений отдельных мелких и крупных фактов устанавливать и тут достоверность тех сообщений, которые подсудимые сделали.

Одной из основных частей этого сообщения являются сообщения о конкретном плане интервенции. Об этом конкретном плане интервенции говорилось в 1928 г. в Париже. Этот план интервенции менялся в соответствии с сроками интервенций, тем не менее основные слагаемые этого плана оставались неизменными. Разрешите остановиться на этих слагаемых в связи с теми данными, которые прошли перед судом на судебном следствии.

Руководящая роль должна была по плану интервенции, организаторов интервенции, принадлежать французскому командованию в виде основной регулирующей силы, в отношении которой исполнители должны были являться отдельной материальной массой вооруженных сил, направляемых на интервенцию и ее осуществление. Имена Жанена, Ришара и Жуанвиля не опровергнуты никем из добровольных опровергателей — ни «Торгпромом», ни теми деятелями Франции, которые по этому поводу высказывались, в частности и Пуанкаре, который упоминает лишь о лицах, стоящих во главе французского генерального штаба, и ничего не говорит о существовании или о несуществовании в природе Жанена, Ришара и Жуанвиля. А между тем именно эти факты нуждались бы в опровержении, ибо прошлое этих людей в достаточной степени устанавливает достоверность того, почему именно эти лица были поставлены во главе интервенции. Генерал Лукомский в качестве руководителя экспедиционного корпуса, а может быть руководителя и дальнейшего разворачивания вооруженной интервенции — это имя достаточно известно нам также по гражданской войне, имя, достаточно известное в военных кругах старой царской армии. По этому поводу, набрав воды в рот, он не считает необходимым выступить с какими-либо опровержениями. Конечно, такие опровержения были бы мало значащие, но тем не менее этот момент следует отметить. Из фактов, которые мы здесь сообщали и цитировали, стоит отметить затем еще один, факт председательствования на том суворовском торжестве, о котором мы говорили, ген. Нисселя. Как-никак, не со всех точек зрения явка на демонстрацию, которой было по существу это суворовское торжество, с провозглашением лозунга

«за веру, царя и отечество», организованную вышвырнутыми революцией из пределов СССР царскими генералами всех орденов и званий, и само выступление французского генерала и председательствование его на этом с'езде характеризуют теснейшую связь определенных военных кругов Франции с контрреволюционными группами, активно готовившими или подготовляющими интервенцию.

Свидетельство гр-на Пуанкаре от февраля 1930 г. относительно того, что ему — Пуанкаре — внушает подозрение положение на румынской и бессарабской границе, где он констатирует наличие определенных «темных пятен» и наличие постоянно возникающих «инцидентов», которые он приписывает злым козням со стороны СССР, при сопоставлении с конкретным планом, который здесь был доложен — на 1930 г., где начало интервенции должно было открываться с пограничных конфликтов на румынской или польской границах, — является, опять-таки, чрезвычайно характерным совпадением.

Почему румынская граница с точки зрения военно-стратегической была принята как наиболее удобная и отвечающая? Когда мы говорим о врангелевских войсках, о которых беседовали Денисов и Рамзин в октябре 1929 г., о возможности провести их непосредственно через румынскую границу, этот факт должен быть поставлен в непосредственную связь, почему в вопросе интервенции разворачивание интервенционистского конфликта должно было начаться именно в этой пограничной полосе СССР. Когда мы читаем теперешние выступления Пуанкаре, что было бы безумной авантюрой пускаться в поддержку генералу Врангелю по опыту интервенции 1918—1920 гг., это само упоминание о Врангеле чрезвычайно характерно и симптоматично в его устах.

Эту маленькую деталь стоит отметить для того, чтобы определить и степень реальности того плана интервенции, о котором с такой самоуверенностью заявляет Пуанкаре: «Я хотел бы знать, в каком именно месте запроектировано интервенционистское вмешательство».

Он отвечает сам себе даже без подсказа подсудимых.

Вопросы западной границы в северной ее части, с точки зрения запроектирования двойного удара на Москву и Ленинград? Что мы имеем здесь в качестве корреспондирующего момента в тех материалах, которые прошли здесь на суде? Мы имеем усиление в 1929 г. начатой еще в 1926 г., по показаниям Михайленко, разработки вопросов мелиоративной работы по этим областям.

Тов. председатель в свое время остановил свидетеля Михайленко, когда он назвал тот конкретный район, где была предпринята соответствующая военно-стратегическая мелиоративная работа для подготовки этого комбинированного удара на Ленинград.

Я не буду, конечно, конкретизировать географически того болотного массива, который здесь находится на дороге. Совпадение, когда в 1929 г. разработка именно этого массива получила дальнейшее развитие, достаточно за себя говорит.

Мало того, в развитие стратегических планов на помощь интервенционной авантюре, на случай, если понадобятся соответствующие воздушные силы, были разработаны, с одной стороны, вопросы снабжения, а с другой стороны, — вопросы непосредственного помещения для воздушных сил. Мы имеем показания Сироцинского, где говорится о подготовке и таком проектировании лесопильных заводов у Архангельска и в районе Ленинграда, что давало бы возможность быстро приспособить под ангары. Те, кто знает, что такое лесопильные заводы, те, кто их видел, те, которые знают, как вопросы лесного производства тесно связаны с постройками именно такого рода,— те знают и смогут без специальной проверки учесть степень достоверности подобных сообщений.

Вопрос снабжения и организации бензинных баз в районе Ленинграда, как специальное оперативное задание, было получено от Р., о нем он говорил, как о специальном оперативном плановом задании по подготовке интервенции, — оно совпадает с вопросом планово-стратегической концепции, которую вывезли из-за границы еще в октябре 1928 г. Рамзин и Ларичев, когда говорили об этом комбинированном ударе, а следовательно — о необходимости уже иметь не только подготовленную территорию в этом районе нашей границы, но иметь соответствующие запасы горючего, необходимые для продвижения орудий современной техники истребления.

Движение на юге. Вы помните расчет здесь, с одной стороны, на десант, а для этого на соответствующую подготовку десантных баз, с другой стороны, расчет на осушение местности, о которой говорил Михайленко, и расчет на «земляков», как он говорил. В примитивном политическом мышлении гр-на Михайленко вопросы земляческой связи перекрывают классовые группировки, перекрывают классовые различия, и он полагает, что земляческих связей между красновским казачеством и казачеством кубанским достаточно для того, чтобы перекрыть все те глубокие передвижки, которые имели место в этом районе в связи с политикой ликвидации кулачества как класса. Но это уже относится к вопросам степени его политической осведомленности, политического уровня, политического развития Михайленко вообще; однако то, что он говорил о расчете на контрево-

люционные группировки среди кулацкой верхушки кубанской деревни, кулацкой верхушки старого казачества, то, что он говорил, что расчеты в этой плоскости интервентов основываются на том, что они встретят там наиболее подготовленную для себя почву, и то сообщение, которое Михайленко сделал о добровольной работе мелиораторов, местных работников, для установления связи с кулацкой группировкой на местах, с вербовкой бывшего белого офицерства, которое не было окончательно еще выкорчевано в этой области, — все это является, опять-таки, теми основными слагаемыми, которые входили в тот план, о котором нам передавали Рамзин и Ларичев.

Румынская граница и пограничные инциденты, десант экспедиционного корпуса, расчет на контрреволюционные выступления кулацкой верхушки юга России, расчет на работы мелиоративного характера, проделанные на западной границе, расчет на соответствующее ослабление мобилизационного состояния прифронтовых дорог, расчет на подготовку аэробензинных баз и соответствующих помещений для воздушного флота и расчет на двойной комбинированный удар на Ленинград и Москву, — вот конкретные военно-стратегические опорные пункты, на которые ставили ставку интервенты.

Я спрашиваю, наконец, отвечает или не отвечает такая установка плана интервенции опыту гражданской войны в прошлом? В опубликованных документах, которые не представляют сейчас никакого секрета, так как появились в западно-европейской печати, наконец, в опубликованных документах соглашения об интервенции между интервенировавшими тогда СССР державами совершенно четко и ясно были разграничены как области интервенции, так и совершенно четко и ясно определены стратегические проблемы и тактические проблемы, которые тогда ставились. Но это те же самые проблемы, о которых мы говорим сейчас, то же самое движение на западную границу, в направлении Ленинграда, те же самые оккупационные построения в отношении нашего Севера, та же самая пограничная зона и движение через Румынию и Польшу, тот же самый расчет на контрреволюционно настроенное белое офицерство и кулацкие верхушки Северного Кавказа. Основные моменты, слагающие этот план, уже даны историей, даны конкретным соотношением классовых сил. Вот то, что положено в основу и что воспринято и в планах 1930 и 1931 гг.

Если гражданина Пуанкаре так интересуют эти планы и если он желает их опровергнуть, я был бы очень рад, если бы он написал на эту тему еще одну статью, которая подвергла бы анализу пункты этого плана и доказала бы и степень их нереальности и невозможности в практической, деловой интервенционистской постановке.

Отсюда вывод. Все эти факты характеризуют в достаточной степени и точность и достоверность указания срока интервенции на 1930 г. и характеризуют полную достоверность утверждения обвиняемых, что и у них, и у их соратников за границей по мере того, как все более и более росло убеждение в том, что чем дальше, тем более необходимо ее реализовать скорее, но, вместе с тем, тем необходимее она будет для этих кругов, как единственный оставшийся метод, для того, чтобы не утратить и не упустить все надежды. Этим об'ясняется краткость срока — переноса с 1930 г. на 1931 г., и это должно вызвать повышенную настороженность и повышенную бдительность со стороны масс пролетариата СССР.

Мы смело смотрим вперед. Мы смело смотрим на будущее. Это доказывают пролетариат СССР и трудящиеся массы СССР своим отношением к процессу. В случае необходимости, в случае, если тяжкая година настанет, мы будем защищать СССР все — от мала до велика, рабочие и крестьяне, женщины и мужчины, старые и малые. Я думаю, не найдется ни одного в наших рядах в настоящий момент, когда вопрос об интервенции ставится, как ставит его Детердинг, как вопрос месяцев, не найдется ни одного, который бы не сказал, что эти грядущие столкновения, если они наступят, СССР встретит их во всеоружии, в полной боевой готовности. Результатом этого будет защита СССР и его дальнейшее процветание. Но результаты этого столкновения могут быть и такие, которые едва ли учитывают господа интервенты.

Ну, тогда мы им скажем: «Ты хотел этого Жорж Данден! Так получай сполна!» Так стоит сейчас вопрос. И поэтому под этим углом и только под этим углом, главным образом, мы будем сейчас оценивать индивидуальную деятельность, индивидуальную вину подсудимых. Этого основного угла зрения, прямой военной опасности для нашей страны и нашего хозяйства, и нашего строительства мы не можем забыть. Под этим углом, ни на одну секунду не ослабляя этого центра тяжести, я приступлю к характеристике того, что делали отдельные обвиняемые.

14. Индивидуальные характеристики:

Рамзин

Гр-н Р а м з и н, профессор высшего технического училища, интеллигент чистейшей воды, ученик Кирша, известной научной величины, унаследовавший и воспринявший, возможно от него, возможно непосредственно в результате своего лич-

ного творчества, целый ряд крупных научных идей, гр-н Рамзин в качестве представителя и руководителя так называемой ЦК «Промпартии», основной организатор и инспиратор всей вредительской работы центра, через который проходит скрещивание нитей, связанных с заграничной интервенционистской кликой, через которого осуществляется связь «Торгпрома» в лице Рябушинского, Денисова и других, через которого непосредственно реализуется связь с военными кругами французского генерального штаба, Жуанвилем и Ришаром, и через которого непосредственно реализуется связь здесь с исполнителями указаний военных интервенционистских кругов, господами К. и Р. и французской агентурой.

Вот в кратких чертах, но выпуклых и в достаточной степени чеканных, определение удельного веса и политической роли Леонида Константиновича Рамзина в деле подготовки вооруженного вторжения и вооруженного свержения советской власти со всеми вытекающими отсюда последствиями для широчайших рабочих масс нашей страны и для судеб мировой революции в целом.

Что представляет собой гр-н Леонид Константинович Рамзин в прошлом? В период Октябрьской революции и непосредственно после нее в первые годы — активный саботажник, член группы Кирша, принципиально отказавшейся или не желавшей, за малыми исключениями, а la Очкин, работать в советских учреждениях и в советских условиях. Если бы наше внимание не было поглощено вопросами более важными и более существенными для вскрытия существа работы ЦК «Промпартии», мы бы могли в подтверждение слов Рамзина — благо он сам об этом сказал — привести ряд свидетельских документальных данных, характеризующих этот период его активного саботажа...

То, что в прошлом у него могло быть то или иное прикосновение к подпольной политической работе времен царизма, — какое это имеет значение сейчас! Мы знаем, по целому ряду других вредительских дел о подобных лицах, в частности, можем хотя бы сослаться на одно лицо, проходившее по шахтинскому процессу — директора Нецветаевского рудника, который тоже когда-то был политическим деятелем. Но этот период 1905—1908 гг. — период давно минувших дней. Но мы встречаем фигуру Рамзина в период саботажа 1918—1920 гг., как активного врага советской власти. Дальше наступает период, который Рамзину угодно было охарактеризовать как период, когда был искренним советским работником, стоял искренне на советской платформе. Чудес не бывает на этом свете, и историческое развитие отдельной личности так же, как историческое развитие совокупности отдельных фактов, имеет внутреннюю логику, которая гораздо сильнее, чем голое утверждение, которое угодно делать Рамзину. После об'явления гражданской войны для большинства антисоветски настроенного инженерства и антисоветской интеллигенции не было другого выхода, чем примириться с фактом, и когда Рамзин говорит, что он стоял на советской платформе, позвольте сказать, что это было не так, что было только примирение с фактом утверждения советской власти и диктатуры пролетариата и неудачи попыток вооруженного свержения советской власти. Это то время, когда Рамзин занимается вопросами профессуры, вопросами кафедры, когда в 1922—23 г. наступает начало нэпа. И вот, когда Рамзин говорит, что он в нэп поверил, что это было одним из мотивов примирения с советской властью — возможно, что это было одним из основных заблуждений, которые разделяла довольно значительная часть интеллигенции, но чтобы это было настолько решающим фактом, который целиком бы перевернул психологию Рамзина настолько, чтобы он сделался искренним советским человеком, — в это разрешите не поверить. Если бы это было так, то в условиях той травли, о которой он передавал и о которой говорил и Очкин, нельзя было бы допустить и возможности того, чтобы в дальнейшем, в период 1926—27 г. у него вновь сразу произошло перерождение, в смысле нового поворота на 180 градусов к контрреволюции и исключительно только под влиянием изменения новой экономической политики.

Рамзин не из тех людей, у которых подобные вопросы в их миросозерцании играют доминирующую роль, не из тех людей, у которых содержание их политических кредо является решающей линией их поведения. Рамзин — типичный практик, человек дела, человек-организатор, для которого вся совокупность вопросов идеологического характера во всей их сложности отнюдь не является тем, чем он никогда не поступится, за что он готов драться и умереть.

И Рамзин в 1926 г., столкнувшись с определенной профессорской и технической средой, понял, что перед ним встал определенный вопрос: либо искренне итти целиком и полностью навстречу советской власти, — а это означает продолжать борьбу с контрреволюционным окружением, а это означает вступить в противоречие со всем окружавшим, враждебно настроенным инженерством в лице его верхушки, — либо итти вместе с верхушкой, итти во вредительскую работу. И Рамзин начал свой расчет как деляга, как человек дела, трезвого расчета и холодного рассудка. Советская власть существует, но удержится ли советская власть? Среди интеллигентов ста-

рого поколения, старого закала, таких, которые бы искренне полагали, что советская власть удержится, вы найдете очень мало. В глубине души всегда у них оставалась основная уверенность в том, что все-таки это временно, все-таки это «лихолетие» пройдет. И Рамзин не является исключением из этого правила, и все то, что он говорил, что он верил в советскую власть, но потом после введения нэпа разочаровался, — все это ложь, выдумка. А что он неверно рассчитал, — это уж его дело!

Он был и остался активным контрреволюционером, был и остался активным врагом советской власти, примирившимся с ней на время под влиянием необходимости; встретивший на этой почве враждебное отношение со стороны окружавшей его инженерной среды, мешавшей ему в его политической карьере, которую он строил, он решил по-делячески, что ему выгоднее итти вместе с ними, а не вместе с советской властью, так как все равно советская власть не прочна. И просчитался.

Так думал и так решил Рамзин. И в этом его поворот.

Я спрашивал Ларичева, почему так ценили Рамзина, почему так цацкались с ним остальные вредители, почему стремились привлечь его, ведь Ларичев и другие по стажу вредительства старше, чем Рамзин. Ларичев ответил, что они ценили его как человека с волей, как человека-организатора, как человека, за которым идет сплоченная группа Теплотехнического института, количество членов которой он определяет до 50 или может быть до 100 чел. Этого было достаточно для того, чтобы поставить вопрос о его вовлечении. В то время во главе вредительской организации стояли такие лица, как Пальчинский, Рабинович, Хренников. Это люди того же прошлого, того же закала, люди — кремень, люди, последовательно проводившие свою линию. Это все те могикане буржуазии, которые еще сохраняли в себе некоторые элементы последовательности, имели, если так можно выразиться, определенный политический хребет. Не бесхребетная кислятина, как остальные.

И Рамзин вступает в эту организацию и сразу занимает в ней соответствующее место. Мы здесь уже говорили о его теории инженерного правительства. Я подвергал анализу эту теорию и доказывал ее политическую несостоятельность, но в определенном отношении она могла иметь некоторое значение. Ведь как ни как, а министерские портфели, пусть они непосредственно пойдут в руки Коновалова, Денисова и Лукомского, но как-нибудь боком министерские портфели могут попасть и им. И я думаю, что Рамзин отчетливо и ясно рассчитывал именно на получение портфеля, хотя он и говорил, что не рассчитывал на министерский портфель.

Нет, Рамзин, не из тех людей, которые за идею, бескорыстно работают. Болтовня, что он не получал за это денег, болтовня и то, что он не рассчитывал на эти портфели.

Тип Рамзина — это тип политического авантюриста чистой воды, тип политического авантюриста, который, в условиях классовой борьбы, во всей ее сложности, во всех ее отдельных временных перипетиях иной раз выплывает на поверхность, хотя сам он и не выходит из самой толщи класса промышленной буржуазии, интересы которой он защищает, но выходец из разночинных слоев, всплывает и играет определенную политическую роль в определенные моменты обострения социальных конфликтов, в моменты наиболее сложных социальных переплетов групповых, классовых и личных интересов.

Именно такого типа — Рамзин, и этим объясняется целый ряд его политических шагов, целый ряд его политических действий.

Возьмемте 1928 г. и возьмемте его переговоры. Приехав в Париж и встретившись там с «Торгпромом», Рамзин ставит вопрос о деловой проверке реальности сообщений Денисова. «Г-н Денисов, вы говорили относительно того, что у вас установлены связи с военными кругами. Разрешите посмотреть, разрешите познакомиться, — я рискую головой, — так разрешите поглядеть, разрешите самому потолковать». Так же ставит он вопрос в вечернем заседании относительно финансирования, он интересуется, от кого, скажите пожалуйста, будут деньги, какие источники и в каком порядке деньги будут дальше направляться. На свидании с Жуанвилем и Лукомским он спрашивает Лукомского: «Скажите конкретно, деньги на бочку, отец дьякон, дайте конкретный план, укажите материальные вооруженные силы, материальную базу». Будет ли диктатура, не будет ли диктатуры, как будет разрешен земельный вопрос, что такое государственный капитализм, — в его, Рамзина, понимании это чистая чепуха, это потом, а тут — конкретное дело.

И вот, посмотрите, как Рамзин действует. Он в этот момент (это совершенно ясно) уже знал о тех территориальных уступках, о той цене, об аппетитах интервентов, которые придется оплатить. Федотов говорит, что он потом узнал, что Рамзин согласился на эти уступки, и что он, Федотов, пошел и сказал Чарновскому: «Что такое? Я — добропорядочный и добросовестный старый кадет, добросовестно верил, что интервенты за милую душу нам помогут и ничего у нас не отберут, а Рамзин согласился? И Карпов мне говорил, что интервенты ничего не возьмут, а Рамзин согласился». И рассуждает: либо Карпов меня обманул, либо Рамзин меня обманул, либо «Торгпром» нас всех обманул, — и так, и так,

и так — я в дураках. Вот рассуждение Федотова.

Рамзин так не рассуждает. Рамзин рассуждает гораздо проще. Нужно уступить интервентам? Нужно. Нужно сказать это своим соратникам? Не нужно. Можно обмануть. Можно не сказать. Типичная фигура именно политического авантюриста, преследующего определенные конкретные цели и именно в этих конкретных целях работавшего, не останавливаясь перед обманом даже своих соратников.

Разрешите с этой же точки зрения остановиться на характеристике отношений Рамзина к научной работе и Теплотехническому институту. Мы пытались на судебном следствии определить, в какой мере Теплотехнический институт обслуживал вредительскую работу. Когда я Рамзину показал его, Рамзина, статьи по вопросу о приспособлении Теплотехнического института к практическим целям проектного строительства и другим вопросам вредительства, он сказал: «У меня была цель приспособить, но я не успел». Я его спросил: «А если бы успели, то вредили бы?» — «Если бы», говорит, но видите ли, нам сейчас очень трудно судить, что здесь было бы, если бы было реализовано. Но если бы мы сейчас взяли всю работу Теплотехнического института, кое-что, мы, вероятно, в этой области нашли бы, но, допустим даже так — и в этом положении вещей у нас получается та же самая картина: использование Теплотехнического института для вредительских целей и вместе с тем совершенно определенное отгораживание своей научной работы и научных трудов, с целью не дискредитировать себя как научную силу за границей. Это Рамзину невыгодно, тем более, кто читает эти труды из практических работников? Кто читает эти труды? Специалисты читают, а кто стоят во главе и управляют государственным механизмом, не читают. Можно с известным риском, а по существу без риска, в них говорить одно, а на деле делать другое. Этим об'ясняется та ярая защита подсудимым Рамзиным здесь своих научных трудов и заявление о том, что в научных трудах, как научный работник, он никогда не вредил. Это ярая защита своей научной чести. Но вместе с тем был установлен факт, что и практическую работу института он приспособлял к вредительству.

Вот Рамзин — вредитель-руководитель, Рамзин — шпион, поскольку непосредственные связи с К. и Р. осуществлялись им, Рамзин — заговорщик, подготовлявший в сношениях с военными кругами иностранной державы вооруженное вторжение в нашу территорию, Рамзин — изменник и предатель, и, наконец, Рамзин — лжец, который пришел сюда с чистосердечным признанием и здесь нам не сказал всей правды до тех пор, пока его не заставили ее сказать.

Вот характеристика Рамзина, вот характеристика степени социальной опасности этого деятеля контрреволюции, шпионажа и агентуры иностранных государств. Ни в малой степени отсюда не вытекает для меня никаких колебаний относительно метода, коим должна быть ликвидирована социальная опасность Леонида Константиновича Рамзина в порядке постановления Специального присутствия Верховного суда. Я затем, при общем подведении юридического и политического итога работы ЦК «Промпартии» скажу еще об этом. Пока я здесь лишь собираю тот материал, который юридически дает полное основание для требования из интересов политической целесообразности, а не мести, из интересов политической целесообразности требовать расстрела для Леонида Константиновича Рамзина.

Чарновский

Чарновский — это чрезвычайно оригинальная, если хотите, фигура, это человек, который начал свое заявление с указания на то, что ему сейчас (точно) 61 год и 11 месяцев. Вот этот гражданин 61 года и 11 месяцев сообщил нам о своем прошлом, что он окончил два факультета — университет и Московское высшее техническое училище, работал первоначально на производстве, потом получил профессуру и, уже осуществляя профессорские свои обязанности, вошел в сношение с вредительской организацией и в конце-концов вошел в ЦК этой организации.

Характерным для Чарновского и его физиономии является следующее. Он заявил здесь, что ему самодержавие не мешало. Он-де работал и копошился на производстве, как трудолюбивый муравей, а затем был вовлечен во вредительскую организацию. Так ли это, гр. Чарновский? И действительно ли в полной мере соответствует действительности характеристика, которую вы дали сами себе в ваших показаниях?

Я начну с указания на один факт. Я информатор, — говорил Чарновский, — а не руководитель. Я информатор, скромная сошка во вредительской организации, ничего по существу вредного не представлявшая. Потом Чарновский признал, что он не информатор, а руководитель и исполнитель, ответственное лицо за определенную отрасль промышленности, наследник Хренникова в этой области. Вьюн. Он и здесь на суде старался ужом виться, чтобы уйти от улик и от неумолимых логических выводов из этих улик. Вьюн. «Трусоват был Ваня бедный», можно было бы добавить к этой характеристике.

А по существу, что он из себя представлял, как профессор? Недаром нашли

у него (о чем писали в стенгазете) люстру и церковную утварь. Активный черносотенец, не голосовавший в Учредительном собрании, как он заявил, «за ненадобностью», но практически вошедший во вредительскую работу и в ней занимавший одно из основных и руководящих мест.

Металл — это то, на что нажимали в Париже в октябре 1928 г. Металл — это основное, определяющее обороноспособность нашей страны. И вот, в области, непосредственно касающейся этой одной из крупнейших областей нашей промышленности, Чарновский являлся руководителем вредительства. Работа его, Чарновского, вместе с Калинниковым по поручению Р., вместе с Рамзиным по вопросу о том, каким образом правильнее организовать диверсию на военных заводах, каким образом, какие части военных заводов и в какой очередности надлежит подвергнуть взрыву и уничтожению во время вооруженной интервенции, — одного этого факта совершенно достаточно для определения того, что из себя представляет Чарновский. Сведения о промышленности, кон'юнктурные обзоры, военные сведения, организация диверсии, связь непосредственно с агентурой, — вот что имеется в пассиве или, если хотите, в активе у Чарновского. Политически по существу совершенно безыдейный человек, человек без каких бы то ни было идейных установок, человек, для которого вопросы политики никакой роли не играют, и в то же время мелкий, гаденький и подленький человек, но активный в том, что он сделал, активный вредитель, шпион и диверсант, вместе с тем лжец, который и тут, когда он здесь нам говорил о том, что он работал бесплатно, лгал, — вот характеристика Чарновского. Может быть в заключительном слове или в своей защитительной речи гр-н Чарновский так же, как он сделал это не однажды во время судебного следствия, скажет, что и тут он накрутил, что и тут он неудачно хотел виться вьюном и что деньги за свою вредительскую работу он все-таки получал. Не хочет сказать — его дело, но для характеристики его и методов его работы как мелкого, мелкотравчатого... не хочется употреблять резкие выражения, — я приведу тот инцидент, который дебатировался на судебном следствии, когда мы говорили о том, каким образом он приводил в своих лекциях студенчеству подтасовку цифр. Он отрицал тут, что в своих лекциях приводил студентам цифры 1923 г. по развитию нашей промышленности, выдавая их за цифры 1928 г., для доказательства того, что у нас вообще никакого толку не может быть. Он сказал, что этого не было, когда я его спросил. Может быть он тоже вспомнит об этом и расскажет нам в последнем слове, как ему была подана записка по этому поводу, как он на эту записку ответил и чем он об'яснил такую забывчивость, ошибку, что он вместо цифр 1928 г. подсунул студентам цифры 1923 г. Это мелочь, но она характерна для всей физиономии Чарновского, для всего содержания как личности. Политическая роль его однако остается прежней. Вредительство в крупнейшей отрасли нашей промышленности было в его ведении.

Это определяет равным образом вопрос о том, какую практическую цену, какое практическое значение имел гр-н Чарновский во вредительстве, и дает ответ на вопрос о степени опасности его в прошлом, в настоящем и может иметь в будущем. Я считаю, что в отношении Чарновского, так же, как и в отношении Рамзина, Чарновского — руководителя вредительства, шпиона, диверсанта, черносотенца не может быть иного ответа о той мере самообороны, которую надлежит принять, чтобы избавить нас полностью от возможностей нанесения какого-либо ущерба пролетарскому государству со стороны этого профессора, этого представителя науки и техники, использовавшего ее во вредительских целях.

Калинников

Калинников — тот, кто руководил «всем остальным». В его ведении находилась, как он сказал, бумажная промышленность, лесная промышленность и т. д., но основная его работа была не тут, она была в Госплане.

Прошлое Калинникова. Это один из сравнительно уже редких представителей старой буржуазии, той буржуазной профессуры, которая нашла в себе достаточно контрреволюционного мужества, чтобы рискнуть на активное контрреволюционное выступление в советских условиях, на открытое контрреволюционное выступление.

Он был из тех, которые заявили, что они не хотят работать с советской властью, он был одним из тех, которые организовали и вдохновляли академическую забастовку, и он был одним из тех, которые, тем не менее, пошли потом на призыв советской власти работать. Когда я его спросил, почему он пошел работать, он ответил: почему не пойти, видимо, я был нужен, но я пошел, сказал он, не переменившись.

Советская власть по отношению к Калинникову проявила максимум доверия. Сам Калинников говорит, что он не может ни в каком отношении что-либо поставить в упрек советской власти. Работник основного руководящего планирующего учреждения он вместе с тем исполнял обязанности, на которые был призван четырехкратным специальным постановлением Совнаркома и Совета труда и обороны — высших государственных учреждений. И вот, облечен-

ный таким доверием, он вступил во вредительскую работу и вел ее систематически в качестве руководящего звена, в качестве члена руководящей вредительской организации, вплоть до исполнения поручений, носящих, казалось бы, несоответствующий с его руководящим значением характер.

Я укажу, во-первых, на участие его в комиссии по редактированию вместе с Осадчим и Ларичевым сводок кон'юнктурного характера, которые передавались в «Торгпром»; во-вторых — на участие его в специальной комиссии совместно с Ларичевым и Рамзиным по выработке, по согласованию с Р., частей военных заводов, подлежащих разрушению путем взрывов во время военной интервенции; в третьих—на участие в комиссии, имевшей задачу специального распределения работ по подготовке изменнических действий и изменнических актов в отдельных частях Красной армии во время интервенции, — это было, равным образом, принято к исполнению непосредственно Калинниковым, и в этой комиссии он принимал участие; в-четвертых, Калинников взял на себя сношение и исполнение заданий, даваемых ему Р. и К., и в этом отношении конкретно, сам лично передавал шпионские сведения, передавал то, что требовалось агентурой иностранного государства, полностью предоставив в этом отношении в распоряжение этой агентуры себя со всеми своими почетными званиями и титулами.

Калинников точно так же говорит нам, что он исполнял обязанности по передаче и распределению денежных средств, но говорит лишь о том, что для себя лично он этих денег не брал. Нет никаких данных для того, чтобы делать вывод о том, что в данной области по отношению к нему имело место исключение. Подробный анализ этой стороны я дал уже во время допроса непосредственно перед окончанием судебного следствия и в своем предыдущем выступлении в обвинительной речи, и при сопоставлении всего того, что установлено, что доказано и подтверждено самим Калинниковым, рассматривать специально вопрос получения персонально денег, как отягчающий момент, явилось бы лишней затратой времени.

Не в этом суть. Суть в руководящей работе, шпионской работе, диверсионной работе, изменнической работе и вредительской работе, совершаемой лицом, облеченным специальным доверием, занимавшим ответственные руководящие должности в советском аппарате. Вот что такое Калинников. С этой точки зрения равным образом разрешается вопрос относительно метода ликвидации вредительской деятельности Калинникова. Я говорю уже о необходимости такого метода — это есть только логический вывод. О степени его конкретной политической и практической целесообразности я еще поговорю.

Ларичев

Ларичев — вредитель с 1925 г., выходец из той же группы Кирша, инженер-техник, а затем после ликвидации и ареста Рабиновича и Пальчинского человек, на которого пало руководство вредительской работой в топливоснабжении. Мы здесь рассматривали в достаточной степени подробно, ясно и детально вопросы топливоснабжения и их значение для обороноспособности страны. Мы рассматривали в достаточной степени ясно и детально вопросы нефти, угля, торфа и т. д. К этому возвращаться не надо. Вместе с тем мы имеем Ларичева, пускай на вторых ролях, ибо первые роли принадлежат Рамзину, но как непосредственного соучастника и деятельнейшего помощника Рамзина по его операциям за границей.

Ларичев — специалист по топливу — беседует специально в Париже в 1928 г. вечером на совещании с нефтяниками. Он же присутствует при вечернем заседании с полковником Ришаром. Он же берет на себя исполнение конкретных заданий уже в СССР непосредственно по шпионской и диверсионной работе, вместе с Калинниковым и Рамзиным рассматривает и определяет вопросы очередности диверсий на военных заводах, вместе с Осадчим, Калинниковым и Чарновским распределяет между собой функции и обязанности по установлению военных связей для подготовки изменнических актов со стороны отдельных частей или командного состава Красной армии во время интервенции.

Шпионаж, государственная измена, вредительство — вот послужной список гр-на Ларичева в контрреволюционной работе. Добавьте сюда заявление его вместе с Рамзиным, вместе с Калинниковым, о том, что и они не досказали всей правды о вредительской работе раньше и даже в своих пространных об'яснениях, данных в первые дни процесса, — и политическое содержание и политическая и идеологическая физиономия Ларичева будет вам ясна. Эти люди говорят и сознаются постольку, поскольку нельзя в определенной части не признаться: что можно укрыть — укроют, что можно спрятать — спрячут. Надежда, видно, еще есть на то, а вдруг... вдруг повернется по-иному. Человек, который таит такие надежды?!. Не может быть и здесь иного ответа по вопросу о методе активной самообороны пролетарского государства по отношению к Ларичеву, пока волна, угроза военной опасности в результате работы этих лиц не снята еще с очереди, пока мартовские дни еще не прошли.

Федотов

Наиболее, казалось бы, в первые дни процесса, наиболее интересной и внушающей некоторые к себе, хотя бы и относительные симпатии, была фигура Федотова. Мы здесь встретились с привычной фигурой российского интеллигента-профессора, постоянного члена кадетской партии с начала ее образования и до ее ликвидации к осени 1917 г., человека, имевшего в своем прошлом и некоторые акты политической деятельности, которые в этой профессорской среде весьма высоко котировались. Правда, мы в то время всегда смеялись над этими актами; помилуй бог, какое гражданское мужество!—фабрикант или управляющий фабрикой или директор фабрики прошелся на красных похоронах расстрелянных во время стычки или убитых во время стычки с казаками рабочих и этим выразил свое активное несочувствие или активное противоправительственное настроение по отношению к самодержавию. Мы всегда к такого рода политическим демонстрациям либеральных директоров фабрик относились определенно. Мы всегда раньше всего ставили вопрос: а что, эта стычка произошла не по приглашению ли этими директорами фабрик соответствующих карательных властей?

Не входя в рассмотрение вопроса, как и что имело место в этом деле, — не это важно, важно то, что Федотов представляет или представлял собой фигуру, которая характеризовалась именно этого рода чертами.

В дальнейшем Федотов вошел в редакцию «Русских ведомостей», писал там, значит приобщился к высшей голозке этого академического либерализма, имел право посещения заседаний ЦК кадетской партии, — вот Федотов в прошлом.

Добавьте к этому те материальные блага, которых он к этому моменту достиг. Сюда относится почти 60-тысячное жалование, сюда относится имение, собственное, купленное на благоприобретенные средства. Сюда относятся теснейшие связи и знакомство с фабрикантско-капиталистической средой.

В частности, в двух словах остановлюсь на связи с Карповыми. С этими Карповыми связь он поддерживал все время и здесь пока непосредственно был связан с ними в Москве; с этими Карповыми он поддерживал связь затем во время своих встреч за границей, и позвольте все-таки равным образом не поверить, что эти связь и встречи с Карповыми за границей не были ни в какой степени связаны со встречами его с Карповыми здесь, и что те связи, которые эти Карповы имели здесь с бывшим техническим управляющим составом на своих бывших капиталистических предприятиях, шли к старому, другому Карпову, эмигранту, минуя и совершенно вне ведома гр-на Федотова. Я думаю, что все же на деле было немножко иначе.

Наследник Лопатина, руководитель текстильной группы и вместе с тем человек (я достаточно характеризовал его роль при обрисовке методов вредительской работы по текстилю)... человек, который направлял и руководил всей этой работой, — вот вам политический паспорт Федотова. Правда, по поводу его имели место интересные споры между Кирпотенко, Ситниным и Куприяновым о том, что Федотов, пожалуй, уже не совсем подходит к той роли, которая на него возлагается, что Федотов и стар, и мало активен, и кроме того у него есть еще элементы некоторой чистоплотности, которые мешают практической работе. Поэтому выдвигался Ситнин в качестве соответствующего руководителя, благо он человек, обладающий меньшей чувствительностью в некоторых областях и человек более молодой, активный и подвижной.

Но ведь это были разговоры Кирпотенко и Куприянова. А на деле? На деле до самого конца руководителем был Федотов и, кроме того, как докладывал нам Рамзин, его кандидатура обсуждалась как наиболее подходящая для возглавления всего ЦК «Промпартии».

Вот что представляет собой Федотов. Мы бы, пожалуй, на этой характеристике Федотова остановились, если бы еще не некоторые факты, которые всплыли на судебном следствии: Федотов в течение судебного следствия представлял не одного Федотова, а двух Федотовых: один Федотов, который спорил и защищал себя с некоторой горячностью, а иногда и язвительностью, иногда, и не без удачи, подавал реплики мне, подавал реплики обвинению, и другой Федотов, Федотов сломленный, Федотов подавшийся, Федотов унижающийся.

А причина? Причина та, что раскрылась еще одна сторона деятельности Федотова, которая подкосила его окончательно и после которой он, как политическая фигура, исчез. Эта сторона его деятельности — это статья Уголовного кодекса о взяточничестве в самом простом, прямом и непосредственном значении этого слова.

Не взяточничество для нужд «Торгпрома», инженерства, контреволюционной работы, не взяточничество для нужд и целей оплачивания сотрудников-вредителей, а взяточничество при договорах при покупке и приемке за границей английских машин, взяточничество, которое пошло непосредственно в карман гр. Федотова.

Факт есть факт, и цена политической стойкости почтенного профессора-кадета, который когда-то в «Русских ведомостях» защищал, как он говорил, рабочий класс, определяется той суммой английских фунтов, за которую он продал и свою науку и свою политическую и гражданскую честь.

Куприянов

Куприянов—практик-вредитель! Он напоминает мне один персонаж в шахтинском процессе, который тогда был охарактеризован мной как парамоновский служилый зубр.

Можно было бы сказать и крепче. 17 лет он хранил коноваловское добро. За «хозяина» он голосовал, ибо неудобно было не голосовать за «хозяина» в Учредительное собрание, когда он был выставлен туда в качестве кандидата. «Как старый хозяин прикажет», так и надо делать. С «хозяина» не хотел даже взять краденых денег Куприянов, когда обокрали Коновалова Лопатин и другие вредители, подделавши и пустивши на черную биржу обязательства Коновалова. Тут у него хватило брезгливости, хватило мужества, чтобы от этих денег отказаться. От других денег Куприянов не отказался. Он 12 с половиной тысяч положил в свой карман, как причитающуюся ему мзду за вредительские дела, которые он совершал.

Относительно Куприянова и его места в процессе, как вредителя, руководителя вредительской работой в текстильной промышленности, можно было бы поставить вопрос о некоторой аналогии, скажем, со Стрижовым, — по нефтяной промышленности, с Нольде — по льняной промышленности, с Ризенкампфом — по ирригации, с Красовским — по НКПС, с Клевезалем — по строительной промышленности.

Но тут есть разница, которая заключается в том, что Куприянов как никак был не только руководителем отраслевой группы, не только практиком-вредителем, а Куприянов был свой человек в центральном комитете, он фактически входил в круг тех лиц, от которых не было секретов в области вопросов самых важных, самых секретных, самых конспиративных — о подготовке интервенции. В этом отношении Куприянов должен остаться в качестве лица, правильно направленного обвинением на скамью подсудимых в этом процессе.

Практически его работа определяется, как я говорю, практикой руководства, с одной стороны, и, с другой стороны, его работой по организации диверсионных групп и по организации военных групп. Это уже конкретная работа, связанная непосредственно с подготовкой интервенции как таковой, помимо общей работы по подготовке кризиса в текстильной промышленности, которой он руководил.

Я не вижу поэтому никаких оснований для выделения из общей группы обвиняемых Куприянова и полагаю, что, как свой человек в ЦК, как практический исполнитель, как руководитель отраслевой группы и в то же время как непосредственный исполнитель или подготовитель исполнения заданий по диверсии, по порче фабрик и по военной работе, он должен итти в эту одну группу, вместе с ней разделив одну участь.

Очкин

Остановлюсь теперь на двух последних персонажах — на Очкине и Ситнине. Как можно было бы коротенько охарактеризовать Очкина, так, чтобы сразу в одной формуле дать все содержание его роли в этой организации и все содержание его работы? Я бы назвал его так: секретарь Рамзина по партийной и советской линии. Это будет почти совершенно точно. Непосредственный исполнитель и лицо, осведомленное об основных замыслах, самых секретных и по линии ЦК «Промпартии» и по линии конкретной практической вредительской работы.

Характеристика Очкина. Из тех фактов его биографии, о которых мы здесь упоминали, один только факт останавливает внимание, это то, что он остался в Главтопе в то время, как остальные ушли, он остался, отколовшись от группы Кирша. Он говорил, что это было им сделано из определенных идейных побуждений. Я предлагаю, товарищи судьи, отчетливо представить себе, когда вы будете решать вопрос об Очкине, физиономию Очкина и спросить себя, можно ли ставить вопрос о глубоких идейных мотивах в деятельности этого alter ego Рамзина. Он остался в Главтопе по соображениям гораздо более простым. Его характеризовали здесь как чрезвычайно упрямого человека. Эта характеристика была дана другим подсудимым. Я бы сказал, упрямый до того, когда упрямство переходит в совершенно другое качество. Вот именно из этих соображений он и остался. Остался потому, что устроился. Вопрос о революции и ее судьбах его мало интересовал, а тут есть кусок хлеба, он и остался. Потом он был обработан Рамзиным, и здесь совершился тот самый поворот, который характеризовал Рамзин как поворот непосредственно к вредительству в конце 1927 г., в начале 1928 г. Что делал Очкин? Самые ответственные поручения он исполнял. На закрытом заседании суда мы рассматривали специально вопрос о роли Очкина и установили факты, которые известны Специальному присутствию. Значит, налицо прямое принятие им на себя поручений диверсионного характера, прямое принятие и исполнение поручений шпионского характера и неоднократно. Вот конкретная практическая работа Очкина при полной осведомленности об общих целях контрреволюционной организации. Остается опять-таки вопрос о деньгах. Здесь я позволю себе напомнить свидетельство Рамзина, что он, передавая деньги для распределения по группам и в Теплотехническом институте, не предполагал, что Очкин окажется в этом рас-

пределении обойденным, он, Рамзин, был уверен, что Очкину перепадет то, что ему надлежит. Очкин говорит, что его обошли, забыли. Думаю, что ответственного исполнителя, такого как Окчин — управделами ЦК «Промпартии» — не забыли. Свою мзду он получил, и напрасно он от этой мзды отказывается здесь. Это ему мало поможет. Вот что нужно сказать об Очкине.

Ситнин

И наконец Ситнин — «советский» человек, человек, пользовавшийся, по свидетельству других, влиянием как член правления Текстильного синдиката, член правления треста, человек, на которого непосредственно возлагались поручения в Америке, и человек, на которого возлагались ответственные поручения обеими сторонами, как правительством — по исполнению обязанности по закупке хлопка, так и текстильной группой и вредительской организаций. Это человек, который одновременно исполнял и другие ответственные поручения. Куприянов просил его зайти к Ивану Адреевичу Коновалову узнать, как Иван Андреевич Коновалов живет и поживает, и вместе с тем узнать, как обстоит дело с интервенцией и чего и как практически можно и надлежит ожидать и что и как нужно делать.

Недалекий в вопросах политики, мало разбирающийся во всех тонкостях, нюансах политической борьбы, Ситнин тем не менее исполнил задание и привез нужные сведения и относительно положения Коновалова, и относительно аудиенции у Пуанкаре, и относительно мотивов, в силу которых Пуанкаре настаивал или просил усилить вредительскую работу. Здесь нам Ситнин представляется, или хочет представиться, человеком, который мало понимает в политических вопросах, он настолько мало понимает, что не помнит, за кого голосовал в Учредительном собрании, не то за меньшевиков, не то за большевиков, но он, Ситнин, «доброжелательно» относился к революции 1917 г. и, может быть, голосовал за меньшевиков, а может быть, за большевиков. Но он очень хорошо разбирается в том, является ли капиталистический режим для него, Ситнина, лучше или хуже, является ли капиталистический строй со всеми его благами для него, Ситнина, приемлемым или неприемлемым. Он хочет восстановления капиталистического строя, ибо он полностью еще в условиях советского строя пытается восстанавливать все навыки капиталистического строя. Здесь и куртаж по договору с продавцами хлопка, здесь и взятки частников при продаже мануфактуры в бытность его в Текстильном синдикате, здесь и спекуляция на черной бирже, и превращение советских знаков в золото, здесь и хранение этого золота, припрятанного на черный день, здесь и глупая улыбка, расплывшаяся по его лицу, когда встал вопрос о том, годен ли он вместо Федотова или нет в качестве руководителя текстильной группы. Он сказал, что он только улыбался, и что Кирпотенко сам уже выдумал, что он, Ситнин, согласен заменить Федотова.

Такая ли голоза у Ситнина, чтобы он об этом стал раздумывать? Фактически ведь он являлся уже исполнителем этой работы. К Коновалову он ездил, практически работу по руководству вредительством осуществлял. Он пытался-было сказать здесь, что он не был членом «Промпартии», но потом признал, что он членом «Промпартии» был и о существовании ЦК знал.

Если мы в отношении Федотова не хотели употреблять резких выражений, то в отношении Ситнина нет никаких оснований воздерживаться от этого. Взяточник в СССР и за границей, так сказать, **взяточник в международном масштабе** — вот что из себя в этом отношении представляет Ситнин. Аферист, ибо ничем иным, как аферой, нельзя называть все его манипуляции с золотом, он тянулся и к политическим вопросам, как претендент на руководство текстильной группой, роль его с точки зрения его общественной опасности ясна, как и ясно его значение с точки зрения социальной полезности. Нуль — его общественная полезность, и достаточно доказана его общественная опасность.

15. Выводы

Я позволю себе перейти к последней части своей заключительной речи — к определению и мотивировке конкретных мер репрессии в отношении подсудимых.

С точки зрения обычной постановки вопроса здесь надлежало бы подходить так: чья вина больше—тому больше, чья вина меньше — тому меньше.

Не взвешивать на весах торгашества, что больше и что меньше, а определять и искать наиболее целесообразную меру в каждом данном случае, исходя из общих задач защиты и самообороны против контрреволюционных посягательств,—вот основной угол зрения, из которого мы исходим. При этом мы можем и должны исходить из учета всей совокупности обстоятельств сегодняшнего дня, всей совокупности обстоятельств завтрашнего дня, учитывать все это для определения, какой же наиболее целесообразный метод в настоящих условиях является для суда обязательным не в интересах взвешивания, что больше и что меньше, а в интересах самообороны советского государства, — вот наш подход.

Суд, наш суд в вопросах борьбы с контрреволюционерами является прежде всего орудием диктатуры рабочего класса, орудием правящего класса в нашей стране. Ему противостоят остатки разби-

той буржуазии нашей страны и еще господствующая и празящая буржуазия западных стран, ему противостоят группировки зачаточных форм капитализма в нашей стране в виде кулацких элементов в деревне, ему противостоят, наконец, остатки, слои и пережитки прежних прослоек буржуазии в виде интеллигенции старого закала и старой формы. Вот та совокупность конкретных противников и врагов, которых мы имеем и в шеренге которых свое место заняли и эти люди.

Можно и должно и, вообще, в какой степени можно и должно в данных условиях употреблять орудие репрессии, как орудие подавления, как орудие уничтожения врагов?

Владимир Ильич говорил: «Есть такие враги, которых можно в нескольких сражениях разбить, можно придавить на время, но нельзя уничтожить; никакие, даже самые полные победы реакции, никакое торжество контрреволюции не могут уничтожить врагов царского самодержавия, врагов помещичьего и капиталистического гнета потому, что враги эти — это миллионы рабочего класса, которые все больше и больше накопляются в городах на фабриках, заводах и железных дорогах. Враги, это — разоряемое крестьянство, которым во много раз тяжелее живется теперь... Таких врагов, как рабочий класс, как крестьянская беднота, уничтожить нельзя». И дальше: «Никакие преследования, никакие расправы не могут остановить движения, раз поднялись массы, раз начали шевелиться миллионы» (т. XI, ч. II, стр. 126).

Так писал Владимир Ильич о роли репрессии по отношению к врагам, которых имело перед собой самодержавие.

К числу этой категории врагов данные лица относятся? Нет. За ними миллионов нет, за ними масс нет. За ними — остатки разбитого, умерщвленного класса и осужденный мировой историей на гибель класс мировой буржуазии.

И Владимир Ильич пишет, что по отношению к этим врагам, по отношению к их противодействию иначе ставится вопрос о революционном насилии, о революционной репрессии.

Он пишет: «Мыслима ли революционная партия рабочего класса, которая не карала бы за такие преступления смертью в эпоху самой ожесточенной гражданской войны и заговоров буржуазии с вторжением иноземных войск для свержения рабочего правительства? Ни один человек, кроме безнадежных и смешных педантов, не мог бы ответить на эти вопросы иначе, как отрицательно» (том XVI, стр. 123).

Так ставит вопрос Владимир Ильич в отношении конкретных мер борьбы по отношению к прямым контрреволюционным врагам, стремящимся к контрреволюционному перевороту.

И вместе с тем он предупреждал против следующего. Он говорил, можно ли по отношению к таким врагам ставить вопрос иначе, как в смысле применения самых жестких мер борьбы? Он писал: «После революции 25 октября 1917 г. мы не закрыли даже буржуазных газет. О терроре не было речи. Мы освободили не только многих министров Керенского, но и воевавшего против нас Краснова. Вы знаете, — продолжает он, — что Краснов, которого русские рабочие великодушно отпустили в Петрограде, когда он явился и отдал свою шпагу, был отпущен из-за предрассудка интеллигенции против применения смертной казни. Я посмотрел бы тот народный суд, тот рабоче-крестьянский суд, который бы не расстрелял Краснова» (том XV, стр. 375).

Это Владимир Ильич приводил как пример, которым не нужно руководствоваться, указывая на проявленные уже не однажды в революции нами политическую близорукость, политическую недальновидность. В эпоху диктатуры и окруженные со всех сторон врагами мы иногда проявляли ненужную мягкость, ненужную мягкосердечность по отношению к, казалось бы, уже раскаявшемуся врагу.

И, возвращаясь опять к вопросу о революционном насилии, Владимир Ильич пишет: «Насилие можно применять, не имея экономических корней. Тогда оно исторически обречено на гибель, но можно и должно применять насилие, опираясь на передовой класс, на подлинно высокий тип социалистического строя. Тогда оно временно может претерпеть неудачу, но оно непобедимо» (том XVI, стр. 223).

Товарищи, сейчас положение чрезвычайно осложнено. Общая политическая ситуация очерчена в достаточной степени четко мною в вступительной части своей обвинительной речи. Деятельность этих лиц, всех без исключения, охарактеризована ими самими, как деятельность вредительская, шпионская, предательская, изменническая, и цели, которые они себе ставили, в достаточной степени равным образом уточнены.

Идет вопрос о применении того метода революционного насилия, который в данном случае является логически вытекающим из всей совокупности фактов.

Владимир Ильич равным образом занимался и вопросом о так называемых специалистах, технических специалистах, и вот что он писал и говорил о возможностях того, что сейчас мы разбираем в качестве конкретного факта, вменяемого им в вину: «А тут сидят превосходные канцелярские чиновники, которые теперь интересы своего класса видят в том, чтобы нам делать гадости, мешать нам работать, которые думают, что спасают культуру, подготовляя большевиков к падению» (том XVIII, ч. I, стр. 277).

И по поводу этих лиц Владимир Ильич говорит: «Можно и должно заставить их не участвовать активно в контрреволюции, можно устрашить их, чтобы они боялись и руку протянуть к белогвардейским воззваниям». И это как раз в данном случае по отношению ко всем подобным им сделать мы должны.

Владимир Ильич учитывал эффективность и роль репрессии в этом отношении не только с точки зрения предотвращения нового вреда, который могут причинить эти люди, но и с точки зрения воздействия на их примере в отношении всех остальных.

Я позволю себе по этому поводу указать еще одну цитату, где он — Владимир Ильич — своей рукой набросал проект той статьи уголовного кодекса, по которой привлечены настоящие обвиняемые. Эта статья — 58[4], говорящая о содействии группам международной буржуазии, не признающим равноправия приходящей на смену капиталистическому порядку социалистической системы собственности и борющихся против этой системы блокадой, вооруженным вторжением, шпионажем и пр.». Набросок этой статьи в ее различных вариантах написан Владимиром Ильичем.

И Владимир Ильич писал: пропаганда, или агитация, или участие в организации, или содействие организациям, действующим в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к насильственному ее свержению, путем ли интервенции или блокады, или шпионажа, или финансирования прессы и т. п. средствами — карается высшей мерой наказания с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу.

Вариант 2: «а) пропаганда или агитация, об'ективно содействующие той части международной буржуазии, которая и т. д. до конца». И наконец:

Вариант 3: «б) содействующие или способные содействовать». (Записка Курскому).

Вот как ставил вопрос Владимир Ильич. А здесь мы что имеем? Здесь мы имеем прямую деятельность, согласованные действия, работу в течение ряда лет, согласованно не только с группами международной буржуазии, согласованно с теми группами, которые имеют непосредственное отношение к правящим кругам, с теми кругами, которые вчера еще были у власти и завтра могут стать у власти, с теми группами, у которых в течение всей их политической деятельности вопрос об уничтожении СССР был одной из основных направляющих директив всей их политической работы.

Вот с кем работали, вот кому содействовали, вот с кем заключали договоры, вот от кого получали деньги сидящие здесь подсудимые.

Мне кажется, это одно уже определяет вопрос о соответствующих мерах репрессии. Владимир Ильич еще в одном месте писал:

«Возьмите всю интеллигенцию. Она жила буржуазной жизнью, она привыкла к известным удобствам. Поскольку она колебалась в сторону чехо-словаков, нашим лозунгом была беспощадная борьба — террор. В виду того, что теперь этот поворот в настроении мелкобуржуазных масс наступил, нашим лозунгом должно быть соглашение, установление добрососедских отношений. Когда нам случается встретить заявление группы мелкобуржуазной демократии, что она хочет быть нейтральной по отношению к советской власти, мы должны сказать: «нейтральность» и добрососедские отношения — это старый хлам, который никуда не годится с точки зрения коммунизма. Это старый хлам и больше ничего, но мы должны обсудить этот хлам с точки зрения дела».

Но когда дело идет о прямой борьбе, когда вместо самого элементарного минимального требования нейтралитета мы имеем прямую контрреволюционную работу, здесь вопрос ясен: никаких колебаний тут уже быть не должно.

Мне кажется, тогда, когда миллионные массы рабочего класса шлют свой привет органу, раскрывшему деятельность этой группы, часовому революции — ОГПУ, когда они высказывают свою готовность стать грудью на защиту СССР и сложить голову за право и возможность строить свое социалистическое отечество так, как они хотят и умеют его строить, строить его во имя идеи и во имя под'ема мирового пролетариата и мировой революции, и когда мировые массы пролетариата также смотрят на СССР как на вождя и на путеводную звезду в борьбе за освобождение человечества, когда в этой борьбе против нас поднимаются и консолидируются силы отживающей свой век буржуазии и, предчувствуя свою гибель, конкретно ставят вопрос о сроках уничтожения СССР, в этот момент, когда поднимаются волны этой новой борьбы, когда предвидится в ближайшем будущем, быть может, об'ективная неизбежность встречной схватки этих двух миров, — все то, что у нас в СССР может помогать, оказывать содействие этому второму миру, должно быть сметено и уничтожено раз и навсегда.

Государственное обвинение требует от Специального присутствия Верховного суда расстрела подсудимых всех до одного. (Бурные аплодисменты).

Председатель. Об'является перерыв до 6 часов вечера.

Вечернее заседание

РЕЧИ ЗАЩИТЫ

Председатель. Заседание Специального присутствия Верховного суда возобновляется.

Продолжаются прения сторон. Слово принадлежит члену коллегии защитников тов. Брауде.

БРАУДЕ. — Товарищи судьи, если бы советское правосудие действительно было основано на принципе возмездия, на принципе воздаяния равным за равное, на принципе око за око, зуб за зуб, то тогда, после всего того, что здесь защита в течение всего этого судебного процесса услышала, после исторической речи прокурора, она не могла бы ни в какой мере возражать против тех требований, против тех мер социальной защиты, которые были предложены прокурором.

И думаю я, что вы понимаете, почему в этом случае защита оказалась бы в таком затруднительном положении.

Советский защитник прежде всего советский гражданин. Он думает и мыслит так, как думает и мыслит все трудовое население СССР, он так же воспринимает, так же переживает все то, что здесь происходило, как переживает сейчас весь Союз до самых отдаленных уголков. И вместе со всеми трудящимися защита переживает чувство возмущения, чувство глубокого внутреннего протеста от сознания того, что подсудимые подготовляли для нашей страны такие ужасы, создавали базу для кровавой интервенции, собирались залить страну кровью, сорвать пятилетку, разрушить народное хозяйство.

Стоит ли повторять все то, что нам в этом процессе известно, что так больно бьет и по чувству советского гражданина и просто по человеческому чувству? И не скрою от вас, товарищи судьи, что особенно болезненно, особенно глубоко ощущали мы эту внутреннюю коллизию между обязанностями защиты и сознанием советского гражданина, этот внутренний конфликт, в первый день процесса, когда мы впервые явились сюда, чтобы исполнить обязанности, возложенные на нас Верховным судом, когда мы слышали, как через закрытые окна сюда врывались голоса миллионов, демонстрировавших свой протест против реставрации, против интервенции, против подрыва народного хозяйства; наши сердца тогда бились в унисон с сердцами миллионов, шедших плечо к плечу.

Но, товарищи судьи, мы назначены Верховным судом выполнять наши обязанности, мы обязаны помочь вам, помочь нашим подзащитным найти такие моменты, если они имеются в деле, которые давали бы им право на снисхождение.

И вот именно потому, что советское правосудие не основано на принципе возмездия, на принципе воздаяния равным за равное, а базируется на принципе защиты завоеваний пролетариата, защиты социалистического строительства, исходит исключительно из соображений революционной целесообразности, именно поэтому мы должны сказать, что как бы узки ни были наши аргументы, как бы ограниченны ни были наши доводы, мы должны представить и представим их Специальному присутствию Верховного суда.

Мы почти не задавали вопросов в течение процесса, мы почти не спрашивали наших подзащитных; это происходило не потому, что, потрясенные всем услышанным здесь на суде, мы оставили наших подзащитных без юридической помощи; нам не было о чем их спрашивать... факты были так ярки, показания так исчерпывающи — они пришли сюда обнаженными до конца — о чем же было нам их еще спрашивать!

Товарищи судьи. В своей речи прокурор подробно коснулся отдельных вредительских группировок, он дал ясный классовый анализ каждой из этих группировок, он разобрал причины возникновения их, и у меня, который по этому делу защищает Куприянова, есть только один спор с прокурором: нужно ли в интересах защиты завоеваний революции физически уничтожить Куприянова или не нужно.

Да позволено будет мне произвести краткий социально-психологический анализ той группы, к которой по моему мнению принадлежал Куприянов, среды, в которой он воспитывался, причин, толкнувших его к вредительству, и обстоятельств, повлекших за собой его раскаяние.

Буржуазия в капиталистическом обществе утверждала свое господство не только своими, но главным образом чужими руками.

Она подчиняла своим целям, умело убаюкивала, хитро затемняла классовое самосознание и отдельных промежуточных классовых прослоек, она делала это умело, так как обладала для этого всей полнотой средств.

Вспомните хотя бы капиталистическую фабрику, на которой мы знали случаи, когда мастер, получавший всего на несколько рублей больше рабочего, был верным сторожевым псом хозяина. Что же тогда говорить о главном инженере, что же тогда говорить о директоре фабрики, которые были связаны с хозяином не только деловым образом, но и находились с ним в тесных личных отношениях, хозяин всегда давал им те или

иные преимущества, ибо видел в них верных защитников своих интересов.

В Советском Союзе инженеры не только достаточно материально обеспечены, но они получают и широчайший простор для своей творческой деятельности. И если мы видим отдельные группки, верхушки технической интеллигенции иногда идущими по пути вредительства, то на этом пути не свои классовые интересы защищают эти группки, а классовые интересы своих бывших хозяев.

Пришел Октябрь. Октябрьская революция смела прежние бытовые условия... Уже в течение этого процесса многие из обвиняемых указывали, какие причины привели эту верхушку инженеров на путь вредительства. Особенно подробно говорил об этом в своих показаниях Федотов. Мы слышали и от него и от других, что одним из основных для этого поводов были естественные изменения бытового положения этой социальной прослойки; она утеряла и некоторые денежные средства, лишилась уюта и комфорта, связанных с прежним пребыванием на службе у капиталистов, утратила те командные высоты, на которых главные инженеры и директора привыкли управлять почти бесконтрольно, распоряжаясь трудом рабочих; теперь же они были поставлены под бдительный и недоверчивый рабочий контроль; и, наконец, основной причиной было неверие в торжество советской власти, в длительность октябрьских завоеваний.

Этими настроениями была проникнута верхушка интеллигенции, та высшая техническая группа, о которой я только что упоминал. И нет ничего удивительного, что в силу этих причин, в силу этих ее особенностей эта техническая верхушка уже с самого начала, как говорил об этом Федотов и другие обвиняемые, об'ективно пришла к вредительству с первых дней Октябрьского переворота; она верила в скорое возвращение хозяев, бежавших за границу, верила в то, что они снова вернутся к своим фабрикам и заводам.

Мы слышали здесь, что они, представители этой группы, охраняли имущество хозяев, делая вид, что сохраняют его для советской власти; они мешали переносу оборудования фабрик из одной в другую, желая сохранить их в том виде, как они были оставлены. Это были зачатки вредительства, заложенного рядом причин, которые я здесь приводил.

Все это типично для этой технической верхушки, все это характерно для некоторых из обвиняемых, а равным образом и для Куприянова. Но говоря о Купрянове — и в этом моя цель и задача — я должен отметить некоторые особые, ему свойственные черты, некоторые его индивидуальные особенности, резко отличающие его от остальных вредителей в целом и от обвиняемых, здесь сидящих.

Что такое Куприянов?

Вот, мы видели здесь Куприянова перед нами. Нельзя, конечно, аргументировать внешним видом и впечатлением, которое производит обвиняемый на суде, но у нас на суде все-же всегда складывается то или иное представление о человеке, формируется то или иное впечатление, производимое обвиняемым и в смысле его искренности и в смысле глубины его интеллектуального развития; я позволю поставить здесь прямой вопрос: можно ли Куприянова сравнить по его интеллектуальному развитию, по широте его кругозора с другими обвиняемыми по этому же делу? Полагаю, что, конечно, нельзя. Нельзя было не подметить некоторой тугоподвижности Куприянова, нельзя было не подметить некоторой ограниченности его кругозора.

Кто такой Куприянов? Куприянов—сын крестьянина Рязанской губернии; отец его имел сначала надел земли, которую обрабатывал сам, потом приобрел некоторую пустошь и обрабатывал ее вместе с 11-ю своими детьми. Благодаря случаю, благодаря тому, что где-то в уездном городе находился родственник Куприянова, ему одному из всей семьи, крестьянской семьи — я не могу назвать ее кулацкой или середняцкой, так как об этом трудно судить по тем данным, которые у нас имеются, — удается поступить в реальное училище. В этом ему помогает родственник его, живущий в уездном городе.

Мальчишка, вчера еще пасший коров в семье отца, попадает в реальное училище. Настойчивость, чисто крестьянское упорство ведут к тому, что по окончании реального училища и позднее тяжелым трудом, давая с 5-го класса уроки, добивается того, что поступает в высшее техническое училище и кончает курс инженером.

Куприянов оказался недюжинным инженером. Мы знаем, что капиталисты, которые не любят и не стали бы тратить деньги зря, именно Куприянова посылали за границу усовершенствоваться, и Куприянов возвращается оттуда блестящим производственником.

Я думаю, товарищи судьи, и вам известно это по материалам дела, что если Куприянов и не представляет большой теоретической силы по сравнению с некоторыми другими обвиняемыми, то в практическом деле он является одним из самых блестящих знатоков текстильного производства.

Но Куприянов всю свою жизнь, до Октябрьской революции, провел на службе у капиталистов. Он служил у Корзинкиных, был у Ляминых, но больше всего пробыл у Коновалова. Вы слышали, что он здесь рассказывал о службе своей у Коновалова. У него были с ним деловые отношения, но были и отношения личного характера; и вот здесь,

в этих личных отношениях, в этой привязанности к хозяину, вызванной также и тем, что Куприянов дорожил своим местом, своим положением, добытым таким тяжелым трудом, такой суровой жизненной школой, складываются те черты Куприянова, которые впоследствии красной нитью проходят через всю последующую его деятельность.

Куприянов — человек политически безличный; Куприянов, будучи студентом, никогда не интересовался политикой; он никогда не вступал ни в один подпольный кружок; он был чужд революционному движению, чужд повидимому потому, что, избрав определенное направление, став на узкий профессиональный путь, с упорством шел по этому намеченному пути. И будучи инженером, Куприянов тоже не занимается политической деятельностью; он был чужд, как это ни грустно, той волне освободительного движения, которая в то время захватила всю студенческую молодежь, всю рядовую интеллигенцию. Он был политически безличен. В этом основная черта, в этом основное свойство Куприянова, о котором в этом деле больше всего приходится говорить.

У Куприянова был лишь один авторитет и в политических вопросах, и в области общего мировоззрения; этот авторитет был его хозяин, он этого и не отрицал на суде. Став инженером, Куприянов на все смотрел глазами хозяина, глазами Коновалова...

Есть ли у вас к этому доказательства,— думаю, что есть.

Когда прокурор задал вопрос Куприянову, — как вы встретили Февральскую революцию, какой ответ здесь дал Куприянов? Куприянов сказал: «я был рад Февральской революции». Но при следующем вопросе прокурора он должен был признать, что был Февральской революции рад потому, что в это время его хозяин Коновалов вошел в правительство. Куприянов был рад потому Февральской революции, что ей был рад его хозяин; если бы хозяин был не рад революции, может быть, и Куприянов был бы недоволен.

Эта характерная черта Куприянова чрезвычайно важна для оценки его деятельности. И когда здесь товарищ председатель задал Куприянову вопрос, принимал ли он участие в политической жизни, Куприянов ответил, что он только один раз в жизни был на выборах. Когда же был Куприянов на выборах? Именно тогда, когда выбирали Коновалова — «неудобно было не пойти».

Нам с большим трудом удалось узнать у Куприянова, что Коновалов проходил на выборах как прогрессист, — при чем Куприянов никак не мог точно определить, что такое прогрессист, и я бы сказал, что если бы Коновалов был членом союза русского народа, Куприянов и тогда бы голосовал за него, но если бы Коновалов был социалистом, то и тогда точно так же голосовал бы за него Куприянов.

В этом существенная черта Куприянова: Куприянов всегда и на все смотрел глазами своего хозяина. Глубоко аполитичный, глубоко политически безличный, он отражал хозяйскую психологию и хозяйское мировоззрение во всех своих действиях. Что же делать? Это несчастье Куприянова, но это было так.

Кого должен был Куприянов считать авторитетом после Коновалова, кто был сведущий, кто владел мыслями, умом и чувствами Куприянова, кто был сведущий, кто направлял его действия, к чьему голосу он также прислушивался? Конечно, сведущий человек, — главноуправляющий, лицо, которое замещало Коновалова и которому непосредственно был подчинен Куприянов. Это был Лопатин.

Мы слышали здесь о Лопатине; мы слышали, что Лопатин был сильной волевой натурой. Это был откровенный контрреволюционер, и здесь выяснилось, что на могиле Лопатина некоторые выступавшие товарищи отмечали, что хотя это был действительно открытый контрреволюционер, но он хорошо работал. К счастью или к несчастью, они тогда не знали, что действия Лопатина при жизни носили вредительский характер.

И вот этот Лопатин, после того как Коновалов удрал за границу, был властителем дум и примером для Куприянова.

Как встретил Куприянов Октябрьскую революцию?

Нужно ли мне для этого снова возвращаться к его характеристике? Хозяина Коновалова уже не было, Коновалов бежал за границу, Коновалов сидел в Париже, но здесь оставался Лопатин, и судьба снова сталкивает с ним.

Как встретил Куприянов Октябрьскую революцию? Куприянов не тая, совершенно откровенно и просто ответил на вопрос прокурора: «я двадцать лет работал в другой обстановке, для меня это было так странно, так неожиданно»; в конце концов Куприянов вынужден был признать, что встретил Октябрьскую революцию враждебно и по тем именно причинам, вследствие тех классовых и бытовых моментов, о которых я уже говорил.

Но, может быть, эти настроения у него преломились бы, но рядом с ним был Лопатин, его глазами смотрел Куприянов на развертывавшиеся события, с его точки зрения Куприянов оценивал явления и события, перед ним проходившие.

В 1918 г., саботажа ли ради, потому ли, что была эпоха военного коммунизма и в Москве было голодно, Куприянов уезжает в деревню на родину, к братьям; там живет несколько месяцев, затем по-

ступает на службу в качестве фабричного инспектора и честно работает в этой должности в течение нескольких лет; только в 1922 г. возвращается он обратно в Москву. Начиналась эпоха нэпа, в технической верхушке, о которой здесь шла речь, равно как и в эмигрантских кругах, чутко прислушивавшихся за границей к тому, что здесь происходило, зрела мысль, лелеялись надежды, что нэп — это капиталистическое перерождение советской власти, что близится час, когда под влиянием нэпа советская власть вернется в капиталистическое русло, что близится момент, когда под влиянием развивающейся концессионной политики эмигранты извне смогут вернуться и получить обратно свои фабрики и заводы. Такая информация в той или другой форме передавалась из-за рубежа нашим эмигрантам, к числу которых принадлежал и Лопатин, самым тесным образом связанный с зарубежной эмиграцией в лице Крестовникова, Коновалова и других. В эту обстановку попадает и в эти настроения сразу окунается Куприянов. Однако до 1925 г. мы на жизненном пути Куприянова не видим элементов вредительства. Только в середине 1925 г., по словам самого Куприянова, он начинает вредительствовать. Но как это вредительство начинается? На этом следует остановиться, потому что это характерно для такой личности, как Куприянов: его втягивают во вредительство, на которое он сам, может быть, не решился бы. Лопатин образует кружок. Этот кружок сначала преследует как-будто бы культурно-бытовые цели; собираются старшие инженеры, чтобы поговорить о своем положении, обсудить способы улучшения своих материальных условий, о воспитании детей и т. д.; но одновременно с этим на этих небольших групповых собраниях, преследовавших как-будто такие невинные цели, начинаются разговоры о хозяевах, находящихся за границей, о фабрикантах, надеющихся вернуться обратно к своим фабрикам; шопотом передаются свежие новости, привозимые из-за границы, о том, что будет интервенция, что возвратятся обратно хозяева; это не проходит бесследно для таких безличных людей, как Куприянов, который ориентируется всегда на своего хозяина. Хозяин — наивысший для него авторитет, и все слухи, приходящие из-за границы от хозяина, он воспринимает как некий императив. Вредительство — это тонкий яд, он всасывается и впитывается такими людьми как Куприянов незаметно и, раз впитавшись, с трудом дает возможность от него освободиться.

Посылаются из-за рубежа деньги; при этом посылающие уведомляют, что деньги даются без всяких обязательств; была, очевидно, цель показать, что вот, мол, мы здесь на чужбине все же остались вашими благодетелями, думаем о вас, спасаем от лишений и неудобств, в которые вас поставила советская власть. И эти моменты, конечно, также действовали на психику. Этот испытанный прием давал свои плоды и оказывал большое влияние на людей типа Куприянова. Все чаще направлялись информации, и настоящие и ложные; все больше и больше укреплялась уверенность, что пробьет час, когда вернутся и Коновалов, и Крестовников и вступят во владение своими прежними поместьями и фабриками.

... И вот в 1927 г., когда стало совершенно ясным и очевидным и для технической верхушки, и для зарубежных белогвардейцев, что надежды на эволюцию советской власти к капитализму нет, что начинается реконструкция народного хозяйства, когда в связи с этим происходят некоторые кон'юнктурные затруднения и несколько ухудшается бытовое положение инженерства, тогда на этой почве начинается деятельность иного характера; уже если и не прямо напоминается, то как-то вытекает само собой напоминание о том, что деньги-то в свое время были приняты, уже открыто требуются определенные вредительские действия и образуются вредительские оформленные группы, которые выливаются с течением времени в «Промпартию»; учащаются информации через отдельных членов ЦК «Промпартии», бывающих за границей, намечаются близкие сроки интервенции, подчеркнуто сообщается, что сам Пуанкаре вступил с переговоры с «Торгпромом» и принимает на себя руководство организацией интервенции, будущего нашествия на советскую землю... Все это, конечно, активизирует вредительские настроения...

В отношении Куприянова здесь нужно отметить одну естественную для него особенность: он не полностью верит всем этим информациям, ведь хозяин ему ничего не сказал, от самого Коновалова ничего не слышал, его гнетут сомнения, и он поручает Ситнину: «вот вы едете в Париж, спросите у Коновалова от моего имени, правда ли, что будет интервенция». И Ситнин видит Коновалова, и Коновалов говорит Ситнину, что интервенция будет. Но теперь, раз сам хозяин сказал, что интервенция не миф, не сказка, а действительно подготовляется, действительно будет осуществлена, значит надо к ней и самому готовиться, не пришлось бы иначе ответ держать перед белогвардейцами, да и, пожалуй, перед своим бывшим хозяином. Человек политически недалекий, он воспринимает известия, полученные от Коновалова, как нечто твердо определяющее всю его дальнейшую жизнь.

Здесь много говорил т. прокурор о получении Куприяновым за это время денег в сумме приблизительно 12.000 рублей; совершенно правильно, деньги Куприянов получал, те самые суммы, которые раздавались отраслевым группам. Он их не просил, но, когда ЦК «Промпартии»

распределял их между всеми вредительскими группами, брал и Куприянов; он этого не отрицал и не отрицает. Но совершенно ясно, что не деньги эти стимулировали его вредительскую деятельность; для людей, подобных Куприянову, который материально был тогда совсем не плохо устроен, 12.000 р., полученных в течение нескольких лет, не могли явиться стимулом для такого опасного, чреватого по своим последствиям занятия. Стимулировать вредительство Куприянова могли только такие моменты, как глубокое убеждение в правильности коноваловских сообщений, которые, как это мы теперь вполне достоверно знаем, отвечали действительности; наконец то обстоятельство, что Пуанкаре — в глазах Куприянова немалый авторитет— сам принимает участие в организации интервенции, не могло не иметь для Куприянова решающего значения.

Нужно ли мне перед вами, товарищи судьи, перечислять все то, что сделал Куприянов, нужно ли говорить о печальных делах, которые он творил... Все это и вам и всем здесь достаточно известно, и я не собираюсь в какой бы то ни было степени умалять значение вредительской деятельности Куприянова.

Его преступления вызывают одинаковое возмущение и в защитнике, о них четко и подробно говорил прокурор, и касаться их снова вряд ли имеет смысл. Но я должен здесь отметить другое: и во вредительской этой своей работе, во всех своих вредительских действиях Куприянов остается все тем же Куприяновым— приказчиком, исполнителем хозяйских приказаний, каким я его нарисовал раньше.

Прокурор здесь сказал: «Куприянов практик-вредитель». Прокурор прав, Куприянов, пожалуй, практик-вредитель, но это потому, что он вообще по преимуществу производственник; у него нет того вредительского, теоретического обоснования, которое было у других. Он именно практик, он делает то, что ему приказывают другие, по его мнению, более авторитетные и умные люди, чем он; а эти другие действительно умели, в случае надобности, подогнать под вредительство и идеологическое и теоретическое обоснование.

И важно отметить, что с Куприяновым, как с политической фигурой в «Промпартии», совершенно не считались. ЦК «Промпартии» политическое значение Куприянова оценивало как нуль. Ему отдавались приказания через Федотова и других, но самого его в ЦК не вызывали. Вспомните показания Федотова, что он Куприянова в ЦК не встречал.

Прокурор говорит, что Куприянов был в ЦК своим человеком. Да, поскольку он исполнял приказания ЦК, поскольку он был техническим исполнителем, и только исполнителем в силу отмеченных здесь его особенностей. Но, что ЦК «Промпартии» не придавал Куприянову большого значения, видно хотя бы из того, какую роль ему отводят впоследствии при распределении министерских должностей, предполагавшихся к занятию после переворота членами ЦК «Промпартии». Характерно, что себе Рамзин намечает место премьер-министра. Ну, а Куприянову? Что дали бы Куприянову, если бы удалось «Промпартии» совершить переворот, и Рамзин вдруг действительно сделался бы премьер-министром? Куприянова ни в одном списке даже управделами совета министров не намечают. И нет никакого сомнения, что если бы мечты Рамзина сбылись и он оказался у власти и распределял бы министерские портфели, Куприянов в лучшем случае получил бы место директора одной или нескольких текстильных фабрик в Иваново-Вознесенске.

Товарищи судьи, вот Куприянов в его прошлом, вот Куприянов в его политическом миросозерцании, вот он и в его вредительских действиях. Но сейчас Куприянов приходит сюда, а еще раньше в ГПУ, и позднее у следователя и говорит, что он осознал свои ошибки, осознал свои преступления, что он раскаялся, но не верит ему прокурор и, конечно, имеет право на это недоверие.

Революция имеет право, обязана быть подозрительной, и прокурор тем более имеет право здесь быть подозрительным, ибо только здесь сдернуты маски с тех кто оказались членами «Промпартии», а несколько месяцев назад в этом же зале на другом процессе огромного значения имели дерзость занять одну трибуну с прокурором.

И после жуткого маскарада, который учинили здесь Осадчий и Шейн, мы понимаем, что прокурор обязан не верить раскаянию обвиняемых. Но всякие бывают раскаяния. Раскаяние в политическом процессе — это не раскаяние в уголовном процессе.

Раскаявшийся бандит или вор, сегодня бьющий себя на суде в грудь, уверяющий, что он никогда больше грешить не будет, завтра обманет и снова вступит на путь преступления. Политический же деятель, публично отрекшийся от своих убеждений, от своей предшествующей деятельности, убивает себя, как такового, навсегда.

Подпольная революционная организация, разбитая физически, но не разгромленная морально, может возродиться. Члены ее, приходя на суд и зная даже, что им угрожает физическое уничтожение, не отрекаются от своих убеждений, а смело и мужественно защищают свои идеи, которым они служили, ибо знают, что на смену им возродятся новые кадры, которые после них будут творить то же революционное дело.

Подпольная контрреволюционная организация, разоблаченная и ошельмованная своими представителями и руководителями, никогда не сможет вновь возродиться; она не встретит сочувствия ни среди своих рядовых членов, ни среди колеблющихся социальных прослоек.

Вот почему, товарищи судьи, никто из подсудимых, здесь сидящих, людей большого интеллектуального размаха и совсем не слабых по натуре, никто, ни один, ни единым словом не нашел в себе мужества защищать правоту своих взглядов и своих поступков.

Можно в тишине подполья творить шпионаж, но пусть попробуют защищать его на суде, перед рабочим классом!

Можно там, за рубежом, людям, потерявшим и честь, и совесть, и национальное достоинство, говорить об интервенции, замышлять военную диктатуру, раздел и разорение своей бывшей родины, но и то только втихомолку. Впрочем, теперь эти люди, окончательно потерявшие чувство стыда, говорят там, за рубежом, об этом вслух, публично и в своих газетах.

Но можно ли у себя, в своей стране, защищать такую, с позволения сказать, идею?.. Можно ли говорить перед рабочим классом о подготовке удушения рабочего класса?.. В этом можно только сознаваться. Эти идеи в кавычках, вытащенные на свет из мрака подполья, убивают сами себя и морально их носителей. Они не смогут защищать эти мысли, эти гнусные планы более никогда, ни при каких условиях, ни при каких обстоятельствах.

Прокурор говорит, что сознание подсудимых — это их единственный выход из положения. Это верно. Но от этого сознание это не теряет своей ценности, скорее оно приобретает тем большее значение, что это не слезливое биение себя в грудь, а продуманное осознание своих ошибок; осознание таких ошибок, — это признание своего политического банкротства, это полная моральная, идейная и политическая капитуляция, и потому оно имеет бесспорную ценность и значение.

Товарищи судьи, но Куприянов говорил здесь еще и другое. Куприянов уверял здесь суд, что он не только сознался здесь, не только раскаялся здесь, но что еще раньше, несколько лет назад, вскоре после того, как вступил на этот путь вредительства, он уже испытал некий внутренний разлад.

Что же, и в этом нет ничего невероятного. В пользу такого утверждения Куприянова есть простые психологические и чисто житейские соображения. Мы уже говорили не раз, что Куприянов по существу — политически безличная фигура. В Куприянове сильней всего инстинкт производственника, черпавшего удовлетворение лишь в процессе производства. Это его подлинная стихия.

Когда он занимается операциями вредительского характера, он выполняет их только потому, что они ему внушены другими, но это не его инициатива, не его задача...

Но когда Куприянов вредит, он, производственник, видя что хотя в различных отраслевых группах много и многие также вредят, не может не заметить одного обстоятельства: удары, прорехи и из'яны, наносимые вредительством, немедленно залечизаются, уничтожаются вследствие творческой энергии рабочего класса, грандиозного размаха строительства. Он видит, что, несмотря на наносимые народному хозяйству ранения, оно растет и продолжает бурно развиваться; он видит, что все попытки затормозить, помешать рабочему классу осуществить свою волю к победе, к новым успехам, к завершению пятилетки, к социализму — бесплодны и обречены на гибель. Каждый день его в этом убеждает. Он видит, что встречным планом, как справедливо говорил прокурор, перекрывает рабочая масса все попытки вредительства. Прокурор говорит, что это ни в какой степени не умаляет вины подсудимых. И с этим я не могу не согласиться, но эти противоречия между вредительскими действиями и результатами их, которые наблюдал Куприянов, не могли не заставить его серьезно задуматься; они подтверждают искренность его заявлений о давнем раздумье и раскаянии.

Есть и еще момент, который психологически делает понятным об'яснение Куприянова, что он перестал верить хозяину и колебался уже много ранее.

Слыша до революции не раз, как Коновалов, крупный капиталист, на собраниях, в государственной думе, дома, при всяком торжественном случае, как вообще это любили наши бывшие капиталисты, говорил о великой России, единой, неделимой, о России огромной, могучей и всякие такие другие прекрасные слова,— и что же теперь услышал Куприянов? Он услышал, что там, в Париже, тот же Коновалов, который говорил такие патриотические вещи, подготавливает и его, Куприянова, склоняет организовывать изнутри базу для интервенции против этой «великой и неделимой» России для уничтожения и порабощения ее.

И тогда Куприянов, пусть он совершил ряд отвратительных поступков, преступных дел, в этом случае искренно утверждает, что, как русский человек, который любит свою страну, как родину, на которой остался и живет, видя изменнический замысел против нее, многое пережил и передумал.

Он должен был перестать верить там, тем, кто за рубежом, и начать верить здесь, где, он видит, все делается для счастья его родины.

И еще один вопрос не мог не возникнуть у Куприянова и еще одно сомне-

ние не могло не тревожить его совести... Неужели не должен был Куприянов, вредя сам и видя, как вредят кругом, поставить перед собой простой вопрос: а для чего все это делается, для какой цели, для чего он, Куприянов, участвует в создании такого положения, при котором в страну, где он живет и работает, придут иноземные и белогвардейские полчища, зальют кровью равнины, будет голод, будет нашествие, плакать будут обездоленные дети и затопчут и сгубят родные поля и, может быть, по спинам братьев его, которые пашут землю в Рязанской губернии, не раз и не два пройдется нагайка красновских казаков. Должен ли был об этом подумать Куприянов? Должен был. Не мог не подумать... А если подумал, то должен был дать себе только один ответ: «Мне, Куприянову, и моим братьям это не нужно, для нас это — гибель. Это нужно только Коноваловым, чтобы вернуть свои фабрики и заводы».

Такой ответ должен был дать себе Куприянов, и надо полагать, что он его дал.

Но, спросит прокурор, если Куприянов дал себе такой ответ, если он так расценивал результат своей вредительской деятельности, то почему же он продолжал вредить?

В самом деле, допросом тов. председателя было установлено, что Куприянов в течение ряда лет, зная об интервенции, все же продолжал вредить. И когда по этому поводу мы поставим Куприянову вопрос: почему он продолжал вредить, если у него были такие переживания, про которые он здесь упоминал, то не трудно предугадать и ответ, который дал бы Куприянов, если бы мог он правильно передать всю пережитую сложную трагедию.

Был разлад, была несомненно внутренняя борьба. У такого всем своим нутром производственника, как Куприянов, этой борьбы не могло не быть. Но было и то, о чем на суде говорил Федотов, — была групповая психология, была тина, болото, которые засосали, в которые легко попасть, но из которых выбраться очень трудно... Была сила инерции и сила групповой психологии...

И наконец выбраться из подпольной организации — это что значит? Это значит разоблачить, значит одному стать против других, значит открыто выйти и громко заявить, взять самому на себя инициативу борьбы против остальных — на это не всякий рискнет, а Куприянов фигура не героическая и даже далеко не сильная.

Но Куприянов и остальные обвиняемые говорят, что к окончательному убеждению, к окончательному выводу, к полному осмысливанию того, что они сделали, они пришли главным образом в тюрьме. И здесь они не лгут; прав Федотов, когда он говорит, что тюрьма это — лучшая политическая школа. Тюрьма это — место, где в течение месяцев пребывания люди осмысливают, продумывают все то, что они сделали в течение всей своей жизни. Они концентрируют перед собой все свое прошлое, они подвергают анализу все свои действия за предшествующие годы и только здесь ясно видят все совершенные ими ошибки и преступления.

И когда Куприянов, который несомненно только в тюрьме получил элементарные познания по политической грамоте, утверждает, что только в тюрьме он наиболее ясно и глубоко осознал и понял свои поступки, — он не лжет. И когда далее Куприянов говорит, что раскаивается и хочет работать, думается мне, товарищи судьи, что ему в этом можно и должно поверить.

Есть разные формы раскаяния и признания. Один говорит: «я разоружаюсь, я полностью складываю оружие, я прекращаю мою борьбу с советской властью». Так говорит командующий неприятельской армией, так говорит лицо, считающее себя полномочным представителем обреченного класса, так говорят генералы от контрреволюции. А другие говорят просто: «я раскаиваюсь и хочу работать». И Куприянов говорит, что он хочет работать, что он может работать; я думаю, что он должен работать и его работа может принести огромную пользу, потому что Куприянов большой знаток своего дела, он крупнейший специалист в текстильной области. Он еще не стар. Годами работы он может и должен искупить те раны, которые нанес нашему хозяйству.

Сейчас, товарищи судьи, я должен поставить перед вами основной вопрос, в плоскости которого у меня только и есть спор с прокурором: что же надо сделать с Куприяновым, какова мера его ответственности, как с точки зрения революционной целесообразности должна быть определена дальнейшая участь Куприянова. Действительно ли защита нашего строительства, защита завоеваний революции в данный момент, при данных условиях требует физического уничтожения Куприянова?

И вот, когда я задумываюсь над этим вопросом, мне приходит на мысль одно соображение. Мы, старые судебные работники, знаем один неписанный закон некоей психологической процессуальной аберрации. Что это значит? Когда на скамье подсудимых сидит шайка самых от'явленных преступников, убийц, бандитов и когда налицо и глава шайки и ближайшие его помощники и второстепенные участники, тогда, как бы ни довлела над сознанием судей тяжесть преступлений, совершенных шайкой, судебная перспектива располагается правильно и правильно распределяется ответственность среди всех членов шайки.

Но когда главе шайки удается удрать и он находится за пределами досягаемости, когда нет главных виновников преступления, когда на скамье подсудимых сидят лишь второстепенные персонажи шайки, тогда искажается судебная перспектива, тогда преступления тех, кто скрылся, кто отсутствует, тяжким бременем падают на сознание судей и отражаются на ответственности наличных обвиняемых. И когда мы здесь видим этих людей, сидящих на скамье подсудимых, я в праве спросить: а что же, все ли виновники здесь, правильна ли здесь судебная перспектива? И разве для всех нас не ясно, что не все на скамье подсудимых? Разве мы нашим умственным взором не видим за спинами этих людей главных виновников, вдохновителей и подстрекателей? Разве мы не знаем, не понимаем, что сейчас по этому делу на исторической скамье подсудимых сидят подлинные виновники, мировые хищники, зловещие тени которых проходили перед нами в течение всего процесса, сидит «Торгпром», сидит Пуанкаре?

Может быть, будет время, и я верю в это, когда на реальной скамье подсудимых, перед международным трибуналом мирового пролетариата будут сидеть и эти подсудимые, но отсутствие их в данный момент тяжело отражается на наличных обвиняемых, и искажена судебная перспектива.

Товарищи судьи, еще несколько слов... Обвиняемые сознались... Обвиняемые полностью и подробно рассказали о всех своих преступных делах... Они разоблачили интервентов, разоблачили поджигателей войны, разоблачили тех, кто хочет и готовится залить кровью нашу страну, разоблачили того, кто смеется над мертвецами — я говорю о Пуанкаре, который смеялся на могилах французских солдат. И, может быть, сейчас он смеется и над этими, ожидающими вашего приговора.

Но каков реальный результат их разоблачений? Что мы сейчас наблюдаем, видим и слышим? Возьмите любую газету, откройте сегодняшние страницы, что вы прочтете? Десятки тысяч рабочих вступают в коммунистическую партию, сотни тысяч крестьян — в колхозы, красные обозы тысячами подвод везут продукты в государственные склады, растет и ширится под'ем народного хозяйства. Рабочий класс побеждает на всех путях, во всех углах, во всех областях народного хозяйства. И я в праве сказать, вам, товарищи судьи: вы здесь — представители победоносного рабочего класса, отнеситесь же к Куприянову так, как победитель-гигант относится к побежденному, раздавленному и морально уничтоженному врагу.

Председатель. Об'является 5-минутный перерыв.

Председатель. Продолжаются прения сторон. Слово имеет защитник тов. Оцеп.

ОЦЕП. — Т.т. судьи, каждый, кто вдумчиво и честно, без классовой ослепленности, без софизма остановится на мысли о сущности и последствиях военной интервенции, которую готовили, которой в известной степени содействовали обвиняемые настоящего процесса, тот не сможет не понять конфликта, разлада, возникающего между сознанием человека и гражданина и тяжелым долгом защиты. Метод судебной защиты должен быть об'ективен, логически точен, аналитичен, индивидуально доказателен. Голос гражданина рвется в общую массу протеста против тех интервентски-вредительских актов, которые являются предметом исследования Специального присутствия Верховного суда, предметом напряженнейшего внимания советской государственности, предметом гнева и возмущения народных масс, глубокой, глубочайшей тревоги сознательного международного пролетариата, глубокой тревоги независимых умов европейской интеллигенции, о чем прозвучали голоса Шоу, Роллана, Стефана Цвейга.

Математически точно, без конвульсий внутреннего протеста, без срывающихся слов горечи, деловито текли слова обвиняемых о готовящихся диверсиях и кризисах народного хозяйства. Холодно и профессорски спокойно указывались, рассказывались, доказывались интервентски-вредительские факты, которые несли стране и народу действительные страдания действительных смертей и болезней, действительные страдания действительного холода и голода, — и это не фраза. Думаю, что в доказательство этой мысли не следует, не надо повторять перечня суммы вредительских последствий и интервентских действий. Они четко и ясно запечатлены на страницах опубликованного обвинительного заключения, они многократно подтверждены словами и делами обвиняемых, они воспроизведены наконец в исчерпывающей по доказательности речи государственного обвинителя. Позвольте однако привести один единственный документ, один отрывок из показаний подсудимого, который во всей правде рисует, что такое интервенция, каковы ее методы, каковы ее цели. Обвиняемый Федотов показывает: «На чем основывалась уверенность в успехе интервенции? Уверенность питалась из-за границы и основывалась на слабой будто бы подготовленности Союза к войне, на громадных успехах в военном деле во Франции... Особенно много рассказывалось об успехах авиации и о том, что французы могут перебрасывать по воздуху целые корпуса с необходимым вооружением, что подобные маневры делались и удались, что бояться разложения наступающих армий нет основания, ибо поляки и румыны ненавидят русских.

Тут решит вопрос национальная ненависть. Франция же пошлет колониальные цветные войска».

Итак, сила и средства интервенции: «ненависть к русскому народу поляков и румын», конечно, определенных капиталистических верхов, ненависть, которая не остановится перед территориальным разделом Союза.

Максимальный вариант территориального раздела Союза вы слышали из уст компетентного свидетеля Юровского.

Вторая сила — варварские, закабаленные империализмом цветные войска, направляемые «цивилизацией» некоторых стран на погром народов Союза.

Наконец третья сила — высокая культура французской истребительной техники, готовой спустить с аэропланов порох и удушливые газы.

И ради чего? Ради того, чтобы добиться удовлетворения капиталистических аппетитов и вожделений, чтобы привести к власти озлобленную крупную эмигрантскую буржуазию, чтобы залить в крови жизни и труды масс, дерзнувших собственными силами строить новое хозяйство, новое общество.

Передо мною конкретный вопрос: какую роль в этой, чуть не ставшей кровавой, эпопее играл мой подзащитный?

Я защищаю Ситнина.

При полном признании пред'явленных ему обвинений в политической контрреволюции, при собственном разоблачении своих вредительских замыслов и задач, при осознании всех тягчайших последствий готовившейся интервенции, при заявлении о полном политическом и организационном разоружении, выразившемся в полном отказе от своих контрреволюционных идей, от своих вчерашних друзей, при неотрицании моральной и должностной продажности, засвидетельствованной найденными тысячами царского золота, при покаянности, которая прозвучала погребальным звоном над всей его прошлой жизнью и деятельностью и, быть может, не только над прошлым... задача защиты становится исключительно трудной и крайне узкой.

Нет спора о фактическом составе преступления, нет спора о юридической квалификации, есть спор лишь о степени социальной опасности, есть спор о репрессии.

Защита не считает себя в праве отступить перед трудностями предстоящей задачи и присоединиться к требованию прокурора: «расстрелять», и не только потому, что нет той степени морального и политического падения, откуда человек не мог бы подняться, но и потому, что нет и не должно быть безверия в те моральные силы революции, которые не смогли бы даже государственного преступника, даже морально павшего внутренне перестроить, приспособить, переродить. И лучшим доказательством не только политической победы власти, но и моральной силы идей социализма является то, что вчерашние политические деятели, носители определенной программы капиталистической реставрации, притязавшие не только на руководство национальной промышленностью в грандиозном масштабе страны, но и на политическое руководство государством, банкротировали, не выдвинули в защиту собственных капиталистических идей ни одного протеста, ни одного принципа, ни одного слова.

Их организационный разгром, их арест, акт политической зоркости и бдительности органа политической охраны государства, их раскаяние, их самоопустошение — идейное и моральное торжество принципов социалистического строительства.

Пользуясь выражением Ленина, «моральный вес победившего пролетариата» не раз позволял проявлять даже к вчерашнему, но разгромленному и разоруженному врагу смелость доверия, силу великодушия, отказ от расстрела, как заслуженной репрессии. Недавно почти в тождественных исторических процессах мы были свидетелями смелого акта пролетарского правосудия, — я говорю о двух процессах, идейно и преемственно связанных с настоящим процессом. И если прокурор проводил аналогию по содержанию, позвольте мне обосновать аналогию наказания с шахтинским процессом, строго говоря, эпизодом, который получил свое завершение в деятельности «Промпартии», и процессом «СВУ», который по своему политическому содержанию и значению не только для Украины, но и для Союза едва ли уступает настоящему процессу.

Позвольте цитату из резолютивной части приговора по делу «СВУ»: «Признавши, что со всей исчерпывающей полнотой подтвердились данные предварительного следствия..., что «СВУ» ставил своим заданием свергнуть советскую власть на Украине путем восстания, оторвать Украину от Советского Союза с помощью интервенции и реставрировать на Украине буржуазный строй. Главной задачей «СВУ» было уничтожить все завоевания Октября и превратить Советскую Украину в аграрную колонию западно-европейского капитала».

И тем не менее советский суд, ставя в этих процессах вопрос о цели и мере репрессии, находил революционно целесообразным отказаться от применения высшей меры социальной защиты — по шахтинскому процессу путем восхождения к высшей власти, по делу «СВУ» — самостоятельно.

Чтобы установить, чтобы понять, насколько эти процессы могут служить политическими и судебными прецедентами для настоящего процесса, позвольте краткие цитаты. Приговор по шахтинскому

процессу гласит: «Значительное большинство подсудимых, осужденных по настоящему делу к высшей мере социальной защиты — расстрелу, еще в стадии предварительного следствия и затем на судебном следствии не только признали свою вину перед пролетарским государством, но и стремились раскрыть перед ним все обстоятельства совершенных ими тяжких преступлений... Учитывая это обстоятельство, а равно и то, что громадное большинство осужденных представляет собой квалифицированную техническую силу, которую возможно использовать в соответствующих условиях на практической работе, Специальное присутствие Верховного суда СССР в отношении Березовского, Казаринова, Матова, Братановского, Шаблуна и Боярщинова ходатайствует о замене расстрела иной мерой социальной защиты».

Еще один прецедент неприменения высшей меры социальной защиты по наиболее тождественному политическому процессу.

И характерно — надлежит это подчеркнуть, — что такой подход был не только в отношении рядовых членов «СВУ», но ответственных вождей, главарей и организаторов.

Резолютивный тезис гласит: «Руководителя, организатора «СВУ», академика Ефремова, являющегося социально крайне опасным для трудящихся УССР и пролетарской революции, подвергнуть лишению свободы сроком на 10 лет. Суд признал возможным не применять к Ефремову высшей меры социальной защиты—расстрел—в связи с тем, что он принес полное раскаяние на суде».

«Чеховского подвергнуть лишению свободы на 10 лет. Суд в отношении Чеховского также признал возможным не применять высшей меры социальной защиты в виду того, что он принес полное раскаяние на суде».

То же в отношении Никовского.

На той же точке зрения стоял и центральный орган партии. Через несколько дней после процесса «СВУ», 21 апреля 1930 г., в тот момент, когда «Промпартия» была обнажена, изобличена и разгромлена, в этот момент «Правда» в передовице под названием «Приговор истории над украинскими контрреволюционерами» писала: «По отношению к вождям «СВУ» не было надобности в применении высшей меры социальной защиты, поскольку они еще до суда сложили свое оружие к ногам пролетарской диктатуры и своими откровенными показаниями помогли органам ОГПУ раскрыть всю сеть преступной организации «СВУ» на Украине и за границей».

Таким образом, отказ от высшей меры социальной защиты, как политический подход в политических процессах к репрессии в данный исторический момент, в отношении почти тождественных преступлений, во всяком случае не менее серьезных, чем те обвинения, которые пред'явлены моему подзащитному Ситнину, отказ был декларирован государственной властью, в лице Верховного суда, и партийной общественностью, в лице центрального органа Центрального комитета партии.

Судебные и исторические аналогии условны и относительны. Я выдвигаю вопрос об аналогии наказания применительно к Ситнину. Прав ли я, разрешит Специальное присутствие, но, чтобы обосновать право на аналогию наказания, надо знать, надо установить, какую роль в подготовке к интервентской эпопее Ситнин играл, какое место в грандиозной иностранной и русской галлерее вождей, руководителей, организаторов, исполнителей и попустителей интервенции он занимал и наконец какую долю и форму хозяйственно-технического вредительства он проявлял.

Факты дела дают ответ на этот вопрос. Нет спора с представителем государственного обвинения: Ситнин — не вождь, не кандидат на министерские портфели, не член ЦК «Торгпрома», не член ЦК «Промпартии», не глава, но рядовой член вредительской организации; Ситнин не занимался ни шпионской (ему не пред'явлено 58[6]), ни диверсионной, ни военно-подготовительной, ни наконец текстильно-мобилизационной вредительской работой.

Роль Ситнина как руководителя впервые, как намек, промелькнула в судебном заседании, и я бы на этом не останавливался, если бы в аргументах, которые выдвигал прокурор в своей обвинительной речи, он не вернулся к психологически незначительному факту, к тому, что свидетель Кирпотенко засвидетельствовал перед судом, как факт согласия Ситнина на замену Федотова, улыбку, мелькнувшую на устах Ситнина. Когда Кирпотенко заговорил с Ситниным, — вы припоминаете, товарищи судьи, — о недовольстве «Торгпрома» медлительностью в текстильном вредительстве, о возможной замене Федотова более молодым, более активным, более интенсивным, у Кирпотенко, по его словам, — я подчеркиваю: по его словам, а не по иным авторитетным и об'ективным признакам, по его суб'ективному мнению, после того, как он поставил вопрос, не заменит ли Ситнин Федотова, — мелькнуло представление, что на это предположение Ситнин улыбнулся. Улыбку Ситнина Кирпотенко понял, как знак политического согласия. Ситнин однако пояснил, что эта улыбка означала иронию над самим собой. На мой вопрос Кирпотенко: «Ваш вывод о согласии Ситнина на замену Федотова, как члена ЦК, — только произвольное, личное, суб'ективное толкование улыбки», — вы помните, он ответил: «Да».

Ситнин отрицает политический смысл этой улыбки, но его улыбку толкуют, как согласие выставления его кандидатуры в вожди, его улыбку толкуют, как согласие на занятие поста активного интервентского деятеля.

Я вспоминаю из старых анналов правосудия один случай суб'ективного и ошибочного понимания и толкования улыбки: во время обвинительной речи обвиняемый, как показалось тогда обвинявшему прокурору, цинично улыбался. Эта наглая улыбка обвиняемого свидетельствовала о злостности преступления и обусловливала острый натиск обвинения. Приговор был вынесен суровый, но, проходя после вынесения приговора мимо обвиняемого, прокурор заметил, запоздало осознал, что лицо обвиняемого физически изуродовано, что не он смеется, а над ним — жутким оскалом — уродство его смеется вот так, как над Ситниным его политическое уродство смеялось, его политическое невежество, которое так явно обнажилось на экзамене по политграмоте тут на процессе.

И это не трагическая сказка о Гуинплене, как вечно смеющемся мальчике. Это урок из одной прокурорской биографии, урок, дающий вывод о том, как произволен может быть, как осторожен должен быть сделан вывод о смысле улыбки.

Ситнин вождем себя не считал, политическим авторитетом среди «Торгпрома» и «Промпартии» не являлся, профессорским титулом и известностью никакой не блистал. Связью с ответственными инициаторами и подстрекателями интервенции, кроме облинявшего Коновалова, не отличался и наконец руководителем, инициатором вредительства в смысле занятия главнейших, руководящих постов не состоял. Он директивы ЦК через Куприянова и Федотова исполнял.

По линии интервенции надлежит признать — был один разговор с Коноваловым в Париже. Политическое значение этого эпизода Ситнин подтверждает, однако он подчеркивает эпизодичность, единичность, условность визита и разговора. Передача сведений характера государственных тайн, которая могла быть в подобной ситуации при разговоре советского должностного лица с представителем эмигрантской буржуазии, не имела места, и прокуратура в этой части доверяет, ибо 58[6] Ситнину, как вы знаете из резолютивной части обвинительного заключения, не пред'являет. Значит в этом случае, в этом единственном интервентском случае Ситнин советского государства не продавал и государственных тайн не выдавал.

Наконец директивных инструкций он лично непосредственно не привозил. Кирпотенко (том 2 дела, № 248) показывает: «Директивные указания получались через Федотова и Куприянова». Нольде свидетельствует, что «текстильная организация получала все информации и директивы в 1928—30 гг. от инженера Федотова, который передавал их или руководителям отдельных групп организации, или непосредственно наиболее ответственным работникам ВТС».

Наконец от интервенции (по дате) он отошел раньше всех. Стенограмма свидетельствует этот факт. Я поставил Ситнину вопрос: «С какого периода примерно начался внутренний перелом и отход от активной интервентской работы?» Он ответил: «С тех пор, как я узнал о том, что интервенция является реальной возможностью». «Как это датировать?» «Я датирую началом 1929 г.».

По линии вредительства исполнительскую роль он не отрицает, но в вредительскую группу он вошел позже других и вышел раньше других. Момент вхождения устанавливают Куприянов и Федотов. В стадии судебного исследования Куприянов совершенно точно установил, что в первоначальную группу Ситнин не входил. Он показал: «Сейчас я не могу точно установить времени его вхождения, но во всяком случае он в начальную группу не вошел».

Федотов на предварительном следствии устанавливает: «Руководителем текстильной группы до 1927 г. был инженер Лопатин, а с 1927 г. я, Федотов, имевший прямое сношение с Хренниковым. В близком контакте с текстильной группой были Куприянов и Нольде». Нет указания на близкий контакт Ситнина.

Что говорит Кирпотенко? «В вредительской организации текстильной промышленности состояли вместе с Куприяновым Федотов, Кузнецов, Тарасов и др.». Видимо, под второстепенным участием других, без персональных наименований, скрывается и Ситнин.

Наконец по линии Текстильимпорта. Тут прокуратура об'ективно фактически права. Но по линии Главхлопкома Ситнин удостоверяет, и это обстоятельство никем не опровергнуто: «Мое вредительство заключалось в том, что, наблюдая за хлопкоснабжением текстильной промышленности, зная о том, что в Главхлопкоме, органе, снабжающем текстильную промышленность, обстоит не все благополучно, зная о том, что там вредительские действия проводились, этим действиям не препятствовал. Это было в течение всего времени, пока я наблюдал за хлопкоснабжением».

У меня невольно сорвалось: «Значит знали, но не препятствовали. Это есть в переводе на юридический язык попустительство». «Очевидно так», — ответил Ситнин.

И еще одна выдержка из показаний Федотова: «После моего возвращения в Москву я передал»... и т. д. Здесь также отсутствует фамилия Ситнина. Может быть, это свидетельствует о неглижиро-

значении его роли и авторитета там, где протекала вредительская интервентская деятельность.

Наконец, в отношении степени вредительства Ситнина надлежит заметить, что при исследовании в стадии судебного следствия Ситнин не был опрошен (фиксирую внимание Специального присутствия) ни о вредительстве до интервенции, ни о вредительстве для условий интервенции. Не следует ли из этого сделать вывод, что с точки зрения Специального присутствия и представителя государственного обвинения факт прохождения мимо роли Ситнина свидетельствует о незначительности этой роли.

Итог таков: в галлерее вредителей-интервентов, развернувшихся от низов отраслевых организаций через политически ответственных и руководящих лидеров «Торгпрома» и «Промпартии» к верхам империалистического поджигательства и подстрекательства, Ситнин — один из заурядных, рядовых, никчемных, типовых исполнителей, в некоторых отношениях, в некоторых случаях, в некоторых формах попустителей вредительства. Меньшая активность вредительства, — я думаю, что я не теряю об'ективности, когда утверждаю это, — узкая эпизодичность интервентской причастности и третьестепенное значение по политической сущности — бесспорны. Ленин в одной из своих мыслей высказывает, что «в личном смысле разница между предателями по слабости и предателями по умыслу и расчету очень велика. В политическом отношении этой разницы нет». Но в уголовном процессе при расценке индивидуальной ответственности именно «личный смысл» преступника и важен, и я думаю, что разница между волевой закалкой Рамзина, как рисовал прокурор, и рыхлой, бесхребетной установкой Ситнина — очевидна и велика. Ситнин несомненно может вызвать возмущение торгашеством, продажностью, как формулировал обвинитель, своего должностного долга, как международный взяточник, как спекулянт. Эта улика личности — симптом убийственный. Однако склонен думать, что в процессе мирового масштаба, в процессе, отражающем трагически чудовищную игру судьбою миллионных масс, теряется значимость того должностного, почти бытового преступления как взятка, по компетентному раз'яснению председателя, квалифицированная по 2-й ч. 117 статьи и поглощаемая по совокупности 58 статьей. Однако есть один факт, на котором позвольте остановить ваше внимание. При допросе прокурором о происхождении золота, со слов Ситнина выяснилось, со слов, ничем не опровергнутых, что золотые монеты не при обычном обыске были найдены, но им, Ситниным, сданы ГПУ. Ситнин утверждает, как значится в стенограмме, что сдал он сам, — значит в известном смысле добровольно открыл то, что в течение 8 лет таил, добровольно сдал. Тогда, быть может, факт добровольной сдачи спрятанного и хранимого в течение 8 лет золота является симптомом добровольного отказа не только от капиталистических накоплений, не только от корыстных вожделений, дани капиталистическому прошлому, но и в известной степени свидетельствует, — а этот момент имел место в тюрьме, — об отказе от капиталистических, связанных с вредительством, настроений.

Общим истоком преступной сущности Ситнина, по его собственному признанию, является капиталистическое наследие, проявившееся не только в погоне за криминальной наживой путем куртажа, вернее квази-куртажа и взяток, но и в методах вредительства, в путях интервенции, ведущих к капиталистической реставрации...

Тут, товарищи судьи, мы на стыке, мы встречаемся с большим и больным историческим вопросом, не впервые развертывающимся, не впервые получающим свое выражение в судебной проблеме, — об об'ективных причинах, о суб'ективных предпосылках вхождения в контрреволюционную организацию определенных групп технической интеллигенции, кастового инженерства. Эту проблему широко развернул шахтинский процесс, эту проблему разрабатывает специальная литература, на ней заострил внимание и прокурор.

Позвольте несколько слов о причинах вхождения Ситнина в контрреволюционную организацию, о причинах пребывания его на позициях интервентского воинствующего капитализма.

Первая причина — неизжитые предрассудки старого буржуазного уклада, цепкие установки его навыков и интересов, подсознательный унаследованный пласт капиталистических инстинктов, как базы политического сознания; вторая причина — специфические ущемления и ущербы, причиненные инженерству Октябрем, сбой с авторитетных комфортных мест и высот, узость политических знаний и горизонтов, упиравшихся в старые методы мысли, старые формы работы, и наконец неверие в планы и темпы социалистического строительства, в экономические и технические возможности построения нового общества.

Причины политические, причины технические.

В зависимости от более тесных связей с известными слоями капитализма, в зависимости от большей личной связанности с духом капитализма во всем своеобразии его признаков доминирует капиталистический момент, как регулятор убеждения и поведения.

Марксистская психология утверждает, что классовый корень социального происхождения определяет линию личного

поведения. Чем меньше связь с буржуазными кругами и укладом, чем больше интеллигентской самостоятельности и в известной степени служилой разночинной интеллигентской независимости, тем сильнее и действеннее преобладал не капиталистический, но технический стимул поведения, технический стимул убеждения. Одни шли от классовых интересов, от политики, от капиталистической идеологии к безверию в прогресс советского хозяйства. Другие, и среди них Ситнин, от техники шли к политике, к убеждению в неспособности наладить советское хозяйство. Факты последних двух лет: реальные достижения в области крупной промышленности, в области индустриализации, реальные достижения пятилетки в четыре года, реальный напор производительных и производственных темпов и эффектов рабочего класса переубеждали и не только тут, у порога великих работ стоявших, понимавших и долженствовавших понимать инженеров, но и даже буржуазных специалистов, даже буржуазных экономистов. Если американский профессор Каунтс на лекции заявлял, что «пятилетний план, проводимый СССР, является самым выдающимся социальным экспериментом во всем мире», если американский экономический журнал от 6 октября 1929 г., — примерно к этой дате некоторые обвиняемые начинают колебаться, у них появляется кризис политического сознания, — помещает статью, в которой говорится, что «ни одна страна в мире никогда не делала таких гигантских прыжков вперед, как это предполагает сделать Россия», если лидер II Интернационала Вандервельде признает, что «успехи пятилетки приведут к серьезному улучшению условий жизни всего русского народа», то можно ли поставить под сомнение, можно ли считать неискренним признание некоторых из обвиняемых, которые говорят, что факты выполнения пятилетки, факты развития советской промышленности, энтузиазм рабочего класса сначала вгоняли в скепсис, потом во внутренний разлад по поводу целесообразности вредительства.

Какие основания не верить Ситнину, когда он говорит: «Широкий размах советского строительства привлекал меня как инженера, тянул меня с головой окунуться в эту работу».

Успехи строительства, размах планов и целей, — вот источник его раздумья и внутреннего раздвоения, повод для признания вредительства бесплодным, повод для отхода от вредительской активности. Но инерция неизжитой групповой психологии не позволяла порвать с вредительской инженерной средой, удерживала Ситнина среди интервентов, мешала решимости разрыва, заставляла нести тяготы душевного раздвоения и все еще толкала к вредительству. Развивались два параллельных процесса, медленно, болезненно: внешнее — пребывание на позициях контрреволюции и внутреннее — колебание, сомнение и даже преклонение перед техническими победами революции.

Разгром организации, тюрьма, отрыв от круговой поруки среды, от кастовой традиции, оставление наедине с самим собой в камере в раздумье над статьей 58, с сознанием не исключенного расстрела, как репрессии, толкнули Ситнина к мысли: «За что умирать?» Режущим сознание рефлектором осветила смерть: все бессилие методов вредительства, все бесплодие путей контрреволюции, все бесславие, всю чудовищность интервенции. Тут начался перелом, если не в смысле политического перерождения, то в смысле признания политического заблуждения. Ситнин говорит: «Я много за эти месяцы тюрьмы пережил, передумал, сознаюсь в своем заблуждении».

Он скромен. Он говорит не о разоружении, не о перерождении. Он говорит о политическом заблуждении. Ситнин не стал, быть может, в тот момент новым человеком, но перестал быть старым. Это скромнее, но честнее, чем декларация о перерождении. Я и говорю, что на данный момент честнее признать собственный отказ от заблуждений, чем утверждать сформировавшееся политическое переубеждение.

Возникает вопрос об искренности этого признания. В разливанном море двойственности, лицемерия, лживости, которые характеризуют слова и дела вредителей, которые спутывают представления о границах их подлости и честности, которые удушливыми миазмами отравляют последний путь уходящей с исторической сцены вредительской интеллигенции, которые начинают окутывать, охватывать щупальцами подозрительности виновных и безвинных, трудно конечно быть убежденным в искренности вредителей, гримировавшихся вчера в честных советских строителей. Тем паче трудно доказывать эту искренность. Но именно в этом процессе, как эпилоге инженерского вредительского самообнаружения, раскрылся дьявольский политический маскарад.

Достаточно вспомнить имена Шейна и Осадчего, цинически трансформировавшихся из государственных вредителей в общественных обвинителей, бичевавших, обличавших и гнавших в могилу своих же собственных исполнителей. Сюжет, думаю, своей психологической и политической остротой должен был заставить перевернуться в могиле автора «Бесов».

Трудно, повторяю, в этих психологических условиях аргументировать искренностью, и тем не менее позвольте привести те об'ективные моменты, которые искренность Ситнина доказуют: бессилие, — а это исторический факт, — противопоставить идее социалистического строительства собственное банкротировавшее

капиталистическое убеждение; полное опустошение во всех уголках политического вредительского сознания; полное разоружение не только идеологического, но и организационного порядка и наконец факт запоздалого патриотического презрения к своим собственным интервентским козням против родной страны, которые привели их к роли глупых марионеток чужих аппетитов, факт признания, преклонения перед планами, методами и результатами инженерно - технического строительства на фабриках и полях Советского Союза, факт грозившей смерти, которая ткани мозга передвигает и потрясает и поневоле создает слом убеждений, факт осознания бесцельности смерти за умершую идею, факт готовности, если такова будет воля суда, отдать все помыслы, все силы искреннему напряженному труду.

Бывают в переживаемой эпохе, в личной жизни исключительные обстоятельства, которые меняют идеи, убеждения и даже, — так отмечают социальные психологи, — стойкий характер. Неожиданные, невиданные в истории, признанные врагами темпы строительства социалистической эпохи, глубокие внутренние потрясения, переживания разоблаченного, разоруженного, смотревшего смерти в глаза Ситнина, не могшего не знать смысла и санкции 58-й; сломали его вредительские умыслы и установки. И прав прокурор, когда говорит, что Ситнин в настоящее время не политический, идейный организм, но политически выхолощенный, пустой, пустотелый, только рабочий, но квалифицированный механизм.

Перед вами выбор, выбор репрессий Ситнину. Анализ прошлого, повторяю, свидетельствует о меньшей активности вредительства, об эпизодичности интервентской причастности, о третьестепенности его социальной опасности. Анализ настоящего свидетельствует об осознании политических заблуждений, о готовности проявить трудовое рвение, о возможности использования его в качестве специалиста и инженера. Перед вами, товарищи судьи, выбор репрессии. Вы должны решить, вы решите: — его труп или его труд, но труд тюремно-принудительный, труд длительный, труд оздоровительный, труд очистительный.

Есть морально-психологический закон, который звучит внешне парадоксально, своего рода диалектика перевоплощения человеческой энергии: чем острее осознает человек свою вредительскую и политическую виновность, чем благодарнее ощущает великодушие революции, отказывающейся от расстрела, как репрессии, дающей право на труд, тем сильнее и преданнее он отдается искупительному труду, переключает энергию вредительства на контрвредительство, на творческий под'ем планового социалистического строительства. Труд становится моральной потребностью.

И такое состояние, товарищи судьи, залог не только отказа от политических заблуждений, но залог и начало социального обновления.

Я прошу о неприменении расстрела.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМЫХ

Рамзин:

— Граждане верховные судьи, я совершенно ясно и отчетливо сознаю, что теперешнее мое последнее слово является действительно последним словом, моим последним выступлением перед широкой аудиторией. В большую часть своей сознательной жизни, последние 15—20 лет мне приходилось очень часто выступать с лекциями, докладами и речами. Сегодня в моем последнем слове, в моем последнем выступлении перед судьями и перед широкой аудиторией я хотел бы без всякой хитрости, без всякого лицемерия высказать еще несколько добавочных соображений, добавочных доводов, касающихся того дела, которое вы рассмотрели. Сейчас, за несколько часов до конца не время лгать и хитрить.

Первый вопрос — относительно тех личных побуждений, которые меня заставили вступить в контрреволюционную организацию, тех побуждений, которые заставили меня принять активное участие в ее работе. Государственный обвинитель об'яснил это простым расчетом. Я утверждаю, что это освещение, равно как и зарисовка как моей личности, так, насколько мне известно, и других подсудимых, — эта зарисовка не отвечает тому, что есть на самом деле. Эта зарисовка отличается излишней схематичностью. Эта зарисовка напоминает мне персонажи старинных английских романов, где злодей изображается злодеем с ног до головы, а добродетель изображается без единого пятнышка. Но здесь ведь перед вами не персонажи стилизованные или схематизированные, а живые люди, и поэтому здесь истинная обстановка, истинная картина побуждений, внутренних движений сложнее. Она не так проста, как это хотел изобразить государственный обвинитель.

В самом деле, можно ли было например из-за денежных расчетов, из-за приработка 10—20—30% к жалованию рисковать головой, итти на предательство, измену, вредительство? Я думаю, что никто не поверит этому. Можно ли было из-за каких-то проблематических расчетов мне лично итти на это? Что я мог ожидать от перемены власти? Ничего лучшего во всяком случае, потому что то, что я имел в Советском Союзе, об этом редко заграничный ученый может мечтать как в смысле материальной обстановки, так и в смысле той исключительно благоприятной научной обстановки, в которую я был поставлен. Личные и материальные побуждения мною не

руководить. Главной и основной причиной, которая заставила меня стать на этот путь, это было определенное, твердое и глубокое убеждение в то время в неправильности, в гибельности политики советской власти, твердое и глубокое убеждение в том, что эта политика ведет страну неизбежно к развалу, к кризисам, к катастрофам, к гибели, к неизбежному контрреволюционному перевороту, может быть, стихийному, — вот это убеждение в связи с моральным давлением инженерских кругов и масс, которое способствовало созданию такого убеждения, это убеждение было главной и почти единственной движущей силой, которая меня и многих моих товарищей по несчастью толкнула на этот путь. А путей всего-навсего было два. Есть только два пути. Больше выбирать не из чего. Один путь — налево, к Кремлю и через него вперед и выше, трудный путь к вершинам социализма, и другой путь — направо, путь, который неизбежно в данной конкретной ситуации приводил в Париж, путь, который неизбежно приводил в ту адскую кухню воинствующего империализма, где готовились войны, нападения при помощи шпионажа, измены, предательства, вредительства. Третьего пути не было и нет. Путь нейтральности отсутствовал. Это была кратковременная, возможно случайная задержка, но такого пути не было. И вот из этих двух путей мы пошли направо. До чего же дошли? Продумав за последний год, за месяцы заключения в тюрьме, во время следствия, во время процесса, я теперь ясно вижу, к чему мы пришли. При успехе интервенции, на которую мы прежде всего шли, совершенно неизбежно переходили мы к территориальному разделу нашей родины, к колоссальным экономическим и политическим жертвам вплоть до утраты экономической и политической самостоятельности. При неуспехе интервенции мы все же пришли бы к срыву хозяйственного строительства, к срыву пятилетки, к задержке экономического развития страны. В обоих случаях мы пришли бы к тем результатам, которые явно противоречили интересам страны. И поэтому, осознав и увидав это полностью и со всей ясностью, пройдя путь откровенного признания и раскаяния, я считал необходимым бороться с этим, хотя и поздно, но бороться против него тем единственно возможным способом, который остался в моем распоряжении, — способом разоблачения истинных вдохновителей, истинных организаторов и виновников готовящейся войны и в том числе и моей личной.

Совершенно ясно здесь вырисовывается роль белой эмиграции, с которой готовилась военная интервенция, их стремления к возврату прежней собственности или компенсации землями, роль «Торгпрома», игравшего роль маклера, комиссионера или, точнее сказать, политической свахи, и наконец роль французского правительства, или точнее — французских правительственных кругов — главного оплота и центра воинствующего империализма в настоящее время, основного центра борьбы против Советского Союза и определенного виновника будущей войны. Но обычно истинные виновники войны обнаруживаются, да и то не всегда, спустя много времени после того, как война закончилась. Очень часто и их не находится. Но виновники будущей войны теперь ясны, эти виновники теперь раскрыты.

Следующий путь, который мы прошли, — путь вредительства, путь, который органически чужд психологии, чужд внутренней конструкции инженерства. Инженер — творец, созидатель по своей природе, инженеру, как таковому, роль разрушителя также органически чужда и неприемлема. И однако по этому пути пошла известная прослойка инженерства, пошла под влиянием ожесточенной классовой борьбы. Только это ослепление, только эта ожесточенная классовая борьба могла толкнуть инженерство на такую чудовищную меру, на такой чудовищный вандализм, который органически чужд самой психологии и структуре инженера, как такового. На такую меру конечно могла пойти только каста, небольшая классовая прослойка, не имеющая корней в народных массах и не имеющая возможности иначе опираться, иначе координировать свои действия.

И наконец третий путь — путь измены и предательства путем диверсии, военной организации, которая являлась логическим завершением той последовательной цепи, которая образовалась из отдельных заданий и связей с белоэмигрантскими и заграничными правительственными кругами, которая являлась естественным завершением того стремительного продвижения по наклонной плоскости, на которую вступила «Промпартия».

Я пошел и на следствии и на суде на добровольное полное сознание в виде чистосердечного раскаяния. Государственный обвинитель здесь задавал вопрос, чем об'ясняется такое массовое сознание, такое отсутствие сопротивления, борьбы, такая покорность и готовность не только не защищать себя, но даже обвинять.

Причина этого сознания совершенно ясна. Уже к середине лета 1930 г., а тем более к концу его, к теперешнему процессу, после месяцев тюрьмы, после следствия и процесса, у каждого из нас совершенно ясно определилось сознание глубокой неправильности, ошибочности, преступности выбранного пути. Не осталось никакой внутренней уверенности, никаких внутренних устоев или опорных пунктов для того, чтобы защищать смысл этого пути, для того, чтобы от-

стаивать его правильность, отстаивать его целесообразность. Не осталось этих внутренних устоев. Они были разрушены и опустошены и теми выводами, которые пришлось сделать в результате продумывания и проработки всех материалов и данных и, кроме того, на основании наглядного урока жизни. Поэтому тут правильно один из защитников сказал, что мы сюда пришли не бороться, не защищаться, мы пришли капитулировать. И мы сюда пришли капитулируя. Пришли затем еще и с другой целью, чтобы, убедившись в гибельности, неправильности, преступности нашего пути, не на словах, а на деле показать, что мы уже окончательно порвали с прошлым, что мы в том уже небольшом отрезке времени, который остался в нашем распоряжении, начали борьбу против того, что строили, и на протяжении тех дней, которые были в моем распоряжении и в распоряжении моих товарищей по процессу, мы и постарались, в пределах возможности, вскрыть все то, что нам было известно по интервенции, чтобы облегчить возможность защиты против нее. Мы постарались вскрыть все тайники, может быть не все, но во всяком случае то, что удалось в течение процесса, все уголки вредительской работы, вскрыть вредительскую организацию, как мы это сумели и как мы это успели.

Наконец я лично шел сюда, убедившись окончательно в крушении прежних построений, в неправильности и ошибочности моих прежних установок, с тем чувством, которое часто движет в особенности русским преступником, — это ощущение того очищения, которое я получаю при всенародном покаянии, при всенародном признании своей вины, своих ошибок, своих преступлений. И я скажу, что с этого процесса, какие бы ни были результаты его для меня лично, я уйду с более спокойной душой, чем я пришел.

В течение этого процесса, в течение 11 дней, которые мы здесь провели, я ясно чувствовал ту ненависть, те проклятия, которые из глубины зала направляются сюда, к скамье подсудимых, направляются ко мне лично. Я чувствовал и те волны народного негодования, которые проникают сюда из-за стен. Я чувствовал сконденсированную ненависть и презрение в речи государственного обвинителя, но в то же время я чувствовал, что, придя сюда с чистосердечным раскаянием и признанием, может быть, не сейчас, но, может быть, через некоторое время это жгучее чувство ненависти будет немного сглажено сознанием народных масс, что хотя бы к концу своего преступного пути мы все же старались повернуть с него.

Мы все же попытались, правда в ничтожной мере, поправить и исправить тот колоссальный вред, который мы принесли республике.

Государственный обвинитель выражал здесь сомнение в чистосердечности наших показаний, в частности моего. Я не буду полемизировать по этому поводу, я не буду защищать себя, я только дам одно коротенькое об'яснение. К сожалению, деятельность «Промпартии», руководившаяся в последнее время мной, была настолько разветвлена, настолько многообразна, настолько разностороння, что даже в шестичасовых показаниях, что даже при 11-дневном суде нельзя, нет возможности вскрыть с полной подробностью и ясностью все стороны ее деятельности, а кроме того, нельзя отчасти еще и потому, что я сам ряда деталей этой деятельности не охватывал, относившихся особенно к предыдущему периоду. Но во всяком случае все основное, все главное, что могло бы облегчить республике эту борьбу против вредительства и против интервенции, — это основное и главное мы как-будто успели сказать.

Каковы же выводы, каковы же установки, к которым я пришел в результате такого трудного, тяжелого, позорного пути? Для меня уже с конца 1929 года 1930 год представлялся решающим годом, годом решающего эксперимента, конца которого я ждал с таким же волнением, с таким же трепетом, с которым я неоднократно ждал конца своего научного опыта в лаборатории, чтобы убедиться, верна ли была теория, верна ли была моя установка или нет, — так же я ждал и 1930 г. И вот здесь надо будет сказать прямо и открыто, что тот опыт, который принес 1930 г., он окончательно разрушил все наши прежние построения, все наши прежние взгляды, потому что истекающий 1930 г., который несомненно является перевальным, решающим годом пятилетки, он с полной отчетливостью, с полной ясностью показал всю ложность, всю неправильность, всю ошибочность наших построений, наших взглядов, построений всевозможных специалистов и политиков, ибо, несмотря на вредительскую деятельность, несмотря на активное противодействие разветвленных организаций «Промпартии», несмотря на противодействия и контрреволюционную деятельность «ТКП» и других контрреволюционных организаций, вместо катастрофы и гибели народного хозяйства этот год, этот перевальный, решающий год пятилетки принес нам наоборот невиданные колоссальные успехи социалистического строительства. И теперь, когда этот перевальный, решающий год позади, я с полным убеждением искренно и открыто говорю, что, к стыду нашему, мы должны признать, что политическое чутье, что революционное сознание пролетарских масс и их вождей сумели найти неизмеримо более верные,

более правильные пути экономической политики, чем те ряды ученых, на которых мы опирались, к которым мы сами принадлежали.

И вместе с тем истекшие два наиболее трудных и тяжелых года социалистического строительства обнаружили в нем новые силы, новые потенции, новые колоссальные возможности, ибо, несмотря на энергичные вредительские усилия ряда контрреволюционных организаций, сорвать пятилетний план не удалось. Несмотря на стремление привести страну к разрухе, энтузиазм рабочего класса и стальная и твердая воля его вождей смели все препятствия по пути выполнения социалистического строительства и не только не сдали позиций пятилетки, но ответили на это как раз выполнением пятилетки в четыре года.

И вместе с этим мне стала ясна еще одна ошибка, одно заблуждение, которое вело нас дальше к борьбе и к преступлениям, это — ошибка в оценке необходимых и правильных темпов народного хозяйства. Продумывая и переоценивая деятельность «Промпартии», мою личную работу, которая была направлена в сторону снижения темпов индустриализации народного хозяйства страны, я теперь ясно вижу, что защищавшиеся и правыми коммунистами низкие темпы экономической работы, диктуемые переоценкой кратковременных кон'юнктурных хозяйственных затруднений и стремлением обеспечить безмятежное обывательское благополучие, — эти установки в корне противоречат как самому духу и сущности истинной революционной партии, каковой является коммунистическая партия, так и насущным интересам всей страны в целом. Ибо я с полной ясностью понял теперь все величие, а главное всю неизбежность необходимого, небывалого по своему масштабу и историческому значению решительного социалистического сдвига, единственно обеспечивающего лучшее, не только дальнейшее социалистическое строительство, но и самую возможность существования социалистического государства во враждебном капиталистическом окружении. Я понял, что надо сделать бросок, что надо сделать скачок, что надо штурмом взять ближайшие позиции и оставить в стороне заботу об обывательском счастье, о безмятежном существовании.

Теперь я понял, что наши ошибки, наши построения базировались на том, что мы не видели тех новых форм, тех новых потенций, которые сами вызывают титанические усилия и колоссальные успехи. Мы не видели их и не видели потому, что не видели корней в народных массах, которые были от нас далеки и с которыми мы не были связаны. И в то же время политическое чутье пролетариата и его вождей, тесно спаянных с этими массами, живущими их жизнью, их надеждами, любящими их любовью и ненавидящими их ненавистью, — им эти потенции, эти скрытые внутренние силы были ясны, может быть, не количественно, но хотя бы качественно.

И вот это есть по-моему главный корень, главная причина той ошибки, того заблуждения, того ослепления, а за этим всей цепи последующих преступлений, которые привели нас сюда.

Поняв это, я понял, что крушение прежних взглядов, прежних надежд, прежних построений не создает ощущения безнадежности. Наоборот, теперь я увидел и понял новые пути, новые горизонты, новые возможности, которых раньше не видел. Я понял, что сила коммунизма, сила коммунистической партии прежде всего и больше всего, может быть, и об'ясняется именно тем, что он использует рабочие массы, рабочий класс не как простую рабочую силу, как его используют капиталисты, он использует ее не как пушечное мясо, как это делают империалисты, а сила коммунизма в том, что он использует рабочие массы со стороны их духовных сил, их глубоких и громадных таинственных потенций и их умеет вызывать.

Вот эта цепь фактов, непрерывная цепь поражений, крушений всех надежд и построений, она и привела к полной переоценке прежних взглядов, к полному разрыву с прошлым и к тому, что у меня, и думаю у моих товарищей, хватило решимости решительно порвать с прежними антисоветскими контрреволюционными кругами и здесь, в Союзе, и за границей и притти сюда безбоязненно, открыто рассказавши о том, что мы делали.

Я думаю, что настоящий процесс, весь этот длинный, позорный путь, который проделала «Промпартия», и наглядные колоссальные успехи социалистического строительства ясно показали широким массам и в частности инженерству всю тщетность контрреволюционных устремлений и построений и глубочайших противоречий их с жизненными интересами страны. Поэтому я глубоко убежден, что теперь все инженерство решительно отбросит всякие колебания, что все инженерство с увлечением примется за работу на великой социалистической стройке и покажет невиданные еще до сих пор успехи и достижения. Я твердо уверен в том, что эта небольшая антисоветская прослойка, которая еще сохранилась в инженерных кругах, в инженерной среде, и эта прослойка станет на путь преданной и честной работы. Я верю, что процесс «Промпартии» будет моментом резкого поворота в отношениях между инженерством и советской властью и что инженеры выступают теперь последний раз здесь перед пролетарским судом в качестве членов контрреволюционной организации.

За последние три года я был злейшим, активнейшим врагом советской власти и боролся против нее всеми доступными мне средствами, но теперь, сознав свою ошибку, свои преступления и принося в них полное раскаяние, я разоружился до конца и склоняю свою голову перед волей пролетариата.

Теперь, когда я думаю о предстоящем наказании, о предстоящем возмездии, во мне борются два чувства: одно чувство, которое говорит, что с таким позором, с таким недоверием (потому что иначе относиться ко мне не могут) жить больше нельзя, лучше смерть, чем такая жизнь. И с другой стороны, то, что я понял, — вероятно слишком поздно, — полную реальность, полную возможность социалистического строительства, приводит к другому желанию. Хочется жить, чтобы увидеть самому это время чудес, которых не было никогда в истории человечества. Хочется и самому принять участие в этом великом строительстве. Решение этого вопроса будет в руках суда, и я не смею подсказывать суду какое бы то ни было решение. Пусть советская власть в лице Верховного суда сама решит, что выгоднее для республики — моя смерть или моя жизнь и работа. Я должен честно, прямо и смело сказать, что тот приговор, которого требовал для меня государственный обвинитель, справедлив. Если моя смерть сможет удовлетворить справедливое негодование широких пролетарских масс и даст возможность вернуть социалистическому строительству столь необходимые ему крупные инженерные силы, отнятые «Промпартией», я готов понести заслуженное мною суровое наказание. Если с этой целью жизнь моя нужна республике, пусть она возьмет ее. Но если, став на точку зрения ненужности возмездия, если несмотря на исключительную тяжесть моей вины, пролетарский суд и советская власть сочтут возможным сохранить мне жизнь, то я даю твердое и нерушимое обещание отдать ее целиком без конца на укрепление советской власти, на преданную, самоотверженную, неустанную работу по строительству социализма, с глубокой уверенностью в его господство, в его победу во всем мире. Все свои знания и опыт, приобретенные мною главным образом благодаря советской власти и тем условиям, в которые она меня поставила, все свои знания я буду с энтузиазмом отдавать на благо процветания пролетарского государства и социалистического отечества, чтобы вернуть мой долг последнему и хотя бы частично искупить и покрыть тот вред, который я им причинил.

Я кончаю. Мое обещание — не пустые слова и не пустая фраза. После коренного крушения всей моей прежней идеологии, после мучительного внутреннего кризиса и пережитых мною моральных страданий мне верить можно.

Чарновский:

— Я сознаю всю тяжесть своей вины, своего преступления перед рабочим правительством и приношу Верховному суду мое искреннее и чистосердечное раскаяние в ней. Я готов искупить эту вину тем приговором, который Верховный суд найдет нужным произнести, но если суд снизойдет и разрешит мне еще поработать, то я готов отдать все силы на служение советскому правительству и советской промышленности.

Я позволю себе, не защищаясь, ибо я от защиты отказался, но только поясняя картину моего падения, указать некоторые дополнительные, может быть, данные, сделать обобщение о моей деятельности, чтобы Верховному суду было ясно, как я вступил на путь «Промпартии» и чем я стал теперь.

Конечно, виновата прежде всего моя несовершенная идеология, о которой здесь говорил обвинитель. Эта идеология, которую можно охарактеризовать, как аполитичность, больше всего отвечает сущности моего политического сознания. Она, правда, сменилась враждебностью с момента Октябрьской революции к советской власти. Мне уже пришлось здесь указать на причины, на почву, на которой эта враждебность выросла, и на то, что за ней последовало.

Почему же я остался таким политически неграмотным, малограмотным человеком, не интересовавшимся политикой? Здесь виноваты условия жизни, в которых я находился. Я должен был слишком рано пройти тяжелую школу, школу лишений и забот об оставшейся после смерти отца семье и не имел времени заниматься, по получении самостоятельности и окончании курса, политическими вопросами.

Затем моим свойством был недостаток воли, слабость воли, способность подчиняться чужому влиянию. В школе я был под влиянием более сильных, затем, в академической среде, под влиянием товарищей по учебной деятельности, и наконец в органах ВСНХ это было влияние, для меня привычное, некоторых определенных лиц — Хренникова и других товарищей, которые состояли уже в организации и с которыми я был в дружественных связях.

Вот таким путем, на почве тяжелого переживания момента Октябрьской революции и на почве постоянного общения с моими товарищами, уже отдавшими себя делу «Инженерного центра», возникли и моя близость к этой организации и вступление в нее.

Я ощутил первые признаки перелома с момента, когда уже получил доступ к рассмотрению тех крупных проектов строительства, которые вполне отвечали моей мысли и чувству техника. Это были уже проекты капитального строительства на основе пятилетнего плана. Я яв-

нялось и тогда уже являлся горячим сторонником плановой системы хозяйства. Меня охватила эта струя планомерного планового строительства, направляемая по таким линиям, которые вполне соответствовали моим линиям.

Затем, как я уже здесь упоминал об одной беседе с Хренниковым, мне уже стали представляться вопросы об интервенции в совершенно другом виде. Я задавался вопросом о том, что она с собой несет, чем она грозит. Я наконец уяснил себе, что это вещь ужасная и, выражаясь теми словами, которые здесь были произнесены о цене оплаты этой интервенции, я понял, что это действительно и дорого, и жалко, и обидно, обидно за ту роль, которая выпадает на долю «Промышленной партии».

Затем уже, это было в начале этого 1930 г., мне пришлось побывать после долгих лет на заводе, который служил поприщем моей начальной деятельности, — на Сормовском заводе. Я опять соприкоснулся с живой работой, увидел много рабочих, с которыми я когда-то работал, как их старый товарищ. Я обменялся с ними теплыми словами и рукопожатием и почувствовал внутри, что я всегда был внутренне с ними и останусь с ними, ибо меня с ними связывали всегда взаимная приязнь и уважение. В этом направлении моя мысль и чувства шли дальше.

Пребывание в тюрьме дало мне не только время, но особую остроту для переживания и обсуждения всех этих мыслей. Здесь я понял и приветствовал всем сердцем основную идею нового строительства, это — привлечение к строительству творческих сил не только инженерства, но и творческих сил массы товарищей по работе, с которыми мы должны выполнять эти работы, стремление выявить все лучшие силы страны, какие в ней есть, чтобы общими дружными усилиями проложить в кратчайший срок дорогу к намеченной цели. И вот я решил, что мне по дороге только с этим направлением.

Таким образом совершился мой перелом, который является уже и окончательно оформляет мои верования, мое воззрение на хозяйственное развитие. К прошлому идеологически для меня нет возврата и не может быть. Бесформенным или пустым, как здесь правильно говорили, я не могу быть. Это уже вошло в меня.

Если мне будет суждено выйти из тюрьмы на новую работу, я, конечно, выйду другим человеком, с другой психологией. Слишком много я продумал, прочувствовал, прострадал. Слишком много у меня умерло прежних утопий или неправильных представлений, и слишком ясно и отчетливо стала передо мной правда жизни, та правда, которую несет в себе наше наблюдаемое нами творчество социализма, новой жизни в нашей стране.

Мне хотелось бы также отметить и некоторые плюсы в моей прошлой жизни, если позволите. (Председатель: «Вы можете говорить столько, сколько это вам кажется необходимым»). Здесь коснулись моей педагогической деятельности. Это было для меня самое ценное, самое долгое время моей жизни. Я провел в педагогической жизни 24 года. За 24 года преподавания мною было сделано немало полезного. Мне приходилось все время быть в творческом процессе, усовершенствовать методы преподавания той науки, которой я служил, — технологии, затем разработать новые, еще не затронутые области преподавания — организацию производства; затем создать область специализации технологии в МВТУ, которая там раньше была в зачаточном состоянии. В настоящее время уже сотни моих учеников, лично у меня кончивших курс, служат на заводах, и почти нет завода, куда бы я приехал и не застал бы своего какого-нибудь ученика. Ныне в МВТУ и в других втузах преподают уже в качестве профессоров мои ученики.

Я считаю, что, таким образом, это — некоторый вклад в пользу будущего промышленного строительства.

Понадобилось у нас поставить совершенно новую отрасль рационализации производства, и сразу же мне пришлось вести и этот курс о научных началах рационализации — на курсах для рабочих, мастеров и инженеров.

Мне пришлось читать этот курс даже в нескольких городах.

Таким образом, в педагогическом отношении, если была у меня случайная ошибка цифровая, если она действительно была, если я действительно позволил себе эту ошибку, я думаю, что, поставив на весы 24 года моей положительной работы и эту мою ошибку, которая, я допускаю, могла произойти, — все-таки Верховный суд признает, что я имею право просить о прощении.

Дальше: по вопросам идеологии, по вопросу об отношениях моих к прежнему строю, так как этого коснулись, я позволю себе напомнить суду, что я потерял 4 с половиной года, в течение которых не был допущен министерством к занятиям и преподаванию потому, что я казался подозрительным. Таким образом мне не за что быть благодарным старой власти.

Дальше мне остается несколько слов сказать о своей промышленной работе. Я позволю себе указать, может быть повторяясь, что я впервые в России, это определенно известно, на прокатном цехе в 1902 г., 28 лет назад, ввел 8-часовой рабочий день вместо 12-часового.

Затем, я написал немало книг, из которых наиболее крупные признаны Нар

вопросом в качестве пособий, полезных для преподавания во всех вузах и втузах. Об этом имеются официальные указания.

Дальше, я работал в НТС. Моя деятельность там известна. Мои сотрудники-коммунисты, с которыми я работал, могут подтвердить мою нагрузку, особенно в течение последних двух лет, когда я почти не имел свободных вечеров, и мою работу комиссия, которая обследовала деятельность НТС, нашла вполне добросовестной. Страдала только моя научная литературная работа, и здесь мне приходилось догонять в течение отпусков. Последние мои четыре работы, сделанные за время отпусков, лежат у следователя.

Итак, Верховный суд может рассматривать меня как уже довольно поработавшую, но еще исправную человеческую машину, но сознательно стремящуюся работать вместе с рабочим классом над промышленным строительством нашей страны.

У меня точно так же, как у моих товарищей, имеется полное убеждение в том, что наш отрицательный опыт никто не повторит. И мне кажется, что я имел бы смелость с некоторой надеждой просить суд о снисхождении в своем приговоре не как к страдающему человеку — в страданиях мы виноваты сами, — а как к еще полезной величине, которая желает, горячо желает работать на пользу советского строительства.

Я прошу суд о снисхождении в приговоре.

Ларичев:

— Убийственную, суровую оценку нашей деятельности дал государственный обвинитель. Но могло ли быть иначе? Конечно нет. Чересчур тяжелы совершенные преступления, чересчур, в зависимости от этого, тяжела и ответственность, падающая на нас и в частности на меня.

Может быть, в отдельных деталях государственный обвинитель и сгустил краски, давая оценку нашей деятельности, но в конце концов все эти детали разве меняют существо дела? Нет, и я на них не хочу останавливаться. Может быть, они усугубляют юридическую сторону моей ответственности, но могут ли они усугубить моральную сторону вины, тяжесть которой я сознаю и оправдания которой я не ищу?

Я не хочу защищать себя в этом последнем слове. Но если нет в моем положении оправдания, то есть чувство долга. Я понимаю, что этот долг состоял в том, чтобы, порвав навсегда с прошлым, сознавая свою вину перед советской властью и перед всеми трудящимися Союза, притти сюда и честно и открыто сказать все то, что было мне известно о нашей преступной деятельности, т. е. о се вредительской, контрреволюционной работе, в конце концов приведшей к самому тяжелому преступлению — к государственной измене, к измене делу рабочего класса.

Этими показаниями я считал, что мы прежде всего вскроем всю ту вредительскую деятельность, которая велась до сих пор, и дадим возможность или, вернее, может быть, до некоторой степени поможем пресечь ее в корне и положить конец раз навсегда и тем самым быстрее ликвидировать ее последствия. С другой стороны, я обязан был вскрыть те пружины, которые двигали и направляли нашу деятельность, определяли ее путь активной помощи врагам Советского Союза, толкали нашу деятельность на путь помощи интервентам. И вот здесь, вскрывая организаторов и вдохновителей этой интервенции, во всяком случае ее закулисную сторону, тем самым, может быть, до некоторой степени мы способствуем предотвращению тех ужасных последствий, которые она могла бы принести, которые могло бы принести нападение на Советский Союз. Я считаю, что в этой части я свой долг выполнил.

Анализ собственных поступков и весь ход судебного процесса с неумолимой логикой и ясностью вскрыли для нас, для меня в частности, заблуждения, ошибки и ту бездну тяжелых преступлений, куда мы скатились. Уже это одно делало совершенно необходимым, логически и морально обязательным приход сюда с чистосердечным раскаянием. Я думаю, то, что здесь прошло, не дает оснований ни государственному обвинителю, ни гражданам судьям сомневаться в том, что мы были здесь искренни.

Уже последний период нашей деятельности совершенно ясно показал и преступность и безнадежность той борьбы с советской властью, которую мы вели. Я сознался и в этом. Сознался в том, что до конца, к сожалению, продолжал эту борьбу и не имел мужества честно и открыто притти и заявить раньше об этом. Но, сделав неверный шаг и вступив на наклонную плоскость, трудно бывает удержаться от падения. Это падение приобретает уже стремительность.

Я не буду возвращаться к анализу всех тех причин и побуждений, которые толкали на этот путь. Они здесь мною анализировались и подверглись суровой и беспощадной критической оценке государственного обвинителя. Я хочу остановиться только на одном моменте — это первый шаг на ту наклонную плоскость, которая в конце концов вела в стан активных врагов советской власти.

Что меня, как выходца из мелкобуржуазной среды, могло остановить от вступления на этот путь? У меня не было такого классового инстинкта, который предохранил бы от вступления на него, и тут на сцену всплыл другой факт —

это так называемая кастовая инженерская солидарность.

Она крепко держит в своих руках тех, кто попал под ее влияние. Пример наш в этом отношении и печальный урок будет назидательным уроком всем другим, которые еще, может быть, колеблются и сомневаются в выборе своего пути. Ясно, что эта каста должна быть разрушена. Инженерство должно слиться с рабочей средой, потому что только эта рабочая среда предохранит от того тлетворного влияния, которое оказывали на нас технические авторитеты и такие лица, как Рабиновичи, Пальчинские и т. д., позорное, преступное дело которых мы, к несчастью, несли на своих плечах до сегодняшнего дня. Только рабочая среда предохранит такой элемент, каким был я, от их пагубного, тлетворного влияния.

Еще на один момент хотелось бы обратить внимание именно на нашем печальном примере, что нет и не может быть лойяльности среди инженерства. Эта так называемая лойяльность, если за ней даже, по выражению государственного обвинителя, скрывается политическое невежество, и то уже есть первый шаг туда, по наклонной плоскости. Вот почему когда коммунистической партией нам, инженерам, был брошен лозунг: «С нами или против нас?», то каждый честный техник должен был ребром перед собой поставить вопрос о выборе пути: или—или. И на нашем печальном примере ясно, что выбор может быть только один, и не потому, что это единственно возможный выбор, а потому, что он единственно правильный и даже, если говорить со всей совестью, единственно честный. Мне в этом пришлось убедиться не только здесь, на процессе. Мне еще и раньше пришлось убедиться в этом. Мне, сталкиваясь с реальной действительностью нашего строительства, можно было убедиться в том, насколько велики и никем еще не измерены творческие и производственные силы действительного строителя жизни — рабочего класса. Конкретный пример этому — это то, с какой быстротой и легкостью разрушались те сложные ухищрения, которыми вредители хотели затормозить поступательный ход вперед всего народного хозяйства. Мне, работавшему непосредственно в планирующем органе — в Госплане, совершенно ясными представляются все те преимущества, которые дают наша плановая система народного хозяйства и организационные возможности Советского Союза, и, наконец, как инженеру, мне совершенно ясно, насколько широки, насколько неограничены возможности применения и использования современной техники в ведущемся социалистическом строительстве. И вот сочетание этих трех элементов—творческих сил рабочего класса, руководимого партией, плановой системы народного хозяйства и, наконец, применения современной техники — делает задуманный широкий план социалистического строительства совершенно возможным и обеспечивает тот размах строительства, в котором мы убеждались уже на собственном опыте с каждым днем, обеспечивает тот размах строительства, который не снился даже капиталистическому миру. При этих условиях Советский Союз будет непобедим отживающим капиталистическим миром. Я в это верю, и не только верю, но имел тысячи случаев убеждаться в этом. И уже не утопия и не химера социалистическое строительство, а химерой было то, за что мы хватились, — возврат капиталистического строя и его так называемые блага.

Ухватившись за эту химеру, мы, к несчастью, отрезали себе путь отступления, отрезали себе пути участия в социалистическом строительстве.

Но с прошлым покончено. Я думаю, что нет, еще раз повторяю, никаких оснований думать, что мы пришли сюда с какой-то задней мыслью. Нет, с прошлым покончено, и хотелось бы, страшно хотелось бы принять участие в этом строительстве и хоть до некоторой степени искупить свою вину. Но я ясно отдаю себе отчет и в тяжести моих преступлений и в том вреде, который причинен мною Советскому Союзу и родной стране, и я не считаю себя вправе просить суд о снисхождении. Пусть суд сам решит, могу ли я быть полезным и могу ли я еще не быть социально опасным элементом для того, чтобы иметь возможность искупить свою вину.

Но повторяю, что я не имею права при тяжести преступлений просить о снисхождении. Всякий приговор, каков бы он ни был, я приму как заслуженный.

Очкин:

— Я бесконечно рад, что, наконец в моей душе кончается тяжелая драма. Государственный обвинитель в своей речи нанес мне очень тяжелое обвинение, — что я в самом начале Октябрьской революции из каких-то побуждений пошел работать с советской властью. Я хочу сказать, что в Октябрьскую революцию я без всякого колебания, без всякого сомнения пошел работать с рабочим классом. Никаких мнений у меня не могло быть о каком-то куске хлеба. Нет, я идейно пошел работать, строить социалистическое государство.

Я непрерывно начал работать и работал честно и преданно. Я выполнял очень ответственные, тяжелые поручения, и росшее ко мне все больше и больше доверие внушало мне все больше и больше бодрости и уверенности в работе. Так я работал и, как мне говорят, упрямо работал. Но, с другой

стороны, видя, как другие товарищи учатся в других учреждениях, повышают свои умственные способности, а я сижу на инженерно-оперативной работе, я завидовал им. И в конце концов, когда стало легче, когда успокоилась вся напряженная хозяйственная обстановка, я отпросился на научно-исследовательскую работу и пошел в институт к Рамзину.

Рамзин мне много дал, но еще больше от меня берет. Я проклинаю этот час, когда свернул с той дороги, по которой я шел с самого начала Октябрьской революции. Я убедился в том, что все эти ухищрения нашей, я не буду употреблять другого слова, интеллигенции — это есть какая-то слякоть, нет у нее, как сказал государственный обвинитель, хребта, это есть безусловная бесхребетность. И вот я чувствую, насколько неизмеримо выше, даже и сравнить нельзя, правильнее чутье пролетариата, который стоит твердо у хозяйственных рычагов и выполняет пятилетку, а мы — интеллигенты — раздавленные, придавленные, стоим и смотрим...

И вот я попал в тюрьму. В тюрьме я многое думал, и если бы знали верховные судьи, какая у меня была жажда работы! Я мечтал, что вот опять, может быть, удастся быть и у паровой турбины и, может быть, на паровозе. Мне страшно захотелось работать, мне страшно хотелось опять принять участие в выполнении пятилетки.

Теперь я отказался защищаться, ибо тут даже нет смысла защищаться, настолько я совершил такие тяжелые преступления перед рабочим классом.

Я во всем чистосердечно сознался, и у меня теперь только одна защита, единственная защита — это пролетарский суд. Мне бы очень хотелось, я даже не знаю, можно ли надеяться, чтобы этот суд для меня в дальнейшем был прологом для новой, честной жизни.

Я приношу полное раскаяние и прошу советскую власть пощадить меня за все совершенные мои проступки перед пролетариатом и дать мне возможность искупить мою вину. Я обещаю, что честным трудом квалифицированного специалиста, инженера-теплотехника, своим горячим участием в выполнении пятилетнего плана я докажу свою преданность рабочему классу и, наконец, смою то пятно позора, которое я наложил на себя своими преступлениями.

Я кончил.

Калинников:

— Что я могу сказать перед вами, верховные судьи, в моем последнем слове после того, как я уже признал, и здесь на судебном следствии доказаны все мои преступные деяния, и после того, как государственный обвинитель требовал суровой расправы?

Не место и не время здесь перед вами подводить итоги моей жизни. По меткому и верному определению государственного обвинителя, я все время был выдержанным контрреволюционером.

Позвольте мне сказать о тех выводах и тех уроках из моей прежней деятельности, к которым я пришел и которые могут еще принести пользу тем, кто находится на воле и нуждается в исправлении.

На судебном следствии было установлено, что мы, руководители «Промышленной партии», не одни работали, а были ответственными за работу многих инженерных организаций.

Но что в результате принесло наше вредительство? Совершенно верно, — и мы это отмечали, и государственный обвинитель подчеркивал, — что, несмотря на широким фронтом во всех отраслях народного хозяйства развернутое вредительство многих инженерных организаций, все-таки экономическая мощь Советского Союза, его обороноспособность неуклонно растут.

Пятилетка, исправленная, увеличенная, идет и выполняется. Два года прошли блестяще. Третий год на основе этих первых двух лет намечает совершенно невиданные темпы прироста промышленной продукции — на 50—60% против прошлого года.

Все это свидетельствует о том, что бесплодны были наши вредительские усилия. Мощь, энтузиазм рабочего класса опрокинули все наши вредительства. Я не буду приводить цифр блестящих успехов, они уже здесь известны.

А что же сделали наши вдохновители и наши зарубежные союзники? Они так упорно, настойчиво двигали нас по пути вредительства, но они оказались необыкновенно слабыми. Они не выполнили даже самых первых своих обещаний, они не успели подготовиться к интервенции, с такой жаждой ими ожидаемой, к которой они нас склоняли, к интервенции в 1930 г.

Они первые дали отбой в этой работе — это было в конце 1929 г. Они ничего лучшего не нашли, кроме более настойчивых требований как со стороны французского генерального штаба, так и со стороны «Торгпрома», чтобы мы углубили вредительство, развернули больше шпионаж, диверсионную работу и стремились к организации военных ячеек в армии. Открытое, можно сказать, признание своей слабости со стороны буржуазного строя.

А что же мы видим внутри Союза, предоставленного, будем говорить, временно себе? И внутри Союза та база, на которую мы опирались в подготовке к интервенции, стала рассыпаться. Невиданный рост сознательности и орга-

низованность рабочего класса показали нам, что все наши вредительства и шпионаж, и диверсии неопасны для него. Пролетариат является зорким хозяином и не допустит никаких подготовительных действий, никаких предателей. Это — первое, что мы должны были установить.

Второе — дух Красной армии, прочно скрепленный пролетарским цементом и авторитетом коммунистической партии среди рабочих и крестьян: его не сокрушат никакие попытки к разложению.

Наконец, правильная в деревне генеральная линия партии, широкое развитие коллективизации в сельском хозяйстве, уничтожение кулачества как класса похоронили навсегда всякие надежды на возможность крестьянских восстаний и бунтов. Мы были разбиты на всех фронтах наших надежд на внутреннюю базу для интервенции. Мы были, таким образом, побеждены самой жизнью. Это нужно определенно сказать. Это случилось к началу текущего 1930 г. Я думаю, что все подсудимые правы, когда они утверждают, что это был переломный момент в их тяжелой драме. Нам стало ясно, что все дальнейшие усилия будут бесплодны. Если мы еще продолжали принимать поручения, продолжали некоторую вредительскую, изменническую работу, то это было уже по инерции. Фактически работы, дающей хоть какой-нибудь результат, не было.

Будучи на воле, как я уже говорил, я был ослеплен преступной борьбой за свержение советской власти. Я не видел, не хотел видеть и сознавать. Но вот, пройдя период глубокого критического самоанализа и в тюрьме, и на настоящей сессии Верховного суда, я пришел к убеждению, что совершенно правильно говорит мой товарищ по скамье подсудимых проф. Федотов, что советская власть есть власть народная. Правильно. Сам народ через своих представителей во всех ступенях своего государственного и народного устройства декретирует и управляет всеми сторонами своей народной жизни и народного хозяйства.

Диктатура пролетариата есть неизбежная необходимость для укрепления советской власти в период существования классовых врагов, как остатка буржуазии в городе, так и капиталистических элементов — кулачества — в деревне. Коллективная воля, коллективная инициатива, коллективный труд есть высшая форма человеческой деятельности. По мере организации и развития общества индивидуальная жизнь должна суживаться. Правильно. Прогресс является результатом все большего и большего принесения личного в жертву общественному. Во всех частях народного хозяйства — будет ли то промышленность транспорт или сельское хозяйство — наивысшее развитие может быть достигнуто при полном единении коллектива трудящихся всех квалификаций от чернорабочих до инженеров и при обязательном руководстве самого пролетариата. Советская власть вполне обеспечивает эту форму ведения хозяйства.

Во всех вопросах об устройстве народного хозяйства интересы народа и интересы советской власти сливаются в одну целеустремленность и единую совокупность. Вот почему вопросы просвещения масс и вопросы культуры вообще во всех ее разнообразных формах не только могут быть поставлены, но и, мы видим, они реализуются в Советском Союзе на недостигаемой для буржуазного строя высоте и в недосягаемых темпах. Вот почему ни при каком буржуазном строе невозможно, и мы не знаем более благоприятной, более обеспеченной и более продуктивной научной деятельности, чем в научных учреждениях Советского Союза — академиях институтах и лабораториях.

Инженер как истинный творец новых технических замыслов, форм, конструкций, инженер как технический руководитель и организатор производственных процессов в промышленности, на транспорте и в индустриализации сельского хозяйства нигде в мире в настоящее время не может найти более грандиозных возможностей для своего вдохновения, творчества, как это представляется у нас, в Советском Союзе, под руководством пролетариата на широком фронте социалистического строительства.

Мне хотелось бы сказать, обращаясь к инженерам: инженеры, пусть для вас наше заблуждение послужит уроком, зажгите в ваших сердцах пламя технического творчества и становитесь в авангарде вдохновенных строителей новой жизни в Советском Союзе на социалистических началах.

Мне остается сказать одно: все мои преступления настолько тяжелы и поэтому в них я чистосердечно раскаиваюсь. Мои преступления я признаю и в совершенстве знаю, что я не смею просить Верховный суд о каком-либо снисхождении. Как бы ни был суров ваш приговор, верховные судьи, он будет по отношению ко мне справедлив, и я приму его как заслуженную кару за мои преступления. Если же советская власть и вы, верховные судьи, признаете мое раскаяние искренним и дадите возможность доказать мне это на работе, то я обещаю вам приложить все мои силы и все мои знания, чтобы хоть несколько смягчить и загладить тот вред, который я принес Советскому Союзу своими преступными деяниями.

Я кончил.

Федотов:

— Мне предоставлено последнее слово. Я сознался в своих преступлениях, я отказался от защитника. Что же я скажу в последнем слове? И зачем оно нужно? Мне остается повторить: я виновен. Я уже сказал суду, что всякое наказание, какое мне будет вынесено, я признаю справедливым, и, тем не менее, я просил последнего слова. Оно, вероятно, будет фактически последним словом перед большой аудиторией, и мне хочется еще раз сказать, что я переживал, что я вынес, к чему я пришел, для того, чтобы это послужило уроком другим, более молодым товарищам.

Мы более или менее повторяемся. Не обессудьте, это — естественно. Мы на одинаковом положении, у нас одинаковые переживания. Совершенно естественно, что многие наши слова являются повторением одного и того же. Мы попали в пропасть, в бездну, о которой мы вначале не думали и не предполагали. Постепенно по наклонной плоскости, все ускоряясь, мы двигались вперед и дошли, дошли до интервенции, дошли до шпионажа, до измены России, до измены нашему отечеству, до возможности его дележа. Какой же это ужас!

По совести говоря, все же исход вышел лучше и благополучнее, чем если бы нас не поймали, чем если бы состоялась интервенция. Лучше умереть по приговору суда и не знать, что результаты твоей деятельности привели к интервенции. Раскрытие наших действий, наше сознание в настоящее время явится значительным препятствием для дальнейшей подобной деятельности.

Интервенция не исключается. Слишком много за рубежом интересов, которые будут продолжать стремиться к интервенции, будут продолжать искать и набирать союзников для того, чтобы напасть на Россию. Прислужники этих интересов в лице нашей белой эмиграции, может быть, еще больше сплотятся, может быть, еще больше откажутся от своих прежних идеалов и учений с тем, чтобы помогать интервенции, с тем, чтобы вернуться на родину. Но они у нас, в Союзе, помощников не найдут.

И эта мысль служит до некоторой степени утешением в той ужасной участи, которую мы переживаем.

Государственный обвинитель говорил очень резко и очень сурово, очень сурово, но я могу заверить и его и вас, что те слова, которые я себе говорил в те бессонные ночи, которые я переживал в течение этих последних 8 месяцев, были гораздо резче, и та тоска, беспредельная тоска, которую я переживал, совершенно не идут в сравнение с тем, что он сказал. Ведь он прав... Вся и беда в том, что он прав... Мы виноваты, и нам нет прощенья. Мы виновны во всех тех преступлениях, которые он перечислил. Но кроме того... кроме того, я виновен в измене принципам всей своей жизни. Я изменил чести, я изменил морали... Я дошел до принятия денег. Если бы я был только врагом, меня нельзя было бы презирать, а так — кто же ко мне отнесется с симпатией?

Государственный обвинитель сказал, что в первые дни даже симпатии я возбуждал, т.-е. я возбуждал в нем, потом эти симпатии нарушились. Естественно, понятно. Я недавно был призван к одному из важных членов — работников ГПУ, и вот, после допроса, он мне протянул руку. Я расплакался. Я не знаю, как это будет, если я буду жив, — как я буду встречать людей, как они ко мне будут относиться. Я же не в состоянии буду протянуть руку первый. И стоит ли жить после этого?

Между тем хочется искупить свою вину. Я смерти не боюсь. Мне немного осталось жить. Я старше всех подсудимых: мне 67 лет. Что мне осталось — два — три года. Но не хочется умереть казненным. Хочется еще ради семьи, ради детей хочется восстановить свое имя.

Так недавно, так недавно мне вспомнились слова одной песни: «Во ненит ман ди бестен намен, да ист аух дер мейне геннант» — «Когда по моей области назовут лучшие имена, то и мое имя будет названо». Теперь—обратное. И все же хочется, чтобы хоть часть вины была искуплена, чтобы мой сын, мои внуки не несли всю тяжесть того позора, который я возлагаю на их плечи, чтобы им не нужно было менять свою фамилию или отказываться от родства со мной.

Искупить... Я хочу искупить, но искупить можно только большой, ответственной работой. Ведь при моих знаниях, при определенных навыках в работе пользу я принесу только в том случае, если мне будет доверена большая работа. Но могу ли я на это рассчитывать? Кто же мне поверит? Кто же мне даст большую работу? И поэтому даже с этой точки зрения выходит, что будущая жизнь опозорена, будущая жизнь не дает надежды.

Но, вероятно, ее и не будет — так красноречиво прокурор доказал необходимость определенной и строгой кары. Прокурор не верит в нашу искренность. Я скажу — напрасно. Я уже говорил здесь о влиянии одиночества, о влиянии переживаний, которые мы перенесли в тюрьме. Многие месяцы — девять месяцев — вынашивались определенные мысли. Я искал правды не ради того, чтобы себя оправдать, а ради того, чтобы последние дни, последние годы знать, перед чем же я стою, где же правда? Много я думал и много пережил.

Я должен сказать, что уже с назначением меня на должность председателя

коллегии научно-исследовательских институтов в моей душе начал совершаться определенный перелом. Товарищи судьи, я не имею права говорить «товарищи»,—извините,—если верховные судьи просмотрят протоколы, вспомнят показания здесь хотя бы профессора Рамзина и других, то они увидят, что уже во второй половине 1929 г., в 1930 г., я бывал редко, я старался отойти от того вредительства, в котором я был замешан. Я об'яснял суду, и многие из моих товарищей по обвинению повторили те об'яснения, которые я здесь дал, о той групповой психологии, о том влиянии, которое группа имеет на отдельного человека. И вот, несмотря на то, что уже на свободе, на воле я начал понимать, к чему мы идем, — государственный обвинитель очень правильно сказал, что и так и этак я все остаюсь в дураках. Это он сказал по вопросу о моем понимании интервенции, о той наивности, которую я высказал, когда думал, что интервенция не приведет к ужасным последствиям. Совершенно верно, совершенно верно — и так и этак я остался в дураках.

И вот тюрьма закончила тот процесс, который начался на воле. Я понял, что в экономическом смысле, в хозяйственном смысле, хозяйственная деятельность, как она рисуется в учебниках политэкономии, в прежних буржуазных учебниках, вовсе не требует личной инициативы, вовсе не требует конкуренции. Есть нечто высшее. Есть коллективизм, есть понимание взаимности и солидарности интересов. Я не верил в возможность подобного рода стимулов, и эта возможность доказана наглядно, веско теми фактами и теми достижениями, которые поражают мир. Если это так, если этот основной принцип хозяйственной деятельности налицо, если он оправдан, то все остальное приложится, все остальное есть вывод.

Прежде всего — первый вывод. Власть, которая выявляет подобного рода стимулы, массирует их, это — власть прочная. Я понял, что эта власть — народная. Это не те две — три тысячи человек, о которых говорила «Промпартия» (были ли две тысячи человек, — я не знаю), — это миллионы, это 150 миллионов человек, которые будут защищать свою родину и достигнутые результаты до последней капли крови. Раз этот основной принцип хозяйственной деятельности выявлен и признан, то предела достижениям нет. «Догнать и перегнать»—эта формула, ставшая в последнее время лозунгом, эта формула очень быстро будет выполнена. Перед нами — блестящее, лучшее будущее, в котором и рабочие и крестьяне будут товарищами.

Я это понял. Я это осознал, и повторяю — на этом фоне, на этой новой базе мои переживания были чрезвычайно тяжелы. На этой базе, мне казалось, для меня нет выхода, и я хотел умереть. Совершенно искренне вам говорю. Если я в настоящее время все же ходатайствую и буду ходатайствовать о снисхождении, то не ради себя, как я сказал, а ради своих близких. Ходатайствуя о снисхождении, я просмотрел свою жизнь и хотел сказать несколько слов по поводу того, что же есть такого в ней, что могло бы послужить некоторым обстоятельством, и скажу, что до 1925 г. я мог гордиться своей прожитой жизнью. Образование я, как я говорил, получил работой своей собственной, с 13 лет. Я не только сам получил образование — я помог своим братьям получить образование, своей сестре. Когда я поступил на службу, то я не чувствовал себя отделенным от рабочих. На всероссийской выставке в Нижнем-Новгороде в 1896 г., — я был молодой человек тогда, — я выступал, молодой инженер, с указанием на то, что инженеры должны учиться у рабочих, что только инженер, который с рабочими близок, только такой инженер станет настоящим знатоком своего дела. Я позабыл эту речь. Как-то нечаянно, — это было в 1896 г., 34 года назад, — как-то мне попался печатный отчет. Это был с'езд по профессиональному образованию, на котором я выступал. Так вот отчет этого с'езда по профессиональному образованию и мне эта статья попалась, вот она напечатана. Если государственный обвинитель когда-нибудь после найдет досуг просмотреть, если он мне не верит, то он убедится, что уже в то время я выступал определенным образом, уже в то время мое миросозерцание начало формироваться в определенную сторону.

Я работал на фабрике, и у меня были определенные отношения с рабочими. Мелочь, конечно, но я никогда не говорил рабочему «ты», я никогда не бранился. Я привел ссылку на то, что принял участие в красных похоронах. Этот факт удостоверен свидетельством, выданным мне с фабрики уже коммунистическим правлением. Государственный обвинитель говорил: «Не станем вдаваться в подробности, может быть, сам же Федотов призвал эти войска, этих казаков, из-за которых произошли похороны». Я позволю себе сказать, что лежачего не бьют, и уверяю, что как раз наоборот, что одной из причин, кроме участия в похоронах, был как раз мой спор по поводу того, что не нужно приглашать войска, что мы без войск, без казаков обойдемся. Войско было призвано директором правления. и он трагически умер — его убил рабочий 2 месяца спустя в конторе. Рабочий этот из конторы бесследно исчез, выбежал на фабрику, скрылся там, и рабочие его не выдали.

В скором времени после этих похорон я ушел с фабрики, и меня провожали не выстрелами, товарищ обвинитель, а меня провожали самым лучшим образом. Я был снят в общей фотографии и в разных группах, и этот альбом до сих пор хранится у меня в качестве драгоценного воспоминания. Когда рабочие устроили клуб, меня позвали в этот клуб и преподнесли мне адрес. На другой день после этого события ко мне пришла делегация из 2 рабочих, социал-демократов, которые тоже мне принесли записку вроде адреса, которая тоже у меня хранится.

Я могу вспомнить обо всем этом с удовлетворением. Конечно, в свете тех героических достижений и тех жертв, которые понесли коммунисты, конечно, этот либерализм директора — ничтожная величина, и, конечно, государственный обвинитель имеет право и возможность отнестись к этому иронически. Но нужно стать и на нашу точку зрения. В то время либеральных директоров, которые рисковали своим положением, было немного, что-нибудь это стоит. И дальше. Я получал до 25 тыс. жалованья. Я ведь тогда отказался от этого. Я тогда жил в течение 13 лет после того на жалованье в 5—6 тыс. в год. Таким образом, я показал, что я вовсе не из-за денег служил. Это упоминание о 60 тысячах, которое сделал государственный обвинитель, оно тоже является преувеличенным. Это было в последний год. И после того как я 13 лет не имел связи с капиталистами, после того как я 13 лет вел определенную политику защиты интересов рабочего класса в газете, я имел право сказать, что да, я защищал интересы рабочего класса в легальной прессе.

Понятно, это опять-таки только либерализм. Но я первый проводил и доказывал необходимость и выгоду 8-часового рабочего дня. Я защищал необходимость поднятия заработка. Я указывал на преувеличенные доходы, которые получала мануфактурная промышленность с 1905 г. по 1918 г., когда «Русские ведомости» были закрыты. Мое имя было известно, мой псевдоним «Инженер» был известен, и мои статьи цитировались и в нашей прессе и в заграничной прессе.

Но разве я не могу, как на маленький плюсик, сослаться на эти факты?

Закончилась Октябрьская революция. Я начал работать немедленно, не теряя ни одного дня, на советской службе, я работал честно. Мало того. Виктор Павлович Ногин, который в моей памяти остается как человек, чрезвычайно выдающийся, потому что он помимо того, что он был коммунист, видный хозяйственник, он был еще человеком в лучшем значении этого слова. Он был необыкновенно деликатен и необыкновенно сердечен, и я работал с ним. Эти годы до его смерти я могу поставить себе также в плюс.

Затем я получил звание заслуженного деятеля науки и техники. Что же нибудь сделано мною для того, чтобы мне это звание дали? Не все, значит, на моих плечах и моей совести лежит только одно вредительство?

Я виновен, и, как я привык за свою долгую жизнь жить на определенных принципах юридических репрессий, мне нет прощения, мне нет выхода. Ведь это коммунистическая власть вводит новый принцип — принцип социальной защиты. И только в свете этого нового принципа у меня может возникнуть надежда на облегчение моей участи. И с этой точки зрения я спрашиваю: разве я социально опасен? Разве нельзя поверить мне, что действительно в течение последних 9 месяцев в тюрьме и последнего года на воле во мне произошел большой поворот? Я стал иначе смотреть, и я хотел бы искупить свою вину.

Я стар, но еще работать могу. Я это доказал своими работами. И я обращаюсь к Верховному суду с просьбой взвесить все эти смягчающие обстоятельства, эти маленькие плюсики, которые в сумме, может быть, дадут что-нибудь в мою пользу.

Государственный обвинитель сказал, что перед вами было два Федотова. Да, верно. Сил нет выдержать определенное настроение, и, конечно, силы мои сломлены, настроение и нервы ослаблены. И это тоже может быть принято во внимание.

Я виновен, повторяю это и готов повторить много раз. Я уже сказал, когда был разговор относительно «Торгпрома», я приму как справедливое всякое наказание, но прошу все же, если можно, дать мне возможность поработать.

Я не только раскаялся. Более того, мне стыдно, мне стыдно того позора, того клейма, которое я буду нести, если буду жить, но я надеюсь, что если я буду жить, то по истечении одного — двух — я не знаю скольких — лет я восстановлю то доверие, которым я пользовался, и, может быть, товарищ Крыленко, со мною встретившись, протянет мне руку.

Я кончил.

Председатель. Об'является перерыв до 11 час. утра завтрашнего дня.

6 декабря

Утреннее заседание

Председатель. Заседание Специального присутствия Верховного суда возобновляется.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМЫХ

Ситнин:

— Граждане судьи, что я могу сказать в свое оправдание в своем последнем слове? Я глубоко и остро чувствую свою вину. Тяжело я переживал в тюрьме, пожалуй, еще тяжелее переживал за эти кошмарные 11 дней процесса, когда передо мной во всей своей неприглядной наготе встала вся та пропасть, куда мы зашли, куда лично я зашел. Мне стыдно своего прошлого. У меня нет никаких оправдывающих слов, да и бессмысленно было бы оправдываться, когда вся моя вина перед вами налицо.

Я всецело предаю себя пролетарскому суду, пусть он поступит так, как найдет нужным поступить со мной. Этого, очевидно, я и заслужил.

Я скажу только, граждане судьи, что если вы найдете целесообразным и нужным сохранить мою жизнь, я даю вам слово, что весь остаток своей жизни, все свои технические знания, всю свою любовь к труду я отдам на то, чтобы исправить и искупить свою вину.

Я кончил.

Куприянов:

— Вчера мой защитник говорил подробно о моем участии, о моих переживаниях и о моих переломах. Я повторяться не буду и в последнем слове буду очень краток.

Я уже заявил Верховному суду, что я вполне признаю себя виновным и как перед следственной властью, так и перед Верховным судом дал чистосердечные показания. Я показал все, что я сам делал, как я вредил, и показал все, что знал о работе инженерного совета и «Промпартии». Я ничего не скрыл, я ничего не утаил перед пролетарским судом. Я сознаю вполне, что заслужил самое тяжелое наказание, но я знаю, что советская власть не мстит и всегда принимает во внимание чистосердечность показаний, чистосердечность раскаяния.

И на этом основании я прошу у Верховного суда о снисхождении. Я как инженер имею многолетний практический стаж. Меня считают хорошим производственником. Я знаю хлопчатобумажное производство. Я могу работать, я хочу работать, работать честно, и прошу советскую власть, если она найдет это возможным, дать мне возможность смыть то позорное пятно, которое легло на мое имя. Я со своей стороны заявляю, что я готов все свои силы, все свои знания, весь свой опыт, накопленный долголетней практикой, передать на пользу трудящимся, чтоб искупить ту вину, те тяжкие преступления, которые я совершил и в которых я глубоко раскаиваюсь.

Я кончил.

Председатель. Специальное присутствие сейчас удалится на совещание. Тов. комендант, примите меры к прекращению доступа в совещательную комнату.

Об'является перерыв, приблизительно до 5—6 часов вечера завтрашнего дня.

П Р И Г О В О Р

ПРИГОВОР

Специального судебного присутствия Верховного суда Союза ССР по делу контрреволюционной организации „Промышленная партия"

Именем Союза Советских Социалистических Республик Специальное судебное присутствие Верховного суда Союза ССР в составе: председательствующего т. Вышинского А. Я и членов тт. Антонова-Саратовского В. П. и Львова В. Л., при секретарях тт. Яковлеве А. Ф., Иваненко Г. И. и Шарутине П. И., с участием государственных обвинителей — прокурора РСФСР тов. Крыленко Н. В. и пом. прокурора РСФСР тов. Фридберга В. И и членов московской областной коллегии защитников тт. Брауде И. Д. и Оцеп М. А., рассмотрев в открытых и закрытом судебных заседаниях от 25 ноября по 7 декабря 1930 г. дело № 38 контрреволюционной организации «Союза инженерных организаций» («Промышленная партия») по обвинению:

1) Рамзина Леонида Константиновича, 43 лет, гр-на СССР, бывш. профессора Московского высшего механ. машиностроительного училища и б. директора Теплотехнического института;

2) Калинникова Ивана Андреевича, 56 лет, гр-на СССР, бывш. зам. председ. произв. сектора Госплана СССР, б. профессора Военно-Воздушной академии и др. высших учебных заведений;

3) Ларичева Виктора Алексеевича, 43 л., гр-на СССР, бывш. председ. топливной секции и члена президиума Госплана СССР;

4) Чарновского Николая Францевича, 62 лет, гр-на СССР, бывш. зам. председателя Научно-технического совета машиностроения при правлении Машоб'единения ВСНХ СССР и б. профессора различных высших учебных заведений;

5) Федотова Александа Александровича, 66 лет, гр-на СССР, бывш. председателя коллегии Научно-исследовательского текстильного института (НИТИ) и б. профессора высших технических учебных заведений;

6) Куприянова Сергея Викторовича, 59 лет, гр-на СССР, бывш. технического директора Оргтекстиля ВСНХ СССР, — всех шестерых в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58[3], 58[4] и 58[6] Уг. Код. РСФСР;

7) Очкина Владимира Ивановича, 39 л., гр-на СССР, бывш. ученого секретаря Теплотехнического института и бывш. завед. отделом руководства научно-исследовательского сектора ВСНХ СССР, в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58[3] и 58[6] Уг. Код. РСФСР, и

8) Ситнина Ксенофонта Васильевича, 52 л., гр-на СССР, бывш. инженера Всесоюзного текстильного синдиката, в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58[3] и 58[4] УК РСФСР, нашло:

Окончательный разгром Красной армией в 1920 г. армий белогвардейских генералов, организованных и руководимых империалистическими государствами, пытавшихся свергнуть советскую власть и восстановить власть помещиков и капиталистов, открыл трудящимся СССР путь к мирному хозяйственному строительству на социалистических началах.

Рабочий класс СССР в союзе с основными крестьянскими массами с величайшим напряжением сил ликвидировал в течение последовавших затем нескольких лет тягчайшие последствия империалистической и гражданской войн, преодолев многочисленные трудности пройденного в эти годы восстановительного периода и перейдя в новых условиях к широкому социалистическому наступлению по всему фронту.

Уже в течение всего восстановительного периода борьба рабочего класса за скорейшее налаживание хозяйственной жизни СССР, за успехи социалистического строительства встречала упорное и непрекращающееся сопротивление со стороны уцелевших в нашей стране капиталистических элементов и примыкавшей к ним части буржуазной интеллигенции, пытавшихся всеми средствами — саботажем, прямой порчей и разруше-

нием государственного имущества и даже целых предприятий — дезорганизовать, задержать и сорвать победоносное движение пролетариата по пути восстановления хозяйственной жизни пролетарского государства и укрепления его социалистического строительства.

Успехи этого строительства, с одной стороны, и энергичная, решительная борьба пролетариата со всякими попытками его срыва, с другой, парализовали эти попытки, вызывая одновременно в среде самой буржуазной интеллигенции усиление того процесса расслоения, в результате которого антисоветские и антипролетарские настроения сделались достоянием по преимуществу верхушечной части этой интеллигенции, тесно связанной в прошлом с капиталистическими кругами и занимавшей при капиталистическом строе привилегированное положение.

Именно из среды этой верхушечной части специалистов, пропитанных буржуазно-капиталистической идеологией и являвшихся убежденными противниками Октябрьской революции и социалистического строительства, вышли наиболее непримиримые и наиболее озлобленные организаторы и участники всякого рода контрреволюционных заговоров, направленных на дезорганизацию советского народного хозяйства, на разрушение социалистической промышленности, транспорта и сельского хозяйства, на подготовку низвержения советской власти вооруженной рукой.

Переход от восстановительного к реконструктивному периоду, означавший растущий под'ем всего народного хозяйства СССР и громадные успехи социалистического строительства, с одной стороны, и все усиливающийся кризис в странах капитализма, с другой, вызвали ожесточенное сопротивление капиталистических элементов и идеологически связанных с ними кругов технической интеллигенции СССР и всего мира.

Перед лицом все более крепнущей и усиливающейся хозяйственной, политической и военной мощи СССР смыкаются единым фронтом все силы старого мира, мобилизующего в «крестовый поход» против пролетарского государства— отечества мирового пролетариата и всех трудящихся — все средства скрытой борьбы и открытого нападения.

Такова была обстановка, в которой сложилась и стала действовать контрреволюционная организация «Союз инженерных организаций» («Промышленная партия»), об'единившая в единую организацию все вредительские группировки, действовавшие по различным отраслям промышленности.

Судебное следствие по делу означенной «Промышленной партии» установило, что оформлению этих групп в «Промышленную партию» в известной степени помогло и то обстоятельство, что основным ядром ее участников явились деятели образовавшейся в 1925 г. контрреволюционной организации, известной под именем «Инженерного центра», возглавлявшейся расстрелянным в 1930 г. по делу о вредительстве в золото-платинозой промышленности инж. Пальчинским, осужденным по шахтинскому делу, быв. капиталистом и шахтовладельцем Рабиновичем и инж. Федоровичем. В свою очередь «Инженерный центр» образовался из двух контрреволюционных организаций, сложившихся еще ранее в виде т. наз. клуба горных деятелей и Всесоюзной ассоциации инженеров (ВАИ), вобравших в себя наиболее реакционную и антисоветски настроенную часть старого инженерства. Эта часть старого инженерства работала по преимуществу в горной промышленности и на транспорте и в значительном числе состояла из владельцев или акционеров капиталистических предприятий.

«Промышленная партия», составившаяся таким образом из лиц, принадлежавших к узкой буржуазно-интеллигентской прослойке, лишена была каких бы то ни было связей с широкими народными массами или каких бы то ни было точек опоры в этих массах и была обречена поэтому на замкнутой, узко-кастовый характер своей организации. Сами подсудимые (Рамзин, Ларичев и др.), вынуждены были признать, что «ПП» не могла рассчитывать не только на сочувствие рабочего класса, сочувствие которого, даже по их словам, совершенно исключалось, но и широких крестьянских масс. Этим обстоятельством об'ясняется и то, что, будучи лишенной всякого сочувствия и поддержки трудящихся масс, «ПП» все свои надежды в осуществлении своих преступных планов возлагала не на внутренние, а на внешние силы.

Специальное присутствие установило, что центральный комитет «ПП», вербуя своих членов из среды инженерно-технического и профессорско-преподавательского состава различных учреждений, предприятий, научно-исследовательских институтах и высших учебных заведений, прибегал к самым разнообразным приемам, начиная от агитации и денежных выдач в виде вознаграждения за выполнение директив «ПП» и кончая угрозами ухудшения, в случае свержения советской власти, служебного, имущественного или общественного положения в отношении лиц, колебавшихся или воздерживавшихся от вступления в ряды «Промышленной партии».

Свою работу «Промышленная партия» строила на строго конспиративных началах, допуская связь отдельных своих членов между собой лишь в пределах отра-

слевых организаций, вследствие чего члены различных отраслевых организаций друг друга не знали.

Во главе «Промпартии», как это было установлено судебным следствием,—ЦК, составившийся из основного ядра «Инженерного центра», главными деятелями которого были Пальчинский, Рабинович, Федорович, Хренников, Красовский, а впоследствии — Рамзин, Ларичев, Калинников, Чарновский, Федотов, Осадчий, Шейн и др., при чем после ареста Пальчинского и Хренникова руководящая роль в ЦК «Промпартии» перешла к Рамзину.

Внутри «Инж. центра», а впоследствии центр. ком-та «Промпартии» руководство контрреволюционной работой было распределено между отдельными членами ЦК также по отраслевому принципу. Так, Пальчинский руководил контрреволюционной работой в горной, золото-платиновой промышленности и геолкоме; Рабинович — в угольной; Хренников и Чарновский — в тяжелой металлической промышленности; Федотов — в текстильной; Ларичев — в топливной и в частности в нефтяной; Красовский — в области транспорта; Калинников — в экономгруппе; Рамзин — кроме общего руководства, также в топливной и энергетической отрасли хозяйства.

Так, к концу 1927 г. — к началу 1928 г. завершилось преобразование «Инж. центра» в «Промышленную партию». Судебное следствие установило, что одной из причин, ускоривших это преобразование, было стремление «Инж. центра» мобилизовать и об'единить все контрреволюционные элементы технической интеллигенции для борьбы за власть.

Другой важнейшей причиной явилось шедшее в том же направлении влияние таких зарубежных контрреволюционных организаций, как «Торгпром» (об'единение бывших российских капиталистов во главе с Денисовым, Рябушинским, Третьяковым, Коноваловым, Гукасовым, Нобелем, Манташевым и др.), имеющий местопребывание в Париже, и наиболее агрессивных империалистических кругов Франции.

В основу своей преступной вредительской работы «Промышленная партия» положила программу, главные установки которой сводились к уничтожению советской власти и реставрации власти капиталистов и помещиков путем установления военной диктатуры. В качестве военного диктатора намечался белогвардейский генерал Лукомский или руководитель ЦК «Промпартии» Пальчинский. Экономическая часть программы «Промпартии» намечала возвращение предприятий бывшим владельцам, а в случае реконструкции этих предприятий — возмещение бывших владельцев в форме так называемого акционирования. Этим путем, кроме того, достигалась бы цель возмещения прежних владельцев в повышенном размере за счет увеличившейся ценности предприятий, восстановленных, преобразованных и вновь созданных героическими усилиями трудящихся масс Советского Союза.

В области сельского хозяйства программа «Промпартии» делала установку на восстановление помещичьих и укрепление кулацких хозяйств, с возвратом земли их бывшим владельцам или с возмещением их из специального фонда, образуемого за счет средств вышеуказанного акционирования предприятий.

Что касается методов осуществления этой программы, то таковые были различны в различные периоды преступной деятельности «Инженерного центра» и «Промпартии». Так, в первоначальный период своей преступной работы, относившийся ко времени введения новой экономической политики, основная ставка «Промпартии» («Инж. центра») была на капиталистическое перерождение советской власти. О таком понимании «Промпартией» («Инж. центром») говорил на предварительном и судебном следствии ряд подсудимых: так, подсудимый Ларичев в показаниях, данных им Специальному присутствию, говорил: «Нэп должен был привести к перерождению советской власти».

Подсудимый Калинников показывал: «Когда был об'явлен в 1921 г. нэп, инженеры, уверенные, что восстановление промышленности неизбежно приведет к восстановлению буржуазии, так как они иначе не мыслили восстановления промышленности, как средствами капиталистическими, — охотно стали принимать участие в общей с советской властью работе по восстановлению хозяйства»...

О том же заявил суду и подсудимый Рамзин, говоря: «Нэп мною и подавляющей частью прежнего инженерства был понят как начало перерождения советской власти».

В скором времени «Промпартия» однако должна была в виду успешного развертывания социалистического строительства в городе и деревне убедиться в полной неосновательности своего представления о возможности перерождения советской власти.

«В 1926 г., — говорил на суде подсудимый Калинников, — восстановительный период промышленности и транспорта был почти закончен... Техническая интеллигенция, уверенная, что результатом нэпа в конце восстановительного периода будет переход к укреплению буржуазных начал в политике советской власти, встретила начало реконструктивного периода, уже на новых, социалистических началах, крайне отрицательно. Здесь не оправдались ее надежды на то, что политика нэпа будет продолжаться и в период реконструктивного восстановления хозяйства»...

Отсюда — искание новых путей и средств борьбы с советской властью и постепенный переход к подготовке вооруженного свержения советской власти силами внутренней и внешней контрреволюции. «Промышленная партия», оторванная от народных масс и лишенная всякой поддержки со стороны трудящихся, должна была однако в скором времени убедиться в полной безнадежности своих расчетов на переворот одними лишь силами контрреволюционных элементов внутри СССР. С этого момента «Промышленная партия» делает основной упор на военную интервенцию против СССР, для подготовки которой «Промышленная партия» вступает в организационную связь с интервенционистскими организациями как внутри СССР (эсеро-кадетской и кулацкой группы Кондратьева—Чаянова, меньшевистской группой Суханова — Громана), так и за границей («Торгпром», группа Милюкова, интервенционистские круги Парижа).

В первый период существования «Инженерного центра» контакт между этим последним и представителями «Торгпрома» носил характер индивидуальных связей отдельных членов «ИЦ» с отдельными бывшими владельцами предприятий. Так, Пальчинский был связан с Мещерским, Федотов — с Морозовым, Коноваловым, Рябушинским В., Чарновский — с Денисовым и Мещерским, Ларичев — с Бардыгиным, Стрижов — с Нобелем, Гукасовым и Манташевым, Рабинович — с Дворжанчиком и т. д.

Но с 1927—1928 г. эти связи приобретают организованный и планомерный характер, при чем «Промпартия» полностью подчиняется руководству «Торгпрома», окончательно сложившись в плотную агентуру этого последнего («Торгпрома») и иностранных интервентов.

К этому времени относится первое свидание Рамзина с В. Рябушинским по поручению Пальчинского и «Инженерного центра». На этом свидании (во второй половине 1927 г.) шла речь не только о таких программных вопросах, как акционирование предприятий, форма будущего правления и т. п., но и о переговорах, происходивших между «Торгпромом» и правящими кругами Франции, об организации интервенции, которая должна была состояться в 1928 году. На этом же свидании Рябушинский передал Рамзину требование «Торгпрома» и французских капиталистических кругов усилить работу по внутренней подготовке интервенции.

Решительный сдвиг в этом направлении относится к 1928 г., когда ряд членов «Промпартии» и ее ЦК (Рамзин, Ларичев, Федотов, Ситнин и др.) посетил деятелей белоэмигрантского центра в Париже. В результате этих посещений явился конкретно проработанный план и методы подготовки интервенции с точным распределением ролей между «Торгпромом» и наиболее агрессивными военными кругами Франции, с одной стороны, и центральным комитетом «Промпартии», с другой.

Особенно важными в этом отношении явились совещания членов ЦК «Промпартии» — Рамзина и Ларичева с руководителями «Торгпрома» в лице Денисова, Рябушинского, Нобеля, Гукасова, Коновалова, Старинкевича и Манташева, имевшие место в Париже в октябре 1928 года, а также совещания Рамзина с ген. Лукомским и полковником Жуанвилем, а затем с полковником Ришаром.

На совещаниях с «Торгпромом», как это было установлено на судебном следствии из допроса подсудимых Рамзина и Ларичева, особенно много внимания уделялось таким событиям, нарушившим деятельность «Промпартии», как раскрытие вредительской деятельности в Донбассе и шахтинский процесс, а также провал вредительской организации на транспорте. Эти вопросы сильно интересовали «Торгпром» (Денисов, Рябушинский), так как осложняли дальнейшую вредительскую работу «Промпартии». Денисовым был сделан упор на то, чтобы теперь обратить внимание на металлопромышленность, добиваясь здесь резких диспропорций и ослабляя эффект производимых капиталовложений. Нобелем и Гукасовым были заданы вопросы о положении нефтяной промышленности, о прочности действующей здесь вредительской организации, о проведении вредительских мероприятий по задержке нового строительства и сокращению экспорта. Они указали, что общие директивы в отношении вредительства в нефтяной промышленности ими были даны Стрижову (члену «ПП») во время его пребывания в Париже. В отношении общего положения «Торгпрома» и «Промпартии» Денисов указал, что, несмотря на провал отдельных вредительских организаций, работу необходимо во что бы то ни стало продолжать. Денисов особенно подчеркнул, что вопрос об интервенции, хотя и отложенной с 1928 г. на 1930 г., ни в коем случае не снимается, а, наоборот, к интервенции против СССР идет деятельная подготовка за границей, и следовательно особо важной является вредительская работа «Промпартии» внутри Союза. На этом совещании председатель «Торгпрома» Денисов от имени «Торгпрома» сообщил о том, что правящие круги Франции решили организовать против СССР военную интервенцию. Далее, говоря о подготовке этой интервенции, Денисов сообщил об образовании и работе специальной военной комиссии под председательством генерала Жанена, бывшего военного представителя Франции при Колчаке.

Парижское свидание в октябре 1928 г. имело решающее значение, ибо здесь: 1) окончательно определились и были

согласованы основные линии в работе вредительских организаций, «Торгпрома» и интервенционистских кругов Франции; 2) были установлены совершенно точно формы связи с «Торгпромом» и этими кругами, и было достигнуто внутреннее разделение ролей по подготовке интервенции; на ряду с этим был окончательно определен порядок финансирования вредительской деятельности «Промпартии» со стороны этих кругов и «Торгпрома».

Специальное присутствие установило, что Рамзин во время своего пребывания в Париже в 1927 г. и в 1928 г. получил связь с лицами французской службы в Москве — гр. К. и гр. Р. Эта связь между «Промпартией» в лице Рамзина, а затем Ларичева, Калинникова и Очкина с упомянутыми лицами французской службы продолжалась затем в течение всего последующего времени вплоть до ареста подсудимых по настоящему делу летом 1930 г. Эта связь была широко использована для получения «Промпартией» из-за границы различного рода директив интервенционистского характера и для передачи за границу от «Промпартии» сведений шпионского характера.

Специальное присутствие Верховного суда СССР, остановившись в своем закрытом заседании на исследовании этой стороны преступной деятельности подсудимых, установило в отношении гр. К. и гр. Р. факты, полностью подтверждающие данные обвинительного заключения, постановив специально довести о вышеизложенном до сведения правительства.

В соответствии с достигнутым в октябре 1928 г. на парижском совещании с «Торгпромом» соглашением «Промышленная партия» начинает с этого момента форсировать свою работу по «искусственному ухудшению экономической жизни страны», широко применяя в этих целях метод вредительства, принявшего плановый характер.

Плановое вредительство осуществлялось главным образом при помощи следующих методов:

1) метода проектировок минимальных планов, в связи с чем стоял вопрос о задержке темпов индустриализации и экономического роста всего народного хозяйства.

Как показывал суду подсудимый Федотов, осуществление этого метода «Промпартия» связывала с поддержкой идей правого уклона. «Эти идеи,—говорил на суде Федотов, — казались подходящими, казались настолько удобными и дающими шансы на развитие нэпа, на развитие идей в сущности буржуазного характера, что поддержка их являлась желательной и необходимой». Этот же метод был связан с борьбой за минималистскую пятилетку;

2) метода создания диспропорций между отдельными отраслями народного хозяйства и между отдельными частями одной и той же отрасли;

3) метода так называемого «омертвления капиталов», т.-е. вложения капиталов в ненужное строительство или нерациональное использование капиталов, имевшие своей задачей привести к ослаблению темпа и эффективности индустриализации и к понижению успешности социалистического строительства. «Эти три основных метода, — говорил в своих показаниях суду подсудимый Рамзин, — проводились в качестве основных методов планового вредительства».

Установленные Специальным присутствием многочисленные факты вредительства дали исчерпывающую картину этой стороны преступной деятельности «Промпартии», хотя и причинившей ущерб нашему социалистическому хозяйству, но оказавшейся бессильной сорвать наш пятилетний план и приостановить наше движение вперед

Вредительская работа «Промышленной партии» парализовалась величайшим трудовым под'емом трудящихся масс, трудовым энтузиазмом и упорной борьбой за выполнение и перевыполнение промфинплана. Массовое ударничество, социалистическое соревнование, усиление классовой бдительности пролетариата, встречный промфинплан обеспечивали такие успехи делу социалистического строительства, при которых минималистская пятилетка «Промпартии» уже за первые два года оказалась перекрытой и превзойденной. «Промышленная партия», перейдя к плановому вредительству, сосредоточила свои преступные усилия в наиболее важных отраслях промышленности и транспорта, пытаясь нанести свои удары по металлу, топливу, энергетике, химической и текстильной промышленности и транспорту, подготавливая здесь прорывы, диспропорции и кризис.

В области топливного хозяйства «Промпартия» рассчитывала создать кризис таким направлением в развитии этого хозяйства, при котором в наибольшей степени облегчались бы задачи интервенции. «Промпартия» в этих целях принимала все меры к максимальной задержке разработки местных топлив, в частности подмосковного угля и торфа и угля в Кузнецком бассейне. Она подготавливала такие условия, при которых были бы поставлены в критическое положение такие районы, как Центрально-Промышленный и Северо-Западный, такие центры, как Москва и Ленинград, что достигалось при помощи удара по жел.-дорожной магистрали, соединяющей эти центры с Донбассом, и перерыва в снабжении этих районов донецким углем. Одновременно «Промпартия» вела борьбу против всякого рода рациональных методов добычи топлива и в частности против фрезерного способа добычи торфа, а также против его удешевления и рационального использования.

Специальным присутствием установлено, что эту свою вредительскую деятельность «Промпартия» осуществляла не только в процессе оперативной работы своих членов, занимавших различные должности в советских учреждениях, но и путем соответствующего направления деятельности научно-исследовательских институтов, как например Теплотехнического, возглавлявшегося Рамзиным, или Инсторфа, возглавлявшегося тоже членом «Промпартии» В. Кирпичниковым.

Основными способами вредительства в топливном хозяйстве являлось такое построение планов, при котором: 1) брались заведомо низкие показатели и темпы, значительно отстающие от фактических производственных возможностей; 2) обеспечивалось получение разрывов между развертыванием подготовительных работ и оперативными производственными планами; 3) давалось преимущество производству менее ценной продукции за счет продукции более высокого качества.

Особенное внимание при этом вредителями было обращено на такие основные топливные районы, как Донбасс, Кузбасс, Кизел и другие, с направлением главного удара по линии питания этих районов электроэнергией. В целях срыва этого питания «Промпартия» через свои ячейки и отдельных членов принимала меры к задержке постройки или достройки новых электростанций (Тверской, Бобриковской, Штеровской, Зуевской и других) и к снабжению их непригодным оборудованием и т. п.

Вредительство в области энергетического хозяйства «Промпартия» направляла на подготовку критического состояния важнейших энергетических узлов с таким расчетом, чтобы оно сказалось с особенной силой к 1930 г., т.-е. году, на который была намечена интервенция.

Итоги этой преступной деятельности «Промпартии» в области энергетики Рамзин охарактеризовал на судебном следствии следующим образом: «Донбасс, Московская область, Ленинградская область, Кузбасс, Кизел, — во всех этих пунктах электроснабжение было задержано и доведено до чрезвычайного напряжения, так что в момент военных действий должна была наступить катастрофа»... Надо однако сказать, что и в этой области попытки «Промпартии» потерпели полную неудачу.

В области металлоснабжения «Промпартия» стремилась углубить металлический голод путем создания диспропорций между производством металла и потребностью в нем с заведомым преуменьшением плановых наметок в отношении производственных возможностей (напр. 7 млн. тонн чугуна вместо 17 млн. тонн); путем неправильного использования производимого в стране металла (в частности в области котлостроения); путем создания диспропорций между металлической промышленностью и металлургической (диспропорция между отдельными цехами заводов); путем заведомого замедления машиностроения и т. д.

В области транспортного хозяйства вредительство шло по линии попыток ослабить парки подвижного состава и в частности паровозного; дезорганизовать топливоснабжение, вагоностроение и т. д.

Как это установлено Специальным присутствием из допроса подсудимого Рамзина, свидетеля Красовского и из приобщенных к делу материалов, здесь вредительская работа шла по установкам, непосредственной целью которых было: 1) ослабление ремонтного хозяйства и провозоспособности сети ж. д.; 2) неправильное в преступных целях составление мобпланов; 3) заведомо преступное урезывание кредитов на ж.-д. сеть прифронтовой полосы; 4) применение так называемых «методов пониженных измерителей», т.-е. пользование заведомо преуменьшенными измерителями или показателями, в результате чего осуществлялось вложение капиталов на постройку ж.-д. оборудования в количествах и номенклатуре, не соответствующих действительной потребности, чем достигалось «омертвление капиталов».

Все эти преступные действия имели целью дезорганизовать транспорт, поставив его в момент военного нападения на СССР со стороны интервентов в критическое положение, особенно в западной полосе, а также перерезать пути сообщения, ведущие в Донбасс, и тем самым отрезать его от центра.

В области химической промышленности вредительство выражалось главным образом в попытках постройки ряда крупнейших об'ектов в заведомо непригодных условиях и пунктах, а также в попытках задержать производство необходимой для химической промышленности аппаратуры.

В области текстильной промышленности вредительство направлялось в сторону нерационального использования капиталов путем вредительского расчета высоты этажей во вновь строящихся фабриках, оставления без использования значительных площадей фабричных корпусов, задержки введения новейших американских машин, неправильного ведения хлопкового хозяйства и заведомо нерационального использования хлопка, распределения его урожая и т. п., заведомо неправильного распределения ассортимента текстильной продукции. Особенно обращает на себя внимание в этой области осуществлявшаяся в связи с подготовкой интервенции вредительская задержка развития льняной и пеньковой промышленности, благодаря чему и с этой стороны мог бы быть нанесен ущерб обороноспособности СССР.

Судебным следствием установлено так-

же, что одновременно с попытками подготовить к весне 1930 года хозяйственный кризис «Промышленная партия» развивала свою преступную деятельность по подготовке диверсионных актов и условий, обеспечивавших наиболее успешное осуществление в случае интервенции непосредственно военных действий.

Диверсионные задания «Промпартия» впервые получила, как это было установлено на судебном следствии, от «Торгпрома» и гр. К. в 1928 г. Основная директива в этом отношении сводилась к требованию избегать при осуществлении диверсионных актов капитальных разрушений, дабы не ухудшать положения будущего контрреволюционного правительства и интервентов. Поэтому предполагалось прибегнуть к выключению тока электростанций, питающих те или иные группы предприятий, с целью выведения их из строя на более или менее продолжительный период времени.

Диверсионная деятельность должна была по плану «Промпартии» осуществляться не только в области электроснабжения, но и в других областях (военная промышленность, транспорт). План диверсионных актов в области военной промышленности был разработан ЦК «Промпартии» при непосредственном участии указанных уже выше лиц французской службы в Москве. Главное внимание при этом было уделено заводам, производящим боевые припасы и снаряжение.

В целях наиболее успешного осуществления диверсионных актов «Промпартией» были созданы в некоторых учреждениях (напр. в Теплотехническом инст., «Электротоке», МОГЭС и др.) специальные диверсионные группы, имевшие задачей выведение из строя основных предприятий.

Диверсии на транспорте по составленному подсудимым Ларичевым плану предполагалось осуществлять созданием пробок, дезорганизующих движение, и прямым разрушением мостов и др. капитальных сооружений.

Судебное следствие установило, что по мере приближения 1930 г. — срока интервенции — и особенно с конца 1929 г. перед «Промпартией» был поставлен в решительной форме вопрос о выполнении еще одного поручения, полученного в Париже от иностранных интервенционистских кругов, а именно об организации военных ячеек.

На свидании Рамзина с гр. К., происходившем, как это было установлено судебным следствием, на квартире Ларичева осенью 1928 г., гр. К. потребовал более энергичной работы, так как внутренняя подготовка признавалась неудовлетворительной и не наступил внутренний кризис, ожидавшийся интервентами.

Специальное присутствие установило, что члены «Промпартии», принимая участие в силу своего служебного положения в различных работах в пограничных районах, пытались неоднократно использовать это свое положение, направляя и организуя эти работы в направлении осуществления своих преступных и даже изменнических планов. Используя свое участие в таких работах, как работы по мелиорации, по постройке промышленных зданий и т. п., они делали попытки подготовить наилучшие условия для военных действия против СССР интервентов и их военных отрядов; они делали попытки подготовить для них удобопроходимые дороги, площадки для посадки аэропланов, плацдармы для развертывания отрядов, базы топливного снабжения и питания горючим неприятельских частей и т. д., и т. п. В прямой связи с изменнической, диверсионной и интервенционистской деятельностью ЦК «Промпартии» стояла и его работа по организации шпионажа и разведывательной службы в интересах интервентов. Специальное присутствие установило, что еще в 1928 г. ЦК «Промпартии» получил от «Торгпрома» поручение организовать систематическую доставку заграничным контрреволюционным центрам квартальных сводок, освещающих состояние народного хозяйства СССР с интересующих эти центры точек зрения.

Составление этих сводок ЦК «Промпартии» поручил Ларичеву и Калинникову, что последние систематически и осуществляли. Пересылка этих сводок за границу производилась через гр. К., который, однако, помимо этих сводок, получал сведения, связанные с обороной страны, и непосредственно.

Связи с гр. К. и гр. Р., как это было установлено в процессе судебного следствия, поддерживали, неся такую же шпионскую службу, и подсудимые Рамзин и Очкин, передавая требуемые от них сведения как в письменной, так и в устной форме. Такова была широко разветвленная и шедшая под руководством ЦК «Промпартии» по многочисленным и разнообразным направлениям вредительская контрреволюционная работа по подготовке интервенции 1930 г. Три главные силы действовали в этой подготовке: капиталистические и военные круги Франции, «Торгпром» и «Промпартия». Удельный вес каждой из них был в этой подготовке неодинаков. Важнейшая, ведущая роль в этом отношении, как это было с исчерпывающей полнотой установлено на судебном следствии, принадлежала капиталистическим и военным французским кругам. Влияние этих кругов сказывалось и в таких вопросах, как выработка плана и методов осуществления интервенции, так и установление ее сроков. Стратегический план интервенции, рассчитанный на проведение операций соединенными силами иностранных экспедиционных корпусов при участии остатков врангелев-

ской армии и красновских казачьих частей, сводился к комбинированному удару на Москву и Ленинград. По этому плану южная армия должна была двигаться по Правобережной Украине, опираясь на правый берег Днепра, и дальше на Москву.

Северная же группа интервенционистской армии должна была действовать при поддержке морского и воздушного флота против Ленинграда. В план интервенции входило использовать в качестве повода для нападения интервентов на СССР какой-либо пограничный конфликт с тем, чтобы в процессе дальнейшего его развития могли быть использованы вооруженные силы союзных с Францией государств — Польши и Румынии, а также армии лимитрофов. По замыслам интервентов успешное завершение военной интервенции против СССР должно было повлечь за собой раздел СССР, отторжение значительных территорий и предоставление иностранным участникам интервенции значительных финансово-экономических приобретений, несущих с собой закабаление трудящихся Союза. По этим замыслам империалистические круги Франции должны были получить уплату царских долгов и концессии по разработке рудных и горных богатств СССР, при чем, как это было установлено судебным следствием, эти концессии были такого характера, что делались равносильными прямому захвату; империалистические круги Англии должны были получить Кавказ, нефтяные источники; претендовали на территориальный захват также империалистические круги Румынии и Польши (Правобережная Украина, Киев, Одесса).

Срок интервенции, первоначально намечавшийся даже на 1928 г., интервенты вынуждены были отодвинуть сначала на 1930 г., а затем и на 1931 г.

Причины этих отсрочек заключались не только в том, что готовящие интервенцию против СССР интервенционистские круги капиталистических государств оказались в силу имеющихся в их среде разногласий неподготовленными к этому выступлению, но еще в большей степени в отсутствии внутри СССР условий, благоприятствующих осуществлению интервенции.

Несмотря на развернутую вредительскую работу различных контрреволюционных организаций и в том числе «Промышленной партии», пытавшихся создать в хозяйственной жизни СССР разнообразные и тяжелые затруднения и на этой почве хозяйственных и продовольственных прорывов вызвать недовольство против советской власти трудящихся масс, эти попытки не дали никаких результатов, показав, что всякие расчеты интервентов на недовольство трудящихся масс в отношении советской власти являются совершенно беспочвенными.

Здесь также лежит одна из важнейших причин откладывания срока интервенции. Это оказалось необходимым для интервентов тем более, что, как это установлено судебным следствием, интервенционистские круги Франции не могли не учесть урока Китайско-Восточного конфликта, доказавшего мощь и обороноспособность Советского Союза, единство воли трудящихся масс к защите своих границ и борьбе за советскую власть и социалистическое строительство.

На основании вышеизложенного и руководствуясь ст.ст. 319 и 320 УПК РСФСР, Специальное присутствие Верховного суда СССР установило:

1) Рамзин, Леонид Константинович, — вступив в первой половине 1927 г. в контрреволюционную организацию «Совет инженерных организаций» (СИО), или «Инженерный центр», принял активное участие в организации контрреволюционной партии под именем «Промышленная партия», при чем после ареста руководителей этой организации Пальчинского и Хренникова стал во главе ЦК этой партии, деятельность которой была направлена на прямое свержение советской власти путем военной интервенции и восстановление в СССР капиталистического строя.

В этих целях, а также в целях непосредственной подготовки интервенции Рамзин: а) вступил в сношение от имени «Промпартии» с белоэмигрантским центром бывших собственников, находящимся в Париже («Торгпром»);

б) вступил в связь с интервенционистскими кругами Франции, установив с ними постоянное сношение через лиц французской службы в Москве граждан К. и Р.;

в) установил систематическое финансирование «Промпартии» со стороны «Торгпрома» и указанных выше (л. «б») кругов;

г) принял участие в разработке конкретного плана подготовки совместно с указанными выше кругами и «Торгпромом» интервенции против СССР и дал от имени ЦК «Промпартии» согласие на уплату царских долгов и отторжение от СССР значительной территории;

д) организовал и руководил в тех же целях систематическим вредительством в различных отраслях народного хозяйства СССР;

е) организовал подготовку диверсионных актов, для чего организовал соответствующие диверсионные группы, лично разработав, кроме того, план диверсионной деятельности в области энергетики;

ж) сносясь регулярно с лицами французской службы гражданами К. и Р., сообщал им и через них сведения в устной и письменной форме шпионского характера;

з) организовал и осуществлял распределение денежных средств, поступавших из-за границы на цели преступной деятельности «Промпартии», т. е. совершил

преступления, предусмотренные статьями 58^3, 58^4, 58^6 и 58^{11} УК РСФСР.

2) Калинников, Иван Андреевич, —

а) вступив в те же организации в качестве члена ЦК «Промпартии», руководил вредительской, диверсионной и шпионской деятельностью «Промпартии», направленной к свержению советской власти путем военной интервенции и к восстановлению капиталистического строя. Кроме того, состоя в должности зампредседателя пром. секции Госплана, использовал свое служебное положение в целях составления вредительских планов и срыва пятилетки;

б) предложил вместе с Чарновским ЦК «Промпартии» осуществить диверсионный план в области металлургической промышленности, что и было ЦК «Промпартии» принято;

в) вступив в связь с лицами французской службы в Москве К. и Р., подготовлял и передавал через них за границу сведения шпионского характера;

г) распределял денежные средства, получаемые из-за границы, между членами «Промпартии», подведомственной ему отраслевой цепочки, т.-е. совершил преступления, предусмотренные статьями 58^3, 58^4, 58^6 и 58^{11} УК РСФСР.

3) Ларичев, Виктор Алексеевич, — вступив в контрреволюционную организацию «Инж. центр» в 1926 году, участвовал в организации «Промпартии». Будучи членом ЦК «Промпартии», руководил диверсионной, шпионской и вредительской деятельностью, направленной на указанные выше цели. Кроме того: а) вступил в непосредственные сношения от имени «Промпартии» с «Торгпромом» и интервенционистскими кругами в Париже;

б) вошел в связь с лицами французской службы в Москве К. и Р. в указанных выше целях;

в) распределял между членами подведомственных ему вредительских отраслевых организаций получаемые из-за границы денежные суммы;

г) будучи председателем топливной секции Госплана, непосредственно руководил, используя в контрреволюционных целях свое служебное положение, вредительством в области планирования топливной промышленности, в частности нефтяной, а также принял участие в руководстве вредительской работой на транспорте;

д) осуществлял шпионскую работу путем передачи соответствующих материалов за границу через указанных выше лиц французской службы в Москве, т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст.ст. 58^3, 58^4, 58^6 и 58^{11} УК РСФСР.

4) Чарновский, Николай Францевич, — вступив в 1927 году в те же контрреволюционные организации и активно участвуя в руководстве работой контрреволюционной организации «Промпартия» в качестве члена ее ЦК, осуществлял вредительскую, диверсионную и шпионскую деятельность в тех же целях.

Кроме того: а) руководил вредительством в области металлургической промышленности, б) руководил вредительской работой при прохождении проектов через научно-технический совет, им возглавлявшийся, благодаря чему была задержана постройка ряда заводов, в том числе по станкостроению, была создана диспропорция в цехах, был осуществлены нерациональные вложения капиталов и в целом было задержано развитие металлургической промышленности;

в) разработал совместно с Калинниковым диверсионный план в области обслуживания заводами военных нужд;

г) распределял между членами руководимой им отраслевой вред. организации получаемые из-за границы денежные средства;

д) составлял совместно с Калинниковым для передачи за границу сводки шпионского характера, т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст.ст. 58^3, 58^4, 58^6 и 58^{11} УК РСФСР.

5) Федотов, Александр Александрович, — в 1925 г. вступил в текстильную вредительскую группу, которой впоследствии и руководил. Вступил в «Промпартию», войдя в ее ЦК, и осуществлял руководство диверсионной, вредительской и шпионской деятельностью «Промпартии».

Кроме того: а) руководил непосредственно вредительской деятельностью отраслевой организации в текстильной промышленности, осуществляя это вредительство как в работе по составлению 5-летнего плана, так и путем искусственного замедления темпов развертывания производства и нового строительства, создавая затруднения по снабжению этой промышленности сырьем и импортным оборудованием наиболее технически высокого качества и подрывая развитие тех производств, в которых советское государство ощутило бы особую нужду в случае открытия военных действий; б) распределял денежные средства с вредительскими целями, получаемые им из указанных выше источников, т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст.ст. 58^3, 58^4, 58^6 и 58^{11} УК РСФСР.

6) Куприянов, Сергей Викторович,—будучи членом «Промпартии», в тех же целях:

а) поддерживал сношения с представителями «Торгпрома» в целях осуществления вредительской и интервенционистской работы «Промпартии»;

б) проводил в жизнь директивы ЦК «Промпартии» по составлению вредительских планов текстильной промышленности; по выработке ассортимента товаров, не соответствующего требованиям рынка; по задержке текстильного машиностроения; по несвоевременному и неправильному завозу текстильных товаров по районам;

в) распределял деньги между членами текстильной вредительской группы;

г) принял поручение ЦК «ПП» организовать военную группу из бывших белых офицеров;

д) принял поручения ЦК «ПП» по добыванию секретных сведений по мобработе в текстильной промышленности, т.-е. совершил преступления, предусмотренные статьями 58^3, 58^4, 58^6 и 58^{11} УК РСФСР.

7) Очкин, Владимир Иванович,—будучи членом «Промпартии», выполнял поручения ЦК «Промпартии» в лице Рамзина по связи с лицами французской службы в Москве К. и Р. Кроме того, входил в диверсионную группу Теплотехнического института, т.-е. совершил преступления, предусмотренные статьями 58^3, 58^6 и 58^{11} УК РСФСР.

8) Ситнин, Ксенофонт Васильевич,—будучи членом «Промпартии», зная заведомо о поставленных ею целях, принимал на себя исполнение соответствующих заданий в области вредительской работы и, кроме того, вступив в сношения с представителями «Торгпрома», информировал последних о деятельности «Промпартии» и передавал от них последней директивы, т.-е. совершил преступления, предусмотренные ст.ст. 58^3, 58^4 и 58^{11} УК РСФСР.

На основании ст. 326 ч. 3 УПК РСФСР Специальное присутствие Верховного суда СССР приговорило:

1) Куприянова, Сергея Викторовича — на основании ст.ст. 58^3, 58^4, 58^6, 58^{11} УК РСФСР—к 10 годам (десяти годам) лишения свободы с поражением в правах, согласно ст. 31 УК РСФСР, предусмотренных лит.лит. «а», «б», «в», «г», и «е» ст. 31, сроком на 5 лет и с конфискацией всего имущества.

2) Ситнина, Ксенофонта Васильевича — на основании ст.ст. 58^3, 58^4, 58^6, 58^{11} УК РСФСР — к 10 годам (десяти годам) лишения свободы с поражением в правах, согласно ст. 31 УК РСФСР, предусмотренных лит. лит. «а», «б», «в», «г» и «е» ст. 31, сроком на 5 лет и с конфискацией всего имущества;

3) Очкина, Владимира Ивановича — согласно ст.ст. 58^3, 58^6 и 58^{11} УК РСФСР — к 10 годам (десяти годам) лишения свободы с поражением в правах, согласно ст. 31 УК РСФСР, предусмотренных лит. лит. «а», «б», «в», «г» и «е» ст. 31, сроком на 5 лет и с конфискацией всего имущества;

4) Калинникова, Ивана Андреевича — согласно ст.ст. 58^3, 58^4, 58^6, 58^{11} УК РСФСР — к высшей мере социальной защиты — расстрелу с конфискацией всего имущества;

5) Чарновского, Николая Францевича — согласно ст.ст. 58^3, 58^4, 58^6, 58^{11} УК РСФСР — к высшей мере социальной защиты — расстрелу с конфискацией всего имущества;

6) Ларичева, Виктора Алексеевича — согласно ст.ст. 58^3, 58^4, 58^6, 58^{11} УК РСФСР — к высшей мере социальной защиты — расстрелу с конфискацией всего имущества;

7) Федотова, Александра Александровича — согласно ст.ст. 58^3 58^4, 58^6, 58^{11} УК РСФСР — к высшей мере социальной защиты — расстрелу с конфискацией всего имущества;

8) Рамзина, Леонида Константиновича — согласно ст.ст. 58^3, 58^4, 58^6, 58^{11} УК РСФСР — к высшей мере социальной защиты — расстрелу с конфискацией всего имущества.

Всем приговоренным к срочному лишению свободы зачесть сроки их предварительного заключения.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Председатель Специального присутствия Верховного суда СССР
А. ВЫШИНСКИЙ

Члены Специального присутствия Верховного суда СССР
АНТОНОВ-САРАТОВСКИЙ, В. ЛЬВОВ

ХОДАТАЙСТВА ПОДСУДИМЫХ В ПРЕЗИДИУМ ЦИК СОЮЗА ССР

Рамзина, Леонида Константиновича.

Ходатайство о помиловании.

Приговором Специального присутствия Верховного суда Союза ССР от 7 декабря этого года, я по делу «Промпартии» по обвинению меня по ст.ст. 58^{3}, ^{4}, ^{6}, ^{11} УК присужден к расстрелу.

Настоящим прошу учесть мое чистосердечное сознание и глубокое раскаяние, проявленные мною как в органах дознания и следствия, так и на суде, мою искреннюю готовность упорным трудом загладить и искупить совершенные мною тяжкие преступления, приостановить приведение приговора в исполнение и заменить мне расстрел срочным лишением свободы.

Л. Рамзин.

7 декабря 1930 г.

Очкина, Владимира Ивановича.

Ходатайство о смягчении приговора.

Приговором Специального присутствия Верховного суда Союза ССР от 7 декабря этого года я, В. И. Очкин, по обвинению меня по ст.ст. 58^{3}, ^{6}, ^{11} Уголовного Кодекса присужден к 10 годам заключения с поражением в правах до 5 лет.

Настоящим прошу учесть мое чистосердечное раскаяние, проявленное мною в органах дознания и судебного следствия.

Принося глубокое раскаяние в совершенных мною преступлениях, я прошу президиум ЦИК Союза ССР смягчить приговор Верховного суда и дать мне возможность честным и преданным трудом доказать советской власти, что я способен в самое короткое время энергичной, честной и полезной работой загладить свои тяжелые преступления.

В. Очкин.

7 декабря 1930 г.

С аналогичными ходатайствами в Президиум ЦИК СССР о смягчении приговора обратились Куприянов и Ситнин и о помиловании—Калинников, Федотов, Ларичев и Чарновский.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОЮЗА ССР

Заслушав поступившие 8 сего декабря ходатайства о помиловании приговоренных Специальным присутствием Верховного суда Союза ССР по делу контрреволюционной организации, так называемой «Промпартии», к высшей мере социальной защиты — расстрелу Рамзина Леонида Константиновича, Чарновского Николая Францевича, Калинникова Ивана Адреевича, Ларичева Виктора Алексеевича и Федотова Александра Александровича и приговоренных к 10-летнему лишению свободы Очкина Владимира Ивановича, Ситнина Ксенофонта Васильевича и Куприянова Сергея Викторовича и приняв во внимание:

1) что осужденные не только сознались и раскаялись в совершенных ими преступлениях, но своими показаниями на предварительном и судебном следствии разоружили свою контрреволюционную организацию, являвшуюся агентурой и исполнительницей директив интервенционистских и военных кругов правящей буржуазии Франции и их придатка в виде «Торгпрома»—об'единения бывших крупных русских капиталистов в Париже;

2) что советская власть не может руководствоваться вообще чувством мести, в особенности в отношении обезвреженных, сознавшихся и раскаявшихся преступников,—

Президиум Центрального исполнительного комитета Союза ССР постановляет:

1. Заменить осужденным к высшей мере социальной защиты—расстрелу Рамзину Леониду Константиновичу, Чарновскому Николаю Францевичу, Калинникову Ивану Андреевичу, Ларичеву Виктору Алексеевичу и Федотову Александру Александровичу расстрел лишением свободы на десять лет с поражением в правах сроком на пять лет и с оставлением в силе приговора Верховного суда в отношении конфискации имущества.

2. Заменить осужденным Очкину Владимиру Ивановичу, Ситнину Ксенофонту Васильевичу и Куприянову Сергею Викторовичу определенную им Верховным судом меру социальной защиты — десятилетнее лишение свободы — лишением свободы на 8 лет, оставив в силе все остальные определенные приговором Верховного суда последствия — конфискация имущества и поражение в правах.

ПРИЛОЖЕНИЯ

(МАТЕРИАЛЫ, ПРИОБЩЕННЫЕ К ДЕЛУ)

M

тя
в
бы
дл
ро
чу
кр
хв
на
ст
вы
ни
вк
ни

чт
бы
де
ми
не
бе
то
ра
«Б
на
ст
тр
вр
зо
бе
вы
пу

кр
зн
по
уд
в
ры
бу
Са
ст
бо

„И
збр

МАТЕРИАЛЫ, ПРИОБЩЕННЫЕ К ДЕЛУ

Приложение № 1.

Приобщено к делу в вечернем заседании 30 ноября 1930 г.

КОГТИ СССР[1])

Первая статья Пуанкаре

(Напечатана до опубликования обвинительного заключения по делу «Промпартии»).

«Комиссариат труда СССР издал 11 октября декрет, который был опубликован в «Рабочей газете» в Москве и должен был бы быть опубликован во всем мире для того, чтобы все цивилизованные народы знали, как понимают Советы личную свободу. Статья первая этого декрета гласит: «Вследствие огромной нехватки рабочих рук во всех отраслях народного хозяйства» кассы социального страхования должны отныне прекратить выдачу пособий по безработице. В течение триместра с октября по декабрь включительно 1930 г. в бюджете не будет никаких кредитов на безработицу.

До сих пор декрет не содержит ничего, что превысило бы права какого бы то ни было правительства, но статья вторая декрета идет дальше. Она предлагает администрации принять все меры, чтобы немедленно отправить на работу всех безработных и в первую очередь тех, которые имели право на пособие по безработице. Статья же третья добавляет: «Безработные должны быть направлены на работу не только по их специальности, но и на другие работы, которые не требуют специальных познаний. Одновременно отделы труда должны организовать в широком масштабе обучение безработных и их приспособление к новым специальностям, учитывая местные нужды».

Статья четвертая венчает это прекрасное здание. Эта статья говорит, что ни один предлог отказа от работы, за исключением болезни, подтвержденной удостоверением, не должен приниматься в соображение и что безработный, который откажется от предложенной работы, будет исключен из списков биржи труда, Само собою разумеется, что выдача удостоверений не предоставляется на выбор рабочим. Только медицинские контрольные комиссии будут иметь право их составлять и выдавать заинтересованным. Короче говоря, декрет устанавливает принудительный труд на огромном протяжении российской территории. Весьма правдоподобно, что советское правительство не было бы вынуждено прибегнуть к этой странной необходимости, если бы демагогический дух не увлек их ранее и не заставил злоупотреблять пособием по безработице и если бы чрезмерная выдача пособий не кончилась созданием предпосылки к праздности. Но есть другие причины, менее преходящие и более глубокие, свидетельствующие о серьезном положении вещей, которые вскрываются декретом. Решение комиссариата труда по существу представляет собой лишь логическое завершение эволюции, начатой пять или шесть лет назад. Прежняя русская буржуазия, частично вынужденная эмигрировать вследствие революции, частично раздавленная революцией, была на время вновь вызвана к жизни в 1921 г., когда была введена «новая экономическая политика». Но эта попытка восстановления была лишь временной, и вскоре вновь начались мероприятия, имевшие целью нивеллировку населения. Вскоре также и крестьяне были осуждены на то, чтобы работать в массе на государство. Это осуществлялось тем, что им либо навязывалась закупка индивидуального урожая, либо их вербовали силой для участия в эксплоатации сельскохозяйственных коллективов. Теперь, в силу приобретенной скорости, наступила очередь для самих рабочих. Наступил момент, когда считают нужным привязать рабочих, прикрепить их к фабрике, мастерской, к шахте, как крепостных к поместью. Странная концепция пути социального прогресса. Нет сомнения, что каждый народ волен делать у себя, что ему угодно, и мы не могли бы иметь никакого суждения, чтобы заявить его публично по поводу

[1]) Франц. газ. „Эксцельсиор", 30 октября 1930 г., „Известия" ЦИК СССР и ВЦИК № 317 от 18 ноября 1930 г.

методов и мероприятий, которые кажутся нам ужасно реакционными, если бы Советы не пытались развернуть и за пределами России своей зловредной деятельности. В замечательной статье, опубликованной «Журналь де Деба», Огюст Говен на этих днях разоблачал некоторые маневры Советов и резко называл московских людей фанатическими бандитами. Бандиты — это было бы пустяки, ибо если бы они были только бандитами, они могли бы рано или поздно раскаяться, и тогда для них было бы больше радости на небе и даже на земле, чем для праведников. Но фанатики, —это неизлечимое зло, против которого нет иного средства, как преградить дорогу заразе. Что же касается этой заразы, то Советы делают все, что они могут, чтобы ее распространить, и в этих их попытках они находят содействие в виде соучастия или любезности, которые, к сожалению, не всегда могут предупредить разум и интерес. По самым верным сведениям, экономическое положение России чрезвычайно плохое. Там ощущается недостаток в продовольствии, платье, топливе, как в стране, находящейся в состоянии войны, когда военные действия затягиваются.

Но фанатики, которые слепо ведут за собой толпы, очевидно, упорствуют в надежде, что мировой кризис, восстания в Азии, смуты, которые возникают на всех континентах и как будто приобретают всеобщий характер, помогут им вызвать мировую революцию, вне которой для них не видно спасения. В ожидании они делают колоссальные усилия, чтобы поднять их падающую промышленность и сельское хозяйство, которое замирает, и вместе с тем они умножают и ускоряют совместно с Германией их военные приготовления. Бесполезно добавлять, что они тоже с шумом требуют пересмотра договоров, надеясь, что это породит новые элементы беспорядка. Больно констатировать, что нации, вместо того, чтобы об'единиться для борьбы с опасностью, которая им угрожает, остаются разделенными перед наличием огромного заговора против их спокойствия. Мало того, некоторые нации стремятся найти в России средство, чтобы осуществить свои тайные стремления. Те нации, которые совершают такие неосторожные поступки, падут первыми жертвами, но они неизбежно вовлекут и остальное человечество в бездну, в которую они упадут. Уже пора, чтобы там нашлись достаточно дальновидные люди, чтобы руководить теми, которые охвачены безумием, о котором я говорил. Арнольд Рехберг, которого выступления я не всегда одобрял, был прав на этот раз, когда он предостерегал своих соотечественников, германских националистов, против планов Кремля. Я не знаю, верно ли то, что Москва «лихорадочно работает над тем, чтобы вызвать новую войну в Европе». Но все происходит так, как если бы именно это происходило, и этого достаточно для того, чтобы постоянно бодрствовали. Конечно, не нужно буквально понимать все те сведения, которые получают из России.

Одним из видов тактики Советов является распространение в мире неверных или преувеличенных слухов для того, чтобы иметь возможность немедленно их опровергнуть и поставить под сомнение и подлинную истину. Так, например, было об'явлено, что Центральный исполнительный комитет карает смертью за принудительный труд. Мне кажется, что ничто не оправдывает этого утверждения. Мы, может быть, и придем к этому, но мы еще не пришли. Что абсолютно верно, что без всякой пользы для нации, ибо ощущается нехватка в самых существенных продуктах, русские организуют на всех рынках мира демпинг, последствия которого становятся все более и более опасными. Их экспорт зерновых продуктов возрастает в неслыханных пропорциях и по ценам, которые далеки от того, чтобы покрывать стоимость. То же совершается в отношении керосина, леса и т. д. Все это совершается в рамках выполнения пятилетнего плана, который должен позволить распространить демпинг на фабричные продукты.

При помощи этой системы Союз советских социалистических республик ставит себе целью вызвать среди других народов растущие противоречия и разногласия, которые делают невозможным об'единить защиту этих народов. Московское правительство, как известно, уже заявило, что оно прибегает к безжалостным репрессиям против тех стран, которые примут специальные меры в ответ на демпинг. У этих стран СССР прекратит совершенно или сократит до минимума всякого рода заказы. СССР не использует больше их тоннажа, установит особые разграничения для их товаров, не будет пользоваться, за исключением абсолютной необходимости, их портами, их речными и железнодорожными путями, их транзитными базами.

Как указывал в 1926 году Миркин Гуцевич, профессор петроградского университета, власть в советском государстве — это прежде всего насилие. Советское государство имеет свою общую теорию, им признанную, устанавливающую первенство факта над правом и подчинение правил цели. Никогда советское государство не откажется от положения, которое оно приняло с первой минуты, а именно необходимость и возможность социальной революции. Такая доктрина, если можно назвать доктриной это коллективное заблуждение, бесспорно исключает всякое искреннее участие в

международном сообщничестве. Эта доктрина должна казаться всем другим правительствам опасностью, уберечься от которой они могут только путем всегда настороженной солидарности.

Когда в 1929 году очень достойный юристконсульт бывшей репарационной комиссии Жак Лион посетил Россию, внимательно наблюдал там людей и дела, он констатировал, что для того, чтобы избегнуть катастрофы, необходимо в самый краткий срок изменить методы. В это время эта перемена методов еще была осуществима. Жак Лион не верил, чтобы у нынешних руководителей хватило размаха взять на себя необходимую, но рискованную инициативу необходимых перемен. «Несомненно, — говорил он, — они не изжили еще всех иллюзий, они еще не отказались от своей непримиримой, наполовину доктринальной, наполовину национальной гордости». Жак Лион предполагал, что императивное давление реальных сил и опасение народных выступлений заставит их постепенно покориться и более или менее открыто примириться с прогрессивным реформированием их теорий. До сих пор ничего подобного не случилось, и развитие продолжается в обратном смысле. Жак Лион, помимо того, особенно указывал на тот интерес, который проявляет Германия к событиям в России. Он указывал, что эксперты, которые являются консультантами трестов в СССР, — германские, как и большинство иностранных инженеров, работающих в России. Он отмечал, что русско-германская конвенция от 1929 года предусматривала периодические конференции для обсуждения всех вопросов, которые могут возникнуть между обеими странами. «Вопреки многократным разочарованиям, — говорил он,— Германия методически продолжает свою партию, начатую в Рапалло, если не в Брест-Литовске».

И он нам указывал там далеко на Востоке тень экономического протектората Германии, который скоро распространится на русскую землю при помощи американских капиталов. Повидимому, такова была мечта Германии. Но она далека от того чудесного результата, которого она добивалась. Она в свою очередь переживает кризис, который она преувеличивает, но который вместе с тем реален. От кризиса не уберeглись даже и сами Соединенные Штаты Северной Америки. Некоторые германские промышленники пытаются примкнуть к русскому демпингу и вернуться к тому режиму экспорта, который им удавался до войны. Но в общем страна страдает, как и другие, от недостатка международного согласия, и все пойдет и хуже и хуже как в Германии, так и в других странах, если будет продолжаться этот пагубный разлад. Быть может, это грустное зрелище, которое мы, дезориентированные и беспомощные, наблюдаем, кончится тем, что научит нас, что всякая политическая федерация государств, будь то европейская или всемирная, предполагает в качестве предпосылки экономические соглашения, и что в важной проблеме, которую обсуждала Лига Наций, первый порядок в расположении фактов, выдвинутый Брианом, был правильный».

Приложение № 2.

(Приобщено к делу в вечернем заседании 30 ноября 1930 г.)

ЛИХОРАДКА ЕВРОПЫ [1])

Вторая статья Пуанкаре

(Напечатана после опубликования обвинительного заключения по делу «Промпартии»)

В статье, опубликованной вчера и озаглавленной «Лихорадка Европы», Пуанкаре останавливается на позиции Гитлера, который заявляет, что прошлые договоры, заключенные Германией, не касаются германских женщин и молодежи и что «прошлое не идет в счет для будущего». Пуанкаре по этому поводу пишет:

«Гитлер рассуждает точно так же, как Советы, которые ныне отказываются платить долги Российской империи. Он не замечает при этом, что, следуя этому блестящему примеру, он—националист— отвергает ту самую идею, которая составляет силу нации, т.-е. идею преемственности. В тот день, когда юные германцы скажут: «То, что сделали наши отцы, нас не касается», не будет больше Германии ни имперской, ни республиканской. Народ, который по отношению к миру не сохранит, не пронесет через все перемены режима свое моральное лицо, исключит сам себя из цивилизованного мира». Дальше в статье Пуанкаре пишет: «До сих пор призыв пересмотра (договоров) продолжает оставаться односторонним. Он не может поэтому в настоящий момент иметь иного результата, кроме сверхвозбуждения еще не-

[1]) „Известия" ЦИК СССР и ВЦИК № 317 от 18 ноября 1930 г.

улегшихся страстей в странах Центральной Европы, в странах, уже охваченных мировым экономическим кризисом. Совершенно естественно, что СССР избрал этот период всеобщего брожения, чтобы попытаться бросить взрывчатую бомбу. Агентство ТАСС в последние дни распространило в обоих полушариях мира сообщение, которое должно было иметь эффект сенсации. Агентство опубликовало составленный прокурором Советской республики Крыленко обвинительный акт против нескольких русских, которые как будто виновны в организации заговора. Пока нет ничего, против чего можно было бы возразить. СССР — хозяин у себя дома и осуществляет те репрессии, какие он считает нужными. Но господин Крыленко утверждает, что обвиняемые в 1928 году действовали в согласии с французским правительством, которое тогда—осмеливается он писать — подготовляло вооруженное нападение на Россию. И по этому поводу он нагло вовлекает в дело наш генеральный штаб, которым тогда руководил генерал Дебеней, сотрудник Пенлеве.

Он приводит имена Бриана и мое. Если Советы в такой же степени будут правдивы в тех документах, которые, как они говорят, они предполагают опубликовать о происхождении войны в дополнение к Черной книге, то мы можем ожидать довольно парадоксальных измышлений. Мне нет необходимости, я полагаю, противопоставлять опровержение смешным утверждениям господина Крыленко. Но правительство СССР, которое терпит и по всей вероятности поощряет такие выступления своих чиновников, заходит несколько далеко в искусстве переставлять роли. В то время как Советы повергли часть Азии в кровь и огонь, в то время как они содержат мощную Красную армию, стремятся вызвать повсюду волнения, — Франция мирно завязала с ними дипломатические отношения. Франция требует от них только одного: не вмешиваться в большей степени в ее дела, чем Франция вмешивается в дела СССР. Франция дает пример спокойствия, и в будущем будет подавать такой же пример. Но я все же думаю, что Бриан нашел шутку Крыленко слишком сильной, и он просил нашего посла в Москве сделать необходимые представления начальникам этого слишком изобретательного прокурора. Лафонтен имел, главным образом, в виду дипломатию, когда он писал по поводу гончей: «Позволь ей взять одну ногу, она скоро захватит все четыре».

Приложение № 3 [1])

(Приобщено к делу в утреннем заседании 3 декабря 1930 г.).

АНТИСОВЕТСКОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ПУАНКАРЕ

ПАРИЖ, 28/II (ТАСС). Пуанкаре активно поддерживает закулисную работу Тардье, направленную к созданию правительства концентрации, несмотря на отказ радикалов войти в подобное правительство, руководимое Тардье. «Эксцельсиор» сегодня публикует статью Пуанкаре, в которой он в самых лестных выражениях отзывается о Тардье, как о человеке, призванном стоять во главе французского правительства.

Одновременно Пуанкаре настойчиво призывает все партии к скорейшему разрешению правительственного кризиса, учитывая, что кризис наносит серьезный ущерб интересам внешней политики Франции.

Всеобщее внимание парижских политических кругов привлекло следующее место в статье Пуанкаре, частично касающейся СССР: «Пора закончить бесконечную лондонскую конференцию, где наше присутствие может привести к неприятным для нас неожиданностям. Пора приступить к проверке выполнения Германией условий, необходимых для ратификации нами плана Юнга. Но этим не исчерпываются серьезные проблемы, тяжесть разрешения которых ляжет на будущее правительство. В различных пунктах мира каждодневно возникают инциденты, которые могут оказаться чреватыми серьезными последствиями. Достаточно кинуть издалека взгляд на Бессарабию. В этой румынской провинции мы видим конфликты, возбуждаемые СССР с целью воспользоваться ими рано или поздно, как предлогом для новых интриг. Нетрудно будет также увидеть кое-какие темные пятна на польских границах. Разве может Франция в подобный момент задерживаться на мелких внутренних раздорах? Нет, поистине, перед нами дела поважнее».

Все значение намеков Пуанкаре на «советские интриги в Бессарабии» станет еще более ясным, если сопоставить его не только со всей развернувшейся во Франции антисоветской травлей, но и с конкретным фактом, на-днях разоблаченным бухарестским корреспондентом американской газеты «Чикаго Трибюн». По сообщению этого корреспондента, французский генеральный штаб, совместно с польским, обратился к Румынии, с «сигнализацией опасности советского нападения на Бессарабию и с советами принять соответствующие военные меры».

[1]) „Известия" ЦИК СССР и ВЦИК № 60 от 2 марта 1930 г.

Приложение № 4.

(Приобщено к делу в утреннем заседании 3 декабря 1930 г.).

НОВАЯ СТАТЬЯ ПУАНКАРЕ [1])

ПАРИЖ, 30 ноября (ТАСС). Пуанкаре поместил в «Эксцельсиор» статью, озаглавленную «От мечты к действительности» и посвященную речи Курциуса. В начале статьи Пуанкаре пишет:

«Является ли советская фантазия галлюцинацией и мистификацией, все равно она не сумеет отвлечь нас от германской действительности. Она даже не заслуживает того, чтобы по поводу ее удивленно пожимать плечами.

С большим треском перед толпой начали процесс группы русских, которым дали имя «Промышленной партии» и которых нагло обвинили в том, что они затеяли при содействии Франции и Англии заговор против Советской России. Устраивали ли профессор Рамзин и другие члены «Промышленной партии» заговор против правительства их страны — этого я не знаю. Я не являюсь их духовником. Соответствующая организация [2]) это формально отрицает. Но во всяком случае, — и это я опять подтверждаю, — если бы этот заговор действительно имел место, то никто во Франции в нем не участвовал. Должно быть, в Москве имеются достаточно легковерные люди, если в действительности находятся такие, которые верят или поверили рассказываемым басням.

Для чего были выдуманы эти сказки? Для того ли, чтобы попытаться оправдать наиболее насильственные меры жестокости? Для того ли, чтобы постараться представить в глазах всего мира Советскую Россию как невинную жертву, преследуемую Францией и Англией? Я не знаю.

Мы несомненно не замедлим лучше ознакомиться с тайными источниками этой подозрительной махинации. Но в настоящее время, если в Москве случайно есть еще судьи, то они хорошо сделают, если ухитрятся сразу снять маску с обвинителей и подсудимых, которые в этом странном деле действуют против самих себя и участвуют в распространении лжи. Я должен во всяком случае повторить, что ни Бриан, ни я, ни французский генеральный штаб ничего не знали ни в 1928 г., а также раньше или позже о подлинных или мнимых проектах «Промышленной партии», что, следовательно, никогда мы их не одобряли и не поощряли, что никогда наш генеральный штаб, который зависел тогда от Пенлеве и генерала Дебенея, не имел парадоксальной идеи подготовить по соглашению с русскими или без оного атаку против России.

Что касается меня, то в момент врангелевской экспедиции я публично осудил операции подобного рода как иллюзорные и опасные. Достаточно сослаться на журнал «Ревью де Дэ Монд» от 1 декабря 1920 г., чтобы увидеть, в какую жестокую форму было облечено это общее осуждение.

«Уроки, полученные нами из опыта с Колчаками, Деникиными и Юденичами, — говорил я, — для нас вполне достаточны. Наши военные руководители, наиболее осведомленные, обратили наше внимание на опасность, которая возникает вследствие того, что мы последовательно будем опираться на генералов, сотрудники которых рекрутировались среди наиболее отвратительных агентов старого режима и войска которых плохо сражались, отдавая Красной армии пушки и амуницию, присланные Францией. Но, допуская даже, что многие верят в успех Врангеля, а также считают полезным помочь его делу, все же нет никаких серьезных причин признать его. Это признание создало бы между нами и Врангелем опасную солидарность и грозило бы превратить его возможное крушение в наше собственное поражение. Это признание находилось бы, между прочим, в противоречии с наиболее элементарными принципами международного права. Для того, чтобы правительство получило признание де-факто, необходимо по крайней мере, чтобы оно осуществляло действительную власть в стране, от имени которой оно претендует говорить. Признать русским правительством власть, которая не только не прочна, но и находится на ничтожном отрезке русской территории, явилось бы мерой, противоречащей здравому рассудку. Мы имеем все основания не бросаться стремглав в эту авантюру».

Если бы мне были известны намерения, приписываемые сегодня «Промышленной партии» и ясно опровергаемые заинтересованной организацией, то я бы без сомнения отнесся к ним как к авантюре еще более опасной, чем дело Врангеля, и никоим образом не согласился бы ринуться в эту авантюру. Я хотел бы, чтобы мне сказали, в каком таинственном зале русские заговорщики беседовали с моим двойником и на основании каких полномочий он им дал аудиенцию. Я желал бы прежде всего, чтобы мне сообщили мнимые планы французского генерального штаба и чтобы мне указали, где, когда и при каких условиях должно было произойти мнимое нападение.

Но довольно шуток! Хватит! Оставим мир безумия и возвратимся на землю, на которой мы находимся. Разве за последние 15 лет не было достаточных событий, заслуживающих внимания».

---

[1]) „Правда" № 332 от 3 декабря 1930 г.

[2]) Речь идет о „Торгпроме"

Приложение № 5.

(Приобщено к делу в вечернем заседании 4 декабря 1930 г.).

ПИСЬМО СЭРА ГЕНРИ ДЕТЕРДИНГА[1])

Один из русских студентов любезно доставил нам письмо сэра Генри Детердинга, полученное им в ответ на выражение благодарности за предоставление возможности продолжать свое образование в одном из высших учебных заведений г. Парижа.

Приведем несколько характерных выдержек:

«Я с удовольствием получил благодарственные письма русских студентов, которым я с большим удовлетворением помогаю в их стремлениях быть полезными для будущей России. Большинство из вас в письмах ко мне выражают надежду, что наступит день, в который они будут иметь возможность отплатить мне за сделанное им добро.

Если вы действительно хотите выразить мне вашу благодарность, то я прошу вас сделать следующее:

1) Постарайтесь в новой России, которая восстанет через немного месяцев, быть наилучшими сынами вашей родины.

2) Сделайте в будущем для другого то, что я сделал вам.

Это все, что я прошу вас сделать. Моя заветная надежда приносимым добром дать толчок первому кому снега, который, скатываясь, превратится в лавину. И так как первый толчок был движением добра, то и вся лавина должна породить полноту благополучия.

Никогда не теряйте уверенности, что Россия вновь возродится.

Большевики не могут победить, хотя бы уже потому, что их конечная цель — разрушение человеческой личности.

Вы, студенты и студентки, знаете по вашему собственному опыту, что может спасти весь мир только человеческая личность. Особенно стремления сильных поднять слабых, стараться возвысить их как можно больше.

Большевики делают как раз наоборот, — они стараются унизить сильных и умных, поощряют самые низкие инстинкты.

Я вас спрашиваю: разве может это удасться? Эти стремления большевиков безумны и неестественны, а потому — жестоки. Большевики, люди абсолютно неспособные что-нибудь созидать, чувствуют себя рожденными лишь для разрушения...

Никогда не теряйте надежды. Религия — это надежда. Без надежды нет ничего. Надеяться — значит добиться».

Приложение № 6.

(Приобщено к делу в вечернем заседании 4 декабря 1930 г.).

10-ЛЕТИЕ РУССКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ В ПАРИЖЕ[2])

Освящение здания и акт

11 июня было торжественно отпраздновано десятилетие русской гимназии в Париже.

К началу торжественного молебствия и освящения здания, совершенного митрополитом Евлогием в сослужении с законоучителями гимназии о. о. Я. Смирновым и Н. Сахаровым (пел ученический хор под управлением проф. А. А. Страхова), новое здание гимназии было переполнено представителями военных и общественных организаций, родителями учащихся, бывш. воспитанниками гимназии, персоналом и детьми.

Среди присутствовавших были: митрополит Евлогий, почетная попечительница гимназии лэди Л. П. Детердинг, сэр Генри Детердинг и г-н Пак (представ. французского министерства), М. А. Маклакова, В. А. Маклаков, М. Н. Гирс, ген. Е. К. Миллер, адм. М. Н. Кедров, гр. П. Н. Игнатьев, ген. Н. Н. Баратов, Г. И. фон-Бах, ген. М. Н. Суворов, Е. П. Ковалевский, кап. 1 р. Дмитриев, проф. Н. Кульман, П. Н. Чебышев, Н. Н. Изнар, проф. Д. М. Одинец, Б. К. Зайцев, Н. В. Дмитриев, К. Р. Кровопусков, А. И. Филиппов, принцесса Мюрат, кн. В. К. Мещерская, графиня А. И. Шувалова, М. А. Спиридович, А. В. Романова, В. В. Неклюдова, Л. Р. Нестеровская и др.

Гостей встречали директор гимназии В. П. Недачин, М. А. Маклакова, инспектор гимназии Г. Л. Лозинский и представители педагогического персонала.

По окончании благодарственного молебствия и чина освящения здания, первое приветственное слово произнес митрополит Евлогий, отметивший огромное национальное и культурное значение средней школы в Париже, единственного очага русского просвещения в центре эмиграции.

Владыка закончил сердечным обращением к лэди Л. П. Детердинг и благословил ее иконой, поднесенной им в дар

[1]) Белогвард. газ. „Возрождение" № 1839.
[2]) Белогвард. газ. „Возрождение" № 1837.

почетной попечительнице школы. Второй образ владыка от своего имени пожертвовал русской школе для ее зала торжественных собраний.

На акте приветствия и речи произнесли М. А. Маклакова, обратившаяся на французском языке к почетной попечительнице гимназии со словами теплой благодарности, директор гимназии В. П. Недачин, начавший свою речь на французском языке и закончивший ее обращением к лэди Л. П. Детердинг — на ее родном русском языке, для сохранения и процветания которого среди нашей молодежи она и делает свое большое доброе дело.

Оратор отметил исключительно благожелательное отношение к русской школе со стороны французского правительства, его представителей проф. Лиронделя, проф. Патуайэ, проф. Омана, г. Фурно, Маркад, Легра и различных французских просветительных учреждений.

С. Г. Попич прочел отчет о работе школы за десять лет.

Затем были оглашены адреса от имени студентов-стипендиатов, сэра Генри Детердинга и представителей родительского комитета — А. М. Невядомского и А. М. Шефтеля. От имени быв. воспитанников школы говорила председательница общества окончивших школу Т. В. Гусева.

Речь сэра Генри Детердинга

С огромным вниманием была прослушана произнесенная на французском языке речь сэра Генри Детердинга.

Сэр Г. Детердинг прежде всего отметил, что его не нужно благодарить, так как он лишь исполняет свой долг. Мы все, сказал он, пользовались и пользуемся любовью своих родителей, своих близких, нас всех об'единяет наша вера. Я родился в бедной семье, сказал он, но у меня была мать и она помогла мне добиться того, что мне удалось сделать благодаря энергии, настойчивости и труду.

— Вам, — сказал сэр Детердинг, обращаясь к учащейся молодежи,—нужно надеяться на свои силы. Вы должны помнить, что вся ваша работа, вся ваша деятельность будет протекать на вашей родной русской земле. Надежды на скорое освобождение России, ныне переживающей национальное несчастье,—сказал сэр Детердинг,—крепнут и усиливаются сейчас с каждым днем. Час освобождения вашей великой родины близок...

«Освобождение России может произойти гораздо скорее, чем мы все думаем, даже через несколько месяцев».

Последние фразы сэра Детердинга произвели огромное впечатление на всех присутствующих. Его возглас «да здравствуют Франция и Россия!» был встречен бурными аплодисментами и криками ура.

Концерт и приветствия общественных организаций

После перерыва, во время которого всем присутствовавшим был предложен чай и мороженое, а членами кружка воспитанниц школы была преподнесена лэди Л. П. Детердинг художественно вышитая ими в русском стиле скатерть, начался концерт при участии гимназического хора и воспитанниц школы — учащихся в балетной студии Л. Р. Нестеровской, закончившийся чтением приветствий, полученных от французских профессоров г.г. Лиронделя и Патуайэ, Академической группы (проф. Кульман и Е. П. Ковалевский), Академического союза (Д. М. Одинец), народного университета (Н. В. Дмитриез), церковно-приходской школы (о. Я. Смирнов и г-жа В. В. Неклюдова), комитета по обеспечению студентов (К. А. Половцев и П. Е. Ковалевский), Российского центрального об'единения (М. Н. Суворов), Торгово-промышленного союза (Н. Н. Изнар), Коммерческого института, гимназии в Ницце, общежития для мальчиков в Шавиле (Н. П. Болюбаш).

Парижское педагогическое об'единение; Колледж Лафайета, Русская гимназия в Моравской Пшебове, проф. Николя, проф. Уитмор.

Многочисленные гости и родители учащихся осматривали здание и оживленно беседовали с учащимися, чувствовавшими себя весело и непринужденно.

Приложение № 7

(Приобщено к делу в вечернем заседании 4 декабря 1930 г.).

СУВОРОВСКИЕ ТОРЖЕСТВА В ПАРИЖЕ [1])

23 ноября в Париже происходило чествование памяти Суворова по случаю исполнившихся двухсот лет со дня его рождения. Программа чествования была выработана Суворовским комитетом во главе с А. А. Башмаковым. Комитет сложился по инициативе семейств, происходящих по женской линии от угасшего рода князей Суворовых.

В этот день утром были отслужены панихиды в церкви св. Александра Невского и церкви Знамения Пресвятой Божьей Матери, а вечером в Салль д'Иена состоялось торжественное заседание, посвященное памяти великого полководца.

8½ час. вечера. Эффектный зал с трудом вмещает русскую колонию Парижа. Среди присутствующих: вел. кн. Елена

[1]) Белогвард. газета „Возрождение“ от 25 ноября 1930 г.

Владимировна, вел. кн. Андрей Владимирович, князь Гавриил Константинович, митрополит Евлогий, французские офицеры в форме. Скауты с розетками цветов дома Суворовых размещают прибывающих. На эстраде за столом А. А. Башмаков, член Высшего военного совета Франции генерал Ниссель, ген. Алянчиков, ген. Баратов, ген. Богаевский, адм. Кедров, полковник Молоствов, адм. Русин. За ними на эстраде — офицеры лейбгвардии Преображенского и Семеновского полков. Еще дальше — духовой оркестр инвалидов и хор кубанских казаков. В глубине — портрет генералиссимуса Суворова и его герб, задрапированные национальными и андреевским флагами.

Председательствует генерал Ниссель в полной парадной форме, при всех орденах и с лентой Почетного легиона через плечо. В приветственном слове председатель Суворовского комитета А. А. Башмаков предлагает по русскому обычаю начать с молитвы и помянуть тех, кто погиб за родину. Все встают. Оркестр исполняет «Коль славен», а хор «Вечную память».

Первым произносит речь заслуженный профессор Николаевской военной академии генерал-лейтенант Гулевич. Его прекрасная речь «Суворов — российской армии Победоносец» посвящена выяснению личности великого полководца. Указав на духовную связь Суворова по семейным традициям с Петром Великим, на впечатления его детства, на рано проявившееся у него призвание сделаться военным героем и на то значение, которое имела 8-летняя его служба в солдатском звании, когда он духом и жизнью сроднился с русским солдатом, оратор перешел к характеристике его системы военного воспитания и обучения и к краткому изложению фактической стороны его боевой деятельности. В заключение дана общая характеристика великого русского военного гения.

Речь генерала Гулевича покрывается шумными аплодисментами. Оркестр исполняет «Преображенский марш».

Следующий оратор — бывший командующий русскими войсками во Франции, генерал-лейтенант Лохвицкий. В своей речи «Суворовская школа» он талантливо обрисовал личность Суворова, который прежде всего был русским человеком и русским полководцем. Будучи образцом человека и воина, сильного верой в Бога, преданностью царю и любовью к родине, он в этом духе воспитывал и солдата. В этом отношении петровское и суворовское «регулярство» не было похоже на западное. Суворовский солдат не был похож ни на наемника Конрада Валленштейна, мечтающего о военной добыче, ни на солдата-автомата Фридриха Великого. Суворов требовал от своих чудо-богатырей разумного исполнения приказания начальника и понимания маневра. Его солдат, имея веру в начальника и доверие к нему, прощал потери и лишения, необходимые для победы. Суворовские заветы обязывают ко многому, — к вере, верности государю и родине. Они должны быть положены в основу и нашу, когда от нас потребуется воля к победе.

Звуки «Семеновского марша» покрывают аплодисменты после прочувствованной речи генерала Лохвицкого.

Ярким выразителем неугасаемых суворовских чувств и традиций был А. А. Башмаков, один из потомков Суворова во II колене. В прекрасной речи «Суворовские заветы», сначала на русском, а затем на французском языках, докладчик отмечает, что ему, гражданскому деятелю, не случайно выпала честь говорить о великом полководце. Отсутствие в русской гражданственности тех суворовских заветов, которыми была всегда сильна армия, повлекло катастрофу нашей родины. Об этом недочете гражданского быта, лишенного своих жизненных и оборонительных сил, может говорить лишь гражданское лицо. Заветы Суворова, этого поэта бранного поля, одаренного вещим угадыванием правды государственной, сводились к формуле «за веру, царя и отечество». Вера явилась на Руси прежде всего. На почве православной веры выросло представление о царе земли русской. Третий элемент суворовской формулы — отечество — не успел окрепнуть в сознании русского народа к моменту русской смуты. «Внуки суворовских «чудо-богатырей», доехав до застав неразгаданных, заблудились в степи, да и разошлись по путям несхожим». Лишь усвоение суворовских заветов во всех областях нашей государственности может спасти нашу родину, — только на путях великого Суворова воскреснет Россия.

Речь А. А. Башмакова была покрыта шумными, несмолкаемыми аплодисментами, вслед за которыми оркестр и хор исполнили русский национальный гимн. Последним на этом собрании говорил генерал Ниссель, испытанный друг русских. В своей речи «Суворов и Франция» он талантливо обрисовал первые боевые столкновения России и Франции в итальянскую и швейцарскую кампании Суворова. Но эти страницы военной истории, овеянные доблестью русских войск, были залогом франко-русских симпатий. Это чувство взаимного уважения окрепло во время наполеоновских войн, а в Севастопольскую кампанию перешло в симпатию. Великая война, наконец, навеки закрепила дружбу двух народов, французского и русского. Франция никогда не забудет услуги России, пожертвовавшей своими корпусами в Восточной Пруссии для спасения французской армии на Марне. Затем оратор переходит к подробному изложению военных операций Суворова в Италии и Швейцарии, увенчавших престарелого полководца мировыми

лаврами. В заключение генерал Ниссель на русском языке предлагает почтить героя русским «ура».

Громкое ура, аплодисменты, оркестр играет Марсельезу. Французскому генералу устраивают шумные овации, слышатся крики «вив ля Франс»!

В конце собрания по просьбе присутствующих оркестр исполняет национальный гимн.

Так русская парижская колония отметила день памяти одного из величайших полководцев всех времен и всех народов.

Вл. А. К.

Приложение № 8.

(Приобщено к делу в вечернем заседании 3 декабря 1930 г.).

ИТОГИ ДВУХ ЛЕТ ПЯТИЛЕТКИ [1]

(Сообщение, данное заместителем председателя Совнаркома СССР и председателем Госплана СССР тов. В. В. Куйбышевым американскому телеграфному агентству «Ассошиэйтед пресс»)

К 1 октября закончен второй год пятилетки, — той самой пятилетки, которая взволновала умы всего мира, по поводу которой на страницах прессы всего мира велась и ведется до сих пор ожесточеннейшая дискуссия.

Кто не помнит утверждений, выдвигавшихся крупнейшими буржуазными экономистами и политиками, что проектировки пятилетнего плана нереальны, утопичны, фантастичны. Кто не помнит заявлений, что проектировки пятилетнего плана — очередной большевистский бред. До сих пор раздаются крики о провале пятилетки, о срыве широко задуманного плана реконструкции народного хозяйства Советского Союза.

Истекшие два года действия пятилетнего плана дают достаточно материала как для проверки реальности проектировок пятилетнего плана, так и для проверки основательности тех возражений и сомнений, которые этот план вызвал со стороны представителей буржуазно-экономической мысли.

Два истекших года выявили перевыполнение заданий пятилетки на важнейших участках народного хозяйства. По планируемой промышленности для 2 лет вместе пятилетка предполагала продукцию в неизменных ценах в размере 29.338 млн. руб., а оказалось фактически 30.456 млн. руб. Особенно значительно перевыполнение пятилетки за 2 года в области продукции тяжелой индустрии. Вместо задания пятилетки на эти два года — 12.476 млн. руб. выполнено 13.764 млн. руб. продукции. По отдельным отраслям тяжелой индустрии перевыполнение пятилетки за 2 года вместе составило: по нефти предполагалось пятилеткой 28 млн. тонн, оказалось 30,6 млн. тонн, по стали — 9,9 млн. тонн по пятилетке и 10,2 фактически, по прокату предполагалось по пятилетке 7,6 млн. тонн, оказалось фактически 8,3 млн. тонн, по электротехнике предполагалась пятилеткой продукция в размере 588 млн. руб., а оказалось 781 млн. руб., по сельскохозяйственному машиностроению предполагалось по пятилетке 472 млн. руб. продукции, а фактически оказалось 515 млн. руб. Перевыполнение за два года имело место также по общему машиностроению.

Хотя уже в первом году пятилетка оказалась перевыполненной, но особенно значительны были успехи социалистической промышленности во 2-м году пятилетки: прирост валовой продукции за 1929—30 г. составил 25 проц., превысив проектировки пятилетнего плана на 5 проц. При этом, что необходимо особо подчеркнуть, прирост продукции по отраслям, производящим средства производства, составил в истекшем году 40 проц. и тем самым превысил проектировку пятилетнего плана на этот год на 16 проц. По важнейшим отраслям промышленности соотношения выполнения с намеченным пятилетним планом представляются в таком виде: добыча нефти превзошла задание пятилетнего плана на 1929—30 г. на 17,1 проц.; выплавка стали превысила пятилетку на 6,7 проц., а прокат — на 12 проц.; продукция металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности превысила проектировки пятилетнего плана на 1929—30 г. на 26,3 проц.; продукция электротехнической промышленности превысила проектировки пятилетнего плана на 39 проц. и т. д. Короче говоря, по важнейшим отраслям промышленности мы идем со значительным превышением проектировок пятилетнего плана.

Более сдержанные темпы роста мы имеем по отраслям легкой индустрии, где лимитирующим началом являлось с.-х. сырье. Подтягивание отечественной сырьевой базы дает возможность в предстоящем году значительно превзойти проектировки пятилетки и в области легкой индустрии (пищевая промышленность, хлопчатобумажная промышленность и т. д.).

[1] „Известия" ЦИК СССР и ВЦИК № 333 от 4 декабря 1930 г.

В результате в целом по промышленности при перевыполнении проектировок пятилетнего плана довоенный уровень промышленного производства был превышен вдвое.

Значительно выше проектировок пятилетнего плана шло и выполнение строительной программы промышленности. В частности по промышленности, планируемой Высшим советом народного хозяйства, строительная программа была выполнена за 2 года пятилетки в размере 4.605 млн. руб. вместо 3.990 млн. рублей, намеченных пятилетним планом. Если выполнение строительной программы в первом году пятилетки шло в основном на уровне пятилетки, незначительно превышая ее, то во 2-м году, т.-е. в 1929—30 г., задание пятилетки оказалось резко перевыполненным: вместо 2.331 млн. руб. по пятилетке на этот год фактически выполнение строительной программы промышленности составило 2.965 млн. руб., т.-е. на 27 проц. больше, чем по пятилетке.

Столь значительное превышение плана фабрично-заводского строительства, намеченного пятилеткой, обеспечивает и дальнейшее ускорение темпов промышленного развития и делает безусловно реальным выполнение лозунга «Пятилетка — в 4 года», а по целому ряду важнейших отраслей промышленности — в 3—3½ года (уголь, машиностроение, нефть и т. д.).

Весьма значительными оказались наши успехи и в области сельского хозяйства. Посевные площади возросли со 118 млн. га в 1928—29 г. до 127,7 млн. га в 1929—30 г. По культурам интенсивным посевные площади оказались значительно выше проектировок пятилетки: по сахарной свекле на 11,1 проц., по хлопку — на 23 проц. и т. д. Улучшенная обработка земли, особенно в колхозах и совхозах, и в связи с этим рост урожайности повели к тому, что валовой сбор зерновых хлебов в 1930 г. составил 86,5 млн. тонн против 71,7 млн. тонн в 1929 г., или увеличение на 20,6 проц., а товарная продукция зерновых культур оказалась на 32,6% выше проектировок пятилетнего плана. Таким образом зерновая проблема оказалась в основном разрешенной.

Крупнейшие успехи здесь — прямой результат крупнейших успехов, достигнутых в области колхозного и совхозного строительства.

Если взять все крестьянские хозяйства (зерновое, технич. культуры, животноводство, рыбная ловля, лес, охота и т. д.), то на 1 октября 1930 г. в коллективные хозяйства было вовлечено свыше $^1/_5$ всех крестьянских хозяйств (21,5 проц.). Свыше 5 млн. крестьянских хозяйств отказались от индивидуальных форм хозяйства и перешли к коллективным формам, убедившись на практике в преимуществе этих новых форм хозяйства. Колхозами в истекшем году засеяно 36 млн. га вместо 20,6 млн. га, запроектированных пятилетним планом к концу пятилетки. При этом решающим моментом является то, что уровень коллективизации в основных производящих зерновых районах (Сев. Кавказ, Нижнее Поволжье, Ср. Поволжье и Украина) достиг на тот же срок 43,8 проц. А если прибавить к этому рост советских государственных зерновых хозяйств (совхозы), посевная площадь которых составляет более 6 млн. гектаров, то обобществленный сектор приобретает еще более значительный удельный вес.

Благодаря этому уже в текущем году доля обобществленного сектора (колхозы и совхозы) в товарной зерновой продукции составляет свыше 50 проц. против 43 проц., предполагавшихся на последний год пятилетки.

На ряду с этим имел место значительный рост обобществления скота, как рабочего, так и продуктивного. Удельный вес обобществленного сектора в 1928 г. составил: по рабочим лошадям—0,9 проц., в 1929 г.—1,8 проц., а в 1930 г.—18 проц., по коровам соответственно по тем же годам 0,4, 0,9 и 7,3. Именно второй год пятилетки выявил резкий рост обобществленного сектора в области скота, что на ряду с организацией крупных животноводческих совхозов (молочный скот, свиноводство, овцеводство и т. д.) ставит на рельсы и проблему животноводства.

Животноводческая проблема будет разрешена на тех же путях, что и зерновая проблема, и притом в кратчайший срок (год—два).

В росте колхозного строительства нашла свое блестящее подтверждение правильность той политики, которую вел и ведет СССР в отношении крестьянства. Ликвидируя кулачество как класс, опираясь на колхозников—эту прочную опору советской власти в деревне,—советское государство твердо и уверенно ведет индивидуальное бедняцко-середняцкое крестьянское хозяйство к социалистическим формам земледелия. И здесь крупнейшую роль играют проводимое повышение и реконструкция технической базы сельского хозяйства. Стоимость действующих сельскохозяйственных машин возросла за год с 1.400 млн. руб. до 1.700 млн. рублей. Тракторный парк достиг 1.022 тыс. лош. сил против 560 тыс. лош. сил, намеченных пятилеткой.

Бурный рост промышленности и сельского хозяйства пред'явил и повышенные требования к работе транспорта и в особенности железнодорожного транспорта. По пятилетке железнодорожный транспорт должен был выполнить за 2 первых года пятилетки перевозку грузов в размере 350,9 млн. тонн, а фактически оказалось перевезенным 409,2 млн. тонн. Пятилетка оказалась превышенной за 2 года также и в отношении пассажирского

движения: по пятилетке предполагалось осуществить 51,5 млрд. пассажиро-километров, оказалось фактически 77,1 млрд.

Уже в первом году пятилетки задание ее было железнодорожным транспортом перевыполнено. Однако дальнейшее нарастание темпов вызвало особо значительное перевыполнение транспортом пятилетнего задания во втором году пятилетки, т.-е. в 1929—30 г. Грузооборот железнодорожного транспорта достиг в 1929—30 г. 233,5 млн. тонн, превысив больше чем на 1/3 предшествующий год и на 25,6 проц. проектировки пятилетнего плана для 2-го года. Аналогичные результаты дало и пассажирское движение: за год было перевезено 508,5 млн. чел. с пробегом 47,4 млрд. пассажиро-километров, в то время как пятилетним планом намечалось на последний год пятилетки 155 млн. пассажиров с пробегом в 35,4 млрд. пассажиро-километров. Задания пятилетки на 1929—30 г. по пассажиро-километрам перевыполнены на 86,6 проц. И здесь, в транспорте, как и в промышленности и во всем народном хозяйстве, строительная программа осуществляется в большем размере, чем это предполагалось пятилетним планом. Не приходится сомневаться, что выполнение этой расширенной по сравнению с пятилеткой строительной программы народного хозяйства позволит расширить участие в этой работе промышленности и всего хозяйства Европы и Америки.

Все эти крупнейшие достижения в деле выполнения задания пятилетнего плана, являясь результатом величайшей активности и трудового энтузиазма широчайших масс трудящихся, и в первую очередь рабочего класса, позволили сделать дальнейший серьезный шаг в деле улучшения материально-культурного положения трудящихся.

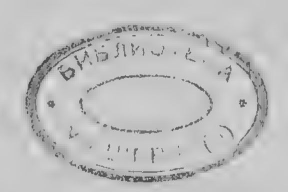
Это улучшение положения трудящихся нашло свое выражение прежде всего в росте численности людей наемного труда. Общее число трудящихся, работающих по найму, достигло в 1929—1930 г. 13.684 тыс. чел. вместо 12.793 т. чел., запроектированных для этого года пятилетним планом. В результате уже к концу второго года пятилетки проблема безработицы оказалась окончательно снятой с порядка дня, т. к. безработицы в СССР не существует больше, между тем как пятилетка предполагала безработицу еще на конец пятилетки в 400 тыс. чел. И мы вплотную стали перед задачей ускоренного воспроизводства квалифицированной рабочей силы, потребность в которой и недостаток которой так остро ощущает быстро индустриализирующаяся страна.

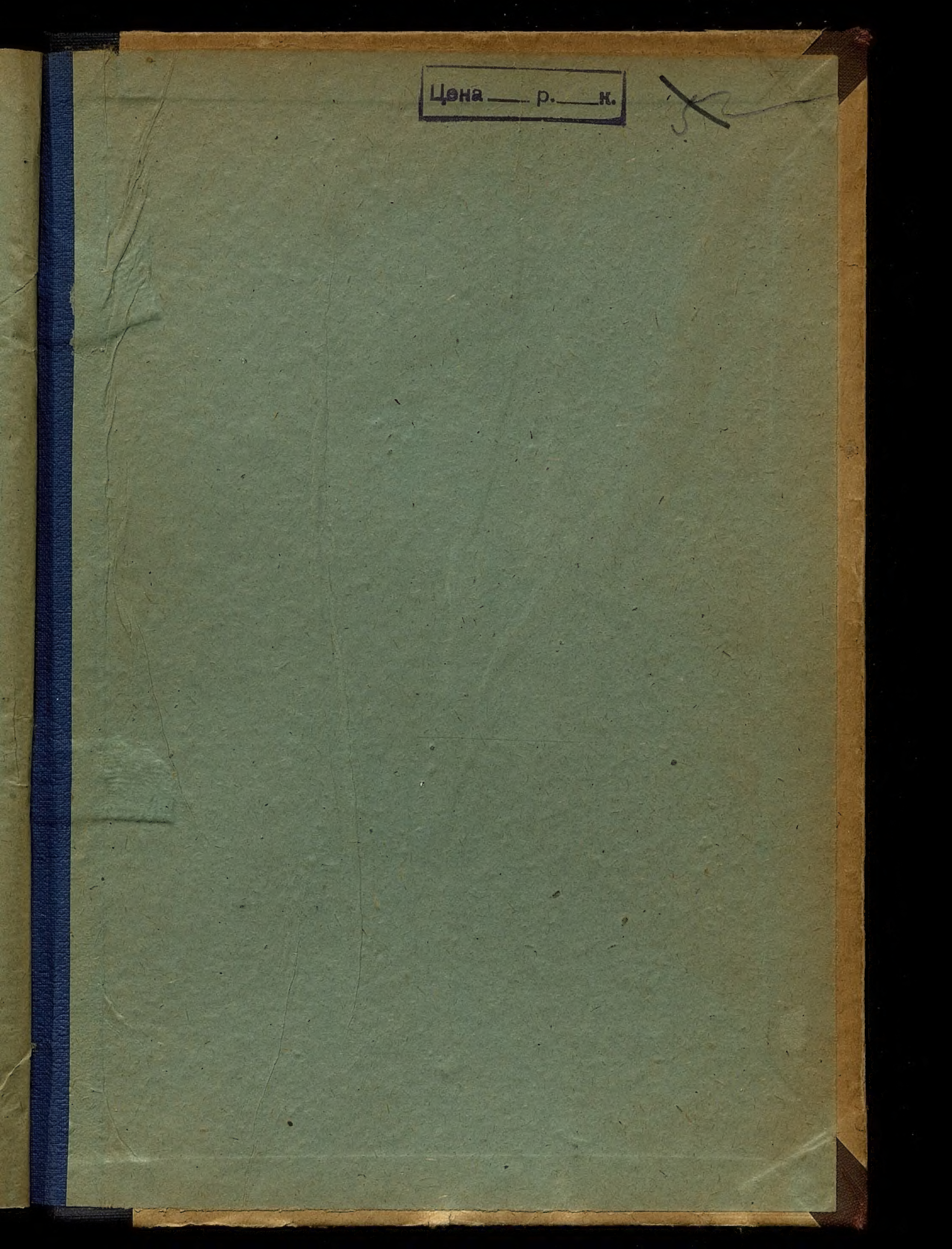
Улучшение положения трудящихся нашло свое выражение и в дальнейшем росте числа рабочих, переведенных на 7-часовой рабочий день. Если к началу 2-го года пятилетки было переведено 19,1 проц. всего рабочего состава, то 1 октября 1930 г., т.-е. к концу 2-го года пятилетки, общее количество фабрично-заводских рабочих, переведенных на 7-часовой рабочий день, достигло 43,5 проц. общего числа рабочих, превысив на 3,5 проц. задание пятилетнего плана. Это обеспечивает проведение 7-часового рабочего дня в остальных предприятиях в более короткий срок, чем предусмотрено пятилеткой. Это общее улучшение положения трудящихся сопровождалось дальнейшим ростом заработной платы. Заработная плата за два года пятилетки возросла в среднем на одного рабочего на 12,1 проц. Таким образом все ускоряющийся темп роста народного хозяйства, систематическое повышение в народном хозяйстве удельного веса его социалистического сектора, уже доминирующего в народном хозяйстве, полностью обеспечивают выполнение лозунга миллионных масс трудящихся «Пятилетка — в четыре года» и ведут из года в год к систематическому улучшению материального и культурного уровня жизни рабочего класса и крестьянства.

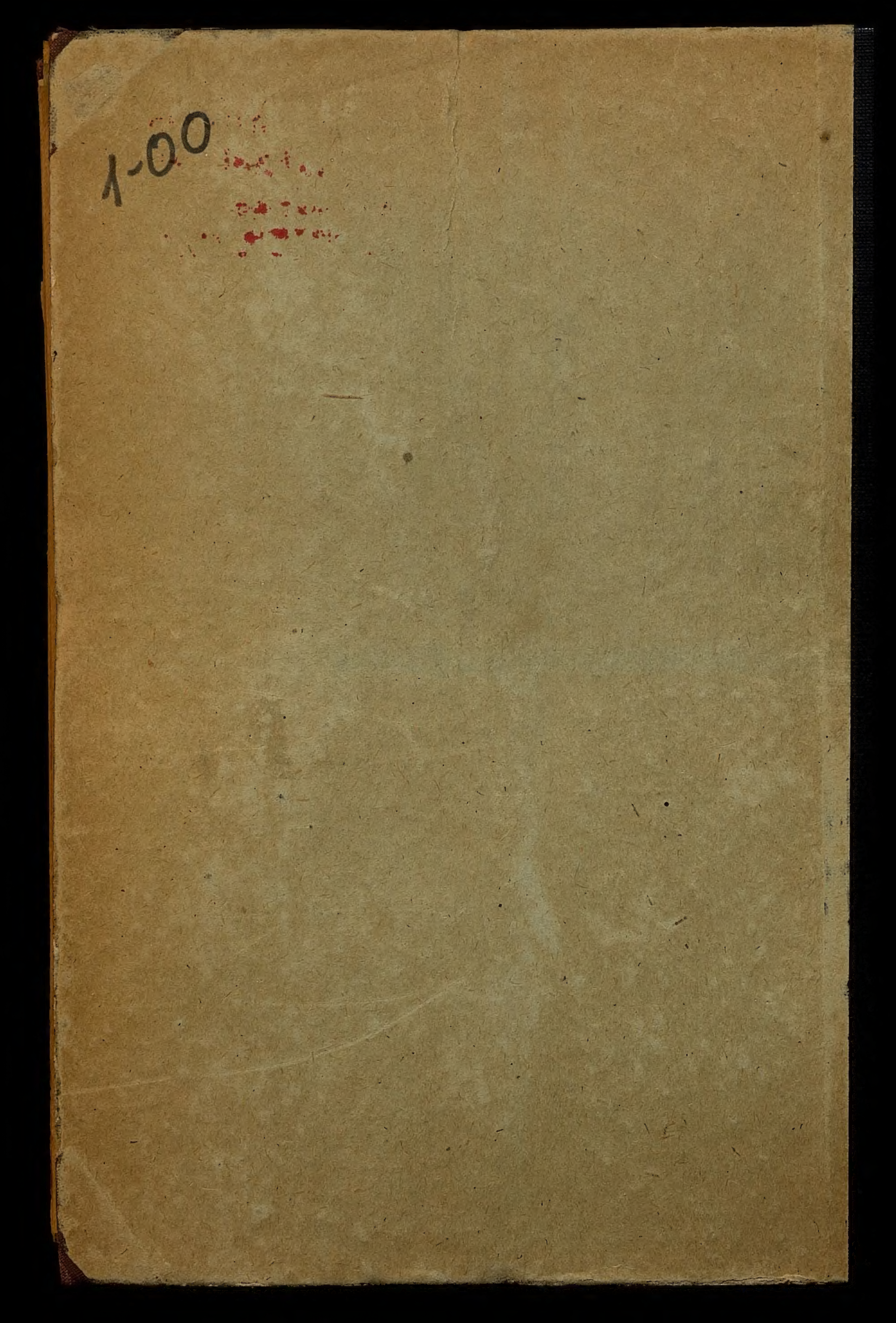
Вопреки всем предсказаниям и пророчествам враждебных нашей стране экономистов и политиков, вопреки вредительству озлобленных осколков старого строя пятилетний план выполняется и будет выполнен. При этом пятилетний план будет выполнен не в пять лет, а в четыре года. Вопрос о выполнении пятилетки в срок, т.-е. в пять лет, для нас уже не составляет задачи, ибо она, эта задача, уже превзойдена, как видно из приведенных данных. Задача состоит в том, чтобы выполнить пятилетку раньше срока, т.-е. в четыре года. Приведенные данные показывают, что мы эту задачу уже выполняем.

Однако нас не вполне удовлетворяют взятые нами темпы роста, ни качество нашей работы. Этим об'ясняется то обстоятельство, что мы сами себя жестоко критикуем. Те, кто на основе этой критики делают выводы о крахе пятилетки, ставят себя, как видите, в смешное положение.

СОДЕРЖАНИЕ

Цена ___ р. ___ к.

1-00